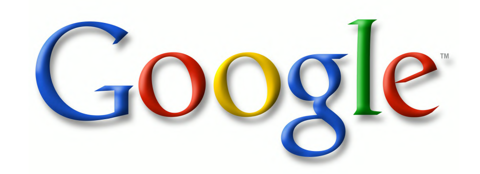

СЕМЕЙСТВО

РАЗУМОВСКИХЪ

А. А. Васильчикова.

Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слышать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.
Пушкинъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Свѣтлѣйшій князь Андрей Кириловичъ.

ЧАСТЬ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1887

[1851]

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ТОМА.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

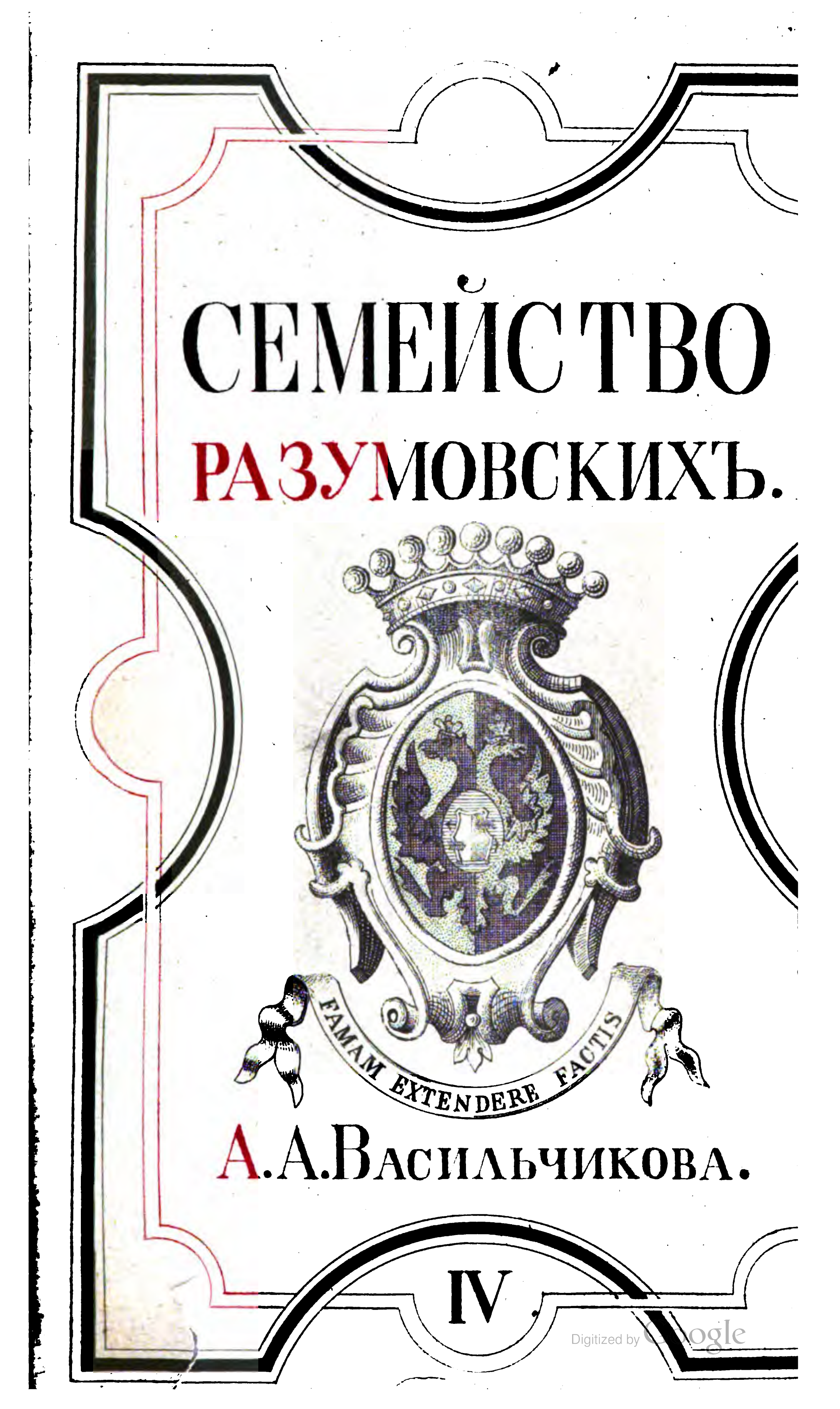
ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

ГЛАВА XIV.

СЕМЕЙСТВО
РАЗУМОВСКИХЪ.
FAMAM EXTENDERE FACTIS
А. А. Васильчикова.
IV
Digitized by Google

ГЛАВА I.

Планъ общаго замиренія.—Миссія Новосильцова въ Лондонъ.— Исходъ ея. — Соглашеніе съ Англіею. — Безпокойство Австріи относительно Италіи.—Болѣзнь Разумовскаго.—Новое посредничество Россіи и новая миссія Новосильцева. — Австрія приступаетъ къ соглашенію.—Винцингеродъ въ Вѣнѣ.

Мы уже упомянули въ III томѣ труда нашего, что въ Лондонъ отправленъ былъ Н. Н. Новосильцовъ. Онъ велъ тамъ дѣятельные переговоры съ англійскимъ министерствомъ. Новосильцовъ былъ, какъ мы знаемъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ къ Императору Александру Павловичу людей, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ своего Государя и еще недавно трудившійся, вмѣстѣ съ Кочубеемъ, Строгановымъ и Чарторижскимъ, надъ проектами внутреннихъ реформъ, которымъ были исключительно посвящены первые годы новаго царствованія. О внѣшней политикѣ въ то время не думали вовсе. Золотыя, но непригодныя для Россіи, мечты царскихъ сотрудниковъ не выдержали мѣткой критики екатерининскихъ сподвижниковъ и веселыхъ насмѣшекъ петербургскаго общества. Незнакомые съ родиною молодые преобразователи не знали какъ приложить на практикѣ звонкіе свои проекты, а призываемые на помощь дѣльцы стараго времени отказывались отъ непонятнаго для нихъ дѣла. Они, не безъ нѣкотораго злорадства, указывали на непрактичность и непригодность всего того, что съ такимъ увлеченіемъ придумывалъ молодой Государь и любимые имъ совѣтники. Александръ Павловичъ сталъ терять вѣру въ осуществимость тѣхъ вольнолюбивыхъ мечтаній, которыя такъ долго лелѣялъ въ сердцѣ своемъ. Россія очевидно не понимала его благихъ намѣреній. Вмѣсто благодарности до Государя долетали только обидный смѣхъ и ѣдкая критика. Съ тяжелымъ сердцемъ отказался молодой Императоръ отъ любимыхъ занятій съ друзьями юности; онъ убѣдился, что Россія не доросла еще до задуманныхъ имъ реформъ.

Пылкое его воображеніе жаждало, однако, дѣятельности. Вниманіе Государя, утомленное картиною внутреннихъ неурядицъ, которыя онъ, такъ усердно и такъ неудачно, старался искоренить, невольно стало обращаться къ западу, откуда давно уже долетали до него мольбы о помощи. Тамъ царствовало общее смятеніе. Старый европейскій строй былъ расшатанъ, всѣ державы трепетали передъ Франціею, могущество которой съ каждымъ днемъ увеличивалось. Со времени вопроса о вознагражденіяхъ въ Германіи, когда Бонапартъ такъ зло подшутилъ надъ медіаторствомъ Императора Александра, внѣшняя политика снова вошла въ моду при русскомъ дворѣ. Мы упомянули о томъ, какъ пріятно пораженъ былъ Разумовскій перемѣною во взглядахъ и образѣ мыслей правительства, когда онъ посѣтилъ Петербургъ послѣ кончины отца своего. Съ тѣхъ поръ Государь еще болѣе углубился въ изученіе политическаго положенія Европы. Онъ убѣдился въ томъ, что старые европейскіе порядки стали уже непригодными, что ненасытимое честолюбіе Бонапарта грозитъ Европѣ окончательнымъ порабощеніемъ, что германскія державы умѣютъ только ревновать другъ къ другу, что онѣ думаютъ не о дружномъ отпорѣ угрожающему единовластію Франціи, а о томъ какъ бы поживиться на счетъ слабыхъ сосѣдей; что Англія наконецъ пользовалась общею смутою, чтобы водворить окончательно могущество свое на моряхъ. Чѣмъ болѣе вдумывался во все это Александръ I, тѣмъ сильнѣе втягивало его въ водоворотъ внѣшней политики. Онъ пришелъ наконецъ къ заключенію, что, для возстановленія общаго мира и равновѣсія, необходимы радикальныя реформы; надо было установить полную независимость слабыхъ державъ и независимость эту слѣдовало оградить строгими законами. Для водворенія спокойствія нужно было новое международное право, охрана котораго должна была сосредоточиться въ рукахъ обще-европейской конфедераціи. Русскій Императоръ не допускалъ мысли о реакціи; вѣрный правиламъ своего наставника Лагарпа, онъ продолжалъ лелѣять, среди залъ зимняго дворца, любимыя мечты о свободѣ. Онъ сознавалъ, что сила Франціи состояла не въ одномъ только геніѣ ея счастливаго повелителя, но еще въ магическомъ дѣйствіи тѣхъ идей, которыя онъ умѣлъ ловко пускать впередъ. Никто удачнѣе Наполеона не пользовался свѣтлыми сторонами французской революціи, и такъ ловко, съ ихъ помощью, не вліялъ на народное воображеніе. Большинство порабощенныхъ Франціею народовъ твердо вѣрило, что для нихъ загорѣлась ясная заря свободы и благополучія и несомнѣнно для многихъ, порабощеніе это стало во благо. Могущественное орудіе это Государю хотѣлось исторгнуть изъ рукъ Наполеона и передать соединенной Европѣ, которой слѣдовало, по его мнѣнію, взять на себя и утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ

дѣло народной свободы и равноправности. Одна только Россія, по убѣжденію Александра Павловича, могла принять почипъ этого великаго и благого дѣла. Въ то время, какъ каждая изъ европейскихъ державъ преслѣдовала свои отдѣльныя цѣли и выгоды, Россія одна, какъ казалось Государю, ни въ чемъ не нуждалась и могла оставаться вполнѣ безкорыстною. Въ уединеніи своего кабинета, русскій Императоръ, уже вполнѣ отрѣшившійся отъ внутреннихъ реформъ, все болѣе и болѣе отдалялся отъ дѣйствительности. Задача, которою онъ былъ занятъ, становилась общечеловѣческою и принимала совершенно отвлеченный характеръ. Идеальное его воображеніе парило въ абстрактности. Жгучіе вопросы дня блѣднѣли передъ огромностію той цѣли, къ которой стремился Государь. Онъ забывалъ даже личныя обиды Бонапарта, онъ мечталъ только о водвореніи общей правды, а при этомъ приходилось сводить разсчеты не съ одною Франціею. И Англія, и Австрія и Пруссія повинны были въ угнетеніи слабыхъ. Плодомъ живой фантазіи увлекавшагося Государя явился огромный проектъ общаго медіаторскаго союза, который долженъ былъ обновить Европу и установить на вѣчныя времена миръ и благоденствіе. Проектъ этотъ все обнималъ, все затрогивалъ и, какъ всегда бываетъ съ слишкомъ запутанными и трудными задачами, ничего не разрѣшалъ. Въ немъ встрѣчались высокія и благородныя мысли, подъчасъ блестящія и мѣткія соображенія, но все это исчезало въ мірѣ утопій. Весь проектъ состоялъ изъ явныхъ противорѣчій. Подмога европейскихъ державъ требовалась ради уничтоженія ихъ же собственныхъ выгодъ. Правда, на первомъ планѣ стоялъ общій союзъ противъ Франціи, но рядомъ съ этимъ отъ Англіи требовалась сдача Мальты, возвращеніе захваченныхъ колоній и отреченіе отъ владычества на моряхъ. Кореннымъ принципомъ признавалась ненавистная и Австріи и Пруссіи равноправность второстепенныхъ державъ, а окончательное устройство Европы поручалось верховному европейскому конгрессу, котораго всѣ заранѣе боялись и которому никто не довѣрялъ. Прежде всего, какъ мы уже сказали, надо было дѣйствовать противъ Франціи. Ей слѣдовало предложить сперва умѣренныя условія, основанныя на Амьенскомъ и Люневильскомъ трактатахъ. Отъ нея предполагалось требовать очищенія Италіи, Голландіи и Швейцаріи, ей должны были возвратиться колоніи, остальныя ея пріобрѣтенія оставались за нею и Наполеонъ признавался императоромъ. Въ случаѣ отказа предстояла война. Для этого предполагалось образовать огромныя арміи: на югѣ Италіи, на сѣверѣ Германіи и на берегахъ Рейна. Въ то время какъ Англія должна была выставить силы на морѣ и на югѣ Италіи, Австрія на Рейнѣ и въ бывшихъ венеціанскихъ областяхъ, а Пруссія только на сѣверѣ Германіи, Россія обя-

зывалась дѣйствовать разомъ на всѣхъ трехъ пунктахъ и притомъ еще на морѣ. Въ планѣ Александра Павловича предвидѣлись болѣе или менѣе счастливыя случайности войны. Чѣмъ полнѣе былъ бы успѣхъ соединенныхъ европейскихъ силъ, тѣмъ тяжелѣе должны были лечь на Францію налагаемыя условія. Въ принципѣ принималось, однако, не доводить ее до крайности и признать заранѣе всѣ происшедшія со времени революціи перемѣны. Самимъ французамъ предоставлялось выбрать себѣ образъ правленія, безъ вмѣшательства иностранныхъ державъ. Съ цѣлью оградить на будущія времена Европу отъ покушеній со стороны Франціи и чтобы вполнѣ упрочить общее равновѣсіе, предполагалось создать два новыхъ государства: королевство обѣихъ Бельгій, подъ скипетромъ Оранскаго дома и подальпійскую монархію, назначенную Савойской династіи. Пруссія и Австрія должны были выступить изъ германской конфедераціи, куда, наоборотъ, включалось новое королевство Бельгійское и Швейцарія, усиленная Савойею. Предсѣдательство въ конфедераціи должны были поочередно принимать на себя главныя державы ее составлявшія. Изъ Италіи образовывалась тоже конфедерація, руководство которой предоставлялось королямъ подальпійскому и неаполитанскому. Австрія должна была получить румынскія княжества. Изъ Египта предполагалось составить королевство для Бонапартовъ, въ случаѣ если бы французами были призваны обратно Бурбоны, или же, наоборотъ, для послѣднихъ, буде Наполеонъ остался бы императоромъ. Турецкую имперію, за исключеніемъ Молдаво-Валахіи и Египта, предполагалось до времени оставить въ прежнемъ ея составѣ. Новосильцову однако поручено было словесно объясниться съ англійскими министрами о томъ, что пора бы положить конецъ мусульманскому владычеству и что завладѣніе Царяграда Россіею не могло представить опасности для англійскихъ интересовъ. Для Россіи собственно ничего не выговаривалось, но сдѣланъ былъ намекъ, что граница ея со стороны Пруссіи слаба и неудовлетворительна. Для исправленія границы этой предполагалось возстановить старую Польшу подъ скипетромъ русскаго Императора. Дѣло это было сопряжено съ большими затрудненіями, однако, такъ какъ на содѣйствіе Пруссіи разсчитывать было почти невозможно, то предлагалось, въ случаѣ если она закоснѣетъ въ бездѣйствіи, отнять у нея варшавское герцогство съ землями по Вислѣ и, соединивъ ихъ съ доставшимися Россіи областями рѣчи посполитой, образовать новую Польшу, нѣсколько противъ прежняго уменьшенную, королемъ которой сталъ бы Александръ I. Наконецъ Государь предлагалъ обратиться ко всѣмъ извѣстнымъ европейскимъ спеціалистамъ съ порученіемъ выработать новое международное право, которое могло бы на вѣки оградить образованный міръ отъ всякаго

подобія войны. Стремленіемъ къ этому недосягаемому идеалу заключался объемистый и фантастическій проектъ, надъ которымъ не мало потрудились и самъ Александръ Павловичъ, и Чарторижскій и Новосильцовъ, при негласной подмогѣ извѣстнаго въ лѣтописяхъ польскихъ смутъ аббата Піатоли и знакомаго намъ, по второму тому настоящаго труда, сардинскаго министра въ Петербургѣ графа Іосифа де-Местра.

Съ этимъ проектомъ отправился Новосильцовъ въ Лондонъ. Его ожидалъ тамъ самый радушный пріемъ. Знаменитый Питтъ охотно бесѣдовалъ съ молодымъ дипломатомъ и съ глубокимъ вниманіемъ выслушалъ объемистый русскій проектъ. Онъ ничего не отвергалъ, но все откладывалъ до заключенія общаго мира. Онъ съ жаромъ говорилъ о безкорыстіи, которое должно было руководить предпріятіями союзниковъ, но на-отрѣзъ, хотя весьма учтиво, отказалъ во всякихъ со стороны Англіи уступкахъ. Онъ съ особеннымъ интересомъ распространялся относительно мѣръ, которыя имѣлись въ виду противъ Франціи, щедро расточалъ похвалы благороднымъ стремленіямъ Александра, но твердо стоялъ на практической почвѣ, требуя немедленнаго и дружнаго напора на Францію. Мало-по-малу всѣ филантропическія стороны проекта были отложены въ долгій ящикъ, общечеловѣческій его характеръ исчезъ и обширный вопросъ о всемірномъ замиреніи все болѣе и болѣе съуживался въ простую коалицію противъ Франціи. Англія отказывалась отъ подмоги людьми, за то она не скупилась на богатую свою казну. Условившись относительно денежной подмоги, Новосильцовъ вернулся въ Петербургъ съ проектомъ, который въ Англіи утратилъ всѣ поэтическія свои стороны. За нимъ вслѣдъ отправленъ былъ лордъ Льюсонъ Гоуеръ [1]) съ полномочіями для окончательнаго соглашенія и подписанія конвенціи. Оставалось теперь только готовиться къ войнѣ и сильнѣе прежняго понукать къ дѣятельности сосѣднія державы.

Едва ли графъ Андрей Кириловичъ зналъ про существованіе петербургскаго проекта. Въ Россіи его убѣжденія были извѣстны. Онъ былъ реакціонеръ въ душѣ, возвращеніе Бурбоновъ было любимою его мечтою. Французскую революцію онъ ненавидѣлъ и ей одной приписывалъ всѣ бѣдствія Европы. Мысли о народной свободѣ, о вѣчномъ мирѣ—онъ считалъ пустыми и притомъ опасными бреднями. Его совѣта поэтому не спрашивали, а только приказывали сильнѣе прежняго дѣйствовать на австрійское министерство.

Въ Вѣнѣ опасенія относительно Италіи усиливались. Вице-канцлеръ, по мѣрѣ того, какъ приходили извѣстія съ юга и изъ Парижа,

[1]) Впослѣдствіи первый графъ Гренвиль.

видимо становился храбрѣе. Рѣшено было въ совѣтѣ римскаго императора сосредоточить военныя силы въ бывшихъ венеціанскихъ областяхъ. Объ этомъ рѣшеніи подъ строжайшимъ секретомъ сообщено было Разумовскому. Извѣстіе сильно порадовало посла. Онъ изъявилъ Кобенцелю полное свое одобреніе и сообщилъ ему, что по его убѣжденію, этотъ рѣшительный шагъ долженъ былъ имѣть самыя благопріятныя для Австріи послѣдствія.

Воображенію графа Андрея Кириловича представлялась уже возможность, благодаря собраннымъ заранѣе силамъ, захватить главные стратегическіе пункты сѣверной Италіи при самомъ объявленіи войны, и тѣмъ предупредить внезапный натискъ французовъ. Но Кобенцель поспѣшилъ заявить, что бывшія венеціанскія владѣнія придется сейчасъ очистить, за исключеніемъ развѣ Венеціи, съ цѣлью укрѣпиться за Эчью и защитить Тироль. Эти слова, къ ужасу Разумовскаго, ясно обличали, что австрійское правительство придерживалось своей старой непригодной системы. Оборонительныя позиціи не мало уже принесли несчастія монархіи. Посолъ сталъ доказывать вице-канцлеру всю непрактичность подобнаго плана, предсказывая, что съ двумя оборонительными позиціями на Рейнѣ и на Эчи, Австрія подастъ случай Наполеону быть дважды побѣдителемъ. Исторія всѣхъ вашихъ войнъ, добавилъ Андрей Кириловичъ, служитъ неоспоримымъ тому доказательствомъ. Но краснорѣчіе Разумовскаго ни къ чему не послужило. Графъ Кобенцель съ притворною скромностью отвѣчалъ: что онъ человѣкъ не военный и что система принятая дворомъ его есть плодъ глубокихъ соображеній самыхъ знаменитыхъ генераловъ австрійской арміи [1]).

Требованія вѣнскаго двора относительно денежной помощи, которую Россія обѣщалась доставить ему отъ Англіи, не имѣли границъ. Лордъ Льюсонъ Гоуеръ находилъ притязанія Австріи непомѣрными. Съ трудомъ могъ успокоить его Чарторижскій, но все же англійскій посолъ окончательно объявилъ, что денежныя средства Англіи имѣютъ предѣлы и что если с.-джемскому кабинету придется всѣ свои сбереженія выплачивать вѣнскому двору, то нечѣмъ будетъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ другихъ державъ, вступавшихъ въ коалицію [2]). Сообщенія Разумовскаго относительно предполагаемаго плана войны и невозможныя требованія Австріи производили въ Петербургѣ дурное впечатлѣніе. Туда стали доходить разные слухи о тайныхъ сношеніяхъ съ Берлиномъ и даже переговорахъ съ Наполеономъ. Самъ Разумовскій, мѣсяца за три до описываемаго нами вре-

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 15 Октября.
[2]) Депеша Чарторижскаго отъ 27 Октября.

мени, обращалъ вниманіе двора своего на опасность тайнаго соглашенія между Вѣною и Берлиномъ. Сколь желательна была тѣсная связь между дворами императорскими и прусскимъ, столь же опасно могло быть тайное единеніе двухъ германскихъ державъ, при томъ сближеніи, которое, не смотря на всѣ усилія петербургскаго кабинета, продолжало еще существовать между Пруссіею и Франціею.

„Vous verrez", секретно и собственноручно писалъ Разумовскій къ Чарторижскому, задолго до окончательнаго соглашенія между Австріею и Россіею, „le même esprit de crainte et de soumission de cette cour-ci envers la France. Je dois y ajouter que par nos canaux du département des chiffres, il me revient qu'effectivement on s'occupe à l'ombre du plus profond mystère d'une négociation avec la Prusse pour parer au danger d'une guerre provoquée de notre côté. Si cela se confirme, on verra donc l'apre et interminable rivalité de ces deux cours ajournée pour consommer leur propre humiliation et celle de l'Europe en s'armant contre la seule grande puissance dont les sentiments généreux et les vastes moyens eussent offert l'heureuse perspective à toutes les autres du retour de l'ordre, de l'équilibre et de la dignité.

„Que ne peut la frayeur sur l'esprit des mortels".

Предостереженія этого въ Петербургѣ не забывали тѣмъ болѣе, что хотя уже состоялось соглашеніе съ Австріею, вѣнскій дворъ продолжалъ однако выказывать, и страхъ и наружную, по крайней мѣрѣ, покорность Франціи. Графъ Филиппъ Кобенцель явился въ Ахенѣ императору французовъ, признавъ его новый санъ и представилъ ему на торжественной аудіенціи свои новыя довѣрительныя грамоты. При этомъ онъ формально заявилъ, что Австрія желаетъ жить въ мирѣ съ Франціею и обѣщался не обращать впредь вниманія на ноты, представляемыя Россіею регенсбургскому сейму. Наконецъ, австрійскій посолъ оффиціально присутствовалъ при всѣхъ торжествахъ совершившейся въ Парижѣ коронаціи, хотя, впрочемъ, не мало досадилъ при этомъ Наполеону своими притязаніями относительно придворнаго этикета и шага, котораго онъ отказывался уступать другимъ дипломатамъ. Вся Вѣна занята была подробностями парижскихъ празднествъ. Всякая почта приносила новыя о нихъ извѣстія. Разумовскій бѣсился на вѣнское общество, жадно слѣдившее за новостями изъ Парижа. Его коробило это узурпаторское вѣнчаніе. Онъ не могъ спокойно думать о путешествіи папы въ Парижъ и о церемоніи въ церкви парижской Богоматери.

„Qui jamais aurait pû penser", докладывалъ онъ отъ 17 Декабря двору своему, „qu'un aventurier, élevé aux dépens des Bourbons, s'assoirait à leur place et qu'il exigerait pour sa personne, comme pour

une créole, sa ridicule compagne, des hommages aux quels ne prétendraient pas les rejetons de l'une des plus anciennes dynasties de l'Europe".

Поведеніе австрійскаго посла въ Парижѣ не могло не возбудить подозрѣній русскаго двора. Продолжая переговоры съ Стадіономъ, министры Александра Павловича съ нѣкоторымъ недовѣріемъ оглядывались назадъ. Разумовскому тайно предписано было употребить всѣ имѣвшіеся у него подъ рукою способы, чтобы разузнать, не ведетъ ли вѣнскій кабинетъ какихъ-либо тайныхъ переговоровъ, помимо русскаго двора.

„Je suivrai bien exactement votre recommandation", собственноручно отвѣчалъ отъ 21 Ноября Чарторижскому посолъ, на данное ему по этому случаю порученіе, „de surveillance active relativement aux relations mystérieuses qui peuvent exister entre le cabinet de Vienne et ceux de Berlin et des Tuileries. Je ne crois pas qu'il existe rien de sérieux entre cette cour-ci et la France, cela serait trop perfide et ils ont trop appris à leurs dépens à ne pas s'y fier. Mais il se peut qu'ils aient cherché à tranquilliser Bonaparte sur leurs relations avec nous. Peut-être ont-ils promis de ne pas prêter l'oreille aux invitations que nous pourrions leur faire. A la bonne heure, s'ils peuvent l'endormir par là, mais je le crois trop éveillé pour qu'on réussisse et le délai qu'il met à remplacer Champagny est déjà, ce me semble, un indice de méfiance. Il faudra voir ce que produira l'office sur l'augmentation des troupes en Italie. Il ne manquera pas d'autres circonstances qui serviront de pierre de touche et nous feront juger de la situation des deux cabinets. Quant au projet de neutralité qui a paru s'agiter avec celui de Berlin, il ne m'est plus rien revenu qui le constate. Il est probable que les derniers évènements y ont fait surseoir. Je ne pense pas d'ailleurs qu'au moment où la cour de Vienne vient de prendre des engagements avec nous, elle cherche à en affaiblir les liens par des négociations qui leur seraient contraires, mais ces engagements ne la rendront énergique qu'autant que nous parviendrons à les faire partager par la Prusse pour la rassurer de ce côté".

Молва о преобразованіяхъ въ Италіи, однако, все усиливалась. Архи-канцлеръ Камбасересъ велъ дѣятельные переговоры въ Парижѣ съ итальянскимъ посланникомъ графомъ Марескальки. Въ принципѣ положено было итальянскую республику обратить въ монархію, во главѣ которой долженъ былъ стать одинъ изъ братьевъ Наполеона. Все это, разумѣется, до времени содержалось въ глубокой тайнѣ. На коронованіе въ Парижѣ явилась итальянская депутація подъ предсѣдательствомъ вице-президента республики Мельци. Пріѣздъ ея обратилъ всеобщее вниманіе и сильно безпокоилъ вѣнскій дворъ. Графу Филиппу Кобенцелю поручено было передать Талейрану ноту, въ ко-

торой упоминалось объ условіяхъ люневильскаго мира и сказано было, что Австрія, всегда готовая сдѣлать Наполеону угодное, не знаетъ чѣмъ объяснить пріѣздъ въ Парижъ итальянскихъ депутатовъ. Нота была написана въ весьма умѣренныхъ выраженіяхъ и вѣнскій дворъ собственно въ ней смиренно просилъ объ однихъ только успокоительныхъ завѣреніяхъ. Тѣмъ не менѣе вице-канцлеръ хвасталъ передъ русскимъ посломъ рѣшительною мѣрою, принятою австрійскимъ правительствомъ и твердымъ тономъ, съ которымъ родственникъ его говорилъ Талейрану. Но въ концѣ-концовъ графъ Кобенцель принужденъ былъ признаться, что его тёзка взялъ ноту назадъ и удовольствовался одними словесными увѣреніями.

„Jusque là", писалъ отъ 25 Декабря къ Чарторижскому Разумовскій, „j'avais écouté le vice-chancelier sans l'interrompre. Mais lorsqu'il fût question de la note retirée, je ne lui cachai point combien je croyais contraire à la dignité publique et au bien des affaires, la condescendance de l'ambassadeur de reprendre son office et de se contenter d'une note verbale. „Eh, que voulez vous", me dit le comte de Cobenzl, „que l'on fasse des écrits de ces gens là?"—„Qu'on les conserve", repliquai-je, „qu'on les fasse servir de témoignage à la conduite réciproque des gouvernements, pour en composer tôt ou tard un agent capable de donner à l'opinion publique une tendance salutaire vers l'ordre et la justice".—„Sous ce rapport nous remplirons également notre but", continua le vice-chancelier, „parceque nous saurons donner de la publicité aux assurances de Talleyrand". — „Vous les publierez donc dans vos feuilles, vous en composerez une proclamation?".— „Non, la chose ferait un éclat dangereux. Nous les ferons dire en Italie, à l'oreille de quelques personnages qui ont la confiance du public, elles se répandront avec la rapidité de l'éclair et avec elles l'esprit qu'elles doivent provoquer". Je revins encore sur le peu d'efficacité de mesures de ce genre et je crois sans me tromper pouvoir préjuger, qu'elles ne rencontreront pas une opinion différente, lorsque le comte de Stadion les portera à St.-Pétersbourg à la connaissance du ministère".

Труды и заботы отозвались на здоровьи графа Андрея Кирилловича. Онъ слегъ въ постель и не могъ уже видѣться съ графомъ Кобенцелемъ, а между тѣмъ ложные слухи ходили по Вѣнѣ и сильно тревожили общество. Разумовскій не въ силахъ былъ взять пера въ руки. „Je n'aurais eu du reste", писалъ онъ, когда ему стало нѣсколько легче, отъ 29 Января 1805 года къ Чарторижскому, „à retracer que des bruits insignifiants, des données prises à tout hazard sur des correspondances controuvées ou des réponses indiscrètement amplifiées et mal interprétées de quelques voyageurs. Cela n'empêche pas ordinairement ces nouvelles de circuler avec rapidité et en roulant

elles acquièrent à chaque point de rencontre un degré de confiance de plus. Tel est l'avis transmis ici de la part du ministre batave résidant à Berlin: que l'on travaille dans le moment actuel à la consommation d'une triple alliance entre les deux cours impériales et celle de Prusse. Je l'ai cité, parcequ'il peut entrer dans le cercle où puise sans relâche un esprit inquiet et vindicatif. Pour Bonaparte un doute vaut une réalité et une nouvelle même sans fondement engendre presque toujours une détermination. Un soupçon quelconque d'une alliance qui ne tournerait que contre les usurpations qu'il médite encore, ne pourrait donc manquer de le faire porter à faire jouer immédiatement quelques ressorts de sa politique incendiaire et ténébreuse... Quant aux nouvelles particulières rentrées par ce courrier on dit que Bonaparte a créé un nouveau hochet pour son insatiable orgueil. C'est un ordre que je n'ai pas encore entendu nommer, les marques sont une plaque et un cordon rouge. Il n'exclût pas la décoration de l'Ambigu—dite légion d'honneur. Il est pour la famille et pour ce qui, d'après la dénomination harmonieuse de l'usurpateur, on nomme les grands dignitaires de l'empire".

Опасенія Разумовскаго не были напрасны. Въ Вѣнѣ сперва распространился слухъ, который подтверждался и оффиціальными извѣстіями изъ Парижа, о томъ, что Наполеонъ, только-что отозвавшій любимаго въ Вѣнѣ Шампаньи, намѣренъ, въ знакъ своего неудовольствія, низвести посольство при римскомъ императорѣ на степень простой миссіи. Нѣсколькими днями позднѣе пришло извѣстіе о сценѣ, происшедшей на торжественномъ выходѣ при французскомъ дворѣ по случаю новаго года. Графу Филиппу Кобенцелю пришлось выслушать, въ присутствіи всего двора и всего дипломатическаго корпуса, самый жестокій выговоръ отъ Наполеона. Въ Вѣнѣ всѣ перепугались, но вслѣдъ за этимъ пришло извѣстіе, что посломъ въ Австрію назначенъ Ларошфуко. Къ тому же изъ Парижа извѣщали, что мысль о высадкѣ въ Англію окончательно отброшена и что всѣ войска, стянутыя на сѣверѣ Франціи, положено обратить на Италію. Вмѣстѣ съ секретными депешами посла Кобенцеля, прибывшій изъ Парижа курьеръ привезъ два собственноручныхъ письма, одно отъ императора Наполеона къ императору Францу, а другое отъ Талейрана къ вице-канцлеру. Оба извѣщали вѣнскій дворъ о томъ, что народы Италіи настойчиво требуютъ окончательнаго присоединенія къ Франціи, но что Наполеонъ, по обыкновенной своей умѣренности, не соглашался на такой рѣшительный шагъ и думалъ назначить въ короли Италіи брата своего Іосифа съ титуломъ короля лонгобардскаго. Вице-канцлеръ поспѣшилъ къ Разумовскому, котораго засталъ въ постели и долго съ нимъ бесѣдовалъ. Онъ сообщилъ ему, между прочимъ,

что въ письмѣ Наполеона не были соблюдены обычныя въ перепискахъ между вѣнценосцами формулы учтивости, а что посланіе Талейрана отличалось фамильярностью едва умѣстною въ переписке между старыми школьными товарищами. Кобенцель просилъ посла увѣдомить петербургскій дворъ о полученныхъ новостяхъ и требовалъ отъ России добраго совѣта [1]). Въ Петербургѣ съ благодарностью приняли это сообщеніе и поспѣшили отвѣтить, что русскій Императоръ не можетъ дать союзнику своему болѣе вѣскаго доказательства своей благодарности за оказанное ему довѣріе, какъ чистосердечно изложивъ свои опасенія насчетъ тѣхъ послѣдствій, которыя можетъ имѣть принятое въ Вѣнѣ по поводу этихъ писемъ рѣшеніе. Петербургскій кабинетъ предполагалъ, что Наполеонъ отправилъ письмо къ германскому императору только съ цѣлью узнать какое впечатлѣніе произведетъ въ Вѣнѣ сообщенное имъ извѣстіе, дабы, въ случаѣ мягкаго отвѣта, дѣйствовать какъ внутри Франціи, такъ и на ближайшихъ своихъ сосѣдей, по полному своему произволу. Александръ I и его министры опасались, какъ бы отвѣтъ императора Франца не поощрилъ Наполеона въ дальнѣйшимъ захватамъ. Положеніе было весьма щекотливое. Въ Петербургѣ понимали, что надо было избѣгать отрицательнаго отвѣта, который могъ бы возбудить опасенія Франціи и привести къ слишкомъ поспѣшному разрыву, къ которому ни Россія, ни Австрія не были еще достаточно подготовлены. Переговоры съ лордомъ Лѣвисонъ Гоуеромъ подавали надежду на то, что дѣло о субсидіяхъ можетъ быть улажено. Въ составившемся между Россіею и Австріею соглашеніи, случай воцаренія одного изъ Бонапартовъ на сѣверѣ Италіи не былъ предвидѣнъ. Дѣло это было, однако, первой важности, оно затрогивало самые существенные интересы вѣнскаго двора, который самъ неоднократно заявлялъ русскому правительству, что никогда не допуститъ соединенія Италіи съ Франціею. Чувство самосохраненія должно было побудить Австрію всячески противиться новому захвату Наполеона. Государь не терялъ надежды на мирный исходъ переговоровъ графа Филиппа Кобенцеля въ Парижѣ, но онъ считалъ долгомъ выразить при этомъ своему ближайшему союзнику полную надежду на то, что Австрія съумѣетъ выказать непоколебимую твердость, которую требуютъ настоящія затруднительныя обстоятельства и которая одна только можетъ остановить честолюбивые порывы Наполеона. Вслѣдствіе этого Разумовскому, по обыкновенію, предписывалось съ усиленнымъ рвеніемъ побуждать вѣнскій дворъ къ продолженію начатыхъ имъ военныхъ приготовленій. Послу поручено было одновременно требовать скорѣйшей высылки давно уже обѣщанныхъ плановъ

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 11 Января.

будущаго похода противъ Франціи и постоянно указывать на Италію, какъ на самое больное мѣсто Австріи. Съ своей стороны Императоръ Александръ, хотя объ этомъ не упоминалось въ состоявшемся между Россіею и Австріею соглашеніи, обѣщался, въ случаѣ если французы нападутъ на сѣверъ Италіи, выслать на помощь своему союзнику русскія войска. При этомъ графъ Андрей Кирилловичъ долженъ былъ напомнить вѣнскому кабинету, данное имъ черезъ графа Стадіона, обѣщаніе, что не принято будетъ никакого рѣшенія безъ совѣта съ Россіею. На обѣщаніе это Государь вполнѣ и всецѣло полагался [1]).

Разумовскій, не смотря на болѣзнь свою, въ точности исполнялъ даваемыя ему изъ Петербурга порученія. Лёжа на постели, принималъ онъ вице-канцлера и убѣждалъ его всею силою своего краснорѣчія. Больного посла непріятно поражало то, что съ нѣкоторыхъ поръ Кобенцель пересталъ показывать ему подлинники получаемыхъ имъ депешъ и ограничивался одними словесными цитатами. Однако убѣжденія Разумовскаго не прошли даромъ. Положено было отвѣтить въ Парижъ, что въ виду важности полученнаго относительно Италіи сообщенія, требующаго долгаго и всесторонняго обсужденія, спѣшить отвѣтомъ было невозможно, но что римскій императоръ, всегда выказывавшій самое миролюбивое настроеніе, принужденъ будетъ, противъ воли, приступить къ вооруженію, буде Франція первая подастъ къ этому примѣръ. Не мало труда стоило добиться подобнаго отвѣта [2]).

Въ Вѣну, между тѣмъ, на мѣсто отозваннаго Шампаньи, прибылъ новый французскій посолъ Ларошфуко. Онъ очень спѣшилъ получить аудіенцію у императора и, видимо, желалъ скорѣе вступить въ переговоры съ министерствомъ. Разумовскій предполагалъ, что ему поручено было покончить (couler la question à fond) съ итальянскимъ вопросомъ. На вѣнское общество Ларошфуко произвелъ невыгодное впечатлѣніе. „Je ne l'ai pas vu“, писалъ отъ 1 Февраля къ Чарторижскому Разумовскій, „ce n'est que dans le monde que je serai dans le cas de le rencontrer. Cependant d'après ce qui me revient, il n'a point démenti l'opinion qui l'avait précédé ici. On l'accuse d'avoir déjà, dans plusieurs occasions, négligé des formes reçues, des devoirs de convenance. Cela fournit le trait du parallèle que l'on établit entre lui et son prédécesseur que l'on regrette pour ses manières douces et sa politesse insinuante envers les personnes de la société“.

Дѣла итальянскія затянулись. Іосифъ Бонапартъ не соглашался принимать лонгобардскую корону на предлагаемыхъ братомъ его условіяхъ. Наполеонъ, между тѣмъ, исподоволь готовилъ окончательное

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 27 Января.
[2]) Депеша Разумовскаго отъ 15 Января.

присоединеніе Италіи къ Франціи. Онъ не спѣшилъ завершеніемъ этого замысла, желая видѣть какъ обрисуются обстоятельства. Графъ Андрей Кириловичъ заранѣе предвидѣлъ развязку вопроса, заживо затрогивавшаго всю тогдашнюю Европу.

„D'après les avis de France sur l'érection de la république italienne en royaume en faveur des sieurs Bonaparte rentrés de bonne source", доносилъ онъ отъ 22 Февраля, „Joseph ne montre pas du tout la docilité qui doit le faire monter au degré d'élévation auquel son frère lui permet d'aspirer. Il ne veut pas d'un royaume aux conditions auxquelles on le lui propose et qui sont: que Napoléon se fera couronner en personne et déposera ensuite sur le front de son cadet le diadème ainsi ennobli; que la dépense de ce roi en effigie serait limitée à une somme assez modique; que les revenus de l'état, la liste civile acquittée, seraient tous versés dans les coffres de Napoléon et que la France entretiendrait constamment une armée en Italie c. a. d. que Joseph sentirait toutes les pointes de la couronne de fer des anciens roi lombards, tandis que le suzerain dévorerait la substance du pays. Cet accord du lion ne convient donc pas à Joseph... Quelle noble fierté dans le partage des dépouilles vis-à-vis d'un frère, qui les a saisi au prix de tant de périls! On rirait de ces agitations si l'état de l'Europe, le bonheur des peuples compromis, l'ordre et la tranquillité détruits, ne rappelaient à chaque instant tous les maux qu'un usurpateur sans frein a versés sur le continent des deux hémisphères".

„Il entre dans le machiavélisme de Bonaparte", писалъ далѣе отъ 11 Марта Разумовскій, „d'envelopper d'un voile épais les projets, qu'il a laissé entrevoir d'abord, lorsqu'il est prêt à marcher à l'exécution. Cette remarque, que l'on a pû faire dans toutes les occasions, doit expliquer, je crois, le silence et le retard qu'il apporte à un acte qui paraissait il y a deux mois si près de son accomplissement. Je parle de l'usurpation du royaume de Lombardie... On assure que dans sa correspondance particulière et confidentielle Bonaparte ne parle que de son royaume de Lombardie, de ses états, de ses sujets, que la dénomination de république italienne n'entre plus sous sa plume. On veut citer même une lettre confidentielle à Melzi où il lui mande que son premier projet avait été de résigner la couronne à son frère Joseph; mais que pour cela il aurait fallu que ses propositions de paix eussent été autrement accueillies en Angleterre, qu'aujourd'hui il gardait le royaume de Lombardie pour lui et qu'il verrait qui oserait le lui disputer... On prétend que le doge et le sénat de Gênes sont mandés à Milan... Ils payeront probablement cher l'honneur d'être admis au baisemain du lion. Du moins jusqu'à présent, témoins la Hollande et la Suisse, aucun des convives, ainsi officieusement convoqués, ne s'est ré-

tiré sans y avoir laissé quelques uns de ses membres. On croit donner dans la fable, en retraçant ou en prévenant sur la possibilité de tant de sinistres conceptions. Mais le bonheur d'un usurpateur obscur en a déjà tant réalisé. On avait à peine le temps de les dévoiler, qu'on en était déjà atteint".

Вѣнскій дворъ, испугавшись своего рѣшительнаго поступка, съ ужасомъ ожидалъ теперь новыхъ извѣстій изъ Парижа и заранѣе трепеталъ при мысли о впечатлѣніи, которое произведетъ на Наполеона отвѣтъ императора Франца. До Вѣны долетѣли слухи, будто французское правительство проникнуло въ тайну переговоровъ, которые съ такою осторожностію велись между Россіею, Англіею и Австріею. Слухи эти наводили полное уныніе на вице-канцлера. Даже итальянскій вопросъ не въ силахъ былъ вывести его изъ безпомощнаго отчаянія. Присоединеніе Италіи, на которое Австрія никогда не хотѣла дать своего согласія, совершилось, Наполеонъ провозгласилъ себя итальянскимъ королемъ, а вѣнскій кабинетъ упорно молчалъ подъ вліяніемъ безпредѣльнаго страха и полнаго отчаянія.

Въ самомъ дѣлѣ до Наполеона стали доходить слухи о переговорахъ между сѣверными державами. Желая уяснить себѣ это дѣло, а также предупредить нежданныя случайности, императоръ французовъ написалъ письмо къ англійскому королю съ предложеніемъ о мирѣ. Король поспѣшилъ сообщить въ Парижъ, что онъ не можетъ отвѣтить, не посовѣтовавшись съ континентальными державами и особенно съ Россіею, съ которою онъ ведетъ въ настоящее время переговоры. Этотъ нѣсколько предательскій намекъ имѣлъ цѣлью окончательно компрометтировать Россію въ глазахъ Франціи. Въ то же самое время британское правительство поспѣшило сообщить русскому двору о полученномъ письмѣ и просило Государя быть посредникомъ между Франціею и Англіею. Это сообщеніе поразило Александра Павловича. Едва вернулся изъ Лондона его посланецъ съ измѣненнымъ и умаленнымъ проектомъ общаго замиренія, надъ которымъ Государь съ такою любовью трудился, не успѣлъ онъ еще выразить британскому кабинету своего сожалѣнія о томъ, что оно не умѣло оцѣнить благихъ его намѣреній, какъ сама же Англія обратилась къ нему съ просьбою о посредничествѣ и передавала въ его руки близкое его сердцу дѣло. Само Провидѣніе, какъ казалось Императору Александру, назначало его миротворцемъ Европы. Понятно, что предложеніе британскаго правительства оказалось Государю вполнѣ угоднымъ. Въ Петербургѣ однако громко говорили, что не слѣдуетъ подвергать Россію опасностямъ войны, отъ которой могла только выиграть не существовавшая уже на географическихъ картахъ Польша. На Чарторижскаго смотрѣли съ недовѣріемъ, и въ городѣ и при дворѣ громко говорили,

что онъ не понимаетъ истинныхъ интересовъ России. Слухи эти стали доходить до Александра Павловича. Въ особенно важныхъ случаяхъ Государь, по старой привычкѣ, обращался за совѣтами къ канцлеру графу А. Р. Воронцову, мирно доживавшему въ своемъ Матренинскомъ уединеніи. Къ нему, вслѣдствіе петербургской молвы, отправленъ былъ гонецъ. Воронцовъ, вполнѣ раздѣлявшій образъ мыслей своихъ петербургскихъ и московскихъ друзей, совѣтовалъ Государю отклонить предложеніе Англіи, которое могло только подвергнуть Россію опасности. Въ самомъ дѣлѣ, Наполеону слѣдовало угрожать коалиціею, а ея не существовало. Одна только Швеція до сихъ поръ готова была открыто выступить противъ Франціи. На Пруссію самъ Государь почти не надѣялся и въ составленномъ имъ проектѣ даже прямо указывалось на необходимость отторгнуть у нея польскія области за равнодушіе ея къ общему дѣлу. Что же касалось до Австріи, то хотя она и связана была обязательствомъ и даже взялась за кое-какія военныя приготовленія, однако, какъ мы сейчасъ видѣли, она въ настоящее время цѣпенѣла отъ страха передъ Франціею. Совѣтъ Воронцова, однако, не подѣйствовалъ. Государю казалось необходимымъ принять предлагаемое посредничество именно въ виду толковъ, которые ходили по Петербургу и Москвѣ. Слѣдовало доказать не только Россіи, но и всей Европѣ, что русскій Императоръ желаетъ не войны, а примиренія, для достиженія котораго готовъ воспользоваться каждымъ предлогомъ. Рѣшено было вести переговоры съ Франціею и предложить ей тѣ условія, которыя могли бы предупредить войну. Но передъ этимъ необходимо было все устроить такъ, чтобы въ случаѣ отказа можно бы было силою навязать ей условія, необходимыя для общаго спокойствія. Чарторижскій предполагалъ, что эта послѣдняя попытка къ мирному соглашенію подѣйствуетъ и на Пруссію, и на Австрію и что онѣ, убѣдившись въ томъ, что всѣ средства къ миру истощены, не станутъ болѣе коснѣть въ бездѣйствіи.

Въ Вѣнѣ, однако, вовсе не помышляли о какомъ-либо рѣшительномъ шагѣ. Тамъ всѣ заняты были военными реформами, которыя, по мнѣнію Разумовскаго, были скорѣе вызваны придворными интригами, чѣмъ насущною необходимостью. Императрица Марія-Терезія ревновала вліянію эрцгерцога Карла, заправлявшаго въ Австріи всѣмъ военнымъ дѣломъ. Его желали подъ благовиднымъ предлогомъ удалить. Во главѣ военнаго совѣта поставленъ былъ ничтожный генералъ графъ Латуръ, ни слова не знавшій по-нѣмецки, ненавидимый войскомъ и извѣстный постоянными своими неудачами на войнѣ. Его назначили только потому, что на этомъ мѣстѣ необходимо было послушное орудіе придворной камарильи. Въ помощники Латуру назначили выведеннаго Тугутомъ въ люди—генерала Мака.

О вызовѣ Мака Разумовскій зналъ уже давно. „Il m'a été confié en secret“, писалъ онъ Чарторижскому еще отъ 20 Ноября, „que le général Mack, qui jusqu'ici a vécu dans la plus profonde retraite sur une terre qu'il possède en Bohême, va se rendre incessamment à Vienne pour être consulté et employé à un plan d'opération militaire. M. Mack est sans doute un homme de grand mérite, très capable, surtout par ses connaissances et ses lumières de concevoir et de diriger des opérations. Mais ce général a des défauts qui présentent de grand inconvénients dans les affaires. Il est vain et peu discrêt, il est ardent et impérieux, il a de la peine à se borner à la sphère qui lui est propre et dans laquelle il a acquis une juste réputation. Il veut être politique en même temps que guerrier, c'est ce qui là brouillé avec le baron de Thugut d'une manière irréconciliable. Il s'est aliéné les bonnes grâces de l'archiduc Charles et il a surtout indisposé contre lui les entours de ce prince. C'est sous de tels auspices que le général Mack va paraître à Vienne. Il est à souhaiter que l'expérience du passé le rende circonspect dans sa conduite actuelle et que profitant de toutes les ressources qu'il peut offrir pour le service de son maître, elles ne soient contrecarrées et paralysées par les défauts de son caractère“.

„On ne tirera parti des lumières et des talents de Mack“, доносилъ далѣе посолъ, уже послѣ пріѣзда генерала въ Вѣну, „que lorsque la bureaucratie actuelle de la guerre sera détruite, mais peut-on espérer que ce soit si-tôt? En voyant le chemin qu'on prend pour y parvenir et perdre un temps si précieux dans les circonstances où nous vivons, c'est faire soupçonner l'intention de le mettre à profit“. „La nomination a eu lieu“, читаемъ мы наконецъ въ депешѣ посла отъ 5 Апрѣля, „elle sera publique dans une couple de jours.. Employé déjà secrètement aux plans d'opérations et de mouvements dans l'armée, le général Mack va l'être officiellement et avec toute la célérité qu'exigent les circonstances“.

Не смотря на эту необычную для вѣнскаго двора поспѣшность, о которой впервые упомянулъ Разумовскій въ своихъ депешахъ, австрійское министерство по прежнему не высылало отвѣта относительно своего приступленія къ состоявшемуся съ Англіею соглашенію и также мало было склонно къ принятію энергичныхъ мѣръ. Въ Петербургѣ давно уже ожидали изъ Вѣны подробнаго плана будущей войны, его нѣсколько разъ обѣщали выслать, но потомъ, подъ разными благовидными предлогами, дѣло это откладывали. Императоръ Александръ находилъ, что необходимо было приготовиться къ дѣйствію въ теченіе настоящаго года, такъ какъ, по его убѣжденію, едва ли можно будеть обойтись безъ войны. Если вооруженія откладывать, то Франція можетъ захватить союзниковъ въ расплохъ, а Англія отказаться отъ

субсидій. Государь рѣшился немедля стянуть къ границамъ назначаемыя на подмогу Австріи русскія войска и выставить обсерваціонный корпусъ противъ Пруссіи, которая не рѣшалась перейти на сторону союзниковъ и изъявляла намѣреніе наблюдать строгій нейтралитетъ. Александръ I, подавая примѣръ энергіи, надѣялся, что германскій императоръ отъ него не отстанетъ [1]). Разумовскому съ каждымъ курьеромъ напоминалось о побужденіи вѣнскаго двора къ высылкѣ нужныхъ графу Стадіону полномочій для немедленнаго приступленія къ состоявшемуся между русскимъ министерствомъ и лордомъ Льюсонъ Гоуеромъ соглашенію. Одно только соединеніе миролюбія и твердости могло, какъ писалъ Чарторижскій графу Андрею Кириловичу, подать въ настоящее время надежду на прочный миръ. Извѣщая вѣнскій дворъ о посредничествѣ, которое принимала на себя Россія, Государь приказывалъ Разумовскому представить вице-канцлеру, что мирный шагъ, имъ предпринимаемый, нисколько не долженъ ослаблять военныхъ приготовленій. Задачею Императора было испробовать всѣ законныя средства къ достиженію спокойствія и въ случаѣ неудачи доказать Европѣ, что одно честолюбіе Бонапарта заставляетъ Россію и ея союзниковъ ухватиться за оружіе. Только-что возвратившійся изъ Лондона Новосильцовъ назначался для этой новой миссіи, отъ которой, въ виду упрощенія дѣла, предполагалось устранить всѣ обыкновенныя дипломатическія формы. Новосильцовъ долженъ былъ ѣхать въ Парижъ и вести переговоры непосредственно съ самимъ Наполеономъ. Русскому уполномоченному поручено было объяснить императору французовъ искреннее желаніе Государя положить конецъ европейскимъ смутамъ и въ то же время предложить условія, необходимыя для общаго спокойствія. Условія эти были умѣренныя, такъ какъ надѣялись склонить Англію къ значительнымъ уступкамъ. Отъ Франціи требовалось освобожденіе Италіи, Швейцаріи и Голландіи, обезпеченіе независимости второстепенныхъ государствъ и безопасности нейтральныхъ державъ. Для братьевъ Бонапарта выкраивалось княжество на сѣверѣ Италіи, а Англія должна была уступить Мальту и нѣсколько колоній. Насчетъ Мальты британское правительство было весьма несговорчиво и породились недоразумѣнія, которыя, однако, с.-петербургскій кабинетъ надѣялся устранить. Государь былъ увѣренъ, что условія имъ предлагаемыя будутъ одобрены въ Вѣнѣ и просилъ, чтобы Кобенцелю въ Парижѣ приказано было дѣятельно помогать Новосильцову, сообразуясь вполнѣ съ предписаніями, которыя послѣдній будетъ получать отъ двора своего. Рядомъ съ этими мирными усиліями необ-

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 1 Марта.

ходимы были самыя неотложныя и рѣшительныя военныя мѣры. Если бы, въ случаѣ неудачи Новосильцова, европейскія державы продолжали упорствовать въ бездѣйствіи, независимость Европы пропадала и владычество надъ нею Наполеона утверждалось на вѣки. Таково было убѣжденіе Государя и Чарторижскаго. [1]) „S. M. I“, писалъ послѣдній къ Разумовскому, „toujours empressée de s'entendre avec son intime allié en toute occasion, aurait désiré pouvoir le faire dans une occurence aussi importante. Les circonstances sont trop pressantes pour permettre des retards. La démarche que l'on se prépare à faire auprès de Bonaparte doit avoir lieu tout de suite, pour ne pas perdre son à-propos, et les résolutions, qui doivent l'accompagner, demandent à être immédiates. Au reste l'Empereur est si convaincu que le parti qu'il a pris est celui qui conviendra le mieux à S. M. I. et R. qu'il en regarde les mesures comme entendues avec elle et comme n'étant qu'une application des vues, des principes et des sentiments qui unissent les deux cours impériales“.

Разумовскій поспѣшилъ сообщить вице-канцлеру полученныя имъ приказанія. Но они произвели на испуганныхъ министровъ мало впечатлѣнія. Вѣнскій дворъ продолжалъ дрожать и бездѣйствовать. Нѣсколько болѣе интереса возбудила отправка въ Парижъ Новосильцова, хотя, очевидно, въ успѣхѣ ея сомнѣвались. О какихъ-нибудь категорическихъ отвѣтахъ на дѣлаемые изъ С.-Петербурга запросы, въ данную минуту не было и рѣчи. Безпрестанныя конференціи графа Андрея Кириловича съ вице-канцлеромъ ограничивались нескончаемыми повтореніями одного и того же. Посолъ съ отчаяніемъ наблюдалъ за тѣмъ какъ слабѣла энергія Австріи и какъ даже задушевный въ прежнія времена итальянскій вопросъ не въ силахъ былъ въ настоящую пору вызвать ее къ дѣятельности.

„Le 17 de ce mois (новаго стиля)“, доносилъ въ оффиціальной депешѣ отъ 16 Марта Разумовскій, „Bonaparte a été proclamé roi d'Italie. C'est au milieu de son sénat qu'il s'est revêtu de cette dignité avec toute la pompe des cérémonies et l'emphase oratoire, dont il a coutume d'accompagner les actes audacieux de son ambition... Je passe actuellement, mon prince, à ce que j'ai à vous dire sur les communications que j'ai eu ordre de faire au ministère de S. M. I. et R. Il m'a semblé que les deux dépêches de v. e. ne contenaient rien dont je n'aie pû faire part littéralement au comte de Cobenzl et l'objet en était trop important pour que je crusse pouvoir mieux faire que de lui en laisser prendre lecture... Mais c'est en vain que je me suis efforcé d'en obtenir une décision conforme au désir de notre auguste Maître

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 1 Марта.

et analogue à l'énergie qui dirige notre cabinet... Le délai de l'arrivée du courrier du comte de Stadion a servi de pretexte aux réponses vagues et évasives du comte de Cobenzl... Elles portaient surtout, dans notre première conférence, ce caractère de terreur qui domine évidemment sur toute autre considération dans le cabinet de cette cour-ci et dont je ne suis pas parvenu à diminuer l'impression dans mes entretiens subséquents, quelque force que j'ai pu donner aux arguments que j'ai puisés dans vos dépêches aussi bien que dans les circonstances politiques de l'Europe et les dangers dont la menace la conduite effrénée du gouvernement français. Le c-te de Cobenzl d'accord avec moi sur la gravité de ces circonstances, a néanmoins persévéré dans sa réticence à s'expliquer touchant l'adhésion de son maître aux mesures promptes d'énergie qu'il importe d'adopter. Il s'est borné à me répliquer que l'objet était trop majeur, qu'il exigeait une profonde méditation et que d'ici à peu de jours un courrier porterait au c-te de Stadion les instructions nécessaires pour être à même de communiquer à notre ministère les déterminations de S. M. I. et R. C'est tout ce que j'ai pu tirer du comte de Cobenzl et lorsque je l'ai vû ce matin, à la suite de la nouvelle d'hier [2]), je ne l'ai trouvé ni plus résolu, ni plus énergique que les jours précédents... Je ne sais si le comte de Stadion sera chargé de terminer avec l'ambassadeur d'Angleterre à St.-Pétersbourg le traité des subsides, d'après les éléments que j'ai eu ordre de faire connaître ici. J'appréhende fort qu'on ne trouve encore à y opposer des objections dont on ne méconnaît sûrement pas la futilité, mais qui serviront à favoriser le système pernicieux de gagner du temps et d'éloigner l'époque d'une décision conforme à celle qu'a adoptée notre auguste Monarque. J'en juge par les répétitions continuelles de tout ce qui nous a été représenté sur la position critique des états autrichiens, les embarras des finances, la difficulté de mettre en mouvement les armées et cette dernière circonstance aggravée dans ce moment par le changement que vient de subir l'organisation militaire. Je désire plus ardemment que je n'ose l'espérer que mes conjonctures soient démenties par les communications dont sera chargé le c-te de Stadion".

„La dépêche en dâte d'aujourd'hui", писалъ еще чистосердечнѣе Разумовскій въ собственноручномъ письмѣ къ Чарторижскому отъ того же числа, „que je viens de tracer à la hâte, exige quelques observations que je consignerai dans cette lettre particulière en forme de commentaire. Le thermomêtre de cette cour-ci est au plus haut degré de la terreur des français et de la défiance de soi-même. L'empereur, le c-te de Colloredo et le c-te de Cobenzl n'ont qu'un même pouls

[2]) Провозглашеніе Наполеона королемъ Италіи.

sous ce rapport et il n'existe personne qui puisse les électriser et leur inspirer quelque vigueur. Cette timidité se répand dans toutes les classes en tant qu'on se dit en dernière analyse: que voulez-vous entreprendre et espérer d'un pareil ministère? C'est le refrein des gens les mieux pensants et qui ont quelque énergie. La mission de m. de Novossiltzoff à Paris a fortement frappé le c-te de Cobenzl. Il n'a pu disconvenir que l'objet en était digne d'une grande puissance, mais il n'a pu me dissimuler les appréhensions de l'alternative de cette démarche. Il s'est plu à combiner les circonstances qui pourraient l'entraver ou la paralyser. Comment traitera-t-il avec Bonaparte? Quel titre lui donnera-t-on? Voudra-t-il l'admettre si on lui refuse celui d'empereur que vous n'avez point reconnu? Ira-t-il le trouver en Italie et qu'en résultera-t-il? Et lorsque ce matin nous avons discuté l'évènement apporté par les courriers d'hier, il s'est surtout occupé du doute que cette mission serait suspendue. Je ne sais pas ce qui en sera, lui ai-je dit, mais à coup sûr on ne manquera pas le bût et l'Europe connaitra les intentions de l'Empereur mon Maître. Puis nous en sommes venus à la crainte d'être attaqués par Bonaparte, longtemps avant que nous pussions venir à leur secours et à cet égard il m'a fait une observation dont je crois essentiel de vous rendre compte. Dans le cas où cette cour fût effectivement prise au dépourvu, il se passerait bien du temps jusqu'à ce que sur la réquisition faite à notre cour les ordres en parvinssent aux commandants des troupes aux frontières. Je crois qu'on sollicitera qu'ils en aient d'éventuels et que je sois autorisé de les mettre en exécution sur la demande de cette cour-ci".

Въ Петербургѣ не дождались отвѣтовъ изъ Вѣны и безъ нихъ состоялось окончательное соглашеніе съ Англіею. Государь поспѣшилъ увѣдомить о томъ Разумовскаго высочайшимъ рескриптомъ отъ 10 Апрѣля. Препровождая послу своему только-что подписанный Чарторижскимъ и Гоуеромъ актъ, Александръ I предписалъ представить его австрійскимъ министрамъ и обратить особое ихъ вниманіе на попеченіе, приложенное Государемъ, дабы согласовать новое свое обязательство съ тѣмъ, которое уже связывало Россію и Австрію. Вопросъ о субсидіяхъ рѣшенъ былъ этою новою конвенціею почти дословно такъ, какъ того требовалъ римскій императоръ, и Англія безъ спора соглашалась на тѣ территоріальныя пріобрѣтенія, которыя Австрія себѣ выговорила въ случаѣ счастливаго окончанія войны. Александръ I надѣялся, что императоръ Францъ съумѣетъ оцѣнить это новое доказательство его дружелюбія и, не теряя драгоцѣннаго времени, приступитъ къ соглашенію. Самые убѣдительные доводы приводились въ рескриптѣ. Англійскій кабинетъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ своей денежной помощи, обязательство для

Австріи въ четырехъ-мѣсячный срокъ двинуть силы свои противъ Франціи. Срокъ этотъ назначался съ цѣлью дождаться исхода предполагаемыхъ въ Парижѣ переговоровъ и для того, чтобы успѣть привести армію въ боевой порядокъ. За то Англія не скупилась на субсидіи, а русскій Императоръ брался присматривать за Пруссіею и не терялъ надежды со временемъ привлечь короля на сторону союзниковъ. Разумовскому предписывалось при этомъ, чуть ли не въ сотый разъ, требовать рѣшительнаго отвѣта и настаивать на немедленномъ приступленіи къ военнымъ приготовленіямъ. По мнѣнію Государя наступило самое удобное время къ пресѣченію тягостнаго состоянія, въ которомъ томилась Европа. Австріи невозможно допустить захвата Италіи. Она должна рѣшиться на военныя дѣйствія, которыя необходимо начать въ настоящемъ же году, ибо иначе трудно было разсчитывать на успѣхъ. Съ своей стороны Чарторижскій писалъ Разумовскому, что ему и его товарищу Новосильцову не малаго труда стоило уломать англійскаго посла. Британское правительство не довѣряло Австріи и жаловалось на ея всегдашнюю нерѣшительность, тормозившую исполненіе самыхъ благихъ плановъ. Англійскіе министры угрожали даже отдѣльнымъ миромъ съ Франціею въ случаѣ дальнѣйшихъ отсрочекъ вѣнскаго двора. Петербургскимъ кабинетомъ пущены были въ ходъ всѣ усилія для доставленія Австріи необходимаго ей, для успѣшнаго веденія войны, денежнаго вспоможенія. Слѣдствіемъ долгихъ и крайне утомительныхъ переговоровъ съ Англіею было только-что состоявшееся между петербургскимъ и сенъ-джемскимъ кабинетами соглашеніе, въ него однимъ изъ главныхъ условій вошли субсидіи, которыя лондонское правительство обязывалось выплачивать вѣнскому двору. Въ самомъ соглашеніи изложены были общія основы состоявшагося союза; оно опредѣляло собственно только цѣль, къ которой стремились союзники и тѣ средства, которыя они должны были употребить для ея достиженія. Къ самому договору приложены были одиннадцать отдѣльныхъ статей, которыхъ тоже не малаго труда стоило петербургскому кабинету вынудить отъ несговорчиваго лорда Льюсонъ Гоуера. Несмотря на долгіе споры русскихъ министровъ, англійскій уполномоченный настоялъ на назначеніи четырехъ-мѣсячнаго срока для начала военныхъ дѣйствій. На всѣ представленія Чарторижскаго и Новосильцова, Гоуеръ отвѣчалъ, что Англія не можетъ непроизводительно тратить своихъ денегъ и что если не будетъ выговоренъ точный срокъ, то ей придется платить субсидіи на неопредѣленное время. Англійскій повѣренный объяснилъ при этомъ, и съ нимъ не могли не согласиться его товарищи, что всякая дальнѣйшая отсрочка могла только послужить во благо Наполеону и тѣмъ самымъ усугубить несчастія Европы. Обязательства, состоявшіяся между импера-

торскими дворами, касательно предполагаемыхъ пріобрѣтеній Австріи при окончаніи войны, Англія принимала вполнѣ. Число войскъ, которое обязывалась выставить Россія, было равно выговоренному въ соглашеніи ея съ Австріею, отъ послѣдней же требовалось, чтобы она поставила на военную ногу 250,000 солдатъ. Это вполнѣ согласовалось съ не разъ ею выраженнымъ намѣреніемъ выставить противъ Франціи всю свою армію и притомъ давало ей возможность получить отъ Англіи бо̀льшую ссуду. Россія обязалась немедля стянуть свои военныя силы къ границамъ. Чарторижскій при этомъ обратилъ вниманіе Разумовскаго на то, что сборы войскъ въ пограничныхъ областяхъ, которыя, замѣтимъ отъ себя, министръ иностранныхъ дѣлъ считалъ древнимъ польскимъ достояніемъ, сопряжены съ убытками для этихъ странъ. Поэтому необходимо было, чтобы вѣнскій дворъ не медлилъ своимъ рѣшеніемъ, дабы войска русскія можно бы было скорѣе вывести за границу. Въ силу состоявшагося соглашенія рѣшено было до окончанія войны не дѣлать поземельныхъ захватовъ, чтобы доказать Европѣ безкорыстіе союзниковъ. Только послѣ заключенія мира, на общемъ европейскомъ конгрессѣ полагалось установить полное равновѣсіе Европы и водворить общую федеративную систему, которая должна была положить конецъ всякимъ новымъ усложненіямъ. Это послѣднее условіе не относилось, однако, до тѣхъ вознагражденій, которыя себѣ уже выговорила Австрія при заключеніи своего соглашенія съ Россіею. Пруссіи, для привлеченія ея въ коалицію, предполагалось назначить прирѣзку, съ тѣмъ, однако, чтобы вознагражденіе съ этой стороны вполнѣ уравновѣшивалось пріобрѣтеніями Австріи. Предполагалось еще, но подъ великимъ секретомъ, устроить диверсію съ юга, въ которой должны были принять участіе Испанія и Португалія. Для Австріи выговорена была немедленная ссуда въ милліонъ фунтовъ стерлинговъ, которую она, въ случаѣ счастливаго исхода предполагаемыхъ парижскихъ переговоровъ, не обязана была возвращать Англіи. Всѣ условія выработаны были съ вѣдома графа Стадіона. Теперь отъ вѣнскаго двора ожидали немедленнаго приступленія къ состоявшемуся соглашенію и безостановочнаго подготовленія войскъ, такъ чтобы ровно черезъ четыре мѣсяца они были въ состояніи выступить въ походъ. Разумовскому поручалось завѣрить вѣнскій кабинетъ, что самая его безопасность требуетъ немедленнаго рѣшенія. Русское правительство не допускало того, что императоръ-король не выразитъ протеста противъ новаго и столь явнаго нарушенія люневильскаго трактата. Подобный образъ дѣйствій былъ бы слишкомъ противенъ чести австрійскаго дома и слишкомъ угрожалъ бы не только его прямымъ интересамъ, но даже его существованію. „L'Empereur est convaincu que les mal-

heurs de l'Europe", заключалъ депешу свою Чарторижскій, „ont trop duré pour ne pas être bientôt à leur comble et qu'il n'y a plus de temps à perdre. Il est prêt à adopter telle mesure que S. M. I et R. voudra lui suggérer et il mettra dans leur exécution une énergie d'autant plus réelle que ses efforts ne seront dirigés par aucune vue personnelle et n'auront d'autre but que le bien-être et le salut de l'humanité et le rétablissement en Europe des principes de justice et de modération qui seuls peuvent lui garantir une paix solide et permanente... L'Empereur envisageant l'élévation de Bonaparte au trône d'Italie comme un de ces évènements qui par leur nature doivent motiver l'opposition énergique des deux cours impériales, ne néglige rien de ce qui est nécessaire pour mettre les forces russes à même de coopérer promptement avec celles d'Autriche. Ne pouvant douter que cette puissance ne se prépare de son côté à opposer à Bonaparte une résistence sérieuse, S. M. I. désire savoir en quoi consistent les mesures prises à cet effet..."

Задача была не легкая. Краткій срокъ для вооруженія, обязательства не захватывать областей во время войны, вознагражденія, обѣщаемыя ненавистной Пруссіи, мысль о конгрессѣ общеевропейскомъ, о равновѣсіи—все это далеко не подходило подъ обыкновенный уровень вѣнскихъ идей. Разумовскій плохо вѣрилъ успѣху своихъ убѣжденій и въ глубокомъ раздумьи принялся за дѣло.

„La dernière expédition du ministère autrichien au comte de Stadion", доносилъ онъ отъ 29 Апрѣля, „prouvera que je ne suis point trompé en préjugeant les délais, qu'on a mis ici à nous répondre et que mes conjectures ont été également justes sur la nature de cette réponse. Depuis que le gouvernement français exerce une dictature impérieuse sur tous les états de l'Europe, en butte par leur position aux combinaisons de sa politique machiavélique, nulle époque n'a présentée pour la cour de Vienne un concours de circonstances plus graves et plus alarmantes. L'énumération en serait superflue, elle s'offre d'elle-même au coup d'oeil d'un ministre éclairé et ce serait abuser des loisirs de v. e. si j'entreprenais de les retracer; il me suffira d'observer que si l'empereur-roi a crû devoir se soumettre à toutes les humiliations que se sont succédées pour lui à la suite de la paix avec la France; s'il s'est astreint dans ce même espace de temps à considérer passivement les usurpations de Bonaparte; s'il les a sanctionnées par un consentement que l'audace et la force arrachaient à la faiblesse et à la timidité, il conservait du moins l'ensemble des états que lui laissait le traité de Lunéville, il avait l'air de céder à une conjoncture irrésistible, il ne compromettait que sa dignité, et lorsque l'honneur se révoltait d'un pareil sacrifice, la raison pouvait faire

croire qu'on ne s'y déterminait que pour préparer en silence les mesures propres à justifier, aux yeux de ses peuples et de l'Europe, une condescendence qui le dégradait. C'était là effectivement le langage qu'on opposait à celui que dictait à notre auguste Maître sa sollicitude pour le salut de l'Europe et ses sentiments magnanimes envers son intime alliée. Le cabinet de Vienne toujours appréhensif de se compromettre trop tôt avec la France avait cependant fixé pour dernier terme de complaisance à son égard, les innovations qu'elle pourrait vouloir opérer en Italie. Son ambassadeur fût chargé de le déclarer à Paris, mais on y appréciait trop bien les ressorts de son cabinet, pour qu'un avertissement pareil dût apporter obstacle au plan de Bonaparte, qui n'y vit vraisemblablement qu'un motif de plus d'en presser le développement. Devenu souverain de l'Italie, il y a déjà une armée nombreuse, qui s'augmente chaque jour et qui atteste le dessein d'y affermir sa puissance. Personne ne doute de l'extension qu'il veut lui donner et le ministère autrichien lui même est convaincu que la possession des états vénitiens entre dans le projet de l'usurpateur. Quelques mois, quelques semaines peut-être feront éclore ce nouvel évènement, que le public stupéfait contemplera aussi tranquillement que les scènes funestes qui l'ont précédé. Alors enveloppé de toutes parts, l'empereur d'Allemagne n'aura plus à opposer au torrent qui l'effraie, que les chétives fortifications de sa capitale, qui en deviendra la proie, au moindre signe de résistance aux volontés suprêmes de Bonaparte. Cette résistance alors n'aura pas lieu parcequ'elle serait tardive et inutile et en se pliant au joug de la nécessité, on subira celui d'un conquérant, que l'opinion se sera habituée à considérer comme invincible. Ce présage de l'avenir n'est sûrement pas exagéré, quand on se rend compte de tout ce qui s'est passé et de l'esprit qui dirige le cabinet autrichien au moment de la crise dont il est menacé. V. e. en rapprochera les éléments du ton qui règne dans les dernières communications du comte de Stadion et elle déterminera quel degré d'espoir on peut fonder sur les résolutions de sa cour".

„Par la dépêche où je rends compte de mes conversations avec m. de Cobenzl", писалъ еще собственноручно Чарторижскому Разумовскій въ частномъ письмѣ отъ 31 Апрѣля, „v. e. verra à quoi nous en sommes. C'est toujours la même marche. On reçoit nos communications avec un flegme apparent; on diffère d'y répondre parcequ'on se concerte pour trouver des objections, ce qui n'est pas facile, car on sent bien au fond que nous les avons toutes prévenues et il n'est pas douteux qu'on apprécie de même tout ce que nous avons stipulé pour l'avantage de cette cour. Me voilà ajourné et réduit à prendre patience jusqu'à ce qu'on m'assigne la conférence qu'on m'a promise. J'y ferai

usage, vous pouvez en être persuadé, de tous les arguments dont votre expédition m'a muni, sans m'abstenir de mettre en avant ceux qui réclament la plus sérieuse attention de cette cour, si j'en apperçois la nécessité. Quelque mécontant que je sois du peu d'âme et de chaleur qu'on montre ici, il m'est impossible cependant d'admettre un seul instant qu'on puisse nous faire faux-bond et s'arranger avec la France. Je suis convaincu que jusqu'à présent on n'a pas varié dans le système d'union et d'intimité avec nous. C'est un principe fondamental du cabinet autrichien et ce n'est pas au moment où il vient de prendre des engagements et que ces engagements nous portent à nous avancer au point de ne plus reculer sans compromettre notre considération et notre dignité, qu'il y renoncerait. Toutefois le dénouement de la crise actuelle sera la pierre de touche de tous les intérêts et de tous les mobiles qui agissent sur les hommes qui dirigent les affaires des puissances. Notre mission auprès de Bonaparte n'est plus un secret. Il en sait ou il en devine le motif et il emploiera toutes les ressources de son génie. Ses premières conceptions se porteront sur la cour de Vienne; il voudra l'accabler de ses forces ou la séduire par des offres avantageuses. Ici je m'arrête. Il serait trop téméraire de prononcer, mais la terreur d'un côté, la méfiance de soi-même, l'habitude d'acheter la paix à tout prix, l'apathie, l'incapacité des gouvernants, la répugnance générale pour la guerre, toutes ces considérations trop bien constatées, malheureusement connues de Bonaparte, justifient toutes les craintes et tous les doutes. Vous trouverez peut-être, mon prince, que sur deux pages, que ma plume vient de parcourir, j'affirme presqu'également le blanc et le noir. Pas tout à fait cependant, mais je suis fort porté à croire que la pusillanimité incalculable dans ses conséquences peut l'emporter sur tout ce que dicterait le coeur, la raison et l'intérêt. Il ne m'appartient pas de pousser plus loin mes conjectures et mes réflexions. Ce serait les exposer à se perdre dans le vague. Pour leur donner quelque appui, j'attendrai, mon prince, que vous ayez la bonté de m'éclairer sur les chances futures. Jusque-là je ne saurais assez vous témoigner ma reconnaissance de la manière détaillée avec laquelle vous m'avez écrit cette fois-ci. Je me flatte que vous voudrez bien continuer de même. J'aime à puiser dans vos lettres les réflexions sages et énergiques qui peuvent me guider, et d'y trouver des témoignages d'amitié et d'intérêt que je prise en raison des sentiments d'estime, d'attachement et de considération que je vous ai voués".

„En remettant au vice-chancelier [1]), pour en prendre copie, l'acte de l'alliance qui vient d'être conclu entre notre cour et celle de Londres, j'accompagnai cette communication de tous les motifs contenus

[1]) Депеша отъ 1 Мая.

dans le rescrit que S. M.. a daigné m'adresser pour inviter cette cour-ci à ne pas mettre de délais dans son adhésion aux engagements que nous venons de prendre avec l'Angleterre. Le comte de Cobenzl y répondit par ses phrases habituelles: „qu'il prendrait les ordres de son maître, que le sujet était trop important pour qu'on puisse se permettre la moindre discussion avant de l'avoir profondément médité", et autres pareilles, sans cesse répétées et conformes au système de trainer les réponses en longueur afin de gagner du temps. Nous parcourûmes cependant ensemble, quoique à la vérité assez rapidement, l'acte susmentionné et surtout ses articles séparés. La seule observation que me fit le vice-chancelier sur ces derniers, eût rapport à l'article X qui renferme l'exposé du plan de pacification que m. de Novosillzoff est chargé de présenter au gouvernement français. En applaudissant aux propositions sages et étendues, qui doivent servir de base à l'équilibre, dont le rétablissement en Europe fait l'unique objet de la sollicitude magnanime de notre auguste Maître; en exprimant ses voeux pour qu'une offre pareille puisse être acceptée par Bonaparte, il y joignit des doutes, qu'on ne saurait ne pas partager, sur la réussite complète d'une pareille négociation, vis-à-vis d'un homme, dont toutes les entreprises sont couronnées du plus grand succès, dont l'ambition ne connait point de bornes et dont le caractère audacieux en impose également au pays qu'il gouverne et à ceux qu'il veut soumettre à son influence politique. Placé dans une conjoncture aussi heureuse, continua le comte de Cobenzl, Bonaparte admettrait-il des conditions, auxquelles il souscrirait à peine s'il avait essuyé les défaites les plus désastreuses. En concluant qu'on ne pouvait nullement s'en flatter, il ajouta: que dans son opinion, il eût-été préférable de restreindre le plan de pacification aux bases des traités de Lunéville et d'Amiens, qui ont terminé la dernière guerre avec la France. Je n'ai pas besoin de remarquer que le comte de Cobenzl, en raisonnant ainsi sur la négociation projettée, s'écartait de l'esprit qui la dirige et du but qu'on se propose, en même temps qu'il décélait l'esprit et le bût du cabinet autrichien — celui d'engager une négociation sur des bases incomplètes, qui serviraient simplement à écarter les mesures de vigueur qui doivent lui servir d'alternative. Il n'est pas question de savoir si Bonaparte souscrira ou non à ce qu'on veut lui proposer. Il est question de faire connaître à l'Europe qu'on a voulu y rétablir la paix et la tranquillité avec un équilibre de puissance qui en assure la durée et de constater, par le refus de Bonaparte, qu'il ne restait pour parvenir à ce résultat que l'emploi des forces que la Providence a mis entre les mains des grandes puissances. Telles sont les réflexions que j'ai opposées à celles du comte de Cobenzl. Dans la seconde et troisième conférence que j'eus avec lui à la suite de celle-ci, je ne

pûs en obtenir rien de péremptoire sur l'adhésion à notre alliance avec l'Angleterre. Il se refusa même d'entrer dans les détails de ces stipulations, allégant toujours les phrases mentionnées ci-dessus. J'ai cru nécessaire alors de lui parler d'un ton plus ferme et d'employer des arguments plus propres à le faire renoncer à sa tactique de réserve silencieuse, et ce ne fût point sans quelque succès. Il me promit qu'incessament et avant même le retour de l'Empereur il m'assignerait un entretien, dans lequel nous discuterions les articles de l'alliance susdite et tout ce qui pouvait avoir rapport à l'adhésion que je sollicitais de cette cour-ci... J'ai fait part au vice-chancelier des actes qui contiennent les engagements contractés entre notre auguste Maître et les rois de Prusse, de Suède et de Danemarc... Il avait cherché d'abord à obtenir que je lui en laisse prendre des copies, mais je m'y suis refusé positivement d'après ce que v. e. m'a écrit et alors le comte de Cobenzl la plume à la main ajouta aux dépêches du comte de Stadion les amplifications que lui fournissait ma lecture. L'acte prussien lui parût diffus, manquant de précision et de clareté et portant le caractère de la politique berlinoise, peu propre à inspirer de la confiance dans ses mesures. Il me dit que l'acte qu'on a échangé de notre part a été rédigé d'une manière moins équivoque. Il remarqua qu'il paraissait par erreur qu'on avait indiqué les bords du Weser comme le point sur lequel les entreprises des Français deviendraient le signal de l'effet du casus foederis. Il lui semble qu'on aurait dû dire l'Elbe en place du Weser et le comte de Stadion en lui suggérant cette méprise a ajouté que v. e. en avait la même opinion".

Такія долгія, ни къ какому окончательному результату не приводившія, разсужденія, истощили, наконецъ, терпѣніе Александра Павловича. Отъ просьбъ и внушеній онъ перешелъ къ болѣе твердому и рѣшительному тону.

„Il y a près de deux mois", гласилъ высочайшій рескриптъ отъ 28 Апрѣля на имя Разумовскаго, „que j'ai demandé à la cour de Vienne une réponse précise sur ses intentions dans la crise où se trouve l'Europe, sans avoir pu l'obtenir jusqu'ici. Cependant dans cette intervalle l'asservissement de toute l'Italie a été consommé au mépris des traités les plus solennels et l'Autriche a persisté dans son irrésolution et balance toujours à profiter des secours considérables que je lui offre. Voudra-t-elle attendre paisiblement, sans préparatifs, sans mesures de précaution, que Bonaparte vienne lui dicter des loix au centre de la monarchie et la crainte que cet ambitieux lui inspire et qu'elle ne lui fait que trop appercevoir, sera-t-elle plus forte que la sureté qu'offre ma coopération? Je croyais qu'en donnant 115,000 hommes pour soutenir les efforts de l'Autriche, je calmerais ses craintes, mais je vois

avec une véritable douleur qu'elles existent toujours. Il faut donc les faire disparaître et j'y suis résolu. Ce n'est plus 115,000 hommes que je ferai agir, mais 180,000 de mes troupes, dont la bravoure, dans un nombre beaucoup moindre, a déjà contribué à délivrer l'Italie de ses oppresseurs et qui, j'espère cette fois avec l'aide de Dieu, parviendront à des résultats bien plus décisifs. Telle est la détermination que j'ai prise et que je vous charge de communiquer immédiatement au cabinet autrichien. Vous lui annoncerez en même temps que ne pouvant m'expliquer la lenteur que met S. M. I. et R. à répondre aux communications que je lui ai faites, ce retard a du faire naître en moi l'idée, que la violence de Bonaparte pourrait la porter à transiger avec lui et à sacrifier à un calme momentané et précaire ce qu'exige d'elle sa dignité. L'honneur de mon empire ne me permet sous aucun rapport de voir d'un oeil indifférent mes voisins souscrire et par conséquent prêter les mains à l'asservissement successif de tous les états qui environnent la France... Il me semblait qu'en entrant dans une lutte où il n'y avait rien à gagner pour moi et tout pour mes alliés, j'acquérerais des titres à leur confiance entière, mais ne la voyant encore prouvée par aucun effet réel, je me suis décidé à augmenter volontairement et sans instances le nombre des troupes que je veux employer, afin de remplir ma promesse de soutenir avec une énergie croissante la cause que j'ai embrassée... Les raisonnements de la cour de Vienne qu'elle m'a communiqués et qu'elle veut suivre, au cas qu'elle soit attaquée par Bonaparte, m'ont principalement décélé le peu de confiance qu'elle mettait dans nos efforts réunis. Résolu de décider promptement du sort de l'Europe, j'ai donné plus d'étendue à mes projets et je les ai renfermés dans un plan général qui comprend la coopération de la plupart des puissances. Le moyen de les y déterminer est de forcer la Prusse à agir; ce point obtenu il n'est aucun doute que tous les états neutres les moins disposés à se prononcer ne suivent son exemple... Pour vous aider dans le réglement des opérations tenant plus particulièrement à la partie militaire, j'ai donné ordre à mon aide de camp général baron de Wintzingerode de se rendre immédiatement à Vienne afin de se joindre à vous dans les discussions de tout ce qui est relatif à cet objet avec la personne qui y sera autourisée par S. M. I. et R., à la suite de quoi, je désire qu'il retourne au plutôt et m'apporte un compte précis et détaillé sur la manière dont l'empereur jugera convenable de mettre ce plan en exécution. En attendant... vous pourrez faire connaître au ministère autrichien mon intention de rassembler des forces considérables en Lithuanie, qui prendraient la place des corps qui se mettront en marche pour l'Allemagne et de combiner le débarquement des Suédois en Poméranie (destiné

autant à menacer la Prusse qu'à inquiéter les français en Hanovre) avec l'arrivée de ma seconde armée en Bohême. C'est alors que je demanderai à la Prusse péremptoirement le passage par ses états d'un corps de 40,000 hommes et si elle refuse, 100,000 resteront pour aider l'Autriche soit contre les français soit contre les prussiens. Je ferai marcher d'autres armées. . en traitant en ennemi tout ce qui s'opposera à leurs progrès. Je doute que la Prusse laisse venir les choses à cette extrémité et si elle témoigne la moindre bonne volonté à nous seconder, il sera facile de l'engager à joindre une armée à celles qui agiront contre la France... Les dernières relations que j'ai eues avec le cabinet de Berlin sont de nature à me convaincre qu'à danger égal... il préférerait mon alliance à celle de l'ennemi... Quant à moi en prenant une part aussi active à la guerre, sans y avoir aucun intérêt direct, je crois acquérir le droit d'exiger des états neutres de l'Europe une coopération qui peut procurer à plusieurs des acquisitions convenables et à tous une garantie de leur indépendance future. Je ne doute pas que S. M. I. et R. n'en reconnaisse la nécessité aussi bien que l'efficacité du plan que j'ai arrêté. Vous travaillerez à le faire apprécier pleinement par son ministère... Vous m'en instruirerez pas un courrier extraordinaire et, si S. M. en faisait la réquisition, vous pourrez vous adresser au général commandant mes forces sur les frontières, qui sera autorisé à faire marcher dans les états autrichiens le premier corps de mes troupes... à la suite de quoi vous pourrez faire savoir au général Lacy mes ordres d'ouvrir la campagne dans le royaume de Naples... Je vous commets aussi le soin de convenir de tous les arrangements nécéssaires pour l'entretien de mes troupes tant à leur passage par les états autrichiens que lorsqu'elles auront commencé les opérations... Il est nécessaire, il est instant que l'Autriche fasse cesser enfin une incertitude qui compromêt le salut de l'Europe. En perdant un temps précieux on donne à l'ennemi celui de consolider son ouvrage... On objectera peut-être que la négociation qui va s'ouvrir à Paris exige le temps nécessaire à son développement, mais il vous sera facile de répondre que mes ouvertures doivent être appuyées par des démonstrations vigoureuses... pour que si Bonaparte refuse de se prêter aux justes demandes qui lui seront faites, mes troupes puissent immédiatement entrer en Autriche afin d'être à portée de la secourir efficacement contre l'attaque des Français... Tous vos soins doivent tendre à faire prononcer l'Autriche avec énergie et je crois vous en fournir les moyens. L'impatience avec laquelle j'attendrai vos rapports ultérieurs égalera l'importance de l'objet même et le succès de vos démarches vous assurera une part réelle à ma bienveillance".

Рядомъ съ этимъ рескриптомъ и отъ того же числа, отправленъ

былъ къ Разумовскому еще другой, въ которомъ сильнѣе выражено было недовольство Государя и рѣшеніе его предоставить Австрію ея горькой участи. „La soumission passive de l'Autriche", писалъ въ этомъ второмъ рескриптѣ Александръ Павловичъ, „sera le signal de l'asservissement de tous les états de l'Europe et elle même ne pourrait être envisagée comme jouissant de sa pleine indépendance. La Russie et l'Angleterre... devront changer de système... Elles devront pour leur justification faire connaître à l'Europe entière leur conduite et à qui est la faute de ses malheurs et de son asservissement. Libres de tout reproche, elles le seront aussi d'adopter dès à présent une politique que les plus justes motifs finiront à rendre aussi personnelle que possible. Je réfléchis avec peine à ces combinaisons et je ne saurais m'y arrêter plus longtemps. S'il y avait lieu à leur donner suite, vous receveriez incessamment des instructions ultérieures. En attendant, repugnant à toute surprise et à ne pas agir avec une loyauté sans bornes, j'ai voulu que vous fussiez dans le cas d'exprimer à la cour où vous êtes mes sentiments et ma conviction".

Этотъ второй рескриптъ Разумовскій долженъ былъ сообщить вѣнскому двору только въ томъ случаѣ, еслибы не подѣйствовалъ первый. Между тѣмъ графъ Андрей Кириловичъ продолжалъ безплодные переговоры съ вице-канцлеромъ. Послѣдній оспоривалъ каждый пунктъ соглашенія съ Англіею. Онъ дѣлалъ самые пустые запросы и придирался къ ничтожнымъ подробностямъ. По поводу Нидерландовъ онъ не постыдился заявить старыхъ притязаній Австріи, снова жаловался на недостаточность помощи со стороны Россіи и, признавая въ принципѣ справедливость принятаго правила, не дозволять захвата чужихъ территорій во время войны, сталъ, однако, доказывать всю непрактичность подобнаго запрета, стараясь выторговать хотя временное управленіе тѣми областями, которыя займутъ австрійскія войска. Особенное недовѣріе вселяло въ Кобенцелѣ предполагаемое округленіе Пруссіи. На всѣ замѣчанія вице-канцлера, русскій посолъ отвѣчалъ только повтореніемъ надежды, что Стадіону высланы будутъ требуемыя полномочія [1]).

Одновременно съ жгучимъ вопросомъ о коалиціи Разумовскому приходилось спорить съ вице-канцлеромъ о Черногоріи. Осенью 1804 г. до вѣнскаго двора дошли слухи, что французское правительство подослало агента къ черногорскому владыкѣ, стараясь завести сношенія съ этимъ воинственнымъ, но мало извѣстнымъ въ то время племенемъ. Появленіе иностранца въ Цетиньѣ произвело смуту въ народѣ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ французскихъ интригахъ

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 7 Мая.

былъ нѣкто *аббатъ Дольчи* (sic), довѣренное лицо у черногорскаго владыки. Въ то время русскимъ консуломъ въ Которѣ былъ Мазуревскій, человѣкъ, какъ видно, энергичный и находчивый, пользовавшійся большимъ довѣріемъ между славянами. Благодаря его ловкимъ распоряженіямъ интригамъ Франціи разомъ положена была преграда. Вслѣдствіе возстанія въ одномъ изъ Черногорскихъ округовъ, Мазуревскому удалось напасть на несомнѣнныя доказательства сношеній Дольчи съ французскимъ правительствомъ. Въ руки русскаго консула попали, между прочимъ, письма его къ французскимъ генераламъ, въ которыхъ онъ, отъ имени митрополита, приглашалъ ихъ къ занятію Черногорья и захвату, какъ Котора, такъ и сосѣднихъ округовъ. Мазуревскій потребовалъ ареста Дольчи, но митрополитъ, который, какъ ходили въ то время по адріатическому поморью слухи, не былъ безучастенъ въ интригахъ аббата, на это не соглашался. Во всемъ Черногорьи произошло сильное волненіе. Владыка, опасаясь за собственную безопасность и узнавъ, что въ бумагахъ Дольчи нашлись несомнѣнныя доказательства сношеній съ французами, которыя, къ тому же, ставили его самого въ неловкое передъ народомъ положеніе, велѣлъ схватить Дольчи, осыпалъ его проклятіями и безъ суда предалъ казни за злоупотребленіе его довѣріемъ и именемъ. Эта быстрая расправа какъ будто подтверждала общее подозрѣніе противъ митрополита. Объ этихъ безпорядкахъ дошли слухи до Петербурга. Оттуда отправленъ былъ въ Черногорію съ экстренною миссіею генералъ графъ Ивеличъ. Онъ нашелъ, что у владыки весьма много приверженцевъ и что опасно было касаться до священнаго для черногорцевъ лица [1]). Благодаря мудрымъ распоряженіямъ Ивелича, онъ, въ короткое время, съумѣлъ возстановить добрыя отношенія между владыкою и его паствою, водворить въ Черногоріи спокойствіе и внушить храбрымъ горцамъ еще сильнѣйшую привязанность къ Россіи [2]). Между тѣмъ Мазуревскій, въ виду слуховъ касательно участія черногорскаго владыки въ интригахъ Франціи, передалъ ему формальное заявленіе о томъ, что, вслѣдствіе миссіи графа Ивелича и торжественнаго заявленія любви и преданности черногорцевъ къ россійскому Императору, всѣ дальнѣйшія сдѣлки ихъ съ иностранцами должны быть впредь заключаемы черезъ посредство русскаго консула въ Которѣ [3]). Это заявленіе, о которомъ австрійскія власти поспѣшили извѣстить вѣнскій кабинетъ, возбудило въ столицѣ Австріи сильное недоумѣніе и въ тоже время неудовольствіе. Вице-канцлеръ и его товарищи не могли понять, что могло быть общаго между от-

[1]) Депеша Чарторижскаго къ Разумовскому отъ 25 Декабря 1804 г.

[2]) Депеша Разумовскаго отъ 20 Ноября.

[3]) Депеша Разумовскаго отъ 8 Октября.

даленною Россіею и незначительнымъ горскимъ племенемъ, поселеннымъ на берегахъ Адріатики. Во всякомъ случаѣ тутъ скрывалось что-то недоброе, не даромъ же черногорцы граничили съ Австріею и были непримиримыми врагами Порты Оттоманской. На Мазуревскаго стали изъ Вѣны посматривать косо, какъ на человѣка опаснаго, имѣвшаго несомнѣнное вліяніе на славянскія племена. Отъ него рѣшились отдѣлаться подъ благовиднымъ предлогомъ. Прямо требовать его отозванія не рѣшались, такъ какъ въ Вѣнѣ хорошо было извѣстно, что Императоръ Александръ въ данную минуту австрійскимъ кабинетомъ былъ крайне недоволенъ. Положено было вслѣдствіе этого, съ одной стороны, жаловаться въ Петербургъ на поведеніе Мазуревскаго, а съ другой, объявить Которъ военнымъ портомъ и вслѣдствіе этого не дозволять болѣе жить въ этомъ городѣ русскому консулу. Мазуревскому сдѣланъ былъ изъ Петербурга выговоръ, но въ то же время поручено было Разумовскому объяснить вице-канцлеру, что хотя поступокъ Мазуревскаго былъ неправильный, однако, вѣскія соображенія заставляютъ русское правительство настаивать на томъ, чтобы принятая, относительно Котора, мѣра была отмѣнена. Графъ Кобенцель поспѣшилъ завѣрить посла, что между недовольствомъ на Мазуревскаго и объявленіемъ Котора военнымъ портомъ не было ничего общаго. Когда графъ Андрей Кирилловичъ потребовалъ объясненія этой мѣры, вице-канцлеръ принужденъ былъ признаться, что поводомъ къ тому послужило опасеніе, какъ бы Франція, основываясь на примѣрѣ Россіи, не потребовала водворенія своего агента въ Которѣ, съ цѣлью завести интриги въ сосѣднихъ областяхъ. На это Разумовскій замѣтилъ, что будетъ ли или не будетъ русскій консулъ въ Которѣ, все же австрійское правительство не въ силахъ отказать Франціи, если она пожелаетъ имѣть тамъ представителя, а вѣнскому двору будетъ несомнѣнно выгоднѣе имѣть подъ рукою агента дружественной державы, способнаго зорко слѣдить за происками французовъ и ограждать отъ пагубнаго ихъ вліянія народы, связанные съ Россіею узами вѣры, языка и происхожденія. Въ подтвержденіе словъ своихъ посолъ указалъ на счастливый и быстрый исходъ миссіи графа Ивелича [2]). Кобенцелю, разумѣется, мало была извѣстна не только черногорская, но и русская исторія, однако, у австрійскаго правительства существовало какое-то смутное сознаніе о томъ, что славянство есть сила, съ которою рано или поздно придется свести счеты и что силою этою непремѣнно когда-либо воспользуется Россія. Впервые проявилось это опасеніе у вѣнскаго двора во времена бѣгства царевича Алексѣя Петровича, когда министры

---

[2]) Депеша Разумовскаго отъ 8 октября.

императора Леопольда I: князь Траутзонъ и графы Штарембергъ и Зинцендорфъ заявляли своему государю боязнь, какъ-бы русскій Царь не ворвался въ Богемію и легко не привязалъ къ себѣ тамошнюю чернь [1]). Довольно любопытно, что въ то время, какъ иностранные государственные люди такъ далеко заглядывали впередъ, никто изъ русскихъ дипломатовъ не помышлялъ о славянскомъ вопросѣ и о томъ значеніи, которое онъ долженъ имѣть для Россіи. Впрочемъ, нечего удивляться тому, что всякимъ фонъ-Сальдернамъ, фонъ-Штакельбергамъ, фонъ-Симолинамъ, фонъ-Крюднерамъ, фонъ-Клюпфелямъ, фонъ-Алопеусамъ и другимъ, имъ подобнымъ представителямъ Россіи, не могла быть понятною солидарность русскаго народа съ единовѣрными и единокровными братьями. Но рядомъ съ этими защитниками изъ нѣмцевъ русскаго дѣла, успѣла уже образоваться цѣлая фаланга блестящихъ дипломатовъ чисто русскаго происхожденія. Въ числѣ ихъ чуть ли не на первомъ мѣстѣ стоялъ герой нашъ. Къ несчастію и эти русскіе люди успѣли уже вполнѣ обасурманиться воспитаніемъ и долгимъ пребываніемъ за-границею. Благодаря этому, не смотря на свои блестящія способности, они были плохими слугами отечеству и не умѣли направить русскую политику на ту стезю, которая была ей указана Провидѣніемъ. На счастіе же Россіи благое Провидѣніе оказалось сильнѣе слѣпыхъ и неумѣлыхъ дипломатовъ и отвлекаемое трудами ихъ отъ своихъ конечныхъ цѣлей отечество наше все же силою судьбы, точно противъ воли, направляется именно туда, гдѣ скрыты ея сила, могущество и великое будущее.

Касательно Черногоріи Разумовскій, былъ однако, болѣе свѣдущъ чѣмъ всѣ его собратья. Во-первыхъ, онъ еще отъ перваго дѣтства сохранилъ воспоминаніе о сношеніяхъ отца, во время гетманства, съ черногорскими владыками, а во-вторыхъ, онъ былъ любознателенъ и вниманіе его уже давно остановилось на донесеніяхъ русскихъ агентовъ Адріатическаго поморья, которыя всѣ проходили черезъ его руки. Вице-канцлеръ, желая уяснить себѣ это черногорское дѣло, откровенно признался Андрею Кириловичу, что онъ понять не можетъ, какія дружественныя отношенія могли существовать между отдаленною Россіею и темною, неизвѣстною горстью горцевъ. Онъ сказалъ, что сношенія эти, обратившія на себя весьма недавно вниманіе вѣнскаго двора, кажутся ему загадочными.

„Quelles sont donc vos relations avec ces monténégrins“, спрашивалъ онъ посла, „qu'en attendez vous? Nous ne demandons pas mieux de vous seconder, mais faites nous connaître vos intentions. Je répli-

[1]) См. Устрялова „Исторія царствованія Петра Великаго“, VI, 104 и приложеніе 95.

quai", доносилъ отъ 8 Октября 1804 г. Разумовскій, „que nos rapports avec cette nation dérivaient de la ressemblance de la langue, de l'unité du culte, que depuis Pierre le Grand la Russie avait toujours donné des preuves constantes d'intérêt et de bienveillance à ce peuple courageux et reconnaissant, qui en revanche a servi utilement et la maison d'Autriche et la Russie contre les Turcs. Que ce principe avait effectivement depuis changé dans son application, mais que personne ne savait mieux que le comte de Cobenzl, que c'est grâce à la surveillance du consul russe qu'on a découvert une correspondance dangereuse entre les français et le métropolite du Montenegro, ainsi que des intelligences qui tendaient à faciliter à celui-ci l'établissement d'une espèce de gouvernement théocratique, au moyen duquel il aurait soumis entièrement ce peuple intrépide et dévot aux volontés de la France. Que la dénonciation de cette correspondance avait décidé ma cour à envoyer un plénipotentiaire, mais un plénipotentiaire sans armes [1]) qui n'avait porté aux monténégrins que des paroles de conciliation, de tranquillité et d'ordre".

Быстрый успѣхъ графа Ивелича поразилъ австрійское министерство. Оно невольно задавало себѣ вопросъ, не станетъ ли русское правительство искать сближенія съ другими славянскими племенами и съ безпокойствомъ соображало послѣдствія такой опасной для Австріи политики. На счастіе монархіи Габсбурговъ иностранные наши дипломаты, подъ предводительствомъ поляка Чарторижскаго, не помышляли о чемъ-либо подобномъ. Тѣмъ не менѣе опасенія вѣнскаго двора не ослабѣвали. Въ Константинополѣ распространялся слухъ, что Австрія намѣрена присоединить къ владѣніямъ своимъ Рагузу. Объясняясь объ этомъ слухѣ съ интернунціемъ барономъ Штюрмеромъ, турецкіе паши предупреждали его, что въ случаѣ захвата Рагузы. Россія непремѣнно овладѣетъ Черногоріемъ. Изъ Вѣны спѣшили успокоить Порту Оттоманскую и даже предлагали публично заявить о ложности подобныхъ слуховъ, но намекъ на Россію не пропалъ даромъ. Кобенцель при каждомъ удобномъ случаѣ заговаривалъ съ Разумовскимъ о непонятной ему дружбѣ Россіи съ Черногоріей, выражая свои опасенія относительно слишкомъ сильнаго тамъ вліянія Россіи. Онъ даже подъ секретомъ сообщилъ послу, что опасенія эти внушаемы Турціею. Графъ Андрей Кириловичъ старался успокоить вице-канцлера и замѣтилъ ему, что Черногоріе страна совершенно отъ Турціи независимая и такою признана русскимъ правительствомъ. Съ этимъ Кобенцель не могъ согласиться, такъ какъ въ первой статьѣ Систовскаго договора, Черногоріе прямо обозначено подвластною Портѣ

---

[1]) Графъ Ивеличъ.

областью. Къ тому же, по убѣжденію вице-канцлера, и Австрія имѣла несомнѣнныя права на нѣкоторые изъ черногорскихъ округовъ. Австрійскій министръ не разъ упоминалъ о томъ, какъ бы желательно было полное единодушіе обоихъ императорскихъ кабинетовъ относительно Черногорія. На это Разумовскій постоянно отвѣчалъ, что въ этомъ, какъ, впрочемъ, и во всякомъ иномъ дѣлѣ, россійскій Императоръ всегда готовъ выказать свою полную безкорыстность и чистоту намѣреній [1]). Графъ Андрей Кириловичъ не безъ труда уговорилъ вѣнскій кабинетъ отмѣнить свое распоряженіе относительно Котора. Стадіону предписано было объясниться объ этомъ дѣлѣ съ Чарторижскимъ и окончательное рѣшеніе передано было на благоусмотрѣніе Императора Александра. На этомъ дѣло пока остановилось, но среди своихъ почти ежедневныхъ разговоровъ съ русскимъ посломъ, особенно же когда вице-канцлеру хотѣлось избѣгнуть отвѣта на прямой вопросъ Разумовскаго, Кобенцель ловко сводилъ разговоръ на Черногоріе. Разумовскому удалось-таки отклонить несправедливыя притязанія вѣнскаго двора на отдѣльные округа горнаго княжества. Спорами объ этихъ ничтожныхъ, никому не пригодныхъ лоскуткахъ земли приходилось прерывать пренія о важныхъ вопросахъ коалиціи и неминуемой съ Франціею войны.

„Le comte de Cobenzl toujours louvoyant, toujours évitant les discussions approfondies“, доносилъ Чарторижскому въ Апрѣлѣ Разумовскій, „me fait présumer cependant que tout ce qui concerne nos agents dans le Monténégro et leurs attributions n'éprouvera aucune difficulté, mais il me semble qu'on est disposé à en élever encore à l'égard du monastère de Stagnovitch, sur lequel on insiste à maintenir un droit de propriété, et quoique j'ai pu dire à cet égard, en représentant que ce n'était pas le moment de mettre ces contestations sur le tapis, qu'il serait temps de les régler par la suite et qu'on devait être convaincu de notre désir de rendre en toute occasion justice à cette cour, je ne pense pas qu'elle abandonne ce projet“.

Разумовскій, однако, не терялъ ни надежды, ни терпѣнія. Онъ продолжалъ дѣйствовать на Кобенцеля силою убѣжденія и еще до полученія приведенныхъ нами выше царскихъ рескриптовъ съ удовольствіемъ подмѣтилъ нѣкоторую перемѣну въ образѣ мыслей вице-канцлера. Къ тому же кредитъ послѣдняго при дворѣ видимо поднимался и была надежда, что сторонники мира и вѣчныхъ уступокъ Франціи лишатся окончательно вліянія, благодаря тѣсному союзу между вице-канцлеромъ и генераломъ Макомъ. Кобенцель настоялъ на томъ, чтобы въ тайномъ совѣтѣ римскаго императора немедля

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 20 Ноября.

было приступлено къ серьёзному и рѣшительному обсужденію тѣхъ военныхъ мѣръ, которыя необходимо было принять въ виду скопленія французскихъ силъ въ Италіи. Генералъ Макъ представилъ по этому поводу пространный планъ, который императоръ Францъ передалъ на разсмотрѣніе брата своего эрцгерцога Карла. Эрцгерцогъ, забывъ прежнюю вражду, взялся помогать Маку силами своихъ опытности и познаній. Это былъ отличный признакъ, доказывавшій въ какую силу вошелъ Макъ при дворѣ. Сообщая графу Андрею Кириловичу, подъ величайшимъ секретомъ, эти извѣстія Кобенцель просилъ его не торопить вѣнскій кабинетъ отвѣтами, покуда совѣтомъ императора не разработаны будутъ въ подробности всѣ необходимыя для обороны Италіи мѣры.

„En témoignant au vice-chancelier", писалъ отъ 11 Мая Разумовскій, „mes remerciements de la communication qu'il m'en a faite, j'ai pris occasion de lui réitérer mes instances pour qu'on ne diffère point la conclusion des engagements à prendre avec nous et l'Angleterre. Je ne récapitulerai point tout ce que la conjoncture délicate dont nous venions de parler m'a suggéré d'arguments plausibles sur ce sujet. Je joignis à ce que j'avais à lui dire politiquement, les exhortations les plus vives, comme ami et à ce titre je ne lui dissimulai point l'alternative funeste qui pouvait remplacer les dispositions généreuses de notre auguste Maître, si S. M. devait se convaincre qu'une hésitation déplacée de la part de son allié, eût pour motif une crainte exagérée de la France et que nous fussions exposés par là à nous compromettre dans les déterminations énergiques, que le salut de l'Europe et le caractère d'honneur et de loyauté de l'Empereur notre Maître lui ont fait adopter. Le comte de Cobenzl écouta mes représentations attentivement et avec intérêt. Il me répondit qu'il espérait, qu'en apprenant à St.-Pétersbourg les dispositions dont on s'occupe maintenant, on rendrait justice à la conduite de l'empereur son maître et aux sentiments qui le dirigent. Il convint de la pressante nécessité de terminer nos engagements réciproques et de nous entendre sur les plans à former. Le seul point sur lequel il témoigna de la difficulté à souscrire c'est l'obligation de commencer à agir quatre mois après la signature, mais je lui répétai ce que vraisemblablement il n'avait pas saisi dans notre première conférence, que j'étais autorisé à ne pas insister à cet égard, en étendant cette obligation à l'année courante, et il me donna presque l'assurance que le travail pour nos affaires devant avoir lieu incessamment, le résultat en serait tel que nous pourrions le désirer".

Уже и этимъ было много выиграно. Впервые, съ незапамятныхъ временъ, приходилось графу Андрею Кириловичу видѣть со стороны австрійскаго вице-канцлера не безпрестанныя увертки и отлыниваніе

отъ дѣла, а дѣльное сочувственное слово. Правда, снова приходилось ждать, но по-крайней-мѣрѣ теперь графъ Кобенцель указывалъ на законную причину замедленія, говоря при встрѣчахъ съ посломъ: вы будете нами довольны, мы съ вами вполнѣ сойдемся, не сомнѣвайтесь въ этомъ, я только мало-по-малу и съ трудомъ добываю того чего желаю, повремените еще немного, мнѣ необходимъ еще недолгій срокъ". Разумовскій предполагалъ, что Кобенцелю приходилось бороться съ Коллоредо, быть можетъ, даже съ самимъ императоромъ Францомъ и его приближенными второго разряда, не игравшими видной роли въ вѣнскомъ обществѣ [1]). Второе предположеніе графа Андрея Кириловича оказалось самымъ вѣрнымъ. На императора дѣйствовали, однако, не одни только темные придворные, но и эрцгерцогъ Карлъ, который, не смотря на обѣщаніе помогать Маку, на засѣданіяхъ совѣта употреблялъ послѣднія силы для сдержанія воинственныхъ плановъ вице-канцлера. Однако, Разумовскій слишкомъ часто испыталъ, во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, обманы австрійскихъ министровъ. Его невольно брало сомнѣніе—точно ли графъ Кобенцель теперь дѣйствуетъ въ видахъ русскаго правительства и не прикрываютъ ли его слова всегдашнюю систему выжиданія. Онъ счелъ долгомъ объ этомъ увѣдомить даже частнымъ письмомъ Чарторижскаго. Именно въ это время получилъ онъ изъ Петербурга высочайшіе рескрипты и подробный планъ войны.

Впечатлѣніе, произведенное на вѣнскій дворъ сообщеніемъ перваго рескрипта было, по мнѣнію Разумовскаго, такъ сильно, что онъ рѣшился до времени не пускать въ дѣло второго. Присланный изъ С.-Петербурга планъ принятъ былъ посломъ съ полнымъ сочувствіемъ. Онъ поспѣшилъ прочесть его вице-канцлеру.

„J'ai fait part", доносилъ отъ 20 Мая Разумовскій, „au c-te de Cobenzl du plan d'opération. Il en a écouté la lecture avec une profonde attention et il n'a pu qu'applaudir à l'étendue et l'énergie des mesures qui le caractèrisent. Certes il eut été difficile d'y faire quelque objection. Le comte de Cobenzl en aurait cherché en vain la possibilité, conformément à son usage d'amener dans nos discussions des incidents qui trainent en longueur et font gagner du temps, puisqu'il voyait dans ce plan détruire une des bases favorites sur lesquelles se fondaient les difficultés d'un concert général, c. a. d. les embarras qu'on devait appréhender de la politique incertaine et dangereuse de la cour de Berlin. Cet obstacle est entièrement écarté par les détermination pleines de sagesse, de dignité et de convenance à l'égard de la Prusse. Je ne me suis pas attendu à une résolution prompte et à

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 12 Мая.

un acquiescement péremptoire aux vues et aux dispositions de notre auguste Maître. Il est vrai que je me suis trouvé chargé des communications, dont je rends compte, dans un moment où diverses circonstances concouraient à faire retarder les réponses de cette cour. Le voyage inopiné de l'empereur en Bohême et la cause qui l'a fait entreprendre, sont de nature à légitimer les délais que nous avons à éprouver. Celui de l'arrivée du général Wintzingerode est une autre circonstance qu'on m'a alléguée et qui m'a été d'autant plus difficile à réfuter, qu'on ne m'en a pas moins témoigné d'empressement de connaître les détails relatifs aux arrangements militaires, afin de pouvoir s'en occuper, en attendant que m. de Wintzingerode soit ici, et abréger par là les discussions que nous serons chargés de suivre sous ce rapport et c'est pour quoi avant le départ de l'empereur, il a été presque résolu que ce serait au général Mack qu'on déférerait de ce côté-ci le soin de ces discussions. C'est en combinant tout ce que je viens de dire que je me suis abstenu jusque-ici de faire usage du second rescrit que S. M. a jugé à propos de m'adresser. Je crois que v. e. trouvera qu'il ne sera convenable d'en parler que dans le cas où un développement ultérier et surtout après l'arrivée du général Wintzingerode me démontrerait qu'on veut positivement trainer en longueur et se refuser à adopter notre plan dans toute sa précision. Je ne néglige aucune occasion de faire pressentir au comte de Cobenzl l'alternative qu'aurait de notre part des déterminations passives de sa cour, si peu conformes aux vues magnanimes et aux efforts généreux de notre auguste Maître. J'ai lieu de croire que le comte de Stadion lui aura écrit sur le même ton; j'en juge par la différence de celui qu'il met à nos entretiens. Il porte l'empreinte de la plus profonde reconnaissance et du désir le plus vif de resserrer les liens d'intimité, d'accord et d'intelligence entre les cours impériales, comme l'unique moyen de faire cesser les calamités de l'Europe et de lui rendre l'équilibre et le bonheur si nécessaires à la sécurité des puissances. M. de Cobenzl ajoute à ces protestations sans cesse réitérées: qu'un but pareil doit être l'objet de nos soins mutuels les plus vigilants, non pendant une époque brièvement conscrite, mais dans la durée des temps et des générations, comme maxime fondamentale d'état et de politique jusqu'à ce que le but susmentionné soit obtenu. Partant de là il m'a conjuré de ne jamais prêter l'oreille à aucunes insinuations qui puissent paraître en opposition à un pareil système et de ne les attribuer qu'à la malveillance ou à l'intrigue de l'ennemi commun ou de ses adhérants, toujours intéressés à semer la méfiance et à tenter d'affaiblir les liens qui doivent immuablement unir les deux cours impériales. Je ne dois pas omettre la satisfaction qu'on m'a témoignée

au nom de l'empereur du choix qu'a fait notre auguste Maître du général Wintzingerode pour la commission dont il est chargé. Cet officier jouit ici de l'estime qu'il s'est acquise en servant l'armée autrichienne et la connaissance qu'il a des détails de cette armée, jointe à celle qu'il doit avoir de la notre, font juger que personne n'était plus propre à remplir l'objet qui l'amêne ici".

Въ Петербургѣ, однако, были весьма недовольны вѣнскимъ дворомъ. Государь не скрывалъ своего гнѣва на австрійское правительство. Такъ какъ съ Франціею прерваны были дипломатическія сношенія, то паспортовъ для проѣзда Новосильцова пришлось просить черезъ посредство Пруссіи. Новый императоръ объявилъ берлинскому двору, что онъ охотно приметъ русскаго уполномоченнаго. Нерѣшительность вѣнскаго двора одна задерживала теперь Новосильцова въ Петербургѣ, а между тѣмъ время шло и дурная погода, въ случаѣ объявленія войны, могла помѣшать Россіи дѣйствовать съ быстротою. Неизвѣстность въ данную минуту была хуже отказа. Императоръ Александръ повелѣлъ войскамъ своимъ стягиваться къ границамъ и, наконецъ, рѣшилъ отправить Новосильцова не дождавшись отвѣтовъ изъ Вѣны. Царскому уполномоченному предписано было держать себя передъ Наполеономъ, особенно сначала, какъ можно сдержаннѣе. Ему дозволено было величать Бонапарта титуломъ величества. Онъ долженъ былъ упираться на Люневильскій и Аміенскій трактаты, требовать очищенія Италіи, независимости Голландіи, неприкосновенности Швейцаріи. По дорогѣ Новосильцову приказано было остановиться въ Берлинѣ, чтобы тамъ еще разъ попытать силу убѣжденій. Если бы король прусскій согласился примкнуть къ коалиціи, Новосильцеву предписывалось просить объ отправкѣ въ Парижъ новаго уполномоченнаго, такъ какъ старому нашему знакомому маркизу Луккезини, находившемуся тамъ прускимъ посланникомъ, русское правительство не довѣряло. Единомысліе представителей трехъ дворовъ, какъ были увѣрены въ Петербургѣ, сильно бы подѣйствовало на Наполеона. Все зависѣло теперь отъ той роли, которую будетъ играть Австрія [1]).

„Il est de toute nécessité", писалъ къ Разумовскому Чарторижскій, „que v. e. exige des réponses claires, précises, cathégoriques. L'Empereur n'en a pu obtenir jusqu'ici. L'Autriche assure qu'elle ne reconnaîtra pas le nouveau roi d'Italie, qu'elle en prenne donc l'engagement solennel et sans restriction! Elle dit qu'elle ne permettra aucun empiétement ultérieur de Bonaparte—qu'elle énonce clairement quels sont ces empiétements!.. Il faut qu'elle prenne des engagements formels à ce sujet qui coupent court à de nouvelles tergiversations. L'Autriche

---

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 2 Іюня.

prétend qu'elle est hors d'état de commencer la guerre dans ce moment... Ce fait est-il vrai et avéré, ou bien simplement un prétexte mis en avant pour cacher un système décidément mauvais, basé sur une faiblesse de sentiments et peut-être sur la mauvaise foi? Les préparatifs actuels de l'Autriche sont ils réels?.. et peut on en attendre des résultats prompts et satisfaisants? A quelle époque ces préparatifs seront ils terminés? Il faut que l'Autriche dise le jour précis où elle sera prête enfin et qu'elle s'engage à commencer les hostilités dans ce jour. Ce ne sont pas des assurances vagues, mais des engagements précis que nous demandons dans un terme aussi court que possible... Je vous avoue que je regarde comme très douteux, que l'Angleterre voudra payer des subsides l'année prochaine. L'Autriche perdant le moment de les avoir, ne doit pas se dissimuler que bientôt il faudra bien qu'elle fasse la guerre avec ses propres moyens... Notre convention avec la cour de Vienne n'a presque plus aucune valeur, si l'Angleterre refuse les subsides, de cette manière nous n'avons plus de certitude sur aucun point et c'est pourquoi il faudrait que l'Autriche s'explique et que nous trouvions remède. Il y va de son existance, et c'est pour elle-même qu'elle est obligée de se décider au parti de la vigueur... Au reste vous pouvez vous imaginer facilement que nous ne demandons pas mieux que de procurer à la cour de Vienne les subsides anglais, si sa conduite nous fournit encore quelques titres à les demander... L'Autriche au lieu de presser les arrangements qui doivent lui assurer des secours essentiels tâche au contraire de trainer le tout en longueur comme si elle était intéressée à ce qu'il n'en résultat rien... Tant d'incurie et d'insouciance dans ce moment pourrait faire supposer que l'Autriche a pris des engagements et a reçu des assurances, qui, malgré les apparences, ne lui font pas redouter l'attaque de Bonaparte. Je prie v. e. de porter toute son attention sur ce point afin de l'éclaircir. Le rapprochement dont il est de nouveau question entre Vienne et Berlin a besoin également d'être suivi de près, car ces deux puissances nous embarasseraient assez et ne rendraient pas un grand service à l'Europe, si elles s'avisaient de se lier entre elles, uniquement pour leur propre défense isolée et en abandonnant tout le reste au bon plaisir de Bonaparte. Tandis que l'Autriche... ne veut prendre aucune part directe à la négociation de m. de Novossilzoff, parce qu'elle trouve que les bases de pacification ne sont pas encore assez mitigées,... la cour de Londres au contraire trouve qu'elles ne sont pas assez avantageuses. Comment rapprocher et faire aller dans le même sens des éléments aussi disparates? L'empereur en avait l'espoir, il croyait réussir d'inspirer de l'énergie à Vienne et de la modération à Londres... L'empereur s'est conduit avec tout l'abandon que donne le zèle pur et ardent dont

il est animé pour le bien commun. S. M. n'a pas hésité de s'avancer, parce-qu'elle a jugé les autres par soi-même; il est possible que ses calculs soient pour le moment trompés par la faiblesse des uns et la déraison des autres. Cependant l'Empereur cherchera encore à force d'énergie, de fermeté, de persévérance de réparer les fautes commises de tous les côtés. Il est inébranlable dans ses principes, dans son système et dans la marche qu'il s'est tracée. Il employera tous ses soins, tous ses moyens pour le salut de ses alliés et de l'Europe tant qu'il conservera un espoir quelconque d'y reussir... ce terme passé, l'Empereur sera forcé d'abandonner ses alliés du continent à leur mauvais sort et s'occuper uniquement à ne pas partager leur destinée... V. e. voudra tenir le général de Wintzingerode au courant. Elle peut s'en fier à lui sur toute chose et ne rien lui cacher. Ses recherches et ses efforts combinés avec les votres pourront être d'une utilité réelle. Je n'ai pas besoin de vous dire avec quelle impatience S. M. attendra vos rapports".

Между тѣмъ въ Вѣну прибылъ изъ Берлина генералъ-адъютантъ баронъ Винцингероде, который долженъ былъ, по порученію Императора Александра Павловича, вмѣстѣ съ австрійскими генералами, всесторонне обдумать и окончательно утвердить планъ предвидимой кампаніи. Винцингероде, швабъ по рожденію, поступилъ въ сравненіи недавно на русскую службу и, какъ многіе ему подобные въ то время иностранцы, пользовался большимъ кредитомъ при петербургскомъ дворѣ. Генералъ Винцингероде, считавшійся весьма образованнымъ офицеромъ генеральнаго штаба, отправленъ былъ къ королю прусскому лично. Онъ долженъ былъ съ нимъ объясниться помимо министровъ, уговаривать его къ союзу противъ Франціи и въ случаѣ удачи, договориться относительно плана войны. Генералъ не входилъ въ переговоры съ членами берлинскаго кабинета, говорилъ о дѣлахъ только съ Алопеусомъ и австрійскимъ посланникомъ графомъ Метернихомъ, да кромѣ того имѣлъ частыя аудіенціи у короля. Фридрихъ-Вильгельмъ любезно принялъ русскаго уполномоченнаго, много ему говорилъ про привязанность свою къ Александру І-му, но упорно отказался отъ приступленія къ коалиціи и предложилъ быть посредникомъ между Россіею и Франціею. Большинство совѣтниковъ короля прусскаго стояли за строгій нейтралитетъ. Въ Петербургъ отправленъ былъ прусскимъ королемъ генералъ Застровъ (Zastrow), а Винцингероде, проживъ довольно долго въ Берлинѣ, получилъ приказаніе ѣхать въ Вѣну для окончательнаго соглашенія касательно плана кампаніи. Здѣсь его приняли съ открытыми объятіями. Винцингероде долгое время состоялъ на австрійской службѣ и его въ Вѣнѣ всѣ знали. Къ тому же партія Кобенцеля брала рѣшительный верхъ и

воинственный духъ сталъ преобладать въ правительственныхъ сферахъ. Однако, отъ надежды на миръ еще не отказывались и высылка Наполеономъ паспортовъ Новосильцову подавала къ тому благія надежды.

„La nouvelle que les passeports demandés pour m. de Novossiltzoff", доносилъ Разумовскій [1]), „avaient été délivrés a paru faire beaucoup de plaisir. On va peut-être jusqu'à y entrevoir la possibilité d'un arrangement et du rétablissement général de la paix. En attendant le mouvement semble donné sérieusement au département de la guerre et l'opposition de l'archiduc Charles s'affaiblit journellement".

„Je me suis empressé [2]) de conduire le général Wintzingerode chez le c-te de Cobenzl. Dans cette première entrevue la conversation a roulé sur l'objet général de sa mission et sur tout ce qui pouvait en accélérer les résultats conformément au plan arrêté à St.-Pétersbourg. M. de Cobenzl nous a dit avoir mandé déjà à S. M. I. et R. que le général venait d'arriver, ne doutant pas que cette nouvelle n'engage S. M. à presser son retour".

„Je commence [3]) à remarquer dans le vice-chancelier un changement de ton favorable. Dans la conjoncture où se trouve la cour de Vienne vis-à-vis de nous, rien ne pouvait être plus propre à faire cesser ses irrésolutions et à lui faire prendre un parti conforme aux intentions de notre Souverain et à ses propres intérêts que la mission du général Wintzingerode. Personne plus que lui n'était en mesure de discuter les objets qu'il s'agit d'approfondir pour combiner avec succès la réunion et l'action des troupes respectives ainsi que pour écarter tous les inconvénients qui peuvent résulter de cette réunion... Il nous semble appercevoir dans cette cour un sentiment plus caractérisé de ses dangers. L'activité qu'on met dans les préparatifs militaires, ne laisse plus de doute sur la résolution d'employer des mesures de vigueur, il ne m'en reste que sur l'époque où on voudra faire usage de ses forces et de celles que nous offrons d'y joindre. Dès le retour de l'empereur, je me propose pour préliminaire des conférences militaires, d'obtenir une décision du point susmentionné, me réservant alors, et seulement à la dernière extrémité, de faire usage du rescrit de S. M., mais j'espère que les choses n'en viendront point là. Toutefois je dois prévenir qu'on nous proposera des modifications. Elles seront puisées dans les représentations, dont le comte de Stadion a été chargé à plusieurs reprises et qui ont pour base cette terreur insurmontable, qui maîtrise l'opinion du public et du cabinet, d'être anéantis par les forces des

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 20 Мая.
[2]) Отъ 27 Мая.
[3]) Отъ 31 Мая.

Français avant que les celles de la Russie puissent venir au secours des Autrichiens... Une étrange nouvelle est arrivée hier. On dit que Bonaparte a le projet de créer son neveu ou son fils adoptif, le nommé Beauharnais, soit-disant prince, vice-roi d'Italie en lui faisant épouser une princesse de la maison de Bade!"

„A la suite d'un travail [1]) qu'il a eu ce matin avec S. M. le vice-chancelier m'a abordé d'un air de contentement en me disant: que tout allait le mieux du monde et qu'il espérait incessamment pouvoir faire parvenir à St.-Pétersbourg les réponses les plus satisfaisantes. Je lui en témoignai mon contentement mais en repliquant: que j'espérais de mon côté que les réponses seraient conformes aux intentions et aux plans de notre auguste Maître. Il me dit qu'il ne pouvait entrer dans aucun détail d'ici à quelques jours, mais qu'à quelques modifications près, il m'assurait que nous serions parfaitement d'accord. Je relevai ce mot de modification et lui observai que je ne saurais assez bien répéter qu'il était urgent de ne pas dévier des bases proposées par notre cour et il s'empressa de dire que les modifications susmentionnées ne seront relatives qu'à quelques combinaisons de la partie militaire, dont on allait s'occuper incessamment".

Въ то время какъ переговоры приняли, наконецъ, вполнѣ успѣшный ходъ, вице-канцлеръ заболѣлъ и такъ сильно, что онъ не въ силахъ былъ болѣе заниматься дѣлами. Мѣсто его временно занялъ референдарій государственной канцеляріи баронъ Колленбахъ. Съ нимъ теперь имѣлъ долгія совѣщанія въ дворцѣ своемъ графъ Андрей Кириловичъ. Изъ словъ референдарія посолъ понялъ, что, со времени болѣзни Кобенцеля, вѣнскимъ кабинетомъ снова овладѣло недоумѣніе. Въ совѣтѣ партія мира стала брать верхъ и громко заявляла, что военныя приготовленія слѣдуетъ отложить до будущей весны. Подобное извѣстіе взволновало Разумовскаго, и онъ, не теряя времени, представилъ самому императору сильную ноту, въ которой дословно приводились полученные имъ отъ Государя рескрипты. Нота произвела желаемое впечатлѣніе. Къ графу Андрею Кириловичу явился Колленбахъ съ извѣщеніемъ, что императоръ Францъ соглашается принять представленный Россіею планъ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіами. Измѣненія эти касались не столько самой сути дѣла сколько условій, которыя Новосильцовъ долженъ былъ представить Наполеону. Австрія положительно отказывалась требовать возвращенія Піэмонта королю сардинскому, такъ какъ римскій императоръ торжественно согласился на уступку этой области Франціи. Вмѣсто Піэмонта вѣнскій дворъ предлагалъ всякія другія вознагражденія изъ

[1]) Отъ 14 Іюня.

итальянскихъ областей, которыми еще можно было располагать. Касательно же основанія государства въ Италіи въ пользу одного изъ Наполеонидовъ, Австрія соглашалась только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ея границы не могли быть отодвинуты далѣе устьевъ По и Ольо. Вслѣдъ за принятіемъ этихъ измѣненій вѣнскій дворъ обязывался немедля приступить къ состоявшемуся между Россіею и Англіею соглашенію. Разумовскій, точно зная положеніе дѣлъ, съ разу понялъ, что лондонское правительство не скоро согласится на подобныя перемѣны и что лордъ Льюсонъ Гоуеръ во всякомъ случаѣ не имѣлъ на то достаточныхъ полномочій. Опасаясь однако дальнихъ проволочекъ, посолъ предложилъ вѣнскому кабинету уполномочить графа Стадіона подписать соглашеніе *sub spe rati*, вполнѣ полагаясь въ случаѣ какихъ нибудь дипломатическихъ усложненій на посредничество русскаго двора, столь ясно доказывающаго Австріи свои дружескія и искреннія чувства.

„Je dois la justice“, доносилъ отъ 24 Іюня графъ Андрей Кириловичъ, „au baron de Collenbach, que guidé par un jugement sain et un sens très éclairé sur les affaires de sa cour, il en a su apprécier la position actuelle avec une parfaite sagacité. A la suite de cet exposé le baron de Collenbach m'a parlé des dispositions militaires dont il était urgent de s'occuper. Celles de l'armée autrichienne se font avec la plus grande activité, on assure que dans trois semaines elle peut être forte de 200 à 220,000 hommes... Ils ne sont toute fois que sur le pied de paix et cela pour cacher aux yeux des français tout autre motif que celui dicté par la simple prudence de se maintenir dans un équilibre de forces convenables. Pour se mettre sur pied de guerre il faut dit-on trois mois de temps... On désirerait que nos troupes puissent se mettre en marche sur le champ et on a voulu savoir si j'étais autorisé a m'entendre à cet égard avec nos commandants sur les frontières... Ce désir éventuel de la cour de Vienne est devenu aujourd'hui un voeu positif et tellement prononcé, qu'on m'a demandé: „Que ferions nous si nous apprenions demain quelque hostilité de la part des Français? La chose est possible et même probable pourriez vous alors nous promettre un secours instantané“. Je me suis reglé dans ma réponse sur celle que v. e. m'a faite. J'ai dit: que plus d'une fois j'avais en l'ordre de déclarer que l'Empereur mon Maître était prêt à faire marcher ses troupes dès que l'Autriche pourrait être attaquée, qu'il l'était même sur sa réquisition, en conséquence du plan, que j'avais été chargé de faire connaître; mais que jusqu'ici ce plan n'ayant pas été définitivement adopté, je n'avais pû être muni de l'autorisation en question; que je ne doutais nullement de l'obtenir et j'offris d'expédier un courrier pour en porter la sollicitation à S. M. I. En continuant la

conversation, on me dit qu'on désirerait qu'immédiatement après que la première colonne de 50,000 hommes serait en marche, la seconde d'égale force s'avance pareillement, mais qu'au lieu de prendre la direction tracée dans le plan, elle s'en détourne pour porter sur Varsovie afin d'effectuer dès le débût la mesure projetée à l'égard de la cour de Berlin... J'ai rappellé à l'attention du cabinet autrichien le premier principe qui a excité la sollicitude de celui de Pétersbourg. L'Empereur notre Maître vivement affecté des maux de l'Europe, justement alarmé des calamités dont elle est ultérieurement menacée par l'ambition effrénée d'un gouvernement audacieux et insatiable et par la désunion des puissances énervées et paralysées dans leurs moyens de résistance, a généreusement consacré tous ceux que la Providence a mis entre ses mains pour rallier à ses intentions magnanimes les efforts de ses alliés et les faire concourir au salut de l'Europe, en mettant des bornes aux empiétements progressifs qui en opéreraient infailliblement la ruine. C'est pour manifester aux yeux de l'univers entier et de la postérité des intentions aussi nobles et pures que désinterressées, que S. M. I. a voulu faire précéder l'emploi de ses forces combinées avec celles de ses alliés, d'une négociation de paix, qui met en évidence le but salutaire qu'on se propose, — celui de rétablir la tranquillité générale sur des bases inébranlables d'ordre et d'équilibre entre les puissances européennes. Tel a été le mobile des conditions qu'on se propose d'offrir à Bonaparte et auxquelles il ne saurait se refuser, s'il était guidé par des considérations justes et raisonnables. Ce n'est point à la vérité d'un esprit aussi fougueux que le sien qu'on doit s'attendre à un pareil résultât et certes, dans la grande entreprise à la quelle se dévoue notre généreux Maître, il faut être préparé à l'alternative, plus que probable de devoir terminer la discussion par les armes. Mais aumoins n'aura-t-on eû recours à ce parti extrême qu'après avoir prouvé qu'il n'en restait point d'autres pour le bien de l'humanité, dont on embrassait la cause. Les modifications autrichiennes au contraire décélent des vues particulières, elles exposent au reproche d'avoir soigné des intérêts personnels de préférence à ceux du système général de l'Europe. D'ailleurs, ajoutai-je pourquoi la cour de Vienne veut-elle substituer pour ainsi dire un plan séparé à celui dont est chargé notre négociateur? C'est au nom de l'Angleterre et de la Russie qu'il porte la parole. Notre cour toujours fidèle aux ménagements, qu'elle a mis à l'égard de l'Autriche, tout en lui offrant de prendre part à la négociation de m. de Novossiltzoff, s'est retractée aussitôt de l'y admettre, pour peu que sa participation pût la compromettre prématurément vis-à-vis de la France. Dès lors ne pouvait-elle pas laisser libre cours à notre négociation et, s'en tenant aux démonstrations militaires, dont

elle s'occupe et qui sont si pleinement justifiées par celles des Français, attendre l'issue de la mission de m. de Novossiltzoff qu'on aurait eu soin de combiner avec les mouvements de nos troupes et les opérations immédiates que la rupture aurait rendu nécéssaires? M. de Collenbach n'est point disconvenu de la justesse de ce raisonnement; en l'approuvant confidentiellement il m'a dit de même: qu'il serait impossible d'écarter les modifications susmentionnées; que c'était avoir beaucoup obtenu que l'acquiessement au reste du plan. Il ne m'a point dissimulé qu'on redoutait la guerre et qu'on se flattait de l'éviter, moyennant les propositions qu'on mettait en avant. Enfin j'ai vu qu'il était inutile de combattre d'avantage les résolutions qu'on avait prises et comme elles pourraient être surtout préjudiciables vis-à-vis de l'Angleterre, je me suis attaché particulièrement à obtenir qu'elles ne missent point obstacle à la conclusion du traité avec cette puissance".

„Après vous avoir rendu compte sommairement dans ma dépèche principale de tout ce qui vient de se passer ici", собственноручно писалъ еще въ частномъ письмѣ къ Чарторижскому Разумовскій, отъ 26 Іюня, „il est nécessaire que j'ajoute quelques commentaires particuliers et *confidentiels* sur les causes qui ont opéré dans le cabinet Autrichien un changement qui porte une teinte un peu plus énergique et par conséquent plus conforme au système du notre. Il est incontestable qu'il faut l'attribuer a la réforme qui a eu lieu dans le département de la guerre. Son ancienne organisation en entravait toutes les opérations. On y voulait par système d'égoisme éloigner, coute qui coute, toute possibilité de la guerre et on abusait de la faiblesse de l'archiduc Charles, pour lui faire croire qu'il compromettrait infailliblement la gloire acquise dans les batailles. De là le fantôme de la dislocation vicieuse à laquelle on prétendait n'oser toucher et dont la peur eût fait souscrire à tout de la part de Bonaparte. Il faut savoir gré au ministère d'avoir osé attaquer cette ligne de bureaucratie. Ce n'était en vérité qu'une demi-mesure; elle eût été complète si on avait éloigné l'archiduc et les favoris, mais les demi-mesures prévalent toujours ici et il ne faut pas l'oublier dans l'avenir. Heureusement que ce prince tient à sa place au delà de ce qu'on peut imaginer et il prend le parti de se couliser avec le nouvel ordre de choses. Il se rapproche de Mack qu'il déteste. Sans Mack jamais on n'eút mis l'armée en mouvement et Dieu préserve qu'il succombe à la cabale qui cherchera toujours à le persécuter. Dans les temps difficiles l'empereur soutient ceux qui sont utiles et j'espère que cela assurera Mack dans sa place. Il y est arrivé au moment où il fallait se décider sur la réponse à nous donner et lorsque les projets de Bonaparte faisaient appréhender pour les états vénitiens. Il a dissipé l'erreur ou la crainte, où on était sur les

mouvements des troupes et dès lors, donnant plus d'essor à celle qu'on avait des Français, il en a résulté la nécessité d'adhérer à nos plans. Cependant, tout en armant, on redoute la guerre; mais il n'est plus temps de l'éviter, à moins que notre négociation à Paris réussisse, ce qui n'est pas vraisemblable. Je n'ai pas besoin de vous dire, mon prince, combien il est essentiel qu'on connaisse bientôt ici les dispositions de S. M. I. pour la marche des troupes et leur commandement. Si nous pouvions dévancer le calcul du temps qu'on a fait, ce serait un témoignage de bienveillance vivement apprécié. Il est également superflu que je fasse mention de la nécéssité de persévérer dans le secret. C'est à lui que nous devons ce qui a pu s'opérer jusqu'ici et que nous devrons encore quelque temps la bonne réussite de nos entreprises. On n'a pas laissé que d'être allarmé des propos mandés de Berlin au retour du général Zastrow qui a dit que nous étions décidés à faire la guerre et que nous étions d'accord avec l'Autriche... Ce que vous me marquez au sujet de l'Angleterre *(sous le sceau du plus profond secret)* et de son exagération pour les conditions de la paix, si fort opposée à la modération autrichienne m'a fait frémir quand on m'a parlé de modification. Ah Dieu ne plaise, que celles proposées soient improuvées à Londres. Ce serait mal débuter et dans cette affaire ci, il me semble que le premier pas est le plus difficile, comme le plus essentiel. Je vous écris à la hâte pendant qu'on copie mes dépèches".

Надъ составленіемъ общаго плана дѣйствій противъ Франціи дружно работали въ Вѣнѣ Винцингероде, князь Шварценбергъ и Макъ. Послѣдній объявилъ, что берется въ два мѣсяца поставить армію на военную ногу. Заявленіе это произвело впечатлѣніе въ императорскомъ совѣтѣ, гдѣ эрцгерцогъ Карлъ утверждалъ, что ранѣе шести мѣсяцевъ невозможно приготовиться къ войнѣ. Разумовскій съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдилъ за засѣданіями военнаго совѣта. Онъ не могъ довольно нахвалиться дѣятельностію Винцингероде. Партія Кобенцеля окончательно торжествовала. Эрцгерцогъ былъ разбитъ на всей линіи. Къ тому же пришло изъ Петербурга извѣстіе, что тамъ соглашаются на уступку Піэмонта Франціи. Этими благопріятными обстоятельствами ловко воспользовался графъ Андрей Кириловичъ. Онъ неутомимо приступалъ къ вице-канцлеру, требовалъ аудіенціи у императора и наконецъ, хотя и не безъ труда, подписано было обязательство, въ силу котораго вѣнскій дворъ приступалъ къ коалиціи.

„V. e. trouvera ci joint la pièce qui m'a été annoncée par le comte de Cobenzl à titre de *déclaration préalable*", доносилъ Разумовскій Чарторижскому. „Je suis aussi empressé de vous la transmettre que vous le serez vous-même de la porter aux pieds de notre auguste

Maître. C'est le premier gage des engagements positifs qui lient la cour de Vienne aux plans vastes et magnanimes, dont la sollicitude de notre auguste Monarque s'est occupée avec tant d'énergie et de persévérance. Veuillez, mon prince, agrées mes félicitations. J'espère que S. M. I. daignera permettre que je prie v. e. d'en porter l'hommage à ses pieds. J'ose croire que S. M. I. l'Empereur daignera pleinement sanctionner le second objet des modifications, celui qui est relatif aux mesures militaires. Il me semble entièrement conforme au vues de S. M. et au but qu'elle se propose. Quant au premier objet les modifications ne se rapportent qu'à l'Italie et ne sont péremptoires que pour laisser subsister la réunion du Piémont avec la France. Je crois essentiel d'écrire incéssamment à m. de Novosiltzoff pour le disposer à mettre soit dans son voyage, soit dans le début de ses négociations les délais nécessaires pour lui donner le temps de recevoir de nouvelles instructions en conformité des modifications proposées par la cour de Vienne".

Сообщенія Разумовскаго произвели въ Петербургѣ лучшее впечатлѣніе. Чарторижскій не зналъ какъ его благодарить и неоднократно извѣщалъ о томъ, что Государь вполнѣ доволенъ дѣйствіями своего представителя. Самъ Александръ Павловичъ удостоилъ графа Андрея Кириловича милостивымъ рескриптомъ отъ 12 Іюля. Онъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Je n'ai voulu vous écrire aujourd'hui moi-même, que pour vous témoigner ma satisfaction de toute votre conduite et mon contentement particulier de l'impulsion que vous avez su donner à la cour de Vienne. Si je ne vous le marque point par une distinction publique, c'est pour me régler sur les circonstances, qui éxigent de ne point laisser appercevoir qu'enfin l'Autriche veut sincèrement agir pour parer aux dangers qui la menacent. Je me borne donc à ce témoignage de ma bienveillance qui vous prouvera combien je suis, m. le comte Rasoumovsky, votre bien affectionné Alexandre".

„L'extrême bonté avec la quelle V. M. I. a daigné me faire connaître", отвѣчалъ на рескриптъ этотъ графъ Андрей Кириловичъ, „son approbation de ma conduite à l'égard de l'exécution des ordres qu'il lui a plu de me prescrire, me fait oser prendre la liberté de déposer à ses pieds l'expression du sentiment profond d'émotion dont je suis pénétré. Quelle tâche plus noble, Sire, pour l'enthousiasme d'un serviteur que d'obéir à un Maître: dont la gloire est fondée sur les vertus et la bienfaisance? Quelle récompense plus précieuse qu'un témoignage de votre auguste bienveillance? C'est à m'en rendre digne que je supplie V. M. I. de permettre que je consacre ma vie et mes efforts les plus assidus.

„La confiance que daigne me témoigner S. M. l'Empereur", писалъ

въ тоже время Разумовскій къ Чарторижскому, „me flatte audessus de toute expression. J'ai pris la liberté de porter à ses pieds l'hommage de ce sentiment dans la lettre que je joins ici. Veuillez la présenter à S. M. I. Veuillez être l'interprête de mon dévouement et de ma reconnaissance. Je vous le demande avec la confiance que m'inspire l'amitié et l'intérêt dont vous me donnez constamment des preuves qui me sont si précieuses".

Новосильцовъ отправился въ Берлинъ въ сопровожденіи наперсника Чарторижскаго аббата Піатоли. Здѣсь онъ долженъ былъ дождаться паспортовъ изъ Парижа и воспользоваться пребываніемъ своимъ для новыхъ попытокъ къ убѣжденію короля прусскаго. Въ Петербургѣ надѣялись, что ко времени прибытія ожидаемыхъ бумагъ изъ Франціи, окончательно будутъ устранены неожиданно возникшія недоразумѣнія между русскимъ и англійскимъ кабинетами. Недоразумѣнія эти начались по поводу сдачи Мальты. Въ то время, когда составлялась конвенція между Россіею и Англіею, лордъ Льюсонъ Гоуеръ, не смотря на всѣ усилія Чарторижскаго, никакъ не согласился подписать условія объ очищеніи Мальты англичанами. Между тѣмъ, по мнѣнію петербургскаго кабинета, исполненіе этого условія было необходимо для начала переговоровъ съ Наполеономъ, который никогда бы не согласился на дальнѣйшія объясненія, коль скоро бы узналъ, что Англія отказывается отъ уступки, постоянно стоявшей во главѣ всѣхъ требованій французскаго правительства. Времени терять было, однако, невозможно. Соглашеніе съ Англіею было необходимо. Послѣ долгихъ преній рѣшено было вопросъ о Мальтѣ оставить открытымъ. Конвенція состоялась, была подписана уполномоченными и отправлена въ Лондонъ, но при этомъ графу С. Р. Воронцову приказано было заявить англійскому министерству, что если оно не согласится на уступку острова, то Государь съ своей стороны не утвердитъ конвенціи. Заявленіе это было принято въ Лондонѣ весьма недоброжелательно. Министерство слышать не хотѣло объ уступкѣ и только послѣ долгихъ споровъ на нее согласилось, но съ тѣмъ, чтобы получить другую стоянку въ Средиземномъ морѣ и чтобы Франціи предложены были болѣе тягостныя условія. Такія требованія Англіи усложняли положеніе и заранѣе дѣлали миссію Новосильцова невозможною. Русское правительство нашлось въ большомъ затрудненіи, тѣмъ болѣе, что Австрія не отвѣчала на запросы петербургскаго кабинета и послѣдній началъ уже терять всякую надежду на ея содѣйствіе [1]).

Новосильцовъ жилъ въ Берлинѣ безъ дѣла, такъ какъ короля, ѣздившаго осматривать свои франконскія владѣнія, онъ не засталъ.

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 12 Іюля.

Паспорты прибыли, а все-таки ѣхать далѣе было невозможно, незаручившись удовлетворительнымъ отвѣтомъ Англіи. Въ то время, когда русское правительство искало исхода изъ того фальшиваго положенія, въ которое его ставила несговорчивость лондонскаго министерства, получено было въ Петербургѣ извѣстіе о присоединеніи лигурійской республики къ Франціи. Это новое нарушеніе люневильскаго трактата, доказывавшее какъ мало можно было полагать вѣры на обѣщанія Наполеона, вывело Императора Александра Павловича изъ затрудненія. Ясно было, въ виду захвата Генуи, что всякія дальнѣйшія попытки къ примиренію окажутся напрасными и что новый король Италіи, такъ произвольно относившійся къ международному праву, не допуститъ даже намека на какую-нибудь уступку со стороны Франціи. Вслѣдствіе этихъ соображеній рѣшено было Новосильцова остановить въ Берлинѣ и предписать ему паспорты возвратить черезъ посредство прусскихъ министровъ, объявивъ послѣднимъ, что россійскій Императоръ, въ виду недобросовѣстности главы французскаго правительства, считаетъ миссію своего уполномоченнаго не только безполезною, но даже несогласною съ достоинствомъ Россіи [1]). Новосильцову вмѣнялось въ обязанность, при исполненіи полученнаго имъ приказанія, руководствоваться тѣми сообщеніями, которыя могли бы къ нему дойти отъ русскихъ пословъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ. Царскій посланецъ поспѣшилъ, однако, передать полученные имъ паспорты графу Гарденбергу, вмѣстѣ съ нотою, въ которой объяснены были причины побудившія петербургскій кабинетъ отказаться отъ дальнѣйшихъ мирныхъ переговоровъ и немедленно пустился въ обратный путь.

Между тѣмъ въ Вѣнѣ составленіе военнаго плана быстро приходило къ окончанію. „On s'est occupé sans relâche", доносилъ отъ 4 Іюля Разумовскій, „à compléter les arrangements qui ont fait l'objet des conférences militaires. Les protocoles ont été terminés hier et signés ce matin. Je laisse à m. de Wintzingerode le soin de rendre compte en détail de tout ce qui s'est passé ici. S. M. I. daignera sans doute approuver les resultâts qu'il aura l'honneur de lui présenter. Ils attestent la pleine confiance qu'on a mise dans les sentiments généreux de notre auguste Maître. Elle a servi de guide aux stipulations qui ont été arrêtées, elle sera justifiée, j'ose me le persuader par la sanction bienveillante de S. M. I".

Извѣстіе объ отзывѣ Новосильцова произвело тѣмъ болѣе тягостное впечатлѣніе на вѣнскій дворъ, что оно было совершенно неожиданно. Не смотря на дѣятельныя приготовленія къ войнѣ, австрійское прави-

---

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 10 Іюля.

тельство не теряло надежды на миръ. Императоръ Францъ боялся новыхъ несчастій для имперіи и рѣшался взяться за мечь только въ томъ случаѣ, когда окончательно истощены будутъ всѣ средства къ примиренію. Роковое извѣстіе о новыхъ приказаніяхъ, полученныхъ Новосильцовымъ долетѣло до Вѣны именно въ ту минуту, когда планъ военныхъ дѣйствій былъ окончательно составленъ и генералъ Винцингероде садился въ экипажъ, чтобы съ нимъ скакать въ Петербургъ.

„C'est au moment où le général de Wintzingerode est prêt à monter en voiture", собственноручно писалъ въ частномъ письмѣ къ Чарторижскому графъ Андрей Кириловичъ, „que j'ajoute quelques lignes à l'expédition dont il est le porteur. Je me ferais un scrupule de retarder d'un quart d'heure son départ dans une circonstance où les minutes sont précieuses. Je lui laisse le soin de rendre compte de ce qu'il a fait. On ne pouvait faire plus ni mieux qu'il a fait. Sa franchise, son zèle ont été appréciés et ont déterminé sur plusieurs articles sur lesquels il s'est trouvé dépourvu d'instructions. La remise des passeports français à Berlin a fait beaucoup de peine ici. Vous en apprécierez, mon prince, le motif. L'espèce de sécurité du gouvernement français est vraiment un présage de la Providence en faveur de la bonne cause. Puisse-t-elle durer jusqu'à ce que nous ayons joint nos armées à celles des Autrichiens et opéré à l'égard de la Prusse les mesures décisives qui doivent nous assurer de ce côté là".

„Je dois vous rendre compte, mon prince", доносилъ далѣе Разумовскій, „d'un incident assez critique dans la circonstance actuelle. Je me proposais de donner connaisance a m. de Novosiltzoff de ce qui venait de s'effectuer ici, afin qu'il reglât en conséquence l'exécution de ses ordres, lorsque je reçus les dépêches de v. e. du 10 Juin qui m'informaient de la résolution prise par S. M. I. de suspendre la mission de m. Novosiltzoff en conséquence de la réunion à la France de la république de Gênes. Toutefois S. M. I. autorisait m. de Novossiltzoff à combiner ses nouveaux ordres, avec les communications qui pourraient lui parvenir tant de ma part que de celle du comte de Worontzoff. Je fis connaître à m. de Novossiltzoff les motifs qui rendraient désirables pour la cour de Vienne, qu'il voulût faire usage de l'autorisation dont il était muni. Vous sentez, mon prince, de quelle importance il est pour la cour de Vienne de gagner du temps et de dérober, à la faveur d'une négociation simulée, la connaissance des mesures convenues entre nous et dont le secret jusqu'ici n'a transpiré nulle part. J'étais dans la persuasion que mes communications parviendraient à temps à m. de Novossiltzoff et la cour de Vienne fondait tout son espoir sur cette supposition, lorsqu'un courrier de Berlin m'apporta hier l'avis que m. de Novossiltzoff, regardant sa mission comme

ne devant plus avoir lieu, avait jugé à propos de restituer ses passeports français à m. de Hardenberg, accompagnés d'une note. Je n'ai pas besoin de vous dire la sensation qu'a produite ici cette nouvelle que je n'ai pas cru devoir cacher au ministère autrichien. Le général Wintzingerode, qui vient dans ce moment de prendre congé de moi et qui sortait de chez le comte de Cobenzl, m'a dit qu'on se proposait de se concerter avec moi pour charger incessament le comte de Metternich d'un office auprès du cabinet prussien afin d'avoir l'air de désirer que la négociation ainsi rompue puisse être reprise. Je m'arrête à vous indiquer cette mesure uniquement pour vous dire qu'on sera pressé ici d'obvier à cette circonstance, qu'on regarde comme contraire à la marche sur laquelle on se reposait. J'attendrai les explications ultérieures qu'on me donnera et j'en rendrai compte dans son temps ainsi que de mon concours aux mesures qui seront prises dans le sens des intérêts et des vues des deux cours impériales. Je ne répéterai point ici la vive sensation qu'a produite cette démarche inattendue", пояснялъ далѣе въ депешѣ отъ 9 Іюля графъ Андрей Кириловичъ, „on la considérait comme pouvant avoir des conséquences alarmantes, en ce qu'elle substituerait à la confiance de Bonaparte dans la négociation proposée, une inquiétude sur les armements qui se préparent de tous côtés et dont son active vigilence le porterait à prévenir les effets. C'est d'après ces considérations que le comte de Cobenzl m'a sollicité de faire parvenir sans délai de nouvelles instances à m. de Novossiltzoff afin qu'il voulût prolonger son séjour à Berlin, jusqu'à ce qu'on eût avisé aux moyens de parer au contretemps de la remise des passeports. Je me suis empressé de souscrire à cette demande... C'est en revenant de la conférence qui m'avait été assignée par le comte de Cobenzl, que je m'empresse d'ajouter quelques mots à mon expédition. Cette conférence comme je l'avais supposé avait pour objet de me faire lecture de ce qu'on envoit au c-te de Stadion. N'ayant que peu de moments à ma disposition, l'unique objet sur lequel je m'arrêterai c'est la démarche à la quelle on s'est déterminé ici pour renouer la négociation de paix. Elle se trouve exposée dans une note que le c-te de Stadion a ordre de vous présenter et qui sera communiquée incessament à Berlin, a Paris et à Londres. On entrera vis-à-vis de cette dernière cour dans des explications plus détaillées, analogues au concert intime qui la lie aux deux cours impériales".

Депеша Разумовскаго уже не застала Новосильцова въ Берлинѣ. Онъ поспѣшилъ вернуться въ Петербургъ, тѣмъ не менѣе въ Вѣнѣ отъ мирныхъ переговоровъ еще не отказывались, тамъ были увѣрены, что Наполеонъ не подозрѣваетъ о существованіи соглашенія между Россіею и Австріею. Всѣ усилія вѣнскаго двора были направлены те-

перь къ тому, чтобы поскорѣе собраться къ войнѣ и выступить въ поле прежде чѣмъ о томъ могло бы догадаться французское правительство. Дружественныя завѣренія французскаго посла Ларошфуко поддерживали заблужденіе австрійскаго кабинета. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ вице-канцлеромъ, французскій дипломатъ не разъ поминалъ о томъ, какъ грустно пораженъ былъ его императоръ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производили на вѣнскій дворъ передвиженія французскихъ войскъ въ Италіи. По мнѣнію Ларошфуко, подобные предлоги къ недоразумѣніямъ слѣдовало устранить, тѣмъ болѣе, что французское правительство съ своей стороны недовольно сборомъ войскъ на австрійскихъ границахъ. Вслѣдъ за этимъ заявленіемъ, посолъ Наполеона оффиціально предложилъ Кобенцелю обоюдное отозваніе войскъ отъ границъ, съ обязательствомъ впредь не усиливать ихъ числа. Такое прямое и неожиданное предложеніе нѣсколько смутило Кобенцеля, однако онъ поспѣшилъ отвѣтить, что точно нѣкоторыя мѣры предосторожности были приняты его правительствомъ вслѣдствіе сильныхъ вооруженій Франціи, но что вѣнскій дворъ готовъ на всякое мирное соглашеніе и непремѣнно послѣдуетъ доброму примѣру тюилерійскаго кабинета. Чтобы выиграть время и вполнѣ усыпить подозрѣнія Наполеона, Кобенцель предполагалъ возобновить переговоры и вступить въ роль медіатора между Россіею и Франціею.

„J'ajouterai un mot au sujet de la note autrichienne pour renouer la négociation de paix", писалъ Разумовскій къ Чарторижскому въ частномъ собственноручномъ письмѣ, „ce n'est point sur l'utilité et la nécessité de cette démarche que je veux revenir, persuadé que vous apprécierez l'une et l'autre parfaitement. Il est essentiel de ne pas se méprendre sur le sens et l'intention qu'on y rattache ici. Je présume que le comte de Stadion aura eu ordre de s'en expliquer confidentiellement; cela ne doit point me dispenser de vous rendre, mon prince, ce qui m'a été dit de la même manière. Le ministère ne s'abuse nullement sur l'effet de sa note. Il ne se livre point à l'espoir chimérique qu'il en résultera des conditions acceptables de la part de Bonaparte. Il le juge tel qu'il est: ambitieux, sans mesure, arrogant, traitre et fourbe. On sait que si

„*La paix est dans sa bouche, son esprit en est loin*"

(comme dit Zopire à Mahomet). En la lui proposant on remplit deux objets à la fois. Le 1-er que j'ai répété souvent, évident et palpable, c'est de gagner du temps pour nous donner celui de nous réunir et de nous mettre en mesure de substituer le glaive de la puissance et de la justice aux paroles du négociateur. Le second objet *est le secret du cabinet*. L'empereur redoutait la guerre. Il commence

à entrevoir qu'elle pourrait devenir indispensable. Il lui opposait des appréhensions et des scrupules qu'il a fallu surmonter, en lui persuadant qu'il ne l'entreprendrait qu'après avoir convaincu ses sujets, que d'un côté il était impossible de rester passif et sans réclamations sur tout ce qui se permettait Bonaparte et de l'autre que s'il leur faisait courir la chance de nouvelle calamités, ce ne serait qu'après avoir épuisé sans succès toutes les tentatives de conciliation sur les bases les plus modérées, les plus équitables, les plus restreintes pour le salut et l'existence de sa monarchie. Cette confidence sera faite pareillement aux anglais, non par leur ministre ici, qu'on craint encore d'initier à nos secrets, mais directement à Londres. Elle n'ira pas audelà. Lorsque la note sera remise à Paris et à Berlin et si elle produit l'effet désiré, c. a. d. de nous faire arriver tranquillement à l'époque où les troupes russes passeront la frontière autrichienne, la cour de Vienne annoncera à Berlin que nous avons demandé passage par ses états, que l'empereur non seulement y a consenti, mais qu'il est determiné à joindre les siennes à l'emploi de nos forces et qu'il invite le roi de Prusse à prendre le même parti. Cette déclaration aura lieu sans doute en même temps que la notre, dont l'énergie imprévue ne laisse pas de doute que le cabinet de Potsdam n'acquièsce à notre réquisition. Le général prince Dolgorouky est arrivé ici il y a 10 ou 12 jours. Il m'a paru surpris que je n' eusse pas été prévenu et j'avoue qu'il m'est tombé des nues. Permettez-moi de vous demander, mon prince, en quoi consiste sa mission? C'est mon dévouement pour le service de notre Maître qui me fait prendre la liberté de vous adresser cette question sans détour. Il y a des gens dont l'esprit et le caractère sont dangereux pour les affaires et le moment est délicat pour s'exposer. Je vous supplie en toute confidence de demander au général de Wintzingerode ce que sous ce rapport aurait pu porter préjudice aux notres de la part du prince Dolgorouky".

Этотъ нежданный гость, непріятно поразившій Разумовскаго своимъ пріѣздомъ и возбудившій въ сердцѣ посла невольныя подозрѣнія и опасенія, былъ новый любимецъ Государя молодой генералъ-адъютантъ князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ [1]). Онъ отправленъ былъ въ Берлинъ съ цѣлью увлечь Пруссію на борьбу съ Наполеономъ. На способности Алопеуса въ Петербургѣ мало разсчитывали, Новосильцову не удалось повидаться съ королемъ. Рѣшено было поручить трудное дѣло это молодому царедворцу, кредитъ котораго быстро возрасталъ и котораго при дворѣ и въ столицѣ уже считали всемогущимъ наперсникомъ. Новый посланецъ не былъ, однако, счастли-

[1]) Род. 1777, † 1806.

вѣе своихъ предмѣстниковъ. Несомнѣнно умный, но живой и вспыльчивый Долгоруковъ не способенъ былъ исполнить порученіе, требовавшее большого такта, спокойствія и разсчетливости. Не смотря на совѣты и указанія австрійскаго посланника графа Меттерниха, съ которымъ ему было предписано дѣйствовать за одно, миссія Долгорукова не имѣла успѣха. Недовольный онъ ускакалъ въ Вѣну и здѣсь пріѣздомъ своимъ не мало напугалъ Разумовскаго. Съ одной стороны посолъ опасался непрошеннаго вмѣшательства любимца царскаго, въ переговоры, которые вполнѣ успѣшно велъ Винцингероде, а съ другой ему невольно представлялось, что молодой генералъ прибылъ въ Вѣну соглядатаемъ. На счастіе посла всѣ важные вопросы были уже рѣшены до прибытія Долгорукова. Винцингероде уже отправился въ Петербургъ съ подробнымъ планомъ войны. Царскому посланцу въ Вѣнѣ дѣлать было нечего и онъ, къ немалому удовольствію графа Андрея Кириловича, ускакалъ вслѣдъ за Винцингероде.

Въ Петербургѣ австрійскій планъ былъ одобренъ и Чарторижскій выразилъ Разумовскому сожалѣніе относительно поспѣшнаго отъѣзда Новосильцова изъ Берлина. Государь не желалъ собственно возобновленія переговоровъ, однако онъ въ угоду Австріи соглашался на ея медіаторство. Отъ Франціи требовалось по прежнему независимость Голландіи, Швейцаріи и республикъ цизальпинской и лигурійской на основаніи люневильскаго трактата. Она должна была немедля очистить эти страны, которымъ предоставлялось избрать себѣ образъ правленія по вкусу, за исключеніемъ, разумѣется, сліянія съ новою имперіею. Дозволялось Наполеону пристроить одного изъ своихъ родственниковъ въ цизальпинской республикѣ, съ согласія жителей. Требовалась независимость королевства Неаполитанскаго и вознагражденія для короля сардинскаго. Гановеръ долженъ былъ быть очищенъ и переданъ Пруссіи. О возстановленіи оранскаго дома уже не упоминалось. Россія обязывалась признать Наполеона императоромъ только послѣ заключенія мира и вмѣстѣ съ Австріею предлагала свои услуги относительно медіаціи для соглашенія съ Англіею [1]). Переговоры Государь считалъ нужнымъ поддержать военною демонстраціею и съ этою цѣлью двѣ арміи, каждая въ 50,000 человѣкъ, направлялись къ Дунаю, дабы прикрыть Австрію отъ всякаго неожиданнаго нападенія. Вѣнскій дворъ долженъ былъ заявить, что по случаю накопленія французскихъ силъ въ Италіи, всѣ его войска стянуты на южной границѣ и ему некѣмъ остановить движеніе русскихъ. Зная, при этомъ, намѣренія своего союзника, который вовсе не желаетъ вмѣшиваться въ частный споръ Франціи съ Англіею, римскій императоръ не можетъ

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 12 Іюля.

не исполнить его требованій и не просить у Наполеона, чтобы онъ успокоилъ петербургскій кабинетъ относительно континентальныхъ державъ. Медіацію дозволялось начать только въ томъ случаѣ, если Наполеонъ прямо согласится на переговоры, безъ всякихъ предварительныхъ условій, которыя дадутъ ему только способъ усилиться. Разумовскому поручалось все это изложить въ оффиціальной нотѣ австрійскому двору, объясняя, что русскій Императоръ, не связанный никакими обязательствами, отзоветъ войска свои, коль скоро французское правительство дастъ достаточное ручательство на счетъ будущей неприкосновенности сосѣднихъ ему государствъ. Графу Андрею Кириловичу присланы были только общія положенія, на основаніи которыхъ петербургскій кабинетъ полагалъ миръ возможнымъ. Самое же составленіе ноты и окончательное соглашеніе на этотъ счетъ съ вѣнскимъ дворомъ предоставлялось вполнѣ его благоусмотрѣнію. Государь всецѣло полагался на его способности и рвеніе. Въ Россіи точно такъ же какъ и въ Австріи были убѣждены въ томъ, что Наполеонъ не подозрѣваетъ стачки между императорскими дворами. Какъ Государь, такъ и его совѣтники были увѣрены, что военныя приготовленія, скрывавшіяся подъ благозвучнымъ названіемъ медіаціи, произведутъ на тюилерійскій кабинетъ сильное впечатлѣніе. Увѣренность эта подкрѣплялась тѣмъ, что повидимому отстранялось всякое вмѣшательство въ борьбу, которая снова загорѣлась между Англіею и Франціею. Медіація должна была касаться однихъ только континентальныхъ державъ и, съ негласнаго соизволенія британскаго министерства, положено было Англію вовсе исключить изъ переговоровъ. Только въ случаѣ мирнаго исхода, въ далекомъ будущемъ, предлагалось посредничество для прекращенія войны, тяжко отзывавшейся на европейской торговлѣ. Но за то въ тайнѣ царскаго кабинета, къ состоявшемуся уже съ Англіею соглашенію, добавлена была секретная статья, въ силу которой русскій Императоръ обязывался за себя и за своихъ союзниковъ, съ той минуты какъ разгорится война, добросовѣстно держаться точныхъ условій заключенной съ лондонскимъ дворомъ конвенціи, не увлекаясь частнымъ интересомъ и не обращая вниманія на тѣ заявленія, къ которымъ пришлось бы прибѣгать до начала военныхъ дѣйствій. Всѣ эти извѣщенія наполнили нѣсколько депешъ, отправленныхъ Чарторижскимъ къ Разумовскому отъ 12 Іюля. Послѣднюю изъ депешъ этихъ онъ заключилъ слѣдующими словами:

„D'après tout ce qui s'est passé il ne conviendrait aucunément à l'Empereur de rechercher une semblable négociation, mais si la France demandait qu'il y prit part et que la cour de Vienne le désirait également, vous êtes autorisé dès à présent à vous joindre aux démarches qu'elle fera dans ce sens en attendant que vous receviez des pleins

pouvoirs à cet effet. S. M. I. ayant montré dans les points qu'elle a indiqués combien ses désirs sont modérés, s'attend que la cour de Vienne ne se prêtera pas à des conditions moins rassurantes et que l'Empereur n'aura point à se reprocher d'avoir mis en mouvement des forces très considérables pour se voir dans le cas de les rappeler sans avoir obtenu l'objet de ses voeux et c'est sur quoi vous devez insister absolument, m. le comte, en évitant toutefois tout ce qui donnerait l'apparence d'attiser volontairement le feu de la guerre et de vouloir aigrir les esprits. Au reste comme il ne serait pas convenable que vous quittiez votre poste il y aura auprès de nos armées des agents politiques, qui pourraient, si les circonstances l'exigeaient être employés aux négociations lorsque les troupes seront plus rapprochées des frontières. Il est probable que la cour de Berlin voudra intervenir de son côté dans ces négociations. Il serait sans doute avantageux qu'on pût l'éviter, mais j'y apperçois plusieurs difficultés et principalement celle que l'espoir de cette négociation sera certainement un véhicule puissant pour déterminer la Prusse à s'unir à nos vues. Il est nécessaire que v. e. discute tous ces objets et qu'elle nous donne un détail circonstancié de la manière dont on les envisagera à Vienne".

„Il ne me reste qu'à vous transmettre, mon prince", отвѣчалъ Разумовскій Чарторижскому, „les expressions de la vive et profonde gratitude dont le c-te de Cobenzl s'est rendu l'organe au nom de son souverain pour les sentiments d'intérêt et de sollicitude avec lesquels notre auguste Maître a daigné s'occuper des moyens de remédier aux contretemps, qui avaient dérouté la négociation, qui devait s'ouvrir avec la France et favoriser les développement des mesures arrêtées entre les deux cours".

Отношенія между Франціею и Австріею продолжали, повидимому, быть дружественными. Наполеонъ отъ времени до времени поручалъ своему послу Ларошфуко завѣрять вѣнскій кабинетъ въ искренности своихъ чувствъ. Французскій же дипломатъ при случаѣ продолжалъ намекать на вооруженія въ Италіи, но постоянно получалъ отъ вице-канцлера одинъ и тотъ же уже извѣстный намъ отвѣтъ. На этомъ дѣло пока остановилось. Присоединеніе Генуи, принятое сначала довольно равнодушно вѣнскимъ дворомъ, по мѣрѣ того, какъ время шло впередъ, все болѣе и болѣе безпокоило австрійскихъ министровъ. Не смотря на опасенія потревожить предполагаемую довѣрчивость Наполеона, рѣшено было обратиться къ французскому кабинету съ нотою, требовавшею объясненій относительно присоединенія лигурійской республики. Въ отвѣтъ получены были на имя Ларошфуко двѣ депеши отъ Талейрана, съ которыхъ не дозволено было выдавать копій. Кобенцель принужденъ былъ съ перомъ въ рукахъ

слѣдить за чтеніемъ французскаго посла и дѣлать отмѣтки. Депеши были очень рѣзки, въ нихъ выражено было удивленіе, что австрійское правительство дерзало требовать объясненій и присоединеніе Генуи сравнивалось къ пріобрѣтенію незначительнаго городка Линдау на Констанскомъ озерѣ, который Австрія недавно вымѣняла за деньги у князя Брепенгейма.

„Je me dispenserai, mon prince", писалъ по этому случаю отъ 20 Іюля Разумовскій, „de m'étendre sur les raisonnements du sophyste Talleyrand; il les termine en demandant une réponse prompte et précise à l'égard des dispositions de cette cour-ci. Il n'était point difficile au ministère de repliquer. Ces réponses sont conçues, avec sagesse et dignité. Les réflexions qu'on a faites ici sur la démarche prescrite à Larochefoucauld me paraissent fort judicieuses. Bonaparte est loin de présumer l'existance de nos plans et surtout l'énergie avec laquelle la cour de Vienne vient très récemment de les adopter; il ne lui suppose, dans tous les préparatifs, qu'il lui voit faire, d'autre impulsion que celle d'une crainte momentanée, qui nécessite des mesures de défense pour n'être pas entièrement prise au dépourvu dans les conceptions hardies et compliquées du gouvernement français et, s'il conjecture qu'elle puisse être entrainée un jour dans les projets de notre cabinet, il ne la croit certainement pas capable de s'y livrer instantanément et n'en juge la possibilité que comme un événement dont le développement est ajourné au moins jusqu'à l'année prochaine. Tous les avis qu'on reçoit de France confirment que la masse de ses forces continue à être portée vers les côtes septentrionales. Aucune augmentation de troupes ne se fait du côté du Rhin. Les places y sont dégarnies... Ce n'est qu'en Italie que Bonaparte a des forces considérables... Tout ce que je viens de vous rapporter atteste l'heureuse sécurité de Bonaparte par rapport aux mesures arrêtées entre les deux cours impériales. La démarche faite en dernier lieu par celle de Vienne pour renouer la négociation de paix ajoutera il faut l'espérer un nouveau poids à cette sécurité et il se livrera avec d'autant plus d'ardeur au projet, qui parait l'occuper uniquement, celui de la descente en Angleterre, soit qu'il se flatte de l'effectuer, ou de parvenir par la menace à accélérer sa pacification particulière et immédiate avec la Grande Bretagne, afin de diriger ensuite plus aisément ses vues de domination sur le continent. Il résulte de ces circonstances rassûrantes pour la bonne cause, la nécessité de doubler d'activité pour compléter le développement des mesures si sagement combinées jusqu'ici entre nos cours. Celle de Vienne continue à mettre dans les siennes la plus grande promptitude et l'intelligence la plus énergique. Les frontières en Italie et en Tyrol sont déjà sur un pied de défense très respectable et reçoivent journel-

lement des renforts de troupes et d'artillerie. Les recrutements à Vienne et dans les provinces se font avec vigueur. On a profité du prétexte des émeutes pour en tirer le double parti d'augmenter l'armée et de diminuer le nombre des mutins. Parmis les mesures fort sages dont on s'occupe ici, il est question d'envoyer à notre frontière un officier général qui sera chargé de s'entendre avec les commandants de nos troupes sur tout ce qui sera nécessaire et requis conformément aux arrangements convenus avec le général Wintzingerode. C'est le général major Stauch qui est destiné à remplir cette commission. Le comte de Cobenzl m'a requis de lui donner des lettres pour le légitimer auprès de nos commandants. Ne pouvant qu'acquiescer à une demande pareille, je ne pus lui dissimuler en même temps ce que le général Wintzingerode s'est trouvé dans la nécessité d'articuler franchement vis-à-vis des personnes qui traitaient avec lui, que nous ignorions jusqu'ici les généraux aux quels l'Empereur notre Maître daignerait confier le commandement de ses armées, mais comme le départ du général Strauch parait devoir s'effectuer sous peu de jours, je n'ai pu me refuser à la proposition qui m'a été faite de lui donner les lettres requises sans désignation de noms. M. de Cobenzl m'a fait part d'une autre mesure qu'il croit utile à l'accomplissement de notre plan et dont l'exécution concertée entre nous devrait avoir lieu au même moment et avec une égale vigilence. Ce serait d'arrêter pendant quelques jours le cours des postes sur tous les points de la frontière à l'époque où nos troupes seront prêtes à la passer afin d'empêcher que par les voyageurs ou par la correspondance on puisse être informé de cet événement en Europe".

По мѣрѣ того какъ подвигались военныя приготовлонія, къ которымъ столько труда стоило Разумовскому склонить Австрію, настроеніе вѣнскаго двора видимо измѣнялось. Не только въ правительственныхъ сферахъ, но и въ обществѣ, даже въ народѣ, война становилась популярною. О прежнемъ страхѣ и нерѣшительности не было болѣе рѣчи, вмѣсто ихъ всюду выказывалась чрезмѣрная самоувѣренность. Переговоры, на которые полагали столько надеждъ, велись теперь кое-какъ. Всѣ знали, что война неминуема,и никто ея уже не опасался, хотя вѣнскій дворъ еще такъ недавно на всѣ тоны и при всякомъ случаѣ поминалъ о прежнихъ своихъ неудачахъ. Во внутреннемъ строѣ имперіи не произошло однако ни малѣйшей перемѣны; глава ея по прежнему лишенъ былъ всякой инииціативы и энергіи; министры были тѣми же олицетворенными бездарностями; армія не питала ни малѣйшаго довѣрія къ своимъ предводителямъ; финансы были въ самомъ плачевномъ состояніи; необразованное высшее общество утратило среди чисто матеріальныхъ наслажденій всякое благо-

родное стремленіе и всякую нравственную силу [1]). При такихъ условіяхъ невозможно было разсчитывать на успѣхъ, и, однако, ослѣпленный Разумовскій радовался военному настроенію столицы Австріи и заранѣе рукоплескалъ будущимъ успѣхамъ союзниковъ.

„Je calcule les heures et les moments" собственноручно писалъ онъ въ частномъ письмѣ къ Чарторижскому отъ 30 іюля, „dans l'attente d'un courrier en conséquence de l'arrivée du général Wintzingerode. Journellement en relation avec le ministère autrichien, je suis dans l'admiration et l'enchantement des dispositions et des sentiments que je lui vois. S'il a paru longtemps hésiter, craindre, se méfier, douter, tout céde aujourd'hui à la conviction de devoir prendre un parti pour le salût de la monarchie, celui de l'Europe et prévenir la ruine de l'une et de l'autre si l'on tardait à opposer une digue à l'ambition de l'ennemi commun. Cette conviction est appuyée sur une confiance entière dans les sentiments, les paroles et les offres de notre auguste Maître, et cette base est inébranlable parce qu'elle porte sur l'opinion bien établie de la loyauté de son généreux dévouement. Peut-être est-il heureux aujourd'hui que nous ayons eu à vaincre tant de difficultés pour déterminer la cour de Vienne; qu'elle se soit montrée si passive, si résignée si endurante. Elle a habitué l'opinion à la croire incapable d'une determination énergique et il semble réellement que le gouvernement français lui même en juge ainsi. Au moment où toutes les armées sont en mouvement, que ses frontières se garnissent de troupes, et de canons, on n'attribue cette activité qu'à la frayeur des démonstrations militaires des Français en Italie et aux bruits qui se sont propagés de l'envahissement des étâts venitiens. Telles ont été les causes assignées jusqu'ici aux armements de l'Autriche. Cependant les veritables commencent à percer dans le public. On parle de la marche de nos troupes, on devine l'époque où elles passeront la frontière et on ne se trompe guère. On dit que les éguipages de l'empereur et des archiducs Charles et Jean sont faits et on s'entretient de leur départ. Tout cela ne doit plus rester longtemps un secret il est vrai et se saura du public dès que nos troupes entreront dans le pays. Voilà pourquoi il est à désirer que nous sachions bientôt si elles entreront effectivement à l'époque convenue. La cour de Vienne n'en doute pas, elle s'y repose entièrement; elle fait toutes ses combinaisons en conséquence. Il me tarde d'être à même par le courrier qui doit m'arriver de justifier sa confiance, ses calculs et ses espérances... Il me reste, mon prince, à vous dire un mot sur notre ami Pozzo. J'ai causé avec lui d'après les directions que vous m'avez indiquées. Toujours plein de dévouement et

[1]) Baron von Hormayr. Lebensbilder aus dem Befreiungskriege, 178.

d'ardeur, soupirant après le bonheur d'être utile il attend impatiemment, mais avec le silence de la plus profonde discrétion, qu'on lui en indique le moment. Je pense que ce moment se combinera avec la marche de nos troupes et celui où je recevrai les instructions du général Lacy. Pozzo a été pénétré de reconnaissance pour la bonté que vous lui témoignez. Il y met toute sa confiance. Il n'a ni mécontentement, ni inquiétude quelconque sur son sort, il n'est point avide de rangs, mais il veut se faire mérite et honneur aux yeux de ses protecteurs et il en a bien certes les moyens. Sa délicatesse lui fait un peu appréhender de ne point capter la confiance de son chef en Italie. Il ne me sera pas difficile de le tranquilliser à cet égard, car malgré que je ne connaisse point le général Lacy, il est impossible qu'il n'apprécie les excellentes qualités de cet estimable homme ainsi que ses talents... Le comte Tolstoy s'est présenté chez moi effectivement avec le personnage cité (?) revêtu de l'uniforme de gouvernement de Lithuanie et y a diné plusieurs fois. Il ne s'est point vanté comme de raison à Vienne de la prétendue commission, du moins à ma connaissance. Il y venait pour l'affaire de l'enlèvement de son fils. J'avais pris tous les arrangements nécessaires pour chercher l'enfant à Carlsruhe mais au moment d'en faire les frais, le banquier a refusé faire honneur au crédit que le comte Tolstoy a apporté et il s'en est retourné à Vilna pour de là envoyer des fonds. Cette petite anecdote me conduit à une observation. On est inondé de voyageurs russes. Leurs propos et leur conduite ne sont pas toujours sans reproche. Ne conviendrait-il pas de mettre quelque restreinte à cette liberté de promener par le monde une oisiveté sujette à mille inconvénients et qui serait plus à sa place sous la surveillance du gouvernement dans leurs propres foyers?"

Между тѣмъ 50,000-ная армія подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Кутузова стояла въ окрестностяхъ Радзивилова и готова была при первомъ знакѣ ступить за границу. Другая въ 90,000 подъ предводительствомъ Михельсона собрана была у Брестъ-Литовскаго и Гродна; 20,000-ный корпусъ графа Толстого долженъ былъ отплыть въ Штральзундъ, а другой корпусъ подъ командою генерала Ласси, занимавшій Іоническіе острова, готовился къ высадкѣ въ Неаполѣ. Въ Вѣнѣ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ ожидали вступленія русскихъ войскъ въ австрійскія владѣнія. Измѣненіе въ направленіи корпуса Михельсона, о которомъ намъ придется говорить далѣе, замедлило на нѣсколько дней дальнѣйшее движеніе русскихъ армій.

„Le c-te de Cobenzl", доносилъ отъ 20 августа Разумовскій, „vient de recevoir un courrier du c-te de Stadion, qui lui annonce les retards qu'éprouvait la marche de nos troupes. Je n'ai pas besoin de vous dire, mon prince, que cette nouvelle a produit ici une sensation pénible,

exempte cependant, je me hâte de l'ajouter, de toute défiance et même bientôt atténuée par les réflexions que je m'empressai de faire faire à m. de Cobenzl lorsqu'il me rendit compte du contenu des dépêches qu'il venait de recevoir. Je lui observai... que j'étais persuadé que l'Empereur mon Maître metterait tout en oeuvre pour abréger ce délai et rapprocher autant que possible les mesures des termes convenus et que le courrier qui devait m'arriver d'un moment à l'autre confirmerait indubitablement ce que j'avançais. Ces assurances eurent leur effet et tranquillisèrent ce ministre, mais il jugea nécessaire en même temps de surseoir à l'exécution de tout ce que la circonstance actuelle préservait sous le rapport politique jusqu' à l'arrivée du courrier que j'attendrais c. a. d. la mission du c-te de Meerveldt à Berlin et du prince Charles Schwarzenberg à Munich... Le vice-chancelier me témoigna de la part de son auguste maître et encore plus particulièrement au nom de l'archiduc Charles le désir que j'expédiasse immédiatement un courrier au devant de l'armée de Brody afin de presser son entrée dans les états autrichiens, au cas qu'elle eût éprouvé quelque délai ultérieur, ou bien, si elle était déjà en marche, pour l'engager a réparer le temps perdu, en accélérant autant que possible ses mouvements. Ne pouvant me refuser de satisfaire à cette demande je fis partir deux heures après avoir quitté le comte de Cobenzl un employé de chancellerie et comme je venais d'apprendre d'après les dépêches du comte de Stadion que ce n'était plus le général Michelson qui devait commander cette armée comme cela m'avait été officiellement annoncé par v. e., mais qu'il avait plus à S. M. de remplacer ce choix par celui du général Koutousoff, et que ce dernier ne serait point encore rendu vraisemblablement à son poste, j'ai jugé à propos pour remplir le but de l'expédition dont j'étais requis, d'adresser une note à celui des généraux de S. M. qui se trouverait de fait chargé de la conduite de l'armée... Je me suis empressé de m'acquitter des principaux objets sur lesquels portaient les ordres qui m'ont été transmis. Le point le plus important était de faire connaître et agréer à cette cour-ci la marche adoptée par la notre à l'égard de celle de Berlin, en conséquence des retards dans la marche de nos troupes de ce côté là, d'après les stipulations sur lesquelles on comptait ici. S. M. I. a daigné encore dans cette circonstance m'abandonner le soin de modifier selon que je trouverais convenable le plan que v. e. m'a fait parvenir et même de me borner à n'en faire qu'une communication verbale si je le jugeais à propos. Je n'ai pas balancé, mon prince, d'en faire une in-extenso, parce que je n'ai rien vu dans ledit plan, qui ne coïncidât parfaitement avec la manière d'envisager les choses de la part du ministère autrichien, tant par rapport à la conjoncture du moment que relativement aux bases

générales du concert arrêté entre les deux cours impériales. Mon opinion à cet égard a été pleinement justifiée par celle du comte de Cobenzl. Il a trouvé le plan en tous points conforme à la conduite qu'il convenait de suivre à l'égard de la Prusse et les instructions du comte de Meerveldt seront combinées avec celles qui sont tracées à m. d'Alopéus. J'ai présenté en même temps au vice-chancelier le projet de note ou déclaration destinée à servir de réponse à l'office transmis par cette cour-ci à la notre en même temps qu'à celles de Londres et de Berlin ainsi qu'au gouvernement français pour renouer la négociation confiée à m. de Novossiltzoff et que les circonstances ne lui ont pas permis de poursuivre. Cette pièce a motivé les justes applaudissements dûs à la sagesse et la dignité qui l'ont dictée. Nous sommes convenus que revêtue de ma signature elle sera remise incessamment à l'ambassadeur de France, afin de donner une nouvelle preuve des principes adoptés invariablement par les deux cours. Cette communication sera suivie de l'insertion de cette pièce dans les papiers publics... Le retard de la marche de nos troupes, je dois le répéter encore n'a fait naître ici ni défiance, ni inquiétude, pas même une appréhension sur le dérangement qui pouvait en résulter pour l'ensemble du plan combiné par les deux cours. Cependant v. e. concevera aisément l'extrême impatience où on était d'apprendre qu'elles eussent passé la frontière. La nouvelle en était attendue d'heure en heure d'après le calcul supposé que la première colonne devait entrer le 22 n. style. Enfin avant hier on reçut l'avis du général Strauch qu'elle devait passer le 25".

О входѣ русскихъ войскъ въ австрійскія владѣнія Императоръ Александръ извѣстилъ Франца II собственноручнымъ письмомъ. Разумовскій въ длинной депешѣ сообщилъ Чарторижскому о дарованной ему по этому случаю аудіенціи.

„J'ai annoncé au grand chambellan comte de Colloredo que j'étais chargé de présenter à l'empereur une lettre authographe de mon auguste Maître", писалъ онъ отъ 20 августа. „Je devais croire que les couches de l'impératrice et le baptême de l'Archiduc feraient remettre l'audience au lendemain, mais elle me fut assignée à Schönbrunn même, immédiatement après la cérémonie. Il est difficile d'être plus pénétré que ce prince, quand il s'agit de son auguste allié. Il me parla de toute sa reconnaissance de l'assistance qu'il lui prête, me répéta à différentes reprises que sa confiance en lui était sans bornes et que les petits retards qu' avaient éprouvé des mesures qui auraient dû avoir leur développement à des termes convenus ne lui avaient point donné un moment d'inquiétude, qu'il connaissait la loyauté et le caractère d'Alexandre I et qu'il s'y reposait entièrement. Je crus devoir assurer S.

M. I. du retour le plus sincère de sentiments analogues de la part de notre auguste Maître. Je lui parlai de la conviction (bien autorisée sans doute) où elle devait se trouver que les dilations, que les circonstances avaient rendues inévitables pour les rassemblements, seraient compensées par l'activité que l'on mettrait dans leurs mouvements, leur distribution, leur emploi... S. M. m'entretint elle même du tableau de la dislocation actuelle de son armée. Le corps rassemblé à Budweis en Bohême et porté ensuite à Wels en haute Autriche est destiné à marcher sur la Bavière sous la direction de Mack. Quels que soient les plans qu'on a pu fixer jusqu'ici pour le mouvement des armées, ils doivent être dépendants de ceux auxquels se déterminera l'ennemi. Il n'est point douteux qu'on le verra mettre en marche les forces reparties sur les côtes pour les porter sur le Rhin... On conjecture qu'il serait assez conforme à l'audace du caractère de Bonaparte de réunir sur un seul point la totalité de son armée qu'on évalue à 300,000 hommes pour accabler les Autrichiens dans leur position la plus rapprochée et la plus faible c. à d. en Allemagne, qui serait en même temps celle où des succès rapides amêneraient au plustôt des résultats définitifs... C'est d'après cette hypothèse que le général Mack a sagement disposé la dislocation actuelle de manière à ce que dix ou douze régiments se trouvent dans une position intermédiaire entre l'Italie, le Tyrol et l'Allemagne à portée de pouvoir se joindre promptement de l'un et de l'autre côté à l'armée principale. C'est sur cette même hypothèse que m. de Cobenzl fondait ses raisonnements en discutant les opérations du midi de l'Italie. Lorsqu'il m'a témoigné l'avantage de faire débarquer nos troupes de Corfou à proximité de celle de l'arrchiduc Charles afin de suppléer par un renfort au secours que S. A. R. serait peut être dans la nécessité de faire passer en Allemagne... Je vis avec satisfaction que l'empereur ne montrait aucune inquiétude sur les entreprises de Bonaparte, quelles qu'elles puissent être. Il me parût fort attaché, dans son opinion particulière, à l'idée d'une puissante attaque en Allemagne, mais persuàdé des bonnes dispositions qui avaient été faites dans ses armées, il me dit: „qu'il espérait pouvoir tenir sans essuyer d'échec dans les diverses positions qu'on pourrait prendre, jusqu'à ce que les armées russes s'étant jointes au siennes, on serait suffisamment en mesure de faire face a l'ennemi". Je m'empressai de saisir cette occasion de rendre à S. M. les justes hommages qui étaient dûs à l'énergie et à l'activité avec lesquelles ses armées avaient été mises en mouvement et j'ajoutai que cette époque serait mémorable dans l'histoire par l'idée qu'elle donnerait de sa puissance, en même temps qu'elle rétablirait en Europe cette considération envers le cabinet autrichien, qu'une suite de calamités avait si malheureusement affaiblie.

Je ne dois point omettre, qu'en réplique à ce que je venais de dire, S. M. ne me répondit que par un seul mot, mais elle le répéta à plusieurs reprises avec un ton de franchise et de véhémence: „c'est à l'Empereur votre Maître," me dit-elle, „à son amitié, à ses conseils, à ses puissants secours, qu'il faut tout attribuer. Je ne l'oublierai jamais et je m'y abandonne avec la confiance que m'inspire son caractère et les sentiments que je lui porte". J'ai pris la liberté de représenter à S. M. que l'hypothèse de toute la masse des forces de la France en Allemagne était sans doute très plausible, mais que ce n'était peut-être pas dans le midi de cet empire qu'il fallait s'attendre à la voir se réaliser et qu'il serait tout aussi-possible et même plus probable que le même plan s'effectuerait vers le nord puisqu' indépendemment d'une marche plus courte, Bonaparte y trouverait celui d'en imposer à la Prusse, de l'empêcher de se réunir à la coalition et la forcer de se joindre à sa cause, mettant à profit pour remplir un si grand but, l'éloignement des armées autrichiennes. L'empereur ne disconvint point de la vraissemblance d'une telle entreprise, il se hâta de me dire qu'elle serait prise en considération et que je pouvais être persuadé que si pareille chose arrivait, il se porterait avec toutes ses forces pour en prévenir les suites fâcheuses.

„Tels sont les termes d'une audience dont il m'est si agréable d'avoir à rapporter les résultâts intéréssants. La veille S. M. avait tenu en personne un conseil d'état... Ce conseil avait pour bût de discuter le plan du théâtre et des premières opérations à l'ouverture de la campagne. S. M. avait chargé Mack de son exposition... Mack parla. Le plan souffrit quelques légères objections, mais en dernière analyse il fût signé de l'empereur et va servir de norme et de règle à la direction des mouvements des troupes... Le général Mack est déjà parti hier pour sa destination, en très peu de temps tout le monde se trouvera à sa place... Le département des affaires étrangères est occupé des missions officieuses que les circonstances exigent. Le prince de Schwarzenberg est destiné pour Munich, le comte de Meerveldt pour Berlin. Le départ du premier est calculé de manière à ce qu'il arrive à sa destination le jour même où les armées entreront en Bavière. Il est chargé de rassurer l'électeur sur une occupation où il n'entre aucune vue hostile contre l'électorât... Le c-te de Meerveldt n'a également pour le premier moment d'autre mission que de notifier l'entrée des armées autrichiennes en Bavière et de mettre dans leur vrai jour les causes qui ont motivé cette décision et l'esprit qui les dirige. Mais d'autres négociations pourront se rallier à ces premiers termes et le comte de Meerveldt a ordre d'attendre des instructions ultérieures avant de quitter Berlin".

„Le comte de Cobenzl“ добавлялъ Разумовскій въ частномъ собственноручномъ письмѣ къ Чарторижскому отъ 21 августа, „vient de me dire que par le rapport d'aujourd'hui du général Strauch, il mande que les six colonnes formant la totalité de l'armée de Brody avaient passé la frontière. Il ne saurait assez louer la beauté et la tenue de nos troupes ainsi que le bon esprit et l'ardeur qu'elles montrent. Il fait les plus grands éloges de la cavalerie. Ces détails ont fait le plus grand plaisir à l'empereur. Celui que j'en ai éprouvé moi-même a été un peu tempéré par l'avis qu'on donne que plusieurs jeunes gens parmis les officiers parlaient d'aller à Berlin. Je ne sais si c'est à ces indiscrétions qu'il faut attribuer que la mine est un peu éventée dans ce pays là, car on mande qu'on commence à s'y occuper d'armements et que m. de Hardenberg a eu une entrevue avec le duc de Brunswick. M. de Cobenzl m'a demandé au nom de l'empereur de munir le p. de Schwarzenberg, qui se rend à Munich d'une lettre au baron de Bühler où, lui exposant le motif de l'entrée des troupes autrichiennes en Bavière, je l'invite à conformer son langage à celui de ce général de manière à constater l'accord parfait des deux cours. V. e. sentira que je ne pouvais pas m'y refuser. Les choses ont tellement changé de face par rapport à l'Autriche et dans un espace si court, qu'il n'y a d'autre règle à suivre que d'après les circonstances satisfaisantes qui ont succédé à l'incertitude où nous étions. Je ne saurais m'empêcher de vous répéter encore qu'il est impossible d'être dans une meilleure disposition que la cour de Vienne maintenant. Elle sent sa force et sa puissance autant qu'elle semblait les avoir oubliées. J'ose assurer qu'aucun artifice, aucun piège, ni machiavélisme de Bonaparte, qui ne manquera d'en faire usage, ne pourront l'ébranler. La confiance dans notre Maître est telle qu'elle doit être, franche et entière. Le c-te de Cobenzl revenant aujord'hui d'Hetzendorff m'a dit que l'empereur lui en a parlé avec effusion et qu'il désirait ardemment que les circonstances lui procurent le moyen de la témoigner de vive voix à S. M. I. et resserrer par une connaissance personnelle des liens qui lui sont si chers.“

„La nouvelle de l'entrée de nos troupes en Galicie“, писалъ съ своей стороны Разумовскому Чарторижскій отъ 20 Августа, „produira certainement beaucoup d'effet en Europe, mais surtout en empire. Les propositions faites par la cour de Vienne pour renouer la négociation de paix pourront peut-être ralentir la fougue de Bonaparte, mais il n'en tentera pas moins tous les moyens pour déterminer les princes de l'empire à se déclarer contre nous. C'est pour éviter cet inconvénient qu'il est nécessaire de munir nos ministres en empire d'instructions relatives à la crise actuelle et de leur prescrire le langage qu'ils vent

tenir pour faire envisager les déterminations de la Russie dans leur veritable jour. Mais pour que ces ouvertures puissent produire plus d'effet, il serait convenable qu'elles fussent appuyées par les ministres autrichiens accrédités à Dresde, Munich, Bade et Stuttgart. Nos ministres reçoivent l'ordre de vous rendre compte de tout ce qui se passera dans le lieu de leur résidence et comme il serait instant de gagner autant de temps que possible pour diriger leurs démarches dans l'esprit de nos projets, l'Empereur vous commet cette tâche et vous voudrez bien en conséquence vous concerter avec le ministère autrichien sur les différentes ouvertures qu'il faudra successivement prescrire à nos ministres. Il n'échappera pas à v. e. que dans le premier moment ces ouvertures ne pourront être que préparatoires, mais lorsque notre armée approchera et si Bonaparte faisait marcher des troupes en empire, alors il est indispensable que la diète soit requise à déclarer la guerre car il ne saurait étre dans notre plan de souffrir la neutralité d'aucun état voisin au théâtre de la guerre après la détermination déjà concertée de forcer la Prusse à se déclarer contre la France... S. M. I. en promettant de remplir tous les points renfermés dans le protocole des conférences militaires tenues à Vienne, l'a fait dans la ferme persuasion que les généraux, commandant ses armées en chef, seraient admis constamment au secret des opérations et qu'on aurait égard à leur avis dans les conseils de guerre. L'Empereur y prend un intérêt particulier par l'importance dont il est pour le succès des opérations. S. M. charge v. e. d'annoncer au ministère autrichien que m. le général Koutousoff a ordre lorsqu'il sera à proximité de Vienne de s'entendre avec vous sur la communication à faire à la cour de Vienne des instructions dont il est muni."

ГЛАВА II.

Переговоры съ Пруссіею. — Планы Чарторижскаго. — Вступленіе русской арміи въ австрійскія владѣнія. — Походъ Наполеона въ Германію. — Сдача Ульма. — Паденіе Вѣны. — Кремсъ. — Шенграбенъ. — Аустерлицъ. — Разумовскій въ Тешенѣ.

Въ Петербургѣ было усиленно направлено вниманіе Государя и его министровъ на сторону Пруссіи. Пущены были въ ходъ самые убѣдительные доводы, чтобы вовлечь короля въ коалицію. Утомленный уклончивыми отвѣтами берлинскаго двора, Императоръ Але-

ксандръ рѣшился, наконецъ, прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ. Онъ предполагалъ силою втянуть короля прусскаго въ союзъ противъ Франціи. Русскія войска должны были двинуться къ границамъ королевства и присутствіемъ своимъ на прусскомъ рубежѣ подкрѣплять доводы русскихъ уполномоченныхъ въ Берлинѣ. Убѣжденія Алопеуса, Винцингероде и Долгорукова, поддерживаемыя представленіями графа Меттерниха и чрезвычайныхъ посланниковъ, высылаемыхъ изъ Вѣны, плохо однако дѣйствовали на короля. Самъ король не желалъ принять окончательнаго рѣшенія, а изъ совѣтниковъ его одни стояли за союзъ съ Россіею, другіе за дружбу съ Франціею, третьи, наконецъ, за строгій нейтралитетъ. Между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Александромъ Павловичемъ завязалась живая переписка. Но безпрестанныя собственноручныя письма не имѣли лучшаго успѣха, чѣмъ переговоры. Русскій Императоръ доказывалъ необходимость приступить къ коалиціи и требовалъ согласія на проходъ войскъ черезъ прусскія владѣнія. Король въ отвѣтахъ своихъ нерѣшительно выражался относительно перваго предложенія, но за то на отрѣзъ отказалъ во второмъ. Александръ Павловичъ начиналъ видимо терять терпѣніе. Чарторижскій, которому казалось, что представляется давно ожидаемый предлогъ для возстановленія Польши, подбивалъ Государя къ рѣшительнымъ мѣрамъ и совѣтовалъ силою вломиться въ Пруссію, отвѣчая за то, что польскіе подданные короля съ восторгомъ примутъ русскихъ, если имъ станетъ извѣстно, что Императоръ двинулся впередъ съ намѣреніемъ возсоздать Польшу. По настоянію князя Адама въ Вѣнѣ и Лондонѣ оффиціально было заявлено, что Россія заставитъ Пруссію приступить къ коалиціи. Чарторижскій надѣялся этимъ заявленіемъ уничтожить всякую возможность перемѣны въ русской политикѣ. Австрійское правительство радостно приняло это заявленіе, не подозрѣвая, что въ Петербургѣ предполагали въ случаѣ нужды приступить къ крайнимъ мѣрамъ. Алопеусу отправлено было для передачи королю собственноручное письмо, въ которомъ Александръ Павловичъ объявлялъ, что русскимъ войскамъ дано повелѣніе вступить въ Пруссію. Отвѣтная депеша Алопеуса, въ которой онъ краснорѣчиво излагалъ отчаяніе короля, его непреклонную привязанность къ Государю и однако твердое намѣреніе съ оружіемъ въ рукахъ отразить всякое покушеніе на независимость Пруссіи, откуда бы оно не грозило, заставила Императора призадуматься. Ясно становилось, что крайнія мѣры могутъ только побудить короля къ болѣе рѣшительному отпору. Съ другой стороны состоявшій при Александрѣ военный австрійскій агентъ Штутергеймъ въ сильныхъ выраженіяхъ представлялъ всю опасность слишкомъ рѣшительнаго образа дѣйствій, а посолъ графъ Стадіонъ представилъ ноту отъ своего

двора, въ которой убѣдительно просилъ удержаться отъ крайнихъ мѣропріятій. Одновременно пришли въ Петербургъ извѣстія отъ русскаго доброжелателя графа Гарденберга, тайно доносившаго, что въ Пруссіи о вооруженіи пока не думаютъ, но что всякое, со стороны Россіи наступательное дѣйствіе можетъ окончательно обратить короля на сторону французовъ. Гарденбергъ умолялъ Государя не дѣйствовать опрометчиво, увѣряя, что король рано или поздно станетъ на сторону союзниковъ. Напрасно старался Чарторижскій противодѣйствовать этимъ вліяніямъ, доказывая, что честь Россіи поставлена на карту и что Государь не можетъ отказаться отъ даннаго Англіи и Австріи обѣщанія. Представленія Штутергейма и вѣнскаго двора, равно какъ обѣщанія Гарденберга на счетъ будущаго пересилили настоянія князя Адама, противъ котораго между тѣмъ стала при Петербургскомъ дворѣ образовываться сильная партія. Польскія стремленія министра иностранныхъ дѣлъ становились слишкомъ явными и порождали всеобщій ропотъ въ рядахъ царедворцевъ не особенно обуреваемыхъ въ обыкновенныя времена духомъ народности. Но данная минута была далеко не обыкновенная. Русское чувство сильно загорѣлось даже въ холодныхъ сердцахъ и громко высказывалось противъ намѣреній хитраго Ляха. Изъ Берлина пришла просьба о личномъ свиданіи. На это изъявлено было высочайшее согласіе, и 9 Сентября Государь выѣхалъ изъ С.-Петербурга. Онъ отправился вслѣдъ за гвардіею, уже выступившею въ походъ, и нагналъ ее въ Витебскѣ; отсюда черезъ Могилевъ достигъ онъ Брестъ-Литовска. На свиданіе Государя съ королемъ Прусскимъ враждебная Чарторижскому партія полагала надежды свои относительно неосуществленія вредныхъ Россіи замысловъ.

Тѣмъ временемъ австрійская армія подъ предводительствомъ Мака, не дождавшись русскихъ силъ, храбро вступила въ Баварію съ намѣреніемъ занять позицію подъ Ульмомъ, которая считалась неприступною. Русскія войска подъ предводительствомъ Кутузова, раздѣленныя на шесть колоннъ, 15 Августа только-что вступили въ австрійскія владѣнія и ускоренными маршами должны были спѣшить на соединеніе съ имперскими войсками, успѣвшими уже занять Баварію. Передъ самымъ отъѣздомъ Государя получены были извѣстія о томъ, что Наполеонъ передвигаетъ армію свою съ береговъ Ламанша въ Германію, что для переговоровъ отправленъ въ Берлинъ любимецъ императора французовъ генералъ Дюрокъ и что Пруссія приступила къ сильному вооруженію. Новости эти не смутили петербургскій дворъ. Тамъ были увѣрены, что Наполеону не легко будетъ перевести войска свои на берега Рейна. Никто не сомнѣвался въ томъ, что военный планъ союзниковъ былъ непроницаемымъ секретомъ, котораго не подозрѣвали въ Парижѣ. Къ тому же миссію Дюрока объясняли затруд-

нительнымъ положеніемъ Наполеона и неувѣренностью его въ успѣхѣ войны. Опасались только того, какъ бы изъ Берлина посланецъ императора французовъ не завелъ переговоровъ съ Австріею. Вѣнскому двору сдѣлано было внушеніе не поддаваться льстивымъ обѣщаніямъ французскаго правительства, единственною цѣлью котораго было выиграть драгоцѣнное время. По мнѣнію Государя слѣдовало пользоваться затруднительнымъ положеніемъ Наполеона. Блестящею аттакою можно бы было въ данную минуту предупредить его дальнѣйшіе планы [1]).

На рубежѣ старой Польши Александръ Павловичъ принятъ былъ съ неописаннымъ восторгомъ. Благодаря заботамъ Чарторижскаго, вездѣ уже успѣлъ распространиться слухъ, что русскій Царь выступаетъ въ походъ съ цѣлью возстановить подъ скипетромъ своимъ польскую отчизну. Изъ Бреста Государь переѣхалъ въ самый центръ Польши— Пулавы, имѣніе князя Адама Чарторижскаго. Все что только могло окончательно вскружить голову впечатлительному Государю было здѣсь пущено въ ходъ хитрыми ляхами. Сюда собрался весь цвѣтъ польскаго общества. Со всѣхъ сторонъ слышалась самая утонченная лесть, самыя пламенныя завѣренія безпредѣльной преданности. Сюда же съѣхались первыя польскія красавицы, и на Государя устремлены были огненные взгляды привислянскихъ сиренъ. Александръ Павловичъ былъ въ восторгѣ отъ пріема, отъ обстановки, отъ поляковъ и полекъ и мечта о возрожденіи Польши принимала съ каждымъ днемъ въ головѣ его болѣе осязательный образъ. Онъ былъ раздраженъ извѣстіемъ о вооруженіи Пруссіи, и настроеніемъ этимъ спѣшилъ воспользоваться Чарторижскій. Государь былъ золъ на Алопеуса, онъ сожалѣлъ, что слишкомъ опрометчиво послѣдовалъ внушеніямъ австрійскаго двора и Гарденберга и снова рѣшился вести войска свои въ Пруссію.

„Les circonstances ont pris une tournure si embarrassante et qui peut encore devenir si inattendue“ писалъ къ Разумовскому изъ Пулавъ, отъ 28 Сентября, Чарторижскій, „que je crois indispensable de faire à v. e. un narré exact et détaillé de tout ce qui s'est passé jusqu'ici entre nous et la Prusse, des différentes chances que l'on peut en attendre et des moyens qu'il faudra prendre pour en sortir, afin, qu'ayant cet exposé présent, vous soyez dans le cas de combattre là où vous êtes les méfiances, les doutes et les craintes exagérées qui causeraient dans ce moment un mal plus réel que celui que nos ennemis, quelque soit leur nombre, sont en état de nous faire. Je n'ai pas besoin de vous dire combien la conduite de m. d'Alopeus a peu répondu à notre attente. Il a non seulement totalement fait manquer sa négociation par la ma-

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 6 Сентября.

nière dont il l'a conduite, mais il a eu le tort d'induire S. M. en erreur par ses rapports. Tandis que, par son peu d'activité, sa contenance peureuse et abattue, il encourageait les refus du cabinet de Berlin, par des confidences inexcusables il exaspérait le roi et changeait dans ses éléments l'esprit dans lequel nous voulions agir envers la Prusse. Ces dépêches que nous reçûmes peu de temps avant notre départ de Pétersbourg ne parlaient que de l'entière confiance, que le roi plaçait dans la loyauté de l'Empereur, de sa détermination de ne faire en conséquance aucuns préparatifs de ce côté-là, de la grande probabilité que le roi accédera à nos désirs si l'on évite toute mesure extrême, mais disant que l'entrée inattendue de nos troupes sur le territoire prussien gâterait tout et déciderait incontinent le roi à se défendre jusqu'à la dernière extrémité et de se jeter dans les bras de la France. M. d'Alopeus s'attacha surtout à prouver qu'il n'y avait qu'une entrevue entre les deux souverains qui pourrait amener les choses au terme désiré pour le bien de la cause commune, mais toujours si elle précédait l'entrée de nos troupes. En effet S. M. jeta en avant dans sa seconde lettre au roi l'idée d'une entrevue, laquelle fût considérée comme pouvant devenir utile, mais uniquement après l'entrée des armées, pour prouver d'autant mieux combien l'on était éloigné de toute intention hostile, pour adoucir en même temps le coup porté et supposant que si le roi après l'entrée des troupes se décidait à voir S. M., il se prononçait par là même pour nous. C'eût été d'ailleurs le meilleur moyen d'effacer toute amertume et toute impression fâcheuse et de régler définitivement ce qui n'aurait pû l'être dans le premier moment. Cependant les rapports de m. d'Alopeus étaient calculés pour faire de l'impression sur le coeur généreux de notre auguste Maître. Répugnant à tout ce qui pourrait être opposé à la loyauté, croyant en appercevoir dans la cour de Berlin plus qu'on ne s'y était attendu, désirant vivement éviter la guerre avec le roi, pour que rien ne détourne du grand bût qu'on s'était proposé et pour être plus à même de fournir à l'empereur roi son allié des secours puissants, S. M. I. a pris sur elle (car aucun de ses ministres n'aurait osé se charger d'une, telle responsabilité) d'arrêter la marche des troupes russes en Prusse comme l'unique moyen de conserver encore l'espoir fondé d'obtenir la coopération de cette puissance. S. M. en même temps se décida de presser son départ de Pétersbourg, persuadé que sa présence sur les lieux était nécessaire pour y amener le roi plus aisément et le faire souscrire plus facilement à nos vues. Cette prompte décision (contre la quelle je pris aussi la liberté de soumettre avec d'autres ministres nos très humbles représentations à l'Empereur) m'empêcha de prévenir v. e. à temps et c'est ce qui fit que S. M. arriva ici sans que l'avis en ait pu parvenir

d'avance à son auguste allié. S. M. ne fût pas plus tôt à Brzesc que les notions venant de Berlin et des états prussiens annoncèrent que le cabinet de Potsdam, loin d'agir avec loyauté, n'en avait fait parade que pour gagner du temps et se préparer à pouvoir nous opposer une résistance aussi forte que ses moyens le lui permettent. L'Empereur expédia aussitôt de Brzesc l'aide de camp général prince Dolgorouky avec ordre de ne s'arrêter que 24 heures à Berlin pour presser le roi s'il n'avait pas changé d'avis de se rendre à l'entrevue qu'un courrier de m. d'Alopeus arrivé à Brzesc avait annoncée comme convenue. En attendant S. M. partit pour Puluwy afin d'être plus près de son armée et de la frontière prussienne, ayant indiqué Grouschin sur le territoire autrichien comme le lieu le plus propre pour son entrevue avec le roi... Peu s'en fallût qu'à la suite des nouvelles reçues de la Prusse, qui ne parlaient que de préparatifs guerriers et même de la marche d'une armée sur la Vilia, S. M. ne se soit déterminée à faire passer immédiatement la sienne par cette rivière, afin de prévenir des intentions hostiles aussi manifestes. Cependant, ces nouvelles ne s'étant pas confirmées dans leur totalité, et les communications adressées au comte de Stadion étant survenues, dans lesquelles la cour de Vienne semble insister qu'on évite à tout prix la guerre avec la Prusse, S. M., convaincue de la justesse du raisonnement contenu dans les dépêches autrichiennes, portée en toute occasion à céder aux désirs de son intime allié, a pris la détermination d'attendre le roi, malgré ses préparatifs hostiles, et de faire dans cette entrevue une dernière tentative afin de l'engager à entrer de gré dans nos vues.

Telle est la suite des circonstances qui a amené l'état actuel des choses et c'est sur leur situation qu'il faut surtout s'arrêter. Nous convenons qu'elle est sous bien des rapports absolument différente de ce qu'elle a été il y a deux semaines. „Nous ne pouvons plus entrer en Prusse, grâce à m. d'Alopeus“ [1]) avec l'apparence d'ignorer qu'elle veut s'opposer à notre entrée et avec l'espoir de la forcer immédiatement à nos vues. Si nous avons la guerre avec la Prusse ce n'est plus avec un état pris au dépourvu et forcé par la surprise à être traitable, mais bien avec une puissance avertie d'avance, qui est décidée à se défendre et qui a eu le temps de se préparer à cet effet... Il faut donc s'attendre à une guerre en forme faite avec toute l'énergie dont la Prusse peut être capable et à son union immédiate et entière avec la France. Il n'est pas douteux que ces résultats seraient très fâcheux pour la cause que nous défendons et en particulier pour l'Autriche. Aussi S. M. fera-t-elle l'impossible pour l'éviter. Si l'on ne peut obtenir le tout

[1]) Въ черновой вставка эта рукою Государя.

du roi, on se contentera d'une partie, voulant complaire aux désirs d'un intime allié et prouver combien on cherche avant tout à remplir le grand but contre la France. Cependant il faut nécessairement obtenir quelque chose de réel et qui soit en même temps ostensible afin que l'Europe ne puisse pas dire que l'Empereur a fait avancer une armée, s'y est rendu en personne pour finir par reculer devant la volonté du roi de Prusse, qui certainement n'est pas en état d'en avoir une quand la Russie voudra le contraire. Si donc le roi se refuse à tout ce qui pourrait mettre à l'abri l'honneur de l'Empereur, S. M., malgré le désir qu'elle aurait de considérer en tout point l'avantage et la sûreté de son allié, est fermement décidée de commencer la guerre contre la Prusse et notre armée passera la Piliza quelques heures après le départ du roi. L'Empereur ne se dissimule pas tous les désavantages qui sont dans les chances possibles à la suite de cet évènement. Cependant la cour de Vienne ne sera pas surprise qu'il y tienne invariablement; car l'honneur va avant tout, et nous perdrions la plus grande partie de notre force s'il était compromis à ce point des le début des opérations. Avec tout cela il ne faut pas s'exagérer les dangers, et, pourvu que dans un moment aussi critique les deux cours impériales restent intimement unies, combinant leur énergie et sachant mettre en usage des moyens égaux aux obstacles qu'elles auront à surmonter, elles peuvent être sures de les vaincre avec gloire et avantage. Je ne vous cacherai pas, m. le comte, que dans ce cas nous comptons beaucoup sur les secours que nous fournira le pays dans lequel nous entrons. La domination prussienne est haïe dans la ci-devant Pologne, on y recevra les Russes à bras ouverts; les habitants coopéreront de tous leurs efforts pour notre armée contre les Prussiens. C'est de quoi nous pouvons être assurés. L'armée russe sera nourrie, complêtée avec la plus grande facilité et de nouveaux corps pourront être levés... Nos succès sont plus que probables... Si la fortune nous sourit, peut-être pourrons nous envoyer une partie du corps de Bouxhoewden au secours de l'Autriche... Le pire qui peut nous arriver c'est d'occuper tout le pays jusqu'à la Vistule, de nous y tenir sur la défensive et d'attendre l'arrivée des corps de réserve qui seront prêts le printemps prochain, ce qui nous facilitera de faire filer un corps vers la Bohême. Il est bon que v. e. soit au fait de tous ces détails afin qu'elle soit à même de tranquilliser le ministère autrichien sur sa position et la nôtre. Je le répète je ne crains aucun danger, ni aucune chance, pourvu que les deux cours impériales restent bien unies et ne séparent jamais leurs intérêts."

Въ другой конфиденціальной депешѣ изъ тѣхъ же Пулавъ Чарторижскій прямо излагалъ графу Андрею Кириловичу свои виды ка-

сательно возстановленія Польши. Крайне интересная депеша эта была слѣдующаго содержанія:

„Pour ne rien taire à v. e. des embarras dans lesquels nous pouvons nous trouver incessament, je dois ajouter que pour tirer parti du pays que nous allons occuper il faut nécessairement y gagner l'affection des habitants; il faut par conséquent ne pas repousser leurs voeux et leur espoir et ne pas détruire leur enthousiasme pour la personne de l'Empereur. Il y a un moyen sûr pour engager les Polonais à offrir leurs vies et leurs biens au service de S. M., c'est de leur faire supposer que l'Empereur prendra le titre de roi de Pologne et par là réunira tout ce pays à la Russie. Bien plus, cette idée est généralement répendue dans la Prusse polonaise et y produit une exaltation extrême. La contredire après que la guerre aurait commencé, ce serait s'ôter ses propres armes et détruire ses propres moyens. Ce serait vouloir faire gratuitement d'un peuple devoué et prêt aux plus grands sacrifices, un peuple mécontent et contraire. Il y a plus, la guerre une fois commencée de cette façon, la Russie et l'Autriche d'une part, la France et la Prusse de l'autre, doivent penser que le moment est décisif, que selon le succès de l'un ou de l'autre parti, la face de l'Europe changera et qu'il n'y a pas de temps à perdre pour employer tous les moyens, tous les ressorts qui peuvent donner à chacun une supériorité assurée. Bonaparte n'ommettra pas d'avoir en vue la Pologne et amènera quelque arrangement à ce sujet avec le roi de Prusse, en lui faisant entendre que l'avantage de leur cause l'exige ou bien l'engagera lui même à prendre le titre de roi de ce pays. C'est ce qu'il faut absolument empêcher et prévenir. La seule difficulté qui se présenterait dans ce cas, ce serait de convaincre la cour de Vienne de cette nécessité qui est réellement inévitable et de lui ôter les inquiétudes qu'elle pourrait concevoir à ce sujet. Je sais très bien que si l'Empereur finissait par joindre à ses autres titres celui de roi de Pologne, les provinces polonaises de la domination autrichienne formeraient peut-être aussi le voeu de se réunir à leurs anciens compatriotes. Cependant ce serait le premier soin de S. M. d'assurer son intime allié qu'elle aura une attention particulière à arrêter les moindres germes d'un pareil désir et faire en sorte que tout reste ici dans son état actuel. S. M. dans le cas d'une guerre avec la Prusse, quoique forcée à ne pas étouffer les espérances des Polonais, qui je crois leur feront faire des miracles pour la bonne cause, quoique prévoyant la nécessité où elle se trouvera de céder à leurs voeux, en unissant ces provinces à la Russie et en acceptant le titre de roi de Pologne, ne veut cependant rien faire à ce sujet que de concert et avec l'assentiment de S. M. I. et R. Notre auguste Maître a commencé la grande entreprise qui l'occupe, avec

des vues extrêment desintéressées; il est parti de St.-Pétersbourg avec ces mêmes sentiments. Il n'en a pas changé même à présent et sa conduite envers le roi de Prusse le prouve suffisamment; elle ne démontre que trop évidemment combien son désir était sincère d'éviter la guerre avec ce prince. Peut-être que la manière dont la chose a été conduite en général n'était pas celle qui devait mener le plus sûrement à ce résultat, mais certainement on ne saurait se tromper sur les motifs. Peut-être aussi était-ce le seul moyen d'éviter cette guerre: car tous les avis s'accordent à dire que l'entrée des troupes russes de quelque raison qu'on l'ait colorée, l'aurait fait naître indubitablement. Le caractère opiniâtre du roi ne laisse pas à supposer qu'il eut cédé facilement; nous serions en pleine guerre à l'heure qu'il est, et il aurait tout de même fallu avoir recours aux moyens, qui maintenant deviendront d'une nécessité encore plus urgente, vu l'augmentation de ceux de résistance de la part de la Prusse et l'exaspération plus grande du roi. A présent il reste encore une issue qui autrement aurait déjà été fermée et un dernier espoir de faire aller de bon gré le roi du moins en partie dans notre sens. Mais si les circonstances changent, si elles exigent une autre règle de conduite, je suis assuré que le ministère autrichien ne sera pas d'avis que nous empirions nous mêmes nos affaires, uniquement pour soutenir un caractère de désintéressement qui serait alors blâmable sous tous les rapports. Il faudra donc dans le cas que les deux empereurs s'entendent entre eux, qu'ils unissent et confondent leurs intérêts plus que jamais. L'Empereur ne veut et ne peut pas séparer les siens de ceux de son intime allié. Je ne prévois pas que l'Autriche voie jamais d'un mauvais œil que la Russie gagne sur la Prusse. Il n'y aurait donc que le sort futur des Galicies qui pourrait inquiéter à Vienne. Encore la possession de la Galicie méridionale est moins intéressante par le peu de temps qu'on a eu pour organiser ce pays. Cependant, dans un revirement aussi considérable, l'Autriche aurait de quoi se dédommager avec avantage, si elle prenait la Silésie et si elle s'arrondissait en Allemagne par la Bavière etc. Dans le cas que nous dussions en venir à ce dénouement, notre auguste Maître écrira à S. M. I. et R.; là il s'ouvrira avec une entière confiance; il lui demandera son aide et son conseil. Quoique cette lettre, qui sera dictée par les vrais sentiments de l'Empereur, suffira certainement pour ne laisser aucun doute sur la sincérité de l'attachement qui le lie à S. M. I. et R. et sur la pureté de ses vues, cependant j'ai pensé qu'il était bon de prévenir v. e. relativement à tous ces objets. Le point principal est d'empêcher toutes les méfiances, de convaincre la cour de Vienne que nous n'avons eu et que nous n'avons aucune arrière pensée et de lui faire entendre que si elle avait même quelques sacrifices et

échanges à faire, ce ne serait jamais que lorsqu'elle le voudrait bien, lorsqu'elle y trouverait son compte dans la vue d'assurer son plus grand avantage et celui des armes communes, que nous lui en ferions la proposition. Tout cela ne sont que des idées, il suffit de vous les indiquer et il est possible, probable même, que nous ne serons pas dans le cas de leur donner un développement ultérieur.

V. e. étant avertie d'avance fera de ces notions tel usage que sa prudence lui suggérera pour le bien des affaires, celui des deux cours impériales et pour cimenter de plus en plus leur union inaltérable".

Князь Долгоруковъ поскакалъ изъ Пулавъ въ Берлинъ. Онъ долженъ былъ вручить королю новое письмо отъ Государя, въ которомъ послѣднiй требовалъ немедленнаго свиданiя и снова угрожалъ вступленiемъ въ Пруссiю. Алопеусъ, скрѣпя сердце, повёзъ Долгорукова въ Потсдамъ на аудiенцiю. Король прочелъ письмо и съ твердостью сказалъ русскому генералу, что онъ будетъ считать за объявленiе войны всякое посягательство на нейтральность Пруссiи. „Возвратитесь къ своему Государю", добавилъ онъ, „и объявите ему, что рѣшенiе мое неизмѣнно [1]". Новая война грозила Россiи, но не успѣлъ Долгоруковъ еще выѣхать изъ Потсдама, какъ получено было извѣстiе, что войска Наполеона вломились въ прусскiя владѣнiя близъ Анспаха съ цѣлью напасть на австрiйцевъ, сосредоточенныхъ близъ Ульма и не ожидавшихъ съ этой стороны непрiятеля. Извѣстiе это внезапно измѣнило весь ходъ дѣла.

Въ Петербургѣ и Вѣнѣ долго обманывали себя надеждою, что Наполеону неизвѣстны замыслы союзниковъ. И здѣсь и тамъ думали, что нашествiе на Англiю поглощало всѣ мысли новаго владыки Францiи и что у него не хватало времени заниматься тѣмъ, что дѣлалось въ Германiи. А между тѣмъ императоръ французовъ зналъ малѣйшiя подробности плана задуманной войны, точно онъ его составлялъ вмѣстѣ съ Винцингероде, Шварценбергомъ и Макомъ. Не отказываясь еще отъ мысли о высадкѣ въ Англiю, онъ уже разсчиталъ, что успѣетъ напасть на австрiйскiя войска за долго до прихода русской подмоги. Завелись тайныя сношенiя съ Баденомъ, Виртембергомъ и Баварiею, а между тѣмъ французскiй посолъ продолжалъ жить въ Вѣнѣ, дабы окончательно усыпить бдительность австрiйскаго правительства. Посредничество, предлагаемое Австрiею, было, Наполеономъ, отклонено, Талейранъ писалъ настоятельныя депеши Ларошфуко, требуя, чтобы австрiйская армiя поставлена была на мирное положенiе и чтобъ вѣнскiй дворъ объявилъ англiйскому правительству о твердомъ своемъ намѣренiи соблюдать строгiй нейтралитетъ. Кобенцель въ Парижѣ

[1]) Mémoires, documents etc. laissés par le prince de Metternich. I, 44.

продолжалъ разсыпаться въ увѣреніяхъ дружбы передъ Талейраномъ, Кобенцель въ Вѣнѣ отдѣлывался уклончивыми отвѣтами отъ Ларошфуко.

Первый шагъ австрійцевъ былъ неловкій. Армія подъ предводительствомъ Мака внезапно двинулась въ Баварію съ которою вѣнскій дворъ считался въ лучшихъ отношеніяхъ. За нѣсколько часовъ до входа австрійскихъ силъ въ предѣлы курфюршества, прискакалъ въ Мюнхенъ князь Шварценбергъ и потребовалъ отъ баварскаго курфюрста немедленнаго приступленія къ коалиціи, соединенія войскъ его съ австрійцами передачи всѣхъ военныхъ магазиновъ и складовъ союзникамъ. Испуганный курфюрстъ на все согласился; но едва уѣхалъ австрійскій посолъ, какъ онъ бѣжалъ изъ Мюнхена, приказавъ войскамъ своимъ столпиться вокругъ Вюрцбурга.

„Si notre ministre à Munich a pu prévoir ou appréhender ce qui vient de s'y passer", собственноручно писалъ отъ 1-го Сентября Чарторижскому графъ Андрей Кириловичъ, „par la connaissance qu'il a du terrain et de la clique infernale qui entoure et gouverne un prince sans principes, j'avoue que j'étais bien loin à m'attendre au trait perfide par lequel l'électeur a si gratuitement imprimé une tache à son honneur, et la cour de Vienne partageait complétement la sécurité que devaient inspirer les assurances positives, solennelles, autographes données au moment même qu'on méditait d'y manquer. Enfin le coup a été porté, l'histoire en consignera la honte, mais vous penserez sans doute, mon prince, qu'il faut que justice en soit faite et c'est à la sagesse comme à l'indignation qu'en éprouvera notre auguste Maître qu'elle doit être confiée. Les déterminations du cabinet de Vienne en conséquence de cet évènement seront communiquées à v. e. par le c-te de Stadion. Nos troupes en Galicie cheminent en bon ordre. Jusqu'ici pas la plus petite plainte, ni récrimination".

Все еще обдумывая высадку въ Англію, Наполеонъ успѣлъ, однако, 15 Августа (стараго стиля) сдѣлать всѣ распоряженія касательно размѣщенія войскъ въ виду возможной войны съ Австріею и Россіею. Въ то время, когда русская армія была еще отдѣлена долгими переходами отъ австрійскихъ силъ, въ глубокомъ секретѣ предписано было маршалу Бернадоту, занимавшему Ганноверъ, двинуться со всѣми своими войсками черезъ Гессенскія княжества къ центру Германіи, распространяя вездѣ слухъ, что онъ спѣшитъ во Францію, по зову Наполеона, и долженъ вступить въ нее черезъ Майнцъ. Одновременно генералъ Мармонъ, стоявшій съ французскими силами въ Голландіи, быстро выступалъ вверхъ по Рейну, чтобы соединиться близъ Вюрцбурга съ арміею Бернадота. Наконецъ войска, собранныя на берегахъ Ламанша должны были идти другъ за другомъ къ Стразбургу

и расположиться между этою крѣпостью и Мангеймомъ. По разсчетамъ императора французовъ, оказавшимися совершенно вѣрными, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ вся французская армія въ полномъ ея составѣ изъ Булони могла быть переброшена въ центръ Германіи. О распоряженіяхъ своихъ Наполеонъ не сообщилъ даже своимъ приближеннымъ. О томъ знали одни предводители войскъ. До сихъ поръ не вполнѣ разъяснены причины, заставившія Наполеона внезапно отказаться отъ столь долго лелѣяннаго имъ плана высадки. Не прибытіе ли флота адмирала Вильнева, какъ предполагаетъ Тьеръ, сознанная ли въ послѣднюю почти минуту трудность предпріятія, или же, наконецъ, несомнѣнныя доказательства образовавшейся на востокѣ коалиціи его къ тому побудили, рѣшить трудно. Вѣроятнѣе всего что всѣ эти три причины одинаково тому способствовали. Несомнѣнно, однако, что Наполеонъ не особенно опасался союзниковъ. Онъ не терялъ надежды привлечь Пруссію на свою сторону, былъ увѣренъ въ сочувствіи мелкихъ германскихъ дворовъ, не сомнѣвался въ давно испробованномъ на дѣлѣ превосходствѣ своемъ надъ Австріею, а съ Россіею намѣренъ былъ помѣриться силами во всемъ обаяніи торжества надъ Австріею, разгромивъ уже габсбургскую монархію. Императоръ французовъ присутствовалъ при выступленіи войскъ изъ Булони и ея окрестностей. Въ концѣ Августа (ст. стиля) онъ былъ уже въ Парижѣ. Скрывать долѣе своихъ намѣреній было невозможно, и наканунѣ почти своего отбытія къ арміи въ Германію, онъ предписалъ Ларошфуко выѣхать изъ Вѣны.

„L'ambassadeur de France vient de demander ses passeports", доносилъ отъ 7-го Сентября Разумовскій. „La demande de m. de la Rochefoucauld a été reçue avec la politesse constante dont on ne se départ pas ici. Il lui fût répondu immédiatement que S. M. voyait à regret une détermination que les circonstances ne semblaient nullement avoir dû amener encore; que si l'ambassadeur y persévérait on ne ferait aucune difficulté de lui les faire tenir, mais à des conditions cependant, dont il reconnaîtrerait lui-même l'urgence. Que les embarras qu'avaient éprouvés les agents de la Russie, lorsqu'en pleine paix, il fût convenu réciproquement que les missions seraient rappelées, devaient servir d'exemple de prudence et que S. M. voulait être assuré qu'il ne serait mis aucun obstacle au départ de ses ministres ou agents, leurs employés ou attachés non seulement en France mais partout où le gouvernement français étendait son administration et son influence; que cependant pour ne laisser aucun doute sur les intentions toujours conciliantes de cette cour-ci, ou se contenterait d'une déclaration écrite de l'ambassadeur. Cette proposition fut suivie d'une note de ce dernier, où il fait une sortie assez forte sur le soupçon injurieux que l'on jettait

sur la loyauté de son souverain. Il se refuse dans cet office à la déclaration demandée et annonce qu'il a envoyé un courrier à Paris pour demander des ordres... Le voyage de l'empereur a été déterminé par la nouvelle des mouvements de l'armée française. On appréhende avec raison une diversion sur la Bohême, presque entièrement dégarnie de troupes, lorsque l'armée principale autrichienne est sur le haut-Rhin. Ces considérations ont été agitées hier dans un conseil de guerre. L'empereur y a déclaré qu'on ne pouvait point se dissimuler les dangers de l'entreprise, dont on était menacé, mais qu'il valait mieux courir l'événement d'un petit échec, sur un point séparé, que de s'écarter du plan général. L'empereur, pour abréger toute correspondance et pour ne point appeler à Vienne son quartier-maître, a résolu de se rendre lui-même à son armée, pour y concerter en personne tout ce qui sera nécessaire et utile. Son absence ne sera que d'environ 10 à 12 jours. Il n'est accompagné, dans cette course pour les relations que pourraient exiger les affaires politiques, que du référendaire baron de Collenbach. Mais il paraît arrêté que m. de Cobenzl accompagnera l'empereur lorsqu'il entreprendra son voyage pour se rendre à l'armée. J'ignore encore quelles seront les autres personnes invitées à suivre le quartier-général et si je puis présager que je serai du nombre. Mes conjectures à cet égard, très vagues jusqu'ici, peuvent se réaliser d'un moment à l'autre. Ne pouvant douter que l'Empereur mon Maître ne sanctionne mon acquiescement à une pareille invitation, je crois devoir néanmoins prier v. e. de vouloir bien prendre éventuellement les ordres de S. M. I. Il a été résolu pour compléter plus rapidement les forces combinées sur les points nécessaires de faire avancer le reste de l'armée sur des voitures et qu'on en fournirait également à la nôtre".

...„Dans un rapport arrivé hier au soir" доносилъ далѣе отъ 13-го Сентября графъ Андрей Кирилловичъ, „le général Weyrother annonce qu'il tient très confidentiellement du général de Michelson que S. M. l'Empereur de toutes les Russies se trouve aux frontières et qu'elle pourrait fort bien les passer dans l'intention de voir ses troupes en marche; qu'il avait en conséquence fait toutes les dispositions, qui avaient été en son pouvoir, pour la réception, les logements, les équipages de S. M. I. Cet avis a mis tout le ministère autrichien en mouvement. On s'est empressé de me parler du regret que l'on éprouvait que l'Empereur-roi ne fut point à Vienne et l'on me demanda formellement quelles étaient les démonstrations que je croyais devoir être faites pour la réception et le passage de S. M. Je répondis au comte de Cobenzl que je n'avais aucun avis du voyage de S. M. que c'était une raison qui devait me faire croire qu'elle désirait garder le plus strict incognito et se soustraire à toute espèce de cérémonial, voulant probable-

ment dans une course toute militaire ne jouir que de ce qu'offre le mouvement et l'appareil des camps".

„Ne soyez pas surpris, mon prince", писалъ собственноручно Разумовскій отъ 21-го Сентября Чарторижскому, „si en prenant la plume, je commence par vous porter plainte contre vous-même. Ce n'est qu'à vous-même que vous voudrez bien vous en prendre. Vous m'avez fait contracter une habitude trop douce et trop satisfaisante, en me donnant fréquemment et amplement de vos nouvelles, pour que la privation que j'en éprouve depuis si longtemps ne me soit infiniment pénible. En vous adressant mes doléances, je ne sais où elles vous parviendront. J'ai lieu de croire qu'elles n'iront pas vous chercher bien loin et je m'empresse de vous présenter mes vives félicitations de vous savoir dans notre voisinage. Elles seront l'avant-coureur de celles que notre auguste Maître va recevoir de son intime allié. La proposition d'une entrevue qui les accompagnera, dictée par le double motif du besoin de se concerter à la suite de la tournure fâcheuse qu'on prise les affaires de Berlin et par le désir de faire la connaissance personnelle de notre Souverain tient plus particulièrement encore à ce dernier et au besoin de témoigner la reconnaissance dont on est pénétré. Ce sentiment est unanime ici et tout Vienne voudrait voler aux pieds de notre Maître. Le prince d'Auersperg partira vraisemblablement entre la journée de demain et la suivante. Indépendemment de l'affaire prussienne qui occupera principalement les souverains à l'entrevue, il en est d'autres qui s'arrangeront aisément à cette époque. De ce nombre est celle que v. e. m'a recommandée dans sa dépêche du 20 Août relativement au principe mis en avant par cette cour-ci *sur la manière de prendre possession et d'administrer les pays conquis* [1]). Les communications que j'ai du faire sur ce point n'ont point jusqu'ici de résultats uniquement parce que l'absence de l'empereur et la multiplicité du travail en ont écarté la discussion. Je vais incessamment faire parler Pozzo. Je joins ici une lettre de sa part. Il vous annonce une production de son âme ardente que vous lirez avec plaisir et intérêt. Elle est écrite avec véhémence, mais avec sagesse et dans le but d'éclairer la France sur les dangers dont elle est menacée de la part du charlatan ambitieux qui la gouverne. Cet ouvrage est fait pour être répandu avec profusion, mais ce ne sera que par l'autorisation de notre Maître".

Среди томительнаго ожиданія первыхъ военныхъ громовъ, вѣнскій дворъ непріятно пораженъ былъ извѣстіемъ объ отправкѣ въ Вѣну графа Гаугвица, о которой сообщалъ графъ Меттернихъ. Вице-канцлеръ Кобенцель всячески старался отвратить переговоры съ не-

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

желаннымъ посѣтителемъ. Россія взяла на себя сговориться съ Пруссіею, и вѣнскій дворъ желалъ оставаться въ сторонѣ отъ этого дѣла. Намеки австрійскаго дипломата однако не подѣйствовали въ Берлинѣ. Не смотря на всѣ старанія Меттерниха, Гаугвицъ пустился въ путь [1]). Прибывъ Въ Вѣну, онъ потребовалъ аудіенціи у императора, только-что возвратившагося изъ поѣздки въ армію. Въ Пулавахъ не знали какъ объяснить эту нежданную миссію, тѣмъ болѣе, что именно въ это время отправленъ былъ въ Берлинъ князь Долгоруковъ и въ Пулавской главной квартирѣ со дня на день ожидали свиданія съ королемъ прусскимъ [2]).

„Le comte de Haugwitz“, доносилъ Разумовскій, „est arrivé lundi dernier et s'est rendu aussitôt chez le vice-chancelier de cour et d'état. Il y est resté deux heures, *il y a beaucoup parlé et n'a rien dit* [3]). Le résultat de cette conférence était qu'il ne pouvait communiquer qu'à l'empereur lui-même l'objet de sa mission. Le c-te de Haugwitz fut appellé hier matin à Hetzendorff pour avoir son audience. Avant le diner il resta cinq quarts d'heure en tête-à-tête avec S. M. *parla beaucoup et ne dit rien* [4]). Hier soir à 7 heures il se rendit à la chancellerie d'état pour conférer avec le c-te de Cobenzl. Je me trouvais chez ce dernier lorsqu'on annonça le c-te de Haugwitz. J'abrégeais ma visite pour la reprendre plus tard, espérant à coup sur remplir le but du délai de mon courrier, mais après m'être vainement informé dans le cours de la soirée, si m. de Haugwitz avait quitté sa place, je n'appris que ce matin que sa conférence avait duré jusqu'à minuit, et encore une fois et ce sera vraisemblablement la dernière (car il a annoncé l'intention de partir incessamment pour Berlin) *il parla beaucoup et ne dit rien.* Ce refrain vous paraîtra étrange et peu conforme à l'importance du personnage et à la gravité de la circonstance qui a motivé sa mission, cependant le fait est exact. J'ai entendu la lecture du protocole des conférences ce matin et à travers le fatras des phrases qu'a prodiguées le c-te de Haugwitz il m'a paru qu'il n'y avait que deux points qu'on pouvait considérer comme assez dignes de remarque. L'un est relatif à l'entrevue projetée par le roi de Prusse avec l'Empereur notre Maître. Le c-te de Haugwitz a dit positivement que quelle qu'en soit l'issue S. M. prussienne ne se départirait jamais pour le présent, de son système de neutralité. L'autre porte sur la disposition où serait le roi d'entreprendre une médiation entre le gouvernement français et le cour de Vienne, si cette dernière voulait lui faire part des termes

---

1) Депеша Разумовскаго отъ 15 Сентября.
2) Депеша Чарторижскаго отъ 28 Сентября.
3) Подчеркнуто въ подлинникѣ.
4) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

auxquels elle souhaiterait d'amener un accomodement. Je ne répéterai point ici, mon prince, les réponses qui furent faites par le comte de Cobenzl, ce serait anticiper sur des communications que vous recevrez, il me suffira d'observer que tant par la bouche de l'empereur lui-même que par l'organe de son ministère, le comte de Haugwitz a reçu les assurances positives et souvent répétées que la cour de Vienne soit pour la guerre, soit pour la paix, en un mot dans aucune circonstance relative à son système politique, ne se séparerait de son intime allié l'Empereur de Russie, envers lequel S. M. I. et R. professait hautement, non seulement les sentiments les plus parfaits d'amitié et d'attachement, mais encore ceux de la reconnaissance la plus profonde et la plus inaltérable pour la manière généreuse avec laquelle notre auguste Maître, dans la conjoncture actuelle, mettait cette cour-ci à même, par les puissants secours qu'il lui donnait, d'entreprendre le grand objet de salut public et particulier, auquel ses efforts isolés l'auraient fait renoncer. C'est par suite de ces mêmes sentiments, mon prince, et en les combinant avec les circonstances infiniment délicates qui se sont développées dans l'issue malheureuse de la négociation de Berlin, que l'empereur François a conçu l'idée d'effectuer un désir, qu'il nourrissait depuis longtemps dans son âme, celui de faire la connaissance de notre auguste Maître et de s'aboucher avec S. M. I. sur leurs interêts communs, profitant du moment où on vient d'apprendre que l'Empereur est intentionné de passer la frontière pour se rendre dans les états autrichiens. S. M. I. et R. croit que l'endroit qui pourrait être le plus convenable à cette entrevue serait la ville de Cracovie. Elle se propose d'en soumettre le projet à notre auguste Maître par l'envoi très-prochain d'une personne distinguée de sa cour. Elle a fait choix pour remplir cette mission honorable de son capitaine de la garde allemande lieutenant-général et chevalier de la toison d'or, prince d'Auersperg. Son départ aura lieu d'ici à peu de jours... Le comte de Cobenzl en me participant ce matin tout ce que je viens de rapporter, m'annoncé dans les termes les plus obligents au nom de son auguste maître que S. M. I. et R. m'invitait à la suivre à son quartier général et à y rester auprès d'elle tant que les circonstances y exigeraient sa présence. J'ai répondu à cette invitation d'une manière conforme à la distinction et à la confiance qui l'ont motivée et qui j'ose le croire, sera approuvée par S. M. I. Quant à l'entrevue de Cracovie, v. e. devine ce que j'ai à lui dire. Il n'est point d'expression qui puisse rendre le bonheur que j'éprouverais de pouvoir me mettre aux pieds du meilleur des maîtres et je considérerais comme une grâce de sa part la permission qu'il daignerait m'en accorder. Si l'entrevue a lieu, m. de Cobenzl a déjà ordre de se tenir prêt pour être du voyage. Il

l'a égalment pour suivre l'empereur à son quartier général. Je présume que le ministre d'Angleterre sera pareillement invité de s'y rendre.

...Dans un conseil tenu ce matin à Hetzendorff il a été résolu d'envoyer au général Mack l'ordre d'attaquer les Français, s'il en trouvait l'occasion favorable. Cette mesure a été sagement motivée par les nouvelles positives qu'on reçoit succéssivement du passage des troupes françaises de ce côté du Rhin afin d'en prévenir les rassemblements nombreux en tombant sur leurs corps détachés à mesure qu'ils se présenteront".

„L'Empereur a appris avec une véritable satisfaction", отвѣчалъ изъ Пулавъ, отъ 28-го Сентября, на депешу эту Чарторижскій, „que vous avez été invité à accompagner S. M. I. et R. Ap. à son quartier général, et il s'en remet sur vos soins pour profiter de la facilité que vous aurez de voir et d'entretenir son allié pour lui exprimer dans toutes les occasions les sentiments qu'il lui porte. L'Empereur sera de même très-aise de vous revoir, m. le comte, lors de son entrevue avec S. M. I. et R. et v. e. peut être bien persuadée d'y entendre de la bouche de son Souverain le cas qu'il fait des services que vous lui rendez journellement. La lettre de l'Empereur à S. M. I. et R. était écrite avant que nous eussions connaissance de la mission de m. d'Auersperg et elle prouve combien le désir de se voir est mutuellement senti par les deux souverains. Le nôtre sera prêt à se rendre à Cracovie aussitôt que son allié le voudra; mais il est impossible de ne pas attendre le roi de Prusse, après lui avoir indiqué Grouschin pour lieu de leur rendez-vous. Ce motif n'est pas le seul qui détermine l'Empereur à retarder le moment où il aura le bonheur de voir l'empereur François II. Il est persuadé que la cour de Vienne ne voudra pas qu'après des démarches aussi solennelles et aussi prononcées que celles qui ont eu lieu à Berlin, la Russie renonce entièrement aux projets qu'elle a formés à l'égard de la Prusse, ce qui seroit accorder à cette puissance une supériorité et tolérer de sa part une conduite entièrement incompatible avec l'honneur et la dignité de la Russie. Les rapports de S. M. I. et R. à cet égard envers la Prusse sont si différents de ceux de notre auguste Maître, qu'elle ne pourrait que se trouver gênée dans les explications qui auraient lieu entre lui et le roi de Prusse et certainement la présence du roi, s'il persévère dans son système, serait un obstacle à un abandon entier dans les entretiens des deux empereurs sur leurs vues communes. Vous êtes chargé, m. le comte, de soumettre immédiatement toutes ces considérations au ministère de S. M. I. et R. et de faire usage des différentes notions que renferme la présente expédition pour convaincre la cour de Vienne que l'Empereur sera prêt à faire tout ce que l'honneur de son empire et

de sa dignité lui permettent pour complaire à son allié et pour ne point retarder les secours qui lui sont promis. Cependant comme je l'ai dit plus haut, la cour de Vienne ne voudra pas que cette condescendance soit portée au-delà de ses justes bornes et ce sont les bornes que S. M. I. et R. croit pouvoir y mettre, qu'il importe à l'Empereur de connaître le plus promptement possible. S. M. désirerait au delà de toute chose en être instruite avant l'issue de ses négociations avec le roi de Prusse lui-même et vous voudrez bien employer à cet effet tout ce que vous croirez le plus propre à nous faire atteindre ce but".

„Les nouvelles qui sont parvenues ici dans la journée d'hier"—доносилъ отъ 26-го Сентября Разумовскій,—„sont de la plus grande importance dans la conjoncture actuelle... La première et la plus essentielle est une note que vient de m'adresser le vice-chancelier comte de Cobenzl. Elle renferme toutes les circonstances relatives à l'entrée de Bernadotte à la tête de cinq colonnes composant son armée, dans les états de S. M. prussienne en Franconie. Les représentations des employés n'ont point arrêté le général, il a poursuivi son chemin et forcé le passage. Cette violation du territoire prussien a eu lieu, lorsque le cabinet de Berlin jette les hauts cris contre nous sur la simple appréhension d'une mesure pareille de notre part; qu'il met sur le pied de guerre en conséquence toute son armée, en déclarant à notre ministre, lorsqu'il a demandé contre qui ces préparatifs se faisaient, que c'était contre tous et contre personne, c. à d. que voulant maintenir sa neutralité, il s'opposerait à quelconque entrerait de force dans ses états. En tenant ce langage il ajoutait: que le roi aurait été, de principe et d'inclination, disposé à se joindre aux cours impériales, si sa dignité n'était pas blessée de l'intention de la nôtre de passer sa frontière sans son aveu. Or maintenant que se prince juge contre qui ses armées doivent se tourner et par qui son dignité et son honneur sont compromis. Pas un soldat n'a mis le pied hors la limite de la Russie, du côté de la Prusse, tandis qu'un maréchal, à la tête d'une armée entière, a traversé toute une province de cette puissance. La seconde pièce est un extrait du manifeste que vient de publier la cour de Bavière. L'électeur s'est jeté sans honte et sans réserve dans le parti, où ses ministres perfides ont entraîné ce prince faible et sans caractère... Le général Koutousoff est arrivé ici avant'hier dans l'après midi. Il se remettera en route demain de grand matin pour rejoindre son armée, dont les colonnes défilent vers la haute Autriche. Il a été reçu avec la distinction dûe à son rang, au poste qu'il occupe et aux sentiments que le souverain se plait à manifester en toute occasion à l'égard de notre auguste Maître. J'ai eu l'honneur de le présenter hier avec sa suite, composée du comte de Tiesenhausen et du conseiller d'état actuel

Rodofinikine à L. L. M. M. I. I. à Hetzendorff, où nous fûmes retenus à diner. L'empereur entretint le général avec beaucoup de bonté, le questionna sur tous les détails de son armée et entra dans tous ceux des besoins qu'elle pourrait avoir et qu'il dépendrait de lui de satisfaire. S. M. m'a témoigné particulièrement combien elle était contente de l'ordre et de la discipline et en général de la manière de se conduire du général Koutousoff, dont elle m'a dit être charmée de faire la connaissance personnelle. S. M. venait de recevoir la nouvelle de l'arrivée de l'empereur notre Maître à Pulawy et elle attendait avec impatience celles que devait lui donner le prince d'Auersperg sur la commission dont il était chargé".

Вѣнскій дворъ, въ припадкѣ поздней и слишкомъ смѣлой отваги, сдѣлалъ огромную ошибку. Не дождавшись русской помощи, онъ выдвинулъ сравнительно незначительную часть своихъ силъ за границу, чтобы занять позицію при Ульмѣ, которая, по убѣжденію Мака, была ключемъ Германіи. Во главѣ выступившихъ войскъ числился молодой эрцгерцогъ Фердинандъ, а ему въ руководители назначенъ былъ генералъ-квартирмейстеръ Макъ. Генералъ этотъ былъ честный, трудолюбивый теоретикъ, полезный въ военной канцеляріи, но никуда не пригодный во главѣ войска и на полѣ сраженія. Неспособный на скорыя рѣшенія и твердость въ минуты опасности, лишенный вдохновенія и быстроты взгляда, любимый солдатами, безродный Макъ не умѣлъ, однако, держать себя передъ надменною аристократіею, толпившеюся въ рядахъ австрійскаго войска. Онъ переносилъ неприличныя выходки капризнаго эрцгерцога и не съумѣлъ положить предѣла гордому съ нимъ обхожденію австрійскихъ магнатовъ. Армія его любила, но мало уважала и военному счастію его не вѣрила. Вѣнскій дворъ предполагалъ застать Баварію въ расплохъ и присоединить войска ея къ собственнымъ силамъ; но, какъ мы видѣли выше, курфюрстъ бѣжалъ изъ Мюнхена, стянулъ войска свои къ Вюрцбургу и сталъ на сторону французовъ. Австрійцамъ слѣдовало бы дождаться на берегахъ Инна прихода русскихъ войскъ, которыхъ усиленными маршами гнали впередъ изъ Тешена; вмѣсто того они заняли Ульмъ, не имѣя подъ рукою подмоги и еще болѣе отдаляясь отъ арміи Кутузова. Непростительною оплошностію непріятеля воспользовался Наполеонъ, который успѣлъ уже на границахъ Германіи собрать войска, превышавшія численностью соединенныя русскія и австрійскія силы. Бернадоту приказано было идти самымъ прямымъ путемъ черезъ Анспахъ, принадлежавшій королю прусскому, не обращая вниманія на нейтралитетъ послѣдняго. Извѣстіе о вторженіи французовъ въ прусскія владѣнія произвело въ Берлинѣ поражающее впечатлѣніе. Король велѣлъ остановить Долгорукова и отправилъ съ нимъ письмо къ Государю, въ которомъ

объявлялъ, что прусскія границы открыты для русскихъ войскъ. Пруссія, повидимому, окончательно переходила на сторону Россіи. Планы Чарторижскаго рушились, и онъ съ безпокойствомъ взиралъ на сближеніе Императора Александра съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Государь рѣшился для переговоровъ ѣхать прямо въ Берлинъ. Вслѣдствіе этого свиданіе въ Краковѣ было отмѣнено, и для встрѣчи обоихъ Императоровъ назначенъ былъ Ольмюцъ. Извѣщая объ этомъ Разумовскаго Чарторижскій совѣтовалъ ему выѣхать для пріема Государя и переговоровъ съ нимъ за нѣсколько станцій далѣе Ольмюца [1])

„Dans une demie heure l'Empereur monte en voiture"—писалъ отъ 4-го Октября къ Разумовскому Чарторижскій,—„pour aller à Kasenitza quartier général du m. de Michelson pour y concerter avec lui et le général Kalkreuth, envoyé par le roi de Prusse auprès de notre souverain, la marche de nos armées à travers les états prussiens. Cette opération achevée S. M. part sur le champ pour Berlin, afin de profiter des dispositions manifestées par le roi, pour presser la conclusion l'acte d'adhésion de la Prusse au concert avec l'Autriche et l'Angleterre et pour l'engager à agir immédiatement de manière à éloigner les français de la position qu'ils ont prise et qui menace les états héréditaires de l'Autriche. L'empereur a remis une lettre à m. le prince d'Auersperg, par laquelle il s'excuse de ne pouvoir se rendre à Cracovie. Vous voudrez bien, m. le comte, réitérer les mêmes assurances et ajouter que certainement la seule considération qui ait pu engager l'Empereur à remettre cette entrevue est la nécessité de frapper à Berlin le fer tant qu'il est chaud pour empêcher que les intrigues de la France et la mauvaise volonté des entours du roi ne deviennent funestes au règlement ultérieur des mesures qui doivent être concertées entre les trois cours. L'Empereur se propose aussitôt qu'il aura vu le général Kalkreuth, d'expédier le général Wintzingerode à Vienne avec le détail des motifs qui déterminent S. M. I. à se rendre à Berlin. L'Empereur témoigne dès aujourd'hui par le prince d'Auersperg à S. M. I. et R. son désir de la voir à Vienne, à Prague ou à tel autre endroit qu'elle voudra bien indiquer, mais le général de Wintzingerode sera chargé d'exprimer le voeu le plus sincère pour que cette entrevue eût lieu le plutôt possible après le séjour de S. M. à Berlin, où elle ne compte rester que deux à trois jours pour se porter de là par Prague à Vienne".

Въ заключеніе депеши своей Чарторижскій благодарилъ графа Андрея Кириловича за занимательныя его сообщенія и поручилъ ему увѣдомить вѣнскій дворъ, что адмиралу Сенявину дано было прика-

---

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 31 Сентабря.

заніе защищать австрійскіе берега и торговые корабли на Средиземномъ морѣ. Явная опасность, угрожавшая Австріи, и неотложная потребность въ русской помощи не отвлекали однако вниманія вѣнскаго кабинета отъ Славянскихъ земель. Въ то время когда со стороны Россіи все жертвовалось на спасеніе союзницы, австрійскіе министры находили время заводить новыя пререканія изъ-за Черногоріи. Они жаловались черезъ Стадіона на русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Каттаро и Цетиньѣ, именно въ то время когда уже знакомый намъ Санковскій извѣщалъ о наносимыхъ ему обидахъ австрійскими чиновниками. Въ Черногоріе снова отправленъ былъ графъ Ивличъ. Донесенія Санковскаго раздражали Государя, который не могъ согласить придирокъ австрійскихъ властей съ тою дружбою, о которой такъ много писали изъ Вѣны и которую Россія такъ ясно выказывала на дѣлѣ.

„Quelques soient les arrière-pensées de la cour de Vienne, à l'égard du Monténegro", писалъ по этому случаю Чарторижскій, „il parait que ce n'est pas dans le moment actuel qu'elle peut songer à les mettre en exécution. Il est de son intérêt de rester tranquille de ce côté-là et, puisque le but principal de la mission de m. de Sankowsky est de maintenir l'ordre et la tranquillité parmis ces peuples, il est évident, que loin de le chicaner, les employés autrichiens devraient plutôt lui fournir toutes les facilités pour qu'il puisse s'acquitter de sa commission".

Разумовскій почти ежедневно отправлялъ депеши къ Чарторижскому. Въ донесеніяхъ этихъ живо изображены животрепещущія событія дня. Приводимъ здѣсь самыя примѣчательныя выдержки изъ дипломатической переписки графа Андрея Кириловича.

Вѣна 29 Сентября.

„Des rapports reçus aujourd'hui de Mack annoncent le commencement des hostilités de la part des Français. Ce début n'est pour eux ni brillant, ni honorable. Un détachement est tombé sur une patrouille. Le caporal a été haché en pièces, le reste pris. Le général Mack avait les plus belles espérances d'ouvrir ses opérations par un succès éclatant, aussitôt qu'il serait réuni avec le général Koutousoff, lorsqu'il a appris contre toute attente la marche de Bernadotte à travers les états prussiens. Cet événement a causé l'alarme la plus vive, en ce qu'il fait appréhender, ainsi qu'il parait certain que ce corps est destiné à empêcher la jonction de notre armée avec celle des Autrichiens".

Вѣна 30 Сентября.

„Le c-te de Cobenzl me témoigna la vive inquiétude où il était par rapport à la conjoncture des affaires relativement à la Prusse. Il entra

dans une discussion approfondie sur l'avantage qu'il y aurait d'éviter une rupture avec cette puissance. Il est inutile que je m'étende là-dessus, depuis que les heureuses nouvelles parvenues de Berlin changent entièrement l'aspect des événements... Veuille le ciel que la conjoncture actuelle si propice pour la bonne cause et que nous devons à la témérité irréfléchie, qui a fait violer le territoire prussien en Franconie, ne soit point troublée par un empêchement funeste à la jonction de l'armée du général Koutousoff avec celle des Autrichiens".

Вѣна, 2 Октября.

...Il serait superflu de ma part de m'étendre sur la position respective des armées et sur les chances que peuvent faire conjecturer leurs mouvements réciproques. Ceux des Français portent le caractère de l'audace dans le dessein qu'ils ont conçu d'empêcher la jonction de l'armée du général Koutousoff avec celle des Autrichiens. Ces derniers au contraire, dont tous les efforts tendent à effectuer cette réunion, paraissent être guidés par des combinaisons sages et circonspectes, des quelles il est à espérer qu'on doit attendre le plus grand succès. Il me serait difficile de vous exprimer, mon prince, le degré de sollicitude, qui anime l'empereur-roi dans cette circonstance. J'en ai été témoin moi-même, ayant eu l'honneur de dîner hier avec S. M. L'empereur était sur le point de partir le soir même pour se rendre à l'armée et activer par sa présence les mesures propres à remplir l'objet dont il est uniquement occupé. Il n'a différé ce projet que dans l'attente de nouvelles plus circonstanciées à la suite des quelles il pourrait, d'un moment à l'autre, le réaliser encore. Rien ne prouve d'avantage l'ardeur de l'intérêt qui l'anime, qu'une résolution pareille dans une conjoncture où il se flattait d'accomplir le voeu le plus cher à son coeur, celui d'une entrevue avec notre auguste Maître. Je m'empresse de vous annoncer que l'empereur-roi, appréciant les bontés et la bienveillance dont notre auguste Maître honore m. de Stutterheim, a voulu lui en accorder un témoignage en l'élevant au grade de général-major, malgré que son ancienneté ne l'autorisait pas encore à cet avancement".

Вѣна 8 Октября.

L'expédition d'aujourd'hui a pour objet la communication des nouvelles, reçues hier de l'armée. Les résultats en sont satisfaisants et indépendamment des faits dont la dernière analyse est à l'avantage des armes autrichiennes, elles ont été accueillies avec d'autant plus de transport que trois jours s'étaient passés sans aucune information et que le public commençait à eprouver quelqu' inquiétude dans les conjectures exagérées que produisait cette suspension de rapports officiels, tandis que

des nouvelles indirectes, portant l'empreinte de l'agitation, qui se répand toujours dans les environs du théatre de la guerre, concouraient, à intimider les esprits par les combinaisons erronnées qu'elles leur suggéraient... Il parait hors de doute que le général Auffenberg est l'unique cause du mauvais succès du combat du 8 (n. st.). On croit qu'il s'est laissé surprendre par l'ennemi, aussi dès que la nouvelle en est parvenue au quartier général, il a été sur le champ suspendu de ses fonctions et aurait peut-être été soumis à un jugement militaire, s'il n'était pas, comme on le supose, tombé entre les mains de l'ennemi. La conduite du général d'Aspre n'est pas non plus à l'abri du reproche et aurait pû être également recherchée, s'il n'avait pas subi le même sort que le premier. Enfin c'est l'affaire du 11 (n. st.) qui a réparé le mal des deux précédentes. On en doit tout l'honneur et l'avantage au général Mack, dont le mouvement, à la tête de l'aile gauche, a déterminé la victoire. Ses relations n'ont pu être transmises que par une voie détournée. Cette circonstance est sans doute cause que les rapports du général Mack ne contiennent rien sur les opérations qu'il entreprendra ultérieurement pour mettre à profit l'avantage de la journée du 11. Il est à espérer que son grand objet la réunion avec les généraux Koutousoff et Meerveldt, sera plus facilement obtenue et on se flatte d'en recevoir bientôt la nouvelle. Les lettres de Munich portent que Bonaparte se trouvant à Augsbourg, en était parti inopinément le 15, et on conjecture que c'était en conséquence de ce qui s'est passé le 11; on présume que cet événement pourrait contraindre à la retraite les forces des Français, qui se trouvent entre les Russes et les Autrichiens et laisser, par ce moyen, s'effectuer la jonction si desirée et si essentielle. Dans cet état de choses on ne peut qu'éprouver plus vivement de jour en jour l'impatience de voir se consolider les affaires des deux cours impériales par rapport à la Prusse. Il est incontestable que la situation embarassée, où se trouve l'armée autrichienne vis-à-vis des Français et dont la crise ne peut être surmontée que par l'habileté des manoeuvres et les chances heureuses des combats, il est incontestable, dis-je, que cette situation n'est qu'une conséquence des entraves que nous avons éprouvées à la cour de Berlin et ensuite du passage audacieux des Français à travers la Franconie; car jusque là le général Mack se trouvait dans une position tellement avantageuse qu'il mandait à l'empereur son maître, que jamais armée n'avait été postée d'une manière plus propre à assurer sa supériorité sur l'ennemi et qu'il n'avait qu'un seul regret, qui était de ne pas voir l'empereur être témoin lui-même du triomphe de ses armées. Une estafette du comte de Metternich, arrivée hier, continua à donner les meilleures éspérances sur les déterminations de la cour de Berlin. Elle

annonce l'envoi du général Kalkreuth auprès de notre auguste Maître et on attend ici avec impatience les résultats qui nous parviendront tant de Pulawy que du cabinet de Potzdam en droiture et que le comte de Metternich se flattoit de pouvoir transmettre incessamment".

Самоувѣренность австрійцевъ не привела ни къ чему доброму. Свѣтлыя надежды Разумовскаго вскорѣ замѣнило горькое разочарованіе. Битвы, о которыхъ посолъ доносилъ какъ о побѣдахъ имѣли роковое значеніе для вѣнскаго двора. Генералъ Ауффенбергъ, не смотря на храбрый отпоръ, былъ раздавленъ подъ Вертингеномъ превосходящими силами французовъ. Маршалъ Ней при Гюнцбургѣ снова разбилъ австрійцевъ на голову. Въ сраженіи при Альбекѣ французская дивизія Дюпона съ трудомъ устояла передъ дружнымъ натискомъ австрійцевъ. Но этотъ относительный успѣхъ не могъ уже поправить дѣлъ. Разумовскій начиналъ плохо вѣрить донесеніямъ австрійскихъ генераловъ.

„Quoique j'expédie mon courrier fort à la hâte", собственноручно писалъ онъ Чарторижскому отъ 8 Октября, „je ne veux pas cependant le faire partir sans ajouter à mes rapports officiels quelques réflexions dans l'intimité de la confiance et de la sincérité. Il faut convenir entre nous que l'affaire du 11 n'était point en elle-même d'un si grand avantage qu'on veut le faire croire et le public ne prend point le change dans le jugement qu'il en porte. Il est plus frappé des pertes essuyées le 7 et le 9, surtout de la première qu'on ne manquera pas de faire sonner fort haut en France, tandis que le succès de Mack est plus en conjectures qu'en réalité comme: *4 régiments* detruits, l'armée mise enfuite etc. Il est vrai qu'il espère faciliter, par cet événement, la jonction avec nos troupes. Espérons avec lui, mais c'est encore un résultât soumis aux chances d'un combat et nous ne savons ni la force, ni la position de l'ennemi que nous aurons à vaincre pour y parvenir. Du côté de la Prusse rien n'est encore décidé et malgré le beau mouvement de zèle et d'indignation qui s'est manifesté à Berlin à la première nouvelle de la violation du territoire, malgré le caractère personnel, respectable et estimable du roi l'expérience ne nous a que trop appris à nous défier de son cabinet. Le bruit avait couru avant, hier d'après des lettres de Dresde que le roi avait accepté une satisfaction offerte par la France. L'estafette d'hier a un peu calmé l'inquiétude à ce sujet, mais elle ne peut l'être tout à fait jusqu'à ce qu'on connaisse les engagements pris avec nous. Sur ces entrefaites l'archiduc Charles reste dans l'inaction. Il n'a pas tenu à moi qu'il profite de sa très grande supériorité, depuis longtemps je n'ai cessé de le prêcher. Je crois quon le désirait, mais ce prince ne se dément jamais. Vous aurez de la peine à croire, mon prince, ce qu'il a jugé

à propos de faire de son propre chef et sans nulle autorisation. Il a conclu avec Masséna un armistice sans terme à 6 jours de dénonciation. Il a ecrit à ce général une lettre qu'on ne m'a point montrée, se bornant à me dire qu'on en était très mécontent et quelle était d'un style peu convenable. L'armistice a été dénoncé le 14, ainsi les hostilités ont pu commencer aujourdhui. Pour quoi là-t-il conclu? Parceque, disait-il, son armée n'était pas pourvue de tout ce qui lui fallait!..“

...„La nouvelle du voyage de notre auguste Maître à Berlin“, собственноручно же писалъ днемъ позднѣе Разумовскій, „et la probabilité qu'il soit suivi de celui de Vienne s'est répandue dans la ville comme une trainée de poudre et y a produit l'explosion de la joie et de l'enthousiasme. Hommes, femmes, vieillards, enfants tous veulent le voir et dire: „je l'ai vu“. Jamais on n'a éprouvé un sentiment de transport et de reconnaissance pareille. L'empereur—roi m'a fait savoir de Hetzendorff ce matin combien il était pénétré de tout ce qu'il venait d'apprendre. Il ira à la rencontre de notre Maître; je ne sais encore jusqu' où; peut-être l'apprendrez-vous par la dépêche de m. de Cobenzl. Les dispositions sont ordonnées sur les routes en Bohême par Egra qui est le chemin de Weimar. J'en viens maintenant aux nouvelles dont j'ai à faire part à v. e. Chaque jour en fournit et celles d'aujourd'hui ne sont pas satisfaisantes. C'est toujours par le Tyrol qu'arrivent celles de l'armée d'Allemagne. Le général Jellachich détaché par Mack pour renforcer l'armée du Tyrol a eu ordre en passant à Memingen d'en enmener la garnison forte de 4 à 5 mille hommes. Lorsqu'il a voulu y entrer, les portes en étaient fermées. Les Français venaient de s'en emparer et de faire prisonnière la garnison qu'ils renvoyent désarmée en Tyrol. L'artillerie qui devait défendre cette place de nouvelle construction n'était point arrivée, elle était en chemin, et la majeure partie en est tombée entre les mains de l'ennemi. On commence à reprocher à Mack de s'être trop avancé, de n'avoir pas été assez en mesure contre les entreprises d'un ennemi actif et entreprenant. La critique a beau jeu contre un homme qui est en but à une puissante cabale. Le fait est que l'irruption en Franconie a dérouté tous les plans. L'empereur montre de la contenance et de la fermeté. Le public n'est pas de même. L'apparition de notre bon Maître ranimera les esprits, car tous les coeurs sont à lui. Les nouvelles d'Italie ne sont pas meilleures.... Une convention de neutralité pour les états de S. M. Sicilienne venait, après de longues délibérations, d'avoir été ratifiée par le roi, à la suite de quoi l'armée de St. Cyr allait quitter le royaume pour se joindre à celle de Masséna. Grande allarme de l'archiduc qui demande avec instance que les troupes de Corfou soient

amenées à Venise pour être jointes à son armée; et de la part du comte de Cobenzl vives instances pour que j'expédie sur le champ des courriers afin de prescrire ces dispositions aux généraux Lacy et Anrep. Avant d'acquiescer à sa demande, je le priai de considérer avec un peu de calme et la conduite de l'archiduc, et le but de la démarche qu'on exigeait de ma part. „Pourquoi," dis-je, „S. A. R. n'a-t-elle point immédiatement fait connaître son opinion à Naples? Nous n'avons qu'un même objet, les cours impériales sont si unies que tout ce qui concourt à leur but commun doit être la règle invariable de leurs serviteurs. Le général Lacy lui aurait répondu d'après le jugement que lui eut dicté la circonstance et peut-être aurait-il été temps de s'entendre, au lieu qu'il en est tout autrement à présent et que des courriers que j'enverrais, éprouvant tous les embarras qui sont à prévoir ne seront d'aucune utilité et contrarieront les déterminations que doivent dicter au général Lucy son expérience et sa sagesse combinées avec les notions locales. Au surplus, ai-je ajouté, je ne saurais croire que la ratification de la neutralité ne se soit faite du sû de notre ministre et de notre général, vraisemblablement même d'intelligence avec eux, comme un acte de violence et de nécessité contre lequel on sera en plein droit de protester dès que la force qui y contraint se sera éloignée. Il me semble impossible d'en avoir une autre opinion et je ne doute pas qu'elle se confirme par les rapports de m. de Tatischeff aussitôt qu'un courrier pourra m'en parvenir. Tous mes raisonnements ont été vains. M. de Cobenzl a persisté dans ses instances pour que je fasse partir un courrier. Il en avait sans doute l'ordre et cet ordre était motivé par une condescendance envers l'archiduc... Impatient de me mettre aux pieds de mon auguste Maître, j'ose me flatter que S. M. daignera me permettre de dévancer le moment de son arrivée à Vienne et de me rendre à sa rencontre. V. e. me ferait une grâce particulière de me prévenir de la route que tiendra S. M. et de l'époque où nous aurons le bonheur de la voir".

Въ то время, какъ Разумовскій писалъ эти строки, драма на берегахъ Дуная и Иллера быстро подвигалась къ развязкѣ. Планъ, съ такимъ трудомъ выработанный въ Вѣнѣ Винцингероде, Шварценбергомъ и Макомъ, оказался никуда непригоднымъ. Несчастный Макъ думалъ, что ему приходилось бороться съ отдѣльнымъ корпусомъ Бернадота, а вмѣсто того его охватила вся огромная французская армія, какимъ-то волшебствомъ перенесенная съ береговъ Атлантическаго океана. Передъ нимъ стоялъ и самъ Наполеонъ, котораго австрійскіе солдаты боялись какъ огня, и лучшіе его генералы: Мюрà, Мармонъ, Ланнъ, Ней. Всегдашняя система императора французовъ, о которой такъ часто и такъ много говорили въ Вѣнѣ до начала

войны, снова дѣйствовала съ полнымъ успѣхомъ. Французы нападали съ превосходными силами на слабые отряды, и съ первыхъ же дней война для нихъ ознаменовалась рядомъ побѣдъ. Австрійская армія была ослаблена; въ ней царствовало уныніе, замѣнившее прежнія самоувѣренность и самохвальство. Ульмъ былъ окруженъ. Макъ окончательно растерялся. Генералы перестали ему повиноваться. Эрцгерцогъ Фердинандъ отказался даже оставаться въ Ульмѣ и съ нѣсколькими тысячами конницы бросился по дорогѣ въ Богемію на соединеніе съ корпусомъ Вернека. Въ самый день выступленія эрцгерцога, $^{2}/_{14}$ Октября, маршалъ Ней при Эльхингенѣ на голову разбилъ одного изъ лучшихъ австрійскихъ генераловъ, Лаудона. Высоты вокругъ Ульма были въ рукахъ французовъ. Наполеонъ отправилъ парламентеромъ къ Маку полковника Сегюра. Несчастный австрійскій полководецъ не зналъ на что рѣшиться. Князь Маврикій Лихтенштейнъ посланъ былъ имъ для переговоровъ во французскій лагерь. Наполеону необходимо было во что бы ни стало покончить съ Ульмомъ. Онъ опасался приближенія русскихъ подъ предводительствомъ Кутузова. Онъ зналъ, что корпуса Кинмейера и Меерфельдта спѣшили на выручку Мака. Поэтому австрійскій уполномоченный былъ учтиво принятъ императоромъ французовъ; ему предложили капитуляцію на сравнительно легкихъ условіяхъ; въ случаѣ же отказа австрійской арміи обѣщали неминуемую погибель. Макъ долго не рѣшался; но новый французскій посланецъ доказалъ ему, что съ занятыхъ высотъ Наполеонъ въ нѣсколько часовъ обратитъ городъ въ груду развалинъ, подъ которыми должны погибнуть австрійцы. Послѣ долгихъ колебаній австрійскій главнокомандующій наконецъ согласился на капитуляцію, выговоривъ однако для окончательнаго совершенія ея, шестидневный срокъ. До послѣдней минуты онъ все надѣялся, что Кутузовъ его выручитъ. Эта послѣдняя надежда не сбылась, вся австрійская армія сдалась военноплѣнною; оружіе, лошади, запасы, знамена пали въ руки побѣдителя. Между тѣмъ эрцгерцогъ успѣлъ нагнать корпусъ генерала Вернека и бѣжать далѣе въ Богемію; но самъ Вернекъ застигнутъ былъ Мюратомъ. Напрасно старался онъ отдѣлаться бѣгствомъ. Зять Наполеона слѣдилъ за нимъ шагъ за шагомъ. Подъ Нордлингеномъ Вернекъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и сдался безъ боя. 12,000 плѣнныхъ, изъ коихъ 8 генераловъ и 200 офицеровъ, 120 пушекъ, 11 знаменъ достались французамъ. Погромъ былъ полный и окончательный.

Легко понять, каково было впечатлѣніе, произведенное этими извѣстіями въ Вѣнѣ. Отчаяніе Разумовскаго не имѣло границъ. Война была отчасти дѣломъ рукъ его, онъ постоянно утверждалъ, что на успѣхъ можно вполнѣ разсчитывать, и при каждомъ удобномъ случаѣ

внушалъ своему правительству, что наступило, наконецъ, время положить предѣлъ нестерпимой гегемоніи Франціи.

„Appelé ce matin chez le c-te de Cobenzl,“ съ разбитымъ сердцемъ доносилъ отъ 12/24 октября графъ Андрей Кириловичъ, „c'est avec une profonde douleur que j'ai appris la confirmation des nouvelles désastreuses qui se répendaient déjà sourdement ces jours derniers. On se flattait qu'elles étaient très exagérées, parce qu'elles ne circulaient que d'après les rapports publiés par l'ennemi. Je ne les présenterai point à V. M. I. avec l'exactitude des détails. En me les annonçant, le vice-chancelier était tellement accablé, que je n'ai pu saisir de ses communications que la certitude des résultats désastreux qu'a éprouvés l'armée autrichienne près d'Ulm. Réduite à 18,000 hommes, cernée de toutes parts, elle a été contrainte de capituler sous la simple condition: que si jusqu'au 13 (25) octobre elle n'était pas secourue, elle se rendrait prisonnière. Bonaparte n'a pas voulu que la capitulation soit signée par Mack, par suite d'anciens ressentiments contre lui; elle l'a été par le général-major prince Maurice Lichtenstein. On assure que l'archiduc Ferdinand à la tête de 12,000 hommes s'est fait jour à travers l'ennemi et marche sur Egra, toute fois vivement poussé par l'ennemi, qui est à sa poursuite. Tel est, Sire, le deplorable état des choses. J'ai été sollicité de transmettre ce triste tableau le plus promptement à la connaissance de V. M. I. A des revers aussi graves, l'empereur-roi oppose une fermeté digne de son rang, de sa puissance et conforme à la confiance qu'il place dans son intime et généreux allié. On délibère sur les mesures essentielles à prendre pour la circonstance et pour le cas malheureux où la fortune de l'ennemi lui ferait pousser ses entreprises jusque vers la capitale. Un conseil a été tenu à Hetzendorff ce matin. Un second y est assemblé dans ce moment. J'allais faire partir ce courrier vers V. M. I., lorsqu'il m'en arrive un avec la même déstination du général Koutousoff, que je n'arrête que le temps nécessaire pour tracer ces lignes. S'il a le bonheur de trouver V. M. I. encore à Berlin, on espère tout de la détermination qu'elle fera prendre au roi de Prusse. Ses armées sont en état de marcher. Elles seules peuvent sauver l'Autriche et l'Europe dans la crise terrible qui la menace et vous seul, Sire, votre âme énergique et magnanime décideront cette glorieuse entreprise“.

„Dans le rapport ci-joint“, собственноручно писалъ Чарторижскому съ тѣмъ же курьеромъ графъ Андрей Кириловичъ, „que je prie v. e. de mettre aux pieds de S. M. l'Empereur, j'ai tracé à la hâte les nouvelles désastreuses qui viennent de se confirmer sur le sort de l'armée autrichienne. Pour ne pas retenir le courrier j'ajoute ces quelques lignes pendant qu'on copie mon rapport. Dieu veuille qu'il vous

trouve encore à Berlin et que notre généreux Maître y donne l'impulsion qui peut seule porter remède à la crise terrible du moment. Elle est incontestablement et uniquement l'effet de l'irruption en Franconie. C'est au roi de Prusse qu'il appartient de sauver l'Autriche de l'abime où la précépitée l'outrage fait par Bonaparte à la Prusse. Une armée prussienne peut tout réparer. Si on hésite, on s'en rend responsable devant Dieu et les hommes, on est cent fois plus coupable que Bernadote et Bonaparte..."

Кутузовъ изъ Радзивилова быстро подвигался впередъ. Армія его раздѣлена была на шесть колоннъ, которыя двигались на разстояніи перехода одна отъ другой. Послѣдняя колонна до времени оставлена была въ Подоліи. Армія шла усиленными маршами, направляясь къ Тешену. Вѣнское министерство и Разумовскій безпрестанно торопили Кутузова, который, какъ мы видѣли выше, самъ явился въ Вѣну для личныхъ переговоровъ съ императоромъ Францомъ. Благодаря выставленнымъ подводамъ, солдаты дѣлали переходы въ 50 и 60 верстъ. Они тащились по невозможнымъ въ то время года дорогамъ, въ грязи, по холоду и слякоти, голодные и ободранные. О воинственномъ, щегольскомъ видѣ русскихъ войскъ, которымъ, какъ писалъ еще недавно Разумовскій, такъ любовались австрійскіе генералы, не было теперь и помину. Оказалось, что не смотря на обѣщанія Австрійскаго правительства, нигдѣ не было заготовлено продовольствія, и вопреки заключеннымъ съ Австріею условіямъ русскимъ приходилось платить за все собственными деньгами. Только на артиллерію стали отъ австрійскаго правительства безплатно отпускать прибавочный фуражъ и выдано было офицерамъ въ видѣ столовыхъ денегъ 60,000 гульденовъ [1]). Однако, терпѣливый русскій солдатъ безропотно шелъ впередъ, готовый лечь костьми за своего Государя, за вѣру и отчизну, хотя въ данномъ случаѣ—родина мало выигрывала отъ числа обреченныхъ на погибель жертвъ. За то среди офицеровъ и генераловъ ясно слышался ропотъ. Они безпощадно ругали австрійцевъ, а вмѣстѣ съ ними и русскаго посла Разумовскаго, не съумѣвшаго довольно стойко защищать въ Вѣнѣ русскіе интересы вообще и русскихъ воиновъ въ особенности. Самъ же графъ Андрей Кириловичъ былъ виновенъ лишь въ томъ, что съ слишкомъ большою довѣрчивостью внималъ льстивымъ обѣщаніямъ австрійскаго правительства. Недовольство командующихъ офицеровъ было тѣмъ сильнѣе, что изъ 50,000 человѣкъ русскихъ войскъ, выступившихъ изъ Радзивилова, только 35,000 дотащились до городка Браунау въ Баваріи. Между тѣмъ армія Буксгевдена шла изъ Пулавъ къ Ольмюцу, войска Бенингсена стояли близъ

[1]) Богдановичъ—исторія царствованія Александра I. II. 12—13.

Варшавы, а полки гвардіи только что выступали изъ Брестъ-Литовска. Въ Браунау Кутузовъ узналъ, что доступъ въ Ульмъ былъ прегражденъ непріятелемъ и вслѣдствіе этого онъ остановилъ армію свою на берегахъ Инна, поджидая извѣстій отъ Мака. Безъ достовѣрныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ онъ не рѣшался идти впередъ. Между тѣмъ разные отряды австрійскихъ войскъ мало по малу примыкали къ арміи Кутузова. Начальники ихъ, Кинмейеръ, Меерфельдъ и Ностицъ требовали чтобы русскія силы двинулись къ Ульму и освободили осажденнаго Мака. Отношенія между союзниками были далеко не дружественны. Австрійцы съ высокомѣріемъ посматривали на оборванныхъ и голодныхъ русскихъ солдатъ, забывая, что жалкимъ состояніемъ своимъ войска эти были исключительно обязаны полнѣйшей несостоятельности и неспособности ихъ правительства. Съ другой стороны русскіе не скрывали нѣкотораго презрѣнія къ вѣчно побиваемымъ австрійскимъ полчищамъ и въ письмахъ своихъ на родину продолжали жаловаться на вѣнскій дворъ, не исполняющій данныхъ обѣщаній и оставляющій союзниковъ въ голодѣ и нуждѣ. Письма эти доходили до Петербурга и возбуждали въ обществѣ неудовольствіе противъ Австріи и Разумовскаго. Особенно вооружало всѣхъ въ данную минуту отсутствіе всякихъ извѣстій изъ австрійской арміи. О сдачѣ ея узнали въ русскомъ лагерѣ только тогда, когда самъ Макъ туда явился и лично объяснилъ Кутузову свое отчаянное положеніе. Съ своей стороны австрійскіе генералы не скупились на разные намеки насчетъ Кутузова. Въ Вѣнѣ громко говорили, что онъ слабъ, нерѣшителенъ и въ полководцы не годится. Это смѣли утверждать тѣ жалкіе австрійскіе вожди, на которыхъ наводило ужасъ одно имя Наполеона и которые безъ боя преклоняли предъ нимъ свои знамена. Императоръ Францъ рѣшился выѣхать къ арміи Кутузова, чтобы лично убѣдиться какъ стояли дѣла.

„L'empereur-roi vient de me remettre à l'instant la lettre ci-jointe pour V. M. I.", доносилъ Государю отъ 14 Октября Разумовскій, „Il y annonce sa détermination de se rendre au quartier-général de Votre armée sous les ordres du général Koutousoff. L'empereur part demain à huit heures du matin. Il veut examiner lui-même la position des armées de mm. de Koutousoff et de Meerveldt. Il veut se concerter avec ces généraux. Si leur position est bonne, s'ils peuvent la maintenir, sans copmprometttre votre armée contre des forces vraisemblablement supérieures, toutes les dispositions seront faites de manière à repousser l'agression qui est à prévoir. Dans le cas où on jugerait devoir abandonner l'Inn, l'armée combinée filerait du côté des montagnes vers et au delà de Salzbourg, où les localités offrent des situations tenables avec sûreté à une plus grande inégalité de nombre. Alors le chemin de Vienne resterait à la vérité ouvert, mais on juge que l'en-

nemi laissant derrière lui une armée formidable n'oserait point tenter de se porter vers la capitale et s'il en avait la témérité on l'y suiverait de près. Des ordres ont été expédiés hier à l'archiduc Charles, pour que se mettant sur une défensive respectable, il détache vers l'armée combinée le plus de troupes dont il pourra disposer, lui laissant la liberté de les conduire lui-même ou de les confier à l'archiduc Jean ou enfin à tel autre général."

„Le rapport ci-joint à S. M. I.,—писалъ въ тотъ же день собственноручно графъ Андрей Кириловичъ къ Чарторижскому.—On s'est occupé sans relâche des mesures que nécessite la circonstance. L'empereur montre le plus grand courage, la fermeté la plus soutenue. J'en étais là lorsqu'on m'annonce un courrier du général Koutousoff. Je joins ici en original la dépêche dont il était porteur. Elle m'explique ce que j'allais vous dire et ce que nous avons appris hier par l'aide de camp de Mack porteur de l'infâme capitulation. Bonaparte n'a gardé prisonniers que les soldats; il a renvoyé sur parole tous les généraux; on dit même tous les officiers; On a su aujourd'hui par un courrier de Meerveldt cette visite de Mack à notre quartier général, mais on n'a point connaissance des détails que je reçois en ce moment. L'entrée de Vienne ne sera point permise à Mack. On a envoyé à sa rencontre une personne du conseil de guerre et une autre de la chancellerie d'état pour l'interroger jusqu'à ce qu'ensuite une commission soit nommée pour juger rigoureusement sa conduite. Les généraux qui ont servi sous ses ordres y seront interrogés également. On ne sait que penser de tout ce qui s'est passé et de tout ce qu'a fait Mack. Supérieur dans le cabinet, il l'a prouvé à l'égard de l'armement qu'il a dirigé, mais il a prouvé aussi que personne ne perd plus aisément la tête devant l'ennemi. Sa capitulation ne devait expirer que le 25 (н. ст.) et il est parti le 20, parceque Berthier lui a fait dire *sur sa parole d'honneur* que les Russes avaient été battus et qu'il n'avait aucun espoir d'être secouru. Il a été trompé de même par Championnet, lorsqu'il commandait les Napolitains et après cela il écoute Bonaparte, il se fie à ses paroles, il devient l'organe d'un homme qui n'a ni foi ni loi, il veut être l'instrument d'une paix déshonorante à jamais pour son maître. Sa conversation avec Bonaparte nous fait voir que ce dernier, malgré son bonheur, n'est pas fort tranquille sur l'issue de la guerre et voudrait l'éviter. Avec de l'union et du courage nous en viendrons à bout et grâce à Dieu l'un et l'autre caractérisent les deux empereurs. Le général Winzingerode n'est pas encore ici. Je l'attends à tout instant. S'il arrivait ce soir l'empereur le prendrait avec lui demain. Si non, il désire qu'il le suive, c'est ce qu'il vient de me faire dire. L'empereur ne restera qu'un jour ou deux à Braunau. Je calcule qu'il sera de retour Jeudi ou Vendredi

(c'est aujourd'hui Samedi). Je présume qu mon courrier vous trouvera à Prague ou peu au-delà."

Très secret.

„Depuis que je tiens la plume, j'hésite à vous faire part, mon prince, d'une observation. Je vous demande, au nom de l'amitié et de la confiance que vous m'avez toujours témoignées, qu'elle reste absolument entre nous, c.-a.-d. que personne que notre Maître n'en aie connaissance. Le général Koutousoff digne et respectable homme est soupçonné d'être un peu timide dans les entreprises. C'est l'opinion qu'en a donnée Meerveldt. Je crois de mon devoir de vous en prévenir".

„Le général Wintzingerode est arrivé ici hier après-midi" писалъ далѣе отъ 17-го Октября графъ Андрей Кирилловичъ, „ce n'est qu'en entrant dans Vienne, qu'il a appris les désastres de l'armée autrichienne. La journée s'est passée en entretiens avec moi et le comte de Cobenzl, pour le mettre au fait des circonstances éparses et sans beaucoup de suite qui sont parvenues ici et qu'il me serait difficile de rassembler pour vous les présenter avec quelque précision. La déroute et le désordre ont été tels, quil n'existe pas même une relation des faits militaires qui ont précédés la capitulation, qui l'ont motivée et suivie. Tous les rapports sont partials, se contredisent souvent et portent l'empreinte de la confusion, qui a caractérisé les derniers moments de l'existence de l'armée du général Mack. J'ai déjà eu l'honneur de vous mander que lui-même, ayant eu la défense d'entrer à Vienne, a été conduit à Brünn. Tout ce qni s'est passé est désolant au-delà de toute expression. Il serait tout aussi impossible qu'inutile peut-être de s'apesantir sur les détails de ces évènements. Il est urgent de prévoir ceux qui peuvent en découler et d'aviser aux moyens d'en parer la fatalité. Il importerait de savoir où est l'ennemi? de quelle force est-il? Et voilà ce qu'on parait ignorer jusqu'ici. Je n'ai, depuis l'arrivée de Pisani, aucune nouvelle du général Koutousoff. Des lettres du général de Meerveldt reçues la muit dernière annoncent que Bonaparte est à Munich. Le général Wintzingerode est parti dans la nuit pour se rendre auprès de l'empereur. Dès qu'il aura pris connaissance de la position des armées il m'enverra un courrier, je lui ferai continuer sa route aussitôt vers vous. Les circonstances critiques dans les quelles se trouve la capitale à la suite de l'anéantissement de l'armée autrichienne devant Ulm ont fait émaner du gouvernement des publications qui ont été affichées ce matin dans les rues de Vienne. Celle qu'on nomme *proclamation* et porte en titre; „François II par la grâce de Dieu etc" écrite avec énergie et onction mérite lé plus d'être connue".

„Un des objets que nous nous sommes occupés à discuter avec le général Winzingerode dans la crise actuelle", собственноручно писалъ

отъ того же числа Разумовскій „c'est le parti qu'il conviendrait que prit S. M. l'Empereur relativement à son voyage et à son entrevue avec l'empereur François II. Il n'y a point à la vérité encore d'avis officiels de mouvements retrogrades de l'armée du général Koutousoff, mais d'après les lettres particulières, j'ai tout lieu de croire que ces mouvements ont eu lieu. L'empereur s'y est rendu dans l'intention de l'empêcher, de reconnaître la position de l'Inn et de la maintenir si elle était bonne. Le général Wintzingerode était de la même opinion. Jugeant en militaire de l'esprit de nos troupes, il redoutait une retraite comme propre à décourager notre soldat et il eut préféré à ce parti celui de les mener à l'ennemi même à inégalité de nombre. La retraite déconcerterait selon lui la troupe et l'idée seule en jette déjà l'alarme dans Vienne. On parle de quitter la capitale, on en fait les préparatifs. Si l'ennemi s'en approche la cour se rendra à Olmütz. Enfin le courrier du général Wintzingerode nous apprendra ce que nous avons à craindre ou à espérer. Dans cette conjoncture il me semblerait convenable que notre auguste Maître, si, d'après notre calcul, il pouvait déjà se trouver à Prague, voulût y attendre les nouvelles que nous aurons du général Wintzingerode et, se réglant en conséquence, S. M. poursuivrait sa route ou sur Vienne, ou directement à son armée, selon le parti que prendrait l'empereur—roi de revenir dans sa capitale ou de rester au quartier général. Je m'empresse, mon prince, de vous rendre compte d'un entretien que je viens d'avoir avec le comte de Cobenzl. Il m'a lu la relation faite par Mack de sa conversation avec Bonaparte. Elle est en détail ce que m'a écrit en résumé m. de Koutousoff. Voici la réflexion du comte de Cobenzl: „Bonaparte nous fait des propositions de paix. Ne lui rien répondre serait l'aigrir, et ce n'est pas le moment. Nous pensons lui adresser une réplique, une lettre même de l'empereur, mais une lettre qui pourra si on le veut être imprimée, conçue d'après les bases de nos stipulations, exprimant que l'empereur ne se détachera jamais de son auguste allié l'Empereur de Russie et qu'à la veille d'avoir une entrevue avec S. M. I, il se concertera avec elle de leurs déterminations mutuelles". Le comte de Cobenzl m'a demandé mon avis sur cette démarche. En premier lieu je crois qu'on y est décidé, quoiqu'il m'a assuré qu'elle n'était que dans son idée et que l'empereur n'en avait nulle connaissance; d'ailleurs il me parait que, si elle est faite avec sagesse et dignité, il n'en peut résulter aucun mal. Il ne s'en suivra pas grand bien non plus, car si on croit gagner du temps, l'ennemi n'en sera pas la dupe et ce n'est que du temps qu'il nous faut. Dans trois semaines d'ici nous aurons de grands moyens qui rétabliront tout au moins l'équilibre avec ceux de notre adversaire."

„Dans cet instant je reçois un avis sur la marche rétrograde de notre armée en confirmation de ce que j'ai dit plus haut. Je le tiens du cons. privé baron de Bühler qui se trouve ici depuis hier, dont je joins le rapport et qui est venu me lire une lettre de son frère placé par lui au quartier général. Un extrait de cette lettre se trouve ci-joint. Ce qu'il dit de la manière dont se fait la retraite, de la distance de l'ennemi, du motif de pure précaution qui l'a déterminée, tout cela prouve, ou du moins doit faire conjecturer, que le plan de l'ennemi n'est point pour le moment de marcher droit sur Vienne. Il a prévu sans doute que l'on tirerait des secours de l'Italie; il veut se mettre en mesure de les intercepter en occupant les positions dans les gorges du pays de Salzbourg. Je n'en suis que plus impatient de recevoir les notions du général de Wintzingerode".

Недовольство русскихъ генераловъ и офицеровъ и жалобы ихъ на Разумовскаго какъ видно до Государя не доходили. Императоръ съ своей стороны былъ повидимому вполнѣ доволенъ дѣйствіями посла и выразилъ ему свое благоволеніе присылкою богатой табакерки съ портретомъ, осыпаннымъ бриллiантами. Подарокъ этотъ графъ Андрей Кириловичъ получилъ при милостивомъ рескриптѣ. „Un courrier,— писалъ въ отвѣтъ отъ 20 Октября тронутый Разумовскій,—vient de m'apporter et la boîte avec votre portrait, Sire, et le rescrit plein de bonté, dont ce précieux don était accompagné. Je n'entreprendrai point d'exprimer l'émotion, dont j'ai été pénétré en recevant ce témoignage si flatteur, si honorable de la satisfaction, avec laquelle V. M. I. a daigné apprécier mon zèle pour son service et mon dévouement sans bornes pour son auguste personne. Qu'elle me permette de déposer à ses pieds le voeu, que je forme d'être longtemps témoin encore de ses glorieuses destinées dans le poste, auquel m'attache la confiance, dont elle daigne m'honorer".

Между тѣмъ о путешествіи Государя не было оффиціальныхъ извѣстій. Изъ русской главной квартиры послу ничего не сообщали, и даже проѣхавшій черезъ Вѣну Винцингероде какъ будто забылъ о немъ.

„Depuis longtemps, mon prince,—собственноручно писалъ отъ 23-го Октября къ Чарторыжскому нѣсколько обезкураженный Разумовскій,—je n'ai plus été dans le cas de donner cours à ma correspondance. L'incertitude où nous sommes sur le voyage de l'Empereur notre Maître a du me l'interdire. J'étais convenu avec le général Wintzingerode qu'aussitôt arrivé à l'armée il me donnerait de ses nouvelles. Je n'en ai pas reçu un mot non plus que du général Koutousoff, ce qui me fait conjecturer qu'ils donnent une autre direction à leurs rapports et que vraisemblablement il les font passer par Prague. Vous rendre les bruits, qui cir-

culent dans Vienne, serait impossible. Chaque jour en fait naître de nouveaux qui se contredisent à chaque instant. Ils portent l'empreinte de l'agitation, de l'inquiétude, de la crainte et parfois une lueur d'espérance perce faiblement à travers les combinaisons lugubres du public. Les esprits sont balancés alternativement par la terreur de l'ennemi et l'impatience de l'arrivée de notre auguste Maître qu'on attend, qu'on bénit comme l'ange tutélaire, dont la présence conjurera les orages... On se flatte que l'entrevue aura lieu à Vienne. C'est le voeu général, c'est l'espoir de tous et le seul, qui donne quelque relâche à la consternation, répandue dans toutes les classes du public. C'est le mien, et dans la persuasion, qu'il ne tardera pas à se réaliser, je ne m'étendrai point dans cette lettre sur tout ce que je me flatte bientôt d'être à même de dire de vive-voix. Les dernières nouvelles de Berlin sont du 25 n. st.; elles annoncent l'arrivée de l'Empereur... On est dans l'attente et l'inquiétude. Qu'aura-t-on obtenu de la Prusse? C'est la question qui se renouvelle à tout moment. Biaisera-t-elle à l'égard de notre Souverain? Non assurément, c'est mon opinion, et si elle agit de bonne foi avec la vigueur qui appartient à sa puissance, tout est sauvé, tout sera réparé et des jours de gloire et de triomphe succéderont à ceux de détresse et de désolation. Je m'arrête à cette idée et je pose la plume".

„Des rapports ont couru ce matin,—писалъ днемъ позднѣе графъ Андрей Кириловичъ,—d'affaires assez vives entre nos avant-postes et ceux de l'ennemi. J'ai été m'en informer auprès du c-te de Cobenzl, qui l'était lui-même très-imparfaitement. Entre temps est arrivé le frère du baron de Bühler. Il a quitté le quartier général avant-hier et d'après ses propos tout ce qui se dit ici est fort éxagéré et il ne s'est passé dans les mouvements retrogrades que des évènements peu signifiants par leurs résultats et qui n'ont fourni à nos troupes que l'occasion de déployer leur valeur et leur intelligence. Il assure, que la position de l'armée, derrière l'Enns, est de nature à contrarier l'ennemi dans son dessein de se porter sur Vienne. Le prince Esterhazy vient d'être nommé pour se rendre sur la route de S. M. I., dès qu'on apprendra l'époque de son arrivée. L'empereur lui même est intentionné d'aller à la rencontre de notre auguste Maître et je me flatte toujours, que v. e. me préviendra de la disposition du voyage de S. M. assez à temps pour que j'aie le bonheur de me mettre à ses pieds avant son arrivée à Vienne... J'ai eu l'occasion ce matin de faire ma cour à l'empereur pour présenter le baron de Bühler. Je m'empresse de vous rendre, ce qui dans cette audience m'a semblé devoir vous être rapporté. Toujours dans la plus vive impatience de nouvelles de Berlin, l'empereur a jugé que si l'arrivée de notre auguste Maître était encore retardée de quelques

jours il serait peut-être plus convenable de fixer l'entrevue ailleurs qu'à Vienne et dans ce cas S. M. a parlé de Brünn, mais cela bien-entendu, si les Français faisaient des progrès et nos armées fussent contraintes de se rapprocher de la capitale. Toutefois rien ne fait appréhender pour le moment que cela arrive. La position de l'Enns parait pouvoir être maintenue quelque temps et quelques jours de plus rendront l'approche de Vienne moins probable. On espère même saisir une occassion d'attaquer l'ennemi en détail sur des points, où il serait faible. Le général Schmidt, qui a été en fonction de quartier maître auprès de l'archiduc Charles, partira ce soir pour remplir la même place auprès de m. de Koutousoff. Je ne saurais m'empêcher d'attester, que j'ai trouvé ce matin l'empereur dans une disposition de courage, de fermeté et de persévérance admirables et qui contraste heureusement avec celle, que montrent quelques uns de ses ministres et une partie du public".

Императоръ Александръ, какъ было сказано выше, не дождавшись отвѣта касательно мѣста свиданія съ королемъ прусскимъ, самъ поскакалъ въ Берлинъ. Здѣсь политическія страсти были въ полномъ разгарѣ. Ряды приверженцевъ Франціи видимо рѣдѣли. Отправленный Наполеономъ съ чрезвычайною миссіею маршалъ Дюрокъ и французскій посланникъ Лафоре не могли добиться аудіенціи у короля; ихъ избѣгалъ даже графъ Гаугвицъ, всегда считавшійся однимъ изъ ревностныхъ сторонниковъ союза съ Франціею. Общественное мнѣніе громко высказывалось за дружбу съ Россіею, въ ней чувствовался залогъ будущей силы и народнаго развитія Пруссіи. Во главѣ партіи враждебной Франціи стояла молодая, красивая, привлекательная королева. Вокругъ нея столпились всѣ лучшія силы королевства: старые военные, заслуженные государственные люди, а за ними цѣлая толпа молодыхъ энтузіастовъ, пламенно вѣровавшихъ въ великую народную будущность Пруссіи. Пріѣздъ Государя возбудилъ въ Берлинѣ всеобщій восторгъ. Никто болѣе Александра Павловича не владѣлъ даромъ очаровывать. Даръ этотъ онъ унаслѣдовалъ отъ великой своей бабки. Не только современницы, но и современники Александра I съ восторгомъ вспоминали о невыразимой прелести его обхожденія. Пріѣхавъ въ Берлинъ, Государь далъ полный ходъ врожденной его способности плѣнять людей. Отъ дворцовыхъ гостиныхъ до послѣдней пивоварни всѣ были отъ него въ восторгѣ. Онъ успѣлъ побывать у всѣхъ сподвижниковъ Фридриха Великаго, у всѣхъ министровъ; слова, имъ сказанныя, разносились мгновенно по городу. Онъ съ скромнымъ и благоговѣйнымъ вниманіемъ ухаживалъ за прелестною королевою, вполнѣ сочувствуя ея мыслямъ и стремленіямъ. Самъ король подчинялся чарующему вліянію русскаго Императора. Въ то время какъ монархи дружелюбно бесѣдовали въ семейномъ Потсдамскомъ кружкѣ,

Алопеусъ и новый царскій любимецъ князь Долгоруковъ старались убѣдить графа Гаугвица. Роль Чарторижскаго, сопровождавшаго Государя въ Берлинъ, была второстепенная. Ему было неловко среди Пруссаковъ, противъ которыхъ онъ съ такимъ убѣжденіемъ и силою возбуждалъ Государя, къ тому же звѣзда его начинала меркнуть. Новый наперсникъ давно уже разгадалъ предательскіе замыслы хитраго поляка и безбоязненно обличалъ ихъ передъ Государемъ. Извѣстіе объ уничтоженіи арміи Мака застало короля и Императора среди дружескаго разговора. Александру Павловичу не трудно было теперь убѣдить Фридриха-Вильгельма въ томъ, что ему уже невозможно отстать отъ дѣла союзниковъ. Своимъ бездѣйствіемъ король помогалъ нашествію французовъ, съ явнымъ презрѣніемъ къ Пруссіи прорвавшихся черезъ ея владѣнія. Королева съ воодушевленіемъ поддерживала краснорѣчивые доводы русскаго Императора. Король начиналъ сдаваться. Ему обѣщали и уступку Ганновера, и подмогу войсками, и деньги. Въ Потсдамѣ при нѣсколько театральной обстановкѣ состоялось соглашеніе. Англійское правительство, въ виду возможности союза, заранѣе отправило въ Берлинъ для переговоровъ самого министра иностранныхъ дѣлъ лорда Гарроби (Harrowby). Обѣщая однако, свое содѣйствіе союзникамъ, король прусскій требовалъ, чтобы испробована была еще разъ сила убѣжденія. Онъ брался передать Наполеону условія, на которыхъ перемиріе считалось возможнымъ, и поручилъ графу Гаугвицу передать императору французовъ требованія союзниковъ.

„Vous ne serez par surpris“, писалъ отъ 24-го Октября недовольный Чарторижскій, сообщая Разумовскому копію съ только что заключенной между Россіею и Пруссіею конвенціи, „des conditions onéreuses, que la Prusse a mises à sa coopération. Elle a senti le besoin que l'Autriche avait de son assistance et elle a calculé sur cette échelle les demandes, qu'elle a faites. Nous n'avons pas à appréhender la moindre objection de la cour de Vienne, puisque nous lui procurons la coopération de la Prusse aussi promptement qu'elle peut s'effectuer, car ses armées ne peuvent être rendues à leur destinations respectives avant les 4 semaines fixées pour terme de la négociation, que la Prusse a voulu absolument entamer. Le comte de Metternich rendra compte à sa cour de toutes les entraves, qu'il a fallu écarter pour parvenir aux résultats, que nous avons obtenus. La difficulté principale et que nous envisageons presque comme insurmontable est d'engager l'Angleterre à entrer dans les vues de la Prusse relativement au Hanovre. L'urgence des circonstances fera peut-être souscrire le cabinet britannique aux sacrifices d'argent que nous avous à lui demander, mais les affections personnelles du roi d'Angleterre pour son patrimoine feront

échouer toute négociation, qui serait entamée sur cette base. Mais comme le roi de Prusse a insisté d'une manière très marquante sur ce point, nous avons voulu prouver au moins, que les deux cours impériales ne trouvaient point de motif pour s'opposer à cette acquisition et qu'elles n'étaient éloignées d'y souscrire que par suite de leur liaison intime avec S. M. britannique. Malgré le peu d'espoir, que nous avons de réussir dans cette négociation, nous ne pouvons faire autrement, que de l'entamer, mais comme elle exigera beaucoup de ménagement, on sera probablement dans le cas de la prolonger et alors nous pouvons toujours compter dans l'intervalle sur la coopération de la Prusse et, peut-être, une fois en guerre avec les Français, Bonaparte se refusera aux demandes, que le roi pourrait lui faire pour la terminer et qu'alors elle sera plus disposée à se contenter d'un lot, qui sera plus facile à lui obtenir... L'Empereur part aujourd'hui pour Weimar, où S. M. ne restera que peu de jours. Elle se rendra ensuite par Dresde dans les états de S. M. I. et R. et tâchera de la trouver dans tel endroit, qu'elle indiquera... L'Empereur a appris avec plaisir que vous désirez venir à sa rencontre et il m'est bien agréable de pouvoir vous assurer, m. le comte, que S. M. sera charmée de vous voir le plustôt possible".

Графъ Гаугвицъ пустился въ путь съ послѣдними выработанными въ Берлинѣ мирными предложеніями. Онъ не спѣша сталъ разыскивать Наполеона по стогнамъ Германіи. Выжиданіе входило въ планъ хитраго дипломата, ясно сознававшаго безполезность дальнѣйшихъ переговоровъ и въ то же время вполнѣ увѣреннаго, что Пруссія не могла слѣпо полагаться на сдѣланныя ей Австріею и Россіею обѣщанія. Англійскій король никогда добровольно не согласился бы на уступку Ганновера. Со дня на день слѣдовало ожидать развязки. Между тѣмъ въ Германіи сообщенія стали затруднительны и не безопасны, почты перестали ходить. Сама судьба помогала Гаугвицу и давала ему, какъ казалось, возможность не ставя Пруссію въ затруднительное положеніе, дождаться того, что скажутъ обстоятельства. Онъ отправился сперва длиннымъ объѣздомъ въ Аугсбургъ, оттуда дотащился въ Мюнхенъ и разумѣется всюду поспѣвалъ не во время. А между тѣмъ императоръ французовъ быстро подвигался впередъ. Русскіе отступали, сдерживая натискъ и геройски отбиваясь отъ превосходнаго числомъ непріятеля. Напрасно Макъ во время свиданія своего съ Кутузовымъ старался убѣдить его помѣряться силами съ Наполеономъ; русскій полководецъ уже зналъ, что передъ нимъ въ сборѣ вся французская армія и на отрѣзъ отказался вести солдатъ своихъ на вѣрную погибель. Графъ Меерфельдъ предлагалъ переправиться на лѣвый берегъ Дуная и идти чрезъ Богемію на соединеніе къ Буксгевдену. Кутузовъ не принялъ и этого совѣта. Онъ рѣшился отступать по правому берегу, не под-

вергая опасности ввѣренное ему войско, но въ то же время прикрывая Вѣну. Русская армія покинула Браунау. Арріергардомъ командовалъ князь Багратіонъ; вмѣстѣ съ нимъ шелъ отрядъ Милорадовича. Кутузовъ отступилъ за рѣку Энсъ. Онъ занялъ давно извѣстную австрійскимъ стратегикамъ позицію подъ Каленбергомъ между Санктъ-Пельтеномъ и Амштетеномъ, намѣреваясь, согласно воли императора Франца, удерживать непріятеля до послѣдней крайности. На зло русскимъ и австрійцамъ несогласія между союзниками ежедневно усиливались. Аттакованный войсками Даву, австрійскій генералъ графъ Меерфельдтъ нежданно отступилъ по направленію къ Вѣнѣ, объявляя, что идетъ на защиту столицы. Войска маршаловъ Мармона и Даву загнали его къ Леобену и Лиліенфельду и прямая дорога въ Вѣну осталась открытою для французовъ [1]). Не трудно себѣ представить негодованіе русскихъ войскъ при видѣ такого неожиданнаго отпаденія. Горькіе упреки посыпались на вѣнскій дворъ; австрійскихъ генераловъ русскіе воины прямо обвиняли въ измѣнѣ. Солоно доставалось при этомъ и Разумовскому. Храбрые русскіе солдаты отбили однако у Амштетена натискъ Мюра. Войска удержались на занятыхъ ими мѣстахъ и заставили непріятеля податься назадъ. Французскіе отряды появились подъ самою Вѣною. Всѣ въ городѣ испугались, всѣ бѣжали—кто въ Богемію, кто въ Венгрію. Императоръ Францъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было жертвовать столицею. Кутузовъ долженъ былъ съ отрядами Кинмейера и Ностица расположиться у Кремса, ожидая тамъ прибытія Буксгевдена. Мосты на Дунаѣ приказано было уничтожить и стараться удержать прибрежную позицію противъ Вѣны. Надменный Разумовскій, рѣдко когда снисходившій до мелочей обыденной жизни, принужденъ былъ самъ хлопотать объ отъѣздѣ, о лошадяхъ, о перевозкѣ больной жены. Однако, онъ на мѣстѣ оставался до послѣдней возможности. Экипажи были запряжены, всѣ люди готовы, а все еще гордый посолъ не рѣшался бѣжать передъ Наполеономъ.

„L'ennemi marche sur Vienne,—писалъ онъ въ торопяхъ Чарторижскому среди сборовъ къ бѣгству,—Il peut y être dans trois jours. J'espère pouvoir en sortir dans la journée de demain. Je voyage avec mes propres chevaux à cause des embarras inexprimables, qu'on éprouve à en avoir de la poste, par conséquent à très petites journées et je ne serai à Brünn, que le troisième jour. J'espère cependant y arriver avant mon auguste Maître".

Не трудно себѣ представить съ какими чувствами выѣзжалъ графъ Андрей Кириловичъ изъ дорогой ему Вѣны, покидая на милость не-

---

[1]) Богдановичъ—Исторія царствованія Александра I. II, 19—21. Thiers—Histoire du Consulat et de l'Empire (Брюссельское изданіе 1848), II, 73—79

навистнаго побѣдителя великолѣпный свой дворецъ и роскошные сады. Въ Брюнѣ его ждала радостная вѣсть. То были первыя подробности о битвѣ при Дюренштейнѣ.

„Un succès éclatant vient de couronner les armes de V. M.“, спѣшилъ донести изъ Брюна отъ 2-го Ноября Разумовскій. „Daignez Sire agréer l'expression du sentiment profond de joie et de félicitation, que je dépose à vos pieds. C'est le motif du courrier, que je m'empresse d'expédier à la rencontre de V. M., pour accélérer le moment de lui annoncer cet heureux début, ce présage des triomphes, qui appartiennent au sauveur de l'Europe. Le général en chef Koutousoff a remporté une victoire complète sur la division française aux ordres du maréchal Mortier, lequel doit lui-même être resté sur la place. Ce combat fait le plus grand honneur à la brave armée russe, tant par le courage, que par l'intelligence qu'elle y a déployée. Le champ de bataille était auprès de Krems sur le Danube. La division ennemie est presqu'entièrement détruite et un général, plusieurs officiers supérieurs avec près de 2000 prisonniers ainsi que 5 pièces de canon sont tombés entre les mains de ce digne commandant en chef. Ce que je viens de tracer, Sire, est l'extrait de la relation, parvenue à l'empereur, tel que je l'ai reçu de son ministère. L'empereur-roi a sur le champ envoyé au général Koutousoff la grande croix de son ordre militaire de Marie-Thérèse et l'a chargé de lui faire connaître ceux des généraux et officiers sous ses ordres, qui ont mérité d'être particulièrement recommandés à sa bienveillance“. „Je me hâte d'expédier un courrier à v. e.“, писалъ отъ того же числа посолъ къ Чарторижскому, „pour la mettre à même de donner S. M. I. avant son arrivée ici l'importante nouvelle, qui nous est parvenue aujourd'hui de l'avantage très-brillant et très-essentiel, remporté par le général Koutousoff. Je ne saurais affirmer si les détails sont parfaitement exacts, il n'est pas contesté, par exemple, qu'une partie de la division française ait capitulé. Il faudra attendre la relation du général Koutousoff. V. e. trouvera ci-joint le billet que m'a adressé le c-te de Cobenzl pour m'annoncer la décoration, que l'empereur a accordée au général Koutousoff... L'incertitude m'a empêché de partir, depuis trois jours je me tenais prêt à cet effet, les chevaux attelés à ma voiture“.

Но блестящее дѣло при Дюренштейнѣ осталось безъ послѣдствій. Русскія войска возвратились къ Кремсу, а Наполеонъ занялъ Вѣну. Графъ Андрей Кириловичъ, съ такимъ восторгомъ доносившій наканунѣ о побѣдѣ, съ грустнымъ сердцемъ писалъ теперь Чарторижскому изъ Брюна, сообщая ему подробности о паденіи столицы Австріи.

„C'est en sortant de chez l'empereur que je vous écris cette triste lettre. C'est de sa bouche, que je viens d'apprendre les nouveaux mal-

heurs, qui accablent cet infortuné souverain, fruits nouveaux de l'impéritie de ses serviteurs".

„Les ordres les plus précis ont été donnés à Vienne pour détruire le grand pont du Danube. Les dispositions les plus amples ont été preparées pour que cela pût s'effectuer avec la plus grande promptitude. Le prince d'Auersperg, resté commandant de la ville et de quelques réserves, avait des instructions relatives à cette importante mesure. Il en a différé l'exécution et s'est laissé entraîner à des pourparlers avec Murat, le fil a été dupé, le pont est resté et l'armée française l'a passé. Elle défile en grand nombre en Moravie. Une forte division a pour objet d'aller sur le général Koutousoff et d'empêcher sa jonction avec nos armées, qui sont en marche. Il est à craindre, que le général Koutousoff n'aura pas le temps d'échapper à la poursuite. Il sera obligé de combattre vraisemblablement à désavantage et le but de l'ennemi aura été atteint. Cette crise nécessite la retraite de l'empereur de Brünn. Il est probable que nous serons obligés d'en partir demain ou le jour suivant au plus tard. Où ira-t-on? On ne l'a pas encore décidé. A Olmütz je pense dans les premiers moments, mais on ne pourra pas s'y arrêter. Où sera l'entrevue? C'est ce qui n'a pu être fixé non plus. Malheuresement nous ignorons la route, que tiendra l'Empereur notre Maître. Je languis après un courrier, qui me l'annonce et s'il n'arrive pas avant l'expédition de celui-ci, je ne puis le diriger qu'au hazard, abandonnant à son intelligence de le guider. On en aura sans doute fait partir de tous côtés pour prévenir de la position critique, où l'on se trouve. Je mets la dernière main à ma lettre en revenant de chez le c-te de Cobenzl, J'en rapporte une nouvelle, qui a allégé un peu le poids de toutes celles, dont nous avons été accablés. Le général Koutousoff a dirigé sa marche de manière à se mettre hors d'atteinte de l'ennemi avant qu'il se joigne à un petit corps de 10,000 hommes, commandé par le prince de Lichtenstein et ensuite du général Buxhœwden. Si cet état de choses se maintient, il est à espérer que l'ennemi n'osera point se présenter devant une masse aussi formidable. Pressé da faire partir ce courrier, je me flatte d'en recevoir bientôt qui m'annonce l'arrivée de notre Maître".

Брюнъ 4-го Ноября.

„L'asssesseur Pisani, venant du général Koutousoff, ne m'a pas apporté un mot de l'armée. Il est chargé dc paquets pour S. M. I. Je ne veux pas le retenir et c'est à la hâte, que je vous adresse quelques lignes. D'aqrès les questions que je lui ai faites, je suis dans de vives transes, que la sécurité, où on est ici depuis hier soir sur la réunion de nos armées, ne soit illusoire. Il me dit, que les ennemis étaient à proximité de combat du général Koutousoff, dont les troupes sont harassées

de fatigue. Il semblerait impossible qu'il évite le hazard d'une affaire et fait craindre que l'état des siens et la supériorité de l'ennemi ne l'exposent à de fâcheux résultats. Ce coup serait terrible. Il remplirait le but des Français et mettrait le comble à nos désastres. Je souhaite que le rapport de Pisani, qui n'est point militaire, se trouve sans fondement. L'arrivée de Boulgakoff me fait concluer, que la vôtre à Olmütz ne peut avoir lieu au plus tôt qu'après-demain. Je partirai d'ici demain de grand matin pour y être de bonne heure. L'empereur-roi s'y rend également demain".

„Mon postscriptum vaudra mieux que ma lettre. Ce que je vous y mandait me trottait par la tête. J'étais inquiet des rapports de Pisani. mais pensant qu'il n'avait et qu'il n'était pas tenu à avoir l'esprit et l'œil militaires, je me défiai de son dire. Je le retins quelques instants et j'envoyai chez l'aide de camp général Lamberti. On a fait voir à Anstett, que j'avais chargé de cette commission, les rapports, reçus ce matin à midi des généraux Koutousoff et Weinrotter et j'éprouve une vraie satisfaction d'être rassuré moi-même et de détruire l'inquiétude que contient ma lettre".

„En faisant causer m. Pisani,—писалъ отъ того же числа графъ Андрей Кириловичъ въ собственноручномъ секретномъ письмѣ къ тому же Чарторижскому,—j'ai saisi dans sa conversation ce qui fait le sujet de cette lettre secrète. Sa mission est, si je ne me trompe, motivée par le soupçon, qu'a conçu le général Koutousoff d'une négociation entamée sous main et à son insu. Si le général s'en était ouvert vis-à-vis de moi, jaurais été à même de le détromper. Du moins mes efforts à cet égard ne seront pas vains j'espère vis-à-vis de vous, mon prince. Il est vrai qu'avant'hier lorsqu'on eût appris la sottise du prince Auersperg et qu'on en craignait la funeste conséquence, celle qui avait motivée le passage des Français par les ponts sous Vienne pour empêcher la jonction de l'armée de Koutousoff avec celles qui arrivent, on s'est occupé éventuellement des mesures, qu'on aurait à prendre dans le cas où leur funeste projet eût réussi. On s'était déterminé de négocier un armistice, à parlementer, à gagner du temps. La base des demandes, qu'on voulait faire, était une renonciation entière à tout ce que notre plan stipulait en faveur de la maison d'Autriche, d'y joindre même d'autres sacrifices, pourvu que les articles exigés par les alliés et particulièrement par notre cour pour l'équilibre de l'Europe fussent maintenus. On ne se serait jamais départi de ces bases. Dès que la nouvelle de la probabilité de la jonction est parvenue et que des avis postérieurs en ont changé l'espoir en une certitude presque complète, tout idée de traiter avec l'ennemi a été abandonnée. Voilà le fait, j'en atteste la vérité, et j'y joins l'assurance la plus solennelle

que l'empereur-roi met une confiance sans réserves dans les sentiments, la conduite généreuse et le caractère magnanime de notre Maître; qu'elle est dans son malheur son unique consolation, son seul refuge; qu'il est loyal autant que reconnaissant et incapable de rien faire, ni penser qui puisse blesser ces qualités ou les démentir. Notre auguste Maître en jugera quand il le verra. Jusque là j'ose réclamer une parfaite sécurité et je n'hésite pas d'assurer qu'elle est justifiée pleinement".

Послѣ занятія Вѣны, которая досталась непріятелю съ несмѣтнымъ количествомъ оружія, запасовъ и аммуниціи, Кутузову оставалось только отступить въ Моравію и притомъ какъ можно скорѣе пока Наполеонъ не успѣлъ отрѣзать ему дорогу на Брюнъ. Геройское дѣло подъ Шенграбеномъ, стоившее князю Багратіону всѣхъ его орудій и страшной потери людьми, дало Кутузову возможность спокойно отступить до Погорлица. Горсть русскихъ героевъ три дня выдерживала натискъ кирасировъ Нансути и Опу, драгуновъ Вальтера, кавалеріи Лассаля, пѣхоты Ланна и Сульта, гренадеровъ Удино. Австрійцы по обыкновенію отдѣлились отъ союзниковъ. Съ рѣдкимъ въ военной исторіи вѣроломствомъ, предводитель ихъ графъ Ностицъ повѣрилъ лживымъ завѣреніямъ французскаго генерала Беліара о заключенномъ съ Австріею перемиріи, и покинулъ занятый имъ Шенграбенъ, обрекая русскихъ почти неминуемой погибели [1]).

Дѣло подъ Шенграбеномъ принадлежитъ несомнѣнно къ самымъ блестящимъ подвигамъ этой несчастной для Россіи войны [2]). Багратіонскіе герои успѣли догнать русскую армію. Въ Брюнѣ присоединился къ Кутузову бѣжавшій изъ подъ Вѣны князь Ауерспергъ. Здѣсь получилъ русскій полководецъ отъ австрійскаго императора приказаніе непремѣнно дать Наполеону сраженіе. Но выставить войско противъ втрое сильнѣйшаго непріятеля равнялось безцѣльному его истребленію. Кутузовъ извинился и повелъ войска свои къ Ольмюцу. На главной квартирѣ австрійскаго императора всѣ были въ негодованіи отъ поступка русскаго генерала; въ русскомъ лагерѣ, наоборотъ, австрійцевъ прямо обличали въ предательствѣ.

Потсдамская конвенція, скрѣпленная торжественными обѣщаніями у гроба Фридриха Великаго, давала Императору Александру полное право слѣпо разсчитывать на подмогу Пруссіи. Государь выѣхалъ изъ Берлина преисполненный лучшихъ надеждъ, не подозрѣвая того, что добровольная медлительность графа Гаугвица и нерѣшительность прусскаго короля измѣнятъ весь ходъ дѣла. Онъ спѣшилъ въ Вѣну, гдѣ

---

[1]) Schlosser, Geschichte des XVIII Jahrhunderts. VI, 597.

[2]) Тамъ же.

долженъ былъ впервые свидѣться съ союзникомъ своимъ императоромъ Францомъ. По дорогѣ Государь заѣхалъ въ Веймаръ къ сестрѣ своей великой княгинѣ Маріи Павловнѣ. Извѣстія объ успѣхахъ Наполеона измѣнили первоначальный планъ путешествія. Въ Вѣну уже ѣхать было невозможно; слѣдовало избрать другое мѣсто для свиданія и въ Веймарѣ выжидать дальнѣйшихъ вѣстей. Курьеры изъ главной австрійской квартиры съ большимъ трудомъ и длинными объѣздами достигали до Государя. Рѣшено было наконецъ съѣхаться въ Прагѣ. Изъ Веймара, черезъ Лейпцигъ, направился Александръ Павловичъ на Дрезденъ. Вездѣ его ожидали торжественныя встрѣчи. Народъ привѣтствовалъ русскаго Царя, какъ избавителя Европы. Изъ Дрездена свита императорская, въ числѣ которой находились Новосильцовъ, графъ Строгановъ и австрійскій посолъ въ Петербургѣ—Стадіонъ, выѣхала впередъ и, достигнувъ Праги, эстафетою извѣстила Государя, что городу этому угрожаетъ опасность отъ Французовъ [1]). Пришлось остановиться и въ Дрезденѣ. Наконецъ стало извѣстно, что германскій императоръ удалился въ Ольмюцъ подъ защиту русскихъ войскъ. Туда поспѣшилъ направиться Александръ Павловичъ и тамъ наконецъ познакомился онъ съ своимъ союзникомъ. Въ Ольмюцѣ имѣлъ честь представиться своему Государю, прибывшій изъ Брюна въ свитѣ императора Франца, графъ Андрей Кириловичъ.

Впечатлѣнія Александра Павловича при пріѣздѣ въ Ольмюцъ были далеко не радостныя. Жалкій видъ утомленной, едва одѣтой русской арміи грустно поразилъ его. Со всѣхъ сторонъ долетали до него жалобы. Австрійцы были недовольны образомъ дѣйствій Кутузова. Русскій главнокомандующій съ своей стороны указывалъ на полный недостатокъ въ продовольствіи. Начальники отдѣльныхъ частей открыто обвиняли австрійское правительство въ обманѣ. Многіе русскіе генералы прямо намекали на предательство союзниковъ. Къ тому же сопутствовавшій Государю Чарторижскій былъ весьма недоволенъ Берлинскимъ свиданіемъ. Укрѣплявшаяся дружба между прусскою королевскою четою и Императоромъ были князю Адаму не по сердцу. Союзъ съ Пруссіею полагалъ конецъ всѣмъ блестящимъ планамъ о возрожденіи Польши. Къ тому же министръ иностранныхъ дѣлъ не вѣрилъ искренности берлинскаго кабинета и недовѣріе свое не скрывалъ отъ Государя. Онъ сильно возставалъ также противъ намѣренія Александра Павловича оставаться при арміи и представлялъ, что высочайшее присутствіе будетъ стѣснять Кутузова и можетъ помѣшать благому исходу войны. Совѣты эти были Государю не угодны; они какъ-то особенно непріятно звучали послѣ восторженныхъ народ-

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 28-го Октября.

ныхъ кликовъ въ Берлинѣ, Веймарѣ, Лейпцигѣ и Дрезденѣ. Но всего безотраднѣе показались почтительныя представленія Кутузова, который требовалъ дальнѣйшаго отступленія, доказывая, что Наполеонъ жаждетъ генеральнаго сраженія и наоборотъ крайне опасается проволочекъ. По мнѣнію главнокомандующаго слѣдовало всячески избѣгать этого сраженія и только томить Французовъ мелкими стычками, систематически ихъ ослабляя и затягивая въ глубь Венгріи. Такой планъ оскорблялъ тщеславіе Александра I. Цѣлое столѣтіе твердо держалась въ Европѣ слава русскаго оружія. Ни разу, со времени Прутскаго похода не претерпѣвала Россія пораженія. Дальнѣйшее отступленіе казалось Государю позоромъ. Къ тому же австрійцы настоятельно требовали рѣшительныхъ дѣйствій. Они жаждали окончанія войны и послѣ Вѣнскаго погрома только и думали о томъ какъ бы спасти Богемію и Венгрію отъ вторженія Французовъ. Въ свитѣ Государя находилось нѣсколько военныхъ, которымъ была не по сердцу осторожность Кутузова. Во главѣ ихъ стоялъ новый царскій наперсникъ князь П. П. Долгоруковъ.

Несмотря однако на неблагопріятныя впечатлѣнія, встрѣча обоихъ императоровъ была дружеская. Они помѣстились въ красивомъ зàмкѣ Аустерлицѣ, близъ Ольмюца, лѣтнемъ пребываніи знаменитаго князя Кауница, потратившаго немало денегъ на его украшеніе. Одновременно съ прибытіемъ въ Ольмюцъ Императора Александра, подошелъ туда корпусъ Буксгёвдена, а двумя днями позднѣе и гвардія. Начались совѣщанія о томъ, что слѣдовало предпринять. Въ совѣщаніяхъ этихъ кромѣ генераловъ принимали участіе и Чарторижскій, и Кобенцель, и Разумовскій, и Стадіонъ. Настоятельные доводы Австрійцевъ и воинственное настроеніе военной свиты Государя заглушали мудрые совѣты Кутузова. Пользовавшійся въ Австріи большою славою, какъ военный тактикъ, генералъ Вейнротеръ развивалъ на совѣщаніяхъ этихъ свой планъ касательно немедленной атаки. Прибытіе подкрѣпленій давало перевѣсъ сторонникамъ рѣшительныхъ мѣръ. Даже многіе изъ русскихъ боевыхъ генераловъ, полагаясь на относительные успѣхи при Дюренштейнѣ и Шенграбенѣ, стали на сторону вѣнскихъ тактиковъ. Они на опытѣ испытали сколь мало вѣры можно было полагать на обѣщанія союзниковъ относительно продовольствія войскъ и съ ужасомъ предвидѣли тѣ лишенія, которымъ будетъ подвержена русская армія въ случаѣ дальнѣйшаго отступленія. Рѣшительныхъ дѣйствій требовали сами австрійцы, поэтому на подмогу ихъ въ открытомъ бою можно было, какъ казалось, вполнѣ разсчитывать. Вѣроятно и Разумовскій поддерживалъ мнѣнія австрійскихъ стратегиковъ. Въ описываемое нами время лихорадочной дѣятельности протоколовъ совѣщаніямъ не водили; все рѣшалось на словахъ; всѣ

власти были въ сборѣ на бивакахъ подъ Ольмюцомъ и не къ кому было строчить длинныхъ депешъ и подробныхъ донесеній. Поэтому поневолѣ приходится говорить предположительно. Къ несчастію для Россіи, Кутузовъ не съумѣлъ, на этихъ Ольмюцкихъ совѣщаніяхъ, отстоять своего убѣжденія. У Кутузова, какъ часто случалось съ русскими полководцами, особенно во времена позднѣйшія, не хватало гражданскаго мужества. Онъ преклонилъ голову передъ ясно выражаемою волею Государя и согласился съ доводами Вейнротера, поддерживаемыми воинственнымъ настроеніемъ Императорской свиты. Рѣшено было сразиться съ французами. Придворные воины были въ восторгѣ, они слѣпо вѣрили въ непобѣдимость русской арміи и заранѣе хвастали будущею побѣдою. Настроеніе ихъ живо напоминало то ликованіе, которое еще такъ недавно, при началѣ войны, раздавалось въ занятой теперь непріятелемъ Вѣнѣ. Увѣренность въ успѣхѣ и раннее имъ упоеніе—плохой признакъ передъ сраженіемъ. Съ тяжелыми думами сталъ готовиться Кутузовъ къ атакѣ, по диспозиціи, составленной австрійцемъ Вейнротеромъ и утвержденной Императоромъ Александромъ. Наполеонъ, примѣтя приготовленія къ сраженію въ союзномъ лагерѣ, былъ въ восторгѣ; одна только мысль его тревожила, какъ бы русскіе не ускользнули отъ боя.

Раздались первые громы рокового Аустерлицкаго дня. Изъ Ольмюца, гдѣ въ то время находился Разумовскій, ихъ не было слышно. На другой день записка Франца II, повелѣвавшая императрицѣ германской вмѣстѣ съ министрами немедля переѣхать въ Тешенъ, извѣстила жителей Ольмюца о томъ, что сраженіе было проиграно. Членамъ дипломатическаго корпуса, слѣдовавшимъ за императорскою квартирою, не дано было никакихъ указаній. Кобенцель сообщилъ однако частнымъ образомъ Разумовскому, что онъ вслѣдъ за императрицею отправляется въ Тешенъ. Туда же поспѣшилъ и графъ Андрей Кириловичъ.

„Les nouvelles, parvenues ici aujourd'hui de l'empereur-roi du quartier général de Czeitsch, en date du 3 Décembre n. st.,—собственноручно сообщалъ Разумовскій Чарторижскому уже изъ Тешена отъ 24-го Ноября (6) Декабря,—nous ont tiré de la vive inquiétude où nous étions sur le compte de notre auguste Maître, à la suite de la malheureuse affaire du 2 [1]) dont nous avons été informés à Olmütz le lendemain par un billet de l'empereur à ses ministres, en joignant à tous de se rendre sur le champ à Teshen ainsi qu'à l'impératrice et de mettre la place d'Olmütz en état de défense. Depuis cet instant nous respirons, sachant que notre Maître a échappé à tous les dangers et se trouve en sûreté à la tête de sa

[1]) Аустерлицкая битва.

brave armée, encore très-formidable. Rassuré pour le moment, peut on l'être pour l'avenir? On ne saurait s'empêcher, en formant des voeux à cet égard, de regretter de ne pouvoir les confondre avec ceux des personnes, qui ont le bonheur d'environner S. M. Les communications sont rétablies. Veuillez, mon prince, me donner des nouvelles de ce qui se passe au quartier général".

Какъ ни велики были потери союзниковъ, однако можно было поправить дѣло даже послѣ аустерлицкаго погрома. Русская армія не падала духомъ, и, несмотря на пораженіе, снова готова была выступить противъ непріятеля.

Изъ Россіи ожидались подкрѣпленія. Пруссія вооружалась, и въ помощь ея еще вѣрили, эрцгерцоги Карлъ и Іоаннъ быстро подвигались изъ Италіи и Тироля. Силы союзниковъ сравнивались съ силами непріятеля и борьба могла бы продолжаться съ большею надеждою на успѣхъ. Но если въ русскихъ войскахъ не остылъ отъ неудачи военный пылъ, то, наоборотъ, въ австрійскомъ лагерѣ вполнѣ царствовали страхъ и уныніе. Съ поля сраженія полетѣлъ къ Наполеону, отправленный императоромъ Францомъ, князь Лихтенштейнъ съ мольбою о мирѣ. Между Александромъ Павловичемъ и его союзникомъ произошло холодное свиданіе. Русскій императоръ предоставилъ австрійскому монарху полную свободу дѣйствія, но требовалъ, чтобы его въ переговоры не впутывали. Прямо отъ царя поскакалъ съ повинною головою Францъ II къ побѣдителю, который его встрѣтилъ въ нѣсколько театральной обстановкѣ, на бивакѣ. Въ Голицъ къ русскому Императору явился генералъ Савари, который извѣстилъ о заключаемомъ между Австріею и Франціею перемиріи. Посланецъ Наполеона завѣрилъ Государя, что одновременно съ русскою арміею удалится изъ австрійскихъ владѣній и французская. На этомъ основаніи дано было Кутузову приказаніе немедля отступить, а разстроенный и грустный Александръ Павловичъ поспѣшилъ изъ Голица въ Россію, чтобы присутствіемъ своимъ не давать какъ бы негласнаго соглашенія начавшимся переговорамъ. Только вернувшись въ Россію, когда войска Кутузова уже быстро подвигались къ Радзивилову, узналъ Государь, къ крайнему своему изумленію,—что вслѣдствіе согласія, даннаго австрійскимъ правительствомъ, французскія силы продолжали занимать бо́льшую часть Австріи.

Въ ночь съ 26 на 27 Ноября проскакалъ Государь черезъ Тешенъ. „S. M. I. ayant passé par Teshen dans la nuit du 8 au 9 Décembre (n. st.),—писалъ къ Чарторижскому Разумовскій,—j'appris par la suite que v. e. se disposait à se mettre en route deux jours après... J'attendais votre arrivée ici avec une impatience proportionnée à la nature des circonstances, afin de pouvoir régler d'après vos intentions

ma conduite de service au milieu de ces évènements désastreux. Depuis la tournure, qu'ont pris les affaires, la première intimation du ministère autrichien au corps diplomatique fût de quitter Olmütz dans la journée où elle fut faite. On n'indiquait aucun point de railliement à la plus-part des ministres. Moi m. de Cobenzl m'avertit, qu'il prenait la route de Teshen. Il s'y est arrêté effectivement jusqu'au 9. Depuis ce temps nous sommes à peu près sans nouvelles. Il parait, d'après les on dit, que les négociations pour la paix ont lieu à Nicolsbourg".

Вслѣдъ за Государемъ проѣхалъ черезъ Тешенъ и Чарторижскій. Онъ остановился здѣсь на нѣсколько дней и все время это провелъ въ задушевной бесѣдѣ съ Разумовскимъ. Въ послѣдовавшихъ за этимъ свиданіемъ собственноручныхъ письмахъ къ князю Адаму, графъ Андрей Кирилловичъ любилъ вспоминать про долгіе ихъ въ ту пору разговоры еще болѣе скрѣпившіе, по словамъ Разумовскаго, ихъ взаимную дружбу и дозволившіе послу въ полной мѣрѣ оцѣнить отмѣнныя нравственвыя качества министра иностранныхъ дѣлъ.

Въ Тешенѣ засталъ графъ Андрей Кирилловичъ племянницу свою княгиню Варвару Алексѣевну Репнину, дочь старшаго его брата. Молодая княгиня не рѣшилась разстаться съ мужемъ, который командовалъ въ то время четвертымъ эскадрономъ кавалергардовъ. Она слѣдила за нимъ изъ Россіи и въ Тешенѣ пришлось Разумовскому сообщить ей, что князь Репнинъ раненъ и взятъ въ плѣнъ Французами при Аустерлицѣ. Неутѣшная жена рвалась къ больному мужу. Съ большими затрудненіями удалось наконецъ Разумовскому помочь племянницѣ пробраться изъ Тешена въ непріятельскій лагерь [1]).

„Rien n'est changé à ma position, depuis votre passage par Teshen,—сообщалъ онъ отъ 12 Декабря Чарторижскому,—Les négociations se poursuivent à Nickolsbourg ou à Brünn; on dit qu'elles vont être transportées à Presbourg; on dit que la cour même y fixera son séjour pendant quelques temps, avant de retourner à Vienne. Tous ces on-dit sont vagues et m'auraient fait juger superflu, dans la profonde ignorance des évènements dans laquelle nous nous trouvons, de reprendre ma correspondance avec le ministère, jusqu'à ce que mes relations avec celui d'Autriche me remettent au courant. Le motif de la présente dépêche est de vous transmettre la seule lettre, qui m'est parvenue du comte de Cobenzl depuis son départ. Il m'annonce incessamment l'expédition d'un officier général, destiné à rendre c-te à notre auguste Maître des résultats de la triste négociation, qui occupe la cour de Vienne... Ayant fait ces jours derniers une course à Troppau, je fus fort étonné de recevoir la visite du général Dumouriez. Il vint me présenter un

[1]) См. Т. II, 142.

paquet à votre adresse, me prévenant qu'il contenait une lettre à l'Empereur, dont il me laisse copie. Cette lettre expose les motifs, qui lui ont fait quitter l'Angleterre. A mon retour ici, j'y trouvais Dumouriez. Il y était venu s'aboucher avec le comte de la Tour. Il eût desiré se rendre près de l'empereur, mais, dans les circonstances actuelles, on jugea qu'il ne serait même pas prudent de lui permettre de demeurer dans ces états de S. M. I. et R. et il repartit sur le champ, pour se rendre, en Silésie prussienne, où sous un autre nom et dans un village, qu'il indiquera, il attendra la détermination de notre auguste Maître. Pendant son séjour à Troppau, il a jeté sur le papier quelques idées qu'ont fait naître dans son esprit les circonstances actuelles. En causant avec lui ici, il m'a parlé d'un plan, qu'il avait dressé en Angleterre pour les opérations et des débarquements au midi de l'Europe. Les communications avec Vienne sont toujours entravées et peu sûres. Il n'y a que peu de jours qu'on a reçu ici le bulletin publié par les Français au sujet de la bataille d'Austerlitz. C'est un document rare de faussetés, de jactances insolentes et de fictions impertinentes. C'est comme tel, que je crois devoir la joindre à mon expédition".

Тешенъ, 16 Декабря.

„Ce n'est que sans suite, irrégulièrement et par des lettres particulières plus où moins dignes de foi, qu'on parvient de temps en temps à s'orienter ici dans les ténèbres de la négociation de paix et en vous transmettant parfois, mon prince, ce que nous en apprenons; je dois vous prévenir que ce n'est que sur des on-dit que se fondent mes nouvelles. On mande de Presbourg que les mouvements de l'archiduc Charles ont eu lieu en conséquence à ce que S. A. R. ne reconnaissait point les conditions de l'armistice. Certes il est fort à désirer que cela fût vrai. Ce serait le seul espoir à saisir pour se tirer de la position désastreuse, où se trouve cette monarchie par un concours d'évènements à jamais déplorables. Ce serait suivre le conseil de la sagesse, de l'honneur, de l'énergie et aller au devant du voeu et vraisemblablement des bénédictions de tous les sujets de cette infortunée monarchie. L'archiduc s'est rendu a Holitsch pour s'aboucher avec l'empereur. Le résultat de cette conférence fixera je pense, notre opinion sur l'avenir".

Тешенъ, 18 Декабря.

„Le prince Wolkonsky, qui retourne à St.-Pétersbourg en courrieri m'offre une occasion prompte d'annoncer à v. e. le changement, qui a eu lieu dans le ministère de S. M. l'empereur et roi. Le comte de Stadion a pris le portefeuille. Quant aux nouvelles et à l'état des négociations pour la paix, je ne puis que répéter à v. e., que nous som-

mes toujours dans le vague et uniquement bornés à quelques correspondances indirectes et particulières. Cette incertitude cependant est près de son terme, car le comte de Stadion, en m'annonçant ses nouvelles fonctions, m'a appris en même temps que l'expédition projetée, dont j'ai prévenu, d'un officier général pour notre auguste Maître aurait lieu incessamment. Le choix est tombé sur le comte de Meerveldt. Je l'attends d'un moment à l'autre et il pourra être à St.-Pétersbourg peu après l'arrivée du prince Wolkonsky. A cette indication que j'ai cru utile, je joindrai la nouvelle, qui me semble plus douteuse d'une entrevue, qui doit avoir eu lieu entre l'archiduc Charles et Bonaparte à Stamersdorff. On en ignore parfaitement les résultats".

Тешенъ, 26 Декабря.

„Ce fut hier seulement, que je reçus l'avis de la signature de la paix. Une lettre particulière du comte de Stadion m'annonça en même temps, que le départ de S. M. l'empereur pour Vienne n'était pas encore fixé, que cependant il était très-prochain et que j'en serai informé immédiatement. Je pars toutefois demain de Teshen et, m'acheminant lentement, je recevrai en route l'invitation d'usage et d'après laquelle je me rendrai dans la capitale, ce qui à vue de pays sera vers le 20 Janvier n. style. Je ne parlerai point à v. e. du comte de Meerveldt avec l'intérêt que pourrait me dicter une bien ancienne connaissance. Il est connu de l'armée, de S. M. I; il l'est de vous et il le sera plus particulièrement par les rapports où vont le constituer et l'objet de sa mission et la confiance dont l'honore son maître".

ГЛАВА III.

Назначенiе гр. Стадiона вицеканцлеромъ.—Недовольство противъ Австрiи и Разумовскаго въ Петербургѣ. — Соглашенiе между Францiею и Пруссiею.—Пресбургскiй миръ.— Возвращенiе Разумовскаго въ Вѣну.—Положенiе Австрiи.—Дѣла Неаполитанскiя. —Поццо ди Борго.—Которское дѣло.—Назначенiе Разумовскаго въ Лондонъ. — Отказъ его.

Графъ Андрей Кирилловичъ выѣхалъ изъ Тешена въ одинъ день съ графомъ Меерфельдтомъ, который отправлялся чрезвычайнымъ посломъ въ Россiю. Вѣнскiй дворъ не забывалъ, что изъ Петербурга не разъ указывали на послѣдняго, какъ на угоднаго представителя

Австріи. Въ настоящую критическую пору было весьма важно для австрійскаго правительства сохранить добрыя сношенія съ старымъ своимъ союзникомъ. Недовольство русскихъ войскъ нашло себѣ сильный отголосокъ во всей Россіи. Вѣнскому двору было необходимо имѣть при русскомъ Царѣ личность ему симпатичную, которая могла бы вліять на него, противодѣйствовать общественному мнѣнію и, наконецъ, извинить передъ Государемъ тѣ крайнія уступки, на которыя уже заранѣе рѣшились австрійскіе министры. Но если въ Вѣнѣ помнили прежніе намеки Разумовскаго относительно назначенія Меерфельдта, то послѣдующія событія, очевидно, уже изгладились изъ памяти совѣтниковъ Франца II-го. Неожиданное отступленіе графа Меерфельдта отъ Штейера къ Маріацелю измѣнило всѣ планы Кутузова и заставило его покинуть сильную позицію на рѣкѣ Энсѣ. Отступленія этого русская армія новому послу не прощала и оно во многомъ измѣнило доброе о немъ мнѣніе Государя.

Самъ Разумовскій изъ Тешена переѣхалъ въ Тропау, чтобы быть ближе къ Вѣнѣ, скорѣе получать извѣстія и при первомъ зовѣ новаго вицеканцлера явиться въ столицу. Французы уже очистили Брюнъ; русскія войска отступали къ Радзивилову; между Австріею и Франціею заключено было формальное перемиріе. Талейранъ, графъ Джіюлай и князь Лихтенштейнъ обдумывали въ Брюнѣ условія окончательнаго мира.

Назначеніе графа Стадіона вицеканцлеромъ произвело благопріятное впечатлѣніе въ правительственныхъ сферахъ С.-Петербурга. Бывшій посолъ оставилъ по себѣ хорошую память; на него смотрѣли, какъ на искренняго сторонника тѣснаго союза съ Россіею, который, несмотря на переговоры происходившіе въ Брюнѣ, все еще представлялся Государю необходимымъ для обѣихъ имперій. Въ Петербургѣ не сомнѣвались, что Стадіонъ останется вѣренъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ и Разумовскому поручено было передать новому вицеканцлеру, что Александръ Павловичъ вполнѣ полагается на прежнюю его дружбу, и разсчитываетъ на то, что онъ будетъ подробно извѣщать о сношеніяхъ двора своего съ Франціею, а также и о всѣхъ тайныхъ замыслахъ Наполеона. Начавшіеся переговоры подавали поводъ предполагать, что скоро возобновятся прямыя дипломатическія сношенія между Вѣною и Парижемъ, благодаря которымъ Стадіонъ будетъ подробно извѣщенъ о всемъ томъ, что происходитъ во Франціи. Эти-то извѣстія желали чтобы онъ немедля сообщалъ русскому двору [1]).

Но если въ высшихъ правительственныхъ сферахъ довольны были

---

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 12 Февраля 1807.

назначеніемъ Стадіона и полагали большія надежды на дальнѣйшій союзъ съ Вѣнскимъ дворомъ, то общественное мнѣніе въ Россіи было сильнѣйшимъ образомъ возбуждено противъ Австріи. Всѣ неудачи похода приписывали Австрійскому правительству и во всѣхъ слояхъ общества громко говорили о предательствѣ союзниковъ. Вездѣ чувствовалось недовольство, которое выражалось громкими жалобами на политику русскихъ государственныхъ людей. Съ обычною неразборчивостью огульно осуждали при этомъ всѣхъ власть имущихъ, ставя на одну доску людей самыхъ противоположныхъ убѣжденій. Общество бранило и Чарторижскаго и Долгорукова, но никому такъ недоставалось, какъ несчастному Разумовскому. Его обвиняли въ томъ, что онъ не извѣстилъ Государя объ ошибочныхъ мѣрахъ, принятыхъ австрійскимъ правительствомъ и не протестовалъ противъ преждевременнаго перехода Мака черезъ Иннъ. Въ гостиныхъ Петербургскихъ открыто говорили, что графъ Андрей Кирилловичъ подкупленъ Вѣнскимъ дворомъ и что онъ получилъ огромныя суммы, на которыя пріобрѣлъ обширныя маетности въ окресностяхъ Вѣны и даже соорудилъ на собственный счетъ каменный мостъ черезъ Дунай. Всѣ въ Россіи требовали его смѣны.

„Графу Разумовскому,—писалъ своему королю, игравшій въ то время видную роль въ Петербургѣ, Сардинскій посланникъ графъ Іосифъ де Местръ,—предстоитъ несомнѣнная опала, такъ какъ онъ совершилъ разомъ двѣ ошибки, которыхъ нѣтъ возможности извинить. Во-первыхъ, онъ не донесъ двору своему о состояніи Австріи вообще и о положеніи арміи ея въ частности, а кромѣ того онъ не протестовалъ противъ слишкомъ ранняго перехода черезъ Иннъ, хотя переходъ этотъ прямо противорѣчилъ одному изъ условій союзнаго трактата между обѣими имперіями. Позволю себѣ при этомъ обратить вниманіе В. В. на одно изъ тѣхъ необъяснимыхъ противорѣчій, которыя встрѣчаешь въ государствахъ, точно такъ же какъ и у частныхъ лицъ. Если есть на свѣтѣ правительство, зорко и подозрительно опекающее свою политику — то это несомнѣнно русское правительство. За нами дипломатами присматриваютъ, всѣ наши письма читаютъ и насъ съ явнымъ стараніемъ отъ себя отдаляютъ. Если бы кому изъ служащихъ при здѣшнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ пришло въ голову посѣтить кого изъ насъ, то это человѣкъ пропащій. Но тотъ же самый дворъ дозволяетъ своимъ представителямъ за-границею старѣть на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, пріобрѣтать тамъ имѣнія, жениться и даже (что заслуживаетъ особеннаго вниманія) спокойно смотрѣть на то, какъ государи, при которыхъ представители эти аккредитованы, выплачиваютъ долги послѣднихъ и какъ министры эти окончательно теряютъ всякую національность. Графъ Разумовскій потратилъ милліоны на пріобрѣтеніе имѣній подъ Вѣною. Онъ даже дошелъ до того,

что выстроилъ тамъ на свой счетъ мостъ черезъ Дунай. Послѣ всего этого можетъ ли онъ зорко слѣдить за слабостями, ошибками и макіавелистическими ковнями Австрійскаго двора? То же самое видимъ мы, хотя и въ меньшей степени, въ Берлинѣ и Лондонѣ [1])".

Въ этихъ строкахъ несомнѣнно много правды. И Разумовскій, и Алопеусъ, и даже графъ С. Р. Воронцовъ слишкомъ свыклись съ тѣми странами, гдѣ они такъ долго были представителями Россіи. Сила привычки, многолѣтнія дружескія сношенія съ туземцами, а главное мягкость славянской натуры, невольно ихъ привязывала къ краямъ, которые для нихъ стали какъ бы второю отчизною и затемняли ясность ихъ политическаго кругозора. Интересы той страны, гдѣ они пріобрѣли себѣ, какъ бы права гражданства, невольно стали занимать въ соображеніяхъ ихъ слишкомъ видное мѣсто. Ради сохраненія дружескихъ отношеній тѣхъ странъ, гдѣ они поселились, съ родиною, многіе изъ нашихъ дипломатовъ слишкомъ легко забывали прямыя выгоды послѣдней. Въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе въ Петербургѣ, органомъ котораго представляется намъ графъ де-Местръ, совершенно правильно осуждало Разумовскаго и требовало его смѣны. Но Сардинскій посланникъ слишкомъ слѣпо предавался своему недовольству противъ графа Андрея Кирилловича. Онъ не могъ ему простить того, что, какъ во время Суворовскаго похода, такъ и теперь, Разумовскій не обращалъ достаточнаго вниманія на грустное положеніе ссыльнаго короля Сардинскаго, къ которому не благоволилъ Вѣнскій дворъ. Одни только заклятые враги русскаго посла могли его упрекнуть въ неблаговидныхъ денежныхъ поборахъ съ австрійскаго правительства. Вѣнскій дворъ никогда не отличался особенною щедростью, къ тому же мы знаемъ, что Разумовскій только-что получилъ отъ отца значительное наслѣдство. На первое время хватало денегъ даже на безразсудные расходы, которые, впрочемъ, горько отозвались въ будущемъ. Мы увидимъ, что непомѣрное мотовство Разумовскаго, пышная обстановка, не покидавшая его даже, когда онъ пересталъ быть посломъ и непрестанно накоплявшіеся отъ этого долги, подали позднѣе поводъ къ подобнымъ же неблаговиднымъ толкамъ. Все это была одна клевета, которую, впрочемъ, самъ Андрей Кирилловичъ вызывалъ пристрастіемъ своимъ къ Австріи, слѣпою ненавистью къ Наполеону, а, главное, безразсудными расходами. Общее недовольство въ Россіи не повліяло, однако, на первыхъ порахъ и не пошатнуло положенія Разумовскаго. Онъ было силенъ дружбою съ Чарторижскимъ, который, несмотря на раздававшіеся противъ него со всѣхъ сторонъ крики,

---

[1]) C-te Joseph de Maistre. Mémoires politiques et correspondance diplomatique. 197.

продолжалъ по прежнему занимать первое мѣсто въ совѣтахъ Государя.

Благодаря добровольной своей медлительности, Прусскій уполномоченный графъ Гаугвицъ достигъ французскаго лагеря только наканунѣ Аустерлицкаго боя. Наполеону было тогда не до переговоровъ съ прусскимъ дипломатомъ, явившимся съ предложеніемъ о медіаціи. Гаугвицу предписано было ѣхать въ Вѣну и тамъ ожидать свиданія съ императоромъ французовъ. Въ столицу Австріи Наполеонъ вернулся побѣдителемъ. Съ разбитою имперіею начаты были переговоры, для успѣха которыхъ особенно важно было отдѣльно сговориться съ Пруссіею. Императоръ принялъ Гаугвица въ Шенбрунѣ. Пріемъ былъ нѣсколько суровый, такъ какъ Наполеону явно извѣстны были всѣ подробности Потсдамской конвенціи. Но въ концѣ-концовъ, за немедленный союзъ съ Франціею и небольшія относительно территоріальныя уступки, Пруссіи предлагался столь давно ею желаемый Гановеръ. Передъ такимъ предложеніемъ Гаугвицъ не устоялъ; онъ зналъ, что король, герцогъ Брауншвейгскій и фельдмаршалъ Мёлендорфъ войны не желали и ея опасались. Черезъ два дня онъ далъ свое согласіе и 3 (15) Декабря Шенбрунская конвенція была подписана.

Главное было выиграно: Пруссія была отстранена и Австрія оставалась одна въ полной своей беспомощности. Этого-то болѣе всего опасался Александръ Павловичъ; онъ полагалъ большія надежды на посредничество короля Фридриха-Вильгельма и старался удержать Пруссію отъ сближенія съ Наполеономъ. Полагаясь на заключенную въ Потсдамѣ конвенцію, онъ обѣщалъ Берлинскому двору помогать ему въ случаѣ войны всѣми силами Россіи и на первую пору предоставлялъ въ полное распоряженіе короля русскія войска, занимавшія Силезію и Гановеръ. Предложенія русскаго двора достигли до Берлина именно въ ту пору, когда туда прискакалъ графъ Гаугвицъ съ только-что подписанною имъ конвенціею. Несмотря на тайну, которою старались облечь все это дѣло, слухи о соглашеніи съ Франціею распространились по Берлину и возбудили цѣлую бурю негодованія. Король Прусскій не зналъ на что рѣшиться и, наконецъ, отправилъ Гаугвица въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы требовать измѣненія подписанной имъ конвенціи на болѣе выгодныхъ для Пруссіи условіяхъ. Смутные толки о непринятіи прусскимъ дворомъ Шенбрунской конвенціи достигли до Петербурга и подали тамъ поводъ радоваться твердому и сочувственному образу дѣйствій короля [1].

На самомъ дѣлѣ, однако, вопросъ о союзѣ между Парижемъ и Берлиномъ былъ только на время отложенъ. Болѣе выгодныхъ усло-

---

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 22 Декабря.

вій Гаугвицу не посчастливилось добыть, наоборотъ, настроеніе Наполеона было уже далеко не столь благосклонно къ Пруссіи и отъ Берлинскаго двора требовались теперь болѣе тяжелыя условія. Съ послѣднимъ словомъ Парижскаго кабинета Гаугвицъ не рѣшился ѣхать самъ въ Берлинъ, а отправилъ туда стараго нашего знакомаго маркиза Луккезини, который уже давно изъ Вѣны переведенъ былъ посланникомъ въ Парижъ. Послѣ долгихъ колебаній, условія Наполеона были приняты и подписанъ столь же неохотно, какъ Франціею такъ и Пруссіею миръ, который на дѣлѣ оказался едва ли не хуже доброй ссоры. „Les dispositions franches et décidées de la cour de Berlin,—доносилъ въ Петербургъ отъ 10 Января Разумовскій,—si favorables au salut de l'Europe, paraissent une illusion, tant elles ont peu duré... Le c-te de Metternich mande qu'on évite avec soin de se laisser pénétrer, que tout ce qu'il sait c'est que le duc de Brunswick est destiné à se rendre à St.-Pétersbourg et le c-te de Haugwitz à Paris, pour y suivre la négociation entamée à Vienne. Voici à quoi aboutissent les notions, qu'on a ici des déterminations de la cour de Berlin et où vont se briser les espérances de tous ceux qui ne se dissimulent pas la honte et le fardeau de la paix qu'un vainqueur insolent a imposée à un pays, qu'il a épuisé en contributions, en fournitures, en armes et en munitions".

„La Prusse,—увѣдомлялъ [1]) съ своей стороны Разумовскаго Чарторижскій,—nous a communiqué l'engagement qu'elle a contracté avec Bonaparte et le duc de Brunswick, qui s'est chargé de ce soin, a accompagné ces communications des assurances du désir du roi de maintenir la bonne intelligence avec la Russie. Nous n'avons pas crû, que de simples assurances dans de pareilles circonstances puissent suffire et nous avons indiqué à quels signes nous reconnaîtrions qu'effectivement la Prusse a uniquement cédé à la force des circonstances et qu'elle n'est pas irrésistiblement entraînée vers la France, soit par penchant, soit par besoin, soit par la corruption de son cabinet".

Конвенція, заключенная Наполеономъ съ Пруссіею, тяжело отозвалась на переговорахъ, которые велись въ Пресбургѣ. Императоръ французовъ, какъ то предвидѣлъ Александръ Павловичъ, сталъ взыскательнѣе и несговорчивѣе и несчастная Австрія, изгнанная изъ Италіи и вытѣсненная съ вершины Альпъ, принуждена была подписать 14 (26) Декабря постыдный миръ. Всѣ италіанскія ея владѣнія до рѣки Изонцо съ Истріею, Далмаціею и Боккою Которскою переходили къ Франціи. Наполеонъ признавался королемъ Италіи. Вѣрный династіи Габсбурговъ Тироль, а съ нимъ вмѣстѣ и Форарльбергъ

[1]) Отъ 20 Апрѣля.

пришлось уступить Баваріи, о завоеваніи которой еще такъ недавно мечтали въ Вѣнѣ; Виртембергъ, за котораго напрасно вступался во время Суворовскихъ побѣдъ Императоръ Павелъ I, получалъ часть Бризгау и многіе имперскіе вольные города по Дунаю. Остальная часть графства Бризгау, вмѣстѣ съ графствомъ Ортенау и городомъ Констанцемъ отходила къ маркграфству Баденскому. Высшіе вассалы германской короны, курфюрсты Баварскій и Виртембергскій, признавались независимыми королями. За всѣ эти пожертвованія Австрія получала только Зальцбургъ и Берхтесгаденъ, да кромѣ того эрцгерцогу ея, бывшему владѣтелю Тосканскому, Баварія уступала Вюрцбургъ.

Графъ Меерфельдтъ принятъ былъ въ Петербургѣ гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать. Недовольство, порожденное его военными распоряженіями, было на время забыто. Въ данную минуту Государь хотѣлъ выразить сочувствіе свое къ несчастному союзнику и это вполнѣ отразилось на пріемѣ чрезвычайнаго посла. Съ своей стороны императоръ Францъ, сейчасъ же послѣ подписанія Пресбургскаго трактата, поспѣшилъ о содержаніи его прямо черезъ Меерфельдта сообщить Александру Павловичу. Извѣстіе это произвело въ Петербургѣ сильное и безотрадное впечатлѣніе. Несмотря на худшія опасенія, никто не ожидалъ тамъ такихъ суровыхъ условій и никто не допускалъ, что невозможныя условія эти такъ легко и скоро будутъ приняты. Особенное вниманіе обратили русскіе политики на уступку Далмаціи. Планы Наполеона относительно Турціи постоянно безпокоили Петербургскій кабинетъ. Восточный вопросъ, несмотря на несочувствіе къ нему Государя, силою судьбы продолжалъ быть для Россіи постоянною злобою дня. Въ Петербургѣ предвидѣли, что тѣсныя сношенія между Парижемъ и Цареградомъ начнутся съ того дня, когда Далмація будетъ занята Французами и обѣ имперіи станутъ пограничными. Вслѣдствіе протектората, принятаго Россіею надъ Іонійскими островами и Черногоріемъ, планы Наполеона со стороны Адріатики принимали особенную для Петербургскаго кабинета важность. „L'empressement que l'empereur d'Allemagne a mis à me donner communication du traité qu'il a conclu avec la France,—гласилъ высочайшій рескриптъ отъ 12 Февраля 1806 года, данный на имя Разумовскаго,—m'a été infiniment agréable, mais cela n'a point diminué la véritable peine, que j'ai éprouvée en prenant connaissance de la teneur de cette transaction. Elle a dépassé de beaucoup l'idée, que je m'étais faite des sacrifices, que Bonaparte exigerait de la maison d'Autriche... Il a bien prouvé, que jamais la modération ne pouvait le guider et que les intérêts seuls de sa constante avidité dictaient toutes ses démarches. Les pertes auxquelles la cour de Vienne a du se ré-

soudre sont aussi importantes qu'étendues et la cause première de cette affligente nécessité, loin d'être détruite, menace tous les jours d'avantage et la monarchie autrichienne et les autres états de l'Europe. Où trouver des remèdes à un état de choses, qui se consolide par le mal qu'il opère et qui donne tous les jours de nouvelles ressources à un homme, qui ne connaît aucunes bornes à ses désirs et à ses projets. Quelque soit mon désir d'apporter des consolations aux peines de S. M. I. et R. par les témoignages de mon amitié, que je lui offre avec la cordialité qu'elle me connaît, je sens que seule elle ne saurait suffire à la situation de son empire, qui exige la réunion de tous les moyens imaginables pour le mettre à même de parer aux dangers, qui se présentent pour l'avenir. Ces dangers sont augmentés encore par la situation de toute l'Europe, qui ne permet pas de songer à une réunion immédiate de forces pour tenir tête au débordement de la puissance française et cependant il est impossible de ne point s'apercevoir, que Bonaparte poursuivera ses plans avec la même activité qu'il l'a fait jusqu'à présent, pendant la paix, comme pendant la guerre, et que ses envahissements prendront une direction différente et plus d'essor, que celui qu'ils ont eu jusqu'ici et qu'alors le moment sera arrivé où aucuns sacrifices, aucunes condescendances ne pourront suffire à son ambition. Quelle est à cet égard la conduite, que l'Autriche compte tenir? Quel système adoptera-t-elle pour tâcher d'éloigner un moment semblable? Quels moyens juge-t-elle avoir maintenant à sa disposition et quels sont ceux sur lesquels elle pourra compter dans quelque temps? Enfin, quels plans forme-t-elle pour l'avenir et quelle part désire-t-elle, que je prenne à leur exécution? Voilà ce que je vous charge de demander en toute confiance au ministère de S. M. I. et R. comme je vous autorise à faire parvenir à la connaissance de l'empereur la manière dont je considère la situation de l'Europe relativement à la Russie et à l'Autriche... Le moment actuel, ne paraissait aucunément favorable à provoquer le renouvellement ou la continuation de l'état de guerre, je crois devoir calculer toutes mes mesures sur une défensive respectable, et sans songer à aucune agression, je tiendrai mes forces autant que possible à portée d'assister chacun de mes voisins. Mes armées resteront sur le pied de guerre et seront entièrement complètes pendant toute la durée de la guerre actuelle. Je ne me refuserai pas à un arrangement avec la France, qui ne serait pas contraire à mon honneur et à mes intérêts; mais quoique j'envisage la paix comme le besoin le plus pressant de l'Europe, je ne chercherai point une négociation qui probablement dans les circonstances actuelles serait sans aucun résultat satisfaisant. Mon système consistera, donc principalement à défendre mes etats et ceux des puissances, qui requêreront

mon assistance ou dont l'existence sera indispensable à ma sûreté. S. M. I. et R. jugera d'après cela que mon intention ne saurait être de l'engager à des mesures qui pourraient provoquer la guerre. Je suis loin de cela, mais je suis loin aussi de croire qu'elle doive oublier ce que le soin de sa conservation lui prescrit. Il est probable, que Bonaparte envisagera encore longtemps l'Autriche comme la rivale de la France et cet état de choses durera tant que la Prusse ne donnera pas de l'ombrage au chef du gouvernement français. Le sentiment que l'Autriche aura de ses forces sera le mobile de la conduite de Bonaparte à son égard. Je ne puis pas croire, que malgré les succès qu'il a eus, il veuille chercher à renouveller de sitôt la guerre et par conséquent je ne crois point qu'il s'oppose à ce que la cour de Vienne cherche dans son intérieur des ressources pour sa sûreté future. La réorganisation des armées, la construction de forteresses sont des droits de souveraineté contre l'exercice desquels il ne saurait reclamer ouvertement; c'est donc à suivre avec beaucoup de fermeté et de persévérance un système défensif, que dans mon opinion l'Autriche doit s'attacher pour le moment. Tout ce qui peut concourir à le rendre efficace, à ce qu'il me semble, ne doit point être négligé et quoique mon intention ne soit aucunément de m'immiscer dans des dispositions, qui doivent uniquement dépendre de la manière dont l'empereur, mon ami et allié, envisage lui-même sa position, il m'est impossible de ne point dire ici, me fondant sur la confiance qu'il m'a témoignée et sur l'intimité, qu'une connaissance personnelle a établie entre nous, que ce qui pourrait contribuer le plus au bien-être et au salut de la monarchie autrichienne serait qu'il fût aidé et assuré par une administration aussi vigoureuse qu'éclairée. Ce serait certainement le moment ou jamais, que S. M. I. et R. se détermine à appeler dans ses conseils les hommes les plus marquants de son empire par leurs lumières, mais surtout par la fermeté de leur caractère. La consistance, que donnerait à l'Autriche une semblable réunion d'hommes et de choses, inspirerait à Bonaparte du respect. Il en aurait certainement de l'inquiétude, mais en admettant qu'il ne veuille pas chercher le renouvellement de la guerre, j'ai lieu de supposer qu'il n'en témoignerait pas son mécontentement et qu'il n'empécherait pas la cour de Vienne de se renforcer par ses propres moyens, pourvu que cette puissance par ses liaisons avec d'autres états n'aie pas l'apparence de méditer une agression et évite tout ce qui pourrait lui donner de l'ombrage. Je me bornerai à ces considérations générales qu'il m'a été impossible de ne point présenter à un souverain, que j'affectionne aussi sincèrement que S. M. l'empereur d'Allemagne. Dans toutes les occasions je vous charge de réitérer l'assurance de ces

sentiments et d'y joindre celle de mon vif désir de pouvoir être utile à la maison d'Autriche dans la position affligente où elle se trouve".

Въ приложенной къ императорскому рескрипту длинной депешѣ, отъ 20 Февраля, Чарторижскій прямо приписывалъ неудачи Австріи слабости вѣнскаго кабинета, незнакомаго съ внутреннимъ состояніемъ государства. Несмотря на справедливыя жалобы за неискренность и уклончивость въ сношеніяхъ съ Россіею во все время коалиціи, Петербургскій кабинетъ еще вѣрилъ въ силу Австріи и не сомнѣвался въ томъ, что она нетолько должна играть важную роль въ Европѣ, но еще со временемъ положить предѣлъ дальнѣйшимъ успѣхамъ Наполеона. Въ совѣтахъ Государя положено было держаться тѣсной дружбы съ Австріею. Россія мало пострадала отъ недавнихъ неудачъ и бояться ей было нечего. На союзъ съ Англіею она вполнѣ могла полагаться; Швеція стояла съ нею за одно. Со стороны Пруссіи можно было опасаться только нейтралитета. Государь не допускалъ мысли, чтобы иностранное вмѣшательство могло когда-либо расторгнуть вѣками освященную связь Россіи съ Австріею. Разсчитывая на полную откровенность со стороны графа Стадіона, князь Чарторижскій рѣшался, въ свою очередь, высказать всю правду. Австріи необходимо было въ настоящее время министерство твердое, крѣпко сплоченное, въ которомъ слѣдовало соединить всѣ жизненныя силы государства. На необходимость въ сильной администраціи для Австріи въ Петербургѣ въ данную минуту особенно настаивали, хотя при этомъ князь Адамъ не скрывалъ отъ Разумовскаго, что во всякую иную пору прямыя выгоды Россіи требовали бы діаметрально противнаго. Радикальная перемѣна въ Вѣнскомъ кабинетѣ считалась теперь крайне нужною для общаго блага, и Государь черезъ довѣреннаго своего министра самымъ положительнымъ образомъ предписывалъ графу Андрею Кирилловичу заняться этимъ дѣломъ. Отъ него требовали въ самомъ непродолжительномъ времени соображеній касательно образованія сильнаго Австрійскаго правительства, а также немедленно указать на тѣ способы, которыми возможно было бы къ тому подвигнуть императора Франца. Разумовскій долженъ былъ набросать очеркъ существующихъ при вѣнскомъ дворѣ партій съ подробною характеристикою болѣе выдающихся личностей, обозначая степень ихъ вліянія на императора, дабы въ Петербургѣ могли заранѣе знать, черезъ кого придется дѣйствовать. При этомъ отъ него требовали указанія на тѣ лица, которыя въ настоящую минуту могли бы быть особенно полезны. Передавая приказанія Государя, Чарторижскій вполнѣ сознавалъ всю затруднительность и деликатность задаваемой Разумовскому задачи. Онъ опасался, какъ бы Вѣнскій дворъ не обидѣлся такимъ видимымъ вмѣшательствомъ Россіи во внутреннія дѣла имперіи. Министръ ино-

странныхъ дѣлъ предписывалъ послу крайнюю осторожность. Совѣты Петербургскаго кабинета исходили отъ одной только искренней дружбы. При этомъ Чарторижскій намекалъ, что Разумовскому слѣдовало бы чистосердечно изъясниться съ графомъ Стадіономъ, но только въ томъ случаѣ, еслибы онъ первый завелъ рѣчь о возможныхъ измѣненіяхъ въ австрійской администраціи [1]). Государя и его совѣтниковъ, какъ мы упомянули выше, весьма заботили будущія отношенія Наполеона къ Турціи. Въ то время, когда еще длились Пресбургскіе переговоры, по Европѣ пошли слухи о вознагражденіяхъ, предлагаемыхъ будто Франціею Австріи, которыя предполагалось выкроить изъ турецкихъ владѣній. Объ этомъ твердили всѣ тогдашнія газеты и слухъ этотъ не мало тревожилъ Петербургскій дворъ. Какъ ни мало сознавались въ то время истинныя потребности Россіи, однако въ данномъ случаѣ даже глаза поляка Чарторижскаго съ безпокойствомъ обращались на Востокъ. Допустить Австрію въ нѣдра оттоманской имперіи казалось даже ему чѣмъ-то чудовищнымъ. Чарторижскій поспѣшилъ переговорить съ Меерфельдтомъ о безпокоившихъ Петербургскій кабинетъ газетныхъ слухахъ и черезъ Разумовскаго требовалъ отъ графа Стадіона положительныхъ обѣщаній относительно неприкосновенности Турціи. Обѣщанія эти были необходимы для успокоенія Государя, котораго весьма разстроили дошедшіе до него слухи. Вслѣдствіе непонятнаго силлогизма, князю Адаму представлялось, что даже въ данную минуту, когда имѣлось въ виду жертвовать Турціею ради вознагражденія Габсбургскаго дома, интересы Россіи на Востокѣ были вполнѣ тождественны съ интересами Австріи [2]). Слухи, распространившіеся по Европѣ, оказались ложными, но теперь, съ уступкою Далмаціи, появилось новое затрудненіе, которое опять возбудило сильныя опасенія въ Петербургѣ.

„Nous craignons pour l'empire ottoman,—писалъ къ Разумовскому Чарторижскій,—dans lequel nous ne pourrons jamais permettre aux Français de s'établir. Quelles que soient leurs vues, elles ne peuvent qu'être dangereuses". Разумовскому предписывалось зорко слѣдить за дѣйствіями французовъ въ Далмаціи.

Между тѣмъ графъ Андрей Кирилловичъ успѣлъ переѣхать въ Вѣну и, послѣ треволненій бивачной жизни, снова отдохнуть въ роскошномъ дворцѣ своемъ. Графъ Стадіонъ, его давнишній пріятель, съ которымъ онъ подружился еще во дни молодости въ Штокгольмѣ, пригласилъ русскаго посла въ столицу, куда, при кликахъ народонаселенія, вернулся уже императоръ Францъ. По дорогѣ Разумовскій

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 20 Февраля.
[2]) Депеша Чарторижскаго отъ 12 Февраля.

безпрестанно встрѣчалъ отставныхъ русскихъ воиновъ, то были частью бѣжавшіе плѣнные, а частью выпущенные изъ лазаретовъ раненые. Графъ Андрей Кирилловичъ поспѣшилъ заняться этими несчастными и просилъ у Чарторижскаго денежной для нихъ помощи. „J'aurais cru mal remplir et ce que je dois à mon caractère public", писалъ онъ отъ 11 Января 1806 г., изъ Вѣны, „et ce que me dictait mon coeur, en ne donnant point une attention particulière à cet objet... Je ne vous retracerai point, mon prince, tous les exemples de piété (je ne saurais donner un autre nom à des actes, que l'on remplissait par dévotion) exercés envers nos prisonniers à la vue même des français. J'aurais à vous nommer des femmes de la plus haute volée, se promenant aux dépôts, distribuant par centaines des chemises, des capotes, du pain et de l'argent. Ces personnes seraient désolées d'être nommées et je leur garde une discrétion que la voix publique rend assez inutile".

„Ce n'est point après des commotions comme celles que vient d'éprouver cet état) — писалъ далѣе Разумовскій, описывая состояніе, въ которомъ онъ нашелъ Вѣну,—que les diverses parties de l'administration peuvent retrouver subitement leur niveau. On travaille à réorganiser, replacer, distribuer, mais il faudra quelque temps encore avant que les affaires reprennent leur cours accoûtumé. Le c-te de Stadion, que je me suis empressé d'aller voir est à peine installé dans le logement, qui réunit les bureaux de son département. On assure qu'il vient de prêter serment en qualité de ministre des affaires étrangères, cependant cela n'a pas encore été annoncé officiellement au corps diplomatique. Le c-te de Wrbna, commissaire impérial pour la basse Autriche et la ville de Vienne, pendant la présence des armées françaises dans cette province, vient d'être décoré de la grand'croix de l'ordre de St.-Etienne et a été promu à la charge de grand chambellan à la place du c-te de Colloredo. Le c-te de Cobenzl continue d'habiter Napagedl. Sa retraite est de huit mille florins par an. C'est le seul homme sur qui les menées françaises ont produit un effet visible, quoi que peu mérité sans doute. Il est détesté du peuple, de ce même peuple qui a toujours eu et conserve la certitude que toutes les publications, toutes les versions, affiches et placards français n'étaient qu'impostures, farfantérie, exagération".

Едва устроившись во дворцѣ своемъ, который не пострадалъ отъ нашествія непріятеля, графъ Андрей Кирилловичъ сталъ просить объ аудіенціи у императора и былъ въ восторгѣ отъ сдѣланнаго ему при дворѣ пріема.

„J'ai eu hier,—доносилъ онъ отъ 11 Января,—mes audiences près la famille impériale. Elles ont été longues et ont pris, après le début, que m'imposait le cérémonial, une tournure de franchise et de cordia-

lité de la part de l'empereur, que je dois signaler avant d'en rapporter les détails, car s'il eut été possible de se méprendre au sentiment pur et naturel qui les dictait, je me serais abstenu de les retracer. La conversation tomba immédiatement sur la campagne. Il fut question de la bataille d'Austerlitz. L'empereur me dit de ce ton, qui n'admet ni fard, ni composition, qu'il y avait admiré la valeur de nos gens en général et la contenance de quelques corps au milieu des plus grands dangers; que l'intrépidité de l'Empereur Aléxandre l'avait également frappé, ainsi que la manière brillante et froide, dont il s'était montré aux endroits les plus chauds. Que cependant c'était ses premières armes, que sans doute cela ne pouvait pas être autrement, mais que cela étonnait parce que c'était rare. Ce qui vous surprendra, ajouta l'empereur, c'est qu'à l'heure qu'il est, je ne connais pas encore le plan de cette bataille, et j'ai chargé mon frère Charles de se le faire montrer, afin qui nous puissions en causer. Il me fût facile d'observer que l'empereur était mécontent du général Weynrother. Mais ce mécontentement même ne tient qu'à l'affection du premier mouvement et l'indulgence doit être extrême quand elle repose sur une faiblesse, qui a pu différer jusqu'à présent à voir le plan d'une affaire décisive. Cependant ce même prince retrouve de l'énergie, et elle n'est point affectée, quand il est bien guidé et surtout quand il parle de son attachement pour notre auguste Maître et de la reconnaissance pour ce qu'il a fait pour lui. Il m'a témoigné combien il attendait avec impatience des nouvelles de St.-Pétersbourg, parce qu'aimant l'Empereur de l'affection la plus vraie, parce que jaloux de son estime, il serait au désespoir, ma-t-il dit, qu'il pût exister le plus léger motif de soupçonner cette disposition de son esprit et de son coeur. De la bataille on passa à la paix. L'empereur m'avoua, que de tous les sacrifices, qu'elle lui coutait, le plus sensible était la perte de la Dalmatie; plus sensible même que celle d'une province citée par son énergie, sa loyauté, son amour et son dévouement pour ses souverains [1]), et cela par les conséquences immédiates, que cette acquisition, entre les mains de Bonaparte fait refluer sur le commerce du Levant, de toute l'Adriatique et de l'accès qu'elle ouvre à tous les plans que Bonaparte peut concevoir pour ou contre la porte ottomane. De là l'empereur revint encore à notre armée. Il me dit de nouveau un bien infini du général Koutousoff, combien il faisait cas de ses talents, combien il avait eu à s'en louer, ainsi que de toutes les personnes auxquelles il avait eu à faire sous les rapports politiques. Cet entretien s'était prolongé de beaucoup au delà des limites d'une audience d'étiquette. Je ne crus cependant point devoir quitter l'em-

[1]) Тироль.

pereur sans lui observer que vu la proximité et l'état brillant de l'armée de l'archiduc Charles, ainsi que des pertes que les français avaient essuyées même avec la victoire, il paraîtrait que l'on s'est trop pressé de conclure la paix. L'empereur me répondit qu'il n'avait vu que l'épuisement de ses états, la cruelle situation de ses provinces centrales, les dangers de ses sujets; que d'ailleurs les français se trouvant entre son armée et celle de l'archiduc Charles, qu'il n'avait pas eu des rapports assez positifs sur l'étât de cette dernière, sa disposition et ses mouvements pour pouvoir établir sur ce secours, un motif plausible de prolonger la guerre. Vous jugerez, mon prince, que dans un entretien de ce genre il fut souvent question de la Prusse. Je ne dissimulai point à S. M. qu'il me semblait que l'on avait un peu trop tardé d'instruire cette cour de ce que l'on voulait entreprendre et où l'on en était, que je savais que l'on en était affecté à Berlin. L'empereur me dit que je pouvais avoir raison, mais qu'il n'avait eu aucune part à la réticence de ses ministres à ce sujet".

„En sortant de chez l'empereur je me rendis chez l'archiduc Charles et vous trouverez dans le récit de cette audience les détails qui vous mettront à même d'apprécier l'esprit qui influençait les dispositions à Golitz et celui qui régnait au quartier général de l'archiduc. J'abordai ce prince en lui disant combien il avait dû lui être sensible après des succès brillants, une activité presque sans exemple et une rapidité de marche aussi extraordinaire, de n'être arrivé aux portes de Vienne avec une armée pleine de valeur, d'énergie et de bonne volonté que pour y être témoin d'une paix cruelle. L'archiduc fut quelques moments sans pouvoir surmonter son émotion. Mais enfin il se livra, en m'avouant qu'il serait difficile de concevoir la situation où il s'est trouvé, lorsqu'arrivant avec la conviction de délivrer la capitale avec une armée qui partageait cet enthousiasme, il avait appris, en arrivant à Kehrmenn, la signature de l'armistice fatal, qui lui liait les mains si près de l'époque la plus intéressante de sa vie. Je demandai au prince s'il n'y avait pas eu de possibilité pour l'empereur d'avoir une connaissance exacte de l'armée sous ses ordres? L'archiduc ne s'expliqua pas directement à cet égard, mais il me fut facile d'apercevoir qu'il était convaincu de cette possibilité. Tous ceux de ses entours, à qui j'ai eu occasion d'en parler, le sont de même et cela doit confirmer dans l'opinion que si une seule tête énergique eût soutenu à Golitz l'empereur contre le parti dominant qui voulait la paix à quelque prix que ce fût, elle n'eût pas eu lieu, et d'après ce que l'on sait aujourd'hui de la disposition de la capitale et des provinces, de l'ardeur de l'armée de l'archiduc, encore exaspérée de n'avoir pu agir, on peut calculer les chances qui attendaient l'armée française".

Въ Вѣнѣ съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій изъ С.-Петербурга Императоръ, и Стадіонъ, и весь кабинетъ желали знать, какой пріемъ будетъ тамъ сдѣланъ Меерфельдту. Опасались неудовольствія. Впечатлѣніе, произведенное холодною встрѣчею между двумя монархами послѣ Аустерлицкой битвы, не успѣло еще сгладиться. Горечь слишкомъ поспѣшно принатаго мира съ каждымъ днемъ сильнѣе отзывалась на униженной и ослабленной Австріи. Она лишилась четырехъ милліоновъ подданныхъ; доходы ея уменьшились на четырнадцать милліоновъ гульденовъ; всякое вліяніе на распадшуюся германскую имперію исчезло безвозвратно. Въ такомъ жалкомъ положеніи невольно обращались глаза къ старой союзницѣ, дружбою которой, между прочимъ, такъ мало умѣла пользоваться Австрія. На нравственную и матеріальную поддержку Россіи все еще, несмотря на прошлое, продолжали разсчитывать въ Вѣнѣ.

„On est ici dans la plus vive impatience des premiers rapports du c-te de Meerfeldt,—доносилъ отъ 2 Февраля Разумовскій.—Ce n'est pas sans quelque inquiétude qu'on les attend; elle a pour motif l'intérêt et le désir le plus ardent que les impressions, produites par les désastres de la guerre, ne portent point préjudice aux liens des deux cours impériales, que celle de Vienne considère toujours comme la base immuable de son système et l'appui le plus solide des soins qu'elle mettra à réparer ses malheurs et ses fautes et à reprendre parmi les puissances le rang et la considération dont les derniers événements l'ont fait déchoir... J'ai à regretter de n'avoir point à vous offrir de nouvelles intéressantes de ce pays-ci. La même consternation, la même réserve y caractérisent l'esprit et la marche des affaires. Elles sont et seront encore longtemps les mobiles de ce cabinet, dont le soin principal aujourd'hui est porté sur les détails à régler pour la retraite des armées françaises. On espère qu'elles évacueront les diverses contrées qu'elles occupent un peu plustôt qu'on ne l'avait cru“.

Подъ гнетомъ грустныхъ впечатлѣній, производимыхъ униженіемъ Австріи и торжествомъ ненавистнаго Бонапарта, жизнь Разумовскаго въ Вѣнѣ, въ описываемое нами время, была далеко не привлекательна. До него долетали изъ Петербурга отголоски тѣхъ озлобленныхъ криковъ, которые раздавались по стогнамъ столицы противъ Вѣнскаго двора и слишкомъ слѣпо ему преданнаго русскаго посла. Онъ съ волненіемъ вспоминалъ, какъ недоволенъ и суровъ показался ему обыкновенно столь благосклонный Государь, когда, послѣ Аустерлицкаго пораженія, онъ быстро проскакалъ черезъ Тешенъ по дорогѣ въ Россію. Графъ Андрей Кирилловичъ боялся за Австрію, за Чарторижскаго, съ которымъ въ послѣднее время особенно сблизился, а главное за самого себя. Что будетъ съ нимъ, если Государь приметъ

во вниманіе такъ открыто выражаемое общественное мнѣніе или если Чарторижскій выйдетъ въ отставку? Старые друзья Разумовскаго при Петербургскомъ дворѣ или сошли въ могилу или же болѣе или менѣе отъ него отшатнулись. Рядомъ съ этими служебными заботами семейныя обстоятельства приводили въ отчаяніе уже и такъ разстроеннаго посла. Состояніе графини Елизаветы Осиповны было безнадежное. Всѣ лучшіе вѣнскіе медики объявили, что наука не въ состояніи возстановить ея угасающія силы. Всегда слабое здоровье симпатичной посольши не устояло среди волненій проживаемаго времени и ужасовъ войны. Полуживую перевозили ее изъ Вѣны въ Ольмюцъ и изъ Ольмюца въ Тешенъ. Возвращеніе въ столицу, жизнь въ роскошномъ дворцѣ, среди тѣнистаго парка на Ландштрассе, не въ состояніи были возбудить увядающія силы. Графиня тихо угасала, къ истинной горести многочисленныхъ ея друзей. Хотя графъ Андрей Кирилловичъ не отличался супружескою вѣрностью, хотя съ годами въ немъ все болѣе и болѣе и болѣе развивался эгоизмъ, однако онъ не могъ безъ глубокаго смущенія присутствовать при страданіяхъ преданной ему подруги, присутствіе которой придавало особенную прелесть нѣсколько чопорному посольскому дворцу.

Понятно, что въ такомъ грустномъ настроеніи, Разумовскій, еще съ большимъ чѣмъ Вѣнскій кабинетъ нетерпѣніемъ, ожидалъ извѣстій изъ Петербурга. Наконецъ, желанный курьеръ прибылъ и разсѣялъ отчасти грустныя думы и тяжелыя предчувствія посла.

„L'impatience avec la quelle on attendait les premières nouvelles de chez nous,—доносилъ онъ отъ 10 Февраля,—a été complètement justifiée par les rapports du c-te de Meerfeldt sur l'accueil bienveillant que notre auguste Maître a daigné lui faire et les entretiens qui ont eu lieu entre ce général et vous, mon prince. Le c-te de Stadion s'est empressé de me témoigner la vive satisfaction qu'en a éprouvée son maître. Elle est un gage nouveau de la profonde sollicitude de ce monarque à maintenir et resserrer les liens qui l'attachent à la Russie, tant par les sentiments qu'il a voués personnellement à notre Souverain, que conformément à l'intérêt de sa politique et au bien-être de ses états et c'est à ce titre, mon prince, que je ne diffère pas d'un instant à vous en transmettre l'expression".

Дальнѣйшія извѣстія оказались еще успокоительнѣе. Повидимому, Чарторижскій былъ въ прежней силѣ и Разумовскій могъ еще разсчитывать на опору при дворѣ. Союзъ съ Австріею оставался краеугольнымъ камнемъ политики С.-Петербургскаго кабинета. Подъ вліяніемъ этихъ отрадныхъ новостей будущность озарялась менѣе темными красками и графъ Андрей Кирилловичъ спѣшилъ выразить счастливое на-

строеніе вѣнскаго двора и свои собственныя чувства въ слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ къ Чарторижскому отъ 14 Марта:

C'est avec bien de l'intérêt, mon prince, que je reprends notre correspondance particulière. Permettez-moi d'en supprimer les formes de convenance. Ce sera rendre bien sincèrement hommage au sentiment qui la dirige et qui s'est accru par une connaissance plus intime que j'aime à dâter surtout de Teshen, où, accablé de nos malheurs, j'ai si bien vu et apprécié les qualités que j'estime et que j'honore en vous. Oui, sans doute, j'ai attendu avec impatience votre première expédition. Après tout ce qui est arrivé je ne pouvais me former l'idée de ce que vous me diriez *officiellement*. J'ai cependant conservé l'espoir que les nuages qui obscurcissaient la vérité se dissiperaient, que les bons sentiments ramèneraient à bien juger le présent et l'avenir et je vois avec une bien grande satisfaction que je ne me suis pas trompé. On était ici dans de grandes appréhensions sur le parti, que nous prendrions et de vives inquiétudes sur l'accueil et la confiance que recevérait Meerfeldt. Votre courrier a été décisif; on a été d'une joie extrême des communications satisfaisantes que j'ai faites. L'empereur a été touché aux larmes de ce que lui dit et pense notre Maître. Son attachement, son estime, sa confiance lui sont acquis pour la vie. Quel dommage que cet excellent prince n'ait pas un caractère plus décidé et une impulsion plus personnelle. Autant il chérit et respecte notre Empereur, autant ses malheurs, ses humiliations lui ont inspiré d'animosité visible contre celui qui a usurpé ce titre sacré et qui l'exerce si despotiquement. Il faut espérer, que ces deux éléments bien combinés nous feront obtenir le bût qui m'est si instamment prescrit et auquel notre Souverain attache avec raison tant d'importance—celui de mettre dans l'administration autrichienne le nerf et l'intelligence qui peuvent seuls réparer les maux et donner de la solidité à ses mesures pour l'avenir. Mais cette oeuvre salutaire n'est pas facile à opérer. Veuillez être persuadé, mon prince, et portez en l'assurance aux pieds de l'Empereur, que je ne perdrai pas de vue tout ce qui pourra y conduire. Le c-te de Stadion la secondera de tout son pouvoir. Il en sent la nécessité, mais les moyens jusqu'ici ne sont pas fort étendus. Depuis qu'il est en place, il n'a été occupé que des détails fastidieux d'arrangements intérieurs avec les français par suite et en explication du traité de paix, si fort fait à la hâte et si sujet à diverses interprétations sur les petits objets. Aucune affaire majeure n'a pu lui attirer la confiance du maître, dont le jugement, ainsi que celui du public est en quelque sorte en suspens à son égard. L'archiduc Charles est le seul qui par son poids et sa considération pourrait donner l'impulsion et déterminer les choix des personnes, mais l'archiduc, toujours

subordonné à ceux qui l'entourent, n'a pas le caractère requis pour dominer l'intrigue et suppléer au même inconvénient dans son frère. Thugut n'a point été appelé ici. Il y est venu pour ses affaires; il y est resté quelques semaines et n'a vu l'empereur qu'une fois. Je l'ai vu une seule fois aussi. Il a fait semblant de ne vouloir se mêler de rien. Il ne serait guère à souhaiter, ni à conseiller qu'on lui confie la direction des affaires. Cela serait inconciliable avec l'archiduc et alarmerait le public au-dedans comme au dehors, mais on pourrait le consulter avec fruit et le c-te de Stadion ne se refuserait point à écouter ses avis. Il est parti pour visiter ses terres en Hongrie et ne reviendra ici qu'en été. Votre réflexion, mon prince, est on ne peut plus judicieuse sur la crainte, que Bonaparte ne nous laisse pas de repos et que nous ne soyons forcés à des mesures hostiles vis à vis de la Turquie. Il est plus que vraisemblable qu'il en médite lui-même de ce côté-là et dans ce cas il me semble essentiel et décisif que nous ne nous laissions pas prévenir. Un grand coup, frappé à propos, peut changer la face des affaires et nous rendre la position absolue et relative, que tous ses efforts tendront à nous enlever pour nous isoler de toute influence sur les grands intérêts de l'Europe. Je ne saurais vous exprimer, mon prince, combien je suis sensible à l'amitié et à la confiance avec laquelle vous me parlez de ce qui vous concerne personnellement par rapport au service de notre Maître. Je rends grâce aux ciel du fond de mon coeur qu'aucun changement n'ait eu lieu à cet égard. Je l'aurais mis au nombre de ces calamités, que l'heureuse étoile du fléau de l'Europe fait arriver à point nommé, lorsque ses infernales combinaisons les lui rendent utiles".

Одновременно съ этимъ частнымъ письмомъ, графъ Андрей Кирилловичъ въ оффиціальныхъ депешахъ сообщалъ Петербургскому кабинету объ относительномъ успѣхѣ предписанныхъ ему усилій къ достиженію нравственнаго обновленія Австріи и созданія въ ней энергичной и твердо сплоченной администраціи.

„L'objet majeur que notre auguste Maître a daigné dans sa sagesse confier à mes soins,—доносилъ онъ отъ 12 Марта,—concerne le désir de S. M. de connaître la force morale que pourrait acquérir le cabinet autrichien, combinée avec les ressources qui restent à cette puissance dans la situation où l'ont précipitée les malheurs de la guerre, comme seul moyen de donner quelques consistances à l'espoir de porter remède aux calamités qui pèsent sur l'Europe et d'en prévenir la subversion et l'assujétissement total de la part de l'homme audacieux, victorieux et infatigable qui en règle les destinées actuelles. C'est à vous rendre compte, mon prince, des premiers pas que j'ai faits dans l'exécution des ordres de l'Empereur que je destine cette dépêche. Ils

n'ont pu être dirigés que vis à vis du c-te de Stadion. Je n'ai pas craint d'aborder le sujet presque sans reserves. La pureté de ses intentions est connue aussi bien que son caractère noble et élevé. Il est tombé d'accord sur la nécessité d'une régénération dans un ministère qui imprime au gouvernement plus d'assurance et d'énergie. Ce n'est pas à poser la vérité de ce principe, qu'il existe de la difficulté, il est apprécié par l'empereur lui-même, mais c'est pour l'appliquer et le développer avec la fermeté et la persévérance convenable qu'il est à appréhender qu'on se trouvera en défaût. Il serait superflu d'en détailler ici les obstacles. Ils tiennent principalement au caractère plein de bonté, mais sans ressort du maître. Nul de ceux qui l'approchent et le dirigent n'en a suffisamment pour y suppléer. Le c-te Stadion luimême n'a pu encore faire juger du degrés d'influence qu'il pourra acquérir. Il convient des entraves qu'il rencontre et si cet aveu fait honneur à sa franchise, il décèle les difficultés qu'il n'a pu applanir jusqu'ici. Bien pénétré cependant de la nécessité de ne pas se décourager et guidé par le dévouement le plus digne d'éloges, il est à espérer qu'un crédit progressif le mettra à même de consolider ses bonnes intentions. Une circonstance que je m'empresserai de constater, et sur laquelle je fonde mon espoir dans l'avenir, c'est les sentiments profonds d'estime et d'attachement qu'a conçus pour notre auguste Maître l'empereur François et la confiance entière, que lui inspire le caractère loyal et généreux de S. M. I. Je ne doute pas qu'une correspondance franche et des explications sans réserves entre les deux souverains ne contribuent puissamment à faire adopter au gouvernement de ce pays-ci les mesures les plus propres au but politique de l'intimité des deux cours. En vous transmettant cette idée, en vous esquissant mes premiers apperçus sur l'objet en question, je me flatte de n'avoir pas besoin d'ajouter que rien de ma part ne sera négligé pour en atteindre le développement le plus analogue à nos intérêts. S. M. I. a daigné apprécier mon zèle par le passé, j'ose croire que la confiance dont elle m'honore sera également justifiée par la suite.

En discutant avec le ministre la position actuelle de sa cour, son épuisement du moment et les embarras qui, sous tous les rapports, la mettent dans une sorte de dépendance de la France, le plus grand danger qu'elle aie à redouter du caractère et de l'esprit de Bonaparte, lui semble devoir la menacer dans les premiers six mois qui vont s'écouler. Parfaitement instruit des moyens et des ressources qui lui restent, il est à présumer qu'il ne lui laissera point le loisir de les affermir, et que des combinaisons nouvelles de sa part entraveront toutes celles qu'un système de sagesse et de prévoyance pourrait dicter au gouvernement autrichien. On ne saurait disconvenir que cette

apréhension ne soit fondée. Ce n'est point ici le lieu, ni le moment de considérer par quelles mesures pourraient être déconcertées celles de l'usurpateur. Une scène nouvelle va s'ouvrir du côté de l'Orient. C'est lui qui prépare et provoque les événements qui s'y déployeront et, si je ne me trompe, c'est à prévenir qu'il les y dirige, que nous y porterons nos soins et notre vigilance. Je ne me permetterai pas de m'étendre d'avantage sur ce vaste et important sujet, que v. e. aura médité avec la sagesse et la sagacité qui lui sont habituelles".

„La situation politique du cabinet de Vienne [1]) est celle d'un corps débile, échappé à une destruction totale, espérant regagner ses forces dans le calme et la tranquillité et redoutant à tout instant une nouvelle secousse qui pourrait l'accabler et l'anéantir. Certes ce danger est réel et il serait urgent d'en prévenir l'atteinte. Une administration éclairée et vigoureuse abrégerait considérablement cet état de souffrance, en explorant avec sagesse, promptitude et intelligence les ressources qui rendraient la monarchie sa force et sa consistance. C'est à faire apprécier et adopter ce grand et salutaire principe que je mets à profit toutes les occasions qui se présentent. On le reconnait, on s'en occupe, on espère l'effectuer, mais le mode et la marche tiennent à la racine des inconvénients, qui caractérisent le gouvernement et dont il serait superflu de faire encore une fois l'énumération..."

„Quant à l'Allemagne [2]) on était préparé à quelques changements nouveaux. Ils viennent de se développer. Bonaparte lui endosse son beau-frère Murat qu'il investit des duchés de Clêves et de Berg. Il fera sa résidence à Dusseldorf. D'un moulin à un palais ducal le pas est remarquable, mais ce qui ne l'est pas moins, c'est que l'on ignore si la Bavière a fait sur ces pays les cessions légales, si même elle fût consultée, car il paraît que ce sont des résultats directs et immédiats du traité conclu par Hougwitz, et de fait on n'a appris cette nouvelle investiture que par des actes de prise de possession et les proclamations affichées: „Nous Joachim etc." c'est le nom de baptême de Murat. L'on observera dans cette nouvelle acquisition dans la famille du Corse une tendance uniforme de son système de placer des rayons qui aboutissent au même centre, dans l'intervalle des puissances, pour pouvoir au moyen de ces échelons tracer le cercle à volonté et les comprimer toutes, en les gagnant toujours de vitesse dans les mouvements".

Въ то время, когда разыгрывалась въ двухъ шагахъ отъ Вѣны кровавая Аустерлицкая драма, Югъ Италіи потерпѣлъ новый погромъ

---

[1]) Депеша отъ 20 Марта.

[2]) Депеша отъ 21 Марта.

отъ французовъ. Старая пріятельница Разумовскаго, безпокойная королева Каролина, уже давно съ нетерпѣніемъ ожидала удобнаго случая снова помѣриться съ силами Наполеона. Она имѣла подъ рукою 6000 англичанъ, и кромѣ того 12,000 русскихъ солдатъ, занявшихъ Корфу подъ командою генерала Ласси, должны были при первомъ зовѣ Неаполитанскаго правительства сѣсть на корабли и летѣть къ нему на помощь. 40,000 неаполитанцевъ стояли подъ оружіемъ готовые къ бою. До королевы дошли слухи, что французскія войска были стянуты къ сѣвернымъ границамъ Италіи. Вѣсть о Трафальгарскомъ сраженіи вскружила голову владѣтельницѣ обѣихъ Сицилій. Она вообразила себѣ, что наступило для Италіи время искупленія и что слѣдовало нанести на Югѣ рѣшительный ударъ Наполеону. Союзныя войска наскоро были созваны къ Неаполю и неаполитанская армія готовилась выступить противъ французовъ. Но въ самое это время, послѣдніе, подъ номинальнымъ предводительствомъ Іосифа Бонапарта, а на самомъ дѣлѣ руководимые талантливымъ Массеною, узнавъ о намѣреніяхъ королевы Каролины, быстро двинулись на Югъ. Вѣсть о ихъ приближеніи достигла до Неаполя, когда авангардъ Массены переступилъ уже за Гариліано. Общая паника охватила столицу, столь недавно воинственная королева потеряла голову и молила о мирѣ. Англичане отступили съ такою поспѣшностью, что едва не подвергли опасности русскій вспомогательный корпусъ. Послѣ совѣщанія съ командиромъ англійскихъ силъ Крайгомъ, генералъ Ласси рѣшился отступить въ Калабрію и при первой возможности отплылъ въ Корфу. Неаполитанская королевская фамилія снова бѣжала въ Сицилію. На Пресбургскихъ переговорахъ Вѣнскому двору не дозволено было произнести слова въ пользу родственной ему династіи. Всѣ эти грустныя для него вѣсти узналъ графъ Андрей Кирилловичъ уже по прибытіи въ Вѣну.

„L'armée française,—доносилъ онъ отъ 24 Января,—avançait à grandes marches sur la capitale de S. M. Sicilienne. Les troupes alliées venaient de se rembarquer, la cour se trouvait livrée à tout son désespoir dans l'attente du sort qu'elle aurait à subir et dont elle ne dissimule point l'horreur. On gémit et sur l'arrivée et sur le départ de nos troupes et de celles de l'Angleterre. On attribue à cet enchainement de circonstances désastreuses, à cette réaction fortuite de causes et d'effets, l'abîme de malheurs où on est précipité. Les reproches, les récriminations, suite inévitable d'une coalition désorganisée, tel est le tableau que présentent les lettres de ce pays-là et auquel je ne donnerai pas plus d'étendue. Personne ne sera plus à même d'y suppléer que m. Pozzo di Borgo, qui me mande qu'il va se rendre en diligence à Pétersbourg“.

Поццо ди-Борго, поступившій на русскую службу полковникомъ, состоялъ въ то время дипломатическимъ агентомъ при генералѣ Ласси. Послѣ неудачной высадки въ Неаполѣ, онъ, еще до отплытія изъ Италіи русскаго корпуса, вернулся въ Корфу. Скучая бездѣйствіемъ и отсутствіемъ всякихъ новостей изъ Европы, къ тому же вполнѣ убѣжденный, что о новой высадкѣ на неаполитанскій берегъ не можетъ быть болѣе рѣчи, онъ рѣшился ѣхать обратно въ Петербургъ и просить себѣ тамъ другого назначенія. Но переѣхать съ Іоническихъ островов на австрійскій берегъ было въ то время не легко. Двѣ попытки Поццо оказались неудачными. Французскіе крейсеры зорко сторожили прибрежье и никого не подпускали. Во время невольнаго пребыванія Поццо въ Корфу ему пришлось быть свидѣтелемъ событія, которое могло бы имѣть весьма важныя послѣдствія для Россіи, еслибы правительство умѣло имъ воспользоваться и еслибы въ первыхъ рядахъ нашей дипломатіи находились люди вполнѣ понимающіе истинныя выгоды отчизны и столь же добросовѣстно исполнявшіе свои обязанности, какъ тѣ второстепенные, усердные агенты, имена которыхъ едва сохранились въ лѣтописяхъ нашихъ международныхъ сношеній.

Спѣшимъ заявить, что быстрый и дальновидный умъ талантливаго Поццо ди-Борго съумѣлъ съ первыхъ же поръ понять важность для Россіи тѣхъ фактовъ, при которыхъ ему пришлось совершенно случайно присутствовать.

Въ то время, когда еще только начались мирные переговоры между Австріею и Франціею, русскій кабинетъ, какъ мы видѣли выше, уже обратилъ особое вниманіе на уступку Далмаціи. Чарторижскій и его товарищи смутно сознавали конечную цѣль Наполеона, которому нужно было восточное прибрежье Адріатическаго моря для непосредственнаго вліянія на Турцію и безграничнаго властвованія на морѣ. „Намъ никогда нельзя будетъ дозволить французамъ укрѣпиться въ Далмаціи. Каковы бы ни были ихъ намѣренія, они не могутъ не быть для насъ опасными“, писалъ въ то время Чарторижскій къ графу Андрею Кирилловичу. Ему предписано было объявить графу Стадіону, что перевозъ французскихъ войскъ или военныхъ припасовъ въ Далмацію будетъ считаться Петербургскимъ кабинетомъ за нарушеніе со стороны Австріи нейтралитета. Добровольное согласіе Вѣнскаго двора на подобное требованіе французовъ докажетъ Государю нежеланіе императора Франца держаться союза съ Россіею, если же, наоборотъ, согласіе это будетъ вынужденное, то въ Петербургѣ поймутъ, что порабощеніе Австріи полное. Въ томъ и другомъ случаѣ Россія принуждена будетъ прекратить всякія сношенія съ Австріею. Такъ серіозно смотрѣли на дѣло это нетолько Импе-

раторъ Александръ, не скрывавшій своего несочувствія къ восточному вопросу, но даже полякъ Чарторижскій.

Значеніе Бокки Которской на Адріатическомъ прибрежьѣ не ускользнуло отъ вниманія Наполеона; онъ рѣшилъ устроить тутъ главную квартиру французскаго оккупаціоннаго войска. Для занятія ея назначался генералъ Молиторъ съ 5,000 солдатами. Къ знаменитому Али-Пашѣ въ Янину, подъ чужимъ именемъ, отправленъ былъ для переговоровъ полковникъ Бессіеръ и, какъ ходили слухи по далмацкому прибрежью, французскій посланецъ долженъ былъ изъ Янины проѣхать далѣе въ Цареградъ. По приказанію французскихъ властей, Рагузская республика заготовила въ Станьо нужное число барокъ и припасовъ для перевоза войскъ, а австрійскій коммиссаръ маркизъ Гизильери, отправился въ Которъ, чтобы все тамъ приготовить къ приходу французовъ и вывести изъ тамошнихъ фортовъ два батальона австрійскихъ войскъ.

„Ce poste est de la plus grande importance,—доносилъ изъ Вѣны отъ 15 Марта, Поццо, которому, наконецъ, посчастливилось въ третій разъ высадиться въ Фіуме.—Si les français s'y établissent, ils assurent leur influence sur toute la côte jusqu'en Grèce. Les monténégrins, qui sont à présent pour nous, changeraient infailliblement du moment qu'ils auraient les français dans leur voisinage et ils se laisseraient séduire comme tous les peuples sauvages et avides qui ne cèdent qu'aux impressions journalières".

Узнавъ о распоряженіи французскихъ властей, вице-адмиралъ Дмитрій Наумовичъ Сенявинъ, командовавшій въ то время русскою эскадрою въ Корфу, весьма мудро, по мнѣнію Поццо, рѣшилъ отправить для ближайшаго наблюденія въ Бокку Которскую корабль „Азію", фрегатъ „Михаилъ" и бригъ „Экспедиція", подъ командою капитана Белли. За ними нѣсколько позднѣе послѣдовадъ фрегатъ „Венера". Которцы были враждебно, расположены къ французамъ, а черногорцы прямо заявили, что не намѣрены допускать ихъ сосѣдства. Прибытіе русскихъ кораблей возбудило сильное броженіе во всемъ прибрежномъ краѣ.

Маркизъ Гизильери собралъ между тѣмъ Которскихъ старѣйшинъ и формально сообщилъ имъ, что императоръ германскій принужденъ, вслѣдствіе несчастной войны, уступить Франціи вѣрную свою Которскую область и, какъ послѣднее изъявленіе вѣрноподданническихъ къ нему чувствъ ея жителей, надѣется, что они безропотно подчинятся грустной необходимости. Старѣйшины возразили маркизу Гизильери, что Которская область поступила во владѣніе венеціанской республики, на извѣстныхъ условіяхъ, которыя при переходѣ ея въ подданство Австріи были утверждены особымъ торжественнымъ актомъ. Во главѣ

этихъ условій значилось, что уступить Которскую область другому государю можно было только съ полнаго согласія всѣхъ жителей. Такъ какъ условіе это не было исполнено, то которцы считають себя вполнѣ свободными съ той минуты, когда германскій императоръ отъ обладанія ими отказывается. На этомъ основаніи старѣйшины требовали отъ Гизильери немедленной сдачи имъ крѣпости и удаленія австрійскихъ войскъ. Гизильери на отрѣзъ отказалъ исполнить подобное требованіе, а старѣйшины обратились къ капитану Белли за помощью. Хотя послѣдній и не имѣлъ подъ рукою дессантнаго войска, однако онъ обратился къ австрійскому коммиссару съ требованіемъ немедленной сдачи Котора. 150 матросовъ заняли городъ, надъ которымъ взвился русскій императорскій флагъ. Заняты были тоже небольшие форты на югѣ отъ Котора, а фрегатъ „Венера" сталъ въ Каламатскомъ проливѣ, чтобы воспротивиться всякому предпріятію французовъ со стороны Станьо. Рагузинцы, узнавъ объ этомъ, поспѣшили распустить собранныя ими суда и сами французы отказались на время отъ наступательныхъ дѣйствій. Которцы объявили себя русскими подданными и поспѣшили явиться съ изъявленіемъ вѣрныхъ своихъ чувствъ къ знакомому уже намъ Санковскому.

Состоялся торжественный пріемъ, причемъ съ обѣихъ сторонъ произнесены были восторженныя рѣчи. Бригъ „Экспедиція" отправленъ былъ обратно въ Корфу съ просьбою о высылкѣ войскъ для защиты Котора.

Получивъ извѣстіе о занятіи Котора, адмиралъ Сенявинъ немедля туда отплылъ изъ Корфу, а съ нимъ отправился и Поццо.

„Я разсудилъ за полезное,—доносилъ первый Государю отъ 1-го Апрѣля,—самому идти въ Бокку и лично обо всемъ удостовѣриться... Я прибылъ въ Бокко ди Каттаро 16-го Марта и получилъ отъ С. С. Санковскаго письмо, при которомъ онъ мнѣ препровождалъ благодарственныя отъ осьми коммунитатъ письма. На другой день поутру пріѣхали ко мнѣ на корабль г. Санковскій и митрополитъ Черногорскій, который неоднократно увѣрялъ о ревностномъ желаніи тамошнихъ жителей пребыть навсегда подъ счастливѣйшимъ скипетромъ В. И. В. На слѣдующій день я поѣхалъ самъ въ Катарро, гдѣ во время пребыванія моего приходили ко мнѣ депутаціи отъ всѣхъ коммунитатъ той провинціи для изустнаго подтвержденія неограниченной ихъ благодарности за помощь, оказанную присылкою военныхъ силъ и объявленія о искренней ихъ приверженности къ В. И. В. Я могу увѣрить васъ, всемилостивѣйшій Государь, что радость и восхищеніе, коими сей народъ объятъ, по случаю сего вожделеннаго для нихъ происшествія, явствовали не токмо изъ словъ сихъ депутатовъ, но также и на лицахъ ихъ и они всѣ повторяли, что бу-

дучи единовѣрны и единоплеменны съ россіянами, за истинное поставляютъ себѣ благополучіе быть нынѣ подъ одною же властью В. И. В. Я осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить, что оная провинція, по неописуемой своей привязанности къ Россіи, такъ и по самому положенію ея, можетъ, въ случаѣ нужды, служить для сдержанія турокъ съ одной стороны въ страхѣ, а съ другой для обороны ихъ же противу французовъ. Заливъ Бокка ди-Каттаро есть наилучшій въ свѣтѣ, граница, окружающая провинцію почти неприступна, такъ что, при помощи черногорцевъ и малаго числа русскихъ войскъ, безопасна отъ нападенія многочисленнѣйшаго непріятельскаго войска. Жители той провинціи имѣютъ до 400 судовъ, которыя почти всѣ сильно вооружены артиллеріею и тѣмъ обезпечены отъ всякаго нападенія корсаровъ, и до 5,000 преискусныхъ матросовъ. Оруженосцевъ же въ одной провинціи Бокка ди-Каттаро имѣется до 12,000 и храбрость ихъ довольно извѣстна. Приверженность всѣхъ жителей вообще къ В. И. В. столь велика, что они готовы жертвовать не токмо собственностію, но и жизнію и вѣрить имъ въ томъ можно несомнѣнно. Я почелъ обязанностію для безопаснаго мореплаванія преусерднаго сего къ Россіи народа, учредить конвой какъ по Адріатикѣ, такъ и къ Черному морю. Положеніе и прочія выгоды сей провинціи возбудили вниманіе другихъ правительствъ и желаніе оную пріобрѣсть, а также и склонить черногорцевъ на свою сторону. Во время пребыванія моего въ Каттаро, я узналъ, что на сей конецъ была въ Рагузѣ довѣренная особа отъ англійскаго правленія. Употреблено было много труда, а еще болѣе золота, и, можетъ быть, успѣли бы англичане, если бы не воспрепятствовалъ имъ въ этомъ г. Санковскій, который, я осмѣливаюсь увѣрить васъ, всемилостивѣйшій государь, есть человѣкъ предостойный и преусердный къ службѣ В. И. В. и поведеніемъ своимъ тѣмъ пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе жителей тамошняго края“.

Въѣздъ Сенявина въ Которъ былъ настоящимъ торжествомъ. Духовенство ожидало его съ крестами и хоругвями, старѣйшины съ ключами города. Его встрѣтили, какъ избавителя. Народные клики оглашали воздухъ, имъ вторили громъ пушекъ и пальба изъ ружей. Мѣстные жители и черногорцы толпились вокругъ русскаго вождя и цѣловали полы его платья. Ласковость и доступность вице-адмирала приводили въ восторгъ славянскихъ поморянъ. Старѣйшины отъ лица народа поднесли ему благодарственный адрессъ, предлагая жизнь свою и имущество въ полное его распоряженіе.

Сенявинъ освободилъ Которскихъ жителей отъ всякихъ повинностей, упрочилъ сообщеніе съ Герцеговиною и учредилъ, какъ мы сей-

часъ видѣли изъ донесенія его къ Государю, для покровительства мѣстной торговлѣ, конвой до Тріеста и Константинополя [1]).

Занятіе русскими Бокки Которской произвело сильное впечатлѣніе на сосѣднія турецкія области. „Сосѣдственные турецкіе начальники,— доносилъ Сенявинъ Чарторижскому,—тотчасъ перемѣнили со мною обращеніе. Съ прибытія моего съ эскадрою въ Корфу, они всегда ожидали моего знакомства, но теперь вдругъ сами ищутъ на то случая и сами предлагаютъ вступить со мною въ сношеніе. Извѣстный визирь Али-паша, который и своего государя мало уважаетъ, гордость свою весьма понизилъ. Предъ отплытіемъ моимъ въ Бокка ди-Каттаро, находящійся здѣсь по квартирмейстерской части полковникъ Гаіюсъ получилъ отъ брата своего греческаго митрополита въ Янинѣ письмо, коимъ сей послѣдній, по сдѣланному ему отъ визиря внушенію, приглашаетъ брата своего, посѣтить его. Я далъ полковнику, Гаіюсу на то дозволеніе и по возвращеніи его оттолѣ, онъ привезъ мнѣ отъ Али-паши нѣкоторые подарки при письмѣ, коимъ сей визирь меня упрашиваетъ быть къ нему благосклонну".

Къ войскамъ своимъ Сенявинъ присоединилъ 12,000 боккезскихъ и черногорскихъ охотниковъ, вошелъ въ сношенія съ предводителемъ сербовъ, Георгіемъ Чернымъ, и, наконецъ, побудилъ жителей выслать на помощь русской эскадрѣ 30 вооруженныхъ судовъ [2]). Сенявинъ рѣшилъ дѣятельность свою исключительно сосредоточить на Далмацкомъ прибрежьѣ. Тѣсною блокадою онъ отрѣзалъ всякое сообщеніе между славянскимъ поморіемъ и Италіею. Французы принуждены были перевозить свои подкрѣпленія и запасы по непроходимымъ горамъ, черезъ австрійскія владѣнія [3]). Въ Боккѣ онъ оставилъ Витебскій полкъ, три корабля, изъ которыхъ два боевыхъ, и одно Св. Михаилъ безъ артиллеріи, одинъ фрегатъ и два брига [4]). Узнавъ во время пребыванія своего въ Которѣ, о томъ, что въ Далмаціи, гдѣ находилось 6,000 французскихъ войскъ, пробуждается сильное движеніе въ пользу Россіи, Сенявинъ рѣшился выхватить изъ рукъ Наполеона и эту область. Съ этою цѣлью онъ приказалъ капитану Белли съ 3 кораблями, 2 фрегатами и 4 бригами отправиться къ островамъ, находящимся противъ Далмаціи, и овладѣть ими. Сенявину было извѣстно, что на островахъ этихъ находилось самое ничтожное число французскихъ силъ. Самъ же адмиралъ рѣшился отправиться обратно въ Корфу, чтобы взять два или три баталіона егерей и, соединившись съ капитаномъ Белли,

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли (изд. 1847) III. 203—204.

[2]) Богдановичъ. II. 131.

[3]) Донесеніе Сенявина Государю отъ 1 Апрѣля.

[4]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей III. 204.

слѣдовать къ Далмаціи. Тамъ онъ былъ намѣренъ войти въ сношенія съ жителями и приступить къ высадкѣ. Онъ предполагалъ употребить на дѣло еще около 300 черногорцевъ и былъ увѣренъ, что съ силами своими и при помощи далматовъ ему легко будетъ изгнать французовъ. Полный радужныхъ надеждъ Сенявинъ, вернулся въ Корфу но здѣсь получилъ высочайшее повелѣніе отъ 14 Декабря, немедля съ эскадрою и прочими судами возвратиться въ Черноморскіе порты [1]). Вице-адмиралъ былъ внѣ себя отъ такого нежданнаго повелѣнія, тѣмъ болѣе, что прибывшій изъ Мессины англійскій фрегатъ привезъ ему письмо отъ командующаго британскою эскадрою капитана Соторна, предлагавшаго войти въ соглашеніе относительно совмѣстной защиты Адріатическаго моря отъ покушеній Французскаго флота. На счастіе Сенявина почти одновременно съ приходомъ Англійскаго корабля, до графа Мочениго, русскаго дипломатическаго агента въ Корфу, дошли пространныя депеши изъ Петербурга, которыя были двумя мѣсяцами свѣжѣе высочайшаго повелѣнія полученнаго Сенявинымъ. Въ депешахъ этихъ Чарторижскій, между прочимъ, извѣщалъ графа Мочениго, что генералу отъ инфантеріи Ласси предписывалось оставаться въ Корфу и принять главное начальство надъ русскими сухопутными и морскими силами. На имя Ласси, который не успѣлъ еще вернуться изъ Калабріи, куда онъ, какъ мы видѣли выше, удалился вмѣстѣ съ англійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ, находился при депешахъ, полученныхъ графомъ Мочениго, особенный толстый пакетъ. Сенявинъ былъ въ недоумѣніи. Назначеніе Ласси командующимъ сухопутными и морскими силами явно доказывало, что въ распоряженіяхъ правительства произошла перемѣна и что не всѣ корабли должны были вернуться въ Черное море.

„Желая лучше сдѣлать,—доносилъ Чарторижскому Сенявинъ,—и полагая за вѣрное, что въ повелѣніяхъ, присланныхъ отъ васъ, милостивый государь, непремѣнно должно быть и ко мнѣ предписаніе, если не со всею эскадрою здѣсь остаться, то по крайней мѣрѣ съ нѣкоторою ея частью, я, чтобы развязать мое недоумѣніе, предложилъ графу Мочениго вскрыть пакетъ, доставленный къ нему на имя г. Ласси, на что онъ согласился и, распечатавъ оный въ моемъ присутствіи, по прочтеніи заключающихся въ немъ депешъ, исключая, однакоже, высочайшій Е. И. В. рескриптъ, разсудили мы, что по содержанію оныхъ, эскадра, высочайше мнѣ ввѣренная, должна здѣсь остаться и что я достаточно въ правѣ отложить возвращеніе мое въ черноморскіе порты до полученія другого повелѣнія. Нижайше прошу в. с. простить мнѣ смѣлость, которую я взялъ и приписать ее един-

[1]) Депеша Сенявина Чарторижскому отъ 1 Апрѣля.

ственно неограниченному моему усердію и желанію во всѣхъ случаяхъ поступать сообразно съ пользою службы всемилостивѣйшаго нашего Государя".

Вслѣдствіе принятаго имъ рѣшенія, Сенявинъ поспѣшилъ извѣстить командующаго англійскимъ флотомъ капитана Соторна, что онъ вполнѣ беретъ на себя защиту адріатическихъ водъ и что поэтому британскіе корабли могли сосредоточить свои дѣйствія на Средиземномъ морѣ.

Передъ самымъ занятіемъ Котора, въ Корфу явился изъ Италіи Поццо ди-Борго. Сознавая, что послѣ отступленія русскаго корпуса въ Калабрію и занятія французами Гаэты, вся его дѣятельность парализирована и что самому Ласси остается только при первой возможности снова сѣсть на суда, Поццо поспѣшилъ обратно въ Корфу съ тѣмъ, чтобы при первой возможности вернуться въ Петербургъ. Но, какъ мы видѣли выше, пробраться съ Іоническихъ острововъ до австрійскаго материка было крайне трудно и послѣ неудачныхъ попытокъ Поццо пришлось поневолѣ выжидать въ Корфу удобнаго случая къ переѣзду. Принимая постоянно самое живое участіе во всемъ томъ, что вокругъ него происходило, Поццо съ интересомъ сталъ слѣдить за ходомъ которскаго дѣла. Онъ поспѣшилъ вмѣстѣ съ русскими судами въ Которъ и былъ свидѣтелемъ его занятія. Дальновидный дипломатъ постигъ всю важность этого пріобрѣтенія, хотя и нѣсколько критиковалъ образъ захвата. По мнѣнію его слѣдовало не такъ спѣшить и дождаться того, чтобы маркизъ Гизильери самъ обратился къ русскимъ войскамъ за помощью, чѣмъ былъ бы отстраненъ всякій поводъ къ жалобамъ. Теперь же Вѣнскій дворъ имѣлъ право выставлять себя жертвою насилія и тѣмъ оправдываться передъ французскимъ правительствомъ. Поццо предупреждалъ, что сохраненіе важной для Россіи которской гавани обойдется дорого, но въ то же время настаивалъ на необходимости твердо ея держаться [1]).

Достигнувъ съ трудомъ Вѣны, Поццо ди-Борго, набросалъ на бумагу тѣ мысли, которыя породились въ свѣтлой головѣ его по случаю занятія Котора. Быстрый глазъ корсиканскаго дипломата съумѣлъ, во всей путаницѣ тогдашнихъ политическихъ усложненій, разгадать тотъ путь, котораго должна была держаться Россія. То былъ единственный исходъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, который давалъ петербургскому кабинету огромный перевѣсъ и въ то же время разомъ рѣшалъ тотъ вѣковой вопросъ, съ которымъ неразрывно связаны судьбы Россіи, фактическую и нравственную важность котораго до сихъ поръ такъ мало въ состояніи сознавать псевдорусскіе дипломаты и государственные дѣятели. Поццо предлагалъ русскому императору

---

[1]) Донесеніе Поццо къ Чарторижскому изъ Вѣны отъ 15 Марта.

изъ Константинополя войти въ переговоры съ Наполеономъ. Что бы ни случилось, какъ бы ни разрѣшались дѣла на западѣ, а все же для Россіи весь главный интересъ сосредоточивался на Востокѣ. То понимали всѣ геніальные русскіе государи. Это постигъ и Петръ Великій, и Великая Екатерина, и вѣрный ея помощникъ князь Тавриды. Объ этомъ мечтаютъ до сихъ поръ самые свѣтлые умы. Россіи. Это понялъ теперь и итальянецъ Поццо ди-Борго къ крайнему, разумѣется, недоумѣнію польскаго министра иностранныхъ дѣлъ Россійской имперіи и обнѣмечившагося представителя ея при Вѣнскомъ дворѣ. Приводимъ здѣсь замѣчательную депешу Поццо, писанную имъ изъ Вѣны, отъ 15 Марта къ князю Чарторижскому:

„Je ne veux pas renouveller la mémoire de tous les événements affligeants qui viennent de détruire tant d'espérances conçues pour le bien du monde. Il ne faut jamais cependant les perdre de vue soit pour augmenter notre expérience, soit pour prendre le parti qui parait le plus convenable. On s'est soumis aux lois de l'histoire dès qu'on a fait cette levée de boucliers; le résultat a été malheureux et ceux qui écriront diront tout ce que l'impartialité dicterait à nous mêmes si nous devions parler des autres. Il nous reste donc à continuer pour fournir des faits et des événements qui puissent nous relever de nos désastres passés. Nous ne pouvons pas précipiter Bonaparte du trône où il s'est placé, mais nous n'aurions aucune raison de l'y affermir d'avantage par notre soumission à la paix. Il gagnerait tout contre nous parcequ'il nous lierait les mains si nous avions des projets ultérieurs pour nos intérêts séparés. Il a réuni sous sa domination presque toute l'Europe. Le moyen de balancer sa puissance, nous l'avons dans la conquête de Constantinople et du reste de la Turquie européenne. Nous sommes alors plus grands et plus invulnérables que lui et nous avons même trouvé un point de contact avec l'Italie, car je ne regarde pas dans ce cas l'Adriatique que comme une barrière intermédiaire. Cet événement changera la face du monde et cela en mieux, associera le nom de l'Empereur à une époque d'où commenceront la délivrance et la civilisation d'une si belle partie de l'Europe, doublera les ressources de la Russie soit par celles qu'elle ajoute, soit par l'augmentation de valeur de celles qu'elle possède. Si nous prenons des mesures justes, la chose peut se faire dans peu de temps. Le premier coup devrait frapper sur Constantinople. Dès que la capitale tombe, il n'y a plus de turcs à combattre nulle part. Une expédition maritime peut exécuter l'entreprise, car je ne voudrais pas consommer beaucoup de temps dans une campagne par terre, qui ne suffirait peut-être pas pour mener l'armée du Danube à la capitale. Le reste de notre armée occuperait la Valachie et la Moldavie et se tiendrait en observation pour s'oppo-

ser aux mouvements de nos voisins allemands, que Bonaparte cherchera à faire agir contre nous. La célérité diminuera une grande partie des difficultés que nous aurons à rencontrer. Si Constantinople est entre nos mains avant que les armées ennemies s'accumulent sur nos frontières, nous pouvons alors tourner toutes nos forces contre ces derniers et nous aurons les moyens de séduire les uns par quelque province, s'il est nécessaire, et de battre les autres par nos soldats. Si nous différons, si dans l'intervalle l'Angleterre fait la paix, Bonaparte aura des flottes et des armées pour protéger Constantinople, il y règnera par son influence, nous chassera de la Méditerranée, battra notre marine et fermera le passage des Dardanelles. C'est à présent son plan favori. La matière est trop vaste pour pouvoir être renfermée dans les limites étroites d'une lettre privée, mais il n'existe aucun sujet plus digne d'occuper l'attention de l'Empereur et de son ministère".

Извѣстія изъ Корфу и отдаленнаго угла Далмаціи съ трудомъ достигали до Вѣны и Разумовскій поэтому не зналъ ничего о занятіи Котора. Явившись на аудіенцію къ императору по совершенно постороннему дѣлу, посолъ пораженъ былъ смущеннымъ его видомъ. Францъ II не скрылъ отъ графа Андрея Кирилловича только-что полученнаго имъ извѣстія и объявилъ, что предвидитъ крайне непріятныя столкновенія съ Франціею по этому случаю, и даже, чего добраго, насильственныхъ мѣръ, такъ какъ сдача Котора представится Наполеону слѣдствіемъ заранѣе обдуманнаго соглашенія между Вѣною и С.-Петербургомъ. Разумовскій не зналъ что отвѣчать, не получивъ никакихъ извѣщеній о случившемся. Вечеромъ того же дня его пригласилъ на совѣщаніе графъ Стадіонъ. Новый вице-канцлеръ не скрылъ отъ посла, что онъ былъ совершенно разстроенъ полученнымъ извѣстіемъ и выразилъ убѣжденіе, что русскіе агенты дѣйствовали безъ полномочія отъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ привелъ при этомъ выдержки изъ сообщеній Меерфельдту и припомнилъ Разумовскому еще недавно данное имъ обѣщаніе о томъ, что изъ Петербурга предписано будетъ русскимъ властямъ въ Корфу не предпринимать со стороны Далмаціи ничего такого, что могло бы привести Вѣнскій дворъ въ затруднительное положеніе относительно Франціи. Это заявленіе Разумовскаго не вполнѣ согласовалось, съ тѣми предписаніями, которыя онъ получалъ изъ Петербурга, въ которыхъ, объявлялось послу, что русское правительство не можетъ дозволить занятія Далмаціи французами. Въ Вѣну только что вернулся Ларошфуко и Стадіонъ съ минуты на минуту ожидалъ его перваго посѣщенія. Несомнѣнно, французскій посолъ на первомъ же свиданіи заговоритъ о Которскомъ дѣлѣ. Рѣшено было отправить въ Парижъ курьера къ генералу барону Венсану (Vincent), отправленному туда

съ чрезвычайною миссіею для возстановленія дипломатическихъ сношеній и временно исполнявшему обязанности посла. Венсану предписывалось оффиціально сообщить Тюильерійскому кабинету о занятіи русскими Котора, заявивъ при этомъ, что занятіе произошло помимо вѣдома австрійскаго правительства, которое, вслѣдствіе этого, слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность.

Разумовскій, не теряя присутствія духа, посовѣтовалъ вицеканцлеру отвѣтить Ларошфуко, въ случаѣ если онъ заведетъ рѣчь о Которѣ, что благія намѣренія русскаго Императора вполнѣ ему, Стадіону, извѣстны, и что занятіе Бокки несомнѣнно произошло помимо его приказаній, а потому слѣдовало дождаться извѣстій изъ Петербурга, которыя разсѣятъ всякія сомнѣнія и вполнѣ успокоятъ оба правительства. Графъ Стадіонъ послѣдовалъ совѣтамъ Андрея Кирилловича, который, сообщая все дѣло Чарторижскому въ депешѣ отъ 11-го Марта, надѣялся, что Государь одобритъ данный имъ совѣтъ.

Надо, однако, отдать Разумовскому справедливость въ томъ, что онъ вовсе не указывалъ на необходимость выпустить изъ рукъ Бокку Которскую. Наоборотъ, слова, сказанныя имъ Стадіону, имѣли цѣлью выиграть время, успокоить подозрительность Наполеона и дать Россіи возможность окончательно укрѣпиться въ занятой ею позиціи. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ онъ Чарторижскаго въ концѣ своей депеши отъ 11 Марта.

Стадіонъ послѣдовалъ совѣту графа Андрея Кирилловича, а Ларошфуко остался, повидимому, доволенъ объясненіями австрійскаго вицеканцлера, но требовалъ, черезъ вицеканцлера, отъ Разумовскаго предписанія къ Сенявину, въ силу котораго ему воспрещались всякія новыя враждебныя противъ французовъ дѣйствія. Отъ этого Разумовскій на отрѣзъ отказался за неимѣніемъ, какъ онъ завѣрялъ, достаточнаго на то полномочія [1]).

Между тѣмъ извѣстіе о вступленіи русскихъ въ Которо дошло до Парижа кратчайшемъ путемъ черезъ Венецію. Въ Вѣну полетѣли курьеръ за курьеромъ. Ларошфуко, который со времени возвращенія своего въ Вѣну, держалъ себя особенно учтиво и въ требованіяхъ былъ крайне умѣренъ, сообщилъ Стадіону, что онъ не сомнѣвается въ успокоительномъ дѣйствіи переданныхъ имъ въ Парижъ завѣреній. Французскій посолъ былъ увѣренъ, что русскій Императоръ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій Вѣнскаго двора, вызоветъ войска свои изъ Котора, но въ то же время принужденъ былъ, къ своему крайнему огорченію заявить, что до полнаго очищенія Бокки Которской, французскія войска не выйдутъ изъ крѣпости Браунау.

---

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 12 Марта

Вѣнскій дворъ никакъ не ожидалъ такого умѣреннаго отвѣта, австрійскіе министры страшились громовъ Наполеона, тѣмъ болѣе, что всему этому дѣлу, какъ извѣстно было изъ депешъ генерала Венсана, придавалось въ Парижѣ большое значеніе и что самъ Талейранъ по этому случаю собственноручно написалъ Ларошфуко огромную депешу въ шесть листовъ, чего прежде съ нимъ никогда не случалось [1]).

Разумовскій, въ депешахъ своихъ къ Чарторижскому, находилъ подобную умѣренность французскаго правительства крайне подозрительною и предполагалъ, что за нею кроются недобрыя противъ Россіи намѣренія. Посолъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ будетъ дѣйствовать со стороны Турціи. Извѣстія о блокадѣ адріатическаго прибрежія вице-адмираломъ Сенявинымъ еще не дошли до Вѣны и хотя посолъ зналъ, что Тріестъ, Фіуме и другія австрійскія гавани, служившія убѣжищемъ для русскихъ кораблей не были заняты французами, однако онъ сильно опасался, какъ бы мелкіе французскіе суда, безпрестанно сновавшія по безчисленнымъ проливамъ адріатическаго прибрежья, въ такихъ мѣстахъ, куда не могли пройти русскіе корабли, не перевозили войска и припасы въ разные стратегическіе пункты, занятые французами. Находя пріобрѣтеніе Котора выгоднымъ для Россіи, Разумовскій не скрывалъ своей боязни относительно того, какъ бы слабый отрядъ, въ него вступившій, не былъ бы запертъ французами въ этой неприступной твердынѣ. Онъ боялся также и того, какъ бы французы не воспользовались для этаго племенною розныю, искони существовавшею между черногорцами, далматами и албанцами. Въ послѣднемъ случаѣ они могли бы пробраться въ самое сердце Турціи черезъ Боснію и, чего добраго, завладѣть Дарданеллами. Половина турецкаго дивана была подкуплена французскимъ правительствомъ, итальянская армія котораго, только-что занявшая Неаполь, была теперь свободна [2]).

Изъ Петербурга, вслѣдствіе представленій Меерфельдта, выслань былъ приказъ русскимъ начальникамъ въ Средиземномъ морѣ не предпринимать болѣе наступательныхъ дѣйствій, но при этомъ заявлено было австрійскому послу, что Государь рѣшился на такую мѣру только съ цѣлью не компрометировать въ данную минуту Австрію. Меерфельдтъ при этомъ доносилъ, что въ Петербургѣ придавали особенное значеніе тому снисхожденію, которое австрійское правительство оказывало Франціи относительно перевоза ея войскъ въ Далмацію, разрѣшая имъ свободный проходъ черезъ имперскія владѣнія. Австрійскій посолъ опасался на этотъ счетъ формальныхъ и

[1]) Его же депеша отъ 21 Марта.
[2]) Шифрованная депеша Разумовскаго отъ 24 Марта.

притомъ весьма серьёзныхъ запросовъ и предупреждалъ, что Разумовскому поручено будетъ въ весьма непродолжительномъ времени заявить Вѣнскому кабинету, что всякое дальнѣйшее послабленіе въ этомъ родѣ сочтется, если не прямо враждебнымъ относительно Россіи, то во всякомъ случаѣ явно противорѣчущимъ тому доброму согласію, на которомъ должна быть основана тѣсная дружба между двумя императорскими дворами. Депеша Меерфельдта съ извѣстіемъ о недовольствѣ русскаго двора пришла въ Вѣну какъ разъ въ тотъ день, когда вицеканцлеръ подписалъ конвенцію съ Ларошфуко относительно прохода французскихъ войскъ, назначаемыхъ въ Далмацію, черезъ австрійскія владѣнія. Графъ Стадіонъ и его товарищи не придали должнаго вѣса представленіямъ Меерфельдта. Въ Вѣнѣ были увѣрены, что русское правительство, ради сохраненія общаго мира, откажется отъ дальнѣйшаго занятія Котора. Къ тому же изъ Константинополя получены были самыя успокоительныя извѣстія относительно мирнаго настроенія порты Оттоманской. Вѣнскій кабинетъ не отрицалъ замысловъ Наполеона на Турцію, но онъ полагалъ, что замыслы эти могли осуществиться только въ далекомъ будущемъ и что всякій необдуманный шагъ, каково было, напримѣръ, по мнѣнію австрійскихъ министровъ, занятіе Котора, могъ только ускорить развитіе еще темнаго и неопредѣленнаго плана. Разумовскій старался сколько могъ доказать графу Стадіону неосновательность его предположеній и надеждъ, но вицеканцлеръ остался при своемъ мнѣніи. Несмотря на всѣ донесенія Меерфельдта и предостереженія Разумовскаго, австрійскій вицеканцлеръ твердо вѣрилъ въ мирный исходъ Которскаго дѣла. Однажды, выведенный изъ терпѣнія представленіями графа Андрея Кирилловича, графъ Стадіонъ прямо заявилъ, что если русскіе не уступятъ Которъ или же предпримутъ какія-либо рѣшительныя мѣры относительно Турціи, то онъ никакъ не можетъ ручаться за дальнѣйшій образъ дѣйствій австрійскаго двора. Разумовскій счелъ долгомъ донести о такомъ отзывѣ вицеканцлера въ Петербургъ, полагая съ своей стороны, что нѣтъ возможности отвѣчать за образъ дѣйствій Вѣнскаго двора. По мнѣнію русскаго посла положеніе Австріи въ данную минуту было до того тягостное, что она легко могла, хотя и съ разбитымъ сердцемъ, преклонить главу передъ приказаніями ненавистнаго побѣдителя [1]). Предположенія графа Андрея Кирилловича подтверждались заявленіемъ, сдѣланнымъ почти одновременно Стадіону, французскимъ посломъ относительно того, что тюильерійскому кабинету надоѣло ждать сдачи Котора, и что онъ рѣшился, въ случаѣ если крѣпость эта не будетъ передана французскимъ войскамъ, послѣ извѣст-

[1]) Депеша Разумовскаго же отъ 9 Апрѣля.

наго срока, отнять у Австріи полосу земли на границахъ Баваріи. Австрійское правительство не знало что дѣлать, оно трепетало передъ Наполеономъ, и въ то же время, несмотря на его угрозы, не рѣшалось прерывать добрыхъ сношеній съ Россіею, на подмогу которой продолжали еще слѣпо считать въ будущемъ. Къ Разумовскому пристали со всѣхъ сторонъ, у него чуть ли не на колѣняхъ молили о сдачѣ Котора.

„C'est la reprise de tout ce que j'ai eu l'honneur d'annoncer à cet égard,—писалъ онъ отъ 18 Апрѣля къ Чарторижскому, — de tout ce que j'ai cité de motifs publics, de raisons particulières, et la conclusion est encore une fois dans l'espoir fondé que l'on place dans la magnanimité de notre auguste Maître, qui ne voudra pas augmenter les embarras d'une cour, dont il connaît le dévouement, qui ne voudra point livrer un état, épuisé par tous les maux de la guerre et la tyrannie des conquêtes, à des pertes nouvelles, à un anéantissement irréparable. Si l'inquiétude dont me parla le c-te de Stadion d'être si longtemps sans réponse à ses offices donna un nouveau caractère d'anxiété à toutes ses remontrances, je m'aperçus cependant que son maître et lui comptaient avec confiance sur la détermination généreuse qui serait prise à ce sujet de la part de notre cour".

Самъ того не сознавая, Разумовскій въ каждой своей депешѣ все краснорѣчивѣе описывалъ безвыходное положеніе Вѣнскаго двора. Онъ невольно поддавался гнетущему чувству унынія, которымъ одержимы были въ Австріи всѣ власть имущіе. Сердце его сжималось при видѣ затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась дорогая ему габсбургская монархія. Новыя несчастія ей угрожали, французскія войска занимали еще австрійскую террриторію и тонъ дипломатическихъ депешъ изъ Парижа становился съ каждымъ днемъ грознѣе.

Между тѣмъ, темныя облака собирались и со стороны востока. Несимпатичный и непонятный императору Александру Павловичу восточный вопросъ возставалъ во всемъ грозномъ значеніи своемъ, именно въ ту пору, когда вниманіе Петербургскаго кабинета сосредоточено было на западѣ. Даже Чарторижскій и его сослуживцы стали понимать, что Россіи невозможно оставаться безучастною при видѣ военныхъ приготовленій Турціи. Въ Петербургѣ стали думать о юго-западныхъ окраинахъ. Къ тому же талантливый Поццо ди-Борго указывалъ на Царьградъ, какъ на то мѣсто, гдѣ должна была разыграться драма, начавшаяся подъ Аустерлицемъ. Меерфельдтъ поспѣшилъ извѣстить свое правительство о томъ, что въ Петербургѣ крайне недовольны портою оттоманскою, и что ей угрожаетъ опасность со стороны Россіи. Извѣстіе это было новымъ ударомъ для вѣнскаго ка-

бинета. Какъ ни ухаживалъ онъ за Россіею, какъ ни увѣрялъ ее въ своей преданности, однако все же зорко слѣдилъ за каждымъ шагомъ своей союзницы и никакъ не намѣренъ былъ допускать ничего такого, что бы могло увеличить ея силу и значеніе. Государственные дѣятели Австріи инстинктивно понимали то, чего не сознавали на Руси люди, управлявшіе государствомъ, за исключеніемъ развѣ корсиканца Поццо ди-Борго, да Сенявина, Санковскаго и другихъ скромныхъ дѣятелей русскихъ на славянскомъ поморьѣ. Въ Вѣнѣ ничего такъ не опасались, какъ движенія Россіи на Востокъ, гдѣ до сихъ поръ таятся судьбы ея мірового значенія. Какъ ни тяжелъ былъ гнётъ Наполеона, однако мысль, что Россія, эта вѣрная и постоянная союзница, можетъ усилиться и пріобрѣсть громадное вліяніе на Европу, въ то время когда разбитая и истощенная Австрія съ трепетомъ ожидала повелѣній изъ Парижа, была для Вѣнскаго двора еще невыносимѣе.

„M. de Meerfeldt,—доносилъ отъ 30 Марта Разумовскій, — mande qu'on est fort alarmé chez nous sur la conduite de la porte ottomane, qu'on la considère comme pouvant avoir les suites les plus graves et nécessitant par conséquent les mesures les plus sérieuses de notre part. Le c-te de Stadion marqua beaucoup d'inquiétude sur celles qu'on pourrait prendre et une grande appréhension qu'on n'augmente la situation embarassante où se trouve l'Europe, opinant que le systême le plus salutaire pour le moment était de louvoyer, de laisser Bonaparte effectuer dans son ivresse de triomphe le bouleversement qu'il opère journellement en Allemagne et partout, persuadé que ces mouvements forcés d'un gouvernement révolutionnaire, loin de donner de la stabilité au sien, mettraient en jeu toutes les animosités, tous les ressentiments de ses propres créatures, jalouses les unes des autres, courbées sous son sceptre de fer et portées dans peu à coaliser leur puissance contre la sienne. Au premier aperçu de ce raisonnement v. e. n'aura pas de peine à en démêler le motif. Il est excusable dans la situation où l'on se trouve ici. Je ne cherchai point à le combattre, c'eût été inutile. Je m'attachai à fixer l'attention du ministre sur notre manière d'envisager les choses d'après le point de vue, où nous nous trouvions placés. Il est incontestable, lui dis-je, que les plans de Bonaparte s'étendent vers l'Orient. C'est par là qu'il veut nous atteindre et nous enlever le seul moyen de lui résister par notre puissance intrinsèque et par l'influence qu'elle peut nous rendre en Europe. Il en convint. Il nous importe par conséquent de ne pas laisser échapper aucune précaution qui puisse nous garantir de ce coup mortel pour nous et pour nos amis. Il nous importe donc de savoir d'avance et le plutôt possible en quoi, en combien et quand nous pouvons compter sur leur assistance, leurs moyens et leur conduite. Il

m'objecta qu'il lui paraissait que nous nous exagérions le danger pour le moment; qu'on croyait à Pétersbourg que les français avaient 100 mille hommes en Dalmatie, tandis qu'ils ne se montaient au plus qu'à six et que le pays ne pouvait fournir de subsistance que tout au plus pour dix mille hommes. Il finit cependant par me promettre qu'on allait s'occuper de ces considérations et qu'incessament un courrier serait porteur du résultat de ce travail. Il me parla ensuite du revirement que va nécessiter aux nominations étrangères la mauvaise disposition de Napoléon à l'égard du c-te Philippe Cobenzl. Le c-te de Metternich était désigné pour Pétersbourg, selon toute apparence il va l'être pour Paris. Le c-te de Stadion me sonda sur le compte du général de Meerfeldt. Je lui ai répondu d'après les témoignages que j'ai puisés dans les dépêches de v. e., de l'accueil gracieux dont notre auguste Maître a daigné l'honorer, de la bienveillance que S. M. I. continuait à lui marquer et de la satisfaction que vous m'exprimez, mon prince, sur sa manière franche et intelligente de traiter les affaires. Le c-te de Stadion m'a prié confidentiellement de savoir si son choix comme ambassadeur serait agréé par l'Empereur et qu'on n'attendait que cette réponse pour le nommer. Je n'ai pas besoin de vous recommander à nouveaux frais m. Pozzo di Borgo. Son esprit et ses capacités vous sont connus. Son âme n'est point abattue par les revers et je pense que vous apprécierez avec intérêt l'utilité, dont peut-être son dévouement au service de S. M. I.".

Пользу талантовъ Поццо ди-Борго съумѣли вполнѣ оцѣнить въ Петербургѣ и вскорѣ узналъ это Разумовскій въ ущербъ самому себѣ. Общественное мнѣніе въ Россіи или, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе вліятельныхъ столичныхъ кружкахъ сильнѣе и сильнѣе восставало противъ Разумовскаго и громче, чѣмъ когда-либо требовало его смѣны. Изъ Петербурга безпрестанно доходили частнымъ образомъ до него слухи о всеобщемъ недовольствѣ. Въ послѣднѣе время слухи эти становились болѣе тревожными, уже теперь не одно только общество, но и самъ Государь, какъ писали Разумовскому родные и знакомые, сталъ выражать свое неблаговоленіе къ послу и къ образу его дѣйствій въ Вѣнѣ. Въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ открыто говорили о важныхъ измѣненіяхъ въ составѣ дипломатическаго корпуса. Недовольный недовѣріемъ къ нему императора Александра Павловича, графъ С. Р. Воронцовъ просилъ объ отставкѣ. Смѣщенія Разумовскаго всѣ требовали. На мѣсто его въ Вѣну являлось много охотниковъ. Графъ Андрей Кирилловичъ рѣшился предупредить угрожающую ему немилость и обратился къ Чарторижскому съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ отъ 30-го Марта:

„Cette lettre-ci est destinée pour vous seul, mon prince. En voici

le sujet. Des lettres particulières, que m'a apportées le dernier courrier du c-te de Meerfeldt, m'ont appris que l'Empereur n'est point satisfait de mes services et que S. M. a jeté les yeux sur une autre personne pour me remplacer. J'ai su en même temps tout ce que vos bons sentiments à mon égard vous ont inspiré pour prévenir ce changement et avant tout j'ai à coeur de vous en témoigner ma vive reconnaissance. C'est un nouveau gage de votre amitié, elle m'est infiniment précieuse; je voudrais, que vous en soyez bien convaincu. Je ne sais point vous exprimer tout ce que je sens, mais je me flatte que vous l'appréciez et j'en ai pour garant la franchise et la cordialité qui s'est établie dans notre correspondance particulière. Après m'être acquitté bien sincèrement de ce que ma sensibilité vous devait, permettez-moi de vous parler de même à l'égard de ce qu'elle me fait éprouver par rapport au jugement que j'ai eu le malheur d'encourir de la part de notre Maître. Ma conscience me dit qu'il m'était impossible de consacrer plus de zèle et de bonne volonté au service de ma cour. Ma vie entière y a été vouée sans interruption. Mes années m'approchent de la vieillesse et ma santé affaiblie par le travail m'en fera sentir les inconvénients avant l'âge. Je me flattais, je l'avourai, de couronner ma carrière par les succès de l'entreprise noble, grande et généreuse qu'a conçue notre cabinet. Encore quelque temps, me disai-je, et nous pourrons nous reposer à l'ombre de nos lauriers. Le destin en a ordonné autrement. Je me suis trompé, mais certes ce n'est point dans mon cabinet à Vienne que mon erreur a pris naissance. Quoiqu'il en soit, accablé de regrets et de douleur, j'ai pensé que ce n'était pas le moment de se soustraire aux efforts que tout bon serviteur devait à son Maître pour concourir à réparer des malheurs, dont le remède est dans sa puissance, sa volonté et la coopèration de ceux qu'il honore de sa *confiance*... Sa *confiance*, mon prince, son *estime* — voilà ce qui impose tous les sacrifices, voilà ce qui fait tout entreprendre avec transport et enthousiasme jusqu'au dernier souffle de notre existance. Telle est mon opinion, mon prince, et telle est la vôtre. Voici maintenant ce que je sollicite de votre amitié bienveillante, de l'intérêt que vous m'avez si constamment témoigné. Je suspendrai, jusqu'à ce que je reçoive votre réponse, toute démarche que me dicteraient mes principes et ma façon de penser. Veuillez me dire franchement quelle est l'opinion de l'Empereur à mon égard. Si on n'en veut qu'à ma place, je me hâterai de la mettre à ses pieds. Sûr de son estime, j'en conserverai le précieux souvenir, en sollicitant la permission de terminer mes jours dans une profonde retraite au milieu des parents et des amis, que ma destinée m'a fait acquérir ici. Si l'on attaque mon honneur, ma réputation, c'est à vous, mon prince, que j'ai recours.

Ma conduite est dans mes rapports avec le ministère, dans ma correspondance officielle et particulière. Il n'y a pas une démarche, ni une pensée qui n'y soient consignées. C'est ma justification et je suis prêt à l'appuyer de tous les éclaircissements qu'on voudra me demander. Qu'on me mette à même de les produire, et ma conscience me repète encore, que cet examen me conduira à la paisible jouissance de mon repos et à la douce satisfaction, que mon zèle et mon dévouement n'ont pas été sans fruits pour les intérêts de mes Souverains pendant trente années de service dans la carrière où leur confiance m'a placée. Voilà, mon prince, ce que mon honneur me porte à vous exposer. Je le fais avec la franchise qui appartient à ce sentiment et celle que je dois à votre caractère et à vos dispositions bienveillantes envers moi. Ce que vous voudrez bien me dire me servira de guide et de boussole dans la conduite que je me prescrirai. Quelqu'en soit le résultat je m'applaudirai de vous l'avoir soumise et d'avoir, dans une circonstance aussi importante pour moi, trouvé l'occasion de vous donner un nouveau témoignage de mon estime, de mon attachement et de ma reconnaissance inaltérables".

Отвѣтъ Чарторижскаго уже былъ готовъ, онъ былъ написанъ четырмя днями ранѣе, чѣмъ собственноручное письмо Разумовскаго.

„C'est par ordre exprès de S. M. I.,—сообщалъ послу министръ иностранныхъ дѣлъ отъ 26 Марта, — que j'ai l'honneur de prévenir v. e. que m. l'ambassadeur c-te de Worontzow, ayant désiré quitter son poste, elle vous destine pour le remplacer et qu'en même temps elle a jeté les yeux sur m. le prince Alexandre de Kourakine pour la place de son ambassadeur à Vienne. En vous faisant connaître les intentions de l'Empereur à ce sujet, je suis chargé de vous prier, m. le comte, de faire part au ministère autrichien du choix que S, M. I. a fait de m. le prince Kourakine pour résider à Vienne et de témoigner le désir qu'a notre auguste Maître, qu'il puisse être agréable à S. M. I. et R. Ap., en assurant que m. le prince Kourakine s'efforcera à mériter sa confiance par son zèle à concourir au maintien et à l'affermissement de l'union entre les deux cours".

Ударъ, хотя и жданный, былъ, тѣмъ не менѣе, силенъ. Разумовскій не вѣрилъ, несмотря на неоднократныя предостереженія изъ Петербурга въ возможность такого скораго поворота дѣла. Онъ не допускалъ мысли, чтобы постороннее лицо могло вдругъ сдѣлаться русскимъ посломъ при австрійскомъ дворѣ и отнять у него такъ давно занимаемое имъ мѣсто. Воспоминанія прошлаго, какъ бы поддерживали невольныя мечты о невозможности перемѣщенія. Царская опала, ссылка въ Батуринъ, всеобщее недовольство въ Петербургѣ, все это шесть лѣтъ тому назадъ разыгралось торжественнымъ возвращеніемъ

въ Вѣну. Теперь, однако, послѣ письма Чарторижскаго, всякое сомнѣніе повидимому дѣлалось невозможнымъ.

„En me faisant connaître les intentions de l'Empereur,—отвѣчалъ пораженный Разумовскій,—v. e. m'enjoint de faire part au ministère autrichien du choix que S. M. I. a fait de m. le prince de Kourakine pour résider à Vienne et de témoigner le désir qu'a notre auguste Maître qu'il puisse être agréable à S. M. I. et R. Ap., en assurant, que le prince de Kourakine s'efforcera à mériter la confiance par son zèle à concourir au maintien et l'affermissement de l'union entre les deux cours".

„Je n'ai pas crû pouvoir me conformer d'une manière plus ponctuelle aux volontés de S. M. I., relativement au poste de Vienne, qu'en communiquant in extenso à m. le c-te de Stadion la dépèche de v. e. Il me reste une autre tâche à remplir et c'est par rapport au poste de Londres que notre auguste Maître a daigné me destiner. Je supplie v. e. de porter aux pieds de S. M. I. les représentations que je prends la liberté de soumettre à sa considération équitable. Près de trente années de ma vie ont été consacrées aux missions étrangères, j'ose le dire avec une assiduité constante de travail et d'application dans des conjonctures très compliquées. Ma santé considérablement affaiblie n'a pû se remettre jusqu'à un certain point que par le secours des eaux de Carlsbad, dont j'ai fait usage pendant deux saisons. Il m'est d'autant plus indispensable d'y recourir l'année prochaine, qu'avançant en âge, je ne puis me dissimuler que ma carrière et mes occupations m'en présagent de bonne heure les inconvénients. Peut-être n'ai-je écouté que mon zèle pour le service et mon dévouement envers mon Souverain, lorsque j'ai cru pouvoir, pendant quelques années encore, mériter sa confiance dans la place que j'occupe. Toutefois, mon prince, je dirai avec la franchise de l'honneur et de la conviction que ce poste-ci est le seul, où j'eusse crû pouvoir être de quelque utilité, aux intérêts de S. M. I. Pénetré de cette opinion je la supplie de daigner me dispenser de toute autre destination. L'habitude du climat, le soin de ma santé, mon établissement, l'état vulétudinaire de ma femme, toutes ces considérations bornent mes voeux à fixer ma retraite dans ce pays-ci, et c'est la seule grâce que j'ose solliciter de la bienfaisance, de l'humanité, de la justice de mon auguste Maître".

Письмо Разумовскаго оставалось до времени безъ отвѣта. Ему не подавали надеждъ, но оффиціальное назначеніе князя Куракина посломъ въ Вѣну было тѣмъ не менѣе на время отложено. Однако довѣріе къ Разумовскому видимо ослабло и князь Чарторижскій извѣстилъ частнымъ письмомъ Поццо ди-Борго, что Государь желалъ, чтобы онъ не спѣшилъ возвратомъ въ Россію. Ему приказано было оставаться

въ Вѣнѣ и зорко слѣдить тамъ за ходомъ политическихъ дѣлъ. Одновременно стали требовать отъ знакомаго намъ кавалера Малліа болѣе подробныхъ и точныхъ секретныхъ извѣщеній.

Которское дѣло между тѣмъ оставалось въ прежнемъ положеніи. Изъ Петербурга получалось весьма мало депешъ. Немногія извѣщенія отсылаемыя Чарторижскимъ въ вѣнское посольство носили общій успокоительный характеръ, безъ всякихъ обязательствъ и положительныхъ обѣщаній. Государь не могъ еще ни на что окончательно рѣшиться относительно Котора, сообщалъ Чарторижскій, поручая одновременно послу объявить вѣнскому кабинету, что желаніе угодить союзнику и опасеніе компрометировать его передъ французскимъ правительствомъ будутъ постоянно руководить дальнѣйшими дѣйствіями Петербургскаго двора [1]).

Эти общія обѣщанія мало успокоивали вѣнскій кабинетъ. Захватъ Котора сильно раздражилъ Наполеона. Онъ не столько дорожилъ превосходною впрочемъ во всѣхъ отношеніяхъ гаванью, сколько сосѣдствомъ съ Турціею. Смѣжная съ границею ея твердыня, попавъ въ руки Франціи, придала бы небывалый дотолѣ вѣсъ внушеніямъ Наполеона въ Константинополѣ. Императоръ французовъ предписалъ своему послу въ Вѣнѣ непремѣнно настоять на сдачѣ Котора, не допуская никакихъ извиненій и ссылокъ на Россію. Австрія обязалась сдать Бокку французамъ и отъ нея они теперь ее требовали. Съ русскимъ правительствомъ тюильерійскій кабинетъ не намѣренъ былъ входить въ сношенія. Дѣло Австріи было вытребовать у русскихъ властей захваченную ими крѣпость, а въ случаѣ несогласія на сдачу, силою ихъ оттуда изгнать. Такимъ образомъ сѣялись сѣмена раздора между союзниками и французы не безъ злорадства ожидали той минуты, когда открытое междоусобіе загорится между дотолѣ дружественными державами.

Учтивыя въ началѣ представленія Ларошфуко становились съ каждымъ днемъ настойчивѣе. Представители германскаго императора въ Парижѣ не скрывали отъ двора своего положенія дѣлъ. Положеніе это становилось съ каждымъ днемъ щекотливѣе, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ прямо говорилъ о своемъ намѣреніи безжалостно наказать Австрію за неисполненіе Пресбургскихъ условій. Стадіонъ ежедневно навѣдывался у Разумовскаго, не получены ли имъ какія новыя приказанія изъ Петербурга. По какому бы дѣлу графъ Андрей Кирилловичъ ни являлся въ государственную канцелярію, разговоръ немедленно переходилъ къ жгучему вопросу дня. Которское дѣло отстраняло всякіе иные предметы разговора съ вицеканцлеромъ. Русскому послу прихо-

[1]) Депеша Чарторижскаго отъ 6 Апрѣля.

дилось постоянно отвѣчать, что онъ увѣренъ, что все уладится къ общему удовольствію, но что приказаній изъ Петербурга онъ еще не получалъ. На одномъ изъ совѣщаній своихъ съ вицеканцлеромъ Разумовскій рѣшился спросить у Стадіона, что станетъ дѣлать Австрія, если бы Россія рѣшилась окончательно отказаться отъ возвращенія занятой ею крѣпости. „Увы,—отвѣтилъ вицеканцлеръ,—въ силу состоявшагося мирнаго договора, мы обязаны уступить всю Далмацію французамъ. Они могутъ силою заставить насъ снова овладѣть Которомъ или же потребуютъ отъ насъ новыя тягостныя уступки. При этомъ Стадіонъ описалъ самыми темными красками отчаянное положеніе Австріи и молилъ посла употребить всѣ силы къ поддержанію дружбы между императорскими дворами. Такія нежданныя выходки какъ занятіе Котора, добавилъ Стадіонъ, невольно ставятъ вѣнскій дворъ въ враждебное отношеніе къ Россіи. Вицеканцлеръ былъ особенно краснорѣчивъ и слова его произвели сильное впечатлѣніе на Разумовскаго. Вскорѣ послѣ этаго разговора, въ Вѣну пріѣхалъ бывшій австрійскій коммиссаръ въ Которѣ, маркизъ Гизильери. Посолъ полагалъ, что ему будетъ сдѣланъ легкій выговоръ, но вмѣсто того маркизъ былъ посаженъ подъ арестъ и надъ нимъ наряжено слѣдствіе. Заинтересованный Разумовскій спросилъ у Стадіона, чѣмъ можетъ слѣдствіе это окончиться и получилъ въ отвѣтъ, что вѣроятно Гизильери будетъ заключенъ на нѣсколько лѣтъ въ одной изъ австрійскихъ крѣпостей. Такое наказаніе, которому намѣрены были подвергнуть человѣка съ виднымъ положеніемъ въ свѣтѣ, сдавшаго Которъ только по непредусмотрительности и недостаткѣ въ энергіи, явно доказывало, по словамъ Разумовскаго, страхъ вѣнскаго двора передъ Франціею и желаніе всячески угодить ей [1]).

„Dans ma situation c'est l'approbation ou l'improbation qui sera donnée à l'entreprise même et les instructions que la détermination suprême motivera qui seules peuvent et doivent servir de règle à ma conduite publique,—доносилъ отъ 27 Апрѣля Разумовскій.—Jusque là jai la conviction tranquillisante de n'avoir négligé, depuis l'instant où l'occcupation de Cattaro a été connue, le récit d'aucune circonstance particulière, l'indication d'aucune mesure patente ou projective, de n'avoir omis l'exposition d'aucune des démarches ou plutôt des menaces officielles des français et d'avoir rapporté toutes les voies officieuses, les instances, les représentations par lesquelles cette cour-ci à cherché à concilier ses inclinations particulières avec l'attitude imminente de la France, qui, faisant retomber sur elle toute son animadversion, est encore toujours en position d'envahir telle partie de la

---

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 21 Апрѣля.

monarchie, qu'elle jugera à propos, pour satisfaire sa vengeance particulière, et j'ai dit et je le répète, qu'elle n'y trouverait point d'obstacles, parce qu'une nonrésistance, calculée mathématiquement sur l'anéantissement peut-être exagéré où l'on se trouve, devient cause et principe. Je suspends donc ma tâche à l'égard de tout ce qui a été fait par m. de Sankovsky, jusqu'à ce que des prescriptions directes ou des évènements nouveaux dirigent ma conduite ou motivent mes rapports".

Безконечно длинные, запутанные и синтаксически неправильные періоды депеши этой доказываютъ до какой степени Разумовскій былъ разстроенъ. Онъ окончательно перешелъ теперь въ Которскомъ дѣлѣ на сторону Австріи. Къ тому же, получаемыя вѣнскою государственною канцеляріею отъ Меерфельдта депеши подавали ему поводъ надѣяться, что русское правительство въ принципѣ уже рѣшило отказаться отъ дальнѣйшаго занятія Бокки. Австрійскій посолъ доносилъ даже своему правительству, что графу Андрею Кирилловичу въ непродолжительномъ времени отправлены будутъ изъ Петербурга на этотъ счетъ самыя положительныя и подробныя инструкціи. Самъ Стадіонъ поспѣшилъ къ Разумовскому съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ, а между тѣмъ, никакихъ приказаній изъ Россіи не приходило, и посолъ съ ужасомъ предвидѣлъ возможность разрыва съ Австріею. Ослѣпленному дипломату не представлялась въ данную минуту вся безполезность союза съ униженною и разоренною Габсбургскою монархіею, не скрывавшею отъ европейскихъ дворовъ своего безсилія.

Все это Которское дѣло стало видимо графу Андрею Кирилловичу въ тягость и онъ сталъ недружелюбно относиться къ русскимъ агентамъ на Адріатическомъ прибрежьѣ. Какъ часто бываетъ между русскими людьми, у нашихъ дипломатовъ не обошлось дѣло безъ ссоры, и до русскаго посольства въ Вѣну стали доходить всякія мелкія сплетни и жалобы, До занятія Бокки, въ Которѣ русскимъ агентомъ находился Мазуревскій, человѣкъ дѣятельный и расторопный. Энергичными поступками своими, въ началѣ царствованія Александра Павловича, онъ, какъ мы видѣли выше, навлекъ на себя даже подозрѣніе вѣнскаго двора. Послѣ вступленія русскихъ войскъ въ Которъ, Санковскій занялъ первое мѣсто, а въ помошники ему назначенъ былъ Мазуревскій. Послѣднему показалось обиднымъ играть второстепенную роль. Пока въ виду Котора стоялъ Сенявинъ, все шло благополучно, но коль скоро вице-адмиралъ отплылъ къ Корфу, между представителями Россіи пошли пререканія, отголосокъ которыхъ, при затруднительности сообщеній только урывками, но за то въ значительно преувеличенномъ видѣ, достигалъ до Вѣны. Извѣстія эти усложняли уже и такъ натянутое положеніе и придавали въ умѣ Разумовскаго новую силу мало-по-малу установившемуся его убѣжденію о не-

обходимости сдать Которъ австрійцамъ. Русскому послу казалось возможнымъ удовлетворить законнымъ, по его мнѣнію, требованіямъ вѣнскаго двора, не отказываясь при этомъ вполнѣ отъ тѣхъ выгодъ, которыя представляло Россіи обладаніе Боккою.

„L'évacuation de Cattaro,—писалъ Разумовскій въ концѣ пространной депеши, начало которой приведено нами выше,—qui peut et doit donner à cette cour le temps de se reconnaître, ôter à la porte ottomane tout soupçon à cause de ses points de contact du côté de l'Albanie, permettre à Bonaparte de se livrer pour quelque temps à la comédie et à des représentations publiques de sa grandeur, l'évacuation de Cattaro, dis-je, n'aura pas lieu sans doute sans avoir laissé aux monténégrins des munitions, sans y avoir assigné des fonds pour maintenir l'opinion et cultiver les intelligences. Dès lors les français auront beau être maîtres des bouches, une peuplade enthousiaste et courageuse, réunie aux serviens, les menacera toujours et pourra faire, lorsque cela deviendra nécessaire une diversion puissante de ce côté-là. En attendant une escadre russe retournerait bloquer le port et le canal de Cattaro, dès que les français y seront, tandis qu'une autre division en ferait autant de Venise, de Pola et de tous les autres ports... Sans une division de nos forces de mer dans l'Adriatique, toute communication avec la Sicile, les sept îles, Raguse, le continent d'Italie nous devient impossible par les ports autrichiens pour nos exprès et notre commerce, à moins que l'Angleterre ne se charge à elle seule de la police de l'Adriatique, encore faut-il pour cela que les ports autrichiens lui demeurent ouverts".

Такими странными силлогизмами старался убѣдить Чарторижскаго графъ Андрей Кирилловичъ. Отозваніе русскихъ войскъ и сдача Котора должны были, по его мнѣнію, усугубить энтузіазмъ черногорцевъ, а раздробленіе флота—придать ему новую силу въ Адріатическомъ морѣ. Понятно, что подобныя представленія могли только повредить Разумовскому въ Петербургѣ, а между тѣмъ Ларошфуко все настоятельнѣе требовалъ отъ вѣнскаго двора сдачи занятой русскими войсками крѣпости, угрожая ему въ противномъ случаѣ несмѣтными бѣдствіями. Отвѣтныя представленія вице-канцлера плохо дѣйствовали на французскаго посла. Однако депеши Меерфельдта, которымъ Стадіонъ старался придать, какъ можно, бóльшую гласность, немного успокоили расходившагося представителя Наполеона. Всѣ въ Вѣнѣ вздохнули свободнѣе. Графъ Стадіонъ громко изъявилъ свою благодарность Россіи и не безъ умысла самъ лично ѣздилъ сообщать Разумовскому о полученныхъ имъ изъ Петербурга благопріятныхъ депешахъ. Но свѣтлыя надежды вѣнскаго кабинета продолжались не долго. Никакихъ особенныхъ предписаній отъ двора своего Разумов-

скій не получалъ, и терпѣніе французскаго правительства окончательно истощилось. Наполеонъ вполнѣ постигалъ всю важность Котора и никакъ не намѣренъ былъ выпускать его изъ рукъ своихъ. Готовившійся къ выступленію изъ австрійскихъ владѣній корпусъ маршала Сульта снова занялъ Браунау, который французы стали дѣятельно вооружать. Австрійскихъ плѣнныхъ, уже отправленныхъ обратно въ отечество, остановили на дорогѣ, а французскимъ войскамъ, спѣшившимъ во-свояси, отданъ былъ приказъ готовиться къ новому наступательному походу. Ларошфуко требовалъ, чтобы австрійскія силы отняли у русскихъ Которъ, и давалъ Стадіону для отвѣта осьмидневный срокъ. Почти одновременно въ Парижѣ заявлено было австрійскому уполномоченному генералу Венсану, что французы намѣрены занять Тріестъ и Фіуме; вѣнскому двору приказано было нетолько закрыть свои гавани русскимъ и англійскимъ кораблямъ, но еще задержать всѣ стоявшіе въ нихъ купеческіе корабли этихъ двухъ націй. Испуганный Стадіонъ поспѣшилъ пригласить къ себѣ Разумовскаго и сообщилъ ему только что полученныя изъ Парижа извѣстія. Вице-канцлеръ былъ сильно взволнованъ. „Французы занимаютъ,—говорилъ онъ послу,—всѣ главные стратегическіе пункты нашей имперіи, за ними и сила военная, и союзники. Мы же можемъ считать только на васъ, да и то войска ваши стянутыя внутри Россіи никогда не поспѣютъ во-время къ намъ на помощь. Новое нашествіе Наполеона на Австрію будетъ равно побѣдѣ. Вотъ къ чему привело несчастную страну нашу занятіе вами Бокки Которской. Не будь этого злополучнаго предпріятія, французы давно бы выступили изъ нашихъ владѣній и мы бы могли усердно и исключительно заняться возрожденіемъ и укрѣпленіемъ ослабѣвшаго отечества, на необходимость которыхъ вы же сами неоднократно указывали“. Тонъ Стадіона былъ до того рѣзокъ, что вывелъ изъ терпѣнія даже Разумовскаго.

„Ce n'est point cet évènement,—живо отвѣчалъ онъ,—qui vous met dans cette situation; c'est le traité de Presbourg, ce sont ses dangereuses stipulations, qui vous ont placé dans des points de contact, qui éclaireront toujours et gêneront tous vos mouvements intérieurs et qui ont opéré cette situation de continuité par laquelle la France vous excluera, comme elle le voudra du système de l'orient et de l'occident. „Je ne déguiserai point“, reprit le comte de Stadion, „les conséquences funestes de ce traité, mais il est de fait que les ordres de rentrer en France étaient donnés à la masse des armées françaises... Nous aurions respiré et nous aurions pu nous occuper d'un plan salutaire pour l'avenir. Au lieu de cela, cachant nos sentiments intimes, nous prenons des déterminations contre la puissance que nous respectons le plus et

nous serons obligés d'en venir à une levée de boucliers pour reconquérir Cattaro [1])".

Эти послѣднія слова относились къ только что сдѣланному австрійскимъ правительствомъ распоряженію о закрытіи Тріестской гавани всѣмъ кораблямъ, плавающимъ подъ русскимъ или англійскимъ флагомъ. Объ этомъ рѣшеніи вѣнскаго двора ходили уже давно слухи, но Разумовскій имъ плохо вѣрилъ. „La prétention faite par la gouvernement français,—доносилъ онъ отъ 27 Апрѣля,—que celui de S. M. I. et R. ferme tous ses ports de l'Adriatique non-seulement à la marine militaire, mais au commerce de la Russie et de l'Angleterre, à transpirée. Peut-être l'ambassade française l'a-t-elle fait répandre elle-même. L'effet de cette nouvelle à été sensible. On annonce une hausse de prix du sucre et du café. La consternation des spéculateurs a été à son comble et il n'y a plus dans les entreprises ni courage, ni mouvement".

Пришлось, однако, вскорѣ вполнѣ повѣрить грустной дѣйствительности. Положеніе стало крайне натянутымъ. Дипломатическія отношенія съ Россіею до того обострились, что съ минуты на минуту ожидали открытаго разрыва между Петербургомъ и Вѣною. Въ Россіи, впрочемъ, угрозамъ Австріи не вѣрили и прямыхъ извѣщеній отъ двора своего Разумовскій не получалъ. Изъ вѣнскаго министерства къ нему безпрестанно приступали съ разспросами, которые оставались безъ отвѣта. Графъ Андрей Кирилловичъ былъ разстроенъ, тѣмъ болѣе, что до него стали доходить слухи объ ослабленіи вліянія Чарторижскаго на Государя. Посолъ лишился бы черезъ это единственной опоры въ Петербургѣ. Но что было еще хуже—къ толкамъ о немилости, угрожавшей министру иностранныхъ дѣлъ, примѣшивались глухіе слухи о какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ съ Франціею. Въ это лихорадочное время въ русскомъ посольствѣ не получалось ни единой оффиціальной депеши изъ Петербурга, и только изрѣдка доходившія частныя письма по прежнему твердили о недовольствѣ Разумовскимъ и о неминуемомъ назначеніи князя Куракина посломъ въ Вѣну. Графъ Андрей Кирилловичъ, при полномъ отсутствіи всякихъ указаній свыше, рѣшительно не зналъ что дѣлать, когда въ Маѣ мѣсяцѣ неожиданно прибылъ въ Вѣну статскій совѣтникъ Убри, съ цѣлымъ ворохомъ депешъ и предписаній и, кромѣ того, со множествомъ словесныхъ сообщеній первой важности.

---

[1]) Депеша Разумовскаго же отъ 14 Мая.

ГЛАВА IV.

Настроеніе императора Александра Павловича.—Мысль о мирныхъ переговорахъ.—Депеши изъ С.-Петербурга.—Переговоры съ Ларошфуко.—Убри.—Продолженіе которскаго дѣла.—Отставка Чарторижскаго.—Убри въ Парижѣ.—Условія, имъ подписанныя, не приняты.—Которъ.

Занятіе Бокки Которской должно было, повидимому, ускорить возобновленіе военныхъ дѣйствій между Россіею и Франціею. Положеніе Россіи послѣ аустерлицкаго погрома было вполнѣ изолированное. Пруссія подписала мирную конвенцію, Австрія раболѣпствовала передъ Наполеономъ, новопроизведенные германскіе короли и курфюрсты толпились въ подгородномъ замкѣ Фонтенебло, гдѣ владыка Франціи ихъ принималъ съ роскошью, поражавшею представителей, древнихъ царственныхъ династій. Знаменитый Питъ умеръ, и мѣсто его занялъ глава оппозиціи, любимый и уважаемый великою Екатериною, Фоксъ, мирныя наклонности котораго были извѣстны всей Европѣ. Сношенія между Англіею и Франціею возобновились, и отправка въ Парижъ лорда Ярмоута (Yarmouth) для мирныхъ переговоровъ, предвѣщала, повидимому, конецъ долголѣтней вражды. Среди всеобщаго мирнаго настроенія одна только Россія, начавшая войну во имя общаго спокойствія, оставалась съ мечемъ въ рукахъ. Послѣ торжественныхъ заявленій петербургскаго кабинета, положеніе императора Александра Павловича передъ умиротворенной Европой было неловкое и подавало поводъ со стороны недоброжелателей къ намекамъ, подчасъ довольно колкимъ. Государь рѣшился выйдти изъ затрудненія, которое едва кто могъ заранѣе предугадать. Занятіе Бокки Которской и тонъ, который неожиданно приняла относительно Россіи Оттоманская порта, усложняло уже и такъ запутанныя обстоятельства. Восточный вопросъ, какъ мы не разъ уже замѣчали, былъ Александру Павловичу не понятенъ и не по сердцу. Вслѣдствіе воспитанія, даннаго ему нѣмкою Ливенъ и швейцарцемъ Лагарпомъ, Государь, несмотря на добрую свою волю, мало былъ способенъ сочувствовать народнымъ стремленіямъ Россіи. Иностранно воспитанные друзья и совѣтники еще болѣе развили въ юномъ умѣ зародыши космополитизма. Въ благородныхъ стремленіяхъ Александра Павловича, особенно послѣ неудачныхъ попытокъ къ реформамъ въ первые годы царствованія, главную роль постоянно играла Европа, передъ интересами которой часто блѣднѣли насущныя нужды Россіи. Греческій проэктъ, о которомъ такъ много

наслышался онъ въ своемъ дѣтствѣ, представлялся ему не болѣе какъ честолюбивымъ проэктомъ тщеславной бабки. Существованіе турецкой имперіи казалось русскому вѣнценосцу лучшимъ залогомъ общаго мира, особенно послѣ договора, заключеннаго съ Портою въ 1805 году, въ силу котораго свободный проходъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы былъ открытъ всѣмъ русскимъ кораблямъ безъ исключенія, а христіанамъ, подданнымъ Турціи, дарованы были нѣкоторыя льготы. Между тѣмъ, силою обстоятельствъ, безпрестанно приходилось враждебно обращаться къ оттоманской портѣ, существованіе которой признавалось, однако, въ Петербургѣ столь необходимымъ для общаго европейскаго мира и равновѣсія. Турецкая имперія не умѣла пользоваться благими для нея намѣреніями Петербургскаго кабинета и, на зло самой себѣ, безпрестанно втягивала дружелюбнаго къ ней Государя въ самое затруднительное положеніе и заставляла его, помимо его воли, прибѣгать къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ настоящую минуту изъ Царяграда стали доходить тревожные слухи. Французскій посолъ Себастіани сильно дѣйствовалъ на диванъ и интриговалъ противъ вліянія Россіи. Султанъ, вслѣдствіе его происковъ, удалилъ отъ себя всѣхъ сторонниковъ тѣснаго союза съ Петербургскимъ дворомъ. Договоръ 1805 года сталъ мертвою буквою. Грекамъ запрещено было плавать по Средиземному морю подъ русскимъ флагомъ; молдавскій и валахскій господари были смѣнены безъ согласія Россіи. Все это было уже весьма внушительно, но кромѣ того, по Константинополю ходили толки о томъ, что вскорѣ русскимъ судамъ закрыты будутъ Босфоръ и Дарданеллы. При такихъ обстоятельствахъ, въ виду почти неминуемой войны съ Турціею, занятіе Котора русскими войсками пріобрѣтало совершенно особое значеніе. Сдавать столь важную твердыню при описанныхъ выше обстоятельствахъ казалось невозможнымъ не только Государю, но даже его космополитамъ совѣтникамъ, не исключая Чарторижскаго. А между тѣмъ жаль было Австріи, которой такъ солоно приходилось теперь отъ французскаго правительства. Не хотѣлось отдавать на съѣденіе врагу старую союзницу. По свойственной природѣ своей нерѣшительности, Государь долго колебался. Благодаря этому никакого рѣшенія въ Петербургѣ не принимали и бѣднаго Разумовскаго оставляли безъ извѣстій и наставленій.

Между тѣмъ, Александру Павловичу сильно хотѣлось привести къ концу войну съ Франціею, которая прервалась какъ-бы сама собою, послѣ отступленія русскихъ войскъ изъ подъ Аустерлица. Кровопролитіе было прекращено, но обѣ стороны продолжали быть въ враждебныхъ отношеніяхъ, и положеніе Государя, послѣ всѣхъ торжественныхъ заявленіяхъ о миролюбіи, было, какъ мы уже замѣтили выше, крайне неловко. Самъ Наполеонъ не прочь былъ на выгодныхъ условіяхъ помириться

съ Россіею. Въ Петербургѣ въ то время проживалъ французъ, извѣстный въ ученомъ мірѣ своими путешествіями. То былъ баронъ Лессепсъ[1]). совершившій кругосвѣтное плаваніе вмѣстѣ съ знаменитымъ ла-Перузомъ. Въ 1787 году Лессепсъ высадился въ Камчаткѣ и черезъ Сибирь и Россію привезъ въ Парижъ послѣднія подробныя извѣстія объ извѣстномъ мореплавателѣ, погибшемъ вскорѣ послѣ того какъ разстался съ Лессепсомъ, при переходѣ изъ Австраліи въ Иль де-Франсъ. Съ тѣхъ поръ Лессепсъ былъ французскимъ консуломъ сперва въ Кронштадтѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Онъ провелъ много лѣтъ въ Россіи и былъ подъ конецъ коммиссаромъ по торговымъ сношеніямъ. Его въ Петербургѣ всѣ знали, онъ былъ на хорошемъ счету у правительства, и когда объявлена была война съ Франціею, его никто не тревожилъ и онъ попрежнему оставался въ Петербургѣ, исполняя подъ рукою обязанности тайнаго французскаго агента. Наполеону, занятому преобразованіемъ Германіи и устройствомъ наслѣдственныхъ монархій для своихъ братьевъ и родственниковъ, нѣкогда было думать о войнѣ съ отдаленною Россіею. До Александра Павловича стали доходить косвенные намеки о возможности мирнаго соглашенія съ Франціею. Изъ Парижа предписано было Лессепсу негласно сообщить русскому кабинету, что императоръ французовъ готовъ снова завести переговоры о мирѣ, лишь бы при этомъ не было никакого иностраннаго вмѣшательства. Послѣ этого сообщенія, примиреніе показалось Императору Александру дѣломъ легко осуществимымъ. Онъ съ радостью ухватился за давно подыскиваемый способъ развязаться съ неловкимъ и затруднительнымъ положеніемъ. Которскій вопросъ представлялся ему удобнымъ случаемъ для начала переговоровъ. Слѣдовало теперь найдти ловкихъ агентовъ, способныхъ довести дѣло до примиренія. Несмотря на общее, а въ послѣднее время и личное неудовольствіе образомъ дѣйствій Разумовскаго, несомнѣнно, что въ первую минуту выборъ Императора палъ на него. На графа Андрея Кириловича полагали даже большія надежды, и онъ долженъ былъ съ французскимъ посломъ въ Вѣнѣ—Ларошфуко окончательно сговориться о мирѣ. Послѣ нѣкотораго, однако, размышленія, первоначальный проэктъ былъ откинутъ, Разумовскому рѣшено было поручить только подготовку пути къ мирному соглашенію, а для самихъ переговоровъ назначить человѣка, близко знакомаго съ Франціею, который бы могъ въ самомъ Парижѣ довести до конца начатую въ Вѣнѣ негоціацію. Такимъ лицомъ явился послѣдній представитель Россіи при дворѣ Наполеона, еще недавно незначительный чиновникъ, успѣвшій, однако, благодаря покровительству князя Чарториж-

[1]) Jean-Baptiste-Bartheelemy—baron de Lesseps p. 1766 † 1834.

скаго и Родофиникина, быстро подвинуться впередъ и считавшійся уже въ описываемое нами время однимъ изъ главныхъ дѣятелей такъ называемой министерской канцеляріи, вѣдавшей всѣми важными политическими дѣлами. Дѣйствіями Убри въ Парижѣ передъ разрывомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ осталось довольно, онъ хорошо изучилъ Францію и стоявшихъ во главѣ тамошняго правительства государственныхъ мужей. Лучшаго уполномоченнаго не могли подыскать, тѣмъ болѣе, что человѣка съ слишкомъ виднымъ положеніемъ послать не желали, дабы не унизить достоинства Россіи. Рѣшено было отправить Убри съ депешами и предписаніями къ Разумовскому. Послѣдній долженъ былъ подъ рукою войти въ сношенія съ французскимъ посломъ Ларошфуко и подготовить, долженствовавшему временно оставаться въ Вѣнѣ Убри, дорогу къ дальнѣйшимъ переговорамъ. Коль скоро дѣлу примиренія положена будетъ прочная основа, русскому уполномоченному предписывалось ѣхать въ Парижъ, подъ предлогомъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ относительно обмѣна военноплѣнныхъ и тамъ уже довести до конца данное ему секретное порученіе. Убри уѣхалъ изъ Петербурга съ полномочіями полугласными и крайне секретными. Кромѣ того онъ удостоился личнаго пріема отъ Государя, который изустно сообщилъ ему свою волю и тайныя намѣренія.

Вѣнскій дворъ былъ отъ пріѣзда Убри въ восторгѣ. Царскій посланецъ привозилъ съ собою такъ давно ожидаемыя изъ Петербурга извѣстія и объясненія. Изъ петербургскаго посольства тайно подавали надежду на Вѣну, что между привозимыми Убри бумагами находилось предписаніе о сдачѣ Котора. Меерфельдтъ не вполнѣ ошибался, но Разумовскому дозволяли пустить въ ходъ столь нетерпѣливо ожидаемое австрійскимъ дворомъ рѣшеніе, только въ крайнемъ случаѣ. Чарторижскій съ Убри отправилъ къ Разумовскому длиннѣйшія депеши, помѣченныя 30 Апрѣлемъ и 1 Мая, содержавшія пространныя извиненія передъ Австрійскимъ правительствомъ и подробныя объясненія по Которскому дѣлу.

„L'Empereur n'a appris qu'avec une peine infinie,—писалъ министръ иностранныхъ дѣлъ,—que ses commandants dans la Méditerranée, se fondant, à ce qu'il paraît, sur les notions publiques qu'ils avaient de la cession des bouches du Cattaro à la France, en ayant demandé la remise aussitôt que le terme annoncé pour la prise de possession par les français fut expiré. S. M. a trop vivement le désir de conserver l'amitié de S. M. I. et R. pour jamais donner des ordres qui puissent y porter atteinte et encore moins blesser ses droits de souveraineté, mais d'un autre côté, n'ayant reçu jusqu'ici aucun rapport direct de ses employés sur ce qui s'est passé à cette occasion, elle ne saurait

porter un arrêt contre eux, surtout parce qu'ils ont pu aussi régler leur conduite à cette occasion sur la promesse qui fût faite par l'Autriche aux habitants de Cattaro pour prix de leur soumission, de ne les céder jamais à personne que de leur bon gré. Cependant S. M. I. n'a nullement l'intention d'établir une discussion sur le plus ou moins de droit que ses commandants pouvaient avoir de se porter aux démarches dont la cour de Vienne se plaint. L'examen de leur conduite ne paraît point à l'Empereur l'objet le plus pressant, et il remet de s'en occuper au moment où il aura reçu leurs rapports. S. M. croit, que pour prendre une résolution dans cette affaire, il faut la considérer sous toutes ses phases et ne pas s'attacher uniquement au point de vue sous lequel elle a été considirée à Vienne, celui de l'offense faite au pavillon autrichien. Jamais l'intention des employés russes n'a été de priver l'Autriche de ce poste. Sachant leur Maître en guerre avec la France, sachant que les bouches du Cattaro étaient cédées à cette puissance, que le terme de sa remise était expiré, ils ont cru n'avoir plus les mêmes ménagements à garder. Ce n'est dans aucun cas une mesure dirigée contre l'Autriche, mais une malheureuse combinaison produite par l'état de guerre qui agite encore l'Europe. Personne ne disconviendra, que comme poste militaire la possession des bouches du Cattaro était importante pour la station russe dans la Méditerranée, et je crois que les français avoueront eux-mêmes qu'ils eussent agi dans des circonstances semblables comme l'ont fait les employés russes".

Это первое объясненіе показалось вѣроятно въ Петербургѣ не довольно убѣдительнымъ, за нимъ послѣдовало второе. „L'Empereur charge v. e. d'exprimer encore plus particulièrement au ministère de S. M. I. et R. Ap. la peine que lui cause l'évènement de Cattaro. Il se flatte que son auguste allié n'aura pas pensé un moment que l'intention des commandants russes ait été d'attenter aux droits de l'Autriche ou de lui susciter des embarras du côté de la France. Cependant c'est cette dernière appréhension qui a le plus affligé S. M. I. et elle a résolu immédiatement de faire tout ce qui dépendrait d'elle pour détourner de l'Autriche les effets du mécontentement de la France. Indépendamment de la négociation directe que vous êtes chargé d'entamer sur cet objet, vous êtes autorisé, m. le comte, a faire usage de la dépêche si jointe à m. Sankovsky et d'écrire dans le même sens à m. l'amiral Seniavine pour opérer la restitution aux autrichiens ces bouches du Cattaro, aussitôt que vous verrez que la cour de Vienne pourrait être menacée par la France. Après ces témoignages réitérés de la part que prend notre auguste Maître à la situation critique de S. M. I. et R. A., il croit pouvoir attendre que de son côté elle ne voudra faire usage de notre bonne volonté de rendre Cattaro, que si les circonstances l'exigeaient

absolument et qu'elle considérera tous les motifs que la Russie doit avoir de chercher à conserver ce poste, ou au moins de ne pas l'abandonner, sans avoir songé à la sûreté des habitants qui se sont prononcés en notre faveur et des monténégrins qui ont pris part à cette occupation. En cédant sur ce point avec trop de facilité on ne fera qu'enhardir Bonaparte à faire de nouvelles demandes et à menacer à tout moment l'Autriche. L'occupation de Cattaro a été provoquée par la grande quantité de troupes que Bonaparte a fait passer en Dalmatie. C'est par le territoire autrichien qu'il les y a portées et il exige encore de nouvelles facilités pour ses transports, qui n'ont d'autre but que d'organiser des moyens pour agir offensivement contre nous dans l'empire ottoman. L'Autriche est aussi intéressée que nous à l'empêcher et pourrait-elle ne point trouver juste, que si nous condescendons à rendre Cattaro, que du moins nous ayons la certitude que les états autrichiens ne deviendront pas à l'avenir le point, d'où partiront tous les coups de Bonaparte contre nous. Il est très-facile de rendre ce poste, mais la cour de Vienne peut-elle espérer que lorsque Bonaparte sera satisfait sur ce point, qu'il ne formera plus de prétentions à sa charge et si la Turquie nous forçait à la guerre, ne demandrait-il pas le passage pour des corps considérables de troupes sans avoir égard à la condescendance que nous aurions eue en rendant un poste qui surtout est d'une importance majeure pour un cas semblable? N'est-il pas visible qu'il peut se renouveller journellement des collisions de la nature de celle, qui existe en ce moment et en les prévoyant, tout commande de tâcher de se procurer des sûretés que l'Autriche ne sera pas inquiétée à l'avenir, puisque par le fait elle n'y prend aucune part. Certainement le moyen adopté par l'Empereur est peut-être le seul qui puisse donner l'espoir d'atteindre ce but et S. M. I. désire que tout ce qui concerne l'affaire de Cattaro soit réglé dans le concert le plus parfait avec le ministère de S. M. I. et R. et je ne saurais assez vous le recommander".

Одинъ Разумовскій оставался грустнымъ въ Вѣнѣ среди всеобщей радости. Приказъ о сдачѣ Котора былъ только условный, къ тому же самая уступка блѣднѣла передъ ужасомъ, который вселяла въ послѣ одна только мысль о переговорахъ съ представителемъ ненавистнаго ему Наполеона. Всякое сближеніе съ Франціею шло прямо на перекоръ задушевнымъ убѣжденіямъ посла; ему казалось унизительнымъ, особенно послѣ Аустерлицкаго пораженія, протягивать руку гордому побѣдителю, столь надменно обходившемуся съ главами древнѣйшихъ владѣтельныхъ династій Германіи; къ тому же самое порученіе носило какой-то странный, двусмысленный оттѣнокъ. Во всемъ чувствовалась недомолвка, хотя и много исписано было бумаги. Изъ част-

ныхъ писемъ разгадалъ графъ Андрей Кирилловичъ всю суть дѣла. Сперва рѣшено было ему поручить переговоры, но послѣ одумались. Извѣстія, сообщенныя самимъ Убри, подтверждали прежніе недобрые для посла слухи. Назначеніе князя Куракина въ Вѣну считалось въ Петербургѣ уже состоявшимся; о Разумовскомъ всѣ тамъ говорили какъ о новомъ послѣ въ Лондонѣ и Убри не скрылъ отъ графа Андрея Кирилловича, что положеніе самого Чарторижскаго съ каждымъ днемъ становится более шаткимъ. Сообщая всѣ эти „dessous de cartes", Убри, вѣроятно вслѣдствіе приказаній, полученныхъ въ Петербургѣ, не вполнѣ открылъ послу данныя ему секретныя инструкціи и вовсе не упомянулъ о полученныхъ имъ лично отъ Государя изустныхъ приказаніяхъ.

Сближеніе съ Франціею было единственною цѣлью прибытія Убри и Разумовскому предписывалось при содѣйствіи графа Стадіона немедля войдти въ сношеніе съ однимъ изъ французскихъ уполномоченныхъ при Вѣнскомъ дворѣ. Въ Петербургѣ еще не знали вернулся ли въ Вѣну Ларошфуко и предполагали, что генералъ Андреосси, оставленный Наполеономъ послѣ перемирія, для возобновленія дипломатическихъ сношеній и окончанія дѣлъ по военной контрибуціи, по прежнему управлялъ дѣлами французскаго посольства.

Которское дѣло должно было служить предлогомъ къ началу переговоровъ.

„Si l'on veut éviter à l'avenir de pareilles collisions,—сказано было въ инструкціи Разумовскому,—S. M. ne voit qu'un seul moyen: c'est de faire cesser l'état de guerre, qui, en établissant le point de contact des forces russes et françaises sur les frontières de l'Autriche, menacera constamment cette puissance de voir sa tranquillité troublée. L'Empereur est prêt à travailler à ce but désirable et il trouve dans les ouvertures, que le sieur Lesseps a eu ordre de faire ici au nom de son gouvernement, une preuve que celui-ci partage ce voeu. En conséquence vous êtes autorisé, m. le comte, d'annoncer au c-te de Stadion, que vous êtes chargé de faire parvenir au gouvernement français différentes ouvertures et à prier s. e. de vous procurer la facilité de vous expliquer soit avec m. de la Rochefoucauld, soit aussi avec le général Andréossy. Lorsque cette entrevue sera concertée, vous voudrez bien dire à la personne, avec laquelle vous vous trouverez dans le cas de traiter, que l'Empereur a adopté le principe mis en avant ici par m. Lesseps, que deux grandes puissances n'avaient pas besoin d'intermédiaires pour discuter et régler leurs intérêts et qu'il vous avait chargé de vous en occuper en son nom; que l'affaire de Cattaro, en rétablissant les hostilités réelles entre les deux états, avait concouru à faire adopter ce parti et que, quoique l'Empereur ne l'envisageait point comme le prin-

cipal objet que les deux états eussent à discuter entre eux, cependant que les facilités qui seraient apportées de part et d'autre à le régler d'une manière conforme à l'honneur et aux intérêts de la Russie, de la France et même de l'Autriche, que l'Empereur serait charmé de voir rassurée sur les suites qui peuvent en résulter pour elle, contribueront à accélérer les explications sur tous les autres points, que vous étiez autorisé à discuter les uns et les autres et qu'indépendamment de ce moyen de communication S. M. avait songé à en établir un plus direct encore en désignant une personne de confiance, qui se rendrait en France à titre d'agent pour les prisonniers et qui serait munie d'autorisations pour discuter les bases qui pourraient rendre la paix à l'Europe, aussitôt que m. de la Rochefoucauld ou m. Andréossy vous témoignerait que sa présence y serait agréable et vous fournirait les passeports nécessaires à son voyage... Pour le cas que votre négociation pût mener à quelque heureux résultat ou même, si vous en aviez seulement besoin pour prouver à la France notre bonne volonté à traiter, l'Empereur m'a ordonné de vous transmettre le plein pouvoir cijoint".

„Обращая всегда наше вниманіе,—сказано было по полномъ императорскомъ титулѣ, въ полномочіи этомъ,—къ сохраненію въ Европѣ тишины и спокойствія и будучи движимы искреннимъ желаніемъ прекратить вражду и возстановить доброе согласіе съ французскимъ правительствомъ на прочномъ основаніи, мы признали за благо возложить таковое порученіе на особу, обрѣтшую нашу довѣренность. Для этого мы избрали, назначили и уполномочили намъ любезновѣрнаго графа Андрея Разумовскаго, его же симъ назначаемъ, избираемъ и уполномочиваемъ для достиженія сего предмета вступить въ переговоры съ тѣмъ или тѣми, кто для сего со стороны французскаго правительства достаточно къ тому уполномочены будутъ, заключтить съ ними и подписать актъ или договоръ, относящійся до основаній, на коихъ возстановится миръ между Россіи (sic) и Франціи (sic), а равно и между воюющими державами европейскими. Обѣщаемъ Императорскимъ словомъ нашимъ за благо принять и вѣрно исполнять все, что въ силу сей полной мочи онымъ полномочнымъ нашимъ постановлено и подписано будетъ, равно какъ и дать Императорскую ратификацію нашу въ срокъ, который тому назначенъ будетъ. Въ увѣреніе чего сію нашу полную мочь мы подписали и оную государственною нашею печатью утвердить повелѣли".

„Nos dispositions,—пояснялъ при этомъ Чарторижскій, — ne sont changées qu'en ce que nous désirons, que, quelles que soient les premières explications du sieur de la Rochefoucauld ou du général Andréossy, que la personne destinée pour Paris aie la facilité de s'y rendre.

Cela est motivé par la communication que nous avons reçue de Londres. Le gouvernement britannique ayant cru devoir proposer d'ouvrir immédiatement une négociation avec la France, il nous importe d'avoir quelqu'un à Paris qui puisse surveiller nos intérêts et s'entendre avec le plénipotentiaire britannique. Cependant il ne saurait nuire à l'ensemble que sur un autre point nos interêts soient également discutés avec la France et c'est pourquoi l'Empereur désire que vous mainteniez toujours un fil de négociation avec le sieur de la Rochefoucauld ou avec le général Andréossy sur les bases qui servent d'instruction au sieur d'Oubril. S. M. I. est persuadée que malgré la répugnance naturelle que vous aurez, m. le comte, à vous trouver en relation avec les représentants de Bonaparte, que cependant vous y apporterez tous vos soins, sachant le véritable bût que l'Empereur s'en promet, celui de faire cesser l'état affligeant dans lequel se trouve l'Europe. S. M. s'en repose avec confiance à cet égard sur tout ce que vos talents et votre zèle pour son service vous suggéreront".

„Je ne puis qu'être infiniment flatté de la justice que S. M. I. daigne me rendre,—поспѣшилъ отвѣтить на депешу эту Разумовскій.— „Elle est à mes yeux un nouveau gage de l'opinion bienveillante, que j'ai toujours et uniquement ambitionné de sa part. C'est le désir de continuer à la mériter qui seul a pu balancer la peine profonde que j'ai éprouvée de devoir traiter avec un représentant de Bonaparte. Je dois ajouter cependant à l'expression de ce sentiment douloureux le témoignage que l'homme, revêtu ici de cette représentation, n'a rien négligé pour atténuer cette qualité par des formes de politesse et une mesure de respect soutenu tant par rapport à notre auguste Maître, qu'à la nation russe et au caractère dont j'ai l'honneur d'être revêtu".

Не даромъ предвидѣли въ Петербургѣ чего будутъ стоить Разумовскому первые шаги къ сближенію съ ненавистнымъ ему правительствомъ Наполеона. Онъ самъ, какъ мы сейчасъ видѣли, отъ этого не отрекался. Съ наболѣвшимъ сердцемъ приступилъ онъ къ данному ему порученію. Съ Ларошфуко, который уже вступилъ вновь въ управленіе французскимъ посольствомъ, графъ Андрей Кирилловичъ знакомъ не былъ. Онъ съ величайшимъ презрѣніемъ отзывался объ этомъ представителѣ древняго французскаго рода, поступившемъ на службу къ избалованному счастіемъ корсиканцу. Русскій посолъ не разъ подсмѣивался надъ грубостью Ларошфуко, который, не смотря на свое происхожденіе, не отличался особенною изысканностью въ обращеніи. Разумовскій обратился къ графу Стадіону, вкратцѣ сообщая ему суть полученныхъ имъ черезъ Убри инструкцій и просилъ вице-канцлера устроить свиданіе съ французскимъ посломъ. Съ общаго согласія рѣшено было съѣхаться на квартирѣ графа Стадіона. Ларошфуко

съ крайнею предупредительностью отвѣчалъ австрійскому вице-канцлеру и охотно согласился встрѣтиться съ Разумовскимъ.

„Après les premiers compliments du c-te de Stadion,—доносилъ Чарторижскому графъ Андрей Кирилловичъ,—il nous laissa seuls et j'ouvris l'entretien, en exposant les motifs, qui avaient déterminé mon auguste Maître à me prescrire cette démarche; je les puisai dans les instructions que v. e. m'a transmises. J'appuyai sur l'intention franche de S. M. I. de rétablir le calme en Europe sur des bases, conformes à l'intérêt des puissances et à la sollicitude qui animait mon Souverain. Je lui fis part des ouvertures dont avait été chargé le sieur Lesseps auprès de notre ministère. Elles ont été fondées sur le principe que deux grandes puissances, intentionnées a retablir la bonne intelligence entre elles, pouvaient s'entendre sans intermédiaires; que S. M. I., adoptant ce principe, avait jugé à propos de me donner les autorisations les plus formelles sur tout ce qui pourrait conduire à ce but; que ses voeux à cet égard avaient acquis un degré plus positif par les suites fâcheuses qu'avait eu pour la monarchie autrichienne l'affaire de Cattaro, et que si elle se désistait d'une possession aussi importante pour elle, c'était assurément donner une preuve bien convaincante de son désir de ramener la paix générale en Europe. J'ajoutai que pour y parvenir d'autant plus aisément et aplanir dans une discussion suivie toutes les difficultés qui pourraient se présenter, S. M. I. avait jugé à propos de désigner une personne de confiance pour se rendre à Paris, à titre de commissaire pour les prisonniers, qu'elle avait fait choix pour cette mission du conseiller d'état Oubril, et que je priais en conséquence m, de la Rochefoucauld de me donner ou d'obtenir les passeports nécessaires pour qu'il pût de suite entreprendre son voyage. M. de la Rochefoucauld me répondit à la première partie de mon discours par les protestations les plus réitérées du désir de l'empereur (c'est ainsi qu'il qualifia toujours Bonaparte) de se rapprocher de la Russie. Il répéta fréquemment les assurances de son *estime particulière* pour notre auguste Maître, en ajoutant, qu'à son départ pour Paris, Bonaparte lui avait à différentes reprises parlé dans ce sens, lui enjoignant de s'en expliquer de la sorte, si jamais l'occasion s'en présentait. Je lui demandai si, conformément à des sentiments pareils, il n'était point muni de la part de son gouvernement d'instructions et de pouvoirs plus étendus? Il me repliqua qu'il n'en avait aucun; et après m'avoir prévenu qu'il ne me parlait qu'uniquement d'après son opinion particulière, il se mit à combattre quelques unes de mes propositions et nommément celle de la mission de m. d'Oubril, allant même jusqu'à me faire entendre qu'elle ne serait pas agrée, cherchant à me faire renoncer d'y insister, concluant cependant, que si je voulais y persé-

vérer, il était de son devoir de rendre à son gouvernement mot pour mot ce que je demanderai. Il témoigna ensuite, toujours comme son opinion particulière, qu'il serait plus conforme à la dignité des deux puissances et au but qu'elles voulaient atteindre, que la négociation eût lieu ici, que si je voulais lui en communiquer les bases, il les ferait passer à Paris et qu'il ne doutait pas, que cette voie n'y fût préférée a toute autre. A la suite de ces explications, il amena la conversation sur l'affaire de Cattaro et ce fût pour me demander, si la restitution en serait bientôt faite, d'après la promesse que le c-te de Stadion lui a dit en avoir été donnée de S.-Pétersbourg? Voilà, mon prince, quel a été le langage de m. de la Rochefoucauld à mon égard. J'ai voulu vous le tracer dans toute son étendue. Je vais actuellement vous exposer mes repliques et comment s'est terminé mon premier entretien. La manière dont il m'a parlé de la mission de m. d'Oubril, combinée avec la forme qu'il voulait me faire adopter pour notre négociation, m'a fait juger qu'il serait prudent de ne rien précipiter dans cette première entrevue. Je le priai de suspendre tout rapport à son ministère, jusqu'à ce que dans un second entretien que je ne tarderai pas à lui demander, je me misse à même de lui énoncer plus positivement ce qu'il aurait à lui transmettre. J'ai cru devoir m'abstenir de faire une mention quelconque sur les points, sur lesquels nous voulons traiter. Je n'ai pas besoin de vous observer combien notre position à leur égard est épineuse. C'est surtout au début d'une négociation aussi délicate. qu'il comporte de ne point compromettre l'honneur, la dignité et l'intérêt de notre cour. Lorsque m. de la Rochefoucauld m'invita à lui communiquer nos bases et que je lui objectai, qu'il n'était muni d'aucun pouvoir, il se servit d'une expression remarquable, qui ajoute un nouveau poids à l'observation que je viens de faire sur les entraves pénibles qu'on ne doit pas se dissimuler dans cette négociation. Il me dit: que s'il était dépourvu d'instructions particulières il connaissait parfaitement le *cadre* que la France s'était formée, et par conséquent les objets qui étaient de nature à y être admis, que ce *cadre* était vaste, et qu'il me laissait à juger si dans la position où se trouve aujourd'hui la France, elle pouvait consentir à le restreindre. Sur l'affaire de Cattaro, saisissant l'occasion qu'il m'en offrait, je lui fis sentir l'importance de l'objet, celle du sacrifico de mon auguste Maître et combien il serait conforme de part et d'autre aux dispositions pacifiques, dont nous nous entretenions, que cette affaire devint un des mobiles des heureux résultats que nous avious à nous promettre. En abondant dans ce sens, vis-á-vis de lui, je ne me suis point flatté de porter atteinte au principe déjà connu de terminer cette affaire directement et exclusivement avec la cour de Vienne, il m'en renouvella la confirmation la plus

expresse. Il avait connaissance par le c-te de Stadion de l'expédition faite la veille à m. de Sankovsky. Il savait qu'elle ne contenait rien de déterminé et il me demanda: quand je croyais pouvoir donner des ordres plus positifs, revenant sur ceux qu'avait formellement Marmont et dont l'exécussion n'avait été suspendue que par les assurances, qu'avait données cette cour-ci, du prochain accomplissement des promesses de la nôtre. Je me bornais à lui répondre, qu'effectivement m. de Sankovsky n'avait que des ordres provisoires et qu'il pourrait bien se passer encore quelques semaines jusqu'à ce qu'il en reçut de plus précis.

C'est à la suite de cet entretien que, réfléchissant à la manière, dont il conviendrait le mieux de fixer nos premiers pas dans la négociation dont je suis chargé, j'ai jugé qu'une espèce de note ou plustôt un memorandum sans dénomination quelconque et sans signature, que je remettrais à m. de la Rochefoucauld pour être transmis à Paris, remplirait ce but. J'en ai confié la rédaction à m. d'Oubril, si parfaitement instruit de tout ce qui a amené l'état actuel des choses. J'en joins ici une copie, persuadé que v. e. en approuvera le sens qui m'a paru analogue à toutes les considérations que j'ai puisées dans les instructions qu'elle m'a fait parvenir. Dans un second entretien, qui a eu lieu ce matin, j'ai fait lecture de cette pièce à m. de la Rochefoucauld. Il en a été parfaitement satisfait et après avoir renouvellé quelques objections sur l'envoi de m. d'Oubril, lorsque je lui observais: que je ne pouvais douter un instant, non seulement de son admission, mais encore de la bonne réception qu'on lui ferait, d'après les motifs: qui avaient engagé mon auguste Maître à lui confier cette mission honorable; que d'ailleurs son séjour à Paris n'empêcherait nullement que notre négociation soit suivie ici, qu'il serait à même au contraire de lui donner plus d'activité par des explications directes avec leur ministère. Il se rendit à mon opinion et nous nous séparâmes après qu'il m'eût dit qu'il rendrait compte ce soir même de tout ce qui s'était passé entre nous et que son courrier pourrait être de retour dans 17 ou 18 jours“ [1]).

На другой день послѣ отправки приведенной выше депеши, Разумовскій опять писалъ къ Чарторижскому и передавалъ ему новыя подробности о свиданіяхъ своихъ съ французскимъ посломъ. Ларошфуко не могъ скрыть на первой своей конференціи удовольствія, которое ему доставляла мысль вести самому переговоры, поэтому отправка Убри въ Парижъ видимо ему не нравилась. Въ Европѣ всѣ удивятся, говорилъ онъ Разумовскому, что назначенъ особый агентъ

[1]) Депеша отъ 19 Мая.

для переговоровъ о русскихъ военноплѣнныхъ а если Убри ѣдетъ какъ уполномоченный, то примѣръ прошлаго года доказываетъ, до какой степени назначеніе довѣреннаго лица еще ничего не означаетъ, намекая, очевидно, на неудавшуюся миссію Новосильцова. Къ тому же французскій посолъ сомнѣвался даже въ томъ, высланы ли будутъ Убри изъ Парижа паспорты, если со стороны графа Андрея Кирилловича, при требованіи ихъ, не воспослѣдуетъ болѣе подробныхъ объясненій относительно намѣреній и видовъ Россіи въ данную минуту. Разумовскій просилъ Ларошфуко принять все имъ сказанное только какъ вводное предложеніе, и выразилъ французскому послу надежду снова вскорѣ свидѣться. Передъ концемъ перваго совѣщанія Разумовскій заговорилъ о начавшихся между Франціею и Англіею переговорахъ, которые, какъ можно было судить изъ словъ сказанныхъ Наполеономъ австрійскому повѣренному въ Парижѣ, генералу Венсану, шли не вполнѣ успѣшно. Ларошфуко поспѣшилъ замѣтить, что дѣло это не имѣло ничего общаго съ предметомъ ихъ совѣщаній, на это русскій посолъ ничего не отвѣтилъ, но онъ тутъ же рѣшилъ въ умѣ своемъ ясно обозначить въ меморандумѣ, который онъ намѣренъ былъ передать французскому правительству, что Россія согласится на отдѣльный миръ только въ томъ случаѣ, если это окажется необходимымъ для общаго и притомъ прочнаго замиренія Европы. На второмъ свиданіи, Разумовскій передалъ Ларошфуко составленный имъ меморандумъ. Послѣдній сталъ, какъ казалось, сговорчивѣе относительно способа вести переговоры, но все еще напиралъ на необходимость обоимъ посламъ немедля приступить къ обмѣну мыслей, находя миссію Убри въ Парижъ совершенно безполезною и увѣряя, что русскіе плѣнные ни въ чемъ нуждаться не будутъ. На это Андрей Кирилловичъ замѣтилъ, что Государю несчастные его подданные, томящіеся въ плѣну, особенно дороги и что онъ желаетъ имъ придти на помощь. Ларошфуко неоднократно упрекалъ русскаго посла въ излишней сдержанности. На это Разумовскій замѣтилъ, что ему крайне трудно, при началѣ переговоровъ, входить въ подробности, въ то время когда самъ Ларошфуко не имѣетъ еще изъ Парижа ни инструкцій, ни полномочій. Поѣздка г. Убри нисколько но помѣшаетъ намъ, добавилъ посолъ, продолжать здѣсь наши совѣщанія, наоборотъ, такъ какъ предметъ нашихъ переговоровъ ему вполнѣ извѣстенъ, то, быть можетъ, ему удастся, по моимъ указаніямъ, добиться въ Парижѣ тѣхъ условій, на которыя вамъ бы трудно было согласиться здѣсь. Послѣ этаго замѣчанія, графъ Андрей Кирилловичъ спросилъ еще у французскаго посла, переслалъ ли онъ въ Парижъ переданный имъ меморандумъ и не находитъ ли онъ въ немъ чего-либо такого на что бы не могло дать своего согласія французское правительство? Ларошфуко отвѣчалъ,

что, ничего подобнаго онъ въ меморандумѣ не нашелъ и что выслушавъ всѣ объясненія Разумовскаго относительно миссіи Убри, онъ не только уже не сомнѣвается въ томъ, что желаніе русскаго кабинета будетъ исполнено но еще увѣренъ что Наполеонъ сдѣлаетъ гораздо болѣе того, чего отъ него требуютъ изъ Петербурга. Однако касательно плѣнныхъ, французскій посолъ находилъ, что рѣшительно не стоило отправлять особаго коммиссара и, желая доказать до какой степени Наполеонъ готовъ сдѣлать все угодное Императору Александру, высказалъ убѣжденіе, что всѣ русскіе военноплѣнные будутъ освобождены безъ всякихъ условій при самомъ началѣ переговоровъ. „Будущее докажетъ,—писалъ въ заключеніе депеши своей Разумовскій,—восколько дѣйствительность подтвердитъ всѣ эти завѣренія" [1]).

Меморандумъ, переданный Разумовскимъ Ларошфуко, былъ слѣдующаго содержанія:

„L'état de guerre qui se prolonge entre la Russie et la France, ne présente ni à l'une, ni à l'autre de ces puissances de dangers directs ou immédiats et le voeu, qu'elles manifestent réciproquement, de travailler à la paix, ne saurait avoir uniquement pour but que de faire cesser les hostilités entre elles, lorsque ce point semble déjà réglé en partie par les distances qui séparent leurs principales forces.

Si sur quelques points encore elles peuvent se rencontrer, l'effet de leurs mouvements, de leurs opérations menace immédiatement des états, qui n'ont jusqu'ici pris aucune part aux grands évènements de l'Europe, ou qui, par leurs sacrifices sont acheté le droit de jouir de leur tranquillité.

Leurs dangers ne naissent point uniquement de l'état hostile qui se prolonge entre la Russie et la France, mais ils existeront aussi longtemps, que la paix générale ne sera point rendue à l'Europe.

Cette vérité incontestable dicte à la Russie la conduite qu'elle a à tenir, indique quelles sont ses voeux, et à porté. S. M. I. à adhérer au principe énoncé par le gouvernement français, que deux grandes puissances pouvaient s'entendre et devaient s'expliquer sans intermédiaires.

Le seul objet que la Russie et la France peuvent avoir en vue est le rétablissement du calme en Europe.

La Russie n'a point de sacrifices à demander pour elle-même à la France. Elle n'a pas non plus de concessions importantes à lui faire. mais cependant elle serait prête à souscrire à toutes celles compatibles avec son honneur et sa sûreté, qui seraient reconnues indispensablement nécessaires pour le rétablissement d'une paix solide et permanente;

---

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 20 Мая.

mais elle se flatte aussi de trouver du côté de la France et de ses alliés, des dispositions analogues aux siennes.

S. M. I. de toutes les Russies a voulu qu'il n'y eût aucun doute sur ses dispositions et elle à chargé son ambassadeur près la cour de Vienne d'ouvertures envers la France, appuyées d'autorisations formelles d'entrer en négociation. Il s'est acquitté de la première tâche; le but général qu'a son Maître, n'est plus douteux.

Les arrangements particuliers nécessaires pour qu'il soit rempli, et le mode qui peut le plus sûroment et le plus promptement y mener, appartiennent à une discussion plus détaillée.

C'est à la suite seulement de cette discussion qu'on pourra juger, si pour assûrer le calme général, il faut commencer, ou, non, par faire cesser entièrement l'état hostile entre la Russie et la France.

Cette discussion pourra peut-être, dans le début, se ressentir de l'aigreur qui accompagne ordinairement l'état de guerre, mais si les deux états ont également pris pour base de leurs ouvertures, le désir de rétablir la tranquillité générale en Europe, et s'ils tiennent immuablement à ce principe, quels obstacles une ferme résolution d'atteindre à ce but, si universellement désiré, ne parviendrait-elle pas à vaincre?

Faciliter les moyens de s'expliquer et de s'entendre, sans porter atteinte à sa dignité ou à celle de la France, a été l'un des soins principaux du Souverain de la Russie.

Il a muni son ambassadeur à Vienne d'autorisations. Un agent Français, résidant en Russie pendant toute la durée de la guerre, a eu les moyens de recevoir les directions de son gouvernement; des ouvertures pour un rapprochement en ont été la suite, et enfin l'Empereur désigne une personne, jouissant de sa confiance, instruite par lui-même de ses intentions, pour se rendre à Paris, afin de chercher les moyens de les combiner avec ce que les vues de la France lui feront désirer.

Pour écarter de ce dernier travail les entraves qui pourrraient naître de formalités peut-être génantes, l'agent de la Russie doit être chargé d'une commission particulière, et l'amour d'un souverain pour ses sujets malheureux explique suffisamment ce qui a déterminé à choisir, de préférance à toute autre tâche ostensible, celle de porter des secours à des Russes, que le sort de la guerre retient en France.

La Russie, en proposant ces deux modes, à jugé qu'ils réunissaient ce qu'exige la dignité des deux puissances et le besoin qu'elles ont pour elles-mêmes et pour la majeure partie des états de l'Europe de s'expliquer avec franchise. La France, en les adoptant, suivra les principes qu'elle-même a mis en avant et donnera au souverain de la Russie un nouveau témoignage des voeux qu'elle forme pour le prompt rétablissement de la bonnne harmonie entre les deux états".

Нѣсколько дней спустя Ларошфуко уже самъ черезъ Стадіона просилъ свиданія у Разумовскаго. Онъ спѣшилъ ему объявить, что какъ предполагаемая миссія Убри, такъ и самое назначеніе посла уполномоченнымъ были Наполеону весьма угодны и что даже уже высланы паспорты на проѣздъ перваго въ Парижъ. Графъ Андрей Кирилловичъ удивился такой быстротѣ и попенялъ Ларошфуко за слишкомъ спѣшное сообщеніе своему правительству о первомъ ихъ свиданіи, на которое русскій посолъ смотрѣлъ только, какъ на подготовленіе къ началу переговоровъ. Французскій дипломатъ извинялся тѣмъ, что онъ хотѣлъ поскорѣе порадовать парижскій кабинетъ доброю вѣстью и сталъ расспрашивать о томъ, когда намѣренъ Убри отправиться въ Парижъ. Поспѣшность не входила въ обычаи Разумовскаго и была ему не по вкусу. Онъ былъ воплощеніемъ классической и дипломатической школы. Все въ немъ было плавно, разсчитано, важно и всякая торопливость, по мнѣнію его, была несогласна съ высокимъ саномъ посла. Къ тому же онъ непріятно пораженъ былъ тѣмъ, что Ларошфуко попрежнему не только не получалъ никакихъ полномочій для веденія съ нимъ переговоровъ, но даже, какъ сквозило изъ его словъ, мало даже былъ посвященъ въ тайны Наполеоновой политики. Однако явно было, что французскій посолъ искренно желалъ сближенія между Россіею и Франціею. Разумовскій, на запросъ Ларошфуко о времени отъѣзда Убри, отвѣчалъ, что послѣдній самъ его объ этомъ увѣдомитъ. При этомъ Ларошфуко замѣтилъ, что Убри не для чего принимать на себя званіе агента, отправляемаго для переговоровъ о плѣнныхъ; но графъ Андрей Кирилловичъ снова подтвердилъ что заботы о плѣнныхъ составляютъ важнѣйшую цѣль его миссіи. На этомъ разговоръ прекратился и оба дипломата разстались, обмѣнявшись учтивостями и обоюдными пожеланіями счастливой развязки начатаго дѣла, а вслѣдъ за этимъ и прочнаго мира для Европы. Переговоривъ съ Убри и условившись касательно того, что онъ скажетъ Ларошфуко, графъ Андрей Кирилловичъ просилъ его посѣтить послѣдняго и сообщить ему о днѣ своего отъѣзда [1]). Убри отправился къ французскому послу и между прочимъ заявилъ ему, что считаетъ необходимымъ, для благого исхода будущихъ своихъ переговоровъ съ Талейраномъ, дождаться въ Вѣнѣ отвѣта на поданный Разумовскимъ меморандумъ. Заявленіе это Убри сдѣлалъ по настоянію графа Андрея Кирилловича, объясняя при этомъ Ларошфуко, что русскимъ уполномоченнымъ необходимо, при самомъ началѣ возложеннаго на нихъ важнаго порученія, знать принятъ ли въ Парижѣ предложенный ими способъ веденія переговоровъ. Всякое затрудненіе со стороны Разумов-

[1]) Депеша отъ 2 Іюня.

скаго или Убри безпокоило нѣсколько робкаго Ларошфуко, искренно желавшаго примиренія. Онъ особенно боялся столкновеній при началѣ переговоровъ, зная что Напелеонъ, послѣ успѣховъ своихъ, не склоненъ будетъ къ настойчиво выставляемымъ условіямъ. Онъ отвѣчалъ Убри, что въ меморандумѣ Разумовскаго предложены были два способа вести переговоры, что одинъ изъ нихъ уже избранъ французскимъ правительствомъ, поэтому никакого дальнѣйшаго отвѣта изъ Парижа ожидать не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что въ остальномъ нота Разумовскаго касалась только самыхъ общихъ вопросовъ. Убри не скрылъ до какой степени онъ былъ пораженъ отвѣтомъ французскаго посла и положительно объявилъ, что ранѣе недѣли не выѣдетъ изъ Вѣны и надѣется до отъѣзда получить болѣе положительный отвѣтъ изъ Парижа. Новыя настоянія ни къ чему не повели и Ларошфуко принужденъ былъ, хотя и нехотя, обѣщаться, что сообщитъ въ русское посольство тѣ извѣстія, которыя получитъ изъ Парижа до отъѣзда Убри. Кромѣ того послѣдній требовалъ отъ французскаго посла, чтобы въ паспортѣ, высланномъ ему изъ Парижа, подробно обозначена была цѣль его миссіи относительно плѣнныхъ. Объясняя причины подобнаго настоянія, Убри замѣтилъ, что не желаетъ подчинить срокъ своего пребыванія въ Парижѣ, обороту, который могутъ принять переговоры о мирѣ и сдѣлаться невольною причиною новыхъ усложненій, которыя, чего добраго, вмѣсто всѣми желаемаго покоя, приведутъ только къ болѣе кровопролитной войнѣ. На это послѣднее требованіе Ларошфуко отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Паспортъ былъ ему присланъ самимъ Талейраномъ, измѣнить въ немъ онъ ничего не могъ и дѣло о плѣнныхъ не могло встрѣтить ни малѣйшаго затрудненія со стороны Французскаго правительства, что же касалось до войны между Россіею и Франціею, то она представлялась послу чѣмъ-то чудовищнымъ. Убри созналъ невозможность перемарывать паспортъ и удовольствовался тѣмъ, что званія агента по дѣламъ военноплѣнныхъ у него не оспариваютъ, при этомъ, однако, онъ еще разъ заявилъ, какъ полезно бы было заранѣе условиться насчетъ главныхъ, по крайней мѣрѣ, вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ по преимуществу зависѣлъ успѣхъ переговоровъ. Ларошфуко отвѣчалъ, что на этотъ счетъ никакихъ указаній онъ изъ Парижи не получалъ, что знаетъ только о полной готовности Наполеона на примиреніе и что, хотя самъ лично не вполнѣ одобряетъ образа дѣйствій русскихъ уполномоченныхъ, однако искренно желаетъ имъ успѣха и надѣется, что Убри поспѣшитъ отъѣздомъ въ Парижъ. При этихъ словахъ онъ передалъ русскому уполномоченному полученный паспортъ и Убри откланялся.

Ларошфуко, искренно желавшій и вполнѣ вѣровавшій въ успѣхъ примиренія, поспѣшилъ разгласить по вѣнскимъ гостинымъ, о мирѣ, какъ

уже о почти совершившемся фактѣ, увѣряя, что дѣло рѣшится сейчасъ же послѣ прибытія Убри въ Парижъ. Но при этомъ онъ нѣкоторымъ болѣе близкимъ сообщалъ, что, если Россія, паче чаянія, вздумала бы вмѣшиваться въ европейскія дѣла, то Убри недолго придется оставаться во Франціи. Для Разумовскаго гробовая тайна была условіемъ sine qua non всякаго дипломатическаго переговора. Болтовня Ларошфуко возбуждала въ немъ негодованіе, тѣмъ болѣе, что друзья спѣшили сообщать въ русское посольство разныя новыя выходки французскаго дипломата. Такъ графу Андрею передавали будто Ларошфуко говорилъ, что Убри отправляется въ Парижъ только съ цѣлью признать Наполеона императоромъ и что слухи о мирѣ распространялись французскимъ посольствомъ вслѣдствіе полученныхъ изъ Парижа инструкцій. Самъ Убри, передавая послу подробности своего свиданія, не зналъ на что болѣе жаловаться—на полное ли отсутствіе всякихъ полномочій изъ Парижа или же на непомѣрное легкомысліе Ларошфуко, которому сближеніе съ Россіею казалось до того возможнымъ, что о подробностяхъ не стоило почти говорить.

Въ виду всѣхъ толковъ, ходившихъ по Вѣнѣ, Разумовскій, послѣ совѣщанія съ Убри, рѣшилъ на недѣлю отложить отъѣздъ его. Съ общаго согласія положено было, что Убри, пріѣхавъ въ Парижъ, прежде всего сдѣлаетъ Талейрану запросъ касательно того противорѣчія, которое представляли съ одной стороны молчаніе французскаго кабинета послѣ полученія представленнаго Разумовскимъ меморандума, а съ другой—необдуманныя рѣчи Ларошфуко. Русскіе дипломаты принимали молчаніе Талейрана за не гласное одобреніе меморандума, но странныя рѣчи Ларошфуко давали поводъ придти къ совершенно противоположному заключенію. Добившись категорическаго отвѣта отъ Талейрана, Убри долженъ былъ требовать немедленнаго признанія себя агентомъ русскаго правительства по дѣлу о военноплѣнныхъ и до признанія этого отказаться отъ всякой дальнѣйшей политической дѣятельности. Разумовскій и Убри рѣшили сообща, что несвоевременное представленіе послѣднимъ въ Парижѣ какихъ бы то ни было политическихъ соображеній могло привести къ тому, о чемъ заранѣе хвасталъ Ларошфуко въ вѣнскихъ гостиныхъ, именно къ высылкѣ Убри изъ французской столицы [1]).

Съ присланнымъ изъ Петербурга тайнымъ уполномоченнымъ, графъ Андрей Кирилловичъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

„La recommandation particulière,—писалъ онъ отъ 24 Мая къ Чарторижскому, — dont vous avez bien voulu munir m. d'Oubril auprès de moi, était le titre le plus puissant à ma confiance. On ne

---

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 11 Іюня.

pouvait faire un meilleur choix pour la mission qui lui est confiée. En attendant qu'il puisse la remplir, je serai charmé de le garder ici et de combiner mes idées pour le bien du service avec les notions que votre confiance l'a mis à même d'acquérir".

Не смотря на добрыя отношенія къ молодому уполномоченному, который съ своей стороны былъ весьма сдержанъ и болѣе, въ разговорахъ съ посломъ отмалчивался, Разумовскаго сильно безпокоилъ весь ходъ ненавистнаго ему примиренія; онъ не вѣрилъ въ благопріятное для Россіи окончаніе дѣла, которому далеко не сочувствовалъ. Миръ съ Франціею казался послу чѣмъ-то чудовищнымъ, а поведеніе Ларошфуко, легкомысліе, съ которымъ онъ говорилъ о несомнѣнной удачи переговоровъ, презрѣніе съ которымъ онъ отзывался объ условіяхъ Россіи, увѣряя, что Убри не дозволятъ даже заикнуться въ Парижѣ о чемъ-либо подобномъ, подавали послу полный поводъ опасаться за достоинство Россіи.

Краеугольнымъ камнемъ политическихъ убѣжденій графа Андрея Кирилловича была необходимость тѣснаго тройственнаго союза между Россіею, Англіею и Австріею. Примѣръ прежнихъ годовъ не могъ пошатнуть его вѣры въ спасительность искренней дружбы между тремя государствами. Разумовскій забывалъ, что во всѣхъ подобныхъ союзахъ одна только Россія постоянно всѣмъ жертвовала для другихъ, во вредъ собственнымъ интересамъ, тогда какъ остальными странами всегда руководилъ спасительный эгоизмъ. Правда, что эгоизмъ этотъ. проявлявшійся, впрочемъ, на каждомъ шагу, мало принесъ пользы Австріи, но не слѣдуетъ забывать какія жалкія посредственности стояли во главѣ ея управленія. Мы не разъ уже замѣчали, что графъ Андрей Кирилловичъ былъ отчаяннымъ англоманомъ. Англійскія привычки, съ нѣкоторою чисто-русскою приправою, вошли въ самую суть его природы и всѣмъ пріѣзжимъ въ Вѣну англичанамъ были открыты двери его малодоступнаго вообще дворца. Стойкій въ политическихъ своихъ убѣжденіяхъ, Разумовскій былъ постоянно въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ англійскимъ посольствомъ и всѣ представители Великобританіи одинъ за другимъ были съ нимъ на самой короткой ногѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстная англоманія графа Андрея Кирилловича побудила Императора Александра назначить его посломъ въ Лондонъ, въ ту пору, когда всѣ въ Петербургѣ требовали его отзыва изъ Вѣны. Долгій навыкъ къ международнымъ сношеніямъ, быстрота соображенія, несомнѣнный талантъ въ изложеніи заставляли Государя держаться стараго слуги и дѣлали полную отставку его нежелательною. Въ Лондонѣ, въ отдаленіи отъ многочисленнаго круга вѣнскихъ родственниковъ и знакомыхъ, онъ, какъ казалось, могъ бы еще быть весьма полезнымъ. Но Разумовскій уже слишкомъ сжился съ Вѣною,

чтобы когда-либо ее покинуть. Несмотря на царскіе рескрипты, на частныя письма, на слова Убри, онъ продолжалъ невѣрить своему отзыву, а усложненіе политическихъ обстоятельствъ, нерѣшительность Государя и неурядица въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, какъ бы поддерживали его слѣпую увѣренность.

Съ англійскимъ посланникомъ Паджетомъ Разумовскій былъ особенно близокъ. Онъ признавалъ въ этомъ представителѣ Великобританіи замѣчательныя дипломатическія способности. Къ сожалѣнію, и на это не разъ жаловался графъ Андрей Кирилловичъ въ Петербургъ, Паджетъ былъ невоздержанъ на слово и поэтому русскому послу приходилось, несмотря на личную дружбу, быть съ нимъ насторожѣ. Въ то время, когда Убри пріѣхалъ въ Вѣну, Паджетъ былъ смѣненъ и мѣсто его занялъ новый посланникъ Адеръ (Adair). Онъ слылъ за человѣка весьма умнаго и притомъ крайне воздержаннаго. Съ нимъ поспѣшилъ сблизиться Разумовскій. Послѣднему казалось, и не безъ основанія, весьма важнымъ въ данную минуту точно знать настроеніе лондонскаго кабинета. Начавшіеся въ Парижѣ переговоры, которыми сначала руководилъ лордъ Ярмоутъ, не могли не повліять на миссію Убри. Сиръ Робертъ Адеръ не скрывалъ отъ Разумовскаго тѣхъ затрудненій, среди которыхъ находился только-что назначенный первымъ министромъ Фоксъ, во главѣ правительства, наскоро избраннаго изъ представителей самыхъ враждебныхъ партій. Съ своей стороны, графъ Андрей Кирилловичъ откровенно изъяснялся съ англійскимъ дипломатомъ касательно даннаго ему изъ Петербурга порученія, не скрылъ отъ него истинной цѣли пріѣзда Убри въ Вѣну и даже неоднократно посылалъ къ нему послѣдняго для совѣщаній. Адеръ не вѣрилъ въ благой исходъ начатой Ярмоутомъ негоціаціи, въ виду сильной англійской оппозиціи, громко заявлявшей свое воинственное настроеніе. Убри, несмотря на обычную сдержанность, не могъ вполнѣ скрыть своихъ тайныхъ намѣреній и какъ-то, въ разговорѣ съ англійскимъ министромъ, спросилъ, что будетъ дѣлать Англія, если всѣ другія націи помирятся съ Франціею. Вопросъ этотъ сейчасъ же возбудилъ подозрѣнія Адера. Въ письмахъ и депешахъ, отправляемыхъ имъ въ то время къ Фоксу, онъ прямо заявлялъ, что Наполеону не трудно будетъ оторвать Россію отъ союза съ Англіею и заключить съ первою отдѣльный договоръ. Адеръ небезошибочно предполагалъ, что рядомъ съ письменными полномочіями, у Убри были еще тайныя приказанія, въ силу которыхъ онъ имѣлъ право не особенно стѣсняться въ Парижѣ образомъ дѣйствій Англіи [1]). Вѣроятно съ тѣхъ поръ Адеръ сталъ съ Убри осторожнѣе, но съ Разумовскимъ

[1]) Schosser, Geschichte das XVIII. Jahrhunderts, VII. 145—146.

онъ попрежнему чистосердечно изъяснялся. Вслѣдствіе задушевныхъ ихъ разговоровъ русскій посолъ просилъ своего англійскаго коллегу списаться съ Фоксомъ и точно извѣщать его относительно хода переговоровъ въ Парижѣ.

Несмотря на плохую надежду, питаемую Адеромъ, многіе еще вѣрили въ возможность мира и въ Англіи, при всей воинственности могущественной оппозиціи, большинство ждало съ нетерпѣніемъ окончанія губительной войны. Фоксъ пламенно желалъ мира и сама Франція искала сближенія. Въ Вѣнѣ особенно сильное впечатлѣніе произвело посѣщеніе французскимъ генераломъ Андреосси новаго англійскаго посланника. Всѣ принимали визитъ этотъ за несомнѣнное доказательство сближенія [1]).

Отвѣта изъ Парижа на ноту, поданную Разумовскимъ, такъ Убри и не дождался. Снабженный добрыми совѣтами графа Андрея Кирилловича, русскій уполномоченный рѣшился, наконецъ, покинуть Вѣну и отправился въ Парижъ, чтобы лично съ Талейраномъ завести новые переговоры о мирѣ:

„Après avoir terminé mon expédition officielle,—собственноручно сообщалъ отъ 24 Мая Чарторижскому Разумовскій,—je n'arrête mon courrier que pour donner quelques instants à une correspondance particulière infiniment intéressante pour moi et à laquelle vous ajoutez un nouveau prix par les expressions d'intérêt et d'amitié que contient votre dernière lettre. J'apprécie dans toute son étendue combien il est flatteur d'inspirer de l'estime et de la considération à ceux, pour qui on professe ces mêmes sentiments au plus haut degré. Recevez à ce titre, mon prince, les témoignages de ma profonde sensibilité. J'avais à coeur d'y consacrer le début de cette lettre, mais elle ne doit pas plus longtemps fixer votre attention sur ce qui m'est personnel, lorsqu'il importe si essentiellement de nous occuper de ce qui concerne les affaires et les intérêts de notre Souverain. Je n'ai pas besoin de vous dire, que je me suis livré à l'exécution des ordres que vous m'avez fait parvenir avec tout le zèle que je professe pour le service de l'Empereur. Vous avez bien voulu me rendre justice à cet égard et j'y ai été très-sensible. J'avouerai sincèrement (de vous à moi) que plus je médite sur la commission dont je suis chargé et plus j'appréhende que les résultats n'en seront pas satisfaisants. Il serait inutile de m'étendre sur mes réflexions. Toutes celles qui appartiennent à ce sujet se seront présentées à votre esprit dans toute leur force et sous tous leurs rapports. Elles tiennent à la situation de l'Europe, à la faiblesse des puissances, à leur manque d'énergie, enfin à l'opinion

---

[1]) Депеша отъ 11 Іюня.

qu'en porte l'homme qui les juge et les domine par son caractère, son ambition et son bonheur. Détailler ces éléments, approfondir le système qui leur conviendrait, ne peut-être l'objet d'une lettre écrite à la hâte; ce n'est point ma tâche d'ailleurs, c'est la vôtre, mon prince, et je suis bien convaincu que votre pensée l'a remplie".

Ничѣмъ не окончившіеся переговоры между Разумовскимъ и Ларошфуко далеко отвлекли насъ отъ Которскихъ событій. Несмотря на радость, съ которою Вѣнскій кабинетъ принялъ первыя извѣстія о пріѣздѣ Убри, появленіе русскаго дипломата собственно весьма мало способствовало развязкѣ томительнаго для Австріи дѣла. Правда, уполномоченный петербургскаго кабинета привезъ съ собою разрѣшеніе сдать Которъ австрійцамъ, но разрѣшеніемъ этимъ дозволено было послу пользоваться только въ крайнемъ случаѣ. Хотя въ глубинѣ души графъ Андрей Кирилловичъ находилъ, что все это Которское дѣло было зачато не кстати и что оно запутывало всеобщую политическую неурядицу, однако, въ виду предстоящихъ переговоровъ съ Франціей, онъ находилъ, что достоинство Россіи требовало крайнюю осторожность и никакъ на первыхъ порахъ не намѣренъ былъ спѣшить сдачею. Онъ сообщилъ Стадіону сущность полученныхъ имъ депешъ и думалъ окончательно успокоить его завѣреніемъ, что къ Санковскому отправлено будетъ приказаніе готовиться къ передачѣ Котора. Вскорѣ послѣ этаго заявленія получена была новая депеша отъ Чарторижскаго, съ жалобами на значительное умноженіе французскихъ силъ на югѣ Австріи. Императоръ Александръ Павловичъ былъ этимъ обстоятельствомъ весьма недоволенъ и находилъ, что пропускъ новыхъ французскихъ войскъ черезъ императорскія-римскія владѣнія не согласовался съ нейтралитетомъ Австріи.

„Il est impossible de ne point convenir que si la convention avec la France devait être maintenue dans toutes sa force et teneur,—писалъ отъ 25 Марта Чарторижскій,—la Russie n'aurait plus les mêmes motifs pour évacuer les bouches du Cattaro. Vous voudrez bien, m. le comte, vous expliquer avec le comte de Stadion et lui témoigner que cette nouvelle étant parvenue après l'autorisation qu'il vous avait donnée de faire évacuer les bouches du Cattaro, si les circonstances la rendraient indispensablement nécessaire, il jugeait que ces circonstances avaient tellement changé, que vous ne devez dans aucun cas transmettre les ordres pour les opérer, si l'Autriche n'obtenait pas que le nombre des troupes que la France fera passer par son territoire soit limité et que la durée de la convention soit également calculée sur le temps nécessaire pour former un état militaire strictement défensif en Dalmatie, car sans cette restriction il serait plus que probable que ce serait l'Autriche elle-même qui aurait fourni des armes à

Bonaparte pour assurer sa domination sur l'empire ottoman, ce qui serait ouvertement contraire aux intérêts de la cour de Vienne et nullement compatible avec les nôtres".

Вслѣдствіе этихъ новыхъ приказаній Разумовскій обратился къ вице-канцлеру съ дипломатическою нотою, въ которой онъ просилъ Стадіона требовать отъ французскаго посла самыхъ положительныхъ ручательствъ въ томъ, что немедля послѣ сдачи Котора, Тюилерійскій кабинетъ точнымъ образомъ исполнитъ условія Пресбургскаго мира, т.-е., говоря иными словами, что Австрійскія владѣнія будутъ наконецъ очищены отъ французскихъ войскъ.

„J'ai cru ne devoir articuler la cession de Cattaro,—доносилъ Разумовскій,—qu'après m'être assuré que le motif qui a guidé notre auguste Maître dans sa détermination généreuse serait justifié et son but accompli, en libérant son allié de la situation pénible où il se trouve. L'honneur, la dignité exigeaient que pour prix d'un sacrifice auquel S. M. I. s'est décidée par amitié pour un souverain, dont elle apprécie la déplorable position, elle obtint la certitude, qu'en même temps que Cattaro serait rendu, les troupes françaises s'éloigneraient de ses frontières, complétant ainsi de part et d'autre l'exécution du traité de Presbourg".

Стадіонъ принялъ ноту и передалъ ее Ларошфуко. Отвѣтъ французскаго посла былъ самый рѣзкій. Онъ только-что получилъ довольно строгій выговоръ изъ Парижа. Его упрекали въ вялости и чрезмѣрной уступчивости предъ вѣнскимъ дворомъ. Это возбудило въ Ларошфуко новую энергію и въ то же время значительно подѣйствовало на его нравъ. Обыкновенно учтивый, онъ на этотъ разъ былъ съ вице-канцлеромъ крайне надменен и грубъ, объявляя, что онъ до Россіи не имѣетъ никакого дѣла, что дерзкія ноты ея представителей онъ не намѣренъ даже читать, а что отъ Австріи настоятельнѣе, чѣмъ когда-нибудь, требуетъ сдачи Котора, угрожая ей въ противномъ случаѣ неминуемыми бѣдствіями. Слова Лорошфуко сильно подѣйствовали на Стадіона. Онъ написалъ къ Разумовскому записку, требуя его немедля на совѣщаніе. Посолъ засталъ вице-канцлера въ полномъ отчаяніи. Глядя на него, можно было подумать, что непріятель снова стоялъ у воротъ Вѣны. Съ прерывающимся отъ волненія голосомъ сталъ онъ молить Разумовскаго о безотлагательной отправкѣ въ Которъ нарочнаго курьера съ приказаніемъ Санковскому немедля сдать крѣпость австрійскимъ властямъ. Вице-канцлеръ умолялъ сдѣлать это ради старой дружбы, соединявшей императорскіе дворы. Графъ Андрей Кирилловичъ старался успокоить Стадіона, увѣряя, что никакой крайней опасности не предвидится, что сдачею Котора спѣшить нечего, что Россія сдѣлала все возможное, давъ заранѣе принципіальное на то

согласіе, что отсрочка на нѣсколько недѣль ничего не испортитъ тѣмъ болѣе, что французскому правительству нетолько вполнѣ извѣстно мирное настроеніе Государя, но еще со стороны послѣдняго сдѣланы первые шаги къ переговорамъ. Слова Разумовскаго не могли успокоить австрійскаго министра. Онъ, наоборотъ, доказывалъ, что всякая новая остречка по Которскому дѣлу окажется гибельною для вѣнскаго двора. Съ Россіею Наполеонъ не желаетъ даже входить въ сношенія относительно Бокки, на одну Австрію падётъ весь гнѣвъ его, а посолъ самъ знаетъ на что владыка Франціи способенъ. Стадіонъ не скрывалъ, что дрожитъ за цѣлость имперіи, за Тріестъ, за самую Вѣну, даже за флотъ, воскликнулъ онъ въ отчаяніи, который можетъ сильно пострадать отъ присутствія въ Адріатическомъ морѣ русской эскадры. Разумовскій рѣзко отвѣтилъ на это неожиданное заявленіе, но отчаяніе вице-канцлера, новыя униженныя мольбы, которыми онъ старался загладить свою бестактную выходку, наконецъ на него подѣйствовали. Онъ сталъ поддаваться доводамъ Стадіона, хотя долго еще спорилъ. Австрійскому министру удалось однако увѣрить Разумовскаго, что наступилъ уже тотъ крайній случай, о которомъ упоминалось въ предписаніяхъ изъ Петербурга. Нехотя рѣшался, графъ Андрей Кирилловичъ на отрпавку въ Которъ курьера съ предписаніемъ о сдачѣ.

„J'avouerai", писалъ онъ къ Чарторижскому, „qu'arrivé au dernier période de cette affaire de Cattaro, il me répugnait d'en prononcer la sentence. J'aurais voulu en donner préalablement avis á m. de Sankovsky, l'accompagner de quelques observations sur nos relations dans ces pays-là et mettre quelque intervalle entre cette mesure et celles des autrichiens pour nous remplacer; mais je me suis vu dans la nécessité de céder aux instances du c-te de Stadion".

Разумовскій сильно безпокоился, онъ опасался какъ-бы въ Петербургѣ не нашли согласія его на сдачу Котора слишкомъ поспѣшнымъ, тѣмъ болѣе, что, подъ гнётомъ приказаній изъ Парижа Вѣнское правительство закрыло свои порты англійскимъ и русскимъ кораблямъ и задержало даже всѣ корабли этихъ націй, находившіеся въ Тріестѣ. Извѣстіе объ этомъ не могло не дойти до Петербурга и должно было возбудить тамъ сильное негодованіе, тѣмъ болѣе, что тамошній кабинетъ неоднократно повторялъ Разумовскому, что на сдачу Котора онъ смотритъ, какъ на огромное пожертвованіе, возможное только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

„L'intention de restituer Cattaro pour sauver l'Autriche... devient aujourd'hui un véritable sacrifice... Nous ne doutons pas que ce ne sera qu'à la dernière extrémité que vous consentirez à l'évacuation de Cattaro par les troupes russes,—писалъ къ нему Чарторижскій. Кромѣ того изъ С.-Петербурга требовали отъ Австріи въ благодарность за новое

пожертвованіе какихъ-либо положительныхъ гарантій, особенно послѣ неслыханнаго распоряженія въ Тріестѣ. „C'est au moment même où S. M. mettait le comble à ses procédés envers la cour de Viennne,—писалъ по этому случаю Чарторижскій,—que celle-ci s'est portée à une démarche qui au fond doit être envisagée comme hostile. Il semble que S. M. est en droit à s'attendre que son auguste allié ne balancera pas à lui donner dans ce moment les assurances les plus positives sur ses intentions futures, surtout relativement aux bornes qu'il jugera pouvoir mettre à sa complaisance envers le gouvernement français. V. e. avait été chargée à cet égard d'ouvertures préalables et la peine que nous avons éprouvée de n'obtenir à ce sujet que des réponses vagues et qui étaient peu propres à nous encourager à des discussions plus positives sur des objets aussi pressants, n'a pu que s'accroître maintenant par l'issue inopinée que l'affaire de Cattaro était sur le point de prendre. Le ministrère de S. M. I. et R. sentira que c'est dans ce même moment que des explications franches et complètes de sa part auront plus de prix et qu'il nous les doit même après la preuve éclatante que vient de donner l'Empereur de son amitié pour S. M. I. et R. et de sa résolution de sacrifier tant d'autres considérations au désir de la libérer d'embarras momentanés. Il nous importe beaucoup de savoir à quelle époque la cour de Vienne se croira en état de suivre ses propres impulsions... Il paraît que cette époque ne saurait plus être éloignée quelque soit la tournure que prendra l'affaire de Cattaro, supposé même que le cabinet de Vienne n'aie trouvé aucun autre moyen de se tirer d'embarras et qu'elle se termine par l'évacuation de ce poste (de toutes les manières la plus contraire aux intérêts de l'Autriche comme de la Russie). Ce moment mettra probablement fin au prétentions de Bonaparte... et la monarchie autrichienne pourra enfin s'occuper exclusivement de la régénération des différentes branches de son administration, tant civile que militaire, objet constant de nos sollicitudes. Vous sentirez aisément qu'après ce qui vient d'arriver ceci ne saurait nous suffire... nous devons savoir dès à présent ce que l'Autriche fera si la crainte de s'opposer aux volontés de Bonaparte pouvait se reproduire avec la même force dans d'autres circonstances. Je ne doute pas que le c-te de Stadion ne convienne de la nécessité d'écarter ces justes appréhensions... Nous sommes bien persuadés que dans sa position actuelle, l'Autriche ne saurait risquer de prendre ostensiblement une détermination qui pourrait donner de l'ombrage à Bonaparte, mais, pourvu que nous soyons d'accord sur le principe, il serait aisé de s'arranger pour la forme. L'Empereur vous charge particulièrement, m. le comte, de réunir tous vos soins pour obtenir des résultats satisfaisants à cet égard et S. M. ne doute pas

qu'après toutes les marques d'amitié et de sollicitude qu'elle n'a cessé de donner á l'empereur François et surtout d'après l'intérêt bien avisé de l'Autriche même, la cour de Vienne ne balancera pas d'adhérer à la plus juste des demandes".

На эти новыя депеши приходилось признаваться, что согласіе на сдачу уже дано, что нарочный къ Санковскому уже отправленъ и что въ переговорахъ съ Стадіономъ ни о какихъ гарантіяхъ со стороны Австріи не упоминалось. „Il ne me reste à vous éxprimer,—доносилъ отъ 25 Мая Разумовскій,—sur la restitution de Cattaro, que la douleur que j'ai éprouvée de devoir y souscrire si promptement, si inconditionnellement. Une faible lueur de consolation s'est offerte au moment où j'ai du prononcer cette funeste cession. Le général Brody se trouvait ici. J'ai mis quelqu'un à ses trousses et l'opinion de ce militaire distingué est qu'il ne sera pas difficile, en conservant nos intelligences avec les Monténégrins, de nous remettre en possession de ce pays. A la suite de ces notions je m'en suis procuré de plus étendues d'un officier autrichien que Brody lui-même atteste comme connaissant parfaitement le local. Cet homme est du même avis. Il est mécontent du service et désire passer au nôtre. Je prendrai à son sujet des informations plus exactes, peut-être serait-il utile de l'accepter avec le grade qu'il a ici. Son nom est Roditch, il est major. Toutes ces circonstances m'ont fait juger nécessaire d'adresser une instruction secrète à m. de Sankovsky".

Предписаніе о сдачѣ Котора повезъ къ Санковскому надворный совѣтникъ Харламовъ. Для большей вѣрности съ нимъ вмѣстѣ отряженъ былъ изъ Вѣны австрійскій офицеръ, которому предписано было войти въ соглашеніе съ русскимъ коммиссаромъ относительно предполагаемой сдачи Бокки Которской. Въ оффиціальной инструкціи, переданной Разумовскимъ Харламову, главною причиною сдачи Котора представлялись неправильныя дѣйствія русскихъ агентовъ, при его захватѣ. Санковскому предписывалось сдать Которъ австрійскимъ властямъ, но при этомъ ему приказано было употребить всѣ мѣры къ увѣренію Которцевъ и Черногорцевъ въ искреннихъ и неизмѣнныхъ къ нимъ чувствахъ всероссійскаго Императора, всячески ихъ обнадеживая на счётъ будущаго. Такова была оффиціальная часть данныхъ Харламову порученій. Рядомъ съ этимъ онъ везъ къ Санковскому секретныя приказанія, въ силу которыхъ ему предписывалось откладывать сдачу Котора, подъ всякими предлогами и въ то же время обѣщать, какъ Которцамъ, такъ и митрополиту черногорскому и вообще всѣмъ Далматамъ скорую и сильную помощь войсками и деньгами. Эти секретныя депеши, очевидно, были продиктованы Разумовскому съ одной стороны недовольствомъ, которое возбуждало въ Петер-

бургѣ совершенно пассивное поведеніе вѣнскаго двора, а съ другой—очевиднымъ нежеланіемъ со стороны русскаго правительства уступить Которъ.

Между тѣмъ съ большимъ трудомъ, благодаря перерыву прямыхъ сношеній, добрался до Вѣны повѣренный митрополита Черногорскаго архимандритъ Вукотичъ, котораго Санковскій снабдилъ депешами въ Петербургъ и письмами къ Разумовскому. Русскій агентъ въ Которѣ просилъ посла обратить особенное вниманіе на черногорскаго посланца, могущаго подробно и вѣрно донести о положеніи дѣлъ на адріатическомъ поморьѣ. Графъ Андрей Кирилловичъ задержалъ Вукотича въ Вѣнѣ на нѣсколько дней, дабы ближе ознакомиться съ которскими событіями. Разговоры Вукотича доказали Разумовскому, какъ мудро онъ поступилъ, тайно предписавъ Санковскому откладывать время сдачи. Изъ словъ архимандрита ясно было, что въ донесеніяхъ Сенявина и Санковскаго не было ничего преувеличеннаго. Все славянское поморье жаждало единенія съ Россіею, для достиженія этой цѣли жители готовы были жертвовать послѣднимъ грошемъ, послѣднею каплею крови. Черногорскій владыко отправлялъ Вукотича въ Петербургъ, чтобы выразить чувства эти передъ русскимъ Царемъ и молить его о скорой помощи. Разумовскій заключилъ, изъ всего ему переданнаго, что даже въ случаѣ сдачи, благодаря доброму расположенію мѣстнаго народонаселенія которымъ, какъ увѣдомлялъ посолъ Чарторижскаго, слѣдуетъ крайне дорожить, всегда легко будетъ Россіи выхватать Которъ изъ рукъ Франціи. По мнѣнію Разумовскаго сдача, если она даже осуществится, не нанесетъ чувствительнаго удара вліянію Россіи на адріатическое славянское поморье.

„L'importance des objets dont S. M. I. a daigné me confier l'exécution par les dépêches de m. d'Oubril,—писалъ въ заключеніе Разумовскій,—m'a fait sentir l'indispensable nécessité de redoubler de soins et de précautions pour combiner les différents points de vue, sous lesquels ils avaient été envisagés par l'Empereur et pour m'assurer que si les circonstances me forçaient même à dévier de la marche, qui m'avait été tracée, je serais toujours à même de remplir le double but, que se proposait notre auguste Maître, celui de tirer l'Autriche de la gêne dans laquelle elle se trouvait et en même temps de préparer les voies et de suivre une négociation de paix avec la France, qui fasse espérer le rétablissement du calme en Europe sur des bases honorables et avantageuses pour la Russie. Il m'était prescrit de mettre pour prix à une négociation directe entre la Russie et la France, le règlement de l'affaire de Cattaro, d'une manière également convenable pour la Russie la France et l'Autriche.Cependant les dangers,dont cette dernière puissance était menacée et la crainte que le sieur de la Rochefoucauld ne se re-

fusa à toute demande de cette nature, me fit croire indispensable d'écarter du début de la négociation toute discussion relative à Cattaro, me réservant toutefois de la reproduire conformément aux intentions de S. M., et je transmis en conséquence à m. de Sankovsky des directions dont j'ai donné des détails à v. e. Cette marche eut l'effet désiré, la cour impériale et royale fut pénétrée de reconnaissance du sacrifice que l'Empereur venait de lui faire. M. de la Rochefoucauld donna l'espoir que le général Marmont quitterait les états autrichiens et que les autres points encore occupés seraient également évacués; mais comme l'espérance, malheureusement prouvé, que trop souvent un espoir semblable n'approchait pas de la réalité, je songeai à avoir à ma disposition des moyens qui puissent en dernière analyse, faire obtenir à l'Autriche l'exécution des promesses de la France. Je savais qu'il n'y en avait point d'autre, si la bonne volonté, manifestée par S. M. I. de traiter de la paix, était sans effet, que de retarder, sous un prétexte quelconque la remise définitive de Cattaro, mais je n'y trouvais pas de motif suffisant pour donner cette direction à m. de Sankovsky, lorsque je reçus les communications importantes que v. e. m'a fait parvenir à cette occasion. La marche, que Bonaparte a suivie à l'égard de l'Angleterre, me donna la mesure entière de celle qu'il adoptera probablement envers la Russie. Il me sembla hors de doute, qu'il insisterait sur une paix séparée, qu'il en ferait peut-être même une condition sine qua non de l'ouverture des négociations formelles et comme je suis sensé n'être aucunément autorisé à transiger sur les intérêts isolés de la Russie, je me propose d'alléguer le besoin de nouveaux ordres, en offrant toutefois d'adopter en plein le principe réclamé par la France, si de son côté m. de la Rochefoucauld veut consentir à ce que les troupes françaises n'occupent point Cattaro, jusqu'à ce que j'aie reçu des directions ultérieures de ma cour. Persuadé que la France, après la rupture de ses pourparlers avec l'Angleterre, ambitionnera beaucoup d'en rétablir de directs avec nous, je n'ai plus balancé d'autoriser secrètement m. Sankovsky à traîner en longueur la remise aux autrichiens des postes occupés par nos troupes... Les réponses que j'attends de Paris sous quelques jours, me feront juger, combien de temps les retards de la remise des bouches de Cattaro pourront durer, mais je supplie v. e. d'assurer S. M. I. que dans tous les cas j'aurai constamment en vue, tout en trouvaillant à lui conserver ce poste, de ne point exposer l'Autriche à de nouveaux dangers. La connaissance que j'ai de ses hautes intentions à cet égard et la confiance flatteuse dont elle m'a honoré à cette occasion, lui garantissent la marche dont je ne m'écarterai pas dans cette affaire et dont je suis à même de sentir doublement l'importance pour ma position ici et par les détails que

j'ai récueilli de la bouche de l'archimandrite Voukotich sur l'attachement et le dévouement pour notre auguste Maître tant des monténégrins que des habitants de Cattaro".

Совѣсть, однако, мучила Разумовскаго и онъ безпрестанно снова обращался въ депешахъ своихъ къ сдачѣ Котора. Онъ чувствовалъ, что на него за это будутъ негодовать въ Петербургѣ и каждый разъ, когда онъ брался за перо, оно какъ бы невольно выводило слово Которъ и вслѣдъ за этимъ сыпались на бумагу новыя извиненія и объясненія.

„Jamais circonstance ne m'a paru plus pénible et plus douloureuse dans ma carrière politique,—собственноручно писалъ графъ Андрей отъ 9 Іюня къ Чарторижскому,—que la nécessité où je me suis vu de prononcer la restitution de Cattaro. Votre lettre particulière qui s'étend sur ce même objet d'une manière si judicieuse, en aggravant mes regrets, m'a fait méditer de porter remède au mal et de parer aux funestes conséquences que vous avez si bien détaillées. C'est à vous exposer ceux que j'ai cru devoir adopter que celle-ci est destinée. *Le problême* que vous me donnez à *résoudre* est effectivement *difficile. Ne pas exposer l'Autriche à une ruine totale et cependant ne pas rendre Cattaro aux français* [1]). Je ne saurais dire si l'Autriche eût été abimée réellement ou non, si j'avais refusé ou retardé l'évacuation, mais il est sûr que l'impression de ce danger était telle ici, qu'on en voyait immédiatement découler les effets les plus désastreux. On m'a répété 20 fois que la position était pire que celle de Holitch. Les villes et les provinces du midi auraient été occupées et les troupes autrichiennes obligées de marcher pour nous déloger. J'ai du céder aux instances et aux alarmes. Appréciant tout le prix du sacrifice, sentant comme vous, mon prince, combien cette possession entre nos mains nous donnerait de facilités soit pour la paix, soit pour la guerre, je me suis décidé à faire poursuivre à Fenshaw [2]) sa course, le dirigeant sur Cattaro avec une nouvelle instruction secrète pour Sankovsky, qui se trouve jointe à mon rapport. Je ne doute pas que vous n'approuviez cette mesure, puisqu'elle est une de celles que me dictait votre lettre et celle je pense que vous auriez vous-même choisie de préférance. Mais le sera-t-elle également par notre Souverain? Voilà de quoi (bien franchement entre nous) je ne suis pas aussi certain. C'est là, mon prince, le motif qui m'a fait vous adresser ma dépêche officielle, qui servira à présenter à S. M. I. ceux qui m'ont déterminé à cette démarche au cas que vous jugiez devoir lui en rendre compte. Il m'est

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.
[2]) Офицеръ, присланный курьеромъ изъ С.-Петербурга.

impossible de croire, que les réflexions infiniment sages, que vous avez bien voulu me communiquer sur notre situation politique, ne soient appréciées par S. M. C'est de nôtre prépondérance sur la Porte ottomane que dépendent nos moyens de considération en Europe et elle tient essentiellement à la conservation de nôtre influence sur les contrées voisines de l'Adriatique. Ce principe paraît avoir été reconnu complètement par le ministère britannique, d'après le contenu trèsénergique des dernières notions que vous avez bien voulu me communiquer de ce pays là. Il serait bien à désirer que nous prenions pour ainsi dire à la lettre les propos de Fox sur l'énergie de conduite qu'il nous conseille tant au midi qu'au nord. Il est bon cependant que je place à titre d'épisode un conseil un peu différent que m'a donné le chevalier Paget, en me faisant sentir que c'était au nom de son cabinet. Au moment que s'agitait ici la question sur Cattaro, il me fit les instances les plus vives pour la restitution, se servant de cette expression: „je vous le demande à genoux". Vous savez, mon prince mon opinion à l'égard de m. Paget sous le rapport politique. Je l'aime et l'estime sincèrement, mais en affaires il se laisse aisément guider et cette découverte m'a toujours mis en défiance. Son successeur Adair est ici. Il paraît sage et réfléchi. Je pense qu'il serait convenable de lui faire part des relations que j'ai eu jusqu'ici avec la Rochefoucauld, d'autant plus qu'Oubril m'a dit que mes instructions à cet égard avaient été connues de mylord Gower. Je me conformerai à vos intentions en établissant une correspondance avec le c-te Stroganoff [1]), dont j'ignorais jusqu'ici entièrement le séjour à Londres, croyant qu'il s'y était acquitté d'une commission passagère et qu'il en était de retour depuis longtemps. J'ai lu avec l'émotion de la plus profonde et plus respectueuse sensibilité les paroles que vous me citez de S. M. l'Empereur après la lecture de la lettre écrite par Pozzo et que vous avez jugé à propos de mettre sous ses yeux. Je suis convaincu, mon prince, qu'en pesant mes motifs vous ne sauriez me désapprouver. Je le suis également de la justice, de la bonté de S. M. et qu'elle daignera en donner une nouvelle preuve à mon égard, en m'accordant l'objet que j'ose solliciter. Pénétré d'une reconnaissance toujours plus vivement sentie des témoignages constants d'amitié et d'intérêt que vous me donnez, mon prince, je les réclame dans cette occasion, convaincu que vous voudrez bien les faire valoir en faveur de la demande que j'ai adressée à nôtre auguste Maître".

Курьеру Феншоу ввѣрены были новыя предписанія Санковскому

---

[1]) Графъ Павелъ Александровичъ Сгрогановъ отправленъ былъ въ 1806 г., но случаю отставки графа С. Р. Воронцова съ чрезвычайною миссіею въ Лондонъ.

никакъ не сдавать Которъ, не дождавшись отъ посла новыхъ положительныхъ на то приказаній. Въ то время, когда Разумовскій безпокоился на счетъ впечатлѣнія, произведеннаго на Государя даннымъ имъ согласіемъ относительно сдачи Котора, и всѣми силами старался отложить, подъ разными предлогами, это очевидно неугодное въ Петербургѣ дѣло, нежданно получилъ онъ изъ-подъ Тріеста письмо отъ адмирала Сенявина. Посолъ вслѣдствіе извѣстій изъ министерства, предполагалъ, что русская эскадра уже давно уплыла въ Архипелагъ. Вмѣсто того Сенявинъ писалъ съ коробля своего Селафаила и извѣщалъ Разумовскаго, что получилъ отъ тріестскаго коменданта объявленіе о закрытіи для русскихъ судовъ австрійскихъ портовъ и о захватѣ всѣхъ кораблей, находившихся въ тріестской гавани подъ русскимъ флагомъ. „Считая такой шагъ австрійскаго правительства,— доносилъ Сенявинъ,—за явный признакъ существующаго съ Россіею несогласія, я поставлю себѣ за долгъ также непріятельски поступать съ австрійскими короблями и подданными".

Твердый тонъ адмирала напугалъ посла, привыкшаго прибѣгать къ убѣжденьямъ и словопренію, прежде чѣмъ рѣшаться на какую-либо крайнюю мѣру. Разумовскій зналъ, что Сенявинъ не любитъ тратить лишнихъ словъ, а захватъ Котора уже доказалъ, что вице-адмиралъ способенъ на самые рѣшительные поступки. „Il est physiquement impossible,—спѣшилъ донести въ Петербургъ графъ Андрей Кирилловичъ,—de parer à tous les inconvénients dans des circonstances semblables, mais il ne tiendra pas à ma vigilance et à mes soins qu'on en évite autant que faire se pourra".

Сенявинъ узналъ о распоряженіи австрійскаго правительства въ Корфу и немедля поплылъ къ Тріесту на своемъ кораблѣ Селафаилѣ, взявъ съ собою суда. св. Петръ, Москву и фрегатъ Венусъ. Войдя въ тріестскую гавань, адмиралъ расположилъ свою эскадру въ боевомъ порядкѣ подъ самыми батареями города. Фельдмаршалъ-лейтенантъ Цахъ, военный комендантъ Тріеста, потребовалъ черезъ нарочнаго, чтобы русская эскадра удалилась на пушечный выстрѣлъ отъ города. „Пускай стрѣляютъ, — отвѣчалъ Сенявинъ, — я увижу тогда, гдѣ лягутъ ядра и гдѣ мнѣ должно стать". Рѣшительный тонъ русскаго адмирала смутилъ австрійцевъ. Цахъ поспѣшилъ доставить Сенявину подлинное распоряженіе австрійскаго правительства относительно закрытія портовъ и ареста кораблей. Въ отвѣтъ получено было заявленіе, что русская эскадра оставитъ Тріестъ только тогда, когда окончены будутъ всѣ нужныя для кораблей исправленія. Испуганный Цахъ отправилъ на адмиральскій корабль довѣренныхъ лицъ для переговоровъ; вмѣсто объясненій имъ представленъ былъ ультиматумъ, въ которомъ Сенявинъ черезъ часъ

требовалъ открытія гавани и выдачи всѣхъ арестованныхъ кораблей, угрожая въ противномъ случаѣ захватить всѣ суда, стоявшія на Тріестскомъ рейдѣ. Краткость отвѣта подѣйствовала на Цаха; на всѣхъ задержанныхъ корабляхъ немедля взвились русскіе флаги [1]).

До непріятныхъ объясненій съ вице-канцлеромъ дѣло на этотъ разъ не дошло, но тѣмъ не менѣе судьба, какъ бы на зло Разумовскому, съ каждымъ днемъ усложняла дѣло, ставя Австрію и преданнаго ей посла въ самое затруднительное положеніе. Отправленный Разумовскимъ Харламовъ Санковскаго въ Которѣ уже не засталъ. Русскій агентъ ускакалъ къ Рагузѣ, гдѣ, несмотря на нейтральность этой республики, показались французскія войска. Сенявинъ поспѣшилъ стянуть сюда черногорскія силы, на подмогу, которымъ выведены были стоявшія въ Которѣ двѣ роты витебскаго и часть егерскаго полковъ, да кромѣ того вызванъ былъ изъ Корфу генералъ-маіоръ князь Вяземскій съ 1200 солдатъ. Первыя схватки блистательно окончились для славянъ и русскихъ. Французы были разбиты и заперлись въ Рагузѣ. Русскія войска обложили городъ со стороны материка, а эскадра съ моря. Несмотря на храбрость генерала Лористона, командовавшаго французами, съ минуты на минуту ждали сдачи Рагузы, лишенной воды и съѣстныхъ припасовъ. На горахъ высившихся надъ нею возведены были, по приказанію Сенявина, сильныя батареи. Все предвозвѣщало счастливый для русскихъ исходъ. Нежданная подмога, приведенная Мармономъ, измѣнила нѣсколько, какъ мы увидимъ ниже, благопріятныя для Россіи обстоятельства [2]).

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Котора, Санковскій извѣстилъ австрійскаго главнокомандующаго Бельгарда, что неожиданное появленіе французскихъ силъ на нейтральной территоріи не дозволяетъ ему заняться сдачею Котора. Въ то же самое время онъ сталъ отправлять Разумовскому частыя и подробныя депеши, въ которыхъ сообщалъ о возбужденномъ состояніи Которцевъ, о ихъ непріязни къ Австріи и объ опасности сдавать въ настоящее время занятую русскими крѣпость. Депеши Санковскаго поражали посла своею строгою логичностью и правдою, которою отъ нихъ вѣяло. Русскій коммиссаръ не спорилъ съ Разумовскимъ о самой сдачѣ въ принципѣ, онъ только указывалъ на несвоевременность данной минуты и сильнѣйшимъ образомъ настаивалъ на необходимости отсрочки. Для Сенявина и Санковскаго, дѣйствовавшихъ во все время

---

[1]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. III. 205. 206. Изданіе 1847 г.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Словарь и проч. III. 207—208.

совершенно единодушно, самымъ важнымъ вопросомъ въ данную минуту, было отсрочить актъ сдачи. Дальнѣйшіе споры, касательно Котора, они отлагали на будущее болѣе удобное время. Получивъ первое извѣщеніе о появленіи французовъ въ Рагузѣ, графъ Андрей Кирилловичъ поспѣшилъ извѣстить графа Стадіона, что такое дѣйствіе не можетъ не повліять на образъ дѣйствій русскихъ агентовъ въ Которѣ, которымъ поневолѣ придется, вслѣдствіе мѣстныхъ соображеній, нѣсколько уклониться отъ отправленныхъ къ нимъ изъ Петербурга и Вѣны предписаній. Задача русскаго кабинета была самая простая, онъ желалъ возстановить основы Пресбургскаго трактата и окончательно вывести Австрію изъ того положенія, въ которое ее постоянно ставили съ одной стороны угрозы Франціи, а съ другой—занятіе, вопреки Пресбургскаго договора, ея территоріи французскими войсками. Для достиженія этой цѣли русскій Императоръ согласился на весьма чувствительное пожертвованіе, отказавшись отъ сильной военной позиціи на адріатическомъ морѣ. И именно въ ту минуту, когда жертва должна была осуществиться, высокомѣрное французское правительство, руководимое однимъ произволомъ, вопреки всѣмъ договорамъ, позволяетъ себѣ новый неслыханный захватъ, какъ будто на зло и въ насмѣшку прямодушію, всегда и вездѣ выказываемому Россіею. Неожиданное занятіе Рагузы французскими войсками настоятельно требовало новыхъ политическихъ соображеній. Французы, безъ сомнѣнія, будутъ стараться удержать за собою неправильно занятую крѣпость, а Русскіе агенты не оставятъ это безъ вниманія. Ихъ долгъ противиться вторженію французовъ.

„Les conjonctures du vice-chancelier“, писалъ Разумовскій въ заключеніе длинной депеши, въ которой изложены были подробности свиданія съ Стадіономъ, „par rapport aux opérations des français dans ces contrées, présentent des difficultés que sembleraient devoir les rebuter, parce qu'elles sont en opposition avec le système de guerre dont ils ont l'habitude. Le courage personnel des monténégrins, l'habileté du maniement des armes, l'avantage d'un local qui les met à couvert, en leur facilitant le moyen de détruire un à un leurs ennemis, doivent à la longue fatiguer et dégouter une troupe ardente, mais peu propre à cette tenacité persévérante, qui triomphe d'obstacles qui lui sont familiers. On dit cependant qu'ils ont trainé un nombre considérable de pièces d'artillerie dans ce pays où on croyait qu'il était presqu'impossible de s'en servir. On dit aussi que les monténégrins sont d'intelligence avec les bosniaques et les serviens ce qui accroîtrait considérablement leurs forces. Ces rapports sont jusqu'ici vagues et dépourvus d'authenticité. On espère qu'ils en acquèreront dans la posi-

tion où se trouve le général de Bellegarde à Lèsina ce qui le mettra à portée de se procurer des renseignements circonstanciés“ [1]).

Первыя представленія Разумовскаго приняты были Стадіономъ довольно спокойно, но по мѣрѣ того, какъ приходили изъ Далмаціи извѣстія о неудачахъ, понесенныхъ русскими, безпокойство снова овладѣвало вице-канцлеромъ. Онъ позвалъ къ себѣ русскаго посла на совѣщаніе и опять томительная тоска и нервное безпокойство выразилось въ каждомъ его движеніи и словѣ. Дружескія, успокоительныя рѣчи Разумовскаго не производили впечатлѣнія. Посолъ жаловался въ Петербургъ на затруднительное свое положеніе и требовалъ новыхъ инструкцій. Депешу, адресованную Разумовскимъ на имя Чарторижскаго, получилъ въ Петербургѣ уже новый министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ. Графъ Андрей Кирилловичъ давно предчувствовалъ отставку своего пріятеля и съ ужасомъ думалъ о томъ, что́ станетъ съ Россіею, когда не будетъ во главѣ министерства польскаго князя Адама.

„Je m'abstiendrai de toute discussion,—собственноручно и секретно писалъ къ нему отъ 23 Іюня Разумовскій,—sur l'état actuel de l'Europe et les rapports des cabinets avec le nôtre. Ce sujet serait vaste si je me livrais à tout ce que j'éprouve, tout ce que je prévois et surtout ce que j'appréhende. De tous côtés notre horizon se couvre et nous menace d'orages, que nous voyons venir peut-être, mais que nous ne cherchons point à conjurer. De tous le plus sinistre à mes yeux, c'est le bruit qui se reproduit des nouvelles instances que vous avez faites auprès de l'Empereur pour obtenir votre retraite. La nouvelle en a été mandée par le comte de Meerfeldt. Son courrier est arrivé hier. Il ajoute à la vérité que ce funeste évènement a été encore une fois détourné, mais cela ne me rassure point. Il annonce prochainement un courrier qui me sera expédié. Je l'attends avec une profonde inquiétude. Pardonnez-moi, mon prince, de vous en parler. J'en suis trop pénetré pour qu'il m'ait été possible de garder le silence. Il est si important que nous maintenions quelque opinion favorable à notre égard auprès des puissances et surtout dans le cabinet avec lequel nous allons ouvrir une négociation, que je frémis de l'idée d'un changement dans le nôtre, qui indubitablement porterait un coup funeste à nôtre considération. Je ne me permetterai pas d'en dire d'avantage“.

Въ послѣднихъ своихъ депешахъ къ Чарторижскому Разумовскій снова сдѣлалъ нѣсколько намековъ на то, что онъ никакъ не можетъ принять новаго назначенія въ Лондонъ и весьма бы желалъ по преж-

---

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 27 Іюня.

нему оставаться представителемъ Россіи въ Вѣнѣ. Посолъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта, но вмѣсто него полученъ былъ циркуляръ Чарторижскаго съ увѣдомленіемъ, что министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ баронъ Будбергъ.

„Ce n'est que depuis deux jours,—довольно холоднымъ тономъ писалъ Разумовскій къ своему новому начальнику, — que je suis en possession de la circulaire, par laquelle le prince de Czartoryski m'annonce le changement qui a lieu au département des affaires étrangères, que v. e. en a pris le portefeuille et que j'aurai à l'avenir à lui adresser mes dépêches et mes rapports en cour. Je me hâte de me conformer à cet avis et d'y joindre l'assurance de mon empressement constant à concourir à tout ce qui pourra être de quelque utilité au bien du service, car ce sentiment est aussi invariable que ceux de ma considération la plus distinguée".

Будбергъ съ своей стороны недружелюбно относился къ Разумовскому и къ одной изъ первыхъ депешъ его приложенъ былъ высочайшій рескриптъ на имя графа Андрея Кирилловича, въ которомъ Императоръ Александръ Павловичъ отвѣчалъ на тѣ отговорки касательно новаго его назначенія, которыя встрѣчаемъ мы во многихъ изъ послѣднихъ депешъ посла къ Чарторижскому.

„L'Empereur ayant jugé à propos de répondre lui-même au refus de v. e. au choix qu'il a fait d'elle pour son ambassadeur à Londres", писалъ къ Разумовскому Будбергъ отъ 9 Іюля", je suis chargé, m. le comte, de vous remettre le rescrit ci-joint. Les expressions flatteuses qu'il contient vous apprendront suffisamment combien S. M. apprécie vos services et combien la continuation lui en serait agréable et nécessaire. Les raisons que S. M. I. emploit pour vous déterminer me paraissent trop persuasives pour qu'il me reste rien à ajouter. Cependant l'Empereur ne voulant pas que vos intérêts particuliers puissent souffrir du sacrifice qu'il attend de votre zèle pour son service, m'a chargé d'ajouter aux autres assurances qu'il vous donne, celle que tout ce qui concerne les dépenses, aux quelles vous serez entrainé par votre déplacement, sera réglé d'une manière dont vous ne pourrez qu'être satisfait".

Высочайшій рескриптъ отъ 9-го Іюля 1806 года на имя Разумовскаго былъ слѣдующаго содержанія:

„J'ai vu avec peine par votre dépêche № 84 les motifs qui vous engagent à décliner le poste de mon ambassadeur à Londres que je vous ai destiné. Je conviendrai avec vous que l'habitude du climat, le soin de votre santé et d'autres considérations encore peuvent vous porter à préférer le séjour à Vienne à tout autre. Mais je ne saurais être de votre avis quant à la conviction, où vous paraissez être, que le

poste de Vienne est le seul où vous puissiez être de quelque utilité à mon service et à celui de l'état. Connaissant et appréciant parfaitement vos talents distingués et votre patriotisme, je suis bien persuadé, au contraire, que partout où vous serez je pourrai compter que mes intérêts se trouveront entre de très-bonnes mains. C'est par une suite de cette persuasion que j'ai jeté les yeux sur vous lorsque, après la retraite du c-te de Worontzoff, j'ai dû songer à remplir le poste qu'il occupait par une personne digne de toute ma confiance. Dans le moment actuel surtout, ce poste est de la plus haute importance et je vous avouerai qu'il me serait réellement pénible de renoncer à l'idée de le voir occupé par vous, ne serait ce que pour un an ou pour deux, dans le cours desquels il faut espérer que cessera cet état de crise et d'incertitude, où se trouvent ajourd'hui les affaires générales et qui exige nécessairement que j'aie à Londres un ambassadeur parfaitement au fait de mes vues et de mes intentions et sur le zèle et la capacité duquel je puisse entièrement me reposer. Pour ne pas vous laisser ignorer toute l'importance que j'attache à ce poste ainsi que mon désir que vous l'acceptiez, l'ai jugé à propos de vous faire connaître directement ma manière d'envisager cet objet et j'aime à croire que les sentiments qui vous animent pour le bien de la patrie et votre attachement à ma personne ne vous permettront pas de persister dans l'intention qu'à cet égard vous avez fait connaître à mon ministère. Si cependant vous jugiez nécessaire pour l'affermissement de votre santé de profiter encore de cette saison pour prendre les eaux de Carlsbad, j'y consens volontiers, persuadé qu'aussitôt que cette considération majeure aura cessé, vous ne perdrez pas un instant pour vous rendre au poste, où vous appellent le bien du service ainsi que mes voeux. Du reste je me plais à vous assurer qu'appréciant les motifs qui vous attachent au séjour de Vieune, je m'empresserai de vous faciliter les moyens d'y retourner aussitôt que les circonstances n'exigeront plus votre présence en Angleterre, ce qui, d'après tous les calculs de la probabilité, n'ira pas au-delà du terme que j'ai déjà mentionné".

Не смотря на эти милостивыя слова, Разумовскій отвѣчалъ опять отказомъ. Весьма вѣроятно, что онъ уже въ то время смутно предугадывалъ, что всякая рѣзкая перемѣна въ общественномъ его положеніи можетъ повлечь за собою тягостный финансовый кризисъ. Онъ опасался составить даже приблизительную смѣту о необходимыхъ при переселеніи въ Лондонъ расходахъ. Считая себя весьма богатымъ человѣкомъ, полный заблужденія касательно неисчерпаемости оставленныхъ ему по наслѣдству отъ отца малороссійскихъ маетностей, онъ начиналъ, однако, хотя и смутно, ощущать всю обузу незамѣтно растущихъ долговъ. Ему хотѣлось по прежнему спокойно и беззаботно

жить въ любимой имъ Вѣнѣ, не удручая себя лишними разсчетами и не становясь лицомъ къ лицу передъ финансовымъ положеніемъ, которое могло бы его неожиданно встревожить. Съ малодушіемъ многихъ русскихъ людей онъ боялся всякаго практическаго изслѣдованія своихъ денежныхъ средствъ, подписывалъ векселя, которые еще охотно принимались на вѣнской биржѣ и краснорѣчиво говорилъ о теоріи финансовъ въ дипломатическихъ гостиныхъ и кабинетахъ. Къ тому-же здоровье жены его графини Елизаветы Осиповны съ каждымъ годомъ ухудчалось. Послѣднія путешествія въ Италію не уменьшили ея страданій. Въ настоящее время вѣнскіе доктора предписывали ей совершенный покой и воздухъ родины. Блестящіе пріемы во дворцѣ Разумовскаго прекратились. Окруженная огромнымъ паркомъ, въ виду Пратера, графиня Разумовская жила въ Вѣнскомъ домѣ своемъ, какъ на дачѣ. О переѣздѣ ея на сѣверъ не могло быть и рѣчи. Графъ Андрей Кирилловичъ отписалъ къ Будбергу, что здоровье его требуетъ немедленнаго леченія въ Карльсбадѣ, и кромѣ того отправилъ къ Государю слѣдующій отвѣтъ на полученный имъ въ концѣ Іюня рескриптъ.

„Je supplie V. M. I.,—писалъ онъ отъ 15 Августа,—de me pardonner si j'ai mis quelques jours d'intervalle (болѣе мѣсяца) à répondre au rescrit en dâte du 9 Juillet. Profondément touché de l'extrême bonté avec laquelle V. M. I. me fait connaître ses intentions à mon égard, entrainé par mon émotion, je me serais soumis à votre volonté, Sire, avec l'abandon de l'obéissance qui vient du coeur, si je ne m'étais imposé le devoir le plus sacré d'un serviteur, celui d'interroger sa conscience, de se demander sévèrement si ses moyens répondent à son penchant et cet examen a dû être d'autant plus rigoureux que votre bonté, me livrait à tous les prestiges de l'amour-propre. Je porterai, Sire, les respectueuses représentations qu'elle me dicte avec la franchise qui tient à mes principes et qu'autorise la magnanimité de votre âme.

Lorsque V. M. I. a jugé à propos de me remplacer dans le poste de Vienne, accablé de la douleur de perdre votre confiance, j'avouerai que je n'ai attribué ma destination pour Londres qu'au mouvement généreux d'un Maître bienfaisant, qui daignait apprécier le chagrin d'un ancien serviteur. De toutes les considérations qui à cette époque me firent solliciter ma retraite, il n'en est aucune aujourd'hui que je n'eusse sacrifié avec transport, trop heureux, Sire, de porter à vos pieds le nouveau tribut d'un zèle ranimé par votre bonté et de mériter par un dévouement sans bornes l'estime et la bienveillance du meilleur des maîtres. Daignez, vous convaincre de la vérité de ce sentiment qui eût été mon unique guide si mes moyens phisiques

ne contrariaient ma bonne volonté. Sans être assujéti à des infirmités réelles, je le suis à des incommodités très-fréquentes, qui, influant sur mes dispositions morales, exigent un régime perpétuel et m'interdisent souvent l'application au travail et me prescrivent quelques mois de repos et l'usage des eaux que la saison déjà trop avancée cette année ne me permet pas d'entreprendre et qui me sera tout-à-fait indispensable l'année prochaine. Il m'est impossible, Sire, d'exprimer ce que je souffre en présentant ces observations à V. M. I. Je me reproche amèrement de ne pas me soumettre sans hésitation à votre volonté. Mais, je suis intimement convaincu que, dans la crise actuelle des affaires, à peine je serais en Angleterre, V. M. I., apprenant ce que j'ai l'honneur de lui représenter aujourd'hui, reconnaîtrerait mon insuffisance et les reproches les plus graves retomberaient à ma charge. Si je parviens à rétablir ma santé, je supplie V. M. I. de croire que le but de mes voeux les plus ardents sera de consacrer à son service mes moyens et ma vie".

Новый отказъ Разумовскаго принятъ былъ въ министерствѣ не безъ удовольствія. Будбергъ совѣтовалъ послу немедля заняться поправленіемъ здоровья и передать дѣла посольства, до пріѣзда новаго представителя Россіи, статскому совѣтнику Анштету.

„Vous m'annoncez, m. le baron,—отвѣчалъ отъ 16 Августа удивленный и раздраженный графъ Андрей Кирилловичъ,—la très-gracieuse permission que S. M. I. a daigné m'accorder de *m'occuper aussi immédiatement que possible du soin de ma santé*, ce qui impliquait sans doute celle de me rendre à Carlsbad, dont j'avais annoncé le besoin dans ma dépêche № 84. En conséquence de quoi S. M. I., en me faisant transmettre mes lettres de récréance, a daigné abandonner entièrement à mon choix ou d'en faire usage incontinent, ou d'attendre l'arrivée de mon successeur. Dans le nombre des sentiments pénibles que j'éprouve, c'en est un vraiment senti de n'avoir pu essayer le secours des eaux de Carlsbad avant que la saison trop avancée m'en interdise pour cette année l'usage. Je trouverai quelque adoucissement à ma peine, en vouant mon existence au service de mon maître dans l'attente de mon successeur et je ne ferai usage de mes lettres de récréance qu'à son arrivée".

Преемникъ, однако, не являлся. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, называемый въ насмѣшку въ Петербургѣ посломъ *in petto*, подъ разными предлогами былъ задерживаемъ при дворѣ и, наконецъ, отъ нечего дѣлать отпросился въ Москву для поправленія своихъ дѣлъ. Новыя тучи покрыли политическій горизонтъ и Императору Александру показалось болѣе цѣлесообразнымъ не отзывать до времени всѣми въ Вѣнѣ любимаго Разумовскаго. Убри выѣхалъ изъ Вѣны подъ

сильнымъ впечатлѣніемъ опасности, угрожавшей Австріи. Французы нетолько продолжали занимать Браунау, но еще, возведеніемъ новыхъ инженерныхъ работъ, сдѣлали крѣпость эту почти неприступною. Многочисленная французская армія расположена была на границахъ и разомъ угрожала, какъ Австріи, такъ и Пруссіи. Убри зналъ изъ личныхъ сношеній своихъ съ Государемъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, что Александръ Павловичъ искренно желалъ мира. Ему разрѣшалось въ силу секретныхъ инструкцій, которыхъ онъ не сообщалъ Разумовскому, заключить миръ отдѣльно отъ Англіи, но только въ случаѣ достиженія какихъ-либо особенныхъ выгодъ (d'avantages infiniment marquants). Пріѣхавъ въ Парижъ, Убри скоро убѣдился, что не было возможности слѣдовать тому плану, который начерталъ ему въ Вѣнѣ Разумовскій. О плѣнныхъ русскихъ Талейранъ при первомъ свиданіи на отрѣзъ отказался говорить и, на всѣ просьбы Убри, отвѣчалъ требованіемъ представленія неограниченнаго полномочія отъ русскаго двора. Самое полномочіе, выданное Убри, было весьма не опредѣленно; въ немъ было сказано, что ему поручалось „de conclure et de signer un acte ou convention sur des bases propres à affermir la paix qui sera rétablie entre la Russie et la France, comme à la préparer entre les autres puissances belligérentes de l'Europe“.

Между тѣмъ, въ секретныхъ инструкціяхъ изложенъ былъ рядъ условій, касавшихся до Турціи, до Далмаціи, до Ганновера, до королей Сардинскаго и Неаполитанскаго и до другихъ не менѣе жгучихъ вопросовъ дня. Послѣ долгаго колебанія, Убри рѣшился, наконецъ, предъявить свое полномочіе Талейрану. Начались переговоры. Отъ русскаго уполномоченнаго требовали согласія на то, что прямо противорѣчило даннымъ ему изъ Петербурга секретнымъ предписаніямъ. Убри хотѣлъ отправить курьера къ Государю, съ цѣлью испросить дозволеніе согласиться на нѣкоторыя условія, выгодныя, по его мнѣнію, для Россіи. Но Наполеонъ объявилъ, что онъ требуетъ немедленнаго отвѣта. Вслѣдъ за тѣмъ все то, что было обѣщано отъ его имени Талейраномъ, было отмѣнено и переговоры съ Убри поручены были генералу Кларку, будущему герцогу Фельтрскому. Несчастнаго уполномоченнаго утомляли продолжительными совѣщаніями, куда его иногда приглашали среди ночи. Въ преніяхъ съ Убри, которыя продолжались иногда до 14 часовъ сряду, Талейранъ иногда внезапно замѣнялъ Кларка, причемъ предъявлялись самыя невозможныя часто другъ другу противорѣчущія требованія и не щадились угрозы. Наполеонъ былъ въ полномъ упоеніи успѣха. По мановенію сильной руки его падала Германская имперія, нѣмецкіе владѣтели, вступившіе въ Рейнскій союзъ, становились вассалами Франціи, для Наполеонидовъ выкраивались, на сѣверѣ, среди Германіи, и на Югѣ,

новыя государства. Онъ презрительно смотрѣлъ на смиреннаго Убри и точно въ насмѣшку предлагалъ ему невозможныя условія.

Съ грустнымъ чувствомъ слѣдилъ Разумовскій за тѣмъ, что происходило въ Европѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ извѣстій изъ Парижа, но Убри, заваленный дѣломъ, могъ лишь изрѣдка собственноручно переписываться съ вѣнскимъ посольствомъ. Въ депешахъ графа Андрея Кирилловича къ барону Будбергу видимо сквозитъ болѣзненное озлобленіе. Съ тяжелымъ сердцемъ являлся посолъ къ вице-канцлеру за извѣстіями. То, что сообщали Разумовскому въ государственной канцеляріи, еще болѣе раздражало накипѣвшую въ немъ желчь. Наполеонъ требовалъ отъ императора Франца, чтобы онъ сложилъ съ себя германскую корону. Графъ Стадіонъ не скрылъ отъ посла, что актъ отреченія уже готовъ. Регенсбургскій сеймъ былъ уже распущенъ. Признаніе Іосифа Бонапарта Неаполитанскимъ королемъ поставлено было въ зависимость отъ отвѣта, который дастъ Россія. Австрійское правительство рѣшило вывести изъ Вѣны артиллерійскіе и интендантскіе склады. „Все смотритъ черно и мрачно", доносилъ отъ 26 Іюля Будбергу Разумовскій.

Между тѣмъ Убри, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился, наконецъ, подписать тѣ условія, которыя настойчиво ему подсовывали Талейранъ и Кларкъ. Въ силу этихъ условій Россія уступала Франціи Бокку Которскую, а въ случаѣ занятія французами Черногоріи, должна была очистить и эту страну. Обѣ державы ручались за независимость и цѣлость владѣній Оттоманской порты; Франція обязывалась въ теченіе трехъ мѣсяцевъ вывести войска свои изъ Германіи, наконецъ, по секретной статьѣ, обѣ державы обязывались, въ случаѣ присоединенія Сициліи къ Неаполитанскимъ владѣніямъ, испросить у испанскаго короля Балеарскіе острова въ пользу сверженной съ престола Бурбонской династіи. Разумѣется, во главѣ трактата Наполеонъ признавался императоромъ, а вновь назначенные королями, вице-королями и великими герцогами родственники его—законными государями.

„Je me décide à signer l'acte tel que j'ai l'honneur de le présenter à v. e.,—писалъ Убри къ графу П. А. Строганову, находившемуся въ то время съ чрезвычайною миссіею въ Лондонѣ. — Je ne récapitulerai point de nouveau les motifs de cette détermination. Il me suffira de dire, qu'en rompant je faisais éclater une nouvelle guerre, qui, de la part de la France, serait poussée avec une grande énergie contre des états nullement préparés à s'opposer à elle; qu'en signant, au contraire, je fournissais à ces états le temps de se mettre en mesure. Reconnaissant cependant combien je m'étais écarté des directions qui m'avaient été données, je sentis le besoin d'exposer moi-même tout ce qui m'avait fait agir ainsi, sachant que je ne pourrais

le faire par écrit avec assez de précision et de détail. J'avais annoncé a m. de Talleyrand et à lord Yarmouth la résolution de me rendre à Pétersbourg pour me justifier d'avoir dépassé les bornes de mes instructions".

Передъ отъѣздомъ, Убри, по требованію Талейрана и Кларка, отправилъ къ Сенявину нарочнаго съ объявленіемъ о заключеніи мира и приказаніемъ немедля сдать Которъ французскимъ войскамъ. Несчастный дипломатъ поскакалъ въ Россію, убѣжденный, что отвѣтитъ головою за подписанный имъ миръ [1]).

Черезъ частное письмо, полученное изъ Парижа англійскимъ посланникомъ Адеромъ, узналъ Разумовскій о подписаніи мирнаго трактата. Графъ Андрей не вѣрилъ глазамъ своимъ. Его особенно озадачивало то, что по словамъ письма къ Адеру, актъ былъ подписанъ не Талейраномъ, который велъ переговоры, а генераломъ Кларкомъ.

„Au milieu du boulleversement nouveau de l'Allemagne,—заключалъ Разумовскій депешу писанную Будбергу отъ 18 Іюля, по случаю подписанія мирныхъ условій съ Франціею,—cette cour-ci, quoique directement atteinte, aurait trouvé quelque sujet de consolation dans la retraite des français. Mais l'illusion lui est devenue étrangère. Elle calcule que l'évacuation de l'Allemagne n'aura lieu qu'après la ratification du traité. Elle calcule que cela peut trainer longtemps, que le traité peut-être renversé et jusque là entourée, garrottée, menacée, elle demeurera spectatrice muette de tout ce qui se passe autour d'elle, sans pouvoir essayer un pas pour sa régénération intérieure, sans se compromettre immédiatement à cause de la présence des français dont les violences sont journalières".

Нетерпѣніе Разумовскаго съ каждымъ днемъ возрастало. Онъ получилъ изъ Парижа собственноручное письмо отъ Убри, которое извѣстило его объ отправкѣ курьера въ Вѣну. Но вдругъ вмѣсто курьера пришло въ государственную канцелярію извѣстіе о томъ, что русскій уполномоченный неожиданно проѣхалъ черезъ Франкфуртъ на Майнѣ. Объ этомъ писалъ Стадіону имперскій чиновникъ Вессенбергъ, лично знавшій Убри и встрѣтившій его на одной изъ улицъ Франкфурта. На вопросъ Вессенберга, что́ означаетъ внезапный отъѣздъ его изъ Парижа и почему онъ теперь такъ спѣшитъ въ Петербургъ, Убри отвѣчалъ, что инструкцій у него не хватило и что онъ ѣдетъ въ Россію за новыми приказаніями.

„J'envisage cette réponse,—доносилъ отъ 21 Іюля Разумовскій,—comme un déguisement honnête, qui fermait accès à toute autre que-

---

[1]) Богдановичъ, исторія царствованія Александра I. т. II, 123—127 и примѣчанія, стр. 17.

stion sur la consommation ou la non-consommation de la paix. Mais cette phrase a tendu les conjonctures et ravivé toutes les appréhensions de cette cour-ci; car l'expérience a prouvé qu'il n'existe jamais chez Bonaparte de rupture indirecte, sans victime désignée. On cherche donc à s'expliquer le mot et l'intention de cet épuisement d'instructions. V. e. en a la solution et je devrais me contenter de parler de l'impression que la chose a faite ici... On est profondément pénétré ici,—писалъ далѣе отъ 4 Августа Разумовскій,—de tout ce qui s'est passé depuis le renversement de la constitution germanique et de la nouvelle organisation de l'Allemagne, ainsi que, je ne puis m'empêcher de le dire, de la conclusion de notre paix, qu'on ne peut considérer que comme une des dernières barrières du salut de l'Europe tombée aux pieds du gouvernement qui menace de son joug toutes les puissances".

Графъ Андрей Кирилловичъ, несмотря на положительныя свѣдѣнія, получаемыя вѣнскимъ министерствомъ изъ Парижа, не вѣрилъ въ возможность мира и не допускалъ мысли, чтобы Государь могъ подтвердить своею подписью обидныя для Россіи условія, принятыя статскимъ совѣтникомъ Убри. Согласиться на эти условія значило отказаться отъ вѣковой дружбы съ Габсбургскимъ домомъ, ради союза съ ненавистнымъ Разумовскому искателемъ приключеній, дерзко игравшимъ судьбами Европы. Черезъ англійскаго посланника Адера, графу Андрею Кирилловичу стали извѣстны скрытность Убри въ Вѣнѣ и заранѣе принятое имъ рѣшеніе добиться мира съ Франціею помимо Англіи. Такой образъ дѣйствій шелъ прямо на перекоръ всѣмъ убѣжденіямъ русскаго посла и сильно возбудилъ его противъ Убри. Съ Адеромъ отношенія Разумовскаго становились всё ближе и дружественнѣе. Англійскій дипломатъ повѣрялъ русскому своему товарищу самыя тайныя сообщенія двора своего. Въ образѣ мыслей Фокса въ послѣднія недѣли произошла сильная перемѣна; онъ видимо сталъ терять вѣру въ возможность мира съ Франціею. Наполеонъ, въ упоеніи успѣховъ, забылъ всякую мѣру и предлагалъ условія, на которыя могъ дать согласіе только побѣжденный. Въ Англіи же слишкомъ много накипѣло горечи противъ счастливой соперницы, подрывавшей ея торговлю и постоянно дѣйствовавшей во вредъ самымъ существеннымъ ея интересамъ. Переговоры, начатые въ Парижѣ лордомъ Ярмоутомъ и продолжаемые тамъ-же преемникомъ его лордомъ Лондерделемъ, ни къ чему не приводили. Въ Англіи партія за войну съ каждымъ днемъ росла, а сомкнувшіеся вокругъ Фокса сторонники мира видимо рѣдѣли. Несмотря на свое миролюбіе, Фоксъ понялъ, что слѣдуетъ подчиниться общественному мнѣнію и, подобно своему знаменитому предмѣстнику, потрудиться надъ созданіемъ новой коа-

лиціи противъ Франціи. Пруссія подавала уже благія надежды. Король былъ недоволенъ конвенціею съ Франціею, которую заключилъ Гаугвицъ, противъ нея со всѣхъ сторонъ Пруссіи слышались вопли негодованія; Берлинскій дворъ сталъ подыскивать союзниковъ. Одинъ только вопросъ объ Ганноверѣ его на время удерживалъ отъ близкаго соглашенія съ Англіею. Въ содѣйствіи Россіи Англія не сомнѣвалась, никто не вѣрилъ въ Лондонѣ, что руccкій Императоръ приметъ подписанныя въ Парижѣ условія. Фоксъ предписалъ Адеру быть откровеннѣе, чѣмъ когда-нибудь съ своимъ русскимъ сотоварищемъ въ Вѣнѣ; онъ долженъ былъ посвящать Разумовскаго не только въ тайну всѣхъ получаемыхъ имъ депешъ, но даже самой секретной его переписки и всегда дѣйствовать съ нимъ единодушно. Къ уму и талантамъ Разумовскаго Фоксъ питалъ, какъ самъ завѣрялъ Адера въ собственноручномъ письмѣ, самое глубокое уваженіе. „Parlez librement et sans reserves,—писалъ Фоксъ къ Адеру отъ 17 Іюня (н. стиля) —à l'ambassadeur de Russie... je désire que vous lui affirmiez formellement qu'à l'exception des points où notre honneur est si immédiatement engagé comme le Hannovre et Malte, je serai très-porté de déférer implicitement à l'opinion même de la Russie, j'entends parler principalement de Naples et de la Dalmatie [1]“.

Вслѣдъ за Россіею и Пруссіею слѣдовало разбудить погруженную въ страхъ и бездѣйствіе Австрію. Блескомъ золота надѣялся англійскій премьеръ дать гальваническій толчекъ и нравственно и физически замертвѣлой имперіи Габсбурговъ. Онъ былъ увѣренъ, что деньги и надежда на будущую наживу въ состояніи по прежнему поднять на ноги вѣнскій дворъ и притянуть его къ тайно задумываемому замыслу.

„Les explications et les assurances,—доносилъ отъ 5 Августа Будбергу Разумовскій,—que m. Adair doit fournir directement au ministère d'ici, sont marqués au coin de l'homme d'état, qui connaît le danger présent, prévoit l'avenir et propose les moyens, l'appui et les ressources qui peuvent maintenir en position un état, avec lequel croulerait le reste de la liberté de l'Europe“.

Хотя Разумовскій плохо вѣрилъ, чтобы Императоромъ Александромъ могли быть подписаны тѣ условія, которыя принялъ Убри въ Парижѣ, однако отсутствіе извѣстій изъ С.-Петербурга невольно возбуждало въ немъ сомнѣнія. Онъ опасался того, какъ-бы Государь, измѣнивъ пункты, на которыя согласился Убри, не выказался бы слишкомъ податливымъ въ отношеніи къ Франціи. Адеръ старался ободрить своего товарища, онъ не вѣрилъ въ возможность мира и не понималъ опасеній графа Андрея. Фоксъ въ секретныхъ собственноручныхъ письмахъ упоми-

---

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 8 Сентабря.

налъ о соглашеніи между Россіею и Франціею, какъ о несбыточной мечтѣ и при этомъ сообщалъ, что самъ Убри, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, открыто сознавался въ томъ, что переступилъ за предѣлы данныхъ ему полномочій. Копію съ письма Фокса Разумовскій отправилъ къ Будбергу.

„Vous y verrez,—писалъ онъ при этомъ,—tout ce que l'on se promet de l'aveu volontaire de m. d'Oubril. Il a transgressé ses instructions dans leurs parties fondamentales".

Прискакавшій изъ Петербурга курьеръ окончательно разсѣялъ безпокойство Разумовскаго. Государь не принялъ условій, подписанныхъ Убри, и Будбергъ сообщилъ послу рѣзкую ноту, отправленную имъ Талейрану. Обрадованный графъ Андрей Кирилловичъ поспѣшилъ подѣлиться доброю вѣстью съ Стадіономъ и Адеромъ. Какъ бы опасаясь. какой перемѣны изъ Петербурга, посолъ, съ имѣвшимися подъ рукою оказіями, отправилъ подробныя свѣдѣнія о несостоявшемся мирѣ къ Строганову въ Лондонъ, Татищеву въ Палермо и Италинскому въ Царьградъ. Въ дополненіе къ радостной вѣсти изъ Россіи, Стакельбергъ извѣщалъ Разумовскаго, что въ Пруссіи началось всеобщее вооруженіе.

„Il est peu d'époques,—доносилъ графъ Андрей Кирилловичъ по этому случаю въ Петербургъ,—où les regards publics aient été fixés avec plus d'attention sur la destinée d'un traité. Mais je ne crois point, qu'instruit des stipulations de celui de m. d'Oubril, un seul des serviteurs de notre auguste Maître aie douté un instant de l'impression que produirait un acte si contraire à ce que l'Europe sait de la pûreté des principes de l'Empereur, de son désintéressement et de la loyauté de ses maximes d'état. J'avoue à v. e. que dans toute autre situation j'aurais été frappé de la nouvelle répandu dans toute la ville, avant même que je n'eusse reçu mes paquets, que S. M. I. avait rejeté le traité en question, mais sachant, que l'ambassade française avait eu soin d'en faire connaître les articles, tout le monde a pu les juger et du moment qu'on a su qu'il était entré à Vienne un courrier russe, les conjonctures ont donné sur la vérité. Je ne crois donc pas devoir cacher au ministère de cette cour-ci ce qui m'était parvenu et quoique je n'eusse point d'ordres à cet égard, je fis part au comte de Stadion des déterminations de notre cour".

„J'espère que l'on ne désaprouvera pas une démarche commandée par ma situation et par les circonstances. Un motif différent m'a conduit dans les communications in extenso que j'ai faites des pièces ministérielles mêmes au comte de Stroganoff et à m. Tatisheff. V. e. a vu les assurances données au ministère britannique à l'égard de ce traité. Elle se rapellera également que m. Adair m'en avait confié les

premières indications. J'en ai rapproché ces relations confidentielles directes et indirectes et la contexture même de la lettre à Talleyrand dans ses conditions fondamentales relativement à la Grande-Bretagne et je n'ai point hésité de communiquer à son ministre près de cette cour-ci les décisions de la nôtre. Il les entendit avec émotion et, ayant su que mon courrier était arrivé en neuf jours, il me proposa d'en expédier un immédiatement à Londres avec ces nouvelles importantes, parce qu'il était possible que celui-ci arrivât quelques heures plutôt que celui qui y serait envoyé de Pétersbourg. Je profitai de son offre et ce fut pour transmettre au comte Stroganoff des copies complètes de la dépêche de v. e. et de celle destinée à Paris. J'ai profité du courrier anglais de passage pour Constantinople pour donner à m. Italinsky une connaissance sommaire de ces derniers évènements. J'ai été plus détaillé vis-à-vis de m. de Tatisheff, parce qu'il entrait dans mes instructions anciennes de le tenir au fait des circonstances, qui pouvaient avoir quelque rapport avec son poste. Il n'en avait, sans doute, pas de plus marquantes. Il m'a paru d'ailleurs conforme aux intentions magnanimes de notre auguste Maître de calmer, par la preuve de ses dispositions constantes envers l'infortunée famille de Naples, la situation pénible où devait l'avoir plongée la nouvelle d'une paix, dont, après tant de sacrifices, elle devenait la première victime... J'ai abandonné à sa sagacité et sa mesure ordinaire les réticences que pouvait éxiger l'exposition textuelle des conditions fondamentales, auxquelles la Russie renouerait avec la France des négociations de paix... Je profitai de l'occasion pour lui transmettre une esquisse de la situation actuelle en Allemagne. Je lui ai signalé la ligue projettée pour le Nord, ainsi que la nouvelle qui m'a été confirmée par les dépêches du comte de Stackelberg que S. M. prussienne avait donné ordre de mettre immédiatement sur pied de guerre la presque totalité de son armée".

Письмо или нота Будберга къ Талейрану, помѣченное 9-мъ Августа 1806 года, было слѣдующаго содержанія:

„Monsieur, le désir sincère, que l'Empereur, mon auguste Maître, professe pour le rétablissement du calme en Europe, l'a déterminé à envoyer m. d'Oubril à Paris, mais S. M. I. n'a jamais eu en vue que de conclure une paix qui pût être durable et qui fût également honorable pour elle et ses alliés. C'est sur ces bases que le conseiller d'état d'Oubril a été instruit et autorisé de traiter et cependant il a souscrit, par des considérations que S. M. ne saurait admettre, à une transaction qui s'en écarte entièrement et qui dans la concession la plus importante pour le sort futur de l'Europe: celle relative à l'empire germanique, ne présente que la perspective éloignée de la retraite des troupes françaises, tandis qu'il s'y organise un ordre de choses en-

tièrement à l'avantage de la France. S. M. I. ne peut envisager la paix entre la Russie et la France comme durable, tant que cette dernière restera en possession de l'Albanie et de la Dalmatie, et une paix qui ne statuerait pas au moins en faveur du roi des deux Siciles la tranquille possession de cette île, qui jusqu'ici n'est point la conquête des français; une paix qui n'accorderait pas au roi de Sardaigne quelque indemnité pour la perte de ses états de terre ferme, ne saurait être avantageuse pour la Russie. L'Empereur envisagerait en outre comme un manque évident à ses engagements, généralement connus, s'il ratifiait un traité de paix qui précède la cessation de l'état de guerre entre la France et la Grande-Bretagne.

Le conseiller d'état d'Oubril, s'étant écarté de ses instructions et de ses autorisations, en signant le traité du 8 (20) Juillet et cet acte ne contenant aucun des points susmentionnés, l'Empereur, mon auguste Maître, m'a chargé en conséquence de prévenir v. e. qu'il n'avait pas jugé devoir le ratifier et qu'en général il ne pouvait faire la paix avec la France que sur les bases énoncées dans la présente lettre. Si elles étaient adoptées S. M. I. serait prête à reprendre les négociations pour sa conclusion, mais dans le cas contraire je dois prier v. e. de vouloir bien faire remettre à m. le conseiller de cour Warlamoff et à m. l'assesseur de collége de Faussadier, que m. d'Oubril a laissés à Paris, les passeports nécessaires pour revenir à S.-Pétersbourg".

Переговоры съ Франціею далеко отвлекли насъ отъ Которскаго дѣла. Русскія войска по прежнему занимали крѣпость, а австрійское министерство продолжало приставать къ Разумовскому съ требованіями о сдачѣ. Французы еще держались въ Рагузѣ. а русскимъ властямъ, со дня на день ожидавшимъ сдачи этой крѣпости, и въ умъ не приходило уступать кому-либо Которъ. Въ Петербургѣ поведеніемъ Разумовскаго были вполнѣ довольны. Будбергъ, въ депешѣ отъ 17 Іюля, благодарилъ его за интересныя сообщенія и за благоразуміе, съ которымъ онъ секретно предписалъ Санковскому не исполнять отправленныхъ къ нему письменныхъ инструкцій.

„Cependant,—писалъ далѣе министръ иностранныхъ дѣлъ,—comme il ne faut guère plus se flatter de faire de l'abandon de Cattaro un objet préliminaire de la négaciation avec la France, que d'ailleurs la prolongation des difficultés sur ce point ne saurait avoir pour le moment d'autre effet que de retarder le terme des dangers imminents, où la présence des armées françaises et les mesures annoncées à l'Autriche contre ses états riverains de l'Adriatique, mettent cette puissance, l'Empereur a cru qu'il ne restait d'autre parti à prendre que de laisser les autrichiens entrer dans cette place. Indépendamment de ce que

cette complaisance nous met en droit d'attendre plus de facilité de la part de la France dans la négociation confiée a m. d'Oubril, il est certain que nous concilions également par là la bonne volonté de la cour de Vienne, qu'un plus haut degré de persévérance de notre part aurait infailliblement réduite à l'alternative ou de se voir écrasée par les français, ou de céder à leur demande et de tourner ses forces contre nous. Ces raisons sont décisives, aussi S. M. I, ne veut-elle pas que tant d'intérêts d'une importance aussi majeure soient compromis plus longtemps. Elle vous charge en conséquence, m. le comte, d'envoyer à m. de Sankovsky l'ordre précis et positif de restituer sans plus de délai le poste de Cattaro aux troupes autrichiennes. L'Empereur ne dissimule pas, qu'en ordonnant definitivement cette restitution, c'est en quelque façon faire tomber la seule barrière qui aurait pu arrêter encore les entreprises des français sur l'empire ottoman. Il est même possible qu'au lieu d'obtenir de Bonaparte pour prix de cet acte de justice des témoignages de modération on ne fasse que donner un nouvel aliment à son ambition insatiable, un nouveau champ à ses espérances. Pour prévenir autant que possible les suites d'une pareille combinaison, il serait à désirer que tout en remettant Cattaro aux mains des autrichiens, l'on puisse se ménager quelque moyen secrêt et sûr afin de s'en resaisir sur les français dans le cas où la négociation entammée avec la France viendrait à se rompre. En vous suggérant cette idée, m. le comte, je vous abandonne absolument le soin de donner là-dessus les directions que vous jugerez à propos d'adresser à m. de Sankovsky, ce qui toutefois ne doit aucunément retarder la restitution de Cattaro aux autrichiens quant au moment actuel".

Такъ умывалъ себѣ руки немудрый остзеецъ, заправлявшій послѣ поляка Чарторижскаго иностранными сношеніями русскаго государства. Собственно благая мысль, имъ переданная Разумовскому, была почерпнута изъ депешъ послѣдняго. Самъ же посолъ, со словъ австрійскаго генерала Броди, завѣрялъ, что русскимъ всегда легко будетъ снова завладѣть Которомъ.

Разумѣется австріецъ старался въ этомъ убѣдить русскаго дипломата, только въ виду скорѣйшей сдачи Котора. Вдали отъ Далматскаго поморья защитники русскихъ интересовъ плохо знали каково было тамъ истинное положеніе дѣлъ. Въ Петербургѣ забывали, что, еще сравнительно недавно, русскому послу въ Вѣнѣ указывали на безпрестанныя подкрѣпленія, высылаемыя изъ Франціи, Италіи и Германіи французскимъ войскамъ находившимся въ Далмаціи. На помощь генераламъ Лористону и Молитору пробивался съ сильнымъ отрядомъ генералъ Мармонъ. Это совершенно измѣнило положеніе. Въ виду значительнаго превосходства французскихъ силъ, Сенявинъ принужденъ

былъ бросить нѣсколько заклёпанныхъ орудій и поспѣшно отступить къ Кастельнуово. Только благодаря храбрости и распорядительности вице-адмирала удалось ему спасти храбрыя, но не дисциплинованныя полчища черногорцевъ, поддерживаемыхъ малочисленными русскими отрядами, отъ напора многочисленнаго и отлично обученнаго непріятеля; но уронъ французовъ въ дѣлѣ этомъ былъ весьма значителенъ. Славяне храбро дрались съ врагомъ, давившимъ ихъ своею многочисленностію. Хотя неудача эта не повергла ихъ въ полное уныніе, однако они стали призадумываться и всю надежду свою полагать на скорую подмогу изъ Россіи. Сенявинъ понималъ, что при такомъ настроеніи малѣйшій намекъ на возможность сдачи Котора губительно подѣйствуетъ на мѣстное народонаселеніе и разомъ уничтожитъ то обаяніе, которымъ пользовалась Россія на берегахъ адріатическаго моря. О возможности, выхватить спорную Рагузу изъ рукъ французовъ, теперь нельзя было и думать. Многочисленность прибывшей къ нимъ подмоги уничтожала всякую надежду на успѣхъ.

Будбергъ, не имѣвшій понятія о томъ что происходило на славянскомъ поморьѣ, не прочь былъ удержать крѣпкую позицію, но ложный стыдъ передъ вѣнскимъ дворомъ останавливалъ перо и въ депешахъ его, рядомъ съ доводами въ пользу сохраненія Котора, постоянно выражалась необходимость сдать его Австріи. Разумовскій, отъ души желавшій успокоить вѣнскій кабинетъ и отдѣлаться отъ докучливыхъ моленій вице-канцлера, находилъ въ получаемыхъ имъ депешахъ прямое поощреніе къ немедленной сдачѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ безпрестанно писалъ и къ Сенявину и Санковскому. Но послѣдніе были слишкомъ близко знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Далмаціи. Они условились въ глубочайшей тайнѣ содержать получаемыя ими изъ Вѣны депеши и не обращать на нихъ вниманія.Однако, вслѣдствіе неудачной стычки съ французами, вице-адмиралъ рѣшилъ на время держаться защитительнаго образа дѣйствій и до времени не предпринимать ничего противъ Рагузы. Сенявинъ отплылъ на кораблѣ своемъ Селафаилѣ изъ Рагузы въ Которъ Напрасно обращались къ нему съ усиленными требованіями австрійскіе уполномоченные, графъ Бельгардъ и полковникъ де-Лепинъ. Вице-адмиралъ, а равно и Санковскій отказались отъ всякихъ съ ними переговоровъ. Между тѣмъ французы громко заявляли, что миръ съ Франціею состоялся и что Которъ въ самомъ непродолжительномъ времени попадетъ въ ихъ руки; съ своей стороны австрійскія власти, надѣясь подѣйствовать на стойкость Сенявина, распространяли сколько могли, между народонаселеніемъ, слухи о полученныхъ вице-адмираломъ изъ Россіи повелѣніяхъ и о близкой сдачѣ Котора австрійцамъ. Все славянское прибрежье въ весьма краткое время узнало объ угрожающей ему опас-

ности. Когда Сенявинъ прибылъ въ Кастельнуово, онъ засталъ тамъ всѣхъ сосѣднихъ жителей въ сборѣ. Среди огромной толпы царствовало страшнѣйшее смятеніе. Вѣсти, распространяемыя австрійцами и французами, успѣли возбудить все населеніе. Къ Сенявину явилась депутація отъ 8 комитетовъ съ заявленіемъ, что Славяне ни подъ какимъ видомъ не желаютъ подвергнуться игу Франціи и твердо рѣшились, предавъ жилища свои огню, искать убѣжища на русскихъ судахъ и дальнѣйшаго спасенія въ нѣдрахъ Россіи. Ужасъ и уныніе царствовали между приморцами и во всемъ Черногорьѣ. Сенявинъ рѣшился разомъ успокоить народныя массы. Онъ твердымъ тономъ заявилъ перепуганному народу, сбѣжавшемуся въ Кастельнуово, что будетъ защищать Которъ до послѣдней капли крови, что ни подъ какимъ предлогомъ и никому не сдастъ его и тутъ-же предложилъ высланной къ нему депутаціи отправить выборныхъ къ русскому Царю съ просьбою не покидать вѣрныхъ ему приморскихъ славянъ и окончательно принять ихъ подъ свою державу. Слова Сенявина сильно подѣйствовали на народъ. Присутствующіе громкими кликами изъявляли свою рѣшимость всѣми силами помогать русскимъ. Духъ народный видимо ободрился и партіи приморцевъ и черногорцевъ снова появились подъ Рагузою. Въ то время, когда Сенявинъ соображалъ, содержа подъ сукномъ предписанія Разумовскаго, какъ-бы тверже и удачнѣе отразить ожидаемыя имъ противъ Котора нападенія, къ нему явился курьеръ изъ Парижа, отправленный, по настоянію Талейрана и Кларка, русскимъ уполномоченнымъ Убри. Сенявинъ не повѣрилъ однако курьеру этому и не обратилъ никакого вниманія на депеши, имъ привезенныя. Но за этимъ первымъ посланцемъ послѣдовали второй и третій; Сенявинымъ невольно стало овладѣвать сомнѣніе. Австрійскіе уполномоченные снова приступили къ нему съ требованіями и съ увѣреніями, что въ достовѣрности сообщаемыхъ о совершеніи мира извѣстій сомнѣваться невозможно. Не измѣняя своего энергичнаго образа дѣйствій, вице-адмиралъ тайно сообщилъ Бельгарду, что, ни въ какомъ случаѣ не сдастъ австрійцамъ Котора до 15 Августа. Между тѣмъ курьеровъ изъ Петербурга не было, свѣдѣнія о заключеніи мира оффиціально не подтверждались, тогда Сенявинъ уже гласно объявилъ австрійскимъ уполномоченнымъ, что до торжественнаго заключенія мира и до положительнаго на то приказанія изъ С.-Петербурга Котора онъ не сдастъ. Австрійскіе уполномоченные обратились съ жалобами въ Вѣну. На Сенявина старались дѣйствовать и французы. Къ нему письменно обратился вице-король италіанскій Евгеній Богарнэ и самъ генералъ Лористонъ явился изъ Рагузы на адмиральскій корабль для свиданія съ вице-адмираломъ и переговоровъ о передачѣ Котора. Онъ вернулся въ Рагузу съ полнымъ убѣжденіемъ, что рус-

скіе Котора несдадутъ никому и что имъ можно завладѣть только открытою силою. Между Разумовскимъ и Стадіономъ снова пошли непріятныя объясненія. Вице-канцлеръ настойчивѣе прежняго требовалъ немедленной сдачи. Посолъ съ своей стороны представлялъ ему, что виною всѣхъ настоящихъ затрудненій была Франція, прельстившаяся на владѣнія нейтральной Рагузской республики вопреки точнымъ условіямъ Пресбургскаго договора, именно въ ту минуту, когда Россія, ради мира, готова была уступить австрійцамъ Которъ. Онъ не могъ не замѣтить при этомъ, что австрійскіе уполномоченные въ Далмаціи вели себя крайне безтактно и своею суетливостью, равно какъ отсутствіемъ мѣры въ требованіяхъ сильно досаждали русскимъ агентамъ. Стадіонъ не оспаривалъ доводовъ Разумовскаго, однако страхъ мести со стороны Наполеона, а вслѣдствіе этого неминуемая, какъ ему казалось, гибель Австріи не сходили съ устъ его. Нападковъ на австрійскихъ дѣятелей онъ не допускалъ, самъ горько жаловался на Сенявина и Санковскаго, упрекая посла въ томъ, что онъ не умѣетъ заставить ихъ повиноваться. Весьма легко обижавшійся Разумовскій нашелъ тонъ вице-канцлера неприличнымъ и счелъ долгомъ защитить своихъ соотечественниковъ. Разговоръ принялъ самый рѣзкій характеръ, завязался безконечный споръ, въ концѣ котораго Стадіонъ внезапно объявилъ, что имѣетъ въ рукахъ предписаніе австрійскаго императора къ генералу Бельгарду, силою выхватить Бокку Которскую изъ рукъ русскихъ въ случаѣ ежели, по первому его требованію, она добровольно не сдастся. „Какъ?—воскликнулъ пораженный Разумовскій,—вы намѣрены употребить силу противъ самаго вѣрнаго вашего союзника?“ Стадіонъ отвѣчалъ молчаніемъ и глубокими вздохами. „Итакъ, — добавилъ графъ Андрей Кирилловичъ,—если до полученія Бельгардомъ приказаній вашего императора, русскимъ удастся завладѣть Рагузою, то вы въ состояніи будете напасть за одно съ французами на силы искреннѣйшаго изъ друзей Австріи и все это подъ предлогомъ исполненія договора, надъ которымъ самъ же Наполеонъ первый издѣвается и которымъ онъ столь же мало стѣсняется, сколько и всякимъ инымъ подписаннымъ имъ условіемъ Не скрою отъ васъ, графъ, что такое рѣшеніе произведетъ въ Петербургѣ самое тягостное и невыгодное для Австріи впечатлѣніе“.

На этомъ окончился разговоръ между двумя дипломатами. Взволнованный вышелъ Разумовскій изъ государственной канцеляріи. „Считаю излишнимъ,—писалъ онъ въ заключеніе своего донесенія,—что-либо добавить къ простому изложенію фактовъ“ [1]).

Тонъ Стадіона возмутилъ всѣхъ въ Петербургѣ, но въ то же

---

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 4 и 9 Іюля.

время въ словахъ его Будбергъ, не безъ нѣкотораго самодовольствія, подмѣтилъ благіе предлоги къ сохраненію Котора подъ русскою властью.

„Les détails intéressants que renferment vos dépêches, — писалъ онъ отъ 21 Іюля въ отвѣтъ Разумовскому,—ayant attiré l'attention particulière de S. M. I. ce n'est pas sans une peine sensible qu'elle a observé les nouveaux obstacles qui viennent d'empêcher la restitution des bouches du Cattaro conformément aux ordres qui en avaient été donnés par S. M. Mais tout en prenant à coeur les nouveaux embarras que cet incident pourra attirer à la cour de Vienne, S. M. n'a pu cependant qu'approuver le raisonnement qu'à ce sujet v. e. a fait au comte de Stadion, savoir: que ces embarras ne seront occasionnés que par le peu de mesure et par la précipitation des employés autrichiens, ainsi que par les français eux-mêmes. Si les premiers avaient consulté les règles de la prudence, qui ne leur auraient pas permis de brusquer sans aucun ménagement l'opinion d'un peuple, dont ils devaient connaître le caractère et les dispositions; si les français n'avaient point envahi le territoire de Raguse sans provocation, comme sans motif au moment où ils n'ignorent plus la condescendance qui a déterminée notre auguste Maître à restituer les bouches, cette restitution aurait déjà eu lieu sans doute. Mais il était effectivement tout simple qu'un incident pareil, une conduite qui outrage également et la bonne foi généreuse de S. M. I., et tous les principes de justice, aie motivé de la part des commandants russes des mesures que leur dictaient l'intérêt et la dignité de leur Souverain. Le c-te de Stadion même n'a pu disconvenir dans le temps que vos conjectures à cet égard étaient justes et fondées... S. M. devait s'attendre à ce que S. M. I. et R. en appréciant tout ce qu'un pareil sacrifice devait avoir de pénible, n'exigerait pas que l'Empereur poussât sa complaisance jusqu'à compromettre sa dignité et sa gloire au point de céder par la force, ce qu'il était sur le point d'abandonner par un mouvement de générosité. C'est donc avec une surprise et une sensibilité extrême que S. M. a vu la détermination du cabinet de Vienne de prendre Cattaro coute que coute et de joindre à cet effet les forces autrichiennes à celles des français pour agir contre les troupes de son plus fidèle allié. L'Empereur connaissant parfaitement l'état de faiblesse dans le quel se trouve l'Autriche, connaît aussi tous les ménagements que requiert une pareille situation et la délicatesse de ses procédés envers cette puissance devait être un sûr garant qu'elle n'aurait jamais exigé que la cour de Vienne se prononçât contre la France, tant que les choses seraient restées sur le même pied. Mais aussi pour prix de tant de déférence S. M. I. devait-elle se croire en droit d'exiger que l'Au-

triche ne se joindrait jamais et dans aucun cas aux français, pour se constituer en état d'hostilité contre la Russie. Tel est cependant le fait et il faut convenir, qu'en considérant que la cour de Vienne tolère avec la plus grande patience tous les infractions que la France se permet au traité de Presbourg, en songeant qu'elle ne manifeste aucune opposition au bouleversement de l'antique constitution de l'empire germanique que Bonaparte effectue à son gré, ni aux nouveaux empiètements qu'il accumule chaque jour et auxquels il est impossible que l'Autriche reste indifférente, en faisant toutes ces considérations, il faut convenir, dis-je, que la parallèle à tirer entre les procédés de la cour de Vienne envers la Russie et la France n'est assurément pas de nature à fortifier S. M. I. dans les dispositions qu'elle a toujours témoignées à la maison d'Autriche et qu'elle a manifestées de la manière la moins équivoque par des sacrifices très-réels. S. M. I. et R. est trop juste pour ne pas sentir qu'une pareille conduite de sa part devra nécessairement produire un changement dans les dispositions de notre auguste Maître à l'égard de la maison d'Autriche, à moins qu'un prompt retour sur elle-même n'engage la cour de Vienne de réunir tous ses soins pour se remettre dans une position pûrement passive, la seule qui puisse convenir à sa situation actuelle. Ce ne serait assûrément qu'avec le plus vif regrêt que S. M. I. se verrait dans le cas de modifier le systême d'union et d'amitié, que jusqu'ici elle s'est plu à suivre envers l'Autriche, mais si les intérêts essentiels de son empire venaient à l'exiger, S. M. connaît trop ses devoirs de souverain, pour ne pas leur sacrifier toute autre considération".

„Pour ce qui concerne nos opérations du côté de Cattaro et de Raguse il serait impossible, vu l'éloignement où nous nous trouvons et l'ignorance des évènements subséquents, de donner quelque direction précise à ce sujet. Je me bornerai donc à vous faire connaître les intentions de notre auguste Maître pour les cas qui nous paraissent les plus vraisemblables".

„Si l'ennemi était parvenu à rassembler assez de forces pour obliger les nôtres à renoncer aux succès qu'elles avaient obtenus et à évacuer le territoire de Raguse, alors il n'y aurait plus rien à faire pour le moment, et toute opération ultérieure de ce côté deviendrait le résultat d'une nouvelle combinaison, qui dépendrait plus ou moins de la tournure que prendront les affaires générales. Si au contraire les troupes russes avaient poussé leurs avantages jusqu'á s'emparer de Raguse, S. M. I. veut qu'elles y restent, jusqu'à ce que par un arrangement, qui pourrait avoir lieu entre les commandants respectifs, l'indépendance et l'intégrité de cette république ne soient suffisamment garanties, dans lequel cas les troupes russes auraient à quitter Raguse incessamment en remettant

ce poste aux autorités locales dans le même état où ils l'ont trouvé. Pour ce qui concerne Cattaro, l'Empereur est loin de vouloir révoquer les ordres donnés primitivement pour la restitution de ce poste et ils doivent rester encore en pleine vigueur, à moins que les forces autrichiennes n'aient employé des voies de fait pour s'emparer de cette province ou qu'elles se soient jointes aux français pour y attaquer les troupes de S. M. I. Dans ce cas celles-ci devront faire les plus grands efforts conjointement avec les monténégrins et les autres habitants du pays pour repousser l'agression de l'ennemi et se maintenir dans leur position. Si au contraire le général de Bellegarde par ordre de sa cour était revenu à des principes plus modérés et dès lors plus analogues aux relations qui existent entre son souverain et le nôtre, s'il s'était borné à réunir tous ses soins pour aplanir les difficultés, qui en dernier lieu se sont opposées à l'évacuation de Cattaro, dans ce cas-là la retraite des troupes de S. M. I. se ferait conformément aux premiers ordres qui en ont été donnés, et aussitôt que m. de Sankovsky sera parvenu à calmer et à préparer les esprits pour prévenir toute opposition de la part des habitants. C'est alors qu'il faudrait, d'après ces mêmes ordres, que m. de Sankovsky tâchât de monter les esprits de manière à pouvoir compter autant que possible sur ce que les monténégrins et les boucquois se révolteront contre les français, aussitôt que nous serons à même de les délivrer de nouveau de leur joug, ce qui alors serait pour toujours. Comme vous êtes plus rapproché du théâtre des évènements, et que par conséquent, il vous sera plus aisé de juger de ce qu'il y aura de convenable à faire, l'Empereur vous autorise à modifier ses ordres, si vous jugiez pouvoir concilier les intérêts et la dignité de S. M. avec l'avantage et les convenances de l'Autriche, de manière toutefois que la première de ces considérations n'en souffre dans aucun cas".

Государю, какъ видно, совѣстно было прямо отказать Австріи но въ то же время онъ находилъ, что Которъ необходимъ для Россіи и въ случаѣ сдачи его предвидѣлъ необходимость снова имъ завладѣть открытою силою. Разумовскій ожидалъ изъ Петербурга положительныхъ указаній; вмѣсто этого въ депешахъ имъ получаемыхъ все было условно и вся отвѣтственность окончательно падала на него. Дружба съ Австріею казалась теперь графу Андрею Кирилловичу необходимѣе, чѣмъ когда либо. Миръ не состоялся, Англія старалась образовать новую коалицію противъ Франціи, малѣйшее недоразумѣніе между союзниками могло повредить всему дѣлу. Разумовскій рѣшилъ пожертвовать Которомъ ради столь необходимаго по мнѣнію его союза. Въ силу этого рѣшенія, онъ поспѣшилъ приказать Сенявину и Санковскому немедля сдать Которъ австрійцамъ, сообщая

при этомъ полученную имъ отъ барона Будберга депешу. Едва успѣлъ онъ отправить въ Далмацію свои приказанія, какъ прибыли къ нему одновременно изъ Лондона два письма отъ графа П. А. Строганова и лорда Гренвиля. Оба умоляли графа Андрея Кирилловича не спѣшить сдачею Котора. Строгановъ убѣждалъ Разумовскаго взять на себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ и удержать русскія войска въ Боккѣ Которской. Но русскій посолъ былъ окончательно ослѣпленъ доводами графа Стадіона и предвидѣлъ неисчислимыя несчастія для Австріи и Россіи, если бы сдача не состоялась. Къ тому-же, его въ то время крайне смутило полученное имъ ложное извѣстіе о разгромѣ русскихъ силъ подъ Рагузою, о которомъ онъ упоминаетъ въ одной изъ своихъ депешъ къ Будбергу.

Рѣшившись на сдачу, Разумовскій сѣлъ за длинное донесеніе въ Петербургъ. Въ случаяхъ затруднительныхъ, когда онъ не чувствовалъ подъ ногами твердой почвы и не вполнѣ ясно сознавалъ чего именно отъ него требовали въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, слогъ его дѣлался тяжелымъ и мысли путались во множествѣ вводныхъ предложеній. Въ Петербургѣ же просто хотѣли Которъ оставить за собою, но не смѣли открыто въ этомъ сознаться, въ виду данныхъ Австріи обѣщаній. Несомнѣнно однако и то, что ни Разумовскій, ни даже самъ Государь не сознавали вполнѣ историческаго призванія Россіи. Они не понимали почему роковая судьба постоянно наталкивала Россію на Востокъ. Приписывали они это честолюбію правительницы Софіи и князя Голицына, страсти Петра Великаго къ морю, тщеславнымъ замысламъ Екатерины и ея любимца Потемкина. Но въ настоящую пору о Турціи никто въ Россіи не помышлялъ и не безъ насмѣшекъ вспоминали тамъ о греческихъ проэктахъ добраго стараго времени. Все вниманіе обращено было на Западъ и вдругъ совершенно неожиданно грозныя тучи стали собираться на Югѣ и силою обстоятельствъ, прямо вопреки воли правительства занятаго борьбою съ Наполеономъ приходилось еще разъ помѣриться силами съ портою оттоманскою. По какому то трудно объясняемому фатализму о призваніи Россіи думали не государственные мужи Россіи, а постоянно и притомъ всегда съ крайнимъ ужасомъ прозорливые иностранцы, которымъ постоянно удавалось спихнуть сѣверную имперію съ ея прямого историческаго пути. Среди русскихъ дипломатовъ описываемаго нами времени одинъ только, такъ недавно поступившій на службу, корсиканецъ Поццо ди Борго понялъ, какъ мы видѣли выше, куда должны были стремиться усилія новаго его отечества, но въ Петербургѣ указанія его считали фантазіею пылкаго италіянца. На Которъ, смотрѣли не какъ на ключъ позиціи, а только, какъ на хорошую приморскую стоянку, весьма полезную во время войны, но которую, по мнѣнію

русскаго посла въ Вѣнѣ, никакъ не слѣдовало предпочитать дружбѣ съ Австріею, жалкое состояніе которой должно было побуждать Россію къ всякимъ впользу ея пожертвованіямъ.

„Affermis comme nous le sommes à Cattaro,—доносилъ Будбергу отъ 6-го Августа Разумовскій:—je me flatte qu'aucune circonstance désagréable n'empêchera nos employés de faire la translation (m. le vice-amiral Sényavine n'ayant pas envisagé l'avis de m. d'Oubril comme obligatoire) des bouches du Cattaro entre les mains des autrichiens et non des français et d'agir en cela avec les formes publiques qui conviennent à la dignité et à la générosité de notre auguste Maître, qui cède à un mouvement volontaire et non aux obligations d'un traité dont l'accomplissement changerait toutes les relations utiles, que nous avons depuis si longtemps entretenues de ce côté-là en faveur de nos diversions. Des personnes, qui connaissent bien le pays, sont persuadées que si nous avions eu quelques bâtiments à la hauteur de la presqu'île de Sabioncello, les détachements, qui sont venus au secours de Raguse, auraient été interceptés et après deux jours de gagnés, Lauriston, et le fait n'est point douteux, aurait été obligé de capituler. Je devais à la vérité cette observation, quoiqu'elle ne s'attache qu'à des choses passées et je ne prétends point assurément affaiblir par là le tribut d'éloges que peuvent avoir mérité nos employés civils et militaires".

Отдѣлавъ Сенявина и Санковскаго, Разумовскій такъ продолжалъ въ депешѣ своей отъ 16-го Августа: „Je trouvai dans le contenu des dépêches du comte de Stroganoff, que ce plénipotentiaire qui avait déjà eu connaissance du traité de m. d'Oubril, loin de croire à la possibilité de la confirmation de cet acte, avait eu le noble courage d'assurer le ministère britannique que S. M. I. ne le ratifierait jamais. Forts de cette conviction lord Granville et le comte de Stroganoff ont pensé que la prudence ordonnait de ne point se désaisir, en attendant que la décision suprême ne fût connue, de Cattaro, et ce dernier me demanda de prendre sur moi de différer cette transaction. Je lui répondis que, quoique persuadé comme lui que S. M. I. rejetterait un traité humiliant et insidieux, je n'aurais jamais cependant pu prendre sur moi de suspendre les ordres donnés relativiment à Cattaro; que cette question avait été trop mûrement pesée à St.-Pétersbourg et que l'on s'y était convaincu sans doute que pour éviter au coeur des provinces autrichiennes des invasions, que l'on n'eût pas été en état de repousser de ce côté-là, à cause de la dislocation actuelle de l'armée; pour empêcher vraisemblablement que des masses décuples en nombre ne se portassent, sous ce prétexte en Dalmatie, en Albanie, en Servie même, sans que cette cour-ci osât s'opposer à

leur passage; mais, plus que tout cela, la nécessité de laisser à l'Autriche le temps de se reconnaître et de se régénérer, de la délivrer pour cela de la présence des français, qui sont encore en possession des principales clefs de la monarchie; que ces motifs réunis, écrivai-je au c-te de Stroganoff, avaient probablement servi de principes aux déterminations généreuses de notre auguste Maître".

„Je devais nécessairement envisager le précis des injonctions directes qui me sont parvenues à l'égard de Cattaro (dont l'importance nous est bien connue) comme un effet de toutes ces causes déterminantes, et il m'a paru utile de les récapituler à notre plénipotentiaire à Londres, pour sa conduite d'office. J'y joignis même par surabondance des motifs de fait. Les voici: le courrier par lequel v. e. m'a transmis les ordres définitifs de la cour est arrivé ici le $^{1}/_{13}$. Le $^{2}/_{14}$ il en est parti un pour Trieste qui n'a employé que 58 heures pour sa course et qui s'est mis immédiatement à la voile avec un vent favorable. Le courrier du c-te de Stroganoff n'est arrivé que le $^{8}/_{20}$ de sorte qu'il m'eût dans tous les cas été physiquement impossible d'apporter à cet objet les modifications désirées".

„A côté de ces communications ostensibles, j'en fis de pûrement confidentielles au c-te de Stroganoff, et sous ce rapport je ne lui laissai point ignorer les dispositions ordonnées par terre et par mer pour bloquer, réduire ou affamer la position de Cattaro, immédiatement après que les français en auraient pris possession. Cette précaution m'a parue essentielle quoiqu'il se soit agi d'un plan secret; mais outre que je compte sur la mesure du ministre, il se pouvait, et c'est l'opinion, mais l'opinion individuelle de m. Adair, que les embarquements qui se font en Angleterre, fussent destinés pour l'Adriatique. Dans ce cas il fallait que l'on sût sur qui l'on pouvait compter; si au contraire les troupes anglaises avaient une autre destination, m. de Stroganoff était peut-être à même de leur en donner une plus directement utile à nos intérêts en faisant combiner un corps anglais avec les nôtres. J'ai été décidé surtout à lui faire quelques ouvertures à cet égard, à cause de la difficulté, qu'il m'a semblé que le passage de nos renforts pourrait éprouver de la part de la Porte. Pendant que je m'occupais de ces moyens indispensables pour paralyser les efforts des français vers les provinces européennes de la Turquie, le chasseur Fedoroff est arrivé et avec lui les ordres au vice-amiral Sényavine de ne point abandonner ses avantages, l'état de guerre subsistant entre la Russie et la France; de s'en tenir sévèrement aux instructions du 21 Juillet et à moi celles de diriger en conséquence la conduite de m. de Sankovsky. Je me hâtai de satisfaire à ces prescriptions et 24 heures après son arrivée, le chasseur Fedoroff était parti pour Trieste, muni de tous

les titres qui pouvaient lui assurer une prompte traversée. J'envoyai à m. de Sényavine copie de ma dépêche à Sankovsky et vice-versa, l'une et l'autre strictement calquées sur les évènements. J'ajoutai à celle adressée à m. d. Sankovsky: „que j'étais persuadé que la publicité qu'il aurait à donner à la non-conclusion de la paix, et qui contrasterait avec la publicité précipitée, qu'en ont fait les français pour servir leurs desseins particuliers, produirait un grand effet sur les peuples, près desquels il se trouve, que les uns conserveraient leur dévouement énergique et que les autres devaient être assurés qu'ils peuvent compter dans tous les temps sur un concours efficace de notre part, pour les délivrer du joug des français et leur faire recouvrir une indépendance absolue de l'un et de l'autre de leurs voisins. Ces mesures tracées et transmises, avec le plus grand secret, la presque certitude acquise que m. le vice-amiral Sényavine ne se conformerait point aux avis de m. d'Oubril, je me flattais que dans le court intervalle, qui se serait trouvé entre ceux-ci et les nouveaux ordres de la cour, il ne pouvait se présenter que très-peu d'avantages en faveur des français. Cependant le dernier rapport de Pellegrini du 8 (20) Août m'annonce qu'un navire, provenant de la Morée a paru devant Trieste avec pavillon russe, qu'il s'est rendu à bord pour prendre langue avec le capitaine et qu'il apprit que c'est sur l'assurance formelle de m. le vice-amiral Sényavine, qui avait déjà fait publier la paix à Cattaro, qu'il avait entrepris son voyage pour Venise. Le même capitaine disait que deux jours avant son départ des bouches, un général français et le comte de Bellegarde s'étaient rendus à Castelnuovo et que les troupes autrichiennes étaient à Raguse vieille... Il serait fâcheux que la marche et la direction que tout semblait promettre à nos mesures dans ces parages-là, par la rapidité et la suite des expéditions et la première décision du vice-amiral de ne point se rendre aux communications de m. d'Oubril, quelqu'en fut le ton imposant, que ces mesures, dis-je, puissent être altérées ou affaiblies. Tout dépend du succès de la traversée de Fedoroff. Il doit trouver m. de Sényavine à son bord dans le canal et c'est un avantage réel pour éviter les surprises qui seraient malheureusement à craindre si, s'abondonnant à la sécurité de la paix, les français étaient prévenus avant lui de sa non-ratification".

Всѣ извѣстія, сообщаемыя разными мелкими русскими вице-консулами изъ италіанцевъ: Пеллегрини въ Тріестѣ, Тимони въ Рагузѣ и проч., почти всегда оказывались ложными. Разумовскій однако не безъ нѣкотораго злорадства сообщалъ ихъ въ Петербургъ, такъ какъ они набрасывали тѣнь на коренныхъ русскихъ уполномоченныхъ, настойчивость которыхъ заставляла его терять всякое терпѣніе.

Сенявинъ и Санковскій изъ депешъ Будберга, сообщенныхъ имъ

Разумовскимъ, поняли только, что Государь сдавать Которъ не желаетъ и на этомъ остановились. Гораздо легче и вѣрнѣе было держать его въ рукахъ, чѣмъ, сдавъ австрійцамъ, вырывать позднѣе у французовъ. Сенявинъ не терялъ надежды отплатить послѣднимъ за потерпленную неудачу и всѣми силами старался поддержать возбужденное состояніе славянскаго населенія. Единовременно съ депешами Разумовскаго, вице-адмиралу прямо изъ Петербурга отправлено было предписаніе продолжать непремѣнно военныя дѣйствія противъ Французовъ и, если бы Которъ паче чаянія былъ уже сданъ, всѣми способами стараться занять тѣ позиціи, которыя русскій отрядъ и флотъ занимали до извѣстія о мирѣ, подписанномъ Убри [1]). Это послѣднее нѣсколько туманное повелѣніе, относилось, вѣроятно, до Рагузы, которую желали освободить отъ французовъ. Понятно, что вслѣдъ за этимъ послѣднимъ предписаніемъ Сенявинъ покончилъ дальнѣйшія сношенія съ австрійскими властями, а Санковскій, ближе отъ нихъ находившійся и по этому состоявшій подъ большимъ ихъ вліяніемъ, сталъ отписываться бумагами, часто заносчивыми и рѣзкими. Вице-адмиралъ въ тоже время распорядился относительно наступательныхъ дѣйствій. Вслѣдствіе его приказаній контръ-адмиралъ Сорокинъ съ 4 кораблями блокировалъ Рагузскій портъ; русскія регулярныя войска и полчища приморцевъ и черногорцевъ, подъ предводительствомъ митрополита Нѣгуша, выступили противъ французовъ [2]). Жалобы посыпались въ Вѣну, а Разумовскому, не перестававшему твердить русскимъ агентамъ о немедленной сдачѣ Котора, приходилось получать отъ Сенявина и Санковскаго довольно колкіе отвѣты.

«Le contenu des dépêches de m. de Sankovsky n'a pu que m'affliger vivement,—доносилъ Будбергу отъ 8-го Сентября обиженный и недовольный Разумовскій.—J'étais bien éloigné de m'attendre à une nouvelle guerre de plume. J'ai eu l'honneur de transmettre à v. e. des copies de tout ce que j'avais transmis à ces messieurs, conformément aux ordres de ma cour et je ne crois pas que mes dépêches aient présenté un seul passage ambigu, ou qui ne fut sévèrement calculé sur l'élévation et la loyauté des principes qui ont guidé notre auguste Maître sur sa dignité et la considération due à ses armes. Les ordres donnés par cette cour-ci à ses agents de se circonscrire strictement dans les bornes de la conciliation et dans les formes les plus officieuses, coincidaient avec ces combinaisons, et je devais m'attendre à des résultâts conformes. Au lieu de cela il s'agit de nouvelles diatribes, car je ne saurais donner un autre nom à cette correspondance indécente. Je

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, III. 212—213.

[2]) Тамъ-же.

me dispenserai ici de toute réflexion ultérieure, j'ai cru également devoir suspendre toute démarche jusqu'au retour de Fedoroff. Dans l'intervalle, ce que j'aurais pu faire, ce serait peut-être trouvé déplacé ou inutile, puisque ce n'est que d'après la détermination qui aura été prise par nos agents d'après la lettre des ordres transmis par Fedoroff que je saurai dans quel sens agir".

„On prononcera à St.-Pétersbourg sur la conduite de m. de Sankovsky si, après les assurances tranquillisantes données directement à cette cour-ci et les injonctions renouvellées d'effectuer la translation de Cattaro, il devait encore la différer; toujours dans la supposition qu'il en fut requis avec politesse et avec instance; l'on prononcera de même si cette conduite fût prudente, quand on aura calculé le temps que les français ont eu de faire arriver des renforts de toute part. Cattaro cédé au moment de l'arrivée de Koudriaffsky aux autrichiens et remis immédiatement par ces derniers, qui se seraient rembarqués aussitôt, Cattaro, dis-je, serait repris à l'heure qu'il est et certes il n'y a pas à hésiter sur l'importance de cette position que l'on aurait acquise enfin, en mettant hors de jeu tous ceux pour lesquels les considérations générales, la situation de l'Europe, l'attitude de la France exigeaient des ménagements".

Между тѣмъ французскій посолъ при вѣнскомъ дворѣ, Ларошфуко, приступалъ снова къ вице-канцлеру съ требованіями о сдачѣ Котора. Подобныхъ настояній уже давно ожидали въ Вѣнѣ. До Парижа еще не успѣло дойти извѣстіе о томъ, что Императоръ Александръ отказался принять мирныя условія, подъ которыми подписался Убри. Тамъ еще вполнѣ вѣрили въ успѣхъ миссіи послѣдняго, но тѣмъ не менѣе, Наполеонъ, на одномъ изъ первыхъ пріемовъ новаго австрійскаго посла, графа Меттерниха, объявилъ послѣднему, что повелѣлъ силою захватить Которъ, такъ какъ, повидимому, безъ бою Россія не намѣрена его возвратить. Извѣстій изъ Парижа австрійское правительство ожидало теперь съ большимъ чѣмъ когда-либо возбужденіемъ.

„On craint,—доносилъ отъ 16-го Августа Разумовскій,—que l'événement déjà connu du cabinet d'ici de la non-rectification du traité de m. d'Oubril, en provoquant l'humeur acrimonieuse de Bonaparte ne produise un changement subit dans ses premières dispositions et ne les fasse remplacer par des mesures contraires. D'ailleurs la correspondance de Berthier avec La Rochefoucauld et Andréossy semblait rendre cette activité de démarches encore plus indispensable. Il mande à ces messieurs qu'il avait à la vérité des ordres éventuels de retirer les troupes sous ses ordres, mais alors seulement qu'il aurait appris la translation de Cattaro, que placé entre le dispositif des correspondances

de Paris et de Vienne, c'était à eux de lui fournir à cet égard les indications nécessaires. La crise des développements favorables ou défavorables à l'Autriche dépend donc cette fois-ci d'un calcul de vitesse. L'expérience du passé ne permet point de croire à un autre principe. Mais si on a le temps de reprendre des places fortes ce sera toujonrs quelque chose de gagné".

„Tandis que mon courrier me remettait des détails sur le véritable état de choses à Cattaro,—доносилъ далѣе отъ 29-го Августа Разумовскій,—La Rochefoucauld disait ici au c-te de Stadion, qu'il était informé que les russes voulaient rendre ce pays aux français et non aux autrichiens; ce qui serait en contradiction avec le dispositif du traité de Presbourg relatif à cette translation. M. de Stadion eut beau remontrer à l'ambassadeur que l'objet de cet article était de procurer la possession des bouches du Cattaro aux français et qu'il importait peu que la translation se fit directement ou indirectement, l'ambassadeur persista dans son principe, répéta que ses instructions sur ce sujet étaient positives et que si les commissaires jugeaient à propos de recevoir ce pays des russes, lui cependant ne croirait pas pouvoir prendre aucune détermination sans de nouveaux ordres de son gouvernement. Il faut, pour l'intelligence d'une déclaration aussi singulière dans sa maxime comme dans son application, se rappeler sans doute ici, que les mesures de Berthier dépendent, comme j'ai eu l'honneur de l'annoncer, des avis de l'ambassadeur et ceux à l'égard de Cattaro, se croisant avec les nouvelles indirectes de la nonratification de la paix, il aura voulu à tout évènement gagner du temps. Il a expédié en conséquence un courrier à Paris. Le c-te de Stadion en a fait autant de son côté pour transmettre au c-te de Metternich les instructions nécessaires sur un objet qui se trouvera probablement terminé d'une manière toute différente, quand les communications réciproques arriveront à Paris".

„En parcourant les annexes volumineuses qui renferment dans le plus grand détail tout ce qui s'est passé entre les commisaires autrichiens et les nôtres, v. e. sera sans doute péniblement affectée du ton qui à dicté quelques unes des notes du colonel L'Epine, toujours mis en avant dans cette verbeuse correspondance. Il en est une particulièrement que je n'ai pas pu lire sans indignation, c'est celle qui se trouve côtée sous № 5 et je n'ai pas cru pouvoir me dispenser d'amener à ce sujet une explication avec le c-te de Stadion. J'ai représenté au ministre tout ce qu'il y avait de déplacé, d'injurieux même dans cette note et combien à coup sûr elle indisposerait le ministère de ma cour et mon auguste Maître lui-même, si elle était mise sous les yeux de S. M. I. Avant de vous rendre, m. le baron, la réponse du ministre,

il faut que je fasse connaître ici la disposition d'esprit dans laquelle se trouve la cour et le cabinet relativement à l'affaire de Cattaro. Comprimé, humilié sous ce prétexte, on ne soupire qu'après l'instant fortuné, où, pouvant s'appuyer sur ce dernier point d'accomplissement du traité de Presbourg, on sera à même d'insister sur l'éloignement des troupes françaises, qui paralysent et menacent sans cesse la faible puissance de l'Autriche. On est convaincu que cette époque si désirée n'a été retardée que par la mauvaise volonté de nos chefs dans ces contrées, dirigée par leurs vues personnelles d'ambition, d'amour—propre et en opposition directe et manifeste avec les intentions amicales et magnanimes de notre auguste Maître, qu'on reconnaît, qu'on apprécie vivement et dans toute leur étendue. Partant de là on est porté à excuser l'aigreur qui a du naturellement s'établir de la part des commissaires de cette cour, à la suite de ce qu'on nomme ici *les chicanes* des nôtres à leur égard et surtout après la vigoureuse menace du capitaine Belly. On l'excuse, dis-je, par ce qu'on la partage et je m'en suis apperçu aux premiers mots qui ont été répliqués à mes représentations. Cependant je dois la justice au c-te de Stadion, qu'après sa première explosion dans ce sens, lorsqu'il eût écouté avec calme tout ce que j'avais à lui dire, il convint avec moi que, quelque soit l'état des choses et des circonstances, quelqu'animosité qu'il puisse y avoir entre des individus chargés d'une commission très délicate, à une distance très-éloignée de leurs supérieurs, si la faiblesse humaine ne leur permettait pas parfois de contenir leur ressentiment, la raison devait en réprimer l'expression par écrit dans des pièces qui font acte et qui peuvent à juste titre indisposer les cabinets et les souverains, que la politique prescrit de ménager avec la mesure de considération et de respect convenable. Il fut tellement d'accord sur ce principe et sur son application à l'égard de ma cour, qu'il aurait désiré, m'a-t-il dit, pouvoir soustraire cette pièce de la correspondance de Cattaro, espérant toutefois de la bonté et de l'indulgence de notre auguste Maître, que S. M. I. daignera ne l'envisager que comme l'effet de l'effervescence d'un militaire, dont le métier n'est point de manier la plume".

Между Ларошфуко и Стадіономъ завязались касательно Которскаго дѣла жаркіе споры. Вице-канцлеръ, разумѣется, требовалъ объясненій отъ Разумовскаго, который извинялся тѣмъ, что не получаетъ отвѣтовъ изъ Петербурга. На счастіе обоихъ дипломатовъ императора Франца не было въ Вѣнѣ, онъ уѣзжалъ въ Венгрію. Благодаря этому, Стадіону удалось уговорить Ларошфуко дождаться возвращенія австрійскаго монарха. Французскій посолъ на это согласился, а вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ отправить къ генералу Бельгарду, командующему австрійскими войсками на границахъ

Далмаціи, строжайшее предписаніе, въ которомъ ему приказано было не только употребить всѣ возможныя усилія, чтобы уговорить Сенявина и Санковскаго на сдачу Котора, но даже, въ случаѣ крайности, силою ввести французовъ въ спорную крѣпость.

„J'atteste avec vérité,—добавлялъ ко всѣмъ этимъ важнымъ извѣстіямъ Разумовскій въ депешѣ своей къ Будбергу,—que le c-te de Stadion m'a paru pénétré de douleur de la nécessité d'en venir à cette extrémité. Ce n'est pas ici le lieu, m. le baron, de m'arrêter sur les réflexions étendues que présente la complication étrange des circonstances qui ont ammené la situation bizarre et malheureuse dans laquelle se trouvent les agents des deux cours dans ces contrées. L'Empereur notre Maître, par un mouvement de générosité et d'intérêt envers l'empereur François, a promis la restitution: voilà sur quoi se fonde la réclamation de la cour de Vienne. Elle rejette sur nos agents uniquement l'inexécution de la volonté et des intentions magnanimes de notre Souverain. Leur résistance à cet égard est taxée de criminelle dans l'opinion du cabinet autrichien, c'est à eux qu'il fera la guerre. Quoiqu'il en soit, les ordres de S. M. I., tels qu'ils m'ont été confirmés par le chasseur Fedoroff, sont clairs et positifs et je me persuade que notre auguste Maître daignera approuver que je les réitère au conseiller d'état Sankovsky et au vice-amiral Sényavine à la sollicitation du ministère autrichien, lorsque l'expédition de son courrier aura lieu. J'ai cèdé à ses instances à cet égard par un double motif: celui de prévenir les conséquences fâcheuses et parce que les dépêches du c-te de Meerfeldt en dâte du 23 courant n. st. rendent compte d'un entretien avec v. e. qui vient complètement à l'appui des volontés de S. M. I. sur cet objet dans le même sens que j'ai été chargé de les annoncer ici précédemment".

„Le chasseur Fedoroff est arrivé [1],—писалъ далѣе Разумовскій отъ 26 Сентября,—et c'est lui que je charge de mon expédition pour S.-Pétersbourg. Je croyais trouver enfin dans celle qui lui a été confiée de Cattaro la solution de toutes les incertitudes qui existaient sur le sort de ce pays. J'ai transmis à v. e. dans leurs détails les instructions et les avis, que j'ai fait parvenir par ce même Fedoroff au vice-amiral Sényavine et à m. de Sankovsky, sur la contiuation de la guerre avec la France et sur les intentions de notre auguste Maître à l'égard de la translation à faire aux autrichiens. Ils étaient entièrement calqués sur les ordres de la cour Cependant j'ai vainement parcouru les dépêches que m'adresse m. de Sankovsky, ainsi que la relation du vice-amiral à cachet volant. Je

---

[1]) Изъ Котора.

n'ai trouvé dans l'une que l'exposé de la situation actuelle du pays et dans l'autre celui de nos forces, l'indication des renforts que l'on a jugé à propos d'appeler, les mouvements des français et il y est aussi peu fait mention de la restitution, dont il s'agit, que si jamais il n'en avait été question. Dans ces circonstances embarassantes pour moi vis-à-vis du ministère d'ici, qui avait placé son espoir dans les nouvelles qui devaient me rentrer par le courrier, dont il avait combiné et calculé la course et dont l'attente avait fait l'objet de ses entretiens journaliers; dans ces circonstances, dis-je, je crus devoir me permettre d'user de l'autorité qui m'a été donnée par S. M. I. d'ouvrir tous les paquets qui viennent de ces contrées-là, pour aller à de plus amples informations. Il était possible que l'un ou l'autre de ces messieurs eût consigné dans les rapports immédiats quelques détails qui pouvaient me fournir les lumières nécessaires. Je trouvai partout le même silence sur l'objet qui a motivé des remontrances si suivies et si instantes de la part de cette cour-ci. Dans cet état de choses, il ne m'a point paru convenable de demeurer passif, et je me décidai immédiatement à y chercher, tels qu'ils se présentaient, les arguments dont j'avais besoin pour motiver la persévérance de nos troupes dans l'occupation de Cattaro. J'allai plus loin, et dans le second entretien que j'eus à ce sujet avec le c-te de Stadion, je réussis assez dans mes remontrances pour entrainer son opinion même presqu'en faveur de cette occupation. Mais j'anticipe sur l'exposition des moyens que je mis en usage. L'insurection de la Dalmatie contre les français et le parti qui s'annonce de la part des habitants musulmans de quelques districts limitrophes de celui des chrétiens de l'Herzégovine, sur lesquels on peut compter, la retraite spontannée des français des points essentiels qu'ils avaient occupés, pendant l'apparence de la paix, retraite que nos agents attribuent aux mouvements des insurgés, tout cela servit de texte à mes insinuations. J'observai au c-te de Stadion que la mesure prise par les commandants français prouvait leur faiblesse dans ce pays là; que d'une autre part, l'orage qui se forme du côté du nord et l'occupation qu'y trouve Bonaparte, aussi bien qu'en Italie, ne devait pas laisser présumer qu'il pu jeter des renforts en Dalmatie ou qu'il pensât à récriminer aujourd'hui à main armée contre la maison d'Autriche pour les délais apportés à cette restitution. Le ministre des affaires étrangères tomba d'accord sur le principe. Il avait eu également la nouvelle, mais trop peu fixée de la part du consul Timoni de Raguse, de l'insurection qui commençait à se manifester dans les provinces avoisinantes et, lorsque je pus lui confirmer ces données par les détails précis de nos agents, il n'hésita plus de se rendre à mes raisons, lors même que je lui disais: „que si cette possession restait entre les mains des russes, cela devait

être égal à la maison d'Autriche, à cause des avantages de localité, qui en résulterait immédiatement." A côté de cette tournure favorable pour le résultat des derniers ordres transmis au général de Bellegarde, le c-te de Stadion me dit qu'il croyait que l'on pouvait être parfaitement tranquille. Effectivement il m'apprit, que les ordres en question portaient en substance: „que si les remontrances amicales étaient sans effet, les commissaires autrichiens eussent à conduire les français à main armée, à la possession du pays, mais dans le cas seulement où ceux-ci fussent en nombre et en forces suffisantes pour l'occuper". Il est à remarquer en outre, que les troupes autrichiennes sous les ordres du général de Bellegarde se montaient à 2000 hommes, lors de leur embarquement. Ce nombre, qui aura sans doute éprouvé quelque diminution, eût été insuffisant dans le cas de mesures hostiles. Pour y suppléer on avait mis à la disposition de ce général un régiment cantonné à Fiume, dont j'ai tout lieu de croire que le déplacement aujourd'hui sera suspendu et que par conséquent il ne sera question d'aucune démarche de la part des autrichiens qui pourrait avoir des suites désagréables. Il est à désirer en attendant que les nôtres profitent des avantages que présente le moment actuel, de leurs renforts et de la disposition des habitants pour porter un coup décisif à ce qui reste de français de ce côté-là, c. à. d. à une armée qui a quitté elle-même les positions essentielles pour se concentrer contre le danger qui la menace de toute part. J'ose me flatter de mon côté, que les résultats satisfaisants de mes démarches ici mériteront la haute approbation de notre auguste Maître. Les entretiens qu'ils ont nécessité sont cause du retard de la réexpédition de Fedoroff que j'ai retenu à Vienne pendant deux fois 24 heures".

Не смотря на эти послѣднія успокоительныя извѣстія, всѣмъ ясно было въ Вѣнѣ, что Которскому дѣлу угрожала самая трагическая развязка. Австрійское правительство, подъ гнётомъ непрестанныхъ угрозъ Франціи, поддалось бы окончательно ея давленію и прибѣгло бы къ какой-либо крайней мѣрѣ, въ то время какъ русскій Государь несомнѣнно бы защитилъ Сенявина, такъ стойко и умѣло отстаивавшаго честь и благо своей родины на отдаленномъ отъ нея славянскомъ поморьѣ. Всѣ современные государственные люди со страхомъ помышляли о концѣ этого запутаннаго дѣла, но никто такъ не томился какъ Разумовскій. Испуганному его воображенію беспрестанно представлялся разрывъ между Вѣною и Петербургомъ, чѣмъ бы были пошатнуты всѣ коренныя его политическія убѣжденія. Русскій посолъ съ отчаяніемъ помышлялъ о будущемъ, когда внезапно на сѣверѣ Европы произошла перемѣна и о Которѣ разомъ забыли и въ Петербургѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Парижѣ. Крѣпость, на которую обращены

были всѣ взоры, сдача которой породила столько жаркихъ споровъ и безконечныхъ депешъ, вдругъ исчезаетъ вовсе изъ громадной переписки, которую велъ съ барономъ Будбергомъ графъ Андрей Кирилловичъ. Иныя, болѣе важныя обстоятельства, привлекли на себя всеобщее вниманіе, о Которѣ уже никто не заботился и только разъ, среди тяжелыхъ и грустныхъ для Россіи зимнихъ мѣсяцевъ 1806 и 1807 годовъ, снова выступаетъ имя Котора и то только вслѣдствіе безтактной выходки австрійскаго посла въ Петербургѣ, графа Меерфельдта.

Между тѣмъ Сенявинъ, отступившій передъ французами почти безъ урона, расположился въ полномъ порядкѣ подъ Кастельнуово. Въ тылу Мармона поголовно поднялись славянскіе горцы и остановили дальнѣйшій натискъ французовъ. Въ бояхъ съ поморскими Славянами французы потеряли около 3000 человѣкъ убитыми и ранеными и 50 орудій. Отрѣзанный отъ моря, окруженный черногорскими и боккезскими партизанами, имѣя передъ собою совершенно свѣжія силы Сенявина, Мармонъ принужденъ былъ остановиться. Онъ отступилъ въ сторону, окопался въ укрѣпленномъ лагерѣ близъ старой Рагузы и, въ виду общаго возстанія, поневолѣ оставался въ бездѣйствіи. Если бы французы были побѣдителями, какъ утверждаютъ ихъ историки, то Которъ палъ бы предъ ними послѣ первой ихъ значительной удачи. Но мы видимъ, что Сенявинъ не только не допускалъ непріятеля выходить изъ устроеннаго имъ укрѣпленнаго лагеря, но еще въ глазахъ его захватилъ почти на милліонъ однихъ призовъ, не считая множества припасовъ, высылаемыхъ изъ Тріеста для продовольствія французской арміи. Весь провіантъ достался русскимъ и благодаря этому въ французскомъ лагерѣ сталъ ощущаться сильный недостатокъ, а русскія войска ни въ чемъ не нуждались. Съ наступленіемъ весны вице-адмиралъ распустилъ часть иррегулярныхъ войскъ, онъ учредилъ по горамъ первобытные тогдашніе телеграфы, благодаря которымъ, предувѣдомленные туземцы могли во время поспѣть на подмогу русскимъ; онъ усилилъ гарнизонъ въ Которѣ; занялъ острова Курцоллу и Брацну, и содержалъ въ строгой блокадѣ находившіеся въ рукахъ французовъ Далматскіе порты. Не ограничиваясь этими мудрыми распоряженіями, Сенявинъ вступилъ еще въ переговоры съ пріятелемъ своимъ знаменитымъ Янинскимъ сераскиромъ Али-Пашею. Хотя со дня на день ожидали окончательнаго разрыва между Россіею и Турціею, вице-адмиралу удалось однако уговорить Али-Пашу, отказаться отъ вооруженія, которымъ онъ угрожалъ занятые русскими войсками Іонническіе острова. Сенявинъ умѣлъ не только мудро дѣйствовать, но еще твердо и достойно отвѣчать на настойчивыя требованія сосѣднихъ австрійскихъ властей, продолжавшихъ по прежнему къ нему приставать съ

просьбами о сдачѣ Котора. Дѣятельнымъ сотрудникомъ Сенявина въ Которѣ явился знакомый намъ Санковскій. Когда объявлена была война между Россіею и Турціею и Сенявину повелѣно было отплыть изъ Адріатическаго моря въ Архипелагъ для совмѣстныхъ съ англійскимъ флотомъ дѣйствій противъ Оттоманской порты, команда надъ Которомъ сдана была вице-адмираломъ капитану 1-го ранга Барановскому [1]), совмѣстно съ которымъ по-прежнему краемъ управлялъ Санковскій. Въ то же время изъ Парижа сдѣлано было Ларошфуко внушеніе не настаивать болѣе на сдачу Котора.

„D'autres temps, d'autres soins,—доносилъ по этому случаю Будбергу отъ 21 Сентября Разумовскій,—et le corse en bon pilote serre ses voiles, lorsque le temps grossit.“ Среди всеобщаго затишья и усилій къ примиренію, которымъ одно только французское правительство ставило преграду своими непомѣрными требованіями, Наполеонъ помышлялъ о новыхъ подвигахъ на Сѣверѣ, и эти мечты отвлекли его вниманіе отъ всѣхъ второстепенныхъ вопросовъ.

Коль скоро замолчалъ Ларошфуко, умолкли и австрійскіе министры, взоры которыхъ съ ужасомъ слѣдили за быстрыми успѣхами французовъ. Когда въ самый разгаръ прусской войны отправленъ былъ изъ С.-Петербурга въ Вѣну съ чрезвычайною миссіею Поццо ди Борго ему поручено было, между прочимъ, окончательно объясниться съ австрійскимъ кабинетомъ относительно Котора. Но объясненія оказались излишними, всеобщее вниманіе обращено было въ другую сторону и графъ Стадіонъ только разъ да и то вскользь, на одномъ изъ совѣщаній своихъ съ Поццо ди Борго упомянулъ о Которѣ какъ о дѣлѣ давно прошедшемъ и всѣми забытомъ.

---

[1]) Богдановичъ—Исторія Александра I. II. 134—135.

ГЛАВА V.

Пруссія и Франція. — Рейнская конфедерація. — Непринятіе условій, подписанныхъ Убри. —Отношенія Россіи къ Турціи. — Себастіани. —Дружба Разумовскаго съ Адеромъ. —Возстаніе Сербіи. —Сербская депутація въ Вѣнѣ. —Вступленіе русскихъ войскъ въ Дунайскія княжества. — Фальшивое положеніе князя Куракина. — Донесенія Маллія. — Недовольство Разумовскимъ въ Петербургѣ. — Заказъ оружія для русскаго войска. — Состояніе Австріи. —Миссія лорда Морпета. —Объявленіе Франціею войны Пруссіи. —Битвы при Іенѣ и Ауерштедтѣ. —Капитуляціи прусскихъ войскъ.

Конвенція, заключенная Гаугвицемъ съ Франціею, послѣ Аустерлицкаго погрома, возбудила всеобщее негодованіе не только въ Петербургѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ, но и въ самомъ Берлинѣ. Національная прусская партія громко протестовала. Нерѣшительный король Фридрихъ-Вильгельмъ тайно списывался съ дворами англійскимъ и русскимъ и, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился потребовать отъ Наполеона нѣкоторыхъ измѣненій въ подписанномъ Гаугвицемъ трактатѣ. Изъ Парижа зорко слѣдили затѣмъ, что̀ происходило въ столицѣ Пруссіи и французскій посланникъ Лафорѐ подробно доносилъ о тайныхъ переговорахъ Берлинскаго кабинета съ Англіею и Россіею. Понятно, что требованія короля только раздражили Наполеона, уже давно нерасположеннаго къ прусскому двору. Онъ публично осыпалъ Гаугвица упреками и не только не соглашался на перемѣны, которыхъ добивался король Фридрихъ-Вильгельмъ, но наоборотъ, наложилъ на Пруссію еще болѣе тягостныя условія. Многія изъ прирѣзокъ, ей сперва назначаемыхъ изъ лоскутовъ распадавшейся германской имперіи, были дарованы теперь другимъ болѣе услужливымъ Франціи нѣмецкимъ владѣтелямъ. Пруссія должна была стать во враждебное отношеніе къ Англіи и закрыть судамъ ея входъ въ свои торговыя гавани, наконецъ, требовалось удаленіе отъ дѣлъ враждебнаго Франціи Гарденберга. За то по-прежнему къ Пруссіи присоединялся Ганноверъ. Передъ этою приманкою, составлявшею искони pium desiderium Пруссіи, не устоялъ Гаугвицъ и, опасаясь, какъ-бы новые споры не ухудшили предлагаемыхъ Наполеономъ условій, рѣшился скрѣпить своею подписью sub spe rati продиктованный ему Тюильерійскимъ кабинетомъ трактатъ. Самъ Гаугвицъ не смѣлъ лично, представить королю своему выработанныя имъ новыя условія союза.

Онъ слишкомъ опасался въ Берлинѣ вражды національной партіи и отправилъ туда стараго нашего знакомаго маркиза Луккезини. Между тѣмъ Наполеонъ, не сомнѣваясь въ томъ, что принятыя русскимъ повѣреннымъ Убри условія мира будутъ утверждены въ Петербургѣ и вполнѣ увѣренный въ успѣхѣ миссіи Луккезини, спокойно обратилъ все вниманіе свое на упроченіе французскаго вліянія въ западной Германіи и Италіи. Вокругъ французскаго императорскаго трона внезапно возвысилась совершенно новая аристократія. Для членовъ семьи своей и своихъ маршаловъ Наполеонъ сталъ выкраивать среди Германіи и Италіи вассальныя Франціи королевства, княжества и герцогства. На мѣсто изгнанныхъ Бурбоновъ провозглашенъ былъ Неаполитанскимъ королемъ братъ его Іосифъ. На развалинахъ генеральныхъ штатовъ основано было королевство Голландское, во главѣ котораго поставленъ былъ другой его братъ Лудовикъ. Іоакимъ Мюра сталъ великимъ герцогомъ Бергскимъ и Клевскимъ, маршалъ Бертье княземъ Нейшательскимъ, Талейранъ княземъ Беневентскимъ и т. д. 12 Іюля 1806 г. провозглашенъ былъ въ Парижѣ актъ образованія Рейнскаго союза, къ которому приступили Баварія, Виртембергъ, Баденъ, Нассау и много второстепенныхъ германскихъ княжествъ. Императоръ Францъ II, вслѣдъ за подобнымъ ударомъ, нанесеннымъ всему старому строю Германіи, ограничился только тѣмъ, что сложилъ съ себя санъ императора германскаго и сталъ съ тѣхъ поръ титуловаться только австрійскимъ императоромъ подъ именемъ Франца I.

Ожиданія Наполеона сбылись относительно Пруссіи. Луккезини не засталъ своего короля въ Берлинѣ, онъ находился въ Штетинѣ, гдѣ производилъ смотръ возвращающимся въ Россію войскамъ. Извѣстія, дошедшія до столицы Пруссіи изъ Парижа, подали поводъ къ шумнымъ демонстраціямъ, въ которыхъ участвовали офицеры гвардіи и члены королевской семьи. Тѣмъ не менѣе подписанный Гаугвицемъ договоръ былъ принятъ королемъ. Гарденбергъ былъ удаленъ и на его мѣсто назначенъ Гаугвицъ. Луккезини отправился посланникомъ въ Парижъ, гдѣ Наполеонъ нарёкъ себя покровителемъ Рейнскаго союза, денежныя средства и военныя силы котораго подпадали такимъ образомъ подъ безконтрольное распоряжаніе владыки Франціи. Прусскому двору стали намекать изъ Парижа о возможности образовать сѣверную германскую конфедерацію, ловко при этомъ указывая на то, что, вслѣдствіе сложенія съ себя Францомъ I-мъ австрійскимъ сана императора германскаго, званіе это оставалось вакантнымъ [1]).

Намёки эти дѣлались не иначе, какъ на словахъ, но они сильно заняли умы прусскихъ министровъ. Начались переговоры съ сѣвер-

---

[1]) Schlosser, Geschichte das XVIII. Jahrhunderts, VII. 155.

ными германскими дворами. Отправленъ былъ нарочный курьеръ и въ Вѣну, съ которою, со времени послѣдней миссіи Гаугвица, сношенія ограничивались одними депешами. Прусскій дворъ, предлагалъ сближеніе, но въ какихъ то общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ.

„Ce qui est à remarquer à l'égard de la marche que suit la cour de Berlin,—доносилъ по этому случаю отъ 22-го Августа Разумовскій, — pour regagner la confiance de celle de Vienne, si justement aliénée par la conduite perfidement abjecte de son cabinet, c'est que celui-ci s'est adressé au ministère saxon pour le solliciter de se rendre garant à Vienne de la bonne foi prussienne. C'est assurément une démarche sans exemple entre deux grandes puissances d'en choisir une troisième de rang inférieur et subordonnée par sa position à l'une d'elles, pour être caution auprès de l'autre, qu'elle n'a pas à craindre cette fois-ci d'être trompée, après l'avoir été en tant et tant d'occasions. Cette dégradation, qui caractérise en même temps et l'immoralité du ministre et la faiblesse du cabinet qu'il dirige, n'est pas faite pour obtenir son but auprès de cette cour-ci, qui, dans le tourbillon des désastres qui l'environnent, n'a jamais oublié son honneur et sa dignité... De toutes les situations où un état puisse se trouver, celle de cette cour-ci est la plus cruelle. Elle ne saurait se livrer aux intentions toujours fallacieuses de la Prusse, parce qu'elle appréhende son rapprochement avec la France; le repos momentané qu'elle goûte, provient vraisemblablement de la discussion intermédiaire de cet objet. Tout peut faire révoquer les promesses faites de la retraite des troupes françaises qui occupent encore son territoire et c'est ainsi que cet instant de répit sera remplacé demain peut-être par des agitations nouvelles et par de nouveaux dangers".

Переговоры, затѣянные берлинскимъ дворомъ, вслѣдствіе словесныхъ намековъ, сдѣланныхъ по приказанію Наполеона французскимъ посланникомъ Лафорè, ни къ чему въ сущности не привели. Несмотря на ручательство Саксоніи въ честности и правотѣ намѣреній прусскаго правительства, Вѣнскій дворъ, живо помнившій отступничество берлинскаго кабинета во время Аустерлицкой кампаніи, прислалъ рѣзкій отказъ. Сосѣднія съ Пруссіею державы холодно и уклончиво отвѣчали на предложенія Гаугвица, не скрывая своего недовѣрія къ берлинскому кабинету. Между тѣмъ, изъ Лондона стали доходить до прусскаго двора тревожныя вѣсти о томъ, что въ переговорахъ своихъ съ англійскими уполномоченными въ Парижѣ, французское правительство, не стѣсняясь, предлагало возвратить британскому королю его любимый, наслѣдственный Ганноверъ. Извѣстіе это тѣмъ болѣе сильно подѣйствовало на короля Фридриха-Вильгельма, что получаемыя имъ отъ Луккезини изъ Парижа депеши стали въ послѣднее время пред-

ставлять политическую будущность Пруссіи въ самомъ темномъ свѣтѣ. Луккезини вполнѣ вѣрилъ въ состоявшійся между Россіею и Франціею миръ, онъ предвидѣлъ, что Наполеонъ потребуетъ, вслѣдствіе этого, отъ прусскаго двора, кромѣ Ганновера, еще и другихъ значительныхъ уступокъ, онъ не сомнѣвался въ возможности возстановленія Польши и сообщалъ, что Наполеонъ прочитъ ее брату русскаго Императора [1]). Въ концѣ длинной депеши, въ которой Луккезини описывалъ всѣ новыя невзгоды, ожидавшія Пруссію, онъ умолялъ короля своего, не теряя времени ѣхать въ Петербургъ дабы личными убѣжденіями отклонить Александра Павловича отъ заключенія мира съ Наполеономъ [2]). Хотя почти одновременно съ депешами Луккезини, прибыли въ Потсдамъ утѣшительныя извѣстія изъ Петербурга, однако, и съ этой стороны, представлялось много не легко разрѣшаемыхъ задачъ. Правда что прусскій министръ при русскомъ дворѣ, графъ Гольцъ, извѣщалъ о томъ, что условія, которыя подписалъ Убри, были отвергнуты Императоромъ Александромъ, что изъ совѣтниковъ Царя, одинъ только Чарторижскій, не пользовавшійся уже прежнимъ вліяніемъ, продолжаетъ мечтать о возстановленіи Польши, однако въ то же самое время прусскій посланникъ обращалъ вниманіе короля на то, что, вслѣдствіе отказа Императора, возобновленіе войны между Россіею и Франціею становилось неминуемымъ и что въ весьма скоромъ времени Петербургскій кабинетъ потребуетъ отъ Пруссіи категорическаго отвѣта о томъ, къ какой сторонѣ она окончательно намѣрена примкнуть. Положительныя эти требованія предполагалось облечь въ мягкія формы, выставляя дружбу, соединявшую Александра Павловича съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, но въ то же время несомнѣнно что рѣшено было указать на невозможность нейтралитета, при близости къ границамъ Пруссіи предполагаемаго театра войны. Всякое рѣшеніе многаго стоило королю прусскому, къ тому же въ описываемое нами время онъ былъ крайне возмущенъ поданнымъ ему прошеніемъ, подписаннымъ принцами королевской фамиліи и многими государственными людьми, извѣстными въ Пруссіи своею ненавистью къ Франціи. Въ числѣ ихъ находился между прочимъ знаменитый баронъ Штейнъ, отстраняемый отъ дѣлъ, благодаря вліянію Гаугвица, Цастрова, Ломбарда, Бейма и другихъ всемогущихъ, приверженныхъ союзу съ Франціею, королевскихъ совѣтниковъ. Въ прошеніи выражалась надежда, что Гаугвицъ, будетъ удаленъ отъ дѣлъ и что установленіемъ при королѣ отвѣтственнаго и благонамѣреннаго государственнаго совѣта учрежденъ будетъ вѣрный

---

[1]) Соловьевъ. Императоръ Александръ I, стр. 118.
[2]) Schlosser. Geschichte des XVIII Jahrhunderts. VII. 155.

органъ, могущій служить передъ престоломъ прямымъ проводникомъ общественнаго мнѣнія. Фридрихъ-Вильгельмъ сдѣлалъ строгое внушеніе лицамъ, подписавшимъ прошеніе, на которое онъ взиралъ какъ на покушеніе противъ его верховныхъ правъ, но въ то же самое время, въ виду общаго недовольства отданъ былъ приказъ мобилизировать прусскую армію. Опасаясь, непріятностей со стороны Франціи, король поспѣшилъ при этомъ, на смѣну ненавистному Наполеону Луккезини, отправить въ Парижъ генерала Кнобельсдорфа, извѣстнаго сторонника союза Пруссіи съимператорскою Франціею.

Неожиданное вооруженіе прусской арміи, вѣсть о которомъ распространилась съ необыкновенною скоростью по Европѣ, привела, всѣхъ дипломатовъ въ совершенное недоумѣніе. Лафорѐ, прежде другихъ всё знавшій, поспѣшилъ извѣстить Наполеона о принятомъ въ Берлинѣ рѣшеніи. Раздраженный отказомъ Россіи, императоръ французовъ открыто изъявилъ свое неудовольствіе и, не стѣсняясь, оказывалъ передъ представителемъ Пруссіи свое полное презрѣніе къ Гаугвицу, внезапно перешедшему изъ числа сторонниковъ союза съ Франціею, на сторону многочисленныхъ ея ненавистниковъ при Берлинскомъ дворѣ. Съ Австріею, вслѣдъ за извѣстіями о вооруженіяхъ Пруссіи, стали при Французскомъ дворѣ, какъ-то особенно любезны и внимательны. Наполеонъ не пропускалъ случая на торжественныхъ выходахъ и пріемахъ при дворѣ, выказывать свое особенное благоволеніе представителямъ ея генералу барону Венсану и только-что прибывшему ему на смѣну тогда еще графу Меттерниху. Среди дипломатическаго корпуса, находившагося въ то время въ Парижѣ, стали по этому случаю ходить слухи о томъ, что Меттернихъ привезъ съ собою какія-то секретныя, но угодныя французскому императору предложенія. Слухъ объ этомъ достигъ и до Петербурга. Въ откровенныхъ разговорахъ съ весьма молодымъ въ то время и столь знаменитымъ впослѣдствіи австрійскимъ дипломатомъ, Наполеонъ откровенно сообщалъ о томъ, сколь недоволенъ онъ былъ Пруссіею. Меттернихъ объ этомъ доносилъ въ Вѣну, а графъ Стадіонъ цѣликомъ сообщалъ получаемыя отъ него депеши русскому послу. Послѣдній съ своей стороны спѣшилъ передавать самые интересные отрывки изъ депешъ Меттерниха барону Будбергу.

„Quant à la Prusse,—писалъ между прочимъ Разумовскій отъ 29 Августа,—Bonaparte en parla avec le mépris le plus prononcé au c-te de Metternich.—J'ai, dit-il, des nouvelles de ce qui s'y passe. Apparemment que le roi veut recommencer la farce de l'année dernière, mais il ne tient qu'à moi de mettre fin à cette comédie. Je n'ai qu'à rappeler Lafôret de Berlin, tout cet armement cessera et tout rentrera dans son ancien état. Je connais la cour et ce misérable Haugwitz“.

Je ne retracerai pas ici le tableau, rendu fidèlement par le c-te de Metternich, que Bonaparte fit du ministre prussien, de sa duplicité, de son adulation rampante, de sa vénalité. Je me fixerai à un seul trait: celui de l'explication qui a précédé son introduction chez Bonaparte, lorsqu'il vint le trouver à Schönbrun, au milieu des évènements de la dernière campagne. Bonaparte lui fit demander s'il venait au nom des puissances coalisées ou comme avocat de son pays seulement. L'envoyé courtisan répondit sans hésiter que c'était au nom seul de son maître, qui n'avait rien à démêler avec les autres états. Le reste de l'esquisse; où toutes les perfidies de Haugwitz, durant son séjour à Vienne furent recensées avec les couleurs du plus profond mépris, ressemble à ce trait caractéristique".

Ожиданія Наполеона относительно мира съ Россіею не сбылись. Несчастный Убри встрѣченъ былъ въ Петербургѣ общимъ неодобреніемъ. Государь повелѣлъ внести подписанныя уполномоченнымъ условія въ совѣтъ, гдѣ они единогласно были объявлены необязательными для верховной власти и не совмѣстными съ достоинствомъ Россіи. Вслѣдствіе этого Александръ Павловичъ, присоединясь къ мнѣнію своихъ министровъ и несмотря на письма друга своего Лагарпа, которыя привезъ съ собою, въ свое оправданіе Убри, рѣшительно отказалъ въ ратификаціи договора, заключеннаго послѣднимъ съ французскимъ правительствомъ. Объ этомъ сдѣлана была нотификація всѣмъ дворамъ, съ объясненіемъ тѣхъ причинъ, которыя къ этому побудили Государя. „Трактатъ подписанный г. Убри,—извѣщалъ отъ 31 Іюля Разумовскаго баронъ Будбергъ,—не только не соотвѣтствуетъ цѣлямъ, которыя себѣ намѣтилъ Государь Императоръ, но даже прямо противорѣчитъ всѣмъ инструкціямъ даннымъ нашему уполномоченному. Принятіе подобнаго договора послужило бы только къ поддержанію теперашнаго плачевнаго состоянія Европы и равнялось бы полному одобренію всѣхъ захватовъ Бонапарта. Новая германская конституція, провозглашенная именно въ то время, когда подписаны были условія договора нашего съ Франціею, наглядно доказала самоувѣренность Бонапарта и окончательно уничтожила дальнѣйшую надежду на скорое отступленіе войскъ его за Рейнъ. Россіи пришлось бы дать свое согласіе на окончательное порабощеніе Италіи, на занятіе Далмаціи и одобрительно взирать, какъ попраны права государей, всегда находившихся въ тѣсномъ союзѣ съ русскимъ дворомъ. Наконецъ, отъ Россіи требовали, чтобы она окончательно отдѣлилась отъ великобританскаго короля, самаго вѣрнаго и притомъ единственнаго въ настоящее время ея союзника. Договоръ, столь явно противный достоинству русскаго Монарха и благу Россіи, не могъ удостоиться высочайшаго утвержденія. Однако, всячески стараясь избѣгнуть ужасовъ войны, Государь.

мыслящій только о возстановленіи общаго мира и покоя, изволилъ сообщить Тюильерійскому кабинету иныя, вполнѣ согласныя съ пользою и достоинствомъ Россіи, условія, на основаніи которыхъ онъ всегда готовъ будетъ довести до конца начатую негоціацію".

Въ Европѣ отказъ русскаго Императора приписывали вліянію Англіи и не безъ нѣкоторой причины. Сенъ-Джемскій кабинетъ болѣе чѣмъ, когда-нибудь искалъ теперь тѣснаго союза съ Россіею и ставилъ себѣ въ особую заслугу то, что онъ, несмотря на всѣ заискиванія Наполеона, не соглашался на заключеніе отдѣльнаго отъ нея мира съ Франціею. Между тѣмъ ошибка Убри, слишкомъ довѣрчиво и охотно принимавшаго словесныя указанія Чарторижскаго и вслѣдствіе этого, какъ мы видѣли выше, хлопотавшаго о томъ, какъ-бы примириться съ Франціею помимо Англіи, была извѣстна въ Лондонѣ и на нее прямо указывали петербургскому двору. Императоръ Александръ чувствовалъ себя какъ-бы въ долгу передъ Англіею и, вслѣдствіе этого, условія, о которыхъ упоминалъ Будбергъ, въ депешѣ своей къ Разумовскому, долженъ былъ представить французскому двору англійскій уполномоченный въ Парижѣ лордъ Лондердаль. Россія желала вести дальнѣйшіе переговоры не иначе какъ сообща съ Англіею, которой Государь охотно соглашался передать полную мочь на заключеніе мира. Требовалось немедленное очищеніе Германіи отъ французскихъ войскъ, для короля Сардинскаго назначались Балеарскіе острова, а для короля Неаполитанскаго, кромѣ Сициліи, еще вся Далмація.

Въ Парижъ извѣстіе о непринятіи условій мира пришло въ ту минуту, когда всѣ были заняты слухами о вооруженіи Пруссіи. Почти одновременно узнали тамъ и о кончинѣ Фокса. Во Франціи не подозрѣвали еще, что политическія воззрѣнія англійскаго премьера, передъ самою его смертью во многомъ измѣнились и поэтому взирали на утрату этого государственнаго мужа, какъ на предвозвѣстницу новаго разрыва съ Англіею. Положеніе Наполеона было крайне затруднительное. Опять возставала противъ него вся Европа и при этомъ можно было ожидать, что, наученная прежними опытами, она, наконецъ, сомкнетъ всѣ свои силы противъ безпокойной и ненасытной Франціи. Дурныя вѣсти, полученныя изъ Россіи, положено было до времени скрывать при французскомъ дворѣ.

„Le c-te de Metternich,—доносилъ отъ 29 Августа Разумовскій,— en se rendant à son audience n'avait pas la preuve constatée que la non-ratification du traité signé par m. d'Oubril fut parvenue officiellement à Paris, mais il y a de très-fortes raisons de le conjecturer et surtout de croire qu'on l'avait empochée et qu'on la cachait... Les choses à propos des relations que la Prusse cherche à établir ici sont

encore dans le même vague. Le ministère a cru prudent sans doute d'attendre l'avis sur l'effet que la conduite actuelle et les dispositions militaires de la Prusse produiraient à Paris, pour juger par la réaction française de la mesure qu'il aura lui-même à donner à sa conduite... La cour d'ici appréhendait quelque décision violente et subite pour le moment où Bonaparte apprendrait la nonratification du traité de m. d'Oubril. Aujourd'hui il paraît que le tyran cherche à gagner du temps, mais on est porté à croire ici que ce temps ne sera employé qu'à gagner ou à acheter la Prusse, qui finira par se soummettre de nouveau à la volonté de la France".

Наполеонъ, къ удивленію всѣхъ, любезно принялъ новаго прусскаго посланника Кнобельсдорфа. Онъ, повидимому, откровенно съ нимъ объяснился, завѣряя его, что противъ Пруссіи не имѣетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній, что онъ только требуетъ полнаго соблюденія договоровъ и вовсе не думаетъ что нибудь отъ нея отнять. Онъ не скрылъ, однако, отъ прусскаго дипломата, что съ англійскими уполномоченными шли переговоры объ уступкѣ Ганновера, но въ тоже время добавилъ, что объ этомъ говорено было только въ общихъ выраженіяхъ и единственно потому, что англійскій король ставилъ возвращеніе наслѣдственнаго своего владѣнія первымъ и непреложнымъ условіемъ примиренія. Во всякомъ случаѣ, со стороны Франціи сдѣланы бы были своевременно Пруссіи предложенія о выгодномъ для нея вознагражденіи и ей бы предоставили на выборъ или согласиться на требованія Англіи, или же объявить ей въ союзѣ съ Франціею безпощадную войну [1]).

Наврядъ ли все высказанное Наполеономъ Кнобельсдорфу было вполнѣ откровенно. Какъ бы то ни было, однако, сдѣланныя открытія глубоко поразили прусскаго генерала. Онъ поспѣшилъ отписать о томъ своему двору. Въ Берлинѣ любезное обращеніе съ Кнобельсдорфомъ подало мысль, что Наполеонъ находится въ затруднительномъ положеніи и поэтому сильнѣе прежняго настаивали на отступленіи французскихъ войскъ изъ Франконіи. Съ своей стороны Наполеонъ предписалъ Лафорè объявить пруссскому кабинету, что пока вооруженіе не будетъ остановлено, французскія войска не тронутся изъ Германіи. Вслѣдъ за этимъ представитель Франціи долженъ былъ держаться совершенно въ сторонѣ, избѣгая всякаго дальнѣйшаго объясненія, и попрежнему только сообщая въ Парижъ малѣйшія подробности о томъ, что будетъ происходить въ Берлинѣ. Заявленія Лафорè, а потомъ его молчаніе крайне озадачили Берлинскій дворъ. Изъ Парижа никакихъ объясненій не приходило, а прусская національная пар-

[1]) Thiers. Histoire du consulat et de l'Empire. Edition de Bruxelles. II. 180.

тія по прежнему громко требовала рѣшительныхъ дѣйствій. Переписка усилилась между Берлиномъ, Лондономъ и Петербургомъ. Вооруженіе продолжалось самымъ дѣятельнымъ образомъ и въ Берлинѣ поговаривали о скоромъ отъѣздѣ короля къ арміи. Все предвѣщало близкую войну.

Въ то время, когда на сѣверѣ Германіи дѣла принимали самый мрачный оттѣнокъ, отношенія между Россіею и Турціею съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялись. Наполеону въ виду новой войны необходимо было навязать Россіи тормазъ, благодаря которому, силы ея были бы отвлечены въ другую сторону и онъ одинъ на свободѣ могъ бы разсчитаться съ Пруссіею.

Вслѣдствіе этого онъ предписалъ представителю своему въ Константинополѣ, умному и ловкому Себастіани, хорошо знакомому съ Востокомъ, употребить всѣ усилія къ ослабленію русскаго вліянія на Босфорѣ. Себастіани съ рвеніемъ принялся за исполненіе ввѣреннаго ему порученія. Вѣсти объ Аустерлицкой битвѣ сильно подняли акціи Франціи въ Константинополѣ и посолъ ловко этимъ воспользовался. Несмотря на противодѣйствіе умнаго и талантливаго Италинскаго, ему удалось окончательно вырвать султана Селима изъ-подъ вліянія русской партіи. Всѣ сановники порты, стоявшіе за тѣсный союзъ съ петербургскимъ кабинетомъ, были мало-по-малу удалены и диванъ наполнился одними сторонниками Франціи. Вслѣдъ за этимъ другъ за другомъ отмѣнялись, вслѣдствіе султанскихъ ираде, самыя существенныя статьи заключеннаго съ Россіею въ 1805 году договора, вполнѣ подтверждавшаго выгодныя для Россіи условія Кучукъ-Кайнарджійскаго и Ясскаго мировъ. Сперва запрещено было грекамъ плавать подъ русскимъ флагомъ. Право это было имъ даровано въ силу вышеприведенныхъ трактатовъ и они пользовались на Средиземномъ морѣ всѣми преимуществами русскихъ подданныхъ. Вскорѣ послѣ этого перваго, весьма чувствительнаго для Россіи нарушенія существовавшаго договора, послѣдовали другія еще обиднѣйшія. Русскія суда, какъ военныя, такъ и торговыя имѣли право свободнаго плаванія черезъ Босфоръ и Дарданеллы; внезапное повелѣніе султана заперло имъ оба пролива. Наконецъ, въ силу договора 1805 года, порта могла назначить господарей въ дунайскія княжества, только съ согласія Россіи и не менѣе, какъ на семь лѣтъ. Только въ случаѣ особо-важнаго преступленія и то, послѣ слѣдствія, произведеннаго русскими и турецкими уполномоченными по-ровну, имѣла оттоманская порта право смѣнить ранѣе срока провинившагося господаря. Какъ бы въ насмѣшку, только-что назначенные въ Молдавію господаремъ—Ипсиланти, а въ Валахію-Мурузи, разомъ были смѣщены, безъ суда и слѣдствія, вслѣдствіе настояній Себастіани, на-

ходившаго что они слишкомъ сильно подчинялись русскому вліянію. Италинскому предписано было угрожать Турціи войною и во всемъ соглашаться съ британскимъ посломъ въ Константинополѣ Арбутнотомъ. Англія, ради ненависти къ Наполеону, забывала свои вѣковыя преданія и не прочь была на развалинахъ Турціи подѣлиться добычею съ Россіею обычною своею соперницею. Англійскимъ представителямъ за границею предписано было сближаться съ русскими дипломатическими агентами, всячески стараясь помогать имъ въ достиженіи намѣченныхъ изъ Петербурга цѣлей. Особенно дорожили въ Лондонѣ дружбою Разумовскаго къ Адеру. Всѣ знали тамъ, что необходимость тѣснаго и прочнаго союза съ Англіею была однимъ изъ основныхъ убѣжденій русскаго посла. Адеръ былъ очень близокъ къ Фоксу и велъ съ нимъ дѣятельную частную переписку. „Сообщайте съ полною откровенносію графу Разумовскому,—писалъ, не задолго до своей кончины, англійскій премьеръ,—все то, что будете знать относительно политическихъ дѣлъ, ничего отъ него не скрывая. Увѣрьте его въ томъ, что за исключеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые прямо касаются до чести Англіи, каковы Ганноверъ и Мальта, во всемъ другомъ мы вполнѣ готовы слѣпо положиться на произволъ Россіи [1])“.

Вслѣдстіе такого настроенія британскаго правительства, Адеръ поспѣшилъ письменно свести графа Андрея Кирилловича съ представителемъ Англіи при Оттоманской портѣ, Арбутнотомъ (Arbuthnot), вслѣдствіе чего между послѣдними завязалась живая переписка. Сравнительно скоро доходившія отъ Арбутнота, часто весьма важныя извѣстія, служили для Разумовскаго полезнымъ дополненіемъ къ депешамъ, получаемымъ имъ изъ Петербурга.

Въ настоящую минуту все вниманіе русскаго двора невольно обращено было на Турцію. Какъ ни противенъ былъ Императору Александру и его совѣтникамъ восточный вопросъ, внезапно втершійся въ затрудненія уже и такъ запутаннаго политическаго положенія, однако, дерзость Порты взяла верхъ надъ всякими иными соображеніями. Александръ I, рѣшившійся предать полному забвенію пустыя, по убѣжденію его, бредни великой своей бабки о греческомъ вопросѣ, принужденъ былъ противъ воли своей, всю жизнь свою бороться противъ Турціи. Слѣпо довѣрясь покровительству Наполеона, оттоманская порта потеряла всякій страхъ къ Россіи и всячески старалась принудить Россію къ началу военныхъ дѣйствій. Рѣшившись выдвинуть войска свои на Югѣ, Александръ Павловичъ желалъ, какъ можно вѣрнѣе, узнать впечатлѣніе, которое произведётъ на австрійскій дворъ съ минуты на минуту ожидаемое объявленіе войны. Отъ Разумовскаго тре-

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 8 Сентабря.

бовали точныхъ указаній насчетъ того, какое рѣшеніе принято будетъ въ Вѣнѣ, ежели бы Наполеонъ, паче чаянія, объявилъ, что намѣренъ идти на помощь Турціи черезъ австрійскія владѣнія. Петербургскій кабинетъ не желалъ ставить Вѣнскій дворъ въ затруднительное относительно Франціи положеніе, но въ то же время, въ виду постоянныхъ заявленій дружбы, на которыя австрійскіе министры всегда бывали такъ щедры, и тѣхъ жертвъ, которыя Россія на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ только, принесла ради спасенія своей союзницы, Государь считалъ себя въ правѣ требовать со стороны Австріи хотя бы тайной поддержки. Отъ Вѣнскаго двора теперь ожидали строжайшее соблюденіе нейтралитета въ отношеніи къ Франціи, благодаря которому, проходъ Наполеоновыхъ полчищъ черезъ австрійскую территорію становился бы немыслимъ. Австрійскому вице-канцлеру Разумовскій долженъ былъ при этомъ намекнуть, что въ случаѣ даже тайныхъ услугъ, оказанныхъ Россіи, Вѣнскій дворъ могъ сполна разсчитывать на прирѣзки со стороны Босніи и Албаніи.

Въ ту минуту, когда въ Россіи рѣшено было взяться за оружіе, чтобы проучить нахальную Порту, взоры петербургскаго кабинета невольно обратились на сербовъ, уже два года упорно и счастливо воевавшихъ съ своими притѣснителями. Со временъ великой Екатерины, славянскій вопросъ, столь ошибочно называемый тогда греческимъ, потерялъ въ Петербургѣ всякое значеніе и едва ли кто занимался тамъ судьбою славянскихъ собратій, храбро добивавшихся правъ и вольности на берегахъ Дуная. Непонятный и ненавистный польскимъ и нѣмецкимъ министрамъ, руководившимъ политикою Россіи, періодично возникалъ на берегахъ Дуная неразрѣшенный еще и въ наши дни восточный вопросъ. Два года уже какъ сербы, подъ предводительствомъ Георгія Черинаго, храбро боролись съ Турками. Выведенные изъ терпѣнія злодѣйствами янычаръ, они напрасно искали защиты у турецкаго дивана. Отвѣтовъ изъ Стамбула не получалось и, наконецъ, загорѣлось народное возстаніе. Ненавистные янычары были частью перебиты, частью изгнаны. Вся Сербія поднялась, требуя независимаго внутренняго народнаго управленія, но не отказываясь выплачивать Турціи ежегодную дань. Разгнѣванный султанъ повелѣлъ сосѣднимъ съ Сербіею пашамъ выступить противъ мятежниковъ. Война загорѣлась по всему Дунаю; наконецъ, турки потерпѣли пораженіе при Шабанѣ, а воевода Петръ Добрынецъ отбилъ отъ Делиграда Скутарскаго пашу Ибрагима. Озадаченные турецкіе военачальники рѣшили вступить въ переговоры. Послѣ долгихъ споровъ положено было признать внутреннюю независимость Сербіи съ тѣмъ, чтобы она уплачивала султану ежегодную дань въ 1,800 кошельковъ. Подписанный пашами договоръ не былъ утвержденъ султаномъ и война вспыхнула съ новою силою. Въ это-

то время обратилось впервые на сербовъ вниманіе русскаго правительства. Въ виду неминуемой борьбы съ Турціею слѣдовало дорожить храбрыми союзниками, которыхъ, по мнѣнію Будберга, сама судьба посылала Россіи. Но союзники эти боролись уже два года и начинали изнемогать. Денегъ у нихъ не было, они во всемъ нуждались. Тогда обратились сербы къ единовѣрной и единокровной Россіи и въ виду грозы, собиравшейся на Югѣ, ихъ въ Петербургѣ приняли благосклонно. Они слезно молили о подмогѣ войскомъ, деньгами, оружіемъ, боевыми припасами. Ихъ снабдили кое-какими деньгами, но войскомъ слѣдовало дорожить: часть его готовилась къ борьбѣ съ турками, а другую надо было выставить на западныхъ границахъ на случай нападенія со стороны Франціи. Что же касается до оружія и припасовъ, то сама Россія крайне въ нихъ нуждалась и дѣлала заказы того и другого въ Вѣнѣ. Петербургскому двору, предчувствовавшему, что Вѣнскій дворъ не согласится въ данную минуту открыто дѣйствовать противъ Франціи, пришло на мысль просить у Австріи подмоги для своихъ природныхъ союзниковъ. Разумовскому поручено было просить, чтобы Вѣнскій кабинетъ тайно снабдилъ сербовъ всѣмъ тѣмъ, въ чемъ они нуждались. Такая своевременная помощь поддержала бы борьбу сербовъ съ Турціею и могла поэтому быть весьма полезною Россіи.

„Après la manière prononcée,—писалъ по этому случаю къ Разумовскому Будбергъ отъ 30 Сентября,—dont S. M. I. a pris le peuple servien sous sa haute protection et par une suite de considérations qui dérivent des circonstances du moment, il nous serait impossible d'abandonner ces braves gens. Mais, avec la difficulté que nous aurons toujours à leur fournir les moyens de résister à leurs nombreux ennemis, ce serait effectivement une marque d'amitié réelle que donnerait S. M. I. et R. à notre auguste Maître, si elle voulait pourvoir les Serviens de munitions de guerre dont ils ont si grand besoin. Vous aurez soin, m. le comte, de ne faire cette insinuation qu'avec la plus grande circonspection et, si vous le jugez convenable, vous ajouterez même que S. M. sera portée à bonifier au cabinet de Vienne toutes les avances que dans ce genre il aura faites au peuple servien".

Сами сербы, томимые нуждою, рѣшились обратиться за подмогою не только къ родной Россіи но и къ чуждой имъ Австріи. Въ Вѣну явились ихъ депутаты съ просьбою ссудить Сербію оружіемъ и боевыми припасами. Разумѣется, депутаты эти не могли не зайти съ поклономъ къ единокровному и единовѣрному имъ русскому послу и просили его передать Императору всероссійскому покорную челобитную сербскаго народа. Челобитную эту Разумовскій приложилъ къ депешѣ, отсылаемой имъ Будбергу. „Народъ сербскій,—сказано въ этомъ наив-

номъ, но въ то же время трогательномъ документѣ,—величайшую свою нужду представляетъ всемилостивѣйшему отцу своему и великому всѣхъ Сербовъ избавителю, Александру". Въ челобитной испрашивалось: 1) ссуда деньгами отъ одного до двухъ милліоновъ; 2) оружіе по крайней мѣрѣ, на 50,000 человѣкъ инфантеріи и отъ 100 до 200 польскихъ пушекъ и при нихъ должное число искусныхъ артиллеристовъ и, наконецъ, 3) подмогу войскомъ, которая могла бы придти въ Сербію или черезъ Валахію, или изъ Корфу, прямо черезъ Черную гору. Во главу своихъ силъ сербы призывали „прославленнаго всероссійскаго героя" великаго князя Константина Павловича. „Великій всероссійскій Государь,—сказано было въ заключеніе этой челобитной,—по великому званію своему Богомъ данный представитель всѣхъ православныхъ и славянскихъ народовъ на землѣ есть, который въ божественномъ, природномъ величествѣ своемъ, въ лицо цѣлому свѣту скажетъ: хощу да родъ сербскій, родъ и православіе мое, да избавится и да прославится".

Разумовскій принялъ депутатовъ благосклонно, но взиралъ на нихъ съ высоты своего величія, собственно, какъ на мятежниковъ, которымъ слѣдовало бы помириться съ законнымъ своимъ государемъ. Таковые взгляды не разъ встрѣчались въ рядахъ высшей русской дипломатіи.

„Je me suis borné de répondre,—писалъ Розумовскій къ Будбергу, описывая пріемъ депутатовъ,—par des assurances générales de sollicitude bienveillante et du désir de concourir à rétablir l'ordre et la tranquillité dans leur pays".

Въ Вѣнѣ съ ужасомъ узнали о воинственныхъ намѣреніяхъ Россіи относительно Турціи. Все было лучше, по мнѣнію австрійскаго кабинета, чѣмъ война и чего добраго новые успѣхи русскихъ на Востокѣ. „Искра—говорилъ взволнованный графъ Стадіонъ,—зажженная въ Турціи, произведетъ пожаръ во всей Европѣ. „Несмотря на постоянныя дружескія свои изліянія, вѣнскій дворъ не желалъ успѣха русскимъ, къ тому же изъ самаго Петербурга указывали на проходъ французскихъ войскъ черезъ австрійскія владѣнія, какъ на нѣчто не только возможное, но и почти несомнѣнное. Не даромъ же Себастіани заварилъ всю эту кашу въ Царѣградѣ. Каждый шагъ русскихъ впередъ на востокѣ раздражалъ австрійскихъ министровъ. Уже тогда чувствовалось въ политической атмосферѣ Европы, та ненависть, тотъ страхъ славянскаго единства которые въ наши дни превратились въ какую то мономанію. Замѣчательно то, что какъ тогда, такъ и много лѣтъ спустя, мысль о славянскомъ союзѣ вселявшая такой страхъ и ужасъ въ воображеніи иностранныхъ государственныхъ мужей, и на умъ не приходила мирнымъ совѣтникамъ русскаго Царя, на котораго однако

съ такою вѣрою взирали единокровные и единовѣрные братья Россіи. Обращаясь съ этою повидимому незначительною просьбою къ Австріи, баронъ Будбергъ вовсе не постигалъ до какого больного мѣста онъ дотрогивался и простодушно вѣрилъ, что сербское возстаніе обратило на себя вниманіе Россіи только „grace aux circonstances du moment“.

Просьба петербургскаго кабинета была рѣзко отклонена. Вице-канцлеръ объяснилъ Разумовскому, что австрійскій императоръ никакъ не намѣренъ оказывать пособіе подданнымъ, возмутившимся противъ своего законнаго государя. Къ тому же, по убѣжденію графа Стадіона, Австріи слѣдовало въ настоящую минуту держать себя осторожнѣе, чѣмъ когда-либо, строго взвѣшивая каждый шагъ свой, особенно же въ обязательствахъ свихъ къ сосѣднимъ государствамъ. Не ограничиваясь отвѣтомъ, даннымъ русскому послу, вѣнскій кабинетъ предписалъ еще графу Меерфельдту, категорично объяснить въ Петербургѣ, что Австрія оказывать помощь возмутившимся Сербамъ не можетъ и не желаетъ и въ то же самое время настойчиво представлять русскому двору ужасныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть для всей Европы война между Россіею и Турціею. Вице-канцлеръ при этомъ предлагалъ медіацію Австріи для примиренія Сербовъ съ ихъ законнымъ владыкою [1]).

А между тѣмъ Артбутнотъ писалъ изъ Константинополя къ Разумовскому, что Себастіани, не довольствуясь вліяніемъ своимъ на диванъ, всячески заискивалъ у австрійскаго итернунція барона Штюрмера и увѣрялъ его, что между вѣнскимъ дворомъ и Наполеономъ заключенъ тайный союзъ. То же самое сообщалъ Будбергу и Италинскій. Отъ Разумовскаго требовали изъ Петербурга объясненій.

„J'abordai à cet égard le c-te de Stadion,—отвѣчалъ на запросы эти отъ 25 Августа графъ Андрей Кирилловичъ, — dans un moment où il ne pouvait s'attendre à une brusque demande sur cet objet, ni juger des motifs qui me dictaient cette détermination. Je l'observai avec attention et l'expérience que j'ai de sa manière de répondre dans les cas difficiles, équivoques ou douteux, m'a servi de conviction, que je n'avais à craindre ni déguisement, ni réticence et qu'il s'abandonnait à toute la force de la vérité, en m'assurant qu'il n'avait jamais été question d'un pareil traité. Il se mit à rire d'une inculpation semblable, mais lorsque je lui appris que Sebastiani publiait la chose à Constantinople, il me répondit que c'était encore un de ces moyens toujours tendus par lesquels les agents français subornent l'opinion publique et la foi des cabinets près desquels ils sont accrédités. „Vous connaissez notre situation,—ajouta-t-il,—vous pouvez juger de la dis-

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 7 Августа.

position actuelle des forces françaises en Allemagne. Nous sommes encore à tout moment menacés d'invasion. Comment à côté de cela peut-on nous supposer des relations d'intimité avec une puissance dont le glaive est toujours suspendu sur nos provinces et que nous cherchons à écarter par tous les sacrifices imaginables, uniquement pour gagner un moment d'indépendance de ses dispositions hostiles ou amicales, peu importe, et vous savez que c'est la seule raison pourquoi l'évacuation de Cattaro nous a couté tant d'anxiété, nous a dicté tant de sollicitations". Cet entretien a mis le ministre des affaires étrangères dans le cas de revenir souvent sur l'union intime, la confiance absolue, la déférence sincère de sa cour envers la nôtre. J'ai supprimé ces détails surabondants, mais je crois pouvoir fournir la dénégation la plus absolue du projet ou de la réalité du traité, que proclame Sebastiani. Il existe aussi peu que la reconnaissance de la part de S. M. I. et R. de Joseph au trône de Naples, reconnaissance que l'impudeur française a cependant donnée comme positive dans plusieurs feuilles officielles".

Платоническія изліянія вѣнскаго двора плохо дѣйствовали противъ коварныхъ сплетенъ Себастіяни. Въ Петербургѣ были крайне недовольны, какъ отвѣтами канцлера, такъ и депешами Разумовскаго, который видимо не симпатизировалъ подмогѣ, оказываемой славянамъ и воинственному настроенію относительно Турціи. Терпѣнію петербургскаго кабинета положили предѣлъ безпрестанныя и настойчивыя представленія Меерфельдта. Онъ надоѣдалъ Будбергу своими мольбами о терпѣніи и страшною картиною гибельныхъ послѣдствій, которыя навлекутъ на Европу слишкомъ рѣшительные шаги противъ Турціи.

„Le cabinet autrichien, qui témoin depuis longtemps de la patience, extraordinaire, avec laquelle l'Empereur supporte le mauvais procédés des turcs,—сообщалъ отъ 30 Сентября Разумовскому не безъ ироніи Будбергъ,—semblait s'être accoutumé avec plaisir à la regarder comme inépuisable, ressent aujourd'hui de l'inquiétude des démonstrations sérieuses auxquelles leur nouvelle provocation vient de nous obliger. Cependant quelles que soient les couleurs sinistres sous lesquelles le c-te de Stadion se représente les conséquences d'un éclat entre nous et la porte et le désir ardent qu'il aurait de nous déterminer à persévérer dans notre modération envers elle, il n'entreprend point d'atténuer une injure aussi grave et ne pouvant rien avancer contre un droit aussi irrécusable que celui qu'aurait l'Empereur de faire éclater enfin son juste ressentiment, il se contente de présenter le tableau des suites funestes que cette extrémité produirait pour l'Europe. En cela il a rendu justice aux sentiments de S. M. C'est l'intérêt commun de toutes

les puissances, c'est la crainte d'augmenter les troubles, qui menacent de tout bouleverser, qui depuis si longtemps arrête le coup que semble provoquer à dessein cette suite progressive de mauvais procédés, de violences, d'infractions à la quelle la destitution des princes de Moldavie et de Valachie vient de mettre le sceau. Mais cette dernière violence nous a conduit au terme auquel tant d'impassibilité et de condescendance de la part de l'Empereur devait s'arrêter pour ne pas dégénérer en faiblesse et en oubli de ce qu'il doit à l'honneur de sa couronne, aux droits de ses sujets, à la sûreté de ses états... Vous pourrez par la communication que vous ferez au ministère autrichien de la conduite de m. d'Italinsky, lui donner une preuve nouvelle de la persévérance avec laquelle S. M. continue à opposer la plus extrême modération aux témoignages redoublés que la porte donne de sa mauvaise volonté. Après tant de provocations qui semblent indiquer le désir de la guerre et dont la plupart seraient des motifs plus que suffisants de la faire, l'Empereur se borne simplement à demander la réparation de la dernière offense et à attendre le résultât de ses réclamations. Il a voulu tenter encore une épreuve, mais ce sera la dernière et s'il échoue... par quelles considérations pourrait-on éxiger de lui de conserver avec la porte une paix que sa haine insensée rendrait mille fois plus dangereuse pour la Russie que la guerre et pendant laquelle les mauvaises dispositions du divan, toujours prêtes à éclater, ne permettraient jamais à la Russie de consacrer sans réserve ses moyens au salut de ses alliés. Je ne doute pas que S. M. I. et R... ne reconnaisse que... l'intérêt de l'Autriche et de toutes les puissances qui peuvent être dans le cas, par la suite, de recourir à l'appui de la Russie et de voir cet empire mettre sans délai, par des mesures vigoureuses, un ennemi, aussi aveuglement, aussi décidément soumis à la France, hors d'état de lui nuire et de le détourner de l'attention et des efforts qui exigeraient le salut de l'Europe".

Дѣла въ Константинополѣ скоро дошли до того, что русскій посланникъ Италинскій, согласно заранѣе имъ полученныхъ предписаній изъ Петербурга, сталъ готовиться къ отъѣзду. Случайно удалось ему добыть копію съ ноты, представленной Дивану французскимъ посломъ. Въ нотѣ этой Себастіани требовалъ, чтобъ Босфоръ былъ заперть для русскихъ военныхъ судовъ и транспортовъ, объявляя, что отказъ въ своемъ требованіи онъ сочтетъ за враждебную противъ Франціи демонстрацію. Возобновленіе или продолженіе прежнихъ союзовъ съ врагами Франціи, какъ софистически доказывалъ хитрый посолъ, не только нарушеніе строгаго нейтралитета, но еще и прямое участіе въ войнѣ. Выведенный изъ терпѣнія Императоръ Александръ Павловичъ рѣшился наконецъ, положить предѣлъ диктаторству Фран-

ціи надъ Турціею. Русскимъ войскамъ данъ былъ приказъ занять дунайскія княжества [1]).

Вѣнскимъ дворомъ Государь былъ весьма недоволенъ, но царское неодобреніе еще сильнѣе отразилось на Разумовскомъ. Въ Петербургѣ находили, что голосъ его не имѣлъ вліянія на австрійскій кабинетъ, что онъ слишкомъ легко убѣждался представленіями вице-канцлера, что многія изъ задуманныхъ послѣднимъ дѣйствій оставались для него тайною. Недовольство это было всѣмъ извѣстно, и однако, къ крайнему удивленію петербургскаго общества на смѣну Разумовскому все еще не отправлялся назначенный уже тому семь мѣсяцевъ въ преемники ему князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Самъ Куракинъ, видя, что объ отправкѣ его въ Вѣну нѣтъ и помину, отпросился въ отпускъ въ Москву и оттуда горько жаловался Будбергу за то, что его водятъ за носъ. Ему не сообщали никакихъ извѣстій о томъ, что дѣлалось въ Вѣнѣ, онъ не зналъ подалъ-ли Разумовскій свои отзывныя грамоты австрійскому императору и принялъ ли онъ, наконецъ, столь лестно для него предлагаемое мѣсто въ Лондонѣ. Куракинъ начиналъ уже сомнѣваться въ дѣйствительности своего назначенія.

„Toutes les nouvelles qui nous parviennent ici d'Allemagne, — писалъ онъ изъ Москвы къ Будбергу отъ 5 Сентября, — ne sont pas d'une augure favorable pour mon ambassade et j'avoue que si elle ne devait pas avoir lieu, ce qui me paraît déjà assez probable, je ne pourrais pas y être indifférent. Que v. e. daigne se rappeler au moins une partie de tous les désagréments que j'ai eu à essuyer dès le premier jour, pour ainsi dire, que j'y ai été nommé. N'ayant eu en vue que le désir de servir l'Empereur et de remplir fidèlement l'engagement qu'il m'a fait contracter, rien n'a pu cependant m'en faire dévier et à présent, au moment où je me flattais d'être parvenu à la satisfaction que je m'en promettais, je vais être obligé d'y renoncer".

Въ концѣ письма своего Куракинъ указывалъ на то, что въ виду сборовъ своихъ въ Вѣну, онъ затратилъ огромныя деньги на перевозъ вещей своихъ въ Австрію, что вся его мебель или уложена, или отправлена, что домъ его въ Петербургѣ совершенно пустъ, и что онъ не знаетъ гдѣ ему остановиться при возвращеніи изъ Москвы. Положеніе было тѣмъ болѣе обидно для тщеславнаго Куракина, что все петербургское и московское общество, не стѣсняясь, подсмѣивалось надъ посломъ „in petto". Не смотря однако на поддержку Императрицы Маріи Θеодоровны и на частыя напоминанія, дѣлаемыя Будбергу, Куракина на мѣсто служенія не отправляли, и Разумовскій, при

[1]) Депеша Будберга къ Разумовскому отъ 25 Сентября.

общемъ противъ него неудовольствіи, по прежнему оставался посломъ въ Вѣнѣ.

Намъ не разъ приходилось упоминать о важной роли, которую игралъ при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ кавалеръ Малліа. Онъ по прежнему продолжалъ помогать Разумовскому своею дружбою съ второстепенными, но въ то же время вліятельными австрійскими государственными дѣятелями по разнымъ отдѣламъ администраціи. Частію вслѣдствіе своихъ дружественныхъ съ ними сношеній, а частію же подкупомъ, удавалось ему нерѣдко доставать копіи съ перлюстраціи депешъ иностранныхъ пословъ, самыхъ тайныхъ сообщеній, дѣлаемыхъ австрійскимъ дворомъ своимъ представителямъ за-границею, точныя свѣдѣнія о расположеніи австрійскихъ армій, о финансахъ и проч. Разумовскій очень дорожилъ своимъ талантливымъ и ловкимъ помощникомъ. Вернувшись обратно въ Вѣну, послѣ занятія ея французами, графъ Андрей Кирилловичъ извинялся передъ Чарторижскимъ въ томъ, что не въ состояніи на первыхъ порахъ доставлять прежнихъ тайныхъ извѣстій. Онъ присылалъ только нѣсколько перлюстрацій и предупреждалъ Чарторижскаго, что такъ какъ всѣ архивы переведены въ разные города Венгріи, а съ ними вмѣстѣ разъѣхались и чиновники, Малліа не могъ, на нѣкоторое по крайней мѣрѣ время, удовлетворять всѣмъ требованіямъ русскаго министерства, которое, между прочимъ, желало имѣть ключъ къ новому австрійскому шифру [1]. Когда на мѣсто Чарторижскаго назначенъ былъ Будбергъ, положеніе Малліи въ Вѣнѣ значительно усилилось. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ съ самаго начала не благоволилъ къ Разумовскому. При Чарторижскомъ графъ Андрей Кирилловичъ не ограничивался депешами. Главную суть дѣла, самыя задушевныя свои мысли онъ излагалъ въ длинныхъ секретныхъ и собственноручныхъ письмахъ.

„V. e. a sans doute été informée,—собственноручно писалъ онъ, вскорѣ послѣ назначенія Будберга,—par le prince Czartoryski de la marche que j'ai toujours suivie dans ma correspondance avec le chef du département des affaires étrangères relativement à une branche *infiniment secrète* de mes relations. Elle l'aura été également de la circonspection scrupuleuse moyennant laquelle cette partie du service s'est soutenue ici depuis que j'ai l'honneur de remplir le poste qui m'a été confié ainsi que des personnes qui y ont été employées. Il serait donc entièrement superflu de ma part d'entrer dans de plus grands détails à cet égard".

Разумовскій видимо намекалъ тутъ и на свою частную секретную переписку съ министромъ и на свѣдѣнія, сообщаемыя ему кавалеромъ

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 14 Марта.

Маллiа. Будбергъ, однако, плохо довѣряя послу, не сталъ поддерживать секретной съ нимъ переписки, по крайней мѣрѣ, въ государственномъ архивѣ собственноручныя письма Разумовскаго къ Будбергу являются только какъ рѣдкое исключенiе. За то министръ сблизился съ Маллiа, который писалъ ему длинныя донесенiя, совершенно помимо Разумовскаго. Донесенiя эти читались въ Петербургѣ съ большимъ интересомъ, ихъ представляли каждый разъ Государю, которымъ они прочитывались отъ доски до доски. Кавалеру Маллiа не только разрѣшалось представлять собственныя свои сужденiя о политическихъ дѣлахъ, но они теперь отъ него требовались.

„Vos communications,—писалъ къ нему секретно отъ 24 Сентября Будбергъ,—ne nous laissent rien à désirer, elles pourraient cependant être plus utiles encore, si vous vouliez de temps en temps fixer votre attention sur tout ce qui se passe autour de vous, sous vos yeux pour ainsi dire... Il serait possible que par vos liaisons vous vous procuriez des renseignements qui peuvent échapper à notre ambassade".

Это значило прямо указывать Маллiа на роль шпiона и ловкiй мальтiецъ указанiемъ этимъ воспользовался противъ человѣка, которому былъ всѣмъ обязанъ. Онъ требовалъ при этомъ, чтобы донесенiя его оставались впредь тайною не только для членовъ посольства, какъ это бывало и досelѣ, но и для самого посла, преемника Разумовскаго.

Маллiа видимо опасался этой смѣны, ему казалось, что вновь назначенный посолъ не согласится имѣть у себя подъ рукою подчиненнаго, имѣвшаго право помимо его переписываться съ министерствомъ.

„V. e. est instruite,—доносилъ онъ еще отъ 23 Iюня князю Чарторижскому,—que ma correspondance n'a jamais passé par les bureaux de la chancellerie de l'ambassade. Ce serait pour ainsi dire la détruire que de l'exposer à la moindre indiscrétion de quelque subalterne. V. e. sait que des étrangers participent à cette correspondance: on me communique des idées, on me donne des avis, on me confie des pièces. Il ne s'agit donc point ici de moi seul, ni de mon propre secret, il s'agit du secret des autres et si je violais l'engagement que j'ai pris d'une communication directe et sans intermédiaire avec le cabinet de S.-Pétersbourg. je ferais cesser dans l'instant même une foule de rapports que j'ai eu tant de peine à établir. Il est très-vrai que de l'aveu des personnes avec lesquelles je suis en relation, je n'ai jamais rien envoyé sans le communiquer au c-te Rasoumovsky. Une longue intimité, une confiance sans borne, même de la part de mes employés, m'avaient acquis en lui la certitude d'un secret inviolable, justifiant cette communication et écartant tous les dangers. M. le c-te de Ra-

soumowsky connaissait tous mes rapports, — l'ambassadeur était censé les ignorer, et jamais ni le chef de la chancellerie, ni aucun autre n'en a eu la moindre connaissance. Lire à l'ambassadeur dans un tête-à-tête ce que je mandais à notre cour, lui demander son opinion et ses conseils, apporter chez moi les pièces et luï remettre mes paquets cachetés, c'est à quoi tout se bornait. C'est à v. e. à me tracer la conduite que je dois tenir. Je ne veux montrer aucune défiance, je n'en ai aucune; je veux seulement ne pas agir de moi-même et me tenir dans l'exacte mesure que v. e. daignera me prescrire... V. e. sentira d'elle-même la nécessité de prévenir le prince Kourakine. Il serait peu convenable que les observations à faire sur la nécessité d'en interdire la connaissance à ses bureaux vinssent directement de moi... Dans le cas où ma correspondance devrait être continuée de la même manière que sous m. de Kolytsheff c. a. d. sans faire ici *aucune espèce de communication* [1]), il serait également indispensable que le nouvel ambassadeur eût des instructions à ce sujet, de prendre exactement mes paquets cachetés et les envoyer très-fidèlement à v. e. sans demander aucune connaissance de leur contenu".

Поощренный одобреніями Будберга, Маллія сталъ вполнѣ откровенно излагать свои мысли. Принимая, однако, въ настоящую минуту его сообщенія помимо свѣдѣнія Разумовскаго, министръ иностранныхъ дѣлъ намекалъ своему тайному агенту, что при вступленіи въ должность новаго посла такой образъ дѣйствій необходимо будетъ измѣнить. Вѣроятно вслѣдствіе этого заявленія, Маллія сталъ настойчиво протестовать противъ пріѣзда князя Куракина. Онъ представлялъ Будбергу, что въ виду остраго кризиса, черезъ который проходила въ то время Европа, едвали будетъ полезна немедленная смѣна Разумовскаго. Слухи о великолѣпіи и роскоши, которыми любилъ окружать себя новый кандидатъ на посольское мѣсто, уже давно дошли до Вѣны. Говорили, что онъ намѣренъ явиться съ блестящею свитою и поразить своею обстановкою всѣхъ австрійцевъ. При тогдашнемъ тяжеломъ и грустномъ настроеніи вѣнскаго двора, дрожавшаго передъ Франціею и не смѣвшаго протянуть руки образующейся противъ Наполеона новой коализаціи, едва ли прилично было блестящее посольство. Любившій въ приличное на то время и роскошь, и пріемы, Разумовскій жилъ теперь самымъ уединеннымъ образомъ. Столь гостепріимный нѣкогда дворецъ его былъ теперь открытъ только малому числу самыхъ близкихъ друзей. Туда собирались члены посольства, вѣнскіе близкіе родственники, да сиръ Робертъ Адеръ. Графиня Елизавета Осиповна тихо угасала отъ долгой и изнурительной болѣзни. Доктора

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

съ минуты на минуту ожидали ея конца, о блестящихъ пирахъ и прежнихъ праздникахъ не было помину въ русскомъ посольствѣ. Эта грустная, траурная обстановка вполнѣ подходила къ настроенію нѣкогда столь веселой Вѣны. Изнурительная война и плачевное состояніе финансовъ не дозволяли нѣмецкимъ князьямъ веселиться, какъ въ былое время. Вслѣдствіе этихъ соображеній, а вѣроятно и болѣе всего вслѣдствіе опасеній относительно личнаго своего положенія въ будущемъ, Маллія обратился съ слѣдующею депешею къ Будбергу:

„V. E. me prescrit surtout de conserver les secrets des individus qui prennent part a ma correspondance. Je voudrais être dans le cas de ne pas mettre plus de bornes à ma confiance que je n'en mettrai à mon zèle, mais il sera probablement indispensable d'user de quelques réticences ne fut ce que pour cacher aux subalternes ce qu'ils doivent ignorer. Je serais bien affligé si cette prudence mal interprêtée était regardée comme un oubli de mes devoirs et certainement je ne négligerai rien de tout ce qui pourra contribuer à écarter cette fausse idée. La plus grande difficulté sera d'empêcher que des subalternes n'interviennent à mon insu dans mes rapports avec leur chef et peut-être même à l'insu de leur chef dans les secrets de ma correspondance avec v. e.".

„Ce qui me rassure pour le moment, c'est que la tournure violente que viennent de prendre tout à coup et dans six jours les affaires de l'Europe retardera probablement l'exécution des ordres de l'Empereur relativement à l'ambassade de Vienne. L'ambassade de Russie à Vienne est au centre de tout le mouvement; elle est devenue de la plus grande importance. Or je l'avoue de bonne foi, ces motifs me font craindre, qu'en réalisant aujourd'hui les changements qui étaient sans danger il y a trois mois on ne cause ici une espèce d'interruption plus ou moins sensible dans des affaires qu'il est essentiel de ne pas perdre de vue un seul instant. V. e. sait parfaitement qu'une longue habitude de secret et de confiance a établi des rapports précieux à conserver entre le ministère de ce pays et l'ambassade. Ces rapports ont été constants et il est à présumer que le danger actuel, s'il ne parvient pas encore à les resserrer d'avantage, contribue du moins à augmenter ce rapprechement. Mais plus la faiblesse est grande, plus le secret qui sert de base à la confiance est indispensable. Il serait donc encore à craindre que l'exécution du changement dans l'ambassade, dont je viens de parler, ne rompît une grande partie de ces communications. Dans ce cas ce n'est plus qu'à Pétersbourg que le ministère de Vienne parlerait par écrit des affaires. Or ce n'est point à v. e. qu'on a besoin de faire remarquer que les écrits calculés d'un ministère, envoyés à 30 lieues

de lui, ne remplaceraient ni des conversations journalières, ni cet abandon alternatif de peur et de confiance, de courage et d'abattement, dont il faut pour ainsi dire juger par ses propres yeux. La confiance dans un autre ambassadeur devrait être sans doute la même. Mais je suis intimement convaincu qu'elle ne le serait pas, surtout dans les premiers temps. Il y a d'ailleurs. si on peut parler ainsi, des ambassades d'éclat et propres au temps brillant de la paix, comme il y a des ambassades pour les affaires et pour les temps de l'adversité et du danger... Il ne s'agit maintenant que des affaires; et il me paraît d'une extrême importance de n'en pas dénouer le fil. L'ambassade actuelle, quoique bornée à une douzaine d'individus à peu près, est encore trop considérable. Huit ou neuf de ses membres sont inutiles et ceux-là même qui prennent quelque part au travail, n'en ont aucune aux secrets. Or on est devenu si pusillanime à Vienne, qu'on y craindrait même l'éclat d'une ambassade beaucoup plus nombreuse. L'ennemi, à son tour, qui se fait des moyens de tout, affecterait de paraître soupçonner qu'un nouveau ministre n'arrive ici que pour porter de nouveaux plans ou pour faire de nouvelles communications. Et d'un autre côté, j'aime à croire que dans un moment où toute la Russie doit s'apprêter à voler aux combats, cette brillante jeunesse, qui veut se former dans la carrière diplomatique, choisirait mal son temps, et aura quelque chose de mieux à faire que de venir languir ou parader dans les rues de Vienne".

„Enfin, m. le baron même en mettant de côté ce qui convient maintenant à l'intérêt de nos relations, ainsi qu'à la difficulté récente des affaires, et surtout ce qui convient aux ménagements qu'exige ce grand malade, qu'on appelle l'empire d'Autriche, il serait toujours vrai de dire que l'ambassade de Vienne ne fut jamais dans une position aussi précaire. Dans quelques mois, puisque la guerre maintenant arrive si tôt aux portes des plus grandes capitales, nous pouvons être chassés de celle-ci. On ne peut plus faire comme autrefois des calculs probables sur la durée des choses. Trois mois, trois jours amènent aujourd'hui des changements inouis. V. e. ne sera donc plus étonnée qu'une résolution prise il y a trois mois à Pétersbourg, me paraisse, autant que je puis en juger ne plus convenir à des circonstances entièrement nouvelles et alors entièrement imprévues. Ce que je dis ici n'a aucun rapport à la chose en elle même, je n'entends parler que des nouveaux évènements qui sont survenus. Dans ce jugement je mets de côté les personnes. Je suis certainement attaché à l'ambassadeur actuel par tous les liens de la reconnaissance, mais j'ose espérer que son successeur m'accorderait bientôt les mêmes bontés et la même estime; et tout ce que je tiens de dire ici, il le penserait lui même, s'il connais-

sait aussi bien que moi la situation de Vienne, telle qu'elle est dans ce moment.

Si les mêmes réflexions ont été faite à Pétersbourg et qu'il faille expliquer par là les retards du départ du nouvel ambassadeur, je puis assurer à v. e. que ces réflexions sont conformes au jugement qu'on porte ici. Et si, au contraire, on pense à Pétersbourg d'une autre manière, il est à regretter que le changement projeté il y a trois mois n'ait pas été exécuté sur le champ. Il n'aurait pas eu alors l'influence qu'il aurait aujourd'hui sur un cours d'affaires composé d'une série d'observations et de jugements, qu'il est impossible de transmettre à un successeur, comme on lui transmet les papiers d'une chancellerie. Ce fil si délicat, en passant dans d'autre mains, ne se rattacherait plus aux mêmes données.

Au reste, m. le baron, il se pourrait fort bien qu'en ayant ici raison sur le fond des choses, j'eusse un très grand tort sur les convenances; et je serais certainement inexcusable, si j'avais eu seulement la pensée de mettre en parallèle deux de mes chefs qui sont également l'objet de mon respect et de ma confiance. Mais je prends la liberté de le répéter, je n'ai voulu juger que les circonstances. Et si, dans cela même, il y a quelque témérité de ma part, ma conduite est du moins une preuve certaine de la confiance illimitée que m'inspire le jugement équitable de v. e. et de mon auguste Maître. J'oserai tout pour servir, mais le plus sûr moyen de m'y faire réussir, c'est qu'on me permette quelque fois de me compromettre".

Мнѣніе, выраженное въ депешѣ этой, показалось вѣрнымъ въ Петербургѣ. Несчастный Куракинъ по прежнему не получалъ отвѣта на свои напоминанія. Въ Декабрѣ 1806 г., какъ видно изъ писемъ его къ Будбергу, Куракинъ уже снова находился въ Петербургѣ. Ему въ это время были вручены инструкціи и даже выданы деньги на подъемъ, но тѣмъ не менѣе его все еще удерживали при дворѣ. Къ тому же сильный припадокъ подагры не дозволялъ ему тронуться съ мѣста.

Несмотря на увѣренія, которыя Маллія помѣщалъ въ депешахъ къ Будбергу объ искреннемъ и глубокомъ своемъ уваженіи къ Разумовскому, онъ не преминулъ, при первой возможности, донести въ Петербургъ о промахахъ посла и о тѣхъ событіяхъ, которыя или оставались ему неизвѣстными, или о которыхъ онъ считалъ лишнимъ доводить до свѣдѣнія двора своего. Въ длинной депешѣ къ Будбергу, Маллія обращалъ вниманіе петербургскаго кабинета на ласковое обращеніе Наполеона съ новымъ австрійскимъ посломъ графомъ Меттернихомъ, намекая, что такая нежданная и необычная для императора французовъ любезность, о которой развѣ вскользь упоминалось въ депешахъ Разумовскаго, имѣла причиною тайныя инструкціи, полученныя Меттерни-

комъ передъ его отъѣздомъ изъ Вѣны. Разумовскій не постарался даже разузнать суть этихъ инструкцій. Маллія еще указывалъ и на то, что графъ Андрей Кирилловичъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что́ дѣлалось внутри Австріи и ничего не доносилъ о движеніяхъ войска. По словамъ Маллія признаніе Іосифа Бонапарта королемъ неаполитанскимъ, было уже всѣмъ извѣстно въ Вѣнѣ, о немъ даже доносилъ изъ Палермо русскій тамъ посланникъ Татищевъ, а между тѣмъ Разумовскій фактъ этотъ отрицалъ. Вообще мальтіецъ находилъ, что послу въ настоящее время слѣдовало, какъ можно вѣрнѣе и подробнѣе доносить обо всемъ, что́ происходило при австрійскомъ дворѣ. Съ мнѣніемъ Маллія относительно оставленія Разумовскаго въ Вѣнѣ Государь вполнѣ согласился, но въ виду послѣднихъ посольскихъ неполныхъ донесеній рѣшено было дать ему приличное внушеніе.

„Parmi les notions sur divers objets qui sont parvenues depuis quelque temps à la connaissance de S. M. I.,—писалъ Разумовскому по этому случаю отъ 30 Сентября Будбергъ,—il y en a qui ont du particulièrement attirer son attention, puisque étant de nature à trouver place dans vos rapports en cour, elles n'y sont cependant mentionnées que très-superficiellement ou bien totalement passées sous silence. De ce nombre sont les motifs qui ont pû amener dans les procédés de Bonaparte envers l'Autriche un changement aussi subit, que celui que l'on a eu lieu d'observer dans les derniers temps. Plusieurs renseignements parvenus à cet égard nous portent à croire que les instructions du c-te de Metternich à son départ pour Paris ne sauraient être étrangères à ce changement, vû qu'il date précisément de l'arrivée de cet ambassadeur à son poste. Cette supposition nous parait suffisament justifiée par le fait même; mais si elle l'était moins, encore nous resterait-il à regretter que v. e. n'a point tâché d'obtenir une connaissance plénière des directions données à m. de Metternich, ce qui, soit que le ministère autrichien s'y fut prêté ou non, n'aurait pas manqué de nous donner des lumières intéressantes sur les vraies dispositions de la cour de Vienne et sur la marche que dans ce moment-ci elle croit devoir suivre vis-à-vis de la France. Un autre objet qui nous intéresse tout aussi directement ce sont les diffirents arrangements militaires qui ont lieu dans l'intérieur de la monarchie autrichienne et en général les opérations que fait ce gouvernement en vue de réorganiser les différentes branches de l'administration. Excepté les détails très satisfaisants, que vous nous avez transmis sur la réforme des finances, il ne se trouve aucun renseignement positif sur les autres objets que je viens de mentionner, tandis que l'intimité qui règne entre v. e. et le ministère autrichien semblerait suffisamment lui four-

nir de moyens pour se mettre au fait de tout ce qui peut mériter l'attention de notre auguste cour."

„Des nouvelles positives d'Italie nous apprennent que l'empereur François a non seulement reconnu le soit-disant roi Joseph, mais que même il a fait des propositions pressantes à S. M. Sicilienne tendantes à céder la Sicile aux français en prenant pour elle les sept îles. Vous observerez sans doute, m. le comte, qu'indépendemment de l'inconvenance d'une pareille proposition sous tous les rapports, il a dû nous paraître difficile de concilier la manière, dont le c-te de Stadion vous a constamment parlé sur l'affaire de la reconnaissance et son silence absolu sur la proposition dont il s'agit, avec les assurances réitérées que la cour de Vienne nous donne sur son désir de rester invariablement unie avec la Russie. Je ne vous cacherai point à v. e. que si l'Empereur notre auguste Maître a du être étonné de cette inexplicable réticence du cabinet autrichien, S. M. n'a pu s'empêcher de regretter que cette circonstance ait pu vous échapper.

En vous transmettant ces observations par ordre exprès de S. M. I., je vous prie, m. le comte, de me donner les éclaircissements nécessaires pour rectifier l'opinion équivoque que le motif de la présente à nécessairement du produire".

Указанія кавалера Маллія исполнялись въ точности. Едва получался отъ него доносъ, какъ немедля отправлялись къ послу въ Вѣну попреки, въ которыхъ дословно почти повторялись употребленныя доносчикомъ выраженія. Разумовскій спѣшилъ отвѣтить на незаслуженное по его мнѣнію порицаніе. Отвѣтъ этотъ, написанный въ самый день полученія обидной депеши Будберга, былъ составленъ несомнѣнно съ большимъ умомъ и достоинствомъ.

„Les ordres, que les dépêches que je viens de recevoir renferment, feront l'objet de mes soins les plus empressés,—писалъ онъ,—mais il en est un, sur lequel je ne différerai pas un instant, m. le baron, de vous donner les éclaircissements qu'il exige. Cette tâche m'est d'autant plus à coeur, que la dépêche qui la réclame, inculpe l'exactitude et l'étendue des notions que vous aurez désiré recevoir de ma part. Pour la remplir avec précision, v. e. voudra bien suivre, en lisant ma dépêche, celle à laquelle je réponds. Il ne m'appartient pas, m. le baron, d'analyser, ni de rechercher quelles sont les sources des notions qui parviennent à S.-Pétersbourg, indépendamment des miennes, sur les objets que j'ai l'honneur de transmettre au ministère de S. M. I., mais bien d'affirmer que les miennes sont fondées sur la vérité la plus scrupuleuse et la plus réfléchie. *Du* [1]) *nombre des objets que vous me*

[1]) Слова, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты въ подлинникѣ.

reproches, m. le baron, d'avoir passés sous silence, sont, dites vous, les motifs qui ont pu amener, dans les procédés de Bonaparte envers l'Autriche, un changement aussi subit, que celui que l'on a eu lieu d'observer dans les derniers temps. Plusieurs renseignements parvenus à cet égard, et même ceux en partie, que renferme ma dépêche du № 140 portent à croire que les instructions, qu'a reçu le c-te de Metternich etc. etc. jusqu'à la fin du paragraphe. Je vous supplie, m. le baron, de relire ma dépêche № 140. Elle rend compte du début du c-te de Metternich de sa première audience, de celle du congé du général Vincent. C'était au moment où on apprenait la non-ratification du traité de m. d'Oubril et les préparatifs de la Prusse. Voilà deux raisons pour une qui devaient amener dans les procédés de Bonaparte un changement envers l'Autriche, c. à d. lui faire prendre un ton plus modéré envers ses ministres, parce que cet homme qui est très-avisé, très-adroit, quand il le serait infiniment moins, devait sentir que ce n'était pas le moment de brusquer une grande puissance, quand il allait avoir sur les bras deux autres puissances très-formidables. Cet argument me paraît suffisant, mais pour ne laisser subsister sur ce point un doute quelconque, que pourraient occasioner les renseignements que cite v. e., j'atteste sur mon honneur et ma responsabilité que m. de Metternich n'a eu aucune instruction secrète, que ni lui, ni le général Vincent, n'ont reçu aucune ouverture du cabinet français, que, depuis la paix de Presbourg, il n'y a pas eu de négociations avec la France, que pour Braunau, Cattaro et les limites de l'Isonzo, et que seulement, lorsque Bonaparte était à Würzbourg, il a chargé l'électeur de jeter en avant quelques propos d'intimité à l'empereur son frère, auxquels S. M. a répondu d'une manière polie et noble, mais déclinatoire, allégant que ce n'était pas le moment de songer à des liens de ce genre, dans la situation où l'avait laissée le traité de Presbourg. La même chose a été verbalement dite ici à la Rochefoucauld, tout récemment sur un propos semblable de sa part, et qui n'avait pas été tenu officiellement. Hors de cela pas un mot. Cependant le ton de modération, de douceur continue, mais il n'est pas dit pour cela que du jour au lendemain, ce ton ne se change en insolence et en exigence impérieuse, ou qu'on ne devienne plus doux, plus modéré, peut-être même plus séducteur. Je n'ai assurément aucun renseignement sur le caractère qu'il pourra prendre, mais la conviction que dans celui de Bonaparte, il n'est point de formes qu'il ne sache employer pour obtenir son but et arriver à ses fins.

Un autre objet que vous me reprochez m. le Baron, c'est de ne vous avoir point parlé *des différents arrangements militaires qui ont lieu dans l'intérieur de la monarchie autrichienne et en général les opé-*

rations etc. etc. tandis que l'intimité qui règne entre moi et le ministère autrichien semble suffisamment etc. etc. Une intimité de 20 ans entre moi et le c-te de Stadion à été fondée et justifiée par une estime réciproque, qui s'est accrue de ma part depuis qu'il occupe sa place actuelle. J'ai su de lui les dispositions générales qui se faisaient ici dans le militaire, sous le rapport politique et pour se mettre en garde contre l'ennemi du repos public, le fléau des nations et du bien-être de tous les états. Je me suis borné à les indiquer, parce que je savais que le c-te de Meerveldt était chargé d'en communiquer le plan in extenso. Si l'on avait désiré des renseignements particuliers sur quelques détails que ce soit de la branche militaire, il n'en est point qu'on ne se fut empressé de fournir avec le plus vif intérêt, par suite de celui qu'on attache ici à tous ce qui peut être agréable à notre auguste cour. Au surplus j'ajouterai que cette branche est tellement basée sur les admirables fondements que lui a donnés le maréchal Lascy et que n'ont pu détruire ses indignes successeurs, qu'on y voit opérer des miracles, par une sorte de magie, qui tient aux ressources inépuisables de la monarchie, comme dans ce moment-ci, qu'une armée de 80,000 hommes est sur pied, plus belle que jamais, pourvue de tout et dans la meilleure disposition possible".

„Il me reste un dernier article à toucher dans la dépêche de v. e. *Des nouvelles positives d'Italie nous apprennent que l'empereur François a non seulement reconnu le soi-disant roi Ioseph etc. etc.* J'ai été tellement frappé de tout ce paragraphe, que je l'avouerai, je ne l'ai pas compris. Je l'ai relu sans le comprendre d'avantage. J'ai couru chez le c-te de Stadion, non pour vérifier le fait, je n'en avais pas besoin, mais pour en rechercher la source. Une dépêche du c-te de Meerfeldt me l'a expliquée — le respect m'impose silence, sans effacer le regret que j'éprouve de la croyance que v. e. a bien voulu y donner. Le c-te de Stadion, m'ayant fait voir ce qu'il écrivait à cet égard à l'ambassadeur de cette cour et ce qu'il aura l'honneur de vous communiquer, je me dispense de tout ce que j'aurais à dire sur ce sujet. J'ajouterai seulement, parceque j'ignore si cette circonstance sera mentionnée dans cette lettre, qui n'était point achevée, au moment où il m'en a fait lecture, que lorsque le c-te de Kaunitz, qui avait jugé à propos de son chef, au moment où la cour se transporta en Sicile de se rendre à Rome, eût ordre de la rejoindre; ce fut parce qu'on trouva convenable que le ministre de l'empereur ne s'éloigne point de son poste auprès d'un souverain beau-père de son maître; mais il lui fût positivement enjoint, que c'était la seule considération qui motivait cet ordre et qu'il n'avait à se mêler d'affaire quelconque, et depuis il n'a pas reçu une syllabe d'instruction d'aucun genre. On a donc

improvisé complètement dans cette affaire, mais certes le sujet n'était pas heureux, car disposer des sept îles, qui sont sous la domination d'une grande puissance, intime alliée de celle dont on faisait parler le ministre à l'insu de cette puissance, présente un nonsens difficile à expliquer. Quant à la reconnaissance du soi-disant roi Joseph, cette cour-ci a fait part à la nôtre de tout ce qui s'est passé, c. à d. de la nôtre présentée par la Rochefaucauld et de la réponse qui y a été faite. Aucune démarche n'a eu lieu depuis, probablement par la raison qui a motivé le changement de procédés de Bonaparte envers l'Autriche. Cependant, lorsque la Prusse eût reconnu le soit-disant roi, on tenta de renouveler la demande vis-à-vis de la cour de Vienne et à Paris et ici, appliquant à faux l'argument, qu'elle avait employé la première fois qu'elle se règlerait d'après ce que feraient les autres puissances. On a répondu d'ici que la Prusse était une et non des puissances, que d'ailleurs, totalement étrangère à l'Italie, son exemple ne pouvait être d'aucun poids. On trouva cette réponse sage, on y applaudit même et toujours par la même raison qui a motivé les procédés de Bonaparte".

Трудно сказать, догадался ли Разумовскій, кто сообщалъ въ Петербургъ свѣдѣнія, которыя на этотъ разъ оказались вполнѣ невѣрными и которыхъ не трудно ему было опровергнуть. Если судить по одной изъ депешъ его въ началѣ Ноября, то можно заключить, что въ послѣ породилось противъ столь долгое время имъ покровительствуемаго Малліа нѣкоторое неудовольствіе, но нельзя точно опредѣлить, что именно это чувство произвело: подозрѣніе ли въ томъ, что Малліа позволяетъ себѣ на него писать доносы, или же нѣкоторая зависть къ подчиненному, къ которому обращались иногда помимо начальника съ порученіями изъ Петербурга. Россія, не успѣвъ еще покончить войну съ Персіею, должна была готовиться за-разъ къ двойной борьбѣ—на югѣ противъ Турціи, на западѣ противъ грознаго владыки Франціи. Надо было поставить наши арміи на такую ногу, чтобы онѣ могли съ успѣхомъ и притомъ единовременно противиться двумъ врагамъ. Дѣло было не легкое. Чувствовался недостатокъ въ оружіи, во многихъ полкахъ нехватало офицеровъ. Сподвижниковъ Екатерины уже оставалось въ живыхъ весьма не много. Учрежденъ былъ военный совѣтъ для составленія операціонныхъ плановъ и снабженія войскъ. Приняты были чрезвычайныя мѣры для призванія офицеровъ на службу. Въ совѣтѣ Государя породилась мысль о заказѣ оружія за-границею и о призваніи въ Россію иностранныхъ офицеровъ, такъ какъ отечественные заводы не могли удовлетворять экстренымъ потребностямъ, а между представлявшимися въ охотники на офицерское званіе не оказывалось ученыхъ техниковъ и инженеровъ. Совѣтъ пору-

чилъ министру иностранныхъ дѣлъ войти въ сношенія по этимъ двумъ пунктамъ съ русскими заграничными миссіями, предписывая имъ сдѣлать большіе заказы оружія и приглашать на русскую службу ученыхъ офицеровъ. Будбергъ, помимо Разумовскаго, секретно списался касательно этого порученія съ кавалеромъ Малліа. Послѣдній поспѣшилъ войти въ сношенія по этому дѣлу съ разными знакомыми ему спеціалистами и прислалъ списокъ волонтеровъ, готовыхъ поступить на русскую службу, во главѣ которыхъ стояло имя австрійскаго генерала Вукасовича; единовременно доставленъ былъ Малліо подробный проектъ о томъ, какимъ образомъ слѣдовало приступить къ заказамъ оружія. Мало знакомый съ мѣстными условіями, Будбергъ поневолѣ принужденъ былъ обратиться за совѣтомъ къ Разумовскому. Въ отвѣтѣ послѣдняго чувствовался тонъ глубоко обиженнаго человѣка. Онъ съ нѣкоторою ироніею отзывался о проектѣ, поданномъ подчиненнымъ ему кавалеромъ. Посолъ охотно брался хлопотать по дѣлу о заказѣ оружія, но при этомъ извѣщалъ Будберга, что хотя не намѣренъ придавать своему порученію оффиціальнаго характера и все дѣло будетъ содержать въ строгомъ секретѣ, однако безъ содѣйствія австрійскаго вице-канцлера обойтиться не можетъ. Оказывалось, что по австрійскимъ законамъ, ни одинъ оружейный фабрикантъ не могъ брать заказа, выше извѣстной нормы, не получивъ на то предварительнаго разрѣшенія отъ правительства. Объ этомъ Малліа вовсе не упоминалъ въ своемъ проектѣ, а между тѣмъ тотъ членъ военной администраціи, съ которымъ онъ входилъ въ сношеніе и на которомъ лежала вся забота по обмундированію австрійскихъ войскъ, не отрицая того, что имъ было сказано предварительно, положительно объявилъ Разумовскому, что безъ разрѣшенія своихъ властей онъ ничего не можетъ поставить. Посолъ обѣщалъ Будбергу хлопотать объ этомъ разрѣшеніи и, хотя не предвидѣлъ при этомъ особыхъ затрудненій, однако никакъ не отвѣчалъ впередъ за успѣхъ. Еще менѣе надежды подавалъ Разумовскій относительно вербовки образованныхъ офицеровъ. Дѣло это было возможно сейчасъ же послѣ заключенія пресбургскаго трактата, когда лучшіе офицеры были въ отчаяніи и стыдились долѣе служить подъ знаменами Австріи. Теперь же все измѣнилось и, по мнѣнію посла, духъ австрійскихъ войскъ до того поднялся, что едвали кто изъ хорошихъ офицеровъ согласится перейти на иноземную службу [1]). Вотъ въ какихъ краскахъ описывалъ Разумовскій тогдашнее состояніе Австріи.

„Le premier et le principal point de l'expédition actuelle,—писалъ онъ отъ 21 Сентября къ Будбергу,—c'est celui qui appartient à la résolu-

---

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 21 Декабря.

tion prise par cette cour-ci d'un système de neutralité au milieu des évènements qui s'annoncent autour d'elle, mais d'une neutralité soutenue par un armement assez formidable pour se faire respecter tant par sa masse que par sa localité. C'est pour l'exécution de cette mesure si analogue à la situation politique de la monarchie autrichienne et aux principes d'honneur et de loyauté qui guident son souverain, qu'il a été ordonné en Bohême, vers les frontières qui bordent l'empire germanique un rassemblement de 70,000 hommes qui, en mouvement depuis environ quinze jours seulement, se trouvent déjà presque entièrement concentrés sur les points qui leur sont assignés. La majeure partie de ces troupes ont été tirées de la Galicie, dont les limites de notre côté se trouvent par là tout-à-fait dégarnies. Le c-te de Stadion, en me faisant part de ces dispositions, m'a dit du ton de la cordialité qu'on n'avait pas besoin de les garder contre ses intimes amis, que tel avait été le sentiment qui à déterminé à cet égard les ordres de son maître, et que, quelles que soient les chances incalculables de l'avenir, S. M. était bien convaincue qu'elles ne seraient jamais qu'en faveur de l'amitié et de la reconnaissance profonde qui l'attachent invariablement à notre auguste Souverain. Le rassemblement en Bohême se trouve suffisamment avancé pour qu'on ne mette plus de délai à l'annoncer officiellement à la France, et je pense que c'est aujourd'hui ou demain que notification en sera faite à m. de la Rochefoucauld. On en fera part en même temps aux cours de Londres et de Berlin, par l'envoi de courriers, tandis que des circulaires informeront tous les autres ministres de cette cour, qui désire rendre publique une détermination, qui ne peut que lui concilier l'estime et la considération et qu'elle est résolue de maintenir invariablement jusqu'a ce que, ceci ne se dit qu'entre intimes, ses moyens de régénération lui permettent d'en adopter de plus conformes à ses intérêts et à sa puissance. Ce qu'elle fait aujourd'hui n'aurait pu se faire il y a trois mois. On tremblait alors et avec raison d'être pris au dépourvu et rien n'eut empêché l'insatiable envahisseur de tomber sur les provinces frontières de la monarchie. Cette terreur légitime n'a point paralysé les efforts qui ont eu lieu pour améliorer, sous main et sans bruit, une position aussi critique. Quelques mois encore et il sera permis, si les circonstances l'exigent, de compter sur l'assistance d'un prince et d'un cabinet, dont les bonnes dispositions pour se développer n'ont besoin que de moyens".

Не доносамъ Маллія слѣдовало бы придавать значеніе Будбергу, а понять, что Разумовскій, составляя только что приведенную депешу, писалъ подъ вліяніемъ Стадіона, вѣроятно себя самого обольщавшаго относительно положенія Австріи. Войска далеко не были въ такомъ блестящемъ состояніи, какъ то описывалъ графъ Андрей Кирил-

ловичъ, и вѣнскій дворъ, рѣшившійся уже тогда держаться строгаго нейтралитета, вовсе не ожидалъ удобной минуты вступиться въ готовящуюся между Пруссіею, Франціею и Россіею борьбу. Едва прошло шесть дней послѣ отправки къ Разумовскому строгаго выговора, когда кромѣ того, выставленныя имъ препятствія къ исполненію проекта, предложеннаго Малліа относительно оружія и добровольцевъ, еще болѣе досадили Будбергу, графу Андрею Кирилловичу по приказанію Государя выражены были и похвала, и одобреніе за присланную депешу. Все то, что—въ ней говорилось о намѣреніяхъ Австріи, вполнѣ согласовалось съ образомъ мыслей Императора Александра Павловича. Въ данную минуту въ ея помощи еще не нуждались, но утѣшительно было знать, что она дѣятельно и успѣшно готовится къ борьбѣ и что въ случаѣ крайней опасности всегда можно на нее разсчитывать. Образъ дѣйствій Австріи долженъ былъ имѣть, по мнѣнію Государя, самое благотворное вліяніе на европейскія дѣла. Въ отвѣтѣ своемъ къ Разумовскому Будбергъ, вслѣдъ за похвалами, сообщалъ, что отнынѣ Государь будетъ слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за внутреннимъ преуспѣяніемъ габсбургской монархіи, вполнѣ увѣренный, что въ случаѣ нужды онъ можетъ слѣпо на нее положиться. Разумовскому предписывалось всячески поддерживать вѣнскій кабинетъ въ настоящемъ его настроеніи.

Между тѣмъ король прусскій, рѣшившись на наступательныя дѣйствія, искалъ сближенія и съ Россіею и съ Англіею. Въ Пруссіи, какъ вездѣ и всегда бывало въ то время, передъ всякою несчастною войною съ Наполеономъ, породилась чрезмѣрная самоувѣренность. Въ то время, какъ король хлопоталъ о союзахъ и о подмогѣ, его подданные громко заявляли, что Пруссія ни въ чьей помощи не нуждается. Гордые воспоминаніями прошлаго, пруссаки забывали, что сподвижники Фридриха Великаго уже давно сошли въ могилу, и что великія его преданія забыты войскомъ, не имѣвшимъ хорошихъ генераловъ и образованномъ по старымъ, давно уже откинутымъ въ остальной Европѣ, правиламъ. Прусскіе солдаты, годные для парадовъ, выводились теперь на борьбу съ Франціею безъ хорошаго оружія, безъ припасовъ почти безъ аммуниціи. Не составлено было даже заранѣе задуманнаго плана кампаніи. При берлинскомъ дворѣ были увѣрены, что рѣшительность одна въ состояніи остановить Наполеона, что онъ, узнавъ о твердомъ намѣреніи Пруссіи начать войну, поспѣшитъ вступить въ переговоры и согласиться на требуемыя изъ Берлина уступки. Хотя со стороны короля и сдѣланы были открытія какъ Англіи, такъ и Россіи, однако на немедленное содѣйствіе ихъ не особенно настаивали. Среди незначительныхъ лицъ, окружавшихъ въ то время короля и управлявшихъ Пруссіею, боялись русскаго вліянія и не сочувствовали русской

политикѣ; что же касается до Англіи, то она въ данную минуту не вполнѣ еще довѣряла берлинскому кабинету, столь часто ее обманывавшему. Однако рѣшеніе Пруссіи произвело большое впечатлѣніе въ Лондонѣ. Немедля отправленъ былъ къ королю Прусскому лордъ Морпетъ (Morpeth), но данныя ему полномочія сильно еще отзывались недовѣріемъ. Британское правительство требовало немедленнаго возврата Ганновера, обѣщая съ своей стороны только на мѣсяцъ времени снятіе блокады съ прусскихъ гаваней. Англійскій уполномоченный долженъ былъ указать на то, что въ то время, какъ другія государства истощали казну и войска въ борьбѣ съ Наполеономъ, прусская монархія копила деньги и поэтому въ такого рода помощи не могла особенно нуждаться. Однако, если бы Пруссія повела войну энергично, Британское правительство не прочь назначить ей денежную субсидію, соразмѣряясь съ ея усиліями и полученными результатами.

„Cette manière serrée et circonspecte de procéder de la part de l'Angleterre, quand il s'agit de rallier à sa cause une puissance comme la Prusse,—доносилъ въ депешѣ отъ 3 Октября Разумовскій, сообщая двору своему подробности о сношеніяхъ Англіи съ Пруссіею, почерпнутыя имъ изъ депешъ австрійскаго посла въ Лондонѣ графа Штаренберга,—présente une réflexion naturelle: elle craint les vacillations du ministère prussien, elle prévoit une rechute, elle a devant les yeux sa conduite passée et ne veut se livrer au présent comme à l'avenir qu'avec la mesure, qui doit produire les gages de la constance et de la tenue nécessaires... On attend ici avec empressement les résultats de la mission de mylord Morpeth. En attendant l'opinion générale penche toujours vers la persuasion que la Prusse se laissera gagner de nouveau et c'est parce qu'on craint la perfide tendance du caractère de Haugwitz, parce qu'on le voit en situation de se livrer à sa manière tortueuse de négocier, rapproché comme il est de Talleyrand et de Bonaparte même. C'est probablement ce qui à fait dire qu'il y avait eu déjà des conférences avec ce ministre. On parle aussi d'une entrevue entre le roi et Napoléon. Aucun avis officiel ne fait cependant mention d'une visite pareille. Il n'est rentré également aucun rapport sur le commencement des hostilités".

Къ депешѣ этой Разумовскій въ ту минуту, когда онъ собирался ее печатать, приписалъ, что получены первыя извѣстія о началѣ военныхъ дѣйствій. Миссія лорда Морпета ничѣмъ не окончилась. Едва доѣхалъ онъ до Германіи, какъ узналъ о первыхъ побѣдахъ Наполеона. Имъ обуялъ паническій страхъ, онъ сжегъ свои инструкціи и ввѣрительныя граммоты и вернулся въ Англію, гдѣ извѣстія, имъ привезенныя, произвели всеобщее оцѣпенѣніе, въ дѣлахъ почувство-

вался застой а въ Вѣнѣ убѣдились, что всѣ благія намѣренія англійскаго правительства останутся безъ исполненія.

„C'est ainsi, — замѣчалъ Разумовскій, передавая Будбергу эти грустныя подробности,—que tous les incidents de malheur se succèdent et s'accumulent".

Рѣшеніе короля прусскаго произвело сильное впечатлѣніе и въ Петербургѣ, хотя вообще берлинскимъ дворомъ были тамъ въ послѣднее время особенно недовольны.

„Sans approfondir les motifs qui ont pu amener l'étonnante révolution qui vient de s'opérer dans le système et les principes du cabinet prussien,—сообщалъ отъ 5 Октября Разумовскому Будбергъ,—il est de fait que dès que cette puissance s'est déterminée à ne plus plier sous la despotique volonté de Bonaparte, elle a porté ses plus vives instances vers l'Empereur notre auguste Maître pour en obtenir secours et assistance... S. M. I., oubliant le passé et mettant de côté les justes motifs de méfiance que la cour de Berlin s'est attirée par sa conduite précédente, et ne voyant que le danger auquel se trouve exposée la seule puissance continentale qui ait conservé ses forces intactes, n'a pas hésité à accéder aux demandes du roi. Un corps d'armée de 60,000 combattants, sous les ordres du général Beningsen, a reçu l'ordre d'entrer dans les états de S. M. prussienne sur quatre colonnes, qui se dirigent sur Breslau où les dispositions du roi règleront leur destination ultérieure. Outre cela S. M. I. est décidée, si les circonstances l'exigent, d'employer toutes les forces, dont elle peut disposer, pour soutenir la Prusse. L'extrême précipitation, avec laquelle se sont succédés les événements dans les dernières 6 semaines, n'a point permis de concerter un plan détaillé des opérations militaires, ni même déterminer avec quelque précision les résultats qui doivent en être le bût, néanmoins il y a un point de la plus haute importance, puisqu'il est d'un intérêt général et qui a été adopté comme première tâche à laquelle viseront les efforts communs de la Prusse et de la Russie. C'est l'évacuation de l'Allemagne... Nous avons représenté au cabinet de Potsdam qu'à moins d'obtenir la délivrance et l'indépendance de la Hollande on ne pouvait se flatter d'avoir rassis le repos public sur des bases stables et permanentes. On ne saurait préciser sur le plus ou moins de parti qu'il y aurait à tirer des circonstances présentes, mais il n'en est pas moins dans les dispositions, comme dans le système constant de l'Empereur d'en profiter comme d'une occasion unique, si longtemps et si inutilement provoquée, de mettre encore des bornes aux progrès allarmants de la puissance française... Vous ferez part confidentiellement au c-te de Stadion de toutes les pièces qu'on vous envoie et vous tâcherez particulièrement de tirer avantage de cette communication pour affaiblir autant que pos-

sible la méfiance entre le cabinet autrichien et celui de Potsdam... Les liens qui unissent notre auguste Maître à S. M. I. et R. doivent être un sûr garant que le cabinet de Pétersbourg ne négligera rien pour éclaircir la conduite future de la Prusse et pour empêcher, dans le cas qu'elle voulût reprendre son ancien systême, tout ce qui pourrait être nuisible aux intérêts des deux cours impériales. Vous lui donnerez cette assurance de la manière la plus positive et lui exprimerez, que si S. M. I., pénétrée de la position pénible de l'Autriche, ne s'attend pas à lui voir suivre incessament l'exemple de la Prusse et de la Russie, en se déclarant ouvertement contre la France, elle n'en espère pas moins que si les armes alliées venaient à remporter quelques avantages marquants sur l'ennemi, l'empereur François II n'hésitera pas à saisir cette occasion pour concourir autant au rétablissement d'un juste équilibre et de la tranquillité générale, que pour se refaire des pertes sensibles que S. M. I. et R. a essuyées dans la dernière campagne".

Король прусскій покинулъ Берлинъ и отправился къ своей арміи. Едва успѣлъ онъ достигнуть Магдебурга, какъ Наполеонъ уже поскакалъ въ Майнцъ. Съ этимъ извѣстіемъ явился въ русскій лагерь Луккезини. Сейчасъ же послѣ его пріѣзда отправлено было къ Кнобельсдорфу крайне заносчивое и надменное письмо съ приказаніемъ передать его Наполеону. Въ письмѣ этомъ сказано было, что миръ возможенъ только подъ тремя условіями: 1) если сѣверныя германскія государства составятъ съ Пруссіею союзъ, 2) если французскія войска перейдутъ на лѣвый берегъ Рейна и 3) если Везель будетъ снова отдѣленъ отъ Франціи, а Эссенъ, Верденъ и Эльтенъ возвращены королю прусскому. Однихъ этихъ условій было достаточно, чтобы побудить Наполеона немедля приступить къ самымъ рѣшительнымъ военнымъ дѣйствіямъ и не было нужды прибавлять къ нимъ длинныхъ, обидныхъ для Франціи выраженій. Въ самомъ дѣлѣ еще до полученія письма короля прусскаго приказъ о началѣ военныхъ дѣйствій былъ уже разосланъ по французскимъ войскамъ. Прусское правительство, спокойно взиравшее до сихъ поръ на захваты Франціи и не разъ ими само пользовавшееся, въ манифестѣ обнародованномъ по случаю войны, упрекало Наполеона въ ненасытности и совершенно не кстати напоминало объ убійствѣ герцога Энгіенскаго. Все устроивалось такъ, чтобы французы не только были побѣдителями, но чтобы и самое право казалось на ихъ сторонѣ. Противники Наполеона, каждый разъ, когда начиналась съ нимъ война, точно нарочно готовили ему успѣхи, не обдумавъ заранѣе серьезнаго плана кампаніи и кидаясь въ бой, не дождавшись союзниковъ. Прусскія войска безъ цѣли и плана подвигались впередъ, сами не зная куда, въ то время, какъ уже шесть недѣль готовились къ походу французы и каждый отрядъ ихъ твердо

вѣдалъ по какой дорогѣ и куда ему слѣдовало идти. Все было готово со стороны Франціи, въ то время какъ король прусскій въ Эрфуртѣ собиралъ только совѣтъ, на который были призваны и Гаугвицъ, и Луккезини, чтобы рѣшить, что слѣдуетъ въ настоящую минуту предпринять.

Французская армія, имѣвшая огромный перевѣсъ, быстро двинулась противъ прусскихъ войскъ. 8-го начались военныя дѣйствія, а уже 10-го октября новаго стиля, отрядъ принца Людвига-Фердинанда прусскаго былъ разбитъ на голову при Заальфельдѣ и самъ принцъ палъ въ сраженіи. Артиллерія, запасы и всѣ денежныя суммы попали въ руки побѣдителей. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить свое войско на одномъ пунктѣ, король прусскій раздѣлилъ его на двѣ отдѣльныя части. Это значило дѣйствовать прямо въ руку Наполеона, и онъ случаемъ этимъ не преминулъ воспользоваться; со всѣми своими силами напалъ онъ въ ночь съ 13 на 14 октября подъ Іеною на половину прусской арміи подъ командою принца Гогенлое, въ то время, какъ остальная часть ея, подъ предводительствомъ герцога Брауншвейгскаго, быстро отступала къ Фрейбургу, чрезъ Наумбургъ и Ауерштедтъ. Едва успѣли узнать въ прусскомъ генеральномъ штабѣ объ уничтоженіи половины арміи, какъ пришло новое поражающее извѣстіе о томъ, что маршалъ Даву, 14-го же Октября, на голову разбилъ при Ауерштедтѣ предводимыя герцогомъ Брауншвейгскимъ, остальныя прусскія силы, а вслѣдъ за этимъ сдался побѣдителю смертельно раненный фельдмаршалъ Мөллендорфъ съ 14,000-мъ корпусомъ. Пруссія въ какую-нибудь недѣлю, была совершенно уничтожена.

„A la suite des malheurs, que vient d'éprouver la puissance prussienne, — доносилъ отъ 15 Октября ст. стиля выходившій изъ себя Разумовскій,—il est des considérations d'une importance majeure qui fixeront sans doute l'attention des cabinets sur les destinées futures de l'Europe, soumise aux volontés effrénées de l'homme, à qui sa fortune bizarrement construite permet de se livrer à toute l'ivresse de son ambition. Je m'attacherai à développer ici succinctement quelques-unes de ces considérations relativement aux intérêts et à la gloire de notre auguste Maître et particulièrement dans ses rapports avec cette cour-ci. Il est hors de doute que l'esprit turbulent et dominateur de Bonaparte depuis longtemps couve des projets sur la Pologne. Fidèle à son principe de ne faire éclater ses vues, que dans une conjoncture propice, que son habileté sait parfaitement discerner et saisir, il ne diffère que pour mieux assurer son succès et ceux qu'il vient de remporter vont déterminer les entreprises qu'il prépare. Nous en avons pour prémices, les formations qu'il organise de déserteurs polonais sous la direction d'un Dombrowski, d'un Zayonczeck et maints propos, qui

se répandent à l'appui de ces conjectures. C'est sur cet objet que j'ai cru devoir amener quelque discussion avec le c-te de Stadion. Ce ministre, parfaitement d'accord sur les appréhensions que je lui montrais à l'égard de la Pologne. le fut également sur ce qu'un pareil projet fermentait depuis longtemps dans le manoir infernal de St.-Cloud. Il me dit qu'avant qu'éclatassent les événements qui ont amené la rupture avec la Prusse, des notions lui étaient parvenues de Paris, non-officielles à la vérité, mais puisées dans des lettres particulières où dans des bulletins, souvent l'écho prémédité des intentions du gouvernement. Elles portaient qu'il serait possible que la suite des circonstances amènent des changements pour la Pologne; que cela ne regardait pas les deux Galicies et que S. M. I. pouvait être tranquille de ce côté-là. Le c-te de Stadion considéra ensuite l'exécution de ce plan et celle des changements qui en résulteraient indubitablement pour tous les rapports des puissances de l'Europe sous les hypothèses suivantes: l'audace de caractère, l'ivresse de succès, la confiance dans sa fortune pourraient faire concevoir à Bonaparte le dessein de se porter rapidement en Pologne, d'y fixer le théâtre d'une nouvelle guerre, d'y frapper un grand coup contre la puissance, qu'en secret il redoute le plus et de précipiter ainsi la révolution qu'il médite. Un autre parti serait moins téméraire, plus sage et plus habile, partant plus dangereux; c'est celui, qui, dans l'opinion du c-te de Stadion, semble plus probable. Bonaparte voit l'orage se grossir du côté de la Turquie, il ne peut douter que l'énergie de nos déclarations à la porte sera soutenue par celle de nos armes. Il doit être également convaincu de notre supériorité et du peu de moyens qu'il a de la balancer. Le c-te de Stadion pense que cet état de choses pourrait l'engager à négocier avec la Russie et, sacrifiant la porte à des résultats qu'il ne saurait empêcher, mais qu'il chercherait à modifier, de régler à ce prix les nouvelles réformes, qu'il établirait pour l'occident de l'Europe".

„Tel a été le sujet de notre entretien. Il me reste à vous exposer, m. le baron, l'application que j'en ai faite. J'avais à tâcher de connaître dans l'une ou l'autre supposition, ou dans toute supposition quelconque, le parti que prendrait la cour de Vienne. Les craintes à l'égard de la Pologne ont fixé son attention la plus sérieuse. Il y a eu dans le conseil de l'empereur des personnes d'avis d'y porter l'armée rassemblée en Bohême. Ce n'était pas celui du c-te de Stadion. Quelque soit l'événement, cette armée est mieux là où elle se trouve, elle peut donner plus d'inquiétude à celle des français; si elle se portait en avant et, si la guerre se faisait en Pologne, l'intérêt de l'Autriche ne la ferait point balancer d'y prendre part. Dans la seconde hypothèse, celle d'une négociation, le c-te de Stadion m'a assuré solen-

nellement, que sa cour resterait irrévocablement attachée au système de faire cause commune avec nous. Pour épuiser toutes les questions que j'avais à faire et aller audevant de tout ce que la crise actuelle peut présager, je me fondais sur un bruit populaire, qui circule ici, comme quoi Bonaparte aurait offert ou serait intentionné d'offrir à l'Autriche la Silésie en échange des Galicies. Le ton de la réponse du c-te de Stadion m'est non-seulement garant que c'est une idée improvisée dans les cafés, mais que, si jamais elle passait par la tête de Napoléon, elle serait très-certainement rejetée dans le coeur de l'empereur François et de son ministre. Les principes de l'un et de l'autre répugnent à des acquisitions injustes qui feraient encourir les mêmes reproches que toute l'Europe a si souvent faits à la cour de Berlin. Indépendamment de cette considération très-puissante ici, l'intérêt seul de l'état serait un motif suffisant contre un échange si désavantageux, puisque c'est la Galicie qui aujourd'hui fournit à la monarchie une grande partie de ses ressources".

Первыя извѣстія о прусскихъ неудачахъ приняты были въ Вѣнѣ не безъ нѣкотораго злорадства. Много желчи къ сосѣднему королевству накипѣло на сердцѣ габсбургской имперіи. Она взирала на пораженіе пруссаковъ, какъ на законное возмездіе за побѣды Фридриха Великаго, за отнятую Силезію, за обманчивую, скрытную политику берлинскаго кабинета. Но это первое впечатлѣніе было мимолетное. Полный погромъ Пруссіи и быстрота, съ которою погромъ этотъ совершился, возбудили въ Вѣнѣ общій ужасъ. Франція послѣ этихъ новыхъ успѣховъ становилась еще страшнѣе и ничто не могло уже теперь, по мнѣнію австрійскихъ министровъ, остановить дальнѣйшіе замыслы Наполеона. Графъ Стадіонъ не скрывалъ своего смущенія и въ разговорахъ съ представителями дружественныхъ державъ прямо заявлялъ, что подобная же Пруссіи участь угрожаетъ теперь всѣмъ европейскимъ государствамъ. У находящихся въ Вѣнѣ дипломатовъ породилась надежда, что Австрія рѣшится, въ виду порабощенія Пруссіи, подать, наконецъ, голосъ за общенародное право, столь нагло попираемое Наполеономъ. Объ этомъ не мало разглагольствовалъ Стадіонъ въ частныхъ бесѣдахъ съ представителями враждебныхъ Франціи державъ. Но на дѣлѣ оказалось не то. Австрійскій дворъ болѣе чѣмъ когда-либо, послѣ послѣднихъ удачъ Наполеона трепеталъ передъ Франціею. Вступать съ нею въ борьбу казалось многимъ изъ лучшихъ австрійскихъ генераловъ въ настоящее время немыслимымъ. Слѣдовало держаться нейтралитета и энергично продолжать вооруженіе. Вѣнскій кабинетъ съ ужасомъ слѣдилъ за успѣхами Франціи и дрожалъ при одной мысли о возстановленіи Польши; но съ другой стороны, съ постоянною своею подозрительностію, онъ, по малой мѣрѣ

съ такимъ же безпокойствомъ, зорко слѣдилъ за наступательными движеніями Россіи со стороны Турціи. Къ тому-же по Европѣ ходили обычные смутнымъ временамъ тревожные слухи. Люди, обыкновенно хорошо знакомые съ ходомъ европейскихъ дѣлъ, утверждали, что между Россіею и Франціею непремѣнно состоится тѣсный союзъ, что русскому Императору за отказъ отъ Польши предлагаются вознагражденія на счетъ Турціи и что, въ случаѣ, если разорванъ будетъ союзъ петербургскаго кабинета съ Пруссіею, во главѣ возстановленнаго польскаго королевства поставленъ будетъ русскій великій князь. Какъ бы въ подтвержденіе всѣхъ этихъ сплетенъ, графъ Меттернихъ доносилъ изъ Парижа своему правительству, что въ высшихъ французскихъ сферахъ возбужденъ вопросъ касательно того будетъ ли Австрія достаточно вознаграждена Силезіею за уступку Галиціи. Всегда нерѣшительный австрійскій дворъ теперь почти одинаково опасался и Франціи, и Россіи. Онъ недовѣрчиво выслушивалъ настоятельныя требованія Разумовскаго о немедленномъ заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза, со страхомъ получалъ отъ Меттерниха депеши изъ Парижа и между двумя противными теченіями коснѣлъ въ бездѣйствіи. Вслѣдствіе всѣхъ слуховъ, до него доходившихъ, своей, такъ сказать природной, подозрительности и главное ужаса, вселяемаго Наполеономъ, вѣнскій кабинетъ по-прежнему держался строгаго нейтралитета, благодаря которому, онъ надѣялся на свободѣ заняться окончательнымъ преобразованіемъ своего войска. Посламъ объявили, что Австрія намѣрена наблюдать за дѣйствіями Наполеона и если у него породятся, какіе-нибудь новые замыслы на спокойствіе Европы, съ преобразованною арміею положить имъ предѣлъ. Совершившіеся факты какъ будто для Вѣны не существовали и австрійскій дворъ на непредвидѣнное время откладывалъ всякое рѣшеніе. Между тѣмъ тонъ петербургскаго кабинета съ каждымъ днемъ становился настоятельнѣе. Императоръ Александръ прямо указывалъ своему союзнику на прошлогодній нейтралитетъ Пруссіи, какъ на главную причину ея настоящихъ бѣдствій. Такая же участь угрожала теперь Австріи, пророчески сообщалъ въ Вѣну Государь. Мысль о собственной безопасности должна была побудить ее къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Наступила, по мнѣнію русскаго царя, та минута, когда обѣ имперіи, тѣсно соединившись, должны были нанести роковой ударъ Наполеону и, освободить и себя, и Европу отъ ига Франціи [1]). Почти въ такихъ же выраженіяхъ передавало Адеру свои приказанія англійское министерство. Лордъ Гренвиль писалъ британскому послу въ Вѣнѣ, что Наполеонъ, покончивъ съ Пруссіею, несомнѣнно обратитъ побѣдоносныя

---

[1]) Депеша Будберга къ Разумовскому отъ 23 Октября.

полчища свои противъ Австріи. Отъ Вѣнскаго кабинета Англія требовала, по крайней мѣрѣ, рѣшительную декларацію въ пользу Пруссіи, обѣщая за нее, безъ всякой однако на этотъ счетъ конвенціи, сильную денежную подмогу. Не ограничиваясь этимъ сообщеніемъ Адеру, лордъ Гренвиль потребовалъ отъ австрійскаго посла въ Лондонѣ, графа Штаренберга, чтобы онъ немедля отправилъ нарочнаго курьера въ Вѣну, съ тѣмъ, чтобы дословно передать Стадіону о сдѣланномъ Англіею заявленіи [1]). Но въ то же время британскій кабинетъ только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ упоминалъ о денежной субсидіи и этимъ еще болѣе усугублялъ сомнѣнія нерѣшительнаго вѣнскаго двора.

Разумовскому предписывали въ то же самое время изъ Петербурга объявить вѣнскому двору о твердомъ намѣреніи Государя помочь прусскому королю. Начиная борьбу съ Наполеономъ, Александръ Павловичъ рѣшался довести ее до конца, не стѣсняясь миромъ, который могла бы навязать изнеможенной Пруссіи счастливая ея соперница. Государь желалъ чтобы таковыя намѣренія его были извѣстны ближайшему союзнику Россіи, императору австрійскому, на содѣйствіе котораго онъ вполнѣ разсчитывалъ. Немедленной помощи изъ Петербурга не требовали но желали положительно знать черезъ сколько времени Австрія можетъ вооружиться и быть вполнѣ готовою къ борьбѣ съ Франціею. По мнѣнію Императора Александра, наступала для вѣнскаго двора минута отмѣстки за всѣ несчастія ему нанесенныя Наполеономъ. До тѣхъ поръ, пока австрійская армія не была поставлена на военную ногу, графу Андрею Кирилловичу было приказано употребить всѣ усилія къ тому, чтобы вѣнскій дворъ не только не затруднялъ дѣйствій Россіи противъ Турціи, а наоборотъ всячески, хотя бы и тайно ей въ этомъ помогалъ. Какъ мы уже видѣли выше, на то были указаны даже способы. Теперь послу дозволялось намекнуть, что Боснія, Сербія и турецкая часть Кроатіи будутъ наградою Австріи за дружескія усилія на помощь Россіи [2]).

„Les dépêches de v. e.,—доносилъ Будбергу отъ 21 Октября Разумовскій, въ отвѣтъ на полученныя имъ предписанія,—contiennent des ordres, dont l'importance, dictée par la sollicitude, qui occupe notre auguste Maître relativement à la conjoncture actuelle de l'Europe, me prescrivait de vous faire connaître le plus promptement possible les résultats qui pourraient guider notre cabinet par rapport au système et à la conduite qu'adopterait la cour de Vienne. Je me suis

---

[1]) Шифрованная депеша отъ 16 Октября, отправленная Разумовскому изъ Лондона барономъ Николаи, находившимся тамъ съ чрезвычайною миссіею.

[2]) Депеша Будберга отъ 28 Октября.

empressé de fixer à cet égard l'attention du ministère autrichien. J'en ai fait l'objet d'une longue conférence avec le c-te de Stadion, dont je m'empresse de vous rendre compte".

„Rien ne contrastait d'avantage avec les espérances, qu'on était en droit de concevoir, au moment où v. e. me traçait ses dernières instructions, que les événements qui venaient de se passer, peu avant qu'elles me parvinssent. Une puissance du premier ordre, qui, jusqu'ici passive dans les tourmentes politiques de l'Europe, non-seulement s'était abstenue de participer aux efforts des puissances de la même classe, mais qui avait concouru à favoriser l'hydre, qui provoquait sans cesse l'assujétissement de tous les états, l'agitation de tous les peuples et cette chaine de calamités qui pesait sur l'Europe entière, enfin cette puissance réveillée tout à coup de sa léthargie, effrayée du joug dont elle était menacée à son tour, trop précipitée peut-être dans son explosion, qu'on peut supposer n'avoir été accélérée que pour donner un gage de sa bonne foi aux cabinets, dont elle avait si profondément alliéné la confiance; cette puissance, dis-je, se lève, elle s'avance, enflammée de cette valeur qui avait fondé sa renomée sous le grand Frédéric, de ce noble ressentiment qu'avait trop longtemps reprimé et contenu la conduite sordide et astucieuse d'un cabinet perfide. A peine la nouvelle de cette révolution dans la politique prussienne a le temps de se répandre, qu'on apprend le début des hostilités et les désastres accablants qui en ont signalé l'époque. Des succès aussi inattendus que décisifs, en anéantissant, pour ainsi dire, les forces prussiennes, renversent les combinaisons des autres puissances à l'ouverture même d'une campagne aussi désastreuse. Si les calculs de la sagesse devaient se porter alors sur le concours d'une coopération puissante contre la France, aujourd'hui ce me semble, ils doivent se diriger sur les moyens de prévenir les entreprises audacieuses de ce génie malfaisant de l'Europe, que seconde toujours dans ses projets une fortune aveugle. C'est sur cette base, m. le baron, que j'ai établi la discussion avec le ministre des affaires étrangères et, pour m'assurer de son opinion sous les divers rapports que peuvent présenter les chances victorieuses de Bonaparte, sans pouvoir préjuger les plans qui émaneraient de son active et insatiable ambition, j'ai soumis au c-te de Stadion successivement celles, qu'il serait à supposer qui deviendraient l'objet des combinaisons d'un homme, à qui ses succès vont donner des nouveaux moyens d'exercer ses vengeances et de développer ses vues gigantesques de domination. J'ai déjà fait mention dans une de mes dépêches des appréhensions fondées qu'on avait sur les projets de Bonaparte à l'égard de la Pologne. Voudra-t-il porter ses armées en avant à la rencontre de celles de notre auguste Maître et dans ce cas, s'il exigeait des

condescendances de la cour de Vienne, s'il lui demandait passage par son territoire? S'il lui offrait des récompenses et des compensations au dépend de la Prusse, quel parti prendrait-elle? Ces questions que j'ai déjà mises en avant, il y a quelques jours, reproduites aujourd'hui avec plus de précision et d'étendue ont été répondues de manière à satisfaire je pense complètement l'attente et le désir de notre cour et justifier son estime et sa confiance à l'égard de celle de Vienne. Déterminée à persévérer dans le système de neutralité, que lui prescrivent sa position et les circonstances, elle ne s'en laissera détourner par aucune menace, ni séduction quelconque. En mesure déjà présentement de faire respecter cette détermination, au moyen de l'armée formidable qu'elle à rassemblée en Bohême, elle le sera de jour en jour d'avantage de consolider ses forces. Je répète ici qu'on ne saurait assez admirer la promptitude avec laquelle s'accroissent les armements de cette monarchie. Il me suffira de dire que le c-te de Stadion m'a assuré que dans une quinzaine de jours ils seront au point de ne craindre nulle part les forces de la France et j'ai lieu de croire, d'après d'autres notions, qu'à cette époque là 200,000 hommes seront en état de tenir la campagne. L'armée de Bohême, disposée sur trois lignes, occupe la première la frontière du côté de l'empire, la seconde la partie du milieu au-dessous de Prague, enfin la dernière s'étend vers la Silésie et sera renforcée de quelques régiments destinés à former un cordon entre cette province et la Pologne.

A la suite de ces considérations, je me suis arrêté à celles, que présentait l'état actuel de nos relations avec la porte. Je me suis acquitté de la communication, qui m'a été prescrite de la dépêche de v. e. à m. d'Italinsky. Je n'ai point eu de peine à faire tomber d'accord le c-te de Stadion de la justice de nos réclamations, mais, en les appréciant dans toute leur étendue, il a cherché a me faire envisager les suites de la guerre, qui pouvait en résulter, sons l'aspect le plus alarmant, dans la conjoncture actuelle et surtout depuis les événements funestes, qui viennent de se passer du côté de la Prusse. Ses résultats furent qu'il serait avantageux d'ajourner cette guerre, jusqu'à ce que les affaires en Allemagne puissent être rétablies sur un meilleur pied, et il était d'opinion qu'il nous serait facile vis-à-vis des turcs, de les tenir en respect, sans y employer de grandes forces, afin de ne pas diviser celles dont nous aurions besoin de l'autre côté. Je ne répéterai point ici les raisonnements, dont j'ai fait usage à l'égard des motifs, qui pourraient ne pas admettre une conduite semblable, lorsque l'honneur, la dignité, l'intérêt même de notre auguste Maître exigeraient l'emploi le plus énergique de ses forces contre la Porte. Je n'ai pas manqué de faire sentir, ainsi que j'y étais autorisé, que, dans un

pareil cas, la coopération de la cour de Vienne serait récompensée par des acquisitions avantageuses pour ses frontières du côté de la Turquie. Le c-te de Stadion, tout en reconnaissant un tel avantage, a observé que ce n'en serait un que dans des temps plus reculés, qu'aujourd'hui cette extension de limites serait une charge nouvelle pour l'état déjà si fortement obéré par la nécessité où elle le mettrait d'y faire des sacrifices pour en rendre la possession utile. Enfin il a paru s'attacher à l'idée que dans une guerre entre la Russie et la porte, la neutralité de l'Autriche la placerait dans la position de se présenter comme médiatrice et que ce rôle appuyé sur l'intelligence et l'intimité des deux cours impériales, offrirait à celle de Vienne l'occasion de rendre des services à la nôtre, me faisant entendre cependant qu'elle pourrait en adopter un plus actif, d'après les circonstances et les événements, lorsqu'elle serait plus affermie dans ses ressources et ses moyens. Il me reste à faire connaître à v. e. le résultat de la démarche qui m'a été prescrite relativement à l'assistance à obtenir en faveur des serviens. Le c-te de Stadion, sans s'y refuser péremptoirement, m'a observé que pareille chose ne lui semblait pas devoir se faire dans ce moment. En me parlant de ce qui pourrait compromettre cette cour-ci vis-à-vis des français, tandis qu'il importe que sa neutralité soit rigoureusement constatée, ce n'est point cependant sur cette considération qu'il s'est fondé pour écarter une telle mesure présentement, mais il a allégué que les serviens venaient tout récemment de reconquérir sur les turcs 50 à 60 pièces de canons et une grande quantité de munitions qui leur rendait ce secours moins pressant, que d'ailleurs on était informé par les derniers rapports de la frontière qu'une négociation ouverte avec l'appareil d'une pompe éclatante de la part du divan avait été accueillie du chef des serviens et qu'il fallait attendre quelle en serait l'issue".

Депешею этою остались весьма недовольны какъ Императоръ Александръ Павловичъ, такъ и Будбергъ и вообще всѣ члены царскаго совѣта. Въ Петербургѣ твердо вѣрили, что Разумовскому не трудно будетъ уговорить Стадіона, а за нимъ и императора австрійскаго сплотиться съ Россіею, которой необходимъ былъ союзникъ въ виду крайняго ослабленія Пруссіи и возможности мира между нею и Наполеономъ. При русскомъ дворѣ съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидали рѣшенія изъ Вѣны, а вмѣсто того прибыла отъ посла длинная депеша, начинавшаяся съ извѣщенія объ удовлетворительномъ отвѣтѣ Вѣнскаго двора и хладнокровно заканчивавшаяся извѣстіемъ, что Австрія по прежнему будетъ держаться строжайшаго нейтралитета, что, кромѣ медіаціи, австрійское правительство ничего Россіи относительно Турціи обѣщать не можетъ, и что вообще войну съ портою, теперь болѣе

чѣмъ когда-либо, находитъ опасною и несвоевременною. Неутѣшительныя извѣстія свои Разумовскій пересылалъ похвалами австрійцамъ. До русскаго двора доходили, между тѣмъ, слухи о какихъ-то тайныхъ переговорахъ между Парижемъ и Вѣною. Самъ графъ Андрей Кирилловичъ доносилъ, что Наполеонъ весьма недоволенъ сильнымъ вооруженіемъ Австріи и что черезъ Ларошфуко сдѣланы были предложенія касательно заключенія тайнаго союза. О дѣлѣ этомъ Разумовскій упоминалъ только вскользь, а между тѣмъ въ Парижѣ всему этому придавали большое значеніе, и Наполеонъ, недовольный дѣйствіями Ларошфуко, не съумѣвшаго ни до чего положительнаго добиться, внезапно вызвалъ его изъ Вѣны и назначилъ туда генерала Андреосси, хорошо знакомаго съ Австріею и извѣстнаго своею энергіею. Ларошфуко вовсе не ожидалъ смѣны и готовился къ ряду блестящихъ пріемовъ. Главная причина его отзыва не осталась для Разумовскаго тайною и, сообщая это извѣстіе въ Петербургъ, онъ отдавалъ полную справедливость бывшему послу, всегда умѣвшему въ трудныя минуты учтиво и предупредительно передавать вѣнскому двору даже самыя щекотливыя, а подъ часъ и тяжелыя порученія Наполеона. Какъ видно ему теперь нужно въ Вѣнѣ болѣе, чѣмъ когда-либо бдительное око, замѣчалъ при этомъ графъ Андрей Кирилловичъ. Но главную суть дѣла, однако, успѣли скрыть австрійскіе министры отъ русскаго посла. Андреосси пріѣхалъ съ настойчивыми требованіями союза и горькими попрёками за вооруженіе. Онъ посовѣтовалъ Стадіону быть на-сторожѣ, объявилъ ему, что хотя Наполеонъ и обѣщался не начинать войны но если его къ этому принудятъ, то онъ забудетъ свое обѣщаніе и тогда расправа его съ Вѣнскимъ дворомъ будетъ коротка, но ужасна. Французскій дипломатъ, въ случаѣ если австрійское правительство не остановитъ своихъ вооруженій, угрожалъ тѣснымъ союзомъ между тюильерійскимъ и петербургскимъ кабинетами. Онъ не скрылъ, что Наполеонъ рѣшился, въ случаѣ крайней нужды, передать на полный произволъ Императора Александра рѣшеніе восточнаго вопроса. Кромѣ того, онъ предлагалъ вице-канцлеру въ замѣнъ необходимой для возстановленія Польши, Галиціи—Силезію. Вѣнскій кабинетъ дрожалъ болѣе, чѣмъ когда-либо отъ дѣлаемыхъ ему предложеній и угрозъ а особенно отъ того твердаго тона, съ которымъ они были ему изложены. Восточный вопросъ былъ постоянно у австрійцевъ на умѣ, а тутъ рядомъ вступало еще новое, негаданное до тѣхъ поръ, польское усложненіе. Съ большимъ трудомъ и не безъ униженныхъ увѣреній въ дружбѣ и сочувствіи удалось, однакоже, отклонить на время предложеніе о союзѣ, хотя со стороны Франціи и не требовалось военной подмоги. Настаивали только на томъ, чтобы былъ заключенъ договоръ, въ которомъ бы стояло слово

„союзъ". За это даже Австріи кое-что обѣщали. Отклонивъ съ большимъ трудомъ всѣ сдѣланныя предложенія, Стадіонъ объявилъ Андреосси, что императору Франиу не угодно мѣняться владѣніями и что Силезія, какъ страна, еще не завоеванная французами и неуступленная имъ въ силу трактата не можетъ быть предметомъ переговоровъ [1]. Затѣмъ уже Австріи ничего другого не оставалось какъ удовлетворить, по крайней мѣрѣ отчасти, требованію Наполеона касательно вооруженія и, вслѣдствіе этого, пресловутая Богемская нейтральная армія, которою такъ хвастался Стадіонъ передъ Разумовскимъ, была отодвинута отъ границы. Иностраннымъ посламъ, а между ними и графу Андрею Кирилловичу, объяснено было, что движеніе это было рѣшено вслѣдствіе высшей стратегической комбинаціи.

„Le principal est de savoir,—довольно наивно сообщалъ Брудбергу отъ 10 Ноября Разумовскій,—quel est le parti qui sera adopté par cette cour-ci et cette question a été envisagée comme dépendant d'une manière si absolue de la détermination qui sera prise chez nous, qu'une solution semble évidemment tenir à l'autre. Je me suis décidé d'ailleurs par un autre motif encore à différer une expédition expresse. C'est celui de l'ignorance, où nous nous trouvons ici sur la véritable situation des choses. Ce n'est pas à des détails partiels de batailles perdues, au récit exagéré ou incomplet des progrès d'une armée victorieuse, que je pouvais rallier avec quelque utilité des observation, des conjectures ou des données sur l'avenir. Car il est à remarquer que depuis l'ouverture de la campagne, le ministre prussien n'a reçu qu'une seule fois des nouvelles directes et encore a-t-il dû se les procurer, en envoyant à tout hazard un employé de sa mission au quartier général du roi. Il a rejoint S. M. à Graudentz et les communications laconiques qu'il a rapportées sont: „qu'il y avait une négociation en train, et que si Bonaparte n'en admettait pas les bases, le roi était décidé avec les débris de ses moyens et avec le secours qu'il attend de la Russie à continuer la guerre". Il s'agit donc d'une négociation pour la paix. Il est question de bases fondamentales et le ministre prussien lui-même ignore la nature de ces bases et l'on connaît aussi peu les moyens et les ressources qui restent à la monarchie prussienne. Dans cette obscurité personne ne sachant comment s'orienter, cette cour-ci, pouvant à chaque pas s'exposer sans fruit et sans ressource, a fait la démarche qui s'accordait le plus avec la constance de ses principes et avec son attachement intime. Elle s'est expliquée avec nous pour connaître nos déterminations présentes et futures et elle attend avec impatience une réponse et les décisions nécessaires sur cet objet majeur. Il n'est point hors de matière

[1] Соловьевъ. Императоръ Александръ I. 143—145.

que j'expose ici de suite quelques remarques sur les mouvements de l'armée de neutralité. On les a attribué dans le public et dans quelque feuilles périodiques à des causes assez particulières. Cependant il n'y en avait point qui ne fussent très-plausibles. Les points dont l'occupation pouvait être utile dans un moment, ne sont plus les mêmes dans un autre. L'intérêt change en raison des opérations extérieures et l'on a transporté une partie de l'armée d'observation sur le terrein ou l'attitude de la neutralité pouvait devenir plus avantageuse pour faire respecter le pays. Quant aux nouvelles de l'armée, des lettres de Varsovie du 10 annonçaient que les français n'étaient qu'à deux marches de cette ville, d'autres disent que l'occupation avait eu lieu le 11. Après un examen plus libre et plus réfléchi de la disposition des troupes, on s'est convaincu que cette nouvelle était prématurée. Andréossy lui même à dit hier au c-te de Stadion que d'après ses avis, l'armée était encore a 40 milles de Varsovie, qu'il serait semblable cependant qu'un parti eût poussé jusque là, mais que cela n'était pas vraisemblable".

Императоръ Александръ досадовалъ въ описываемое нами время не на одну только Австрію. Разбитая, уничтоженная Пруссія по малой мѣрѣ странно относилась къ союзнику, поспѣшившему, послѣ полученія извѣстія о первыхъ ея пораженіяхъ, обѣщать подмогу и союзъ, Государь объявилъ находящемуся при немъ прусскому посланнику графу Гольцу, что въ глазахъ его интересы Россіи были тождественны съ интересами Пруссіи и, что благо первой требуетъ поддержки второй. Александръ Павловичъ не переставалъ вѣрить, что примѣръ соединенныхъ противъ Франціи силъ обоихъ государствъ подѣйствуютъ и на Австрію, и увлечь ее къ войнѣ. Такія великодушныя изліанія были, однако, холодно принимаемы прусскимъ королемъ. Безсознательная самонадѣянность пруссаковъ уступила теперь мѣсто паническому страху. Никакихъ энергическихъ мѣръ не принимали для прокормленія, обмундированія и вооруженія во всемъ нуждавшихся остатковъ прусской арміи. Послѣ каждой новой побѣды Наполеона, безпорядокъ и смятеніе все болѣе усиливались. Лучшіе, изъ посредственныхъ вообще, прусскихъ генераловъ были или убиты, или тяжело ранены. Послѣ сдачи Меллендорфа, подписавшаго капитуляцію умирающею рукою, послѣдавало при Пренцлау плѣненіе арміи князя Гогенлое, затѣмъ Нею открыла свои ворота Магдебургская крѣпость и побѣдителю достались 23,000 плѣнныхъ со всею артиллеріею. Въ руки французовъ палъ Штетинъ; цѣлыя дивизіи слагали оружіе почти безъ выстрѣла, сильныя крѣпости сдавались легкимъ кавалерійскимъ отрядамъ. Съ Саксоніею Наполеонъ поспѣшилъ заключить миръ. Курфюрстъ ея возведенъ былъ въ королевское достоинство и включенъ въ рейнскую

конфедерацію. Такимъ образомъ, онъ становился вассаломъ Франціи и войска его, вчера еще дравшіяся рядомъ съ пруссаками, выступили теперь противъ своего бывшаго союзника. Окруженный непроходимыми болотами Кюстринъ, а за нимъ Шпандау, Гамбургъ, Бременъ и, послѣ жестокаго кровопролитія, Любекъ достались въ руки побѣдоносной Франціи. Курфюрстъ Гессенскій и герцогъ Брауншвейгскій лишены были своихъ владѣній, и Наполеонъ, изъ любимаго Фридрихомъ Великимъ Санъ-Суси, сочинялъ блестящіе бюллетени о своихъ побѣдахъ. Король прусскій искалъ спасенія на границахъ Россіи, на предложенія которой, несмотря на отчаянное положеніе свое, онъ продолжалъ отвѣчать какъ-то уклончиво. Гаугвицъ, Цастровъ и вся преданная Франціи партія не потеряла своего значенія при изгнанномъ берлинскомъ дворѣ. Несмотря на мольбы королевы Луизы и барона Штейна, король только думалъ о томъ, какъ-бы помириться съ Наполеономъ. Къ послѣднему въ Берлинъ съ униженною мольбою о перемиріи отправленъ былъ маркизъ Луккезини. Русскихъ генераловъ, спѣшившихъ переступить черезъ границу, просили остановить на время движеніе впередъ а король, непонимавшій почему Луккезини такъ долго задерживаютъ въ Берлинѣ, отправилъ извѣстнаго сторонника Франціи генерала Цастрова съ новымъ еще болѣе унизительнымъ письмомъ къ счастливому ея императору. Фридрихъ-Вильгельмъ въ письмѣ этомъ извинялся, какъ провинившійся школьникъ. Онъ молилъ о пощадѣ, предлагалъ изгнать русскія войска, спѣшившія къ нему на защиту, и выражалъ надежду, что Наполеонъ согласится на неразрывный союзъ между Франціею и Пруссіею. Луккезини задержали въ Берлинѣ непомѣрныя требованія Наполеона. Онъ не смѣлъ на нихъ согласиться и собирался уже ѣхать обратно, когда Цастровъ остановилъ его. Императоръ французовъ требовалъ уступки всѣхъ областей между Эльбою и Рейномъ, уплаты контрибуціи въ сто милліоновъ франковъ, и обязательства впредь не вмѣшиваться въ дѣла Германіи. Вслѣдъ за пріѣздомъ Цастрова въ французскій главный штабъ, пришло еще одно письмо отъ короля на имя Наполеона, показавшееся извѣстному историку Шлоссеру до того постыднымъ, что онъ не рѣшился привести его въ своей исторіи XVIII и начала XIX столѣтій. Прусскій монархъ бросался прямо къ ногамъ своего побѣдителя. При видѣ такого униженія, Наполеонъ понялъ, что могъ еще требовать большаго и заявилъ, что миръ желаетъ онъ подписать только единовременно съ Россіею, Англіею и Пруссіею, а послѣдней, и то на крайне унизительныхъ условіяхъ, согласенъ даровать одно только перемиріе. Національная партія, съ королевою во главѣ, напрасно умоляли короля выѣхать на-встрѣчу вступившимъ уже въ Пруссію русскимъ войскамъ; по совѣту Гаугвица король удалился отъ нихъ въ Кенигс-

бергъ. Между русскими военными властями и прусскими генералами не было никакого общенія. Въ королевскій лагерь прибыли Луккезини, Цастровъ и присланный Наполеономъ для переговоровъ Дюрокъ. Войска Наполеона должны были занять весь правый берегъ Вислы до впаденія въ нее Нарева, со всѣми находящимися на этой сторонѣ крѣпостями. Цѣлыя сутки провелъ Дюрокъ въ лагерѣ и только послѣ долгаго ожиданія, удостоился онъ наконецъ, пріема. Всѣ съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидали какой будетъ отвѣтъ короля на предложенія императора французовъ. Въ послѣднюю минуту національная партія взяла верхъ, и король объявилъ, что принять французскихъ предложеній онъ не можетъ. Это случилось 22-го Ноября новаго стиля и только съ этого дня начались оффиціальныя сношенія прусскаго правительства съ генераломъ Бенингсеномъ, который съ своими товарищами не могъ не подивиться странному пріему, оказываемому русскимъ войскамъ въ странѣ, на спасеніе которой они такъ спѣшили. Гаугвицъ, вслѣдъ за отказомъ короля, подписать предложенныя Наполеономъ условія, подалъ въ отставку, но въ совѣтахъ прусскаго монарха оставались по прежнему Луккезини и Цастровъ, не менѣе перваго преданные Франціи. Цастровъ былъ даже назначенъ преемникомъ Гаугвица. Бенингсенъ и его товарищи, готовившіеся къ бою съ Наполеономъ изъ-за Пруссіи, опасались какъ бы берлинскій дворъ въ минуту нежданной перемѣны въ политикѣ не передалъ составленный ими планъ кампаніи французамъ. Опасались не одни они, несмотря на разрывъ съ Франціею, король по прежнему оставался въ какой-то нерѣшительности и сторонники народной партіи дрожали при мысли о новомъ сближеніи съ Наполеономъ [1]). Русскіе военачальники не могли не донести Государю и военному министру о той странной встрѣчѣ, которая ихъ ожидала въ Пруссіи. Самъ король, обращаясь къ Александру Павловичу, сейчасъ же послѣ разрыва съ Франціею, писалъ къ спѣшащему на его помощь избавителю далеко не въ томъ униженномъ тонѣ какъ къ Наполеону. Все это не могло радовать Императора Александра и настроеніе его было довольно мрачное. Вполнѣ убѣжденный въ холодномъ и притомъ двуличномъ образѣ дѣйствій прусскаго короля относительно Россіи, онъ, однако, попрежнему протягивалъ ему свою руку, обѣщалъ подмогу, но при этомъ не скрывалъ, что при прусскомъ дворѣ есть много противниковъ союзу съ Россіею, готовыхъ при первой возможности поставить Пруссію въ полную зависимость отъ Франціи. Государь надѣялся, что тѣсный союзъ между Россіею и Пруссіею сильно подѣйствуетъ на вѣнскій дворъ, что послѣдній рѣшится, наконецъ, приступить къ

[1]) Schlosser. Geschichte des XVIII. Jahrhunderts. VII. 178—212.

третьей коалиціи противъ Наполеона и что примѣру этому послѣдуютъ и другія государства, отказывавшіяся до сихъ поръ принять участіе въ войнѣ. Не смотря, однако, на эту увѣренность, извѣстія, приходившія въ Петербургъ изъ Вѣны по прежнему были неутѣшительны. Тамъ тоже царствовала по обыкновенію почти такая же нерѣшительность какъ и въ прусскомъ лагерѣ. Императоръ Францъ столь же опасался Россіи сколько и Франціи. Испуганному его воображенію безпрестанно представлялась возможность мира между Наполеономъ и Александромъ I, на основаніи полюбовнаго дѣлежа Европы. „Тогда-то наступитъ, говорилъ въ минуты откровенности Францъ I своимъ приближеннымъ, самое опасное время для Австріи" [1]). Тогда Россія утвердится на Босфорѣ и вокругъ нея сольются славянскія племена. Объ этихъ страхахъ, разумѣется, Разумовскому не говорили, а только усерднѣе прежняго старались оттянуть рѣшительный отвѣтъ, котораго такъ настойчиво требовали изъ Петербурга. Все то, что посолъ сообщалъ австрійскимъ министрамъ касательно рѣшеній русскаго кабинета оказывалось теперь недовольно положительнымъ и подробнымъ. Чтобы успокоить, однако, графа Андрея Кирилловича, начинавшаго терять всякое терпѣніе, графъ Стадіонъ подъ секретомъ сообщилъ ему о предполагаемой отправкѣ особаго уполномоченнаго къ Наполеону съ цѣлью разузнать о тайныхъ его намѣреніяхъ и о той будущности, которую онъ готовитъ Астріи. Коль-скоро свѣдѣнія эти будутъ получены, вѣнскій дворъ, какъ предполагалъ Разумовскій, по всей вѣроятности, приметъ какое-нибудь окончательное рѣшеніе [2]).

Александра Павловича депеши Разумовскаго крайне раздражали. Въ нихъ постоянно повторялось одно и то же и ясно было что дѣло впередъ не подвигалось. Государю казалось, что Австріи необходимо вмѣшаться въ борьбу для собственнаго ея блага и онъ рѣшилъ, что графъ Андрей Кирилловичъ дѣйствуетъ вяло и неумѣло и что человѣку талантливому не трудно бы было убѣдить вѣнскій дворъ въ собственной выгодѣ. Однако, совѣты кавалера Мальи не были забыты и окончательная смѣна Разумовскаго показалась въ настоящую пору неудобною. Послѣ долгихъ совѣщаній между министрами, въ которыхъ принималъ участіе и нареченный преемникъ графа Андрея Кирилловича, Куракинъ, рѣшено было отправить въ Вѣну на подмогу послу талантливаго человѣка, хорошо знакомаго съ европейскою политикою. Ему предполагалось поручить временную, чрезвычайную и притомъ тайную миссію. Выборъ Государя остановился на Поццо-ди-Борго; изъ всѣхъ лицъ, служившихъ въ то время при министерствѣ

---

[1]) Соловьевъ. Императоръ Александръ I. 143—144.
[2]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 24 Ноября.

иностранныхъ дѣлъ, онъ казался ему самымъ способнымъ. На успѣхъ, тѣмъ болѣе, разсчитывали, что Англія, забывъ прежнюю свою разсчетливость, дѣлала теперь повидимому довольно блестящія обѣщанія Россіи касательно денежной помощи. Породившаяся въ головѣ Наполеона, во время его пребыванія въ Берлинѣ, мысль о континентальной системѣ успѣла уже долетѣть до Лондона и британское министерство напрягло теперь всѣ свои силы, чтобы подвигнуть сѣверныя державы къ борьбѣ съ Франціею.

„S. M. I.,—сообщалъ по этому случаю Разумовскому Будбергъ отъ 19 Ноября,—voulant s'expliquer avec la cour de Vienne d'une manière précise et sans perte de temps surtout plein d'objets relativement auxquels il serait trop long de s'étendre par écrit, a jugé à propos d'en charger le colonel Pozzo di Borgo, qui aura l'honneur de remettre la présente à v. e. Cet officier, étant parfaitement au fait des intentions de notre auguste Maître, lui a paru d'autant plus propre à être chargé de cette mission, qu'il est connu d'une manière très-avantageuse du ministère autrichien et que par celà même, il aura moins de difficulté à réussir. M. Pozzo di Borgo a ordre de communiquer à v. e. tout ce dont il est chargé et vous voudrez bien, m. le comte, le seconder en tout et travailler de concert avec lui pour parvenir au but désiré“.

ГЛАВА VI.

Миссія Поццо ди Борго.—Пріѣздъ его въ Вѣну.—Кончина графини Е. О. Разумовской.—Состояніе Австріи.—Пріемъ Разумовскаго.—Переговоры съ графомъ Стадіономъ.—Аудіенціи у императора и у эрцгерцога Карла.—Депеши Поццо ди Борго.—Неудача его миссіи.

Поццо выѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ Ноября; его снабдили передъ отъѣздомъ длинною инструкціею, въ которой подробно была изложена цѣль его миссіи. Онъ долженъ былъ убѣдить австрійскій кабинетъ въ томъ, что уничтоженіе Пруссіи угрожало новыми, непредвидѣнными опасностями Австріи, по крайней мѣрѣ столько-же, если не болѣе, чѣмъ Россіи. Расположеніе французской арміи на Одерѣ, походъ ея на Вислу, безпрестанныя сношенія съ поляками, пріемъ, сдѣланный въ Берлинѣ польскимъ эмигрантамъ, все это, по словамъ инструкціи, ясно доказывало, что Наполеонъ рѣшилъ вырвать

Польшу изъ рукъ владѣющихъ ею государствъ и содѣлать въ той или другой формѣ совершенно независимою, преданною Франціи и враждебною, какъ къ Австріи, такъ и къ Россіи. Замыслы Наполеона относительно Польши породились въ головѣ его съ прямою цѣлью дѣйствовать во вредъ габсбургской монархіи. Нельзя было далѣе терять времени и необходимы были мѣры для обузданія зазнававшагося побѣдителя. Императоръ Александръ, увѣренный въ собственныхъ своихъ силахъ, чувствовалъ, что можетъ одинъ оградить Россію отъ нападенія. Но дѣло въ настоящую минуту касалось не до одной только Россіи, но до всей Европы. Поццо приказано было представить Вѣнскому кабинету, что коль скоро Франція укрѣпится между Рейномъ и Вислою, коль скоро она будетъ безконтрольно пользоваться всѣми неисчисленными богатствами этого огромнаго края и ею будетъ возстановлено хотя бы подобіе Польши, то дни Австріи сочтены. Неужели, спрашивали себя въ Петербургѣ, вѣнскій дворъ не видитъ и не чувствуетъ въ каждомъ изъ событій, съ такою быстротою слѣдующихъ въ послѣднее время одно за другимъ, начало собственной своей гибели? Государь требовалъ, чтобы вѣнскій дворъ послѣдовалъ примѣру Россіи и силою оружія остановилъ дальнѣйшіе успѣхи мощнаго врага Европы. По его убѣжденію австрійскія войска должны были немедля занять Франконію и Саксонію и отрѣзать Наполеона отъ Франціи. Разъ путь къ возвращенію французовъ на родину будетъ въ рукахъ у союзниковъ, не трудно воспользоваться броженіемъ умовъ въ Германіи и, съ большею чѣмъ когда-либо надеждою на успѣхъ, вступить въ борьбу съ Наполеономъ. 150 тысячная армія фельдмаршала графа Каменскаго, расположенная въ виду главныхъ силъ непріятеля, лишитъ его возможности успѣшно защищаться на другихъ пунктахъ. Поццо ди Борго отъ имени Государя долженъ былъ обѣщать Австріи помощь Россіи и со стороны Италіи. Хотя Государь и не бралъ на себя отвѣтственность за дальнѣйшія рѣшенія короля прусскаго, однако Поццо предписано было завѣрить самымъ положительнымъ образомъ, что со стороны Россіи приняты всѣ мѣры, чтобы отклонить берлинскій дворъ отъ постыднаго мира. Если бы однако униженіе Пруссіи было завершено подобнымъ раболѣпствомъ, Императоръ всероссійскій непреклонно рѣшился вести одинъ борьбу съ Наполеономъ и считать прусскую территорію со всѣми ея крѣпостями, открытою для армій обѣихъ имперій. Въ виду неминуемой опасности, грозящей Европѣ, и важности предстоящей борьбы, въ Петербургѣ считали неудобнымъ въ данную минуту предаваться разсчетамъ мелкой политики. Благоразуміе предписывало не запутывать крайне затруднительнаго положенія договорами о раздѣлахъ, вознагражденіяхъ и вообще пріобрѣтеніяхъ въ будущемъ, какимъ бы ихъ именемъ ни называли. Всякими подоб-

ными сдѣлками, по мнѣнію Государя, разглашеніемъ ихъ прежде другихъ могъ воспользоваться самъ Наполеонъ и дѣйствовать на общественное мнѣніе Европы во вредъ союзникамъ. Въ случаѣ особеннаго настаиванія со стороны вѣнскаго двора, Поццо разрѣшалось набросать проектъ конвенціи, но съ тѣмъ, чтобы она касалась исключительно до существенныхъ основъ обоюдной защиты и образа веденія войны. Уполномоченному даже подъ секретомъ давалось право заключить подобную конвенцію въ томъ случаѣ если императоръ Францъ рѣшится на наступательный союзъ съ Россіею, но только на слѣдующихъ условіяхъ: 1) не заключать ни мира, ни перемирія, ни даже останавливать на время военныхъ дѣйствій безъ согласія Россіи, 2) дѣйствовать противъ Наполеона всѣми силами Австріи; что же касается до Россіи, то она уже выставила 150,000 армію, содержаніе которой приняла на себя и 3) предварительно составить общій планъ войны. Если бы вѣнскій дворъ принялъ предлагаемый союзъ, Поццо предписано было немедля извѣстить о томъ англійское правительство. Императоръ Александръ бралъ на себя ходатайство въ Лондонѣ о поддержкѣ союзныхъ государствъ флотомъ, и, что было еще важнѣе, деньгами. Поццо долженъ былъ съ своей стороны сговориться о субсидіяхъ съ Адеромъ и требовать его содѣйствія для убѣжденія австрійскаго кабинета. Относительно Турціи Поццо долженъ былъ торжественно заявить, что Государь никакихъ новыхъ завоеваній на Востокѣ дѣлать не намѣренъ [1]).

Кромѣ подробной инструкціи Поццо переданы были еще два собственноручныхъ письма Государя: одно къ императору Францу, а другое къ эрцгерцогу Карлу, который, какъ извѣстно было по депешамъ Разумовскаго, пользовался въ то время преобладающимъ значеніемъ при вѣнскомъ дворѣ. Поццо предписано было стараться о томъ, чтобы миссія его оставалась секретною въ Вѣнѣ. Онъ долженъ былъ сговориться объ этомъ съ Стадіономъ, предварительно посовѣтовавшись съ Разумовскимъ. Уполномоченному разрѣшалось переданныя ему порученія довѣрить или вполнѣ, или только отчасти, по личному его усмотрѣнію, графу Андрею Кирилловичу, привлекая его по мѣрѣ нуждъ къ совокупной дѣятельности.

Близко знакомый съ вѣнскимъ обществомъ и тою политикою, которой постоянно держался австрійскій дворъ, Поццо ди Борго мало надѣялся на успѣхъ. Онъ былъ увѣренъ, что Разумовскій употребилъ уже всѣ усилія для убѣжденія вѣнскаго кабинета и неохотно ѣхалъ поправлять предполагаемые промахи человѣка, съ которымъ давно былъ связанъ узами дружбы и которому обязанъ былъ своимъ настоящимъ

[1]) Инструкція, данныя Поццо Будбергомъ отъ 14 Ноября.

положеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, только депешамъ Разумовскаго обязанъ былъ Поццо пріемомъ, сдѣланнымъ ему въ Россіи и скорымъ своимъ представленіемъ Государю.

Пріѣздъ Поццо ди Борго былъ для графа Андрея Кирилловича во всѣхъ отношеніяхъ несвоевременен. Графиня Елизавета Осиповна была при смерти и въ то время, когда доложили послу о пріѣздѣ уполномоченнаго изъ Петербурга, ее соборовали. Черезъ нѣсколько дней, 11 Декабря, она скончалась, къ истинной горести многочисленныхъ друзей, которые даже въ глубокой старости съ особеннымъ чувствомъ вспоминали про любезную и обворожительную графиню Разумовскую. Графъ Андрей Кирилловичъ считался въ Вѣнѣ не безукоризненно вѣрнымъ мужемъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ искренно привязанъ къ своей любезной женѣ, хорошо знавшей всѣ продѣлки мужа и никогда, несмотря на это не надоѣдавшей ему своею ревностью. Хотя изнурительная болѣзнь уже давно заставила графиню отказаться отъ блестящихъ пріемовъ и свѣтскихъ выѣздовъ, однако въ Rasoumovskische palais, какъ его называли въ Вѣнѣ, на раннія вечернія бесѣды продолжалъ по прежнему собираться цвѣтъ австрійскаго общества. Легкомысленная и вѣтренная вѣнская аристократія, среди которой графиня Разумовская такъ долго занимала чуть ли не первое мѣсто, не забывала своей любимицы въ послѣдніе дни ея тяжкихъ страданій. Вся Вѣна съ любовію и сочувствіемъ пріѣзжала на отдаленную отъ центра города Ландштрассе, чтобы освѣдомиться о здоровьи всѣми любимой русской посольши. Горе Разумовскаго было неподдѣльное, особенно въ первое время. Поццо засталъ посла подавленнаго горемъ. Пріемъ ему сдѣланный былъ вполнѣ радушный, хотя Разумовскій и сознавалъ, что присылка чрезвычайнаго уполномоченнаго окончательно доказывала отсутствіе всякаго къ нему довѣрія въ Петербургѣ. Онъ старался въ политическихъ переговорахъ съ Стадіономъ и Поццо ди Борго, въ сочиненіи депешъ и донесеній заглушить свое горе. Поццо, съ своей стороны, глубоко тронутый пріемомъ Разумовскаго, свиданія съ которымъ онъ невольно опасался, откровенно изложилъ ему всю суть своего порученія, ничего отъ него не скрывая и, со дня пріѣзда своего въ Вѣну, ничего не предпринималъ не переговоривъ и не посовѣтовавшись съ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ.

„M. Pozzo di Borgo,—доносилъ Будбергу Разумовскій отъ 1 Декабря 1806,—vient d'arriver. On donnait le même jour l'extrême onction à ma femme, que je suis menacé de perdre d'un instant à l'autre. Au milieu de ces soins accablants, j'ai à peine eu le loisir de parcourir l'expédition dont m. Pozzo se trouvait chargé. Je m'en occuperai incessamment. Je m'empresse de transmettre à v. e. cet avis prélimi-

naire. J'ai profité pour cela de l'occasion qui m'était offerte du courrier prussien qui passe par nos frontières pour rejoindre le quartier-général du roi. Cet exprès se trouve chargé du rapport du c-te de Finckenstein sur le résultat des offices qu'il a été chargé de faire ici. Les injonctions à cet égard lui étaient parvenues par courrier et la dépêche se trouvait écrite immédiatement après que S. M. eût rejeté l'armistice. Le c-te de Finckenstein m'a donné lecture de cette dépêche; elle porte en substance que le roi avait refusé son approbation à un acte également contraire à son honneur, a sa dignité, à l'intérêt de ses états; qu'il s'était jeté entièrement entre les bras de S. M. l'Empereur de toutes les Russies et qu'il s'était engagé à ne faire ni paix, ni trève avec la France sans son accord formel. C'est à cet avis et à ces assurances que S. M. a rallié ses instructions et ses ordres à son ministre, en le chargeant de tenter tout ce qui serait humainement possible pour engager cette cour-ci à réunir ses forces à celles de la même cause. Le c-te de Finckenstein a été à portée de faire lire cette dépêche à S. M. l'empereur lui-même. Il s'est adressé à son ministre et la réponse du c-te de Stadion a été que dans la crise actuelle, où l'on ne déguisait point le danger direct, dont on était menacé pour la suite, on s'était décidé à s'expliquer avec la cour de Russie: que l'on espérait de sa part des communications intimes et détaillées sur ses vues et ses déterminations, pour pouvoir en venir à des mesures décisives. V. e. voit que cela retourne à ce que j'ai eu l'honneur d'informer à différentes reprises des développements que l'on attend ici pour pouvoir prendre un parti".

„M. Pozzo di Borgo est arrivé à Vienne, comme j'ai eu l'honneur de l'annoncer à v. e. le 1-er,—доносилъ далѣе отъ 12 Декабря Разумовскій.—Elle connaît le lugubre appareil que présentait alors mon intérieur. Depuis cette époque l'état de santé de mon épouse à toujours empiré. Elle est décédée hier et, pendant qu'elle est exposée sur son lit de parade, je suis occupé de ce rapport. Les soins du service contiennent ma douleur profonde et, si les objets que j'ai à présenter ne le sont que dans leur substance, les développements que doivent renfermer les relations de m. de Pozzo, complèteront la mienne. Au milieu des circonstances, que j'ai du rappeler malgré moi, j'ai pu le jour même de son arrivée lui donner trois heures d'entretien. Après avoir été instruit à fond de la nature et des formes de sa mission, je crus que le plus convenable serait de le mettre à portée de voir directement le ministère, de suivre et de débattre lui-même la question, tandis qu'autant que possible je l'assisterai de ma coopération, combinant nos données et l'éclairant des lumières acquises. Il a eu trois conférances chez le c-te de Stadion, dont la dernière lui fut assignée la

veille même de l'audience qui lui à été accordée de la part de S. M. I. et où je l'ai conduit dimanche le 9. Il est évident qu'elle ne fut différée, que parce que dans l'intervalle on débattu l'objet de nos offices et de nos démarches et parce que l'on a voulu avoir des déterminaisons fixes, avant de laisser intervenir le souverain. J'avais suivi depuis trop longtemps tout ce qui pouvait m'éclairer à cet égard. J'en avais prévenu m. Pozzo et il s'est convaincu que rien ne peut ébranler pour le moment actuel le parti pris de la plus stricte neutralité. Le récit de sa négociation mettra en évidence les raisonnements et les principes dont on s'appuie. La lettre autographe de S. M. I. à S. M. l'Empereur notre auguste Maître les exposera séparément dans toute leur étendue et je me bornerai à quelques remarques qui appartiennent à l'audience même que nous eûmes chez l'empereur. En nous parlant de la situation présente des choses, ce souverain nous dit entre autres, que du côté de la France rien ne s'opposait à cette sévère et imposante neutralité que l'on avait adoptée et que par conséquent c'était le système qui convenait à la tranquillité et à la sûreté de ses états. Je ne laissai point tomber cette remarque. Mes remontrances eûrent la chaleur de l'exemple et de la conviction. Je montrai à S. M. I. le danger de cette sécurité et le réveil de Bonaparte, qui, une fois affermi dans les positions environantes, n'avait plus qu'à dicter des lois, soit pour comprimer cette cour-ci dans une nullité absolue, soit pour l'employer en sous ordre à ses projets particuliers et la circonscrire irrévocablement dans une clientèle passive, soit pour violer impunément son territoire, envahir ses provinces et lui faire une guerre à mort. Ces observations sont irrécusables. Je les avais faites de même au ministère. Mais le parti est pris et l'on préfère l'état d'une tranquillité précaire avec toutes ses incertitudes à toute autre mesure. Cependant il faut le dire, l'occupation de la Moldavie par nos troupes est ce qui, à travers de tous les motifs de cette neutralité, parait avoir l'influence la plus directe. On déguise, mais on déguise mal les craintes particulières que cela a inspiré et l'on en tire principalement l'argument dont le c-te de Meerfeldt s'est servi et que l'empereur ainsi que le ministère ont opposé à nos remontrances: „que les dangers, que cette seconde guerre, qui paraît inévitable à cause de cette occupation, présentait, feraient tort à la grande cause, qui aurait exigé pour une confiance de succès, la masse entière de nos forces réparties aujourd'hui dans l'entreprise d'une double guerre qui fait naître ou prétexter l'appréhension d'une insuffisance de moyens à opposer à chacun de nos ennemis. Je termine un exposé qui s'est étendu au-de-là de ce que j'espérais. Je résume les résultats. Ce sont ceux d'une persévérance in-

variable pour le moment dans les principes et l'observation de la plus stricte neutralité".

Слухи о миссіи Поццо ди Борго дошли до французскаго лагеря, Наполеонъ поспѣшилъ отправить въ Вѣну Монтескье, украшеннаго, какъ выражался въ депешѣ своей отъ 13-го Декабря Разумовскій, всѣми ключами и орденами новаго императорскаго двора. Монтескье явился съ цѣлью противодѣйствовать внушеніямъ Поццо и побудить императора Франца къ какому-либо сочувственному изъявленію въ пользу Франціи. Отъ послѣдняго вѣнскій дворъ отказался, но въ то же время Стадіону было крайне сподручно присутствіе въ Вѣнѣ французскаго уполномоченнаго, именно въ ту минуту, когда явился къ австрійскому двору Поццо ди Борго съ требованіемъ о немедленномъ содѣйствіи. Въ виду Монтескье было какъ то легче отказать Россіи. Вице-канцлеръ счелъ долгомъ извѣстить Разумовскаго о пріѣздѣ французскаго посланца, подчеркивая при этомъ, что онъ не привезъ съ собою никакихъ новыхъ предложеній и что со стороны Наполеона не предвидится ничего, могущаго заставить Австрію отказаться отъ своего нейтралитета. Въ то же время вице-канцлеръ секретно сообщилъ графу Андрею Кирилловичу, что императоръ Францъ рѣшилъ отправить къ Наполеону того уполномоченнаго, о посылкѣ котораго, какъ мы видѣли выше, Стадіонъ предупреждалъ русскаго посла, тому назадъ нѣсколько времени. Выборъ Франца I палъ на генерала Венсана (Vincent), человѣка опытнаго въ дипломатическихъ дѣлахъ и уже занимавшаго важный постъ временнаго посла въ Парижѣ, вслѣдъ за заключеніемъ пресбургскаго мира. Стадіонъ не скрылъ отъ Разумовскаго, что Венсана отправляли во французскій лагерь съ цѣлью, по мѣрѣ возможности, разузнать о тайныхъ намѣреніяхъ Наполеона, но о другой болѣе важной причинѣ миссіи русскому послу не сообщили.

Австрія изнывала подъ бременемъ противоположныхъ требованій. Франція навязывала ей союзъ, Россія безпрестанно взывала о дѣятельномъ содѣйствіи. Такое страдательное положеніе становилось невыносимымъ, тѣмъ болѣе, что мысль о возможности для обѣихъ воюющихъ сторонъ напасть на точку соглашенія, а затѣмъ, примириться, оставивъ Австрію совершенно въ сторонѣ, сильно тревожила тамошнихъ государственныхъ мужей. И самъ императоръ и вице-канцлеръ его съ сокрушеніемъ помышляли о той жалкой будущности, которой обречена будетъ Австрія, въ случаѣ если осуществится миръ между Россіею и Франціею. Оба императора стали бы тогда непріязненно взирать на своего третьяго собрата, нежелавшаго принять участія въ ихъ распрѣ. Вѣнскій дворъ былъ увѣренъ, что точкою соглашенія между Императоромъ Александромъ и Наполеономъ можетъ только быть Турція. Среди всѣхъ опасеній австрійскаго правительства на

первомъ планѣ постоянно стоялъ восточный вопросъ, о которомъ, скажемъ мимоходомъ, въ описываемое нами время, гораздо болѣе думали въ Вѣнѣ, чѣмъ въ Петербургѣ. Австрійскіе министры не сомнѣвались, что ради рѣшенія этого вопроса въ пользу Россіи, Александръ Павловичъ охотно согласится пожертвовать всякимъ другимъ соображеніемъ. Въ виду этого и императору Францу, и Стадіону пришло на мысль вывести Австрію изъ крайне затруднительнаго положенія и, не выставляя ни единаго солдата, не затрачивая копѣйки денегъ, принять на себя, такъ сказать даромъ, роль посредниковъ между Россіею и Франціею. При этомъ можно было даже разсчитывать на какое-либо вознагражденіе а, во всякомъ случаѣ, вполнѣ надѣяться на полную благодарность двухъ сильнѣйшихъ въ Европѣ державъ [1]).

Всѣ эти замыслы оставались для Разумовскаго тайною. Хотя онъ и не вѣрилъ внезапному рѣшенію Австріи, однако, онъ не терялъ надежды, что со временемъ состоится дѣятельный союзъ съ петербургскимъ дворомъ.

„La conduite des cabinets, qui ne sont pas encore en lutte, —доносилъ онъ Будбергу,—ne dépend plus pour le lendemain du système de la veille. Le torrent des évènements entraine les rapports, précipite les situations et c'est quelque chose du moins que d'être fondé à ne point douter, que lorsqu'une commotion quelconque atteindra cette cour-ci, elle n'écoutera que la voix de l'honneur, celle de son attachement constant et de ces anciennes alliances. Cette même voix enfin à laquelle elle se serait livrée peut-être, si une circonstance favorable aux armées coalisées lui avait présenté des chances moins imminentes pour les mesures qu'elle aurait prises [2])“.

Въ то время, какъ вѣнскій дворъ дрожалъ при одной мысли о восточномъ вопросѣ, Будбергъ старался всячески его успокоить, на счетъ мѣръ, принятыхъ Россіею въ отношеніи къ Турціи. По мнѣнію русскаго министра благое послѣдствіе этихъ мѣропріятій должно было отозваться прежде всего въ самой Вѣнѣ. Силы Россіи были еще не тронуты, а богатства ея неисчерпаемы. По повелѣнію Императора Александра созвана была милиція и такимъ образомъ въ тылу армій, собранныхъ на границахъ, образовалось еще новое войско въ 600,000 человѣкъ, не считая офицеровъ. При такихъ наличныхъ силахъ не трудно было ихъ раздѣлить на двѣ части, во всякомъ случаѣ это было несравненно легче для Россіи, чѣмъ для Австріи. Вѣроятно, замѣчалъ не безъ ироніи баронъ Будбергъ, вѣнскій дворъ первый въ этомъ убѣдится, такъ какъ до сихъ поръ не рѣшается вступить въ

---

[1]) Соловьевъ. Императоръ Александръ I. 145.

[2]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 13 Декабря.

борьбу, отъ которой зависитъ, однако, цѣлость и безопасность не только Европы, но и самой габсбургской монархіи. Настоящій кризисъ, по мнѣнію петербургскаго двора, имѣлъ совершенно равное значеніе для обѣихъ имперій. Всѣмъ было извѣстно, что оттоманская порта, только вслѣдствіе наущеній Франціи, искала разрыва съ Россіею. Благодаря Себастіани, всѣ ея усилія были устремлены къ отклоненію того плана, которымъ исключительно былъ занятъ русскій дворъ, а планъ этотъ состоялъ въ положеніи преграды къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ Наполеона. Итакъ, дѣйствуя открыто противъ Турціи, Россія помогала и Австріи, для которой успѣхи французскаго императора, были по малой мѣрѣ, столь же опасны и вредны, сколько и для ея союзницы. Занятіе Молдавіи и Валахіи русскими войсками было направлено не противъ одной только Турціи, оно задерживало еще дальнѣйшіе успѣхи французовъ, какъ въ Далмаціи, такъ и въ Италіи. Наполеонъ не могъ теперь напасть на Австрію, по крайней мѣрѣ съ этой стороны; онъ зналъ что, въ дунайскихъ княжествахъ сосредоточены благоустроенныя русскія силы, всегда готовыя защитить свою союзницу и вполнѣ увѣренныя въ дѣятельномъ сочувствіи мѣстныхъ населеній. Въ Петербургѣ не понимали чего могла опасаться Австрія; Государь уже неоднократно и притомъ торжественно заявлялъ, что онъ никакихъ новыхъ пріобрѣтеній дѣлать не намѣренъ. Если Россія чѣмъ страдала, то это ея громадностью. Единственною цѣлью Государя, возстановить въ Европѣ общій миръ и равновѣсіе. Цѣль эту Россія никогда не выставляла впередъ для достиженія какихъ-либо личныхъ выгодъ. То знаетъ весь свѣтъ и, быть можетъ, никто болѣе Австріи, часто получавшей отъ императора Александра самыя несомнѣнныя доказательства искренней дружбы и привязанности. Занятіе дунайскихъ княжествъ, взятіе Бендеръ и Хотина должны только открыть глаза турецкому дивану и доказать ему какъ опасны коварные совѣты Франціи. Въ виду этого Будбергъ твердо надѣялся, что безпокойство Вѣнскаго кабинета вскорѣ разсѣется. Оттоманской портѣ уже объяснено, что строгія мѣры, на которыя нехотя рѣшилась Россія, не помѣшаютъ возвращенію прежнихъ дружественныхъ сношеній, если только со стороны султана Селима обращено будетъ должное вниманіе на вполнѣ справедливыя требованія Россіи [1]).

Но отъ Поццо ди Борго доходили въ Петербургъ самыя неутѣшительныя извѣстія. Въ первой своей депешѣ онъ представлялъ характеристику австрійскаго двора далеко для послѣдняго не лестную. По словамъ русскаго тайнаго уполномоченнаго, Наполеонъ содержалъ вѣнскій кабинетъ въ постоянномъ страхѣ и подчиненіи. Огромныя

[1]) Депеша Будберга къ Разумовскому отъ 7 Декабря.

потери Австріи во время послѣдней войны, совершенное разстройство финансовъ, отсутствіе дарованія, стойкости и всякихъ убѣжденій въ лицахъ, занимающихъ главныя государственныя должности, вполнѣ свидѣтельствовали о полной несостоятельности габсбургской монархіи. Она держалась, по мнѣнію Поццо, своею долговѣчностью и преданіями прошлаго. Эти преданія удерживали ее отъ окончательнаго разложенія и дозволили правительству хоть нѣсколько исправить положеніе арміи, пополнить войска, кое-какъ обмундировать солдатъ, завести, вмѣсто разрушенныхъ французами, новые арсеналы и, наконецъ, нѣсколько запастись новымъ оружіемъ. Готовясь къ войнѣ съ Пруссіею, Наполеонъ сталъ особенно ласково и любезно относиться къ Австріи. Вѣнскій дворъ почиталъ новую германскую войну, начавшуюся у самыхъ границъ имперіи, почти за спасеніе. Взоры тюилерійскаго двора не были уже сосредоточены на Австріи и, пользуясь борьбою Франціи съ Пруссіею, вѣнскіе министры надѣялись создать своему отечеству независимое положеніе. Послѣднія средства страны употреблены были на вооруженіе. Рѣшено было держаться строгаго нейтралитета и всѣ въ Вѣнѣ надѣялись, что Австрія будетъ крѣпнуть въ то время, какъ сосѣднія державы станутъ изнурять себя войною, и что настанетъ наконецъ часъ, когда она, полная силъ, воспользуется своимъ положеніемъ среди общаго истощенія. Въ Богеміи была собрана сильная 70,000-ная армія и благодаря новымъ наборамъ все войско австрійское достигало до числа 200,000 человѣкъ. Вѣнскій дворъ, чувствуя будущую свою силу и надѣясь, что дѣло до него не скоро еще дойдетъ, разглагольствовалъ о твердости и храбрости, съ которою онъ намѣренъ былъ выдержать свой нейтралитетъ. Быстрота, съ которою Наполеонъ разгромилъ Пруссію, невольно всѣхъ въ Вѣнѣ озадачила. Подъ обаяніемъ своихъ новыхъ побѣдъ, Наполеонъ обратилъ грозный взоръ на Вѣну. Австрійскому двору, черезъ его повѣреннаго въ Берлинѣ, было Талейраномъ объявлено, что общее вооруженіе и сосредоточеніе арміи въ Богеміи не согласуются съ дружественными чувствами которыя должны существовать между Вѣною и Парижемъ. Испуганный императоръ Францъ поспѣшилъ вывести свою армію изъ Богеміи. Она была двинута въ Галицію и Венгрію; но и здѣсь французы не дозволили австрійскимъ войскамъ стать на границѣ, и ихъ отвели къ Карпатамъ. Въ то время, когда мѣры эти принимались Австріею, отношенія къ ней Франціи снова оттѣнились прежнею ласковостью; но лишь только Наполеонъ получилъ первыя письма короля прусскаго, едва въ Берлинъ прибылъ для переговоровъ маркизъ Луккезини, какъ снова начались мелкія придирки. Императоръ Францъ и Стадіонъ потеряли надежду на возможность сохранить нейтралитетъ и, не предупреждая Разу-

мовскаго, отправили нарочную эстафету въ Петербургъ съ жалобами на Наполеона. Эстафета эта прибыла въ Петербургъ наканунѣ отъѣзда Поццо ди Борго и придала Будбергу много надеждъ относительно благого исхода даннаго ему порученія. Благодаря распутицѣ и холодамъ, Поццо только въ 14 дней и то съ большимъ трудомъ могъ достигнуть Вѣны. Въ это короткое время произошла полная перемѣна въ настроеніи австрійскаго двора. Король прусскій рѣшился, наконецъ, отвергнуть предлагаемыя ему Франціею условія. Наполеону предстояла новая война не только съ Пруссіею, но и съ Россіею, а по Европѣ давно уже ходили слухи о стараніяхъ петербургскаго двора вовлечь Австрію въ войну. Вслѣдствіе этого тонъ французскихъ депешъ внезапно измѣнился и опять посыпались на Вѣну отъ Наполеона изъявленія любезности. Императору французовъ, въ виду новыхъ затрудненій былъ сподрученъ нейтралитетъ Австріи. Въ Вѣнѣ поспѣшили забыть про эстафету, посланную къ Меерфельдту, и австрійское правительство стойче, чѣмъ когда-либо стало держаться излюбленной идеи о нейтралитетѣ. Таково было общее настроеніе, когда Поццо прибылъ въ Вѣну. Осмотрѣвшись немного, онъ набросалъ первыя свои впечатлѣнія на бумагу. Плодомъ его наблюденій явилась вышеприведенная нами характеристика. По мнѣнію Поццо, весь Вѣнскій кабинетъ состоялъ собственно только изъ трехъ лицъ: императора, эрцгерцога Карла и графа Стадіона, всѣ прочіе члены не играли никакой роли. Императоръ, доносилъ уполномоченный, человѣкъ честный и вполнѣ способный на все доброе, но ему необходима твердая нравственная поддержка, которую онъ не можетъ найти въ окружающей его камарильѣ, способной только отнять у этого храбраго на войнѣ монарха всякую твердость и отвагу. Эрцгерцогъ Карлъ воплощалъ въ себѣ всю отрицательную силу имперіи; онъ боялся потерять добытую имъ воинскую славу и заботился только о томъ какъ бы избѣжать новой войны съ Наполеономъ. Наконецъ, послѣдній изъ значительныхъ членовъ кабинета, графъ Стадіонъ, человѣкъ, по убѣжденію Поццо ди Борго, вполнѣ здраво понимающій истинное положеніе Австріи, не пользовался, да и врядъ ли когда и будетъ пользоваться преобладающимъ вліяніемъ на дѣла. Ему поневолѣ приходится защищать передъ иностранными дипломатами чужія убѣжденія, которыхъ онъ самъ не раздѣляетъ. Вообще всѣ вредные элементы, которыми Австрія обязана своему разнородному наслоенію, соединились, по мнѣнію Поццо, чтобы усугубить страхъ, внушаемый правительству французами. Высшая аристократія не только не подавала благого примѣра прочему населенію, но наоборотъ, коснѣя въ невѣжествѣ и праздности, погрязнувъ въ матеріализмѣ, умѣла только порицать всѣ дѣйствія своего монарха, котораго не

любила, заботясь исключительно о сохраненіи своихъ отживших правъ и преимуществъ. Ради этихъ привилегій, по увѣренію Поццо, вѣнскіе магнаты, совершенно равнодушные къ судьбамъ и положенію имперіи, готовы на всякую уступку Франціи. Никто такъ хорошо австрійцевъ не понялъ, какъ Андреосси. Ко всѣмъ власть въ Вѣнѣ имущимъ питалъ онъ глубочайшее презрѣніе и открыто заявлялъ, что до тѣхъ поръ, пока счастіе будетъ улыбаться Франціи, австрійцы ни на что не осмѣлятся.

Въ такихъ темныхъ краскахъ, не вполнѣ согласныхъ съ общимъ тономъ депешъ Разумовскаго, описывалъ Поццо ди Борго, барону Будбергу, состояніе вѣнскаго двора. Сообщивъ по начальству свои впечатлѣнія, новоприбывшій уполномоченный откровенно объяснился съ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ и подробно изложилъ ему какъ самую тайную цѣль своей миссіи, такъ и секретныя письменныя и словесныя предписанія, ему переданныя въ Петербургѣ. Разумовскій, какъ мы уже видѣли выше, несмотря на свое семейное горе, радушно принялъ своего стараго пріятеля, явившагося къ нему въ качествѣ политическаго соперника. Поццо ди Борго, тронутый пріемомъ этимъ поспѣшилъ извѣстить Будберга о своемъ объясненіи съ посломъ.

„L'ambassadeur,—писалъ онъ,—s'offrit de m'assister en tout ce qui pouvait contribuer au service de notre auguste Maître et je dois dire avec vérité que s. e. s'y est employée avec tout le zèle et la diligence possible“.

Стадіонъ былъ предупрежденъ о прибытіи Поццо ди Борго запиской Разумовскаго. На другой же день была уполномоченному назначена аудіенція. Поццо отправился къ вице-канцлеру одинъ, не желая отвлекать графа Андрея Кирилловича отъ постели умирающей жены. Съ Стадіономъ уже онъ былъ знакомъ и, на всякій случай, захватилъ съ собою копіи съ собственноручныхъ писемъ Императора Александра къ Францу I и эрцгерцогу Карлу; подлинники же ему было предписано лично вручить этимъ особамъ. Въ краткихъ словахъ изобразилъ вице-канцлеру Поццо цѣль своей настоящей миссіи, упомянулъ о письмахъ, передалъ Стадіону копіи съ нихъ и по старой дружбѣ просилъ сообщить ему, какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ держать себя въ Вѣнѣ русскому уполномоченному. Вопросъ этотъ тронулъ вице-канцлера, онъ искренно благодарилъ Поццо за то, что онъ не выставлялъ себя впередъ и просилъ его по прежнему не возбуждать вниманія публики, обѣщалъ передать все, ему сказанное, императору, но личнаго своего мнѣнія на счетъ переданнаго ему уполномоченнымъ порученія не высказывалъ, назначая ему черезъ день новое свиданіе. Прощаясь съ Стадіономъ, Поццо заявилъ, что имѣетъ письмо отъ англійскаго посланника въ Петербургѣ Стюарта къ серъ Роберту

Адеру, но желалъ бы предварительно узнать, угодна ли будетъ вѣнскому кабинету передача подобнаго письма и дозволено ли ему будетъ откровенно переговорить съ англіскимъ дипломатомъ о данномъ ему изъ С.-Петербурга порученіи. Вице-канцлеръ сталъ хвалить Адера и отвѣтилъ, что ни онъ, ни его товарищи, противъ полной откровенности къ представителю Англіи ничего возразить не могутъ. Поццо, выказавшій на этомъ первомъ свиданіи съ Стадіономъ полную довѣренность Россіи къ Австріи, поспѣшилъ, вернувшись домой, сблизиться съ Адеромъ. Дружескія отношенія, существовавшія между послѣднимъ и Разумовскимъ, крайне облегчили это дѣло. Адеръ немедля явился на зовъ графа Андрея Кирилловича и скоро въ домѣ послѣдняго завязались между Поццо и англійскимъ посланникомъ самые откровенные и живые переговоры. Получивъ письмо отъ Стюарта, Адеръ, съ своей стороны, сообщилъ русскому уполномоченному не только послѣднія, полученныя имъ отъ двора своего депеши и инструкціи, но еще частныя письма отъ разныхъ вліятельныхъ въ Англіи лицъ, которыя проливали живой свѣтъ на тогдашнее настроеніе британской политики. Адеръ, вслѣдствіе полученныхъ имъ лично предписаній, охотно соглашался поддерживать Поццо въ исполненіи его порученія. Онъ вполнѣ ручался за то, что Англія будетъ ежегодно выплачивать значительную субсидію въ случаѣ согласія вѣнскаго двора принять участіе въ войнѣ и выставить флотъ свой на помощь воюющимъ державамъ. Адеръ былъ даже увѣренъ, что въ самой Вѣнѣ можетъ занять довольно денегъ для первыхъ сборовъ въ походъ. Условившись съ англійскимъ посланникомъ, Поццо съ большею противъ прежняго увѣренностью отправился въ назначенный день на совѣщаніе съ вице-канцлеромъ. Стадіонъ принялъ его очень холодно и прямо заговорилъ о вступленіи русскихъ войскъ въ Молдавію. Онъ рѣзко осуждалъ опрометчивое, по мнѣнію его, рѣшеніе русскаго двора и предсказывалъ, что оно приведетъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Россія зря дробила свои силы и заранѣе уничтожала тѣ свѣтлыя надежды, которыя большинство Европы полагало на успѣхъ ея оружія. Вѣнскій кабинетъ,—говоритъ вице-канцлеръ, — не смотря на искреннія чувства имъ питаемыя къ Россіи, не могъ вѣрить всему тому, что передавалъ ему Разумовскій о рѣшеніи Императора Александра ни въ какомъ случаѣ не дѣлать новыхъ завоеваній. Такого рода обязательства не могутъ быть принятыми заранѣе. Одинъ только исходъ войны можетъ опредѣлить окончательныя рѣшенія Россіи. Кто знаетъ, что въ случаѣ даже не полной удачи, Императоръ россійскій, противъ своего желанія и убѣжденія, не принужденъ будетъ удержать за собою хоть часть турецкой территоріи. Очевидно, что самымъ больнымъ мѣстомъ какъ для Стадіона, такъ и для всего вѣнскаго двора

были турецкія дѣла. Вице-канцлеръ съ горечью замѣтилъ, что въ Вѣнѣ весьма обижены недовѣріемъ и даже неделикатностью русскаго двора къ Австріи, во всемъ, что касалось до Турціи. Тонъ Стадіона задѣлъ Поццо за-живое; онъ съумѣлъ однако сдержать себя, спокойно выслушалъ длинную рацею вице-канцлера и учтиво сталъ возражать ему. Русскому уполномоченному было извѣстно, что однимъ изъ главныхъ противниковъ наступательнаго союза съ Россіею, былъ австрійскій посолъ въ Петербургѣ графъ Меерфельдтъ. Пользуясь своимъ положеніемъ онъ преувеличенно описывалъ вѣнскому правительству жалкое положеніе Россіи, полное разстройство ея финансовъ, плохую администрацію и жалкое состояніе войска; онъ предупреждалъ, что Россію, несомнѣнно, ожидаютъ неудачи на Западѣ и на Югѣ. Имѣя это въ виду, Поццо сказалъ вице-канцлеру, что съ сожалѣніемъ видитъ какъ мало онъ знакомъ положеніемъ Россіи и тѣми причинами, которыя побудили Императора Александра, совершенно противъ воли, двинуть войска свои въ Молдавію. Поццо обратилъ вниманіе Стадіона на чрезмѣрное вліяніе Себастіани въ Константинополѣ, которое было, по мнѣнію его, столь же пагубно для Австріи какъ и для Россіи, и указалъ на то, какъ Наполеонъ всѣми силами старался побудить оттоманскую порту къ борьбѣ съ Россіею. При явной враждебности дивана, нѣтъ возможности оставлять турецкую границу, безъ сильнаго обсерваціоннаго корпуса, а по сдѣланнымъ въ Петербургѣ разсчетамъ, быстрое нападеніе, которое могло бы заставить султана опомниться, едва ли не сопряжено было съ меньшими расходами. Къ тому же, хотя несомнѣнно желательно двинуть всѣ силы Россіи разомъ противъ Наполеона, однако, въ Петербургѣ намѣрены отъ Днѣстровской арміи отдѣлить 40,000 солдатъ и направить ихъ на Вислу. Во всякомъ случаѣ противъ Наполеона выступаетъ грозная сила, и отъ Австріи вполнѣ зависитъ силу эту усугубить. Что же касается до упрека въ неделикатности, то Поццо простодушно объявилъ, что онъ его вовсе не понимаетъ. Если графъ Стадіонъ намекалъ этимъ на какія нибудь жалобы графа Меерфельдта, то уполномоченный просилъ не обращать слишкомъ большого вниманія на донесенія человѣка, весьма плохо знающаго Россію и нѣсколько склоннаго къ сплетнямъ. Поццо добавилъ, что онъ лично присланъ Императоромъ Александромъ для окончательнаго устраненія всякихъ недоразумѣній и поэтому всегда и во всемъ готовъ, ясно и чистосердечно объясниться съ вѣнскимъ кабинетомъ. Онъ упомянулъ при этомъ, что Меерфельдтъ настоятельно требовалъ отъ Будберга письменнаго обязательства въ томъ, что Россія не посягнетъ ни на одну пядь турецкой земли. Въ этомъ требованіи, разумѣется, ему было отказано, такъ какъ петербургскій кабинетъ находилъ, что слово, Государя стоило всякихъ обязательствъ. Тогда

Стадіонъ указалъ на то, что свергнутымъ Ипсиланти и Мурузи снова возвращено было портою ихъ господарское достоинство, утверждая, что за подобную уступку и Россія должна бы, съ своей стороны, хоть что нибудь сдѣлать на пользу Турціи. Но на это Поццо отвѣтилъ, что сверженіе господарей было сравнительно одно изъ меньшихъ оскорбленій, нанесенныхъ Турціею Россіи. Когда грекамъ снова будетъ разрѣшено плавать подъ русскимъ флагомъ и снова откроются Босфоръ и Дарданеллы для всѣхъ русскихъ судовъ безъ исключенія, тогда только будетъ время остановить дальнѣйшее движеніе войскъ и даже вывести ихъ изъ княжествъ. Къ тому же послѣ побѣдъ Наполеона надъ Пруссіею, о которыхъ извѣстія только что успѣли дойти до Константинополя, Себастіани съ новою силою начнётъ свои интриги, а порта, подъ обаяніемъ успѣховъ Франціи, станетъ съ еще большею наглостью попирать связывающіе ее съ Россіею договоры. Государь, добавилъ Поццо, вполнѣ и всесторонне обдумалъ свои рѣшенія. Этимъ закончилъ уполномоченный разговоръ о турецкихъ дѣлахъ и уполномоченный обратился къ вице-канцлеру съ просьбою ясно опредѣлить, какую надежду можетъ питать Россія на содѣйствіе Австріи. Стадіонъ отвѣтилъ, что вѣнскимъ кабинетомъ на этотъ счетъ не принято еще никакого рѣшенія, да и вообще крайне трудно на что нибудь рѣшиться; гораздо лучше и вѣрнѣе выждать благопріятнаго событія, а до тѣхъ поръ усиленно заняться вооруженіемъ австрійскихъ войскъ, которое еще далеко не въ удовлетворительномъ положеніи, къ тому же самъ эрцгерцогъ Карлъ протестовалъ противъ слишкомъ быстраго рѣшенія. Наконецъ, Стадіонъ указалъ на полное истощеніе австрійскихъ финансовъ. Поццо поспѣшилъ замѣтить, что Англія охотно берется помочь Австріи въ денежномъ отношеніи и что сиръ Робертъ Адеръ въ самой Вѣнѣ увѣренъ найти достаточный кредитъ на покрытіе неотложныхъ расходовъ вѣнскаго кабинета, въ случаѣ немедленнаго выступленія императорско-королевскихъ войскъ противъ Наполеона. Съ этимъ Стадіонъ никакъ не могъ согласиться, заявляя, что при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ ни одинъ банкиръ не откроетъ въ Вѣнѣ кредита даже Адеру. Видя, что переговоры ни къ чему не приводятъ, Поццо спросилъ вице-канцлера, когда онъ можетъ имѣть счастіе представить привезенныя подлинныя письма Государя къ императору и эрцгерцогу. На это было отвѣчено что, такъ какъ самая суть писемъ уже извѣстна, то отсрочка пріема не можетъ повредить ходу дѣлъ. Между тѣмъ, не желательно бы было отдѣльными аудіенціями возбуждать вниманіе вѣнской публики и безпокойство во французскомъ посольствѣ. Вслѣдствіе этого Стадіонъ просилъ Поццо ди Борго отложить передачу письма до общаго пріема, который у императора бывалъ

по воскресеньямъ.. Тогда русскій уполномоченный, не возбуждая пустыхъ толковъ могъ быть представленъ графомъ Разумовскимъ, какъ русскій подданный и путешественникъ.

Поццо согласился и, вернувшись домой, рѣшился еще разъ повторить всѣ свои доводы въ формѣ письма къ Стадіону, копію съ котораго онъ препроводилъ вмѣстѣ съ депешами къ Будбергу. Въ концѣ письма этого Поццо ярко выставлялъ тѣ опасности, которымъ подвергала себя Австрія въ случаѣ окончательнаго бездѣйствія; особенно напиралъ онъ на предполагаемое въ то время Наполеономъ возстановленіе Польши.

„Une nation,—писалъ онъ между прочимъ,—qui venait d'être annexée au nombre des sujets des deux cours impériales, capable par ressentiment et par légerté de se laisser séduire, se trouve aujourd'hui non-seulement en contact avec l'ennemi commun, mais ce même ennemi est établi dans sa capitale avec toute la pompe et la réalité de sa force. Il le provoque à la révolte, il l'arme et lui fait entrevoir de nouvelles destinées, illusoires à la vérité mais propres à tourner les têtes d'une noblesse qui, quoique brave, n'a jamais passé pour judicieuse“.

Три дня обсуждали австрійскіе министры письмо, отправленное Поццо къ Стадіону. Оно было прочтено и императоромъ, и эрцгерцогомъ Карломъ. Большинство было за бездѣйствіе, но возвысились нѣсколько голосовъ и въ пользу наступательнаго союза съ Россіею. Въ это самое время изъ французскаго лагеря, подъ предлогомъ путешествія, прискакалъ въ Вѣну Монтескьё, одинъ изъ придворныхъ новаго императорскаго двора. О его явленіи въ Вѣну мы уже упоминали выше. Онъ черезъ Андреосси передалъ императору Францу отъ имени Наполеона новыя изліянія дружбы и привязанности и въ то же время крайне секретныя, но за то положительно успокоительныя для вѣнскаго двора заявленія относительно Польши. Пріѣздъ Монтескьё ободрилъ австрійское правительство, тѣмъ болѣе, что въ разговорахъ своихъ онъ неоднократно упоминалъ, что Наполеонъ твердо намѣренъ уважать нейтралитетъ Австріи. Вслѣдствіе этого рѣшено было, не теряя времени, окончательно отклонить всѣ предложенія Поццо. Когда послѣдній явился къ Стадіону на новое совѣщаніе, вице-канцлеръ встрѣтилъ его тѣмъ, что можетъ передать ему окончательный отвѣтъ императора Франца. Затѣмъ онъ сталъ быстро и въ весьма преувеличенныхъ выраженіяхъ, описывать горестное положеніе Австріи, разстройство ея финансовъ, неудовлетворительное состояніе арміи, однимъ словомъ, все то, что такъ же часто повторялось Разумовскому, и столь же часто потомъ отрицалось, когда въ пользу бездѣйствія приводились аргументы въ родѣ успѣшнаго вооруженія, сбереженій и прочаго. „Если мы пред-

примемъ, что-либо противъ Франціи,—добавилъ Стадіонъ,—мы пропали. Наполеонъ немедля двинетъ противъ насъ всѣ свои силы и намъ нечѣмъ будетъ защищаться, войско наше слишкомъ еще ничтожно, и мы будемъ раздавлены". Поццо же безъ ироніи отвѣтилъ, что можетъ только соболѣзновать жалкому состоянію Австріи, хотя слышанное имъ какъ-то странно противорѣчило подававшимъ столько благихъ надеждъ подробностямъ, которыя не разъ самъ же Стадіонъ передавалъ графу Разумовскому о блестящемъ состояніи новоформируемыхъ австрійскихъ войскъ, о сбереженіяхъ денежныхъ, о внутреннихъ реформахъ и пр. Правда, замѣчалъ при этомъ русскій уполномоченный, что дѣлая подобныя открытія, вѣнскій дворъ руководствовался другими соображеніями, чѣмъ теперь, но какъ видно и въ томъ, и въ другомъ случаѣ цѣль была одна и та же. Тѣмъ не менѣе Поццо просилъ дозволенія на сей разъ держаться того, что было заявлено Разумовскому, такъ какъ послѣднія только что ему сообщенныя данныя явно доказывали заранѣе принятое рѣшеніе отказать Россіи во всѣхъ ея требованіяхъ. Поццо дозволялъ себѣ допустить, по прежнимъ заявленіямъ самого же графа Стадіона, что австрійскія войска уже вполнѣ обмундированы, вооружены и дисциплинированы. При такихъ условіяхъ, безотчетно опасаться внезапнаго нападенія на Австрію всѣхъ силъ Наполеона тѣмъ болѣе было странно, что на-встрѣчу ему выступала сильная русская армія, первымъ дѣломъ которой было бы аттаковать тылъ непріятеля, если бы послѣдній паче чаянія, вздумалъ бы обратиться противъ Австріи. Наоборотъ, въ томъ случаѣ, если бы вѣнскій дворъ рѣшился на нападеніе, Наполеонъ очутился бы между двумя огнями. Никогда напротивъ не представлялось столь удобнаго случая положить предѣлъ нахальству Франціи. Самъ же Стадіонъ, на первомъ совѣщаніи, обмолвясь, признался русскому уполномоченному что французовъ и 10,000 человѣкъ не наберется теперь въ Германіи, такъ какъ Наполеонъ стянулъ не только всѣ свои, но и союзныя ему нѣмецкія силы къ границамъ Польши. Краснорѣчіе и логичность Поццо привели Стадіона въ окончательное замѣшательство. Онъ продолжалъ однако возражать, но какими-то слабыми, почти безсвязными фразами. Примѣтивъ это разстройство, Поццо ди-Борго вдругъ сказалъ: „Неужели вы, графъ, думаете, что наступитъ когда-либо пора или найдется достаточная причина, чтобы побудить эрцгерцога Карла къ объявленію войны". Въ ту пору, какъ было извѣстно всей Вѣнѣ, эрцгерцогъ имѣлъ сильное вліяніе на вице-канцлера.—Не могу отвѣчать вамъ прямо на вашъ вопросъ,—отвѣчалъ не потерявшій вполнѣ присутствіе духа Стадіонъ,—скажу только, что всякое рѣшеніе на счетъ войны, которое эрцгерцогомъ не будетъ принято съ полнымъ убѣжденіемъ, окажется для имперіи гибельнымъ.—Въ виду безпрестан-

наго повторенія о необходимости выждать благопріятныхъ обстоятельствъ для принятія какого-либо рѣшенія, Поццо просилъ Стадіона хоть приблизительно обозначить время, когда подобное рѣшеніе можетъ осуществиться. На это вице-канцлеръ сухо отвѣчалъ, что ему запрещено предугадывать будущее и что императоръ австрійскій желаетъ самолично объявить, какъ и когда онъ намѣренъ дѣйствовать. „Итакъ,—возразилъ Поццо,—моему императору остается только принять все бремя войны на свои плечи и отнынѣ дѣйствовать одному". Слова эти были произнесены какъ-то особенно внушительно. Стадіонъ смутился еще болѣе и сталъ увѣрять, что не слѣдуетъ терять всякой надежды на подмогу Австріи. Этимъ совѣщаніе прекратилось. Въ слѣдующее воскресенье Разумовскій, не смотря на свой глубокій трауръ, отправился съ Поццо во дворецъ и представилъ его императору, которому наконецъ передано было подлинное письмо Александра Павловича. Принимая этотъ документъ изъ рукъ уполномоченнаго, Францъ I замѣтилъ, что съ содержаніемъ его онъ уже знакомъ, а также, что Стадіонъ ему передалъ все то, что слышалъ отъ Поццо.—Онъ вамъ уже объяснилъ,—добавилъ императоръ,—что въ настоящую минуту я драться не могу.—Поццо поспѣшилъ отвѣтить, что къ несчастію вице-канцлеръ предупредилъ его о подобномъ горестномъ рѣшеніи, что болѣе удобной минуты для борьбы съ Наполеономъ едва ли можно дождаться и что время не только не сгладитъ представляемыхъ затрудненій, но напротивъ ихъ удесятеритъ.—Я имѣю полнѣйшее довѣріе къ чувствамъ вашего Государя, надѣюсь, что и онъ также разсчитываетъ на мою къ нему привязанность,—отвѣтилъ Францъ I,—я всегда буду сердечнымъ его другомъ, онъ дѣйствуетъ такъ благородно.—Такая взаимность,—замѣтилъ на эти слова Поццо,—можетъ только послужить ко благу обѣихъ имперій, но чтобы содѣлать ее вполнѣ полезною, необходимо доказать ее на дѣлѣ; Россія уже выступила впередъ; теперь мы твердо надѣемся на дѣятельное содѣйствіе Австріи". На это императоръ отвѣтилъ:—мнѣ необходимо время, многаго у меня еще недостаетъ. Императоръ Александръ самъ видѣлъ въ какомъ жалкомъ состояніи я былъ годъ тому назадъ. Если я рѣшусь открыто высказаться противъ Франціи, всѣ силы Наполеона будутъ направлены противъ меня. Я буду уничтоженъ, и вашему Государю не на кого уже будетъ тогда разсчитывать". Поццо замѣтилъ, что одного взгляда брошеннаго на расположеніе воюющихъ армій достаточно, чтобы убѣдиться до какой степени немыслимо въ теперешнее время нападеніе Наполеона на Австрію. „Я часто сражался вмѣстѣ съ союзниками,—отвѣчалъ императоръ,—и всегда безуспѣшно. Въ такихъ дѣлахъ слѣдуетъ только разсчитывать на самого себя". Тутъ въ разговоръ вмѣшался Разумовскій и позволилъ себѣ спросить: не

опасается ли императоръ того, что Бонапартъ можетъ внезапно потребовать отъ него разрыва съ Россіею и вслѣдствіе отказа напасть на Австрію?—Тогда несомнѣнно слѣдуетъ драться, и какъ отчаянные. Въ крайности всегда лучше дерешься—отвѣчалъ императоръ. На это Поццо замѣтилъ, что осмѣливается надѣяться, что до крайности дѣла допущены не будутъ. „Я откровененъ,—сказалъ еще Францъ I:—если и принужденъ я буду взяться снова за оружіе, то сдѣлаю это елико возможно позднѣе“. Говоря о томъ, какъ онъ опасался нарушенія границъ Галиціи, императоръ замѣтилъ, намекая очевидно на пріѣздъ Монтескьё, что только что получилъ самыя дружескія завѣренія отъ Наполеона, объявлявшаго ему, что нейтралитетъ Австріи будетъ имъ уваженъ,—правда—добавилъ при этомъ императоръ,—что невсегда можно полагаться на его обѣщанія.—А если-бы онъ рѣшился на нарушеніе этого нейтралитета,—воскликнулъ Поццо,—приметъ ли В. И. В. подобный поступокъ за объявленіе войны? Императоръ видимо смутился. Онъ этого не сдѣлаетъ, онъ будетъ опасаться послѣдствій, сказалъ онъ и тутъ же выразилъ свое неудовольствіе относительно вступленія въ Молдавію русскихъ войскъ. Поццо сталъ кратко излагать причины, которыя къ тому подвигли Александра Павловича, но императоръ Францъ не далъ ему окончить и, прочувственнымъ голосомъ добавилъ:—если я объ этомъ упомянулъ, то только отъ того, что желалъ бы видѣть всѣ силы Россіи направленными исключительно противъ Франціи; что же касается до вашихъ пріобрѣтеній въ Турціи, я имъ не вѣрю, мнѣ вашъ Государь обѣщалъ, что ихъ не будетъ, въ немъ такъ много чести и онъ такъ правдивъ, что я вполнѣ ему довѣряю“. На этомъ окончилась аудіенція.

Передавая вышеприведенныя подробности Будбергу, Поццо замѣтилъ, что императоръ австрійскій явно не довѣряетъ своимъ собственнымъ способностямъ, онъ вовсе не трусъ, но ему необходима сильная нравственная поддержка, а ея то онъ и не находитъ среди окружающихъ его царедворцевъ.

Аудіенція у эрцгерцога была очень коротка, но чуть ли еще не примѣчательнѣе той, которую Поццо ди Борго имѣлъ у императора Франца. Онъ къ эрцгерцогу отправился съ Разумовскимъ, который его и представилъ. Когда Поццо передалъ эрцгерцогу письмо Императора Александра, послѣдній низко поклонился и сказалъ, что Государь былъ слишкомъ добръ, удостоивая его такой милости. Впрочемъ, Государь вашъ самъ солдатъ, добавилъ онъ, и потому постоянно интересуется всѣми тѣми, которые занимаются тѣмъ же ремесломъ. Поццо поспѣшилъ на это замѣтить, что несомнѣнно почетное званіе солдата имѣетъ большое значеніе въ глазахъ русскаго Императора, но что кромѣ того воинскіе подвиги, прославившіе Е. И. В., породили въ

сердцѣ Государя особенное къ нему уваженіе. Эрцгерцогъ снова низко поклонился и сказалъ, что одной арміи Австрія всѣмъ обязана. Тогда Поццо замѣтилъ, что таланты и умѣніе эрцгерцога сильно вліяли на его солдатъ и что Императоръ Александръ, умѣвшій вполнѣ цѣнить отмѣнныя способности Е. В, крайне бы желалъ, чтобы онѣ были употреблены на спасеніе обѣихъ имперій, а за ними и всей Европы. Въ то время, какъ Поццо намѣревался развить свою мысль, эрцгерцогъ Карлъ внезапно перебилъ его. Слова Поццо видимо привели его въ крайнее замѣшательство, смущеннымъ голосомъ сталъ онъ произносить отрывочныя фразы:—это не я, это императоръ, не мое дѣло.— Поццо поспѣшилъ тогда измѣнить предметъ разговора и спросилъ не имѣетъ ли Е. В. какихъ извѣстій касательно того, что происходитъ въ Польшѣ. Эрцгерцогъ любезно сообщилъ то, что онъ зналъ о движеніяхъ французской арміи. Поццо тогда замѣтилъ: все вниманіе французовъ обращено теперь единственно на насъ русскихъ, противъ насъ сосредоточены всѣ силы Наполеона, какое счастье, если бы въ настоящую минуту эрцгерцогъ во главѣ своихъ преобразованныхъ войскъ...—Но тутъ его снова перебилъ смущенный эрцгерцогъ. Опять сказалъ онъ нѣсколько отрывочныхъ фразъ и, низко поклонившись, отпустилъ Поццо и сопровождавшаго его Разумовскаго [1]).

„J'ai du exposer les faits et les mauvaises raisons qu'on m'a donné, —писалъ къ Будбергу Поццо,—par respect pour la vérité. Il est de mon devoir ensuite d'indiquer à v. e. celles que je crois plus véritables et plus réelles et qui ont déterminé la conduite de ce cabinet. Premièrement le manque de grandes vues et de talents pour apprécier la situation des choses même lorsqu'on les leur explique jusqu'à la démonstration. L'absence de toute ombre de patriotisme et d'esprit public dans le petit nombre de familles influentes. Un grand nombre d'officiers et des généraux appartient à ces mêmes familles. Ces généraux ont une sorte de clientèle dans l'armée et peuvent la décourager presque à volonté. La répugnance innée de l'archiduc Charles pour la guerre, quoique il l'ait faite heureusement et toujours malgré lui; l'accès qu'il donne a tous les bas flatteurs qui le déclarent déjà un des plus grands généraux du monde, sans qu'il ait besoin de compromettre sa réputation pour gagner de nouvelles batailles; le parti que les français savent tirer de ces dispositions et l'or qu'ils répandent parmis les sous-ordres; la discorde que les événements de la dernière guerre ont semé entre notre armée et l'armée autrichienne; les querelles de plusieurs généraux et les inculpations réciproques, envénimées par l'amour-propre; la conviction qui règne ici que nous serons battus par les français et les

[1]) Депеша Поццо къ Будбергу отъ 12 Декабря.

rapports décourageants qui leur arrivent sur le nombre et la discipline de nos troupes devant l'ennemi. Dans mes conversations avec le c-te Stadion je me suis apperçu qué le c-te Meerfeldt leur mande à ce sujet les choses les moins rassurantes. Le c-te de Stadion s'est si fort trahi à cet égard que je lui ai dit positivement de ne pas ajouter une foi implicite aux rapports de son ambassadeur, qu'il était susceptible de préventions et qu'au reste n'étant pas à l'armée et n'ayant pas les moyens de se procurer des notions exactes à Pétersbourg sur notre position militaire, il n'était pas en droit de caractériser les faits par des raisonnements inconsistants. L'archiduc, quoique ennemi de m. de Meerfeldt, croit à ses rapports parcequ'ils abondent dans son sens. Ce prince a aussi un essaim d'officiers sur la frontière. Je crois qu'il en est qui ont pénétré jusqu'à notre armée. Ces gens écrivent dans l'intention de plaire à leur chef et avec la petite jalousie du métier. Le c-te de Stadion a de l'honneur il pense bien et agirait en conséquence, mais il n'a pas acquis la moindre prépondérance capable de fixer l'opinion des uns, et de forcer la volonté des autres. Il glisse sur les affaires, les fait comme elles se présentent sans amener ni créer aucune circonstance; sans plaire assez pour convaincre et sans déplaire au point d'être renvoyé. Dans cette vacillation il serait impossible de donner une physionomie à la faiblesse et s'attendre à des résolutions dignes d'hommes d'état et des temps où nous vivons. Malgré cela il ne serait pas prudent de les perdre de vue; il est bon de les connaître et de les juger comme ils méritent, mais sans qu'ils s'en apperçoivent ou du moins sans le leur dire. Il n'est permis qu'à Bonaparte de les braver sans altérer leur humeur. Leur conversion ne peut plus être l'ouvrage d'un jour et l'effet d'une seule cause. Si les événements en Pologne sont passablement heureux, l'empereur prendra plus de confiance et la cabale des français et des trembleurs perdra de son crédit. Je ne saurais terminer cette dépêche sans confier à v. e. toute la peine que me cause le manque de réussite. Je ne saurais lui donner une plus juste idée de mes regrets, qu'en l'assurant qu'ils sont proportionnés à la grande confiance que S. M. I. avait daigné m'accorder. Je supplie v. e. de mettre à ses pieds ma conduite et mon dévouement et d'implorer un jugement équitable et en vérité tel que j'ai la conscience de le mériter".

Поццо скоро понялъ, что на содѣйствіе Австріи разсчитывать невозможно онъ сталъ просить отзыва изъ Вѣны и между тѣмъ отправилъ къ Будбергу двѣ депеши. Депеши эти такъ примѣчательны, что мы рѣшаемся помѣстить ихъ здѣсь in extenso.

„Mon général,—писалъ Поццо ди-Борго въ первой депешѣ,—j'ai exposé déjà les faits qui me paraissaient propres à éclairer le juge-

ment de l'Empereur notre Maître sur les dispositions actuelles de la cour de Vienne. Le même sentiment du devoir me détermine à soumettre mon opinion personnelle sur les affaires générales, moins par confiance dans mes lumières, que par l'effet des impressions qui m'ont frappé sur les lieux, ce qui ne pourrait éviter à ma manière de voir une certaine considération à laquelle je n'aurais pas droit de prétendre dans toute autre circonstance".

„Quoiqu'il ne soit pas absolument impossible que le temps et les circonstances n'opèrent ici un changement de circonstances, les obstacles sont si grands et les calculs si incertains, qu'il serait imprudent de faire dépendre les intérêts de l'empire d'une expectative aussi peu fondée. S. M. l'Empereur est donc dans la nécessité de ne plus compter que sur ses propres moyens et de limiter sa politique à ses intérêts. Bonaparte dans ses proclamations à pris l'angagement de ne pas abandonner Varsovie et Berlin avant que les anglais n'aient restitué les possessions d'outre-mer conquises pendant cette guerre et que la porte ne soit rétablie sur un pied d'indépendance absolue. Ce projet suppose la destruction de l'Angleterre et de la Russie; il ne l'obtiendra danc jamais par une négociation d'égal à égal, ainsi il faudra se battre à outrance pour diminuer ses prétentions. Les événements militaires décideront la question".

„En supposant que les forces de S. M. I. contiennent l'ennemi, notre situation générale ne serait relativement meilleure qu'en cas que l'état de nos affaires en Turquie fût dans le même temps sur un pied avantageux et stable. Napoléon veut nous dominer par la faiblesse de nos alliés, il faut tâcher de l'embarasser par celle des siens. Il prétend avoir conquis les Indes à Berlin et S. M. I. peut conquérir à son tour en Turquie et Berlin, et Varsovie, aussi il me parait de toute importance de donner à notre système de guerre turque toute la latitude possible et de tacher d'avoir ici des gages précieux dans une négociation, bons à conserver si l'ennemi n'était pas équitable".

„En parlant de Turquie avec le c-te de Stadion il a laissé tomber deux fois que sa cour était obligée d'envoyer un corps d'observation sur la frontière de Hongrie, parcequ'elle ne saurait la laisser exposée aux insultes des serviens et en général de tous ceux qui y feront la guerre. Sans avoir été nullement choqué de cette parole, j'ai dit que c'était une précaution inutile, car les serviens n'avaient jamais violé la frontière et qu'ils l'oseraient encore moins en supposant qu'ils fussent d'accord avec nous. En réfléchissant sur ceci, j'ai pensé que cette cour-ci pourrait avoir de la jalousie pour Belgrade et qu'elle désire s'en emparer. Je suis persuadé qu'elle ne s'y décidera pas sans la permission de la France, mais il n'est pas du tout improbable que la France

elle-même pour l'attirer dans des affaires que leur sont communes à toutes les deux et pour empêcher que nous ou les serviens n'occupent Belgrade, non seulement permette, à l'Autriche de s'en emparer, mais encore ne le lui prescrive, sûre comme elle. est de la faire rendre à la première menace. Je supplie v. e. de peser cette circonstance et dé délibérer s'il ne serait pas prudent d'éviter le coup en le prévenant. La forteresse entourée par les rebelles, sera probablement dépourvue de tout et quelque petit secours de notre part pourrait en ouvrir les portes. J'appuie d'autant plus sur ce point que d'après des nouvelles reçues ici, on est persuadé que les turcs comptent se défendre. Andréossy à déjà prétendu que notre consul à Bucharest avait été arrêté et envoyé à Roushtchuk et que les turcs rassemblaient leurs forces pour nous combattre. Je crois également de mon devoir communiquer à v. e. l'impression qu'a fait sur moi l'incertitude de cette cour-ci quant à la résolution qu'elle prendrait en cas que Bonaparte violât son territoire en Galicie. Je n'ai pu arracher ni de l'empereur, ni du c-te de Stadion une seule expression qui puisse me prouver qu'on regarderait cette démarche comme une déclaration de guerre. Quoique on cache ici une certaine irritation contre nous, Andréossy les connaît trop pour ne pas s'en douter. Qu'on ajoute à ces dispositions l'audace de Bonaparte et la barrière devient très-faible. Il serait donc très-sage de ne pas trop faire dépendre la sûreté de l'armée d'une neutralité qui peut-être violée à chaque instant".

„Quant à notre conduite ultérieure vis-à-vis de la cour de Vienne, il me paraît qu'elle doit continuer à être sage et mesurée, sans reproches et sans plaintes. Ce dernier inconvénient, tout justifié qu'il puisse être, deviendrait encore plus grand par le ressentiment. Notre ennemi sait souvent changer de ton pour faire le mal, il est donc prudent de ne pas aggraver les circonstances même avec l'intention de faire le bien. Il est certain que les dispositions ici sont contre la France, c'est un mouvement de la nature produit par les torts et les pertes que les autrichiens ont souffert, mais la peur glace leur coeur. Ils n'avoueront jamais ce motif honteux, quoique ce soit la cause principale de leur conduite. Si les événements leur inspiraient du courage, ils verront plus clair et il sera possible de les persuader à prendre un parti. Mais en supposant même que cela dût jamais arriver il serait très-imprudent de leur fournir des prétextes pour se jeter dans les bras de la France. Je supplie v. e. de me pardonner cette liberté. A la distance, où je me trouve, je ne puis renfermer dans mon coeur aucun sentiment, ni aucune idée qui me paraissent pouvoir être utile au service de S. M. I.".

„Je vous écris, mon général, avec le désespoir dans l'âme,—писалъ

нѣсколькими днями позднѣе къ тому же Будбергу Поццо. — Les autrichiens sont incapables de résolution et tout le feu du ciel ne les échaufferait pas. J'ai fait ce qui dépendait de moi, mais ils étaient déjà désarmés par la dislocation de l'armée de Bohême et la peur qui avait présidé à leurs conseils n'a pu en être délogée par toutes les peines que je me suis données. Meerfeldt à fait beaucoup de mal en tâchant de rabaisser contre toute vérité et les moyens et l'énergie de la Russie. Il serait inutile de le lui témoigner trop tôt ou trop crûment. Il a assez d'affaires à démêler ici pour me faire supposer qu'il ne vieillira pas à son ambassade. L'armée autrichienne est nombreuse et d'une belle tenue, mais on travaille à lui glacer le coeur, en disant qu'il faut craindre les français".

„J'ai dit dans mes dépêches rien que l'exacte vérité. Je ne sais si le c-te de Stadion l'aura mandé à Meerfeldt, mais je vous prie de vous en rapporter à moi, car je n'ai rien oublié, ni rien défiguré. J'ai demandé à être rappelé d'ici. Mon intention est d'attendre une réponse pendant quelques semaines et si elle ne m'arrivait pas ou si S. M. l'Empereur avait quitté Pétersbourg, je me metterai en route. Ceci n'est pas bien docile je l'avoue, mais à quoi bon me morfondre ici et me faire du mauvais sang dans un moment où mon Maître a besoin de tous ses serviteurs à des places où ils peuvent lui être utiles. Veuillez, mon général, mettre le comble à vos bontés en me procurant l'approbation de S. M. Il ne dépendait pas de moi de faire mieux et aucun autre ne pourra parvenir à persuader ces messieurs d'ici, car ils ont perdu tout sentiment de dignité. Le bruit court en ville que les français ont passé le Boug entre le Nareff et la Vistule. Je m'attends à quelque grande affaire. Dieu veuille qu'elle nous soit favorable. J'enrage d'être venu ici prêcher à des sourds à un moment où je pourrais être ailleurs et remplir des devoirs plus utiles. Je ne vous parle pas des désagréments de mon voyage, il m'en reste encore une fluxion de poitrine, que je n'ai pu soigner ici grâce à l'activité qui m'a été nécessaire pour savoir à quoi s'en tenir".

Поццо не пришлось однако скоро выѣхать изъ Вѣны. Запущенная имъ простуда разразилась въ острую и опасную болѣзнь, которая пригвоздила его къ постели. Онъ долгое время не могъ вовсе заниматься дѣлами и когда началъ немного поправляться, то все еще не былъ въ состояніи владѣть перомъ. О переговорахъ съ австрійскимъ вице-канцлеромъ не могло быть болѣе рѣчи. Бездѣйствіе однако тяготило больного. Когда опасность миновалась, но слабость не дозволяла еще покидать постели, Поццо ди Борго просилъ часто его посѣщавшаго Разумовскаго назначить при немъ одного изъ чиновниковъ посольской канцеляріи. Графъ Андрей Кирилловичъ поспѣшилъ исполнить

его желаніе [1]). Поццо продиктовалъ нѣсколько депешъ Будбергу и сильныхъ представленій къ Стадіону. Онъ самъ чувствовалъ, что посолъ дѣлалъ все возможное, для убѣжденія австрійскаго двора и объ этомъ онъ не разъ писалъ въ Петербургъ, съ нетерпѣніемъ ожидая совершеннаго выздоровленія съ тѣмъ чтобы, покинуть Вѣну. Поццо весьма желалъ быть назначеннымъ дипломатическимъ чиновникомъ при главнокомандующемъ русскою арміею.

ГЛАВА VII.

Начальники русскихъ корпусовъ. — Затрудненіе, въ которомъ находился Императоръ Александръ. — Назначеніе графа Каменскаго главнокомандующимъ. — Пріѣздъ его въ армію. — Наполеонъ въ Польшѣ. — Ссоры между русскими генералами. — Отъѣздъ Каменскаго. — Битва при Пултускѣ. — Недоумѣніе Наполеона. — Мирныя предложенія его королю Прусскому. — Заказъ оружія въ Вѣнѣ. — Миссія барона Венсана въ Варшаву. — Пріѣздъ маркиза Луккезини въ Вѣну. — Объявленіе войны Турціи. — Которское дѣло. — Извѣстія изъ арміи. — Битва при Прейсишъ-Эйлау.

Едва прошло десять лѣтъ со дня кончины Екатерины II, у всѣхъ была еще жива память о томъ славномъ времени, когда по зову мудрой Государыни способные люди являлись со всѣхъ концовъ Россіи. Великая Царица умѣла съ перваго же взгляда понять къ чему каждый изъ нихъ былъ способенъ и, не обращая слишкомъ строгаго вниманія на нѣкоторыя слабости, направлять ихъ на славу и пользу Россіи. Тогда, благодаря легко находимымъ и почти всегда удачно назначаемымъ помощникамъ, мудрой государынѣ не трудно было вести славныя свои войны съ турками и удалось наконецъ изгнать исконнаго врага Россіи съ сѣвернаго прибрежья Чернаго моря; она возвратила россійской державѣ древнее ея ополяченное достояніе и почти до конца долголѣтняго своего царствованія имѣла при себѣ людей умѣлыхъ и талантливыхъ, исполнявшихъ глубоко обдуманныя ея предначертанія. Въ короткое время, прошедшее со дня внезапной кончины Екатерины, ея орлы послѣдовали за нею въ могилу или же никли въ тишинѣ своими лавровыми главами. Сыны ихъ, возросшіе подъ вліяніемъ чисто западнаго воспитанія, ни къ какому дѣлу не оказыва-

---

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 3 Января 1807.

лись пригодными, Русское общество, такъ недавно выставившее столько талантливыхъ людей внезапно представило полнѣйшее отсутствіе всякихъ выдающихся личностей. Наступала минута рѣшительной борьбы съ Франціею, и Александръ Павловичъ напрасно искалъ вокругъ себя человѣка, могущаго съ надеждою на успѣхъ стать во главѣ русской арміи. Было много молодыхъ блестящихъ воиновъ, учениковъ великаго Суворова, но они еще не достигли того служебнаго положенія, которое могло бы дать имъ право на первенствующее положеніе въ войскѣ.

Первые два корпуса, перешедшіе границу, находились подъ командою двухъ генераловъ-нѣмцевъ: Беннигсена и графа Буксгевдена. Первый былъ человѣкъ съ несомнѣннымъ талантомъ, замѣчательно образованный, лично храбрый, но безпокойный и нерѣшительный. Не смотря на 27-лѣтнее служеніе свое Россіи, онъ оставался все тѣмъ же иностранцемъ, не любилъ и не понималъ своего новаго отечества. Склонный къ интригамъ, онъ возбудилъ противъ себя всѣхъ своихъ товарищей и подчиненныхъ. О русскомъ солдатѣ онъ не умѣлъ заботиться, не обращалъ вниманія на его насущныя нужды и потребности и слишкомъ охотно имъ жертвовалъ. Армія ему не довѣряла и его не любила. Гораздо ниже Беннигсена по образованію и способностямъ стоялъ графъ Буксгевденъ, одаренный при этомъ завистливымъ и назойливымъ характеромъ, благодаря которому никто не могъ съ нимъ уживаться.

Надъ этими нелюбимыми въ Россіи военачальниками, слѣдовало назначить верховнаго вождя, который могъ бы вести трудную во всѣхъ отношеніяхъ борьбу противъ Наполеона. Единственнымъ кандидатомъ на такую должность являлся графъ М. И. Голенищевъ-Кутузовъ, у котораго живы были преданія екатерининскихъ временъ. Но на немъ тяжкимъ пятномъ лежала память объ аустерлицкомъ погромѣ. Отъ него съ какою-то гадливостью отворачивалась въ то время вся Россія и чуть ли не болѣе другихъ Императоръ Александръ, хотя ему вполнѣ извѣстно было, какъ настоятельно противился Кутузовъ несчастному, задуманному австрійцами, генеральному сраженію съ Наполеономъ. Не довѣряя себѣ, Александръ Павловичъ сталъ чутко прислушиваться къ народной молвѣ. Но не соврѣшнее даже и нынѣ у насъ общественное мнѣніе, въ началѣ столѣтія, оказалось плохимъ руководителемъ. Въ Москвѣ, въ Петербургѣ, даже вокругъ самого Государя стало раздаваться имя стараго фельдмаршала графа М. Ѳ. Каменскаго и на него всѣ стали указывать, какъ на вождя, единственно способнаго побороть французовъ. Удаленный при Павлѣ отъ службы, графъ Каменскій уже девять лѣтъ жилъ въ Орловской своей вотчинѣ, жестоко притѣсняя своихъ несчастныхъ крѣпостныхъ. Эта опала придавала старику въ глазахъ общества какую-то заманчи-

вую окраску. Въ то время уже забыли, что изъ всѣхъ генераловъ екатерининскаго времени, онъ менѣе другихъ пользовался уваженіемъ и довѣріемъ великой Царицы, удалившей его еще при жизни отъ службы. Собственно карьерою своею Каменскій обязанъ былъ капризу Павла I, наградившаго его въ первый же годъ своего царствованія андреевскою лентою, графскимъ титуломъ и фельдмаршальскимъ жезломъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, безъ всякой видимой причины, отставить его отъ службы съ повелѣніемъ жить въ орловскихъ имѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ старика фельдмаршала называли вторымъ Суворовымъ. Въ сущности онъ былъ только жалкою карикатурою знаменитаго русскаго вождя. Не имѣя его генія, онъ умѣлъ только подражать необъяснимымъ иногда странностямъ, которыя часто ставили въ затруднительное положеніе даже самыхъ восторженныхъ поклонниковъ князя Италійскаго. Графъ Каменскій былъ не болѣе какъ самодуръ, при этомъ часто весьма злой, утратившій послѣ долгой бездѣятельности всякую способность къ командованію большою арміею. Долго не могъ Александръ Павловичъ рѣшиться на выборъ, который ему самому былъ не по сердцу, но совершенное отсутствіе и при дворѣ, и въ совѣтѣ, и среди безчисленныхъ петербургскихъ полныхъ генераловъ, людей способныхъ, явная непріязнь и страны, и арміи къ корпуснымъ генераламъ, наконецъ все увеличивавшаяся молва о военныхъ способностяхъ фельдмаршала заставили наконецъ государя остановиться на Каменскомъ. „Графъ Каменскій,—писалъ Императоръ Александръ къ королю прусскому,—во всѣхъ отношеніяхъ способенъ къ должности, которую я на него возложилъ. Съ обширными военными свѣдѣніями, онъ соединяетъ опытность и пользуется полнымъ довѣріемъ войска, народа и моимъ". Вызванный въ Петербургъ, престарѣлый фельдмаршалъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ и дворомъ, и народомъ. Пріемъ этотъ, далеко не соотвѣтствовавшій внутреннимъ его достоинствамъ, окончательно пошатнулъ уже и такъ не вполнѣ сохранившіяся способности стараго воина. Подъ обаяніемъ весьма лестнаго и ласковаго обращенія Императора и Императрицъ, послѣ неоднократныхъ изъявленій общественнаго сочувствія, старый фельдмаршалъ сталъ думать только о томъ, какъ бы сохранить столь поздно высказавшуюся о немъ въ отечествѣ добрую славу. Мысль о томъ, что Бонапартъ легко могъ однимъ ударомъ разрушить всю эту неожиданную знаменитость, не покидала старческой головы его. Медленно ѣхалъ онъ изъ С.-Петербурга къ арміи и чѣмъ ближе приближался къ своей цѣли, тѣмъ менѣе спѣшилъ впередъ. Три нескончаемыхъ недѣли тащился онъ до границы, въ то время, какъ въ арміи нетерпѣливо ожидали его перессорившіеся между собою генералы, полуобнаженные солдаты, принужденные грабежемъ мѣстныхъ жителей добывать себѣ насущное пропитаніе,

и, наконецъ, прусскіе офицеры, находившіеся подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ представлявшихся со всѣхъ сторонъ неурядицъ въ союзной русской арміи, которая одна только могла подать несчастной Пруссіи нѣкоторую надежду на спасеніе.

Въ тотъ самый день, въ который наконецъ, не на счастіе русской арміи, прибылъ въ ней столь долго ожидаемый главнокомандующій, Наполеонъ ночью и тайкомъ въѣзжалъ въ Варшаву [1]). Приласканные имъ поляки оказывались среди своей отчизны далеко не столь привлекательными, какъ въ Парижѣ. Тонкимъ умомъ своимъ императоръ французовъ вскорѣ постигъ всю вѣтренность и несостоятельность этой блестящей, но неумѣющей управлять собою націи и раскаявался въ томъ, что до отъѣзда изъ Франціи надавалъ много обѣщаній, которыхъ невозможно было исполнить, ближе познакомившись съ состояніемъ края. Поляки надоѣдали Наполеону безпрестанными и неисмѣрными требованіями, интригами, противорѣчіями, а часто и наглостью. Вызванный въ Варшаву, для возстановленія Польши, Костюшко сухо отклонилъ сдѣланное ему императоромъ французовъ предложеніе и остался въ Парижѣ, находясь въ близкихъ сношеніяхъ съ злѣйшими врагами новаго французскаго правительства. Это было послѣднею каплею въ чашѣ. О возстановленіи Польши Наполеонъ перестадъ думать и, желая избѣгнуть шумныхъ демонстрацій, напоминавшихъ о сдѣланныхъ недавно полякамъ обѣщаніяхъ, инкогнито въѣхалъ въ столицу Польши. Сама судьба спасла его отъ слишкомъ радушнаго со стороны варшавскихъ жителей пріема. Едва прибылъ онъ въ Варшаву, какъ пришло извѣстіе о приближеніи Русскихъ. Онъ поспѣшилъ съ арміею на встрѣчу непріятеля. На самомъ дѣлѣ Беннигсенъ задумалъ рекогносцировку, но полученныя имъ приказанія изъ Петербурга заставили его отозвать обратно высланные имъ впередъ отряды. Онъ самъ съ штабомъ стоялъ подъ Остроленкою, вѣчно безпокойный и никогда ни на что не рѣшавшійся. Подъ Остроленкою 12-го Ноября посѣтилъ, наконецъ, русскій лагерь король прусскій. Не смотря на удаленіе Гаугвица и Луккезини Фридрихъ-Вильгельмъ по прежнему былъ окруженъ сторонниками Франціи и сильно колебался между желаніемъ мира и горькою обязанностью вести войну въ союзѣ съ Россіею. Сосѣдніе къ границѣ подданные его горько ему жаловались на притѣсненія со стороны русскихъ солдатъ. Понятно, что при подобномъ настроеніи чувство во-

[1]) А не „при звонѣ колоколовъ и пушечномъ громѣ“, какъ повѣствуетъ Богдановичъ. (Исторія царствованія Александра I II. 173). Тьеръ о въѣздѣ разсказываетъ совершенно иначе, чѣмъ Богдановичъ. Ему извѣстны были всѣ современные французскіе источники, къ тому-же разсказъ его гораздо болѣе согласуется съ тогдашнимъ настроеніемъ Наполеона (см. Thiers Histoire du Consulat et de l'empire ed. de Bruxelles II. 278).

роля къ союзнымъ войскамъ было не вполнѣ радушнымъ. Онъ предложилъ Беннигсену стянуть всѣ русскія силы къ рѣкѣ Древенцѣ, но послѣдній отговорился только что полученными высочайшими повелѣніями и отступилъ къ Пултуску, предписавъ графу Буксгевдену за нимъ слѣдовать. Буксгевденъ отказался, и между двумя русскими генералами, вслѣдъ за отъѣздомъ короля, начались самые неблаговидные споры и препирательства. Въ тоже время подошелъ къ Бресту-Литовскому корпусъ генерала Эссена, отдѣленный отъ днѣстровской арміи, находившейся подъ командою генерала Михельсона. Болѣе четырехъ недѣль простояло русское войско въ полномъ бездѣйствіи, благодаря розни между генералами. Наконецъ прибылъ давно ожидаемый главнокомандующій. Бѣгло осмотрѣвъ армію, выслушавъ жалобы перессорившихся между собою начальниковъ и убѣдившись въ жалкомъ состояніи неодѣтыхъ и не накормленныхъ солдатъ, фельдмаршалъ Каменскій, вмѣсто того, чтобы всѣхъ примирить, успокоить и позаботиться о благосостояніи арміи, отправилъ въ Петербургъ просьбу объ отставкѣ, представляя о своей полной неспособности командовать арміею, о своей слѣпотѣ, старости и болѣзняхъ. Передъ самымъ пріѣздомъ Каменскаго Беннигсену удалось уговорить графа Буксгевдена, относительно соединенія обоихъ корпусовъ, но приказъ фельдмаршала очевидно болѣе благоволившаго Буксгевдену, разстроилъ этотъ вполнѣ полезный и практичный планъ. Беннигсену предписано было двинуться къ рѣкѣ Вкрѣ, а товарищу его раздробить свой корпусъ, часть котораго должна была стать правѣе отъ Беннигсена, а другая идти внизъ по Нареву. Наполеонъ усиленными переходами подвигался изъ Варшавы. Страшная распутица въ болотистой мѣстности; холода, смѣнявшіеся оттепелями, снѣжныя метели и проливные дожди, останавливали на каждомъ шагу спѣшившія впередъ французскія войска. О прежней быстротѣ, наводившей такой страхъ на враговъ не было теперь и помину. Генералу графу Остерману-Толстому пришлось первому помѣриться силами съ непріятелемъ. Горсть солдатъ подъ его командою, при Чарновѣ, геройски отразила натискъ втрое сильнѣйшаго врага въ то время, какъ Барклай-де-Толли принужденъ былъ отступить передъ превосходными силами Сульта и Ожеро̂. Первые удары военнаго грома заживо затронули сердца русскихъ солдатъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшительной битвы. Приказъ фельдмаршала графа Каменскаго, разосланный по арміи, предписывалъ немѣдля и поспѣшно отступить къ границѣ. Въ виду невозможныхъ дорогъ, главнокомандующій разрѣшалъ генераламъ, въ случаѣ крайней нужды, бросать по пути артиллерію. Русскіе генералы были въ недоумѣніи, такія распоряженія могли привести въ окончательное разстройство даже армію, вполнѣ благоустроенную. Беннигсену, вмѣстѣ

съ приказаніемъ отступить, предписано было отъ Каменскаго во всемъ подчиняться графу Буксгевдену. Обиженный Беннигсенъ горько жаловался въ письмахъ своихъ къ барону Будбергу. Но не успѣлъ онъ еще подготовиться къ отступленію, какъ прискакалъ новый ординарецъ отъ фельдмаршала съ извѣщеніемъ объ отъѣздѣ послѣдняго изъ арміи и о передачѣ Беннигсену главнаго надъ нею командованія. Новый главнокомандующій не вѣрилъ глазамъ своимъ. Онъ рѣшилъ немедля отмѣнить отступленіе, противъ котораго возставала вся армія. Графъ Буксгевденъ, съ своей стороны, основываясь на приказѣ фельдмаршала, который подчинялъ ему Беннигсена, сталъ считать себя начальникомъ, и извѣщая товарища о собственномъ отступленіи предписывалъ ему немедля за нимъ слѣдовать. Беннигсенъ, не безъ нѣкотораго колебанія, рѣшился дѣйствовать самостоятельно. Онъ объявилъ, что корпусъ его останется при Пултускѣ, и что здѣсь будетъ онъ выжидать аттаку французовъ. Наступило 14-е Декабря. Армія Наполеона провела ночь по поясъ въ болотѣ, подъ непрестанными то снѣгомъ, то дождемъ. Съ крайнимъ трудомъ могла она пройти въ двѣнадцать часовъ послѣднія двѣ нѣмецкихъ мили, отдѣлявшихъ ее отъ Пултуска. Раннимъ утромъ началась аттака, которая скоро перешла въ кровавую, упорную общую рѣзню. Всѣ натиски французовъ были отбиты; маршалъ Ланнъ и лучшіе боевые генералы Наполеона становились сами во главу отдѣльныхъ полковъ, и храбро шли въ аттаку, въ надеждѣ возбудить упадавшій духъ французскихъ воиновъ. Побѣда окончательно оставалась за русскими, сохранившими часть поля сраженія. Къ сожалѣнію, не смотря на неоднократныя приказанія Беннигсена, Буксгевденъ не поспѣшилъ къ нему на помощь. Видя утомленіе солдатъ, лишенный свѣжей подмоги, новый главнокомандующій приказалъ трубить отбой, армія отступила, и Наполеонъ, занявъ Пултускъ, имѣлъ право провозгласить себя побѣдителемъ. За то не далеко отъ Пултуска, при Голыминѣ, князь Д. В. Голицынъ одержалъ несомнѣнную побѣду надъ сильнѣйшими его корпусами Ожеро́, Сульта, и частью резервной кавалеріи Мюра̀, ловко дѣйствуя артиллеріею, которой у французовъ въ этомъ дѣлѣ почти вовсе не было [1]).

Не наше дѣло разбирать справедливо ли французскіе историки обѣ битвы считаютъ блестящими побѣдами Наполеона, а Тьеръ первую называетъ „une defaite sans désastre“, важно для насъ то, что всегда и вездѣ дотолѣ побѣдоносный Наполеонъ не смѣлъ теперь и подумать о преслѣдованіи отступавшихъ русскихъ. Первая схватка между солдатами и французскою арміею произвела глубокое и тягостное впечатлѣніе на императора французовъ. Онъ привыкъ къ

---

[1]) Schlosser, Geschichte des XVIII. Jahrhunderts, VII. 211—212.

тому, что послѣ быстраго и блестящаго нападенія, съ его стороны, арміи непріятельскія сперва бѣжали съ поля сраженія, и потомъ сдавались безъ дальнѣйшаго боя. Онъ вспоминалъ про тѣ крѣпости, которыя открывали свои ворота незначительнымъ отрядамъ его кавалеріи. Теперь встрѣтилъ онъ что-то совершенно иное. Еле одѣтое, голодное русское войско, полоумный глава котораго бѣжалъ отъ арміи, а генералы только умѣли ссориться, среди дождя, снѣга и болотъ, стояло какъ вкопанное и отбивало одинъ за другимъ бѣшеные напоры французской арміи. Планъ кампаній Наполеона обыкновенно состоялъ въ томъ, чтобы напасть на непріятеля съ той стороны, съ которой менѣе всего его ожидали, въ жаркихъ схваткахъ, другъ за другомъ, побивать отдѣльные корпуса, прежде, чѣмъ они успѣвали соединиться въ одно цѣлое и въ какую-нибудь одну, много двѣ недѣли заканчивать войну, занявъ столицу непріятеля, откуда гордо диктовались тяжкія условія мира и отсылались въ Парижъ блестящія описанія побѣдъ. Съ русскими солдатами, Наполеонъ теперь знакомился собственно впервые. Отступательный планъ Кутузова передъ Аустерлицемъ не допускалъ рѣшительныхъ сраженій, а когда, противъ убѣжденій русскаго главнокомандующаго, рѣшено было дать отпоръ французамъ, то трудно было разобрать среди общей рѣзни кто былъ русскій, а кто австріецъ. Не одна непогода только да дурныя дороги, какъ увѣряютъ французскіе историки, заставили Наполеона остановиться послѣ Пултуска, а сознаніе, что ему приходилось бороться съ неизвѣстною ему дотолѣ силою, только мелькомъ имъ примѣченною подъ Аустерлицомъ. Съ стихійною силою этою не такъ легко было свести счетовъ, какъ съ какими нибудь австрійцами или пруссаками. Не смотря на невольное свое недоумѣніе и полное недовольство исходомъ сраженія, Наполеонъ поспѣшилъ сообщить въ Парижъ о новой, блестящей побѣдѣ. Беннигсенъ съ своей стороны донесъ Императору Александру, что онъ на голову побилъ французовъ. Съ той и другой стороны была одинаковая ложь.

Вѣнскій кабинетъ съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ войны, но несравненно болѣе волновался Разумовскій. Извѣстія доходили съ трудомъ, отъ генераловъ командовавшихъ русскими войсками посольство въ Вѣнѣ не получало никакихъ свѣдѣній. Всѣ сколько нибудь вѣрныя извѣстія о ходѣ войны только длиннымъ крюкомъ достигали до столицы Австріи. По городу ходили самые противорѣчущіе слухи. Внезапно всѣ тамъ заговорили о полномъ пораженіи русской арміи. Утверждали, что русскихъ легло на мѣстѣ болѣе 30,000 человѣкъ и что въ руки французамъ досталось до 30 пушекъ. Разумовскій сталъ доискиваться до источниковъ этого извѣстія. Оказалось, что оно было распространено французскимъ посольствомъ, куда прибылъ курьеръ

отъ Талейрана, проѣздомъ въ Константинополь. При розыскахъ своихъ графу Андрею Кирилловичу удалось узнать, что никакихъ оффиціальныхъ извѣщеній о побѣдѣ курьеръ не привозилъ, а что ему просто повелѣно было по всей дорогѣ распускать эти ложные слухи съ цѣлью произвести сильное впечатлѣніе на отоманскую порту.

„Voici un nouveau trait de ces manoeuvres éhontées",—доносилъ по этому случаю въ Петербургъ Разумовскій,—„que des agents français employent sans relâche pour travailler l'esprit public et des ambassadeurs ne rougissent pas de donner une forme officielle aux plus absurdes mensonges".

Вскорѣ пріѣхалъ австрійскій курьеръ изъ австрійской, нѣкогда нейтральной богемской, а теперь уже просто обсерваціонной на польской границѣ, арміи. Извѣстія, привезенныя отъ австрійскихъ генераловъ, далеко не согласовались съ слухами, распространенными французами. На дѣлѣ оказывалось, что генералы эти, не далеко стоявшіе отъ мѣста битвы, не могли положительно опредѣлить, кто остался побѣдителемъ, такъ какъ русскіе несомнѣнно большую часть дня удерживали за собою все поле сраженія. Они не знали, какъ объяснить отступленіе Беннигсена, но несомнѣнно было то, что Наполеонъ былъ не въ состояніи преслѣдовать русскія войска.

„C'est la jactance des français",—доносилъ шифромъ Разумовскій,—„qui leur rallie l'opinion de la multitude et qui glace tant de déterminations. Modestes nous ne repoussons pas leurs calomnies et les communications de la part des commandants, manquant entièrement aux représentants russes, ceux-ci ne sont pas en mesure de donner à l'esprit public une direction fondée sur la vérité. C'est cependant ce quiconstitue une des premières bases de leur influence et de leur succes".

Вѣнскій дворъ охотно готовъ былъ вѣрить пораженію русскихъ, но его ставило въ недоумѣніе бездѣйствіе Наполеона, послѣ сраженія. Въ Вѣнѣ рѣшили, и вполнѣ вѣрно, что если у французовъ былъ перевѣсъ, то онъ стоилъ имъ крайне дорого. Самъ Андреосси принужденъ былъ признаться, что въ Пултуской битвѣ было ранено до 8000 французовъ въ томъ числѣ три генерала. За дальнѣйшими планами Наполеона стали слѣдить съ крайнею недовѣрчивостью. Секретныя депеши, полученныя вѣнскимъ дворомъ изъ Варшавы, сообщали, что тамъ со дня на день ожидали императора французовъ и что онъ будто искалъ способа, какъ бы скорѣе и безъ стыда примириться съ Россіею [1]). Разумовскій, сообщая двору своему всѣ эти извѣстія, продолжалъ жаловаться на то, что до него не доходило никакихъ сообщеній съ театра войны.

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 22 Декабря.

„Nous ignorons entièrement les positions de nos armées intermédiaires et ne sommes point en mesure de balancer dans notre opinion les risques que peut courir Bonaparte dans son entreprise dont nous attendons l'issue avec l'angoisse la plus vive [1])... Son plan manqué,—писалъ далѣе посолъ,—Bonaparte a fait prendre les quartiers à son armée, cantonnée en partie sur les bords de la Narew. Lui-même est retourné à Varsovie où il a annoncé avec emphase qu'il allait ouvrir des négociations pour la paix. Cette fois-ci, m. le baron, je me règle dans ma relation sur les aveux des français eux-mêmes pour le non-succès de leur plan... Dans l'apostille de mon dernier rapport j'ai parlé de l'ignorance absolue où je me trouvais sur la disposition de nos armées. Je reviens encore à cette remarque. On l'appréciera sans doute et l'on ne saurait se dissimuler les embarras qu'un pareil défaut de connaissances jette sur l'ensemble des démarches, des observations, en un mot sur toute la conduite d'office d'un représentant public [2])".

Впечатлѣніе, произведенное на вѣнскій дворъ остановкою Наполеона, было сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Разумовскому представлялся случай снова уговаривать Австрію къ участію въ войнѣ. Поццо ди Борго продолжалъ болѣть и на одномъ послѣ лежало теперь все бремя переговоровъ. При русскомъ дворѣ все еще не теряли надежды втянуть Австрію въ тѣсный союзъ съ Россіею и Пруссіею. Императоръ Александръ Павловичъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что главною причиною несчастій Пруссіи былъ нейтралитетъ ею провозглашенный, передъ началомъ аустерлицкой кампаніи, на который она, какъ теперь вѣнскій кабинетъ, полагала столько благихъ надеждъ. Судьба грозно наказала бранденбургскую монархію за то, что она отвернулась отъ своихъ союзниковъ въ трудную для нихъ пору. Неужели, писалъ Будбергъ къ Разумовскому, австрійское правительство желаетъ подобнымъ же образомъ искупить въ будущемъ свое непростительное бездѣйствіе. Послу приказано было указать вѣнскому двору на то, что французскія войска сражались на огромномъ разстояніи отъ родины, тогда какъ русскія стояли въ виду своихъ границъ, изъ-за которыхъ всегда могли получать нужные припасы. Теперь или никогда могли разсчитывать австрійцы на вѣрный успѣхъ, внезапно ударивъ на тылъ и флангъ непріятеля.

„Si vos efforts restent infructueux,—писалъ Будбергъ къ Разумовскому,—il ne restera à S. M. qu'a déplorer que dans une circonstance aussi critique, aussi souverainement décisive, une des puissances de l'Europe avec laquelle la Russie est le plus intimement liée, n'aie

---

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 26 Декабря.

[2]) Депеша его же къ нему же отъ 29 Декабря.

pas voulu jouer le rôle que sa position lui indiquait et qui l'aurait indubitablèment replacée au rang qui lui revient sous tous les rapperts [1]).

Разумовскому не надо было указывать на то, что ему слѣдовало дѣлать. Ненависть къ Наполеону была уже давно главнымъ рычагомъ его политической дѣятельности. Дождаться, наконецъ, паденія самозванца-императора было для него pium desiderium'омъ, а мысль о томъ, что онъ могъ принять самое дѣятельное участіе въ подобномъ дѣлѣ, подстрекала его къ особенной дѣятельности. Но вѣнскій дворъ оставался вѣренъ самому себѣ и извинялъ бездѣйствіе вступленіемъ русскихъ войскъ въ Дунайскія княжества. Стадіонъ по прежнему заявлялъ, что рискованное это предпріятіе заставляло Австрію быть вдвойнѣ осторожною и тверже прежняго держаться нейтралитета. Вице-канцлеръ продолжалъ жаловаться на то, что Россія, раздробляла свои силы, хотя изъ Петербурга доказывали, что даже въ случаѣ мира съ Турціею невозможно было бы уменьшать днѣстровскую армію, отъ которой и такъ уже отдѣлился выступившій на соединеніе съ Бенигсеномъ корпусъ Эссена [2]). Однако въ послѣднее время графъ Андрей Кирилловичъ не безъ радости замѣчалъ нѣкоторое измѣненіе въ тонѣ рѣчей Стадіона. Хотя послѣдній прямо не высказывался, однако, онъ уже далеко не такъ краснорѣчиво защищалъ необходимость нейтралитета. Полученныя вѣнскимъ дворомъ положительныя свѣдѣнія о битвѣ при Пултускѣ начинали производить свое дѣйствіе.

„Les résultats que nous avons eu (т.-е. Поццо ди-Борго и Разумовскій) à transmettre par le lieutenant Behrens,—доносилъ отъ 3-го Января 1807 г. графъ Андрей Кирилловичъ,—n'étaient point satisfaisants. Les détails que je présente aujourd'hui pourraient en atténuer l'impression désagréable. J'ai à retracer les premières apparences d'une perspective plus analogue aux circonstances, à nos rapports, à nos voeux. Ce ne sont encore à la vérité que des traits épars que les événements doivent fixer, mais il m'a paru essentiel qu'ils fussent connus immédiatement, et si, pour annoncer les développements, qui doivent se présenter sous peu, j'ai retenu, le chasseur Merkel, je supplée en cela, en dépêchant un exprès à la frontière et de là mes rapports seront acheminés à leur destination par voie d'estafette. Pour mettre dans cette exposition la clarté nécessaire, je rappellerai ici un trait de l'expédition de Behrens. J'observai alors qu'une chance favorable aux armées combinées serait un argument puissant de ce côté-ci. Cette conjecture semble se réaliser et le combat du 14 présage un autre état de

---

[1]) Депеша Будберга къ Разумовскому отъ 8 Декабря.

[2]) Та же депеша.

choses. M. Pozzo était malade, quant à moi, attentif à saisir l'impression des événements favorables, qui ont eu lieu de notre côté, je me suis occupé à en faire l'objet de mes remontrances et de mes insinuations, à observer le ministère et c'est à cette nouvelle situation des choses qu'appartient mon rapport. Il paraîtra étrange cependant que la première manifestation du ministre, que j'ai à signaler à cet égard, consiste dans la demande instante de ne plus essayer sur le concours que nous voulons de démarches immédiates d'office, ni d'exiger de réponses cathégoriques. Elles ressembleraient toutes à la dernière. Tel est dans ce moment-ci l'empire des localités. Cela s'expliquera par le suivant. La cour et le ministère se trouvent divisés en deux partis distincts. On pourrait donner à ces partis des dénominations historiques. Moi je les appelle le bon et le mauvais. A la tête du premier se trouvent l'empereur et le c-te de Stadion. A la tête du second: l'archiduc Charles et ses entours et le pouvoir dont le généralissime est investi prouve suffisamment de quelle force doit être la résistance. La peur de se compromettre, d'attirer à la monarchie quelques malheurs, dont on le rendrait responsable dans le public en est le premier mobile. Le second: les insinuations journalières de familles puissantes qui l'obsèdent, qui lui montrent la paix comme l'unique salut de la monarchie et qui ensevelissent ainsi dans l'inaction les grands moyens que ce prince a su rétablir avec un talent et une célérité inouie, sans vouloir, ni oser les employer. De cette manière l'opinion du généralissime prévaut forcément dans le conseil et la conscience et non l'esprit du maître, qui le consulte, fait le reste. Dans cette situation, le ministre qui voudrait rompre en visière au parti de l'archiduc se perdrait gratuitement. Il s'agit donc d'atteindre le même but, sans avoir l'air de heurter les opinions et en préparant les événements avec discrétion et prudence. Voici l'opinion du c-te de Stadion à cet égard et voilà sur quoi il fonde son opinion. Le colonel Neuberg, qui a passé toute la journée du 2 à Varsovie a rendu compte de l'accueil distingué, qu'il a reçu de Bonaparte et de tous ses entours. Il mande avec quelle impatience on attend l'arrivée du général Vincent. Il mande aussi dans quel état se trouve l'armée française, dans ses positions actuelles, après l'échec qu'elle a reçu. Le ministre conclut donc, que l'empressement, avec lequel on va au-devant de l'arrivée de m. de Vincent, ne peut être motivé que par le besoin qu'on a de négocier et il pense que c'est par cette cour-ci que Bonaparte veut faire ouvrir des voies de communication et d'arrangement. Dans ce cas le système est d'accepter ces propositions mais à condition, que pour gage de sa bonne foi, Bonaparte mette en dépôt les forteresses de la Silésie, qui seraient occupées par des garnisons autrichiennes, avec la sainte garantie, s'entend, de

les restituer à la Prusse au moment de l'arrangement. Quelque soit le résultat de cette spéculation politique, la partie sera liée de plus près; les incidents ne manqueront pas et si une fois seulement on est parvenu à la situation de ne plus craindre de se voir enlever une place après l'autre, comme la chose arriverait aujourd'hui en Bohême, tous les partis se réuniront pour la bonne cause. Une remarque que me fit encore le c-te de Stadion à l'égard de celui de l'archiduc et de son ascendant quand il défend le système de la neutralité, c'est celle de l'ignorance totale où l'on est de nos positions, de nos forces en ligne, de nos moyens. J'ai observé à différentes reprises les embarras où ce défaut de connaissances me jetait; j'ai parlé des résultats défavorables que cela avait pour les affaires dans un moment où il s'agit d'aviver les déterminations de cette cour-ci par tout ce qui peut lui inspirer de la confiance. J'ai renouvelé mes instances à cet égard afin qu'une communication régulière avec l'armée me mette à même de pouvoir fournir des données qui peuvent devenir indispensables. Je ne veux pas aller trop loin dans mes conjectures. On appréciera les ouvertures confidentielles de m. le c-te de Stadion. Elles acquéreront plus de poids encore, quand j'aurai ajouté à cet exposé fidèle la prière qu'il m'a faite de prémunir ma cour contre les insinuations pacifiques qui pourraient lui être faites immédiatement ou par l'intremise du roi de Prusse. Bonaparte est, d'après des avis multipliés et selon l'opinion de tous les gens éclairés, dans la situation la plus critique. Une trêve peut l'en tirer. Mais harcelé par nous sans relâche, lui toujours menacé, nous toujours prudents, mais vigoureux dans nos opérations, son rôle deviendra désespéré. Il est plus facile de conquérir que de conserver dans de grandes proportions, surtout qand il s'agit, à 600 lieues de ses ressources, de combattre le climat, la faim et d'avoir en tête un ennemi intrépide".

Разумовскій не ошибался. Наполеонъ, несомнѣнно, пораженъ былъ неожиданными затрудненіями, которыя представляла ему только что начавшаяся борьба съ Россіею. Впервые представлялась ему будущность въ такихъ темныхъ краскахъ. Онъ не забывалъ, что въ совѣтѣ короля прусскаго еще оставалось много сторонниковъ союза съ Франціею и особенно разсчитывалъ на генерала Цастрова, занявшаго мѣсто удаленнаго Гаугвица. Съ бивака подъ Пултускомъ отправилъ онъ нарочнаго въ Варшаву къ Талейрану съ приказомъ немедля войти въ сношенія съ прусскимъ кабинетомъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ поспѣшилъ секретно написать новому прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, предлагая перемиріе и излагая при этомъ тѣ выгоды, которыя могъ представлять Пруссіи тѣсный союзъ съ Фран-

ціею [1]). Несмотря на всю свою нерѣшительность и страхъ передъ Наполеономъ, король Фридрихъ-Вильгельмъ не посмѣлъ, въ виду еще дымящагося Пултускаго поля, утаить отъ русскаго двора сдѣланныя ему французскимъ правительствомъ предложенія. Императоръ Александръ поспѣшилъ на признаніе отвѣтить, что онъ навсегда останется непреклонно вѣрнымъ разъ принятой политической системѣ; Россія уже на дѣлѣ доказала, что готова всѣмъ жертвовать для спасенія Пруссіи, и что она ни подъ какимъ предлогомъ не вступитъ въ переговоры съ Наполеономъ, прежде чѣмъ послѣдній ясно не опредѣлитъ тѣхъ условій, на которыхъ онъ желаетъ примиренія. Будбергъ поспѣшилъ сообщить о письмахъ Талейрана и о сношеніяхъ между Мемелемъ и Петербургомъ Разумовскому. Онъ обращалъ при этомъ вниманіе посла на твердость и достоинство Государя, которыя должны были возбудить заграницею полнѣйшее довѣріе къ его непоколебимымъ нравственнымъ правиламъ. Извѣщая графа Андрея Кирилловича о приходѣ корпуса Эссена къ польской границѣ, Будбергъ изъявлялъ полную надежду на окончательное пораженіе Наполеона. Это была единственная цѣль Государя, которую, разумѣется, достичь можно только цѣною большихъ пожертвованій. Если Россіи придется бороться одной, замѣчалъ при этомъ министръ иностранныхъ дѣлъ, то тѣмъ самымъ она получитъ полное право заняться, послѣ окончанія борьбы, исключительно собственными выгодами, отказываясь заранѣе отъ всякихъ заботъ относительно союзниковъ, не желавшихъ въ трудную пору придти ей на помощь. „Пора бы Австріи — заключалъ Будбергъ, — подумать о своей будущности. Горька будетъ ея судьбина, если она не станетъ содѣйствовать Россіи, а какъ легко было бы ей, дружно соединивъ свои силы съ нашими, упрочить на всегда величіе Габсбургскаго дома. Впрочемъ и вы, и полковникъ Поццо ди Борго истощили уже все ваше краснорѣчіе. Государь не теряетъ однако надежды. Кто знаетъ, не произведутъ ли перемѣны въ рѣшеніяхъ вѣнскаго двора, ваши таланты, ваше рвеніе и долголѣтній опытъ [2])“.

Очевидно было, что въ Петербургѣ акціи Разумовскаго значительно поднялись. О лестныхъ словахъ въ которыхъ выражался о немъ Государь, уже писали ему тѣ немногіе друзья, съ которыми онъ сохранилъ еще сношенія въ Россіи. Добрыя вѣсти придавали ему энергіи и онъ ревностнѣе прежняго занимался возлагаемыми на него порученіями. Мы уже упомянули выше, что Россія въ то время крайне нуждалась въ оружіи. Забота о заказѣ или пріобрѣтеніи оружія этого

---

[1]) Schlosser. Geschichte des XVIII Jahrhunderts. VII. 220.

[2]) Депеша Будберга къ Разумовскому отъ 18 Декабря.

возложена была на кавалера Маллiа; но онъ безъ помощи посла не могъ довести до конца дѣла. Несмотря на холодность, которую породили между Разумовскимъ и его подчиненнымъ доносы по-слѣдняго въ Петербургъ, въ виду серьезности времени и порученнаго ему дѣла, графъ Андрей Кирилловичъ снова сталъ совѣщаться съ своимъ помощникомъ и, черезъ послѣдняго, снова возстановились сношенiя между русскимъ посольствомъ и тѣмъ лицемъ, которое занималось подъ руководствомъ фельдмаршала графа Коллоредо, вооруженiемъ австрiйскихъ войскъ. Лицо это снова бралось доставить Россiи все нужное, но требовало на это разрѣшенiя отъ своего правительства. Разумовскiй переговорилъ съ Стадiономъ и успѣлъ воспользоваться тѣмъ впечатлѣнiемъ, которое произвели на вѣнскiй дворъ извѣстiя, благопрiятныя русскому войску. Вице-канцлеръ завѣрялъ, что затрудненiй къ вывозу оружiя никакихъ не будетъ, а представленный кавалеромъ Маллiею посредникъ бралъ на себя немедленную поставку 50,000 ружей стараго образца, замѣненныхъ недавно въ австрiйской армiи оружiемъ новѣйшей системы. Все затрудненiе состояло теперь въ способѣ пересылки. Поставщикъ доказывалъ, что перевозъ гужемъ потребуетъ большого расхода и слишкомъ сильно возбудитъ общественное вниманiе; онъ указывалъ на Дунай, какъ на единственный способъ доставленiя оружiя въ Россiю, прося только сказать въ какой приморскiй черноморскiй городъ слѣдуетъ его адрессовать. Разумовскiй рѣшилъ, что лучше всего отправить оружiе по Дунаю къ генералу Михельсону, командующему русскими силами въ Бухарестѣ. Все шло прекрасно, но внезапно поставщикъ явился къ послу и таинственно сообщилъ ему, что, въ виду распространившихся слуховъ о войнѣ, онъ опасается, что дѣло можетъ не состояться, такъ какъ по австрiйскимъ законамъ, коль скоро объявляема была война, вывозъ оружiя строжайше воспрещался [1]).

Слухи о войнѣ не были совершенно лишены основанiя. Партiя за нее стоявшая и которой тайно сочувствовали императоръ и Стадiонъ, брала верхъ въ совѣтѣ австрiйскомъ надъ сторонниками нейтралитета и это сильно смущало эрцгерцога Карла. Чтобы остановить вѣнскiй дворъ на гибельной, по мнѣнiю послѣдняго, стезѣ, сторонники эрцгерцога придумали довольно остроумное средство. Они предложили, въ совѣтѣ, медiаторство Австрiи между Францiею и воюющими державами. Предложенъ былъ и уполномоченный для переговоровъ съ Наполеономъ—генералъ баронъ Венсанъ. Императору Францу и графу Стадiону весьма полюбилась мысль эта. Они знали черезъ Варшаву, что общимъ настроенiемъ своей армiи Наполеонъ былъ недоволенъ, что онъ серьезно

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 3 Декабря.

думалъ о мирѣ; они надѣялись этимъ воспользоваться, чтобы, ничѣмъ не жертвуя, получить при общемъ замиреніи приличную награду за медіаторство. Собственно въ успѣхъ предложеннаго ею медіаторства партія эрцгерцога, не вѣрила, но твердо надѣялась на то, что время протянется въ бездѣйствіи и вѣнскому двору, по-неволѣ, придется оставаться при своемъ нейтралитетѣ. Все дѣло было ведено весьма ловко, и никто въ Вѣнѣ не подозрѣвалъ участія эрцгерцога въ этой интригѣ. Венсанъ къ Наполеону былъ назначенъ уполномоченнымъ и Разумовскому была объяснена только отчасти цѣль его миссіи. Венсану предписано было сперва вывѣдать подробнѣе замыслы и намѣренія Наполеона, особенно относительно Польши и Турціи, потомъ онъ долженъ былъ предложить медіаторство Австріи и просить о созваніи европейскаго конгресса. Удобнымъ къ тому мѣстомъ указывался Мемель. Наброшенъ былъ даже заранѣе проэктъ условій, на основаніи которыхъ легко можно было, по мнѣнію вѣнскаго двора, добиться мира. Первымъ изъ этихъ условій было признаніе послѣ окончанія военныхъ дѣйствій въ Польшѣ и Турціи status quo ante bellum, что успокоивало Австрію относительно всякаго польскаго возстановленія и на непредвидѣнное время отдаляло ненавистное ей рѣшеніе восточнаго вопроса. Для Германіи требовалась новая организація, болѣе согласная съ выгодами габсбургской монархіи, а для Италіи собирались придумать иной политическій строй, дабы она не оставалась яблокомъ раздора между Австріею и Франціею. Миръ предполагался общеевропейскій, съ участіемъ Англіи [1]). Разумовскій не понялъ скрытной цѣли миссіи барона Венсана. Въ сущности она была ему несимпатична, такъ какъ по его убѣжденію всякіе переговоры съ Наполеономъ были унизительны; но онъ не сознавалъ, что медіаторство окончательно оттянетъ Австрію отъ участія въ войнѣ и не безъ интереса слѣдилъ за ходомъ миссіи Венсана, которая, какъ и слѣдовало ожидать, затянулась съ самаго начала.

„D'après ce que m'a dit le c-te de Stadion, — доносилъ графъ Андрей Кирилловичъ отъ 12 Января Будбергу,—les nouvelles du général Vincent laissent beaucoup à désirer à l'égard des notions qu'on espérait recevoir sur l'état actuel de l'armée et des plans et des projets de Bonaparte. Il se borne à annoncer son début et l'accueil favorable qu'il en a reçu. Il semble, que c'est en conformité de ses instructions, que m. de Vincent à jeté dans sa première audience quelques propos, sur la disposition de sa cour, à se charger d'une intervention pacifique, entre les puissances belligérentes. Il y a été répondu d'une manière amicale, mais vague, également éloignée du refus et de l'accep-

---

[1]) Schlosser Geschichte des XVIII. Jahrhunderts. VII. 221.

tation d'une pareille offre. Ce que j'en ai appris n'a été que dans la conversation; je n'ai point vu les dépêches du général, je ne suis point par conséquent à même de juger, sur quelle base il a été autorisé de parler de cet objet, et quel degré de valeur positive il a pu lui donner. Le c-te de Stadion depuis quelques jours se trouve confiné dans son lit, par une attaque de goutte assez forte, qui le met hors d'état presque de parler d'affaires. Je présume que les dépêches qu'il adresse au c-te de Meerfeldt, s'en ressentiront. Cependant, ayant été le voir avant-hier, dans un moment où ses souffrances lui laissaient quelque relâche, il m'a fait lire un mémoire sur les opérations des armées des deux cours impériales, dans le cas où elles seraient combinées, en réponse à celui que m. Pozzo a été chargé de communiquer ici. Cette pièce sera présentée à v. e. par le c-te de Meerfeldt. Une lecture rapide ne m'a pas permis d'en porter un jugement, qui aurait du être appuyé sur une comparaison réfléchie avec le contenu du premier; d'ailleurs une discussion militaire n'est pas de mon ressort, mais c'est avec une satisfaction réelle que j'ai cru apercevoir qu'on se familiarise ici avec l'idée de la guerre, et je ne doute point, que si nous maintenons l'avantage de nos positions et celui que les succès de nos armes nous ont acquis sur le moral des armées françaises, cette cour-ci ne se détermine à entrer avec nous dans un concert positif de mesures et d'opérations. Ses troupes sont sous tous les rapports, dans le meilleur état possible et dans une excellente disposition d'esprit. Elles peuvent être portées avec facilité sur tels points des frontières où les circonstances l'exigeront. Il me revient qu'Andréossy en a parlé dans ce sens et qu'il commence à prévoir que l'on ne doit pas trop compter sur les assurances de maintenir la neutralité. Si telle est son opinion, et s'il y donne du poids auprès de son gouvernement, on pourrait se voir contraint ici de ne plus ajourner une détermination dont on cherchera d'ailleurs à différer l'éclat, tant à cause de la saison, que dans l'espoir que des avantages ultérieurs pour nos armes rendent les chances plus favorables à celles de l'Autriche".

Беннигсенъ о Пултускомъ сраженіи донесъ Императору Александру Павловичу, какъ о полномъ пораженіи французовъ. Въ награду онъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й степени и 5000 червонцевъ. Къ сожалѣнію въ донесеніи русскаго генерала многое было преувеличено и онъ самъ подалъ поводъ французамъ, по малой мѣрѣ столь же хвастливымъ, справедливо обличить русское правительство въ обманѣ. Тѣмъ не менѣе сейчасъ же послѣ битвы и при изгнанномъ въ Мемель прусскомъ дворѣ и въ Вѣнѣ радость была общая. Не даромъ доносилъ Разумовскій о томъ, что съ каждымъ днемъ онъ все болѣе надѣется на успѣхъ своихъ убѣжденій и увѣренъ въ скоромъ содѣй-

ствіи Австріи. Императоръ, эрцгерцоги, за исключеніемъ развѣ эрцгерцога Карла, министры, первые магнаты поздравляли другъ друга съ успѣхами русскаго оружія. За русскимъ посломъ снова стали ухаживать и хотя по прежнему австрійцы еще продолжали изгибаться передъ Андросси, однако явно было, что въ политикѣ вѣнскаго кабинета готовилась существенная перемѣна. На зло Россіи именно въ эту пору явился въ Вѣну старый недругъ Разумовскаго, маркизъ Луккезини. Удаленный отъ прусскаго двора, онъ пробирался къ себѣ на родину въ Лукку, но старался скрыть свою опалу и увѣрялъ всѣхъ въ Вѣнѣ, что получилъ кратковременный отпускъ, продолжая по прежнему быть въ лучшихъ отношеніяхъ съ королемъ. Въ нѣсколько дней успѣлъ Луккезини обѣжать Вѣну и побывать у всѣхъ немного выдающихся личностей. Его, между прочимъ, часто видали у Андреосси. Посѣщенія эти казались для прусскаго дипломата по малой мѣрѣ, подозрительными, но Луккезини объяснялъ ихъ необходимостью добыть себѣ паспортъ для проѣзда въ Италію. Андреосси, однако, не смотря на заискиванія Луккезини, не рѣшался выдать ему вида безъ особаго на то разрѣшенія Наполеона. Прусскій дипломатъ принужденъ былъ вслѣдствіе этого остановиться въ Вѣнѣ гораздо долѣе чѣмъ предполагалъ. Не забывая того, что опалой своей онъ особенно обязанъ былъ Императору Александру, и продолжая питать прежнее враждебное чувство къ Разумовскому, Луккезини отъ нечего дѣлать сталъ распространять по Вѣнѣ самые невыгодные слухи о Россіи. Онъ говорилъ, что русскія войска были побиты, что только непролазная польская грязь могла остановить дѣйствія Наполеона и спасла русскихъ отъ окончательнаго уничтоженія. По словамъ прусско-италіанскаго дипломата, французская армія вовсе не падала духомъ и вполнѣ была обезпечена относительно продовольствія. Что же касалось до русскихъ, то Луккезини сообщалъ подъ секретомъ, который онъ впрочемъ съ охотою открывалъ каждому, о полномъ отсутствіи въ арміи дисциплины и о той враждѣ, которая существовала между ихъ генералами. Онъ пророчилъ, что весною или даже съ наступленіемъ морозовъ, коль скоро дороги только просохнутъ, Наполеонъ, не утратившій магическаго вліянія на свое войско, поведетъ его къ новымъ побѣдамъ и послѣ много двухъ сраженій окончательно сокрушитъ Россію. Въ этихъ сплетняхъ была доля правды и онѣ отчасти поддерживались и другими доходившими до Вѣны извѣстіями. Разумовскій старался, сколько могъ, опровергать всѣ эти слухи. На его счастіе, вслѣдствіе давнишнихъ представленій, изъ Петербурга приказано было командующимъ генераламъ сообщать въ русское посольство въ Вѣнѣ частыя и подробныя извѣстія изъ арміи. Въ описываемое нами время графъ Андрей Кирилловичъ только что получилъ два длинныхъ и

подробныхъ письма отъ Беннигсена и Буксгевдена и могъ съ документами въ рукахъ доказывать, хотя и не всегда удачно, лживость показаній Луккезини. Ему приходилось особенно бороться съ извѣстіями, получаемыми французскимъ посольствомъ, которое настойчиво указывало на пререканія русскихъ генераловъ, между прочимъ, какъ на весьма благопріятное условіе для будущихъ успѣховъ Наполеона [1]). Кромѣ того въ рапортахъ, которые вѣнскій дворъ получалъ отъ своихъ генераловъ, говорилось, что русскіе, послѣ Пултускаго сраженія, отступили и притомъ упоминалось о полномъ отсутствіи въ войскѣ русскомъ дисциплины и о непростительныхъ интригахъ, существовавшихъ между русскими генералами. Грустныя обстоятельства эти, которыя въ наше время уже не оспариваютъ даже самые восторженные отечественные историки, не смотря на всѣ усилія Разумовскаго, разнесли тѣ свѣтлыя надежды, которыя основывали въ Вѣнѣ на успѣхи русскихъ и придавали новую силу сторонникамъ нейтралитета.

Въ то время, когда всѣ были заняты извѣстіями, распространяемыми Луккезини, прискакалъ въ Вѣну курьеръ, объявившій, что Наполеонъ выступилъ со всѣми своими силами изъ Варшавы. Вѣсть эта произвела огромное впечатлѣніе. Луккезини удалось только пошатнуть довѣріе австрійцевъ къ успѣхамъ русскаго оружія, онъ не могъ однако убѣдить вѣнскихъ жителей въ цвѣтущемъ состояніи французской арміи, у австрійскаго правительства были свои агенты, между прочими баронъ Венсанъ, которые сообщали подробно о томъ, что дѣлалось въ лагерѣ Наполеона, но именно отъ этого, государственнымъ людямъ, державшимъ въ то время въ Австріи кормило правленія, показалось крайне знаменательнымъ рѣшеніе французскаго императора двинуться впередъ въ самое суровое время года, не смотря на всѣмъ извѣстное неудовольствіе французской арміи. При вѣнскомъ дворѣ подумали, что Наполеонъ подмѣтилъ слабую сторону въ расположеніи русскихъ войскъ и рѣшился, благодаря какой нибудь новой воинской стратагемѣ нанести имъ окончательный ударъ. Разумовскій всю надежду свою полагалъ теперь на храбрость и выносливость русскихъ воиновъ. Онъ имѣлъ самое высокое мнѣніе о Беннигсенѣ, какъ объ опытномъ военачальникѣ. Напрасно старался русскій посолъ опровергнуть въ газетахъ ходившіе по городу слухи. Правительство которое снова трепетало при имени Наполеона, не дозволяло представителю дружественной державы печатно защищать свое отечество [2]).

„Depuis que les armées sont en présence,—доносилъ Разумовскій,—

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 13 Января.
[2]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 26 Января.

et que les français annoncent par tout des succès pour eux, des défaites de notre part, j'ai exposé à différentes reprises la nécessité qu'il y avait, que je fusse instruit de la vérité des événements, pour pouvoir rectifier l'opinion publique. Elle peut être indifférente, méprisable même dans d'autres circonstances, mais à la distance où se trouve l'armée française, les partis qui peuvent se rallier sur ses derrières ne seront guidés que par son influence. Les lettres qui me sont rentrées successivement de la part de nos généraux m'auraient donc permis enfin de lui donner la première impulsion; mais lorsque je demandai que le récit du général Bennigsen, récit qu'il m'avait annoncé comme extrait de ses rapports en cour, fut mis dans la gazette de Vienne, on m'opposa une règle invariable. Cette règle, qui vu les distances donne tout l'avantage aux français et ne nous laisse qu'une voie tardive pour faire connaître la vérité de nos opérations, la voici. La gazette de Vienne n'admet que les articles officiels déjà imprimés dans d'autres gazettes, qu'elle copie au traduit. Toute insertion politique sur manuscrit est défendue. J'ai eu beau remontrer au c-te de Stadion, qui m'assurait que dès que nos bulletins auraient paru dans les gazettes de Riga ou de St.-Pétersbourg, ils seraient traduits et publiés avec empressement et exactitude. J'ai eu beau remontrer, que de cette manière il se passerait au moins six semaines, avant que les événements ne fussent connus; on m'oppose constamment la règle, c'est-à-dire la crainte extrême de se compromettre avant le temps. J'ai du me rendre à cette remarque... Cependant il serait pernicieux de renoncer à cet objet, et je pense qu'on y réussirait en l'entamant avec le c-te de Meerfeldt et en lui donnant l'assurance que les communications de nos généraux, sur lesquelles on prendrait les articles à insérer dans les gazettes de Vienne, Trieste et Presbourg, seraient conformes aux rapports officiels faits en cour; de cette manière les gazettes russes confirmeront textuellement les gazettes autrichiennes et la réponse du ministère ici aux reproches des français serait: „nous insérons les articles de toutes les gazettes officielles, vous pourrez vous en convaincre par le texte russe de celle de S.-Pétersbourg".

„J'ai dit plus haut que j'avais reçu de m. m. les généraux commandents nos armées les communications tant désirées. Je dois préciser à cet égard. J'ai signalé le contenu de la lettre du général Bennigsen. Celle du c-te de Buxhövden ne renfermait que des questions politiques sur l'accession de cette cour-ci à la cause commune. Je lui ai répondu dans le sens, des données acquises. Le général Michelson m'a écrit également. Sa dépêche sorte d'introduction à une correspondance qui est d'un grand intérêt pour les affaires et que je cultiverai avec suite et soin".

Депеши Разумовскаго получались въ Петербургѣ съ благосклонностію. Черезъ Будберга Государь повелѣлъ передать послу свое одобреніе. Особенно были довольны тою поспѣшностью и рвеніемъ, съ которыми графъ Андрей Кирилловичъ, воспользовался полученными имъ извѣстіями о Пултуской битвѣ, чтобы снова обратиться съ представленіями къ вѣнскому кабинету относительно его бездѣйствія. При петербургскомъ дворѣ вполнѣ надѣялись, что военное счастіе на сторонѣ Россіи. Генералы доносили Государю, что во французской арміи преобладало уныніе и недовольство, тогда какъ русскія войска отличались воинственнымъ духомъ и полнымъ воодушевленіемъ. Въ Петербургѣ тоже полагали большія надежды на Беннигсена. Послѣдній, послѣ постыдныхъ пререканій съ графомъ Буксгевденомъ, вызвавшимъ его на поединокъ, и послѣ необъяснимаго отступленія вверхъ по Нареву, во время котораго солдаты, терпя голодъ и холодъ, грабили по обыкновенію прусскія села, остановился наконецъ при Тикоцынѣ. Необычная рѣшительность, выказанная Беннигсеномъ при Пултускѣ и преувеличенное донесеніе объ этой битвѣ доставило ему, кромѣ наградъ, главное начальство надъ арміею. Графъ Буксгевденъ получилъ мѣсто генерала-губернатора въ Ригу, а генералу Кноррингу, назначенному было въ помощники къ Каменскому и сильно интриговавшему противъ своихъ товарищей, строжайшее предписано было строго повиноваться новому начальнику. Правами, дарованными не только Беннигсену, но и дежурному генералу графу Толстому, государь надѣялся положить предѣлъ дальнѣйшему безначалію въ арміи, а равно безпорядкамъ и бродяжничеству, отъ котораго сильно страдала занятая русскими войсками сѣверно-восточная часть Пруссіи и на которое безпрестанно жаловался Императору Александру прусскій король.

Беннигсенъ рѣшился скрытно отъ французовъ сдѣлать фланговое движеніе на старую Пруссію съ тѣмъ, чтобы аттаковать ихъ по дорогѣ къ Кенигсбергу. Отъ этого движенія ожидали въ Петербургѣ полнаго успѣха и находили, что въ данную минуту вмѣшательство Австріи могло быть болѣе чѣмъ когда-либо спасительнымъ. Будбергъ извѣщалъ Разумовскаго о томъ, что къ Беннигсену безпрестанно подходятъ подкрѣпленія, и что Государь въ настоящее время особенно разсчитываетъ на рвеніе, дѣятельность и таланты своего посла. Объ окончательномъ рѣшеніи австрійскаго кабинета при петербургскомъ дворѣ уже не безпокоились, боялись только замедленія и потому графу Андрею Кирилловичу предписывалось ускорить, елико возможно, участіе Австріи въ войнѣ. Чтобы положить предѣлъ хвастовству французовъ, всѣмъ командующимъ русскими войсками генераламъ, съ Беннигсеномъ во главѣ, вторично повелѣно было отъ Государя сообщать Разу-

мовскому въ Вѣну подробныя извѣстія съ театра войны. Будбергъ надѣялся, что извѣщенія эти облегчатъ графу Андрею трудное дѣло, на него возложенное, и приписывалъ неизвѣстность, въ которой посолъ находился до сихъ поръ, тѣмъ безпорядкамъ, которые царствовали въ русской арміи во время кратковременнаго командованія фельдмаршала графа Каменскаго, назначеніе котораго состоялось, по увѣренію министра иностранныхъ дѣлъ, только въ угоду общественному мнѣнію. Теперь, когда армія ввѣрена Беннигсену, столь отличившемуся подъ Пултускомъ, и Государь и Россія имѣли полное право разсчитывать на успѣхъ, особенно если Австрія наконецъ рѣшилась дѣятельно помочь Россіи.

„Comment se peut-il,—писалъ Разумовскому Будбергъ,—qu'un cabinet aussi éclairé, que l'est celui de S. M. I. et R. veuille ne pas voir jusqu'ici tout le parti que lui offre la position actuelle des affaires? Comment ne prévoit-il pas, qu'en laissant échapper un moment décisif, qui peut-être ne sera pas de longue durée, il se prépare des regrets aussi cuisants que tardifs".

О медіаторствѣ и миссіи барона Венсана петербургскій дворъ отзывался холодно. Государь находилъ, что на переговоры разсчитывать можно было только въ томъ случаѣ, если бы Наполеонъ первый сталъ просить о мирѣ. Переписка Талейрана съ Цастровымъ была попыткою лишить Россію единственнаго ея союзника. Будбергъ пенялъ Разумовскому за то, что онъ въ слишкомъ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ доносилъ объ этомъ задуманномъ Австріею медіаторствѣ. Передавать послу по этому случаю новыя указанія изъ Петербурга находили излишнимъ, миролюбіе Государя было уже и такъ графу Андрею Кирилловичу вполнѣ извѣстно и онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что Е. В. было крайне желательно заключить миръ на выгодныхъ для Россіи и ея союзниковъ условіяхъ. Медіаторства Австріи Государь не отвергалъ, но онъ могъ принять его только въ томъ случаѣ, если оно будетъ согласоваться съ окончательными цѣлями, которыя онъ себѣ намѣтилъ. Разумовскому при этомъ поручалось передать вѣнскому двору, что Россія имѣетъ слишкомъ много поводовъ опасаться обмановъ Наполеона и потому, заручившись только самыми вѣрными данными касательно будущаго, рѣшится она приступить къ новымъ переговорамъ [1]).

Въ отвѣтныхъ депешахъ своихъ Разумовскій сообщалъ, что послѣднія извѣстія произвели на вѣнскій дворъ неблагопріятное впечатлѣніе. Довѣріе къ успѣху русскаго оружія поколебалось и страхъ передъ Наполеономъ снова заглушилъ всѣ прочія соображенія. О войнѣ не только

[1]) Депеша Будберга къ Разумовскому отъ 24 Января.

въ совѣтѣ, но и по городу никто не смѣлъ теперь замолвить слова, а эрцгерцогъ Карлъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ болѣе вліянія надъ царственнымъ своимъ братомъ. Усиленныя представленія Разумовскаго, въ такую минуту недовѣрія къ Россіи, начинали досаждать императору и Стадіону. Вмѣсто отвѣта на требованія о подмогѣ, вице-канцлеръ каждый разъ сводилъ разговоръ на турецкія дѣла и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ протестовалъ противъ насильственныхъ мѣръ, принятыхъ Россіею относительно порты оттоманской.

Рѣшеніе Россіи двинуть силы свои въ дунайскія княжества сильно подѣйствовало на султана Селима. Ипсиланти и Мурузи снова были водворены въ свои господарскія должности. Но этимъ русское правительство не удовлетворилось. Италинскій настоятельно требовалъ дословнаго возстановленія всѣхъ статей ясскаго договора, а генералъ Михельсонъ, не обращая вниманія на единственную и притомъ позднюю уступку законнымъ настояніямъ Россіи, захвативъ Хотинъ и Бендеры, быстро подступалъ къ Бухаресту, протагивая руку возставшимъ противъ Турціи сербамъ. Страхъ и ужасъ овладѣлъ диваномъ, тѣмъ болѣе, что отношенія его къ британскому правительству были далеко не дружелюбны, и англійскій флотъ стоялъ не далеко отъ плохо защищенныхъ Дарданеллъ, при островѣ Тенедосѣ. Смѣтливость Себастіани успѣла разогнать уныніе, овладѣвшее султанскимъ дворомъ. На счастіе французскаго посла именно въ эту пору прибылъ въ Константинополь курьеръ Талейрана, надѣлавшій столько шуму въ Вѣнѣ. Онъ увѣрялъ, что русскіе побиты Наполеономъ на голову. Себастіани воспользовался его пріѣздомъ, чтобы окончательно успокоить диванъ, увѣрить его въ полномъ пораженіи русскихъ силъ, и подкрѣпить обѣщаніемъ скорой подмоги со стороны Франціи. Подмога эта, по завѣренію французскаго посла должна была прибыть изъ Далмаціи. Тонъ дивана внезапно измѣнился. Италинскому высланы были паспорты и тѣмъ самымъ объявлена война Россіи. Защитникомъ русскаго посланника явился представитель Англіи Чарльсъ Артбутнотъ. Въ рѣзкой нотѣ, представленной имъ портѣ, онъ требовалъ немедленнаго возвращенія Италинскаго и высылки Себастіани, угрожая въ противномъ случаѣ выѣздомъ изъ Константинополя на англійскій флотъ, на которомъ, по словамъ его, не трудно ему будетъ снова вернуться и заставить диванъ подчиниться законнымъ требованіямъ Англіи и Россіи. Въ Константинополѣ всѣ снова растеряли головы, но Себастіани указаніями на скорую помощь Франціи и безпрестаннымъ напоминаніемъ побѣдъ Наполеона успѣлъ поддержать въ султанѣ рѣшимость. Онъ обѣщалъ, съ помощью имѣвшихся подъ рукою французскихъ инженеровъ, укрѣпить въ нѣсколько дней Константинополь и

Дарданеллы такъ, что англійскій флотъ будетъ безсиленъ что-либо противъ нихъ предпринять. Послѣ недолгаго колебанія, Артбутноту было отказано во всѣхъ его требованіяхъ и онъ не безъ огласки, покинулъ турецкую столицу, направляясь къ острову Тенедосу на британскій флотъ.

Извѣстія, получаемыя изъ Константинополя, крайне безпокоили австрійскихъ министровъ. Они убѣдились въ томъ, что Россія и Англія дѣйствуютъ единодушно и испуганному ихъ воображенію уже представлялись присоединенныя къ Россіи Молдавія и Валахія и захваченный Англіею Египетъ. Разумовскій, къ которому въ свою очередь настойчиво сталъ приставать графъ Стадіонъ, не зналъ какъ отдѣлаться отъ безпрестанныхъ запросовъ относительно Турціи, и нетерпѣливо ожидалъ положительныхъ извѣстій изъ Петербурга, чтобы приступить наконецъ къ рѣшительному объясненію. Получивъ оффиціальное извѣстіе объ объявленіи Россіею войны отоманской портѣ, онъ, не теряя времени, отправился къ вице-канцлеру, рѣшившись высказать ему всю правду. Едва вошелъ онъ въ кабинетъ графа Стадіона, какъ послѣдній напалъ на него съ горькими упреками. Онъ говорилъ, что Россія на зло Австріи затѣяла несчастную войну, которую непремѣнно слѣдовало отвратить; утверждалъ, что среди членовъ турецкаго дивана существуетъ еще весьма сильная партія за Россію, что Италинскій не умѣлъ себя держать въ Константинополѣ такъ, какъ-бы ему слѣдовало, что съ нѣкоторою ловкостью ему не трудно бы было сплотить вокругъ себя толпу сторонниковъ и противодѣйствовать всѣмъ интригамъ Себастіани. Тогда, говорилъ Стадіонъ, не пришлось бы дробить своихъ силъ, такъ какъ даже незначительнаго отряда расположеннаго на границахъ, довольно бы было, чтобы содержать турокъ въ почтеніи. Вслѣдъ за этимъ вице-канцлеръ сталъ исчислять тѣ бѣдствія, которыя, благодаря несвоевременно начатой войнѣ должны были постигнуть Австрію. Борьба на Востокѣ самою силою обстоятельствъ ослабитъ силы императора короля на западѣ, заставивъ его содержать грозную армію на турецкой границѣ. Вѣнскій дворъ могъ теперь съ минуты на минуту ожидать внезапнаго нападенія или со стороны Франціи или со стороны турокъ. Наконецъ, что скажетъ Венгрія, эта раздражительная и чуткая ко всякой внутренней и внѣшней перемѣнѣ страна, если война загорится на ея границахъ. Стадіонъ не скрывалъ отъ Разумовскаго, что Венгрія требовала крайней осторожности въ обхожденіи съ нею и непрестаннаго со стороны вѣнскаго двора строгаго присмотра, такъ какъ при малѣйшей ошибкѣ или неосторожности Австрія легко могла ея лишиться навсегда.

Разумовскій спокойно выслушалъ филиппику Стадіона, побилъ

одинъ за другимъ всѣ приведенные имъ софизмы и потомъ началъ съ своей стороны аттаку. Вотъ въ какихъ словахъ доносилъ онъ Будбергу о совѣщаніи своемъ съ вице-канцлеромъ.

„J'ai conduit notre entretien sur un autre point que je ne perds jamais de vue et que je reproduis aussi souvent que je le puis, en saisissant l'à propos que m'indique ma longue expérience du pays et des individus. Je retraçai la position respective des armées belligérantes dans les environs de la Vistule. Je représentai au vice-chancelier les avantages qu'avaient obtenus celle de mon auguste Maître, ce que nous avions à nous promettre de nos positions, d'une connaissance supérieure du pays, de la bravoure, de l'excellent esprit dont sont animées nos troupes, de l'état de prospérité où elles sont comparativement à celui de l'armée française, dénuée de subsistances, de vêtements et portée de jour en jour à murmurer plus hautement contre le chef qui la sacrifie si inconsidérement à son insatiable et inhumaine ambition. Cependant quelques brillantes que soient ces espérances, les chances de la guerre sont journalières. La Russie combat seule la France. Elle la combât à forces égales. Si les siennes venaient à succomber, l'Europe tomberait pour toujours et sans espoir de rédemption sous le fléau de l'homme, qui depuis une suite d'années la tourmente avec tant de succès. Cet avenir glace d'effroi et les moyens d'en préserver l'Europe sont dans la puissance de l'Autriche. Que ses armées se mettent en mouvement et l'Europe est sauvée. Celles de la France non-seulement ne résisteraient point à un plan combiné avec sagesse, développé avec énergie, mais il est presque hors de doute que son gouvernement serait contraint de revenir sur toutes ses usurpations et d'adopter un système qui assurerait avec le repos du monde, la gloire immortelle des souverains qui en auraient été les bienfaiteurs. Telle a été la substance de mon raisonnement. On ne détruit pas aisément des erreurs, qui tiennent à tant de causes déplorables, mais à force de prêcher la vérité dans les moments où elle peut agir sur l'intérêt et l'amour-propre, on parvient à dissiper les funestes illusions qui en dérobent la lumière. Le c-te de Stadion m'a opposé diverses objections, dont la principale retombait toujours dans la désapprobation de notre guerre contre les turcs. Il en concluait que si sa cour joignait ses armes aux nôtres, elle aurait à conduire deux guerres au lieu d'une. Partant de là et d'après l'énumération des forces qu'on pourrait mettre en campagne, après avoir garni les forteresses de la Bohême et de la Moravie, il a jugé qu'elles seraient insuffisantes pour agir avec confiance contre un ennemi, qui dans son opinion, n'hésiterait pas alors à tourner toutes les siennes contre la monarchie autrichienne, qu'il écraserait de tous côtés, avant qu'on put venir à son secours. Dans cet

entretien, comme dans ceux qui l'ont précédés sur le même sujet, il m'a été facile de démêler que le c-te de Stadion n'était que l'organe des difficultés qu'il m'opposait et de me convaincre qu'elles tenaient à une source qu'il n'était pas en son pouvoir pour le moment de contrarier. En dernier résultat je crois pouvoir affirmer que rien ne déterminera cette cour-ci à changer de système qu'une suite de succès de nos armées. Les siennes en attendant acquéreront de jour en jour plus de consistance par l'activité avec laquelle on travaille à en compléter toutes les parties, et je n'ai nul doute que d'ici au printemps elles ne soient à tous égards sur le meilleur pied possible et prêtes à se porter où le besoin pourrait l'exiger... V.˙˙e. me marque que quels que soient les évenements de notre guerre contre les turcs, les principes de notre auguste Maître sont invariables, et que jamais les succès qu'obtiendront les armes de S. M. I. ne l'entraineront à des projets, dont la cour de Vienne pourrait avoir à s'alarmer, mais qu'en même temps S. M. se croit justement fondée à espérer que si l'Autriche persévère dans sa neutralité, elle l'étendra impartialement à tout ce qui se passera du côté de la Turquie. Cette assuranee de neutralité nous est sans contredit très-essentielle. Je n'ai pas cru cependant devoir encore dans ce moment-ci en aborder la question directement. Cette marche m'a semblé susceptible d'un soupçon de méfiance qui aurait, à juste titre, blessé la sensibilité. Le même but pouvait être atteint par une voie différente. J'ai rammené le ministre aux principes qui ont dirigé le cabinet depuis les désastres de la Prusse. Si sa conduite a manqué d'énergie; si ses combinaisons ont été circonscrites par sa timidité, on ne peut du moins lui reprocher rien qui dégrade son honneur et sa considération. Il serait superflu que je répète ici ce que j'ai eu l'honneur de vous mander de mon opinion sur les sentiments et les dispositions personnelles de l'empereur et de son ministre. L'un et l'autre eussent adopté vraisemblablement des conceptions différentes, s'ils n'eussent été entrainés par les obstacles qui ont déjà été portés à la connaissance de notre auguste cour. En repassant avec le c-te de Stadion tout ce que pouvait se prévoir des événements futurs, je n'ai rien négligé pour combattre la funeste neutralité de sa cour, pour lui faire sentir, qu'en y persévérant, on laissait échapper l'occasion la plus favorable de secouer le joug de la France, que cette occasion pourrait ne plus se retrouver, qu'on la regretterait en vain et qu'on se rendrait responsable envers la postérité de l'avoir manquée. Toutes mes exhortations ont été inutiles et n'ont servi qu'à me donner la conviction, que pour le présent, rien ne saurait ébranler la détermination de la neutralité, mais je me suis

assuré en même temps d'une manière aussi positive que cette neutralité sera religieusement observée de tous les côtés où la guerre aura lieu. Enfin, je le répète, on ne verra la cour de Vienne renoncer à ce systême et embrasser celui que nous désirons lui faire suivre que lorsque des avantages marquants de notre part contre les français lui feront acquérir la contenance qui lui manque aujourd'hui, ou si elle y était forcée par les entreprises de la France qui l'obligeassent à résister à main armée à la violation de son territoire ou de son indépendance. Au surplus le c-te de Stadion m'a répété avec le ton de loyauté que jamais, quelques puissent être les séductions ou les menaces de la France, l'empereur, son maître, ne prêterait l'oreille à aucun systême d'intelligence avec Bonaparte".

Въ то время, когда Разумовскій, несмотря на малую удачу своихъ представленій, имѣлъ поводъ радоваться, что успѣлъ угодить двору своему, что удостоился милостиваго одобренія отъ самого Государя и любезныхъ сообщеній отъ враждебнаго къ нему до сихъ поръ Будберга, внезапно поразила его депеша, напомнившая худшія минуты петербургскаго недовольства. Министръ иностранныхъ дѣлъ строго и рѣзко выговаривалъ за неправильныя и недостаточныя свѣдѣнія, сообщаемыя касательно хода дѣла Которскаго. Разумовскій не вѣрилъ глазамъ своимъ: о Которѣ всѣ въ Вѣнѣ давно забыли. Самъ посолъ не упоминалъ о немъ въ своихъ отношеніяхъ. Даже съ Санковскимъ прервалась у него на время переписка. Сильныя бури на Адріатическомъ морѣ задерживали въ австрійскихъ портахъ корабли, и прямое сообщеніе между Тріестомъ и Которомъ совершенно прекратилось. Одна только депеша Санковскаго какимъ-то чудомъ достигла до Вѣны. Въ ней русскій коммиссаръ требовалъ извѣстій и инструкцій. Онъ не слыхалъ еще ни о погромѣ Пруссіи, ни о томъ, что русскія войска уже помѣрились силами съ французами, и что Турціи была объявлена война. Санковскій не зналъ, какъ держать себя относительно Герцоговины, гдѣ готово было вспыхнуть общее возстаніе. Съ первою возможностію Разумовскій сообщилъ Санковскому краткій перечень всего того, что произошло за послѣднія недѣли въ Европѣ. Объ осторожности въ его депешѣ не упоминалось вовсе; онъ совѣтовалъ, напротивъ, Санковскому употреблять самыя крайнія мѣры и стараться о возбужденіи къ возстанію всѣхъ христіанъ въ Турціи, чтобы разомъ произвести общій взрывъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились и люди, преданные Россіи. Съ этою цѣлью посолъ выслалъ даже Санковскому нужныя деньги. По мнѣнію графа Андрея Кирилловича въ настоящую пору лозунгомъ всякаго русскаго должно было быть слово—дѣйствовать, и притомъ дѣйствовать единодушно, на-

прягая всѣ свои усилія [1]). При такомъ совершенно новомъ и неожиданномъ направленіи дипломата, космополитическія правила, котораго до сихъ поръ такъ явно сквозили въ его депешахъ, понятно было то недоумѣніе, съ которымъ Разумовскій прочиталъ привезенное изъ Петербурга фельдегеремъ сообщеніе отъ барона Будберга, помѣченное 2-мъ Января. Оно было слѣдующаго содержанія:

„La chaleur et le ton pressant, avec lesquels le c-te de Meerfeldt s'est acquitté de la démarche officielle qui lui était prescrite par sa cour, ont du faire adopter à S. M. I. l'opinion que malgré vos avis positifs et contre toute vraisemblance, dans un moment aussi critique et une situation si différente, l'affaire absolument secondaire de Cattaro n'a rien perdu de son importance aux yeux du ministère autrichien et parait même en avoir gagné en raison de ce que le changement de circonstances devait lui en faire perdre. Mais si l'opinion de l'Empereur s'est fixée à cet égard, S. M. I. n'en est pas moins hors d'état de s'expliquer les raisons pour lesquelles vous énoncez aussi positivement une opinion diamétralement opposée aux déclarations de la cour de Vienne et les motifs qu'a pu avoir le ministère autrichien de vous induire ou vous laisser dans une pareille erreur".

Вслѣдъ за приведенными упреками, Будбергъ предписывалъ послу немедля заявить австрійскому двору, что Государь на сдачу Котора въ настоящее время, ни подъ какимъ видомъ не согласится, хотя и готовъ на всякое иное пожертвованіе, способное побудить Австрію къ дѣятельному содѣйствію Россіи въ войнѣ съ Франціею. Давно не приходилось честолюбивому Разумовскому выслушать такой рѣзкій выговоръ. Онъ считалъ себя однимъ изъ первыхъ дипломатовъ Европы, а его упрекали въ неумѣлости и непроницательности. Въ Петербургѣ были увѣрены, что австрійскіе министры его провели, а онъ въ депешахъ своихъ старался ихъ извинить и, при неутѣшительныхъ извѣстіяхъ всегда подавалъ благія, но туманныя надежды на будущее. „Объясните вѣнскому двору,—сообщалъ еще отъ 8-го Января Разумовскому Будбергъ,—что занатіе Котора стало для насъ въ настоящую минуту дѣломъ первостепенной важности. Соображенія, которыя, во всякое иное время, могли бы имѣть особенный вѣсъ въ глазахъ Государя, никакъ не могутъ въ настоящую минуту измѣнить непреклоннаго его рѣшенія... Нейтралитетъ Австріи, столь невыгодный во всѣхъ отношеніяхъ для Россіи еще болѣе утверждалъ Государя въ непреклонномъ рѣшеніи ни подъ какимъ предлогомъ не сдавать Котора. Императоръ Александръ Павловичъ могъ только теперь радоваться тому, что съумѣлъ устоять передъ усиленными мольбами вѣнскаго

---

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 1 Февраля.

двора относительно этой сдачи. Всякая дальнѣйшая къ тому попытка со стороны Австріи будетъ принята Государемъ за прямое отрицаніе тѣхъ чувствъ дружбы къ Россіи о которыхъ такъ много говоритъ вѣнскій дворъ, и которыя Императоръ Александръ съ своей стороны всегда готовъ поддерживать на благо обѣихъ имперій и ради личнаго своего влеченія къ австрійскому монарху".

Не понимая, что означаютъ полученные изъ Петербурга упреки, Разумовскій, поспѣшилъ къ вице-канцлеру и не мало напугалъ его чтеніемъ депеши Будберга. Какъ видно графъ Меерфельдтъ напуталъ все дѣло, придавъ безъ всякаго такта и нужды слишкомъ большое значеніе вскользь сдѣланному вице-канцлеромъ въ одной изъ депешъ его намеку о Которскомъ дѣлѣ.

„Une des dépêches de v. e.,—отвѣчалъ Будбергу отъ 21 Января Разумовскій,—cite mon P. S. en date du 21 Novembre où se trouve ce peu de mots au sujet de Cattaro: l'affaire de Cattaro n'est pas en ligne dans ce moment-ci et on ne cherchera pas à la tirer de l'espèce de langueur où elle est tombée, à côté des événements majeurs que présente la crise actuelle. Je venais alors d'en entretenir le c-te de Stadion dans une conversation particulière, où je l'avais amené à dessein sur ce sujet, parce que depuis longtemps il n'en avait plus été question entre nous et que je désirais connaître le degré d'intérêt et d'importance qu'il attachait à une affaire, qui dans mon opinion devenait si secondaire à la suite des événements majeurs qui avaient eu lieu dans le nord de l'Allemagne. C'est sous ce point que je la présentai et le c-te de Stadion la jugeant comme moi, m'en parla absolument dans le sens de ce que j'ai écrit. Il ajouta même que les troupes, destinées à l'occupation de Cattaro, souffraient dans leur station, qu'elles y coutaient des frais énormes et qu'il était fâcheux qu'on dût néanmoins les y maintenir, afin de ne donner aux français aucuns motifs de reproches et par suite des ménagements et de la conduite très circonspecte dont on ne pouvait se départir envers eux. Certes j'étais bien loin d'imaginer qu'en me tenant un pareil langage, on donna au c-te de Meerfeldt l'ordre de redoubler d'instance et de chaleur pour obtenir la restitution de Cattaro et d'annoncer que l'importance qu'y attache le ministère autrichien est trop grande pour qu'au cas d'un refus, les relations qui lient les deux cours puissent empêcher la cour de Vienne de faire usage des moyens de vigueur qu'elle nous a déjà annoncées. Cette contradiction a du, sans doute, paraitre étrange. On ne pouvait en conclure que de deux choses l'une: ou que j'avais mal entendu et compris ce qui m'avait été dit, ou que le c-te de Meerfeldt avait mal saisi dans leur exécution les ordres que lui a transmis le c-te de Stadion. Il ne pouvait appartenir qu'à ce dernier de résoudre la question. Elle l'a

été dans un entretien que je me suis empressé de lui demander hier. Ce ministre, en me confirmant ce qu'il m'a dit, dans le temps au sujet de Cattaro, est convenu franchement que le c-te de Meerfeldt avait outrepassé de beaucoup ce qu'on lui avait mandé sur cet objet; qu'il lui avait été expréssément enjoint de n'en point faire une représentation officielle, mais dans l'occasion, de faire connaître d'une manière confidentielle, qu'on ne pouvait ici s'écarter du principe qui a nécessité l'envoi des troupes destinées à l'occupation de Cattaro et qu'on devait par toutes les raisons, que j'ai alléguées plus haut, persévérer dans le langage qu'on avait tenu précédemment là-dessus. Le c-te de Stadion ajouta à cela, qu'il voyait avec peine la tournure véhémente que le c-te de Meerfeldt avait donnée à cette affaire à laquelle il lui paraissait attacher je ne sais quel point d'honneur, puisque dans les rapports, qu'il en faisait, il appuyait beaucoup sur ce qu'il ne fallait point se relâcher, et que (je cite les propres mots du c-te de Stadion) il espérait bien que si le cas l'éxigeait on exécuterait la mesure annoncée. Il me semble, m. le baron, que rien ne saurait être plus positif, que le désaveu donné par le c-te de Stadion à la conduite du c-te de Meerfeldt. Cet entretien s'est terminé par l'assurance toute aussi positive de la part du ministre que l'ambassadeur avait eu ordre tout récemment de laisser tomber l'affaire de Cattaro vis-à-vis du ministère de S. M. I. et de ne plus en parler d'aucune manière".

Разумовскій этою одною депешею не ограничился и отъ 28 Января онъ собственноручно сообщилъ Будбергу слѣдующія новыя поясненія:

„Cette lettre *particulière* et *secrète* est destinée à faire supplément à la dépêche qui contient mon explication avec le c-te de Stadion sur l'affaire de Cattaro. Ce ministre m'a lui-même fourni l'occasion d'étendre notre conversation sur le c-te de Meerfeldt, en observant que c'était par sa véhémence qu'il avait donné à cette affaire une tournure outrée et qu'il s'était écarté de la mesure qui lui avait été prescrite. Il m'était revenu précédemment que les rapports de cet ambassadeur sur nos armées, nos moyens et nos déterminations portaient l'empreinte d'une aigreur peu propre à inspirer la confiance. J'ai lieu de croire que cette cause n'a pas laissé que de concourir aux irrésolutions du cabinet autrichien et à le fixer dans son système d'inactivité, jusqu'à ce que les événements de la guerre lui indiquent le moment d'y prendre part. Cette conjecture, si importante dans la présente circonstance, m'a fait saisir avec empressement celle que m'offrait le c-te de Stadion de lui faire sentir combien il était à regretter que les sentiments et les intentions de l'Empereur, son maître, et de son ministère fussent dans le cas d'être mal interprétés lorsqu'ils étaient altérés par

la manière dont on les représentait et que ce funeste inconvénient pourrait porter le plus grand préjudice aux intérêts des deux cours, lorsqu'un concert plus intime cimenterait, comme je n'en avais nul doute, leurs plans et leurs opérations. Le c-te de Stadion me répondit qu'il pensait de même et qu'il avait trop à coeur l'intimité et la bonne intelligence de nos souverains pour que cette opinion ne l'eût fait songer à un autre choix; qu'il en aurait déjà parlé à l'empereur, s'il n'était uniquement retenu par l'embarras de trouver quelqu'un propre à cette place. Il me consulta même, et j'avoue que jusqu'ici nos recherches ont été infructueuses, en repassant tous ceux sur qui on pouvait jeter les yeux tant militaires que civils. En attendant que ce choix eût lieu je me borne aujourd'hui à vous informer, m. le baron, de l'intention qu'on à ici de s'en occuper. V. e. y verra sans doute, un gage des bonnes dispositions du ministère à notre égard et si elle croyait que parmis les serviteurs de cette cour-ci il y en eût qui eussent le bonheur de mériter particulièrement la bienveillance de notre auguste Maître, je n'ai nul doute, qu'en me chargeant de le faire connaître, cette insinuation ne fut saisie avec l'empressement le plus sincère".

Среди треволненій проживаемаго тогда тягостнаго времени среди враждебныхъ слуховъ, постоянно распространяемыхъ французскими агентами и преувеличиваемыхъ городскими толками, Разумовскій находилъ отдохновеніе только въ тѣхъ сообщеніяхъ, которыя, благодаря повелѣнію изъ Петербурга, русскіе генералы, командовавшіе отдѣльными корпусами, стали ему теперь аккуратно высылать. Читая эти извѣстія и сравнивая ихъ между собою, графъ Андрей Кирилловичъ все болѣе и болѣе проникался вѣрою въ успѣхъ Россіи. Какъ онъ самъ признавался Будбергу, въ одной этой вѣрѣ находилъ онъ личное спокойствіе, въ ней черпалъ онъ свои дипломатическіе доводы и увѣщанія и обрѣталъ силу для нравственнаго дѣйствія на вѣнскій кабинетъ. Коль скоро получалось въ русскомъ посольствѣ извѣстіе изъ арміи, немедля оно переписывалось всѣми служащими при посольствѣ, часто даже самимъ посломъ, и въ сотняхъ экземпляровъ расходились извѣстія эти по городу и отправлялись въ Тріестъ, Которъ, Корфу и Прагу. Жители Вѣны съ жадностью ихъ читали и когда узнавали о пріѣздѣ курьера, толпа любопытнихъ собиралась вокругъ посольства, требуя новыхъ извѣстій. Вслѣдствіе всеобщей возбужденности, по Вѣнѣ стали ходить самые оригинальные слухи: увѣряли будто Императоръ Александръ задумалъ созданіе трехъ новыхъ независимыхъ королевствъ на Востокѣ, что князь Ипсиланти будетъ провозглашенъ королемъ надъ соединенными Валахіею и Молдавіею, Георгій Черный назначенъ королемъ Сербіи, а Пасса-

ванъ-оглу королемъ Македонскимъ [1]). Около того же времени прибылъ въ Вѣну съ чрезвычайною миссіею адъютантъ прусскаго короля графъ Гётценъ. Онъ явился съ предложеніемъ передать австрійскому императору, на время войны, тѣ немногія крѣпости въ Силезіи, которыя еще оставались въ рукахъ у пруссаковъ. Къ пріему Гётцена, какъ извѣщалъ Разумовскій отъ 7-го Февраля, только еще готовились. Какъ пріемъ, такъ и принятіе его предложеній должны были зависѣть отъ ожидаемыхъ съ театра войны извѣстій. Послѣднія письма отъ генераловъ, полученныя въ посольствѣ, принесли благопріятныя для русскихъ подробности. Чиновники ихъ по обыкновенію дѣятельно списывали и распространяли, а самъ посолъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, что происходило при австрійскомъ дворѣ и съ удовольствіемъ сталъ подмѣчать вторичное усиленіе партіи сторонниковъ войны. Дѣло стояло теперь только за эрцгерцогомъ Карломъ. Преданная Россіи партія старалась на него подѣйствовать силою убѣжденія. Ему доказывали, что въ данную минуту успѣхъ Австріи будетъ несомнѣненъ и что теперь или никогда представляется австрійскому генералиссимусу вѣрный случай пожать новые лавры. До сихъ поръ не удалось еще, какъ свидѣтельствовалъ Разумовскій, окончательно уговорить эрцгерцога, но несомнѣнно, что многія изъ прежнихъ его коренныхъ убѣжденій теперь были уже пошатнуты: онъ становился нерѣшительнымъ; не доставало только послѣдняго толчка, чтобы окончательно его убѣдить.

„Je reviens ici à une remarque,—сообщалъ при этомъ въ Петербургъ графъ Андрей Кирилловичъ,—que j'ai fait à diverses reprises, que jamais on ne verra l'Autriche alliée à la France, mais que des succès de notre part peuvent seuls l'entraîner à une réunion à la cause commune et nous sommes en trop bon train pour que je n'espère point pouvoir annoncer bientôt cette réunion si désirable et qui réduirait enfin sans retour les efforts de l'ambition et du crime que depuis si longtemps ensanglantent l'Europe [2])“.

Мысли свои Разумовскій еще подробнѣе развилъ въ слѣдующемъ собственноручномъ и секретномъ письмѣ къ Будбергу отъ 1 Февраля:

„J'ai trouvé dans l'expédion de v. e. à mon grand étonnement, mais à ma très-grande satisfaction, la répétition des mêmes nouvelles que j'avais reçu le matin même du général Bennigsen. J'ai voulu mettre cette circonstance à profit pour faire encore une nouvelle tentative auprès du c-te de Stadion, basée sur les succès que nous venions d'obtenir et ceux que nous avons à espérer. Je me hâte, m. le baron, de

---

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 30 Января.

[2]) Депеша Разумовскаго отъ 7 Февраля.

vous rendre l'entretien que nous eûmes à ce sujet. Je n'en fais point l'objet d'une dépêche, je préfère, et je pense que v. e. sera de mon avis, donner un cours plus libre à ma plume et à ma pensée dans une lettre particulière. Notre conversation a été amicale et confidentielle; je la rapporterai ici mot pour mot. Je ne m'étendrai point sur tout ce que j'ai allégué de la situation respective des deux armées combattantes; de la différence qui les caractérise au physique comme au moral; de la progression qui devait s'en suivre en bien pour nous, en mal pour l'ennemi; des calculs qu'on pouvait en déduire raisonnablement etc. etc. J'ai été au résultat qui me paraissait indiquer impérieusement à l'Autriche de se joindre à nous. Après un moment de silence le c-te de Stadion me dit: „je conviens que les chances sont en votre faveur et sans que vous ayez besoin des batailles contre Bonaparte, pourvu que vous n'ayez point de désavantage, sa cause empirera tous les jours".—Eh bien!—lui répondis-je,—cela étant, ne sentez-vous pas qu'il dépendrait de vous d'accélérer cette conséquence?—Il se rebattit alors sur notre guerre avec les Turcs, qui obligeait l'Autriche à tenir sur ses frontières une armée de 50 à 60 mille hommes, parce que le jour où la guerre éclaterait contre les français, a-t-il dit, la Porte serait entrainée à la déclarer à cette cour-ci et que la position de la Hongrie les obligeait à être toujours en garde de ce côté là.—Je ne vous conteste pas ce raisonnement,—lui répondis-je,—mais je suis convaincu que sans que nous fussions entrés en Moldavie, vous n'auriez pas évité la guerre avec les turcs dès que vous l'auriez avec la France. J'admets vos 60 mille hommes sur la frontière. Vous me dites que vous auriez de plus à tenir une armée d'observation sur l'Italie. Mettons là 48 mille hommes. Portez en alors 80 mille contre Bonaparte et cela suffit, joint aux très-grandes forces qui formeront incessamment le total de l'armée du général Bennigsen.—Je le lui prouvai en faisant l'énumération de nos troupes, puisée dans la dépêche de v. e. Après un instant d'hésitation il me dit: „Prenez patience, nous y viendrons, mais, — ajouta-t-il, — c'est une chose, dont il ne faut pas parler. Qu'on ne nous presse point par des sollicitations officielles, point d'écritures, point de convention, le moins de personnes possible dans la confidence". Notre conversation devenant de plus en plus confidentielle, il ajouta: „tenez, voulez-vous que je vous dise ce qu'on pense ici? C'est que vous faites la guerre pour la Prusse. Plusieurs de nos militaires (je soupçonne qu'il sous-entendait l'archiduc Charles) ont été effrayés de la position qu'a prise le général Bennigsen dans la Prusse royale et où en serions-nous si nous étions entrés de concert avec vous, d'après le plan qu'on nous a communiqué et dont vous vous êtes en-

tièrement écartés". „Ces militaires,—continua-t-il,—partant du principe. mis en avant chez vous après la bataille de Iéna et ses suites, qu'il n'y a plus de Prusse, auraient pensé plus convenable que vos armées eussent attendu les Français sur le Niéman". Ensuite il s'étendit sur tous les dangers que présentaient ces réflexions et ceux qui menaçaient l'Autriche, exposée comme elle est, au ressentiment de la France si les chances tournaient à son avantage, ce qui pouvait avoir facilement lieu lorsqu'on ne se tenait pas rigoureusement à un plan arrêté. Après l'avoir laissé parler, je lui répondis qu'il me paraissait être dans l'erreur sur l'objet de notre guerre; que certainement notre souverain avait bien prouvé le principe qui lui avait fait prendre les armes et qui le guidait dans la poursuite de cette guerre; que, vivement intéressé au rétablissement de l'ordre et de l'équilibre en Europe, c'était-là le motif généreux et bienfaisant qui le faisait agir; que d'ailleurs toujours loyal dans tous ses sentiments, s'il avait à coeur de rétablir l'existance détruite de son allié le roi de Prusse, on ne pouvait que rendre à cette intention le tribut d'éloges et d'admiration qui lui était dû. „Au surplus,—ajoutai-je,—vous trouverez l'Empereur mon Maître disposé à aller au devant de tout ce qui peut vous tranquilliser sur vos propres intérêts, dès que je me mettrai à même de l'en solliciter. Vous en avez pour garant son caractère et sa conduite dans la coalition de l'année dernière. La même franchise, la même façon d'agir vous en fourniront une nouvelle preuve aujourd'hui". Notre conversation se termina là. Sans avoir le temps de donner plus de soin à la rédaction du récit que j'en fais, j'en soumets l'ébauche à votre considération. Le terrein se dispute, mais on gagne pied. Peut-être conviendrait-il pour avancer nos progrès, que S. M. I. daigne m'autoriser à provoquer des explications plus précises, plus rassurantes pour cette cour-ci par rapport aux résultats de nos entreprises et qui puissent calmer les déplorables inquiétudes qui naissent de cette indéracinable rivalité entre les cours de Vienne et de Berlin, fantome qui trouble toujours l'esprit de ceux qui en dirigent les intérêts".

„Les agitations, que le précis des opérations de m. le général Bennigsen, où il annonçait une attaque pour le 1-er, et la nouvelle que Bonaparte avait quitté ses cantonnements, que les armées étaient en présence",—доносилъ еще Будбергу Разумовскій отъ 7 Февраля,—les agitations, dis-je, que ces avis avaient répandues. étaient générales. Les premiers rapports avaient été défavorables. On parlait de l'attaque du 3, de la retraite de notre armée. Berthier mandait à Talleyrand que l'affaire nous avait déjà coûté 6000 hommes, mais que la poursuite continuant, il n'en échapperait pas un seul du corps de 20,000 que l'on avait en tête et qui couvrait la marche de notre armée. Des lettres

d'office en date de Memel, du 8, transmises par un courrier anglais, annonçaient également la marche rétrograde du général Bennigsen sur Landsberg et Preussich Eylau, avec une perte de quelques canons et bagages, les corps engagés de notre part n'ayant pas été considérables. Les Français cependant avaient arrangé tout cela à leur manière. „Le grand coup est porté,—disait Andréossy.—Une autre bataille gagnée—Iéna, criaient Daudun et un certain m. Duval, qui se trouve ici depuis quelque temps près de l'ambassade française et avec lequel, si je ne me trompe, notre légation à Constantinople avait quelques rapports secrets.

Quant à moi, v. e. a vu dans mes dépêches précédentes que j'avais analysé la position prise par m. de Bennigsen. J'avais également étudié l'esprit de ses manoeuvres, j'y ai trouvé partout la prévoyance la plus calme et cela me tranquillisait. Mon impatience pour cela n'en était pas moins vive et enfin hier le 6 (18) je reçus à quatre heures d'intervalle, deux courriers l'un du général Essen, l'autre du général Bennigsen avec l'heureuse, nouvelle des superbes journées du 27 et du 28 Janvier. Deux heures après la ville était innodée des bulletins que j'en avais fait courir. Ils ont été accueillis avec transport. Un homme, qu'il est inutile de nommer, mais qui vit dans la maison de Milan, disait après les avoir lus: „je connais quelqu'un qui passera une bonne nuit.—Il parlait de l'empereur".

Послѣ сраженія при Пултускѣ распутица и утомленіе обѣихъ армій остановили на время дальнѣйшія военныя дѣйствія. Беннигсенъ отступилъ къ Остроленкѣ, а потомъ и далѣе. Ней и Бернадотъ перешли Вислу и дошли до Гейльсберга. Отъ ускоренныхъ переходовъ, цѣль которыхъ никому не была вполнѣ понятною русскія войска сильно страдали. Знаменитое фланговое движеніе Беннигсена, отъ котораго въ Петербургѣ ожидали самыхъ благихъ послѣдствій, ни къ чему не привело. Всякаго рода безпорядки, обманы, воровство, отсутствіе дисциплины повторялись въ русской арміи съ прежнею силою, не смотря на всѣ усилія Александра Павловича и благіе указы имъ издаваемые. Какъ часто бывало на Руси, такъ и теперь, храброму, выносливому русскому солдату приходилось бороться не столько съ тяжелыми климатическими условіями, а также съ сильнымъ и опытнымъ непріятелемъ, сколько съ полною неспособностью своихъ руководителей. Мѣсто главнокомандующаго было не по силамъ Беннигсену. Генералъ Эссенъ храбро, отбивался отъ войскъ маршаловъ Ланна и Савари, но частыя, кровавыя стычки его съ непріятелемъ не имѣли вліянія на общій ходъ кампаніи. Кровь русская лилась, солдаты утомлялись, а прока окончательно отъ этого не было. Во время задуманнаго главнокомандующимъ флангового движенія, авангарды слишкомъ смѣло бросались

впередъ, а Беннигсенъ съ главнымъ войскомъ слишкомъ тихо и осторожно подвигался и поэтому вѣчно былъ назади, что чуть не довело русской арміи до окончательной гибели. Наполеонъ, узнавъ о планахъ Беннигсена, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и распорядился своими силами такъ, что русской арміи угрожала крайне опасная ловушка. Бернадотъ фальшивымъ отступленіемъ долженъ былъ завлечь Беннигсена къ Вислѣ, а Наполеонъ между тѣмъ напасть на него съ тыла со всѣми силами своими. На счастіе Россіи русскій Богъ, такъ часто её спасавшій въ минуты крайней опасности, не оставилъ её и теперь. Курьеръ, который мчался съ приказами Наполеона къ французскимъ маршаламъ, попалъ въ руки князя Багратіона, и составленный первымъ планъ нападенія сталъ такимъ образомъ извѣстенъ русскимъ генераламъ. Беннигсенъ понялъ, какая опасность ему угрожала. Онъ могъ быть подавленъ соединенными силами французовъ и совершенно отрѣзанъ отъ русской границы. Онъ бросилъ свои запасы, лазареты, тяжелые обозы и отступилъ по направленію къ Кёнигсбергу. Въ разстояніи какихъ-нибудь 9 часовъ отъ этого города при мѣстечкѣ Прейсишъ-Эйлау онъ остановился. Здѣсь на плоской возвышенности, представлявшей много удобствъ къ защитѣ, рѣшился Беннигсенъ ожидать непріятеля. 27 Января на русскую армію напала дивизія великаго герцога Клевскаго и Бергскаго—храбраго и блестящаго Іоакима Мюрà. Дѣло было жаркое и, не смотря на храбрость и стойкость русскихъ воиновъ, эта первая схватка окончилась удачею для французовъ. Ночь прервала битву, а на другой день вся масса собранныхъ войскъ вступила въ одинъ общій кровопролитный бой. При сильномъ морозѣ, снѣгъ тяжелыми хлопьями падалъ на землю. Русскіе солдаты, офицеры, даже неспособные повидимому къ командованію генералы дрались въ этотъ день какъ львы. Напрасно другъ за другомъ нападали на войска Беннигсена знаменитые своею отвагою гусары Мюрà, драгуны Груши, кованные мѣдью кирасиры Опу. Всякая попытка сдвинуть русскихъ оплачивалась для французовъ страшными потерями. Наполеонъ лично командовалъ своимъ войскомъ, окруженный лучшими изъ своихъ маршаловъ. Черная стѣна русской инфантеріи храбро и стойко защищала позицію, и отъ нея, какъ отъ гранита, отливали массы наступающихъ французовъ. Кровопролитіе было ужасное; по всей линіи происходилъ рукопашный бой. Со штыками на перевѣсъ, храбрые русскіе воины напоминали славныхъ сподвижниковъ Суворова. Ряды ихъ таяли, но за этими рядами являлись новые, столь же стойко готовые отбить непріятеля. Какъ признается даже самъ Тьеръ, Наполеонъ былъ пораженъ и находился въ тяжеломъ расположеніи духа. Армія его видимо слабѣла. Онъ приказалъ под-

крѣплять виномъ изнеможенныя силы своихъ солдатъ [1]). Вполнѣ своевременное, блестяще-храброе и удачное вмѣшательство прусскихъ войскъ, подъ предводительствомъ генерала Лестока, рѣшило участь сраженія. Темная ночь остановила дальнѣйшее кровопролитіе. Вся мѣстность густо была покрыта ранеными и убитыми. Оба войска были въ полномъ изнеможеніи; русскіе не потеряли ни единой пяди земли, побѣда несомнѣнно осталась за ними. Это свидѣтельствуетъ маршалъ Савари, герцогъ Ровиго, принимавшій живое участіе въ битвѣ [2]); то же самое утверждаютъ всѣ присутствовавшіе въ сраженіи прусскіе генералы, между прочими генералъ Рюхель, называвшій Эйлаускую битву несомнѣнною, рѣшительною и притомъ блестящею побѣдою русскихъ войскъ [3]). Къ несчастію побѣда эта пошла въ прокъ отраженнымъ. Ко всеобщему удивленію Беннигсенъ, побивъ французовъ, рѣшился немедля снова отступить. Наполеонъ и его армія впервые еще ощущали подобную неудачу. Грустенъ и тяжелъ былъ покой въ ночь съ 28-го на 29-е Января на французскихъ бивакахъ. На другое утро оставленное русскими окровавленное поле битвы подало внезапно мысль Наполеону, что сраженіе было имъ выиграно [4]) и онъ громко провозгласилъ о томъ въ своихъ знаменитыхъ бюллютеняхъ. Однако преслѣдовать русскихъ онъ, какъ оказалось, не былъ въ состояніи. Армія его, въ свою очередь, отступила къ Вислѣ.

Вѣнскій дворъ, благодаря близости отъ театра войны своихъ войскъ, не вполнѣ довѣрялъ блестящимъ бюллетенямъ великой французской арміи и не обращалъ особеннаго вниманія на хвастливыя рѣчи не симпатичнаго ему Андреосси; но въ то же время онъ не безъ нѣкотораго недовѣрія относился и къ извѣстіямъ Разумовскаго. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за каждымъ сообщеніемъ посла о новой русской побѣдѣ, приходила вѣсть объ отступленіи побѣдителей. Однако на этотъ разъ эйлауская битва, представилась австрійскому правительству вовсе не какъ новое побоище при Іенѣ, какъ выражался о ней, въ вѣнскихъ гостиныхъ, Андреосси. Со всѣхъ сторонъ императорской римской окраины доходили извѣстія о неимовѣрной храбрости русскаго войска и о томъ, какое сильное смущеніе и недовольство стало проявляться среди французскихъ полчищъ. Вѣнскій дворъ снова съ надеждой сталъ смотрѣть на русское войско, но въ то же время съ всегдашнею нерѣшительностію боялся слишкомъ предаваться этому чувству. Пользуясь благимъ впечатлѣніемъ, Разумовскій и, теперь уже вполнѣ вы-

---

1) Thiers Histoire du Consulat et de l'empire II. 307. 308.
2) Mémoires du duc de Rovigo III. 50.
3) Schlosser, Geschichte des XVIII. Jahrhunderts, VII. 213.
4) Thiers Hist du Consulat et de l'Empire. II. 309.

здоровѣвшій, Поццо ди Борго сильнѣе прежняго старались дѣйствовать на Стадіона и уговаривать его воспользоваться успѣхами Россіи. Поццо снова сталъ посѣщать вице-канцлера и получать изъ Петербурга отдѣльныя отъ посла депеши и предписанія. Хотя такое двойственное представительство Россіи при вѣнскомъ дворѣ не вполнѣ было нормально, однако оно не мѣшало дѣлу, благодаря дружескимъ отношеніямъ, существовавшимъ между обоими дипломатами, и отмѣнному такту съ которымъ постоянно велъ себя Поццо ди Борго. Стадіонъ, еще въ Даніи подружившійся съ Разумовскимъ, и другіе министры, какъ-то откровеннѣе и дружелюбнѣе относились къ графу Андрею Кирилловичу, на котораго смотрѣли, благодаря его долгому пребыванію въ Вѣнѣ и родству со всѣмъ высшимъ австрійскимъ обществомъ, какъ на одного изъ своихъ. Поццо тонкимъ умомъ своимъ вполнѣ понялъ фальшивость своего положенія. Къ тому же съ самаго пріѣзда своего въ Вѣну онъ плохо вѣрилъ въ успѣхъ своей миссіи. Разумовскій же не терялъ надежды на то, что вскорѣ придется дорогимъ ему австрійцамъ въ союзѣ съ русскими вторично побить ненавистнаго ему Наполеона. Сейчасъ послѣ Эйлауской побѣды предметомъ совѣщаній между вице-канцлеромъ и Поццо ди Борго была, кромѣ обычныхъ жалобъ на бездѣйствіе Австріи, медіаторская миссія генерала Венсана въ Варшаву, о которой шла дѣятельная переписка между Петербургомъ и русскимъ посольствомъ въ Вѣнѣ. Хотя Поццо и сообщалъ Разумовскому всю суть своихъ переговоровъ, однако еще болѣе подробныя свѣдѣнія черпалъ посолъ изъ откровенныхъ сообщеній графа Стадіона, который никогда не былъ такъ сообщителенъ и чистосердеченъ съ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ, какъ теперь. Поццо изъ государственной канцеляріи просто заявили, что отвѣты на его предложенія будутъ отправлены прямо въ Петербургъ на имя Меерфельдта, а отъ Разумовскаго вице-канцлеръ, за дружеской, вполнѣ откровенной бесѣдой, не скрывалъ затруднительнаго своего положенія при дворѣ, въ то время, когда онъ всѣми силами старался побороть недовѣріе Австріи къ себѣ самой. Не останавливаясь на распросахъ о подробностяхъ, которыя долженъ былъ сообщить Будбергу графъ Меерфельдтъ, Разумовскій сталъ выпытывать у Стадіона положительныя данныя на счетъ тѣхъ средствъ, которыми въ настоящую минуту могла располагать Австрія. Отвѣты вице-канцлера отзывались правдою, но, по убѣжденію посла, самому вице-канцлеру не вполнѣ извѣстна была дѣйствительность. Онъ опредѣлилъ число уже вполнѣ вооруженныхъ полковъ, подробно указывая на мѣсто ихъ стоянки. Представленный военнымъ министерствомъ императору Францу отчетъ указывалъ на необходимость имѣть подъ ружьемъ, въ случаѣ войны, по крайней мѣрѣ 250,000 солдатъ, не считая при этомъ резервовъ. Явно, замѣчалъ

графъ Андрей Кирилловичъ, что войны не желаютъ начать иначе, какъ имѣя въ рукахъ всѣ условія къ успѣху. Вотъ отъ чего, по словамъ Стадіона, заботы объ окончательномъ вооруженіи поглощаютъ все вниманіе; всѣ средства имперіи на это обращены и совѣтъ императора всѣми силами старается отодвинуть минуту разрыва съ Франціею. Мысль о посылкѣ генерала Венсана къ Наполеону породилась, какъ впервые признался теперь Разумовскому вице-канцлеръ, только вслѣдствіе этой надежды на отстрочку. Вѣнскій кабинетъ заранѣе увѣренъ былъ, что переговоры не приведутъ къ миру, но главная его цѣль была выиграть время. Въ совѣтѣ императорскомъ, самъ Францъ I и вице-канцлеръ по завѣренію послѣдняго, стойко доказывали неминуемость войны съ Франціею, съ ихъ мнѣніемъ не соглашался эрцгерцогъ Карлъ и до сихъ поръ всячески старался парализировать ихъ стремленія. Стадіонъ былъ однако увѣренъ, что вскорѣ наступитъ минута, когда всѣ поймутъ необходимость борьбы. Однако Стадіонъ не брался точно опредѣлить, когда это могло осуществиться. Въ то же время къ Разумовскому доходили изъ дворца эрцгерцога свѣдѣнія о томъ, что самъ принцъ не сталъ бы болѣе противиться рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Франціи, если бы успѣхи русской арміи могли продлиться до весны [1]).

Разумовскому казалось страннымъ при такомъ настроеніи, что вѣнскій дворъ не рѣшался, безъ соизволенія Франціи, открыть снова свои гавани кораблямъ тѣхъ странъ, съ которыми онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, на что онъ имѣлъ, по убѣжденію посла, полнѣйшее право. На это Стадіонъ отвѣчалъ, что дѣло шло не объ однихъ портахъ, что Австріи необходимо было полное возстановленіе старыхъ правъ и точнаго исполненія условій Пресбургскаго мира. Она требовала окончательной сдачи крѣпости Брауноу, которая все еще была въ рукахъ Наполеона. Къ несчастію его не было уже въ Варшавѣ, а въ его отсутствіи Талейранъ не соглашался ни на какія уступки.

„M. Pozzo di-Borgo, — доносилъ посолъ въ заключеніи своей депеши,—vient de me faire lire dans ce moment la dépêche, par laquelle il rend compte de ses communications et de leur résultat. A côté des raisonnements qu'elle renferme, tout développement plus étendu de ma part, deviendrait superflu sur la situation actuelle du cabinet autrichien et des mesures que les circonstances pourraient lui faire adopter dans l'avenir. Les succès de nos armes, en empirant de jour en jour la position de Bonaparte, tranquillisiront de plus en plus la cour de Vienne dans l'attitude d'attente et d'observation, où elle est placée à

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 14 Февраля.

l'abri des violences et des menaces de la France, je crois que nous pouvons l'être de notre côté de toute crainte qu'elle se laisse entraîner par les séductions de Bonaparte. C'est cette funeste alternative, je l'avouerai, que je redoutais au commencement de la guerre actuelle, dans le conflit déplorable que présentaient ici à cette époque le découragement, la défiance et la terreur. Si aujourd'hui nous avons à regretter que l'impression de ce dernier sentiment se dissipe avec trop de lenteur, au moins y a-t-il toute raison d'être pleinement rassuré sur les tristes effets qu'il aurait pu produire par l'ascendant du parti, qui pour éviter la guerre eût peut-être tout sacrifié aux illusions de la paix. Convaincu que si la fortune continue à nous être propice, le moment n'est pas éloigné où nous verrons l'Autriche entrer en lice pour venger l'honneur de ses armes et rétablir sa considération politique; je crois que la notre nous prescrit de donner à cette disposition de sa part le développement le plus conforme à l'intérêt général, qui a été l'unique mobile des efforts généreux et à jamais mémorables de notre auguste Maître, dans les entreprises glorieuses qui fixent aujourd'hui l'attention et les espérances de l'Europe".

„Je m'empresse d'annoncer à v. e. que l'ordre vient d'être donné au lieutenant-général c-te de Bellegarde de ramener ici les troupes, qui sous ses ordres étaient destinées à l'occupation de Cattaro. Cet ordre a été émané en conséquence d'explications dont a été chargé sur ce point le général Vincent. On s'est borné à lui répondre, que si les circonstances présentes admettaient le retour de ces troupes on n'en considérait pas moins l'article du traité de Presbourg concernant Cattaro, comme non-accompli et l'Autriche par conséquent dans l'obligation d'en effectuer l'exécution; à quoi il a été très-justement répliqué: que sous tant d'autres rapports la France n'avait guère suivi les stipulations de ce traité. La suite des événements pourra, je pense, donner à cette réplique plus de poids et d'importance. Il me semble que dans la conjoncture actuelle cette cour-ci pourrait lever la défence de l'entrée de ses ports dans l'Adriatique. Le c-te de Stadion ne m'en a point parlé encore. Me proposant de le sonder incessamment sur ce point je rendrai compte aussitôt à v. e. de ce qu'il me répondra".

„Dans un entretien que j'ai eu hier avec le c-te de Stadion,— сообщалъ отъ 20 Февраля Разумовскій,—il me dit qu'il venait de recevoir par estafette du c-te de Meerfeldt des dépêches, dont il me témoigna la plus grande satisfaction; elles sont relatives aux premières ouvertures dont cet ambassadeur a été chargé auprès du ministère de notre auguste cour pour offrir l'intervention de la sienne dans des propositions de paix. Empressé de les envoyer à l'empereur, il ne s'était donné que le temps de les parcourir et, en résumant leur contenu, il

m'a exprimé le plus grand contentement des réponses que v. e. a faites au c-te de Meerfeldt. Il me dit: qu'il venait de recevoir en même temps des nouvelles de Varsovie en date du 23 Février, qui lui apprenaient simplement que les communications sur le même objet étaient parvenues à Bonaparte à son quartier général. Le c-te de Stadion donna ensuite quelque développement à ses idées sur les bases d'une pacification. Je n'en rendrai pas un compte détaillé, parce que c'était au moment de terminer notre entretien et parce que je l'avouerai elles ne m'ont pas paru avoir un degré de consistance satisfaisant. Je me bornerai à observer qu'il m'a parlé avec une satisfaction particulière de ce que v. e. doit avoir dit au c-te de Meerfeldt touchant le système de notre auguste Maître à l'égard de la porte ottomane, conformément aux principes constants de S. M. I. sur l'intégrité de l'empire turc. Un autre point qu'il a cité des dépêches de m. de Meerfeldt avait rapport à des *sacrifices* en Pologne (c'est ainsi qu'il s'est énoncé). Je fus très-frappé de cet article. Les explications que je lui en ai demandées ont été si peu claires, que je conviens n'y avoir rien compris; mais j'ai été satisfait d'apprendre que v. e. a déclaré que l'Empereur, notre auguste Maître, ne consentirait jamais à aucune concession sur cet objet. Enfin il termina par me dire que sa cour croirait obtenir un état de choses satisfaisant pour l'Europe si on traitait sur les bases: 1°, de l'intégrité de l'exclusion de l'influence française dans les états de l'empire ottoman, 2°, du status quo ante bellum pour le nord de l'Allemagne, 3°, la supression des derniers changements dans l'empire germanique et 4°, un ordre de choses plus convenable en Italie. En rapportant à v. e. ce précis informe d'une conversation familière sur des objets d'une si haute importance, je n'ai pas besoin d'en faire l'apologie. Elle voudra bien y apprécier mon intention de présenter les premiers aperçus de conception d'un cabinet, dont les combinaisons doivent se modifier d'après les circonstances, les événements et surtout l'énergie et la sagesse de notre auguste Maître".

Отправленный вѣнскимъ кабинетомъ въ Варшаву генералъ Венсанъ не вполнѣ былъ увѣренъ въ томъ, что слѣдовало ему тамъ предпринять и чего именно отъ него ожидало его правительство. Онъ Наполеономъ былъ принятъ довольно сухо, его закидали рѣзкими вопросами и замѣчаніями. Императоръ французовъ требовалъ объясненій касательно вооруженій Австріи, говорилъ о страхѣ вселяемомъ въ Вѣнѣ слухами о возрожденіи Польши, замѣтилъ, что напрасно тамъ безпокоются и наконецъ объявилъ, что пора покончить съ Россіею и обезпечить независимость оттоманской порты. Смущенный Венсанъ окончательно растерялся и въ отвѣтъ на строгія замѣчанія Наполеона вдругъ нежданно и совсѣмъ некстати заговорилъ о необходи-

мости для Австріи завладѣть городами Бѣлградомъ и Оршовою. Наполеонъ представилъ, что не понялъ словъ австрійскаго генерала и съ ироническою улыбкою отвѣчалъ, что если вѣнскій дворъ согласится съ Турціею относительно занятія помянутыхъ городовъ, то онъ лично противъ этаго ничего не имѣетъ. Касательно посредничества, Наполеонъ замѣтилъ, что онъ его не ищетъ, но и не отвергаетъ, намекая, что ведетъ войну съ Россіею только изъ за Турціи. Коль скоро петербургскій дворъ откажется отъ своихъ восточныхъ замысловъ, сказалъ онъ въ заключеніе, то и Франція готова будетъ заняться переговорами о мирѣ [1]). Вскорѣ послѣ этой первой аудіенціи Наполеонъ ускакалъ къ арміи. Передъ отъѣздомъ, императоръ приказалъ Талейрану удержать въ Варшавѣ генерала Венсана, въ объясненіяхъ котораго ему показалось, что-то подозрительное, и выжать изъ него всю подноготную австрійской политики. Наполеонъ, не смотря на пренебреженіе свое къ Австріи вообще и къ барону Венсану въ частности, не хотѣлъ разомъ прекращать переговоры о мирѣ съ вѣнскимъ кабинетомъ. Не разъ приходило ему на мысль, даже среди самыхъ блестящихъ успѣховъ, что Франціи нуженъ вѣрный союзникъ. Еще яснѣе сталъ онъ сознавать всю неотложную необходимость твердаго союза съ одною изъ европейскихъ главныхъ державъ, послѣ неудачи при Пултускѣ и пораженія при Эйлау, хотя, благодаря счастливой звѣздѣ Наполеона да и неумѣнію русскихъ генераловъ, эти побѣды не пошли въ прокъ Россіи. Съ бивака своего на сѣверо-восточномъ, крайнемъ уголкѣ Германіи, куда завела его судьба, а еще болѣе честолюбивыя его намѣренія, онъ неоднократно писалъ въ Варшаву къ Талейрану о необходимости пріискать вѣрнаго союзника въ Европѣ. „Необходимо,—сообщалъ онъ своему министру,—чтобы все это окончилось системою тѣснаго союза или съ Россіею, или съ Австріею. Обдумайте, съ которою лучше, и, набросайте ваши мысли на бумагу, а покамѣстъ заставьте Австрію съ нами поoткровеннѣе объясниться“. Талейранъ усердно принялся за дѣло; онъ стоялъ за союзъ съ вѣнскимъ дворомъ; Наполеону-же было собственно все равно, кого имѣть другомъ, лишь-бы на дружбу эту можно бы было положиться въ будущемъ. Россія была ему какъ-то симпатичнѣе Австріи. Вѣчная фальшь вѣнской политики выводила его изъ терпѣнія къ тому же онъ былъ увѣренъ, и увы, ошибочно, что ради восточнаго вопроса, петербургскій дворъ охотно протянетъ ему руку. Онъ давно уже подмѣтилъ разногласицу между тѣмъ, что доносилъ генералъ Андреосси изъ Вѣны и тѣми льстивыми увѣреніями, которыми генералъ Венсанъ не безъ успѣха старался обойти въ Варшавѣ князя Талейрана. Андреосси не-

[1]) Соловьевъ. Императоръ Александръ I, 145—146.

престанно указывалъ на общее вооруженіе, на огромныя закупки лошадей, на значительные рекрутскіе наборы, и повсемѣстное устройство военныхъ магазиновъ по всей Австріи. Венсанъ же наоборотъ твердилъ о безпомощномъ положеніи Австріи, объ истощеніи ея финансовъ и о твердой ея рѣшимости держаться строгаго нейтралитета. Австрійскій генералъ, забывая такъ недавно высказанное имъ самому Наполеону признаніе о необходимости для Австріи овладѣть Бѣлградомъ и Оршовою, клялся теперь, что незначительныя мѣры, принимаемыя его правительствомъ для пополненія истощенной арміи, направлены вовсе не противъ Франціи, а ради одной только предосторожности, въ виду возможныхъ безпорядковъ въ Галиціи. Талейранъ охотно выслушивалъ генерала Венсана и предупреждалъ Наполеона противъ преувеличенныхъ, а иногда и вполнѣ ложныхъ, по его мнѣнію, донесеній Андреосси. Хотя императоръ французовъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Австрія въ данную минуту ни на что не отважится, однако онъ вѣрилъ Андреосси и писалъ Талейрану, что Венсанъ его обманываетъ. Онъ находилъ, что Австрія дѣлаетъ огромную ошибку, не заключая съ нимъ союза. Онъ желалъ знать, чего именно добивается вѣнскій дворъ. Хочетъ ли онъ вознагражденій за потерпленныя потери? Но ему была уже предложена Силезія. Безпокоится ли онъ относительно Востока? Но Франція готова успокоить его касательно нижняго Дуная, предоставивъ ему распорядиться, какъ угодно Молдавіею и Валахіею. Недоволенъ ли онъ занятіемъ Далмаціи? Но и этому помочь можно посредствомъ какихъ-либо обмѣновъ. Да оборонитъ только Австрію судьба отъ какихъ-либо тайныхъ замысловъ противъ Франціи. Такова была главная суть переписки Наполеона съ Талейраномъ и предметомъ переговоровъ послѣдняго съ Венсаномъ, который въ отвѣтъ заявлялъ, что не имѣетъ никакихъ на заключеніе союза полномочій и обращался къ графу Стадіону за предписаніями [1]). Всѣ эти извѣстія доказывали, какъ зорко слѣдилъ Наполеонъ за тѣмъ, что дѣлалось въ Австріи, и ставили Стадіона въ весьма затруднительное положеніе. Онъ несомнѣнно желалъ союза не съ Франціею, а съ Россіею, но предложенія Наполеона, но возможность положить конецъ вліянію Россіи на Турцію представляли сильное искушеніе. Однако, послѣ довольно долгаго колебанія, рѣшено было не скрыть отъ Россіи сдѣланныхъ Наполеономъ предложеній, тѣмъ болѣе, что въ виду ихъ съ французской стороны отклонены были на время переговоры о посредничествѣ.

„Depuis les rapports que j'ai eu l'honneur d'adresser à v. e.,— доносилъ между тѣмъ Будбергу Разумовскій отъ 8 Марта,—il n'est

---

[1]) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. II. 330—332.

point survenu de changement notable dans la situation politique de cette cour, relativement aux affaires de l'Europe. A cette époque on venait de recevoir ici, par estafette, la première annonce des ouvertures, dont a été chargé le c-te de Meerfeldt au sujet d'une négociation de paix et des réponses qui lui furent faites. Le c-te de Stadion, très-satisfait du sens dans lequel elles étaient conçues, s'attendait à les voir suivies bientôt de développements plus étendus, d'après lesquels se seraient combinées ultérieurement les démarches du cabinet autrichien auprès de Bonaparte. Ce dernier ayant mis un délai considérable à faire parvenir au général Vincent ses réponses, les lui a fait enfin connaître par Talleyrand, et c'est ce qui a motivé l'expédition du dernier courrier à m. de Meerfeldt. Le c-te de Stadion me les a communiqués verbalement. Ce ministre à jugé à propos d'adopter le mode contraire à l'usage qui a existé sous tous ses prédécesseurs, qui avaient coutume de me faire prendre lecture des pièces mêmes, dès qu'ils avaient fait l'envoi à notre cour. Cette innovation de sa part est d'autant plus fâcheuse, que son élocution n'est pas facile et sa mémoire souvent en défaut. Quoiqu'il en soit v. e. aura connaissance de ce que recevra sur cet objet l'ambassadeur. Elle appercevra dans le langage qui a été prescrit à Talleyrand cette politique astucieuse qui cherche toujours à diviser les intérêts pour les dominer. On objecte contre une négociation générale, on jette en avant des propositions avantageuses pour séduire la cour de Vienne. Tels sont les principaux points dont m'a fait part le c-te de Stadion. Il s'est empressé de les accompagner de l'assurance qu'on ne se laisserait entraîner à aucune offre qui pût favoriser les projets de Bonaparte, qu'on se refuserait à tout ce qu'il pourrait imaginer pour détourner cette cour-ci de la ligne de conduite qu'elle a adoptée; quoiqu'on ait approuvé les réponses du général Vincent d'après les instructions dont il a été muni en partant; on vient de lui en envoyer des nouvelles dans ce même sens et dans le but de presser des explications plus positives qui puissent mettre la cour de Vienne à même de répondre convenablement à la manière dont ses ouvertures ont été accueillies par la notre. Je n'ai pas besoin d'observer que cette marche ne présage pas encore des mesures actives et énergiques dans le cabinet de Vienne. V. e. connaît les éléments qui le dirigent. Le parti des gens timides qui est le plus puissant semble ne pas trouver encore dans les événements qui ont eu lieu des motifs suffisents d'abandonner son système d'attente et de circonspection. Depuis l'expédition que j'ai eu l'honneur de vous adresser par le feldjäger Fédoroff, on a vu arriver ici le capitaine Crossari, revenant de notre quartier général, où il a séjourné quelque temps et dont il a suivi les mouvements. Cet officier, grand parleur,

ne manque ni d'esprit, ni de connaissances militaires. En faisant les plus justes éloges de la valeur et de l'intrépidité de nos troupes, de l'intelligence de nos généraux, je présume que ses observations sur diverses branches du service dans nos armées n'ont pas été de nature à inspirer de la confiance à des esprits déjà prévenus à cet égard. La bataille d'Eylau a excité le plus grand enthousiasme dans le public, et dans le militaire autrichien, le plus vif désir de partager la gloire de nos armes. L'archiduc ne la considère peut-être que comme un grand pas vers un état de choses plus favorables, mais dont le résultat n'est point assez décisif pour le déterminer, et la position respective des armées dans ce moment semble lui prescrire d'attendre l'issue de leurs opérations. Mon jugement se fonde sur les propos des entours de ce prince et même sur ceux du c-te de Stadion, qui, en son particulier, gémit de se soumettre à un système qui n'est pas le sien et laisser échapper une circonstance aussi propice pour les intérêts de son maître, qui la saisirait s'il avait le courage de suivre ses propres opinions".

Не смотря на то, что Наполеонъ желалъ тѣснаго союза только съ одною изъ главныхъ европейскихъ державъ, въ число которыхъ онъ уже не включалъ Пруссіи, со времени нанесеннаго ей имъ же самимъ погрома, однако, въ виду совершенно неожиданной стойкости и храбрости русской арміи, онъ сообразилъ, что выгодно бы было лишить Россію и этого послѣдняго союзника. Мы уже видѣли, что Талейранъ, по приказанію своего императора, вёлъ переписку съ прусскимъ министромъ Цастровымъ. Отвѣты Цастрова были уклончивы. Послѣ Эйлаускаго сраженія, когда Наполеонъ поселился въ замкѣ Финкенштейнѣ, онъ оттуда отправилъ своего генерала Бертрана въ Мемель къ королю прусскому съ дружелюбнымъ, но крайне лукавымъ собственноручнымъ письмомъ, въ началѣ котораго упоминалось объ общемъ замиреніи, о конгрессѣ, объ Австріи, но которое въ концѣ-концовъ, предлагало отдѣльный миръ съ явнымъ намѣреніемъ оторвать Пруссію отъ союза съ Россіею. Мысль Наполеона обратиться письменно къ Фридриху-Вильгельму пришла ему на умъ какъ нельзя болѣе кстати. Прусскій король, подъ вліяніемъ Цастрова и немногихъ при немъ еще состоявшихъ сторонниковъ Франціи, самъ съ своей стороны отправилъ было фонъ Клейста съ собственноручнымъ же письмомъ къ императору французовъ. Въ письмѣ этомъ король Фридрихъ-Вильгельмъ соглашался на отдѣльный миръ съ Франціею и оно должно было служить отвѣтомъ на предложенія Талейрана Цастрову. Однако прусской королевѣ и сторонникамъ союза съ Россіею удалось открыть тайну отправки Клейста. Гарденбергъ явился къ королю и силою своего краснорѣчія, добился того, что посланнаго остановили

на дорогѣ. Въ Финкенштейнъ однако отправлено было письмо, но уже совершенно иного содержанія, въ которомъ о мирѣ не упоминалось вовсе. Когда прибылъ генералъ Бертранъ въ Мемель, всѣ тамъ были подъ впечатлѣніемъ весьма оживленной сцены, происшедшей у короля. Гарденбергъ и Рюхель, въ присутствіи Фридриха-Вильгельма, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ упрекали Цастрова за недостатокъ въ патріотизмѣ и за непростительную преданность французскому правительству. Они стыдили его перепиской съ Талейраномъ и намѣреніемъ предать Пруссію въ руки Франціи. На короля сцена эта произвела сильное впечатлѣніе. Объ отдѣльномъ мирѣ съ Бертраномъ не говорили, его приняли хорошо но отпустили ни съ чѣмъ; однако письмо Наполеона, въ которомъ упоминалось объ общемъ замиреніи, послужило къ обмѣну депешъ между Мемелемъ и замкомъ Финкенштейномъ [1]). Въ одно время съ генераломъ Бертраномъ прибылъ въ Мемель Н. Н. Новосильцовъ, отправленный Императоромъ Александромъ къ королю прусскому. Безпорядки по прежнему продолжались въ русской арміи, солдаты во всемъ нуждались, генералы жаловались на прусскія власти, а послѣднія обращались въ Петербургъ съ горькими жалобами на грабежи. Общаго между пріѣздами Бертрана и Новосильцева не было рѣшительно ничего; они съѣхались въ Мемелѣ совершенно случайно. Будбергъ счелъ долгомъ все это подробно объяснить Разумовскому, опасаясь, какъ бы не пошли сплетни по Вѣнѣ. Сообщивъ графу Андрею Кирилловичу всѣ подробности о миссіи Бертрана, Будбергъ находилъ нужнымъ еще разъ обратить вниманіе вѣнскаго кабинета на непоколебимое рѣшеніе Государя ни подъ какимъ видомъ не подписывать отдѣльнаго мира и соглашаться на переговоры относительно общаго замиренія, только на заранѣе разработанныхъ, вполнѣ выгодныхъ для Россіи условіяхъ. Военныя дѣйствія рѣшено было дѣятельно продолжать. Но, замѣчалъ Будбергъ, могутъ представиться и такія обстоятельства, что Россіи будетъ выгодно, разумѣется, заранѣе согласившись съ Англіею и Пруссіею, принять мирныя предложенія Франціи, если таковыя послѣдуютъ. Разумовскій долженъ былъ объявить вице-канцлеру, что если бы что либо подобное случилось, то за бездѣйствующую Австрію никто не заступится. Она будетъ исключена изъ всякой негоціаціи, которую могли бы начать воюющія нынѣ между собою державы. Петербургскій кабинетъ, дѣлая это заявленіе, вполнѣ сознавалъ его важность и понималъ къ какой плачевной будущности можетъ привести Австрію подобное рѣшеніе. Но если бы произошла въ образѣ дѣйствій вѣнскаго двора благодатная перемѣна, Императоръ всероссійскій торжественно объ-

[1]) Schlosser. Geschichte des XVIII Jahrhunderts. VII. 218—219.

щался не входить ни въ какія сношенія съ непріятелемъ безъ его согласія и защищать до послѣдней крайности его интересы, какъ бы свои собственные [1]).

„Je fis lecture in extenso au c-te de Stadion des pièces qui m'ont paru devoir lui être communiquées,—писалъ отъ 29 Марта Разумовскій,—celle qui renferme les détails sur la mission de Bertrand et ses résultats a été accueillie avec reconnaissance et appréciée avec justice. Elle est un nouveau gage de la sagesse de notre cabinet, de la constance et de la magnanimité de notre auguste Maître. La dépêche, qui me prescrivait de revenir à la charge sur la discussion souvent répétée de la politique actuelle de la cour de Vienne et des motifs qui devront le déterminer à en adopter une plus active et plus énergique, a reproduit encore une fois les mêmes débats que dans mes conférences précédentes. Toujours j'ai retrouvé dans le c-te de Stadion conformité de principes et d'opinion avec nous et désir de persévérer dans ses efforts pour combattre les craintes et les préjuges qu'on lui oppose. Ce ministre m'a demandé et j'ai consenti à lui laisser prendre copie des dépêches qu'il venait de lire pour en faire usage à Bude où il présumait que sa position le mettrait en rapports plus fréquents et plus suivis avec l'Empereur et l'archiduc et plus à même par là de travailler dans le sens de ses bonnes intentions. Dans le cours de notre entretien, j'ai souvent ramené son attention sur la circonstance qui pourrait rendre inévitable de notre part de nous prêter à un accomodement dans lequel notre auguste Maître se verrait à regret contraint d'exclure les intérêts de la maison d'Autriche, si elle continuait à rester passive, tandis que dans le cas contraire S. M. I. prendrait envers elle l'engagement formel de ne rien conclure sans y comprendre les avantages de cette monarchie. Le c-te de Stadion a senti toute la force de ce dilemme et il s'est proposé d'en tirer parti... Les rapports du général Vincent seront de nature, je pense, à lui fournir des arguments favorables, car certes Bonaparte ne souscrira point aux points que le général a été chargé de jeter en avant comme première bases, dont le développement rendra son consentement encore plus difficille et je ne crois pas me tromper en conjecturant que le projet même de cette négociation est un acheminement à la détermination que nous désirons voir adopter par cette cour... Je mettrai à vous informer, m. le baron, une exactitude proportionnée à l'importance de l'objet et au désir profond de justifier la confiance que notre auguste Maître daigne continuer à placer dans mon zèle pour son service".

---

[1]) Депеша Будберга къ Разумовскому отъ 12 Марта.

Будбергъ не зналъ, какъ благодарить Разумовскаго за всѣ его хлопоты. Интересныя собственноручныя донесенія посла обратили на себя особенное вниманіе Императора Александра, который неоднократно поручалъ министру иностранныхъ дѣлъ выразить высочайшее одобреніе графу Андрею Кирилловичу. Государь не могъ понять упрямства австрійскаго двора. Геройское сопротивленіе, выказываемое Наполеону русскими войсками, вполнѣ доказывало до какой степени ложно и ошибочно было убѣжденіе о его непобѣдимости. Желая еще яснѣе выказать свою добрую дружбу къ Австріи, Государь, на этотъ разъ уже прямо жертвуя интересами Россіи, рѣшался вступить въ переговоры съ Оттоманскою Портою. Будбергъ, извѣщая объ этомъ Разумовскаго, надѣялся, что такая особенная угодливость со стороны Россіи въ отношеніи къ Австріи всегда, неодобрительно смотрѣвшей на войну ея съ Турціею, окончательно приведетъ къ радикальному измѣненію въ политической системѣ вѣнскаго двора. Уполномоченнымъ для веденія переговоровъ съ турецкимъ диваномъ назначался Поццо ди Борго, давно уже просившій дозволенія покинуть Вѣну, гдѣ онъ чувствовалъ себя совершенно безполезнымъ. Поццо съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого разрѣшенія и собирался уже въ Петербургъ, но вмѣсто того прибывшій изъ Петербурга курьеръ привезъ ему вѣсть о новомъ назначеніи, а въ то же самое время инструкцію относительно переговоровъ его съ Портою. Ему предписывалось немедля отправиться въ Архипелагъ и нагнать тамъ эскадру вице-адмирала Сенявина. Нежданное назначеніе это поставило Поццо въ странное положеніе. Тонкій и проницательный умъ его ясно видѣлъ передъ собою будущность и вполнѣ сознавалъ какова должна бы быть настоящая политика Россіи. Онъ и письменно, и словесно представлялъ Государю и Будбергу, что борьба съ Наполеономъ можетъ быть удачною только на Востокѣ. Иностранецъ, не владѣвшій даже русскимъ языкомъ, Поццо одинъ, среди государственныхъ людей того времени, ясно понималъ въ чемъ состояло историческое призваніе Россіи и къ чему должны были въ настоящую минуту стремиться всѣ ея силы. Вслѣдствіе страннаго стеченія обстоятельствъ, съ двухъ совершенно противоположныхъ и притомъ враждебныхъ сторонъ, разомъ предлагался Россіи способъ покончить съ Турціею вѣковые свои споры. Наполеонъ, ради твердаго союза, готовъ былъ, съ одной стороны, дозволить русскому Императору распорядиться на Востокѣ по своему, лишь бы ему дали одному покончить дѣло съ Берлиномъ и Вѣною. Съ другой стороны Англія, вѣчная соперница Россіи на Босфорѣ, изъ ненависти къ Франціи, охотно вызывалась протянуть Императору Александру руку для нанесенія послѣдняго удара могуществу Турціи. Уже англійскій флотъ, на которомъ нашелъ себѣ убѣжище Италинскій и куда вслѣдъ за нимъ явился,

принявшій сторону русскаго посланника, Артбутнотъ, явился подъ командою адмирала Дукворта (Dukworth) въ Мраморное море и готовъ былъ начать осаду Константинополя. Къ несчастію внезапное укрѣпленіе города, которымъ занялись Себастіани и вызванные имъ французскіе инженеры, остановило англійскія морскія силы отъ нападенія; флотъ снова отступилъ къ Тенедосу, претерпѣвъ довольно сильную перестрѣлку при проходѣ черезъ Дарданелы. Какъ всегда случалось съ Россіею, въ ту минуту, когда судьба передавала связанную Турцію въ руки, находились причины заставлявшія её добровольно отказаться отъ нежданно представлявшагося счастія. На этотъ разъ успокоеніе Австріи представилось удобнымъ предлогомъ для начатія первыхъ переговоровъ съ дерзкою во всѣхъ отношеніяхъ Портою. Поццо ди Борго не могъ не пожалѣть объ ослѣпленіи петербургскаго правительства, забывавшаго будущее Россіи ради успокоенія сосѣдки, которую, по убѣжденію корсиканскаго дипломата, никакими приманками нельзя было побудить къ открытой борьбѣ съ Франціею. Вѣроятно всѣхъ этихъ мыслей не передавалъ Разумовскому Поццо, ему извѣстна была холодность посла къ восточному вопросу. Но кромѣ общеисторическихъ соображеній, много еще и затрудненій представлялось уму новаго медіатора. Онъ сознавалъ всю трудность возложеннаго на него порученія, понималъ, что ходъ военныхъ дѣйствій на сѣверѣ будетъ сильно влiять на рѣшенія Порты и кромѣ того не зналъ гдѣ и какимъ образомъ вступить въ переговоры съ турками. Въ недоумѣніи явился Поццо за совѣтомъ къ Разумовскому, который сообщилъ ему всѣ полученныя имъ депеши и частныя свѣдѣнія. Только-что пришло въ посольство письмо отъ Беннигсена, Разумовскій твердо вѣрилъ въ успѣхъ русскихъ и предсказывалъ Поццо, что подробности о битвѣ при Эйлау пошатнутъ вліяніе Себастіани въ Константинополѣ. Посолъ обѣщалъ Поццо высылать ему вслѣдъ всѣ получаемыя съ театра войны извѣстія. О новомъ порученіи, возложенномъ на Поццо, знали въ Вѣнѣ только графъ Стадіонъ и сэръ Робертъ Адеръ. Оба русскихъ дипломата рѣшили сообща содержать дѣло въ тайнѣ. Разумовскій старался всѣми способами облегчить Поццо трудное путешествіе и снабдилъ его рекомендательными письмами къ графу Мочениго къ Корфу и къ Санковскому въ Которъ, прося ихъ содѣйствовать дальнѣйшему слѣдованію уполномоченнаго. Поццо настоятельно требовалъ у Разумовскаго помощника, необходимаго ему для русской переписки. Между молодыми людьми, служившими въ то время при вѣнскомъ посольствѣ, Поццо остановилъ свой выборъ на талантливомъ и любезномъ К. Я. Булгаковѣ. Но Булгаковъ былъ любимцемъ графа Андрея Кирилловича, на него перевелъ онъ всю любовь и довѣріе, которыми пользовался нѣкогда, перешедшій на службу въ Петербургъ,

А. И. Рибопьеръ; къ тому же онъ завѣдывалъ всею русскою корреспонденціею посольства. Долго не рѣшался Разумовскій уступить его Поццо, однако ради успѣха дѣла онъ согласился. На смѣну Булгакову отправлены были въ Вѣну служившіе при министерствѣ юноши: Уваровъ [1]), графъ Сологубъ и Боголюбовъ. Графу Андрею Кирилловичу особенно понравился послѣдній и онъ думалъ отправить его на мѣсто Булгакова, но въ виду настояній Поццо, и, при мысли, что самъ онъ еще только временно завѣдуетъ посольствомъ и что вновь присланные молодые люди собственно зависѣли уже отъ князя Куракина, онъ не спорилъ съ Поццо и, отпуская Булгакова, писалъ къ Будбергу, что ожидаетъ пріѣзда новаго посла и въ то же время вполнѣ полагается на то благосклонное расположеніе къ нему Государя и его министровъ, въ которомъ удостовѣряли его послѣднія секретныя и собственноручныя письма барона [2]). Въ одномъ изъ такихъ писемъ [3]) министръ иностранныхъ дѣлъ благодарилъ посла за интересныя секретныя сообщенія. Относительно приведеннаго нами выше извѣстія объ объясненіяхъ Разумовскаго съ Стадіономъ, касательно страннаго поведенія Меерфельдта по поводу Которскаго вопроса, Будбергъ не скрывалъ отъ графа Андрея Кирилловича, что неудачу переговоровъ съ вѣнскимъ кабинетомъ въ Россіи главнымъ образомъ приписывали австрійскому послу въ Петербургѣ. Образъ дѣйствій этого дипломата дѣлалъ дальнѣйшее его пребываніе въ Петербургѣ едва ли возможнымъ. Государь желалъ видѣть при себѣ на его мѣстѣ человѣка болѣе способнаго, съ менѣе рѣзкимъ характеромъ, а главное, убѣжденнаго въ пользѣ союза съ Россіей, которую Меерфельдтъ, сторонникъ партіи эрцгерцога Карла, очевидно не любилъ. Однако, изъ Петербурга отказывались назначить кандидата, какъ о томъ въ откровенной бесѣдѣ съ Разумовскимъ просилъ Стадіонъ. Только мимоходомъ дѣлалъ Будбергъ намекъ на графа Меттерниха, какъ на человѣка весьма угоднаго Императору Александру, лично съ нимъ познакомившагося въ Берлинѣ. Будбергъ при этомъ просилъ Разумовскаго благодарить вице-канцлера за его постоянное благорасположеніе къ Россіи.

„J'ai médité avec une attention particulière,—писалъ Будбергъ въ заключеніе письма своего, — sur la conversation que vousavez eue avec le c-te de Stadion et dont vous avez bien voulu me communiquer les détails dans votre lettre du 1 Février. Rien de plus juste que les arguments que vous avez avancés, rien de plus vrai que les assu-

[1]) Сергѣй Семеновичъ, впослѣдствіи министръ народнаго образованія и графъ.
[2]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 28 Марта.
[3]) Отъ 15 Марта.

rances que vous avez données sur les dispositions invariables de l'Empereur. La lueur d'espérance qu'il vous a donné, quoique bien faible encore, n'a pas manqué de faire le plus grand plaisir à S. M. I., qui d'ailleurs est parfaitement du même avis sur l'inutilité des écritures, conventions etc. Ce n'est pas certainement là l'essentiel; il ne s'agirait que de se prononcer, d'agir dans le même sens et par la suite il serait facile de s'arranger pour tout le reste. Vous êtes sur une trop bonne voie pour que je ne me flatte sérieusement, que sous peu vos efforts seront couronnés par les succès qu'ils méritent et je n'ai pas besoin de vous dire combien l'Empereur saura apprécier le service éclatant que vous lui rendrez en réussissant".

Кромѣ постоянно выражаемой нелюбви къ Россіи, всякихъ сплетней на ея внутреннее состояніе Меерфельдтъ въ своихъ донесеніяхъ къ австрійскому двору сочинялъ еще доносы на своихъ дипломатическихъ товарищей. Онъ увѣрялъ будто лордъ Дугласъ, англійскій посолъ въ Петербургѣ, открыто говорилъ, что Англія намѣрена предоставить союзныя противъ Франціи державы собственной ихъ судьбѣ, такъ какъ субсидій уже никому выдавать не будетъ, желая употребить всѣ силы свои на морскую войну противъ Наполеона. Австрійскій посолъ увѣрялъ еще, что въ Англіи занятіе русскими дунайскихъ княжествъ возбудило всеобщее недовольство, о которомъ Дугласъ, не стѣсняясь, говорилъ въ петербургскихъ гостиныхъ. Всѣ знали въ Вѣнѣ, что русская армія нуждалась въ деньгахъ, благодаря рѣдкой и не полной уплатѣ обѣщанной Англіею денежной подмоги и что Бенигсенъ и его товарищи принуждены были занять 600,000 талеровъ у обездоленнаго короля прусскаго для текущихъ расходовъ. Разумовскій, узнавши о всѣхъ этихъ сплетняхъ отъ Стадіона, поспѣшилъ навести справки. Другъ его Адеръ не скрылъ, что получаемыя имъ отъ двора своего депеши, прямо противорѣчатъ завѣреніямъ Меерфельдта. Къ тому же русскій курьеръ привезъ ему письмо отъ лорда Дугласа изъ Петербурга, содержаніе котораго шло прямо въ разрѣзъ всѣмъ сообщеніямъ Меерфельдта своему правительству. Занятіе русскими войсками дунайскихъ княжествъ не только, какъ оказалось, не возбуждало негодованія въ Лондонѣ, наоборотъ англійскій кабинетъ въ депешахъ своихъ къ Адеру вполнѣ одобрялъ эту мѣру. Разумовскій уговорилъ своего англійскаго товарища сообщить, in extenso, какъ письмо лорда Дугласа, такъ и полученныя имъ депеши графу Стадіону. Это было тѣмъ болѣе кстати, что вслѣдъ за одобреніемъ Россіи, въ депешахъ этихъ предписывалось Адеру всячески побуждать австрійское правительство къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Франціи. Уничтоженіе ложныхъ слуховъ, распространяемыхъ Меерфельдтомъ, лишало защитниковъ нейтралитета весьма вѣскаго

довода въ пользу бездѣйствія. Но къ сожалѣнію въ отчётахъ Меерфельдта была своя доля правды; британское правительство, какъ въ отношеніи къ Россіи, такъ и теперь касательно Австріи, выказывало неумѣстную разсчетливость. О субсидіяхъ вѣнскому двору, о которыхъ такъ много и такъ недавно еще говорилось, теперь даже не упоминалось вовсе. Вина была отчасти со стороны австрійскаго правительства, которое постоянно избѣгало всякихъ объясненій относительно денежныхъ дѣлъ. Въ Вѣнѣ, какъ то стыдились говорить о денежной подмогѣ и въ то же самое время всецѣло полагались на щедрость Великобританіи. Разсчетливое англійское министерство, въ образѣ дѣйствій вѣнскаго кабинета, безпрестанно жаловавшагося Россіи на скупость Альбіона и не сообщавшаго своихъ требованій Адеру, видѣло явное доказательство тому, что Австрія не рѣшается на борьбу съ Наполеономъ. Въ то время, какъ начались вооруженія и стали образовать такъ называемую нейтральную армію, вице-канцлеръ обратился было къ Адеру съ вопросомъ: могутъ ли австрійцы считать, въ виду своихъ военныхъ приготовленій, на подмогу деньгами со стороны Англіи. Хотя главнаго условія не было соблюдено, однако, Адеръ принялъ запросъ ad referendum. Но Фоксъ умеръ, и другое министерство управляло Англіею. На новаго премьера Адеръ уже не имѣлъ такого вліянія, какъ на Фокса. Австрійскій посолъ въ Лондонѣ графъ Штаремберхъ, не пользовавшійся довѣріемъ ни своего, ни англійскаго правительства, бездѣйствовалъ. Британское министерство нашло лишнимъ давать ходъ представленіямъ Адера о субсидіяхъ. Страхъ огласки не дозволялъ вѣнскому двору столь щекотливаго вопроса. Сохрани Боже, ежели бы о чемъ либо подобномъ узналъ Наполеонъ. Однако, благодаря Разумовскому при пріѣздѣ Поццо ди Борго, снова заговорили о субсидіяхъ. Теперь посолъ всячески подбивалъ Адера осторожно и тайно приступать къ новымъ переговорамъ о денежной подмогѣ [1].

---

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 29 Марта.

ГЛАВА IX.

Бездѣйствіе армій.—Переговоры Талейрана съ Венсаномъ.—Венгерскій сеймъ. — Жалобы Поццо. — Объясненіе Разумовскаго съ Стадіономъ.—Состояніе русской арміи.—Пріѣздъ Александра I къ арміи.—Паденіе Цастрова. — Бартенштейнская конвенція.— Миссія Тейля. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Битва при Фридландѣ.—Тильзитскій миръ.—Отставка Разумовскаго.

Вслѣдъ за битвою при Эйлау и отступленіемъ русскихъ войскъ, настало время бездѣйствія. Жестокіе морозы окончательно разстроили духъ французской арміи, не привыкшей къ холоду и быстрымъ климатическимъ перемѣнамъ и, кромѣ того, сильно пострадавшей отъ кровопролитныхъ битвъ. Она была утомлена и нуждалась въ пополненіи, амуниціи и провіантѣ. Французы не умѣли, подобно русскимъ, безропотно переносить всякія лишенія, и не смотря на холодъ и голодъ, твердо отстаивать разъ занятое положеніе. Со стороны Россіи не было признаковъ наступленія и Наполеонъ рѣшился дать солдатамъ своимъ полный отдыхъ, заняться исключительно пополненіемъ ихъ числа и снабженіемъ всѣмъ нужнымъ съ тѣмъ, чтобы съ новыми силами, при наступленіи теплаго времени, предпринять новыя рѣшительныя дѣйствія. Съ русской стороны слабостью французовъ никто не съумѣлъ воспользоваться, на нихъ не нападали, а недостатокъ и безпорядокъ во всемъ царствовали съ прежнею силою. Тайлеранъ продолжалъ вести въ Варшавѣ переговоры съ барономъ Венсаномъ, а Наполеонъ, чтобы отвести глаза Европы, притворился будто серьезно занятъ предложеннымъ Австріею медіаторствомъ. Изъ Вѣны сообщали Венсану, что Россія и Пруссія, а вслѣдъ за ними, вѣроятно, и Англія, гдѣ во главѣ правленія стали лордъ Кастельри и Каннингъ, охотно приступятъ къ мирнымъ договорамъ. Наполеонъ, сознававшій всѣ тайные замыслы вѣнскаго кабинета писалъ къ Талейрану: „Предлагать намъ свое медіаторство, значитъ тайно готовиться къ войнѣ и припасать себѣ заранѣе благіе предлоги для участія въ оной. Медіаторство вѣнскаго двора предвѣщаетъ намъ появленіе австрійскихъ войскъ на Одерѣ и Эльбѣ, въ то время, какъ мы сами стоимъ на Вислѣ. Но отвергать этого медіаторства мы не можемъ, такъ какъ сами всегда утверждали, что желаемъ общаго мира. Прямой отказъ можетъ побудить вѣнскій кабинетъ къ какому-нибудь крайнему рѣшенію, а этого всячески слѣдуетъ избѣжать. Необходимо выиграть время и заявить, что я охотно принимаю предлагаемое посредничество, но что предложенія Австріи до того неопре-

дѣлены, что дать положительнаго отвѣта въ настоящее время еще невозможно, хотя всякая добрая услуга предлагаемая вѣнскимъ дворомъ, будетъ всегда мною принята съ благодарностью и довѣріемъ“ [1]. На основаніи этихъ повелѣній Талейранъ велъ нескончаемые переговоры съ Венсаномъ, которые, разумѣется, ни къ чему не могли привести, но давали Наполеону полное время для новаго набора во Франціи и сильныхъ реквизицій въ Германіи и Польшѣ. Талейранъ подавалъ видъ, что императоръ французовъ вполнѣ соглашался на посредничество Австріи, но въ то же время, не скрывалъ нѣкотораго сомнѣнія относительно серьезности сдѣланнаго вѣнскимъ кабинетомъ предложенія. Венсанъ божился, что ничего серьёзнѣе быть не можетъ и поспѣшилъ извѣстить объ этомъ Стадіона. Весьма скоро полученъ былъ отъ вице-канцлера отвѣтъ, въ которомъ объявлялось, что вѣнскій дворъ готовъ хоть сейчасъ перейти отъ простыхъ переговоровъ къ формальному медіаторству и ожидаетъ только яснаго изъясненія желаній императора Наполеона. Но именно этого яснаго изъясненія и не желало давать французское правительство, котораго поразила эта новая поспѣшность вѣнскаго двора. Наполеонъ рѣшился не прежде быть совершенно откровеннымъ, какъ вполнѣ предохранивши себя отъ послѣдствій возможнаго со стороны Австріи обмана. Во Франціи быстро набирались новые рекруты, благодаря этому военныя ея силы должны были удвоиться. Въ отвѣтъ на предложенія Австріи Талейранъ не представлялъ ничего положительнаго, ограничиваясь по прежнему одними общими мѣстами и неопредѣленными выраженіями желанія мира. Болѣе подробныя и точныя объясненія между двумя дипломатами начались только когда Франція была уже въ силахъ снова помѣриться съ Россіею. Талейранъ сообщилъ тогда барону Венсану объ усиленіи французской арміи и не скрылъ при этомъ, что истинная цѣль вѣнскаго медіаторства уже давнымъ давно разгадана Наполеономъ. Къ тому же изъ словъ французскаго министра ясно было, что усиленное вооруженіе Австріи обратило на себя вниманіе императора французовъ, находившаго, какъ не безъ ироніи замѣчалъ Талейранъ, что это усиленіе военныхъ силъ какъ-то странно вязалось съ назойливымъ предложеніемъ о посредничествѣ. Къ этому министръ добавлялъ, что чистосердечное признаніе французскаго правительства вызвано искреннимъ участіемъ Наполеона къ самой Австріи; онъ не желаетъ ее видѣть въ новой бѣдѣ и потому откровенно съ нею объясняется и даже предлагаетъ вѣнскому кабинету черезъ отправку довѣреннаго лица въ Германію и Францію удостовѣриться въ томъ, что кромѣ 300,000 арміи, находящейся на берегахъ Вислы,

[1] Thiers. Histoire du consulat et de l'empire. II. 333.

готова еще новая въ 100,000 солдатъ, имѣющихъ переступить черезъ Рейнъ, при малѣйшемъ враждебномъ движеніи со стороны вѣнскаго двора и долженствующихъ жестоко его наказать за оказанное имъ двоедушіе [1]).

Испуганный Венсанъ отправилъ съ поражающимъ извѣстіемъ этимъ курьера въ Вѣну, но ни императора Франца, ни графа Стадіона тамъ уже не было. Весь австрійскій дворъ отправился въ Пештъ для открытія венгерскаго сейма, на дѣятельность котораго въ Вѣнѣ полагали весьма мало надеждъ. Требовательные и неспокойные Мадьяры, которыхъ равно опасались и императоръ, и вицеканцлеръ, по слухамъ, хотѣли противодѣйствовать всѣмъ мѣрамъ, правительства, и заранѣе рѣшились ничего не жертвовать на вооруженіе, не допускать новыхъ налоговъ и всѣми силами протестовать противъ новой войны. Отсутствіе императора и министровъ ставило не только въ крайне затруднительное положеніе барона Венсана, но и дипломатовъ аккредитованныхъ при вѣнскомъ дворѣ, не знавшихъ къ кому обратиться съ вопросами и разъясненіями, которыя въ такое критическое время требовались на каждомъ шагу. Особенно жаловался и горевалъ Разумовскій, который получалъ отъ Поццо ди Борго весьма важныя, хотя и не утѣшительныя извѣстія, требовавшія немедленныхъ объясненій съ вице-канцлеромъ. Поццо писалъ изъ Тріеста, что англійскій флотъ отдѣлился отъ русскаго и что англійскій адмиралъ, отказавъ Сенявину въ дружной аттакѣ на турецкіе корабли, отплылъ по направленію къ Египту. Уже это извѣстіе было крайне не утѣшительно. Хотя на Поццо ди Борго изъ Петербурга возложена была миссія миротворца, однако, и онъ, и Разумовскій надѣялись, что время мирныхъ переговоровъ наступитъ только тогда, когда Сенявинъ, съ помощью Англичанъ, успѣетъ на голову побить турецкій флотъ.

Въ концѣ длиннаго письма отъ Поццо послѣдній сообщилъ, что Мармонъ получалъ всю свою амуницію, оружіе и припасы прямо изъ Тріеста, черезъ австрійскія владѣнія, что противорѣчило нейтралитету вѣнскаго двора и всѣмъ условіямъ Пресбургскаго трактата. Къ тому же это шло въ разрѣзъ со всѣми еще недавними увѣреніями вице-канцлера и донесеніями, которыя представлялъ Разумовскому русскій консулъ въ Тріестѣ италіанецъ Пеллигрини. Между тѣмъ Поццо утверждалъ несомнѣнность сообщаемаго имъ извѣстія. Отсутствіе Стадіона не дозволяло графу Андрею Кирилловичу съ нимъ переговорить и потребовать отъ него категорическаго отвѣта. Пришло изъ Тріеста отъ Поццо еще другое письмо съ худшими новостями. Оказывалось, что число французскихъ войскъ, находив-

[1]) Тамъ же. II. 335.

шихся въ Далмаціи, которыхъ по оффиціальнымъ даннымъ австрійскаго двора и частнымъ извѣстіямъ, получаемымъ изъ тѣхъ мѣстъ Разумовскимъ, едва насчитывали до 7000 солдатъ, на дѣлѣ оказывалось почти вдвое значительнѣе. Подкрѣпленія, по увѣренію Поццо, могли достигнуть маршала Мармона, только пройдя черезъ австрійскую территорію. Слухи объ этомъ уже давно ходили по Вѣнѣ и графу Андрею не разъ приходилось объясняться на этотъ счетъ съ вице-канцлеромъ, который постоянно, завѣрялъ, что въ городскихъ толкахъ не было слова правды. На бѣду Разумовскаго, въ то время когда молва о новыхъ французскихъ войскахъ, какимъ-то чудомъ достигавшихъ до Далмаціи, сильнѣе обыкновеннаго распространилась по столицѣ Австріи, туда прибылъ черногорскій архимандритъ Ивковицъ, отправляемый Санковскимъ въ Петербургъ. Онъ передалъ Разумовскому подробности о томъ, что происходило на Адріатическомъ прибрежьѣ и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ отозвался о незначительности французскихъ силъ въ Далмаціи и о томъ, что они не въ состояніи подавить вспыхнувшее въ Босніи возстаніе. Слова эти совершенно было успокоили посла; но извѣстіямъ сообщаемымъ Поццо, невозможно было не вѣрить, тѣмъ болѣе, что всѣмъ было извѣстно усиленіе французовъ въ Фріулѣ и на рѣкѣ Изонцо. Разумовскій съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Стадіона, который наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, прибылъ въ Вѣну [1]).

„Le c-te de Stadion est arrivé Samedi le 27 Avril,—доносилъ отъ 29 Апрѣля Разумовскій,—je l'ai vu et je m'occupe du rapport de mes premiers entretiens. On sait que ce ministre a dans les affaires une exposition diffuse; sa discussion est embarassée par l'inversion involontaire de l'ordre des faits; il y joint une précipitation, qui exige qu'on la ramène souvent à la question principale, de façon qu'avec la plus grande connaissance de sa manière de courir sur les objets, il faut plusieurs conférences, avant de pouvoir acquérir des données stables, ou fixer des résultats. Les ministres, qui l'ont précédé dans son département avaient en tous la confiante méthode de mettre sur la table les pièces qui se rapportaient aux affaires en train, dans leur développement direct ou indirect. Cela donnait de l'assurance et du mouvement au travail. Le c-te de Stadion s'est écarté de cette excellente coutume, et cela occasionne forcément un plus grand décousu encore dans les explications. Je renouvelle cette remarque, parce que cette fois-ci surtout il était essentiel de pouvoir juger de l'ensemble de la correspondance qui s'est amassée depuis l'absence de la cour. Le c-te de Stadion en avait laissé les actes à Bude. Il m'assura cependant que la correspondance du général

[1]) Депеша Разумовскаго отъ 16 Апрѣля.

Vincent ne présentait rien de notable ou d'intéressant, et il me promit de rassembler tout ce qui pourrait s'en trouver dans son portefeuille, pour servir de preuve au texte dont je vais prendre les détails. Cette introduction est longue, mais je ne la crois point superflue, parce que dans des matières aussi graves, il importe de connaître à travers de quels errements on a du procéder".

„L'impulsion des déterminations, que nous attendons depuis si longtemps de cette cour-ci et qui paraissaient un moment si près de leur dénouement, se trouve dans les principes de sa politique extérieure; son adhésion à ces principes se fonde sur ses ressources intérieures et sur des subsides étrangers. Rien n'est déterminé à l'égard de ceux-ci; reste à exposer l'autre objet. La monarchie autrichienne en général a été classée pour les contributions à une élévation que l'on ose point tendre d'avantage. La Hongrie encore vierge dans les sacrifices dûs à l'état, doit comporter sa part aujourd'hui. L'expérience des dernières diètes a prouvé, que convoquées aux approches d'une crise, elles deviennent tumultueuses, que les prétentions grossissent à chaque séance. On avait les mêmes préjugés pour celle-ci; j'en avais parlé au c-te de Stadion, et il m'avoua que son opinion avait été également de la différer; mais qu'une influence plus forte et contre laquelle l'opposition devenait inutile, avait prévalue. Nos conjectures se sont réalisées. Les griefs de la diète, ceux dont la discussion avait été remise à des temps plus heureux, il y a trois ans, viennent se placer en opposition aux demandes royales. La chambre haute se conserve bonne; la chambre basse, au contraire, va dans ses débats et ses clameurs jusqu'à l'indécense. J'abrège ici des détails fastidieux. La maxime qui fait effervescence est celle de la conservation de la paix. Le palatin en est imbu, et l'on peut juger, par là de la réaction de la diète à l'action faible et incertaine d'un souverain, qu'une condescendance qu'aucun événement ne peut altérer, soumet à l'influence de sa famille et dans ce moment-ci plus encore au palatin qu'à l'archiduc Charles. L'un et l'autre, partisans au fond du même systême, se trouvent cependant placés pour le moment dans une rivalité qui donne de l'avantage au palatin, et le généralissime a vu, mais trop tard, qu'il avait livré la moitié de son pouvoir à son frère, puisque l'exécution d'un plan plus analogue à la dignité de la monarchie dépend aujourd'hui en grande partie pour les moyens matériels d'une assemblée éminemment influencée par le palatin. Ce prince, mettant à profit les attributions de sa place en même temps que ses moyens particuliers, auprès de son auguste frère, tranche sur les objets les plus importants, présente des résultats et enlève l'approbation de l'em-

pereur sans lui donner le temps ou la facilité d'apprécier les principes de la mesure ou d'en suivre le développement".

„Pour revenir à la diète, le c-te de Stadion espère avec assurance que les demandes royales seront finalement acquiescées; mais il est persuadé en même temps qu'elles seront enlacées dans un tel tissu de clauses, de restrictions et de modifications éventuelles, que la politique extérieure ne pourra qu'en souffrir".

„Ce tableau renferme, je pense, tous les traits de la situation intérieure, et je passe à cette politique extérieure qui se trouve si fort entravée par l'égoisme et l'aveuglement. Le principal incident de cette politique est aujourd'hui l'acceptation de la médiation autrichienne. Le contenu de la note remise à cet égard aux cours coïntéressées, à fait l'objet de notre discussion. Le c-te de Stadion me dit, qu'il avait hésité quelque temps s'il communiquerait la déclaration française. Je n'envisage que comme un leurre une démarche, qui ne rappelant ou ne fixant aucune base préliminaire, présente dans ses formes artificieuses, l'indication d'une intimité qui n'a jamais existée et à laquelle aucune sorte d'intelligence éloignée ou prochaine n'a pu donner ni apparence, ni fondement. Le cabinet français voulait en répandre le soupçon et après mûre réflexion le c-te de Stadion s'est décidé à ne rien supprimer du texte de l'office de Talleyrand, persuadé qu'une communication sans réticence serait l'argument le plus puissant en faveur des principes différents, dont on fait profession. Quant à la sortie indécente contenue dans le même office, contre le cabinet britannique, le général Vincent a eu ordre de déclarer à Talleyrand, combien l'opinion de cette cour-ci est éloignée à cet égard de celle de Bonaparte et que la considération de la maison d'Autriche pour le gouvernement anglais reposait sur des maximes invariables. Voici donc, en dernière analyse, le seul résultat de la négociation entamée et on attend la réponse des cours, auxquelles on a communiqué la détermination française, pour s'orienter sur la marche future. Il serait superflu que j'eusse l'honneur d'observer à v. e. à cette occasion, avec quelle impatience j'attends de mon côté le courrier, qui m'est annoncé depuis quelque temps. Mes remontrances ne sont pour cela ni moins vives, ni moins soutenues, parce que chaque jour en amenant d'autres localités par l'infatigable activité de Bonaparte sur le cercle environnant de ce pays-ci, fait disparaître un avantage pour le remplacer par un obstacle. On voit cela, et cependant l'on hésite encore, parceque des détails, qui devraient être subordonnés, prévalent sur l'ensemble; parceque l'on est engagé en Hongrie dans une lutte, qui pourrait avoir des suites, que l'on craint; parce que l'on veut appliquer un calcul minutieux et arithmétique, basé sur des chances défavorables, à une situation qui exige un moment d'audace qui

fera frémir, sans doute le parti aveugle et pusillanime de la paix, mais dont les effets avantageux sous tous les rapports rassureraient bientôt les plus timides. J'abonde dans cet éxposé comme si j'avais à convaincre v. e. Cela fera juger de la suite de mes efforts".

Очевидно, что Стадіонъ скрылъ отъ Разумовскаго главную суть сообщеній барона Венсана и породившуюся вслѣдъ за ними рѣшимость, со стороны вѣнскаго двора, ничего не предпринимать противъ Франціи. Страхъ окончательно ослѣпилъ австрійскихъ правителей. Отвѣтъ на приведенную нами депешу графъ Андрей Кирилловичъ получилъ уже изъ Бартенштейна, куда съ своими министрами и обыкновенными совѣтниками, только что прибылъ Императоръ Александръ Павловичъ. При русскомъ дворѣ рѣшили медіацію Австріи не принимать. Отвѣтъ, на предложеніе медіаторства отъ 25 Апрѣля, встрѣтился на дорогѣ съ только что приведенною нами депешею Разумовскаго. Будбергъ, не знавшій тайныхъ замысловъ вѣнскаго двора, сообщалъ послу, что о медіаціи много хлопоталъ въ Петербургѣ графъ Меерфельдтъ. Отдавая должную справедливость благимъ побужденіямъ, которыя, по мнѣнію петербургскаго кабинета, подвигли австрійскаго императора предложить себя медіаторомъ, Государь приказалъ объявить вѣнскому двору черезъ Разумовскаго, что ему невозможно отказаться отъ тѣхъ убѣжденій, которыя служили ему руководительною нитью въ политикѣ и на которыхъ основаны до сихъ поръ были всѣ отвѣты, передаваемые Меерфельдту. Императоръ, писалъ къ графу Андрею Кирилловичу Будбергъ, желаетъ только общаго мира и спокойствія, а потому готовъ бы былъ принять посредничество всякой державы, а тѣмъ паче Австріи, съ которою состоитъ въ такомъ тѣсномъ союзѣ. Но для посредничества требуются серьезныя, на-передъ ясно объявленныя основанія, къ тому же въ настоящемъ случаѣ дѣло касается до замиренія всѣхъ интересованныхъ въ войнѣ державъ, а горькій опытъ уже не разъ доказалъ Европѣ, какъ ловко умѣетъ Наполеонъ пользоваться долгими переговорами ради собственныхъ выгодъ. Поэтому Государю необходимо прежде всего узнать—на какихъ именно основаніяхъ намѣрена Франція вступить въ переговоры. Только получивъ самыя точныя на этотъ счетъ свѣдѣнія готова будетъ Россія принять предложеніе Австріи. Послѣдняя страница депеши Будберга ясно доказывала, что назойливость вѣнскаго кабинета истощила терпѣніе Александра Павловича, и какъ мало довѣряли въ Петербургѣ искренности Австріи. Государь, писалъ въ заключеніи своего долгаго объясненія министръ иностранныхъ дѣлъ, вполнѣ понимаетъ ту особенную гласность, которую австрійскій дворъ счелъ нужнымъ придать всѣмъ своимъ предложеніямъ о медіаторствѣ. Ясно, что главною задачею Австріи, по прежнему, осталось продлить, елико возможно, бездѣйствіе свое, столь

соотвѣтствующее ея обыкновенной боязливой политикѣ. Вѣнскій кабинетъ давалъ ходъ своимъ предложеніямъ, хотя вполнѣ былъ увѣренъ, что Франція откажется отъ всякаго соглашенія. Ему важно выиграть время, въ надеждѣ, при случаѣ, воспользоваться выгодными обстоятельствами. Государь предписывалъ Разумовскому объявить Стадіону, что на обманъ вѣнскій никто въ Европѣ не поддался, но что могутъ представиться обстоятельства, которыя заставятъ Австрію горько раскаяться въ теперешнемъ ея бездѣйствіи. Такъ, окончилось пресловутое медіаторство Австріи при единодушномъ неудовольствіи обѣихъ враждебныхъ державъ.

Въ то время когда, Наполеонъ безустанно трудился надъ пополненіемъ и обезпеченіемъ своей арміи, русскій главнокомандующій, не занимаясь обезпеченіемъ провіанта, по прежнему ссорился съ своими генералами. Обыкновенные въ русской арміи безпечность, распри и безпорядки царили въ прежней силѣ и самыя неутѣшительныя извѣстія доходили объ ней до Петербурга. Упадокъ дисциплины съ каждымъ днемъ становился чувствительнѣе. Состоявшій при генералѣ Беннигсенѣ прусскій полковникъ Кнебезекъ доносилъ прусскому же генералу Шарнгорсту, что русскія войска систематически разоряютъ Пруссію, вѣроятно съ цѣлью пустынею прикрыть свое отступленіе. Извѣстія эти, доходившія до Мемеля гораздо скорѣе чѣмъ до Петербурга, усиливали вліяніе тѣхъ сторонниковъ Франціи, которые еще толпились вокругъ нерѣшительнаго короля Фридриха-Вильгельма. Между тѣмъ Беннигсенъ во всѣхъ донесеніяхъ своихъ къ Государю постоянно хвасталъ, что побѣда надъ Франціею неотъемлема, лишь бы своевременно высланы были ему подкрѣпленія. Подкрѣпленія эти подвигались медленно, а въ арміи все болѣе и болѣе водворялся безпорядокъ. Помощникъ главнокомандующаго, генералъ Кноррингъ, самымъ неприличнымъ образомъ спорилъ съ своимъ начальникомъ. Генералъ Эссенъ позволялъ себѣ, помимо Беннигсена, распоряжаться движеніями войскъ и дѣлать представленія прямо Государю [1]). Недовольный главнокомандующій, продолжавшій однако хвастаться своими побѣдами, сталъ проситься теперь въ отставку подъ предлогомъ болѣзни. Императоръ Александръ Павловичъ, отозвавъ Кнорринга, отправилъ въ главную квартиру любимца своего, Н. Н. Новосильцова съ цѣлью водворить порядокъ. По случаю этого порученія, Новосильцову пришлось съѣздить и въ Мемель, чтобы разобрать жалобы прусскаго правительства на грабежи русскаго войска. Тамъ, какъ мы уже видѣли, онъ нечаянно встрѣтился съ французскимъ генераломъ Бертраномъ. Неудовольствовавшись однако отправленіемъ довѣреннаго лица, Императоръ Але-

[1]) Богдановичъ. Исторія Александра I. II.

ксандръ, рѣшился самъ убѣдиться въ томъ, что можно сдѣлать для пользы арміи и для болѣе быстраго и удачнаго хода войны. Объ отъѣздѣ Государя стали говорить съ самаго начала года, но онъ выѣхалъ только 14 Марта, сопровождаемый многочисленною свитою. За нимъ слѣдовали, кромѣ военныхъ: Новосильцовъ, баронъ Будбергъ и Чарторижскій, послѣдній снова былъ въ великой милости и согласился ѣхать къ арміи только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ монарха [1]). Отъѣздъ Александра Павловича, несмотря на дурную погоду, на снѣгъ и оттепель, поднялъ весь Петербургъ на ноги. Это рѣшеніе было крайне популярно. „Выѣздъ сей,—повѣствуетъ, очевидецъ,—походилъ болѣе на прогулку до Краснаго Кабачка, чѣмъ на дальній походъ [2])". По мѣрѣ того, какъ снова подымалась звѣзда Чарторижскаго, никло при дворѣ значеніе барона Будберга. Онъ былъ послѣднее время боленъ, Государь съ нимъ обходился холодно, а въ петербургскомъ высшемъ обществѣ полагали, что отъ его неумѣнія возникло столкновеніе съ Англіею, союзъ съ которой считался въ то время совершенно необходимымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что близкое соглашеніе съ Сенъ-Джемскимъ дворомъ было бы весьма полезнымъ Россіи, но причины недоразумѣній слѣдовало искать въ скаредности британскаго кабинета, забывшаго свои неоднократныя и положительныя обѣщанія касательно уплаты субсидій. Изъ особъ сопровождавшихъ Государя болѣе всѣхъ пользовался вліяніемъ Чарторижскій. Онъ по прежнему руководилъ дипломатическими дѣлами, а Будбергъ только носилъ званіе министра. По мнѣнію петербургскаго общества онъ имѣлъ значеніе только до тѣхъ поръ, пока слѣпо слѣдовалъ указаніямъ Чарторижскаго. Общество, столь недавно клеймившее князя Адама именемъ предателя, теперь снова стало полагать на него свои надежды. Дипломатическія неудачи Россіи, потерпленныя въ послѣднее время, безъ разбора приписывались Будбергу. Несчастный баронъ долженъ былъ отвѣчать передъ сонмомъ петербургскихъ критиковъ за нерѣшительность Австріи, за сношенія короля прусскаго съ Наполеономъ, за миссію Бертрана въ Мемель и, наконецъ, за неожиданную разсчетливость британскаго кабинета. Всѣ были увѣрены, что Будбергъ останется въ Петербургѣ. Однако передъ самымъ отъѣздомъ, Государь обласкалъ больного своего министра, посѣтилъ его, у него на квартирѣ, выслушалъ доклады и выразилъ желаніе видѣть его при себѣ въ арміи. Черезъ два дня послѣ отъѣзда Александра Павловича послѣдовалъ за нимъ и полубольной Будбергъ [3]). Отбытіе его изъ Петербурга породило неудоволь-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XXIII, письма Лонгинова 24.
[2]) Тамъ же XXIII. 26.
[3]) Тамъ же, XXIII, 26—29.

ствіе среди придворныхъ, изъ которыхъ многіе безуспѣшно хлопотали о приглашеніи ѣхать за Государемъ. Особенно усердно старался объ этомъ преемникъ Разумовскаго, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ. Жестокая подагра не дозволяла ему двинуться съ мѣста.

„L'ambassadeur in petto,—писалъ къ графу С. Р. Воронцову въ Лондонъ, отъ 8-го Мая Н. М. Лонгиновъ, — est toujours malade de l'hydropisie. Il ne peut pas encore partir pour sa mission, que ses médecins tirent en longueur. En attendant la suite nombreuse est obligée de faire tour à tour les fonctiens de jour, qui sont à jouer le boston etc. Pour sauver les apparences on dit que ce jeu renferme de vastes plans, bien profonds et des coups de maître en fait de politique [1])".

Припадки подагры не останавливали Куракина въ его усиліяхъ попасть въ свиту Государя; онъ былъ силенъ благорасположеніемъ къ нему вдовствующей Государыни, считавшей его, лучшимъ другомъ своего покойнаго супруга. Благодаря частымъ письмамъ Императрицы Маріи Θеодоровны, государь рѣшился, наконецъ, вызвать къ себѣ ея любимца. Приглашеніе это благотворно подѣйствовало на здоровье Куракина.

„Le prince Kourakine,—писалъ отъ 8 Мая къ Воронцову тотъ же Лонгиновъ, — part ou est déjà parti aujourd'hui pour Vienne, mais avant de s'y rendre, il doit prendre la route du quartier-général. On dit qu'il a été obligé d'écrire jusqu'à trois fois à l'armée avant que l'Empereur ait pu être décidé par ses importunités d'ordonner qu'on lui donne ici les lettres de créance, qui n'ont pas encore été signées jusqu'ici. Il y a eu encore dernièrement un nouvel accés du goutte, qui ne l'a cependant pas empêché cette fois-ci de partir [2])".

По дорогѣ Императоръ Александръ остановился въ Митавѣ и посѣтилъ тамъ короля Лудовика XVIII. Привѣтствуя единственнаго, по мнѣнію его, законнаго государя Франціи, Александръ Павловичъ, непредполагалъ, что черезъ 6 какихъ-нибудь недѣль онъ дружески встрѣтить того, кого считалъ теперь узурпаторомъ, и что, послѣ свиданія даже всецѣло подпадетъ подъ вліяніе того, кого называли при русскомъ дворѣ Бонапартіемъ.

Въ Полангенѣ встрѣтилъ Государя король прусскій. Оба монарха 21-го Марта прибыли въ Мемель. Императоръ сталъ по прежнему почтительно ухаживать за красивою прусскою королевою, не скрывая, что значеніе генерала Цастрова было ему непріятно. Наоборотъ, Гарденбергъ былъ всячески обласканъ русскимъ монархомъ. Прусская королевская чета сопровождала своего гостя въ Тильзитъ и Юрбургъ, куда Александръ Павловичъ отправился на-встрѣчу приходившей изъ

---

1) Тамъ же, XXIII, 24.
2) Тамъ же, XXIII, 38.

Петербурга гвардіи. Цастровъ, въ виду холоднаго пріема, сдѣланнаго ему русскимъ царемъ, не захотѣлъ слѣдовать за королемъ своимъ и отпустилъ съ нимъ Гарденберга. Передъ самымъ пріѣздомъ Александра Павловича, Гудчинсонъ, англійскій посланникъ при прусскомъ дворѣ заявилъ, что британское правительство не можетъ довѣриться Пруссіи до тѣхъ поръ, пока люди, подобные Цастрову, будутъ управлять дѣлами. Сторонники Россіи вслѣдствіе этого требовали, чтобы англійскій дипломатъ объяснился на счетъ своего заявленія лично съ королемъ; но до этого дѣло не дошло. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ понималъ, что Цастрова ему при себѣ содержать долѣе невозможно. Между тѣмъ Гарденбергъ успѣлъ пріобрѣсть сильное вліяніе на короля. Послѣ осмотра арміи оба монарха съ своими свитами поселились въ городкѣ Бартенштейнѣ, гдѣ находилась главная квартира русской арміи. Здѣсь удалось Гарденбергу подбить короля къ заключенію конвенціи съ Россіею. Вслѣдствіе этого Цастровъ, помимо котораго конвенція состоялась, подалъ въ отставку и Гарденбергъ занялъ его мѣсто. Оба монарха, подписавъ новый актъ, признали необходимымъ призвать Австрію къ участію въ обязательствѣ, еще тѣснѣе соединившемъ Россію съ Пруссіею. Съ этою цѣлью рѣшено было отправить въ Вѣну довѣренное лицо. Депешею изъ Бартенштейна, отъ 24 Апрѣля, Будбергъ извѣстилъ графа Разумовскаго объ отъѣздѣ въ Вѣну познаньскаго намѣстника, князя Антонія-Генриха Радзивилла, женатаго на принцессѣ Луизѣ Прусской и потому находившемуся въ близкомъ родствѣ съ королемъ. Радзивиллъ владѣлъ обширными маетностями въ Галиціи и часто бывалъ въ Вѣнѣ, гдѣ хорошо былъ извѣстенъ, какъ въ обществѣ, такъ и при дворѣ. Ему поручено было союзными монархами ѣхать въ Австрію подъ предлогомъ устройства частныхъ дѣлъ, но собственно, чтобы уговорить императора Франца приступить къ Бартенштейнской конвенціи. Въ русской главной квартирѣ твердо вѣрили въ успѣхъ миссіи Радзивилла и Разумовскому предписано было оказывать ему всякое содѣйствіе. На другой день послѣ этого перваго извѣщенія, Будбергъ снова писалъ къ графу Андрею Кирилловичу, сообщая о паденіи Цастрова и о назначеніи Гарденберга министромъ иностранныхъ дѣлъ. Всегдашній антагонизмъ побуждалъ вѣнскій дворъ съ холодностію отклонять всѣ предложенія прусскаго правительства. Перемѣна происшедшая въ Бартенштейнѣ представлялась, по мнѣнію петербургскаго кабинета, удобною минутою для сближенія. Будбергъ просилъ русскаго посла сдѣлать на этотъ счетъ должныя представленія графу Стадіону. Чтобы облегчить это дѣло, министръ посылалъ копію съ текста конвенціи. При этомъ обращали особенное вниманіе графа Андрея Кирилловича на безукоризненную прямоту и совершенную безкорыстность рѣшеній которыя руководили монарховъ

при составленіи этого новаго акта. Къ нему не присоединяли никакихъ отдѣльныхъ или секретныхъ условій, и онъ представлялъ весьма рѣдкій, къ сожалѣнію, въ исторіи примѣръ. Объ интересахъ Австріи монархи не забывали, прямо высказывая, что независимость не только Германіи, но и всей Европы зависила отъ цѣлости и могущества Габсбургской монархіи. На этомъ основаніи договаривающіяся стороны обязались употреблять всѣ усилія, въ томъ случаѣ если Австрія приступитъ къ ихъ конвенціи, для возвращенія ей прежняго политическаго значенія. Теперь или никогда, писалъ Будбергъ, можетъ доказать австрійское правительство, что оно достойно довѣрія союзныхъ государей. Въ случаѣ отказа Австрія лишится всякаго права на тѣ выгоды, на которыя разсчитываютъ союзники за свое постоянство и рѣшимость [1]).

Всѣ въ Бартенштейнѣ были увѣрены въ согласіи Австріи. Лучшимъ тому доказательствомъ была отправка въ Вѣну изъ русскаго лагеря майора барона Тейля (Tuyll), голландца по происхожденію, находившагося на русской службѣ. Онъ долженъ былъ вступить въ переговоры съ австрійскими военными властями относительно общаго плана дѣйствій противъ Наполеона. Въ случаѣ малѣйшаго со стороны австрійскаго двора колебанія, барону Тейлю поручено было немедля представить новыя предложенія, нѣсколько смягчавшія первыя требованія русскаго двора. Главною цѣлью его было заставить Австрію присоединиться къ состоявшемуся между Россіею и Пруссіею соглашенію. Тейля снабдили собственноручнымъ письмомъ Государя къ императору Францу, а также депешами, и инструкціями къ графу Разумовскому. Какъ видно, не безъ умысла отправляли въ Вѣну человѣка мало выдающагося и носящаго иностранное имя. Боялись возбудить болѣе блестящимъ выборомъ вниманіе Наполеона и его агентовъ. Графу Андрею Кирилловичу, было предписано снабдить уполномоченнаго всѣми нужными свѣдѣніями и указаніями на счетъ того, какъ ему слѣдовало дѣйствовать; Разумовскій, совокупно съ прусскимъ посланникомъ при вѣнскомъ дворѣ, графамъ Финкенштейномъ, долженъ былъ оказывать Тейлю всякое содѣйствіе и свести его со всѣми вліятельными австрійскими военными чинами. Поспѣшность, съ которою отправлены были другъ за другомъ Князь Радзивиллъ и баронъ Тейль, ясно доказывали что Государь еще слѣпо вѣровалъ въ союзъ съ Австріею. Онъ надѣялся, что у вѣнскаго кабинета откроются глаза и что императоръ Францъ рѣшится идти по единственно возможному пути ко спасенію. Странно однако, что въ отвѣтныхъ депешахъ посла не встрѣчаемъ мы ни единаго намека на миссію князя Радзивилла.

---

[1]) Депеша барона Будберга къ Разумовскому изъ Бартенштейна отъ 25 Апрѣля.

Передавая графу Андрею Кирилловичу приказанія Государя относительно порученія даннаго барону Тейлю, министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ, что, въ случаѣ отказа со стороны Австріи, Императоръ Александръ пойметъ чего стоили ея обманчивыя завѣренія. Въ этомъ случаѣ отъ посла требовали самыхъ положительныхъ свѣдѣній относительно того чѣмъ руководится вѣнскій дворъ при принятіи подобнаго рѣшенія и какая при этомъ его тайная цѣль. Отвѣтъ требовался немедленный и положительный. Государю необходимо было знать, чѣмъ можетъ ему угрожать въ будущемъ Австрія. Въ видѣ ultima ratio, Будбергъ старался возбудить честолюбіе Разумовскаго.

„Je ne vous parlerai pas, m. le comte,—писалъ онъ,—de la haute importance qu'attache l'Empereur à l'accession active de l'Autriche aux puissances alliées, puisque vous en êtes aussi bien instruit que moi, mais dans la ferme persuasion où je suis que vos efforts seront couronnés du succès désiré, je me plais à vous assurer de nouveau, que jamais zêlé serviteur n'a eu d'occasion plus brillante de servir sa patrie et son Souverain. S. M. I. saura reconnaître à leur juste prix les soins que vous aurez mis à amener la cour de Vienne à ses vues magnanimes".

Этимъ не ограничились однако попытки русскаго правительства побудить Австрію къ рѣшительному шагу противъ Наполеона. Ради успокоенія вѣнскаго двора, Государь былъ готовъ отложить на время рѣшеніе восточнаго вопроса, стоившаго Россіи съ тѣхъ поръ столько родной крови и кровныхъ денегъ и даже въ наши дни еще далеко не разрѣшеннаго. Какая-то роковая судьбина, неизвѣстно какъ и почему, всегда останавливала Россію, именно въ ту минуту, когда, повидимому, наступалъ послѣдній часъ Турціи. Никогда, какъ казалось, не представлялось болѣе удобнаго случая покончить съ оттоманскою имперіею, какъ въ описываемое нами время. Англія, всегдашняя соперница Россіи на Востокѣ, готова была теперь протянуть ей руку и на все бы согласилась, лишь бы ей удалось захватить Египетъ. Вице-адмиралъ Сенявинъ явился съ кораблями своими у острова Тенедоса, именно въ ту минуту, когда англійскій флотъ выходилъ изъ Дарданеллъ, послѣ неудачной попытки бомбардировать Константинополь. Русскій морякъ упрашивалъ предводителя англійскихъ силъ, адмирала Дукворта, снова испробовать счастья въ Мраморномъ морѣ. Но послѣдній отказалъ, вовсе не оттого, что претерпѣлъ неудачу въ Дарданеллахъ, какъ повѣствуютъ французскіе историки, а просто потому, что избѣгалъ пролитія крови и надѣялся безъ затрудненія занять Александрію. Сенявинъ имѣлъ повелѣніе идти къ Константинополю вмѣстѣ съ англійскимъ флотомъ и силою принудить диванъ къ подписанію мира. Но англійскій флотъ отплылъ къ Египту, а Сенявинъ овладѣвъ Тенедосомъ, ожидалъ новыхъ

предписаній изъ Петербурга. Въ Бартенштейнѣ рѣшено было, вслѣдствіе нежданной перемѣны въ планахъ Англіи, ограничиться блокадою Дарданеллъ, а Поццо ди Борго приказано было воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вступить въ переговоры съ оттоманскою портою. Ему предписывалось употребить всѣ усилія для совмѣстнаго дѣйствія съ англійскими агентами, но если бы оказалось, что британское правительство намѣрено преслѣдовать на востокѣ свои частныя выгоды, то Поццо разрѣшалось покончить дѣло съ диваномъ помимо англичанъ, предложивъ однако Артбутноту медіацію Россіи для заключенія мира между Турціею и Англіею. „Государь,—писалъ по этому случаю къ Разумовскому Будбергъ,—не имѣетъ въ виду никакихъ частныхъ выгодъ и поэтому не можетъ даже дѣйствовать за-одно съ британскимъ кабинетомъ, у котораго постоянно одна только прибыль на умѣ". Несвоевременная разсчетливость Англіи, торговавшейся о субсидіяхъ и въ Петербургѣ, и въ Мемелѣ, и въ Вѣнѣ, и странное поведеніе адмирала Дукворта возбудили неудовольствіе въ Императорѣ Александрѣ, онъ окончательно отказался отъ всякаго дальнѣйшаго предпріятія противъ Турціи, надѣясь сильно подѣйствовать на вѣнскій дворъ такимъ видимымъ доказательствомъ полнаго безкорыстія Россіи. Ради желанія втянуть Австрію въ новую коалицію, восточный вопросъ былъ отброшенъ въ сторону. Побѣды Сенявина въ Архипелагѣ не могли уже, благодаря Тильзитскому миру, поправить дѣло. Разумовскому приходилось работать съ новою ревностью. Вице-канцлера, пріѣзжавшаго въ Вѣну только изрѣдка и на весьма короткое время, видалъ онъ урывками. Между тѣмъ набралось матеріала на цѣлый рядъ длинныхъ конференцій. Слѣдовало прежде всего разъяснить слухи о французскихъ подкрѣпленіяхъ, проходившихъ черезъ австрійскую территорію, и о запасахъ, покупаемыхъ французскими генералами въ австрійскихъ гаваняхъ. Объ этомъ доносилъ Разумовскому, какъ мы видѣли выше, Поццо ди Борго, а теперь, съ легкой руки Зарской газеты, заговорила о томъ же вся европейская пресса. На бѣду пріѣхали въ Вѣну изъ Далмаціи какіе-то англійскіе путешественники и, въ вѣнскихъ гостиныхъ, прямо подтверждали то, о чемъ говорилось въ печати. Потомъ въ сотый разъ приходилось послу подробно и краснорѣчиво излагать вице-канцлеру требованія русскаго двора, уговорить кабинетъ приступить къ Бартенштейнской конвенціи и, наконецъ, представить барона Тейля, миссія котораго была срочная. По Вѣнѣ къ тому же ходили глухіе слухи о тайномъ соглашеніи между австрійскимъ дворомъ и Наполеономъ. А время летѣло и Разумовскій сильно опасался новыхъ упрековъ изъ Петербурга. Наконецъ, Стадіонъ вернулся въ Вѣну и, испугавшись при видѣ массы накопившагося дѣла, не только рѣшился не возвращаться болѣе въ Венгрію

но еще, по случаю усложнившихся обстоятельствъ, упросилъ императора немедля возвратиться въ столицу. Стадіонъ поспѣшилъ успокоить русскаго посла касательно числа французскихъ войскъ, занимавшихъ Далмацію. Свѣдѣнія, которыя сообщалъ Разумовскому Поццо ди Борго, были, по увѣренію вице-канцлера, крайне преувеличены. Онъ клялся, что никакого тайнаго соглашенія между Франціею и Австріею не существовало, но что сейчасъ-же послѣ пресбургскаго мира, вслѣдствіе одной изъ секретныхъ статей его, французы точно проводили войска свои въ Далмацію черезъ австрійскія владѣнія, такъ какъ благодаря англійскимъ и русскимъ эскадрамъ, крейсировавшимъ по Адріатикѣ невозможно было имъ достигнуть моремъ уступленной территоріи. Стадіонъ предполагалъ, что англійскіе путешественники встрѣтили отрядъ, на землѣ уступленной Франціи по трактату, такъ какъ новая граница проходила близъ самаго Тріеста. Но если австрійскій вице-канцлеръ могъ успокоить русскаго посла относительно непрестанно приходящихъ къ французамъ подкрѣпленій, онъ принужденъ былъ признаться, что Мармонъ и другіе военноначальники Наполеона безпрепятственно закупали весь нужный имъ провіантъ на австрійскихъ рынкахъ. Стадіонъ не могъ не сознаться, что это плохо согласовалось съ строгимъ нейтралитетомъ вѣнскаго двора и подъ секретомъ объявилъ, что это дозволяется только ради Венгріи, палатинъ которой, эрцгерцогъ Іосифъ, съумѣлъ исторгнуть у императора, разрѣшеніе на безпошлинный вывозъ и торговлю венгерскимъ хлѣбомъ по всей имперіи. Привиллегію эту, весьма тягостную для государства, и которою безпрестанно злоупотребляли, продавая хлѣбъ французамъ, невозможно было уничтожить, благодаря вліянію эрцгерцога палатина на своего брата, а главное, страха, который Венгрія съумѣла внушить вѣнскому двору своими дерзкими и шумливыми, сеймами. Въ настоящую минуту, когда всѣ умы въ Пештѣ были возбуждены, правительству приходилось требовать отъ сейма увеличенія налоговъ и признаться въ сильномъ дефицитѣ по военной части. При такомъ настроеніи немыслимо было оспаривать уже давно признанныя, хотя и не вполнѣ законныя, привиллегіи Венгріи. Не такъ легко было Разумовскому добиться отвѣта на послѣднія, важныя порученія, возложенныя на него изъ Бартенштейна. Никто болѣе графа Алексѣя Кирилловича не дорожилъ въ Россіи союзомъ съ Австріею. Тѣсная связь между двумя имперіями была основою его политической системы. Видѣть паденіе Наполеона подъ ударами этихъ двухъ державъ было постояннымъ его идеаломъ. На Наполеона онъ всегда смотрѣлъ, какъ на дерзкаго искателя приключеній, уничтожавшаго дорогой сердцу посла старинный строй Европы, которому до сихъ поръ помогало слѣпое счастіе. Однихъ этихъ убѣжденій было довольно, чтобы возбудить Разу-

мовскаго къ достиженію столь желаемой русскимъ дворомъ цѣли. Но теперь отъ успѣшнаго исполненія данныхъ ему порученій зависѣла вся его будущность и поправленіе его столь давно уже разстроенныхъ денежныхъ дѣлъ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что ненавистный его преемникъ, столь назойливо втершійся въ свиту Государя, при первомъ извѣстіи о приступленіи Австріи къ Бартенштейнской конвенціи, принужденъ будетъ со стыдомъ вернуться въ Петербургъ и даже въ Москву съ своею блестящею свитою и пестрою прислугою. Вся нервная система графа Андрея Кирилловича была въ сильнѣйшемъ напряженіи. Отъ одного слова императора Франца зависѣло спасеніе Европы, слава Россіи, паденіе Наполеона, наконецъ, будущее благосостояніе и удовлетвореніе личнаго честолюбія. Понятны послѣ этого тѣ старанія, та настойчивость, тѣ усилія ума, которыя были Разумовскимъ употреблены, чтобы вынудить у вѣнскаго двора такъ нетерпѣливо ожидаемое въ Бартенштейнѣ согласіе на борьбу съ Наполеономъ. Австрійское правительство помня угрозы Наполеона барону Венсану, русскому послу не отказывало, а только со дня на день по старому обыкновенію откладывало сообщеніе своего окончательнаго отвѣта. Императоръ Францъ долго не рѣшался назначить уполномоченнаго генерала для переговоровъ съ барономъ Тейлемъ, потомъ онъ избралъ для этого генерала Штутергейма, долго жившаго въ Петербургѣ и хорошо знакомаго Императору Александру, благодаря которому онъ даже произведенъ былъ въ генералы. То подъ однимъ предлогомъ, то подъ другимъ, переговоры откладывались и Штутергейма рѣшено было наконецъ отправить съ собственноручнымъ письмомъ императора Франца къ Александру Павловичу. Разумовскій тѣмъ временемъ пускалъ между тѣмъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, всю силу своего убѣжденія. Несчастный посолъ вынесъ во время этихъ безконечныхъ совѣщаній съ графомъ Стадіономъ не мало нравственнаго страданія. Никто лучше самого графа Андрея Кирилловича не въ состояніи изобразить хода этихъ животрепещущихъ переговоровъ. Вотъ почему, вѣрные изложенной нами въ началѣ перваго тома настоящаго труда задачѣ, мы рѣшаемся привести здѣсь in extenso собственноручныя письма и депеши Разумовскаго къ барону Будбергу. Нравственная истома посла продолжалась цѣлые мѣсяцы, въ теченіе которыхъ, надежда на успѣхъ только изрѣдка освѣщала его мрачное настроеніе.

„Immédiatement après les revers qu'a eprouvés la Prusse et la retraite du Roi à Mémél—писалъ собственноручно отъ 24 Мая Разумовскій,—on s'est convaincu ici, que cette puissance rechercherait et saisirait l'occasion d'une paix particulière. Cette opinion s'est fortifiée par la mission du général Zastrow auprès de Bonaparte et durant son ministère momentané, par les démarches qu'il à fait faire à

St.-Pétersbourg. Elle s'est tellement enracinée que le retour du baron de Hardenberg à la direction des affaires, ne l'a point détruite. Je dirai tout, m. le baron, ce qui a contribué à la consolider, c'est l'idée où on est d'une prédilection particulière de notre Maître en faveur de la Prusse et de son souverain. J'ai eu lieu de m'en apercevoir encore dans mes discussions avec le c-te de Stadion et j'avouerai que j'ai cru devoir en profiter. Ce ministre plein d'admiration et de confiance pour le caractère de l'Empereur notre Maître, appuyait sur la persévérance qu'il mettrait à poursuivre la tâche, qu'il s'est imposée pour sa propre gloire et pour le bonheur de l'Europe. Discutant les moyens qu'il pourrait y employer proportionellement à sa puissance et les combinant avec ceux de la Prusse, il considéra cette dernière comme entièrement dépendante de nous et se servit de cette expression: „La Prusse est dans vos mains, mais,—ajouta-t-il,—la Prusse.. Je vous entends,—lui repondis-je, et vous parlant en ancien ami, je n'ai rien à vous repliquer. La Prusse veut et voudra la paix, elle ne peut l'obtenir que par nous et il n'y a que vous autres qui puissiez l'empecher de l'obtenir". Je ne fais qu'ébaucher ici cette conversation, qu'une confiance réciproque nous a fait étendre sous tous les points de vue qu'elle pouvait offrir et d'ont j'ai remarqué la profonde impression sur le ministre des affaires étrangères. Je n'hésite pas de me persuader que cette considération sera une de celles qui contribuera le plus à décider cette cour en faveur du parti que nous lui proposons".

„Je trace cette lettre à la hâte en revenant de chez le c-te de Stadion. Des nouvelles reçues de Bude aujourd'hui lui annoncent après demain l'arrivée de l'empereur. Je solliciterai sur le champ une audience pour présenter à S. M. le major de Tuyll. Nous étions convenus que jusque là m. de Tuyll ne verrait personne; le c-te de Stadion a décliné même l'offre, que je me suis empressé de lui faire, de le lui présenter. C'est assûrément pousser bien loin la circonspection. Je n'ai pas voulu y insister, parce que cette visite de pure forme, aurait pu amener des questions plus ou moins embarassantes; elle aura lieu cependant avant l'audience et je vais à ce sujet soumettre à v. e. une observation qui me semble appartenir encore de préférance à cette lettre particulière. Le c-te de Stadion insiste toujours sur des détails de communication, qui puissent les guider dans les combinaisons qui doivent les déterminer. Il est revenu encore à la charge sur cet objet aujourd'hui. J'ai voulu préciser sur le genre d'informations qu'on nous demanderait et j'ai appris qu'ils désiraient connaître l'état de nos forces et de nos moyens, en premier lieu, et puis la manière de les employer avec les leurs, dont ils donneraient à leur tour connaissance entière. J'ai donc pensé, quant à ce dernier point, et j'espère que je ne serai point dé-

saprouvé, qu'il n'y avait point d'inconvénient de leur communiquer les deux mémoires, que v. e. m'a transmis l'un sous le titre d'*Idées générales sur la guerre contre la France;* l'autre: *Idées sur les opérations des Autrichiens.* Quant à nos forces et moyens, n'ayant aucunes notions à puiser dans ce qui m'est parvenu directement, j'ai eu recours au major de Tuyll qui a rassemblé là-dessus les notes éparses, qu'il a recueillies à la hâte à son départ, et dont j'ai formé un ensemble sur l'exactitude duquel cependant cet officier ne m'a point paru avoir une conviction absolue. J'ai interrogé le c-te de Stadion sur la mission du général Stutterheim, et sur l'époque où elle aurait lieu. Son objet sera relatif aux mêmes informations et combinaisons, et il est convenu avec moi que cet officier général serait destiné à demeurer à notre quartier général, lorsque notre concert serait reglé. Il a fixé son expédition à la huitaine en ajoutant qu'il serait porteur des réponses de sa cour, qui, je crois toujours pouvoir m'en flatter, seront conformes, pour le fond, à nos propositions. Le c-te de Stadion, en me parlant encore de l'archiduc qu'il venait de voir, et dont il n'était pas extrèmement satisfait, ajouta: „que ce prince était très journalier et que la force ou la faiblesse de son opinion tenaient beaucoup aux causes physiques de sa santé". Dites-lui,—repliquai-je,—que cette variation tient encore plus à l'influence de ses entours et nommément à celle de ce de Grüne". Il en fu d'accord et me répéta: „que tout récemment à Bude, il avait mis tout en oeuvre pour que l'empereur, d'autorité ôtât à ce général la place qu'il occupe, mais que l'empereur, sachant que cet homme convenait à l'archiduc, n'avait pas eu la force de s'y résoudre, et qu'en toute occasion, lorsqu'il s'agissait de ses frères, sa volonté, malgré l'évidence, était entièrement paralysée".

„Je dois encore placer ici un petit mot de commentaire sur ce que j'ai mandé à v. e. dans ma dépêche, touchant la communication prescrite à m. Vincent des notes en réponse à l'offre de médiation de cette cour. La note prussienne a paru rédigée d'une manière si peu convenable, que le c-te de Stadion m'a avoué qu'il se proposait d'y retrancher quelques phrases, pour en adoucir le sens Il a fait le même reproche à celle qui vient d'être présentée ici pour l'accession à notre convention. Par contre les notres ont été trouvées parfaitement rédigées, tant pour le sens que pour la dignité et la convenance".

Вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ этимъ, Разумовскій отъ того же числа отправилъ къ Будбергу слѣдующую депешу:

„Mettant à profit le départ du c-te de Nesselrode [1]), je présenterai

[1]) Будущій канцлеръ, тогда еще молодой человѣкъ, состоявшій при главномъ штабѣ Государя чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

à v. e. un résumé de la marche que j'ai suivie jusqu'ici, dans l'exécution des ordres qui me sont parvenus par le major de Tuyll. Elle y trouvera un apperçu des hésitations qui dominent encore dans le cabinet, des combinaisons qui les fomentent; et ces premières notions serviront à vous faire conjecturer, m. le baron, les résultats, que nous avons à nous promettre des déterminations, qui seront prises en réponse aux propositions dont j'ai été chargé. Avant de rendre compte de mes entretiens avec le c-te de Stadion, v. e. me permettra de jeter un coup d'oeil sur la situation des choses dans l'intervalle qui s'est écoulé, entre l'arrivée du chasseur Fedoroff, porteur de la convention de Bartenstein, et celle du major de Tuyll. Je sais indirectement, qu'on a affecté de juger les bases, sur lesquelles repose cet acte solennel, comme tellement hors d'atteinte, qu'on ne saurait y parvenir même par une continuité de succès les plus brillants, tandis qu'on mettait en doute les moyens qui pourraient nous les procurer. Il est inutile d'observer combien peu ce jugement était de bonne foi; une simple analyse de l'acte suffisait pour le démontrer, je n'étais point dans le cas de le faire et d'ailleurs ce n'est point vis-à-vis du c-te de Stadion que cette démonstration eût été nécessaire. De semblables maximes tiennent à des motifs que v. e. a été à même d'apprécier dans mes précédents rapports. Dictées par une circonspection timide et le désir d'éloigner de plus en plus le moment de se décider, elles ont été fortifiées par la disposition des esprits à la diète d'Hongrie, dont les débâts ont toujours été fondés sur la nécessité de la paix et le danger d'une guerre nouvelle. Ce cri tumultueux de paix ou plutôt cette indécente criaillerie, dont la diéte voulait faire une condition aux demandes de la cour, a fait impression sur l'âme débonnaire du souverain, et je sais que ce bon prince a répété dans des épanchements de confiance: *point de guerre*. Mais je sais aussi que, si on redoute l'activité à laquelle nous invitons cette cour-ci, on redoute au moins également, qu'en continuant de s'y refuser, on ne nous force à nous arranger avec la France. Dans la première conférence que j'ai eue avec le c-te de Stadion, je lui fis lecture de la note, que j'étais chargé de présenter pour l'accession de sa cour à la convention de Bartenstein. Il l'écouta avec une grande attention et se borna à me répondre: „qu'il enverrait immédiatement un exprès à Bude pour la transmettre à l'empereur, ne doutant pas que son contenu et la détermination qu'elle exigeait ne ramenât incessament S. M. à Vienne“. Alors quittant le ton officiel, je lui demandai en ami ce qu'il pensait du parti que prendrait son maître? Il me répéta encore la prépondérance qu'aurait l'avis de l'archiduc.—Ne croyez pas,—ajouta-t-il,—que ce prince veuille péremptoirement la paix et qu'il sacrifie à ce principe toute autre conside-

ration. Il sent bien qu'un jour ou l'autre, on n'évitera point la guerre, mais il ne voudrait l'entreprendre, qu'après avoir complété tous les moyens de la continuer. Les malheurs de l'année 1805 ont détruits ces moyens. Sans doute, - a-t-il poursuivi,—l'armée s'est remontée d'une manière étonnante. Son apparence est plus belle que jamais, mais elle est bien loin d'avoir la consistance, qu'on regarde ici comme essentielle pour entrer en activité, c'est-à-dire qu'elle manque de tous les objets de rechange indispensables en cas de revers, comme armes de toute espèce, habillements etc. et même de munitions suffisantes, et l'archiduc estime, que pour les compléter entièrement, on ne saurait y parvenir avant l'année 1809".

„Il a allégué de plus, le mauvais état des finances et l'impossibilité qu'elles puissent fournir aux dépenses nécessaires. Il serait superflu que je m'étende ici sur mes objections à un pareil raisonnement, quant à ce qui concerne l'armée, j'ai dit qu'on ne pouvait à loisir faire choix du moment où on entrera en guerre et sacrifier à ce calcul systématique des moyens, les considérations impérieuses que présente la politique des grands états; et pour ce qui concerne les finances, je lui ai observé que l'armement actuel leur coûte autant qu'une campagne, sans leur donner le droit d'en alléger les frais par des subsides étrangers et sans aucun résultat que celui d'exciter dans l'esprit de Bonaparte un ressentiment qui éclatera tôt ou tard".

„A la suite de cette discussion, le c-te de Stadion releva ce passage de la note, où il est dit que l'état actuel des affaires, si l'Autriche se déclare, donne la certitude d'un succès aussi complet qu'immanquable. „Pour compter sur ce succès,—continua-t-il,—il faudrait connaître vos moyens et ce n'est qu'après les avoir bien analysés et combinés avec les nôtres que nous pourrions nous décider. Je lui répliquai: „que cette observation était sans doute très-judicieuse et que notre auguste Maître avait été au devant de cette mesure en envoyant ici le major Tuyll, qui avait été muni de tous les renseignements qu'on pourrait désirer et qu'il ferait connaître dès que nous aurions l'assurance de l'accession de cette cour". Le ministre parut insister sur ce que ces communications aient lieu préalablement et j'ai cru ne devoir pas faire difficulté de lui en laisser l'espoir, en poursuivant à le convaincre, sous le rapport politique, que sa cour ne pouvait se dispenser de souscrire à l'invitation que j'étais chargé de lui faire. Il me demanda: pourquoi nos armées n'agissaient point et d'où venait que depuis si longtemps nous laissions l'ennemi mettre le temps à profit pour augmenter ses forces et consolider ses moyens? C'est ici que je saisis l'occasion d'articuler fortement l'alternative qui ne manquerait pas d'avoir lieu dans le cas que l'Autriche persévère dans sa neutralité. Nos armées, — dis-je

„n'agissent point parce qu'on attend de savoir définitivement le parti que vous prendrez. L'Empereur, mon Maître, obtiendra la paix quand il voudra et une paix honorable, qui rétablira le roi de Prusse dans toutes ses possessions et si l'âme généreuse de S. M. I. éprouvera le regret de n'avoir pu accomplir ses intentions magnanimes pour le bien de l'Europe, au moins n'aura-t-elle point de reproches à se faire, et les plaintes comme le blâme d'en avoir laissé échapper l'occasion retomberont sur la cour de Vienne qui ne tardera point à éprouver les funestes conséquences de ses faux calculs". Il me parla ensuite de Danzig, de ses appréhensions pour cette place, de la possibilité qu'il y aurait eu de la dégager, en provoquant une bataille contre le gros de l'ennemi. Je ne lui dissimulai point que je n'étais pas sans inquiétude sur le sort de cette ville, mais, que quand même elle devrait se rendre, nous ne considérions pas cet événement comme très-funeste, si la réunion des armées autrichiennes aux nôtres s'effectuait bientôt. Depuis cette conversation on a appris, par Varsovie et Dresde, la capitulation de Danzig et ce succès de l'ennemi à produit, comme je m'y attendais une grande sensation. Indépendamment de tout ce que cette ville peut avoir enfermé d'avantageux, on juge que sous le point de vue militaire, l'acquisition en est importante, en ce qu'elle donne un débouché de plus au de-là de la Vistule et met à la disposition de l'ennemi un pays, d'où il pourra facilement tirer des subsistances. J'ai lu confidentiellement au c-te de Stadion la copie de la lettre que le major de Tuyll doit présenter à l'empereur. J'en ai saisi le sens pour donner plus de poids à mes arguments en faveur de l'accession. Je lui ai fait observer que son contenu, fondé sur des principes de sagesse et de dignité, si connus dans le caractère de notre auguste Maître, traçait en même temps à cette cour-ci la marche la plus naturelle et la plus conséquente à adopter à la suite de la médiation qu'elle nous a offerte et que cette médiation ne pouvait être acceptée implicitement, faute de connaître les bases sur lesquelles l'ennemi entend traiter et que ce n'est que pour atteindre le même but d'une paix convenable que l'Autriche accèderait aux mesures que nous lui proposons. J'ai remarqué avec grande satisfaction que ce raisonnement a fait effet. Le c-te de Stadion est convenu que l'alternative était juste et admissible. Il applaudit beaucoup au sens de la lettre et quoiqu'il ne prononça rien définitivement, je crois pouvoir entrevoir, que quelques entretiens de plus amèneront les choses à peu près au point où nous les désirons. Je dis à peu près puisque je présume, comme on a coutume de faire ici, qu'après avoir discuté et débattu, on nous fera quelques contrepropositions, qui modifieront ou étendront celles qui concernent les engagements entre les parties contractantes, et la mission du général Stuter-

heim au quartier général de S. M. I. aura vraisemblablement cela pour objet. En faisant remarquer au c-te de Stadion dans la note que je viens d'être chargé de lui remettre, la disposition qu'annonce l'Empereur, notre Maître, de seconder les désirs particuliers que manifesterait cette cour-ci pour ses propres avantages, j'ai ajouté que dans les discussions qui s'établiraient sur ce sujet, on aurait tout lieu d'apprécier les sentiments de S. M. I. en faveur de cette cour-ci. Le ministre des affaires étrangères a reçu cette assurance avec l'expression la plus vive de satisfaction et de reconnaissance. Le c-te de Stadion m'a prévenu, qu'il ne pouvait se dispenser de communiquer au ministère du gouvernement français les notes, parvenues à cette cour-ci de la part des puissances belligérentes en réponse à l'offre de médiation que leur a faite S. M. I. et R. Ce soin sera commis au général Vincent à Varsovie".

„Il n'est pas hors de propos de dire ici que le c-te de Stadion croit avoir des renseignements positifs sur les manoeuvres des français à Constantinople afin d'exciter la porte ottomanne. Ce serait une raison de plus sans doute pour la décider à se joindre à nous, mais c'en est une aussi pour lui inspirer de nouvelles craintes et de nouvelles hésitations qui ne pourront être atténuées que par les communications rassurantes qu'on nous demande et que v. e. par la même raison, je me le persuade, approuvera de ma part. J'y trouve d'autant moins d'inconvénient que, si par impossible, cette cour-ci se refusait en dernière analyse à tout concert avec nous, je suis bien convaincu qu'elle n'abuserait jamais de notre confiance, parce que jamais elle ne se rangera dans un système entièrement opposé au nôtre, en embrassant celui de l'ennemi".

Представленія и ноты, подаваемыя Разумовскимъ, не приводили ни къ чему и, послѣ мѣсячнаго пребыванія барона Тейля въ Вѣнѣ, послу не удалось даже свести его съ австрійскими властями. А между тѣмъ въ подмогу къ Тейлю явился еще отъ прусскаго короля полковникъ Кнезебекъ. Посолъ съ отчаяніемъ примѣчалъ, что извѣстіе о паденіи Данцига производило въ Вѣнѣ поражающее впечатлѣніе. Съ каждымъ днемъ приходилось все болѣе убѣждаться въ томъ, что графъ Стадіонъ, единственный преданный Россіи австрійскій сановникъ, не только не пріобрѣталъ бо̀льшаго вліянія на своего императора, но наоборотъ, съ каждымъ днёмъ терялъ свое значеніе. Перо графа Андрея Кирилловича съ трудомъ передавало бумагѣ слабѣющія надежды; онъ не могъ уже скрывать отъ двора своего, что нерѣшительность вѣнскаго кабинета и страхъ передъ Наполеономъ все болѣе усиливаются, и что всѣ его доводы остаются тщетными. Уполномоченные, присланные изъ Бартенштейна, отказывались долѣе ждать безъ

дѣла въ Вѣнѣ. Разумовскій, испытавъ на себѣ, что черезъ государственную канцелярію ни до чего не добьешься, представилъ ноту прямо къ генералиссимусу эрцгерцогу Карлу, настоятельно требуя назначенія довѣреннаго генерала для переговоровъ съ барономъ Тейлемъ и полковникомъ Кнезебекомъ. Нота русскаго посла подѣйствовала на эрцгерцога и онъ пригласилъ къ себѣ вице-канцлера на совѣщаніе; Стадіонъ подалъ принцу мысль назначить для переговоровъ генерала Грюна, имѣвшаго, какъ было всѣмъ извѣстно въ Вѣнѣ, громадное вліяніе на эрцгерцога. Вице-канцлеръ и Разумовскій надѣялись единодушными представленіями подѣйствовать на Грюна, а черезъ него и на эрцгерцога.. Но надежды ихъ не сбылись; вслѣдствіе разныхъ интригъ, вмѣсто Грюна назначенъ былъ генералъ Штутергеймъ, открытый сторонникъ союза съ Россіей, но не любимый эрцгерцогомъ и имѣвшій весьма мало вѣсу при австрійскомъ дворѣ. Его назначали не только для переговоровъ съ уполномоченными, но еще, какъ мы сейчасъ увидимъ, секретнымъ уполномоченнымъ къ русскому Императору.

„J'ai interrogé le c-te de Stadion dans l'intimité d'une confiance amicale,—доносилъ Будбергу отъ 5 Іюня Разумовскій,—sur l'opinion qu'il se formait intérieurement du parti qui serait adopté. Il me répondit sur sa parole d'honneur, qu'après avoir discuté vivement avec l'archiduc, tout ce qui pouvait y être relatif, il ne pourrait se rendre compte à lui-même, jusqu'à quel point ce prince embrasserait ses idées et jusqu'où il maintiendrait les siennes, ou s'en éloignerait. (Je cite à peu près les propres termes, dont il s'était servi). „Mais,— répliquai-je,—l'archiduc n'est-il donc pas convaincu de l'importance de se décider sans perte de temps et de se décider dans le sens auquel nous vous invitons? N'apprécie-t-il pas comme nous les avantages si clairs, si palpables qu'offre la circonstance actuelle et les dangers presqu'aussi infaillibles que présente l'avenir, si on laisse échapper le moment favorable de les prévenir?“. Sa réponse fut presque péremptoirement négative; cependant il ajouta avec le ton de la plus grande franchise, qu'il ne pouvait juger définitivement de ce qu'on déciderait, qu'à la suite de la conférence de demain [1]). Il me fit sentir que l'archiduc désirait des renseignements plus étendus sur nos moyens, et je vis que cette inquiétude, ou pour mieux dire, cette défiance était le principal, si non l'unique motif de la mission de m. de Stutterheim au quartier général. Son départ aura lieu sous peu de jours et immédiatement après les conférences, soit qu'elles se bornent à celle de

¹) 6 Іюня было назначено первое свиданіе между Штутергеймомъ, барономъ Тейлемъ и Кнезебекомъ.

demain, ou que celle-ci en amène d'autres. En dernière analyse, on aura atteint un des buts du très-faux calcul par lequel on se laisse diriger, celui de gagner du temps. Ce calcul se fortifie, comme je l'ai déjà dit, par la conjecture qu'on forme d'un grand événement très-prochain et l'on s'y attache d'autant plus qu'avant'hier les rapports de Varsovie du général Vincent annonçaient que les avantpostes des armées avaient été engagés sur toute la ligne. Il cite une lettre de Bonaparte même à Lemarrois, commandant de la ville, qui à la suite de cette nouvelle, et après avoir ajouté que nous avions été repoussés partout, porte qu'il allait lever tous ses cantonnements et que de là à très-peu de jours, il y aurait une affaire plus sérieuse. Je n'ai pas besoin, m. le baron, d'observer que dans cette circonstance, j'ai fortement représenté que les délais de la cour de Vienne équivalaient presqu'à un refus de sa part de se joindre à nous. Le c-te de Stadion en sent toute l'importance. Il ne perd point entièrement l'espoir et quant à moi, je répète ce que j'ai eu l'honneur de vous mander précédemment; je ne pense pas que le refus soit positif, mais on trainera, on voudra voir les développements et s'assurer d'avantage de nos moyens. L'archiduc n'a jamais cru en avoir de suffisants toutes les fois qu'il a commandé des armées et la crainte de compromettre une considération militaire, à laquelle il attache le prix de son existance, est un des mobiles les plus puissants de ses combinaisons et de sa conduite".

Но если Разумовскому трудно жилось въ то время въ Вѣнѣ, то еще тягостнѣе было положеніе Императора Александра въ Бартенштейнѣ. Отношенія его къ союзникамъ были натянутыя. Англія, на щедрость которой разсчитывали въ Петербургѣ, особенно въ то время, когда расходы съ каждымъ днемъ увеличивались, по прежнему торговалась и отказывала Россіи въ поручительствѣ при заключеніи въ Лондонѣ значительнаго займа, необходимаго для дальнѣйшаго веденія войны. Англійскій флотъ не помогалъ въ средиземномъ морѣ Сенявину, а обѣщанныя сенъ-джемскимъ кабинетомъ диверсіи въ Голландіи и Франціи, на которыя Государь вполнѣ разсчитывалъ для ослабленія силъ Наполеона, не осуществлялись. Австрія коснѣла въ прежнемъ бездѣйствіи, лишая Россію сильной поддержки. Странные поступки полоумнаго короля шведскаго не дозволяли полагаться на подмогу и съ этой стороны. Наконецъ Пруссія, несмотря на личную дружбу между Императоромъ и королемъ, по прежнему жаловалась на грабежи русскихъ солдатъ и на совершенный безпорядокъ, существовавшій въ арміи. Споры между русскими генералами не прекращались. Ихъ не могли остановить ни присылка Новосильцова, ни грозные указы, ни отозваніе Кнорринга изъ арміи. Не менѣе послѣд-

няго возставалъ противъ главнокомандующаго баронъ Остенъ-Сакенъ, будущій фельдмаршалъ и князь, не обращавшій никакого вниманія на присылаемыя къ нему изъ главной квартиры приказанія. Всѣ генералы вообще были сильно возбуждены въ то время противъ Беннигсена. Полный недостатокъ въ провіантѣ, неумѣніе устроить правильные подвозы, жалкое состояніе кавалеріи, потерявшей отъ безкормицы большую часть лошадей своихъ, ужасное положеніе госпиталей, все это прямо приписывалось безпечности и неумѣнію главнокомандующаго. Но главною причиною общаго ропота, въ минуту пріѣзда Александра Павловича къ арміи, было необъяснимое ея бездѣйствіе со времени Эйлауской битвы. Къ жалобамъ русскихъ присоединялись почтительныя представленія прусскаго кабинета, который намекалъ на то, что даже миръ съ Франціею былъ бы для него выгоднѣе, чѣмъ четырехмѣсячное бездѣйствіе русской арміи, соединенное съ ограбленіемъ сѣверно-восточной Пруссіи. Въ арміи и даже при русскомъ дворѣ сильно подозрѣвали Беннигсена и особенно жену его въ лихоимствѣ. Высокое мнѣніе Императора о назначенномъ имъ главнокомандующемъ поколебалось. Государь настоятельно требовалъ рѣшительныхъ дѣйствій, ибо чувствовалъ, что положеніе его, среди бездѣйствующей арміи, было и затруднительно, и фальшиво. Беннигсенъ извинялъ свое бездѣйствіе недостаточностью провіанта. Вслѣдствіе такого отвѣта продовольственная часть была передана въ руки стараго обломка Екатерининской славы, очутившагося между царедворцами, прибывшими изъ Россіи. То былъ Поповъ, нѣкогда извѣстный секретарь князя Таврическаго.

Рядомъ съ этою грустною дѣйствительностію со всѣхъ сторонъ долетали еще до Государя толки о необходимости кончить, какъ можно скорѣе войну миромъ. Объ этомъ открыто говорили генералы и многіе офицеры, но нигдѣ такъ громко подобныя сужденія не раздавались, какъ въ пестрой толпѣ состоявшей при главной квартирѣ Государя и нахлынувшей на армію вслѣдъ за нимъ. Они прямо указывали на необходимость мира, добавляя при этомъ, что Россія не въ состояніи расхлебать ею же самою заваренной каши. Самыми рьяными защитниками мира являлись и теперь близкіе совѣтники Александра Павловича. За войну стоялъ всегда имъ враждебный и мало Государю симпатичный баронъ Будбергъ, одинъ онъ изъ свиты государевой представлялъ, что достоинство Россіи не дозволяетъ думать о мирѣ, что войска такъ недавно одержавшія блестящую побѣду, готовы сражаться до послѣдней капли крови, что всегда можно разсчитывать на подкрѣпленіе съ родины, и что Государь можетъ не только вполнѣ положиться на свой вѣрный народъ, но еще и на новыхъ своихъ польскихъ подданныхъ. На это Чарторижскій, съ рѣд-

кимъ цинизмомъ, возражалъ, что всѣ поляки подымутся противъ Россіи, коль скоро Наполеонъ перейдетъ за русскую границу. Подобные толки сильно дѣйствовали на Императора Александра и онъ недовѣрчиво сталъ смотрѣть на прежнихъ друзей своихъ. Наоборотъ, теперь милостиво выслушивалъ онъ Будберга, убѣжденія котораго приходились ему по сердцу. Въ одномъ только сходился министръ иностранныхъ дѣлъ съ бывшими друзьями Государя, подобно имъ онъ находилъ, что присутствіе Александра Павловича при арміи вредитъ ходу войны. Въ ту пору прибылъ на главную квартиру князь Куракинъ. Къ нему, какъ къ новому лицу, не успѣвшему частыми сообщеніями притупить своего вліянія на Государя, обратились теперь всѣ царедворцы, не исключая и Будберга, съ просьбою уговорить Императора вернуться въ Петербургъ или, по крайней мѣрѣ, поселиться, на время; въ какомъ-либо русскомъ городѣ, по близости отъ границы. Представленія Куракина ни къ чему не привели и еще сильнѣе возбудили Царя противъ своихъ дотолѣ обычныхъ совѣтниковъ. Къ Будбергу сталъ онъ тоже холоднѣе. Онъ считалъ себя обязаннымъ лично и непосредственно трудиться надъ успѣшнымъ веденіемъ предпринятой имъ войны и радѣть о водвореніи порядка въ арміи. Ему было обидно, что товарищи его юности, которые одни до сихъ поръ имѣли на него вліяніе и одни только, какъ ему казалось, вполнѣ понимали его мысли и стремленія, теперь, будто на зло, подговаривали его на постыдное бѣгство изъ арміи, доказывая, что солдаты, а за ними вся Россія желаютъ мира; что нѣтъ ни денегъ, ни достаточной арміи, ни припасовъ, чтобы продолжать ненавистную всѣмъ борьбу, зачатую изъ-за интересовъ Пруссіи. Дальнѣйшія военныя дѣйствія, по мнѣнію Чарторижскаго, Новосильцова и Строганова, могли только привести къ совершенно безполезному пролитію русской крови, такъ какъ даже блестящая побѣда, въ которую никто, между прочимъ, не вѣрилъ, не могла бы рѣшить участь борьбы, благодаря недостатку въ продовольствіи, вслѣдствіе котораго побѣдоноснымъ русскимъ войскамъ невозможно бы было преслѣдовать побитыя французскія полчища. На подмогу совѣтникамъ царскимъ, явился въ армію Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, громко заявлявшій, что на подкрѣпленіе изъ Россіи разсчитывать нечего.

Такимъ образомъ, въ арміи Императоръ Александръ и баронъ Будбергъ, да въ Вѣнѣ графъ Разумовскій оставались единственными сторонниками войны. Однако вслѣдствіе усиленныхъ приказаній Государя, войска снова двинулись къ Вислѣ. Послѣ 4 хъ-мѣсячнаго бездѣйствія, начался рядъ кровопролитныхъ схватокъ, живо напоминавшихъ битвы, предшествовавшія сраженію при Прейсишъ-Эйлау. Успѣхъ былъ почти всегда на сторонѣ русскихъ; но теперь, какъ и тогда, успѣхами своими не умѣли пользоваться. 24 Мая генералы Дох-

туровъ, князь Горчаковъ и графъ Строгановъ атаковали корпусъ маршала Нея при Гутштадтѣ. Благодаря отличной позиціи занятой русскими, французамъ угрожала вѣрная погибель; но Беннигсенъ остановилъ храбрый натискъ своихъ войскъ и Ней, отрѣзанный отъ Сульта и отброшенный за рѣку Пассаргу, могъ спасти свои войска отъ вѣрной погибели только отъ того что русскіе его не преслѣдовали. Наполеонъ, узнавъ о пораженія своего маршала, лично поспѣшилъ къ аванпостамъ. 30-го Мая подъ Гейльсбергомъ повелъ онъ въ атаку свои войска. Но и на этотъ разъ корпуса Сульта и Лана напрасно старались пробиться сквозь воздвигнутыя русскими траншеи. Батареи, управляемыя Ермоловымъ, картечный огонь князя Яшвиля и контръ-атаки Уварова опрокинули непріятеля, разстройство котораго довершили удачныя нападенія казаковъ Платова. Сами французы признаются въ страшныхъ потеряхъ, ими въ этотъ день потерпленныхъ. Беннигсенъ поспѣшилъ увѣдомить Разумовскаго о блестящей побѣдѣ; надежда озарила снова бѣднаго посла и онъ немедля отправился къ австрійскому вице-канцлеру, чтобы силою полученныхъ имъ добрыхъ извѣстій подѣйствовать на колебанія вѣнскаго кабинета и потребовать отъ него немедленной вооруженной помощи. Посолъ былъ увѣренъ, что извѣстія о новой побѣдѣ положатъ конецъ всякой нерѣшительности и приведутъ къ окончательному соглашенію съ Австріею. Полный свѣтлыхъ думъ входилъ графъ Андрей Кирилловичъ въ кабинетъ графа Стадіона. Встревоженное выраженіе вице-канцлера поразило посла; въ рукѣ своей Стадіонъ держалъ только-что полученное съ нарочнымъ изъ Варшавы извѣстіе о полномъ пораженіи русской арміи подъ Фридландомъ [1]).

Разумовскій не хотѣлъ вѣрить ушамъ своимъ; онъ съ живостью замѣтилъ, что не одну уже ложь распространяли французы. Сомнѣваться однако не было возможности: Венсанъ прислалъ копію съ депеши, писанной Наполеономъ изъ самаго Фридланда, куда онъ могъ проникнуть, только разбивъ русскихъ на голову. Стадіонъ не скрылъ отъ пораженнаго посла, что несчастное это извѣстіе сильно поразило императора Франца. Впечатлѣніе тѣмъ болѣе сильно, добавилъ—при этомъ вице-канцлеръ,— что вѣнскій дворъ совсѣмъ было рѣшился сдаться на представленія Россіи и готовился уже выступить противъ полчищъ Наполеона. Въ тонѣ Стадіона слышалась благодарность провидѣнію, не дозволившему Австріи принять безразсудное рѣшеніе. Тонъ этотъ возмутилъ Разумовскаго, онъ живо сталъ представлять, что именно теперь, послѣ поразившей русскихъ неудачи, слѣдуетъ Астріи выступить въ бой, тѣмъ болѣе, что если даже фридландская битва оказа-

---

[1]) Депеша Разумовскаго къ Будбергу отъ 20 іюня.

лась бы побѣдою Наполеона, она должна была сильно ослабить находящуюся столь далеко отъ родины французскую армію. Именно теперь могла бы Австрія съ успѣхомъ напасть на французовъ и отвлечь ихъ отъ преслѣдованія русскихъ. Но,—добавилъ крайне взволнованный Разумовскій,—для такого рѣшенія необходимы не только энергія, но и умъ, а ихъ напрасно станешь искать въ вѣнскомъ кабинетѣ. На такія, не вполнѣ лестныя для австрійскаго правительства, слова Стадіонъ не нашелъ приличнаго отвѣта и, помолчавъ немного, поспѣшилъ дать разговору иной оборотъ. Онъ намекнулъ на то, что Наполеонъ, послѣ выигранной битвы, вѣроятно заведётъ переговоры о мирѣ, а въ такомъ случаѣ вѣнскій дворъ непремѣнно намѣренъ возобновить свои предложенія о посредничествѣ. Что-то въ выраженіи лица Разумовскаго однако вдругъ остановило Стадіона, онъ спутался, вспомнивъ невольно о миссіи барона Венсана, сталъ искать словъ и, наконецъ, съ большимъ воодушевленіемъ, заговорилъ о томъ, что если Россія откажется отъ мира, то Штутергейму предписано будетъ ѣхать къ Императору Александру съ тѣмъ, чтобы изложить ему положеніе Австріи, предоставляя великодушію русскаго Царя рѣшеніе о томъ, какъ долженъ дѣйствовать вѣнскій дворъ. Въ концѣ длиннаго монолога, Стадіонъ, увлеченный своимъ краснорѣчіемъ, признался Разумовскому, что въ первую минуту, послѣ полученія извѣстія о фридландскомъ пораженіи, рѣшено было въ совѣтѣ императора вовсе уже не посылать Штутергейма; только благодаря настойчивымъ представленіямъ вице-канцлера, послѣ нескончаемыхъ преній, окончательно рѣшенъ былъ отъѣздъ уполномоченнаго. Однако его отправляли не сейчасъ, по мнѣнію совѣта, слѣдовало обождать, что скажутъ обстоятельства. На томъ же засѣданіи совѣта рѣшено было дѣятельнѣе прежняго продолжать сборъ и вооруженіе войска по всей имперіи [1]).

Не трудно представить себѣ съ какими чувствами вышелъ Разумовскій изъ кабинета вице-канцлера. Въ посольствѣ никакихъ извѣстій изъ арміи не получали, а среди томительнаго безвѣстія сбывались, повидимому, самыя худшія предчувствія. Беннигсенъ не съумѣлъ воспользоваться ни единою изъ удачъ русской арміи. Фальшивое движеніе французовъ, послѣ Гейльсбергскаго пораженія, обмануло русскаго главнокомандующаго. Ему представилось, что Наполеонъ хочетъ отрѣзать его отъ Кенигсберга, единственнаго мѣста откуда приходили къ русской арміи кое-какіе припасы. Онъ быстро, вслѣдствіе этой боязни, отступилъ за рѣку Алле. Вопль негодованія раздался по всей арміи. Къ Императору Александру явился испуганный баронъ Гарденбергъ и донесъ, что между русскими генералами идутъ интриги въ пользу

[1]) Депеша его же къ нему-же, отъ 16 Іюня.

мира и что во главѣ мирной партіи находится самъ Цесаревичъ. Александръ Павловичъ немедля отправилъ къ Беннигсену Попова съ повелѣніемъ отнять у главнокомандующаго начальство и передать его генералу Эссену, въ случаѣ, если русская армія немедленно не двинется впередъ. Дѣлать было нечего. Беннигсенъ, нехотя, рѣшился вернуться и занялъ невыгодную позицію подъ Фридландомъ. Наполеонъ, отъ зоркаго взгляда котораго никогда не ускользали ошибки противника, поспѣлъ ею воспользоваться. 2-го Іюня русскіе потерпѣли подъ Фридландомъ совершенное пораженіе.

Положеніе Разумовскаго въ Вѣнѣ стало невыносимымъ. Со всѣхъ сторонъ, въ газетахъ и частныхъ письмахъ долетали извѣстія о блестящей побѣдѣ ненавистнаго ему Наполеона. Ни отъ Будберга, ни отъ генераловъ не было писемъ. Оффиціальныхъ депешъ онъ не получалъ. Французы, съ обыкновеннымъ преувеличеніемъ, распространяли ужасныя для русскихъ подробности о фридландской побѣдѣ. По ихъ словамъ, 30,000 русскихъ пало на полѣ сраженія, въ числѣ коихъ насчитывалось 30 генераловъ, и 85 пушекъ достались побѣдителю. Таковы были первыя вѣсти, достигшія Вѣны, вслѣдъ за этамъ стали говорить, что русскихъ пало не 30, а 80,000, что Массена уже занялъ Гродно, а Ней стоялъ подъ Мемелемъ, въ то время, какъ спасшійся бѣгствомъ Государь напрасно старался въ Вильнѣ остановить растерянную свою армію. Что дѣло было весьма серьезное, въ томъ Разумовскій не могъ сомнѣваться. Самое отсутствіе извѣстій отъ своихъ указывало на то, что генералы не могли ничего утѣшительнаго писать, и что прервано было французами всякое сообщеніе между Вѣною и главною квартирою Императора. Въ городѣ узнали, что черезъ Варшаву и Аугсбургъ проскакалъ курьеромъ въ Парижъ какой-то важный французскій сановникъ, распространяя по пути самыя ужасныя подробности о русскихъ потеряхъ. Неизвѣстность, въ которой находилось русское посольство, производила на публику тягостное впечатлѣніе. Во всѣхъ дѣлахъ былъ общій застой. Говорить о содѣйствіи Россіи графъ Андрей Кирилловичъ уже не отваживался, тѣмъ болѣе, что каждый разъ, когда онъ являлся на совѣщаніе, Стадіонъ сообщалъ ему какую-нибудь новую, поражающую подробность о страшномъ фридландскомъ погромѣ. Подробности эти приходили отъ австрійскихъ генераловъ, командовавшихъ войсками на польской границѣ.

„La principale cause de mes inquiétudes,—писалъ къ Будбергу посолъ,—se trouvait dans le silence prolongé dans lequel on persévère et l'exposé que je viens de faire servira, j'espère, d'excuse à cette remarque. Tout dépend de ce silence. Les affaires sont en stagnation".

Мало по малу вслѣдъ за подробностями объ ужасахъ войны стали по Вѣнѣ ходить и слухи о мирѣ. Это было еще тягостнѣе,

еще невыносимѣе для Разумовскаго. Многіе европейскіе кабинеты прямо возставали противъ продолженія кровопролитія, Графъ Стадіонъ поспѣшилъ тайно сообщить Разумовскому, что графъ Нейпергъ, командовавшій австрійскими силами на границѣ, извѣщалъ свое начальство, „Dass wichtige Dinge vorgehen". Вѣнскій кабинетъ, въ словахъ этихъ, видѣлъ указаніе на то, что начались переговоры. Андреосси, который, по мнѣнію графа Андрея Кирилловича, нѣкоторое время съ умысломъ удерживался отъ всякаго сообщенія, оффиціально извѣстилъ теперь вице-канцлера, что генералъ Беннигсенъ просилъ у Наполеона о перемиріи. Разумовскій всему этому вѣрить не хотѣлъ, онъ не допускалъ мысли, что россійскій Императоръ могъ протянуть руку ненавистному узурпатору. Начатіе переговоровъ казалось ему чѣмъ-то чудовищнымъ. Къ тому же изъ извѣстій, получаемыхъ отъ австрійскихъ генераловъ, хотя они были вообще далеко не утѣшительны, онъ заключалъ, что положеніе Россіи вовсе не такое отчаянное, какъ о томъ трубили газеты и бюллетени Наполеона, и что на русскія войска, даже послѣ фридландскаго пораженія, можно было еще вполнѣ разсчитывать.

„V. e.,—писалъ Разумовскій къ Будбергу,—jugera, par les détails que je viens de présenter, quelle est la situation des choses, la tendance de l'opinion et la direction qu'elle exige, si l'on n'a cherché qu'à gagner du temps (car jamais je ne me persuaderai qu'on fasse la paix autrement qu'á la suite d'une victoire) par la démarche dont parle Andréossi" [1]).

„Les motifs qui avaient arrêté momentairement les opérations de l'armée sont connus de v. e.—сообщилъ, наконецъ, Разумовскому, послѣ долгаго молчанія, изъ Тильзита, отъ 16 Іюня Будбергъ,—L'espoir fondé, que nous avions, de voir la cour de Vienne à la fin mettre un terme à des incertitudes, si contraires à ses vrais intérêts, détermina cette stagnation. Nous devions nous flatter que les communications, récemment faites à cette cour, lui donneraient la dernière impulsion et la décideraient à réaliser enfin des espérances qu'elle avait si souvent autorisées. Dans la conviction, que la coopération autrichienne ne serait plus éloignée, les hostilités ont recommencé. Leur début fut signalé par les victoires de Guttstadt et de Heilsberg. La journée de Friedland ne répondit malheureusement pas à un commencement aussi brillant. Des prodiges de valeur, une persévérance inébranlable n'ont pu prévenir un échec, que l'ennemi doit uniquement à la supériorité du nombre et à de l'artillerie de siége qui y a été. La retraite de l'armée derrière le Niéman en fût la suite. Elle s'effectua avec ordre

[1]) Депеша его же къ нему же отъ 20 Іюня.

et sans perte. Malgré ces avantages, l'ennemi montra des dispositions pacifiques. S. M. l'Empereur crut devoir les mettre à profit et approuva l'armistice.

Je ne saurais, m. le comte, vous transmettre cet acte, sans entrer dans quelques détails sur les motifs qui ont amené sa conclusion. C'est dans vos dernières dépêches, apportées par le c-te de Nesselrode, qu'il faut surtout les rechercher. Diminuant l'espoir que nous avions dans la cour de Vienne qui ne faisant entrevoir sa coopération que dans un avenir bien éloigné, elles ne nous promettaient guère un résultat favorable aux démarches que S. M. I. s'est décidée à faire en dernier lieu. Plus positive dans ses promesses, l'Angleterre ne semble pas moins lente à les réaliser. La diversion qu'elle annonce et qu'elle prépare depuis si longtemps, tarde toujours à s'effectuer, et les secours pécuniaires qu'elle à mis à notre disposition pour être répartis entre les alliés, l'Autriche y comprise, seraient loin de couvrir les dépenses d'une seule des puissances coalisées. Ainsi, abandonnée par ceux qui seraient les plus intéressés à prendre part à une lutte entreprise pour l'indépendance de l'Europe entière, nullement secourue par ses alliés, la Russie se trouve isolée et combat seule (car les moyens de la Prusse presque complètement anéantis, dès le commencement de la guerre, ne sauraient être portés en compte), non contre la France, mais contre tout le midi gouverné par Bonaparte et entrainé par lui dans une guerre si fort opposée à ses intérêts. Aux ressources immenses de ces pays se joignent encore celles de la plus grande partie de l'Allemagne et celle de presque toute la monarchie prussienne, utilisées au plus haut degré par le chef de la France. Nonobstant cette grande supériorité, la valeur signalée, la constance soutenue de nos troupes paralysèrent quatre fois ses entreprises. Elles soutinrent seules, pendant huit mois, tout le poids d'une lutte si inégale, et elles auraient encore déjoué les projets de l'ennemi, si les faux calculs du général en chef n'eussent hâté un développement, que d'ailleurs cette grande disproportion de forces présageait tôt ou tard. Le système d'isolement des puissances co-intéressées ont mis S. M. dans le cas de se borner à ne considérer que les intérêts et la gloire de son empire, et l'ont décidé à faire négocier un rapprochement avec le gouvernement français. Si le but de la guerre n'est pas atteint, s'il n'a pas été mis des bornes à la domination de la France, ce ne sera pas à nous de se le reprocher, ni à le regretter. Les conséquences retomberont sur ceux qui, en dépit de tout ce que la plus saine politique leur prescrivait, et des chances les plus avantageuses, se sont obstinés à persévérer dans un système que l'ignorance de leur vrais intérêts et un défaut absolu d'énergie pouvaient seuls leurs suggérer".

Въ Вѣнѣ однако отъ миссіи Штутергейма не отказывались, несмотря на то, что русскій посолъ, считая это дѣло какою-то насмѣшкою, не обращалъ на него уже никакого вниманія. Снабженный отъ двора своего должными инструкціями, Штутергеймъ направился прямо въ Тильзитъ, но прибылъ онъ туда слишкомъ поздно. Знаменитое свиданіе обоихъ императоровъ, на плоту среди Нѣмана состоялось, состоялось и совмѣстное жительство въ Тильзитѣ обоихъ императоровъ и Тильзитскій миръ былъ подписанъ. Въ важной перемѣнѣ этой, имѣвшей такое громадное вліяніе на русскую политику, въ продолженіе пяти слѣдующихъ годовъ, ни Будбергъ, ни Чарторижскій, ни Новосильцовъ не играли никакой роли. Перваго Государь опасался, какъ слишкомъ горячаго сторонника войны, а на второго и третьяго сталъ смотрѣть, какъ на представителей оппозиціонной партіи и старинная дружба, его съ ними связывавшая, не устояла передъ непріятнымъ впечатлѣніемъ этимъ. Роль тайныхъ царскихъ совѣтниковъ кончилась на всегда. Князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій, князь А. Б. Куракинъ и Талейранъ были назначены уполномоченными для переговоровъ о мирѣ, но въ сущности ихъ вели лично сами императоры. Описаніе условій мира не входитъ въ составъ скромной задачи нашей, тѣмъ болѣе, что Разумовскій не только не принималъ въ нихъ никакого участія, но даже оставался въ полномъ невѣдѣніи на счетъ всего того, что происходило въ Тильзитѣ. Кое-что урывками узнавалъ онъ отъ Стадіона. Будбергу было не до депешъ, а самодовольный князь Куракинъ, почитавшій себя чуть ли не миротворцемъ Европы, только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе замѣстить соперника, засидѣвшагося на посольскомъ, уже такъ давно ему по праву принадлежащемъ, мѣстѣ. Въ то время, когда генералъ Штутергеймъ явился съ собственноручнымъ письмомъ императора Франца и данными ему изъ Вѣны полномочіями на русскую главную квартиру въ Тильзитѣ, ему было объявлено, что Императоръ всероссійскій принять его не можетъ, такъ какъ уже садится въ карету, чтобы ѣхать обратно въ Россію. Оторопѣлый уполномоченный поспѣшилъ къ Будбергу, но и здѣсь передъ нимъ извинились, министръ тоже готовился къ отъѣзду. Такова была не лишенная ироніи отмѣстка Россіи за вѣчную неблагодарность и вѣроломство вѣнскаго двора. Положеніе Штутергейма, очутившагося одинокимъ среди многолюднаго въ ту минуту Тильзита, было довольно комично; но австрійскій уполномоченный не потерялъ головы. Онъ скоро узналъ, что Наполеонъ и король прусскій не покидали еще города и, какъ истый австрійскій дипломатъ, тогда еще только зарождавшейся школы Меттерниха, поспѣшилъ онъ къ побѣдителю. Пріемъ, ему сдѣланный, превысилъ самыя блестящія ожиданія австрійскаго генерала. Довольный миромъ и союзомъ съ Россіею, Наполеонъ былъ въ

отличномъ расположеніи духа, и въ данную минуту не сталъ думать о накопившихся у него противъ Австріи неудовольствіяхъ. Наоборотъ, онъ крайне любезно обошелся съ импровизированнымъ австрійскимъ посланцемъ и продержалъ его у себя за бесѣдою болѣе двухъ часовъ. О подробностяхъ этой бесѣды Разумовскій въ послѣднихъ депешахъ своихъ не упоминаетъ вовсе, видно, что ему и на умъ не приходило говорить объ нихъ съ Стадіономъ. Тяжкая грусть угнетала его сердце: Россія была въ тѣсномъ союзѣ съ Франціею и въ то же время съ минуты на минуту каждый день ожидался въ Вѣну ненавистный ему преемникъ. Штутергеймъ, послѣ лестнаго пріема у побѣдоноснаго владыки Франціи, не счелъ нужнымъ забыть и короля прусскаго. Несчастный монархъ поразилъ австрійскаго генерала своимъ мрачнымъ уныніемъ. Онъ упомянулъ ему о мирѣ, и о тѣхъ тяжкихъ условіяхъ, которыя пали на его долю. Король перечислилъ только тѣ условія, которыя касались лично до него, объясняя, что обязательства другихъ ему не извѣстны. Разумовскій, по мѣрѣ того, какъ всѣ эти извѣстія до него доходили, сгоралъ отъ стыда и горя [1]).

„Ce n'est point au moment de la résolution d'une grande crise, quand les états, qui sortent de la lutte, vont se reformer d'après les nouvelles maximes, quand une puissance voisine, concentrée en elle-même, attend en silence les résultats qu'elle ne peut encore que préjuger, que l'on est à même de présenter des rapports qui seraient de quelqu'intérêt,—доносилъ отъ 20 Іюля Разумовскій Будбергу. Никто его ни о чемъ не извѣщалъ, и онъ ожидалъ скорой смѣны.

Въ Вѣнѣ уже всѣ говорили о томъ, что ѣдетъ изъ Тильзита съ огромною и блестящею свитою новый русскій посолъ. Въ то же самое время, дошла до графа Андрея Кирилловича и приведенная нами выше депеша Будберга. Отвѣтъ на нее былъ лебединою пѣснью Разумовскаго, какъ посла.

„La dépêche que v. e. m'a fait l'honneur de m'adresser par le major Schöpingk,—отвѣтилъ онъ отъ 8 Августа,—est la seule qui me soit parvenue, depuis les événements qui ont mis fin aux opérations des armées de S. M. I. contre Bonaparte. Tout ce qui s'est passé postérieurement à cette époque n'a été connu ici qu'imparfaitement et par la voix publique. C'est de la même manière que j'ai appris que m. le prince Kourakine s'acheminait enfin pour me remplacer dans mon poste. Son arrivée a eu lieu le 30 Juillet et j'ai reçu de ses mains le rescrit qui m'enjoint de présenter mes lettres de récréance et de consigner à mon successeur tout ce qui est relatif aux fonctions dont j'ai été revêtu jusqu'ici. L'audience que j'ai sollicitée de S. M. I. et R. m'a été

---

[1]) Депеша отъ Разумовскаго къ Будбергу отъ 8 Іюля.

accordée le 5 de ce mois et, ayant mis à la disposition de m. le prince Kourakine, les employés de l'ambassade, j'aurai complété d'ici à peu de jours la consignation entière de l'archive. La relation ci-jointe rend compte de l'exécution des ordres de S. M. I. Je supplie v. e. de la porter aux pieds de notre auguste Maître. Au moment de mettre fin à ma correspondance officielle avec v. e., je la prie d'agréer mes remerciements pour la confiance particulière, qu'elle a bien voulu me témoigner depuis qu'elle dirige le département qui lui est confié. Je me flatte que d'anciens titres à son amitié m'en assurent la conservation et qu'elle voudra être également convaincue et du prix que j'y mets, et de mes sentiments invariables d'attachement et de considération".

Письмо Разумовскаго къ Императору Александру отъ 8-го же Августа было слѣдующаго содержанія:

„Sire,

„Le cons. privé actuel prince Alexandre Kourakine m'a consigné à son arrivée ici les ordres de V. M. I., contenus dans le rescrit dont elle à daigné m'honorer en date du 27 Juin de Tilsit. Je me suis empressé d'y obéir, en sollicitant de S. M. I. et R. mon audience de congé et c'est le 5 de ce mois que j'ai eu l'honneur de présenter au souverain les lettres de récréance, qui m'ont été expédiées il y a un an. La remise des archives et de tous les objets qui tiennent au poste, qui m'a été confié pendant seize années, s'effectuera ces jours-ci et j'aurai complété par là vis-à-vis de mon successeur les devoirs qui me sont imposés".

„Je termine aujourd'hui, Sire, la 30-me année de ma carrière politique. Le souvenir précieux de la bienveillante bonté de mes augustes Maîtres, la conscience d'avoir consacré ma vie à mériter la confiance dont ils ont daigné m'honorer, tels seront, Sire, dans une retraite paisible, les sentiments dont je serai pénétré jusqu'au dernier terme de mes jours. Souffrez, Sire, que j'ose en déposer l'expression aux pieds de V. M. I. et que je la supplie d'agréer avec bonté l'hommage de mon inaltérable dévouement à son auguste personne et à la gloire de son règne".

ГЛАВА X.

Впечатлѣніе, произведенное Тильзитскимъ миромъ въ Россіи.— Свиданіе двухъ Императоровъ въ Тильзитѣ. — Послѣдствія его. —Пріѣздъ князя Куракина въ Вѣну. —Недовольство Разумовскимъ. — Домъ Разумовскаго. — Бетговенъ. — Пріемы Разумовскаго.—Жалобы Наполеона на Разумовскаго.

„Богъ не перестаетъ бодрствовать надъ Россіею; она выходитъ изъ послѣдней, несчастной войны со славою и счастіемъ неожиданнымъ". Такими словами извѣщалъ, изъ Тильзита, Императрицу Марію Ѳеодоровну, преемникъ Разумовскаго при Вѣнскомъ дворѣ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, не мало гордившійся тою ролью, которую столь неожиданно, вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ ему пришлось разыгрывать въ переговорахъ съ Талейраномъ. Куракинъ былъ въ постоянной перепискѣ съ Императрицею, которая съ удовольствіемъ читала его письма, особенно тѣ, которыя онъ писалъ ей изъ-за границы. На этотъ разъ впрочемъ онъ не угодилъ. Императрица Марія была поражена полученнымъ ею отъ Куракина извѣстіемъ и долгое время горевала, не умѣя скрыть своего горя и отъ своего любимаго сына, когда онъ вернулся, послѣ Тильзитскаго свиданія и заключеннаго тамъ мира, въ Петербургъ. Странное дѣло, но горевала не одна Императрица-мать и вся семья царская, но съ ними и Петербургъ, и Москва, и вся Россія. „Во всѣхъ умахъ здѣсь страшное броженіе,—писалъ изъ Петербурга въ Лондонъ къ графу С. Р. Воронцову лейбъ-медикъ Роджерсонъ на своеобразномъ, или вѣрнѣе англо-образномъ французскомъ языкѣ,—все, какъ видно, рѣшено одними двумя предводителями, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. По крайней мѣрѣ Будбергъ омываетъ себѣ руки, а Чарторижскій и Новосильцовъ, хотя ихъ и ласкаютъ по-прежнему, держатся въ сторонѣ, несмотря на эти ласки. Сердца у всѣхъ здѣсь надорваны. Послѣ всѣхъ прежнихъ ошибокъ все идетъ еще хуже... несчастье въ томъ, что никто уже вліянія не имѣетъ. Мы всегда были и теперь пуще прежняго подвержены соблазнамъ. Теперь мы опьянены Бонапартомъ, а прежде только и думали про короля Прусскаго" [1]). Не миръ, котораго условія, не имѣли для Россіи ничего постыднаго, а тѣсный союзъ съ ненавистнымъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, Бонапартомъ, о которомъ простой народъ говорилъ, какъ объ анти-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова. XXX. 241 и 244.

христѣ, сильно огорчилъ, осенью 1806 года, русское общество, особенно столичное, которое, по возвращеніи гвардіи, узнало нѣкоторыя, хотя только и внѣшнія, подробности свиданія въ Тильзитѣ.

Мы уже видѣли, что Наполеонъ, несмотря на постоянные свои успѣхи, которые иногда казались почти волшебными, сознавалъ необходимость тѣснаго, и при томъ твердаго, союза съ однимъ, изъ находившихся на востокѣ Франціи, государствомъ. Въ необходимости подобнаго союза онъ даже, какъ сказано было выше, довѣрялъ Талейрану. Эта необходимость еще болѣе стала ему приходить на умъ, когда, послѣ Прейсишъ-Эйлау, онъ принужденъ былъ бездѣйствовать между Остероде и замкомъ Финкенштейномъ. Впервые случилось счастливому доселѣ побѣдителю ощущать невозможность, безъ сильной изъ далекой Франціи подмоги, продолжать столь счастливо начатую противъ Пруссіи войну, которая, когда онъ сразился съ русскими войсками, вдругъ приняла неожиданный и не вполнѣ для него счастливый оборотъ. Онъ не могъ, благодаря своему военному генію, не понять, что толпы храбрецовъ, которые боролись такъ храбро, несмотря на своихъ неумѣлыхъ начальниковъ, своимъ неумѣніемъ и спорами между собою, какъ будто ему самому служившихъ, все-таки, въ концѣ-концовъ, были грозны и со временемъ могли для него быть опасными. Онъ чуялъ, что за русскими воинами, такъ стойко отражавшими храбрые и быстрые натиски знаменитой его гвардіи, есть русскій народъ, полный юности и силы, съ которымъ ему трудно будетъ состязаться. Съ Пруссіею Наполеонъ думалъ, что вполнѣ уже покончилъ. Онъ мечталъ о составленіи изъ части ея новаго королевства, для младшаго своего брата, кое-какія провинціи обратить въ французскіе зарейнскіе департаменты, объ оставшемся отъ такого раздѣла не стоило и думать. Австрія была у него ногъ и онъ живо еще помнилъ свое пребываніе въ Шенбрунѣ. Союзъ съ нею, о которомъ онъ прежде думалъ, теперь, несмотря на доводы Талейрана, постоянно стоявшаго за единеніе съ Австріею, ему былъ не по сердцу, тѣмъ болѣе, что интриги и фальшь были искони отличительными чертами политики вѣнскаго двора, которыя, однако, онъ всегда умѣлъ угадывать. Такъ и теперь, въ невольномъ своемъ бездѣйствіи въ Финкенштейнскомъ замкѣ, онъ вполнѣ зналъ, что въ то время, когда Талейранъ, человѣкъ далеко однако недюжинный, благодушно внималъ сладкимъ рѣчамъ генерала Венсана въ Варшавѣ, по всей Австріи шло лихорадочное вооруженіе и онъ, разумѣется, вполнѣ понималъ противъ кого оно готовится. Сознавая въ то же время всю непрочность Австрійской имперіи, въ которой нѣмецкаго оставался только языкъ, воспитаніе и самая слабая часть населенія, а все остальное было разнородно и даже враждебно другъ къ другу и только собрано въ

одно цѣлое благодаря, выгоднымъ бракамъ Австрійскихъ эрцгерцоговъ, которые, несмотря на всѣ свои интриги, всегда съ трудомъ содержали цѣлость этого пестраго и разнороднаго государства. Такая союзница, послѣ долгихъ размышленій, показалась ему совсѣмъ негодною; ему надобилось что-либо посильнѣе и понадежнѣе. Таковою показалась ему Россія и коль скоро его военное тщеславіе, послѣ побѣды выигранной свѣжими пришедшими изъ Франціи полками, надъ утомленнымъ и голоднымъ русскимъ воинствомъ подъ Фридландомъ, вполнѣ было удовлетворено, предложеніе перемирія, не только было сейчасъ-же принято во французскомъ лагерѣ, но тотчасъ-же за этимъ поскакалъ, въ русскую главную квартиру, оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ герцогъ Фріульскій, съ предложеніемъ свиданія между обоими императорами.

Наполеонъ зналъ вполнѣ съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Всѣ свѣдѣнія, до него доходившія объ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, были какъ бы сняты съ природы. Онъ себѣ его воображалъ точно такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Ему была извѣстна его мечтательность, онъ былъ увѣренъ, что его не трудно увлечь и что часто его увлекали или умные люди, или высокія идеи, что онъ былъ крайне любезенъ и утонченно учтивъ и имѣлъ свой особенный родъ обворожительности, что онъ былъ нѣсколько падокъ на лесть, что онъ былъ тѣмъ, что въ свѣтѣ зовутъ умнымъ и къ тому же, благоря Лагарпу, вполнѣ образованъ и даже начитанъ. Въ одномъ онъ только ошибся, онъ думалъ, что, вѣрный словамъ своего манифеста изданнаго при восшествіи на престолъ, онъ вполнѣ раздѣлялъ всѣ великія мысли своей геніальной прародительницы. Про самого же себя Наполеонъ твердо вѣдалъ, что онъ вполнѣ обладаетъ даромъ разомъ поразить и подчинить своему вліянію самыя разнохарактерныя и сильныя личности, даромъ этимъ во всю свою драматическую карьеру онъ часто пользовался, и тамъ, гдѣ онъ даже не вполнѣ успѣвалъ прельстить, то все же производилъ на людей далеко недюжинныхъ, весьма сильное впечатлѣніе. Онъ рѣшился, при свиданіи съ Императоромъ Александромъ, воспользоваться этимъ даромъ и выѣхалъ на берегъ Нѣмана, веселый и окруженный всѣмъ блескомъ своего тогдашняго величія.

Двухчасового разговора, на тильзитскомъ плоту, довольно было, чтобы очаровать Императора Александра, первымъ словомъ котораго было: „Я ненавижу Англію, подобно вамъ, она меня всегда и вездѣ обманывала“. „Если такъ,—отвѣтилъ—Наполеонъ,—то не только миръ, но и самый тѣсный союзъ съ вами упроченъ“. Вслѣдъ за этимъ, замѣтивъ, что лицо русскаго Императора изображало недоумѣніе и нѣкоторую какъ бы печаль, онъ, отдавъ должное Англіи, изобразивъ ее

лихоимною, алчною, всегда готовою жертвовать всѣмъ, даже самыми вѣрными своими союзниками, ради наживы, сталъ восхвалять поразившія его, при Аустерлицѣ, Эйлау и Фридландѣ, доблесть и храбрость русскихъ войскъ. Онъ находилъ, что солдаты сражались, какъ титаны, и что, даже слѣпой, военачальникъ могъ бы поработить весь міръ, еслибы ему удалось предводительствовать соединенными арміями Россіи и Франціи, и, сдѣлавъ это, даровать порабощенному міру вѣчные покой и блаженство. По мнѣнію Наполеона, одни только неспособные министры или, что хуже, подкупленные Англіею, могли посовѣтовать Императору Александру, отвлекая громадныя силы Россіи отъ сѣвера и юга, отъ тѣхъ именно мѣстъ, гдѣ она призвана осуществить свое великое будущее, начать безразсудную борьбу съ Франціею. Онъ говорилъ какъ онъ радъ, что судьба ихъ теперь соединила и что онъ можетъ протянуть руку благородному своему бывшему врагу, а теперь союзнику, ради котораго готовъ возстановить уже уничтоженное королевство прусское и на вѣкъ сдѣлаться другомъ русскаго Государя, если послѣдній согласенъ отказаться отъ обманувшихъ его недостойныхъ союзниковъ и желаетъ вести Россію тѣмъ же путемъ, какимъ вела ее геніальная Екатерина [1]).

Наполеонъ не успѣлъ истощить всѣхъ заранѣе имъ подготовленныхъ льстивыхъ рѣчей, какъ замѣтилъ, что Императоръ Александръ, крайне опасавшійся свиданія съ нимъ, послѣ Фридланда и суровыхъ условій мира, несказанно былъ обрадованъ, слыша любезныя рѣчи Наполеона, особенно когда послѣдній хвалилъ русскія войска и самъ первый просилъ не только мира, но и тѣснаго союза, не упоминая вовсе о своихъ успѣхахъ. Вся тяжесть, которая до свиданія обременяла Александра Павловича, внезапно исчезла, и онъ съ удовольствіемъ сталъ прислушиваться къ словамъ своего недавняго врага. Тильзитъ былъ признанъ нейтральнымъ городомъ и оба Императора

---

[1]) Thiers. Histoire de Consulat et de l'Empire. Bruxelles. 1848. 9 v. -3°. II. 386 Тьеръ для исторіи этой воспользовался всѣми имѣющимися только источниками, изъ которыхъ иные были, даже ему, трудно доступны. Тайну переговоровъ между двумя Императорами въ Тильзитѣ онъ почерпнулъ въ депешахъ Савари, герцога Ровиго и Коленкура, герцога Виченскаго, которые, другъ за другомъ, были послами въ Петербургѣ, къ Наполеону. Никакіе дипломаты не были такъ близки къ Императору Александру, какъ два вышеупомянутыхъ посла въ эпоху, продолжавшуюся отъ Тильзитскаго до Эрфуртскаго свиданія и даже нѣсколько долѣе. Оба имѣли открытый входъ къ Государю, который по долгу откровенно съ ними бесѣдовалъ и любилъ имъ передавать подробности о своихъ свиданіяхъ въ Тильзитѣ и тайныхъ разговорахъ съ Наполеономъ. Послы, разумѣется, все слышанное ими передавали слово въ слово въ Парижъ. Наполеонъ, въ отвѣтахъ своихъ къ посламъ, поправлялъ и дополнялъ разсказы Александра Павловича. Такимъ образомъ Тьеръ могъ составить самый подробный и притомъ самый вѣрный разсказъ о Тильзитскомъ свиданіи.

условились тамъ поселиться и видѣться ежедневно. Онъ охотно согласился при этомъ на предложеніе Наполеона не допускать въ тайну ихъ переговоровъ никого изъ генераловъ, министровъ и дипломатовъ, ихъ сопровождавшихъ. По мнѣнію императора французовъ, никто изъ вышепоименованныхъ не могъ понять ни его, ни Александра Павдовича, но всѣ они способны были обмануть ихъ обоихъ. „Никого между нами не нужно", были послѣдними словами Наполеона, который, пожавши руку Императора Александра, вышелъ изъ палатки, стоявшей среди плота и гдѣ произошло это первое свиданіе, и ласково и любезно обратился къ лицамъ государевой свиты.

19 дней продолжались тильзитскіе переговоры и всѣ, жившіе въ то время въ Тильзитѣ, генералы, министры и дипломаты не знали, о чемъ два императора такъ часто и такъ долго толкуютъ. Не зналъ этого тоже и несчастный король Прусскій, невольно вспоминавшій то недавнее время, когда Императоръ Александръ былъ къ нему такъ довѣрчивъ. Очевидно для всѣхъ было только то, что каждое свиданіе все болѣе связывало между собою обоихъ императоровъ. Наполеонъ всячески старался польстить честолюбію своего недавняго соперника, и въ томъ убѣжденіи, что русскій царь не можетъ не желать окончательнаго паденія Турціи, онъ весьма часто упоминалъ о геніальныхъ замыслахъ Екатерины и указывалъ Александру Павловичу, что Оттоманская имперія уже долго существовать не можетъ и что Россіи не трудно будетъ отодвинуть свои границы на югѣ до Балканскаго хребта. Предъ самымъ свиданіемъ съ Императоромъ Александромъ въ Тильзитѣ, до Наполеона дошли тревожныя вѣсти съ Босфора. Приверженецъ Франціи, султанъ Селимъ III былъ низвергнутъ янычарами, заключенъ въ кіоскѣ сераля и на его мѣсто избранъ былъ Мустафа, его племянникъ. Французское вліяніе внезапно упало въ Константинополѣ. Уже тамъ не было Себастіани и замѣнившій его посолъ не былъ въ состояніи руководить диваномъ по приказаніямъ, получаемымъ изъ Парижа. Наполеонъ рѣшилъ, что со времени сверженія Селима, на Турцію ему уже нельзя было разсчитывать и потому охотно обѣщалъ въ будущемъ новому своему союзнику то, чтó, по мнѣнію его, особенно было ему желательно, съ цѣлью окончательно его къ себѣ привязать. Мы уже упоминали выше, что Царьградъ и Босфоръ и столь тѣсно съ ними связанное освобожденіе единовѣрцевъ и одноплеменниковъ Россіи были мертвою буквою для Александра Павловича. Онъ до Тильзита говорилъ съ своими друзьями и первыми совѣтниками о замыслахъ великой своей бабки, какъ о бреднях устарѣвшей женщины и войну съ Турціею, къ которой принудила его Оттоманская порта, наглостью, съ которою она, по на-

ущенію Франціи, нарушала заключенные съ нею Россіею договоры, ему казались великимъ для его отечества несчастіемъ. Однако въ Тильзитѣ, по мѣрѣ того, какъ Наполеонъ ему выхваливалъ доблести Екатерины Великой и геніальные ея замыслы, онъ съ удовольствіемъ вслушивался въ эти рѣчи. Его сначала, вѣроятно, поразила такая высокая оцѣнка плановъ Екатерины и эти новыя, для его офранцуженнаго Лагарпомъ ума, сужденія, сообщаемыя тѣмъ необыкновеннымъ человѣкомъ, передъ силою и счастіемъ котораго преклонялась, въ то время, вся имъ уже почти покоренная Европа, та чарующая рѣчь, которою сужденія эти выражались, все болѣе и болѣе овладѣвала впечатлительнымъ умомъ Александра Павловича и онъ самъ невольно сталъ раздѣлять всѣ мысли своей прародительницы и простирать свои виды и свои планы не только на обѣщаемую въ будущемъ Балканскую границу, но и на Босфоръ и Царьградъ. Наполеонъ, увидѣвъ, что онъ уже слишкомъ воспламенилъ своего собесѣдника, старался умѣрять его честолюбіе на югѣ, обращая это же честолюбіе на сѣверъ Россіи. Онъ не разъ замѣчалъ, что русскому Императору слѣдуетъ застраховать цѣлость своей столицы отъ Швеціи и шутя замѣчалъ, что пора положить конецъ страху петербургскихъ красавицъ, которыя изъ богатыхъ дворцовъ своихъ, расположенныхъ на набережныхъ Невы, могутъ слышать пушечные съ того берега удары [1]). Императору россійскому слѣдуетъ прежде всего занять незащищенную Финляндію и неразрывно связать ее съ Россіею. Александръ Павловичъ не оставлялъ безъ вниманія и этого намёка; но по мѣрѣ сближенія его съ Наполеономъ, онъ все болѣе обращался къ нему съ вопросами касательно предстоящаго, по словамъ его, дѣленія Турціи. Наполеонъ себѣ собирался забрать, кромѣ уже имъ занятой Далмаціи, Албанію, Морею, Іоническіе острова и, столь давно французами осаждаемый, Которъ. Австріи ссужали Боснію и Сербію, а на часть Россіи доставались всѣ турецкія области до Балкановъ. За Турціею оставались Румелія, Царьградъ, Малая-Азія, Сирія и Египетъ. За однимъ изъ вечеровъ въ Тильзитѣ, которые императоры всегда проводили вдвоемъ въ дружеской бесѣдѣ, на столѣ, за которымъ они обыкновенно сидѣли, случилось что не было развернутой карты Турціи. Вѣроятно, что Наполеонъ не велѣлъ подавать ее въ этотъ вечеръ умышленно, чтобы занять императора Александра Финляндіею и отвлечь его вниманіе отъ юга Россіи. Но именно въ этотъ вечеръ самъ Александръ Павловичъ сталъ говорить о намѣреніяхъ Екатерины, которыми Наполеонъ такъ восхищался, и объяснилъ, что Франція еще можетъ занять и Критъ и всѣ острова Архипелага, а

---

[1]) Lanfrey. Histoire de Napoléon I. IV. 124.

что то, что, при его бабкѣ, называлось греческимъ вопросомъ, было не намѣреніе присоединить къ Россіи какую-нибудь Молдавію или Валахію, но завладѣть Босфоромъ и занять Константинополь съ Дарданеллами, чтобы Черное море стало вполнѣ русскимъ. И неужели послѣ всѣхъ нашихъ переговоровъ и взаимныхъ задушевныхъ изліяній, когда уже рѣшенный между нами тѣсный союзъ дастъ нашей дружбѣ такую невиданную въ Европѣ силу, неужели и тогда оставлена будетъ древняя и святая для русскихъ Византія, которую такъ уже давно оплакиваетъ все христіанство, въ рукахъ у азіатскихъ варваровъ". Наполеонъ этимъ чистосердечнымъ признаніемъ Императора Александра, какъ видно, былъ взволнованъ, онъ вызвалъ изъ сосѣдней комнаты своего секретаря барона де Меневаля и потребовалъ карту турецкой имперіи. Меневаль разложилъ ее на столѣ и Наполеонъ, забывъ присутствіе своего секретаря, подошелъ къ картѣ и, положивъ палецъ на то мѣсто, гдѣ стоитъ Царьградъ, воскликнулъ: „Константинополь!—нѣтъ никогда! это значитъ властвовать надъ всѣмъ міромъ (c'est l'empire du monde)" [1]). Только-что начавшаяся между двумя Императорами дружба не пострадала отъ этой невольной вспышки и, вѣроятно, Наполеонъ еще любезнѣе сталъ къ Александру Павловичу, хотя навѣрно сталъ воздержаннѣе касательно дѣлежа Турціи. Князья Куракинъ и Лобановъ съ русской стороны, а Талейранъ съ французской приступили къ формальному совершенію отдѣльнаго мира между Россіею и Франціею. Въ тайныхъ же бесѣдахъ съ Александромъ Павловичемъ, Наполеонъ настойчивѣе прежняго указывалъ на захватъ Россіею Финляндіи, а дальнѣйшіе переговоры о раздѣлѣ Турціи просилъ отложить до другого свиданія, обѣщая, впрочемъ, Александру Павловичу при первой возможности присоединить къ Россіи всѣ владѣнія турецкія, но только до Балкановъ. Между обоими Монархами положено было отъ времени до времени съѣзжаться въ центрѣ Европы, для новыхъ соглашеній о ея дальнѣйшемъ политическомъ строѣ. Наполеонъ, самымъ любезнымъ образомъ, старался успокоить своего новаго союзника на счетъ окончательной судьбы Турціи, хотя и отклоняя всякія положительныя обѣщанія. Съ своей стороны, Александръ Павловичъ не чувствовалъ еще подъ собою довольно твердой почвы для логичнаго отстаиванія, столь недавно имъ принятыхъ, убѣжденій относительно историческихъ цѣлей своего государства. Обнародованъ былъ только-что заключенный миръ, а между Императорами состоялось тайное соглашеніе, въ силу котораго Наполеону предоставлялось, по полной своей

---

[1]) Histoire du Consulat et de l'Empire. II. 394. Самъ Меневаль, который скончался въ 1850 году, разсказалъ Тьеру это событіе.

волѣ, распорядиться на Западѣ Европы. Признаны были всѣ новыя королевскія династіи Бонапартовъ и еще не существующее королевство Вестфальское. Императору заранѣе уступалась Финляндія, которую Россія должна была пріобрѣсть цѣною своей крови, да обѣщалось еще, при первой возможности, присоединеніе къ имперіи дунайскихъ княжествъ. Это послѣднее соглашеніе положено было обоими союзниками содержать въ глубокой тайнѣ. Замѣчательно то, что именно въ то время, когда такъ-называемый восточный вопросъ, благодаря Наполеону представился Александру Павловичу во всемъ его историческомъ для Россіи значеніи и онъ неожиданно въ умѣ своемъ рѣшилъ его въ ея пользу, такъ долго насъ занимавшій Которъ, долженствовавшій представить, вслѣдствіе новыхъ воззрѣній Государя, такое первенствующее стратегическое значеніе для Россіи, былъ, въ силу обнародованнаго тильзитскаго мирнаго договора, сданъ французамъ, столь долго и напрасно старавшимся овладѣть онымъ.

Покончивъ дѣла, Монархи разстались самымъ дружелюбнымъ образомъ и Александръ Павловичъ вернулся, какъ мы уже видѣли, въ Петербургъ, подъ впечатлѣніемъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Послѣднія слова Наполеона, въ которыхъ съ какими-то особенными любезностью и радушіемъ онъ упоминалъ о своемъ полномъ сочувствіи къ интересамъ Россіи и непоколебимой дружбѣ къ любимому ея Монарху, подавали Государю самыя блестящія надежды насчетъ будущаго. Предметомъ всѣхъ его помышленій стало теперь осуществленіе тѣхъ надеждъ, которыя внезапно породились въ его сердцѣ при слышаніи льстивыхъ рѣчей Наполеона о величіи Екатерины и геніальности ея замысловъ. Говорить о связывающемъ его съ императоромъ французовъ тайномъ соглашеніи, совѣтоваться о томъ, какъ-бы привести въ исполненіе любимыя мечты было Александру Павловичу не съ кѣмъ. Прежніе любимцы ничего не знали про личные епреговоры, происходившіе между обоими императорами, къ тому же добрыхъ совѣтовъ отъ нихъ ожидать было нечего, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не сочувствовалъ отжившимъ, по ихъ мнѣнію, замысламъ Екатерины и всѣ, съ крайнею холодностію, относились даже къ вынужденной войнѣ съ Турціею. Ко всему этому присоединилась память того, что многіе изъ любимцевъ первые представляли Государю о необходимости заключить миръ съ Франціею, а теперь громче другихъ выражали свое недовольство слишкомъ тѣснымъ сближеніемъ, установившимся между обѣими имперіями. Судя по приведенной выше выпискѣ изъ писемъ Роджерсона, блестащая плеяда бывшихъ любимцевъ императора Александра сама рѣшилась удалиться отъ двора; она чувствовала, что значеніе ея упало безвозвратно и продолжавшіяся ласковыя отношенія къ ней Государя не въ силахъ были

удержать бывшихъ его совѣтниковъ. Строгановъ занялся исключительно военною службою, Новосильцовъ отпросился за границу, Кочубей, по разстроенному здоровью, отказался отъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, во главу котораго немедленно назначенъ былъ братъ новаго посла въ Вѣнѣ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Даже Чарторижскій удалился въ польскія свои маетности, но оттуда завелъ дѣятельную переписку съ Государемъ, убѣждая его непрестанно не забывать про Польшу. Наконецъ, давно уже утратившій то незначительное значеніе, которымъ онъ пользовался во время своего управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Будбергъ получилъ отставку и на мѣсто его Александръ Павловичъ назначилъ человѣка, на которомъ вскорѣ послѣ возвращенія остановились глаза его и въ которомъ, не безъ основанія, надѣялся найти сотрудника, вполнѣ сочувствовавшаго новымъ его стремленіямъ. Призванный къ управленію иностранными сношеніями, графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, сынъ знаменитаго фельдмаршала Задунайскаго, громкая боевая слава котораго созрѣла въ непрестанной борьбѣ съ Оттоманскою портою, одинъ, быть можетъ, въ средѣ придворныхъ, въ состояніи былъ вполнѣ понять и отъ души раздѣлить новыя мечты своего Государя. Воспитанный и возросшій при Екатеринѣ, графъ Румянцевъ питалъ самое глубокое, самое непритворное уваженіе къ памяти обожаемой имъ Монархини. Всѣ ея планы, всѣ ея предпріятія казались ему великими и онъ съ радостію узналъ въ какомъ новомъ настроеніи находился императоръ Александръ. Между Царемъ и его совѣтникомъ начались самыя близкія отношенія; первый не скрылъ отъ послѣдняго тайну своего соглашенія съ Наполеономъ, онъ повѣрилъ ему и то, что замыслы его простирались теперь гораздо далѣе, что конечною цѣлью его было полное сокрушеніе турецкой имперіи, а вслѣдъ за нею водруженіе креста и русскаго знамени на берегахъ Босфора. Ко всему этому Румянцевъ прислушивался съ увлеченіемъ, и Царь съ своимъ новымъ министромъ стали дружно обсуждать тѣ способы, которыми было бы возможно, въ недальнемъ будущемъ, привести въ исполненіе тѣ великіе замыслы, которые ихъ такъ сильно въ настоящую пору занимали.

Разсказывая про удаленіе первыхъ совѣтниковъ Александра I-го, мы забыли упомянуть объ уходѣ Поццо-ди-Борго, пользовавшагося, въ послѣдній періодъ войны, довольно сильнымъ вліяніемъ при императорской главной квартирѣ. Еще до фридландскаго пораженія, умный корсиканецъ понялъ, что роль его при русской арміи теряетъ всякое значеніе. Со всѣхъ сторонъ слышалось вокругъ него желаніе мира, а Поццо одинъ только предчувствовалъ, что за миромъ, если онъ состоится, немедля послѣдуетъ тѣсный союзъ между Россіею и Фран-

ціею. При такихъ условіяхъ ему, непримиримому врагу Наполеона, уже нечего было дѣлать въ русскомъ лагерѣ. Коль скоро было получено извѣстіе о несчастномъ фридландскомъ дѣлѣ, онъ, не подавая, однако, въ отставку, отпросился въ отпускъ и отправился въ Вѣну гдѣ надѣялся, не безъ причины, найти себѣ многихъ единомышленниковъ. Предположенія Поццо-ди-Борго сбылись вполнѣ. Ненависть къ Наполеону все болѣе и болѣе усиливалась въ Вѣнѣ, особенно послѣ вѣрныхъ извѣстій о неожиданномъ союзѣ между Россіею и Франціею, какъ громомъ поразившемъ австрійское правительство. Между старыми своими вѣнскими знакомыми Поццо нашелъ чуть ли не самый дружескій пріемъ у бывшаго своего покровителя, а потомъ и сотрудника, графа Андрея Кирилловича Разумовскаго.

Возвратимся, однако, къ герою нашему, нетерпѣливо ожидавшему пріѣзда своего преемника. Князь Куракинъ не любилъ утруждать себя поспѣшностью и, не торопясь, проводивъ государя изъ Тильзита, сталъ думать о долгомъ и въ то время затруднительномъ путешествіи въ Вѣну. Пустившись въ путь, князь Александръ Борисовичъ сталъ медленно подвигаться и, наконецъ, благополучно достигъ до столицы Австріи. Первое впечатлѣніе его, достигнувъ, наконецъ, столь давно ему назначеннаго мѣста, было не вполнѣ пріятно. Онъ воображалъ, что предмѣстникъ его будетъ ожидать его въ новомъ нанятомъ ему домѣ и сейчасъ же по пріѣздѣ представитъ ему всѣхъ чиновниковъ посольства. На дѣлѣ оказалось однако далеко не такъ. Разумовскій, очевидно, ожидая перваго посѣщенія со стороны Куракина, не думалъ безпокоиться. Пришлось троекратно извѣщать Андрея Кирилловича о пріѣздѣ новаго посла и онъ, только на второй день, и то, навѣрное, вслѣдствіе какого-либо извиненія со стороны Куракина, рѣшился къ нему пріѣхать и представилъ ему всѣхъ состоявшихъ при вѣнскомъ посольствѣ хотя и русскихъ, но большею частью иностраннаго происхожденія, чиновниковъ. Свиданіе обоихъ дипломатовъ было холодное, однако, Разумовскій, замѣтивъ, что посолъ не успѣлъ еще на новой квартирѣ устроиться и вполнѣ обзавестись хозяйствомъ, долгомъ счелъ разъ навсегда пригласить его къ себѣ обѣдать. Куракинъ, не любившій ни въ чемъ стѣсняться, поспѣшилъ воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ графа Андрея Кирилловича и, нѣсколько дней сряду, превкусно отобѣдалъ въ роскошномъ домѣ своего предмѣстника на Ландштрассе. Когда, однако, новый домъ посольства былъ окончательно отдѣланъ и князь Куракинъ зачалъ оффиціально свои пышные, но въ то же время немного скучные, пріемы, онъ съ крайнимъ неудовольствіемъ подмѣтилъ, что Разумовскій явно избѣгалъ всякаго, даже отдаленнаго, съ нимъ сношенія. Онъ учтиво отклонялъ приглашенія своего преемника и, крайне рѣдко, заглядывалъ

въ русское посольство, очевидно ему предпочитая общество Поццо-ди-Борго, иностранныхъ дипломатовъ и австрійскихъ магнатовъ.

Разумовскій и Куракинъ были почти ровесниками и очень старыми знакомыми. Оба были весьма горделивы и нѣсколько упрямы. Дружбы между ними никогда не существовало, а на душѣ Разумовскаго не мало накопилось противъ Куракина никогда, не сведенныхъ съ нимъ счетовъ. Графъ Андрей Кирилловичъ до конца своей жизни не могъ равнодушно вспомнить о своей юношеской, придворной неудачѣ. Онъ живо припоминалъ, какъ нѣкогда, онъ былъ всемогущимъ любимцемъ цесаревича Павла Петровича и первой жены его, великой княгини Натальи Алексѣевны. Онъ не забывалъ также тѣ рѣдкіе раза, когда приглашенъ бывалъ, на скромные великокняжескіе обѣды и собранія, камеръ юнкеръ-князь Куракинъ, не имѣвшій никакого значенія при молодомъ дворѣ. Но скончалась Наталья Алексѣевна, опальный любимецъ сосланъ былъ въ Ревель. Со всѣми этими тяжелыми воспоминаніями, тѣсно связывалось имя Куракина, занявшаго мало-по-малу его мѣсто при великокняжескомъ дворѣ, гдѣ покойную Наталью Алексѣевну весьма быстро замѣнила вторая супруга Павла Петровича, великая княгиня Марія Өеодоровна, несравненно превосходившая свою предмѣстницу въ высоконравственномъ и умственномъ отношеніи.

Когда великій князь, со второю женою своею, подъ именемъ графа Сѣвернаго, предпринялъ путешествіе по Европѣ, Куракинъ игралъ уже при дворѣ ихъ довольно важную роль. Разумовскій, состоявшій тогда, какъ мы видѣли въ третьемъ томѣ труда этого, чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворѣ короля обѣихъ Сицилій, ожидалъ въ Неаполѣ, съ крайнимъ волненіемъ, пріѣзда августѣйшей четы. Надежда занять свое прежнее положеніе не покидала его и онъ твердо вѣрилъ, что откровеннаго объясненія съ великимъ княземъ, довольно будетъ, чтобы снова пріобрѣсть его прежнюю дружбу, полное довѣріе и, кто знаетъ—прежнее мѣсто при его дворѣ. На дѣлѣ оказалось, что онъ крайне ошибся въ своей надеждѣ и что положеніе его въ Неаполѣ сдѣлалось крайне затруднительнымъ въ присутствіи тамъ великокняжеской четы. Онъ вышелъ изъ него съ обычнымъ своимъ тактомъ, но никогда не могъ забыть, какъ князь Куракинъ, во время пребыванія двора въ Неаполѣ, съ высоты своего положенія взиралъ на него и ясно ему доказывалъ, своимъ обращеніемъ, что случай Разумовскаго прошелъ безвозвратно. Но Куракинъ самъ на себѣ попробовалъ обыкновенное при дворахъ непостоянство въ положеніи и вліяніи. Тайныя козни съ его стороны, въ пользу наслѣдника, были заподозрѣны Екатериною; молодого царедворца удалили отъ двора и держали въ опалѣ. Между тѣмъ Разумовскій

бросилъ всякія мысли о придворныхъ успѣхахъ и, наконецъ, съ разрѣшенія Екатерины, могъ снова явиться при дворѣ, въ качествѣ уже совершенно испробованнаго искуснаго дипломата. Куракина онъ, въ то время, въ Петербургѣ не встрѣчалъ, его все еще удаляла отъ двора немилость Екатерины и онъ жилъ частью въ Москвѣ и частью въ своихъ тверскихъ, орловскихъ и саратовскихъ маетностяхъ. Время взяло однако свое, о прежнихъ упрекахъ, относительно Куракина, Разумовскій забылъ и думать и, когда при Павлѣ I-мъ князь Александръ Борисовичъ занялъ важное мѣсто въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отношенія между ними стали совершенно приличными и чуть ли не дружественными. Но когда, внезапно до графа Андрея Кирилловича дошло извѣстіе, что Куракина назначаютъ на его мѣсто, вся старая желчь поднялась въ немъ и смѣняемый посолъ опять вспомнилъ все прежнее. Къ тому же Куракинъ пріѣзжалъ въ качествѣ явнаго поклонника Наполеона, видимо гордясь участіемъ, имъ принятымъ, въ заключеніи тильзитскаго мира, одна мысль о которомъ, приводила графа Андрея Кирилловича въ стыдъ и уныніе.

Впечатлѣніе, произведенное Куракинымъ въ Вѣнѣ, было для него далеко не выгодное. Еще задолго до его пріѣзда по городу много говорили о странныхъ его пріемахъ, о старомодномъ образѣ его одѣянія, о множествѣ брилліантовъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, которыми любилъ онъ осыпать свое тучное тѣло, облеченное въ стародавнія парчи и бархаты, наконецъ, о многочисленной и разнообразной его прислугѣ. Долгая опала, проведенная Куракинымъ въ его вотчинахъ, гдѣ онъ жилъ настоящимъ сатрапомъ, наложила на него какой-то особенный отпечатокъ стародавности. Даже въ Петербургѣ, куда онъ былъ призванъ, сейчасъ же послѣ воцаренія Павла I, онъ всѣхъ поразилъ архаизмомъ своихъ одѣяній и устарѣлою напыщенностію своихъ манеръ. Понятно, что въ Вѣнѣ впечатлѣніе, имъ произведенное, было еще сильнѣе. Насмѣшливые вѣнцы сейчасъ же подмѣтили всѣ странности Куракина и невольно сравнивали его съ его величавымъ, но всегда скромно одѣтымъ и крайне утонченнымъ предмѣстникомъ, считавшимся, среди вѣнскаго высшаго общества, полнѣйшимъ типомъ современнаго вельможи и примѣрнаго дипломата. Къ тому же всѣ знали, что Куракинъ былъ сторонникомъ Франціи и поклонникомъ Наполеона, а въ данную минуту для Вѣны это было самою плохою рекомендаціею.

Всѣ жители Вѣны отъ тильзитскаго мира были въ отчаяніи. Подробности о свиданіи обоихъ императоровъ, доходившія до Вѣны со всѣхъ сторонъ, и по большей части ложныя, смущали вѣнскій кабинетъ и вѣнское общество. Вѣна жила въ то время одними сплетнями о Тильзитѣ. Очевидно было, что возникъ тѣсный союзъ между Россіею и

Франціею; но въ чемъ онъ стоялъ, на какихъ онъ зиждился основахъ, то было тайною для всѣхъ. Вѣнскіе политики старались читать между строками опубликованнаго договора и, безъ особенной тонкости ума, съумѣли понять, что рядомъ съ напечатанными пунктами, должны существовать негласныя условія. Не даромъ, къ великому горю вѣнскаго двора, русскія войска занимали тогда дунайскія княжества. Руководители австрійской политикою съ ужасомъ сознавали теперь что имперія ихъ, безъ союзниковъ и достаточныхъ силъ къ сопротивленію, стиснута между двумя тѣснымъ союзомъ соединенными исполинами, готовыми захватить съ одной стороны всю Европу, съ южными ея полуостровами, а съ другой нанести роковой ударъ Оттоманской портѣ. Вся Вѣна громко порицала неумѣлость и нерѣшительность австрійскаго правительства, пропустившаго единственный, быть можетъ, случай, дружнымъ союзомъ съ Россіею нанести роковой ударъ ненавистному Бонапарту. Теперь всѣ вспоминали въ Вѣнѣ какъ усиленно просилъ, умолялъ даже австрійскихъ министровъ Рузумовскій не терять благого времени и дѣйствовать за-одно съ Россіею. Государственныя и политическія достоинства графа Андрея Кирилловича никогда въ Вѣнѣ не были такъ высоко цѣнимы, какъ теперь, послѣ тильзитскаго мира, въ самое время пріѣзда князя Куракина. Понятно, что пріемъ, сдѣланный новому русскому послу, принявшему столь, какъ тогда казалось, дѣятельное участіе въ ненавистномъ Австріи договорѣ, не могъ быть радушнымъ. Съ своей стороны, Куракинъ не могъ равнодушно видѣть, что, касательно его, всѣ въ Вѣнѣ были какъ бы на сторожѣ, тогда какъ графъ Разумовскій пользовался самою большою популярностію. Разумѣется, что первыя впечатлѣнія не могли быть, при подобныхъ условіяхъ, новому послу особенно пріятны, но надо ему отдать справедливость, что онъ не жаловался, по крайней мѣрѣ, въ оффиціальныхъ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ на свои отношенія къ предмѣстнику. Намекая изрѣдка въ своихъ депешахъ на неприличность дальнѣйшаго пребыванія въ Вѣнѣ Поццо-ди-Борго, все еще считавшагося на русской службѣ, Куракинъ, въ многословныхъ депешахъ своихъ и даже собственноручныхъ письмахъ къ Румянцеву, упоминаетъ о Разумовскомъ только разъ и то скорѣе одобрительно.

Поводомъ къ этому послужилъ слѣдующій случай. Въ началѣ ноября 1807 г. по всей Вѣнѣ стали ходить самые положительные слухи объ окончательномъ разрывѣ между Россіею и Англіею. Изъ Петербурга, однако, никакихъ извѣстій объ этомъ въ посольствѣ не получалось, а между тѣмъ Куракину было положительно извѣстно, что слухи эти подтверждали лица, пользовавшіяся въ столицѣ Австріи большимъ вліяніемъ на дѣла. Посолъ, однажды, сидя дома, рѣшилъ

поѣхать къ вице-канцлеру графу Стадіону, чтобы разузнать отъ него, откуда могли распространиться подобные толки, какъ пришли ему доложить, что Поццо-ди-Борго желаетъ его видѣть. Принятый Куракинымъ Поццо разсказалъ, что онъ, наканунѣ, обѣдалъ у англійскаго посланника, сиръ Роберта Адера, и что послѣдній, во время обѣда прямо ему сказалъ, что боится имѣть честь его видѣть въ послѣдній разъ у себя, такъ какъ кажется, судя по обороту, который принимаютъ дѣла, война между Россіею и Англіею становится неизбѣжною. Поццо не могъ сообщить Куракину откуда Адеръ получилъ подобное извѣстіе, но добавилъ, что, во время обѣда, доложили англійскому послу о пріѣздѣ изъ Петербурга англійскаго курьера съ депешами отъ лорда Льюсонъ Гоуера, причемъ Адеру, тутъ же за столомъ, передали массу пакетовъ. Англійскій посолъ, не стѣсняясь обѣдающимъ у него обществомъ, и продолжая сидѣть за столомъ, ихъ пробѣжалъ, но передалъ приглашеннымъ только нѣсколько незначительныхъ извѣстій. Куракину, какъ онъ собственноручно сообщалъ Румянцеву, показалось, что Поццо-ди-Борго не вполнѣ откровенно разсказалъ про случившееся съ нимъ у Адера и какъ будто что-то отъ него скрывалъ. Вечеромъ того же дня, посолъ встрѣтилъ Разумовскаго въ обществѣ и, отведя его въ сторону, сталъ говорить о ходившихъ по городу слухахъ, прося его сообщить всё, что онъ знаетъ о прибывшемъ изъ Петербурга англійскомъ курьерѣ. Графъ Андрей Кирилловичъ отвѣчалъ, что нетолько знаетъ о пріѣздѣ англійскаго курьера, но даже уже успѣлъ пробѣжать привезенныя имъ депеши. Оказывалось, что въ нихъ не было даже намека на разрывъ съ Россіею. Замѣтивъ, что депеши эти очень интересовали Куракина, Разумовскій обѣщалъ доставить ему, на слѣдующій день, съ нихъ копіи и точно исполнилъ обѣщанное. Въ копіяхъ этихъ, Куракинъ не нашелъ ни единаго слова о разрывѣ. Крайне длинное и нѣсколько запутанное свое письмо къ Румянцеву объ этомъ происшествіи, посолъ заключалъ слѣдующими словами: „il faut convenir, que le contraste de la conduite du comte Rasoumovsky et de celle du colonel Pozzo di Borgo est frappant“ [1]).

Но если Куракинъ воздерживался, въ служебной своей перепискѣ съ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ, отъ всякой жалобы на Разумовскаго, то, наоборотъ, въ частыхъ и длинныхъ своихъ посланіяхъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ онъ вполнѣ довѣрялъ бумагѣ всѣ тайныя свои чувства и, не стѣсняясь, жаловался на своего предмѣстника.

„Имѣя счастіе откровенно сообщать В. И. В. о всемъ томъ, что

---

[1]) Госуд. архивъ. Депеши Куракина къ Румянцеву отъ 7 ноября 1807 года.

со мною случается,—писалъ онъ, между прочимъ, къ государынѣ, отъ 2 сентября 1807 г.,—не могу не упомянуть о смѣшномъ, но въ то же время крайне непозволительномъ со мною обращеніи графа Разумовскаго. Я, еще до пріѣзда моего сюда, рѣшился быть съ нимъ крайне учтивымъ и не только всегда съ тѣхъ поръ въ отношеніи къ нему былъ вполнѣ предупредителенъ, но даже какъ будто искалъ заслужить его благорасположеніе. И какъ онъ мнѣ на это отвѣтилъ? Правда, онъ явился ко мнѣ на другой же день послѣ моего прибытія, но только отъ того, что я отправилъ къ нему другъ за другомъ трехъ посланныхъ съ извѣщеніемъ о моемъ сюда пріѣздѣ. Съ тѣхъ поръ я три раза у него обѣдалъ, а онъ, съ своей стороны ни разу еще не удостоилъ меня подобной чести. Два раза приглашалъ я его и оба раза онъ извинился. Эти слѣдовавшіе одинъ за другимъ отказы, меня однако не остановили и я рѣшился еще въ третій разъ попытать счастія его у себя видѣть и снова пригласилъ его обѣдать. Это было въ день св. Александра Невскаго, въ который я собралъ къ себѣ на трапезу всѣхъ русскихъ здѣсь проживающихъ. Ихъ было около 60-ти человѣкъ, но и на этотъ разъ не соблаговолилъ графъ Разумовскій явиться на мой зовъ. Онъ наканунѣ вернулся изъ сосѣдняго охотничьяго замка и написалъ мнѣ нѣсколько сухихъ словъ во извиненіе себя, а въ самый этотъ Александровъ день, какъ я узналъ послѣ, онъ отправился обѣдать къ Лорду Пемброку [1]), не потрудившись даже ко мнѣ заѣхать, какъ того требовала, однако, самая простая учтивость, чтобы объяснить причину, не дозволившую ему принять мое приглашеніе. Нѣсколько дней позднѣе я встрѣтилъ Разумовскаго на вечерѣ у графини Ромбекъ [2]). Увидавъ его, я къ нему подошелъ, а онъ, любезно разговаривая съ ближайшими моими сосѣдями, не сказалъ мнѣ, на ласковый привѣтъ мой, почти не единаго слова. Странное его со мною поведеніе въ этотъ вечеръ обратило на себя вниманіе всего вѣнскаго общества и никто его здѣсь не одобряетъ. Получивъ другъ за другомъ три отказа, я никакъ не намѣренъ болѣе звать его къ себѣ и, разумѣется, не поѣду къ нему, если онъ

[1]) Георгій-Августъ Гербертъ, 11-ый графъ Пемброкъ и Монгомери. Онъ женатъ былъ на графинѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Воронцовой (его 2-я жена) дочери графа Семена Романовича. Пемброкъ пріѣзжалъ въ Вѣну въ описываемое нами время съ важною миссіею отъ своего правительства.

[2]) Графиня де-Ромбекъ (de Rombecq), рожденная графиня Кобенцель. Сестра обоихъ австрійскихъ вицеканцлеровъ этого имени. Она долго жила въ Петербургѣ при братѣ своемъ графѣ Луи Кобенцелѣ, бывшемъ тамъ посломъ. Императрица Екатерина отличала ее за веселый умъ. Она была очень некрасива но славилась умомъ и подчасъ нѣсколько смѣлыми и непристойными для женщины рѣчами. Со многими русскими была она очень дружна. О ней часто упоминаетъ графъ А. И. Рибопьеръ въ своихъ запискахъ.

вздумаетъ меня пригласить. Я всегда зналъ, что у Разумовскаго много спѣси, но до сихъ поръ, слава Богу, никогда еще ея на себѣ не испытывалъ. Признаюсь, никакъ не ожидалъ, что это случится со мною именно здѣсь. Воспоминанія прошлаго, желаніе мое оказать Разумовскому всякое вниманіе, давали мнѣ, какъ я надѣялся, право на иной съ его стороны, въ отношеніи ко мнѣ, образъ дѣйствій. Я считаю себя, впрочемъ, выше всякихъ его настоящихъ и будущихъ дерзостей. Неудовольствія ему я, разумѣется, выказывать не стану. Гнѣва моего онъ возбудить не въ состояніи. Ограничиваюсь тѣмъ, что не скрываю отъ В. И. В. до какой степени Разумовскій здѣсь плохо умѣетъ держать себя. Тѣмъ хуже, впрочемъ, для него же самого. Разумѣется я не стану брать на себя трудъ учить его учтивости“ [1]).

Куракинъ хорошо дѣлалъ, что не бралъ на себя подобнаго труда. Всякая попытка такого рода обошлась бы ему дорого. У Разумовскаго всегда было въ запасѣ колкое слово и разумѣется, еслибы дѣло дошло до объясненія, смѣющіеся, по французскому выраженію, были бы всѣ на сторонѣ не Куракина, а Разумовскаго. Вѣнское общество не только не порицало своего стараго любимца, но находило его въ сто разъ любезнѣе и учтивѣе самого Куракина. Теперь своею ненавистью къ Бонапарту, онъ былъ гораздо милѣе, чѣмъ когда онъ былъ посломъ. Все вѣнское блестящее общество по прежнему толпилось на обѣдахъ и музыкальныхъ вечерахъ гостепріимнаго дворца на Ландштрассе, видимо предпочитая приглашенія къ Разумовскому, черезъ чуръ великолѣпнымъ, но крайне скучнымъ, пріемамъ князя Куракина.

Сдавъ всѣ дѣла преемнику, Разумовскій занялся окончательною отдѣлкою своего дворца, надъ которымъ трудился уже 15 лѣтъ, но котораго все еще не успѣвалъ совершенно окончить. Занятія эти не мѣшали ему, однако, зорко слѣдить за политическими дѣлами и пользоваться по прежнему, среди вѣнскаго общества, весьма вѣскимъ вліяніемъ. Мы уже упоминали, что дворецъ Разумовскаго находился въ одномъ изъ предмѣстьевъ города, называемомъ Ландштрассе. Онъ былъ окруженъ сначала невзрачными жилищами и кривыми закоулками. Все это графъ Андрей Кирилловичъ рѣшился измѣнить. Онъ сталъ скупать всѣ сосѣдніе дома. Передъ дворцемъ устроена была красивая площадь, вдоль парка вытянулась прямая улица, а черезъ Дунай переброшенъ былъ красивый каменный мостъ для соединенія дворца съ Пратеромъ, обычною прогулкою вѣнской знати. И улица, и площадь сохранили до нашихъ дней имя графа Андрея Кирилловича (Rasoumovski-Strasse, Rasoumovski platz). Одинъ только мостъ, и то относительно недавно, утратилъ свое прежнее названіе, вслѣдствіе совер-

[1]) Русскій архивъ. 1869. стр. 430—432. Оригиналъ писанъ по французски.

шенной перестройки. Онъ называется теперь мостомъ эрцгерцогини Софіи, въ честь матери нынѣ царствующаго императора австрійскаго. Окружавшій домъ Разумовскаго огромный садъ славился въ Вѣнѣ вкусомъ, съ которымъ онъ былъ разбитъ, рѣдкими своими деревьями и богатствомъ своихъ оранжерей. Подобно отцу и братьямъ, графъ Андрей Кирилловичъ страстно любилъ садоводство. На всѣ эти затѣи, на всѣ площади, улицы, сады и пр. скоро не хватало большого количества земли, первоначально купленной графомъ Разумовскимъ, въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, у наслѣдниковъ графа Монтекуколи, мало-по-малу, одно за другимъ сталъ онъ пріобрѣтать отдѣльныя владѣнія разныхъ мелкихъ сосѣдей, число которыхъ дошло до 27. Покупка нѣкоторыхъ изъ нихъ сопряжена была съ принятіемъ на себя старыхъ процессовъ и, кромѣ того, вѣнскій магистратъ требовалъ ежегодной уплаты городскихъ повинностей за каждое владѣніе отдѣльно. Это подало поводъ къ нескончаемымъ процессамъ, тѣмъ болѣе, что Разумовскій заявлялъ сперва въ качествѣ посла, а впослѣдствіи уже не вполнѣ правильно, какъ русскій дипломатъ въ отпуску, полныя права экстерриторіальности касательно всей недвижимой собственности, которою онъ обладалъ въ Вѣнѣ, и поэтому на отрѣзъ отказывалъ магистрату въ уплатѣ податей. Вѣнскіе эдилы между тѣмъ, присчитывали проценты на проценты за всѣ неуплаченныя подати и, наконецъ, обратились съ мольбою о помощи въ австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ. По этому случаю между Вѣною и Петербургомъ началась безконечная переписка, до того наконецъ всѣмъ надоѣвшая въ Россіи, что испрошенъ былъ Высочайшій указъ, въ силу котораго, строжайше воспрещалось русскимъ дипломатамъ, служащимъ за границею, впредь пріобрѣтать въ тѣхъ странахъ, гдѣ они были окредитованы, недвижимыя имущества.

Разумовскій, однако, съумѣлъ, съ свойственною инымъ расточительнымъ русскимъ барамъ ловкостью, выпутаться на время изъ бѣды. На него жаловались въ Петербургѣ, и списывали на его счетъ цѣлые фоліанты, а онъ по прежнему оставался въ лучшихъ отношеніяхъ со всею вѣнскою знатью, которая еще сама, не исключая даже министровъ, заискивала и нуждалась въ расположеніи бывшаго посла. Окончивъ не безъ труда внѣшность своего жилища, онъ сталъ теперь, съ прежнею расточительностью, заботиться о внутреннемъ его украшеніи. Лучшимъ художникамъ Европы заказывалъ онъ статуи, барельефы, картины, бронзы, мебели и пр. Особенно много работалъ въ то время, по заказамъ Разумовскаго, знаменитый ваятель Канова. Графъ Андрей Кирилловичъ съ юныхъ лѣтъ любилъ окружать себя изящными и художественными предметами. Во время долгой своей дипломатической карьеры въ Неаполѣ, Римѣ, Копенгагенѣ, Шток-

гольмѣ и наконецъ въ Вѣнѣ, не упоминая про Парижъ, который не разъ былъ имъ посѣщаемъ, Разумовскій накупалъ картины старинныхъ мастеровъ, статуи, художественную бронзу, древнюю мебель, гравюры, рисунки, рѣдкія изданія и дорогія рукописи. Онъ страстно любилъ и музыку и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ библіоманомъ; однимъ словомъ, умѣлъ всячески тратить несмѣтныя деньги и потому вѣчно въ нихъ нуждаться. Ко всему этому, годами набранному множеству, ему еще досталось въ наслѣдство отъ отца много драгоцѣнностей, пожалованныхъ обоимъ старшимъ Разумовскимъ Елизаветою I и Екатериною II. Сами старики были охотниками до старины и красивыхъ предметовъ и дома ихъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ славились изяществомъ, съ которымъ были отдѣланы. Между другими предметами не послѣднее мѣсто занималъ, въ вѣнскомъ дворцѣ графа Андрея Кирилловича, писанный во весь ростъ и натуральную величину, портретъ отца его, бывшаго гетмана графа Кирилла Григорьевича. Его снималъ въ Римѣ въ 1766 году, во время пребыванія тамъ графа Кирилла Григорьевича, знаменитый въ свое время художникъ Помпео Баттони (1703+1787) [1]).

Дворецъ Разумовскаго вскорѣ сталъ считаться въ Вѣнѣ однимъ изъ лучшихъ украшеній города. Иностранцы, посѣщавшіе столицу Австріи, считали долгомъ просить у гостепріимнаго хозяина дозволенія полюбоваться сокровищами, его наполнявшими.

„Домъ бывшаго русскаго посла графа Разумовскаго,—повѣствуетъ современникъ,—можно назвать храмомъ искусствъ, до того тамъ много собрано художественныхъ сокровищъ. Едва-ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ, особенно же у частнаго лица, можно найти столько первоклассныхъ предметовъ. Въ одной изъ громадныхъ залъ дворца этого собраны лучшія произведенія старинныхъ школъ живописи. Первѣйшіе мастера имѣютъ здѣсь своихъ представителей. Въ красивой гостиной можно любоваться картинами лучшихъ новѣйшихъ живописцевъ. Особенное вниманіе многочисленныхъ посѣтителей дворца, которымъ графъ Разумовскій любезно разрѣшаетъ осмотръ его, обращаетъ на себя большая зала, въ которой собраны лучшіе образцы новѣйшей скульптуры. Знаменитый Канова занимаетъ здѣсь первое и притомъ самое видное мѣсто. Зала эта по вечерамъ освѣщается бѣлыми алебастровыми лампами, которыя придаютъ особенную прелесть и какъ будто оживляютъ

---

[1]) Портретъ этотъ, послѣ кончины князя Андрея Кирилловича и второй его супруги княгини Константины, рожденной графини Тюргеймъ, достался по наслѣдству племянникамъ послѣдней графамъ того же имени. Нынѣ онъ принадлежитъ австрійскому графу и подданному Камиллу Разумовскому, не признанному въ Россіи, внуку графа Григорія Кирилловича, которому графы Тюргеймы портретъ этотъ недавно уступили.

красоту великолѣпныхъ статуй. Нельзя умолчать и про богатѣйшую библіотеку, единственную по рѣдкости и художественности собранныхъ въ ней изданій, рукописей, рисунковъ и гравюръ. На устройство своего дворца графъ Разумовскій потратилъ огромныя деньги, въ Вѣнѣ даже говорили, что этимъ онъ разстроилъ свое весьма значительное состояніе" [1]).

Въ этихъ хоромахъ любилъ Разумовскій собирать то на вкусные обѣды, то на музыкальные вечера не только цвѣтъ вѣнскаго общества, и всѣхъ нѣсколько замѣчательныхъ иностранцевъ, и всѣхъ людей умныхъ, безъ строгаго разбора ихъ происхожденія, лишь бы они были отъявленными врагами Наполеона. И хорошіе обѣды, и музыкальные вечера, на которыхъ по прежнему игралъ знаменитый Rasoumovsky-quartett, умѣли цѣнить въ Вѣнѣ. Бетговенъ, именно, въ эту пору вступалъ во второй самый блестящій періодъ своего творчества. Странно то, что именно въ это время великій композиторъ становился глухимъ, но чѣмъ сильнѣе злая эта немощь стала одолѣвать его, тѣмъ возвышеннѣе, плодотворнѣе и сильнѣе проявлялся его творческій геній. Никогда еще не достигалъ Бетговенъ такой полноты и оригинальности въ своихъ сочиненіяхъ. Въ это именно время появились лучшіе изъ его концертовъ, квартетовъ, сонатъ и симфоній. Бетговенъ по прежнему продолжалъ быть въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ, котораго квартетъ первый знакомилъ вѣнскихъ меломановъ съ новѣйшими произведеніями любимаго въ Вѣнѣ маестро. Это придавало музыкальнымъ вечерамъ Разумовскаго особенную для любителей музыки, а въ Вѣнѣ всѣ ее любили, и прелесть, и интересъ. Одно изъ лучшихъ въ то время даже произведеній Бетговена, шестая его симфонія, столь извѣстная подъ именемъ пасторальной, онъ долго не могъ рѣшиться кому изъ двухъ лучшихъ друзей своихъ посвятить: графу ли Разумовскому или свояку послѣдняго, князю Лихновскому.

Не желая обидѣть ни того ни другого, онъ обоимъ пріятелямъ посвятилъ, поочередно, отдѣльныя части своей симфоніи. Слава Бетговена росла съ каждымъ новымъ его произведеніемъ, и объ немъ говорила и писала вся музыкальная Европа, но въ то же время денежное его положеніе было самое плачевное. Неудавшіеся обороты его разорили. Отъ скупого и несочувственнаго къ искусствамъ вѣнскаго двора не было Бетговену ни малѣйшей подмоги, не смотря на всю его славу. За то, только-что женившійся, на принцессѣ Виртембергской, уже женатый въ Америкѣ, новый король сочиненной Наполеономъ Вестфаліи, Іеронимъ Бонапартъ, узнавъ о горестномъ по-

[1]) Comte A. de La Garde. Fêtes et souvenirs du congrés de Vienne I. 441.

ложенiи Бетговена, предложилъ ему при Кассельскомъ дворѣ своемъ, мѣсто капельмейстера съ весьма значительнымъ содержанiемъ. Разоренному Бетговену приходилось по неволѣ принять предложенiе новаго короля вестфальскаго. Вѣсть объ отъѣздѣ любимаго маестро смутила всю Вѣну. Всѣ жители ея были въ негодованiи при мысли, что Бетговенъ навсегда покинетъ Австрiю и поступитъ на службу къ брату ненавистнаго всѣмъ Бонапарта. Австрiйскiе магнаты, во главѣ которыхъ стали графъ Разумовскiй и князь Лихновскiй, открыли подписку на составленiе капитала, проценты съ котораго дали бы Бетговену возможность остаться въ Вѣнѣ и отклонить предложенiе Iеронима Бонапарта. Благодаря щедротѣ Лобковичей, Кинскихъ, архiепископа Олмюцкаго, эрцгерцога Рудольфа, и многихъ другихъ богатыхъ магнатовъ вѣнскихъ, которые всѣ болѣе или менѣе были въ то время меломанами, собранъ былъ капиталъ, годовые проценты съ котораго равнялись 4000 флориновъ. Это пожертвованiе старыхъ друзей и почитателей глубоко тронуло Бетговена, онъ, съ благодарностiю, принялъ любезно и умѣло предложенный ему даръ, отказался отъ блестящихъ предложенiй короля вестфальскаго и навсегда остался въ Вѣнѣ.

Но не одна музыка и окончательное устройство дома, не одни прiемы и выѣзды занимали Разумовскаго, съ тѣхъ поръ, какъ, повидимому, окончилось его дипломатическое поприще. Австрiя, не смотря на усиленное свое вооруженiе, попрежнему томилась подъ гнётомъ Наполеоновой политики и съ ужасомъ думала, что, безъ всякаго съ ея стороны участiя, рѣшена будетъ между Россiей и Францiею вся будущая судьба Европы, а пожалуй и всего мiра. Британское правительство съ своей стороны не ожидало ничего для себя добраго отъ совершившагося въ Тильзитѣ союза. Оно старалось возбудить новую войну въ центрѣ Европы и всѣми силами подбивало австрiйскiй дворъ къ открытой враждѣ съ Наполеономъ, не только обѣщая щедро поддержать деньгами, но еще помогать войсками, и, на этотъ разъ, англичане не совсѣмъ обманывали вѣнскiй дворъ, такъ какъ уже въ Португалiи высажены были корпуса генераловъ Дальримпеля и Мура, на подмогу которыхъ готовилась новая отправка войска подъ начальствомъ, столь знаменитаго впослѣдствiи, герцога Велингтона, успѣвшаго уже тогда, подъ именемъ Велезлея, стяжать вполнѣ заслуженную славу своими побѣдами въ Индiи. Для англiйскаго правительства было особенно важно удалять, сколько было возможно, Наполеона изъ Испанiи, зная, что если въ средней Европѣ загорится опять война, императоръ французовъ непремѣнно поспѣшитъ на то мѣсто, гдѣ такъ недавно и такъ блистательно онъ разыгрывалъ роль побѣдителя. Въ поддержку послу сиру Роберту Адеру, англiйскiй ка-

бинетъ высылалъ въ Вѣну лицъ, пользовавшихся въ Лондонѣ большимъ политическимъ значеніемъ. Таковымъ былъ, между прочимъ, упомянутый въ приведенномъ нами выше письмѣ князя Куракина, лордъ Пемброкъ, сейчасъ же послѣ пріѣзда своего сблизившійся, съ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ, и часто его посѣщавшій. Домъ Разумовскаго принималъ все болѣе и болѣе политическій оттѣнокъ. Самъ графъ Андрей Кирилловичъ былъ въ родствѣ съ англійскою знатью. Третья сестра покойной жены его, графиня Каролина фонъ-Тунъ-Гогенштейнъ, вышла замужъ за англійскаго дипломата, лорда Кланвиліама и скончалась два года ранѣе графини Елизаветы Осиповны, оставивъ мужу двухъ дочерей и сына. Близкія отношенія Разумовскаго къ англійскому посольству, родство его съ семействомъ Кланвиліамовъ, оставшимся, послѣ кончины графини Каролины, въ Вѣнѣ, близость къ нему всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Вѣну англичанъ, ясно доказываютъ что онъ принималъ участіе въ переговорахъ между Сенъ-Джемскимъ и вѣнскимъ кабинетами. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ медіатора, къ которому съ обѣихъ сторонъ охотно прибѣгали за совѣтами, да къ тому же, въ его нейтральной гостиной, подъ предлогомъ слушанія новой Бетговенской симфоніи, легче было австрійскимъ министрамъ видѣться и вести тайкомъ переговоры съ пріѣзжими англичанами, чѣмъ принимать ихъ въ своихъ кабинетахъ. Хотя всѣ старались содержать въ глубокой тайнѣ свои переговоры у графа Андрея Кирилловича, однако, гостиная его стала скоро считаться во всей Вѣнѣ центромъ всякихъ интригъ противъ Франціи. И въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ высшими представителями вѣнскаго общества, съ пріѣзжими англичанами и Поццо-ди-Борго, извѣстнымъ своею ненавистью къ Наполеону, и который былъ какъ дома у бывшаго русскаго посла, и, даже гораздо болѣе тамъ, чѣмъ у князя Куракина, стали часто появляться еще въ гостиной Разумовскаго разные публицисты и литераторы и вообще всѣ тѣ, которые раздѣляли воззрѣнія Поццо и самого хозяина относительно Франціи и тогдашняго всемогущаго ея владыки. Завсегдателемъ въ гостиной Разумовскаго снова сталъ старый нашъ знакомый фонъ-Генцъ, только-что возвратившійся послѣ долгаго изгнанія изъ Вѣны, произошедшаго вслѣдствіе настояній французскаго правительства. Разумѣется, графъ Андрей Кирилловичъ не могъ не порадоваться возвращенію этого умнаго и остраго публициста. „Дома графа Стадіона, князя де-Линь и графа Разумовскаго", помѣчаетъ фонъ-Генцъ въ своей записной книгѣ, „не упоминая о другихъ лицахъ, игравшихъ почти такую же первенствующую роль въ Вѣнѣ, посѣщалъ я почти ежедневно" [1]). Вслѣдъ

[1]) Tagebücher v. Friedrich v. Gentz mit einem Vor. u. Nachwort von Varnhagen von Ense. Aus dem Nachlasse Varnhagens. Leipzig. 1861. 8°. ст. 67.

за Генцомъ особенное вниманіе вѣнцевъ обратилъ на себя только что появившійся въ столицѣ Австріи извѣстный писатель Карлъ-Вильгельмъ Шлегель, уже успѣвшій отличиться нетолько какъ блистательный беллетристъ, но еще учеными трудами своими о Греціи, Римѣ и Индіи. Въ описываемую нами эпоху Шлегель обратился въ публициста и наполнялъ нѣмецкія газеты обличительными противъ Наполеона статьями. Хотя историкъ Шлоссеръ и говоритъ, что Разумовскому указалъ на Шлегеля графъ Стадіонъ [1]), однако, весьма вѣроятно, что его представила графу Андрею Кирилловичу знаменитая баронесса Стааль, которая посѣтила Вѣну въ 1807 году, и связана была тѣсною дружбою съ Шлегелемъ. Хотя баронесса Стааль въ письмахъ своихъ къ герцогинѣ Луизѣ Веймарской упоминаетъ только о пріемахъ князя Куракина, но нѣтъ сомнѣнія, что она бывала и у Разумовскаго; какъ преслѣдуемая Наполеономъ, нигдѣ она не была болѣе на своемъ мѣстѣ какъ въ его домѣ. Кромѣ, разумѣется, графа Стадіона, дружба Разумовскаго съ которымъ началась еще въ Швеціи, Генца и Шлегеля, бывалъ еще часто у графа Андрея бывшій ганноверскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Эрнстъ Мюнстеръ, игравшій довольно видную въ то время роль въ Вѣнѣ. Онъ являлся и здѣсь представителемъ своего государя курфирста ганноверскаго, но въ то же время и короля англійскаго Георга III. Не ограничиваясь ролью ганноверскаго посланника, Мюнстеръ исполнялъ еще въ Вѣнѣ тайныя порученія Сенъ-Джемскаго кабинета, которыя могли бы поставить въ затруднительное положеніе англійское посольство при австрійскомъ дворѣ. Такъ, между прочимъ, Мюнстеру, говорятъ, поручено было набирать добровольцевъ для нѣмецкаго легіона, образуемаго въ Англіи съ цѣлью усилить войска, отправляемыя противъ Франціи черезъ Испанію [2]).

Рядомъ съ дипломатами, публицистами и всякаго другого рода политическими противъ Франціи дѣятелями, собирались еще, у Разумовскаго, вѣнскія красавицы, изъ которыхъ многія принимали живое участіе въ политическихъ интригахъ. Среди туземныхъ красавицъ, особенно занимались политикою невѣстка Разумовскаго, княгиня Лихновская, графиня Кауницъ, графиня Врбна и графиня Ферарисъ, къ нимъ вскорѣ еще присоединились, только-что поселившаяся въ Вѣнѣ, молодая соотечественница графа Андрея, княгиня Екатерина Павловна Багратіонъ, рожденная графиня Скавронская. Она была дочерью извѣстнаго чудака, графа Павла Мартыновича Скавронскаго, занявшаго мѣсто графа Андрея Кирилловича въ Неаполѣ, когда послѣдній

1) Schlosser. Geschichte d. XVIII Jahrhunderts. VII. 406.
2) Тамъ же. VII. 407.

переведенъ былъ посланникомъ въ Копенгагенъ. Ея мать, Екатерина Васильевна, рожденная Энгельгардтъ, была племянницею князя Потемкина, и, послѣ смерти своего перваго мужа, вышла во второй разъ замужъ за оберъ-камергера графа Юлія Помпеевича Литта. Молодая графиня Скавронская была выдана за гораздо ея старшаго князя Петра Ивановича Багратіона, любимаго ученика Суворова, который въ войнѣ съ Наполеономъ, среди окружавшихъ его посредственностей, почти одинъ съумѣлъ поддержать прежнюю славу русскихъ генераловъ. Не обладая особеннымъ умомъ и не умѣя оцѣнивать высокихъ качествъ своего славнаго мужа, княгиня Екатерина Павловна съ нимъ скоро разошлась и переѣхала изъ Петербурга на житье въ Вѣну. Она была очень красива, большая щеголиха и отъявленная кокетка. Отъ нея всѣ мужчины въ Вѣнѣ были безъ ума, и, окруженная толпою поклонниковъ, она со страстью предалась политикѣ и стала тоже интриговать противъ вліянія Наполеона между вѣнскими придворными. Впослѣдствіи княгиня Багратіонъ была въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ княземъ Меттернихомъ [1]).

„Съ тѣхъ поръ, какъ Разумовскій перестаь быть представителемъ императора Александра въ Вѣнѣ,—повѣствуетъ историкъ французскій Биніонъ, бывшій, въ описываемое нами время, посланникомъ въ Карльсруэ, въ 1809 году генеральнымъ администраторомъ Австріи, а послѣ посломъ въ Варшавѣ и хорошо знавшій всё, что̀ дѣлалось въ Вѣнѣ,—онъ все-таки продолжалъ представлять ту часть русскаго дворянства, которая не раздѣляла образъ мыслей своего монарха, а почти вся русская знать не раздѣляла этихъ мыслей. Даже тѣ изъ русскихъ, положеніе которыхъ требовало, чтобы они вполнѣ подчинялись волѣ своего владыки, не упускали случая являться въ пріемныхъ бывшаго посла, выказывавшаго самыя антифранцузскія чувства. Хотя въ началѣ своей дружбы съ Наполеономъ, императоръ Александръ и назначилъ преемника графу Разумовскому, однако онъ сего послѣдняго не вызвалъ изъ Вѣны, опасаясь, быть можетъ, что онъ не

[1]) Княгиня Багратіонъ, послѣ долгаго пребыванія въ Вѣнѣ и близкихъ сношеній съ кн. Меттернихомъ, послѣдствіемъ которыхъ была дочь, выданная замужъ за датчанина графа Блома, поселилась въ Парижѣ и долгіе годы провела тамъ, въ своемъ домѣ на Avenue Gabriel около Елисейскаго дворца. Много лѣтъ послѣ кончины кн. Багратіона, она во второй разъ вышла замужъ за англійскаго генерала Карадока, впослѣдствіи лорда Гоудена (Howden). Она, однако, никогда не перемѣнила имени и по прежнему называлась княгиней Багратіонъ. Со вторымъ мужемъ она тоже скоро разошлась. Она скончалась въ глубокой старости въ 1857 году. До конца жизни она любила наряды и одѣвалась, какъ молодая женщина, несмотря на то, что, въ послѣдніе годы, уже не могла ходить и ее возили на креслѣ съ колесами. Послѣдніе годы жизни она была окружена разнаго рода пройдохами самыхъ разнородныхъ народностей.

исполнилъ бы этого приказанія и остался бы тѣмъ не менѣе въ Вѣнѣ. Съ другой стороны, хотя въ столицѣ Австріи всячески льстили Наполеону, однако, лесть эта не доходила до того, чтобы воспретить Разумовскому дальнѣйшее пребываніе въ Вѣнѣ. Подобное рѣшеніе было бы явною невѣжливостью, на которое вѣнское правительство не было способно. Столько времени самое правительство это, вмѣстѣ съ бывшимъ посломъ, ненавидѣло имперскую Францію и съ нимъ же предавалось противъ нея всякимъ ругательствамъ и болѣе или менѣе острымъ шуткамъ, что уже изъ одного приличія нельзя было считать врагомъ такого недавняго соумышленника. Къ тому же всѣ находили крайне удобнымъ и даже пріятнымъ, что въ городѣ, гдѣ всѣ другіе дома оставались закрытыми, былъ хоть одинъ постоянно открытый, гдѣ пріемы были часты, вечернія собранія крайне блестящи. и къ тому же кухня превосходна. Вслѣдствіе всего этого, смѣщённый посолъ, хотя около него и находилось другое назначенное на его мѣсто лицо, все же оставался, какъ для русскихъ, гостившихъ въ Вѣнѣ, такъ и для австрійцевъ, самымъ важнымъ изъ обоихъ. Для австрійцевъ онъ былъ совершенный соотечественникъ. Онъ украшалъ Вѣну своими садами, обогащалъ её блескомъ и роскошью своего дома и казалось даже, что Разумовскій добился въ столицѣ Австріи до правъ гражданства" [1]). Гостиная Разумовскаго все болѣе и болѣе принимала особенное значеніе и слухъ о томъ, что въ его домѣ собираются враги французскому вліянію въ Вѣнѣ сталъ малу-по-малу доходить и до Парижа и вскорѣ раздражилъ самого Наполеона.

Возвратившись изъ Тильзита прямо въ Парижъ, Наполеонъ, какъ казалось, намѣренъ былъ забыть на время о военной своей славѣ и заняться исключительно внутреннимъ устройствомъ своей имперіи. Послѣднія войны, столь долго его задержавшія на сѣверѣ, вдали отъ Франціи, не дозволили ему заняться тѣми реформами, необходимость которыхъ онъ вполнѣ сознавалъ. Нѣсколько мѣсяцевъ исключительно были имъ посвящены серьезнымъ трудамъ на благо Франціи и въ эти мѣсяцы было издано много мудрыхъ постановленій относительно судоустройства, финансовъ и администраціи. Это была несомнѣнно самая блестящая эпоха въ жизни императора Наполеона и Франція, казалось, въ то время вздохнула свободнѣе, надѣясь, что ея предводитель достигъ всего того, чего только могъ желать и что настали, наконецъ, годы мира и спокойствія. Но безпокойный умъ императора французовъ не довольствовался мирными и весьма полезными своими трудами. Мысль о томъ, что Англія, по прежнему, сильна на морѣ

[1]) Bignon, Histoire de France sous Napoléon, т. X, стр. 119 и слѣдующія.

ни на минуту его не покидала, даже въ то время, когда онъ, какъ казалось, исключительно занятъ былъ внутреннимъ благомъ Франціи. Онъ зналъ, что англичане старались и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и даже въ Петербургѣ, всячески противъ него дѣйствовать и мысль сокрушить морскую силу Англіи на материкѣ, все сильнѣе и сильнѣе укоренялась въ вѣчно работавшемъ умѣ Наполеона. Среди самыхъ мудрыхъ постановленій, касательно внутренняго строя Франціи, онъ внезапно рѣшилъ нанести новый ударъ британской торговлѣ и, вслѣдствіе этого рѣшенія, все вниманіе свое сосредоточилъ на юговападной оконечности Европы. То вліяніе, которымъ онъ заручился въ Тильзитѣ, давало ему полное право вѣрить, что петербургскій дворъ вскорѣ нанесетъ жестокій ударъ могуществу Англіи. Всѣ сѣверныя гавани Нѣмецкаго моря были закрыты англійскимъ кораблямъ и дружескія отношенія между Петербургомъ и Парижемъ, а также занятіе Финляндіи русскими войсками, вполнѣ давали надежду Наполеону, что Россія, или, вѣрнѣе Императоръ Александръ I, готовъ вступить въ такъ-называемую континентальную систему.

Наполеонъ, такимъ образомъ, увѣренъ былъ, что Англія лишена всякой возможности вести долѣе торговлю на сѣверѣ Европы. Оставались ей открытыми только гавани Пиренейскаго полуострова, и чтобы закрыть ихъ, онъ, среди общаго континентальнаго мира, занялъ своими войсками не тольто Испанію, но и отдаленную Португалію. Мало-по-малу въ ненависти къ Англіи примѣшались династическія похотѣнія и желаніе развѣнчать послѣднихъ Бурбоновъ. Въ Байоннѣ была разыграна императоромъ французовъ плачевная трагикомедія съ испанскою королевскою семьею, внушавшею, впрочемъ, въ то время къ себѣ, общее презрѣніе Европы. Выродженные испанскіе потомки Людовика XIV, подавшіе такой поразительный примѣръ нравственнаго паденія, нашли однако, среди горъ покинутой ими родины, фанатичныхъ защитниковъ, съ геройствомъ и притомъ какъ-то неуловимо для французовъ, умѣвшихъ бороться за свободу Испаніи. Разбитыя французскими маршалами, испанскія войска разбѣгались и снова немедля собирались, утомляя непрестанными стычками нашедшаго на Испанію непріятеля. Назначить испанскимъ королемъ вызваннаго изъ Неаполя брата своего Іосифа и сломить окончательно то сопротивленіе, которое столь неожиданно проявилось въ Испаніи, закрыть англичанамъ окончательно порты занятой маршаломъ Жюно Португаліи, оказалось совсѣмъ не такъ легко, какъ то думалъ, живя въ Байоннѣ, Наполенъ. Кровавая драма должна была доказать счастливому до сихъ поръ побѣдителю непостоянство земного счастья. Въ Испаніи и Португаліи французскія войска потерпѣли нежданныя и чувствительныя неудачи, окончившіяся капитуляціями при Байленѣ

и при Цинтрѣ. Послѣдняя была особенно тягостна для Наполеона, такъ какъ армія маршала Жюно должна была отступить передъ соединенными англійскими генералами Дальримпелемъ и Муромъ и очистить Португалію.

До сихъ поръ въ Испаніи и Португаліи боролись по преимуществу новобранцы. Наполеонъ рѣшилъ пустить въ ходъ свою старую гвардію, но она въ то время, дожидаясь уплаты наложенной на Пруссію контрибуціи, занимала еще берега Вислы и Нѣмана. Приходилось войска выводить изъ далекой Германіи. Русскому послу графу Петру Александровичу Толстому, которымъ, какъ мы увидимъ далѣе, Наполеонъ былъ не вполнѣ доволенъ, было однако сообщено, что французскія войска вызываются изъ Пруссіи, до полной уплаты военной контрибуціи, только въ угоду Императору Александру. Разумѣется, этому никто не повѣрилъ и даже извѣстія, дошедшія изъ Испаніи до Германіи касательно неудачи французской арміи были весьма преувеличены. На Сѣверѣ Германіи недовольство французскими войсками, ихъ громадными контрибуціями, занятіемъ прусскихъ крѣпостей и военнымъ управленіемъ, становилось съ каждымъ днемъ все сильнѣе. Вездѣ слышался ропотъ, со всѣхъ сторонъ образовались враждебныя французамъ тайныя общества и съ явнымъ удовольствіемъ, а иногда и не безъ ѣдкихъ насмѣшекъ, провожали германцы, и особенно пруссаки, уходящія французскія войска. Но пребываніе этихъ войскъ, удаленію которыхъ такъ радовалось нѣмецкое народонаселеніе, оставило послѣ себя неизгладимые слѣды, имѣвшіе огромное значеніе для германскаго народа, особенно въ Пруссіи. Заклятые враги невольно, сами того не замѣчая, распространяли массу новыхъ понятій, о коихъ до тѣхъ поръ, въ тиши своихъ кабинетовъ, думали одни только германскіе мыслители. Потребность внутренняго перерожденія на новыхъ болѣе свободныхъ основаніяхъ, невольное распространеніе которой несомнѣнно помогало Наполеону, въ его первыхъ нашествіяхъ на Германію, послѣ продолжительнаго занятія завоеванныхъ французами областей, присоединилась къ ненависти, которую возбуждало инородное владычество, и стала все болѣе и болѣе укрѣпляться подъ руководствомъ самыхъ высокихъ по уму германскихъ дѣятелей. Изъ всѣхъ тогдашнихъ германскихъ правителей, одинъ благородный, хотя слабохарактерный, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III съумѣлъ призвать, на пользу общую, выдающагося своими новыми убѣжденіями барона фонъ Штейна. Онъ назначилъ его, живя въ своемъ Мемельскомъ изгнаніи, первымъ министромъ, и баронъ фонъ Штейнъ посѣялъ на омытой, родною и вражескою кровью, почвѣ своей родины, тѣ сѣмена добра, которыя принесли въ будущемъ такіе обильные плоды. Барону фонъ Штейну помогалъ другъ его

генералъ Шарнгорстъ, съумѣвшій обновить прусскую армію, введя въ нее добрыя, смышленыя начала, которыя каждому талантливому и храброму воину открывали путь къ повышенію. Слухъ о реформахъ производимыхъ въ Пруссіи, дошелъ до Наполеона. Онъ потребовалъ отъ прусскаго короля удаленія барона фонъ Штейна и строгости противъ тайныхъ обществъ, о которыхъ ему доносили командовавшіе въ Германіи французскіе генералы. Штейнъ принужденъ былъ покинуть Пруссію и несчастный Фридрихъ-Вильгельмъ, скрѣпя сердце, принялъ противъ тайныхъ обществъ предписанныя ему мѣры, но мѣры эти послужили только къ болѣе глубокому сознанію въ необходимости внутреннихъ реформъ и только увеличили число тайныхъ обществъ и общую ненависть противъ французскаго ига.

Не менѣе ненависти къ Франціи было и на югѣ Германіи, но ненависть эта имѣла совершенно другой характеръ. Система феодальная была гораздо сильнѣе развита на югѣ, гдѣ она опиралась на заблужденіяхъ римскаго католичества и гдѣ проявлялась, не столько противъ Наполеона, сколько, можетъ быть, противъ создавшей его французской революціи. Во главѣ недруговъ Франціи стояли фанатичные защитники папства и тѣ политическіе дѣятели, которые оплакивали паденіе германской имперіи. Лишенные своихъ владѣній князья-епископы и митрованные аббаты, равно какъ и нѣмецкіе принцы, которыхъ Наполеонъ медіатизировалъ, составляли сильную партію, къ которой примкнула вся южная аристократія, разоренная безпрестанными войнами съ Франціею и лишенная, черезъ секуляризацію духовныхъ владѣній, способовъ далѣе обезпечивать меньшихъ сыновъ своихъ. Разумѣется, все это большинство ожидало съ паденіемъ ненавистнаго Наполеона и возврата къ прежнимъ порядкамъ. Вотъ почему нравственная борьба противъ Наполеона и Франціи на югѣ Германіи и даже въ Тиролѣ, гдѣ возстаніе было народное, носила на себѣ сильный консервативный оттѣнокъ. Тѣмъ не менѣе, въ описываемое нами время, всѣ народности Австріи и всѣ классы ея разнородныхъ частей соединились въ одной общей ненависти къ французамъ и впервые, и, кажется, чуть ли не единственный разъ, во всей австрійской исторіи, проглянуло въ этомъ искусственно составленномъ государствѣ, которое нельзя называть отчизною, что-то похожее на патріотизмъ. Графу Стадіону, которому отъ всего сердца хотѣлось освободить австрійскую имперію отъ ига Наполеона, нельзя было разыгрывать при католическомъ дворѣ Габсбурговъ ту же роль, которая при реформатскомъ прусскомъ дворѣ, скромно пріютившемся въ Мемелѣ, пала на долю барону фонъ Штейну. Въ Вѣнѣ еще сильна была аристократія, которую всячески поддерживало еще сильнѣйшее католическое духовенство, подъ вліяніемъ котораго находился императоръ Францъ и всѣ его окружавшіе

эрцгерцоги и эргерцогини. Къ тому же, на югѣ, самъ народъ былъ менѣе развитъ, чѣмъ на сѣверѣ, и, несмотря на долгое пребываніе французовъ, въ данную минуту, среди южныхъ нѣмцевъ, славянъ и венгерцевъ австрійской имперіи, не ощущались еще тѣ новыя потребности и не проникали еще тѣ новыя мысли, которыя нашли себѣ такую плодовитую почву на сѣверѣ Германіи. Тѣмъ не менѣе графъ Стадіонъ, а, подобно ему, и многіе другіе истинные патріоты, готовы были все пожертвовать для того, чтобы избавить Австрію отъ Наполеона и его войскъ. Что настроеніе австрійцевъ было искренное, въ томъ сознается даже такой истый демократъ, каковъ новѣйшій историкъ Наполеона I, г. Ланфре [1]).

Но если ненавистники Франціи въ Вѣнѣ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ по праву принадлежало нашему герою, нашли себѣ защитника въ французскомъ историкѣ Ланфре, то старый его Гейдельбергскій предмѣстникъ, профессоръ Шлоссеръ представляется, наоборотъ, злымъ ихъ обвинителемъ. Обвиненія его, между прочимъ, основаны на клеветѣ. Онъ смѣется надъ тогдашними вѣнцами и особенно надъ другомъ ихъ, такъ радушно ихъ всѣхъ принимавшимъ и угощавшимъ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ, добавляя къ сдѣланной характеристикѣ, представлявшей его пустымъ и тщеславнымъ фатомъ, еще клевету въ воровствѣ. „Разумовскій,—повѣствуетъ гейдельбергскій профессоръ,—уже давно не былъ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, но онъ находился въ самыхъ близкихъ связяхъ съ графомъ Мюнстеромъ, со всею англійскою аристократіею, съ императрицею Маріею Ѳеодоровною и со всѣми дамами австрійской императорской семьи. Въ повидимому, занятому одними пустыми свѣтскими весельями кружкѣ знатныхъ праздношатальцевъ (Müssiggänger), который собирался въ дому Разумовскаго были высижены (ausgeheckt) тѣ планы, которые своими руками долженъ былъ выполнить добрый, нѣмецкій народъ. Тамъ собирались рыцарскіе конспиранты, туда приводилъ графъ Стадіонъ Генцовъ и Шлегелей, которые должны были разжигать къ любви ко всему старому нашъ добродушный и такъ часто обманываемый народъ, туда же явился и Меттернихъ, послѣ своего возвращенія изъ Парижа... Эти господа скрывали свои настоящія намѣренія подъ именами: германство и ненависть къ французамъ и ихъ императору. Къ числу этихъ господъ принадлежало все высокоблагородное общество, которое собиралъ у себя Разумовскій и которое пользовалось трудами Генца и Шлегеля, презрѣнныхъ въ Берлинѣ, какъ пустые (frivolen) и софистическіе защитники всего стараго... У Разумовскаго былъ большой открытый домъ; онъ былъ полу-англича-

[1]) Lanfray. Histoire de Napoléon I. IV.

нинъ и находился въ короткихъ связяхъ съ графами Стадіономъ и Мюнстеромъ, а ими всѣми помыкалъ, какъ хотѣлъ, Поццо ди Борго, извѣстный врагъ Наполеона... Графъ Разумовскій угощалъ все вѣнское общество и старался черезъ посредство красивыхъ барынь поддерживать это общество въ консервативныхъ тенденціяхъ. Стадіонъ ввёлъ Генца въ собственно совершенно ему недоступную гостиную Разумовскаго, гдѣ высшее вѣнское общество занималось кокетствомъ, разыгрываніемъ комедій и балетовъ и всякими другими пустыми свѣтскими затѣями... Разумовскій накупилъ (angekauft) въ 1811 году большія имѣнія и никто не могъ указать, гдѣ онъ могъ для подобныхъ покупокъ доставать деньги. Правда, хотя это подтверждать и трудно, что Сиръ Робертъ Адеръ, дѣлалъ то-же въ Вѣнѣ чего прежде не стыдился дѣлать въ Константинополѣ" [1]).

Все здѣсь сказанное вполнѣ ложно. Во-первыхъ, графъ Разумовскій съ императрицею Маріею Ѳеодоровною ни въ какихъ особенныхъ сношеніяхъ, а тѣмъ болѣе письменныхъ, не состоялъ. Напротивъ, императрица мать на него взирала, вѣроятно, благодаря письмамъ Куракина, не вполнѣ благосклонно. Кромѣ королевы неаполитанской Каролины, Разумовскій ни съ кѣмъ изъ эрцгерцогинъ близокъ не былъ. Генца, какъ мы видѣли выше, онъ зналъ уже давно и не черезъ графа Стадіона съ нимъ познакомился. Намеки на сэръ Роберта Адера и на купленныя Разумовскимъ въ 1811 году большія имѣнія слѣдуетъ пояснить слѣдующими недосказанными, гейдельбергскимъ историкомъ, словами: Разумовскій бралъ у Адера, который, до пріѣзда своего въ Вѣну, не стыдился явно подкупать въ Константинополѣ турецкихъ пашей, англійскія деньги на угощеніе вѣнскихъ жителей и на подстреканіе ихъ противъ Наполеона, а изъ остатковъ этихъ суммъ накупилъ себѣ въ 1811 г. большія имѣнія. Изъ благопріобрѣтеннаго имущества, у графа Андрея Кирилловича, былъ только большой домъ въ Вѣнѣ, извѣстный подъ именемъ Rasoumovsky-Palais; правда, вокругъ этого дома, какъ разсказано было выше, прикупилъ онъ еще 27 разныхъ угодьевъ для проведенія Rasoumovsky-Strasse и увеличенія Rasoumovsky-Platz; но это было все прикуплено задолго до 1811 года и „большими имѣньями" это назвать нельзя. Имѣній, вообще, а тѣмъ болѣе большихъ, графъ Андрей Кирилловичъ не покупалъ никогда, а часто, наоборотъ, ихъ продавалъ. Такъ имъ проданы были всѣ доставшіяся ему отъ родителей имѣнія въ Петербургской, Московской (извѣстное село Хорошево близъ Москвы), Псковской, Владимірской губерніяхъ, въ Выборгскомъ и Немоевскомъ уѣздахъ всего болѣе 7,000 душъ. У него оставался подъ конецъ жизни, какъ

---

[1]) Schlosser. Geschichte des XVIII Juhrhunderts. VII, 406—409, 425, 430.

мы увидимъ, одинъ только Батуринъ, и то заложенный и перезаложенный на суммы, многимъ превосходившія его стоимость. Это было, однако, сдѣлано, по монаршей милости Императоровъ Александра I и Николая I, не забывавшихъ долгой службы Разумовскаго. Всѣ, кто только знавалъ Андрея Кирилловича, а автору приходилось неоднократно бесѣдовать съ близко знавшими его русскими и иностранцами, бывали въ негодованіи отъ намековъ Шлоссера и Биніона насчетъ будто бы получаемыхъ имъ изъ Англіи денегъ. Онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы принимать отъ иностранныхъ государей, даже слишкомъ богатые подарки, не говоря уже о деньгахъ. Всѣ въ то время въ Вѣнѣ и любили, и глубоко почитали Разумовскаго. Сердились, противъ него французы, бывавшіе или жившіе въ Вѣнѣ, за исключеніемъ, рузумѣется эмигрантовъ. Съ графомъ Оттомъ и съ Биніономъ онъ не знакомился, встрѣчаясь съ ними проходилъ мимо, разумѣется, не кланяясь и не удостоивалъ по этому приглашеніемъ къ себѣ. Понятно, что французскіе дипломаты, крайне обиженные полнымъ къ нимъ презрѣніемъ Разумовскаго, старались распространять про него всякія клеветы по Вѣнѣ и постоянно на него жаловались въ Парижъ.

Между тѣмъ, добрыя отношенія между Парижемъ и Петербургомъ продолжались по-прежнему, хотя Наполеонъ не совсѣмъ доволенъ былъ представителемъ Россіи, графомъ П. А. Толстымъ, котораго онъ, однако, при пріѣздѣ его, отмѣнно принялъ въ Фонтенебло. Но графъ Толстой былъ отличный генералъ, крайне прямой и честный, а потому въ дипломаты, сообенно при дворѣ новѣйшей формаціи, не вполнѣ годился. Онъ постоянно напоминалъ о данныхъ въ Тильзитѣ обѣщаніяхъ и предпочиталъ бонапартистамъ общество оппозиціонныхъ жителей Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Французскіе послы въ Петербургѣ, сперва — Савари, герцогъ Ровиго, а вскорѣ вслѣдъ за нимъ, Коленкуръ — герцогъ Виченскій, были принимаемы съ такимъ почетомъ въ Зимнемъ дворцѣ, какого не удостоился ни прежде, ни послѣ ни одинъ дипломатъ. Они всегда имѣли туда доступъ и императоръ Александръ любилъ подолгу съ ними бесѣдовать. Въ этихъ долгихъ разговорахъ безпрестанно вспоминалось тильзитское свиданіе и обѣщанія, на немъ сдѣланныя, касательно Турціи. Время шло, а изъ всего обѣщаннаго одна только Финляндія, и то послѣ трудной войны, досталась Россіи. Коленкуръ, стараясь успокоить Александра Павловича, сталъ понимать, что сочувствіе къ Франціи у Государя начинаетъ слабѣть, къ тому же до него доходили слухи, что англичане и даже австрійцы, указываютъ русскому Императору о возможности присоединить къ Россіи, занятыя его войсками, Дунайскія княжества. Въ то же время Коленкуръ слышалъ отовсюду въ Петербургѣ, что французскія войска потерпѣвали въ Испа-

ніи большія неудачи. Именно въ это трудное для Коленкура время, Наполеонъ, въ виду войны, затѣянной имъ въ Испаніи, которой всячески и деньгами, и высылкою оружія и, наконецъ, подкрѣпленіемъ войска, находившагося подъ командою Велингтона, содѣйствовала Англія, рѣшилъ, что ему необходимо подѣйствовать на Европу блестящимъ свидѣтельствомъ тѣснаго союза своего съ Россіею. Съ этою цѣлью императоръ французовъ, вернувшись изъ Байонны, сталъ гораздо любезнѣе къ графу Толстому, на пріемахъ много съ нимъ говорилъ, завѣрялъ, что всё готовъ сдѣлать для любимаго имъ Императора Александра, ради котораго уже вывелъ войска свои изъ Пруссіи, что окончательно усмиритъ поляковъ и исполнитъ свое обѣщаніе касательно Дунайскихъ княжествъ. Обо всемъ этомъ, однако, необходимо было переговорить лично и потому Наполеонъ предложилъ Александру Павловичу новое свиданіе въ центрѣ Германіи. Между императорами рѣшено было съѣхаться въ Эрфуртѣ и туда высланы были самая дорогая мебель и украшенія парижскихъ дворцовъ. Труппа первыхъ французскихъ актеровъ, съ знаменитымъ Тальма во главѣ, поскакала въ Эрфуртъ для развлеченія союзниковъ. Туда же собрались новые нѣмецкіе короли и несмѣтное множество германскихъ герцоговъ и принцевъ. Одного только императора австрійскаго не было на этомъ блестящемъ собраніи. О немъ какъ будто забыли, такъ какъ Наполеонъ особенно желалъ, чтобы до него, отсутствующаго, дошли слухи о дружбѣ соединяющей, на зло Австріи, двухъ самыхъ сильныхъ властителей Европы. Наполеонъ прискакалъ въ Эрфуртъ, окруженный всѣмъ блескомъ своего двора и многочисленнаго военнаго штаба; въ свитѣ Императора Александра находились только цесаревичъ Константинъ, канцлеръ графъ Румянцевъ, гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой, родной братъ посла, и Сперанскій. При этомъ второмъ свиданіи, роли обоихъ монарховъ какъ будто измѣнились. Въ Тильзитѣ явился Наполеонъ великодушнымъ побѣдителемъ, соблаговолившимъ протянуть дружески руку и избрать себѣ въ союзники императора Александра, войска котораго разбиты были подъ Фридландомъ, въ Эрфуртѣ же тотъ же Наполеонъ у союзника своего нѣсколько заискивалъ. Хотя Александръ Павловичъ, по обыкновенію, былъ крайне учтивъ и привѣтливъ, однако онъ чувствовалъ, что въ данное время онъ необходимъ своему союзнику, и, въ то же время, не забывалъ въ Эрфуртѣ недавнія ему сдѣланныя, совершенно, впрочемъ, отдѣльно, предложенія Англіи и Австріи касательно Дунайскихъ княжествъ. Въ блестящихъ празднествахъ, охотахъ, театральныхъ представленіяхъ и народныхъ смотрахъ протекло свиданіе въ Эрфуртѣ. Молдавія и Валахія остались за Россіею, объ окончательной судьбѣ оттоманской имперіи, на этотъ разъ, между

императорами разговора не было; но со стороны Россіи обѣщана была подмога противъ Англіи, относительно же случая войны между Франціею и Австріею, Александръ Павловичъ, въ виду полнаго молчанія союзника своего касательно будущности Турціи, отозвался въ однихъ общихъ и притомъ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Собственно свиданіемъ въ Эрфуртѣ остался доволенъ только Наполеонъ, вліяніе котораго на императора Александра было уже далеко не такъ сильно, какъ въ Тильзитѣ, несмотря на всю утонченную лесть и все стараніе владыки Франціи окончательно очаровать своего союзника. Александръ Павловичъ покинулъ Эрфуртъ съ нерадостнымъ сердцемъ. Его мучило извѣстіе, сообщенное ему сперва, пріѣхавшимъ съ Наполеономъ въ Эрфуртъ, Талейраномъ о рѣшеніи своего императора развестись съ императрицею Іозефиною, за ея неплодность, и мысль, которую онъ имѣлъ породниться съ русскою императорскою семьею. Въ то время одна только любимая сестра государя великая княжна Екатерина Павловна могла быть невѣстою и тяжко казалось державному брату жертвовать дорогою сестрою ради тщеславія этого сильнаго, но уже не столь заманчиваго и симпатичнаго, какъ прежде, союзника, мечтавшаго о созданіи новой династіи. Мысль объ этомъ тѣмъ болѣе была тяжела, что Александръ Павловичъ вполнѣ зналъ твердый характеръ своей родительницы, никогда бы не согласившейся выдать дочь свою за проходимца, пролившаго столько человѣческой крови ради своего самолюбія и тщеславія. Однако, онъ съумѣлъ, съ обычною ловкостью, отдѣлаться отъ прямого отвѣта и уѣхалъ изъ Эрфурта, наградивъ союзника самыми любезными изъявленіями, но не давъ ни малѣйшаго обѣщанія, касательно предложеннаго Талейраномъ сватовства. Не успѣлъ Императоръ Александръ Павловичъ вернуться въ Петербургъ, какъ Императрица Марья Ѳеодоровна объявила ему, что великая княжна сосватана за принца Георгія Гольштейнъ-Ольденбургскаго и, въ самомъ дѣлѣ, черезъ 4 мѣсяца, 18-го апрѣля 1809 года, состоялась заранѣе объявленная свадьба. Въ Эрфуртѣ было однако рѣшено, что графъ Толстой уже въ Парижъ не вернется, и на его мѣсто назначенъ былъ князь А. Б. Куракинъ. Такъ какъ отношенія между Россіею и Австріею были нѣсколько натянуты, то на мѣсто Куракина не было назначено преемника. Самъ же Куракинъ не спѣшилъ отъѣздомъ изъ Вѣны, вслѣдствіе того, что изъ Эрфурта, вслѣдъ за Наполеономъ, поѣхалъ въ Парижъ самъ графъ Румянцевъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, часто видаясь съ княземъ Меттернихомъ, который былъ въ то время представителемъ Австріи при Наполеонѣ. Наполеонъ, стараясь обольстить Румянцева, не щадилъ ни любезностей, ни подарковъ и удерживалъ его въ Парижѣ, хотя самъ и спѣшилъ въ Испанію, гдѣ дѣла шли плохо. Но присутствіе его не-

привело къ добру. Французскія войска одерживали только полу-успѣхи. Такой ходъ войны сильно вліялъ на могучее обаяніе, которымъ Наполеонъ владѣлъ надъ Европою. Не предвидя на Пиренейскомъ полуостровѣ вѣрнаго успѣха, онъ рѣшился побить Испанію въ Европѣ и для этого внезапно рѣшился начать войну съ столько уже разъ побиваемою имъ Австріею.

Съ этою цѣлью Наполеонъ вернулся въ Парижъ и засталъ еще тамъ графа Румянцева. Въ то же время успѣлъ прибыть и Куракинъ, а въ Вѣнѣ оставался повѣреннымъ въ дѣлахъ Отто. Со стороны вѣнскаго двора былъ отправленъ въ Петербургъ князь Шварценбергъ, въ надеждѣ вымолить у императора Александра союзъ и руку великой княжны Екатерины Павловны для одного изъ эрцгерцоговъ, по выбору самого императора. Съ своей стороны, графъ Румянцевъ докладывалъ государю, что Наполеонъ, готовясь къ войнѣ съ Австріею, просилъ отъ Россіи только сильной военной демонстраціи на австрійскихъ границахъ. Миссія Шварценберга была неудачна, война вскорѣ загорѣлась и подъ Регенсбургомъ австрійская армія была разбита наголову. Никогда, говоритъ Ланфре, военный геній Наполеона не выказывался столь великимъ, столь въ себѣ увѣреннымъ и столь умѣлымъ въ составленіи плана и въ исполненіи его.

Вѣна была снова занята французами. Какъ видно изъ донесеній русскаго повѣреннаго Отто, который представилъ въ Петербургъ подробный списокъ всѣхъ русскихъ въ то время находившихся въ Вѣнѣ, графа Андрея Кирилловича не было въ столицѣ Австріи, во время вторичнаго на нее нашествія французскихъ войскъ. Вѣроятно, вслѣдъ за императорскимъ дворомъ, и Разумовскій бѣжалъ въ Венгрію, оставя въ добычу Наполеоновымъ полчищамъ великолѣпный дворецъ свой на Ландштрассе. Императоръ французовъ не забылъ, прибывъ въ Вѣну, всѣхъ жалобъ, переданныхъ ему Андреосси, а за нимъ графомъ Отто [1]) на Разумовскаго и по его приказанію дворецъ былъ занятъ французскими войсками. Пріѣхавшій, однимъ изъ первыхъ, въ Вѣну, послѣ выхода французовъ, пріятель Разумовскаго Фридрихъ фонъ Генцъ заноситъ въ свой дневникъ: „Бонапартъ наноситъ здѣсь всяческія обиды и тиранства. Онъ многихъ посадилъ подъ арестъ.... и ужасно злоупотребляетъ (il maltraite extrêmement) домомъ графа Разумовскаго" [2]).

Но въ то время, когда Наполеонъ стомщалъ на графѣ Андреѣ Кирилловичѣ вражду къ себѣ всей Германіи, судьба готовила ему въ самыхъ близкихъ окрестностяхъ Вѣны жестокій урокъ. Знаменитое

[1]) Французскій посолъ, преемникъ Андреосси съ 1809 года, онъ былъ пожалованъ Наполеономъ графомъ де Мозлои (de Mosloy).

[2]) Tagebücher v. Fr. v. Gentz mit einem Vor. u. Nachwort v. Varhagen v. Ense стр. 110.

побоище, называемое австрійцами Асперномъ, а французами Эслингеномъ, было, несмотря на показанія французовъ, несомнѣнною побѣдою эрцгерцога Карла и для Австріи своего рода Бородинымъ, которое, однако, Габсбургская имперія дорого искупила, черезъ сорокъ дней, Ваграмскимъ погромомъ.

Не въ нашей программѣ описывать всѣ странности этой австрійской войны: пребываніе Меттерниха въ Парижѣ, въ то время, какъ Наполеонъ побивалъ австрійскія войска подъ Экмюлемъ и Регенсбургомъ, его назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто Стадіона, сейчасъ же послѣ ваграмскаго погрома и, наконецъ, Шенбрунскій миръ, заключенный не имѣвшимъ никакихъ полномочій фельдмаршаломъ княземъ Іоганномъ фонъ-Лихтенштейномъ, въ силу котораго Австрія теряла около пяти милліоновъ жителей. Шенбрунскій или вѣрнѣе вѣнскій миръ былъ купленъ при такихъ унизительныхъ условіяхъ, что стыдъ, недовольство и національная ненависть къ Франціи еще болѣе усилились въ Вѣнѣ, а очищенный и наскоро исправленный, дворецъ Разумовскаго сталъ больше, чѣмъ когда-либо, сборнымъ мѣстомъ всѣхъ недовольныхъ и всѣхъ антагонистовъ Франціи. Князь Меттернихъ очень сблизился съ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ. „У него (т. е. Меттерниха) нѣтъ другого общества, какъ то которое, собирается у Разумовскаго“, повѣствуетъ Биніонъ, „у него находилъ онъ себѣ союзниковъ, друзей и предметъ тайныхъ вздоховъ (княгиню Багратіонъ). Связь между министромъ и бывшимъ посломъ дѣлалась изо-дня въ день все ближе. Когда у русскаго амфитріона, вечеромъ, представлялся балетъ, то по-утру репетиціи этого балета происходили у Меттерниха въ государственной канцеляріи. Въ этомъ обществѣ все было антифранцузское. Разумовскій содержалъ агентовъ, которые путешествовали по Германіи и присылали ему отовсюду извѣстія. Лѣтомъ онъ уѣзжалъ изъ Вѣны, и обыкновенно теплые мѣсяцы проводилъ близъ Эгера въ Франценсбрунѣ; но его агенты были въ то время въ Карлсбадѣ, въ Теплицѣ, въ Баденѣ (близъ Вѣны). Эти агенты были всѣмъ извѣстны, и намъ грустно признаться, что между ними были и французскіе эмигранты“ [1]).

Мы упомянули выше, что Наполеонъ сперва черезъ Талейрана, а потомъ и самъ вошелъ съ императоромъ Александромъ въ переговоры относительно брачнаго союза съ россійскою императорскою семьею. Переговоры эти продолжались черезъ Коленкура и послѣ брака великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ; но теперь посолъ императора французовъ сталъ сватать своего

---

[1]) Bignon. Histoire de France sous Nopoléon I. X. 128 и слѣдующія страницы.

владыку за малолѣтнюю великую княжну Анну Павловну. Это дѣло велось Коленкуромъ рядомъ съ переговорами о конвенціи относительно Польши. Часть Галиціи, вслѣдствіе вѣнскаго мира, отошла къ Россіи и Наполеонъ обѣщалъ, что о возстановленіи Польши никогда не будетъ рѣчи и что даже имя это не будетъ долѣе употребляться въ оффиціальныхъ бумагахъ. Разумѣется, что Александръ Павловичъ все вниманіе свое обратилъ на конвенцію, а касательно сватовства, постоянно откладывалъ рѣшительный отвѣтъ, указывая каждый разъ, въ разговорахъ своихъ съ французскимъ посломъ, на новыя затрудненія. Между тѣмъ, въ Парижѣ, при наполеоновомъ дворѣ, образовалась партія, вѣрная старымъ преданіямъ о союзѣ съ Австріею, которая старалась склонить своего императора къ родству съ Габсбургами. Продолжая свои переговоры съ русскимъ дворомъ, Наполеонъ успѣлъ однако заручиться согласіемъ австрійскаго императора, внезапно объявилъ разводъ свой съ императрицею Жозефиною и новую женитьбу свою на эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ. За этотъ бракъ въ Вѣнѣ сильно стоялъ князь Меттернихъ, къ которому успѣлъ уже пристроиться Фридрихъ фонъ-Генцъ. Въ Вѣнѣ, при первыхъ извѣстіяхъ о такомъ невозможномъ бракѣ, образовалась цѣлая оппозиціонная партія, къ которой, разумѣется, принадлежалъ и Разумовскій. „Я обѣдалъ у княгини Багратіонъ,—повѣствуетъ Генцъ въ своемъ дневникѣ, —а потомъ заѣхалъ навѣстить Разумовскаго; тамъ я засталъ большой съѣздъ членовъ оппозиціи. Княгиня Эстергази неистово (tonnant contre) кричала противъ архіепископа вѣнскаго и противъ всѣхъ тѣхъ, которые смотрѣли на бракъ, какъ на что-то необходимое. Самъ Разумовскій со мною обошелся съ видимою холодностью“ [1]).

Графъ Отто изъ Вѣны и Биніонъ изъ Варшавы продолжали жаловаться Наполеону на Разумовскаго и на ту враждебную ему партію, которая собиралась въ его домѣ. Безпрестанныя эти жалобы обратили на себя, наконецъ, его вниманіе и, уже не находя нужнымъ быть угоднымъ русскому правительству, онъ предписалъ своему тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, герцогу Кадорскому, сдѣлать строгое внушеніе русскому послу князю Куракину.

„Я долженъ просить в. с.,—писалъ отъ 10-го сентября (нов. ст.) 1810 года къ князю Куракину Шампаньи,—сообщить вашему правительству, что въ Вѣнѣ завелось общество, (une coterie), составленное изъ русскихъ и изъ иностранцевъ, объявляющихъ себя на русской службѣ; члены этого общества выдаютъ себя за друзей англичанъ, за зачинщиковъ континентальной войны, факелы которой они снова же-

[1]) Togebücher v. Fr. v. Gentz mit... Aus. d. Nachlasse Farhagen's v. Ense стр. 234.

лають разжечь, за враговъ мира и спокойствія континентальной Европы. Уже два раза удалось этому обществу разжигать войну и это снова сдѣлалось цѣлью его святотатственныхъ усилій и интригъ. Во главѣ этого общества находится бывшій посолъ въ Вѣнѣ, графъ Разумовскій. Императоръ русскій можетъ оказать весьма пріятную услугу (une chose agréable) французскому правительству, вызвавъ изъ Вѣны подобныхъ лицъ и предписавъ имъ жить каждому у себя на родинѣ, въ своемъ имѣніи. Франція не можетъ просить удовлетворенія отъ вѣнскаго двора, такъ какъ эти лица носятъ званіе русскихъ офицеровъ и чиновниковъ. Франція, Австрія и самъ русскій Императоръ не имѣютъ большихъ враговъ, чѣмъ эти интриганы“.

„Я только сейчасъ получилъ письмо в. пр. отъ сегодняшняго утра,—спѣшилъ отвѣтить Шампаньи князь Куракинъ,—и, не теряя времени, спѣшу васъ увѣрить, что немедля перешлю его къ моему двору, испрашивая приказанія насчетъ отвѣта, который я вамъ долженъ буду дать. Долгомъ считаю выразить вамъ крайнее мое удивленіе касательно поведенія князя Багратіона и увѣрить васъ заранѣе и притомъ самымъ положительнымъ образомъ, что образъ дѣйствій князя Багратіона совершенно противенъ желаніямъ и чувствамъ императора, моего государя [1]). Поведеніе, приписываемое графу Разумовскому, не менѣе меня изумляетъ. Я его зналъ очень близко, какъ человѣка совершенно удалившагося отъ дѣлъ. Онъ уже политикою не занимается и ничто его къ этому теперь не призываетъ. Мнѣ трудно повѣрить, что, зная какъ онъ долженъ знать чувства и убѣжденія нашего Государя, онъ могъ бы заниматься, вмѣстѣ съ соотечественниками или же съ старыми служителями Россіи, живущими въ настоящее время въ Вѣнѣ, или по болѣзни, или же вслѣдствіе личныхъ привычекъ, такими противными долгу и ничтожными по исходу своему предпріятіями. Самое письмо в. пр. будетъ представлено Государю Императору. Е. И. В., который находитъ такое искреннее удо-

---

[1]) Въ началѣ приведеннаго нами письма отъ герцога Кадорскаго, упоминалось о томъ, что, будучи въ Вѣнѣ, вѣроятно, для свиданія съ женою, князь Багратіонъ и адъютантъ его имѣли сношенія съ молодымъ чиновникомъ французскаго консульства Игарри (Y'Harri). Этотъ чиновникъ состоялъ при персидскомъ послѣ, который возвращался черезъ Вѣну изъ Парижа. Въ Вѣнѣ онъ нежданно бѣжалъ отъ посла и былъ задержанъ по требованію французскаго консульства въ Бухарестѣ. Въ бумагахъ его нашлось одно собственноручное письмо князя Багратіона по-французски, долженствовавшее служить Игарри вмѣсто паспорта и два письма по-русски, писанныя же княземъ Багратіономъ, одно къ графу Каменскому, а второе къ русскому же генералу, фамилія котораго не выставлена. Въ обоихъ письмахъ Игарри описывался какъ дезертиръ, желающій поступить на русскую службу и имѣющій у себя весьма важныя бумаги. Шампаньи требовалъ суда противъ князя Багратіона за подобное поведеніе, столь несогласное съ видами и намѣреніями русскаго правительства.

вольствіе въ исполненіи всего, что можетъ только быть пріятно его высокому другу и союзнику, и доказывать тѣ чувства, которыя онъ къ нему питаетъ, не пропуститъ случая это лишній разъ доказать и несомнѣнно приметъ всѣ тѣ мѣры, которыя будутъ въ состояніи еще разъ въ этомъ убѣдить его императорское и королевское величество".

Куракинъ въ это время былъ еще боленъ отъ послѣдствій ушибовъ, полученныхъ имъ на балѣ, данномъ, по случаю свадьбы Наполеона съ императрицею Маріею-Луизою, австрійскимъ посломъ княземъ Шварценбергомъ. Среди бала танцовальная зала загорѣлась. Всѣ бросились бѣжать. Князя Куракина, который былъ высокъ и тученъ, и очень слабъ на ногахъ, благодаря вѣчно томившей его подагрѣ, въ то время какъ онъ хотѣлъ помочь спасавшимся дамамъ свалили съ горящихъ ступень залы. Его спасъ человѣкъ, потянувшій его за ноги, при чемъ сгорѣли всѣ его волосы и кожа на лбу, на рукахъ и на ногахъ. Его еле живого привезли въ русское посольство. Парчевое платье спасло его отъ огня, но по немъ прошло много народу, бока были совсѣмъ избиты, а обжоги очень болѣзневы. Невѣстка австрійскаго посла княгиня Шварценбергъ, рожденная княжна Аренбергъ, погибла во время пожара. Въ тотъ же день скончалась отъ ранъ жена русскаго консула Лабенскаго [1]). Когда князю стало немного лучше, доктора предписали ему деревенскій воздухъ и Куракинъ нанялъ себѣ въ окрестностяхъ Парижа, близъ Нейльи, замокъ Клиши. Такъ какъ онъ ничего просто не умѣлъ дѣлать, то для перехода своего на дачу онъ затѣялъ цѣлую процессію. Всѣ лакеи его шли попарно, младшіе впереди, потомъ слѣдовалъ онъ самъ, несомый на золотомъ креслѣ, облеченный въ широкій бархатный шлафрокъ съ соломенною шляпою на головѣ. За кресломъ шли всѣ члены посольства, а шествіе замыкали частные секретари князя и его камердинеры. Весь Парижъ говорилъ объ этой процессіи. Не удовольствовавшись такою выходкою, князь Куракинъ заказалъ еще гравюру черною манерою, которая стала очень теперь рѣдка, на которой онъ представленъ въ профиль, лежащимъ въ шлафоркѣ на кушеткѣ съ обвязанною рукою. Подъ гравюрою подпись:

Le Prince Alexandre Kourakin dans son étât de Lazare de l'écriture Sainte à Paris, en Aout 1810.

„Прилагаю при семъ,—доносилъ, отъ 30-го августа 1810 г., изъ замка Клиши, канцлеру графу Румянцеву, больной Куракинъ,—письмо или ноту, мною сейчасъ полученную, отъ герцога Кадорскаго. В. С., прочитавъ его, поймете, что я долженъ ожидать повелѣній Государя касательно требуемаго отъ меня отвѣта на жалобы, въ письмѣ изло-

---

[1]) Memoires documents et écrits laissés par le Prince de Metternich, chancelier de cour et d'état. publiés par son fils le P-ce Richard de Metternich. Paris. 1880—84.

женныя. Признаюсь, что жалобы эти кажутся мнѣ крайне преувеличенными и я увѣренъ, что онѣ не вполнѣ заслужены. Хотя я не могъ дать теперь герцогу Кадорскому прямого отвѣта, однако, я счелъ долгомъ сейчасъ же написать ему, что если лица, на которыхъ онъ указываетъ въ своей оффиціальной ко мнѣ нотѣ, на самомъ дѣлѣ заслужили упреки, на нихъ возводимые, то нѣтъ сомнѣнія, что подобное, съ ихъ стороны, поведеніе окажется во всѣхъ отношеніяхъ противнымъ всѣмъ извѣстному образу мыслей и намѣреніямъ Государя Императора. Въ отвѣтѣ моемъ, копію съ котораго при семъ прилагаю, я не скрылъ отъ герцога Кадорскаго моего удивленія относительно жалобъ, возводимыхъ на графа Андрея Разумовскаго, и я взялъ на себя трудъ его всячески оправдать, увѣренный въ томъ, что онъ, вышедъ въ отставку и сознавая всю силу своихъ обязанностей относительно своего Государя, не способенъ впутываться недостойнымъ и совершенно непроизводительнымъ образомъ въ дѣла политическія... Я могъ бы въ отвѣтѣ своемъ герцогу Кадорскому выразить недовѣріе къ изложеннымъ въ нотѣ фактамъ и потребовать болѣе положительнаго ихъ подтвержденія. Я этого однако не сдѣлалъ, вслѣдствіе принятаго мною рѣшенія, всячески избѣгать всего того, что можетъ привести къ новымъ препирательствамъ и распространенію натянутости въ отношеніяхъ между двумя императорскими дворами, особенно въ то время, когда, со стороны Франціи, проявляются признаки настроенія, далеко не соотвѣтствующіе той дружбѣ и тому единству въ дѣйствіяхъ, на которыхъ основана нынѣшняя политическая наша система, и когда Франція уже и такъ готова недружелюбно принять все то, что предлагаетъ Россія. По искреннему моему убѣжденію, ничто, въ настоящее время, такъ не необходимо, какъ забота о тщательной остановкѣ проявляющихся начатковъ охлажденія между обоими императорскими дворами. Мнѣ кажется, что, прилагая всѣ свои старанія къ ихъ отдаленію, я вѣрно служу августѣйшему нашему Монарху, ибо кто можетъ сказать къ чему могутъ привести подобныя столкновенія". Обративъ вниманіе Румянцева на жалкое финансовое положеніе Россіи и на ослабленіе ея арміи, вслѣдствіе войнъ съ Наполеономъ и неконченной еще войны съ Турціею, Куракинъ предупреждалъ, что, въ случаѣ новаго разрыва съ Франціею, придется бороться не съ нею одною, но еще съ соединенными силами Германіи и Польши, къ которымъ, несомнѣнно, присоединится и Австрія. Въ заключеніе своей депеши посолъ замѣчаетъ: „Считаю долгомъ болѣе чѣмъ когда-либо заботиться здѣсь о поддержаніи согласія между Россіею и Франціею. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія былъ написанъ мною отвѣтъ къ герцогу Кадорскому".

Письмо Шампаньи сильно подѣйствовало на Куракина. Несмотря

на болѣзненное свое состояніе, онъ рѣшился самъ изъ загороднаго дома своего отправиться къ министру иностранныхъ дѣлъ для личныхъ съ нимъ переговоровъ. Двое служителей поддерживали, при выходѣ изъ кареты, израненнаго и тучнаго посла, и съ трудомъ ввели его въ кабинетъ герцога Кадорскаго. Вошедъ къ министру, посолъ объявилъ ему, что онъ былъ крайне пораженъ и особенно огорченъ полученнымъ отъ него заявленіемъ. Въ виду той огласки и того значенія, которыя придавали при дворѣ Наполеона всему этому дѣлу, Куракинъ счелъ необходимымъ лично объясниться съ Шампаньи и вторично завѣрить, что онъ представилъ уже обо всемъ этомъ въ Петербургъ. Потомъ начались между обоими дипломатами длинныя и не вполнѣ ясныя, со стороны Шампаньи, объясненія насчетъ жалобы на князя Багратіона. Что же касалось до лицъ, находившихся въ Вѣнѣ, живущихъ тамъ ради здоровья или частныхъ своихъ дѣлъ и находящихся или же прежде считавшихся на службѣ Россіи, то Куракинъ замѣтилъ герцогу, что даже если лица эти и позволяли себѣ, въ тѣсномъ кругу друзей своихъ, кое-какія не вполнѣ благосклонныя французскому правительству рѣчи, то значеніе этихъ рѣчей до того ничтожно и онѣ такъ мало могутъ повліять на политическую систему русскаго двора, что рѣшительно онѣ не стоятъ никакого вниманія и гораздо лучше было бы ими вовсе не заниматься. На это Шампаньи отвѣтилъ, что образъ дѣйствій упомянутыхъ лицъ былъ не только враждебный Франціи, но еще и въ тягость самому вѣнскому двору. Интриги и непозволительные слухи, распространяемые этими господами, давно уже утомили терпѣніе австрійскаго правительства, которое не изгоняло ихъ изъ Вѣны, только изъ деликатности къ русскому двору и въ полной надеждѣ, что онъ самъ остановитъ подобныя непозволительныя дѣйствія. Видя, что увѣщанія его плохо дѣйствуютъ на французскаго министра, Куракинъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ и съ похвалою сталъ распространяться о благополучномъ избраніи маршала Бернадота въ наслѣдные принцы шведскіе" [1]).

Въ другихъ своихъ письмахъ къ Румянцеву князь Куракинъ сообщилъ ему, „что Наполеонъ любитъ знать все то, чтò происходитъ за границею до малѣйшихъ подробностей, не считая ни единаго слова, какъ бы ничтожно оно ни было, недостойнымъ своего вниманія. Онъ любитъ и обращаетъ особенное вниманіе на анекдотическую часть донесеній представителей своихъ за границею; разумѣется, послѣдніе спѣшатъ польстить вкусу своего властелина и набиваютъ свои депеши часто выдумками. Оказалось, что одною изъ главныхъ причинъ жа-

---

[1]) Государственный архивъ. Депеша Куракина Румянцеву изъ шато де-Клиши отъ 2-го сентября 1810 г.

лобы французскаго министра иностранныхъ дѣлъ былъ рапортъ, привезенный изъ Вѣны секретаремъ тамошняго посольства Лагранжемъ, въ которомъ находилась масса сплетенъ о томъ, что дѣлалось въ столицѣ Австріи и, между прочимъ, передавалось, разумѣется, съ крайнимъ преувеличеніемъ все то, что говорилось въ гостиной графа Андрея Кирилловича [1]).

На жалобы герцога Кадорскаго въ Петербургѣ не обращали вниманія и Разумовскій по-прежнему принималъ своихъ единомышленниковъ, въ числѣ которыхъ, вѣроятно, рѣже стали бывать и князь Меттернихъ и преданный ему Генцъ. Какъ первый министръ и устроитель близкаго родства между Наполеономъ и императоромъ Францомъ Меттерниху уже невозможно было безпрестанно посѣщать явнаго врага зятя своего государя. Наполеонъ, съ своей стороны, не разъ жаловался новому любимцу императора Александра Павловича флигель-адъютанту и полковнику А. И. Чернышеву, присланному съ экстренной миссіею въ Парижъ, на то, что представленія его о графѣ Разумовскомъ не бывали вовсе принимаемы во вниманіе и что не много бы стоило Его Величеству удовлетворить его, не досаждая ему уклончивыми отвѣтами [2]).

---

[1]) Тамъ же. Тоже, отъ 5-го сентября.

[2]) Сборникъ Имп. Русскаго Общества. Т. XXI. 21. Донесенія полковника А. И Чернышева Императору Александру Павловичу.

ГЛАВА XI.

Послѣдствія брака Наполеона. — Недоразумѣнія между Россіею и Франціею. — Миссія графа Шувалова въ Вѣну. — Назначеніе графа Штакельберга посланникомъ въ Вѣну.—Разрывъ съ Франціею. — Война 1812 года.—Разумовскому поручено послѣ пожара Москвы и отступленія Наполеона вступить въ переговоры съ вѣнскимъ дворомъ.—Переписка его съ графами Румянцовымъ и Нессельроде.—Отношенія Россіи къ Пруссіи и Австріи.—Письмо Поццо-ди-Борго. — Новыя побѣды Наполеона. — Пражскій конгрессъ.—Письма графа Гарденберга. — Австрія приступаетъ къ коалиціи противъ Наполеона. — Разумовскій въ свитѣ Императора Александра во время похода на Францію.

Женившись на эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ, Наполеонъ совершенно измѣнилъ свои отношенія къ вѣнскому двору. Князь, тогда еще графъ [1]), Меттернихъ, долго состоявшій при императорскомъ французскомъ дворѣ въ качествѣ посла, съумѣлъ съ обычною ему ловкостью заслужить особенную благосклонность императора французовъ. Когда, какъ мы видѣли выше, объявлена была война съ Австріею, Меттерниха изъ Парижа не выпускали и онъ остался тамъ, пользуясь совершенною свободою, пока не вызванъ былъ въ Вѣну самимъ Наполеономъ, успѣвшимъ, между тѣмъ, послѣ Регенсбурго-Экмюльскаго погрома, снова занять столицу Австріи. Здѣсь Меттернихъ, считавшійся военноплѣннымъ, спокойно жилъ въ своемъ домѣ, а жена его продолжала пребывать въ Парижѣ, пользуясь любезностію французскихъ властей. Когда, наконецъ, Меттерниха обмѣнили на захваченнаго австрійцами въ плѣнъ графа Отто, его сейчасъ же императоръ Францъ назначилъ на мѣсто вышедшаго въ отставку графа Стадіона, первымъ министромъ и въ этомъ званіи онъ началъ въ Альтенбургѣ переговоры о мирѣ съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Маре, герцогомъ Бассано. Наполеонъ однако переговоры эти прервалъ, объявивъ, что онъ дипломатамъ не довѣряетъ и потребовалъ къ себѣ, въ Шенбрунъ, фельдмаршала князя Лихтенштейна. Хотя послѣдній пріѣхалъ, безъ всякихъ полномочій отъ своего государя, императоръ французовъ съумѣлъ навязать ему суровыя условія вѣнскаго мира. Когда этотъ миръ былъ окончательно заключенъ и Наполеонъ вернулся въ Парижъ, онъ еще засталъ тамъ княгиню Меттернихъ и черезъ нее

[1]) Такъ какъ отецъ его князь Меттернихъ былъ еще живъ.

началъ переговоры о сватовствѣ своемъ съ эрцгерцогинею Маріею-Луизою. Это было затѣяно въ то самое время, когда того же Наполеона Коленкуръ сваталъ, по его же приказанію, за пятнадцатилѣтнюю сестру Императора Александра, Великую Княжну Анну Павловну. Узнавъ отъ жены о такихъ неожиданныхъ помышленіяхъ владыки Франціи, Меттернихъ за нихъ ухватился, какъ за единственный способъ хоть нѣсколько поднять униженную вѣнскимъ миромъ имперію Габсбурговъ, а въ то же время положить конецъ столь невыгодному для Австріи тѣсному союзу между Россіею и Франціею. Не смотря на извѣстную ненависть всего Габсбургскаго дома къ Наполеону новый министръ успѣлъ въ короткое время заручиться согласіемъ не только императора, но и эрцгерцогини и, не теряя времени, поспѣшилъ извѣстить о томъ Наполеона. Императоръ французовъ отвѣтилъ на это предложеніемъ, не дождавшись даже извѣстій изъ Петербурга. Меттернихъ же сталъ оказывать самую искреннюю привязанность къ представителю Наполеона при вѣнскомъ дворѣ—графу Отто, а къ Разумовскому сталъ гораздо холоднѣе.

Со стороны Россіи не существовало уже прежней вѣры въ тюилерійскій кабинетъ. Эрфуртское свиданіе не только не укрѣпило тильзитское чарующее впечатлѣніе Наполеона на Императора Александра Павловича, но, наоборотъ, ослабило его. О Турціи, со стороны императора французовъ, все менѣе и менѣе упоминалось въ переговорахъ съ русскими дипломатами. Непрестанные намёки изъ Парижа о континентальной системѣ надоѣдали въ Петербургѣ. Довѣріе къ союзнику стало слабѣть, а та безцеремонность съ которою Наполеонъ распоряжался Европою, все болѣе и болѣе возбуждала недовольство Александра Павловича. Одна только Россія держала себя въ то время, говоритъ Ланфре, относительно Франціи какъ государство независимое, отказываясь повиноваться декретамъ, о которыхъ съ нею не совѣтовались, и объявляя при этомъ, что обязана соблюдать только то, что обѣщано было ею въ Тильзитѣ [1]). Хотя Императоръ Александръ вовсе не намѣренъ былъ жертвовать своею сестрою ради союза съ Наполеономъ, тѣмъ болѣе, что его родительница никогда бы на подобное замужество своей дочери не согласилась, однако его не могло не удивить и притомъ крайне непріятно, что, не дождавшись отвѣта изъ Петербурга, было сдѣлано предложеніе въ Вѣнѣ, поспѣшно принятое австрійскимъ дворомъ. Вслѣдствіе вѣнскаго мира, въ которомъ онъ не пожелалъ принимать участія, Императоръ Александръ Павловичъ требовалъ только отъ французскаго правительства заявленія, что оно не станетъ думать о возстановленіи Польши, на что сперва На-

[1]) P. Lanfrey; Histoire de Napoléon I. V. 321.

полеонъ отвѣчалъ предложеніемъ уничтожить навсегда самое имя Польши изъ всѣхъ оффиціальныхъ международныхъ документовъ, однако когда, вслѣдствіе обоюднаго обоихъ кабинетовъ согласія, Коленкуромъ подписана была составленная, въ смыслѣ требованій Россіи, конвенція, императоръ французовъ нежданно отказался ее утвердить. Все это раздражало Императора Александра и увеличивало общее въ Россіи недовольство Франціею, благодаря которой произошелъ крайне удручительный для Россіи финансовый кризисъ. Долгое время, продолжаетъ тотъ же Ланфре, была Россія самою угодливою союзницею, но и она, наконецъ, раздражена была тиранническими требованіями владыки Франціи и одна передъ нимъ возстала, какъ послѣдняя защитница правъ покоренной Европы. Положеніе Россіи внушало тѣмъ болѣе безпокойства, что съ ея стороны, съ крайнею осторожностію, избѣгалось всякое подстрекательство и всякая хвастливая угроза (bravade) [1]. Однако, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній между Петербургомъ и Парижемъ, Императоръ Александръ искалъ близкаго, но тайнаго союза съ сосѣднимъ вѣнскимъ дворомъ. Съ этою цѣлью отправленъ былъ въ Вѣну генералъ-адъютантъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ. Онъ пріѣхалъ въ Вѣну за нѣсколько дней до возвращенія Меттерниха изъ Парижа, съ проектомъ тайнаго союза между Россіею и Австріею, писаннаго рукою Императора Александра. Несомнѣнно, что Шувалова дружественно принялъ Разумовскій и оказалъ ему всевозможное содѣйствіе къ достиженію назначенной ему цѣли, но въ Вѣнѣ живо помнили неудавшуюся подобную же миссію князя Шварценберга въ Петербургѣ наканунѣ войны 1809 года, и всѣ старанія Шувалова и Разумовскаго остались безуспѣшными. Тѣмъ не менѣе, послѣ неудачи Шувалова, дипломатическія сношенія между Петербургомъ и Вѣною были возстановлены и на оставленное Куракинымъ мѣсто назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ, бывшій дотолѣ представителемъ Россіи въ Берлинѣ, графъ Густавъ Оттоновичъ Штакельбергъ, сынъ извѣстнаго дипломата Екатерининскихъ временъ, графа Оттона Магнуса, бывшаго долгое время посломъ въ Варшавѣ. Назначенный посланникомъ графъ Штакельбергъ женатъ былъ на австрійской графинѣ Людольфъ. Въ началѣ 1812 года, когда грозныя тучи нависли надъ Европою, графа Андрея Кирилловича посѣтилъ братъ его, графъ Петръ Кирилловичъ, спѣшившій въ виду ожидаемой войны возвратиться на родину изъ Парижа, гдѣ онъ провелъ нѣкоторое время. Между тѣмъ Наполеонъ вооружалъ Данцигъ и отправлялъ войска свои въ Варшавское герцогство, а Императоръ Александръ старался поскорѣе покончить войну съ Турціею, которую

[1]) Тамъ же, V. 424—425.

Наполеонъ, наоборотъ, всячески черезъ пословъ своихъ старался продолжить. Войска рейнскаго союза готовились къ соединенію съ французскою великою арміею, среди которой уже находились испанскіе, португальскіе и итальянскіе контингенты. Владычество Наполеона никогда такъ сильно не давило Европу, какъ въ эту пору, а однако, если вѣрить словамъ Меттерниха, хладнокровный зритель не ощущалъ въ то время того томящаго впечатлѣнія, которое всегда предшествуетъ сильной грозѣ [1]).

Австрія, подобно тому, какъ дѣйствовала въ 1809 году Россія, провозгласила вооруженный нейтралитетъ и кромѣ того, по требованію Наполеона, выставила 30,000-ый союзный корпусъ подъ командою князя Шварценберга, съ тѣмъ условіемъ, чтобы воюющія державы признали нейтральность австрійской территоріи, которая должна была оставаться неприкосновенною. Хотя обѣ воюющія стороны и признали требуемыя Австріею условія, однако, когда австрійскія войска перешли черезъ русскую границу, графъ Штакельбергъ выѣхалъ изъ Вѣны, оставивъ посольство съ его архивомъ подъ присмотромъ одного изъ исправниковъ по имени Отто. Онъ былъ родомъ изъ Страсбурга и вѣроятно его на русскую службу принялъ Анштетъ. Графъ Андрей Кирилловичъ не покидалъ, однако, столицы Австріи, но домъ его уже мало былъ посѣщаемъ вѣнскими жителями и самъ Меттернихъ, дѣломъ котораго былъ проявившійся нежданно тѣсный союзъ между вѣнскимъ и тюллерійскимъ дворомъ, находился далеко не въ прежнихъ отношеніяхъ съ Разумовскимъ. У него собирались весьма немного старыхъ друзей и родственниковъ его покойной жены, а самъ онъ, съ грустнымъ и лихорадочнымъ чувствомъ, слѣдилъ за военными дѣйствіями. Медленное, но послѣдовательное движеніе французскихъ войскъ внутрь Россіи производило самое тяжелое впечатлѣніе на Разумовскаго. Онъ все ожидалъ рѣшительнаго отпора, а вѣсти, привозимыя французскими курьерами, сообщали жителямъ Вѣны о рядѣ побѣдъ Наполеона подъ Краснымъ, подъ Смоленскомъ и, наконецъ, на Москвѣ рѣкѣ, подъ Можайскомъ, за которое блестящее дѣло, маршалъ Ней возведенъ былъ въ княжеское французской имперіи достоинство съ титуломъ de la Moskovà. Вслѣдъ за такими ужасными для Разумовскаго извѣстіями, которыя всячески распространяло по Вѣнѣ французское посольство, узналъ онъ еще, къ крайнему своему отчаянію, что Наполеонъ занялъ сердце Россіи, первопрестольную ея столицу Москву. Вмѣстѣ съ этимъ ужаснымъ извѣстіемъ прошла по Вѣнѣ молва и о московскомъ пожарѣ. Нѣтъ сомнѣ-

[1]) Mémoires, du Prince de Metternich. I. 119.

нія, что графъ Андрей Кирилловичъ, точно такъ же, какъ и всѣ въ то время русскіе, проклиналъ никѣмъ непонятаго Барклая и обрадовался тому, что его замѣнилъ, главнокомандующимъ русскою арміею, графъ Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ. Однако, весьма скоро послѣ послѣднихъ ужасныхъ извѣстій, по Вѣнѣ стали ходить недобрые слухи о французахъ, и не смотря на все стараніе, съ которымъ старались имъ противорѣчить и графъ Отто, и всѣ служившіе при французскомъ посольствѣ чиновники, а также преданная союзу съ Франціею въ Вѣнѣ партія, извѣстія эти быстро распространялись по городу. Въ то время всякое прямое сношеніе съ Россіею было прекращено, и Разумовскій долго не получалъ никакихъ писемъ ни отъ братьевъ, ни отъ сестеръ, ни отъ немногихъ близкихъ родственниковъ, съ которыми вёлъ переписку. Между тѣмъ, положеніе Наполеона и его великой арміи, съ каждымъ днемъ мельчавшей, благодаря удачно наносимымъ ей ударамъ подъ Тарутинымъ, Малоярославцемъ, Вязьмою и Краснымъ, все болѣе и болѣе становилось критическимъ. Императору Александру Павловичу пришла въ это время мысль разорвать союзъ между Франціею и Австріею. Какимъ-то чудомъ явились въ Петербургѣ, вѣроятно много времени потерявшіе на объѣзды внутри Россіи депутаты отъ возставшихъ противъ Наполеона тирольцевъ. Чтобы помочь имъ деньгами и стараться нанести на Альпахъ новый ударъ Наполеону и въ то же самое время, чтобы войти снова въ сношенія съ австрійскимъ дворомъ и убѣдить императора Франца, какъ выгодно бы было, въ настоящую минуту, для него самого и для его имперіи, тѣсное единеніе съ Россіею, только что успѣвшею уничтожить несмѣтныя полчища Наполеона, Императоръ Александръ рѣшилъ обратиться къ пребывающему въ Вѣнѣ графу Андрею Кирилловичу Разумовскому, извѣстному ненавистнику Франціи, на котораго парижскій кабинетъ, до разрыва, такъ часто жаловался въ Петербургъ. Графъ Штакельбергъ жилъ въ то время въ Грацѣ и былъ отдаленъ отъ вѣнскаго двора, а при посольствѣ въ Вѣнѣ состоялъ по прежнему незначительный чиновникъ Михаилъ Отто. Близость Разумовскаго со всѣми государственными людьми Австріи, видное положеніе, занимаемое имъ въ Вѣнѣ, и долгая дипломатическая опытность прямо указывали на него, какъ на самаго вѣрнаго посредника между Россіею и Австріею. Какъ видно изъ сохранившихся отъ того времени бумагъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ долго не знали, какъ именно начать переписку съ Разумовскимъ. Въ государственномъ архивѣ есть нѣсколько недоконченныхъ черновыхъ, которыя прямо указываютъ на попытки обращенія къ Разумовскому. Въ числѣ этихъ бумагъ сохранился одинъ доконченный проектъ депеши, скрѣпленный Высочайшею подписью: „быть по сему“, но который, кажется, никогда не былъ отправленъ.

По крайней мѣрѣ, въ архивныхъ дѣлахъ нѣтъ съ него оффиціальной копіи и на него не только нѣтъ отвѣта, но Разумовскій, во всѣхъ своихъ послѣдующихъ депешахъ въ Петербургъ, ни разу о полученіи подобной бумаги не упоминаетъ. Такъ какъ содержаніе проекта очень интересно и очевидно, по начинающей его фразѣ, что къ Разумовскому обратились оффиціально въ первый разъ, послѣ его отставки, намъ кажется необходимымъ представить здѣсь этотъ проектъ in extenso. Онъ былъ отъ канцлера графа Румянцева и помѣченъ:

С-Петербургъ, (11-го) 23-го декабря 1812 года.

„La bienveillance et l'estime dont S. M. I. vous honore me met, m. le comte, dans le cas d'écrire à v. e. et de réclamer en faveur des affaires de notre patrie un concours que votre situation à Vienne vous met à même plus que tout autre de leur prêter. Il y a déjà assez longtemps, que des habitants du Tyrol et du Voralberg ont fait connaître à S. M. I. l'intention où ils étaient de secouer le joug, qui pèse sur eux. L'Empereur n'a point méconnu quelle utilité son empire pourrait retirer d'une semblable diversion faite aux forces de son ennemi; mais il est dans les principes de sa scrupuleuse délicatesse de ne point encourager uniquement en sa faveur une entreprise semblable, ne voulant point avoir à se reprocher les chances de malheur et d'infortune, que ces peuples pourraient courir. Un de leurs affidés, le major Franz Jubele, qui se trouvait de leur part en Angleterre, vient d'arriver ici pour renouveler leurs instances auprès de S. M. I. et a nommé au nombre de ses amis le c-te Jean de Salis, qui doit être à Vienne et qui nous était déjà connu par ses projets patriotiques".

„L'Empereur, sans départir du principe fixé, de ne point exciter les peuples à un soulèvement, n'a cependant pas voulu, dans les circonstances actuelles, leur refuser toute assistance, et j'ai eu ordre de remettre au s-r Jubele la déclaration ci-jointe. V. e. y verra, que l'intention de S. M. I. est que les patriotes tyroliens et du Voralberg se guident uniquement par leur propre intérêt en ne prenant pas en considération celui de la Russie".

Le major Jubele part pour Vienne et communiquera à m. de Sails la déclaration que je lui ai donnée. J'adresse à v. e., par ordre de S. M., ci-joint un crédit de 83 m. florins courants d'Augsbourg avec une lettre d'avis et ces remises seront continués, jusqu'à la concurrence de 300 m. florins d'empire, pour fournir aux tyroliens et habitants du Voralberg l'assistance qui leur est promise et que vous êtes autorisé à mettre successivement à la disposition du comte de Salis contre ses quittances. Mais S. M. I. désire, m. le comte, que vous preniez soin de vous assurer avant tout, que ce n'est pas cette assistance

qui fait agir les chefs de l'entreprise, mais bien le voeu des peuples et leur ferme résolution d'exécuter un pareil projet et c'est à eux seuls à juger, si le moment présent leur est propice et s'ils ont les moyens d'exécuter et de soutenir ce qu'il entreprennent".

„Je préviens v. e. que c'est par m. Otto, que je ferai savoir à m. le comte Salis, qu'il doit vous parler sur ces objets et de même que je vais instruire m. le c-te de Stackelberg de la part que S. M. I. a désiré, m. le comte, que vous y prissiez. Son éloignement de Vienne, et la possibilité que tous nos employés diplomatiques dussent quitter les états autrichiens, sont des motifs suffisants, pour qu'il conçoive ceux qui ont engagé l'Empereur à vous donner cette commission, que vous ne devez cependant qu'à son estime et à sa confiance particulière. S. M. attend de votre sagacité autant que de vos rapports personnels avec la cour de Vienne, qu'avec toute la discrétion nécessaire vous pussiez parvenir à la connaissance de l'empereur d'Autriche, qu'à l'époque même où il fait la guerre à S. M., elle est occupée à prêcher aux tyroliens de rentrer sous sa domination et ne les assiste que dans cet esprit. Je m'en suis positivement expliqué avec le s-r Jubele, qui m'a témoigné que c'était en effet le désir de la majeure partie de ses commettants, pourvu que la cour de Vienne elle-même ne rejette pas leur zèle et leur attachement.

Veuillez recevoir, m. le comte, l'assurance du plaisir, que j'aurai à me trouver en relations directes avec vous et celle de ma haute considération [1]).

Если эта депеша, какъ намъ кажется, до графа Андрея Кирилловича не доходила, то за то, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1812 года, къ Разумовскому въ Вѣну прибылъ, вѣроятно черезъ Малороссію, посланный канцлеромъ Румянцовымъ, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Бутягинъ, привезшій ему слѣдующую депешу:

„La guerre, qui a éclaté entre nous et la France, ayant amené également l'interruption de toutes nos relations officielles avec le cabinet autrichien et par conséquence du départ de m. le comte de Stackelberg de Vienne, l'Empereur m'ordonna d'adresser à v. e. cette dépèche, pour lui communiqner un projet qui vient d'être soumis à S. M. et au sujet duquel elle désirait connaître son opinion.

Parmi les personnes, qui entourent l'empereur François, le grand chambellan comte de Wrbna est celle qui paraît jouir de sa confiance au plus haut degré. Il a été désigné à l'Empereur, comme un homme qui professe les meilleurs principes et qui, s'il consentait à user de son ascendant auprès de son maître, serait le plus propre à contrebalancer

---

[1]) Государственный Архивъ. Rasoumovsky. Vienne. 1812. V.

le crédit du parti français et à paralyser l'effet prolongé d'une influence aussi funeste pour les interéts mêmes de l'Autriche que pour ceux de la Russie. Personne, m. le comte, n'est plus à même que vous de juger en combien cette supposition peut être fondée. Dans le cas donc où, effectivement il y aurait quelque parti à tirer de m. de Wrbna, S. M. verrait avec plaisir que vous voulassiez (sic) bien employer des moyens que vous donne votre séjour à Vienne, et les nombreuses liaisons que vous avez contractées dans ce pays, pour nouer avec lui des rapports confidentiels, dont l'objet serait le rétablissement de ces anciens liens d'amitié entre les deux cours, que vous avez vous-même entretenu si longtemps avec autant d'habileté que de succès. Si au contraire ce moyen ne présentait pas les chances de réussite qu'on nous a fait espérer, l'Empereur demande à v. e. de lui indiquer ceux qui lui paraîtront les plus propres à atteindre ce but. La coopération de l'Autriche devient de jour en jour plus active; elle dépasse à cet égard tout ce que nous avions lieu de supposer. On assure, qu'il est question non, seulement de réparer les pertes que le corps du prince de Schwartzenberg a essuyé, mais même d'accorder encore un renfort de 40 m. hommes, que Napoléon doit avoir exigé. Cette demande prouve que sa position est loin d'être avantageuse et que l'occupation de Moscou n'a rien ajouté à ses moyens. Il en attendait un résultat immédiat, mais la publication ci-jointe vous prouvera, m. le comte, que son attente est trompée et vous convaincra, que S. M. I. sent que c'est sa persévérance seule qui peut le faire sortir avec honneur de la lutte actuelle. Ce sentiment est général parmi les membres de son ministère, quelles que soient à leur égard les opinions, qu'on peut avoir dans l'étranger. Le prince Koutousoff, qui, pour se rapprocher de ses renforts et pour d'autres motifs encore, que nous espérons de voir justifiés par les plus heureux effets, a dû se décider à abandonner momentanément la capitale et est actuellement placé sur le flanc et au dos de l'ennemi, tandis que l'armée de l'amiral Tchitchagoff manoeuvre pour lui couper entièrement toutes les communications. Napoléon se trouve donc, au mois de Septembre avec tout au plus 120 m. hommes, dans le centre du plus vaste empire, entouré d'armées nombreuses et au milieu d'une population, levée presqu'en masse et animée d'un sentiment de haine et de vengeance, que l'incendie de Moscou a poussé au dernier point. A moins que tous les calculs ne soient de nouveau déjoués, il semblerait qu'à aucune époque de cette grande lutte contre l'ambition démésurée de la France on n'a été de concevoir de meilleures espérances. Mais cet état de choses ne présenterait plus les mêmes chances en faveur du continent opprimé, si l'Autriche se prêtait aux nouvelles demandes de Napoléon. Il est donc de la plus haute importance de détour-

ner l'empereur François d'une si funeste résolution, et comme le moment est décisif, S. M. vous autorise à faire dès la réception de ce courrier toutes les démarches, que vous jugerez convenables à cet effet, soit auprès du comte de Wrbna, soit auprès de telle autre personne, qui par son influence pourra concourir à ce bût. Le porteur de celle-ci, le conseiller de collége Boutiaguine, est chargé de nous apporter votre réponse. Vous pourrez, m. le comte, la lui confier en toute sûreté. Si dans la suite vous aviez quelques communications à nous faire, vous pourriez peut-être, sous prétexte d'envoyer dans vos terres, faire partir pour Pétersbourg, l'un de vos secrétaires particuliers" [1]).

Дружественно принялъ Разумовскій Бутягина и просилъ его держать себя въ Вѣнѣ, какъ можно скромнѣе, чтобы не огласить по городу о начавшихся сношеніяхъ между петербургскимъ и вѣнскимъ дворами. Бутягинъ вполнѣ подчинился указаніямъ графа Андрея Кирилловича; но масса привезенныхъ имъ писемъ изъ Петербурга поневолѣ разнесла по городу извѣстія, какъ о пріѣздѣ Бутягина, такъ и о переговорахъ Разумовскаго съ графомъ Меттернихомъ, къ которому, а не къ графу Врбна, обратился Разумовскій, такъ какъ Меттернихъ, въ описываемое нами время, игралъ при вѣнскомъ дворѣ первую роль.

Въ отвѣтъ на присланную ему съ Бутягинымъ депешу, Разумовскій отправилъ, на имя уже не Румянцева, а молодаго графа Нессельроде, de facto уже смѣнившаго стараго канцлера, слѣдующіе весьма интересные отвѣты, подробно описывающіе его вновь пробужденную дипломатическую дѣятельность.

I.

Вѣна 9 (21 Ноября) 1812 г.

M. le comte, quinze jours se sont passés, depuis que j'ai reçu la dépêche que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser par ordre de notre Auguste Maître et dont le conseiller de cour Boutiaguine a été le porteur. En me disposant à y répondre aujourd'hui, mon premier voeu ainsi que mon devoir le plus empréssé est de porter par votre entremise, m. le comte, aux pieds de S. M. l'expression du sentiment profond dont m'a pénétré ce temoignage de sa confience. Dans la conjecture si solennelle et si grave, où nous nous trouvons, je sais apprécier, dans toute l'étendue de mon dévouement, la satisfaction de consacrer

[1]) Государственный архивъ, тамъ же.

mon zèle pour le service de l'Empereur et aux résultats glorieux de cette époque mémorable de son règne.

Les ordres de S. M. ont été motivés par l'appréhension de voir le cabinet autrichien outrepasser ses engagements vis-à-vis de la France, par suite du système de soumission qu'il semble avoir adopté à son égard dans ces derniers temps. Le projet soumis à notre Auguste Maître, *pour parvenir, par des voies indirectes à paralyser dans l'esprit de l'empereur François l'influence du parti français* [1]), peut-être susceptible de quelque développement, mais ne peut-être mis à exécution qu'avec infiniment de circonspection; on ne peut en attendre de bon effets qu'à la longue. L'employer aujourd'hui c'eût été risquer de se compromettre sans fruit et peut-être consolider, au lieu d'atténuer, l'influence susmentionnée. Votre dépêche, m. le comte, m'est parvenue au moment, où on apprenait ici la retraite de Napoléon de Moscou. On ne pouvait se dissimuler la crise dans laquelle il se trouve, et les avantages qu'elle nous présente. Cette circonstance était favorable, et S. M. m'ayant autorisé à faire les démarches les plus convenables au but qu'elle se proposait, j'ai jugé que la voie la plus sûre et la plus expéditive était de me mettre en relation avec le comte de Metternich. Je ne lui ai point fait mystère du motif et de la nature de mes instructions, je les ai appuyées de tous les arguments les plus propres à lui faire envisager l'époque actuelle sous les rapports politiques les plus conséquents pour les intérêts de son maître. Il m'a donné l'assurance formelle, que jusqu'ici Napoléon n'avait point demandé de secours au delà de ceux que porte le traité. De plus il m'a solennellement répondu, que l'empereur ne se laisserait jamais persuader à augmenter ce secours et se bornerait strictement à remplir les stipulations de son engagement, de remplacer les pertes qu'essuyerait successivement son corps auxiliaire de trente mille hommes. Il s'est fort étendu ensuite sur l'idée d'une pacification générale et y est revenu à plusieurs reprises. Je ne me suis point refusé d'en transmettre de sa part les paroles à la connaissance de notre auguste cour. Enfin dans ma dernière conférence avec ce ministre, il m'a fait lecture des communications qu'il allait expédier au comte de Stackelberg dans le même sens, et j'ai consenti à coucher par écrit sous sa dictée ce que vous trouverez ci-joint, m. le comte, sur les deux questions résumées qui ont fait le but de nos entretiens.

En somme de tout ce que j'ai l'honneur de vous participer, m. le comte, vous jugerez, que cette cour-ci commence à revenir fortement

---

[1]) Подчеркнуто въ оригиналѣ какъ и другія курсивныя встрѣчающіяся въ слѣдующихъ депешахъ Разумовскаго.

de l'opinion qu'elle avait conçue à l'égard du caractère de cette guerre dans son début. La marche rapide autant qu'inconsidérée de Napoléon sur Moscou, avait été interposée par ses partisans, comme le coup de grâce audacieusement frappé sur la puissance de notre empire; la conduite de nos armées, comme guidée dans leur retraite par le découragement qu'imprime la supériorité sur des moyens vastes mais faiblement dirigés, et celle de notre cabinet, comme devant, par les mêmes motifs, chercher et saisir l'occasion, de mettre fin à cette lutte désastreuse. Aujourd'hui les gens les plus prévenus en faveur de Napoléon, ne peuvent se dissimuler la situation critique, dans laquelle il se trouve placé militairement, et politiquement, en conséquence de ses faux calculs sous l'un et l'autre rapport. Mais lorsque les jugements commencent à nous devenir favorables, je ne dois point vous dissimuler, que l'ascendant acquis par Napoléon sur l'esprit de l'empereur et de son ministre, les asservit encore à la crainte de le voir se relever, par les ressources de sa puissance et de son génie. Pour dissiper ces terreurs, pour consolider à notre égard une confiance encore chancelante, vous sentirez, m. le comte, combien il importe que nos opérations militaires viennent à l'appui de nos assurances sur la ferme détermination de notre Auguste Maître de persévérer sans relâche et sans entendre à aucun accommodement, dans la lutte honorable et glorieuse qu'il a entreprise, jusqn'à ce que ses succès, réduisant les forces matérielles et morales de Napoléon, désenchantant ou ranimant les esprits de cette foule de satellites que sa fortune attache à son char. Ce qui contribuerait beaucoup, je pense aux déterminations de cette cour-ci, serait de voir se détacher de la ligue commune un autre auxiliaire, qui ne balancerait point à prendre un parti, que lui dicterait sa position topographique, autant que son impatience de secouer le joug et de recouvrir son indépendance.

Dans l'intervalle, qui s'est écoulé depuis l'arrivée du conseiller de de cour Boutiaguine, plusieurs envois de courrier ont eu lieu entre le comte de Metternich et le c-te de Stackelberg. Le premier m'a sondé sur la mesure qu'il avait à tenir vis-à-vis de notre ministre, par rapport aux communications dont je me trouve chargé. Je n'ai pas hésité de lui répondre, qu'il ne me semblait y avoir aucun inconvénient à lui en faire part, comme ayant été motivées par la situation éloignée où le c-te de Stackelberg se trouve placé du ministère autrichien. Cette participation du c-te de Metternich au c-te de Stackelberg lèvera l'obstacle, que ce dernier semblait intentionné de mettre au départ de m. Boutiaguine, en conséquence d'une autre destination à l'égard de cet employé, que vous avez bien voulu, m. le comte, de votre côté mettre à ma disposition, pour ce que j'ai l'honneur de vous adresser, et que je n'aurais pû confier à son courrier ordinaire, ne pouvant

qu'écrire en clair faute de chiffres quelconques. Le conseiller de cour Boutiaguine a rempli les ordres dont il était porteur avec la circonspection la plus louable; je lui en dois le témoignage, ainsi que celui d'une conduite très mesurée durant son séjour ici, malgré que les lettres en assez grand nombre, dont il était le porteur, ont ébruité son arrivée d'une manière alarmente aux yeux du ministère. Le c-te de Metternich m'a témoigné à cette occasion ses inquiétudes sur les envois qui peuvent avoir lieu. Elles ont été aggravées par celui du capitaine Maurer, officier récemment sorti du service autrichien et très connu dans le pays, ce qui a fait juger qu'il ne serait pas prudent de l'y admettre. J'en fais mention ici en passant. Je ne doute pas que m. le c-te de Stackelberg ne soit chargé à ce sujet de représentations plus amples et plus détaillées.

P. S. Le c-te de Metternich, dans une conversation que je viens d'avoir avec lui, m'a fait part des dispositions, qu'on se propose de suivre ici dorénavant à l'égard de nos courriers. Le p-ce de Reuss à Léopol sera instruit de diriger en droiture sur Gratz ceux qui seront adressés au c-te de Stackelberg, quant à ceux qui me concerneront il désire qu'ils s'annoncent chez le p-ce de Reuss comme envoyés directement à, lui c-te de Metternich, et dans ce cas ils arriveront à Vienne et pourront m'y consigner ce dont ils seront chargés.

Приложенія къ депешѣ:

QUESTIONS RÉSUMEES.

Etendue de la Coopération,

écrit sous la dictée du c-te de Metternich.

M. le c-te de Metternich, à la suite des assurances qu'il m'a données, n'admet pas la possibilité que l'Empereur Alexandre puisse nourrir des inquiétudes à cet égard et qu'on ne se permet pas de revenir sur cette question (a).

(a) J'ai demandé au c-te de Metternich le sens de cette assertion qui m'a semblé vague. Il m'a répondu qu'elle ne devait pas l'être pour notre Auguste Maître, qu'il en puiserait le commentaire dans des rapports directs entre les souverains respectifs, sur lesquels il ne pouvait me donner des explications plus étendues.

Rapprochement avec la Russie:

Cette réponse se trouve dans la marche suivie de tout temps et dans les termes explicites du traité du 17 Mars (b).

(b) Le c-te de Metternich a ajouté verbalement, que le traité n'a été conclu qu'après avoir pesé les inconvénients de toutes les chances qui pouvaient atteindre cette cour-ci au moment de la guerre actuelle, et comme la mesure la moins onéreuse et la moins périlleuse dans la conjoncture de détresse et de souffrance qui pèse encore sur la monarchie.

Le c-te de Metternich remarque au surplus, que l'Autriche en suivant une ligne de conduite différente aurait perdu, avec ses droits à la confiance de ses alliés, également ceux à la confiance de toute puissance en faveur même de laquelle elle eut violé la sainteté d'un traité. L'Autriche a fourni des preuves suffisantes que ses vues étaient entièrement opposées à la guerre et que tous les voeux de l'empereur se réunissaient dans la possibilité de la voir terminée, qu'on entrevoit très bien ici la grande difficulté qu'offrirait toute pacification, mais que, dans des questions d'une si haute importance, jamais obstacle n'avait rébuté l'empereur; que toute paix séparée entre la Russie et la France, quelqu'agréable qu'elle puisse être à la cour de Vienne, n'offrait de part et d'autre pas assez de facilités à ses calculs, pour qu'elle les eût bornés à cette seule chance, et que par conséquent ses idées s'étaient naturellement portées en même temps sur la paix générale.

Assurance du désir et de l'empressement de l'empereur François de contribuer à tout ce qui pourra conduire à la conclusion d'une paix.

II.

Вѣна 13 (25) Ноября 1812.

M. le comte, mes paquets étaient faits depuis trois jours, je venais de recevoir les passeports du c-te de Metternich, et j'allais faire partir mon expédition, lorsque ce ministre m'écrivit pour m'engager à la différer jusqu'après un entretien, qu'il me demandait dans une société, où je devais le rencontrer et dont je reviens à l'instant. Il m'a dit, qu'il était chargé expressément de la part de l'empereur de me faire communication de ce qui suit. Un rapport arrivé ce matin du p-ce de Reuss, porte: que nombre des prisonniers autrichiens rentrés en Gallicie et appartenant à deux corps hongrois, déposent que ceux de leur nation sont traités tout différemment par nos généraux, que ceux appartenant à d'autres nations de la domination autrichienne; que tandis que ces derniers sont envoyés, comme cela se pratique, dans l'intérieur du pays, les hongrois au contraire, distingués particulièrement, habillés à neuf, sont relâchés sur parole, en leur disant que la Russie n'est point en guerre avec la *nation Hongroise*; que même on les harangue d'après ce principe et on cite nommément sous ce rapport le c-te de Langeron. Le comte de Metternich me témoigna le désir de l'empereur, que je fisse parvenir ces faits à la connaissance de notre Auguste Maître. On les présente ici comme de nature à troubler l'ordre dans une partie de la monarchie, en excitant les esprits contre l'autorité du souverain. S. M. vivement affectée d'une tendence aussi allarmante, ne saurait se persuader que nos généraux agissent d'après des

ordres supérieurs, dans un moment où les deux cours se témoignent réciproquement des dispositions d'amitié et de bonne intelligence. Il ajouta que si pareille conduite de leur part continuait à avoir lieu, on se verrait avec un profond regret dans la nécessité de prendre des mesures pour en prévenir les inconvénients en faisant des publications peu conformes aux rapports que de part et d'autre on cherche à consolider.

J'ai répondu au c-te de Metternich, que je m'acquitterai avec autant d'empressement que d'exactitude de la tâche qui m'était commise; que j'étais persuadé que notre Auguste Maître désavouerait tout ce qui peut être contraire aux sentiments de bonne harmonie, qu'il professait envers cette cour-ci, mais que je l'étais également, qu'on s'abstiendrait ici de toute démarche, qui pourrait aux yeux de S. M. I. porter un caractère d'aigreur ou de mésintelligence. Le c-te de Metternich convint avec moi qu'on s'en tiendrait à la représentation dont je suis chargé, dans l'espoir que les réponses que je recevrais, seraient entièrement tranquillisantes pour l'avenir.

III.

Вѣна 23 Декабря, ст. ст. 1812.

M. le comte, j'ai été prévenu hier soir, de l'expédition qui se fait aujourd'hui. J'en profite avec d'autant plus de hâte, qu'écrivant à l'insu de ceux dont elle dépend, je ne puis y donner que peu de moments pour n'en pas manquer l'occasion. Je me bornerai à vous rendre compte d'un entretien que j'eus tard hier soir, en maison tierce, avec le c-te de Metternich. L'objet en était de m'engager à présenter sous leur vrai jour les considérations qui, dans la conjoncture actuelle des événements, occupent le cabinet de Vienne et suspendent ses déterminations, ainsi que celles qui, par la suite et incessamment, pourront leur donner l'impulsion. Cette explication vis-à-vis du nôtre, lui a paru d'autant plus nécessaire, que la mesure extrêmement réservée qu'il croit devoir observer à l'égard des agents anglais, aurait pû répandre, dans la rédaction de leurs rapports, un sens différent de celui d'après lequel on se dirige ici et qui servira de base au développement de la conduite qu'on y suivra.

La prodigieuse rapidité de nos succès était tellement opposée à l'opinion qu'on se faisait ici sur les résultats de cette guerre, qu'il est impossible de dire à quel point on a été dérouté dans les combinaisons qu'en firent naître les premiers événements. On nous croyait perdus il y a peu de mois, et la capitale de notre empire semblait, entre les mains de l'ennemi, le gage de la paix qu'il nous dicterait. Aujourd'hui son armée chassée de notre territoire, anéantie, dissipée,

son chef courant à Paris, après avoir proclamé, dans son dernier bulletin, les aveux de ses fautes et leurs résultats. Des événements aussi *gigantesques* (c'est l'expression du c-te de Metternich, et ce mot fût suivi de la réflexion que nous ignorions nous-mêmes, dans le moment actuel, à quel point avait été portée la destruction des forces françaises, puisque les détails, que contenaient les bulletins de nos armées, qui parviennent ici de temps en temps étaient infiniment au-dessous de ceux que renferment les relations de notre ennemi), des événements aussi gigantesques, dis-je, on dû frapper d'étonnement d'abord, et ce n'est que successivement qu'on a pû aviser dans le calme aux mesures que dictaient les circonstances.

Conformément à ce que j'eus l'honneur de vous mander, m. le comte, par le cons. de cour Boutiaguine sur le désir de cette cour-ci de préparer les voies à une pacification générale, le c-te de Metternich jugea à propos d'adresser un office au duc de Bassano. Cette expédition eût lieu le 9 de décembre et ne parvint par conséquent qu'après le départ de Napoléon. M. de Bassano s'est empressé de faire connaître ici combien il était satisfait de l'objet et du contenu de cette ouverture, qu'il allait transmettre en toute diligence à sa destination, ne doutant pas qu'elle y fût accueillie de même. Le c-te de Metternich m'a fait lecture de cette pièce. Elle présente un exposé judicieux et énergique de la situation respective où se trouvent les puissances belligérantes à l'issue de la campagne. Elle assigne sur le même ton le rôle qui appartient à l'Autriche comme puissance indépendante et sur le point de se mettre, avec les principaux cabinets de l'Europe, dans des relations directes et officielles. Enfin elle fait envisager les liens (malheureusement contractés) de sang, comme un motif en elle de soutenir l'existance de la *soi disante* dynastie actuelle en France. Le c-te de Metternich a jugé devoir retarder de nous communiquer cette pièce jusqu'au retour du c-te Bubna, dont la mission à Paris a eu lieu immédiatement après la nouvelle du départ de Napoléon, et qui n'a pour objet, que de s'orienter sur les dispositions de ce dernier à la suite des revers qu'il vient d'éprouver. Le général Bubna, ne devant s'arrêter à Paris qu'une quinzaine de jours, peut-être de retour incessamment, et motivera, de la part du c-te de Metternich, une expédition dont vraisemblablement le gentilhomme de la chambre Peterson sera porteur. Entre temps le c-te de Metternich m'a invité très-expressément à renouveler à notre auguste cour les assurances, que j'ai été autorisé à mander précédemment par rapport à l'emploi du corps auxiliaire. On vient d'apprendre ici la manière dont on s'est conduit de notre part à l'égard du p-ce de Schwarzenberg, pour l'occupation de Bélostok, et on y a été très-sensible, ainsi qu'aux procédés qu'on

suit à l'égard des prisonniers. Le corps autrichien a ordre de se replier dans le duché vers les frontières de la Galicie. Il m'a donné en même temps les assurances les plus tranquillisantes sur les mouvements des troupes qui s'opèrent actuellement de Transylvanie en Bukowine et de là en Gallicie. Cette dernière province ne sera renforcée par là que de 10 m. à 12 m. hommes; en me l'annonçant il ajouta que si l'on suivait son avis, il voudrait qu'on met cent mille hommes sur pied et qu'un armement pareil n'en serait pas plus allarmant pour nous. Je ne dois pas omettre d'observer, qu'au départ de Napoléon, à son passage par Varsovie et Dresde, et dans la lettre qu'il a adressée de cette dernière ville à l'empereur d'Autriche, il n'a pas été dit un mot par rapport à la coopération des troupes autrichiennes.

Avant de terminer cette dépêche, je ne puis me dispenser de porter un coup d'oeil sur les événements que présagent les circonstances où nous nous trouvons. Il est à présumer que la politique astucieuse de Napoléon saisira dans les ouvertures, qui lui viennent d'ici, l'occasion de gagner du temps et de paralyser l'activité de nos armes, dont rien ne contrarie en ce moment le développement. La cour de Vienne, liée d'un côté par des engagements qui tiennent à un concours de causes antécédentes, mises en oeuvre par son ministre actuel, et dont elle n'a pas la force de secouer le joug brusquement, tandis que de l'autre, elle jalouse peut-être en secret, dans nos succès, le rôle imposant dont nous sommes en mesure de nous revêtir aux yeux de l'Europe, verrait avec satisfaction nos mouvements militaires atténués par les lenteurs inséparables d'une négociation compliquée. La Prusse, travaillée par la faction française et sans énergie de la part des bien-pensants, porterait dans la balance contraire à nos intérêts tout le poids des localités et des forteresses situées sur son territoire, tandis que les folles conceptions des polonais seraient allimentées par tous les prestiges dont on ferait usage à leur égard. Vous avez vu, m-r le comte, dans ma précédente dépêche ce que j'ai cru devoir observer au sujet du cabinet de Berlin. Je suis plus convaincu que jamais que de sa détermination en notre faveur influerait puissamment sur celle du cabinet de Vienne, et cette vérité m'est tellement démontrée, que j'ai tout lieu de croire qu'on n'est point sans inquiétudes ici sur la position où on se trouverait placé, si nous parvenions à entrainer la Prusse dans notre parti. Il y a toute apparence qu'on travaille sous main à l'en détourner, et, d'après les dernières nouvelles de nos armées, on a vu avec satisfaction qu'elles se sont arrêtées au Niéman, ayant l'air de respecter le territoire étranger, qu'on appréhendait de nous voir occuper pour forcer à l'adhésion de notre cause un des auxiliaires de notre ennemi.

P. S. A l'exception du c-te de Metternich l'expédition que je fais aujourd'hui n'est connu que du c-te de Hardenberg, avec lequel je suis lié depuis nombre d'années. Nous nous sommes convenus que je la mettrais sous l'enveloppe du baron de Stein, sans que ce dernier sache d'où lui vient la lettre qu'il vous remettra, m-r le comte, et qui pour cette raison ne sera point cachetée de mes armes [1])".

Бутягинъ привезъ съ собою, какъ мы видимъ изъ вышеприведенныхъ депешъ, много частныхъ писемъ изъ Петербурга, между прочимъ давно ожидаемыя Разумовскимъ письма отъ братьевъ и близкихъ ему родственниковъ. Графъ Левъ Кирилловичъ сообщалъ брату въ письмѣ отъ 30 ноября 1812 г. помѣщенномъ нами во второмъ томѣ настоящаго труда [2]), подробности о судьбѣ Москвы и о томъ, какъ вся семья Разумовскихъ провела тяжкое для Россіи время. На это, привезенное Бутягинымъ, письмо графъ Андрей Кирилловичъ отвѣчалъ брату своему Льву слѣдующимъ образомъ:

„Ce n'est que depuis peu de temps, mon bon ami, que j'ai appris de vos nouvelles à la suite des désastres qui ont frappé Moscou durant la mémorable campagne de cette année. De tous vos beaux établissements dans la capitale et aux environs il ne reste que des décombres et des cendres [3]). Votre belle bibliothèque, vos meubles, que vous aviez cru sauvés ont été détruits ou pillés. Vos possessions de Mojaisk [4]) ont eu le même sort. J'en ai le coeur noir comme si j'avais essuyé les mêmes pertes. Et vous, mon bon ami, vous en parlez avec douleur, mais avec cette bonté, cette aménité qui vous caractérisent et qui font que votre belle âme se replie sur les jouissances d'un bonheur intérieur et la commisération pour les souffrances de cette foule de malheureux, encore plus à plaindre. Toutes vos habitations ornées à grands frais par le goût et la magnificence sont anéanties. Il ne vous reste de demeure que Karlovka [5]), que je suppose n'est qu'un pied à terre pour les courses que vous y faites bien rarement. Les résultats de cette guerre sont jusqu'à présent pour notre patrie brillants au-delà de tout ce qu'on pouvait présumer. Il faut espérer qu'ils nous conduiront à une conclusion solide et permanente non-seulement pour nous, mais

---

[1]) Государств. Архивъ. Тамъ же.

[2]) Сем. Разумовскихъ. II. 158—162.

[3]) Домъ занимаемый Англійскимъ клубомъ на Тверской, нынѣ принадлежитъ г. Шаблыгину и Петровское-Разумовское, гдѣ, однако, домъ, теперь замѣненный каменнымъ строеніемъ, въ 1812 году не сгорѣлъ.

[4]) Село Порѣчье, Московской губ. Можайскаго уѣзда, принадлежитъ теперь наслѣдникамъ графа А. С. Уварова.

[5]) Село Карловка, Полтавской губерніи, принадлежитъ нынѣ Е. И. В. Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ.

pour le monde entier, dont nous avons défendu la cause si glorieusement et si ce but est atteint c'est quelques gouttes de baume consolateur. Votre lettre contient plus en détail que celle de mon frère [1]) sur vos pertes et votre situation; mais elle porte surtout un caractère de bonté, de raison, de sensibilité qui m'a touché jusqu'au fond du coeur. C'est dans le vôtre, qui est si parfait, que vous puisez cette philosophie attendrissante avec laquelle vous apprenez ce qu'on vous a enlevé ou détruit et ce qui vous reste. Vous terminez votre lettre par ces mots: „ne nous plaignez pas plus que nous le méritons, nous avons perdu quelque chose de notre aisance, mais de notre bonheur, pas le moins du monde". Mon cher et bon ami, comme cela vous ressemble, comme cela vous caractérise [2])".

Послѣ гибельной переправы черезъ Березину, Наполеонъ, изъ мѣстечка Сморгоны, тайкомъ поскакалъ въ Парижъ, оставивъ жалкіе остатки погибшей великой арміи на рукахъ вице-короля Италіи, принца Евгенія Богарнѐ, которому съ трудомъ удалось вывести ихъ изъ Россіи и собрать на лѣвомъ берегу Вислы. Казалось, что изгнаніемъ непріятеля, считавшагося до сихъ поръ непобѣдимымъ, изъ предѣловъ Россіи и уничтоженіемъ его полчищъ, вполнѣ искуплены были всѣ ужасы нашествія и стёртъ срамъ, нанесенный Россіи сдачею и пожаромъ ея первопрестольной столицы. Такъ думали многіе на Руси, а особенно канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ и предводитель побѣдоноснаго россійскаго воинства, новопожалованный фельдмаршалъ и князь М. И. Кутузовъ-Смоленскій. Отечество наше въ то трудное, хотя и великое въ лѣтописяхъ нашихъ, время, находилось въ самомъ горестномъ положеніи. Большая часть его была разорена нашествіемъ двунадесяти языковъ. На мѣстѣ роскошной первопрестольной столицы, лежала груда пепла, и одинъ незыблемый Кремль, да сорокъ сороковъ церквей, колоколенъ и монастырей говорили о прежнемъ величіи бѣлокаменной Москвы. Все неразорённое пространство Россіи страдало почти не менѣе отъ непрестаннаго сбора необходимыхъ потребностей. Денегъ не было вовсе ни у казны, ни у частныхъ лицъ. Воинство наше страшно пострадало и его приходилось пополнять во всѣхъ частяхъ неизмѣримой Россіи. Все это побуждало истинныхъ сыновъ отчизны, пожертвовавшихъ всѣмъ, что имѣли, для изгнанія изъ нея непріятеля, прежде всего позаботиться о поправкѣ собственныхъ обстоятельствъ, и оставить дѣло дальнѣйшаго преслѣдованія нѣкогда грознаго Цезаря тѣмъ народамъ, которые, подъ его же предводительствомъ, вторглись въ предѣлы Россіи и, не менѣе французовъ, нанесли ей зла.

---

[1]) Гр. Петръ Кирилловичъ.

[2]) Изъ Архива покойнаго графа А. С. Уварова.

Самое нежеланіе Пруссіи и Австріи соединиться съ одержавшими побѣду русскими войсками, должно было, кажется, послужить намъ полезнымъ урокомъ и остановить наше наступательное движеніе на границахъ Россіи. Но Императоръ Александръ I не внялъ совѣтамъ вѣрныхъ служителей великой Екатерины и тѣхъ немногихъ русскихъ, которымъ дорого было истинное благо отчизны. Роль освободителя и умиротворителя Европы слишкомъ была соблазнительна его мечтательной природѣ, воспитанной швейцарцемъ Лагарпомъ на чуждыхъ Россіи основаніяхъ. Уже давно занимала его мысль о призваніи стать общимъ примирителемъ и теперь, когда побѣдоносной арміи Наполеона внезапно вдругъ не стало, ему казалось, что самъ промыселъ Божій указываетъ ему на тотъ путь, по которому ему слѣдуетъ идти. Такія, несогласныя съ настоящими требованіями родины, мысли и предпріятія были причиною того, что въ нравственной обстановкѣ Александра Павловича, послѣ самыхъ высшихъ и чистыхъ побужденій, слѣдовало часто самое горькое разочарованіе. И теперь онъ рѣшился, жертвуя благомъ отчизны, работать на благо Европы, государи которой, опасаясь еще Наполеона, чуждались союза съ Россіею, а потомъ когда паденіе его стало вполнѣ всѣмъ понятно, за все добро сдѣланное Императоромъ Александромъ и имъ частно и всей Европѣ вообще, отплатили ему неблагодарностью, а самой Россіи тою завистью и тѣмъ постояннымъ недовѣріемъ, которое поражаетъ даже и въ наши дни.

Императоръ Александръ Павловичъ, узнавъ о бѣдственномъ переходѣ французскихъ войскъ черезъ Березину и о тайномъ бѣгствѣ Наполеона изъ Россіи, поскакалъ въ Вильну. При немъ находился новопожалованный статсъ-секретарь графъ Нессельроде, быстро, въ послѣдніе годы, поднявшійся по скользкимъ ступенямъ дипломатической лѣстницы. Онъ уже пользовался большимъ довѣріемъ Императора Александра и, находясь при немъ среди дѣйствующей арміи, въ сущности исполнялъ должность министра иностранныхъ дѣлъ, хотя канцлеромъ все еще оставался забытый въ Петербургѣ, и въ послѣднее время совершенно оглохшій, графъ Румянцевъ. Изъ Вильны графъ Нессельроде, по приказанію Государя, отправилъ въ Вѣну къ графу Разумовскому отъ 19 декабря 1813 г. слѣдующую депешу:

„Les dernières explications que vous a donné le comte de Metternich, renfermaient l'assurance la plus formelle, que dans aucun cas l'empereur d'Autriche ne se laisserait persuader à augmenter son contingent. Notre auguste Maître n'hésite donc pas à regarder comme entièrement infructueuses les démarches que l'empereur Napoléon aura probablement faites pour l'entraîner au delà de ses engagements, et qui, sans doute ont constitué l'objet de la mission du général Rapp,

dont le bruit s'est répandu. C'est sur cette conviction que les opérations militaires vont se poursuivre. V. e. est certainement déjà informée des grands résultats qu'elles présentent jusqu'à présent. Les pièces ci-jointes l'en instruiront avec détail. L'armée de Napoléon est entièrement détruite, celles de S. M. ont franchi les frontières de l'empire. En entrant en Prusse, le maréchal Koutousoff a publié la déclaration également ci-jointe [1]. Elle annonce aux puissances étrangères les principes, qui guident S. M. dans la poursuite de cette guerre. Le grand but de l'indépendance de l'Europe n'a jamais été séparé dans son esprit de celui de la conservation de son empire. Après avoir atteint celui-ci de la manière la plus éclatante, elle est prête à faire les mêmes efforts en faveur de toutes les cours, qui voudront saisir les chances heureuses du moment pour se soustraire à la domination de la France. Elles offrent à l'Autriche les moyens de reprendre son ancienne attitude et réparer les pertes qu'elle a faites, d'acquérir les agrandissements, qui lui sont nécessaires, pour occuper parmi les puissances de premier ordre le rang, que lui assigne le maintien de l'équilibre de l'Europe. S. M. envisage cet ordre de choses comme l'un des plus beaux produits du succès de ses armes. C'est avec le sentiment de la plus franche amitié qu'elle vient d'écrire à l'empereur d'Autriche pour l'inviter à ne point laisser échapper une occasion qui jamais ne reviendra. Le plus vif intérêt pour ce souverain, comme les intentions les plus pures en faveur de la liberté de l'Europe, ont seules dicté cette démarche, car l'intégrité et l'indépendance de la Russie sont à jamais garanties contre les entreprises de Napoléon. Cette campagne désastreuse a tourné à sa honte; elle a ébranlé jusque dans ses fondements l'échafaudage de sa réputation militaire. Aujourd'hui tout agrandissement que l'Autriche pourrait acquérir, soit en Allemagne, soit en Italie, ne saurait qu'être conforme aux vues de l'Empereur. C'est dans ce sens que vous voudrez bien, m. le comte, vous expliquer vis-à-vis de la cour de Vienne. S. M. vous invite à ne négliger aucun moyen pour chercher à la détacher, dans ce moment majeur, de sa funeste alliance et pour l'y déterminer, je ne saurais vous fournir de meilleurs arguments que ceux, qui vous présentent le détail de nos opérations militaires. S. M. a pris la résolution ferme et inébranlable de poursuivre plutôt la guerre avec un redoublement d'efforts et de sacrifices, que de souscrire à des conditions en apparence, modérées, que Napoléon pourrait essayer de mettre en avant. La nation entière partage ce sentiment, et, malgré les maux qu'elle éprouve, elle se pro-

---

[1] Ни тѣхъ ни другихъ приложеній въ Государственномъ Архивѣ не находится.

nonce fortement contre toute paix qui serait une dérogation à ses intérêts, comme à sa dignité [1])".

Пруссаки съ восторгомъ приняли Императора Александра и его войско, называя ихъ освободителями, а король прусскій и даже, бывшій въ то время его первымъ министромъ, графъ Гарденбергъ вели переговоры съ представителемъ Наполеона въ Берлинѣ и отправляли посла въ Парижъ съ обѣщаніемъ Франціи новой подмоги. Только, въ концѣ февраля 1813 года, подписанъ былъ въ Калишѣ союзный трактатъ между Россіею и Пруссіею. Неудачны были и переговоры Разумовскаго съ Меттернихомъ касательнаго тѣснаго союза. Послѣдній постоянно настаивалъ на вооруженной медіаціи Австріи, онъ вовсе не желалъ поссориться съ Наполеономъ, а намѣренъ былъ слѣдить за дальнѣйшею борьбою между Франціею и Россіею, соединенною съ Пруссіею, и стараться воспользоваться всѣми выгодными для Австріи случаями этой войны. Все вниманіе Меттерниха обращено было на сильное вооруженіе австрійскихъ войскъ и на заготовку всѣхъ нужныхъ для войны припасовъ. Цѣлью его было, во сколько можно, усилить Австрію и ни въ какомъ случаѣ не дозволять Россіи разыгрывать первенствующую роль въ Европѣ. Меттернихъ былъ также крайне недоволенъ тою ролью, которую, въ то время, разыгрывали, въ русскомъ лагерѣ и на Императорской главной квартирѣ, прусскіе либералы: баронъ фонъ-Штейнъ, Гумбольдтъ, Арндтъ и другіе. Онъ опасался кромѣ того, чтобы Пруссія, съ помощью России, не захватила бы, если бы Наполеонъ претерпѣлъ новыя неудачи, слишкомъ сильное вліяніе надъ Германіею. Разумовскій, не смотря на всю силу своей аргументаціи, не могъ уговорить Меттерниха, который соглашался на возобновленіе дипломатическихъ сношеній съ Россіею, но никакъ не рѣшался разорвать союза съ Наполеономъ, столь близкимъ родственникомъ императора Франца, новорожденный сынъ котораго былъ внукомъ его государя. Разумовскій, видя что ему не удается исполнить данное ему Императоромъ Александромъ порученіе, обратился въ мартѣ мѣсяцѣ 1813 г. къ графу Штакельбергу, приглашая его слѣдующимъ письмомъ вернуться въ Вѣну и возобновить оффиціально дипломатическія сношенія съ вѣнскимъ дворомъ:

„La guerre interrompant les relations politiques de la cour de Vienne avec la nôtre, a rendu nécessaire l'éloignement de v. e, de cette capitale; mais bientôt les événements, à jamais mémorables, de la campagne ramenèrent entre les deux cours le besoin de communiquer. Il était urgent de s'assurer des intentions ultérieures de celle de Vienne par rapport aux engagements, qui la liaient à la France. Ce fût l'époque

---

[1]) Государственный Архивъ.

où notre auguste Maître, daignant se rappeler, avec la bonté qui le caractérise, d'un ancien serviteur, et par les ordres que S. M. I. jugea á propos de me donner, m'associa au poste, dont vous n'avez que momentanément abandonné les fonctions. Actuellement je suis prêt à remettre à v. e. la gestion des affaires, car il vous est non-seulement possible, mais même complétement indispensable de rentrer à Vienne [1])".

Разумовскій сообщилъ въ главную квартиру Императора Александра извѣстіе о пріѣздѣ Штакельберга и о томъ, что онъ передалъ послѣднему дальнѣйшіе переговоры съ Меттернихомъ. Между тѣмъ онъ получилъ отъ друга своего, Поццо-ди-Борго, слѣдующее письмо, помѣченное изъ Императорской квартиры подъ Кротошинымъ отъ 8 апрѣля 1813 года:

„Votre Buffo (?) doit avoir fait lire quelques lignes que j'ai écrites à Würtemberg (?) à son départ de Kalisch. Je répète par cette occasion l'expression des mêmes sentiments, non pas parce que je crois avoir besoin de cette précaution pour vous en convaincre, mais parce que c'est un besoin de mon coeur.

Dieu nous a réservé pour voir triompher cette cause à laquelle nous avons pris tant de part et pour laquelle nous avons tant souffert. Chaque jour amène un événement heureux. La Babylone d'iniquité s'écroule à présent à mesure qu'on la touche. Morand avec 3000 hommes à été pris à Lunebourg par des détachements de troupes légères, après une attaque très vive [2]); 22 canons et 3 drapeaux ont orné ce beau fait d'armes. L'époque et le pays où a eu lieu le combat, le rendent très intéressant à cause des conséquences et de son influence sur l'opinion des peuples. Nous sommes en marche, S. M. I. va avec l'armée. Adressez vos lettres au baron de Stein, qui est déjà à Dresde. Mon désir de revoir Vienne se limite simplement au désir de revoir mes amis. Vous savez quelle place vous tenez dans ce nombre! L'amitié n'a jamais nuit au respect, elle s'y est associée sans lui nuire. Mais je ne veux rien hasarder dans les circonstances et aime plutôt de me priver de ce que je désire le plus, que risquer des refus dans un moment où on pourrait les justifier par de bonnes ou de mauvaises raisons. En passant par Pétersbourg, où je n'ai demeuré que quatre jours, j'ai vu M-me Zagriajsky [3]), qui m'a promis de vous parler de moi. Elle est très bien portante, mieux que je ne l'avais laissée il y a quelques années. Mille bons souvenirs a nos deux prin-

---

[1]) Съ черновой, сохранившейся въ архивѣ князя Разумовскаго.

[2]) 22 Марта, французы и саксонцы, подъ командою генерала Морана, были побиты подъ Люнебургомъ. Русскими командовалъ А. И. Чернышевъ (впослѣдствіи князь), а пруссаками генералъ Дернбергъ.

[3]) Наталья Кирилловна Загряжская, любимая сестра графа Андрея Кирилловича.

cesses [1]) par excellence, elles doivent être bien contentes de pouvoir regarder en face les adorateurs de Napoléon et leur rendre une petite portion de ces sourires moqueurs que nous adressait le parti sûr de son infaillibilité. On me dit que les Lichtenstein se sont francisés; ceux qui étaient des nôtres seraient une nouvelle perte. Quand au prince de la Paix [2]) c'était une chose déjà faite.

La politique est si vivement traitée par ceux qui en sont chargés directement, qu'il serait hors de propos d'en parler dans ce billet, mais que l'on sâche ce que l'on sait déjà à mon avis — c'est qu'il n'y a pas de musique „senza la ballata". Rien n'est plus précieux que l'à propos,—c'est à ces messieurs à ne pas le laisser échapper. Certes ils se sont bien gardés de commencer trop tôt; il faudrait se garder encore d'avantage de se montrer trop tard. De notre côté tout est confiance en eux. L'intérêt de tous commande, qu'on y réponde. Mes voeux pour l'Autriche doivent leur être bien connus, partout où j'ai été, je n'ai jamais cessé d'être son avocat, au moins dans la petite sphère, où je pouvais agir. Maintenant le moment est arrivé où elle doit justifier la bonne opinion, qu'on a donné d'elle, malgré les apparences contraires qui ne lui étaient pas favorables.

Adieu, je conserve mes prétentions: un petit coin du salon et un petit conseil. J'espère que nous jouirons sans trouble du bien général et de la conscience de l'avoir toujours soutenu, malgré le front sourcilleux du tyran, qui avait la main levée sur nos têtes" [3]).

Графу Штакельбергу не удалось тоже убѣдить Меттерниха. Австрія, по обыкновенію, играла двойную игру. Съ одной стороны, она сильно вооружалась, а съ другой успокоивала Наполеона, обѣщая защитить Варшаву и предлагая свою медіацію. Между тѣмъ, предмѣстникъ Меттерниха, графъ Стадіонъ, извѣстный недоброжелатель союза Австріи съ Франціею, отправленъ былъ съ тайнымъ порученіемъ въ русскую Императорскую квартиру. Между тѣмъ, императоръ французовъ не терялъ времени и явился въ центрѣ Германіи съ новою и сильною арміею, благодаря которой и своему военному генію, ему удалось разбить Русскую и Прусскую арміи подъ предводительствомъ графа Виттгенштейна [4]) подъ Лютценомъ. Правда, Наполеону, не смотря на свою побѣду, невозможно было преслѣдовать союзную армію, благодаря недостатку кавалеріи, и кромѣ этого не сдался французамъ ни одинъ плѣнный и не досталось имъ ни единой пушки. Союзники принуж-

---

[1]) Вѣроятно княгини Эстергази и Багратіонъ.

[2]) Эммануилъ Годой, князь Мира, фаворитъ короля испанскаго Карла IV и жены его королевы Луизы-Маріи. род. 1767 † 1851 г.

[3]) Изъ Архива князя Андрея Кирилловича Разумовскаго.

[4]) Впослѣдствіи русскій генералъ-фельдмаршалъ и прусскаго королевства князь.

дены были тѣмъ не менѣе отступить и мѣсто главнокомандующаго занялъ Барклай-де-Толли. Черезъ 18 дней послѣ Лютцена, Наполеонъ, успѣвшій занять Дрезденъ, напалъ подъ Бауценомъ на союзное войско. Два дня продолжалась битва и поле сраженія осталось за французами. Союзники отошли въ Богемію. Однако и эта, несомнѣнно выигранная Наполеономъ побѣда, не походила уже на прежнія наносимыя имъ пораженія, которыя разомъ рѣшали ходъ войны. Союзники, правда, отступили, но въ строгомъ порядкѣ, не такъ какъ въ былыя времена, когда разбитые пруссаки и австрійцы бѣжали въ безпорядкѣ передъ побѣдителемъ. Очевидно, что стойкость русскихъ войскъ стала прививаться къ Блюхеровой арміи. Французы заняли Бреславль, но Наполеонъ, однако, просилъ перемирія, которое и было заключено въ мѣстечкѣ Плейшвицѣ. Условлено было остановить съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія до 20 іюля н. ст., но съ тѣмъ, чтобы французы выступили изъ Бреславля.

Изъ Богеміи, именно изъ Гичина, гдѣ въ то время находилась Императорская квартира, Разумовскій получилъ отъ графа Нессельроде слѣдующее собственноручное письмо, помѣченное 28 мая ст. ст.:

„S. M. I. a eu vivement à coeur les interêts de cette cour s'approcher d'un dénouement qui semble jusqu'à présent conforme aux vues des puissances coalisées. S. M. I. a eu vivement à coeur, m. le comte, de vous témoigner combien elle a apprécié le zèle et l'activité, avec lesquels vous avez soigné ses intérêts à une époque où des circonstances extraordinaires l'avaient déterminé de s'adresser à v. exc."

Послѣ двухъ побѣдъ, выигранныхъ Наполеономъ, хотя хитрый Меттернихъ и понималъ, что побѣды эти далеко не походили на Аустерлицъ или даже Ваграмъ, однако все еще ему не хотѣлось разорвать разомъ съ Наполеономъ. Онъ надѣялся, что, помня свое родство съ императоромъ Францомъ и видя что двѣ побѣды не рѣшили еще хода войны, Наполеонъ рѣшится уступить Австріи все то, чего она только потребуетъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы, оставаясь въ вооруженномъ нейтралитетѣ, она явилась посредницею между воюющими сторонами. Изъ переговоровъ своихъ съ Разумовскимъ Меттернихъ вполнѣ зналъ, что Императоръ Александръ и его союзники, въ случаѣ, если вѣнскій кабинетъ рѣшится присоединиться къ составленной въ Рейхенбахѣ, между Россіею, Англіею, Пруссіею и Швеціею коалиціи противъ Наполеона, готовы будутъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ о вознагражденіи, какія бы ни представилъ австрійскій дворъ. Однако первый министръ императора Франца продолжалъ откладывать рѣшительный отвѣтъ, ожидая полнаго вооруженія Австріи. Его пугали та сила и то вліяніе, которыя съ каждымъ днемъ пріобрѣтала Россія которая, въ случаѣ окончательнаго паденія Напо-

леона, станетъ преобладающей державой въ Европѣ и потому онъ рѣшился вступить въ коалицію только съ равными Россіи военными силами. Вооруженіе однакоже кончалось и императоръ Францъ, рѣшился заявить свои требованія Наполеону. Съ этою цѣлью отправленъ былъ въ Дрезденъ къ Наполеону князь Меттернихъ, съ предложеніемъ медіаціи и съ предъявленіемъ тѣхъ уступокъ, которыя императоръ Францъ требовалъ отъ Наполеона. Меттерниху пришлось выслушать въ Дрезденѣ грубыя выходки императора Наполеона, а въ Рейхенбахѣ подписанъ былъ между тѣмъ графами Стадіономъ, Гарденбергомъ и Нессельроде тайный трактатъ, по которому Австрія обязывалась объявить войну Франціи. Тѣмъ не менѣе, въ Дрезденѣ рѣшено было созвать конгрессъ въ Прагѣ, гдѣ представители Россіи, Англіи, Австріи, Пруссіи и Франціи должны были начать переговоры объ общемъ мирѣ. Какъ видно изъ слѣдующихъ двухъ, весьма интересныхъ, писемъ графа Гарденберга къ графу Андрею Кирилловичу, Императоръ Александръ хотѣлъ сперва назначить Разумовскаго уполномоченнымъ Россіи на Пражскомъ конгрессѣ.

Ratiborschitz le 14 Juillet 1813.

Je sais, mon cher comte, que ma lettre vous est parvenue[1]; ainsi, quoique je n'aie pas de réponse, je suis tranquille, mais aujourd'hui il s'agit d'une affaire plus essentielle pour vous, pour moi et pour la grande cause. Lorsqu'il s'est agi de nommer quelqu'un de la part de la Russie pour le congrès, qui doit s'ouvrir à Prague, votre excellent Empereur (et jamais il ne m'a paru plus excellent), vous a marqué comme une personne des plus propres à défendre sa cause. Tout le monde y applaudit et Metternich vous désire. Il n'y a qu'un seul obstacle qui s'oppose à nos voeux, c'est le temps physique. Dans une conférence de tous les ministres dirigents, qui a eut lieu ici aujourd'hui, le terme de l'ouverture des négociations à Prague a été fixé au 10, au plus tard au 12 du courant. Votre Souverain n'apprendra le résultat de cette conférence que demain matin et il dépend de la prolongation de l'armistice jusqu'au 10 Août, question qui doit être probablement décidée par votre Empereur et le roi de Prusse, si le temps physique suffira pour vous envoyer. S'il se prolonge, vous serez nommé d'après nos conjectures, mais pour ne pas être pris au dépourvu, j'ai été c h a r g é de vous prévenir des intentions de votre Souverain. Préparez-vous donc éventuellement, mais en secret, cher comte, pour le cas que l'ordre de l'Empereur vous parvienne, ce qui ne pourra tarder, que quelques

[1]) Въ архивѣ князя Разумовскаго сохранились только два нами приводимыя письма графа Гарденберга.

jours après l'arrivée de cette lettre, pour pouvoir vous mettre en route au plus tôt.

Adieu, je me réjouis, si mes voeux se remplissent, de vous embrasser à Prague, car, entre nous, je suis invité à m'y rendre.

Tout à vous pour la vie Hardenberg.

Должно быть, что не хватило времени, чтобы выписать графа Андрея Кириловича, или, можетъ быть, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ второго письма Гарденберга, Императоръ не пожелалъ имѣть такое видное лицо, какъ Разумовскій, на Пражскомъ конгресѣ, но, во всякомъ случаѣ, на мѣсто его назначенъ былъ, находившійся при Императорской квартирѣ, эльзасецъ баронъ Анштедтъ, всегда назначаемый въ тѣхъ случаяхъ, когда, по выраженію историка Шлоссера, необходимо было употребить безсовѣстную коварность (gewissenlose Hinterlist [1]). Второе письмо Гарденберга къ Разумовскому было уже изъ Праги, отъ 28 іюля. Содержаніе его слѣдующее:

„Si jusqu'ici, mon cher comte, j'ai tardé à vous écrire, c'est que je désirai vous communiquer des résultats et devant, en outre, attendre une occasion tout-à-fait sûre. Elle se présente aujourd'hui par le départ du général Nugent, et j'en profite avec empressement. Mais au moins, je ne vous dirai pas par lui le résultat du congrès, par la très bonne raison qu'il n'a pas commencé. Bonaparte par des raisons, l'une plus frivole que l'autre, différa toujours l'envoi du principal négociateur Caulaincourt, et Narbonne, quoiqu'il ait annoncé avoir ses pleins-pouvoirs, ne les a pas encore présentés. En attendant, Anstedt joue l'ambassadeur, mais à la manière d'un parvenu. Il fait la roue, comme un paon et quoique je le connaisse depuis longtemps, je ne l'aurai pas cru si ridicule. Heureusement que ses négociations ne seront pas épineuses, car je commence à croire qu'elles n'auront pas lieu du tout.

Dans ce moment j'apprends que Caulaincourt est arrivé, mais j'espère qu'à moins que dans chaque poche il n'ait un royaume à céder, il n'y aura pas de paix. Les souverains alliés sont plus fermes que jamais, et ici, grâce aux déconfitures de Napoléon en Espagne et l'embarras que cela donne visiblement à Bonaparte, l'on ne respire que guerre, faute d'une paix brillante; c'est l'expression de Metternich. Pardon, cher comte, si je ne sais vous en dire d'avantage aujourd'hui; ma première sera, je l'espère, plus intéressante. Pour les détails, je vous renvoie à Nugent qui est informé de tout. Quant au candidat pour la mission d'ici, Stackelberg, que Nesselrode protégeait, a été rejeté d'emblée, de même Alopéus, Tolstoy, parcequ'il était trop éloigné; quant à vous, l'Empereur a balancé le plus longtemps, et si vous aviez été sous la main, vous l'eussiez vraisemblablement emporté. Peut-être voulait-on aussi pas envoyer une

personne de votre rang, ce qui n'a pas peu piqué le grand homme. Schouvaloff a paru trop doux".

Оказывалось, что Наполеонъ былъ крайне обиженъ назначеніемъ Анштедта, который, по его словамъ, былъ эмигрантъ и французскій дезертиръ. Пражскій конгресъ ничѣмъ не окончился. Война началась съ новымъ ожесточеніемъ, а прежнее счастіе окончательно покинуло Наполеона. Слѣдующія письма Гарденберга, которыя, къ сожалѣнію, въ архивѣ Разумовскаго не сохранились, несомнѣнно гораздо болѣе прежнихъ интересовали графа Андрея Кириловича. Изъ нихъ, во-первыхъ, онъ узналъ, что цѣль всей его дипломатической дѣятельности, тѣсный союзъ между Россіею и Австріею, наконецъ, осуществился снова, и что онъ уже въ дорогой ему Вѣнѣ не будетъ находиться какъ во враждебномъ лагерѣ. Вслѣдъ за этимъ отраднымъ для него извѣстіемъ, стали приходить въ Вѣну все болѣе радостныя для Разумовскаго новости. Корпусъ генерала Вандома былъ разбитъ подъ Кульмомъ русскими войсками, подъ предводительствомъ графа Остерманъ-Толстого; на Кацбахѣ, соединенными русскими и прусскими войсками, подъ начальствомъ Блюхера, былъ отраженъ маршалъ Макдональдъ, а вслѣдъ затѣмъ генералъ фонъ-Бюлау, при Денневицѣ, заставилъ отступить корпусъ маршала Нея, столь недавно еще пожалованнаго въ князья de la Moskòwa. Но все это были пораженія отдѣльныхъ корпусовъ императора французовъ. Легко себѣ представить настроеніе Разумовскаго, когда до него дошла вѣсть о лейпцигскомъ погромѣ, гдѣ присутствовалъ самъ Наполеонъ, и гдѣ кровопролитіе продолжалось около четырехъ дней. Тьеръ называетъ это сраженіе ужаснымъ побоищемъ, отъ котораго зависѣло обладаніе міромъ; Шлоссеръ же относится о немъ какъ о великой битвѣ народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что таковою была лейпцигская побѣда, освободившая Германію отъ французскаго ига, и правду говоритъ Тьеръ, увѣряя что Франція въ эти многознаменательные дни лишилась своей лучшей крови, не ради своей славы, а ради своей погибели. Наполеонъ принужденъ былъ отступить за Рейнъ, оставляя въ Германіи около 150,000 свѣжаго войска, разсыпаннаго по многочисленнымъ германскимъ крѣпостямъ, въ которыхъ приказано было храбрымъ ихъ начальникамъ держаться до послѣдней возможности. И эта послѣдняя возможность заставила несчастныхъ начальниковъ другъ за другомъ сдаваться союзнымъ войскамъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Союзники были, однако, утомлены кровопролитіемъ и остановились въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, хотя авангарды ихъ доходили уже до

[1]) Schlosser, Geschichte des XVIII-ten Jahrhunderts; VIII, 410.

Рейна. Всѣ, кромѣ Императора Александра Павловича, барона фонъ-Штейна и его партіи, храбраго фельдмаршала Блюхера, который только и мечталъ о взятіи Парижа, да еще Поццо-ди-Борго, желали мира. Многіе изъ русскихъ генераловъ, даже изъ тѣхъ, которые выдѣлялись среди замѣчательныхъ героевъ тогдашней эпохи, находили, что Россія слишкомъ уже много пожертвовала на общее благо, и весьма вѣроятно предвидѣли, какъ неблагодарно союзники отплатятъ ихъ отчизнѣ за приносимыя ею въ пользу Европы жертвы. Самъ король прусскій не желалъ перейти черезъ Рейнъ, живо помня невзгоды 1792 года. Но никому такъ не хотѣлось остановки, какъ австрійцамъ; не даромъ же на ихъ счетъ составили пруссаки столь извѣстную пѣсню о томъ, какъ всегда и вездѣ они отставали. Императоръ Францъ, или вѣрнѣе князь Меттернихъ, только и думалъ,—и надо признаться, что это было довольно извинительно,—о выгодахъ Австріи. Опасаясь споровъ, онъ увѣрилъ союзныхъ государей, что имъ необходимо быть всегда при союзныхъ арміяхъ и имѣть при себѣ своихъ первыхъ министровъ, и воспользовался этимъ, чтобы вездѣ, на всѣхъ совѣтахъ, разыгрывать первую роль. Правда, что изъ всѣхъ этихъ министровъ Меттернихъ былъ поумнѣе, похитрѣе и поопытнѣе. Ему удалось доставить князю Шварценбергу мѣсто главнокомандующаго союзною арміею, хотя, не говоря уже о Блюхерѣ, многіе генералы, какъ русскіе, такъ и прусскіе, гораздо болѣе Шварценберга были на то способны. Самъ императоръ Францъ не желалъ паденія Наполеона, да и Меттернихъ къ тому не стремился. Онъ хотѣлъ только ослабить Францію на столько, чтобы она не была ужъ страшна возстановленной и получившей должныя вознагражденія, за все ею потерянное въ послѣднія двадцать лѣтъ, Австріи. Разумѣется, вознагражденія Меттернихъ считалъ сверхъ возвращенія потеряннаго. Ему нужна была, однако, еще сильная Франція съ Рейномъ, Альпами и Пиренеями, для поддержанія равновѣсія Европы, которому, какъ онъ воображалъ, угрожала Россія. Онъ дрожалъ, между прочимъ, за Галицію, населенную русскими подданными Габсбургскаго дома. Къ Императору Александру Павловичу Меттернихъ не питалъ ни любви, ни уваженія, хотя, по мѣрѣ силъ своихъ, льстилъ ему. Онъ ненавидѣлъ либеральныя склонности Императора, и хотя онъ вполнѣ воспользовался, когда ему было нужно, барономъ фонъ-Штейномъ и его партіею, однако онъ всячески старался тормозить ихъ замыслы, когда паденіе Наполеона стало ему представляться только, какъ дѣло времени. Не смотря на то, что, по волѣ Александра Павловича, Штейнъ сталъ во главѣ управленія всѣхъ освобожденныхъ, изъ-подъ ига Наполеона, германскихъ государствъ, Меттернихъ поспѣшилъ войти въ соглашенія съ королями виртембергскимъ и баварскимъ и другими менѣе крупными владѣтелями, ко-

торые, большею частью, стояли за Наполеона, крайне опасались замысловъ фонъ-Штейна и тугендъ-бунда и принуждены были войти въ сношенія съ союзниками, только ради ихъ войскъ, не пожелавшихъ, во время Лейпцигскаго сраженія, долѣе драться съ единоплеменными имъ нѣмцами и начавшими переходить, уже со второго дня битвы, на сторону коалиціи. Входя въ непосредственные переговоры съ германскими владѣтелями, Меттернихъ обѣщалъ, что за ними останутся дарованные имъ Наполеономъ титулы, что они получатъ свои старыя владѣнія съ прежними неограниченными правами и, такимъ образомъ, съ одной стороны, уничтожалъ не только либеральныя начала, которыя Штейнъ хотѣлъ, мало-по-малу, вводить во всей Германіи, но еще помѣшалъ ея единенію, о которомъ мечталъ любимецъ Императора Александра, а на мѣсто единенія готовилъ ей будущую федерацію подъ гегемоніею Австріи. Узнавъ изъ писемъ Гарденберга, что Императоръ Александръ Павловичъ его не забывалъ и даже намѣренъ былъ дать ему важное порученіе, графъ Андрей Кириловичъ рѣшился ѣхать во Франкфуртъ и тамъ представился своему Государю. Его удержали при главной Императорской квартирѣ, и онъ, вслѣдъ за другими, когда, не смотря на снова начавшіеся между Меттернихомъ и Наполеономъ переговоры, вслѣдствіе настояній Александра Павловича, рѣшено было двигать союзныя арміи впередъ, не прерывая, однако, начатыхъ переговоровъ. „Въ Фрейбургѣ Бризгаускомъ,—помѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, только что пріѣхавшій изъ Вѣны къ Меттерниху, старый нашъ пріятель Генцъ,—собралось большое количество именитыхъ людей. Изъ министровъ были тамъ, кромѣ князя Меттерниха и князя Павла Эстергази: Гарденбергъ, графъ Нессельродъ, Разумовскій, Алопеусъ, лордъ Абердинъ, лордъ Каткартъ, лордъ Чарльсъ Стюартъ (впослѣдствіи маркизъ Лондондери) и другіе; изъ военныхъ тамъ были: князь Шварценбергъ, генералъ Лангенау, генералы Мерфельдъ, Дука, Радецкій, Вреде, Вильсонъ и еще многіе, съ которыми я находился въ ежедневныхъ сношеніяхъ. Всѣ вечера были проводимы у графа Стадіона, куда собиралось обыкновенно все вышепоименованное общество и гдѣ велись самые живые разговоры о великихъ тогдашнихъ ежедневныхъ происшествіяхъ“ [1]).

---

[1]) Tagebücher стр. 280.

ГЛАВА XII.

Несогласія въ союзномъ лагерѣ.—Переходъ черезъ Рейнъ.—Недовольство Императора Александра и хитрость Меттерниха.—Пріѣздъ лорда Кастельри.—Битвы при Бріеннѣ и Ла-Ротьерѣ.—Конгрессъ въ Шатильонѣ.—Разумовскій назначенъ уполномоченнымъ.—Данная ему инструкція. — Неудачи Блюхера.—Депеша Разумовскаго изъ Шатильона.—Дѣйствія лорда Кастельри. — Военный совѣтъ въ Баръ-сюръ-Объ.—Союзный договоръ, сочиненный лордомъ Кастельри и подписанный союзниками въ Шомонѣ.—Послѣднія депеши Разумовскаго.—Конецъ шатильонскаго конгреса.

Пріѣздъ Разумовскаго во Франкфуртъ былъ пріятенъ Императору Александру, который умѣлъ цѣнить его долгую службу, его несомнѣнныя способности, а особенно, въ данную минуту, ту враждебность, которую старый дипломатъ всегда питалъ къ Наполеону. Графа Андрея Кириловича приняли очень ласково, тѣмъ болѣе, что ближе всѣхъ отъ Государя былъ въ то время его старый другъ Поццо-ди-Борго, изъ дипломатовъ превратившійся въ генералъ-адъютанты Императора Александра и на самомъ дѣлѣ старавшійся всѣми силами поддерживать то воинственное настроеніе въ русскомъ лагерѣ, которое было такъ непріятно австрійцамъ. При дворѣ Александра Павловича Разумовскій нашелъ еще, кромѣ Нессельрода, графа Каподистріа, котораго знавалъ въ Вѣнѣ, гдѣ послѣдній состоялъ при графѣ Штакельбергѣ. Съ тѣхъ поръ Каподистріа былъ правителемъ канцеляріи Барклая-де-Толли и на этомъ мѣстѣ сталъ извѣстенъ Императору. Его умъ, возвышенный образъ мыслей и образованность обратили на него особое вниманіе Александра Павловича, который приблизилъ его къ себѣ и, подобно Нессельроду, назначилъ своимъ статсъ-секретаремъ. Разумовскій оказался въ главной квартирѣ весьма полезнымъ, такъ какъ Поццо-ди-Борго часто отправляемъ былъ императоромъ съ разными тайными порученіями, иногда довольно продолжительными. Такъ, между прочимъ, онъ ѣздилъ въ Лондонъ, гдѣ вёлъ переговоры съ англійскимъ министерствомъ относительно субсидій, которыхъ требовалъ Государь. При Императорѣ по дипломатической части состоялъ собственно одинъ только графъ Нессельродъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ Меттерниха, а Александръ Павловичъ, прежде очень отличавшій австрійскаго перваго министра, въ послѣднее время отъ него отдалился и вовсе уже ему не довѣрялъ. Вотъ отъ чего Каподистріа былъ назначенъ статсъ-секретаремъ и такъ кстати былъ пріѣздъ Разумовскаго. Въ союзномъ лагерѣ единства мыслей и убѣж-

деній не существовало, благодаря австрійцамъ, мечтавшимъ только о собственныхъ выгодахъ и съ завистью смотрѣвшихъ на союзниковъ. „Сохраненіе равновѣсія въ Европѣ,—писалъ Генцъ въ откровенныхъ своихъ письмахъ къ молдавскому господарю Янкѣ Караджѣ,—будетъ постоянно основнымъ правиломъ, компасомъ и полярною звѣздою австрійскаго перваго министра. Вѣнскій дворъ никогда не мыслилъ уничтожать французское преобладаніе, чтобы дать Россіи именно то мѣсто, которое до сихъ поръ занимала Франція... Россія, работая надъ паденіемъ Наполеона, трудится себѣ на пользу. Главная причина, побуждающая Императора Александра желать продолжать войны, это—постоянное желаніе его отличиться въ глазахъ всего свѣта, какъ устроитель гигантской контръ-революціи, какъ освободитель Европы и возобновитель всего, что было уничтожено Наполеономъ" [1]). Генцъ не ошибался, говоря о той роли, которую пришлось Александру Павловичу играть въ описываемое нами время, только не онъ выдавалъ себя, а вся Европа на него смотрѣла какъ на истиннаго вождя соединенныхъ противъ Наполеона силъ, и всѣ знали, что его всегдашнее намѣреніе было довести союзное побѣдоносное воинство до Парижа. Правда, что при этомъ не принимались во вниманіе истинныя потребности Россіи, и что слѣдовало бы, при принесеніи столькихъ жертвъ для общаго блага, по крайней мѣрѣ, заручиться вѣрными обѣщаніями насчетъ ея будущихъ выгодъ. Но не этимъ должны бы были попрекать австрійцы русскаго Императора. Чтó особенно ихъ раздражало въ данную минуту, это невольное впечатлѣніе, которое производила вездѣ въ Европѣ красивая и величавая наружность Александра I-го и его всегдашняя со всѣми любезность, особенно, когда современники сравнивали его съ невзрачнымъ, неловкимъ, нелюдимымъ и недалекимъ императоромъ австрійскимъ, на вѣчную боязливость котораго и вѣчное тормазеніе общаго дѣла его министрами, вся Европа тогда жаловалась.

Александръ Павловичъ настоятельно требовалъ, чтобы война продолжалась и чтобы войска перешли черезъ Рейнъ. Не даромъ доказывалъ ему Поццо-ди-Борго, что Франція истощила всѣ силы свои, въ послѣднія двадцать лѣтъ, внѣ своихъ границъ, и что союзники, ступивъ на французскую почву, почти не найдутъ тамъ сопротивленія, что крѣпости за Рейномъ стоятъ безъ всякой защиты, и что утомленная Франція сама откажется, при видѣ вломившихся въ ея предѣлы союзниковъ, отъ доведшаго ея до погибели Наполеона. Тѣмъ не менѣе Меттернихъ, пользуясь пребываніемъ во Франкфуртѣ и об-

---

[1]) Comte Prokesch-Osten-fils. Dépêches inédites du Chevalier de Gentz aux Hospodars de Valachie. Paris. 1876. 8°. I. 54, 59—72.

щимъ утомленіемъ войскъ, успѣлъ вступить въ переговоры съ Наполеономъ, который требовалъ перемирія и новаго конгреса въ Мангеймѣ. Императоръ Александръ, поддерживаемый совѣтами Поццо-ди-Борго, Разумовскаго и Каподистріа, на конгресъ не согласился, особенно же въ Мангеймѣ, находя, что для конгресса долженъ быть назначенъ французскій городъ. Главное, онъ требовалъ, чтобы переговоры войны не прерывали, а чтобы, напротивъ, ее продолжали какъ можно дѣятельнѣе, съ тою цѣлью, чтобы подписать окончательный миръ, не иначе какъ въ предѣлахъ Франціи, такъ какъ иной миръ не былъ бы согласенъ съ истиннымъ достоинствомъ союзныхъ державъ. Перемиріе же, по мнѣнію русскаго Императора, могло быть полезнымъ одному только Наполеону, который несомнѣнно бы воспользовался имъ для пріисканія новыхъ средствъ къ оборонѣ. Вслѣдствіе настоятельныхъ требованій Александра Павловича, которымъ по-неволѣ и съ крайнимъ неудовольствіемъ пришлось подчиниться и Шварценбергу, и Меттерниху, и австрійскому императору, союзныя войска двинулись, наконецъ, изъ Франкфурта; но недоразумѣнія снова начались между союзниками, и въ Бризгаускомъ Фрейбургѣ, какъ мы видѣли выше, произошла новая остановка. Благодаря затрудненіямъ, представляемымъ Шварценбергомъ и поддерживаемымъ Меттернихомъ, не знали, гдѣ и какъ перейти черезъ Рейнъ. Храбрый Блюхеръ, мнѣнія котораго раздѣляли, какъ Императоръ Александръ, такъ и русскіе генералы, находившіеся подъ командою прусскаго фельдмаршала, указывалъ на необходимость немедленнаго перехода черезъ Рейнъ подъ Майнцемъ, чтобы потомъ соединенными силами идти прямо на Парижъ, оставляя въ сторонѣ главныя крѣпости восточной Франціи, которыя, какъ завѣрялъ Поццо-ди-Борго, не были подготовлены къ защитѣ. Съ своей стороны, осторожный Шварценбергъ представлялъ, что необходимо войти во Францію съ той стороны, гдѣ она была менѣе всего защищена, именно, со стороны нейтральной Швейцаріи, и не спѣша подвигаться по направленію къ Парижу, огибая всѣ крѣпости. Но нейтралитетъ Швейцаріи былъ признанъ всею Европою, и разрушать его было противно убѣжденіямъ Александра Павловича. Мы привели выше слова Генца, который, между прочимъ, подъ вліяніемъ сильнаго недовольства, увѣрялъ господаря молдавскаго, что русскій Императоръ намѣренъ былъ снова создать все то, что было уничтожено Наполеономъ. Эта послѣдняя клевета была еще лживѣе другихъ, такъ какъ австрійцы особенно злились на Александра Павловича за то, что онъ былъ патрономъ либеральныхъ идей и людей,— правда, въ послѣднее время исключительно иностранныхъ. Уже Меттернихъ не разъ жаловался на вліяніе либеральныхъ германцевъ, а здѣсь, въ Фрейбургѣ, оказалось, что Императоръ Александръ, по

дружбѣ къ бывшему наставнику своему Лагарпу, находился въ лучшихъ сношеніяхъ съ швейцарскою либеральною партіею, которой другъ его былъ главнымъ представителемъ. Князь же Меттернихъ поспѣшилъ завести тѣсную связь съ враждебной Лагарпу партіею швейцарскихъ аристократовъ, которой, взамѣнъ за уничтоженіе нейтралитета, обѣщано было возстановленіе всѣхъ старыхъ феодальныхъ правъ подъ покровительствомъ Австріи. Благодаря совершенно противоположнымъ завѣреніямъ, дѣлаемымъ одновременно въ Швейцаріи русскимъ и австрійскимъ уполномоченными въ Цюрихѣ, дѣло чуть не дошло до открытой ссоры между союзниками, именно въ ту важную минуту, когда имъ предстояло вступить, наконецъ, во Францію. Дѣло это успѣлъ, однако, удачно уладить, отправленный въ Цюрихъ Императоромъ Александромъ, графъ Каподистріа, хотя ему пришлось при этомъ, въ виду важности дѣла, согласиться на нѣкоторыя требованія австрійцевъ и заслужить тѣмъ временное неудовольствіе Александра Павловича. Часть русскихъ войскъ заняла сѣверную Швейцарію, и въ самый день Рождества Христова русская армія перешла черезъ Рейнъ подъ Базелемъ, а пятью днями позже другія русскія же войска, подъ командою Блюхера, перешли ту же рѣку между Кобленцемъ и Мангеймомъ. Не смотря на всѣ представленія Меттерниха, Александръ Павловичъ не согласился остаться съ императоромъ Францомъ въ Фрейбургѣ, находя, что, даже въ случаѣ счастливыхъ переговоровъ съ Наполеономъ, слѣдовало сократить путь французскому уполномоченному, и выѣхалъ изъ Фрейбурга въ одно время съ русскими войсками. За нимъ слѣдовала его свита, въ числѣ которой находился и Разумовскій. Къ великой радости послѣдняго, въ Базелѣ, нагнала Императора Александра отправленная изъ Вѣны депутація, съ адресомъ, преисполненнымъ чувствъ уваженія, удивленія и благодарности гражданъ австрійской столицы. Императоръ осыпалъ депутацію любезностями [1]), къ великому, вѣроятно, неудовольствію Шварценберга, Меттерниха и самого, забытаго вѣрными вѣнцами, Франца I. Значеніе Разумовскаго при Государѣ было въ это время весьма значительно, такъ какъ Генцъ, который, какъ мы видѣли выше, всякій день видѣлся въ Фрейбургѣ съ графомъ Андреемъ Кириловичемъ, долгомъ счелъ извѣстить своего господаря, что Разумовскій много способствовалъ тому, чтобы раздразнить и возбудить (irriter et exalter) Императора Александра противъ Наполеона [2]). Когда союзныя войска заняли Лангръ, разумѣется, первымъ пріѣхалъ туда Александръ Павловичъ, а послѣднимъ, какъ всегда и всюду, Францъ I. Нельзя ска-

---

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I-го. IV, 351.

[2]) C-te Prokesch-Osten. Dépêches inédites du Chevalier de Gentz. I. 62.

зать, чтобы отношенія между обоими монархами были въ это время особенно дружественныя. Императоръ Александръ по прежнему былъ крайне недоволенъ нарушеніемъ швейцарскаго нейтралитета, которымъ ему самому пришлось по-неволѣ воспользоваться, но онъ за то всѣми силами старался, чтобы партія аристократовъ не притѣсняла Лагарпа и его сообщниковъ, тогда какъ австрійцы собирались распоряжаться Швейцаріею, какъ завоеванною ими страною. Австрійскій дворъ съ крайнимъ неудовольствіемъ слѣдилъ за политикою русскаго Императора, такъ какъ всѣ дѣйствія послѣдняго шли наперекоръ желаніямъ перваго. Меттернихъ стоялъ за Данію, а Александръ Павловичъ уже обѣщалъ уступку Норвегіи, принадлежавшей доселѣ Даніи, наслѣдному принцу шведскому, т.-е. Бернадоту, который не приходился по вкусу австрійскому министру; кромѣ того, послѣдній болѣе всего на свѣтѣ опасался слишкомъ значительнаго усиленія Пруссіи, а прусскій король былъ болѣе чѣмъ когда-либо въ дружбѣ съ русскимъ Царемъ и всѣ говорили, что между обоими монархами уже рѣшено удалить совершенно саксонскаго короля и всю Саксонію присоединить къ Пруссіи. Не даромъ отказано было въ пріемѣ королю саксонскому Фридриху-Вильгельму послѣ Лейпцига, и его съ тѣхъ поръ содержали военноплѣннымъ сперва въ Берлинѣ, а потомъ въ Фридрихсфельдѣ. Такъ какъ равновѣсіе было всегда любимою мечтою Меттерниха, онъ всѣ свои силы обратилъ къ близкому союзу съ представителями Англіи. Ихъ сначала было трое: лорды Абердинъ и Каткартъ и сэръ Чарльсъ Стюартъ [1]). Кромѣ того, въ союзномъ лагерѣ были еще англичане изъ военныхъ, между прочимъ извѣстный генералъ Вильсонъ. Англійскіе дипломаты заняты были только задачею отрѣзать Францію отъ Шельды и возстановить независимое Голландское королевство въ пользу принца Оранскаго, котораго тогда прочили въ женихи дочери принца регента, принцессѣ Шарлотѣ, будущей наслѣдницѣ англійскаго престола [2]). Меттернихъ всячески ухаживалъ и въ Франкфуртѣ, и въ Фрейбургѣ и въ Лангрѣ за англійскими дипломатами, стараясь ихъ запугать тѣмъ значеніемъ, которое каждодневно все болѣе и болѣе принимаетъ Россія въ Европѣ, и указывая имъ на ту опасность, которая въ недалекомъ будущемъ грозитъ отъ нея на востокѣ и Англіи, и Австріи. Вслѣдствіе этого

---

[1]) Братъ лорда Кастельри, будущій лордъ Лондондери.

[2]) Принцесса Шарлота скончалась въ 1816 г. Она отказала принцу Оранскому и вышла замужъ по любви за принца Леопольда Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, будущаго короля бельгійцевъ и брата в. кн. Анны Θеодоровны, супруги цесаревича Константина Павловича. Она была его первою женою и прожила съ нимъ только одинъ годъ. Смерть ея оплакивала вся Англія. Принцъ же Оранскій женился на в. княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, за которую сватался Наполеонъ.

вскорѣ въ союзномъ лагерѣ обрисовались двѣ совершенно отдѣльныя и тайно-враждебныя другъ къ другу партіи: русско-прусская и англо-австрійская. Вообще, главная квартира союзниковъ представляла грустную картину, тѣмъ болѣе, что относительно дальнѣйшаго веденія войны не существовало опредѣленнаго плана и что всѣ военачальники были раздражены другъ противъ друга. Въ такую критическую минуту, въ лагерь разрозненныхъ союзниковъ прибылъ еще новый дипломатъ, лордъ Кастельри, тогдашній англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Англія рѣшилась отправить къ подвижному конгресу, какъ остроумно называетъ Тьеръ главную квартиру союзныхъ монарховъ, своего самаго въ то время замѣчательнаго дипломата, съ цѣлью успокоить разыгравшіяся со всѣхъ сторонъ страсти, возобновить въ лагерѣ, между тремя отдѣльными, хотя и союзными кабинетами, полное согласіе и единеніе, приводя при этомъ къ благому исходу всѣ тайныя намѣренія Англіи, побуждать всѣхъ соблюдать умѣренность и особенно избѣгать при этомъ какихъ бы то ни было крайнихъ мѣръ [1]. Лордъ Кастельри, который былъ дружественно принятъ обѣими сторонами и за которымъ сильно ухаживалъ въ особенности князь Меттернихъ, началъ свой подвигъ словами примиренія. Между имъ и союзными министрами, сейчасъ же по его пріѣздѣ въ Лангръ, составились совѣщанія, на коихъ представителями Россіи были графъ Разумовскій, графъ Нессельродъ и Поццо-ди-Борго, со стороны Австріи — князь Меттернихъ и графъ Стадіонъ, а со стороны Пруссіи—графъ Гарденбергъ [2]. На этихъ совѣщаніяхъ лордъ Кастельри доказывалъ, что публично данное союзными державами обѣщаніе начать съ Наполеономъ переговоры ставило ихъ въ весьма затруднительное положеніе передъ Европою, что хотя было отказано въ конгресѣ, который императоръ французовъ предлагалъ созвать въ Мангеймѣ, самими же державами указано было, что слѣдовало конгресъ созвать во Франціи, и что французское правительство въ отвѣтъ на это указало на городъ Шатильонъ, какъ удобное для этого мѣсто. Въ Англіи,—добавилъ при этомъ Кастельри, не совсѣмъ, впрочемъ, добросовѣстно, такъ какъ именно въ это время негодованіе Англіи противъ Наполеона достигало послѣднихъ границъ,—новый отказъ произведетъ весьма невыгодное для коалиціи впечатлѣніе. Стараясь въ отдѣльныхъ свиданіяхъ склонить Императора Александра, короля прусскаго и ихъ совѣтниковъ, настаивавшихъ на безполезности дальнѣйшихъ переговоровъ съ Наполеономъ, Кастельри представлялъ имъ, что вся важность переговоровъ будетъ состоять въ предлагаемыхъ союзниками непремѣнныхъ условіяхъ, изъ которыхъ первымъ

---

[1]) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. V, 360.
[2]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I. IV, 376.

слѣдуетъ быть возвращенію Франціи къ границамъ, которыя она имѣла въ 1792 году. Если Наполеонъ такого перваго предложенія не приметъ, тогда переговоры немедленно будутъ прерваны. А если, паче чаянія, онъ его приметъ, то именно этимъ онъ докажетъ, до какой степени онъ ослабленъ и униженъ; а англійскому министру казалось, что большаго удовлетворенія отъ падшаго Наполеона союзники не въ правѣ были ожидать, и что онъ твердо знаетъ, что Англія будетъ этимъ вполнѣ удовлетворена. Такое заявленіе заставляло и Александра Павловича, и всю его партію нѣсколько призадуматься. Если Англія будетъ удовлетворена, то она явно остановитъ дальнѣйшую выдачу субсидій, а русскіе финансы требовали не только продолженія ихъ, но, какъ мы увидимъ ниже, сильнаго ихъ увеличенія.

Съ княземъ Меттернихомъ, наединѣ, лордъ Кастельри велъ другія рѣчи. Его нечего было уговаривать на переговоры, — онъ ими только и бредилъ, — его, наоборотъ, слѣдовало задерживать и нѣсколько запугивать насчетъ будущаго. Англійскій министръ признавался австрійскому, что въ твердость мира, заключаемаго съ Наполеономъ, онъ вѣрить не можетъ, но что переговоры все-таки начать необходимо. При этомъ онъ замѣтилъ, что если Наполеонъ вздумаетъ вдругъ не принять предлагаемыхъ ему условій, то слѣдуетъ — по его по крайней мѣрѣ мнѣнію — считать разъ навсегда, что съ нимъ все покончено, и поэтому прервать съ нимъ всякія дальнѣйшія сношенія. Тогда, — дополнилъ лордъ Кастельри, — Австріи, какъ высшей представительницѣ законнаго и наслѣдственнаго монархизма, не слѣдуетъ обращать вниманіе свое на разныя кандидатуры, какова, напримѣръ, кандидатура наслѣднаго принца шведскаго, которую какъ, кажется, поддерживаетъ русскій Императоръ, помня, что онъ только Бернадотъ и поэтому, пожалуй, еще болѣе проходимецъ, чѣмъ самъ Наполеонъ, и что онъ заставляетъ союзниковъ крайне дорого оплачивать свои малозначащія услуги коалиціи. Австрія, — заключилъ Кастельри, — всегда должна помнить, что единственные законные монархи Франціи — Бурбоны. Многое изъ сказаннаго англійскимъ министромъ было крайне не по сердцу Меттерниху. „Задушевное желаніе австрійскаго кабинета, — писалъ молдавскому господарю близкій къ Меттерниху Генцъ, — было примириться съ Наполеономъ, уменьшить его силу, оградить его сосѣдей отъ его безпокойнаго самолюбія, но сохранить и его, и семью его на престолѣ Франціи. Это желаніе было плодомъ не любви отца къ своей дочери, а справедливаго, мудраго и свѣтлаго разсчета, понимавшаго ясно, что возстановленіе Бурбоновъ послужитъ гораздо болѣе частнымъ выгодамъ Англіи и Россіи, чѣмъ благу Австріи и вообще Европы. Истощенная Франція, подъ слабымъ скипетромъ Бурбоновъ, будетъ совершенно безсильна и ничтожна, а благодаря отсутствію всякаго перевѣса на западѣ Европы,

Россія, раздутая (enflée) своими успѣхами, своею славою и тѣмъ вліяніемъ, которое она съумѣла пріобрѣсть въ Германіи, тѣсно и неразрывно связанная съ Англіею, уже вовсе не имѣющая причинъ бояться Швеціи и, на первое по крайней мѣрѣ время, вполнѣ спокойная относительно Пруссіи, будетъ имѣть полную возможность осуществить всѣ свои честолюбивые замыслы, будетъ снова угрожать Турціи, а Австрію держать въ постоянномъ безпокойствѣ, и въ концѣ концовъ достигнетъ грознаго, какъ для ея сосѣдей, такъ и для остальной Европы, перевѣса“ [1]). Меттернихъ не безъ смущенія слушалъ то, что ему сообщалъ Кастельри. Онъ ему всячески старался доказать, какъ опасна въ будущемъ, можетъ быть Россія, и настаивалъ на необходимости тѣснаго союза между Англіею и Австріею. Но онъ еще не отчаявался, что можно будетъ сговориться съ Наполеономъ, и поспѣшилъ отправить къ герцогу Виченцскому, только что назначенному Наполеономъ вмѣсто Маре, герцога Бассано, министромъ иностранныхъ дѣлъ, въ Шатильонъ своего повѣреннаго г. де Флоре, который долженъ былъ ему объяснить, какъ необходимы будутъ его правительству на предполагаемомъ конгресѣ податливость и немедленное соглашеніе на всѣ предлагаемыя Франціи условія. Условія эти были выработаны всѣми членами тѣхъ совѣщаній, которыя составлены были при пріѣздѣ въ Лангръ лорда Кастельри и которыя мы поименовали выше.

Такимъ образомъ, Англія подала союзникамъ первую мысль о возстановленіи Бурбоновъ, и именно въ то время, когда союзныя войска вошли во Францію. Поццо-ди-Борго всячески старался поддержать эту мысль въ разговорахъ съ Императоромъ Александромъ. Любимою мечтою Разумовскаго было именно это возстановленіе. Однако Кастельри,— не смотря на то, что онъ первый указалъ на Бурбоновъ,—настаивалъ на необходимости переговоровъ въ Шатильонѣ, и ему удалось, хотя не безъ труда, склонить на назначеніе уполномоченныхъ и Императора Александра, и короля прусскаго. Въ Австрію были назначены всѣ тѣ, которые должны были вести послѣдніе переговоры съ Наполеономъ, и ихъ описалъ слѣдующимъ образомъ фонъ-Генцъ въ своихъ депешахъ къ молдавскому господарю.

„Составъ шатильонскаго конгреса не такого рода, чтобы успокоить умы касательно враждебныхъ замысловъ союзниковъ. Графъ Разумовскій, русскій уполномоченный, всегда былъ извѣстенъ какъ самый непримиримый и неукротимый врагъ Наполеона [2]). Баронъ Гумбольдтъ, по своему уму и познаніямъ, несомнѣнно одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей нашего времени; у него холодный и безстрастный характеръ, неспособный ни къ любви, ни къ ненависти; онъ

[1]) Comte Prokesch-Osten. Dépêches inédites du Chevalier de Gentz. I. 70—71.

[2]) Никто, быть можетъ, болѣе Генца, не помогалъ, какъ мы видѣли выше, графу Андрею Кириловичу въ тайной борьбѣ его противъ Наполеона.

презираетъ и свѣтъ, и людей, но готовъ во всемъ и вездѣ помогать графу Разумовскому, только потому, что думаетъ о томъ, какъ, послѣ мира, при прусскомъ дворѣ, будетъ во власти именно та партія, которая теперь требуетъ самыхъ преувеличенныхъ мѣръ и во главѣ которой онъ самъ намѣренъ стать. Самъ графъ Стадіонъ, хотя и слишкомъ честенъ, и слишкомъ добросовѣстно исполняетъ свой долгъ, чтобы дѣйствовать на конгресѣ противъ истинныхъ намѣреній своего правительства, однако въ глубинѣ души питаетъ какое-то тайное отвращеніе ко всему тому, что могло бы продолжить дальнѣйшее царствованіе Наполеона, котораго онъ всегда ненавидѣлъ, хотя и съ бо̀льшимъ разумомъ и осторожностію, но почти такъ же сильно, какъ и графъ Разумовскій... Что крайне курьёзно, это—то, что на конгресѣ въ Шатильонѣ будутъ три и даже четыре представителя Англіи. Лордъ Кастельри долженъ былъ выбрать между двумя послами: лордомъ Каткартомъ [1]) и лордомъ Абердиномъ [2]), и посланникомъ при королѣ прусскомъ—генераломъ Стюартомъ, который ему приходится братомъ. Чтобы не обидѣть ни одного изъ кандидатовъ, лордъ Кастельри кончилъ тѣмъ, что назначилъ всѣхъ троихъ, и чтобы всѣ трое были направлены къ одной общей цѣли, онъ самъ рѣшился ѣхать въ Шатильонъ, хотя не будетъ засѣдать въ собраніяхъ конгреса... У трёхъ представителей Англіи не будетъ другой воли, какъ та, которую будетъ имъ подсказывать лордъ Кастельри; а онъ, хотя и искренно желаетъ мира и вполнѣ одобряетъ умѣренный образъ мыслей Австріи, принужденъ въ то же время по-неволѣ лавировать и утверждать, что онъ не придерживается вовсе такого образа мыслей. Боязнь разгнѣвить русскаго Императора и еще большій страхъ поставить самого себя въ непріятное положеніе передъ общественнымъ мнѣніемъ Англіи, гдѣ ненависть къ Наполеону стала теперь чѣмъ-то въ родѣ неистовства, заставляютъ по-неволѣ лорда Кастельри такъ вести себя" [3]).

Выборъ Императора Александра сейчасъ же остановился на Разумовскомъ. Это былъ именно тотъ человѣкъ, который ему былъ нуженъ въ настоящую минуту. Какъ видно изъ приводимыхъ нами ниже депешъ графа Андрея Кириловича, Александръ Павловичъ имѣлъ съ нимъ длинные разговоры, передъ отъѣздомъ изъ Лангра, въ которыхъ не скрылъ отъ него, что противъ своего желанія начинаетъ новые переговоры съ своимъ, теперь уже непримиримымъ, врагомъ, и что онъ разсчитываетъ на то, что его повѣренный поведетъ дѣло такъ, что переговоры не окончатся миромъ, а что самъ онъ, при Божіей помощи, надѣется достичь въ Парижѣ общаго мира. Едва успѣлъ пере-

1) Лордъ Каткартъ (Cathchart) былъ посломъ при Императорѣ Александрѣ.

2) Лордъ Абердинъ былъ посломъ при императорѣ Францѣ I.

3) Prokesch-Osten. Dépêches inédites du Chevalier de Gentz. I. 57, 62, 65.

говорить съ Разумовскимъ Александръ Павловичъ, какъ дошло до Лангра, въ самый день, когда было подписано назначеніе уполномоченныхъ на конгресъ въ Шатильонъ, извѣстіе, что Наполеонъ напалъ подъ Бріенною на корпусъ Блюхера, который, вмѣстѣ съ генераломъ Гнейзенау, чуть-чуть не попался въ плѣнъ, и что, отразивъ соединенный корпусъ изъ пруссаковъ и русскихъ, онъ заставилъ ихъ отойти до Ла-Ротьера. Императоръ Александръ сейчасъ же полетѣлъ къ аттакованному корпусу, заставивъ и Шварценберга выступить изъ Лангра на помощь Блюхеру. При кровавой битвѣ при Ла-Ротьерѣ Наполеонъ потерялъ седьмую часть своей арміи, а также, благодаря невозможнымъ отъ беспрестанныхъ дождей дорогамъ, до 70 орудій, и отступилъ до Ножана, находившагося въ двадцати часахъ отъ Парижа. Вся Франція,—повѣствуетъ Шлоссеръ,—дрогнула тогда отъ испуга [1]). Въ письмѣ къ матери своей Александръ Павловичъ, назвалъ совершенно правдиво битву при Ла-Ротьерѣ знаменательною побѣдою надъ Наполеономъ. За нее генералъ Сакенъ [2]), находившійся съ прошлой кампаніи въ немилости, получилъ орденъ св. Андрея, а князь А. С. Щербатовъ и И. В. Васильчиковъ [3]) награждены были вторымъ Георгіемъ.

Разумовскій отъ Государя изъ Варъ-сюръ-Объ получилъ свое полномочіе въ Лангрѣ, и на другой же день, на своихъ лошадяхъ, отправился въ Шатильонъ. Высочайшій рескриптъ на имя Разумовскаго, изъ Бара-сюръ-Объ, отъ 22-го января 1814 г., былъ слѣдующаго содержанія:

M. le conseiller privé actuel, comte de Rasoumovsky. Le zèle, les talents et l'expérience, dont vous m'avez donné tant de preuves, vous ont acquis de justes titres à ma confiance. Ils m'ont déterminé de vous charger de l'importante négociation que je me suis décidé, conjointement avec mes alliés, à ouvrir avec la France, dans le but d'annoncer une pacification générale. L'instruction que vous trouverez ci-jointe, a été dressée en commun avec les cours de Vienne, de Londres et de Berlin. Je l'ai approuvée dans tous ses points. Elle vous servira donc également de règle sur la marche à suivre et vous fixera les principes et les conditions qui doivent être mises en avant dans cette négociation. Sur ce je prie Dieu, m. le comte, qu'il vous ait en sa sainte et digne garde.

Инструкцію эту, по ложному увѣренію Шлоссера, составилъ Поццо-ди-Борго въ Лангрѣ [4]). Поццо только принялъ участіе въ составле-

---

[1]) Schlosser. Geschichte des XVIII Jahrhunderts. VIII, 515—516.

[2]) Впослѣдствіи фельдмаршалъ и князь.

[3]) Впослѣдствія князь.

[4]) Schlosser. Geschichte d. XVIII Jahrhund. VIII, 521.

нія ея, точно также, какъ Меттернихъ, Стадіонъ, Разумовскій, Кастельри и Гарденбергъ. При инструкціи находилась депеша графа Нессельрода, „писанная отъ 24-го января, изъ Вандёвра“ (Vandœuvres), слѣдующаго содержанія:

„J'ai soumis à S. M. l'Empereur ce projet d'instruction arrêté dans les conférences de Langres. S. M. I. vient de l'approuver et m'ordonne de la transmettre à v. ex. avec le rescrit relatif à sa nomination. J'ai l'honneur de vous transmettre une relation de la bataille de Brienne faite par ordre de S. M., mais dont elle désire que m. de Caulaincourt n'ait aucune connaissance, afin qu'il ne puisse pas juger par là, quels sont les différents corps, dont se composent les armées alliées, ainsi que les directions qu'elles ont suivies. Il est du plus haut intérêt dans ce moment que des notes de ce genre ne parviennent pas à l'empereur Napoléon, parce que nos mouvements sont encore en pleine exécution“.

Редакція, присланная при рескриптѣ, была слѣдующаго содержанія.

„Война, которую Европа ведётъ съ Франціею, цѣлью своею имѣетъ привести эту державу въ размѣры, сообразные съ системою общей независимости и европейскаго политическаго равновѣсія. Умѣренныя въ своихъ желаніяхъ и строго справедливыя въ примѣненіи руководящихъ ими принциповъ, великія союзныя державы постоянно и во всемъ выказываютъ свои миролюбивыя намѣренія. Тайные переговоры, веденные съ французскимъ правительствомъ, послѣ прибытія императоровъ и короля прусскаго въ Франкфуртъ, были приняты такъ, что, очевидно, доказали, какъ сильно чувствуетъ оно необходимость измѣнить свое настоящее положеніе согласно видамъ союзныхъ державъ. Союзники же, вѣрные напередъ начертанному плану, рѣшаются вступить теперь въ открытые переговоры съ Франціею. Для достиженія этой цѣли, уполномоченные, назначенные дворами: австрійскимъ, русскимъ, англійскимъ и прусскимъ, имѣютъ отправиться въ Шатильонъ, гдѣ находится теперь французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, и совокупно съ нимъ должны составить пріуготовительныя конференціи для начала переговоровъ о мирѣ.

„Основаніемъ своихъ переговоровъ уполномоченные должны поставить, что они являются не только какъ представители четырехъ дворовъ, но еще какъ уполномоченные всей совокупной Европы, какъ отъ одного цѣлаго, такъ какъ всѣ четыре великія державы отвѣчаютъ за согласіе своихъ союзниковъ на тѣ условія, которыя будутъ выработаны для заключенія мира. Уполномоченные должны заявить представителю Франціи, что они обязаны работать сообща и не иначе вести переговоры, какъ всѣ вмѣстѣ, составляя протоколъ каждаго засѣданія.

„Самая форма приготовительныхъ конференцій ставитъ уполномо-

ченныхъ выше всѣхъ вопросовъ этикета, которые наблюдаются обыкновенно при конгресахъ.

„Коль скоро вышеизложенныя положенія будутъ приняты Франціею, уполномоченные должны будутъ, передъ началомъ переговоровъ, заявить: что союзныя державы присоединились къ объявленію, сдѣланному англійскимъ дворомъ, и рѣшили, что всякій вопросъ, относящійся до настоящаго морского положенія, будетъ считаться противнымъ духу настоящихъ переговоровъ. Великобританія не требуетъ отъ прочихъ государствъ, но въ то же время и не уступаетъ имъ ничего изъ тѣхъ правъ своихъ, на которыя она смотритъ какъ на обоюдообязательныя, и которыя поэтому должны рѣшаться на основаніи общихъ международныхъ законовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда права эти были измѣнены, вслѣдствіе частныхъ конвенцій между отдѣльными державами. Всякое настояніе Франціи, касательно настоящаго морского положенія, покажется союзнымъ державамъ противнымъ той цѣли, которая собрала уполномоченныхъ въ Шатильонѣ, а потому и направленнымъ противъ возстановленія мира.

„Сообщивъ вышеизложенныя положенія представителю Франціи, уполномоченные должны приступить къ рѣшенію частныхъ вопросовъ, составляющихъ суть пріуготовительныхъ переговоровъ.

„Вопросы эти дѣлятся на двѣ отдѣльныя части: 1) вопросъ о будущихъ границахъ Франціи, и 2) вопросъ объ общемъ состояніи остальной Европы.

„Границы Франціи представляютъ, даже съ точки зрѣнія союзныхъ державъ, большой просторъ для подробныхъ переговоровъ. Уполномоченные должны, однако, съ самаго начала требовать, чтобы Франція вступила снова въ тѣ границы, которыя она имѣла до революціи, съ соблюденіемъ, однако, нѣкоторыхъ обоюдныхъ выгодъ въ отношеніи владѣній, находящихся прямо внѣ границъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, и съ исключеніемъ тѣхъ вознагражденій, на которыя согласна Англія, взамѣнъ требуемыхъ ею возвратовъ тѣхъ владѣній, которыми завладѣла Франція во время войны.

„Такимъ образомъ, четыре великія союзныя державы являются для переговоровъ не отдѣльно, а сообща, какъ представительницы соединенной Европы. Франція, вѣроятно, пожелаетъ узнать при этомъ, въ какихъ политическихъ отношеніяхъ она найдется въ будущемъ относительно другихъ государствъ. На такой вопросъ уполномоченные должны представить слѣдующій краткій очеркъ предполагаемаго въ Европѣ устройства.

„Великія европейскія державы признаютъ себя, во-первыхъ, каждую отдѣльно въ полной отъ другихъ независимости, и новое разгра-

ниченіе своихъ границъ намѣрены рѣшить между собою въ весьма непродолжительномъ времени.

„Германія по прежнему будетъ состоять изъ многихъ отдѣльныхъ государствъ, соединенныхъ въ федеральный союзъ, который призванъ утверждать и обезпечивать ея независимость.

„Швейцарская федерація, снова введенная въ свои прежнія границы, будетъ пользоваться полною независимостью, охраненіе которой примутъ на себя всѣ великія европейскія державы, въ томъ числѣ и Франція.

„Италія, раздѣленная на независимыя государства, станетъ, по прежнему, между Австріею и Франціею. Испанія, подъ скипетромъ короля Фердинанда VII, остается въ прежнихъ своихъ границахъ.

„Голландія, снова свободная и независимая, поступаетъ подъ управленіе принца Оранскаго. Придется, однако, расширить ея предѣлы, утвердивъ ихъ новыми, болѣе возможными границами.

„Франція должна будетъ отказаться отъ всякаго прямого вліянія внѣ будущихъ своихъ границъ, а глава ея правительства долженъ сложить съ себя всѣ титулы, зависѣвшіе отъ прежнихъ ея владѣній и протектората въ Италіи, Германіи и Швейцаріи.

„Такъ какъ ходъ переговоровъ долженъ, главнымъ образомъ, быть вліяніемъ хода войны, которая будетъ продолжаться во время ихъ веденія, уполномоченные получатъ новыя наставленія, могущія измѣниться, смотря по тому, какъ приняты будутъ ихъ первыя заявленія, а также по тому, какъ того потребуетъ дальнѣйшій ходъ самихъ дѣлъ.

„Уполномоченные обязаны, сколько возможно часто и вѣрно, сообщать каждый своему двору о ходѣ переговоровъ“ [1]).

Разумовскій изъ Шатильона отвѣчалъ Государю слѣдующимъ донесеніемъ:

Sire, ce n'est qu'hier, 25 janvier, que m'est parvenu le rescrit de V. M. I. joint à son instruction pour la négociation, qu'elle a jugé à propos d'établir d'accord avec les souverains, ses alliés. Profondément pénétré, Sire, de ce nouveau témoignage de votre confiance, jaloux de la justifier par le zèle et le dévouement dont j'ai toujours fait profession pour votre service, daignez que j'en renouvelle ici l'hommage respectueux. Souffrez en même temps, Sire, que je joigne celui de mes félicitations sur le succès de vos armées victorieuses. C'est la continuité de ces succès, Sire, qui deviendra pour l'Europe le gage assuré d'une paix durable et pour V. M. I. d'une gloire immortelle.

Вѣрные нашей задачѣ, мы, относительно хода шатильонскаго конгреса, будемъ пользоваться тѣми депешами, которыя Разумовскій

[1]) Государственный Архивъ. Campagne de 1814.

отправлялъ графу Нессельроду въ главную квартиру Императора Александра, и потому будемъ снова пользоваться перомъ нашего героя. Приводимыя нами депеши, почерпнутыя изъ государственнаго архива, суть послѣднія въ жизни Разумовскаго. Послѣ дѣятельности своей въ Шатильонѣ, не смотря на участіе, принятое имъ и въ парижскомъ мирѣ и на вѣнскомъ конгресѣ, ему уже никогда не приходилось заниматься чисто дипломатическою корреспонденціею.

Первая депеша была написана Разумовскимъ на другой же день по пріѣздѣ своемъ въ Шатильонъ.

I.

24 января (ст. ст.) 1814.

Quoique je ne sois point encore à même de porter à la connaissance de S. M. l'Empereur un rapport circonstancié de notre début dans les occupations, qui nous ont amenées ici, je ne veux pas différer le renvoi du courrier qui m'a remis hier soir votre lettre de Vandœuvre dâtée du même jour. Je me bornerai dans celle-ci à vous marquer ce qui s'est passé depuis que nous nous sommes rassemblés en cette ville.

Les pleins-pouvoirs de S. M. l'Empereur ne m'étant parvenus à Langres que dans la journée du 2 (n. st.) je me suis mis en route le lendemain matin, et voyageant avec mes chevaux, je suis arrivé ici le 4, vers midi. Les visites d'usage et dans les formes accoutumées ont eu lieu ce même jour. Il a été convenu réciproquement que la première conférence entre les plénipotentiaires respectifs auront lieu ce matin. Le protocole devait en être dressé dans la journée, le c. de Stadion s'est chargé d'en faire faire la rédaction dans sa chancellerie et de la faire collationner ce soir chez le plénipotentiaire français. Cette rédaction n'ayant pu être achevée à temps, elle ne pourra être complétée que dans la journée de demain. Elle fera l'objet d'une seconde expédition. Celle-ci vous informera succinctement de ce qui s'est passé aujourd'hui. L'extrême condescendance du plénipotentiaire français et la rapidité, avec laquelle il a passé sur tous les points qu'on s'attendait à voir plus ou moins débattus, a tellement abrégé la durée de cette première conférence, qu'elle ne s'est sûrement pas prolongée au-de-là d'un gros quart d'heure. Il a cédé sans discussion quelconque sur tous les objets que nous avions fixés pour remplir la séance dont le c. de Stadion avait été constitué l'orateur. Les objets étaient: 1-o) la vérification des pouvoirs. Il n'a point produit le sien et n'a pas voulu s'arrêter à une forme superflue, selon lui, qu'il a declinée dans les termes de la plus grande politesse, disant que dans ce moment ce n'étaient que de simples passeports et que la véritable vérification aurait lieu à la signature; on a procédé 2-do) les formes des séances;

3-zo) la déclaration que les alliés traitaient au nom de l'Europe; 4-o) le droit maritime. Nulle difficulté, sur aucuns pas le moindre objection, et lorsqu'on lui a déclaré que la séance était terminée pour aujourd'hui, il a mis tout en œuvre pour nous engager à donner suite à nos demandes. Il a allégué que depuis un mois il se trouvait aux avant-postes, qu'il était impossible que les alliés n'eussent pas eu le temps de méditer leurs propositions, enfin son empressement d'aller en avant était tel, qu'il aurait voulu, je pense, épuiser la négociation dans son jour ou au moins en accélérer la marche autant que possible. Nos collégues se sont maintenus rigoureusement dans les bornes que nous avions posées dans un entretien particulier.

Cependant, pour couper court aux instances de notre adversaire, j'ai cru devoir déclarer que n'ayant point encore mes instructions, que S. M. l'Empereur, dans les circonstances actuelles, n'avait pas eu le loisir de me faire expédier, je me trouvais hors de mesure de poursuivre la négociation, jusqu'à ce quelles me fussent parvenues. Après les succès brillants de nos armées, il me semble permis de conjecturer que la position de Napoléon a tellement empirée sous le rapport militaire et politique, qu'il aura donné ordre à son plénipotentiaire d'amener, coute qui coute, la conclusion de la paix, pourvu que ce soit avec lui qu'on la signe et qu'elle puisse servir d'appui à l'existence chancellante de son autorité. La prochaine conférence servira à nous en convaincre. Elle aura pour objet les limites de la France et tout ce qu'on a déterminé d'énoncer sommairement sur les arrangements futurs concernant le reste de l'Europe. Il m'a semblé essentiel de fixer l'attention de mes collégues sur les inconvénients qu'il aurait à se laisser entraîner par la trop grande facilité d'accéder à nos propositions, et je crois pouvoir compter sur leur accord unanime à cet égard. Ils paraissent d'avis, que l'objet des compensations, qui touche particulièrement l'Angleterre, donnera matière à des discussions, qui nous feront gagner le temps convenable au développement du résultat des opérations militaires, mais si leur calcul en cela se trouvait renversé par la supposition que j'ai faite plus haut de celui de Bonaparte, j'ai toutefois l'assurance très sage de milord Castlereagh que dans ce cas la marche de Napoléon mise en évidence serait paralysée dans son effet par la nécessité où il se déclarerait être, de devoir se rendre auprès des souverains alliés pour y concerter le principe des rétrocéssions sous un point de vue plus approfondi par rapport à la solidité du système futur de sûreté et d'indépendance des puissances de l'Europe.

Je ne crois pas inutile, m. le comte, de vous dire que le s-r de la Bernardière, arrivé hier de Paris, qu'il a quitté depuis cinq jours, ayant passé par leur quartier général, paraît avoir apporté des nou-

velles sinistres de la capitale, d'après l'avis des personnes qui ont cru remarquer de la consternation dans ses propos.

M. de Caulaincourt nous a donné aujourd'hui un splendide dîner, où il a pris la tâche de déployer la magnificence et la recherche de la somptuosité.

P. S. Je croirais nécessaire, m. le comte, que j'aie des passeports pour mes courriers lesquels seraient visés par le général autrichien qui se trouve ici. V. ex. trouvera ci-joint 2 lettres que mylord Castlereagh m'a prié de faire parvenir au quartier général.

II.

Отъ 26 января (ст. ст.).

C'est au sortir de la seconde conférence que je rentre chez moi pour en tracer la substance. Elle a été remplie par les objets suivants: 1-o) On a vérifié les pouvoirs; on en a échangé les copies. Cette formalité avait été omise dans la première conférence, il a été décidé entre temps, qu'on l'effectuérait à la seconde. En lisant mon pleinpouvoir le plénipotentiaire français a observé qu'il ne contenait pas explicitement l'autorisation formelle de *signer la paix* à moins que je ne répondisse, a-t-il ajouté, d'entendre dans ce sens celle dont j'y étais muni. Je repondis: que je croyais que cela revenait à peu près au même, mais qu'il ne tenait qu'à lui, s'il le jugeait à propos, de m'en demander une explication précise, sur quoi je me référerais à la décision de mon souverain. Il a laissé tomber la question. On a procédé 2-do) à la vérification et à l'échange du protocole de la première conférence. Mon exemplaire devant être recopié et revêtu des signatures respectives, j'espère pouvoir le joindre à ma dépêche. 3-o) On a abordé le point important de la rentrée de la France dans ses anciennes limites avant la révolution avec les deux *saufs*, tels qu'ils se trouvent littéralement dans notre instruction commune. Le c-te de Stadion portait la parole pour l'initiative; sa méthode est de la coucher par écrit, et d'en faire lecture. Il serait difficile de rendre ici la discussion qui s'est établie à ce sujet. M. de Caulaincourt, d'un ton humble, consterné a annoncé: que *son rôle était celui des sacrifices* qu'il était prêt à souscrire à nos demandes, pourvu qu'on les lui fasse promptement et en une fois, ne sachant point déguiser son impatience de conclure la paix, et mettant avec trop peu d'adresse en évidence les embarras dont son chef doit se trouver assailli. Cependant il a insisté sur la connaissance des arrangements qui auraient lieu en Europe, disant: qu'il lui était essentiel de les savoir et de juger dans quel rapport d'équilibre se trouverait la France à son égard. Je lui ai ré-

pondu: que l'équilibre de l'Europe avait été trop longtemps lésé et détruit, que c'était précisément son rétablissement qui faisait l'objet de la sollicitude de nos cours, et que cet objet était entièrement distinct de ce que nous avions à dire à la France. Il n'a point répondu à mon observation, mais sa mine et son altération ont exprimé son angoisse. Dens le cours de cette séance prenant la parole les uns après les autres, nous nous sommes maintenus tous dans la résolution inébranlable d'en rester à la question des anciennes limites et de ne point passer outre jusqu'à ce quelle fût par lui péremptoirement acceptée. A plusieurs reprises il a répété la demande si cela nous ménerait à conclure la paix. Tous ses efforts n'ayant pû aboutir à nous faire abandonner notre principe sur la question principale, il a demandé quelques heures de réfléxion et de nous réunir ce soir pour recevoir sa réponse, quelle qu'elle soit. Nous avons décidé que nous la prendrions ad referendum et que jusqu'au retour de nos courriers il ne serait pas procédé à des conférences ultérieures. Je répète ici que ma relation n'est qu'un narré rapide et succinct. Mes collègues seront peut-être plus circonstanciés, et la facilité de confronter nos rapports, donnera, je pense, une idée assez juste de l'ensemble. Mais ce qui est le plus important à observer, c'est l'extrême anxiété de m. de Caulaincourt et son impatience de conclure; elle met incontestablement à découvert la position critique de son chef. Il ne sait point déguiser que, prêt à capituler, il souscrira à tout, et cette marche justifie complètement le supposition que j'ai formée dès le premier jour, que, *coute qui coute*, il veut le plus promptement possible *la paix*, pourvu qu'elle se signe avec *Napoléon*. Je n'ajouterai aucune réflexion sur la position relative dans laquelle il se trouve à l'égard des puissances alliées. Elles se présenteront d'elles mêmes à leur sagesse. Elles se présenteront environnées de toutes les considérations qui doivent influer sur le bonheur futur de l'Europe, en éternissant la gloire, la dignité et les principes des souverains dispensateurs d'un si grand bienfait. Les courriers qui vont être expédiés, en conséquence de la conférence de ce soir, mettront, je pense, fin jusqu'à leur retour à la tenue des conférences ultérieures. Il dépendra du loisir et de la détermination de LL. MM. de fixer le délai que les circonstances, l'activité et les résultats de leurs opérations militaires leur feront juger convenable.

Je ne dois point omettre que dans la conférence de ce matin, lorsque nous avons fait mention de la renonciation de Napoléon à ses titres de roi d'Italie etc., non-seulement il n'y a eu nulle objection, mais m-r de Caulaincourt a dit: qu'il était naturel que perdant les droits, il perdait les titres.

A 9 heures et demie du soir. Je rentre de la conférence de ce soir.

Le plénipotentiaire français l'a ouverte par la lecture d'une déclaration à mettre au protocole. Cette déclaration qu'il enverra demain au c-te de Stadion, sera relue et examinée dans une conférence particulière entre nous chez milord Castlereagh. Elle ne répond point cathégoriquement à la question de ce matin, elle se réfère à ce qui s'est passé à Francfort avec St Aignan et statue la différence des principes posés alors et de ceux que nous énonçons aujourd'hui. M. de Caulaincourt prit à témoin milord Aberdeen de la marche qui fût suivie à cette époque, et celui-ci prit à tâche de préciser, comment il y était intervenu et la part qu'il y avait eu. Il s'établit une sorte de contestation sur la validité de l'écrit de St Aignan, dans laquelle je me suis borné à dire que toute cette affaire me semblait étrangère à l'objet qui nous réunissait, puisque les instructions qui devaient nous guider ne contenaient pas un mot qui y eût rapport. Il me serait difficile de m'étendre sur la suite de la déclaration de Caulaincourt, dont la lecture a été faite rapidement et dont il sera rendu un compte plus particulier après l'entretien qu'elle motivera entre nous demain. La séance de ce soir a été terminée par la déclaration que nous prendrions de ce qui s'est passé aujourd'hui, ad referendum, et par cette raison que nous ne pouvions fixer le jour d'une prochaine conférence. Après nous être séparés du plénipotentiaire français, nous nous sommes réunis entre nous. On n'a point été d'accord sur l'expression: ad referendum, dont le sens me paraît positif et l'application consacrée par un usage constant. Il signifie référer l'objet à ses supérieurs et, par conséquent, mettant empêchement à la marche de la négociation jusqu'à ce que des ordres supérieurs la remettent en activité, sens particulièrement incontestable dans la circonstance actuelle à la proximité, où nous nous trouvons de nos souverains et sous le rapport du principe adopté que les opérations militaires ne seraient ni gênées, ni ralenties pendant qu'on négociérait. Le c-te de Stadion n'a pas admis cette explication et a prétendu que nous pouvions, d'après notre délibération de demain, poursuivre les conférences et en fixer le jour, ajoutant qu'on ne pouvait les différer que de deux jours, et je pense que c'est dans ce sens qu'il écrira. Toutefois je tâcherai de faire en sorte que les séances soient suspendues jusqu'à ce que les ordres qu'il plaira à S. M. de me donner, me parviennent.

Le courrier Pléchoff, porteur de mes instructions, expédié le 4, n'est arrivé qu'hier, à 2 heures après-midi; il s'est plaint de n'avoir pas trouvé de chevaux, je ne sais ce qui en est, mais je dois par-contre rendre témoignage à Sivkoff de la promptitude avec laquelle il a fait les 2 courses dont il a été chargé, et à vous, m. le comte, mes remer-

ciements pour les fréquentes communications que j'ai reçues de votre part et qui m'ont été très utiles.

P. S. Il est fort avant dans la nuit. Je reçois dans ce moment du baron de Humboldt la communication de la note lue par Caulaincourt à la séance du soir. Je la transmets ci-joint et me reserve d'y revenir dans ma prochaine expédition.

III.

28 января.

Votre dépêche en date d'hier m'est parvenue ce matin à 9 heures par le même courrier que je vous expédie aujourd'hui. S. M. l'Empereur a jugé à propos de me prescrire, en approuvant la conduite que j'ai tenue jusqu'ici, de persévérer dans la même marche et de ne point amener la conclusion de la négociation avant que d'avoir demandé ses ordres. Que ne pouvant encore m'en faire parvenir sur le fond de la question, qui a donné lieu à une divergeance d'opinions, les conférences devaient être suspendues, jusqu'à ce qu'elle se trouve à même de me les adresser. Dans une conférence privée, que nous eûmes ce matin, j'ai déclaré à mes collégues les ordres que je venais dé recevoir. Ils ont jugé devoir en former un protocole sous ma dictée. Cette rédaction m'a paru la plus convenable pour mettre d'accord les avis. Il a été décidé ce soir qu'on ferait part de cette suspension au plénipotentiaire français dans une note signée en commun.

Il me semble, m. le comte, que cet ajournement de conférences arrive d'autant plus à propos, que la séance prochaine aurait épuisé la matière de notre instruction. Lorsqu'elle fût rédigée à Langres, on ne pensait pas que la négociation prendrait une marche aussi rapide. La première conférence nous en a convaincu, mais sans faire partager à quelques-uns de mes collégues l'opinion qu'il fallait la ralentir. Bien au contraire ils étaient disposés à seconder l'empressement de m. de Caulaincourt, et un jour seulement d'intervalle leur paraissait presqu'inadmissible. Ils appuyaient cette manière d'en juger sur ce qu'il ne fallait point donner à Napoléon l'occasion de publier que nous apportions des difficultés par nos lenteurs à la conclusion de la paix, prétendant que nous serions toujours à même d'en retarder la signature, quand même le plénipotentiaire français serait aussi coulant sur les questions subséquentes, qu'il l'avait été sur les premières, ce qu'ils croyaient invraisemblable, puisque, disaient-ils, celles qui concernent les compensations ainsi que le mode vaguement énoncé de partage futur des dominations en Europe entraineraient nécessairement de longs débats et qu'en dernier lieu nous pouvions suspendre la signature pour demander les ordres définitifs de nos souverains, raisonnement qui me

paraît évidemment mal fondé en ce que c'est précisément dans ce cas que nous mettions notre adversaire en droit de publier que la condescendance et les sacrifices les plus pénibles n'avaient servi qu'à dévoiler notre mauvaise foi.

Mylord Castlereagh s'est décidé à partir demain matin pour se rendre au quartier général de S. M. I. Il doit vous en avoir écrit et espère trouver à Troyes votre réponse qui lui indiquera où S. M. se trouve.

IV.

Шатильонъ 16 февраля (ст. ст.).

L'expédition de v. e. en date de Chaumont du 14 courant, confiée à l'aide de camp du prince Schwarzenberg, c-te de Wolkenstein, m'est parvenue hier matin. La journée a été employée à nous concerter sur les ordres que renfermait l'instruction commune que nous venions de recevoir. Nous convimmes d'en former une note de protocole. Vous observerez qu'elle diffère de l'instruction en ce que là, où est citée la lettre du plénipotentiaire français au prince de Metternich, en date du 9 de ce mois, on n'a pas jugé nécessaire d'insérer ce qui suit après le mot: „savoir". On a cru que ce passage pouvait offrir quelque contradiction avec la lettre susdite, dont le sens portait sur la demande d'un armistice et que c'était préciser plus correctement ce que nous avions à lui communiquer en nous arrêtant à ce passage. La conférence a été fixée ce matin et a eu lieu entre 2 et 3 heures. M. de Caulaincourt, après avoir entendu la lecture de la note susmentionnée, fit quelques remarques allusives à notre plainte de ce que: „plusieurs jours s'étaient écoulés etc.", en récriminant sur la première interruption de nos conférences pendant 10 jours, tandis, ajouta-t-il, que nous avions 3 mois par devant nous pour nous préparer à ce que nous avions à leur demander, et que, si 10 jours s'étaient passés depuis la présentation de notre projet de traité, nous ne saurions taxer cet espace de temps comme trop long pour prendre en considération un objet aussi important, assurant qu'on voulait la paix et que la preuve en était l'empressement et la facilité avec lesquels on avait admis la question maritime. Il rappela encore, que dans sa lettre du 9 Février, il avait parlé d'un armistice, et qu'il serait encore à désirer qu'on voulût en tomber d'accord. Nous ne jugeâmes point devoir donner suite à toutes ces réflexions et, ramenant la question sur le terme à fixer de concert pour la réponse de son gouvernement, qui devait décider de la continuation ou de la rupture de la négociation qui nous avait amenés ici, après avoir calculé les inconvénients et les retards qui pouvaient se rencontrer dans l'envoi des courriers, il demanda comme maximum

l'espace de 10 jours. C'est le terme le plus éloigné que nous nous étions convenus entre nous pouvoir lui accorder, et il fût en conséquence arrêté, qu'à compter de demain 1 mars (n. st.) jusqu'à la journée du 10, nous attendrions l'expédition qu'il nous était prescrit de demander, quoiqu'il ne doutait pas, a-t-il dit, qu'elle n'arrivât beaucoup plustôt. Cet article ainsi réglé nous lui avons fait connaître la partie de notre instruction qui nous autorise à lui offrir de discuter dans un esprit de conciliation toute modification qu'il pourrait être autorisé à proposer, etc. Il a demandé que cela pût être porté au protocole, afin qu'il puisse en rendre compte avec exactitude, ce qui ayant été convenu, la séance fût levée. Le général autrichien Herzogenberg s'est retiré de Chatillon avec la troupe qui en faisait la garde. Les plus grands excès se commettent dans tous les villages des alentours. Si nos armées se reportent en avant, si nous reprenons l'offensive et que Chatillon rentre dans la ligue de nos opérations, il serait à désirer qu'on prit des mesures plus rigoureuses et plus exactes que les précédentes.

V.

От 30 января.

Je confie cette lettre au baron de Humboldt qui l'expédiera dans son paquet par un de ses ordonnances. Elle n'a pour objet que de vous faire parvenir la réponse que m. de Caulaincourt a jugé très mal à propos de nous faire sur la note, que nous lui avons adressée pour lui annoncer la suspension momentanée des conférences. C'est une argutie de sophismes qui fait pitié et ne mérite pas de réplique. Il a été décidé qu'on n'en ferait point, afin de ne pas engager une correspondance inutile qui dégénerait en indécence.

Le c. de Stadion, avec lequel j'ai causé hier, m'a dit avoir écrit au p. de Metternich très à fond sur l'importante question, si les négociations seraient poursuivies ou non, et sur quelles bases par rapport au plan qui fixera l'attention des cabinets en conséquence du succès de nos armes et des progrès de nos armées dans le pays, en l'invitant à mettre à profit pour cette discussion d'un interêt majeur, la présence de lord Castlereagh auprès de nos souverains. Je ne m'étenderai pas pour le moment sur ce sujet: v. e. verra la dépêche du c. de Stadion et sera à même d'en combiner le contenu avec les intentions de S. M. l'Empereur.

Лордъ Кастельри поѣхалъ на главную квартиру союзныхъ монарховъ, потому что онъ самъ находилъ, что Разумовскій былъ не въ правѣ требовать перерыва начатыхъ переговоровъ, и надѣялся уговорить Императора Александра предписать своему уполномоченному

не противорѣчить большинству своихъ товарищей. Разумовскій дѣйствовалъ совершенно правильно, такъ какъ, кромѣ личныхъ приказаній, полученныхъ въ Лангрѣ, онъ еще имѣлъ, какъ видно изъ предыдущей депеши, черезъ Нессельрода новое отъ Государя ихъ подтвержденіе. Кромѣ того, Поццо-ди-Борго изъ Баръ-сюръ-Объ точно предугадывалъ его образъ дѣйствій въ Шатильонѣ и поощрялъ его къ этому въ слѣдующемъ письмѣ отъ 25-го января ст. ст.:

Mon chèr comte, évitez tant que possible de mettre Caulaincourt dans le cas d'accepter les conditions, quelles qu'elles soient. La facilité avec laquelle il a renoncé à des points, qui en eux-mêmes sont si essentiels, vous prouve qu'il est résolu de passer par tout ce qu'on lui proposera. Napoléon sent qu'il est perdu; pour gagner du temps et ressusciter dans l'opinion des français, il promettera de céder la moitié de la France. Gloire, honneur, intérêt—tout a fini pour lui. Il ne veut qu'exister, n'importe comment. Si Dieu nous accorde sa protection, nous serons à Paris dans huit ou dix jours. Il faudrait qu'avant cette époque Bonaparte ne pût rien publier qui fût positif sur la conduite ou les prétentions des alliés. Lord Castlereagh ferait très-bien de venir nous voir; il a tant de choses à expliquer avant de dire le dernier mot sur les retrocessions. Toutes les armées marchent par des routes concentriques sur Paris. Bülow est à Laon, Winzengerode à Rheims, York à Chalons; Blücher, Wittgenstein Wrédé, le prince de Würtemberg par échelons jusqu'à nous, qui sommes sur le chemin de Troyes, où nous comptons nous rendre demain. Le rendez-vous sera composé de 250,000 hommes au moins. Empêchez qu'on ne trouble notre ouvrage. On compte sur votre obligeance et sur celle de lord Castlereagh. Adieu [1]).

Ожиданія Поццо оказались ошибочными. Лордъ Кастельри пріѣзжалъ въ союзный лагерь именно съ цѣлью дѣйствовать противъ Разумовскаго. Ему казалось, что, послѣ битвы при Ла-Ротьерѣ, Наполеонъ по-неволѣ былъ податливъ, и что успѣхомъ союзниковъ слѣдовало воспользоваться для выгоднаго заключенія мира. Но Поццо-ди-Борго ошибся не только относительно цѣли пріѣзда лорда Кастельри, но также и въ доброй надеждѣ на дальнѣйшіе успѣхи союзныхъ войскъ и скораго занятія Парижа. Военное счастіе пришло снова, хотя почти въ послѣдній разъ, на помощь своему долголѣтнему любимцу. Надо признаться, что и образъ дѣйствій союзниковъ много помогъ въ этихъ успѣхахъ Наполеону.

Послѣ побѣды при Ла-Ротьерѣ слѣдовало дружно идти впередъ, и тогда бы, вѣроятно, исполнились надежды Поццо, но австрійцы стали

---

[1]) Изъ архива князя А. К. Разумовскаго.

доказывать невозможность продовольствовать такую массу войска, и, благодаря ихъ настойчивымъ представленіямъ, рѣшено было снова раздробить силы и вести обѣ арміи отдѣльно на Парижъ: Силезскую— по теченію рѣки Марны, а Богемскую, которую обыкновенно называли главною,—по рѣкѣ Сенѣ. Разумѣется, при этомъ Шварценбергъ не спѣшилъ, а Блюхеръ, наоборотъ, увѣренъ былъ, что, даже безъ пособія главной арміи, онъ успѣетъ проложить себѣ путь въ Парижъ. Къ несчастью, онъ слишкомъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ и, кромѣ того, раздробилъ свои силы, чѣмъ подготовилъ побѣду французовъ. Едва успѣлъ Кастельри подъѣхать къ главной квартирѣ союзныхъ монарховъ, какъ туда пришли первыя извѣстія объ успѣхахъ Наполеона подъ Шампоберомъ. Императоръ Александръ крайне холодно принялъ Кастельри и, въ отвѣтъ на его жалобы касательно несговорчивости Разумовскаго, сообщилъ ему дурныя вѣсти и приписалъ успѣхъ Наполеона, съ одной стороны, бездѣйствію Шварценберга, а съ другой — тому усердію, съ которымъ лордъ Кастльри хлопоталъ въ Шатильонѣ о заключеніи мира [1]). Извѣстія съ каждымъ днемъ ухудшались. Наполеону удавалось другъ за другомъ отражать разставленную отдѣльными эшелонами Силезскую армію, подъ Монмиралемъ, подъ Шато-Тьери, подъ Вошаномъ и Этожемъ, такъ что, наконецъ, Блюхеръ, потерявъ 16,000 воиновъ и 50 орудій, принужденъ былъ отступить къ Шалону.

Неуспѣхи пруссаковъ и русскихъ радовали австрійцевъ, которые сильнѣе, чѣмъ когда-либо, заговорили о необходимости мира. Самъ Кастельри испугался и думалъ, что лучше мирно окончить дѣло, чѣмъ снова потерпѣть пораженіе отъ Наполеона. Къ его мнѣнію присоединился графъ Гарденбергъ, а за нимъ и графъ Нессельродъ.

„Васъ вѣрно удивитъ,—писалъ въ это время Генцъ къ своему господарю,—что, не смотря на положительное отвращеніе, которое питаетъ теперь вся Англія къ одной мысли о возможности заключить миръ съ Наполеономъ, англійскіе министры въ союзной арміи, вмѣсто того, чтобы поддерживать отчаянныя предпріятія, вполнѣ раздѣляютъ, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, воззрѣнія Австріи, что несомнѣнно крайне утѣшительно и успокоительно для общихъ интересовъ Европы... Смѣлыя и самовольныя дѣйствія Блюхера поставили его армію въ крайнюю опасность... Лордъ Кастельри, канцлеръ Гарденбергъ и даже графъ Нессельродъ лично (personnellement) вполнѣ раздѣляютъ убѣжденія, виды и умѣренность князя Меттерниха, но, опасаясь ссоры съ Императоромъ Александромъ, они придерживаются нѣкоторой нейтральности... Однако, голоса мудрыхъ и

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I. IV, 402.

спокойныхъ мужей принимаются болѣе во вниманіе. Раздѣленіе обѣихъ армій и отступленіе главной арміи много послужили умѣренной партіи" [1]).

Императоръ Александръ, крайне разстроенный неудачами Блюхера, отъ котораго онъ всего ожидалъ, по-неволѣ прислушивался теперь къ словамъ Кастельри и не такъ уже холодно относился къ Меттерниху, который пророчествовалъ новыя неудачи. Этимъ воспользовались и Гарденбергъ, и Нессельродъ; они уговорили Александра Павловича согласиться на возобновленіе переговоровъ о мирѣ и предписать черезъ графа Нессельрода Разумовскому снова открыть засѣданія шатильонскаго конгреса, причемъ четыре министра иностранныхъ дѣлъ, т.-е. Меттернихъ, Кастельри, Гарденбергъ и Нессельродъ, составили въ Труа одобренныя Императоромъ окончательныя условія, которыя уполномоченные должны были представить Колэнкуру. Не можемъ при этомъ не замѣтить той ошибки, въ которую впадаетъ почтенный гейдельбергскій историкъ Шлоссеръ, увѣряя, что шатильонскіе переговоры были прерваны оттого, что Разумовскій былъ вызванъ въ союзный лагерь [2]). Графъ Разумовскій оставался безвыѣздно въ Шатильонѣ до конца конгреса.

Вслѣдствіе представленій союзныхъ министровъ, графъ Нессельродъ, отъ имени Государя, предписалъ Разумовскому возобновить переговоры. На это графъ Андрей Кириловичъ отвѣчалъ слѣдующими двумя депешами:

I.

4 февраля ст. ст.

Par votre expédition du 3 février de Troyes S. M. l'Empereur m'autorise à reprendre les conférences suspendues d'après les principes établis dans les instructions de Langres par rapport aux arrangements futurs de l'Europe. La seconde expédition motivée par l'envoi du projet d'un traité péremptoirement *de conclure et signer ce traité s'il est accepté par le plénipotentiaire français.* Cet ordre de l'Empereur n'est accompagné d'aucune direction ultérieure que celle *de suivre la même ligne que celle qui sera tracée à mes collègues par les instructions qu'ils reçoivent aujourd'hui.* Le c. de Stadion est le seul qui a reçu une sorte d'instruction très succincte, et nous sommes convenus de nous rassembler ce soir avec mylord Castlereagh pour combiner cette instruction avec ce qu'il pourrait y joindre des notions qu'il a rapportées de Troyes. Il a été décidé que dans une conférence, qui

[1]) Prokesch-Osten. Dépêches inédites du Chevalier de Gentz. I. 53—68.

[2]) Schlosser. Geschichte d. XVIII Jahrhunderts. VIII, 525.

aura lieu demain, le projet de traité serait communiqué in extenso au plénipotentiaire français avec une spécification plus étendue et même complète de l'article 5 des objets que l'Angleterre est disposée à céder en compensation à la France. Mylord Castlereagh a insisté sur l'amplification du dit article. Quant au reste à quelques mots près, le projet du traité reste tel qu'il nous a été transmis".

Во второй своей депешѣ Разумовскій не безъ упрека упоминаетъ о своихъ разговорахъ въ Лангрѣ съ Государемъ и о тѣхъ приказаніяхъ, которыя ему въ то время были даны.

От 5 февраля ст. ст.

La conférence a eu lieu ce soir. La communication du projet de traité a été faite au plénipotentiaire français en la motivant par la lettre qu'il a adressé au p. de Metternich pour demander un armistice. Cette lettre, lui a-t-on dit, après avoir été mise sous les yeux des souverains et l'armistice leur ayant paru inadmissible, L. L. M. M. ont jugé à propos de nous autoriser à présenter le projet de traité susmentionné. On lui en a fait lecture. Il a demandé de pouvoir l'emporter et de n'y répondre qu'à une séance prochaine, dont le jour et l'heure, si elle pouvait avoir lieu demain, serait fixée en raison du temps dont il aurait besoin d'en méditer le contenu. D'ailleurs il n'a fait nulle objection sur les points, sur lesquels on aurait pu en prévoir. Il s'est arrêté uniquement à demander, s'il ne serait pris en considération par les puissances de pourvoir au sort futur des alliés uniques de la France: les rois de Saxe, de Westphalie et le vice-roi d'Italie, en ajoutant à plusieurs reprises que ces observations de sa part ne devaient point être regardées comme officielles, mais plutôt comme objets d'information. On s'est borné à lui répondre que nous n'étions point autorisés à entrer dans ces questions et qu'elles nous paraissaient suffisamment éclaircies par les articles même du traité. En résultat je pense, comme je l'ai prévu avant la conférence, que m. de Caulaincourt ne fera point de difficulté de souscrire à toutes les stipulations du traité et que son maître sera trop heureux d'obtenir une paix quelconque, pourvu qu'elle le tire d'affaire pour le moment et prolonge son existence à venir. Si tels sont le désir et l'intention de S. M. l'Empereur, quelques différentes qu'elles soient de ce qu'elle a daigné me faire connaître à son départ de Langres, je crois toucher au moment de me trouver à même d'en annoncer bientôt l'accomplissement".

Хотя лорду Кастельри и удалось увѣрить Императора Александра въ необходимости продолжать начатые съ Наполеономъ переговоры въ Шатильонѣ, однако онъ съ безпокойствомъ подмѣтилъ, до какой

степени между союзниками стало мало и дружбы, и единомыслія— Блюхеръ и всѣ прусскіе генералы, а съ ними вмѣстѣ и многіе изъ русскихъ, нисколько не смущенные послѣдними неудачами, требовали дружнаго движенія впередъ, и, съ помощью двухъ вновь прибывшихъ корпусовъ Винценгероде и Бюлова, увѣренно обѣщали скорое занятіе Парижа. Эта партія разсчитывала на поддержку со стороны Александра Павловича, котораго приводила въ отчаяніе боязливость Шварценберга, всячески избѣгавшаго встрѣчи съ Наполеономъ на полѣ брани и постоянно отступавшаго, доказывая необходимость перемирія. Не только въ нейтрализованномъ городкѣ Люзиньи (Lusigny), между представителемъ Наполеона графомъ де Флао (Flahaut) и русскимъ генераломъ графомъ Шуваловымъ, австрійскимъ—Дуккою и прусскимъ—Раухомъ, велись въ то время ни къ чему не приведшіе переговоры о перемиріи, но еще къ самому Наполеону отправленъ былъ отъ австрійскаго фельдмаршала парламентеромъ князь Венцель Лихтенштейнъ. Все это, разумѣется, обостряло взаимныя отношенія въ союзномъ лагерѣ, и уже между лицами, приближенными къ монархамъ, ходили слухи о томъ, что скоро придется поссорившимся союзникамъ, другъ за другомъ, перейти на ту сторону Рейна. Къ тому же лордъ Кастльри не могъ не понять, что послѣ послѣднихъ своихъ удачъ, которыя Наполеонъ считалъ гораздо болѣе значительными, чѣмъ онѣ были на дѣлѣ, уже о прежнихъ и даже о вновь составленныхъ условіяхъ мира трудно будетъ говорить и съ Колэнкуромъ, а тѣмъ болѣе съ самимъ Наполеономъ; общественное же мнѣніе Англіи, столь враждебное послѣднему, дѣлало какія-либо уступки со стороны союзниковъ невозможными. Въ то же время, англійскій министръ, видя, что рознь между союзниками принимаетъ все болѣе и болѣе острый характеръ, рѣшился подѣйствовать на обѣ стороны всею силою, которую Англія имѣла въ то время и которою она была обязана своему богатству. Въ золотѣ Англіи нуждались всѣ воевавшія съ Франціею державы, начиная съ Россіи и кончая Швеціею. Лордъ Кастельри, проводившій свое время между Шатильономъ и кочующимъ по городамъ Франціи лагеремъ союзныхъ монарховъ, рѣшился прежде всего обратиться съ циркулярною нотою ко всѣмъ союзнымъ кабинетамъ, въ которой, по случаю заключенія новыхъ финансовыхъ сдѣлокъ Англіи съ союзными державами, предлагалось составить новый союзный договоръ, который могъ бы положить конецъ всѣмъ спорамъ и всѣмъ недоразумѣніямъ между союзниками и въ то же время побудить ихъ къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій. Касательно этого финансоваго вопроса Поццо-ди-Борго былъ Императоромъ Александромъ, какъ мы видѣли выше, изъ Франкфурта-на-Майнѣ отправленъ въ Лондонъ.

Изъ слѣдующаго отношенія Разумовскаго видно, что Поццо не вполнѣ удалось достичь въ Лондонѣ желаемаго, и графу Андрею Кириловичу поручено было, по поводу циркулярной ноты Кастельри, снова представить справедливыя требованія Россіи англійскому министру, который, разославъ свои бумаги по союзнымъ кабинетамъ, поспѣшилъ вернуться въ Шатильонъ.

8 февраля ст. ст.

Je m'empresse d'informer v. e. du résultat des communications que j'ai faites à lord Castlereagh, en conséquence des ordres qui me sont parvenus par votre dépêche en dâte du 5 de ce mois par rapport à la note circulaire qu'il a adressé aux cabinets des puissances alliées. Avant de lui donner connaissance de la condition, à laquelle S. M. l'Empereur m'autorisait à signer une note qui tiendrait lieu d'une convention, dont la rédaction serait faite aussitôt que les opérations militaires pourraient le permettre, j'ai fixé son attention sur les efforts soutenus et excessivement onéreux que la Russie a dû faire pour la délivrance de l'Europe et les avantages directs qui en résulteraient à la pacification générale pour l'Angleterre. Que s'il était incontestable que les succès de la guerre étaient dûs à la persévérence de S. M. l'Empereur dans sa poursuite, il ne l'était pas moins que des calamités inouies ont pesé sur son empire, tari ses ressources et épuisé ses finances, comme le prouvent les rapports du ministre de ce département. Des considérations aussi graves ont dû réclamer toute la sollicitude de S. M. I. et, c'est avec confiance qu'elle en appellait à la justice même du gouvernement britannique, dans la proposition qu'elle me chargeait de lui faire par rapport à notre dette en Hollande, et qu'enfin, ce ne serait qu'à condition que l'Angleterre, conjointement avec la Hollande, voulût prendre sur elle de nous libérer de ce fardeau que l'Empereur consentirait de souscrire aux demandes enoncées dans la note qui avait été mise sous ses yeux. Lord Castlereagh se borna d'abord à me répondre assez séchement que cet objet n'était point de son ressort, que quelques fussent ses pouvoirs, ils ne pouvaient, d'après les formes et la constitution de son gouvernement, l'autoriser à rien statuer en matière d'argent, que c'était une affaire qui concernait la trésorerie et qui par cette voie devait être soumise au parlement. Qu'il me demandait copie de la dépêche que j'avais reçu, pour la réferer tant au gouvernement d'Angleterre qu'au prince d'Orange. L'orgueil national, vivement blessé, ne pût se contenir. Il me le fit sentir à plusieurs reprises. Il allégua que les cours de Vienne et de Berlin n'ont mis aucune condition à leur consentement; il fit valoir la conduite de son gouvernement à l'égard de la Suède et du Danemark,

comme uniquement motivée par la condescendance pour la Russie, quoique je lui observais, sans le contredire positivement, qu'il ne fallait pas oublier, de quel intérêt il était pour l'Angleterre à cette époque de se prêter à tous les efforts que faisait l'Empereur pour la cause de l'Europe. Rien ne put atténuer son ressentiment. Il lui échappa de dire qu'on pouvait souscrire sans cette condition et faire un objet séparé de l'affaire de la dette. Je le pris au mot pour saisir cette alternative, mais il s'en retraita aussitôt, en revenant à son premier argument, que cet objet n'appartenait point à son ministère.

Vous sentez, m. le comte, qu'après cela je n'ai pû mettre en avant l'affaire des subsides et celle du demi-million pour notre flotte. Je ne me presserai pas non plus de lui donner copie des pièces qu'il m'a demandées, jusqu'à ce que les ordres de S. M. l'Empereur décident ce qu'elle jugera à propos de me prescrire.

Какъ кажется, лордъ Кастельри объяснился лично на этотъ счетъ съ Императоромъ Александромъ въ Шамонѣ; по крайней мѣрѣ въ бумагахъ Разумовскаго о переговорахъ насчетъ субсидій, ожидаемыхъ отъ Англіи, уже не упоминается. Между тѣмъ дѣло союзниковъ чуть-чуть не дошло до окончательной ссоры Кастельри снова покинулъ Шатильонъ и переѣхалъ въ союзный лагерь, который въ это время перекочевалъ въ Баръ-сюръ-Объ. Здѣсь на квартирѣ больного генерала Кнезебека, у котораго остановился король прусскій, собранъ былъ, по желанію Императора Александра, военный совѣтъ, гдѣ, кромѣ трёхъ союзныхъ монарховъ, князя Шварценберга и главныхъ генераловъ коалиціи, присутствовали еще князь Меттернихъ, лордъ Кастельри, графъ Нессельродъ и графъ Гарденбергъ. На совѣтѣ этомъ русскій Императоръ сталъ нападать на то, что, ради заключенія перемирія съ Франціею, главная армія придерживается никуда непригодной системы постояннаго медленія, и объявилъ, что такъ какъ необходимо, по его мнѣнію, идти впередъ, то онъ рѣшилъ это сдѣлать совокупно съ своимъ вѣрнымъ другомъ, королемъ прусскимъ, даже если другіе союзники отъ этого откажутся. Вслѣдъ за этимъ заявленіемъ императоръ Францъ обратился къ Александру Павловичу и королю Фридриху-Вильгельму, спрашивая ихъ, продолжаютъ ли они его считать за вѣрнаго своего союзника. Затѣмъ монархи пожали другъ другу руки и заявили единогласно, что необходимо дѣйствовать быстро и рѣшительно, не давая отдыха общему врагу. При этомъ положено было продолжать переговоры на шатильонскомъ конгресѣ, чтобы отнять у Наполеона всякую надежду на расторженіе коалиціи. Относительно же военныхъ дѣйствій, въ случаѣ наступленія Наполеона, отвести главную армію къ Лангру и, усиливъ ее тамъ ожидаемыми подкрѣпленіями, принять, въ случаѣ надобности, сраженіе и непремѣнно

перейти къ наступленію. Силезской арміи, къ которой присоединялись корпуса Бюлова и Винценгероде, а также 3-й германскій корпусъ, который замѣнилъ въ Бельгіи наслѣдный принцъ шведскій съ своею арміею подъ предводительствомъ Блюхера, предписывалось идти прямо къ Парижу. Въ случаѣ же движенія Наполеона противъ Блюхера, Шварценбергъ долженъ былъ немедленно возобновить наступательныя дѣйствія. Кромѣ того, положено было составить еще южную армію.

Но подобныя рѣшенія не удовлетворили англійскаго министра. Онъ на этотъ разъ всячески поддерживалъ мнѣнія Александра Павловича, и, благодаря его вмѣшательству, удалось не только перевести корпуса̀ Бюлова и Винценгероде подъ команду Блюхера, освободивъ ихъ отъ начальства Бернадота, но еще было объявлено послѣднему, что съ него довольно надежды на шведскій престолъ, и что, въ случаѣ окончательнаго паденія Наполеона, Англія окончательно рѣшила, что на престолъ Франціи возсядутъ Бурбоны.

Не смотря на принятыя окончательно рѣшенія, самый ходъ совѣтскаго засѣданія въ Баръ-сюръ-Объ, доказалъ лорду Кастельри, какъ мало единства существовало между союзниками. Англійскій министръ занялся единственно, въ это время, мыслью какъ можно тѣснѣе и сильнѣе сплотить союзныя державы между собою. Личныя его объясненія съ монархами были дѣйствительнѣе циркулярной ноты. Чтобы окончательно на нихъ подѣйствовать, Кастельри пустилъ въ ходъ ту громадную силу, которой въ то время одна Англія пользовалась. Сила эти была ея несмѣтное богатство. Въ виду угрожавшей коалиціи опасности, англійскій министръ взялъ на себя предложить въ Шомонѣ трёмъ союзнымъ монархамъ заключеніе новаго торжественнаго договора, на который послѣдовало ихъ согласіе. 17-го февраля (1 марта) 1814 года въ Шомонѣ между Англіею, Россіею, Австріею и Пруссіею заключенъ былъ договоръ, имѣвшій огромное значеніе и рѣшившій собственно будущность не только войны, но и Европы. Въ силу договора этого монархи Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи, во имя всесвятой и нераздѣльной Троицы, обязывались поставлять ежегодную военную подмогу, каждый въ размѣрѣ 150,000 солдатъ, до тѣхъ поръ, пока не окончится война согласно общему желанію. Союзное войско должно было поэтому состоять изъ 600,000 солдатъ, къ которымъ причиталась еще отъ второстепенныхъ державъ подмога въ 200,000. Такъ, у Англіи не было для этого достаточно наличныхъ войскъ; она обязывалась пополнять ихъ наёмными силами. Англія выставляла при этомъ всѣ свои морскія силы, а чтобы имѣть на материкѣ равное другимъ державамъ вліяніе, обязывалась еще выплачивать ежегодную субсидію, которую министръ ея взялъ на себя опредѣлить на все

время продолженія войны въ размѣрѣ 6,000,000 фунтовъ стерлинговъ, долженствовавшую быть равномѣрно раздѣленною между Россіею, Пруссіею и Австріею. Такимъ образомъ,—говоритъ Тьеръ,—Англія выказывала не только двойное, но даже, если считать ея мощь на моряхъ, тройное содѣйствіе коалиціи, которое должно было упрочить за нею рѣшительное превосходство надъ другими державами и содѣлать ея волю главнымъ основаніемъ будущему миру [1]). Странно, что генералъ Богдановичъ, въ своей исторіи царствованія Александра I-го, едва упоминая о подписанномъ въ Шомонѣ 17-го февраля (1-го марта) торжественномъ договорѣ, который игралъ, однако, такую роль въ исторіи и послужилъ основою священному союзу (la sainte alliance), разсказываетъ, будто этотъ документъ, рѣшившій судьбу Наполеона и Европы, былъ подписанъ за партіею виста, въ которой участвовали Меттернихъ, Кастельри, Нессельродъ и Гарденбергъ, причемъ англійскій министръ, шутя, замѣтилъ, что „никогда еще не случалось ему видѣть такую крупную ставку" [2]).

Наполеонъ, между тѣмъ, увѣренный въ томъ, что онъ окончательно уничтожилъ силезскую армію и что одно его появленіе заставляетъ отступать Шварценберга, предписалъ Колэнкуру не быть черезъ-чуръ податливымъ на конгресѣ въ Шатильонѣ. Самъ Меттернихъ уже не чувствовалъ себя въ состояніи спасти ни Наполеона, ни его династіи, и съ грустнымъ чувствомъ подписалъ вмѣстѣ съ Кастельри, Нессельродомъ и Гарденбергомъ свое имя подъ шомонскимъ трактатомъ.

Мы закончимъ разсказъ о шатильонскомъ конгресѣ депешами Разумовскаго, передъ которыми помѣщаемъ письмо, которое, за десять дней до новаго международнаго договора, отправилъ къ графу Андрею Кириловичу изъ Шомона графъ Нессельродъ.

„Vous verrez, m. le comte, par la dépêche, que l'ami Stadion a été dans de grandes agitations. C'est ce qui a provoqué cette instruction éventuelle. Je vous remercie des détails que vous me donnez de la conversation d'Aberdeen. Nous verrons, si les prédictions de m. de Caulaincourt se réalisent. Je vous avouerai sincèrement que je le désire, car tout ce qui contribuera à traîner la guerre, ne peut nous convenir sous aucun rapport. Les nouvelles de Blücher sont bonnes; il est à Oulchy, c. à. d. réuni avec Winzengerode et Bülow. Je me flatte qu'il ne fera pas quelque nouvelle imprudence. Je vous envoie un paquet de bulletins, pour en distribuer dans le pays et qui vous informeront de nos derniers succès. J'ai fait revenir Anstett de Chatillon au mo-

[1]) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. V. 433.

[2]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I. IV. 423.

ment où le congrès était menacé de se trouver derrière la ligne française, car sa position pouvait fournir quelques prétextes pour ne pas le considérer placé sous la sauvegarde du droit des gens. Ayez la bonté, m. le comte, de me dire, si vous en avez besoin, car alors j'empresserai de vous le restituer avec toutes ses vertus. Le pauvre Louis de St. Priest vient d'être fait prisonnier. Dans l'occasion, je vous prierai d'insinuer à Caulaincourt que tous les prisonniers qui sont en Russie en réponderont. Le nombre des prisonniers faits à Troyes, se monte jusqu'à 3000. Pour le moment, nous restons encore ici, et cela ne laisse pas que de faire du bien aux affaires.

P. S. Bianchi 1 opère parfaitement bien. Il a occupé hier Chalon-sur-Saone. Ainsi, plus d'inquiétude sur notre gauche.

I.

Шатильонъ, 25 февраля ст. ст.

La dépêche du prince Metternich soumise à l'approbation de S. M. l'Empereur et, après l'avoir obtenue, convertie en instruction commune à tous les plénipotentiaires, leur prescrit en dernière analyse de prendre ad referendum la réponse, quelle qu'elle puisse être, du plénipotentiaire français. Cette détermination, mûrement pesée, paraît être la plus sage pour sortir de toutes les hypothèses que, dans les loisirs de la méditation (et nous en avons beaucoup ici), on pouvait multiplier à l'infini, sans atteindre juste dans les conjectures sur l'avenir. Pour ne pas encourir le même inconvénient, je ferai une seule remarque. Notre déclaration au protocole porte, que si la réponse n'est point en substance conforme à notre demande, nous regarderons les conférences comme rompues et nous retournerons au quartier général. La marche constante de nos conférences ne peut point laisser de doute au plénipotentiaire français que cette contradiction ne saurait nous être imputée, mais elle peut, ce me semble, en faire naître sur la persévérance des cabinets dans les principes de la pacification, et amener de nouvelles bizarreries de conceptions de la part de Napoléon, pour diviser les esprits, tandis que jamais un lien plus indissoluble n'a cimenté les efforts des puissances dans la poursuite de la grande entreprise qui les occupe. Cette réflexion n'est ni neuve, ni peut-être nécessaire. J'en suis trop pénétré cependant pour m'y refuser. Ce n'est que par la guerre que nous pouvons parvenir à une négociation solide. Cette vérité devient de jour en jour plus évidente. Ce n'est que par nos succès dans la guerre que nous fixerons des conditions de paix conformes à notre but. C'est sous ce point de vue que doivent se réunir tous les vœux. La Providence

les exaucera dans l'avenir, comme elle l'a fait par le passé, et je présume que ce n'est point à Chatillon que seront signés ses décrets.

P. S. Sans rien changer à ce que je vous ai écrit ce matin, j'y ajoute ce qui s'est passé depuis et qu'il est essentiel que v. e. sâche. A la suite d'un dîner diplomatique, dont le tour était aujourd'hui à mylord Cathcart, le plénipotentiaire français prit à part le c-te de Stadion pour le consulter, a-t-il dit, sur ce qu'il y aurait à faire demain. N'ayant pas encore à nous annoncer de déterminations amples et précises sur les communications qui lui ont été faites, il désirerait, a-t-il ajouté, nous faire part de ce qu'il avait à dire sur cet objet, espérant que nous voudrions en rendre compte à nos cours et ne pas précipiter la rupture de la négociation; lui demandant s'il croyait, que cet avis de sa part dût nous être fait confidentiellement ou en conférence. Le c-te de Stadion lui répondit, que, comme nous étions convenus dès le principe de ne rien traiter ni recevoir qu'en conférence, il pensait que ce mode devait être préféré et qu'il ne doutait pas de la disposition de ses collègues d'y consentir, puisque dans tous les cas notre retour au quartier général, annoncé dans le protocole, n'aurait pu s'effectuer à la stricte expiration du terme et aurait exigé un jour ou deux, tout au moins, pour les préparatifs de notre départ, ce qui donnerait une latitude suffisante pour les ordres que nous avions à recevoir. M. de Caulaincourt le remercia et lui dit que demain matin il nous inviterait à une conférence et que probablement il ne la demandera que pour le soir, espérant encore, qu'il pourrait, dans la journée, lui parvenir des instructions plus détaillées. Nous voilà sauvés du pas que nous avions à faire le 11, et l'avantage de la prolongation de la négociation se trouve tout à fait de notre côté. Ce matin le baron Humboldt a été parler à m. de Caulaincourt au sujet d'une réclamation de prisonniers, dont il a reçu l'ordre. A cette occasion à peu près la même ouverture eut lieu à son égard, mais paraissait ne point annoncer que le désir d'une conférence fût motivée par aucune communication qn'il eût à nous faire, mais uniquement pour nous engager à ne pas rompre les négociations et à prolonger le terme de l'attente de la réponse qui doit nous être faite. Le c-te de Stadion, ayant reçu, dans la journée, une dépêche qui lui prescrit de ne plus accorder au plénipotentiaire français de visas sur ses passeports, autrement que pour Chaumont, il a saisi l'occasion pour en prévenir m. de Caulaincourt, qui l'en a fort remercié, ayant pris la chose, ou fait semblant de la considérer, comme un avantage pour sa correspondance. Quoique v. e. ne m'ait rien marqué à cet égard, mes visas, ayant toujours été requis en même temps, je me conformerai dorénavant à ce qui sera fait par le c-te Stadion.

II.

Шатильонъ, 26 февраля.

La conférence annoncée hier a été demandée ce matin et fixée à ce soir à 9 heures. Nous venons d'en sortir. En voici le résumé. Elle s'est ouverte par le règlement du protocole de la dernière conférence. Le plenipontentiaire de France a fait ensuite une réclamation contre ce qui s'est passé à l'égard d'un de se courriers, établissant le fait de la manière suivante. Un courrier français venant du quartier général a été arrêté, du côté de Rheims, à un poste de cosaques. On l'a conduit à un officier russe, et ce dernier à son général. Là on l'a dépouillé de ses dépêches, on l'a fait accompagner jusqu'à Chaumont, et ce n'est que dans ce dernier endroit, que les dépêches lui ont été rendues pour poursuivre sa route jusqu'ici. Après cet exposé, le plénipotentiaire de France a dit, qu'il avait ordre de porter au protocole des observations dont il a fait lecture. C'est un mémoire de telle étendue, que non seulement il est impossible d'en rendre compte, mais même d'en tirer copie éxigerait une si grande perte de temps, que nous avons décidé de le laisser entre les mains du c-te de Stadion pour qu'il le transmette en original, afin de ne pas arrêter nos expéditions de ce soir, nous réservant, nous mêmes, d'en reprendre lecture, lorsqu'il nous sera restitué. Sa forme et son style sont du genre des discours, qu'il est d'usage de faire prononcer au Sénat par le ministre des relations extérieures; il divague pompeusement sur le passé, le présent et l'avenir des rapports politiques de l'Europe et ne conclut rien sur la question à la quelle nous attendions une réponse. C'est aussi ce qui lui a été dit, et j'y ai ajouté, qu'en nous présentant un tableau historique, sur lequel il y aurait beaucoup à dire, il s'écartait de l'objet de la négociation et la rejetait, au lieu d'en atteindre le but. Après quelques moments de conversation, où il chercha à insister sur ce que son mémoire pouvait être pris en considération par les plénipotentiaires des cours alliées et leurs cabinets, qu'il avait été motivé sur ce que nous avions nous mêmes fait l'offre verbale de nous prêter à des modifications conciliantes, on se borna à lui dire, que la séance tenue aujourd'hui au terme fixé pour une réponse, n'en présentant point une, il était inutile de la prolonger. Il nous demanda encore de nous donner le temps de peser ses observations et parût provoquer une conférence de notre part pour en discuter le contenu. Nous nous refermâmes dans ce que nous avions dit, nous lui fîmes même entendre qu'en vertu de notre déclaration précédente, nous doutions fort de pouvoir être dans le cas de nous réunir en conférence; enfin nous allions nous lever pour terminer la séance, lorsqu'il produisit un nouveau papier, dont il fit

lecture sous le titre de déclaration verbale. Cette pièce est de peu d'étendue et au moins n'est-elle pas un verbiage sans but comme l'autre. Elle renferme des faits, des conditions, mais dont l'analogie avec les nôtres ne me semble pas de nature à pouvoir se concilier.

Il nous a paru, m. le comte, que l'une et l'autre de ces pièces ne viennent point de source, mais qu'elles sont une oeuvre produite ici par La Besnadière et C-ie. On sait qu'ils ont été très occupés ces jours-ci et qu'ils ont toujours dit n'avoir reçu aucuns ordres. Un moment, avant que nous nous rassemblâmes à diner aujourd'hui, est arrivé du quartier général français un courrier accompagné par le général ou colonel autrichien Korinsky. Ni m-r de Caulaincourt, ni Rayneval n'ont voulu s'expliquer le moins du monde sur ce qu'il avait apporté, contre leur ordinaire, lorsqu'ils ont de bonnes nouvelles. Il est à croire qu'ils n'en ont pas reçu de satisfaisantes.

En sortant de la conférence, m. de Caulaincourt me prit à part pour me dire, qu'il n'avait pas voulu, dans la réclamation au sujet du courrier arrêté, nommer le général et qu'il ne le serait nulle part par écrit, mais que c'etait le général St. Priest. Il me dit en même temps, qu'il avait déjà écrit en faveur du père de ce général et qu'il espérait réussir dans la démarche qu'il avait faite.

III.

Шатильонъ, 28-го февраля.

Votre dépêche en date du 12 (n. st.) à 1 heure m'est parvenue aujourd'hui à midi par courrier autrichien. Nous nous sommes rassemblés à 2 heures pour délibérer sur l'exécution de ce que nous venons de recevoir. On envoya de suite le s-r Floret au duc de Vicence, pour demander de nous rassembler en conférence ce soir à 8 heures. Sans témoigner de mauvaise volonté d'y consentir, il observa qu'il serait difficile que le protocole de la dernière séance, qui de règle doit être produit dans celle qui se tient, pût être prêt, vu que ce protocole n'avait pas eu le temps d'être mis en ordre et que la copie seule du mémoire sous titre „d'observations", qui devait y être insérée, prendrait 4 à 5 heures, proposant, en conséquence, que la séance fût différée jusqu'à demain matin. Cette réponse ayant circulée parmi les plénipotentiaires des cours alliées, on a consenti d'autant plus aisément à ce délai, que la dépêche du prince Metternich au c-te de Stadion porte de demander une conférence aujourd'hui, mais non littéralement et rigoureusement pour aujourd'hui. On est convenu ce matin, que nous porterions au protocole la déclaration qui nous a été prescrite textuellement jusqu'à ces mots: „ou bien remettre un contre

projet" et sur la réponse du plénipotentiaire français, qui ne peut-être que dans un sens dilatoire, nous déclarerions verbalement le terme de 24 heures et la rupture des négociations de la part du gouvernement français, si sa réponse ne satisfaisait point notre attente.

M. de Caulaincourt m'a envoyé hier quelques lettres de prisonniers et une interceptée que je fais passer ci-joint à v. e.

IV.

Шатильонъ, 1-го марта.

La conférence de ce matin ayant été interrompue pour être reprise ce soir, c'est dans l'intervalle que je prends la plume pour rendre compte de ce qui s'est passé. Le règlement d'usage du protocole n'a pu avoir lieu que sur les deux exemplaires du plénipotentiaire français et du c-te de Stadion collationnés ce matin. Les copies des nôtres ne pourront se faire que sur ce dernier. Après cette formule, le c-te de Stadion a lu au plénipotentiaire français la déclaration que nous étions chargé de porter au protocole. Le duc de Vicence a demandé a la prendre sous ses yeux. Après quelques instants de méditation, il nous dit, qu'il croyait avoir satisfait à nos demandes par les pièces, dont il nous avait fait lecture dans la séance d'avant'hier, s'appuyant toujours beaucoup sur ce que nous l'avions invité dans celle du 28 à nous entendre au moyen d'explications conciliatoires; que l'une des susdites pièces devait être considérée sous ce rapport, que l'autre pouvait l'être comme contreprojet de sa part, puisqu'elle statuait les sacrifices que la France annonçait vouloir apporter à la paix, que la somme de ses sacrifices pouvait être considérée déjà comme 6 à 7, qu'en renonçant à une population de 7 millions et à une influence constitutionnelle sur 20 millions, qu'en renonçant à l'Italie et à la Hollande, il remplissait cette proportion de 6 à 7 et que, sur ce dernier septième, on pourrait encore s'expliquer d'après le mode de conciliation proposé; que c'était là la véritable marche d'une négociation, à moins qu'on ne voulût y substituer une capitulation, en le considérant comme enfermé dans une place assiégée et maints autres propos de ce genre. Il parla, ou pour mieux dire, il divagua avec chaleur pendant très longtemps. Le plus grand calme eût lieu de notre part; en lui observant que les pièces, qu'il citait, ne menaient à aucune conclusion et ne présentaient que des idées vagues, nous nous bornâmes à lui répéter les points sur lesquels partaient nos instructions d'une manière très précise, tels qu'il les avait sous les yeux, et en l'invitant à nous donner un contreprojet dressé et basé littéralement sur le nôtre. Il répliqua encore d'une manière longue et diffuse, répéta souvent les bases de Francfort, fit même

lecture de la lettre du ministre des relations extérieures, qui les acceptait, prétendant les reproduire aujourd'hui, et finit par demander que la séance fût reprise ce soir, afin qu'il eût le temps de se mettre en mesure de nous répondre avec plus de précision. Là dessus nous demandâmes à délibérer entre nous; la séance fût interrompue, et nous convîmes, qu'en la reprenant nous lui annoncerions la partie de nos instructions, d'ont il n'avait point encore connaissance, savoir, que la détermination de sa part *d'accepter* ou de *rejeter* nos propositions, ou de donner un *contreprojet*, devait s'effectuer dans les 24 heures, et que ne pouvant admettre les prétendues bases de Francfort, que nous considérions comme étrangères à nos pouvoirs pour la négociation, dont nous étions chargés, nous regarderions la persévérance, qu'il y mettrait, comme un refus de satisfaire à nos demandes et à donner suite à la négociation. La séance ayant été levée, on est convenu de la reprendre ce soir à 9 heures. Ce dernier point de notre déclaration nous a paru essentiel pour donner plus de précision aux formes vagues et incohérentes du discours du plénipotentiare français. D'après ce qu'il nous dira ce soir, nous serons, peut-être et probablement, dans le cas de lui annoncer, comme il nous l'a été prescrit, que nous regarderions la négociation comme rompue de sa part, si après le terme de 24 heures, il ne nous répondait pas conformément à notre attente. On est convenu, en même temps, que ce soir on réglerait au protocole l'ensemble de la conférence du jour.

Séance du soir.

Le plénipotentiaire de France a dit, que puisque nous n'admettions point les observations et la déclaration insérées au protocole d'avant'hier et que nous avions insisté ce matin sur des réponses positives, qu'étant dépourvu d'instructions suffisantes pour y satisfaire, il se voyait forcé de nous demander le délai nécessaire pour l'envoi d'un courrier à son souverain, qu'il nous sollicitait de faire accompagner par un officier à fin d'en accélerer le retour. Le c-te de Stadion, prenant la parole, lui répliqua qu'il était contre les ordres précis de nos cours de consentir à une pareille proposition. Il la répéta cependant encore en l'étayant de la différence respective dans laquelle nous nous trouvions par rapport à nos communications avec nos souverains. Sur quoi, après une pause générale de notre part, nous annonçâmes comme ce matin vouloir nous consulter entre nous. La consultation ayant en lieu, nous nous décidâmes à lui declarer la toute dernière partie de nos instructions relative à la rupture des négociations, et, pour en fixer le sens, elle fût couchée à la hâte et au crayon sur le papier, telle que le c-te Stadion eût à la prononcer, comme suit: „nous avons l'ordre de déclarer que la négociation est rompue par le gouvernement français, et que

nous exécutons cet ordre en faisant cette déclaration. Que nous ne refusons pas l'envoi d'un courrier du plénipotentiaire français à son maître, accompagné d'un officier au quartier général des souverains alliés, mais qu'à moins de recevoir de nouveaux ordres nous ne pouvions agir qu'en conformité des ordres ci-dessus. Le duc de Vicence ne comprit pas d'abord le sens de la déclaration, mais, après qu'elle lui fût répétée, il en fût visiblement frappé, et changeant subitement de ton, il nous déclara qu'il se conformerait à notre première demande et que si nous voulions fixer une conférence à demain soir, il nous présenterait un contreprojet; il ajouta cependant, qu'il se pourrait que l'état de maladie du s-r de la Besnadière ne lui permit pas de terminer un travail d'une telle importance assez à temps, et qu'il serait peut-être dans le cas de solliciter le délai de quelques heures, ce qu'il nous ferait dire dans la journée de demain, que toutefois ce délai n'irait pas au-delà de la matinée suivante. Ceci lui ayant été accordé, il demanda avec instance qu'il ne fût pas fait mention au protocole de notre déclaration de rompre les négociations. Il se pressa après cela de lever la séance, et comme ce dernier point n'éprouva aucune contradiction, il fût sensé à son égard, que nous y avions consenti. Cependant nous étant réunis entre nous au sortir de la conférence, quelques débats s'élevèrent, et il fût convenu que demain matin on enverrait chez lui, comme de coutume, une personne de la mission autrichienne pour régler le protocole, dont l'initiative lui appartenait, pour la séance de ce soir et qu'il serait délibéré ensuite sur la forme que nous adopterions de notre côté. Il est de fait qu'à la fin de la séance on a eu l'air de consentir à sa demande et il sera difficile d'en revenir. Au reste il paraît que l'inconvénient n'est pas grand, car il est plus que douteux qu'il puisse dans son contreprojet de demain répondre au nôtre d'une manière satisfaisante, et notre proximité du quartier général nous remettra bientôt à même de connaître les intentions de nos souverains.

V.

Шатильонъ, 3-го марта.

Je m'empresse de vous informer de la séance qui a été tenue ce matin. La conférence a été ouverte par la lecture qu'a faite le plénipotentiaire français de son contreprojet; nous y avons répondu qu'une pièce aussi étendue demandait que nous puissions la prendre en considération, nous réservant d'indiquer une séance pour y donner réponse. Cette pièce est un traité presque complet en 30 articles. V. e. le verra chez le prince de Metternich. Elle n'est point à ma disposition pour en tirer copie; je me bornerai à en indiquer les points, qui de-

viennent de nos bases et qui rendent le contreprojet inacceptable. En vertu du 1-er article de nos instructions nous aurions assurément pu, dès ce soir, annoncer que nos cours regardent la négociation comme rompue par la France. Nous avons jugé cependant plus convenable de nous rassembler entre nous ce soir; après avoir fait rapport à nos cours de ce qui s'est passé et de ne demander une conférence que pour la soirée de demain, afin que dans la proximité où nous nous trouvons du quartier général, notre marche en soit plus positive dans une circonstance aussi importante. Le duc de Vicence a montré dans tout le cours de la séance une agitation et un défaut de contenance extrêmes. Les lèvres et les mains lui tremblaient en lisant son contreprojet. Quand la séance fût levée, il parla en forme de conversation de la redaction du protocole de ce matin et là-dessus il éleva une discussion si vive et il s'emporta si fort sur le mot *ad referendum*, qu'il voulait que nous y insérions, que, sans le plus grand calme de notre part, nous aurions fini par nous quereller. Il en appela à la rédaction d'un des premiers protocoles, affirmant que le mot s'y trouvait, dans le sens où il l'entendait, et finit par céder, en se convaincant lui-même de son erreur [1])".

За этимъ засѣданіемъ послѣдовали еще два другихъ, 6-го (18), и 7-го (19) марта. На предпослѣднемъ собраніи конгресса, уполномоченные союзныхъ монарховъ единогласно передали Коленкуру, что они представили своимъ государямъ сообщенный имъ 15-го марта французскій контръ-проектъ условій мира и что въ отвѣтъ имъ повелѣно объявить французскому уполномоченному слѣдующее:

Европа соединилась противъ французскаго правительства только съ цѣлью пріобрѣтенія общаго мира, какъ на материкѣ, такъ и на моряхъ. Чтобы такой миръ былъ долговѣченъ, необходимо справедливое распредѣленіе силъ между европейскими державами. Не мысль о завоеваніяхъ продиктовала проектъ трактата, представленный 17-го февраля отъ имени союзныхъ государей. Франція, даже въ границахъ 1792 года, всё останется одною изъ сильныхъ державъ Европы. Англія возвращаетъ ей всѣ отнятыя у нея колоніи и отказывается, благодаря этому, отъ исключительно ей принадлежавшаго владычества на моряхъ. Она требуетъ при этомъ только полной независимости Голландіи, безъ котораго равновѣсіе въ Европѣ невозможно. Проектъ же, представленный французскимъ уполномоченнымъ, совершенно противорѣчитъ тому духу, подъ вліяніемъ котораго образовались убѣжденія союзныхъ державъ, и потому ихъ уполномоченные должны заявить, что считаютъ переговоры, начатые въ Шатильонѣ французскимъ правительствомъ, прерванными. При этомъ державы, неразрывно связан-

[1]) Государственный Архивъ. Войны 1814 года.

ныя своею великою цѣлью, которую надѣются, съ помощью Божіею, достичь, объявляютъ, что *онѣ войны съ Франціею не ведутъ*, но что, тѣмъ не менѣе, не прежде положатъ оружіе, какъ когда французское правительство вполнѣ приметъ всѣ ихъ требованія. При концѣ засѣданія, слѣдующій сборъ уполномоченныхъ былъ назначенъ 19-го марта н. ст. въ часъ пополудни.

19-го марта пришлось Коленкуру дать отвѣтъ на представленное ему наканунѣ рѣшеніе союзныхъ уполномоченныхъ. Онъ извинился сначала тѣмъ, что ему приходится импровизировать спѣшный отвѣтъ на заранѣе подготовленное рѣшеніе гг. уполномоченныхъ и, послѣ нѣсколько сбивчивой, хотя и не долгой рѣчи, въ которой онъ старался всячески отстоять и Наполеона, которому онъ оставался вполнѣ вѣренъ, и свою отчизну, которую онъ любилъ горячо, въ заключеніе добавилъ, что сама Европа рѣшитъ, кого можно осудить въ недостаткѣ умѣренности: его ли правительство, или союзныя державы, которыя руководились гораздо болѣе случайностями, чѣмъ истинною заботою о возстановленіи равновѣсія въ Европѣ.

Копію съ своего отвѣта герцогъ Виченцскій представилъ при этомъ гг. уполномоченнымъ, которые тутъ же заявили, что ихъ полномочія окончены, и что они получили приказаніе возвратиться въ главныя квартиры своихъ государей [1]).

Одновременно съ окончаніемъ переговоровъ въ Шатильонѣ, графъ Разумовскій получилъ два слѣдующія письма отъ графа Нессельрода.

I.

Bar-sur-Aube, 9 (21) mars, 1814.

Je suppose, m. le comte, qu'en suivant les avis que Metternich a donnés hier au c-te de Stadion et que je l'ai prié de vous communiquer, vous vous serez dirigé sur Chaumont, et que c'est là que vous trouverez la nouvelle d'une victoire complète remportée sur Napoléon par la grande armée [2]). Nous venons de la recevoir dans le moment par un billet que le prince Wolkonsky nous écrit du champ de bataille, à 10 heures du soir. Nous ne connaissons pas encore les résultats de la journée. Le quartier général de l'Empereur étant à Brienne, je vais partir pour aller l'y rejoindre. Je suppose cependant qu'il ira plus loin en avant, car il a couché à Pougy. Je ne sais encore quelle direction vous donner, m. le comte, je vous engagerai à cheminer de

---

[1]) Comte d'Angeberg. Le congrès de Vienne et les traités de 1815. Paris, 1864. 8-vo I. 138—143.

[2]) Это было первое извѣстіе о побѣдѣ при Феръ-Шампенуазѣ.

conserve avec le c-te Stadion. Vous trouverez partout beaucoup de difficulté pour vous loger. Cette route est complètement ruinée. Cependant, en envoyant un chasseur toujours en avant, vous vous tirerez d'affaire tant bien que mal. Si nous devons nous arrêter quelque part, je vous ferai préparer un logement. Je suppose que ce ne sera plus le cas et que nous serrerons vigoureusement l'ennemi.

II.

13 (25) марта 1814.

Ce n'est qu'hier au soir, m. le comte, que j'ai reçu votre lettre du 10 (22). Vous aurez déjà appris que je n'étais plus à Troyes ce jour-là. Vous saurez également déjà tout ce qui se passe, car je vous suppose maintenant déjà réuni au quartier général autrichien. Comme nous en serons séparés pour quelque temps, je vous conseillerai de suivre l'empereur d'Autriche et tout le corps diplomatique qui est avec lui, ainsi que lord Castelreagh. C'est tout ce que je puis vous dire en ce moment; l'occasion par laquelle je vous adresse cet lignes ne me permet point d'entrer dans de plus grands détails. Agréez mes sincères hommages [1]).

ГЛАВА XIII.

Битвы при Краоннѣ и Ланѣ.—Отступленіе Наполеона къ Суассону.—Битвы при Реймсѣ и Арси-на-Обѣ. — Разумовскій въ Баръ-сюръ-Объ, а потомъ въ Дижонѣ.—Наступленіе союзныхъ войскъ на Парижъ.—Битва при Феръ-Шампенуазѣ и Монмартрѣ. — Взятіе Парижа. — Пріѣздъ туда Разумовскаго.—Онъ назначенъ сперва уполномоченнымъ для составленія конвенціи съ Франціею, а потомъ и мира.—Первый парижскій мирный трактатъ.

Въ то время, когда въ Шатильонѣ еще тянулись малообѣщающіе переговоры о мирѣ, Наполеонъ, увѣренный въ томъ, что силезская армія была имъ вполнѣ уничтожена, задумалъ новый планъ кампаніи, который долженъ былъ, съ одной стороны, отвлечь главную богемскую армію отъ Парижа, а съ другой, пополнить его собственныя быстро уменьшавшіяся военныя силы. Онъ рѣшился отдалиться отъ Парижа и подойти поближе къ обойденнымъ союзниками крѣпостямъ, изъ которыхъ онъ намѣревался вызвать всѣ остававшіеся безъ дѣла

---

[1]) Изъ архива князя А. К. Разумовскаго.

гарнизоны. Хотя крѣпости эти не были снабжены такими значительными силами, какъ тѣ, которыя находились внѣ Франціи, какъ напримѣръ: Данцигъ, Гамбургъ, Флессингенъ и другія, однако же завѣреніе Поццо-ди-Борго, что онѣ были вовсе безъ защиты, было весьма преувеличено. Соединенные гарнизоны Люксенбурга, Метца, Тіонвиля, Страсбурга, Антверпена, Майнца и Лилля представляли весьма сильную подмогу, составленную исключительно изъ старыхъ боевыхъ солдатъ, привыкшихъ ко всѣмъ трудностямъ войны и вполнѣ преданныхъ Наполеону. Начало исполненія этого хитро придуманнаго плана казалось вполнѣ счастливымъ. Корпуса маршаловъ Мармона и Мортье, до сихъ поръ разъединенные, успѣли слиться вмѣстѣ, а Блюхеръ, загнанный за рѣку Эну, не имѣлъ уже возможности, за неимѣніемъ мостовъ, перейти ее и соединиться съ значительными и совершенно свѣжими корпусами Винценгероде и Бюлова. Въ то время, когда французскій лагерь былъ преисполненъ добрыми надеждами, а Наполеонъ уже мечталъ объ изгнаніи союзниковъ за границы Франціи, имъ неожиданно получено было извѣстіе, что Суассонъ съ своимъ гарнизономъ сдался прусскому генералу Бюлову. Это разомъ уничтожило всю казавшуюся легкость исполненія задуманнаго императоромъ французовъ плана. По мосту, находящемуся въ Суассонѣ, Блюхеръ могъ перевести всю свою армію черезъ Эну и, въ то же время, соединиться съ Винценгероде и Бюловомъ. Неудача эта не ослабила, однако, рѣшимости Наполеона. Собравъ свои малыя силы, онъ вывелъ ихъ противъ Блюхера, хотя и зналъ, что силезская армія не только не уничтожена, но еще усилена двумя весьма значительными корпусами. Ему хотѣлось помѣряться съ Блюхеромъ, передъ своимъ походомъ на востокъ, для соединенія въ одно цѣлое всѣхъ гарнизоновъ. Послѣ кровопролитнаго боя, ему удалось сбить сильнѣйшія союзныя войска съ краонской возвышенности, но за то при Ланѣ, куда больной Блюхеръ, не бывшій въ состояніи лично предводительствовать войскомъ, стянулъ всѣ свои силы, Наполеону невозможно было приступомъ захватить самый городъ, не смотря на двухдневную рѣзню. Онъ, однако, не бѣжалъ, а въ порядкѣ отступилъ къ снова занятому французами Суассону.

Нельзя не удивляться, когда слѣдишь за этою странною войною, происходившею среди Франціи и въ которой, однако, самъ французскій народъ не принималъ ни малѣйшаго участія, особенно когда вспомнишь про то, что еще такъ недавно происходило въ Россіи. Нельзя тоже не подивиться и тому, что союзныя силы, которыя такъ превосходили числомъ своимъ войско Наполеона, со времени вторженія во Францію, кромѣ сраженія при Ла-Ротьерѣ, ни разу не выигрывали настоящей побѣды, когда французами командовалъ самъ

ихъ императоръ, не смотря на все геройство русскихъ и прусскихъ войскъ и несомнѣнныя способности многихъ изъ ихъ предводителей. Какъ мы сейчасъ увидимъ, самъ Поццо-ди-Борго, рьяный ненавистникъ Наполеона, прямо указывалъ на эти неудачи. Нельзя, перевертывая послѣднія драматическія страницы исторіи перваго императора французовъ, даже не питая къ нему вообще сочувствія, однако не остановиться въ изумленіи передъ его непоколебимою твердостью въ бою и не подивиться военному генію, умѣвшему, съ малыми силами, удерживать многочисленныя союзныя арміи и вытѣснять ихъ съ поля сраженія.

Послѣ кровопролитія подъ Ланомъ, Наполеонъ успѣлъ разбить подъ Реймсомъ, русскій корпусъ, находившійся подъ начальствомъ храбраго и талантливаго графа Эммануила де-Сенъ-При, павшаго героемъ, при защитѣ этого города, которымъ только-что овладѣлъ. Въ Реймсѣ императоръ французовъ далъ отдохнуть своимъ утомленнымъ и уменьшеннымъ войскамъ и намѣревался ихъ вести въ Нанси, гдѣ надѣялся выполнить свой планъ и собрать всѣ крѣпостные гарнизоны. Узнавъ, однако, что богемская армія стала тоже подходить къ Парижу, Наполеонъ отъ Марны, вверхъ по теченію которой онъ велъ свои войска, перешёлъ къ Сенѣ, желая показаться въ тылу у Шварценберга и тѣмъ отвлечь его отъ нападенія на столицу. Но вмѣсто тыла онъ нежданно напалъ, при Арси-на-Обѣ, на всю почти 100,000-ую богемскую армію, отъ которой съ малыми силами своими отбивался цѣлый день, а на другой съ поля битвы спокойно отступилъ за Обу, благодаря отсутствію всякой энергіи у Шварценберга, который къ тому же заболѣлъ передъ самымъ боемъ. При Арси пришлось Наполеону, по крайней мѣрѣ въ этотъ годъ, въ послѣдній разъ вступать въ бой, а между тѣмъ, именно въ тотъ день, какъ онъ перешелъ черезъ Обу, переговоры въ Шатильонѣ прекратились и всѣ уполномоченные спѣшили разъѣхаться. Колэнкуръ къ своему императору, а прочіе дипломаты, и въ томъ числѣ и графъ Разумовскій, въ Баръ-на-Обѣ, гдѣ находилась главная квартира императора австрійскаго.

Наполеонъ, однако, не покидалъ своего плана. Кромѣ гарнизоновъ онъ разсчитывалъ еще на приходъ четырехъ маршаловъ-герцоговъ: Рагузскаго, Тревизскаго, Тарентскаго и Реджіо (Мармона, Мортье, Макдональда и Удино) съ состоящими подъ ихъ командою корпусами и, кромѣ того, вполнѣ вѣрилъ въ возможность разжечь въ тылу Шварценберга народную войну.

Союзныя арміи соединились близъ Шалона и по прежнему не знали на что рѣшиться. На этотъ разъ Поццо-ди-Борго выступилъ впередъ, требуя немедленнаго наступленія на Парижъ, взятіе кото-

раго, по его словамъ, было окончательною цѣлью войны. Онъ указывалъ союзнымъ монархамъ, ихъ министрамъ и генераламъ, что военное значеніе Наполеона еще очень велико и что тамъ, гдѣ онъ лично командовалъ, союзникамъ не удавалось въ послѣднее время выигрывать побѣдъ. Нечего было далѣе терять людей и время въ ненужной борьбѣ, такъ какъ государственное свое значеніе Наполеонъ уже утратилъ. Войну слѣдуетъ покончить не военнымъ, а политическимъ образомъ. Коль скоро союзники займутъ Парижъ, угрожающее имъ чудовище само собою рухнетъ и грозный мечъ, котораго не удается до сихъ поръ у него вырвать, самъ собою выпадетъ изъ его рукъ. Мнѣнія Поццо, которыя Императоръ Александръ вполнѣ раздѣлялъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтали болѣе сторонниковъ. Они стали распространяться и въ австрійскомъ лагерѣ, особенно когда въ руки Шварценберга попали адресованныя Наполеону изъ Парижа письма и депеши, въ которыхъ самыми темными красками описано было безпомощное положеніе столицы. Наконецъ, на совѣтѣ, въ которомъ приняли участіе Императоръ Александръ, король прусскій, князь Шварценбергъ, Барклай-де-Толли, князь П. М. Волконскій и многіе другіе генералы, рѣшено было идти обѣимъ арміямъ прямою дорогою въ Парижъ. Первымъ затрудненіемъ на пути были встрѣченные, при Феръ-Шампенуазѣ, соединенные корпуса́ Мармона и Мортье, спѣшившіе къ Наполеону. Его самого, къ ихъ несчастію, въ Ферѣ, не было, и онъ не могъ силою своего генія спасти ихъ войска. Они были побиты, и оба маршала принуждены были отступить. Оказалось, что насчётъ Парижа увѣренія Поццо-ди-Борго были вполнѣ справедливы. Всѣ средства и силы французскаго правительства были употреблены на укрѣпленіе и защиту самыхъ отдаленныхъ крѣпостей: Данцига, Порты-Новы, Гамбурга, Венеціи, а столица Франціи не имѣла въ защиту себѣ ни единаго редута и весьма мало солдатъ. Но они, подъ командою разбитыхъ при Ферь-Шампенуазѣ маршаловъ, сколько могли защищали родной свой городъ. Не смотря, однако, на храбрость Мармона и Мортье, защита оказалась невозможною. Монмартръ былъ взятъ русскими войсками, и побѣдоносный Императоръ Александръ I, въ сопровожденіи короля прусскаго, торжественно вступилъ, 19-го марта (ст. с.), въ сдавшуюся ему столицу Франціи, всѣ жители которой толпились по улицамъ, чтобы полюбоваться необычайнымъ зрѣлищемъ. Самъ Тьеръ принужденъ признаться, что особенно на бульварахъ раздавались при видѣ русскаго Императора крики радости [1]).

Не весело, даже послѣ Шатильона, должно было показаться дипломатамъ пребываніе въ Баръ-на-Обѣ. Впрочемъ, тамъ императоръ

---

[1]) Thiers, „Histoire du Consulat et de l'Empire“, V. 503.

Францъ долго не оставался. Шварценбергъ явился къ нему съ извѣщеніемъ о томъ, что рѣшено идти прямо въ Парижъ, и что онъ намѣренъ съ арміею, въ случаѣ успѣха, тамъ оставаться, а въ случаѣ неудачи—отступить въ Бельгію. Слѣдовать по прежнему за союзною арміею усталый императоръ Францъ не намѣревался, а показавшіяся вокругъ Бара французскіе патрули побудили Меттерниха перевезти своего монарха въ Дижонъ, гдѣ можно было спокойно пребывать подъ прикрытіемъ сильнаго австрійскаго корпуса, которымъ командовалъ наслѣдный принцъ Гессенъ-Гомбургскій. За императоромъ послѣдовали всѣ дипломаты, и понятно, что вдали отъ дѣйствующей арміи и отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ разыгрывалась судьба Франціи и Наполеона, ни Разумовскому, ни товарищамъ его жить было не вполнѣ пріятно. Коль скоро до Дижона дошло извѣстіе о сдачѣ Парижа, Меттернихъ полетѣлъ туда, захвативъ съ собою лорда Кастельри и графа Гарденберга, упросивъ Разумовскаго остаться при императорѣ Францѣ. Онъ спѣшилъ, напуганный тою мыслью, что все дѣлается по волѣ Императора Александра и что роль Австріи отъ этого блѣднѣетъ и вліяніе ея на политическія обстоятельства окончательно ослабнетъ. И въ самомъ дѣлѣ, впечатлѣнія австрійскаго министра по пріѣздѣ его въ Парижъ были далеко не утѣшительны. Объ австрійцахъ и объ ихъ отсутствующемъ императорѣ никто не думалъ. Рѣшеніе самыхъ важныхъ вопросовъ вполнѣ обошлось безъ мнѣнія Меттерниха. Въ Парижѣ героемъ дня былъ несомнѣнно русскій Императоръ: о немъ только и говорили, его именемъ все рѣшалось, и всѣ были въ восторгѣ отъ его любезности. Онъ, какъ глава, руководилъ всѣмъ дѣломъ. Русскій генералъ Сакенъ назначенъ былъ губернаторомъ Парижа, и, наконецъ, только именемъ Императора Александра и его статсъ-секретаря графа Нессельрода, подписаны были афиши, обращенныя къ французскому народу отъ имени союзныхъ монарховъ, расклеенныя по всему Парижу. Въ нихъ Императоръ Александръ объявлялъ, что союзные государи, занявъ столицу Франціи, надѣются исполнить желанія французской націи, и потому объявляютъ, что если условія мира должны были содержать весьма сильныя ручательства, когда надо было положить предѣлъ властолюбію Бонапарта,—условія эти должны сдѣлаться гораздо болѣе благопріятными, когда Франція, возвратомъ къ мудрому правленію, сама дастъ залогъ покоя. Поэтому союзные монархи не намѣрены вести переговоровъ ни съ Наполеономъ Бонапартомъ, ни съ особами его семьи. Но они сохранятъ Франціи то положеніе, которое она имѣла при своихъ законныхъ государяхъ, и ручаются, что она получитъ ту конституцію, которую сама же себѣ составитъ. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, союзные монархи приглашаютъ заняться избраніемъ временнаго правительства и со-

ставленіемъ такой конституціи, которая была бы вполнѣ полезною французскому народу".

О всемъ этомъ Меттернихъ узналъ отъ самого Императора Александра, которому онъ, при пріѣздѣ своемъ, немедленно представился. Въ дополненіе ко всему имъ сказанному, Императоръ еще добавилъ, что онъ далъ слово Коленкуру, пришедшему къ нему съ настоятельною просьбою помочь Наполеону, что послѣднему мѣстомъ жительства назначенъ будетъ островъ Эльба, который и долженъ поступить въ полное владѣніе бывшаго императора французовъ. При этомъ, ошеломленный первый австрійскій министръ узналъ еще, что Коленкуръ и маршалы Ней и Макдональдъ, привезшіе съ собою отреченіе Наполеона отъ французскаго престола, уже четыре дня работали вмѣстѣ съ графомъ Нессельродомъ, надъ составленіемъ трактата, въ силу котораго обезпечивали будущую судьбу Наполеона и его семейства. Выслушавъ все это, Меттернихъ испросилъ у Александра Павловича дозволеніе переговорить съ княземъ Шварценбергомъ, а потомъ уже подать Е. В. окончательный отвѣтъ со стороны Австріи. Къ изумленію Меттерниха, оказалось, что Шварценбергу все вышесказанное было своевременно сообщено и что на все онъ уже далъ свое согласіе. Кастельри, къ которому обратился разстроенный Меттернихъ, тоже вполнѣ всё одобрилъ. Возвратясь къ русскому Императору, австрійскій премьеръ объявилъ, что проектированная конференція такъ уже подвинула свои труды, что ему уже невозможно помѣшать ей. Онъ только просилъ включить въ трактатъ, что императрицѣ Маріи-Луизѣ, а вслѣдъ за нею ея сыну и наслѣднику, отъ австрійскаго императора уступаются герцогство Пармское и княжества Гуастальское и Пьяченцское. „Спѣшу", добавилъ Меттернихъ, откланиваясь императору, „на конференцію и подпишусь подъ трактатомъ, который менѣе чѣмъ черезъ два года снова приведетъ насъ къ войнѣ. Обстоятельства доказали", добавляетъ Меттернихъ въ своихъ мемуарахъ, „что я ошибся только на одинъ годъ" [1]).

Пророчество точно сбылось, но уже прежде его исполненія много накипѣло на душѣ у Меттерниха злобы на Россію и ея Императора. И сильнѣе, чѣмъ когда-либо, старался онъ всячески досадить доброй союзницѣ, такъ благодушно во всемъ помогавшей Австріи. Александръ Павловичъ, всегда чистосердечный, подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, очень былъ занятъ, въ описываемое нами время, тою мыслью, что конституція необходима для Франціи, и не скрывалъ этой мысли отъ французовъ, говоря имъ, что Европѣ нуженъ не только миръ, но и свобода, а особенно Франціи, съ которой слѣдуетъ и начать. Мет-

---

[1]) Mémoires du prince Metternich, I. 195.

терниху такія мысли были не по сердцу и еще болѣе его озлобляли, и онъ съ грустью примѣчалъ, что русскій Императоръ, не смотря на его присутствіе и дружбу, которую онъ, Меттернихъ, всячески навязывалъ лорду Кастельри, по прежнему всѣмъ руководилъ, а особенно только-что прибывшимъ въ Парижъ братомъ и наслѣдникомъ новаго короля Франціи, Людовика XVIII-го, графомъ д'Артуа. Послѣдній былъ въ восторгѣ отъ того, что послѣ 24-хъ лѣтъ изгнанія ему снова пришлось жить въ тюилерійскомъ дворцѣ, но въ то же время чувствовалъ себя какъ бы на чужбинѣ въ той средѣ, въ которой ему приходилось дѣйствовать отъ имени своего брата, намѣренія котораго не были ему вполнѣ извѣстны. Особенно смущалъ его сенатъ, который, между прочимъ, былъ въ то время единственнымъ представителемъ власти во Франціи. Сенатомъ было провозглашено паденіе Наполеона и его династіи; имъ же назначено было временное правительство, во главѣ котораго стоялъ Талейранъ, и, наконецъ, онъ же призвалъ на престолъ старшаго изъ Бурбоновъ, требуя только, чтобы онъ принялъ имъ же—сенатомъ—составленную конституцію. Всѣ окружавшіе графа д'Артуа говорили, что онъ долженъ былъ принять временно титулъ намѣстника своего брата, а эмигранты совѣтовали ему не обращать никакого вниманія на сенатъ. Объ этомъ узналъ Императоръ Александръ и немедля приказалъ графу Нессельроду съѣздить къ графу де-Витролю, принимавшему самое дѣятельное участіе въ возвращеніи Бурбоновъ и имѣвшему значительный авторитетъ въ ихъ лагерѣ, и объявить ему, что сенатъ играетъ самую важную роль во Франціи, что ему обязаны Бурбоны своимъ призваніемъ и удаленіемъ Наполеона на островъ Эльбу и что съ нимъ однимъ долженъ былъ графъ д'Артуа знаться. Слово Александра Павловича было въ то время въ Парижѣ закономъ, и въ Тюилери смиренно стали ожидать, что̀ рѣшитъ сенатъ. Рѣшеніе сената состоялось почти немедленно, и въ силу его графъ д'Артуа назначенъ былъ намѣстникомъ королевства Франціи до тѣхъ поръ, пока призванный въ короли старшій братъ его не утвердитъ составленную сенатомъ конституціонную хартію и не прибудетъ самъ въ Парижъ, чтобы принять бразды правленія.

Вскорѣ послѣ отъѣзда князя Меттерниха, императоръ Францъ, узнавъ отъ своего министра, что въ Парижѣ все спокойно и что и онъ можетъ туда безопасно пріѣхать, покинулъ Дижонъ и отправился по направленію къ столицѣ. За нимъ, разумѣется, поспѣшили покинуть Дижонъ и англійскіе дипломаты, и баронъ Гумбольдтъ, и графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій. Они ранѣе прибыли въ Парижъ, чѣмъ императоръ Францъ, нѣсколько разъ останавливавшійся на пути. Императоръ Александръ и король

прусскій приняли Франца I-го у парижской заставы, со всѣми должными почестями, но парижское населеніе, не смотря на массу разставленныхъ войскъ и многочисленность сопровождавшей австрійскаго императора свиты, осталось совершенно холоднымъ, и современники невольно сравнивали пріѣздъ Александра I съ пріѣздомъ запоздалаго австрійскаго монарха.

Между тѣмъ по городу стали ходить разные слухи. Робѣвшій подъ желѣзною десницею Наполеона и столь долго молчавшій, Парижъ вдругъ заговорилъ на свободѣ и критически отзываясь обо всёмъ, что дѣлалось. Особенно стали громко говорить о долгомъ пребываніи во Франціи союзной арміи, указывая, при этомъ, на то, что союзные монархи въ своихъ воззваніяхъ увѣряли, что заняли Францію только для ея спасенія, а между тѣмъ, не смотря на совершившееся низложеніе Наполеона и отправленіе его на островъ Эльбу, на призваніе Бурбоновъ и прибытіе уже графа д'Артуа, союзныя войска, по прежнему, оставались въ Парижѣ и его окрестностяхъ, обременяя тѣмъ жителей и унижая Францію.

Со всѣхъ сторонъ стали требовать, не смотря на несомнѣнную популярность Императора Александра, отъ принца-намѣстника, отъ совѣта его, въ который само себя преобразовало бывшее временное правительство, и отъ всѣхъ вновь назначенныхъ министровъ, немедленнаго очищенія Франціи отъ союзныхъ войскъ. На представленія новаго французскаго правительства, министры союзныхъ монарховъ отвѣчали, что французскими войсками заняты еще: Гамбургъ, Магдебургъ, Тексель, Бергенъ-опъ-Цоомъ, Антверпенъ, Монсъ, Флессингенъ, Майнцъ, Лерида, Тарагона, Фигуересъ и Джироне, не считая болѣе мелкихъ крѣпостей, не имѣющихъ ничего общаго съ Франціей, границами которой всѣми теперь признаны тѣ, которыя существовали до 1790 года. Сами французы, проклинавшіе властолюбивую и ненасытную политику Бонапарта, замышлявшаго покорить весь міръ, болѣе другихъ должны теперь желать исчезновенія послѣднихъ слѣдовъ этой пагубной для Франціи наступательной политики. Главною цѣлью занятія Парижа союзниками было возвращеніе Франціи ея прежнихъ границъ. Цѣль эта еще не достигнута, но союзные монархи вполнѣ готовы войти въ соглашеніе съ настоящимъ правительствомъ Франціи, такъ какъ сами думаютъ о томъ, какъ бы скорѣе вернуть свои войска на родину.

Вслѣдствіе такого отвѣта начались съ лихорадочною поспѣшностью, особенно со стороны Франціи, переговоры касательно конвенціи относительно обоюднаго вывода, съ одной стороны, гарнизоновъ, а съ другой—войскъ. Для переговоровъ съ французскимъ министерствомъ, во главѣ котораго стоялъ Талейранъ, союзными монархами назначены

32*

были тѣ же уполномоченные, какъ и на конгресѣ въ Шатильонѣ, къ которымъ присоединились князь Меттернихъ и графъ Нессельродъ, причемъ князь Меттернихъ сталъ первымъ уполномоченнымъ австрійскимъ, а графъ Стадіонъ—вторымъ, тогда какъ съ русской стороны графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, по старшинству, дѣлался первымъ, а Нессельродъ—вторымъ. Благодаря спѣху французскихъ министровъ, дѣйствовавшихъ подъ натискомъ общественнаго мнѣнія, приняты были при составленіи этой конвенціи нѣкоторые пункты весьма невыгодные для Франціи. Послѣ весьма недолгихъ переговоровъ, при которыхъ, однако, дано было обѣщаніе, что при окончательномъ заключеніи мира, въ виду воцаренія Бурбоновъ, Франція получитъ, сверхъ границъ 1790 г., еще лишній миліонъ подданныхъ, отъ имени графа д'Артуа, какъ намѣстника королевства, 11-го (23) апрѣля 1814 г. заключены были съ четырьмя союзными державами отдѣльныя, хотя и тождественныя конвенціи, подписанныя со стороны Франціи Талейраномъ, княземъ Беневентскимъ, а со стороны союзныхъ державъ — старшими уполномоченными. Конвенція, подписанная героемъ нашимъ, состояла изъ девяти статей и двухъ прибавленій: одна добавочная (article additionnel), а другая секретная статья, въ силу которой, между прочимъ, Франція обязывалась выплатить гамбургскому банку взятыя изъ него деньги [1]).

Въ силу этой конвенціи, всѣ крѣпости по Рейну должны были сдаться въ 10-ти-дневный срокъ, всѣ крѣпости въ Пьемонтѣ и Италіи въ 15-ти-дневный, а всѣ остальныя—не позже 1-го іюня. Гарнизоны выходили съ своимъ оружіемъ и обозомъ и, кромѣ того, имѣли право увозить съ собою по три артиллерійскихъ орудія на 1000 человѣкъ. Всё то, что не составляло частнаго имущества, всѣ заготовки провіанта всѣ склады оружія, артиллеріи, и пр. и пр., оставались во власти тѣхъ союзныхъ государствъ, во власть которыхъ крѣпости переходили. Тьеръ замѣчаетъ, что, по этому параграфу, Франція потеряла разныхъ заготовокъ на сумму сорока миліоновъ. Точно также опредѣлялись выходы французскаго флота изъ занятыхъ ими портовъ, причемъ прекращены были всѣ блокады. Съ своей стороны, союзники отказывались отъ дальнѣйшихъ военныхъ поборовъ, а французскія власти должны были заботиться о ихъ продовольствіи до тѣхъ поръ, пока они не покидали французской територіи. Насчетъ послѣдняго предполагалось составить особую конвенцію и назначить особыхъ комисаровъ, которые должны были провожать союзныя войска до границъ Франціи. Въ дополнительномъ параграфѣ обозначалось,

---

[1]) Comte d'Angeberg. Le congrès de Vienne et les traités de 1815. Paris, 1764. I. 156--160.

что всѣ крѣпости, находящіяся въ Нидерландахъ, должны были быть сданы въ десятидневный срокъ. Что же касается до секретной статьи, то въ ней было обозначено, что всѣ поборы (réquisitions), дѣлаемые коммендантами крѣпостей, прекращались со дня подписанія конвенціи. Публичное и частное имущество, въ крѣпостяхъ, должно было оставаться неприкосновеннымъ, а то, которое было взято, должно было быть возвращено, если оно еще существовало. Это послѣднее условіе, сказано въ конвенціи, особенно относится къ гамбургскому банку. Французское правительство обязалось принять всѣ нужныя для исполненія секретной статьи мѣры.

Въ то время какъ уполномоченные поспѣшно трудились надъ конвенціею, въ Парижѣ съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда самого короля Людовика XVIII-го, который, между тѣмъ, спокойно проживалъ въ Гартвелѣ, въ Англіи, и, не спѣша, готовился къ отъѣзду, припасая, при этомъ, заранѣе свое согласіе на составленную французскимъ сенатомъ конституцію. Такъ какъ послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Англіи, то ему казалось, что конституціонное правленіе, судя по тому, что онъ самъ видѣлъ, живя въ Гартвелѣ, было,—за исключеніемъ нѣкоторыхъ непріятностей, которыя, впрочемъ, относились только къ министрамъ,—самое покойное и пріятное. Отправленные къ нему отъ брата довѣренные люди окончательно его успокоили. Онъ узналъ, между прочимъ, что бѣлое знамя замѣнило трехцвѣтное, что отъ него не требуютъ присягать конституціи, которая не была даже еще составлена, и онъ рѣшился явиться въ Парижѣ королемъ полноправнымъ, и поспѣшилъ отложить въ сторону, по выраженію Тьера, уже заготовленное имъ согласіе на сенатскую конституцію [1]). Онъ сперва поѣхалъ въ Лондонъ, не забывая того, что одна только Англія никогда не признавала Бонапарта императоромъ. Ему былъ тамъ сдѣланъ самый блистательный пріемъ. Всѣ жители Лондона были въ день его пріѣзда съ бѣлыми кокардами на шляпахъ. Онъ вошелъ во дворецъ, поддерживаемый принцемъ регентомъ, который подвелъ его къ трону, на который онъ съ величіемъ возсѣлъ, какъ король и какъ гость. Свою благодарность онъ выразилъ словами: „Возстановленіе мое на тронъ предковъ, послѣ Провидѣнія, я буду всегда исключительно приписывать В. К. В. и славной вашей націи".

Слова эти, которыя Тьеръ называетъ „горестно-памятными", возбудили еще сильнѣе энтузіазмъ англичанъ. Принцъ-регентъ и его братья проводили короля до Дувра, а герцогъ Кларенскій (будущій король Вильгельмъ IV) довёзъ его до Калэ. На союзныхъ же монар-

---

[1]) Thiers. „Histoire du Consulat et de l'Empire". VI. 28.

ховъ слова эти произвели нѣсколько странное впечатлѣніе, весьма для Людовика XVIII-го неблагопріятное. Одно присутствіе союзныхъ монарховъ въ Парижѣ уже ясно доказывало, что не одной только Англіи обязанъ былъ старый король возведеніемъ своимъ на престолъ своихъ предковъ.

Не спѣша, доѣхалъ Людовикъ XVIII-й до Компіена и тамъ остановился. Туда толпою собрались и старые служители, и только-что оставившіе Наполеона представители павшей имперіи. Не безъ такта и хитрости были они приняты королемъ, особенно незнакомые ему доселѣ французскіе маршалы и бывшій отёнскій епископъ, князь Талейранъ. Въ Компіенъ пріѣхалъ тоже, полный благожеланія и добрыхъ совѣтовъ, Императоръ Александръ Павловичъ. Талейранъ старался скрыть, что онъ былъ довольно сухо принятъ, а русскій Царь, который располагалъ 200,000-мъ войскомъ и былъ въ данную минуту настоящимъ хозяиномъ Франціи, вернувшись изъ Компіена, не безъ ироніи разсказывалъ въ Парижѣ о сдѣланномъ имъ старымъ королемъ пріемѣ. Людовикъ XVIII-й обошёлся съ поспѣшившимъ къ нему навстрѣчу Императоромъ, какъ съ юношею, подающимъ непрошенные совѣты и ниже его стоящимъ по придворному этикету. Хотя Александръ Павловичъ любезно надъ этимъ посмѣивался въ парижскомъ обществѣ, однако подобный пріемъ не могъ не оскорбить его, тѣмъ болѣе, что Бурбоны никогда не были ему по сердцу. Уже во Франціи и въ виду настоятельной необходимости покончить съ Наполеономъ, согласился онъ, и то съ трудомъ, на ихъ призваніе. У старика короля Франціи, на самомъ дѣлѣ, не было ни одного союзника. Любезностію онъ могъ бы легко привязать къ себѣ поспѣшившаго ему на-встрѣчу Императора, о чемъ не подумали остальные монархи, а онъ, напротивъ, и позже, разными выходками, и въ важныхъ вопросахъ, и въ мелкихъ подробностяхъ этикета, безпрестанно досаждалъ и отталкивалъ отъ себя единственнаго подходящаго для Франціи союзника [1]), которому Бурбоны стали еще менѣе симпатичными, чѣмъ прежде.

Что особенно польстило старомъ королю и что удивило и не понравилось Александру I, это никѣмъ неожиданное появленіе въ Компіенѣ законодательнаго корпуса, съ просьбою поклониться и представиться его величеству. Людовику XVIII-му теперь стало ясно, что онъ признанъ какъ король по праву рожденія, и поэтому онъ рѣшилъ только у самыхъ воротъ Парижа, въ Сентъ-Уэнѣ, motu proprio пожаловать своему народу конституціонную хартію. Послѣ этого сенатъ in pleno рѣшился представиться своему новому властелину, который, наконецъ, 3-го мая н. ст., торжественно въѣхалъ въ Парижъ.

[1]) Тамъ же. VI. 51.

Между тѣмъ оказалось, что конвенція 11-го (23) апрѣля не достигла своей цѣли, такъ какъ хотя многія занятыя французскими гарнизонами крѣпости были уже сданы, однако союзныя войска еще не трогались съ мѣста, и на нихъ снова, особенно на пруссаковъ, приносились въ Парижъ безпрестанныя жалобы. Только-что назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ, князь Талейранъ рѣшился заговорить объ окончательномъ мирѣ, о которомъ уже давно думали министры союзныхъ государей, особенно князь Меттернихъ, которому, благодаря его обычному умѣнію и хитрости, снова удалось играть первенствующую роль въ совѣтахъ союзныхъ государей. Онъ первый замѣтилъ, что, приступая къ великому дѣлу общаго мира, слѣдовало рѣшить два совершенно отдѣльныхъ вопроса: во-первыхъ, покончить войну собственно съ Франціею и съ нею заключить миръ, а во-вторыхъ, послѣ всѣхъ переворотовъ, происшедшихъ съ 1812 года, рѣшить бездну вопросовъ, относящихся исключительно къ остальной Европѣ. Очевидно было, что второй вопросъ былъ крайне трудный и что для разрѣшенія его требовалось очень много времени. Съ этимъ невозможно было не согласиться, тѣмъ болѣе, что союзнымъ монархамъ нежелательно было, чтобы Франція принимала участіе въ рѣшеніи тѣхъ дѣлъ, которыя до нея собственно не касались и въ которыхъ было, какъ всѣ сознавали, много спорныхъ предметовъ, при разборѣ которыхъ чуждая имъ Франція легко могла бы снова занять видное и сильное мѣсто въ политикѣ, чего союзники никакъ допускать не желали. По мнѣнію Меттерниха, слѣдовало, не теряя времени, заключить договоръ съ Франціею, окончательно опредѣляя ея отношенія къ остальной Европѣ, а потомъ между собою рѣшить свои собственныя дѣла, что̀ тѣмъ болѣе легко, что о Франціи уже не придётся думать. Эта мысль принята была всѣми остальными министрами, а также и ихъ государями, и рѣшено было заключить въ Парижѣ миръ съ Франціею, въ которомъ уже будутъ окончательно опредѣлены ея отношенія къ остальной Европѣ, а всѣ другіе вопросы, относительно общаго европейскаго равновѣсія, отложить на нѣсколько мѣсяцевъ, назначивъ для этого конгресъ, который долженъ былъ собраться въ одной изъ главныхъ столицъ центральной Европы. Такъ какъ императоръ Францъ былъ старшій изъ всѣхъ союзныхъ монарховъ, то понятно, что мѣстомъ для собранія конгреса представилась Вѣна, положеніе которой въ центрѣ Европы было самое удобное. Уполномоченными для переговоровъ о настоящемъ мирѣ съ Франціей опять были назначены тѣ же дипломаты, которые приняли участье въ шатильонскомъ конгресѣ, а потомъ заключили съ графомъ д'Артуа конвенцію 11-го (23) апрѣля.

Со стороны Франціи предложеніе, сдѣланное по мысли Меттер-

ниха, было принято немедленно, безъ всякаго подозрѣнія въ томъ, что основаніемъ его была скрытая мысль удалить Францію отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла остальной Европы. Даже Талейрану, обыкновенно гораздо болѣе хитрому, чѣмъ Меттернихъ, показалась совершенно понятною необходимость немедленнаго заключенія мира съ Франціею. Не разыскивая скрытыхъ причинъ, ему казалось весьма понятнымъ, что союзнымъ государямъ, послѣ столь долгаго отсутствія, необходимо было скорѣе вернуться къ себѣ, такъ какъ, послѣ такихъ годовъ, какъ 1812, 1813 и почти половина 1814-го, все должно было внутри ихъ государствъ требовать ихъ личнаго присутствія для введенія болѣе правильнаго порядка и устройства. Предложеніе союзныхъ государей было принято, и князь Талейранъ, немедля, вступилъ съ уполномоченными въ переговоры о мирѣ съ Франціею.

Первымъ вопросомъ явился вопросъ о границахъ. Не разъ было заявляемо союзными правительствами, что съ Бурбонами они будутъ обходиться совершенно иначе, чѣмъ съ Бонапартомъ. При составленіи спѣшной апрѣльской конвенціи, смутно было обѣщано, что къ Франціи, какая она была при Бурбонахъ, т.-е. съ границами 1790 года, будетъ еще присоединенъ милiонъ новыхъ подданныхъ. Этого прибавленія Людовикъ XVIII требовалъ на сѣверѣ, такъ какъ онъ ничего не желалъ отнимать у родственнаго ему и притомъ дружественнаго Савойскаго дома. Желаніе ничего не прибавлять съ юга было тѣмъ болѣе понятно, что при этомъ сѣверная граница Франціи расширялась и доводилась до Рейна.

На первомъ засѣданіи уполномоченныхъ князь Талейранъ не присутствовалъ; его замѣнили назначенные ему въ помощники гг. де Лафоре́ и д'Осмонъ; онъ же самъ намѣренъ былъ лично дѣйствовать на самихъ союзныхъ государей и ихъ министровъ. Помощники перваго французскаго министра представили подробный планъ предположенной ими новой границы и приложили къ нему подробное объясненіе. Въ подкрѣпленіе своихъ предложеній они приводили обѣщанія союзныхъ монарховъ не ослаблять Франціи, но оставить ее большою и сильною, и къ тому доказывали всю невозможность сохраненія европейскаго равновѣсія, оставивъ Францію совершенно обездоленною, тогда какъ три союзныя державы — Россія, Австрія и Пруссія—увеличились и усилились, въ концѣ прошлаго столѣтія, раздѣломъ ими же уничтоженной Польши. На это уполномоченные, а въ числѣ ихъ и графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, высказали крайнее свое удивленіе, что въ полученныхъ ими отъ своихъ монарховъ инструкціяхъ ни слова не было сказано о прибавленіи територіи, а только о границахъ Франціи въ 1790 году. Послѣ недолгихъ объясненій, въ которыхъ, со стороны уполномо-

ченныхъ говорилъ одинъ только лордъ Кастельри, всѣ участвовавшіе въ переговорахъ дипломаты единодушно заявили, что требованія французскаго короля были для нихъ до того неожиданны и притомъ такъ огромны, что имъ необходимо прервать засѣданіе, чтобы узнать, какія приказанія послѣдуютъ, вслѣдствіе сдѣланнаго заявленія имъ отъ ихъ государей.

Талейранъ обратился къ самимъ монархамъ, а изъ уполномоченныхъ видѣлся только съ лордомъ Кастельри, графомъ Нессельродомъ и княземъ Меттернихомъ, которые всѣ трое были министрами иностранныхъ дѣлъ. Кастельри оказался простымъ, дружелюбнымъ но упорнымъ, какимъ бываетъ англичанинъ, когда дѣло идетъ объ интересахъ его родины. Нессельродъ, подъ вліяніемъ недовольства Императора Александра I королемъ, а также совѣтовъ Меттерниха и Разумовскаго, отвѣчалъ очень холодно и сухо, а Меттернихъ хотя увѣрялъ, что онъ вовсе за Бельгію не стоитъ и готовъ отдать ее Франціи, но при томъ замѣтилъ, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не будетъ противиться Англіи. Онъ согласился, чтобы говорили о нѣкоторыхъ добавленіяхъ територіи, но при этомъ замѣтилъ, что Франція уже получила и Авиньонъ, и графство Монбеліаръ, которыми она въ 1790-мъ году не владѣла; что, конечно, кромѣ того, можно её немного расширить на сѣверѣ, но что, по его мнѣнію, особенно ей слѣдуетъ усилиться насчётъ Савойи, и что если этимъ и не будетъ совсѣмъ пополненъ миліонъ новыхъ подданныхъ, то все-же, ради популярности Бурбоновъ, союзные монархи готовы громко заявить, что къ Франціи прибавленъ именно цѣлый миліонъ новыхъ подданныхъ. Пруссія въ эти объясненія не входила: ее въ то время исключительно занималъ финансовый вопросъ, рѣшенія котораго въ ея пользу она ожидала отъ мира. Все это дѣло возбудило бурныя засѣданія въ совѣтѣ короля. Всѣ нападали на апрѣльскую конвенцію, отдавшую безъ малѣйшаго вознагражденія обратно всѣ занятыя французскими войсками крѣпости. Между графомъ д'Артуа и его сыномъ, герцогомъ Беррійскимъ, произошла неприличная сцена. Изъ всѣхъ членовъ королевскаго совѣта, одинъ только генералъ Дессоль подалъ благую мысль ограничиться, въ настоящее время, перемиріемъ съ союзными державами, а окончательный миръ заключить уже въ Вѣнѣ на всеобщемъ европейскомъ конгресѣ. Мнѣнія этого никто изъ товарищей Дессоля не поддержалъ, а, наоборотъ, всѣ говорили о крайней необходимости заключить немедленный миръ, вслѣдствіе чего окончательно положено было оставить задуманный гг. де-Лафоре и д'Осмономъ планъ сѣверной границы и начать снова переговоры на иныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе этого, со стороны уполномоченныхъ союзныхъ державъ, допущены были нѣкоторыя измѣненія, къ выгодѣ Франціи, касательно ея сѣверной и восточ-

ной границы, а всё такимъ образомъ добавленное далеко не равнялось тому, что было обѣщано, и потому, чтобы пополнить слишкомъ ощутительный недостатокъ, уполномоченные, съ разрѣшенія своихъ государей, согласились отрѣзать въ пользу Франціи часть окрестностей Женевы и половину Савойи съ городами Шамбери и Аннеси. Такимъ образомъ, границы 1790 года значительно были расширены; но, окончивъ вопросъ этотъ обоюднымъ соглашеніемъ, уполномоченнымъ показалось невозможнымъ, въ виду возстановленія Бурбоновъ, вовсе умолчать о томъ, что станется съ отнимаемыми отъ Франціи землями въ Италіи, Германіи, Бельгіи, Голландіи и частью въ Испаніи. Разумѣется, что это рѣшено было сдѣлать въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, особенно въ виду того, что Франція въ будущемъ конгресѣ не должна была имѣть голоса въ дѣлахъ распредѣленія между разными государствами пріобрѣтенныхъ отъ нея земель. Къ мирному трактату, коего пункты далеко не были еще всѣ рѣшены, предполагалось приложить секретное соглашеніе съ будущимъ распредѣленіемъ отходящихъ отъ Франціи земель. Это секретное соглашеніе состояло изъ шести пунктовъ, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось, что владѣнія императора австрійскаго не распространятся въ Италіи дальше рѣкъ По и Тессины и озера Маджіоре. Что лѣвая сторона Рейна послужитъ вознагражденіемъ германскимъ владѣтелямъ, соединеннымъ федеративнымъ союзомъ, а что королю сардинскому, получившему свое королевство, за исключеніемъ уступленной Франціи части Савойи, дается Генуя съ ея владѣніями. Что, такъ какъ для равновѣсія Европы, необходимо усиленіе Голландіи, къ ней присоединяется вся земля, находящаяся между Рейномъ, моремъ и рѣкою Маасомъ, не упоминая притомъ о Бельгіи [1]).

Особенно спорили о возвратѣ взятыхъ у Франціи колоній. Тутъ главную роль игралъ лордъ Кастельри, соглашавшійся на возвращеніе всего взятаго англійскими флотами, во время войнъ съ Наполеономъ, кромѣ Иль-де-Франсъ, которымъ особенно дорожилъ Людовикъ XVIII. Но лордъ Кастельри, рѣшительно и окончательно объявилъ, что островъ этотъ, находящійся на пути въ Индію, такъ же необходимъ Англіи, какъ отнятый ею у Голландіи мысъ Доброй Надежды. Однимъ изъ послѣднихъ спорныхъ вопросовъ были военныя контрибуціи, изъ-за которыхъ дѣло чуть не дошло до разрыва. Кромѣ общихъ требованій всѣхъ союзныхъ державъ, за исключеніемъ одной Англіи, существовали еще отдѣльныя претензіи на правительство Франціи. Разсчетливая Пруссія требовала не только возврата всѣхъ наложенныхъ на неё Наполеономъ контрибуцій, что

---

[1]) Comte d'Angeberg. Le congrès de Vienne. I. 171.

уже составляло довольно почтенную сумму, но еще уплаты за содержаніе французскихъ войскъ, перебывавшихъ въ прусскихъ владѣніяхъ, съ 1812 года. Итогъ всѣхъ требованій прусскаго правительства доходилъ до 272 миліоновъ. Талейранъ отказался даже отвѣчать на столь неожиданное и странное требованіе, которому удивились и всѣ уполномоченные союзныхъ державъ, за исключеніемъ Гарденберга и Гумбольдта. Узнавъ объ этомъ, король Людовикъ объявилъ, что скорѣе потратитъ 600 миліоновъ на новую войну, чѣмъ согласится уплатить Пруссіи даже 100 миліоновъ. При этомъ, не всегда любезный къ союзнымъ монархамъ, французскій король замѣтилъ, что они его удивляютъ своею крайнею неблагодарностію, такъ какъ Бурбоны, по крайней мѣрѣ, столько же были нужны для занятія Франціи союзниками, сколько и послѣдніе Бурбонамъ, для возвращенія ихъ на родину. Герцогъ Беррійскій, не умѣвшій сдерживаться, когда слѣдовало, объявилъ на засѣданіи королевскаго совѣта, что съ ожидаемыми гарнизонами и плѣнниками армія французская возрастетъ до 300,000 солдатъ, съ которыми ему не трудно будетъ выгнать изъ Франціи 200,000 союзниковъ. На это Талейранъ позволилъ себѣ замѣтить, что такую армію можно бы было собрать только вслѣдствіе всѣми—а въ особенности герцогомъ—такъ порицаемой, апрѣльской конвенціи. Вѣроятно при этомъ князь еще подумалъ, что подобающій для успѣха арміи полководецъ былъ не въ Парижѣ, а на дорогѣ къ острову Эльбѣ. Вслѣдствіе всего этого, Тайлеранъ воспользовался всѣми силами своего таланта и подѣйствовалъ отдѣльно не только на союзныхъ министровъ, но еще на неразсчетливаго, по отношенію къ деньгамъ Императора Александра. Кастельри былъ лично очень доволенъ исходомъ переговоровъ и крайне холодно отнёсся, въ бесѣдѣ съ Талейраномъ, къ претензіямъ Пруссіи, а Меттернихъ, сердечно радовавшійся всякой ея неудачѣ, обѣщалъ даже свое содѣйствіе. Александръ Павловичъ даже устыдился любостяжанія своего друга, короля Фридриха - Вильгельма III-го, и всячески ему доказывалъ несообразность его требованій. Наконецъ, удалось не безъ труда заставить короля отъ нихъ отказаться. Относительно общаго всѣхъ союзныхъ державъ требованія контрибуціи въ пользу ихъ войскъ, занимавшихъ въ то время Францію, дѣло рѣшилось скорѣе и безобиднѣе для новаго королевскаго правительства. По разсчету трехъ соединённыхъ противъ Наполеона державъ, оказалось сперва, благодаря опять, главнымъ образомъ, требованіямъ Пруссіи, что Франціи приходилось выплатить по этому послѣднему пункту до 182 миліоновъ. Англія дала благой примѣръ, отказавшись заранѣе отъ всякаго участія въ контрибуціи, а русскіе уполномоченные, графы Разумовскій и Нессельродъ, слѣдуя строго даннымъ имъ Императо-

ромъ Александромъ повелѣніямъ, старались всячески уменьшить требуемую сумму, которую имъ окончательно посчастливилось уменьшить до 25 миліоновъ, на что французское правительство охотно согласилось.

Въ окончательномъ трактатѣ ни слова не было сказано о тѣхъ чудесахъ искуства, которыя Наполеонъ собралъ со всей Европы и которыя дѣлали въ то время парижскіе музеи первыми въ мірѣ. Александръ Павловичъ такъ ими часто и долго наслаждался, что у него не хватило духу согласиться на возвратъ законнымъ владѣльцамъ всѣхъ похищенныхъ Наполеономъ картинъ и статуй, благодаря которымъ Парижъ сдѣлался единственнымъ центральнымъ пунктомъ художественнаго міра.

18-го (30-го) мая подписанъ былъ такъ-называемый первый Парижскій миръ. Король Людовикъ XVIII, слѣдуя строго всегда и вездѣ правиламъ строжайшаго этикета, потребовалъ, чтобы сначала миръ былъ подписанъ съ австрійскими уполномоченными, какъ представителями перваго, въ Европѣ, императорскаго престола, носящаго названія: священно-римскаго и апостольскаго. Только второй трактатъ, хотя и тождественный съ первымъ, рядомъ съ Талейраномъ, подписали герой нашъ и графъ Нессельродъ. Вскорѣ послѣ подписанія мира, король Людовикъ торжественно открылъ засѣданія французскихъ палатъ; вслѣдъ затѣмъ союзныя войска тронулись съ мѣста и пустились въ длинный путь свой на родину. Долгому пребыванію въ Парижѣ Императора Александра обязана Россія многими изъ лучшихъ картинъ, украшающими нынѣ музей Эрмитажа. Александръ Павловичъ часто посѣщалъ жившую въ окрестностяхъ Парижа, въ замкѣ Мальмезонъ, императрицу Іозефину, и отъ нея пріобрѣлъ все ея богатое собраніе картинъ, взятыхъ Наполеономъ изъ кассельскаго и голландскихъ музеевъ. Въ послѣднее время пребыванія Александра Павловича, императрица Іозефина заболѣла и за два дня до его отъѣзда скончалась.

Императоръ Александръ, послѣ открытія палатъ, покинулъ Парижъ и оттуда поѣхалъ въ Лондонъ съ сестрою своею, великою княгинею Екатериною Павловною. Хотя положеніе Императора въ Парижѣ было совершенно не то, какъ другихъ союзныхъ монарховъ, которые казались парижанамъ, по выраженію одного француза, лицами его свиты [1]), однако, ничто не могло сравниться съ тѣмъ восторгомъ, съ которымъ встрѣтили его англичане. Эта была одна безостановочная овація, о которой, не безъ злости, писали австрійскіе

[1]) Capefigue въ своемъ историческомъ введеніи къ Congrès de Vienne, par le C-te d'Angeberg.

дипломаты. „Народъ лондонскій“, писалъ Генцъ своему господарю, „который такъ же невѣжественъ, какъ и народы во всѣхъ столицахъ, но гораздо буйнѣе и необузданнѣе, выразилъ всѣми изъявленіями, которое только могло выдумать изступленіе черни, свое пристрастіе къ героямъ дня. Но за то, когда большинство публики восхищалось монархомъ и героями сѣвера, принцъ-регентъ и кабинетъ мудро обдумывали высшіе интересы Европы и все тѣснѣе сближались съ Австріею“ [1]).

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Парижа Императоръ простился съ графомъ Андреемъ Кириловичемъ, до скораго свиданія въ Вѣнѣ, гдѣ онъ намѣревался пользоваться домомъ Разумовскаго, для предстоящихъ, во время его тамъ пребыванія, пріемовъ. Разумѣется, уже въ Парижѣ состоялось назначеніе Разумовскаго первымъ уполномоченнымъ при конгресѣ, который долженъ былъ 1-го сентября собраться въ Вѣнѣ. Туда поспѣшилъ, вслѣдъ за отъѣздомъ Императора въ Лондонъ, графъ Разумовскій, чтобы все приготовить для достойнаго пріема своего Государя.

ГЛАВА XIV.

Вѣнскій конгресъ. — Возвращеніе Разумовскаго въ Вѣну. — Проекты Александра I касательно Польши. — Александръ I въ Петербургѣ и Пулавахъ. — Пріѣздъ его въ Вѣну. — Приготовительныя совѣщанія конгреса. — Пріѣздъ въ Вѣну Талейрана. — Недовольство второстепенныхъ уполномоченныхъ. — Талейранъ имъ пользуется. — Праздники, даваемые вѣнскимъ дворомъ, Императоромъ Александромъ и Разумовскимъ. — Остроуміе князя де-Линь и смерть его. — Вопросы о Польшѣ и Саксоніи. — Вызовъ Каподистріи и Поццо-ди-Борго въ Вѣну. — Холодность Александра I къ гр. Нессельроду. — Князь Талейранъ. — Засѣданіе 30-го сентября. — Споры на конгресѣ. — Двуличность Меттерниха. — Общее недовольство. — Тайный союзъ противъ Россіи. — Мнѣніе барона Штейна о Нессельродѣ и Меттернихѣ. — Пожаръ въ домѣ Разумовскаго. — Инструкціи, ему данныя. — Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы.

Послѣ отсутствія, продолжавшагося полтора года, Императоръ Александръ вернулся, наконецъ, въ серединѣ іюля, въ Петербургъ,

---

[1]) Prokesch-Osten. Dépêches inédites du chev. de Gentz I. 69.

изъ Англіи, черезъ Голландію и Швейцарію. Россія, послѣ столь долгой разлуки и стольких знаменательныхъ событій, встрѣтила своего Государя съ восторгомъ. За границею не безъ безпокойства помышляли о томъ, что̀ предприметъ Александръ Павловичъ, до открытія всѣми ожидаемаго съ нетерпѣніемъ конгреса, но передъ своимъ отъѣздомъ изъ Лондона, гдѣ онъ былъ провозглашенъ: „вождемъ безсмертной коалиціи, стяжавшимъ себѣ вѣчную славу какъ умиротворитель вселенной“, русскій Императоръ поспѣшилъ успокоить своихъ союзниковъ обѣщаніемъ, что ничего не будетъ измѣнено въ мѣстахъ, еще занятыхъ его войсками, до тѣхъ поръ, пока соединенныя державы торжественно не постановятъ на конгресѣ, имѣющемъ собраться въ Вѣнѣ, новый порядокъ въ Европѣ. Такое же обѣщаніе было дано союзникамъ вѣрнымъ другомъ Александра Павловича, королемъ прусскимъ, такъ что австрійскія власти, вѣчно всѣхъ подозрѣвавшія, воротились, вслѣдъ за своимъ императоромъ, въ свою столицу, успокоенныя, по крайней мѣрѣ, касательно недолгаго времени, оставшагося до собранія всѣми столь нетерпѣливо ожидаемаго конгреса.

Вслѣдъ за другими вернулся изъ Парижа въ дорогую свою Вѣну и нашъ герой, заранѣе назначенный своимъ Государемъ первымъ уполномоченнымъ Россіи на будущемъ конгресѣ. Послѣ долгаго отсутствія, приходилось многое въ домѣ на Ландштрассе приводить въ порядокъ, тѣмъ болѣе послѣ того, какъ Императоръ Александръ предупредилъ Разумовскаго, что хотя онъ, по приглашенію вѣнскаго двора, будетъ жить вмѣстѣ съ Императрицею въ императорскомъ дворцѣ Бургѣ, но, въ случаяхъ надобности, для обѣдовъ и праздниковъ, которые онъ намѣренъ былъ давать, во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, онъ будетъ пользоваться палатами графа Андрея Кириловича, о великолѣпіи которыхъ онъ много слыхалъ. Приготовленія эти были для Разумовскаго, въ данную минуту, особенно затруднительны. Въ деньгахъ онъ всегда нуждался: долгое пребываніе внѣ Вѣны стоило дорого, а въ многочисленныхъ письмахъ отъ его повѣренныхъ безпрестанно встрѣчались жалобы на несчастія, потери, обязательныя пожертвованія и постоянные недочёты, которыми особенно богата переписка съ 1812 по 1814 годъ. Однако, съ всегдашнею своею находчивостью, Разумовскій успѣлъ все прекрасно и во̀ время подготовить. Что̀ его разстроило, сейчасъ же по пріѣздѣ въ Вѣну, это была смерть старой его пріятельницы и покровительницы, неаполитанской королевы Маріи-Каролины, игравшей такую важную роль въ первые годы его дипломатической карьеры. Съ нею онъ постоянно переписывался и часто посѣщалъ ее, до отъѣзда своего изъ Вѣны. Королева, всегда предпріимчивая, желая снова получить Неаполь, съумѣла изъ Сициліи, черезъ Константинополь, въ 1811

году, пробраться до Вѣны, къ своему племяннику, императору Францу, и съ тѣхъ поръ жила у него. Смерть ея поставила вѣнскій дворъ въ самое затруднительное положеніе. Отложить конгресъ было невозможно: всѣ приготовленія къ блестящимъ пріемамъ были уже сдѣланы. Рѣшили не оплакивать кончину тётки и траура по ней не надѣвать.

Политическая обстановка Европы, послѣ заключенія парижскаго мира, совершенно измѣнилась. О Франціи, на которую, еще такъ недавно, были обращены всѣ взоры и всѣ мысли, уже теперь никто не думалъ, но зато отовсюду разомъ выступила масса щекотливыхъ, загадочныхъ задачъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія. Многіе изъ глубокомысленныхъ въ то время людей полагали, что не хватитъ мудрости всѣхъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ мужей Европы, собранныхъ вмѣстѣ, для мирнаго и скораго рѣшенія всѣхъ вопросовъ. Повсюду чувствовалась, между тѣмъ, жажда прочнаго и продолжительнаго мира, и слова русскаго Императора, не разъ заявлявшаго свое желаніе быть общимъ примирителемъ Европы, повидимому, успокаивали не только тѣхъ немногихъ, которые, не въ примѣръ другимъ, питали искреннее сочувствіе къ Россіи, но и большинство, постоянно ее ненавидящее и мечтавшее, по обыкновенію, какъ бы еще попользоваться на счетъ своей вѣрной, но всегда слишкомъ добродушной союзницы.

По всей Европѣ только и думали, и говорили, о будущемъ конгресѣ, и даже самыя мелкія державы мечтали что-нибудь извлечь изъ него въ свою пользу. Никто болѣе австрійскаго двора не мечталъ объ этомъ, и поэтому онъ рѣшилъ, на этотъ разъ, не скупиться и оказать самое блестящее гостепріимство всѣмъ званнымъ въ Вѣну гостямъ, заранѣе готовясь, при раздѣлѣ 32 миліоновъ подданныхъ, отнятыхъ у Франціи, захватить въ свои когти львиную часть.

Императоръ Александръ, весьма занятый предстоящимъ рѣшеніемъ важнѣйшихъ европейскихъ вопросовъ, въ Петербургѣ оставался весьма недолго. Онъ спѣшилъ въ Вѣну, такъ какъ открытіе конгреса назначено было 1-го сентября н. ст. Вслѣдствіе этого Государь не успѣлъ прилежно заняться внутреннимъ строемъ своей разстроенной, послѣ нашествія французовъ и послѣднихъ войнъ, имперіи. Никакихъ значительныхъ измѣненій въ администраціи не произошло. Одинъ только престарѣлый и окончательно оглохшій канцлеръ графъ Н. П. Румянцовъ, уже два года не принимавшій участія въ дѣлахъ высшей политики, окончательно вышелъ въ отставку. Никого на его мѣсто не было назначено, и доклады по министерству иностранныхъ дѣлъ по прежнему дѣлалъ статсъ-секретарь графъ Нессельродъ, не пользовавшійся вліяніемъ на Государя,

нѣсколько охладѣвшаго къ нему. Александръ Павловичъ намѣренъ былъ руководить самъ и своею политикою, и даже конгресомъ, ограничивая будущую роль графа Нессельрода, исполненіемъ даваемыхъ ему приказаній. На конгресъ графъ Нессельродъ отправился ранѣе Императора и, пріѣхавъ въ Вѣну, вполнѣ сошёлся съ княземъ Меттернихомъ.

Прежніе любимцы Александра Павловича хотя и оставались на службѣ, и Государь съ ними по прежнему былъ любезенъ, но свое бывшее вліяніе вполнѣ утратили. Многіе изъ нихъ съ горемъ стали подмѣчать, что особымъ довѣріемъ Государя замѣтно сталъ пользоваться графъ Аракчеевъ,—грустное наслѣдіе Павловскаго времени. Изъ друзей юности одинъ только остался въ прежнихъ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Александру Павловичу—это былъ князь Адамъ Чарторижскій, не жившій уже въ Петербургѣ, но находившійся съ Государемъ въ постоянной перепискѣ. Коварный другъ, въ письмахъ своихъ, безпрестанно напоминалъ о Польшѣ и о тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя Императоръ дѣлалъ ему насчетъ ея будущности, въ первой своей юности. Послѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи, Чарторижскій поспѣшилъ, за своимъ державнымъ и побѣдоносным другомъ, за границу, и былъ имъ весьма милостиво принятъ въ Парижѣ. Александръ Павловичъ, во время своего долгаго тамъ пребыванія, часто видалъ князя Адама и помногу съ нимъ бесѣдовалъ. Разговоры ихъ относились исключительно до Польши. Чарторижскій упрашивалъ Государя не мыслить болѣе объ устарѣлыхъ греческихъ или восточныхъ вопросахъ, а усилить Россію соединеніемъ Польши, избавивъ её отъ ига австрійцевъ и пруссаковъ и даровавъ ей отдѣльную и либеральную администрацію. При этомъ хитрый ляхъ всячески льстилъ Александру I-му, напоминая ему объ общихъ трудахъ, въ началѣ царствованія, и о томъ, какъ мало было сочувствія въ Россіи къ либеральнымъ его намѣреніямъ. Теперь наступило именно время, увѣрялъ Чарторижскій, привить къ Россіи такія же либеральныя основы правительства, какія принужденъ былъ даровать Франціи, Людовикъ XVIII, благодаря настоянію Императора Александра. Соединенная, подъ однимъ скипетромъ съ Россіею, Польша послужитъ, для русскихъ подданныхъ Царя, примѣромъ благодѣтельнаго либерализма, который можно будетъ мало-по-малу прививать и къ остальной имперіи. Сдѣлавшись одновременно Императоромъ и королемъ, Александръ Павловичъ будетъ владѣть всѣми славянскими землями вплоть до рѣки Одера; ему будетъ принадлежать Данцигъ, а съ нимъ и вся торговля на Балтійскомъ морѣ; со стороны же Австріи границею его владѣній будутъ Карпаты, и въ его же рукахъ будутъ Варшава, Краковъ, Торнъ и всё теченіе Вислы.

Разумѣется, что безпрестанно повторяемыя варіаціи, на одну и ту же тему, не могли не подѣйствовать на Императора Александра, и онъ почти исключительно сталъ обдумывать планъ либеральнаго объединенія Польши съ Россіею, который долженъ былъ усилить и обогатить Россію, возродить народъ польскій и принести благо всему человѣчеству. О своихъ мысляхъ Александръ Павловичъ не разъ говорилъ другу своему, королю прусскому, обѣщая ему, за уступку польскихъ областей, полное вознагражденіе въ Германіи, и король, охотно забывалъ и калишскій, и рейхенбахскій договоры, въ силу которыхъ герцогство Варшавское должно было раздѣлиться поровну между тремя сосѣдями, чтобы—мечтать, съ своей стороны, о такихъ прирѣзкахъ со стороны Германіи, благодаря которымъ, Пруссія могла бы пересилить или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ сравняться съ сосѣднею ей Австріей. У обоихъ пріятелей достойнымъ возмездіемъ представлялась вся Саксонія, король которой имъ былъ неугоденъ. Поляки, которыхъ въ Парижѣ было много, поспѣшили разгласить по всей Европѣ, что Польша будетъ возстановлена подъ скипетромъ или Александра I, или брата его, Константина Павловича. Молва эта дошла и до Вѣны, и не мало смущала только-что успокоенный австрійскій кабинетъ. Но въ то же время къ нему доходили хорошія извѣстія изъ Лондона. Въ Вѣнѣ узнали, что, не смотря на необычайный энтузіазмъ, которымъ встрѣченъ былъ русскій Императоръ въ Англіи, всегдашняя склонность британскаго двора къ русскому сильно охладѣла, хотя англійскій новосоставленный кабинетъ партіи тори, подъ предсѣдательствомъ лорда Ливерпуля, въ который вошелъ и лордъ Кастельри, всячески старался скрыть это, поддерживая вполнѣ всѣ приличія относительно Россіи.

„Не обращайте вниманія на необыкновенный энтузіазмъ въ Лондонѣ, о которомъ говорятъ всѣ газеты“, сообщалъ Генцъ, отъ 9 іюля 1814 г. господарю молдавскому. „Чернь лондонская такъ же криклива, какъ и во всѣхъ городахъ, но она зато гораздо необузданнѣе другихъ. Она кричала въ изступленіи, это правда, передъ Императоромъ Александромъ, королемъ прусскимъ и княземъ (sic) Платовомъ (котораго она считаетъ первымъ генераломъ нашего вѣка!), но не слѣдуетъ при этомъ забывать неудовольствія народа англійскаго противъ принца-регента и то, что лондонская чернь рукоплескала иноземнымъ государямъ и генераламъ ему въ пику. Высшее сословіе гораздо трезвѣе, и въ то время, когда народъ рукоплескалъ сѣвернымъ героямъ, принцъ-регентъ и новый кабинетъ его искали сближенія съ Австріею. Князь Меттернихъ мастерски ведётъ дѣло въ Англіи. Ему помогаетъ охлажденіе принца-регента къ Императору Александру, вслѣдствіе вмѣшательства послѣдняго и сопровож-

давшей его въ Лондонъ сестры великой княгини Екатерины Павловны [1]), принцессы, обладающей большимъ умомъ, но въ то же время гордаго и безпокойнаго характера), въ семейныя его дѣла, въ отношенія принца-регента къ принцессѣ Валлійской [2]) и въ отказѣ дочери его, принцессы Шарлоты, принцу Оранскому [3]), брака съ которымъ такъ желалъ и отецъ ея, и теперешній англійскій кабинетъ. Доселѣ у англійскаго правительства существовало самое сильное пристрастіе къ Россіи. Теперь уже не то. Англія несомнѣнно будетъ дѣйствовать на конгресѣ въ союзѣ съ Австріею [4])".

Императоръ Александръ, между тѣмъ, пораженъ былъ, по возвращеніи на родину, тѣмъ общимъ несочувствіемъ, которымъ было принято всѣми, съ кѣмъ онъ былъ вполнѣ откровененъ, такъ сильно его занимавшее предположеніе о возстановленіи Польши. Особенно возставали противъ намѣренія установить въ Польшѣ отдѣльное и либеральное правленіе. Противъ этого возстала вся мыслившая Россія, съ Карамзинымъ во главѣ, и даже тотъ, кто, къ общему горю, такимъ недостойнымъ образомъ, замѣнилъ прежнихъ любимцевъ, ненавидимый, но всѣми въ то время отличаемый графъ Аракчеевъ. Горевали, не скрывая этого, всѣ доблестные воины, прославившіе себя во время отечественной войны, и тѣ государственные люди прежняго времени, помнившіе, какъ долго Россіи приходилось бороться съ Польшею, и съ какимъ искусствомъ съумѣла великая Екатерина, какъ казалось, навсегда уничтожить вѣчную соперницу Россіи. Всѣ бывшіе любимцы Александра Павловича вполнѣ раздѣляли общій образъ мыслей, установившійся въ Россіи. Такое всеобщее неодобреніе, даже въ короткое время пребыванія Императора въ Россіи, не могло не поразить его и возымѣло сильно отрезвляющее на него вліяніе. Къ несчастью, по дорогѣ въ Вѣну, Государь остановился на берегахъ Вислы, въ родномъ гнѣздѣ Чарторижскихъ, Пулавахъ, гдѣ заранѣе подготовлены были всѣ возможныя для русскаго Самодержца обольщенія. Тамъ его нетерпѣливо ожидали первыя польскія красавицы, а за ними цвѣтъ польской знати, во главѣ которой стояла сама хозяйка Пулавъ, княгиня Иза-

---

[1]) Великая княгиня Екатерина Павловна род. въ 1788 г., вышла замужъ, въ 1809 г., за принца Петра-Фридриха-Георгія Гольштейнъ-Ольденбургскаго (въ Россіи его называли герцогомъ Голштинскимъ), овдовѣла въ 1812 году, вторично вышла замужъ за короля Вильгельма I Виртембергскаго и скончалась въ 1819 году.

[2]) Знаменитая королева Каролина-Амалія-Елизавета, рожденная принцесса Брауншвейгъ-Вольфенбютельская (р. 1768, † 1821), отвергнутая бывшимъ тогда принцемъ Валлійскимъ, а впослѣдствіи королемъ Георгомъ IV (р. 1762, † 1830).

[3]) Принцъ Оранскій (впослѣдствіи Вильгельмъ II, король нидерландскій, женился, въ 1816, г. на великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ.

[4]) Prokesch-Osten. Dépêches inédites de Gentz. I. 88—91.

белла Чарторижская, знаменитая „матка ойчизны“, бывшая любовницею фельдмаршала князя Н. В. Репнина, отъ котораго родился—не въ Чарторижскихъ чернобровый, но все же ею нѣжно любимый сынъ—князь Адамъ. Вѣроятно, что пребываніе въ Пулавахъ отозвалось нѣсколько на впечатлительномъ Александрѣ Павловичѣ, но не настолько, насколько надѣялись поляки, такъ какъ, по свидѣтельству всегда правдиваго графа Н. Н. Новосильцова, находившагося при Государѣ, въ Пулавахъ, и сообщавшаго свои впечатлѣнія оттуда близкому своему другу, Императоръ Александръ не принялъ тамъ никакого на себя обязательства и ничего полякамъ не обѣщалъ [1]).

Александръ Павловичъ ѣхалъ въ Вѣну полный свѣтлыхъ надеждъ. Онъ былъ увѣренъ, что, среди европейскихъ монарховъ, въ дружбу и признательность которыхъ, не смотря на грустный опытъ только-что окончившейся войны, онъ всё продолжалъ вѣрить, ему придётся исполнить всѣ тѣ планы, отъ которыхъ, по мнѣнію, его зависѣлъ долговѣчный покой Европы. Онъ думалъ, что будетъ руководить конгресомъ, и что конгресъ утвердитъ за нимъ прозваніе примирителя Европы. Но и здѣсь, какъ и всегда въ его жизни, ему пришлось испытать грустное разочарованіе.

Открытіе конгреса было назначено 1-го сентября н. ст. Разумѣется, что послѣ долгаго пребыванія и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, ни Императоръ Александръ, ни король прусскій не успѣли къ назначенному сроку прибыть въ Вѣну. Даже многіе изъ уполномоченныхъ запоздали. Главными изъ нихъ были: со стороны Австріи—князь Меттернихъ и баронъ Вессенбергъ. При нихъ еще состоялъ старый нашъ знакомый фонъ-Генцъ, неразрывно связавшій свою дѣятельность съ австрійскимъ канцлеромъ и сдѣлавшійся редакторомъ протоколовъ конгреса. Со стороны Франціи назначены были князь Талейранъ, герцогъ Дальбергъ и графъ де-ла-Туръ-дю-Пенъ. Со стороны Англіи—сперва лордъ Кастельри, а потомъ, смѣнившій его, герцогъ Веллингтонъ, лордъ Кланкарти, лордъ Каткартъ и лордъ Стюартъ. Со стороны Россіи: графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, графъ Штакельбергъ, бывшій въ то время посломъ въ Вѣнѣ, и графъ Нессельродъ; кромѣ нихъ, Императоръ Александръ, сейчасъ же послѣ своего пріѣзда, выписалъ графа Каподистрію. Занимались тоже дѣлами во время конгреса и посолъ въ Парижѣ Поццо-ди-Борго, и состоявшій при вѣнскомъ посольствѣ баронъ Анштетъ. Со стороны Пруссіи назначены были канцлеръ князь Гарденбергъ и баронъ Карлъ-Вильгельмъ Гумбольдтъ. Со стороны Испаніи — донъ Педро-Гомецъ-Лабрадоръ. Со стороны Португаліи —

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I-го. V. 1 — 2 и приложеніе къ главѣ LIV-ой: письмо Н. Н. Новосильцова (тогда еще не графа) къ графу П. А. Строганову.

донъ-Педро Соуза Гольштейнъ, графъ (позднѣе герцогъ) ди-Пальмела, Антоніо-де-Сальданіа-де-Гама и Лобо-ди-Сильвейра, наконецъ, со стороны Швеціи—графъ Лёвевгіельмъ. Изъ уполномоченныхъ второстепенныхъ державъ мы назовемъ только представителя Баваріи, фельдмаршала князя Вредо, игравшаго, благодаря своему безпокойному характеру, видную роль на конгресѣ [1]).

Позднѣе другихъ явились на конгрессъ представители Франціи, а вскорѣ за ними—Императоръ Александръ Павловичъ и король прусскій. Графъ Нессельродъ, какъ мы уже сказали, прибылъ ранѣе Государя и участвовалъ въ переговорахъ, начавшихся уже съ 15-го сентября н. ст. Нѣсколько дней послѣ Императора Александра прибыла въ Вѣну и Императрица Елизавета Алексѣевна изъ Карлсруэ, гдѣ она гостила у матери своей и брата—грось-герцога Баденскаго.

Князю Меттерниху показалось полезнымъ, хотя не всѣ уполномоченные были еще въ сборѣ, начать переговоры съ главными изъ тѣхъ, которые уже съѣхались, чтобы заранѣе подготовить програму конгреса и опредѣлить ту форму, въ которую было бы легче и удобнѣе облечь предстоящіе переговоры. Это австрійскому первому министру казалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что на-лицо уже были представители всѣхъ четырёхъ союзныхъ державъ, а съ Франціею дѣло было уже покончено парижскимъ миромъ, и Меттернихъ, какъ мы уже видѣли выше, не хотѣлъ допускать её до обсужденія о томъ, какъ будутъ распредѣлены отнятыя отъ нея владѣнія. Не смотря на то, что представители первыхъ державъ медлили пріѣздомъ, Вѣна была уже переполнена дипломатами. Не было такого мелкаго княжества, которое бы не отправило своего уполномоченнаго на конгресъ. Явились туда и представители медіатезированныхъ принцевъ, и непосредственныхъ (Reichsunmittelbar) графовъ и бароновъ. Были послы отъ отдѣльныхъ швейцарскихъ кантоновъ, въ числѣ которыхъ находился и наставникъ Императора Александра—Лагарпъ. Собирать всю эту мелочь на совѣщанія казалось представителямъ Россіи, Англіи, Пруссіи и въ особенности Меттерниху совершенно невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что, среди этихъ мелкихъ дипломатовъ, было немало искателей приключеній. Вслѣдствіе этой послѣдней, довольно понятной, причины, Меттернихъ въ своемъ домѣ сталъ собирать, кромѣ себя и Генца, которому поручено было составленіе протоколовъ, только лорда Кастельри, князя Гарденберга да графа Нессельрода, который, предоставивъ графу Андрею Кириловичу Разумовскому исключительно-представительную роль, всѣ собственно политическія

---

[1]) Comte d'Angeberg. Le congrès de Vienne et les traités de 1815. — Paris 1864. 8º. 4 тома.—II—255—261.

занятія оставилъ за собою. Однако, даже въ этомъ малочисленномъ собраніи, Меттерниху не пришлось провести все то, что онъ желалъ. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ полномъ себѣ подчиненіи Гарденберга и Нессельрода, но Кастельри, за которымъ онъ такъ ухаживалъ, явился на совѣщанія съ предвзятыми мыслями, которыхъ Меттернихъ никакъ не ожидалъ. Проѣздомъ черезъ Парижъ, лордъ Кастельри переговорилъ съ княземъ Талейраномъ, и послѣднему удалось завлечь англійскаго министра на свою сторону. Пріѣхавъ на совѣщаніе, Кастельри объявилъ Меттерниху, что не только справедливость, но одно даже приличіе требуетъ, чтобы возвращенная Бурбонамъ Франція приняла участіе въ рѣшеніи всѣхъ тѣхъ важныхъ вопросовъ, которые составляютъ програму конгреса. Меттерниху не легко было на это согласиться, но онъ не могъ поступить иначе, такъ какъ тѣсная связь съ представителемъ Англіи, а тѣмъ болѣе съ ея министромъ иностранныхъ дѣлъ, была ему необходима для отпора тѣхъ притязаній, которыхъ онъ ожидалъ со стороны еще непріѣхавшихъ русскаго Императора и прусскаго короля. То же согласіе, которымъ отличалась составленная противъ Наполеона коалиція, продолжалось между союзными державами и послѣ паденія Наполеона, и потому вѣнскій кабинетъ искалъ себѣ единомышленниковъ, до открытія конгреса. Кромѣ допущенія Франціи въ переговоры, лордъ Кастельри настоялъ, чтобы и Испанія, какъ шестая великая держава, призвана была на эти приготовительныя совѣщанія. Тѣмъ не менѣе, четырьмя уполномоченными составленъ былъ, редактированный Генцомъ, проектъ о томъ, какъ слѣдовало вести конгресъ. Въ силу этого проекта, рѣшено было допускать на совѣщанія конгреса только представителей Австріи, Россіи, Англіи, Пруссіи, Франціи и Испаніи, какъ первостепенныхъ европейскихъ державъ. Предсѣдательство поручалось австрійскому канцлеру, такъ какъ конгресъ былъ въ Вѣнѣ, а императоръ Францъ—старшій по лѣтамъ изъ союзныхъ монарховъ. Уполномоченныхъ второстепенныхъ державъ положено было приглашать на тѣ только совѣщанія, на которыхъ будутъ рѣшаться касающіеся каждой изъ нихъ вопросы. Кромѣ того, учреждалась особая комисія для Германіи, членами которой должны были быть одни только нѣмецкіе уполномоченные; комисія эта рѣшала только вопросы, собственно до Германіи касавшіеся, но окончательный выводъ работъ комисіи представлялся на общій судъ всего конгреса.

Въ то время, когда представители четырехъ державъ подготовляли, у князя Меттерниха, проектъ того, какъ слѣдовало вести конгресъ, по всей Вѣнѣ стали раздаваться крики негодованія. Всѣ наѣхавшіе короли, курфюрсты, герцоги и принцы и всѣ дипломаты второстепенныхъ державъ, съ баварскимъ уполномоченнымъ во главѣ,

громко жаловались на самозванную комисію. На счастіе всѣхъ недовольныхъ, къ нимъ явился нежданный союзникъ, въ лицѣ главнаго представителя бурбонской Франціи.

Превратившись, передъ пріѣздомъ въ Вѣну, изъ принца Беневентскаго въ князя Талейрана, и отбросивъ, такимъ образомъ, слишкомъ рѣзкія воспоминанія объ императорской Франціи, первый ея уполномоченный, съ первыхъ же дней своего пріѣзда, съумѣлъ занять такое положеніе, которое сильно озадачило вѣнскій кабинетъ. Явно было, что, съ перваго своего шага, Талейранъ намѣревался доказать и монархамъ, и дипломатамъ, собраннымъ въ Вѣнѣ, а Меттерниху въ особенности, какъ высоко онъ съумѣетъ поставить на конгресѣ подавленную, какъ всѣмъ казалось, Францію. Талейранъ не безъ права считалъ себя талантливѣе Меттерниха. Онъ умѣлъ понять, почему вѣнскій кабинетъ такъ спѣшилъ заключить въ Парижѣ миръ съ Франціею, и въѣхалъ въ Вѣну съ полною рѣшимостью возвратить, во что бы то ни стало, Франціи на конгресѣ, то положеніе, на которое она имѣла право, какъ одна изъ первыхъ европейскихъ державъ. Гордая осанка французскаго посла произвела сильное впечатлѣніе на второстепенныхъ владѣтелей и дипломатовъ. Изъ первыхъ многіе знали коротко князя Талейрана, и немало передъ нимъ изгибались, когда являлись въ Парижъ, или вымолить себѣ новый титулъ, или какую-нибудь провинцію, отторгнутую Наполеономъ отъ близкихъ ихъ сосѣдей. Всѣ второстепенные дипломаты, съ княземъ Вреде во главѣ, явились къ Талейрану и просили его взять ихъ подъ свою защиту и не дозволять долѣе четыремъ союзнымъ державамъ, подъ предсѣдательствомъ Меттерниха, распоряжаться по ихъ произволу судьбами Европы. Французскій уполномоченный, разумѣется, всѣхъ отлично принималъ по-одиночкѣ, и каждому отдѣльно, подъ секретомъ, спѣшилъ довѣрить, что, безъ участія Франціи, не только нельзя что-либо рѣшить, но даже приступать къ никѣмъ еще не открытому конгрессу. Не трудно понять, какой шумъ изъ-за этого поднялся по всей Вѣнѣ. Съ лордомъ Кастельри Талейранъ уже успѣлъ сговориться въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ они встрѣтились друзьями. Австрійскій же дворъ былъ въ большомъ смущеніи, опасаясь той грозы, которую готовила ему Франція, въ отместку за парижскія козни, ставъ во главѣ маленькихъ дворовъ и ихъ безчисленныхъ повѣренныхъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда французскихъ уполномоченныхъ, прибыли въ Вѣну Императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ III. Имъ былъ сдѣланъ самый блестящій пріемъ. Всѣ австрійскія войска съ ранняго утра были подъ ружьемъ. Императоръ Францъ выѣхалъ на встрѣчу къ Александру Павловичу и его другу за городъ. Австрійскій императоръ ѣхалъ туда, окруженный всѣми эрцгерцогами, ино-

странными принцами и генералами. Монархи встрѣтились на лѣвомъ берегу Дуная, близъ Таборорскаго моста. Встрѣча была самая радушная. Оба императора и король прусскій, одѣтые въ блестящіе мундиры, обнялись, вышедъ изъ экипажей, и сѣли на коней. Безчисленная свита, въ которой находились представители всѣхъ европейскихъ дворовъ, слѣдовала верхомъ за ними, и разнообразіе блестящихъ на солнцѣ мундировъ поразило всѣхъ зрителей своею живописною пестротою. Вся Вѣна высыпала на встрѣчу, и монархи медленно подвигались къ Бургу, оглушаемые восторженными кликами народа и громомъ артилеріи. Нѣсколько дней позднѣе, прибыла въ Вѣну Императрица Елизавета Алексѣевна. Къ ней на встрѣчу отправилась императрица австрійская [1]), со всѣмъ дворомъ своимъ, а равно и оба императора. Около церкви Марія-Брунъ произошла встрѣча. Открытая четырехъ-мѣстная коляска съ лошадьми въ парадной сбруѣ ожидала близъ церкви. Обѣ императрицы, послѣ дружественнаго привѣтствія, сѣли въ нее, а передъ ними заняли мѣста оба императора. Блестящій конвой, состоявшій изъ залитыхъ золотомъ венгерскихъ гусаръ, уланъ и множества пажей верхомъ, сопровождалъ императорскую коляску. Вся Вѣна была опять на ногахъ и громкими криками привѣтствовала русскую Императрицу. На дворѣ Бурга стояли одѣтыя въ бѣломъ дѣвицы первыхъ австрійскихъ родовъ и посыпали цвѣтами путь обѣимъ императрицамъ [2]).

Русскаго Императора сопровождала блестящая свита. Она состояла изъ генералъ-адъютантовъ: князя П. М. Волконскаго, Ѳ. П. Уварова, барона Г. В. Жомини, графа А. П. Ожаровскаго, князя В. С. Трубецкого, А. И. Чернышева [3]), П. В. Голенищева-Кутузова [4]), и изъ флигель-адъютантовъ: Брозина, Панкратьева и П. Д. Киселева [5]); кромѣ того, при Государѣ состоялъ статсъ-секретарь Марченко.

Не смотря на блескъ пріема и многочисленную свою свиту, Александръ Павловичъ старался въ Вѣнѣ избѣгать, сколько было ему возможно, всякой офиціальности. Онъ выѣзжалъ и выходилъ почти всегда одинъ, безъ всякой свиты, иногда вдвоемъ съ Императрицею. Особенно много ходилъ онъ пѣшкомъ, совершенно одинъ, и любилъ,

---

[1]) Третья супруга императора Франца I-го—Марія-Лудовика-Беатриса, рожденная эрцгерцогиня Австрійская, принцесса Моденская (р. 1787 † 1816).

[2]) Comte A. de La Garde. Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne. Tableaux des salons, scènes anecdotiques et portraits. 1814 — 1815. Bruxelles. 1843 p. 8° vol. I, 14—17.

[3]) Впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь † 1857.

[4]) Впослѣдствіи графъ † 1843.

[5]) Впослѣдствіи графъ † 1867.

встрѣтивъ на дорогѣ знакомаго военнаго или ему угоднаго и остроумнаго статскаго, останавливать ихъ и продолжать прогулку вмѣстѣ. По вечерамъ, онъ ѣздилъ во всѣ знакомые ему дома, въ пріемные дни, а утромъ отдавалъ визиты всѣмъ принцамъ и всѣмъ вѣнскимъ дамамъ. Любезность Императора Александра Павловича, его утонченная учтивость, щеголеватость осанки, поступи и манеръ, ласковость, съ которою онъ ко всѣмъ обращался, содѣлала его, съ первыхъ же дней пріѣзда, любимцемъ всей вѣнской публики. О немъ только, и говорили вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества. На конгрессъ съѣхалось очень много красавицъ, которыя, вмѣстѣ съ извѣстными своею любезностью и щеголеватостью вѣнскими княгинями и графинями, составляли блестящій кругъ, героемъ котораго, немедля послѣ своего пріѣзда, сдѣлался Императоръ Александръ. Изъ русскихъ особенно привлекали общее вниманіе: княгиня Е. А. Суворова, рожденная Нарышкина [1]) отецъ которой, извѣстный своимъ остроуміемъ, оберъ-камергеръ, Александръ Львовичъ, состоялъ, во время вѣнскаго конгреса, при Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ; за княгинею Суворовою слѣдовали: извѣстная уже намъ и овдовѣвшая княгиня Багратіонъ, графиня Штакельбергъ, рожденная графиня Людольфъ, жена русскаго посла въ Вѣнѣ, графиня Мусина-Пушкина, рожденная графиня Брюсъ, и многія другія. Своею отмѣнною любезностью и остроуміемъ отличались пріѣхавшая съ княземъ Талейраномъ жена его племянника и наслѣдника герцога Эдмунда Талейранъ-Перигора, герцогиня Доротея, рожденная принцесса Курляндская, принимавшая гостей въ гостиной своего дяди. Она была дочерью послѣдняго герцога Курляндскаго—Петра и внучкою страшнаго Бирона, любимца Императрицы Анны Іоанновны, но на дѣда вовсе не походила. Русскій дворъ разсчитывалъ на недолгое пребываніе въ Вѣнѣ, такъ какъ русскіе дипломаты, съ находившимся въ должности министра иностранныхъ дѣлъ графомъ Нессельродомъ во главѣ, увѣряли, что черезъ три недѣли все будетъ кончено, ибо монархи успѣли обо всемъ условиться, во время ихъ пребыванія въ Парижѣ [2]). Но русскіе дипломаты часто бывали недальновидными, а на этотъ разъ—болѣе чѣмъ когда-либо. Столь пламенно ожидаемый конгресъ, имѣвшій рѣшить столько вопросовъ первой важности, между прочимъ, судьбу 32 миліоновъ подданныхъ, отторгнутыхъ отъ Франціи, не только затянулся, но еще, не смотря на то, что всѣ, кого ждали, уже прибыли, всё еще оставался неоткрытымъ. Безпрестанныя недоразумѣнія и проволочки, недовѣріе другъ къ другу, а главное, неумѣніе взяться за дѣло, оттягивали со дня на

[1]) Во второмъ бракѣ за княземъ В. С. Голицынымъ.

[2]) Архивъ князя Воронцова. XXIII, 293.

день открытіе конгреса. Этимъ застоемъ въ дѣлахъ съумѣлъ ловко воспользоваться только французскій первый уполномоченный, князь Талейранъ. Среди всѣхъ европейскихъ знаменитостей, съѣхавшихся въ Вѣну, явились толпы искателей приключеній, а также нежданные гости, принявшіе на себя должности, невольно всѣхъ удивлявшія. Въ числѣ послѣднихъ особенно выдавался англійскій адмиралъ, сиръ Сидней Смитъ, явившійся въ званіи представителя изгнаннаго изъ Швеціи полупомѣшаннаго короля Густава-Адольфа IV, проживавшаго въ Швейцаріи подъ именемъ полковника Густавсона. Сира Сиднея Смита спасло на конгресѣ то, что онъ пріѣхалъ съ двумя, замѣчательными своею красотою, дочерьми, за которыми стала ухаживать вся Вѣна. Еще страннѣе было присутствіе на конгресѣ представителей двухъ, одновременно царствовавшихъ, неаполитанскихъ королей: измѣнившаго своему зятю короля Іоахима Мюрата и короля Фердинанда I, оплакивавшаго еще въ Палермо свою, такъ скоро забытую вѣнскимъ дворомъ, супругу.

Не смотря на то, что дѣломъ занимались мало, приглашённые въ Вѣну гости не замѣчали, какъ пролетало время. Хотя финансы Австріи были, въ то время, въ весьма плачевномъ состояніи, однако вѣнскій дворъ не щадилъ денегъ на гостепріимство Всѣ танцоры и танцовщицы парижской оперы были приглашены въ Вѣну; сюда же собраны были лучшіе въ Германіи пѣвцы, пѣвицы, актеры и актрисы. Придворные пріемы, блестящіе балы въ знаменитой вѣнской *редутѣ*, маскарады, живыя картины и любительскія представленія, въ которыхъ принималъ участіе цвѣтъ высшаго европейскаго общества, фейерверки, парады, пикники въ загородныхъ дворцахъ, карусели, маневры, охоты всѣхъ родовъ, торжественныя духовно-военныя процесіи на Пратерѣ и великолѣпная заупокойная обѣдня въ соборѣ св. Стефана по Людовикѣ XVI-мъ, со всѣмъ высшимъ духовенствомъ, хорами, въ которыхъ пѣли первые артисты оперы, и со всѣми монархами, окруженными ихъ дворами, тѣмъ же вечеромъ нарядный балъ при дворѣ, а на другой день — катаніе въ золоченыхъ саняхъ въ Шенбрунъ и возвращеніе оттуда съ массою всадниковъ, державшихъ въ рукахъ зажжённые факелы, однимъ словомъ—все то, что могъ только придумать любившій веселье австрійскій государственный канцлеръ, князь Меттернихъ, все это занимало ежедневно собранное въ Вѣнѣ отборное общество и не давало ему времени заняться тѣми вопросами, рѣшенія которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала вся Европа. Нигдѣ и никогда, до тѣхъ поръ, не видано было въ одномъ городѣ столько государей, окруженныхъ блестящими свитами, столько нѣмецкихъ и инородныхъ принцевъ крови и столько разныхъ по уму, по талантамъ, по богатству и по обще-

ственному своему положенію знаменитостей, какъ въ Вѣнѣ, во время конгреса.

Нѣтъ возможности описывать все то, что̀ происходило въ Вѣнѣ каждый почти вечеръ. Мы ограничимся только краткими очерками тѣхъ праздниковъ, которые были даны въ домѣ героя нашего, считавшагося однимъ изъ чудесъ Вѣны.

Въ первый разъ Императоръ Александръ воспользовался домомъ графа Разумовскаго, чтобы дать огромный обѣдъ. 6-го (18) октября, въ годовщину лейпцигской побѣды, въ Пратерѣ былъ парадъ 17.000-мъ человѣкъ австрійскаго войска. Вслѣдъ за нимъ былъ торжественный молебенъ, отслуженный кардиналомъ княземъ-архіепископомъ вѣнскимъ, со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Послѣ молебна былъ обѣдъ для солдатъ, а вечеромъ, у князя Меттерниха, великолѣпный балъ, на которомъ виднѣлось со всѣхъ сторонъ илюминованное имя: Лейпцигъ, „гдѣ кн. Меттернихъ и К° принимали", замѣчаетъ, въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову, М. П. Лонгиновъ, „такъ мало участія". „Всѣ замѣтили", добавляетъ въ томъ же письмѣ Лонгиновъ, „отсутствіе князя Шварценберга, такъ какъ его одного тамъ не было. Говорятъ, онъ никогда не пропускаетъ случая выказать свое презрѣніе къ Меттерниху" [1]). Не знаемъ насколько это было справедливо, такъ какъ мы сейчасъ увидимъ, что не всё, сообщаемое Лонгиновымъ изъ Вѣны, было вполнѣ вѣрно. На другой день, послѣ парада, Александръ Павловичъ, чтобы отпраздновать ту же годовщину, пригласилъ на обѣдъ всѣхъ генераловъ и офицеровъ союзныхъ войскъ, принимавшихъ участіе въ лейпцигской битвѣ. Приглашённыхъ оказалось 360 человѣкъ, и ни въ одной изъ большихъ залъ дома Разумовскаго нельзя было посадить столько приглашенныхъ. Бывшій при домѣ большой манежъ былъ обращенъ въ банкетную залу, всю украшенную знаменами союзныхъ державъ. На столахъ поставлены были военные трофеи, украшенные французскими трехцвѣтными знаменами съ Наполеоновскими орлами, между которыми виднѣлись щиты, съ обозначеніемъ всѣхъ тѣхъ сраженій, которыя были выиграны въ послѣднюю войну [2]). Банкетъ былъ великолѣпный, и, по словамъ того же Лонгинова, приглашённыхъ 360 человѣкъ угостили такъ, какъ будто были званы только 25 человѣкъ [3]). Говорятъ, что обѣдъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова. XXIII. 303.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей земли русской. СПБ. 1847. 3 тома 8°.—Здѣсь ошибочно сказано, что обѣдъ былъ данъ въ память освобожденія Москвы.

[3]) Записные гастрономы утверждаютъ что очень изысканный обѣдъ можно приготовить только для 25 персонъ заразъ. Лонгиновъ хотѣлъ этимъ сказать, что, не смотря на 360 званныхъ, обѣдъ былъ отличный.

со всѣми украшеніями залъ, стоилъ свыше 200.000 флориновъ ассигнаціями, что, по тогдашнему курсу, составляло столько же рублей [1]).

По случаю этого обѣда, тѣ, которые на него не были званы, распустили по Вѣнѣ сплетню, что Разумовскій, угостивъ Императора своего обѣдомъ, явился къ нему на другой день, чтобы отблагодарить за сдѣланную ему честь, и тутъ же объявилъ, что онъ домъ свой подноситъ Его Величеству. Это поспѣшилъ разсказать уже названный нами М. Н. Лонгиновъ, въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 11-го (23) октября, т.-е. дня четыре послѣ описаннаго нами выше обѣда. Онъ самъ, въ концѣ письма своего, приписываетъ сплетню именно тому обѣду, который далъ Государь въ память лейпцигской битвы. Очень можетъ быть, что, на другой день послѣ даннаго Государемъ обѣда, графъ Андрей Кириловичъ, между прочимъ, сказалъ: „В. И. В. изволили кушать у себя, ибо я не для того вывезъ изъ Россіи милліонъ рублей для постройки моего дома, чтобы оставить деньги эти безвозвратно въ Вѣнѣ. Я это сдѣлалъ съ тѣмъ, чтобы построенный мною домъ сдѣлался навсегда домомъ посольства В. И. В. (Тутъ, въ скобкахъ, Лонгиновъ замѣчаетъ: „ясно, что при этомъ онъ намекалъ на желаніе свое быть снова посломъ въ Вѣнѣ“. Почему это было ясно—объяснить трудно). Умоляю В. В. принять домъ для указаннаго мною назначенія, такъ какъ онъ обладаетъ достаточными средствами (fond) [2]), чтобы содержаніе его ничего не стоило. Меня будетъ утѣшать та мысль, что я соорудилъ мой прекрасный домъ для общей пользы, безъ всякаго ущерба для моего отечества“. Государь на это возразилъ, что не желаетъ лишать племянниковъ и племянницъ графа такого значительнаго наслѣдства, и что, и безъ этого пожертвованія, онъ вполнѣ сознаетъ то усердіе, съ которымъ графъ всегда исполнялъ свои обязанности. Лонгиновъ увѣряетъ, что Разумовскій продолжалъ настаивать, и что тогда Государь сказалъ ему: „вы, графъ, черезъ нѣсколько времени, узнаете, какъ я съумѣю наградить ваши высокія достоинства и многія услуги“. „Этотъ послѣдній отвѣтъ Императора подаетъ здѣсь поводъ къ слухамъ“, пишетъ Лонгиновъ, „будто подарокъ отъ графа принятъ, и что онъ будетъ пожалованъ въ канцлеры. Но такъ какъ всѣ здѣсь знаютъ, что графъ Разумовскій не желаетъ переселиться въ Россію, то всѣ увѣрены, что, получивъ званіе канцлера, онъ вернется сюда посломъ и будетъ жить въ своемъ домѣ. Всё это рѣшится при отъѣздѣ ИИ. ИИ. ВВ. Другіе полагаютъ, что весьма вѣ-

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XXIII, 303.

[2]) Тутъ Разумовскій вѣроятно намекалъ на купленные имъ многочисленные дома и усадьбы для образованія Razoumovsky platz и Razoumovsky Strasse, изъ которыхъ многіе отдавались въ наймы.

роятная свадьба Великой Княгини [1]) съ эрцгерцогомъ Карломъ подала графу Разумовскому поводъ къ сдѣланному имъ предложенію. Нѣкоторыя, довольно выдающіяся, низости (bassesses) этого надменнаго и гордаго (superbe et hautain) человѣка придаютъ нѣкоторое правдоподобіе этимъ слухамъ. Графъ Штакельбергъ былъ уже въ страшномъ волненіи, но, кажется, онъ нѣсколько успокоился, съ тѣхъ поръ, какъ Императоръ удостоилъ его балъ своимъ присутствіемъ и обѣщалъ посѣтить его еще разъ [2])".

Далѣе Лонгиновъ разсказываетъ приведенныя нами выше подробности объ обѣдѣ, данномъ Императоромъ Александромъ въ домѣ графа Андрея Кириловича. Одинъ только Лонгиновъ, состоявшій въ то время секретаремъ при Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и сопровождавшій её въ Вѣну, изъ всѣхъ описателей конгреса, упоминаетъ о выдающихся низостяхъ гордаго Разумовскаго. Во всякомъ случаѣ ему, какъ видно, были тогда мало извѣстны тайны русскаго двора, потому что почти вся Вѣна знала уже, кого изъ двухъ искателей ея руки предпочитала Великая Княгиня Екатерина Павловна. Примѣръ ея сестры долженъ былъ вселять нѣкоторое недовѣріе къ искренности австрійскаго эрцгерцога, и она явно предпочитала, на всѣхъ балахъ и придворныхъ пріемахъ, танцовать и бесѣдовать съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. Вѣроятно, что и поѣздка Императора Александра въ Венгрію невыгодно подѣйствовала на мысли его о новомъ родствѣ съ Габсбургскимъ домомъ. Онъ ѣздилъ съ Императоромъ Францомъ въ Буду-Пештъ осмотрѣть расположенныя тамъ венгерскія войска и поклониться праху такъ рано угасшей сестры—Великой Княгини Александры Павловны, эрцгерцогини Палатинши. Одинокая ея могила должна была напомнить Государю всѣ грустныя подробности ея жизни въ Австріи.

Особенно стали говорить о будущей свадьбѣ Великой Княгини Екатерины Павловны съ принцемъ Виртембергскимъ на великолѣпномъ балѣ, данномъ Императоромъ Александромъ въ день Св. Екатерины. Все, что было въ Вѣнѣ великаго и знатнаго, собралось въ великолѣпномъ домѣ Андрея Кириловича, и пріѣзжіе иностранцы съ восторгомъ любовались художественными богатствами, его украшавшими. Приглашённыхъ было такъ много, что опять потребовалось обратить манежъ—только уже не въ залу банкета, а въ залу танцевъ. Въ концѣ манежа была декорація, представлявшая русскій видъ, и оперные танцоры и танцовщицы, представлявшіе русскую ярмарку, протанцовали, при входѣ Высочайшихъ особъ, цыганскія

---

[1]) Екатерины Павловны.

[2]) Тамъ же, XXIII, 301—302.

пляски. Затѣмъ начался церемоніальный польскій, послѣ котораго племянница Разумовскаго, дочь его старшаго брата, графа Алексѣя Кириловича, княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, жена управлявшаго въ то время занятой русскими войсками Саксоніей, генералъ-адъютанта князя Н. Г. Репнина, вмѣстѣ съ генераломъ-адъютантомъ графомъ Ожаровскимъ, протанцовала русскую пляску. Оба были одѣты въ русскіе богатые костюмы, которые, равно какъ и пляска, привели въ восторгъ все общество. Великая Княгиня нѣсколько разъ танцовала съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ, и всѣ это замѣтили. Въ 2 часа ночи открылись двери въ огромную залу, ярко освѣщенную, въ которой были накрыты, украшенные живыми цвѣтами, 50 столовъ для ужина. Гостей, между прочимъ, угощали волжскими стерлядями, массою ананасовъ и вишенъ, которыя, какъ говорили тогда въ Вѣнѣ, обошлись русской казнѣ по одному рублю серебромъ за каждую ягоду [1]).

Кромѣ этихъ двухъ праздниковъ, данныхъ Государемъ, Разумовскій самъ отъ себя угостилъ весь вѣнскій конгресъ двумя блистательными балами. На послѣднемъ изъ нихъ танцовали, для разнообразія, не въ большой, а въ маленькой залѣ, которая была освѣщена огромною люстрою, занимавшею весь почти потолокъ; горѣвшія въ ней, во множествѣ, восковыя свѣчи начали отъ сильнаго жара таять, и у мужчинъ черное платье покрылось бѣлыми пятнами. Это былъ послѣдній балъ, на которомъ присутствовалъ столь извѣстный своею любезностью и остроуміемъ, престарѣлый фельдмаршалъ князь де-Линь, котораго такъ умѣла цѣнить великая Екатерина. Чуть ли не у Разумовскаго произнёсъ онъ свое послѣднее острое слово. Увидавъ капающій воскъ и указывая, въ то же время, на окружавшихъ его монарховъ, онъ замѣтилъ: „C'est une pluie de cire (sires)". Графъ Разумовскій вальсировалъ на этомъ балѣ съ Великою Княгинею Екатериною Павловною, но ноги ему уже измѣняли [2]).

Очень скоро послѣ этого послѣдняго бала скончался всѣми любимый князь де-Линь. Чувствуя свою слабость, онъ обѣщалъ дать пріѣзжимъ гостямъ новое для нихъ и интересное зрѣлище, которое придастъ нѣкоторое разнообразіе ихъ впечатлѣніямъ, именно—зрѣлище торжественныхъ похоронъ австрійскаго фельдмаршала. Пророчество это сбылось, къ истинной скорби всѣхъ знавшихъ любезнаго и остроумнаго фельдмаршала. Конгресъ крайне интересовалъ князя де-Линь, и онъ очень удачно острилъ надъ нимъ; онъ опредѣлилъ его такъ: „c'est un tissu politique tout brodé de fêtes", а о ходѣ дѣлъ говорилъ: „le congrès ne marche pas, il danse".

---

[1]) C-te De La Garde. Fêtes et souvenirs du congrès de Vienne. II, 78—86.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей земли русской. III. 12.

Что очень удивило и, вѣроятно, нѣсколько огорчило Императора Александра, послѣ его пріѣзда въ Вѣну, это было то единодушіе, съ которымъ всѣ лучшіе и самые имъ любимые совѣтники, изъ иностранцевъ, къ которымъ онъ питалъ полное довѣріе, возставали противъ его плана возсозданія Польши. Имѣвшій свободный къ нему доступъ, баронъ фонъ-Штейнъ, лично заявилъ всю невозможность присоединенія къ Россіи герцогства Познанскаго, такъ какъ вся Германія возстанетъ противъ протяженія русскихъ границъ до Одера. Въ то же время Поццо-ди-Борго представилъ письменный меморандумъ, въ которомъ доказывалъ, что возстановленіе, подъ скипетромъ русскаго Императора, королевства Польскаго, съ отдѣльною и либеральною администраціею, поставитъ между Россіею и остальною Европою непреодолимую преграду, которая будетъ прямо противна всѣмъ выгодамъ и историческимъ цѣлямъ Русской имперіи. Графъ Каподистріа представилъ тоже записку, въ которой онъ хотя одобрялъ окончательное присоединеніе Польши къ Россіи, но находилъ, что либеральное и самостоятельное управленіе, даруемое первой, будетъ для второй предметомъ враждебной зависти, а для самихъ поляковъ—подстреканіемъ къ исканію полной независимости и въ то же время для всѣхъ сосѣдей Россіи—постоянною угрозою [1]). Въ своихъ разговорахъ съ Александромъ Павловичемъ, Штейнъ не разъ говорилъ, что, по его мнѣнію, возстановленіе Польши, такъ, какъ оно задумано было Императоромъ, причинитъ, въ недальнемъ будущемъ, много прискорбныхъ и сильныхъ потрясеній и окончательно приведетъ или къ полному освобожденію Польши отъ Россіи, или же къ полному ея порабощенію послѣдней [2]).

Такія мнѣнія, талантливо изложенныя, не могли не подѣйствовать на Александра Павловича, тѣмъ болѣе, что при этомъ невольно приходило ему на память общее несочувствіе Россіи къ возстановленію Польши. Онъ понялъ всю невозможность возсоздать её въ прежнемъ ея видѣ, съ Данцигомъ и границею на Одерѣ, а частые разговоры съ Штейномъ и, позднѣе, съ Поццо-ди-Борго и графомъ Каподистріею, которые были оба вызваны въ Вѣну, довели его до сознанія о необходимости сдѣлать насчётъ Польши много уступокъ. Талейранъ, зорко и мѣтко все подмѣчавшій, сообщалъ въ Парижъ, „что польскій энтузіазмъ, которымъ Императоръ Александръ такъ воспламенялся въ Парижѣ, значительно охладѣлъ въ Петербургѣ, но, говорятъ, былъ нѣсколько разогрѣтъ въ Пулавахъ. Энтузіазмъ этотъ мо-

---

[1]) Gervinus. Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts. Leipzig. 1885. 8°—I, 210.

[2]) Pertz. Leben des Freiherrn von Stein. IV, 165.

жетъ здѣсь охладѣть снова, не смотря на присутствіе Лагарпа и ожидаемый пріѣздъ князя Чарторижскаго" [1]).

Изъ русскихъ уполномоченныхъ, графъ Нессельродъ, который, по пріѣздѣ своемъ въ Вѣну, игралъ первенствующую роль, удаляя, подъ разными предлогами, Разумовскаго отъ переговоровъ и предоставляя ему вполнѣ сопряженныя съ большими расходами заботы о представительствѣ, никакого вліянія на Императора Александра не имѣлъ. Государь любилъ выслушивать мнѣнія барона Штейна, Поццо-ди-Борго, графа Каподистріи, Лагарпа и Чарторижскаго, а на Нессельрода онъ смотрѣлъ не какъ на совѣтника, а какъ на ловкаго чиновника, умѣвшаго спѣшно исполнять даваемыя ему приказанія и, со словъ Императора или же съ передаваемыхъ ему набросковъ, составлять гладко написанныя дипломатическія бумаги разнаго содержанія. Еще до вступленія союзныхъ войскъ во Францію, Императоръ Александръ охладѣлъ къ своему статсъ-секретарю, а пріѣхавъ въ Вѣну, изъ разговоровъ своихъ съ барономъ Штейномъ, онъ узналъ, что графъ Нессельродъ вполнѣ подпалъ подъ вліяніе князя Меттерниха [2]). Вѣроятно, отдавая Государю отчетъ о своей дѣятельности въ Вѣнѣ, графъ выразилъ свое мнѣніе относительно польскаго вопроса и судьбы Саксоніи. Образъ мыслей русскаго министра иностранныхъ дѣлъ былъ ему подсказанъ княземъ Меттернихомъ, которому одна мысль объ усиленіи Россіи, а тѣмъ болѣе со стороны Вислы, была ненавистна. Не въ пору поданное мнѣніе побудило Александра Павловича немедля вызвать изъ Швейцаріи графа Каподистрію, возвратившагося, послѣ Парижскаго мира, на свое министерское мѣсто въ Цюрихъ. Каподистріа вполнѣ сознавалъ необходимость и правильность полнаго пріобщенія герцогства Варшавскаго и другихъ областей польскихъ, какъ должное вознагражденіе того, что было Россіею сдѣлано въ пользу союзныхъ державъ, и того, что она претерпѣла въ 1812 году. Онъ возставалъ только противъ предполагаемой организаціи Польши, какъ отдѣльнаго государства, и соединеннаго съ Россіею только потому, что Александръ Павловичъ становился ея королемъ.

Коль скоро графъ Каподистріа прибылъ въ Вѣну, онъ вполнѣ взялъ въ руки веденіе переговоровъ, относясь всегда при этомъ какъ подчиненный къ первому уполномоченному, графу Андрею Кириловичу Разумовскому. До пріѣзда Каподистріи, Нессельродъ

---

[1]) Pallain. Correspondance inédite du prince de Talleyrand avec le roi Louis XVIII. Стр. 8.

[2]) G. H. Pertz. Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein. IV, 257 и J. B. Seeby. Life and times of Stein on Germany and Prussia in the Napoleon' age. Leipzig. Tauchnitz.. 1879. IV. 49.

по прежнему разыгрывалъ первую роль на конгресѣ. Что касается до третьяго уполномоченнаго Россіи, графа Штакельберга, онъ исключительно занимался дѣлами посольства, не принимая почти участія въ конгресѣ, безпокоясь нѣсколько о своей будущности и давая, какъ мы видѣли выше, балы въ честь собравшихся въ Вѣнѣ высокихъ гостей. Онъ былъ вполнѣ свѣтскій человѣкъ, умный, образованный, большой дамскій угодникъ, безхарактерный, вполнѣ иностранецъ и большой острякъ, хотя общество часто жаловалось на неумѣстность его остротъ. Кажется, мы не ошибемся, приписавъ графу Штакельбергу ту, не совсѣмъ умѣстную, фразу,—не можемъ сказать: остроту,—которая была сказана князю Талейрану, при первомъ его появленіи въ вѣнскомъ обществѣ, и которую не могли сказать ни графъ Разумовскій, ни графъ Нессельродъ, обладавшіе вполнѣ сознаніемъ приличій. Фраза эта показалась Талейрану до того странною, что онъ поспѣшилъ сообщить ее въ первой своей депешѣ къ королю, при не очень лестномъ отзывѣ о томъ, кто отпустилъ ему эту фразу. „Въ Вѣнѣ", доносилъ Талейранъ, въ депешѣ отъ 25 сентября н. ст., „голосъ здраваго смысла и умѣренности не сталъ еще общимъ достояніемъ уполномоченныхъ. Одинъ изъ русскихъ министровъ сказалъ намъ вчера: „насъ хотѣли обратить въ азіатское государство, но Польша сдѣлаетъ насъ европейцами" [1]).

Первымъ примѣчательнымъ эпизодомъ вѣнскаго конгреса и первымъ, такъ сказать, выходомъ на политическую сцену князя Талейрана въ Вѣнѣ было засѣданіе конгреса, состоявшееся 18-го (30) сентября. Князь Меттернихъ, не желая еще придавать этому засѣданію офиціальнаго характера, извѣстилъ о немъ князя Талейрана и герцога Дальберга, а также уполномоченнаго Испаніи, дона Педро-Гомецъ-Лабрадора, собственноручными записками, приглашая ихъ всѣхъ „*присутствовать*", въ его домѣ, при засѣданіи, имѣющемъ быть 30-го сентября. Отвѣтивъ на это приглашеніе офиціальною бумагою, князь Талейранъ поспѣшилъ, съ своимъ товарищемъ, явиться на зовъ Меттерниха, условясь заранѣе съ испанскимъ дипломатомъ, касательно общаго съ нимъ образа дѣйствій на засѣданіи. Находчивость и логичность князя Талейрана, съумѣвшаго соединить колкую язвительность съ утонченною учтивостью, привели князя Меттерниха, лорда Кастельри, графа Нессельрода (Каподистріа еще не пріѣзжалъ) и барона Гумбольдта, замѣнившаго случайно князя Гарденберга, и самого, ко всему привыкшаго, Генца, въ крайнее разстройство. Послѣдній только-что прочёлъ, имъ же составленный, протоколъ всѣхъ

[1]) Pallain. Correspondance inédite du prince de Talleyrand avec le roi Louis XVIII. Стр. 2.

предварительныхъ засѣданій, между уполномоченными четырехъ союзныхъ державъ, въ которомъ изъяснена была довольно полная програма конгреса. „Противъ кого союзныхъ?“ не безъ ироніи вопросилъ Талейранъ, послѣ окончанія чтенія, и сталъ представлять острыя критическія замѣчанія противъ каждаго параграфа составленнаго Генцомъ протокола. Всѣ собравшіеся уполномоченные видимо были разстроены; они извинялись передъ немилосерднымъ представителемъ Франціи, и, послѣ долгихъ споровъ, разъѣхались, надѣясь, что подробности засѣданія останутся тайною для всѣхъ, въ немъ не участвовавшихъ дипломатовъ. Но на другой же день Талейранъ отправилъ всѣмъ участвовавшимъ въ засѣданіи уполномоченнымъ офиціальную ноту, въ которой объявлялъ, что онъ можетъ считать приготовительною комисіею только такую, которая будетъ состоять изъ представителей восьми державъ, подписавшихъ парижскій миръ, что о мелкихъ державахъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, и что онѣ сами не пожелаютъ, вѣроятно, принимать въ засѣданіяхъ участія, но что всякую другую комисію онъ будетъ считать самозванною, и потому проситъ, чтобы, не теряя времени, созвали законную комисію, состоящую изъ 8 уполномоченныхъ, дабы какъ можно скорѣе можно было объявить конгресъ открытымъ. Разумѣется, объ этой нотѣ сейчасъ же узнала вся Вѣна, и всѣ недовольные были въ восторгѣ; представители же союзныхъ державъ очутились въ страшномъ переполохѣ. Гумбольдтъ, съ негодованіемъ, кричалъ, что нота—„это пущенный въ союзныя державы брандеръ“. Нессельродъ всѣхъ увѣрялъ, что Талейранъ хотѣлъ разъединить союзныя державы, но что это ему не удастся, намекая при этомъ, что четыре союзныхъ державы, въ силу существующаго между ними договора, могутъ распорядиться какъ хотятъ, и однѣ будутъ рѣшать судьбы Европы. Кастельри ограничился только упрекомъ Талейрану въ томъ, что онъ далъ своей нотѣ офиціальную форму [1]). О томъ, какъ себя показалъ Меттернихъ, Талейранъ не доносилъ, но о немъ онъ имѣлъ самое жалкое мнѣніе. „Большимъ несчастіемъ слѣдуетъ считать“, писалъ онъ къ своему королю отъ $^{17}/_{29}$ сентября, „что тотъ, кто въ Австріи поставленъ во главѣ всего и, при этомъ, еще мечтаетъ руководить судьбами Европы, считаетъ неоспоримымъ доказательствомъ своего генія легкомысліе, доходящее иногда до комизма, но составляющее, для министра великой державы и при теперешнихъ обстоятельствахъ, настоящее несчастіе“ [2]). Несмотря на противодѣйствіе, имъ встрѣченное, Талейранъ, своею настойчивостью и умѣніемъ, добился

[1]) Pallain. Correspondance inédite du prince de Talleyrand и пр. 17; 25.
[2]) Тамъ же, 9.

до всего того, что хотѣлъ, и, при этомъ, сейчасъ же подмѣтилъ, какъ мало было единодушія между четырьмя союзными державами. Въ засѣданіи, состоявшемся 8-го октября, открытіе конгреса отложено было до 1-го ноября н. ст., и офиціально было заявлено, что конгресъ, во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ, строго будетъ держаться законовъ международнаго права. Эта редакція возбудила оживленныя пренія; противъ нея возставали и Гумбольдтъ, и Кастельри, и Меттернихъ, но она была окончательно принята. Засѣданіе продолжалось очень долго и происходило вечеромъ; при концѣ его, Генцъ, обращаясь къ присутствующимъ, сказалъ: „Этотъ вечеръ принадлежитъ исторіи конгреса, не я буду его историкомъ, не имѣя на то права, но въ его исторію онъ попадетъ несомнѣнно [1])".

Меттернихъ понялъ, что онъ не въ силахъ бороться съ Талейраномъ, и тонкою лестью, въ которой онъ былъ мастеръ, съумѣлъ подружиться съ бывшимъ отёнскимъ епископомъ, уступая ему во всёмъ, на чёмъ онъ настаивалъ, и стараясь всячески возбуждать Талейрана противъ Россіи. Въ знакъ примиренія, оба министра обмѣнялись откровенными признаніями, касательно своихъ цѣлей на конгресѣ. Талейранъ признался, что никогда не согласится ни на полное отнятіе Саксоніи отъ короля и передачу ея въ полномъ составѣ Пруссіи, ни на присоединеніе къ Пруссіи Люксенбурга и Майнца, ни на то, чтобы границы Россіи, переходили за Вислу и доходили до Одера. Меттернихъ схватилъ руку Талейрана и объявилъ, что Австрія никогда не согласится на присоединеніе къ Пруссіи двухъ помянутыхъ городовъ, что Австрія, столько же, сколько Франція, не желаетъ чрезмѣрнаго усиленія Россіи, а насчетъ Саксоніи употребитъ всѣ усилія, чтобы саксонскій король сохранилъ хоть часть своихъ владѣній [2]). Понятно, что послѣ своей полной побѣды Талейранъ возъимѣлъ еще болѣе рѣшительные замыслы. Во всякомъ случаѣ, онъ вполнѣ понялъ настоящее положеніе вещей и донесъ, отъ 1/12 октября, Людовику XVIII-му, что союзъ между четырьмя державами болѣе внѣшній, чѣмъ дѣйствительный [3]). Во время переговоровъ Талейранъ имѣлъ не совсѣмъ ему пріятное, первое, объясненіе съ Императоромъ Александромъ, пригласившимъ его къ себѣ черезъ графа Несельрода.

Недоразумѣнія, снова возникшія между союзниками, которыя ускользали отъ глазъ графа Нессельрода, все болѣе и болѣе поддерживали Талейрана въ надеждѣ на полный успѣхъ. Самымъ важнымъ

---

[1]) Тамъ же, 37.
[2]) Тамъ же, 33—34.
[3]) Тамъ же, 45.

и первымъ вопросомъ, который представлялось рѣшить конгресу, былъ вопросъ о Польшѣ, который, со времени парижскаго мира, занималъ всю Европу. Надобно было рѣшить, что̀ будетъ съ герцогствомъ Варшавскимъ, отнятымъ Наполеономъ у Пруссіи, которой оно досталось въ силу послѣдняго раздѣла Польши. Наполеонъ даровалъ его преданному ему королю саксонскому, отъ котораго, послѣ погрома Наполеоновой силы въ 1812-мъ году, герцогство отнято было русскими войсками. Въ силу калишскаго и рейхенбахскаго договоровъ рѣшено было герцогство раздѣлить поровну между Россіею, Пруссіею и Австріею, но съ тѣхъ поръ многое въ Европѣ измѣнилось. Благодаря почину Россіи, изгнавшей побѣдителя Европы изъ своихъ предѣловъ, и рѣшенію Императора Александра не заключать мира до окончательнаго уничтоженія врага, могущество Наполеона, а съ нимъ и гегемонія Франціи пали, какъ казалось, навсегда. Императоръ Александръ, не безъ причины, сталъ думать, послѣ взятія Парижа, о вознагражденіи, на которое Россія имѣла полное право. О прежнихъ замыслахъ, касательно завершенія великихъ плановъ Екатерины на Черномъ морѣ, которые такъ заняли Александра Павловича, послѣ свиданія съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, теперь не было и рѣчи. Государь стыдился своей дружбы съ Наполеономъ и, послѣ вторженія въ Россію и погрома Москвы, старался забыть все то, что было съ этою дружбою связано. Этимъ весьма ловко воспользовался, какъ мы уже видѣли, Чарторижскій въ Парижѣ, и всѣ надежды, всѣ мысли Александра I-го, съ обычнымъ ему увлеченіемъ, устремлены были теперь на Польшу. Онъ этого не скрывалъ отъ друга своего, добродушнаго короля Фридриха-Вильгельма III-го, и обѣщалъ доставить еще большее вознагражденіе въ Германіи, взамѣнъ не только приходившейся ему части изъ Варшавскаго герцогства, но еще всѣхъ польскихъ областей, доставшихся Пруссіи по раздѣламъ Польши. Александру Павловичу казалось, благодаря вліянію на него Чарторижскаго, что онъ долженъ былъ, возстановленіемъ Польши подъ своимъ скипетромъ, загладить постыдные дѣлежи, совершённые Екатериною и Фридрихомъ II-мъ, которыхъ, однако, не даромъ исторія признала Великими.

Извѣстно, что король Фридрихъ-Вильгельмъ III не отличался твердостью характера, но онъ былъ человѣкъ вполнѣ честный и глубоко преданный своей отчизнѣ. Мысль усилить Пруссію и поставить её въ Германіи наравнѣ съ Австріею казалась ему завершеніемъ дѣла, завѣщаннаго Фридрихомъ великимъ своимъ наслѣдникамъ. Взоры его обратились на Саксонію, король которой, долѣе всѣхъ другихъ германскихъ властителей, принадлежавшихъ къ рейнской конфедераціи, остался вѣренъ Наполеону. Только послѣ окончатель-

наго побитія Наполеона, на другой день послѣ лейпцигской побѣды, явился саксонскій король въ союзный лагерь, но не былъ принятъ союзными монархами и отправленъ былъ въ Берлинъ, считаясь военно-плѣннымъ. Многіе германскіе патріоты, а въ числѣ ихъ и баронъ Штейнъ, считали саксонскаго короля измѣнникомъ Германіи, сверженнымъ союзными войсками, сражавшимися во имя ея освобожденія, и потому потерявшимъ всякое право на дарованную ему Наполеономъ королевскую корону. Изъ числа этихъ германскихъ патріотовъ нѣкоторые предугадывали уже тогда будущее Пруссіи, которая первая выступила на помощь Россіи въ дѣлѣ освобожденія отъ французскаго ига, а потому желали её усилить и старались о соединеніи съ нею Саксоніи. Это казалось тѣмъ болѣе удобнымъ, что, во время конгреса, Саксонія, занятая русскими войсками, управлялась генералъ-адъютантомъ Императора Александра, княземъ Н. Г. Репнинымъ-Волконскимъ. Разумѣется, рядомъ съ вопросомъ о Польшѣ, выступилъ и вопросъ о дальнѣйшемъ бытіи или небытіи Саксоніи. Мысль о томъ, что саксонскій король не получитъ обратно своего королевства, приводила въ ужасъ королей и владѣтелей, получившихъ и титулы свои, и часть владѣній, по милости Наполеона. Особенно волновалась Баварія, въ которой еще былъ въ милости у короля преданный Наполеону министръ, графъ де Монжеласъ, родомъ французъ, и представитель которой, фельдмаршалъ князь Вреде, другъ Монжеласа, поднялъ въ Вѣнѣ страшную возню, угрожая Пруссіи даже войною изъ за Саксоніи. Баварцы при этомъ очень боялись опаснаго для нихъ примѣра, такъ какъ уже не разъ пыталась Австрія поглотить сосѣднюю ей Баварію. У Меттерниха, однако, не то было на умѣ; онъ болѣе всего на свѣтѣ боялся усиленія Пруссіи, а Талейранъ получилъ отъ короля своего передъ отъѣздомъ въ Вѣну, приказаніе не только всѣми мѣрами противиться увеличенію Россіи, но еще всячески поддерживать короля саксонскаго съ одной стороны, какъ близкаго родственника (по матери Людовика XVIII, принцессѣ Саксонской), а съ другой, какъ представителя наслѣднаго права (légitimité).

Благодаря усиліямъ Талейрана, пущенъ былъ впередъ лордъ Кастельри. Торійскій кабинетъ, котораго онъ былъ членомъ, противился возстановленію Польши, предписывалъ ему не соглашаться на предложенія Россіи, и онъ первый вступилъ въ борьбу съ Императоромъ Александромъ. Онъ началъ свою кампанію съ личныхъ переговоровъ съ Государемъ, которые ни къ чему не привели. Потомъ пошла переписка и представлены были съ обѣихъ сторонъ длинные меморандумы. Надъ послѣдними трудились, сперва со стороны Государя, Чарторижскій и баронъ Анштетъ, но послѣдній оказался Александру

Павловичу неугоднымъ за то, что не умѣлъ хранить тайны, былъ злорѣчивъ и отпускалъ безпрестанно сарказмы [1]). Второй меморандумъ, со стороны Государя, написалъ уже, только что пріѣхавшій въ Вѣну, графъ Каподистріа, и онъ отправленъ былъ къ лорду Кастельри, при запискѣ, которая положила конецъ дальнѣйшей перепискѣ между Императоромъ и англійскимъ министромъ. Въ послѣднемъ меморандумѣ Каподистріа писалъ, что еслибы политика Государя была основана на собственномъ интересѣ, то онъ заключилъ бы миръ съ Франціею, сейчасъ же послѣ истребленія Наполеоновой арміи, и не переходилъ бы за Одеръ, для освобожденія Германіи. Что въ то время, когда вся Европа обогащается добычею Франціи, Россія должна имѣть и свою часть этой добычи и что она желаетъ, при этомъ, имѣть твердыя границы и оградить жителей Варшавскаго герцогства отъ иностраннаго вліянія. Видя несостоятельность прямыхъ сношеній своихъ съ Александромъ Павловичемъ, лордъ Кастельри задумалъ объ образованіи сильной державы между Россіею и Франціею, и, для достиженія этой цѣли, обѣщалъ, неосторожно, прусскимъ уполномоченнымъ присоединеніе Саксоніи, но съ условіемъ, чтобы они не допускали Россіи овладѣть всѣмъ герцогствомъ Варшавскимъ. Едва успѣлъ онъ совершить этотъ шагъ, какъ получилъ отъ принца-регента приказаніе всѣми средствами поддерживать саксонскаго короля. Что же касается до Меттерниха, то онъ, „полный неправды", по выраженію Штейна, рѣшился, сколько возможно, льстить и той, и другой сторонѣ, надѣясь окончательно всѣхъ перессорить и, при общей непріязни, захватить какъ можно болѣе земель въ пользу Австріи. Съ этою цѣлью онъ давалъ слово Талейрану, что будетъ отстаивать саксонскаго короля, князю Гарденбергу обѣщалъ всю Саксонію, ежели онъ и его товарищи будутъ требовать, на основаніи калишскаго и рейхенбахскаго договоровъ, раздѣла герцогства Варшавскаго, а Императору Александру въ то же время предлагалъ содѣйствовать Россіи насчетъ пріобрѣтенія Польши, если онъ согласится, чтобы Пруссія не получала Саксоніи. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ подпольныхъ интригъ было то, что конгресъ вовсе не подвигался, а между Императоромъ Александромъ, Талейраномъ и Меттернихомъ произошли очень оживлённыя объясненія. Князь Гарденбергъ представилъ Александру Павловичу писанное рукою Меттерниха обѣщаніе уступить Саксонію, и, вслѣдствіе этого, произошло у Государя съ австрійскимъ канцлеромъ, передъ самымъ отъѣздомъ перваго въ Венгрію, такое объясненіе, что Меттернихъ, по показанію Тьера, вышелъ изъ комнатъ Государя въ смущеніи, въ какомъ его еще до того никто не

[1]) Prokesch-Osten, Depêches inédites de Gentz. I, 203.

видывалъ [1]). Разумѣется, что всѣ историки, не исключая Тьера, виновнымъ во всёмъ этомъ признаютъ русскаго Императора, осмѣлившагося изобличать австрійскаго перваго министра въ явной лжи; даже самъ Гервинусъ, питающій полное презрѣніе къ Меттерниху, описываетъ самыми неприличными и преувеличенными красками негодованіе Александра Павловича противъ предсѣдателя вѣнскаго конгреса [2]).

Разумѣется, вся австрійская партія конгреса была въ отчаяніи отъ того, что происходило, и преданный Меттерниху Генцъ откровенно сообщалъ отчаяніе своей партіи молдавскому господарю. „Какъ ни тяжело теперешнее наше положеніе", писалъ онъ 6-го октября н. ст., „все же оно блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что насъ ожидаетъ въ будущемъ... Исходомъ переговоровъ будетъ или война, или, что́ хуже, такое положеніе, при которомъ всякій будетъ держаться того, что имѣетъ и, въ то же время, стараться еще захватить всё то, на что онъ теперь мѣтитъ; а всѣ другіе будутъ оспаривать права на это... Намъ теперь нужно такое же чудо, какъ то, которое сокрушило могущество Наполеона, чтобы настоящій конгресъ могъ доставить Европѣ полный и долговременный покой. Пожалуй, онъ не доведётъ до войны, которой всѣ, безъ исключенія, боятся и каждый крайне опасается показаться ея зачинщикомъ, но всё-же, послѣ настоящаго конгреса, несомнѣнно, между всѣми державами будетъ царить вражда и злые замыслы будутъ только отложены до удобнаго случая, такъ какъ ни одна изъ великихъ державъ не рѣшится добросовѣстно разоружиться, и близость общаго разрыва будетъ чувствоваться всѣми... Не смѣю увѣрять; но кто же въ состояніи теперь сказать, какой исходъ будетъ имѣть этотъ плохо соображенный, плохо разсчитанный и плохо подготовленный конгресъ, но не сомнѣваюсь ни на минуту въ томъ, что онъ—самый плохопридуманный замыселъ нашей славной эпохи и вполнѣ убѣжденъ, что онъ не будетъ имѣть ни одного изъ тѣхъ счастливыхъ послѣдствій, на которыя такъ благодушно разсчитывала вся Европа [3])". Вѣроятно, что Янко Караджа, прочитавъ въ Яссахъ письмо это, спросилъ себя: зачѣмъ же вы, любезные друзья, такъ дурно это дѣло подготовили?

Конгресъ, несмотря на безпрестанные праздники и на стараніе, которое вѣнскій дворъ, подъ руководствомъ князя Меттерниха, принималъ, чтобы разнообразить веселіе гостей, производилъ, однако, далеко не утѣшительное впечатлѣніе на многихъ изъ тѣхъ, которые сопро-

---

[1]) Thiers. „Histoire du Consulat et de l'Empire". VI. 171.
[2]) Gerwinus, „Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts". I, 211.
[3]) Prokech-Osten. Dépêches inédites du Chevalier de Gentz. I. 111—117.

вождали Императора Александра въ Вѣну. Изъ блистательной свиты Государя особенно отличался своимъ щегольствомъ, ловкостью и любезностью генералъ-адъютантъ А. И. Чернышевъ [1]), считавшійся однимъ изъ первыхъ кавалеровъ въ Вѣнѣ и бывшій однимъ изъ любимцевъ тѣхъ красавицъ и щеголихъ, которыя съѣхались на конгресъ. Рядомъ съ своими успѣхами въ высшемъ свѣтѣ, Чернышевъ дѣлалъ блистательную военную карьеру и отличился на войнѣ. Но среди вѣнскихъ баловъ онъ, какъ видно, съ горестью наблюдалъ и съумѣлъ понять, какъ мало дипломаты наши поддерживали значеніе Россіи на конгресѣ, на которое она имѣла такое право, послѣ всего ею сдѣланнаго для Европы. Въ письмѣ, которое Чернышевъ написалъ, не по почтѣ, къ всемогущему въ то время графу Аракчееву, онъ счёлъ долгомъ высказать всю правду.

„Отправляя письмо сіе къ в. с. съ княземъ Трубецкимъ, не хочу опустить сего вѣрнаго случая взойтить (sic) въ нѣкоторую подробность о причинахъ нашего долгаго пребыванія въ Вѣнѣ. Ласковый пріемъ, который намъ здѣсь сдѣлали и о коемъ я доносилъ в. с. [2]), былъ единственно предвозвѣстникомъ большихъ придирокъ и препятствій, которыя повстрѣчались впослѣдствіи, для достиженія нашихъ политическихъ видовъ. Плоды путешествія нашего въ Лондонъ и дурныя распоряженія нашихъ дипломатовъ, какъ въ Лондонѣ и Парижѣ, такъ и въ министерствѣ [3]), истребили совершенно то вліяніе въ Европѣ, на которое мы имѣли неоспоримое право. В. с., съ свойственною вамъ прозорливостью, изволили предвидѣть въ Ахенѣ, съ какими неудобствами сопряжено намѣреніе наше въ разсужденіи Польши, особливо, касательно до благоденствія и неприкосновенности Россіи, но никто, конечно, не ожидалъ, чтобы, въ толь короткое время, г. Меттернихъ и проч. успѣли лишить насъ всѣхъ союзниковъ, исключая Пруссіи, и возстановить противъ насъ всѣ европейскіе дворы, такъ что, въ случаѣ разрыва, и Франція, которой интересы въ теперешнемъ ея положеніи столько бы съ нашими были сходны, также объявится противъ насъ... Источникъ моей откровенности къ в. с. та лестная довѣренность, которою вы меня почтить изволили, и неограниченное усердіе и преданность къ славѣ Государя и пользѣ службы, о коихъ в. с. безпрерывно и неутомимо пещись изволили“ [4]).

---

[1]) Будущій свѣтлѣйшій князь.

[2]) Къ сожалѣнію, письма этого въ замѣчательномъ сборникѣ г. Дубровина не помѣщено.

[3]) Прямой намекъ на графа Нессельрода.

[4]) Н. Дубровинъ. „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“ (1812—1815). Приложеніе къ XLIII-му тому „Записокъ Академіи Наукъ“. Спб. 1832 г. стр. 240—241.

Чернышевъ, весьма вѣрно распознавшій, среди праздниковъ конгреса, невыгодное положеніе Россіи, ошибался только въ томъ, что всю вину приписывалъ одному Меттерниху, который не обладалъ достаточными способностями, чтобы руководить такими людьми, каковъ былъ Талейранъ. На дѣлѣ всѣмъ незримо руководилъ бывшій принцъ Беневентскій, о которомъ Императоръ Александръ, между прочимъ, замѣтилъ, что онъ воображаетъ себя посломъ Людовика XIV-го, не оспаривая у Меттерниха предсѣдательства на конгресѣ и всячески ему угождая, коль скоро дѣло не касалось прямо до достоинства Франціи.

Графъ Каподистріа, вызванный въ Вѣну Императоромъ Александромъ, еще въ Парижѣ пророчествовалъ Государю тѣ опасности, которыя могли ожидать Россію на конгресѣ, собираемомъ въ Вѣнѣ. Изъ всѣхъ великихъ державъ, по словамъ его, только двѣ могли явиться въ Вѣну, не имѣя никакихъ требованій, чтó имъ давало большую силу и предвѣщало весьма видное, если не первое, мѣсто на конгресѣ. То были Англія и Франція, не забывавшія, при этомъ, первая—громадныхъ расходовъ, ею сдѣланныхъ, въ пользу коалиціи, а вторая—всего того, чего она, черезъ коалицію, лишилась. Каподистріа, при этомъ, указывалъ на дружественныя отношенія, которыя внезапно породились между Англіею и Франціею. Онъ напоминалъ ту лесть, которую Людовикъ XVIII расточалъ Англіи, въ Лондонѣ, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію, а также пріемъ и проводы, сдѣланные ему принцемъ-регентомъ. Достаточно какой нибудь державѣ сблизиться съ Англіею или Франціею, чтобы составить большинство на конгресѣ, весьма опасное для Россіи. Не даромъ ухаживалъ Меттернихъ за лордомъ Кастельри, съ перваго же дня его пріѣзда въ союзный лагерь, и, оставивъ въ Парижѣ императора Франца, поспѣшилъ въ Лондонъ, чтобы привлечь на свою сторону и принца-регента, и власть имѣвшихъ торіевъ. Императоръ Александръ, на представленія графа Каподистріа, отвѣчалъ: „Tout cela est de la doctrine, ne soyez pas en peine, je me tirerai d'affaire" [1]).

Коль скоро графъ Каподистріа прибылъ въ Вѣну, Императоръ Александръ заявилъ ему, что онъ желаетъ, чтобы переговоры онъ вёлъ совокупно съ графомъ Андреемъ Кириловичемъ Разумовскимъ, не упоминая вовсе при этомъ ни о Штакельбергѣ, ни о Нессельродѣ. Каподистріа, любезною запискою къ Разумовскому, сообщилъ, какъ ему было пріятно, по волѣ Государя, вести дѣла подъ его вѣденіемъ. Записка эта была слѣдующаго содержанія:

„L'Empereur a daigné hier me faire part d'une très bonne nou-

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія Императора Александра I. V. 7.

velle. S. M. m'avait annoncé qu'elle avait confié à v. e. les négociations des affaires majeures qui jusqu'ici ont été traitées confidentiellement, S. M. m'a ordonné en outre de mettre sous les yeux de v. e. les papiers, qui se trouvent en mon pouvoir et qui éclaircissent assez les questions. Je m'acquitte de ce devoir par l'envoi ci-joint et je m'estimerai, m. le comte, très heureux de me trouver sous vos ordres, dans la ferme conviction, que les résultats de votre ministère ne peuvent être que conformes aux vœux de tout le monde".

Нежданное повелѣніе, данное Императоромъ Александромъ графу Разумовскому—принимать участіе въ переговорахъ и засѣдать во всѣхъ конференціяхъ конгреса, породило въ Вѣнѣ много толковъ, особенно между членами вѣнскаго кабинета, которымъ графъ Нессельродъ былъ въ полномъ смыслѣ слова persona grata. Alter ego князя Меттерниха, Генцъ, не даромъ описывалъ графа, еще при началѣ конгреса, другу своему Катарджи, какъ человѣка, вполнѣ положительнаго, вліяніе котораго будетъ всегда употреблено въ самую благодѣтельную сторону (direction bienfaisante), разумѣется, для Австріи и безъ всякой опасности для сосѣдей. Въ этомъ отношеніи, болѣе отрицательномъ, чѣмъ положительномъ, назначеніе графа Нессельрода исправляющимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ драгоцѣнно (précieuse) для тѣхъ, которые желаютъ (s'intéressent) общаго спокойствія. Онъ будетъ довольно сильнымъ, чтобы предупредить тѣ рѣшенія, которыя могутъ потревожить общій миръ, но никогда и ни въ какомъ случаѣ онъ не будетъ ихъ сторонникомъ" [1]). Разумѣется, лучшаго уполномоченнаго Россіи, на вѣнскомъ конгресѣ, князь Меттернихъ и его клика желать не могли, но не таково было чувство, съ одной стороны, русскихъ, истинно любившихъ родину, а съ другой—тѣхъ иностранцевъ, которые, въ нравственномъ и чисто-историческомъ отношеніи, стояли несравненно выше австрійскаго перваго министра. Таково было убѣжденіе честнаго и благороднаго барона Штейна, истиннаго друга и Императора Александра, и Россіи. Онъ о графѣ Нессельродѣ отзывается, правда, очень рѣзко, но мнѣніе его, тѣмъ не менѣе, имѣетъ большое историческое значеніе.

„Всѣ переговоры", говоритъ Штейнъ, „происходятъ теперь безъ участія Нессельрода, который живо чувствуетъ, что онъ утратилъ свое вліяніе. Онъ утратилъ вліяніе это, благодаря своей неспособности (Unfähigkeit) и слѣпой преданности Меттерниху, ради которыхъ ему часто приходилось или прямо дѣйствовать противно приказаніямъ своего Императора, или исполнять ихъ съ крайнею вялостью (Lauigkeit). Это уже всѣхъ поразило, во время швейцарскихъ

[1]) Prokesch-Osten. Depêches inédites de Gentz. I, 97—98.

происшествій, когда онъ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ Меттерниха, и во Франціи, гдѣ онъ вполнѣ усвоилъ себѣ образъ мыслей Меттерниха относительно мира. Онъ осуждаетъ теперь саксонскій вопросъ и прямо сталъ противорѣчить, когда рѣчь зашла о Польшѣ. Императоръ Александръ сталъ уже не довѣрять ему въ Фрейбургѣ; недовѣріе это росло въ Шомонѣ и Труа, и окончательно обнаружилось въ Вѣнѣ, когда такъ сильно выразилось отвращеніе Императора къ Меттерниху. Посредственность (Mittelmässigkeit) Нессельрода, незначительность его познаній (Unwissenheit), холодность и узкость въ воззрѣніяхъ и чувствахъ, а также малодушіе (Muthlosigkeit) въ опасности, не дозволили ему удержаться на той высотѣ, на которой онъ стоялъ. Онъ не могъ не пасть, когда изъ простого орудія въ рукахъ Императора Александра онъ вдругъ задумалъ показаться самостоятельнымъ, а на самомъ дѣлѣ, такъ какъ собственной самостоятельности онъ никогда не имѣлъ, содѣлался только орудіемъ ненавистнаго его Императору иностраннаго министра. А легкомысліе (Frivolität) Меттерниха", продолжаетъ Штейнъ, „среди небывалаго кризиса, въ виду столькихъ неразрѣшенныхъ жизненныхъ вопросовъ, ни на каплю не уменьшилось; онъ, по прежнему, занимается устройствомъ всѣхъ придворныхъ праздниковъ, живыхъ картинъ, слѣдитъ за всѣми танцами своихъ дочерей и, въ то время, когда его нетерпѣливо ждутъ на конференцію или Кастельри, или Гумбольдтъ, занимается нарумяниваніемъ дамъ, выступающихъ на сцену. Меттернихъ уменъ, ловокъ, любезенъ, но въ немъ нѣтъ глубины, нѣтъ серіозныхъ познаній, нѣтъ привычки къ труду, а главное, нѣтъ правды" [1]). Баронъ Штейнъ, такъ строго судившій графа Нессельрода, ошибся, однако, говоря, что онъ лишился своего мѣста. Онъ не только удержалъ его въ Вѣнѣ, благодаря дружбѣ съ графомъ Каподистріею, но оставался министромъ иностранныхъ дѣлъ въ продолженіе двухъ царствованій, и только послѣ Парижскаго конгреса, въ 1856-мъ году, уже государственнымъ канцлеромъ, въ глубокой старости, покинулъ службу. Какъ частный человѣкъ, графъ Нессельродъ за свое благородство и честность, былъ вполнѣ достоинъ уваженія. Онъ родился на англійскомъ кораблѣ, отъ иностранныхъ родителей. Его отецъ вступилъ на службу Россіи, былъ министромъ въ Лисабонѣ и Берлинѣ, но русскимъ не былъ никогда и едва ли когда бывалъ въ Россіи. Самъ графъ К. В. Нессельродъ воспитывался за границею и никогда не могъ обратиться въ русскаго. Онъ не зналъ и не понималъ Россіи, не сознавалъ ея народнаго духа, плохо вѣдалъ ея исто-

[1]) Pertz. „Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stain" IV, 257—258, и Seeley—„Life and times of Stein". IV, 49.

рическое прошлое и не могъ поэтому составить себѣ вѣрнаго понятія о ея будущемъ. Всякое проявленіе народнаго духа было ему непріятно, и онъ считалъ его опаснымъ. До конца жизни, онъ слѣпо вѣрилъ въ геніальность и безошибочность князя Меттерниха, какъ политическаго дѣятеля. Кромѣ своихъ высокихъ нравственныхъ правилъ, графъ Нессельродъ отличался своею добротою и мягкостью, которыя подмѣтилъ даже Генцъ [1]), и которыя лишали его самостоятельности. Но Александръ I не желалъ имѣть при себѣ совѣтника, а Николай I въ нихъ не нуждался; онъ самъ, безъ всякой чужой помощи, съумѣлъ руководить, въ продолженіе почти 30 лѣтъ, не только русскою политикою но и политикою всей Европы.

„Здѣсь распространился, тому нѣсколько дней, слухъ, будто графъ Нессельродъ лишился портфёля министра иностранныхъ дѣлъ", доносилъ Генцъ господарю молдавскому отъ 4-го января 1815 г. н. ст., „слухъ этотъ ложенъ, но вотъ что было ему причиною. Всѣмъ было извѣстно, съ первыхъ же недѣль конгреса, что Императоръ очень охладѣлъ къ графу Нессельроду... Въ то время, когда тайный совѣтъ Императора составилъ, подъ вліяніемъ Пруссіи, проектъ теперешнихъ конференцій, Императоръ, вмѣсто того, чтобы назначить туда уполномоченнымъ графа Нессельрода, который дотолѣ вёлъ одинъ всѣ переговоры съ Австріею и Англіею, избралъ для этого графа Разумовскаго, бывшаго посломъ въ Вѣнѣ до 1809 года, и назначеніе котораго уполномоченнымъ на конгресѣ всѣми считалось только почётнымъ отличіемъ. Графъ Нессельродъ претерпѣваетъ теперь, несомнѣнно, своего рода немилость, но дѣло не пошло далѣе. Онъ попрежнему остался статсъ-секретаремъ и сохранилъ даже безплодную почесть портфёля. Если Императоръ не найдетъ рано или поздно какой-либо особой причины для его удаленія, то онъ долго можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, хотя бы только вслѣдствіе того отвращенія, которое Императоръ питаетъ къ мысли довѣрить руководство иностранными дѣлами кому-нибудь изъ вельможъ своей имперіи" [2]).

Конференцію, о которой упоминаетъ Генцъ, предполагалось сперва составить только изъ представителей четырехъ союзныхъ державъ, и уполномоченными на нихъ, отъ Россіи, по волѣ Императора Александра, были графъ Андрей Кириловичъ и графъ Каподистріа. Въ то время, когда эти конференціи обдумывались въ тайномъ совѣтѣ Александра Павловича, любимыми совѣтниками котораго были

---

[1]) „Le comte de Nesselrode ne se maintenait plus que par un ancien sentiment d'amitié, que la bonté et la douceur de son caractère avaient inspiré à l'Empereur Alexandre". (1 Juillet 1815). Prokesch-Osten. Depêches inédites de Gentz. I, 205—206.

[2]) Тамъ же, I, 140—141.

въ то время, кромѣ графа Каподистріи, Чарторижскій и Штейнъ [1]) а вѣроятно тоже и Разумовскій, Государь повелѣлъ барону Штейну, все еще считавшемуся главнымъ правителемъ нѣмецкихъ областей, занятыхъ союзными войсками, написать командующему въ Саксоніи князю Репнину, что онъ его проситъ передать королевство подъ управленіе прусскихъ властей. Репнинъ поспѣшилъ исполнить желаніе главнаго правителя, объявивъ публично о передачѣ Саксонскаго королевства Пруссіи. Извѣстіе это произвело сильное впечатлѣніе въ Вѣнѣ, особенно между представителями мелкихъ дворовъ. Князь Вреде прямо угрожалъ Пруссіи войною и подбилъ нѣмецкихъ уполномоченныхъ представить конгресу протестъ противъ соединенія Саксоніи съ Пруссіею. Кронъ-принцъ вюртембергскій, который былъ страстно влюбленъ въ Великую Княгиню Екатерину Павловну, сильно возсталъ противъ подобнаго протеста, и благодаря его стараніямъ дѣло это кануло въ воду [2]).

Учрежденіе особаго комитета, состоящаго исключительно изъ уполномоченныхъ четырёхъ союзныхъ державъ, учрежденнаго съ спеціальною цѣлью обсужденія польскаго и саксонскаго вопроса и не имѣвшаго ничего общаго съ конференціей, состоявшею изъ представителей восьми государствъ, принявшихъ участіе въ парижскомъ трактатѣ, принято было безъ всякихъ возраженій и княземъ Меттернихомъ, и лордомъ Кастельри. Послѣдній, заѣхавъ съ визитомъ къ князю Талейрану, упомянулъ, между прочимъ, о новомъ комитетѣ. Французскій посолъ замѣтилъ, что противъ комитета онъ собственно ничего не имѣетъ, хотя находитъ, что учрежденіе его нѣсколько унизительно и для Англіи, и для Австріи; что касается до него лично, то онъ ставитъ выше всего законность (légitimité) и находитъ, что для поддержанія ея, напримѣръ, въ вопросѣ о Саксоніи, слѣдовало бы между Англіею, Франціею и Австріею составить весьма краткую, но точную конвенцію, въ силу которой всѣ три державы обязались бы поддержать Саксонію, дѣлая, при этомъ, нѣкоторыя уступки въ пользу Пруссіи. Кастельри, выслушавъ предложеніе Талейрана, съ удивленіемъ замѣтилъ, что предлагаемая имъ конвенція обозначаетъ союзъ, а союзъ предполагаетъ войну, о которой, слава Богу, въ настоящую минуту никто не думаетъ, и что предложенная Талейраномъ сдѣлка годна только въ крайнемъ случаѣ. Хитрый французскій посолъ понялъ, что онъ зашёлъ слишкомъ далеко, и на замѣчаніе Кастельри отвѣчалъ, что собственно противъ комитета ничего не имѣетъ, но надѣется, что въ немъ будетъ участвовать и представитель Фран-

[1]) Тамъ же. I, 140.
[2]) Thiers. „Histoire de Consulat et de l'Empire VI". 186.

ціи. Кастельри на это отвѣчалъ утвердительно; но когда онъ объ этомъ сообщилъ своимъ товарищамъ по новому комитету, то уполномоченные России и Пруссіи подняли тревогу. Разумовскій, Каподистріа, Гарденбергъ и Гумбольдтъ упрекали англійскаго министра и принявшаго его сторону князя Меттерниха въ томъ, что они не только не съумѣли поддержать одно изъ главныхъ секретныхъ постановленій парижскаго договора, въ силу котораго положено было не допускать участія Франціи въ переговорахъ, но, наоборотъ, всѣ тайны начавшихся преній передавали французскому посольству, вслѣдствіе чего наотрѣзъ отказались допустить на конференцію французскаго уполномоченнаго. Такъ какъ большинство было на сторонѣ представителей Россіи и Пруссіи, Кастéльри принужденъ былъ сообщить этотъ непріятный отвѣтъ Талейрану, но, желая избѣгнуть личнаго объясненія, котораго нѣсколько опасался, онъ отправилъ къ французскому послу брата своего, лорда Стюарта. Не очень краснорѣчивый Стюартъ запутанно передалъ князю Талейрану данное ему братомъ порученіе, которое было принято княземъ самымъ гордымъ и въ то же время ироническимъ образомъ. Между прочимъ, Талейранъ замѣтилъ довольно рѣзко, что никогда не дозволитъ, чтобы въ Вѣнѣ насмѣхались надъ французскимъ посольствомъ, и не безъ нѣкотораго презрѣнія спросилъ Стюарта: „не союзники ли ваши по Шомону противятся участію Франціи на конференціи?“ Братъ Кастельри наивно на это отвѣтилъ: „да, это сдѣлали шомонскіе союзники“. Тогда Талейранъ же добавилъ: „оставайтесь при этихъ союзникахъ, и знайте, что французское посольство немедля выѣдетъ изъ Вѣны, что Франція узнаетъ, какую роль вы ей здѣсь готовили, а Англія,— какимъ образомъ ея слабый и непослѣдовательный посолъ предалъ Саксонію и Польшу, отбросивъ предложенный ему истиннымъ другомъ Англіи способъ спасти обѣихъ“. Лордъ Кастельри ничего такъ не боялся, какъ сужденій о немъ въ англійскомъ парламентѣ; онъ зналъ, что Талейранъ можетъ ему повредить своими депешами, и потому отъ имени Англіи потребовалъ у товарищей своихъ доступа на конференцію французскаго уполномоченнаго, доказывая, что отказъ съ ихъ стороны можетъ воспламенить всю Европу. Его сильно поддерживалъ князь Меттернихъ, и имъ вдвоемъ удалось, наконецъ, не безъ труда уговорить и Разумовскаго, и Каподистрію; но Гарденбергъ и Гумбольдтъ до конца не соглашались. Большинство уже было не на ихъ сторонѣ, и положено было допустить французскаго представителя на конференцію. Кастельри учтивымъ письмомъ извѣстилъ о томъ Талейрана, который назначилъ присутствующимъ при конференціи герцога Дальберга [1]).

---

[1]) Тамъ же. VI, 190—191 и Pallain, „Correspondance de Talleyrand et du roi Louis“, XVIII, 197—202.

„Дѣло саксонское въ лучшемъ состояніи, чѣмъ было до сихъ поръ", доносилъ королю своему Талейранъ отъ $^{11}/_{23}$ декабря. „Дѣло польское еще не окончено, но всѣ говорятъ о его концѣ. Графы Разумовскій и Каподистріа будутъ вести переговоры за Россію; г. Меттернихъ будетъ уполномоченнымъ Австріи; онъ рѣшился придать этимъ конференціямъ самый офиціальный характеръ. Г. Вессенбергъ будетъ составлять протоколы, а г. Гарденбергъ будетъ представителемъ прусскимъ, и онъ одинъ. Такъ какъ въ этихъ переговорахъ дѣло будетъ касаться только границъ, то черезъ нѣсколько дней все будетъ ясно [1]).

Въ первомъ собраніи составленнаго не безъ труда комитета, графъ Андрей Кириловичъ изложилъ, какихъ именно вознагражденій требуютъ Россія и Пруссія. Первая отказывалась отъ обладаемаго ею тарнопольскаго округа и передавала его Австріи. Австрія тоже получила соляныя копи около Велички и подгородный районъ подъ Краковомъ. При этомъ Россія изъявляла свое согласіе на присоединеніе къ Австріи Галиціи. Герцогство Познанское должна была получить Пруссія, а вмѣстѣ съ нимъ и всю Саксонію. Торнъ и Краковъ объявлялись вольными городами, а королю саксонскому, взамѣнъ Саксоніи, предполагалось назначить владѣніе на Рейнѣ съ 700 тысячъ жителей [2]). Послѣ двухъ дней произошло второе засѣданіе комитета. Кастельри, получившій, между тѣмъ, извѣстіе о заключеніи мира между Англіею и Соединенными Штатами, а также новое предписаніе отъ принца-регента, всячески поддерживать самостоятельность Саксоніи, явился на засѣданіе въ нѣсколько возбужденномъ состояніи духа. Первый началъ говорить князь Гарденбергъ, которому поручено было поддерживать, прочитанный на прошломъ засѣданіи графомъ Разумовскимъ, планъ о вознагражденіяхъ, которыхъ требовали Россія и Пруссія. Онъ очень увлёкся защищаемымъ имъ предметомъ и, видя, съ какимъ недоброжелательствомъ слушаютъ представители Англіи, Франціи и Австріи изложеніе его требованій, прямо заявилъ, что Пруссія рѣшилась оружіемъ сохранить занятую ея войсками Саксонію. Кастельри еще невоздержаннѣе отвѣчалъ на рѣчь Гарденберга, объявивъ, что Англія не подчинится ничьимъ повелѣніямъ и что она противъ оружія съумѣетъ дѣйствовать такимъ же оружіемъ. Вспыльчивый лордъ былъ крайне раздражёнъ, и изъ засѣданія прямо отправился къ Талейрану, разсказалъ ему всё то, что случилось, и добавилъ, что Англія никогда не дозволитъ подобныхъ дерзостей. Талейранъ никакъ не ожидалъ столь скораго

[1]) Тамъ же. 203—204.

[2]) Богдановичъ. „Исторія Россіи въ царствованіе Александра I-го". V, 36—37.

успѣха и всячески поддерживалъ гнѣвъ раздражённаго англичанина припоминая ему послѣднiй ихъ разговоръ и повторяя, что двухъ или трехъ словъ, написанныхъ Англiею, Францiею и Австрiей, достаточно будетъ, чтобы сразить окончательно гордую наглость Пруссiи и Россiи. Такъ какъ Кастельри съ видимымъ интересомъ слѣдилъ за его рѣчью, хитрый французъ, какъ бы шутя, взялся за перо и тутъ же начерталъ проектъ конвенцiи, въ силу которой, Англiя, Францiя и Австрiя обязывались выставить, каждая, 150 тысячъ солдатъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ, для защиты европейскаго равновѣсiя, противъ враговъ, которые не назывались, но имена которыхъ разгадать было не трудно. Кастельри былъ въ восторгѣ; онъ захватилъ Талейрановъ набросокъ и уѣхалъ, обѣщая вернуться на другой же день, переговоривъ о проектѣ съ Меттернихомъ. Талейранъ былъ въ восторгѣ. Онъ разомъ достигъ всего, о чёмъ такъ давно мечталъ. Онъ прiѣхалъ въ Вѣну съ боязнью быть уничтоженнымъ, а вмѣсто того ему приходится играть первую роль и на развалинахъ шомонскаго союза созидать новый союзъ, призванный защищать принципъ легитимности, столь дорогой королю Людовику XVIII-му.

Меттернихъ, находившiйся уже вполнѣ подъ влiянiемъ Талейрана, поспѣшилъ пристать къ представителямъ Францiи и Англiи, придавъ, однако, конвенцiи строго-оборонительный характеръ. Кастельри, съ своей стороны, обдумавъ проектъ Талейрана, потребовалъ внесенiя въ него отдѣльной статьи, въ силу которой если—чего Боже избави—загорѣлась бы война, то подписавшiе конвенцiю обязывались вести мирные переговоры, строго придерживаясь Парижскаго трактата и слѣдуя всему тому, что сказано въ немъ о границахъ и составѣ каждой державы [1]).

Въ ночь съ 3-го на 4-ое января 1815 года н. ст., крайне секретно, подписанъ былъ, княземъ Меттернихомъ, лордомъ Кастельри и княземъ Талейраномъ оборонительный союзъ противъ Россiи и Пруссiи, такъ еще недавно освободившихъ Европу отъ Наполеонова ига. Этотъ союзъ, имѣвшiй дерзость ставить себя подъ покровительство Пресвятой Троицы, былъ заключёнъ по случаю непомѣрныхъ требованiй, дабы три подписавшiяся державы имѣли средство отразить всякое нападенiе на ихъ владѣнiя. Договаривающiяся стороны обязывались, если, вслѣдствiе предложенiй, которыя онѣ будутъ дѣлать и поддерживать вмѣстѣ, владѣнiя одной изъ нихъ подвергнутся нападенiю, то считать, что и другiе отъ него пострадали, и всѣ обязывались сообща защищать того, на котораго нападутъ. Для этого каждая изъ державъ должна была выставить 150 тысячъ войска и выступить, по востребованiю, не

[1]) Thiers. „Histoire du Consulat et de l'Empire". VI, 180—194.

позднѣе шести недѣль. Англія имѣла право при этомъ выставить наемное иностранное войско или платить за него деньгами. Договаривающіяся державы могли пригласить и другія государства присоединиться къ ихъ союзу, и вслѣдствіе этого приглашены были немедленно къ содѣйствію короли баварскій, ганноверскій и нидерландскій [1]).

Восторгъ Талейрана былъ такъ силенъ и такъ краснорѣчиво вылился въ депешѣ, отправленной имъ къ королю на другой же день послѣ подписанія тайнаго оборонительнаго противъ Россіи договора, что мы рѣшаемся выраженіе этого восторга привести въ подлинникѣ:

Maintenant, Sire, la coalition est dissoute, et elle l'est pour toujours. Non-seulement la France n'est plus isolée en Europe, mais V. M. a déjà un système fédératif tel, que 50 ans de négociations ne sembleraient pas pouvoir parvenir à lui donner. Elle marche de concert avec deux des plus grandes puissances, trois états de second ordre et bientôt tous les états qui suivent d'autres principes et d'autres maximes que les maximes et les principes révolutionnaires [2]). Elle sera véritablement le chef et l'âme de cette union, formée pour la défense des principes qu'elle a été la première à proclamer. Un changement si grand et si heureux ne saurait être attribué qu'à cette protection de la Providence, si visiblement marquée dans le retour de V. M. Après Dieu, les causes efficientes de ce changement ont été..." [3]).

Мы не будемъ приводить всѣхъ причинъ, которыя, послѣ Бога, приводитъ разстриженный епископъ; мы ограничимся только послѣднею и самою главною,—это былъ представленный графомъ Андреемъ Кириловичемъ проектъ вознагражденія на засѣданіи 19-го декабря, о которомъ мы уже говорили выше.

„Le ton arrogant pris dans cette pièce indécente et amphigourique", такъ описываетъ Талейранъ читанный Разумовскимъ проектъ, „avait tellement blessé lord Castlereagh que, sortant de son calme habituel, il avait déclaré que les russes prétendaient imposer la loi, et que l'Angleterre n'était pas faite pour la recevoir de personne" [4]).

Не одни только баварскій, ганноверскій (сумасшедшій англійскій король Георгъ III былъ пожалованъ конгресомъ въ короли ганноверскіе) и нидерландскій короли присоединились сейчасъ же къ секретному союзному договору, но еще король сардинскій и гросъ-герцогъ гессенъ-дармштадтскій, и несмотря на это, ни Императоръ Александръ,

---

[1]) Comte d'Angeberg. „Le congrès de Vienne". II, 589—592.

[2]) Освободившіе, однако, писавшаго эти строки отъ епископской митры и обѣтовъ при постриженіи.

[3]) Pallain. „Correspondance de Talleyrand et de Louis XVIII". 209.

[4]) Тамъ же, 210.

ни столь близкій къ Меттерниху, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельродъ, не только не знали, но даже не подозрѣвали, какъ язвительно и подло подшутили три великія державы надъ Россіею. Одинъ только графъ Каподистріа, такъ справедливо пророчествовавшій, еще въ Парижѣ, объ опасности, которою угрожалъ Россіи, столь нетерпѣливо всѣми ожидаемый, вѣнскій конгресъ, видѣлъ и понималъ, въ чемъ дѣло, и вмѣстѣ съ Штейномъ донёсъ Императору Александру о своемъ подозрѣніи, что состоялся противъ Россіи секретный союзъ, но Государь по прежнему ему не повѣрилъ [1]).

Не удивительно послѣ этого, что генералъ-адъютантъ Чернышевъ жаловался Аракчееву на русскихъ дипломатовъ и министерство иностранныхъ дѣлъ. Тайну съумѣли сохранить всѣ принявшіе участіе въ этомъ позорномъ союзѣ, и прусскіе дипломаты оказались столь же мало прозорливыми, какъ и русскіе, а Штейну король вѣрилъ не болѣе, чѣмъ Императоръ—Каподистріи. Даже Генцъ скрылъ союзъ отъ своего молдавскаго пріятеля, съ которымъ вообще былъ очень откровененъ, жалуясь даже иногда на самого Меттерниха. Онъ ограничился только тѣмъ, что въ одной депешѣ описывалъ положеніе крайне опаснымъ, такъ что многіе ожидали разрыва и даже войны, а уже въ слѣдующей, писалъ, что небо прояснилось, благодаря твердости и мудрости Меттерниха [2]). Проясненіе это и было заключеніе тайнаго договора.

Нельзя было, однако, не замѣчать, съ какимъ единствомъ стали дѣйствовать на конгресѣ представители Австріи, Англіи и Франціи и какъ громко выражалъ свою ненависть къ Пруссіи князь Вреде, продолжая угрожать ей войною. Среди этихъ треволненій и тайныхъ мерзостей, балы и другіе праздники по прежнему продолжались, а одно неожиданное происшествіе заняло до того всѣ умы въ Вѣнѣ, что день или два почти забыли про конгресъ.

Въ одну пасмурную зимнюю ночь, въ первыхъ числахъ января, когда, по какому-то чуду, нигдѣ не было бала, а снѣгъ хлопьями падалъ на Вѣну, вдругъ по всѣмъ улицамъ раздался крикъ: „пожаръ, пожаръ!“ Всѣ испуганно проснулись, и, узнавъ, что горитъ знаменитый во всей Вѣнѣ дворецъ графа Андрея Кирилловича Разумовскаго, вся туземная и иноземная Вѣна поспѣшила на пожарище. Однимъ изъ первыхъ прибылъ на пожаръ австрійскій императоръ, но онъ уже засталъ тамъ огромную массу народа и нѣсколько баталіоновъ пѣхотныхъ солдатъ, поспѣшившихъ изъ сосѣднихъ казармъ на по-

[1]) Богдановичъ. Исторія Россіи въ царствованіе Александра I. V. 58.
[2]) Prokesch-Osten. Dépêches inédites de Gentz. I. 137.

мощь пожарной команды. Изъ покрытой густымъ снѣгомъ крыши развѣвалось пламя и со всѣхъ сторонъ летали горящія головешки, угрожая сосѣднимъ зданіямъ. Сквозь окна и благодаря обрушившимся нѣкоторымъ стѣнамъ видны были роскошныя гостиныя Разумовскаго со всѣми ихъ художественными богатствами, поглощаемыя, въ виду многочисленной собравшейся публики, пламенемъ. Пожарные выбрасывали изъ окошекъ мраморныя статуи, бюсты, рѣдчайшія вазы и извѣстныя во всей Европѣ картины, бронзы и всякіе другіе драгоцѣнные предметы, которые, падая на камни, разбивались въ дребезги или утопали въ потокахъ грязи, происшедшихъ отъ растаявшаго густого въ эту ночь снѣга. Не могли даже спасти великолѣпную залу, украшенную статуями Кановы. По всей громадной толпѣ раздался одинъ крикъ ужаса, когда зала рухнула, увлекая за собою въ море пламени чудныя произведенія Кановы. Двадцать лѣтъ строилъ Разумовскій дворецъ этотъ, который считался самымъ великимъ и великолѣпнымъ въ Вѣнѣ и притомъ богаче другихъ наполненнымъ чудесами искуства и роскоши [1]).

Всѣ великіе міра сего поспѣшили, разумѣется, вслѣдъ за императоромъ Францомъ, явиться на пожаръ и выразить сочувствіе престарѣлому хозяину дома, не безъ грусти смотрѣвшему, какъ пропадало столь дорогое и сердцу, и карману твореніе. Императоръ Александръ при этомъ обѣщалъ старому и заслуженному своему подданному денежную подмогу. Остальныя части громаднаго дома успѣли спасти; сгорѣли только всѣ парадныя комнаты.

„Mon frère André a eu le malheur“, извѣстилъ брата своего графа Льва, живущаго въ Москвѣ, изъ Петербурга, графъ Петръ Кириловичъ, отъ 5 февраля 1815 г., „de voir la partie la plus intéressante de sa maison de Vienne consommée par le feu. C'est un pavillon dont la façade était sur le jardin. Rien de mieux, de plus élégamment et commodemment distribué que ce bâtiment. Le feu a pris à ce que l'on mande pendant la nuit par cette nouvelle invention de chauffer dessous les planchers. Il doit avoir éprouvé une perte immense en tableaux, en livres, en sculpture et même en bijoux. On ne sait rien de positif, car il n'a écrit rien à personne“ [2]).

Принимая во вниманіе огромныя потери, которыя графъ Андрей Кириловичъ претерпѣлъ отъ пожара, Императоръ Александръ благоволилъ велѣть ему выдать 120 тысячъ дукатовъ, на 17 лѣтъ, безъ процентовъ. Первую треть графъ, по приказу Государя, получилъ

[1]) Comte A. de La Garde. Fêtes et souvenirs du congrès de Vienne. II, 192—194.

[2]) Архивъ покойнаго графа А. С. Уварова.

сейчасъ же, а другія двѣ, по одной трети, черезъ каждые шесть мѣсяцевъ [1]).

Весь январь мѣсяцъ прошелъ въ переговорахъ относительно Саксоніи и о томъ, какъ и что предложить Пруссіи взамѣнъ этого королевства. Во время этихъ преній лордъ Кастельри покинулъ Вѣну. Англійскій парламентъ долженъ былъ открыться въ февралѣ, и товарищи Кастельри по министерству вызвали его въ Лондонъ, чтобы онъ объяснилъ свой образъ дѣйствій на конгресѣ, которымъ въ Англіи не были вполнѣ довольны. Его замѣнилъ въ должности перваго уполномоченнаго Англіи на конгресѣ посолъ въ Парижѣ, герцогъ Велингтонъ, стяжавшій себѣ большую славу своими побѣдами надъ французами въ Испаніи, во время послѣдней союзной войны. Но Кастельри не хотѣлъ уѣзжать изъ Вѣны, не рѣшивъ самаго важнаго вопроса относительно Саксоніи, въ которомъ, какъ говорили въ Англіи, онъ высказалъ себя и нерѣшительнымъ, и легкомысленнымъ. Онъ обѣщалъ сперва Пруссіи всю Саксонію, а потомъ сталъ требовать ея полной самостоятельности. Передъ отъѣздомъ онъ исключительно занялся этимъ вопросомъ и, не безъ труда, заставилъ князей Меттерниха и Талейрана не мѣшать ему въ задуманномъ имъ рѣшеніи спорнаго вопроса. Онъ воспользовался тѣмъ, что всѣмъ монархамъ уже надоѣло долгое пребываніе въ Вѣнѣ и эта смѣсь праздниковъ и ѣдкихъ споровъ, и уговорилъ своихъ новыхъ союзниковъ согласиться на уступку Пруссіи почти половины саксонской территоріи, менѣе населённой, именно обѣихъ Лузацій гдѣ число жителей равнялось трети населенія всего королевства. При этомъ Пруссія получала города: Торгау, Виттенбергъ, Бауценъ и Циттау. За королемъ саксонскимъ оставалась самая богатая часть страны съ Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Въ отвѣтъ на сдѣланное, по инициативѣ Кастельри, предложеніе такого рода, Пруссія, не соглашавшаяся до сихъ поръ ни на какія сдѣлки, объявила, что она на него согласна, но съ непремѣннымъ условіемъ получить, кромѣ Лузацій, городъ Лейпцигъ. Кастельри старался уговорить лично короля Фридриха-Вильгельма, но тотъ отвѣтилъ что безъ Лейпцига онъ не рѣшится вернуться въ Берлинъ. Но въ то же время Австрія и Франція заявили, что ни подъ какимъ видомъ онѣ не согласятся на уступку Лейпцига. Тогда Кастельри рѣшился еще прирѣзать въ пользу Пруссіи земли изъ частей, назначенныхъ для Ганновера и Нидерландовъ. Разумѣется, дѣло не обошлось безъ общаго примирителя, которому такъ коварно отплачивала Европа за всѣ его услуги и которому, въ данномъ случаѣ, самъ Тьеръ отдаетъ должную похвалу. Александръ I требовалъ

[1]) Архивъ князя Воронцова. XXIII, 326.

объявленія вольными и нейтральными городами Кракова и Торна: перваго по причинѣ его нравственнаго, а второго—его военнаго значенія. Не смотря на явный перевѣсъ, который уступка Торна давала Пруссіи на всё нижнее теченіе Вислы, Императоръ Александръ предложилъ его Пруссіи со всею его областью взамѣнъ Лейпцига, и тѣмъ порѣшилъ неразрѣшимый, какъ казалось, саксонскій вопросъ, тормазившій ходъ конгреса.

Мы помѣщаемъ здѣсь инструкціи, полученныя графомъ Андреемъ Кириловичемъ въ первые два мѣсяца 1815 года, помѣченныя рукою Императора Александра Павловича и сохранившіяся въ архивѣ графа; онѣ обозначаютъ тотъ духъ, въ которомъ нашъ герой велъ переговоры на конгресѣ.

Инструкція 1-я:

Objets principaux de la négociation.

I.

Affaires de la Saxe et de Mayence.

Note au cabinet autrichien:

Le cabinet prussien se proposant de traiter directement sur ces deux objets avec le cabinet d'Autriche, celui de Russie n'aurait qu'à appuyer les propositions prussiennes, ainsi que les motifs allégués pour en démontrer la justice et la convenance.

Сбоку рукою Императора написано: parfaitement d'accord.

Comme sur cette partie de la négociation il importe de gagner l'opinion publique et principalement celle de la nation anglaise, il serait en conséquence de la plus grande utilité de démontrer: 1) que les puissances alliées ont plein droit de disposer de la Saxe, parce que c'est un pays légitimement conquis; 2) qu'en l'accordant en entier au roi de Prusse plutôt que de la démembrer, elles secondent les vœux de la nation saxonne et ceux de l'Allemagne; qu'elles se conforment par là à l'esprit des traités et aux principes de la justice la plus vigoureuse.

II.

Affaires relatives à la Pologne.

Le ministre d'Autriche par sa lettre du 10 décembre adressée au prince de Hardenberg, a décliné la médiation de la Prusse dans cette négociation et déclare vouloir s'en occuper directement avec la Russie.

Il s'agit donc de présenter les questions dans leur véritable jour et d'énoncer d'une manière très claire et très positive le vote de l'Empereur sur chacune d'elles.

Сбоку рукою Императора: „De même“.

(a) Questions des limites.

L'Autriche paraît vouloir les compliquer, soit en reproduisant les prétentions des limites de la Wartha et de la Nidda, soit en manifestant le désir que la Prusse obtienne un agrandissement territorial sur le duché de Varsovie.

Сбоку рукою Императора: „Depuis le consentement de céder Tarnopol à de certaines conditions, l'empire d'Autriche s'est déclaré entièrement content de mes propositions quant aux limites".

Il est conséquemment très essentiel: 1) de déterminer avec précision les points par lesquels, d'après nous, on doit tracer la ligne de démarcation des frontières autrichiennes et prussiennes en Pologne; 2) d'accéder à la nomination de commissaires respectifs des 3 cabinets à l'effet de procéder sans délai à cette démarcation,

Сбоку рукою Императора: „Je joins ici une carte fournie par le p-ce Hardenberg et sur laquelle il a tracé la frontière dont la Prusse se trouverait entièrement contente. Elle est à peu de choses près la même, que celle que j'avais proposée. Quant à la nomination immédiate des commissaires il me semble que préalablement il faut déterminer les frontières entre les cabinets, car l'ouvrage des commissaires ne peut-être qu'à peu près mécanique".

Après avoir indiqué en général ces limites, on reviendrait sur la proposition de faire de Cracovie et de Thorn des villes libres et neutres, dont la constitution serait basée sur les principes convenus entre les 3 cabinets, et mise en œuvre par l'entremise des commissaires des 3 cours réunies.

1. On aurait soin de déterminer l'étendue du rayon de territoire qui appartiendrait à ces deux villes.

2. On offrirait à l'Autriche la restitution du cercle de Tarnopol, en développant et faisant apprécier les motifs qui portent l'Empereur à ce nouveau sacrifice.

(b) Question de la constitution polonaise.

Le prince de Metternich complique encore ici la question, et tâche de l'envelopper de difficultés qui altèrent sa simplicité naturelle. Il demande d'abord si l'Empereur veut réunir au duché de Varsovie les provinces russes anciennement polonaises. Il veut en second lieu connaître au préalable, quelle est la constitution que l'Empereur se propose de donner à toute, ou à une partie, de la Pologne. Il fonde cette prétention *sur des engagements que l'Empereur Alexandre* (dit le p-ce Metternich) *a pris spontanément et de lui-même vis-à-vis de l'Autriche, pour compenser le plus de prétentions à des acquisitions territoriales.* Pour répondre d'une manière positive à ces deux questions et pour ne com-

promettre aucun égard, il paraît nécessaire de donner les explications suivantes.

L'Empereur est ferme à maintenir ses engagements. S. M. fera connaître à ses alliés le mode d'existence nationale qu'elle réserve au duché de Varsovie. Elle désire même que les arrangements qui y auront rapport, deviennent l'objet d'un traité avec ses alliés, aussitôt que les questions territoriales seront difinitivement décidées, par une stipulation solennelle. Elle ne veut pas admettre une déclaration préalable de sa part à ce sujet, comme condition de l'acquisition d'un pays conquis par la force de ses armes. Si l'Empereur accédait à cette mesure, comme le cabinet autrichien paraît le désirer, S. M. ne saurait justifier à ses propres yeux, ni reconnaître le plein droit législatif qu'exercent les autres puissances sur les pays que le sort des armes a mis en leur pouvoir. L'Empereur n'a jamais demandé à l'Autriche quels sont les rapports intérieurs qu'elle compte établir entre ses anciens états, l'Italie et les provinces Illyriennes.

Ou bien si S. M. jugeait convenable de traiter cette question plus positivement, on pourrait tirer, des observations qui précèdent, un parti différent. Elles serviraient à prouver d'abord que l'Autriche n'a aucun titre pour nous demander communication de la constitution polonaise et encore moins d'énoncer cette prétention avant d'avoir stipulé relativement à l'acquisition territoriale que la Russie réclame.

Cette considération conduirait sans effort à la communication qu'on pourrait donner à cet égard à peu près dans ces termes:

„Si l'Autriche veut établir la stipulation concernant la constitution polonaise, comme condition à l'acquisition territoriale, que réclame la Russie, l'Empereur, à son tour, croit juste d'exiger que l'on place de même, comme condition des acquisitions territoriales, faites par les autres puissances, celle de stipuler, au préalable sur la constitution intérieure qu'elles se proposent de donner aux pays, qui leur sont échus en partage".

Сбоку рукою Императора: „Ce mode me paraît très bon".

„Si, par contre, l'Autriche veut placer la stipulation relative au mode d'existence nationale du duché de Varsovie en seconde ligne, savoir, après que les limites de cette acquisition pour la Russie seront fixées d'un commun accord, alors l'Empereur, désirant aller au devant des désirs de ses alliés et voulant donner d'avance un témoignage de la confiance sans bornes, qu'il place en eux, déclare dès ce moment que les institutions qu'elle accordera *aux polonais*, (ou bien) *aux habitants du duché de Varsovie*, n'excèderont pas les limites suivantes:

1-o. *Les habitants du duché ou bien les polonais* jouiront du bienfait d'une administration fondée sur des principes et réglée par des loix.

2-o. Ils formeront par la force de ces loix et par la forme, d'après laquelle elle seront exécutées, une nation attachée à la Russie par des liens constitutionnels et indissolubles, et surtout par ceux que cimenteront les sentiments de la reconnaissance.

3-o. L'Empereur de Russie n'ambitionne aucun titre de domination sur les polonais. S. M. veut seulement leur repos, leur bien-être. Elle est éminément intéressée à faire cesser cet état d'incertitude, qui fit le malheur de ce peuple, par le passé, et qui l'arma même contre la Russie. Pourvu que S. M. atteigne ce but important par des moyens justes et légitimes, peu lui importe le nouveau titre qu'elle sera dans le cas d'ajouter à la couronne de Russie".

On pourrait dire plus. On pourrait faire pressentir que l'Empereur acceptera le titre que les alliés jugeront le plus convenable de reconnaître. De deux choses l'une: ou ils proposent à S. M. le titre de Grand Duc *de Varsovie*, et l'Empereur, en l'acceptant, aura, dans tous les cas à venir, un moyen de plus pour tenir en respect l'Autriche. S. M. n'aurait qu'à se proclamer roi de Pologne, pour faire avantageusement la guerre à l'Autriche, ou même seulement la menacer de ce changement, pour la contenir dans de justes bornes et déjouer toutes ses combinaisons contre la Russie. Si c'est le titre de roi que l'Autriche lui propose, l'Empereur en l'acceptant ne veut rien par lui-même et ne fait dans le fond qu'accéder à une mesure que ses alliés trouvent nécessaire au bien général et à la pacification de l'Europe. Les préjugés, par cet accord de volontés, seront reduits au silence.

(c) Questions relatives aux provinces Russes anciennement polonaises.

Par la rédaction de la note on peut aisément éviter toute explication positive sur cet objet. Mais à cet effet il est important de savoir si S. M. l'Empereur veut, dès à présent, laisser entrevoir la possibilité d'une disposition pareille, ou, au contraire, en écarter jusqu'au soupçon.

Сбоку рукою Императора: „J'ai énoncé verbalement mes intentions sur les provinces russes-polonaises, mais il m'est de toute impossibilité d'entrer dans aucun engagement formel sur ce sujet, puisque cela serait dérogatoire à la dignité de la Russie. Ma parole suffit".

En ne parlant dans la réponse que des habitants du duché de Varsovie et non des polonais en général, on fait suffisamment sentir que S. M. ne veut pour le présent s'occuper que du duché. Cependant ce mode d'ouverture provoquerait nécessairement une autre note autrichienne, par laquelle on demanderait une explication plus claire. Ce qui obligerait ou à la donner, ou à la refuser explicitement. Pourquoi ne pas aller au-devant de cette alternative?

Mon opinion respectueuse serait la suivante:

Borner la négotiation au seul duché de Varsovie et faire sentir, quant au provinces russes anciennement polonaises, que l'Empereur se réserve de les faire participer au bienfait d'une administration conforme aux localités, aux voeux des habitants et au système que la Russie a constamment suivi pour ses nouvelles acquisitions, telles que la Finlande.

(d) Idées générales.

1-o. Toutes les questions dont s'occupe le congrès, s'enchaînent l'une à l'autre, de même que les intérêts des différents cabinets se lient entre eux par ces questions d'un intérêt général et par l'expectative de décisions auxquelles chacun aspire. Ainsi, pour faire concourir au but, que nous envisageons, ces intérêts d'une nature différente, il semble indispensable d'aborder, enfin, toutes les questions et de faire sortir sur chacune d'elles l'intention de S. M. I. En énonçant une opinion sur le sort du royaume de Naples, on engage la France et l'Espagne d'abonder dans notre sens plutôt que dans celui de l'Autriche. En insistant pour que les affaires de l'Allemagne soient définitivement terminées, et en émettant les principes auxquels l'Empereur acquiérerait avec satisfaction, on lie d'avantage l'esprit public de l'Allemagne à la cause du duché de Varsovie et à la question de l'incorporation de la Saxe. En proposant quelque mesure conciliatoire sur les îles Ionniennes, on ouvre une discussion dont les développements ultérieurs peuvent être d'une grande utilité à l'ensemble des transactions politiques.

Сбоку рукою Императора: „Parfaitement d'accord".

Il serait d'autant plus important de traiter toutes ces questions soit dans la même note, soit dans un mémoire séparé, qu'il paraît urgent d'annoncer que S. M. I. attend les décisions de ses alliés sur tous ces points avec d'autant plus d'impatience qu'elle ne saurait prolonger ultérieurement son séjour à Vienne.

Note à lord Castlereagh.

En transmettant à ce ministre la note prussienne, notre réponse et la note au cabinet autrichien, le tout en forme de communication officielle, on résummerait en peu de mots leur contenu, et l'on réclamerait ses bons offices—dans la vue d'effectuer un prompt arrangement sur les objets en discussion, comme bases de la pacification générale.

Сбоку рукою Императора: „d'accord".

Note au cabinet prussien.

Nouvelles assurances de l'intérêt et de la coopération active que la Russie a voué à sa cause, afin qu'il soit fait droit aux engagements

contractés à l'égard de la Prusse par la triple alliance, en vertu duquel cet état doit obtenir un agrandissement proportionné aux pertes qu'il a essayé.

Сбоку рукою Императора: „d'accord".

Communication de la note que la Russie adresse aux cabinets autrichien et anglais.

Article additionnel à l'instruction donnée au 1-er plénipotentiaire de Russie.

Vienne le 3 (15) Février, 1815.

Сбоку рукою Императора: „Approuvé".

Le premier plénipotentiaire de Russie ne perdera pas de vue, dans les discussions relatives à la reconstruction de la Bavière, la question de l'établissement du prince Eugène, en vertu du traité conclu le 11 avril 1814. Vu la connexion naturelle qui existe entre ces deux objets, le 1-er plénipotentiaire de Russie aura soin de rappeler les engagements contractés à son égard et soutiendra le principe d'une indemnite à lui accorder, sauf à regler, de concert et d'après des considérations générales, le lieu et les propositions de l'établissement qui devra lui être assigné.

Articles additionnels aux instructions du 1-er plénipotentiaire.

Vienne, le 6 (18) février, 1815.

Сбоку рукою Императора: „Approuvé".

Poméranie.

Le ministre de Danemark, par des notes adressées au secrétaire d'état, c-te de Nesselrode, sollicite l'intervention de S. M. l'Empereur, a l'effet d'engager le roi de Suède à évacuer la Poméranie.

Ces reclamations semblent avoir été adressées simultanément aux ministres da la Grande-Bretagne ainsi qu'à ceux des autres puissances réunies au congrès de Vienne. S. M. I., sans vouloir prendre l'initiative dans cette discussion, ni appuyer à elle seule les démarches du cabinet danois, autorise néanmoins son 1-er plénipotentiaire à se mettre en rapport sur cet objet avec ceux des autres puissances et à accéder aux propositions qui seront faites par l'Autriche, la Prusse et l'Angleterre, dans la vue d'inviter la Suède à remplir des engagements.

Cessation de l'état provisoire.

Attendu que le sort de plusieurs provinces en Pologne, dans l'intérieur de l'Allemagne et sur la rive gauche du Rhin, est à la veille d'être définitivement arrêté par les arrangements stipulés dans les con-

férences ministerielles, et vu le désir qu'éprouve l'Empereur de faire cesser le plutôt possible l'état d'incertitude et de fluctuation inséparables d'une administration provisoire, S. M. autorise son 1-er plénipotentiaire: 1-o) à reitérer les démarches les plus instantes auprès des ministres des autres cabinets, pour qu'on procède le plus promptement possible à la discussion et décision des questions territoriales en Allemagne, sur lesquelles on n'a point encore prononcé. 2-o) Dès que les articles énonciatifs de ces décisions auront été revêtus des signatures requises et portés au protocole des conférences, le plénipotentiaire est autorisé à proposer les mesures les plus efficaces pour faire cesser dans le plus court délai possible les administrations provisoires et remettre les pays, dont on a disposé aux autorités constituées par les souverains, auxquels ils sont dévolus. On joindra à cette proposition la clause expresse, que cette convention ne préjudiciera nullement aux rectifications des frontières, qui pourraient avoir lieu subséquemment, et en vertu des stipulations de détail, contenues dans les traités signés et ratifiés.

Rédaction des traités.

Désirant avancer l'œuvre de la pacification autant que possible, S. M. I. autorise son 1-er plénipotentiaire à proposer à la conférence ministérielle l'institution d'une commission spéciale chargée de veiller à la rédaction des traités. Le cons. privé d'Anstett siégera à cette commission de la part de la Russie.

En l'instalant, les plénipotentiaires respectifs lui donneront pour norme de son travail les relevés des protocoles des conférences. C'est sur cette base que les traités deveront être rédigés.

Il importe que la place à suivre dans la rédaction du traité complexif de toutes les stipulations particulières soit arrêté au préalable par la conférence ministerielle.

Maison de Tour et Taxis.

Elle révendique la direction centrale des postes en Allemagne et spécialement celles des pays de Wurzbourg et d'Aschaffenbourg qu'elle possédait à titre de fief. Le 1-er plénipotentiaire de Russie coopérera activement de son côté aux démarches, qui auront lieu pour obtenir cette restitution en faveur de la maison de Taxis.

Инструкція II-я.

Рукою Государя Императора написано: „Approuvé".

La conférence ministérielle chargée des arrangements relatifs aux affaires de Pologne et à la reconstruction de la Prusse et ayant rempli la tâche importante, qui lui a été confiée par les cabinets res-

pectifs, S. M. l'Empereur en témoignant sa satisfaction sur l'heureux résultat de ce travail, désire que la dite conférence continue à se réunir et s'occupe sans ajournement de la discussion des objets de négociation qui ont trait:

1-o. Aux questions territoriales en Allemagne, qui sont encore indécises.

2-o. Aux mesures définitives concernant la reconstitution du corps germanique.

3-o. Aux affaires d'Italie.

4-o. A la fixation du sort des îles Ioniennes.

5-o. A une démarche, qu'il est urgent de concerter, entre toutes les puissances réunies au congrès de Vienne, et de faire en faveur des serviens.

1-o. Questions territoriales.

Quant à ce premier objet, S. M. I. ordonne à son premier plénipotentiaire de soigner particulièrement les intérêts du duc de Saxe-Weimar, ceux du duc de Holstein-Oldenbourg et ceux du duc de Saxe-Cobourg. Les stipulations relatives à la reconstruction de la Prusse embrassent une partie des avantages réservés au duc de Weimar. Il importe maintenant pour les compléter, d'insister à l'effet d'obtenir l'agrandissement territorial sollicité par le duc sur le pays de Fulda. Pour ce qui concerne le duc d'Oldenbourg, l'Empereur désire que la dignité de grand duc soit déférée à ce prince, de même qu'au duc de Weimar, avec le titre d'altesse royale. En outre que l'on ait égard et qu'on fasse droit autant que possible aux prétentions territoriales qu'il a énoncées.

L'Empereur est dans la ferme persuasion que s. m. le roi de Prusse, ainsi que les autres souverains, dont la participation peut contribuer à l'accomplissement des vœux du duc d'Oldenbourg, partageront l'intérêt qu'elle prend à ce prince.

Les titres qu'il a à leurs égards se fondent sur les rapports de famille qui l'unissent à S. M. I., ainsi que sur les sacrifices portés par lui à la cause de l'indépendance de l'Europe. C'est en se fondant sur des titres également respectables, que le duc de Cobourg place ses réclamations sous les auspices des puissances alliées.

L'intention de S. M. est que son premier plénipotentiaire appuie, avec énergie et fermeté, le principe de faire droit autant que possible aux demandes du duc de Cobourg. Les décisions, relatives à ces divers objets, se lient intimement à la reconstruction de la Bavière. En conséquence l'Empereur désire que son premier plénipotentiaire soit instruit à temps du plan que la Bavière présentera à cet égard, et qu'il intervienne dans toutes les négociations qui pourront y avoir rapport.

2. Affaires générales de l'Allemagne.

Afin de ne pas les compliquer, il conviendra de laisser agir le comité auquel cette partie des négociations a été confiée. Cependant le plénipotentiaire de Russie aura soin d'en connaître la marche assez à temps, pour pouvoir coopérer à l'organisation militaire du corps germanique, de manière à favoriser l'établissement du prince royal de Wurtemberg. Le second objet de cette participation aux opérations du comité serait celui de donner suite à l'idée de l'établissement de l'empire germanique, en cas que cette conception soit de nature à pouvoir se réaliser.

3. Affaires d'Italie.

Le comité, qui en est chargé, fera connaître les résultats de son travail, et, quant aux objets qui lui sont confiés, nulle démarche cumulative ne saurait avoir lieu.

La question concernant le royaume de Naples n'est pas encore parvenue au dégré de mâturité nécessaire pour devenir l'objet d'instructions positives. Elle n'est susceptible que d'abouchements préparatoires, en vertu d'une autorisation respective.

4. Iles Ioniennes.

Avant que d'entamer une discussion formelle, selon la teneur du rapport y relatif, lequel a été approuvé par S. M. l'Empereur, il est indispensable d'avoir des conférences particulières avec les plénipotentiaires d'Angleterre et de France.

5. Serviens.

Il en est de même de la négociation projetée relativement aux serviens, dont le principe et le but sont consignés dans l'exposé et le projet de note circulaire annexés à la présente instruction,

Vienne, le 3 (15) février, 1815.

Articles d'instructions pour le premier plénipotentiaire de Russie.

Сверху рукою Императора: „Approuvé“.

Bavière.

Dans les discussions qui auront lieu, à la suite du plan de reconstruction donné par la Bavière, le premier plénipotentiaire de Russie énoncera une opinion conforme aux principes et aux considérations locales et statistiques consignés dans le mémoire qui accompagne la présente instruction [1]). Le seul objet susceptible d'une modification fa-

[1]) Это записка барона Штейна.

vorable aux vœux de la cour de Munich, est la cession de Hanau à cette puissance, arrangement auquel le premier plénipotentiaire est autorisé à accéder de concert avec le cabinet prussien.

Titre.

La rédaction du traité relatif aux possessions polonaises de la Russie, de l'Autriche et de la Prusse devant prochainement s'effectuer, le premier plénipotentiaire, à l'article des titres qui reviennent aux parties contractantes du chef de leurs nouvelles acquisitions, fera insérer le titre de Czar ou roi de Pologne que S. M. l'Empereur juge nécessaire de prendre, par suite du dit traité.

Prérogatives et nationalité des sujets respectifs.

Le premier plénipotentiaire de Russie est autorisé à insister itérativement sur les clauses à insérer dans le traité en faveur des sujets polonais des trois puissances. Il renouvellera les démarches faites antérieurement, pour que le traité assure aux polonais placés sous les dominations respectives tous les égards que réclame leur nationalité.

Vienne, le 25 février (9 mars), 1815.

Благодаря уступчивости и духу примиренія, съ которыми Императоръ Александръ, не по примѣру своихъ бывшихъ союзниковъ, дѣйствовалъ во время конгреса, всѣ главныя трудности разрѣшались общимъ согласіемъ. Комитетъ пяти державъ, рѣшившій вопросы польскій и саксонскій, занялся всѣми другими вопросами, и былъ до конца настоящимъ конгресомъ.

Съ января мѣсяца собранія уполномоченныхъ восьми державъ сдѣлались весьма рѣдкими и очень мало-значащими; о нихъ совсѣмъ, подъ-конецъ, забыли и созвали только для окончательной подписи всѣхъ постановленій конгреса. Уполномоченные же другихъ, незначительныхъ, державъ оставались почти безъ дѣла, и рѣшенія частныхъ комисій, изъ нихъ составленныхъ, всегда представлялись комитету пяти державъ, для окончательнаго ихъ подтвержденія. Такимъ образомъ, рѣшились самые важные вопросы: объ основаніи новаго королевства Нидерландовъ, подъ управленіемъ Нассау — Оранжской фамиліи, и о раздѣленіи всѣхъ германскихъ земель, отнятыхъ у Франціи, которыя достались, большею частію, Пруссіи, а также Баваріи, гросъ-герцогству Баденскому и возстановленнымъ конгресомъ курфюршеству и гросъ-герцогству Гессенскимъ. Въ то время, когда комитетъ занимался общимъ строемъ всей Германіи, графъ Каподистріа составилъ замѣчательную записку о необходимости снова создать Римскую имперію подъ скипетромъ Габсбургской фамиліи.

Противъ этой записки особенно возсталъ князь Гарденбергъ, и, вслѣдствіе усилій прусскихъ уполномоченныхъ, мысль о возстановленіи Римской имперіи была окончательно отброшена. Въ послѣдніе три мѣсяца конгреса, комитетъ, составленный изъ уполномоченныхъ пяти державъ, т. е. Россіи, Австріи, Англіи, Пруссіи и Франціи, каждый вечеръ собирался у князя Меттерниха, и въ кабинетѣ послѣдняго рѣшались всѣ до тѣхъ поръ неразрѣшенные конгресомъ вопросы. Въ началѣ марта мѣсяца, по новому стилю, всѣ монархи уже готовились къ отъѣзду, поручивъ окончаніе дѣлъ своимъ министрамъ. Австрійскій дворъ продолжалъ, между тѣмъ, по прежнему, почти каждый вечеръ, принимать своихъ высокихъ гостей Такъ, 7-го марта н. ст., все высшее общество, находившееся тогда въ Вѣнѣ, приглашено было въ императорскій дворецъ, на любительскій спектакль. Давали комедію Бомарше: „Севильскій цирульникъ" и бывшій, въ то время, въ большой модѣ французскій водевиль: „Прерванный танецъ". Общество было, по обыкновенію, и многолюдное, и блестящее, но чувствовалось, что всѣ были озабочены; дипломаты и генералы шептались въ углахъ и, не смотря на всегдашній успѣхъ въ Вѣнѣ любительскихъ представленій, на комедію почти не смотрѣли, и сами любители играли, какъ будто, противъ воли. Оказалось, что утромъ, разомъ, прискакали въ Вѣну два курьера,—одинъ австрійскій изъ Флоренціи, а другой—англійскій изъ Ливорно. Оба привезли поразившую всѣхъ вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы. Послѣ этого перваго извѣстія прошло пять дней безъ всякихъ новостей. По Вѣнѣ ходили самые противорѣчивые толки; иные увѣряли, что Наполеонъ бѣжалъ въ Америку, другіе—что онъ высадился въ Италіи, а третьи—что онъ появился во Франціи. Поццо-ди-Борго увѣрялъ, что если онъ появится во Франціи, то его повѣсятъ на первомъ деревѣ, а герцогъ Дальбергъ опасался, наоборотъ, того, что онъ побѣдителемъ дойдетъ до Парижа [1]).

Меттернихъ, съ свойственнымъ ему легкомысліемъ, увѣрялъ, что онъ ничего не боится, и рѣшился не откладывать заранѣе имъ назначеннаго бала. Все вѣнское общество поспѣшило принять успокоивавшее всѣхъ приглашеніе австрійскаго перваго министра, но среди бала узнали, что Наполеонъ высадился во Франціи, между Канномъ и Антибомъ, что онъ поспѣшилъ на сѣверъ Франціи и что королевскія войска переходятъ на его сторону. Танцы внезапно остановились и въ нѣсколько минутъ домъ князя Меттерниха опустѣлъ [2]).

---

[1]) Comte de La Garde. „Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne". III, 269—273.
[2]) Тамъ же. III, 275.

ГЛАВА XV.

Тревога въ Вѣнѣ.—Императоръ Александръ предлагаетъ Разумовскому мѣсто канцлера.—Отказъ его.—Графиня Тюргеймъ.—Объявленіе, сдѣланное конгресомъ.—Новый союзный трактатъ противъ Наполеона.—Поспѣшность въ дѣлахъ.—Бутягинъ, посланный Наполеономъ и королевою Гортензіею, привозитъ Императору Александру оригиналъ тайнаго союза противъ Россіи.—Свиданіе Императора съ Меттернихомъ.—Работы конгреса.—Комитетъ пяти.—Поспѣшность работъ, споры.—Рѣшеніе главнѣйшихъ вопросовъ.—Заключительный актъ.—Отъѣздъ Императора изъ Вѣны.—Пожалованіе Разумовскаго въ княжеское достоинство.—Разумовскій въ Парижѣ.—2-ой парижскій миръ.—Разумовскій получаетъ титулъ свѣтлости.—Александръ I и г-жа Крюднеръ.—Священный союзъ.—Второй бракъ Разумовскаго.—Случайное его возведеніе въ д. т. совѣтники I-го класса.—Послѣдующая жизнь его.—Жизнь въ Италіи, въ Парижѣ и Вѣнѣ.—Постоянное разстройство дѣлъ.—Кончина свѣтлѣйшаго князя.—Его вдова—ея жизнь и кончина.

Понятна тревога, которая поднялась не только въ Вѣнѣ, но и во всей Европѣ. Императоръ Францъ горько упрекалъ Александра Павловича въ его любви къ якобинизму, благодаря которой только-что успокоенная Франція снова возмутилась. Меттернихъ напоминалъ Государю, какъ онъ противился въ Парижѣ назначенію острова Эльбы мѣстомъ изгнанія Наполеону, и какъ онъ, еще тогда, предсказывалъ, что подобное назначеніе принесётъ, весьма скоро, много горя. Александръ I благодушно выслушивалъ всѣ попрёки, и, первый заявилъ, что готовъ сейчасъ же выступить, во главѣ своихъ войскъ, на защиту Европы. Баронъ Штейнъ представилъ о необходимости, немедля, объявить, что восемь державъ, подписавшихъ парижскій миръ, будутъ всѣми силами поддерживать принятыя ими по этому договору рѣшенія. Графъ Андрей Кириловичъ, въ которомъ разгорѣлась вся прежняя ненависть его къ Наполеону, вполнѣ присоединился къ мнѣнію Штейна и тутъ же заявилъ объ этомъ въ комитетѣ уполномоченныхъ пяти великихъ державъ [1]).

Но Талейранъ настоялъ на томъ, что прежде всего необходимо покончить саксонскій вопросъ. Пруссія приняла рѣшеніе, но, кромѣ того,

[1]) Pertz. „Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein". IV, 373.

необходимо было согласіе саксонскаго короля Фридриха-Августа, котораго перевезли изъ Фридрихсфельда, гдѣ онъ былъ военноплѣннымъ, въ Пресбургъ, куда назначены были комитетомъ пяти державъ, для объясненій съ нимъ, защищавшіе его: Меттернихъ, Талейранъ и Веллингтонъ, замѣнившій Кастельри. Король ни на что не согласился и не изъявилъ даже своимъ защитникамъ ни малѣйшей благодарности. Недовольные посланные ему отвѣтили, что Пруссія всё-таки займетъ пріобрѣтенныя ею области, а что самъ король, до согласія своего, будетъ считаться военноплѣннымъ; оставшіяся же за нимъ владѣнія будутъ, во имя его, управляемы другими и переданы ему только тогда, когда онъ признаетъ всю законность постановленій вѣнскаго конгреса. Это заявленіе было столь внушительно, что вскорѣ послѣ возвращенія въ Вѣну Меттерниха, Талейрана и Веллингтона послѣдовало согласіе короля Фридриха-Августа.

Въ виду опасности, угрожавшей Европѣ, Императоръ Александръ,—хотя холодность его къ графу Нессельроду не столь уже была ощутительна,—поручилъ ему, однако, предложить графу Андрею Кирилловичу званіе государственнаго канцлера. Разумовскій былъ очень польщенъ этимъ изъявленіемъ монаршей милости, но онъ просилъ графа Нессельрода объяснить Государю, что ему невозможно сейчасъ же рѣшиться, что ему необходимо хорошо обдумать сдѣланное ему предложеніе, прежде чѣмъ дать положительный отвѣтъ. Послѣ довольно долгаго обсужденія, графъ Андрей Кирилловичъ, испуганный трудностями предлагаемой должности, чувствуя, что онъ не въ силахъ по прежнему работать, а въ то же время, опасаясь нѣсколько той измѣнчивости въ политическихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, которую онъ подмѣтилъ въ Государѣ, рѣшился окончательно отказаться отъ лестнаго для него назначенія [1]. Такъ объясняетъ отказъ Разумовскаго біографъ барона Штейна, Перцъ. Но, кромѣ этихъ двухъ причинъ, были еще двѣ другія, особенно сильно побудившія графа Разумовскаго не принять званія государственнаго канцлера. Онъ, во-первыхъ, не въ силахъ былъ разставаться на-вѣкъ съ дорогою ему Вѣною, а, во-вторыхъ, сердце его было еще, не по годамъ, молодо, и во время конгреса оно было сильно обуреваемо любовью, которая должна была, нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, оживить его опустѣлый, послѣ пожара, домъ присутствіемъ второй супруги.

Между многочисленными вѣнскими незамужними графинями (Comtessinen) особенно отличались, во время конгреса, красотою, живостью и любезностью двѣ, уже не совсѣмъ молодыя, сестры графини Тюргеймъ. Онѣ принадлежали къ старинному швабскому роду, уже

[1]) Тамъ же. IV, 373.

давно переселившемуся въ Верхнюю Австрію, гдѣ графы Тюргеймы, искони бѣ, по порядку первонаслѣдства, занимали и занимають, до нашихъ дней, должность великаго сокольничаго (Oberst-Erdland-Falkenmeister in Oesterreich ob der Enns) и обладаютъ стариннымъ замкомъ Швертбергомъ, близъ Линца. Отецъ графинь Тюргеймъ,—графъ Іосифъ-Венцель, женатъ былъ на графинѣ Штагеръ. Старшая ихъ дочь, Констанція-Доменика (въ Вѣнѣ ее называли Constantine), родившаяся въ 1785 году, особенно приглянулась нашему герою, а вторая, графиня Луиза (извѣстная въ Вѣнѣ подъ именемъ Loulou), была канонисою (chanoinesse), что позволяло ей вполнѣ наслаждаться всѣми свѣтскими удовольствіями, но обязывало её къ безбрачію, благодаря получаемой ею пребендѣ, т.-е. ежегоднымъ доходамъ отъ духовныхъ вѣдомствъ и даннымъ ею, для полученія этихъ доходовъ, обѣтамъ. При этомъ канонисы пользовались въ свѣтѣ всѣми преимуществами замужнихъ женщинъ. Графиня Лулу́, очень умная и острая, была вполнѣ хозяйкою въ домѣ Тюргеймъ. Она замѣтила, что графъ Разумовскій таетъ передъ ея сестрою, и потому рѣшила изъ нея сдѣлать или русскую государственную канцлершу, или русскую же княгиню, смотря потому, какую награду получитъ, послѣ конгреса, влюблённый графъ. Нежданное появленіе Наполеона во Франціи заставило графа Андрея Кириловича отложить свои свадебные замыслы до болѣе мирнаго времени.

Между тѣмъ, въ виду получаемыхъ изъ Франціи извѣстій, созвана была, 12-го марта, конференція уполномоченныхъ всѣхъ восьми державъ, подписавшихъ парижскій миръ. На конференціи этой князь Меттернихъ произнесъ длинную, подготовленную Генцомъ, рѣчь. Въ рѣчи этой онъ предлагалъ, въ виду бѣгства Бонапарта съ острова Эльбы и высадки его съ вооруженною силою во Франціи, всѣмъ подписавшимъ парижскій миръ государямъ публично заявить о готовности ихъ защищать какъ французскаго короля, такъ и безъизмѣнную полноту подписаннаго ими договора. Предложеніе это было единогласно принято, и тутъ же избрана комисія для составленія общей декларацій. Членомъ этой комисіи, со стороны Россіи, назначенъ былъ графъ Штакельбергъ [1]. На другой же день декларація была уже подписана, такъ какъ её заранѣе подготовилъ князь Талейранъ [2]. Въ ней было сказано, что Наполеонъ Буонапарте (sic), уничтоживъ конвенцію, по которой онъ былъ утверждёнъ владѣтелемъ острова Эльбы, и, вторгнувшись во Францію, съ цѣлью произвести смуту и переворотъ, потерялъ право на покровительство законовъ и доказалъ

---

[1]) d'Angeberg. „Le congrès de Vienne“. III, 910—911.

[2]) Thiers. „Histoire du Consulat et de l'Empire“. VI, 330.

всему міру, что съ нимъ невозможно заключать ни перемирія, ни мира. Всѣ государи Европы увѣрены, что Франція станетъ всѣми своими силами защищать законнаго короля и уничтожитъ эту попытку преступнаго безумства; но если, паче чаянія, появится какая-либо опасность, то союзные государи готовы подать не только французскому королю и народу, но и всякому другому правительству, подвергнувшемуся нападенію, необходимую помощь. Вслѣдствіе этого державы объявляютъ, что Наполеонъ „Буонапарте" поставилъ себя внѣ всякихъ отношеній гражданскихъ и общественныхъ и, какъ врагъ и нарушитель общаго спокойствія, обрёкъ себя общественному мщенію. Въ то же время державы объявили, что всячески будутъ поддерживать нерушимость парижскаго трактата и, кромѣ того, всѣ ими уже совершенныя и могущія ещё совершиться постановленія, въ пользу общаго мира, столь пламенно желаемаго всею Европою [1]). Для подкрѣпленія этого акта, Россія, Австрія, Пруссія и Англія составили въ Вѣнѣ новый союзный трактатъ, въ которомъ обязывались строго соблюдать, по случаю возвращенія Буонапарта во Францію, всѣ статьи шомонскаго трактата, и, кромѣ того, первыя три державы должны были выставить немедленно по 150 тысячъ войска, а Англія—выплатить 5 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Державы обязывались, при этомъ, не слагать оружія до окончательнаго паденія Бонапарта [2]).

Понятно, что, вслѣдствіе переворота, происшедшаго во Франціи и всеобщаго ожиданія войны, всѣ наѣхавшіе въ Вѣну гости только и думали о томъ, какъ бы скорѣе окончить свои дѣла и поскорѣе добраться—кто до дому, а кто на будущій театръ войны, который предполагался по Рейну и со стороны Бельгіи. Всѣ дѣла и переговоры на конгресѣ какъ-то внезапно опростѣли и стали гораздо легче рѣшаться. Самые спорные вопросы безапеляціонно рѣшались комитетомъ пяти уполномоченныхъ, собиравшимся каждый вечеръ у князя Меттерниха. Дипломаты всѣхъ родовъ работали неустанно, особенно Генцъ, которому приходилось составлять всѣ постановленія конгреса.

Самъ Наполеонъ, быстро достигшій Парижа и принятый съ восторгомъ своими войсками, съ лихорадочнымъ увлеченіемъ ухватился за кормило правленія и поселился въ тюйлерійскомъ дворцѣ, гдѣ всё ещё напоминало только что бѣжавшаго Людовика XVIII-го. Разбирая въ кабинетѣ стараго короля разныя забытыя бумаги, Наполеонъ нашёлъ, на письменномъ столѣ, оригиналъ тайнаго оборонительнаго союза, заключённаго 3-го января между Франціею, Англіею и Австріею противъ Россіи. Стали искать ещё, и напали на другія бу-

[1]) d'Angeberg. „Le congrès de Vienne". III. 912—913.
[2]) Тамъ же. III. 971—76.

маги, забытыя графомъ де-Блака́, первымъ министромъ короля, въ которыхъ ясно выражены были тѣ чувства непріязни, которыя питали къ Императору Александру его такъ-называемые союзники. Наполеонъ былъ въ восторгѣ; онъ ни на минуту не сомнѣвался, что ему сама судьба посылала двухъ союзниковъ въ лицѣ русскаго Императора и короля прусскаго. Наполеону казалось, что стоило только вѣрнымъ путёмъ доставить Александру Павловичу найденныя бумаги, чтобы быть увѣреннымъ, что, какъ скоро послѣдній увидитъ, какимъ недостойнымъ образомъ, обращались съ нимъ его союзники и какую тайную и безчестную крамолу они противъ него придумали, онъ первый протянетъ ему руку. Но трудно было найти вѣрный путь до Вѣны. Всѣхъ Наполеоновыхъ курьеровъ останавливали на границѣ и не пропускали далѣе. Всѣ пути были имъ уже испробованы, даже черезъ Англію, и всё съ тѣмъ же неуспѣхомъ. Отправленный Наполеономъ въ Вѣну чрезвычайнымъ посланникомъ къ тестю, графъ дё-Флаб былъ задержанъ въ Штутгардтѣ, а депеши и собственноручное письмо къ императору Францу у него отняты. На счастіе Наполеона, въ Парижѣ находилась нареченная его дочь, королева Гортенція, не мало способствовавшая къ счастливому его возвращенію въ тюйлерійскій дворецъ и принявшая, со времени возстановленія Бурбоновъ, титулъ герцогини дё Сенъ-Лё. Отъ нея онъ узналъ, какъ любезенъ и предупредителенъ былъ и къ ней, и къ покойной ея матери, императрицѣ Жозефинѣ, Императоръ Александръ, и какъ онъ явно былъ ихъ покровителемъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ. Отъ нея же онъ узналъ, какъ мало сочувствовалъ русскій Императоръ Бурбонамъ, и въ то же время, что королева находилась, благодаря ея дружбѣ съ Александромъ Павловичемъ, въ близкихъ сношеніяхъ съ русскимъ посольствомъ. Небезъизвѣстно было Наполеону и то, что Императоръ Александръ въ Вѣнѣ съ особою, всѣми замѣченною, и постоянною дружескою любезностью относился къ пасынку его, принцу Евгенію Богарнѐ. Вслѣдствіе всего этого Наполеонъ поручилъ королевѣ Гортенціи написать Императору Александру длинное и задушевное письмо, въ которомъ она описывала новыя воззрѣнія своего отчима, относительно внутренней и внѣшней политики Франціи, его миролюбивыя намѣренія и его жажду тѣснаго и прочнаго союза съ Россіею и Пруссіею. Послѣ этого краснорѣчиваго введенія въ письмѣ разсказано было, какъ попались въ руки Наполеона прилагаемые къ письму документы, ясно доказывавшіе всю негодность теперешнихъ союзниковъ Императора Александра.

Самого русскаго посла,—Поццо-ди-Борго, —въ Парижѣ не было; онъ, какъ мы видѣли, былъ вызванъ въ Вѣну, и повѣреннымъ въ дѣлахъ, въ его отсутствіе, оставался совѣтникъ посольствъ Бутягинъ, тотъ са-

мый, который пріѣзжалъ въ Вѣну къ графу Андрею Кириловичу, подъ конецъ войны 1812 года, и привёзъ ему приказаніе Императора Александра возобновить сношенія съ вѣнскимъ дворомъ. Бутягинъ былъ знакомъ съ королевою Гортенціею и нерѣдко её посѣщалъ. Къ нему она теперь обратилась съ просьбою ѣхать въ Вѣну и лично передать Императору Александру письмо и бумаги, подробно объяснивъ ему всю важность этого порученія [1]).

Бутягинъ, зная, какъ Государь отличалъ королеву, и вполнѣ увѣренный въ дружескомъ пріемѣ Разумовскаго въ Вѣнѣ, согласился принять данное ему порученіе, и немедля отправился въ путь. 8-го апрѣля пріѣхалъ онъ въ Вѣну и немедленно принятъ былъ Императоромъ Александромъ. Государь, прочитавъ бумаги, по словамъ Перца, былъ крайне раздражёнъ: онъ весь покраснѣлъ и явно былъ не въ духѣ. Но ночь, какъ видно, его успокоила. Рано утромъ онъ послалъ за барономъ Штейномъ и показалъ ему полученный имъ наканунѣ оригиналъ тайнаго трактата. При этомъ Государь сказалъ барону: „Я пригласилъ тоже къ себѣ князя Меттерниха и желаю, чтобы вы были свидѣтелемъ моего съ нимъ свиданія". Вскорѣ затѣмъ доложили о пріѣздѣ Меттерниха. Когда онъ вошёлъ и раскланялся, Императоръ передалъ ему полученную бумагу и спросилъ, узнаетъ ли онъ её? Меттернихъ промолчалъ, не измѣнившись въ лицѣ. Когда же, явно съ трудомъ, онъ собрался отвѣчать, Александръ Павловичъ перебилъ его и сказалъ: „Меттернихъ, пока мы съ вами живы, да не будетъ сказано даже одно слово по этому поводу. Теперь намъ предстоитъ иное дѣло. Наполеонъ возвратился. Союзъ нашъ долженъ быть крѣпче, чѣмъ когда-нибудь". При этихъ словахъ, Императоръ бросилъ договоръ въ топившійся возлѣ него каминъ, поклонился Штейну и Меттерниху и отпустилъ ихъ [2]).

Весьма замѣчательно, что Императоръ Александръ, не терпѣвшій Меттерниха уже со временъ пребыванія своего въ Фрейбургѣ, и не только не скрывавшій въ Вѣнѣ того презрѣнія, которое онъ къ нему питалъ, но даже переставшій его къ себѣ допускать, съ этой минуты совершенно въ отношеніяхъ къ нему измѣнился. Онъ сдѣлался ласковымъ, и съ этихъ поръ до конца своей жизни былъ къ нему благосклоненъ [3]). Не знаемъ, какъ объяснить эту всѣми замѣченную странность. Быть можетъ, тѣмъ, что присутствіе ненавистнаго Меттерниху барона Штейна при обличеніи австрійскаго канцлера показалось Александру I-му достаточнымъ наказаніемъ за предательство. Благо-

---

[1]) Thiers. „Histoire du Consulat et de l'Empire". VI, 305.

[2]) Pertz. „Das Leben des ministers Freiherrn von Stein". IV, 394—395.

[3]) Богдановичъ. „Исторія Россіи въ царствованіе Александра I-го". V, 52—53.

склонность Государя къ Меттерниху отозвалась и на вѣрномъ поклонникѣ послѣдняго, графѣ Нессельродѣ; къ нему по-прежнему стали любезны и милостивы.

Работы по конгрессу шли съ лихорадочною поспѣшностію. Было много преній, однако, относительно вопроса, необходимо ли составленіе одного главнаго акта, который былъ бы сводомъ всѣхъ постановленій конгреса. Вопросъ этотъ поднялъ въ самомъ началѣ конгреса лордъ Кастельри, настаивая на необходимости подобнаго акта. Графы Разумовскій и Каподистріа предлагали, на мѣсто акта, отдѣльныя конвенціи, какъ болѣе подходящія къ дѣлу. Но Кастельри настоялъ на своемъ мнѣніи, и рѣшено было для акта этого назначить особую редакціонную комисію. Какъ видно изъ инструкцій Государя графу Разумовскому, баронъ Анштетъ назначенъ былъ однимъ изъ директоровъ этой комисіи. Ему въ товарищи были выбраны: состоявшій при французскомъ посольствѣ г. дё-Лабезнардіеръ, и обычный составитель протоколовъ конгреса, Генцъ. Страдавшій сильными припадками подагры, баронъ Анштетъ отказался отъ этой должности; примѣру его скоро послѣдовалъ, уѣхавшій во Францію, г. дё-ла-Безнардьеръ и одинъ Генцъ остался редакторомъ главнаго акта, продолжая вести протоколы. Желая избавиться отъ непомѣрной работы, онъ подбилъ членовъ комитета снова поднять вопросъ о главномъ актѣ, противъ своевременности котораго, среди общихъ приготовленій къ неминуемой войнѣ, многіе протестовали въ Вѣнѣ, тѣмъ болѣе, что казалось невозможнымъ рѣшить нѣкоторые даже важные вопросы до начала войны. Герцогъ Велингтонъ, однако, настоятельно потребовалъ составленія главнаго акта, но онъ уѣхалъ ранѣе другихъ изъ Вѣны, такъ какъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзныхъ армій, собранныхъ въ Бельгіи и Нидерландахъ. Съ его отъѣздомъ, большинствомъ членовъ комисіи, рѣшена была ненужность главнаго акта, такъ какъ князь Меттернихъ и баронъ фонъ Вессенбергъ присоединились къ мнѣнію графовъ Разумовскаго, Каподистріи и Нессельрода, стоявшихъ за частныя конвенціи. Но противъ большинства возстали князь Талейранъ и замѣнившій герцога Велингтона, лордъ Кланкарти, причемъ послѣдній принялъ такой угрожающій тонъ, говоря отъ имени Англіи, что всѣ другіе уполномоченные, въ виду войны съ Наполеономъ и необходимости, для веденія ея, обѣщанныхъ Англіею субсидій, единогласно и окончательно постановили необходимость составленія главнаго акта. Но вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ поднятъ былъ вопросъ о необходимости внести въ этотъ актъ особою статьею общую взаимную поруку всѣхъ державъ, подпись которыхъ будетъ стоять подъ главнымъ актомъ, не только въ точномъ исполненіи всѣхъ постановленій конгреса, но

еще въ неприкосновенности всѣхъ европейскихъ державъ, великихъ и малыхъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ найдутся, при обнародованіи самаго главнаго акта. Графы Разумовскій, Каподистріа и Нессельродъ отказались даже обсуждать подобный вопросъ, а лордъ Кланкарти заявилъ, что помѣщенная въ главный актъ статья объ общей порукѣ наложила бы на Англію обязанности, которыя она не желала и даже не могла принять на себя.

Въ то время, когда спорили объ общихъ вопросахъ, частные и, какъ казалось, крайне трудные были другъ за другомъ разрѣшаемы. Австрія вошла въ согласіе съ несговорчивою Баваріею; удовлетворены были претензіи семейства Турнъ и Таксисъ; устроены сдѣлки съ медіатизированными князьями и графами; недостойная жена Наполеона получила столь долго оспариваемое герцогство Пармское, и даже проектъ германской федеративной организаціи, которымъ послѣдніе мѣсяцы вовсе не занимались, сталъ успѣшно обсуждаться съ участіемъ представителей всѣхъ германскихъ, даже самомалѣйшихъ, государствъ и вольныхъ городовъ. Уже 8-го іюня (н. стиля) подписанъ былъ актъ германской конфедераціи, состоявшій изъ 20 статей, которыя составили параграфъ LIII-й и слѣдующіе главнаго акта. Нѣкоторое недоумѣніе породилось въ комитетѣ пяти относительно подписи главнаго акта. Думали созвать на послѣднее засѣданіе конгреса всѣхъ уполномоченныхъ императорскихъ и королевскихъ дворовъ и прочитать имъ весь главный актъ, но окончательно порѣшили ограничиться подписью представителей восьми державъ, принимавшихъ участіе въ парижскомъ мирѣ [1]). 21-го мая (9-го іюня) 1815 года, подписанъ былъ главный заключительный актъ (acte final) вѣнскаго конгреса, состоящій изъ 121 статьи. Восемь оригиналовъ его были переданы дворамъ, принимавшимъ участіе въ парижскомъ мирѣ, уполномоченные которыхъ подъ нимъ подписались, а девятый былъ сданъ въ австрійскій главный архивъ, какъ памятникъ закрытаго вѣнскаго конгреса. Этотъ актъ нашъ герой подписалъ уже не какъ графъ, а какъ князь Разумовскій. Почти одновременно новопожалованный князь получилъ отъ императора Франца орденъ св. Стефана Венгерскаго, а отъ короля Фридриха-Вильгельма—высшій прусскій орденъ чёрнаго орла.

Императоръ Александръ не дождался конца конгреса; онъ покинулъ Вѣну 13-го (25-го мая) и поспѣшилъ черезъ Мюнхенъ и Штутгардтъ, гдѣ его ожидали торжественные пріемы, въ Гейдельбергъ, на-встрѣчу своимъ войскамъ. Послѣднее время его пребыванія въ Вѣнѣ было исключительно посвящено военному дѣлу и соображе-

[1]) Prokesch-Osten. Dépêches inédites de Gentz. I, 160—167.

ніямъ, куда и какъ направить остановленныя на возвратномъ походѣ русскія войска. Передъ самымъ своимъ отъѣздомъ, Императоръ подписалъ рескриптъ на имя графа Андрея Кириловича, въ силу котораго онъ былъ, „въ воздаяніе отличныхъ услугъ, оказанныхъ отечеству въ продолженіе вѣнскаго конгреса, и успѣшныхъ трудовъ, имъ понесённыхъ", пожалованъ въ княжеское Россійской Имперіи достоинство. Государь самъ поздравилъ княземъ Разумовскаго, садясь въ дорожный свой экипажъ, и пригласилъ князя Андрея Кириловича, сейчасъ же послѣ закрытія конгреса, послѣдовать за нимъ въ Гейдельбергъ, гдѣ, какъ онъ думалъ, будетъ находиться его главная военная квартира.

О своемъ пожалованіи Разумовскій извѣстилъ любимаго своего брата, графа Льва, уже изъ главной квартиры, находившейся въ Рейнъ-Цабернѣ по дорогѣ изъ Гейдельберга въ Парижъ.

„J'ai rejoint le quartier général", писалъ онъ брату отъ 28 іюня, „à peu près trois semaines après que l'Empereur eût quitté Vienne. Il a désiré que je m'y rende. Au moment de monter en voiture, il m'a donné le titre de prince. Je n'avais pas besoin de cette nouvelle marque de sa bienveillance pour me devouer à son service, tant que j'aurai la conscience de pouvoir lui être de quelque utilité. J'irai de grand cœur au devant des occasions de lui prouver mon zêle et mon attachement. Je l'ai trouvé à Heidelberg. C'est la que j'ai appris le brillant succès de notre armée du Nord, sous le grand Wellington et le brave Blücher. Les suites de cette immense victoire, dont vous saurez déjà les détails, ont été l'abdication de Bonaparte, l'établissement d'un gouvernement provisoire (jacobin) et la détermination de nous envoyer des commissaires, pour nous demander la paix. Ils n'ont pas paru jusqu'ici, et on ne les admettera, qu'apres nous êtrè assurés de la personne de Bonaparte et des bases sur lesquelles nous voulons traiter. En attendant nons avançons, et je ne pense pas que nous trouvions de la résistance nulle part. Je n'ai pas eu le temps plus tôt de vous écrire; ce sera de Paris que je vous donnerai de mes nouvelles [1]".

Въ Лудвигсбургѣ, близъ Штутгардта, Александръ Павловичъ съѣхался съ императоромъ Францемъ, спѣшившимъ тоже къ своей арміи.

Узнавъ въ Гейдельбергѣ о побѣдѣ при Ватерлоо, Императоръ Александръ переѣхалъ въ Мангеймъ, а войска русскія и австрійскія перешли черезъ Рейнъ и пошли по направленію къ Парижу. Изъ Мангейма Государь переѣхалъ, вмѣстѣ съ императоромъ Францемъ, въ Гагенау, гдѣ они узнали о томъ, что въ Парижѣ учреждено временное правительство, что Наполеонъ бѣжалъ въ Рошфоръ и что

[1]) Архивъ покойнаго графа А. С. Уварова.

новое правительство отправило уполномоченныхъ для переговоровъ съ союзными монархами. Императоръ Александръ отправилъ навстрѣчу уполномоченныхъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, которому они должны были передать намѣренія ихъ правительства остановиться и ждать отвѣта въ Реймсѣ, не являясь сами въ союзный лагерь. Уполномоченные разъѣхались съ Шуваловымъ и нежданно прибыли въ Гагенау. Во главѣ французской депутаціи стоялъ знаменитый генералъ де-Лафайетъ. Для переговоровъ съ уполномоченными были назначены комисары, въ числѣ которыхъ находился братъ лорда Кастельри, лордъ Стюартъ, поразившій всѣхъ, какъ союзниковъ своихъ, такъ и французовъ, своею дерзостью. Переговоры окончились ничѣмъ, и недовольные уполномоченные принуждены были безъ отвѣта вернуться въ Парижъ. Союзные монархи ускорили маршъ своихъ армій черезъ Нанси и Вуа́ на Парижъ. Около Сенъ-Дизье они узнали о вступленіи въ Парижъ англійской и прусской армій, и въ то же время прибылъ на главную квартиру союзныхъ государей король прусскій. Сюда же явился, находившійся при Людовикѣ XVIII, русскій посолъ Поццо-ди-Борго, отправленный на-встрѣчу къ Императору Александру герцогомъ Велингтономъ. Войска быстро подходили къ Парижу, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, и, чтобы скорѣе прибыть въ столицу, 27-го іюня ст. ст., оба императора покинули свои арміи и, сѣвъ въ дорожные экипажи, отправились туда на почтовыхъ лошадяхъ. На другой день Императоръ Александръ прибылъ въ Парижъ и остановился на Елисейскихъ Поляхъ, въ дворцѣ Элизѐ, только-что превращенномъ, снова изъ Элизѐ-Наполеонъ въ Элизѐ-Бурбонъ. Въ свитѣ Александра Павловича находились, между прочими, графъ Нессельродъ, графъ Каподистріа и князь Андрей Кириловичъ Разумовскій.

Императоръ Александръ прибылъ во второй разъ въ столицу Франціи въ дурномъ настроеніи духа. Быстрая расправа съ Наполеономъ и возвращеніе Людовика XVIII-го было дѣломъ герцога Велингтона, дѣйствовавшаго совершенно самостоятельно, не испрашивая совѣтовъ или разрѣшеній ни отъ кого. Онъ довольствовался только извѣщеніями о случившемся, какъ полноправный предводитель войскъ, забывая о близко къ нему находившихся союзныхъ монархахъ и ихъ многочисленныхъ арміяхъ. Свергнуть Наполеона, войти въ переговоры съ временнымъ правительствомъ и перевезти за собою короля Людовика XVIII-го изъ Гента въ Парижъ, не посовѣтовавшись съ союзными государями, спѣшившими, во главѣ своихъ армій, на помощь англичанамъ и пруссакамъ, показалось Александру Павловичу, по малой мѣрѣ, страннымъ и не могло не подѣйствовать на настроеніе его духа. Самъ Велингтонъ чувствовалъ неловкость своего

положенія и просилъ Поццо-ди-Борго объяснить русскому Императору особенность неожиданныхъ обстоятельствъ, необходимость спѣшить второю реставраціею и трудность, даже теперь, ладить съ непомѣрными требованіями и грубостями Блюхера и занявшихъ, подъ его командою, Парижъ пруссаковъ.

Александръ Павловичъ не любилъ Бурбоновъ и не желалъ ихъ возвращенія. Изъ всѣхъ вернувшихся одновременно съ Людовикомъ XVIII-мъ французскихъ принцевъ ему болѣе всѣхъ нравился герцогъ Орлеанскій [1]), и онъ не разъ думалъ и даже говорилъ съ близкими ему людьми, что онъ больше другихъ былъ способенъ занять освобожденный окончательнымъ паденіемъ Наполеона французскій престолъ. Но о немъ думать теперь было невозможно. Союзные монархи выступили противъ Наполеона во имя законности, и все время отъ самой Вѣны признавали Людовика XVIII-го единственнымъ владыкою Франціи.

Александръ Павловичъ, пріѣхавъ въ Парижъ, не забывалъ, что, узнавъ о появленіи Наполеона во Франціи, и онъ, и его союзники объявили войну ему только, а не Франціи, и поэтому не могъ хладнокровно смотрѣть на то, какъ Австрія, а особенно близкая ему, по дружбѣ съ ея королемъ, Пруссія, всячески старались ослабить Францію и отнять въ свою пользу значительную часть ея владѣній. Обѣ державы точно забыли о всѣхъ тѣхъ захватахъ, которые имъ удалось сдѣлать во время вѣнскаго конгреса. Съ перваго же дня своего пріѣзда въ Парижъ, Александръ Павловичъ сталъ защитникомъ и покровителемъ Франціи, а король Людовикъ XVIII-й, отложивъ въ сторону всѣ свои бывшія замашки, относительно своего величія и первенства передъ другими монархами, первый явился къ русскому Императору, моля о помощи. Положеніе герцога Велингтона и лорда Кастельри въ Парижѣ было довольно странное. Они были крайне умѣренны въ отношеніи къ Франціи, не смотря на то, что въ Англіи огромное большинство требовало совершеннаго ея ослабленія, и только небольшой кружокъ истинно просвѣщенныхъ людей нѣсколько поддерживалъ ихъ и въ общественномъ мнѣніи, и въ парламентѣ [2]). Императоръ Александръ сейчасъ же замѣтилъ это, и поэтому, забывъ очень скоро невольное свое недовольство, сталъ оказывать особенное вниманіе какъ герцогу Велингтону, такъ и состоявшему подъ его командою англійскому войску. Изъ всѣхъ лицъ, сопровождавшихъ Александра Павловича въ Парижъ, болѣе всѣхъ сталъ выдаваться графъ Каподистріа; съ нимъ однимъ Го-

---

[1]) Будущій король французовъ, Людовикъ-Филиппъ.

[2]) Prokesch-Osten. Dépêches inédites du chev. de Gentz. I, 172.

сударь работалъ и ему поручалъ всѣ самые важные переговоры. Сначала всѣ думали, что болѣе другихъ будетъ имѣть вліяніе Поццо-ди-Борго, хорошо знавшій и Францію, и королевскій дворъ, и пользовавшійся большою силою во время перваго пребыванія Императора Александра въ Парижѣ. Даже въ Вѣнѣ ему было выказываемо видимое отъ Государя предпочтеніе. Но Поццо-ди-Борго былъ слишкомъ необузданъ и горячъ, чтобы долго удержаться въ царской милости. Хотя Императоръ пригласилъ съ собою въ Парижъ князя Разумовскаго, однако онъ на него невольно взиралъ, какъ на нѣсколько устарѣлое дипломатическое орудіе, не могшее слѣдить за ходомъ его мыслей и которое, въ сущности, ему нѣсколько надоѣдало. Графа же Нессельрода Александръ Павловичъ держалъ при себѣ только по старому чувству дружбы, которое давно уже породили доброта и мягкость его характера. На этотъ разъ въ Парижѣ, изъ мужчинъ, одинъ графъ Каподистріа не только сохранилъ все вліяніе, но сдѣлался еще любимымъ статсъ-секретаремъ, довѣреннымъ совѣтникомъ и, можно сказать, другомъ Императора. Совершенное его безкорыстіе въ денежныхъ и служебныхъ отношеніяхъ, всегдашняя скромность, воздержанность и большая откровенность, ловко соединенная съ чувствомъ повиновенія, съ каждымъ днемъ укрѣпляли и увеличивали его вліяніе на Александра Павловича [1]).

Требованія Пруссіи и Австріи были по истинѣ невозможны. Блюхеръ началъ съ того, что намѣревался стянуть съ Парижа баснословную денежную контрибуцію и, кромѣ того, хотѣлъ еще взорвать Іенскій мостъ. Императоръ Александръ умѣрилъ требованія прусскаго фельдмаршала, и спасъ мостъ, который назвалъ: „Инвалиднымъ". Не входя въ подробности требованій Пруссіи и Австріи, мы скажемъ только, что графъ Каподистріа подалъ въ совѣтъ министровъ союзныхъ державъ меморандумъ, который онъ составилъ вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ и почти подъ его диктовку. Меморандумъ этотъ сильно возставалъ противъ системы союзныхъ державъ. Онъ доказывалъ, что минувшая война имѣла цѣлью не порабощеніе Франціи, а ея освобожденіе отъ Наполеонова ига и, кромѣ того, полное обезпеченіе условій парижскаго мира. Союзные же монархи сами объявили, что они ополчились не противъ Франціи, а противъ Наполеона, и потому не имѣли права поступать съ Франціею какъ съ завоеванною страною, нарушая такимъ образомъ именно тотъ миръ, для защиты котораго они вооружались. Во всё время Наполеонова нашествія союзныя державы признавали Людовика XVIII-го законнымъ королемъ, и поэтому они обязаны были, по возвращеніи его въ Па-

---

[1]) Тамъ же. I, 203.

рижъ, всячески подкрѣплять его, а не ослаблять. Вслѣдствіе всего вышесказаннаго, меморандумъ предлагалъ: объявить Бонапарта и весь его родъ лишенными правъ на престолъ Франціи, принять въ разсчетъ время, нужное сосѣднимъ съ Франціей государствамъ, для укрѣпленія своихъ границъ и, по добровольному согласію французскаго правительства, оставить на это время союзныя войска во Франціи, для упроченія законнаго правительства. Союзники, по меморандуму, имѣли право требовать отъ Франціи, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ, нѣкоторой контрибуцій, разумѣется, далеко не такой, какъ та, о которой мечталъ Блюхеръ [1]).

Въ первыхъ переговорахъ относительно второго парижскаго договора князь Андрей Кириловичъ дѣятельнаго участія не принималъ; всё дѣлалось по согласію Александра Павловича съ Каподистріею, а подписывалось только графомъ Нессельродомъ. Но когда, послѣ долгихъ переговоровъ, дѣло дошло до окончательнаго составленія новаго договора, Императоръ Александръ назначилъ уполномоченными со стороны Россіи князя Разумовскаго и графа Каподистрію. Въ нотѣ отъ 8-го (20-го) сентября, адресованной князю Талейрану, снова призванному королемъ Людовикомъ во главу министерства, уполномоченные союзныхъ державъ, извѣщая о своемъ назначеніи, просили его увѣдомить, кого назначитъ король уполномоченными со стороны Франціи. Нота эта, подписанная княземъ Андреемъ Кириловичемъ и графомъ Каподистріею, указывала на то, что императоръ австрійскій назначилъ уполномоченными: князей Меттерниха и Шварценберга, Императоръ всероссійскій—князя Разумовскаго и графа Каподистрію, король англійскій—виконта Кастельри и герцога Велингтона, а король прусскій—князя Гарденберга и барона Гумбольдта. Въ отвѣтъ на эту ноту, король Людовикъ назначилъ для мирныхъ переговоровъ князя Талейрана, герцога Дальберга и барона Луи [2]).

Между уполномоченными начались засѣданія. Князя Разумовскаго и графа Каподистрію поддерживали лордъ Кастельри и герцогъ Велингтонъ, вполнѣ раздѣлявшіе образъ мыслей Императора Александра, проповѣдовавшаго союзникамъ, устами своихъ уполномоченныхъ, ту щедрость и умѣренность, которыми они ознаменовали себя во время составленія перваго парижскаго договора. Во время переговоровъ объ окончательномъ мирѣ, въ которомъ, какъ видно изъ протоколовъ засѣданій, герой нашъ принималъ живое участіе, произошла новая перемѣна во французскомъ министерствѣ.

---

1) d'Angeberg. „Le congrès de Vienne et les traités de 1815". IV, 1470—1476.
2) Тамъ же. IV, 1522 и 1528.

Императоръ Александръ забылъ предательство князя Меттерниха и простилъ ему, зная, что, во всемъ дѣлѣ тайнаго союза противъ Россіи, онъ былъ только орудіемъ князя Талейрана. Послѣднему Александръ Павловичъ не могъ простить, и не простилъ. Между союзными государями онъ былъ единственнымъ защитникомъ и доброжелателемъ Франціи и, не смотря на это, выказывалъ постоянно полную холодность къ главѣ тогдашняго министерства, Талейрану. Людовикъ XVIII не могъ этого не замѣтить. Талейрану удалось, въ Гентѣ, куда онъ поспѣшилъ поѣхать изъ Вѣны, захватить въ руки всю власть при французскомъ дворѣ, но король Людовикъ, ненавидѣвшій его въ глубинѣ своей души, не безъ удовольствія удалилъ его отъ себя. На мѣсто князя Талейрана первымъ министромъ былъ назначенъ бывшій новороссійскій генералъ-губернаторъ,—герцогъ Эмануилъ де Ришельё, глубоко преданный Императору Александру и оставившій самыя лучшія воспоминанія въ своемъ второмъ отечествѣ. Назначеніе это было яснымъ знакомъ преобладающаго вліянія Государя во Франціи. Кромѣ смѣны Талейрана, не мало напугала еще всѣхъ недоброжелателей Россіи молва, прошедшая по всему Парижу, о назначеніи министромъ полиціи, русскаго посла при французскомъ дворѣ, Поццо-ди-Борго. „Правда", писалъ Генцъ къ молдавскому господарю, „къ нему безпрестанно обращалось за совѣтами французское правительство и даже нерѣдко прямо пользовалось его умѣлостью въ особенно важныхъ дѣлахъ; правда и то, что ему назначалось мѣсто, съ полнаго согласія Императора Александра. Способности и даже геній Поццо-ди-Борго несомнѣнны, но слухъ о томъ, что русскій посолъ въ Парижѣ, пользующійся полнымъ довѣріемъ русскаго Императора, назначается членомъ французскаго министерства, не могъ не вызвать мысли, что подобное назначеніе есть дѣло иностранной интриги. Вотъ отъ чего назначеніе не состоялось, и на мѣсто Поццо-ди-Борго министромъ полиціи назначенъ, оказавшійся никуда не пригоднымъ Деказъ [1])".

Между тѣмъ, Императоръ Александръ отправился изъ Парижа въ Вертю на смотръ своей арміи, которая вся была собрана тамъ, за исключеніемъ корпуса графа Ланжерона, занятаго блокадою французскихъ крѣпостей. Въ годовщину Бородинской битвы, Александръ Павловичъ сдѣлалъ смотръ всему собранному войску, а черезъ два дня прибыли въ Вертю: императоръ австрійскій, король прусскій, наслѣдные принцы: австрійскій, прусскій и вюртембергскій, принцъ Леопольдъ кобургскій, князь Шварценбергъ, герцогъ Велингтонъ, князь Вреде и много другихъ именитыхъ генераловъ, въ числѣ коихъ было нѣсколько

[1]) Prokesch-Osten. Dépêches inédites de Gentz. I, 180—181.

французовъ. Въ честь этихъ гостей произошли разныя военныя торжества, о которыхъ говорила вся Европа, удивляясь и завидуя военному могуществу Россіи. 1-го (13-го) сентября Императоръ Александръ возвратился въ Парижъ, гдѣ провелъ еще двѣ недѣли, совершенно уединенно, не посѣщая никого, кромѣ извѣстной баронессы Крюденеръ, рожденной Фитенгофъ.

„Люди, хорошо знавшіе Императора Александра", сообщалъ Катарджѣ Генцъ отъ 2-го (16-го) января 1816 года, „уже нѣсколько лѣтъ замѣтили въ нёмъ наклонность къ религіознымъ мыслямъ и даже къ мистицизму. Прошлою зимою, среди бурь и разсѣянности конгреса, эта наклонность проявилась ещё замѣтнѣе въ частныхъ его разговорахъ и даже въ нѣкоторыхъ изъ его записокъ. На это не обратили тогда, однако, особаго вниманія. При началѣ послѣдней войны, онъ встрѣтился въ Гейдельбергѣ съ лифляндкою, баронессою фонъ-Крюденеръ, вдовою русскаго дипломата, умершаго въ Берлинѣ въ 1802 г. въ званіи русскаго министра. Госпожа Крюденеръ (стара и очень дурна собою)—женщина замѣчательно умная, имѣетъ много свѣденій и обладаетъ довольно замѣчательнымъ талантомъ, какъ писательница, талантомъ, имѣющимъ, однако, странный и романтическій характеръ; при этомъ она восторженна до фанатизма, а часто и до сумасшествія. Императоръ съ ней познакомился въ 1814 г. въ Швейцаріи, на возвратномъ своемъ пути изъ Парижа въ Россію. Встрѣтивъ баронессу въ Гейдельбергѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1815 г., онъ пригласилъ её ѣхать въ Парижъ. Во время своего послѣдняго тамъ пребыванія, онъ, какъ оказалось, весь отдался, съ одной стороны, дѣламъ, а съ другой—госпожѣ Крюденеръ. Его уже ни у кого не видали; его обычная любезность совсѣмъ исчезла; самыя красивыя и обольстительныя женщины не имѣли на него вліянія: онъ оставался къ нимъ холоднымъ и даже избѣгалъ ихъ. Всё время, которое не было посвящено серьёзнымъ вопросамъ политики, было отдано г-жѣ Крюденеръ, и Императоръ проводилъ съ нею время въ тайныхъ бесѣдахъ, въ богословскихъ преніяхъ, а часто (какъ она сама разсказывала)—въ разныхъ духовныхъ занятіяхъ и молитвахъ. Съ нею онъ придумалъ тотъ актъ, который онъ назвалъ святымъ союзомъ и который, въ сущности, есть основанный на вѣрѣ договоръ о соблюденіи вѣчнаго мира и вѣчнаго братства между союзными государями. Секретнѣйшій договоръ этотъ Императоръ Александръ сочинилъ и написалъ 15-го (16-го) сентября 1815 года. Онъ не подписанъ никакимъ министромъ. Когда онъ предложилъ эту странную конвенцію своимъ союзникамъ, они были крайне удивлены и не знали, что̀ отвѣчать. Актъ такого рода, не подписанный никакимъ министромъ, казался имъ крайнею аномаліею, и они опасались скандала, который могъ

рано или поздно возбудить, въ сущности, совершенно религіозный актъ, подписанный одновременно православнымъ царемъ, католическимъ императоромъ и протестантскимъ королемъ. Но Императоръ Александръ такъ усердно и горячо ихъ уговаривалъ, что у нихъ не хватило храбрости ему отказать, и они подписали договоръ, послѣ нѣсколькихъ, однако, поправокъ, настоятельно потребованныхъ императоромъ австрійскимъ [1])".

Текстъ святого союза, переведенный на русскій языкъ и вычеканенный на бронзовыхъ доскахъ, по приказанію Императора Александра, былъ повѣшенъ на стѣнахъ соборнаго храма ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новымъ Іерусалимомъ именуемаго, монастыря, гдѣ онъ виситъ и до сихъ поръ [2]).

Какъ ни страненъ былъ этотъ союзъ, но всё же онъ руководилъ около полустолѣтія политикою Европы и даровалъ ей долгій промежутокъ мира и спокойствія.

Закончивъ дѣло примиренія, Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Парижа 13-го (25-го) сентября и, черезъ Брюссель, воротился опять во Францію, въ Дижонъ, гдѣ императоръ Францъ произвелъ смотръ своимъ войскамъ, въ подражаніе того, что происходило въ Вертю. Изъ Дижона Александръ Павловичъ проѣхалъ въ Швейцарію, въ Богеміи заѣзжалъ къ князю Шварценбергу и, наконецъ, въ началѣ октября, прибылъ въ Берлинъ, гдѣ провозглашено было будущее бракосочетаніе Великаго Князя Николая Павловича съ принцессою Шарлотою, дочерью короля Фридриха-Вильгельма III. Въ концѣ октября Государь выѣхалъ изъ Берлина въ Варшаву.

Графъ Нессельродъ уѣхалъ изъ Парижа вмѣстѣ съ Императоромъ. Посломъ въ Парижѣ по прежнему остался Поццо-ди-Борго, а уполномоченными для переговоровъ и подписанія окончательнаго мира—князь Разумовскій и графъ Каподистріа.

Еще до отъѣзда Императора Александра, на засѣданіи 21-го 3-го) октября, уполномоченные окончательно рѣшили тѣ основанія, которыя должны были служить для заключенія второго парижскаго мира. Франція должна была заплатить союзнымъ державамъ 700 миліоновъ франковъ и 150 тысячъ въ продолженіе 5 лѣтъ; союзныя войска должны были составлять военную цѣпь на сѣверо-востокѣ Франціи, но черезъ три года, если бы положеніе королевства было

---

[1]) Тамъ же. I, 215—217.

[2]) Воскресенскій монастырь (Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда) долго служилъ какъ бы лѣтописью рода Романовыхъ. Всѣ замѣчательныя событія, со временъ Царя Ѳеодора Алексѣевича, отмѣчались созданіемъ новыхъ придѣловъ. Послѣдній придѣлъ былъ воздвигнутъ въ воспоминаніе рожденія въ Бозѣ почивающаго Государя Наслѣдника—Цесаревича Николая Александровича.

вполнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, удовлетворительно, пятилѣтній срокъ предполагалось сократить. 1-го (13-го) октября, послѣ отъѣзда Александра Павловича, уполномоченные переговаривались касательно уплаты, которую должна была сдѣлать союзнымъ государямъ Франція за прошлую войну, а также содержанія союзной арміи, имѣющей въ ней остаться. Въ засѣданіи 10-го (22-го) октября рѣшено было, что герцогъ Велингтонъ назначается главнокомандующимъ остающейся во Франціи союзной арміи, а 22-го октября (4-го) ноября постановили, что, въ виду измѣненій, которыя войдутъ во второй парижскій трактатъ противъ перваго, не прежде приступать къ подписанію и обмѣнамъ имѣющаго состояться второго парижскаго трактата, какъ послѣ общаго пріема и размѣна ратификацій генеральнаго и окончательнаго акта Вѣнскаго конгреса; 4-го (16-го) ноября прочтёнъ былъ, въ торжественномъ засѣданіи конференціи восьми уполномоченныхъ, герцогомъ Ришельё окончательный проектъ второго парижскаго трактата, а 8-го (20-го) тѣ же уполномоченные собрались вечеромъ у герцога и подписали его. Пять дней позднѣе, тѣми же уполномоченными, за исключеніемъ представителей Франціи, заключенъ и подписанъ между Россіею, Пруссіею, Австріею и Англіею новый союзный трактатъ, укрѣплявшій прежніе шомонскій и вѣнскій союзъ и служившій порукою общему миру [1]).

Объ окончательномъ заключеніи второго парижскаго трактата Императоръ Александръ Павловичъ узналъ въ Ригѣ, на пути изъ Варшавы въ Петербургъ, и немедля удостоилъ князя Андрея Кириловича слѣдующимъ рескриптомъ, отъ 29-го ноября:

„Князь Андрей Кириловичъ, желая вознаградить отличныя ваши заслуги и труды, понесенные вами на пользу отечества въ качествѣ перваго полномоченнаго при заключеніи настоящаго мира съ Франціею, пожаловалъ я вамъ титулъ „свѣтлости", о чемъ данъ отъ меня указъ правительствующему сенату, 28-го дня сего мѣсяца. Нынѣ же, по окончаніи вами столь важнаго дѣла, соглашаюсь я на возвращеніе ваше въ Вѣну, въ полномъ увѣреніи, что, когда обстоятельства востребуютъ вашего содѣйствія, вы не откажете мнѣ подать новые опыты вашего усердія и употребить на пользу службы опытность, пріобрѣтенную вами долговременнымъ и ревностнымъ вашимъ служеніемъ. Пребываю вамъ благосклонный Александръ" [2]).

Въ то же время князь Андрей Кириловичъ получилъ отъ графа Нессельрода слѣдующее поздравительное письмо:

„М. Г. князь Андрей Кириловичъ. Въ день прибытія Государя

[1]) d'Angeberg. „Le congrès de Vienne et les traités de 1815". IV, 1520—1638.
[2]) Изъ архива князя Разумовскаго.

Императора въ Ригу, имѣлъ я счастье поднести Е. И. В. донесеніе ваше, сопровождавшее всѣ постановленія, подписанныя вашимъ сіятельствомъ (sic), какъ съ французскимъ дворомъ, такъ и съ прочими союзными державами. Е. И. В., узря изъ оныхъ успѣшные труды, подъятые вами на пользу отечества, и желая подать вамъ, милостивый государь, новый опытъ особеннаго къ вамъ благоволенія, того же числа указомъ, даннымъ правительствующему сенату и съ коего имѣю честь препроводить при семъ копію, всемилостивѣйше изволили пожаловать вашему сіятельству титулъ свѣтлости.

„Принося вашей свѣтлости искреннѣйшее мое поздравленіе съ сею новою и отличною степенью достоинства, на которое возведены вы Е. И. В. и которое останется всегдашнимъ памятникомъ знаменитыхъ услугъ, оказанныхъ отечеству въ столь блистательную для Россіи эпоху, честь имѣю приложить Высочайшій на имя вашей свѣтлости рескриптъ, пребывая съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью, м. г., вашей свѣтлости, покорный слуга графъ Нессельродъ".

Окончивъ всѣ дѣла въ Парижѣ, уже въ декабрѣ мѣсяцѣ 1815 г., отправился свѣтлѣйшій князь Андрей Кириловичъ въ Вѣну, гдѣ нетерпѣливо ожидала его невѣста, графиня Тюргеймъ. Графинѣ Константинѣ было уже тридцать лѣтъ отъ роду; „жениху ея уже минуло въ то время 63 года. Свадьба была отпразднована 16-го февраля 1816 года, и графъ Левъ Кириловичъ поздравилъ брата слѣдующимъ письмомъ, писаннымъ изъ Петербурга, отъ 15-го марта того же года.

„J'ai reçu, mon cher et bon ami, depuis mon arrivée ici, deux lettres bien intéressantes: l'une de Paris, où vous me parlez de vos projets de mariage, et l'autre de Vienne, où vous me l'annoncez comme une chose bien décidée et qui doit s'effectuer le lendemain. A la première de ces lettres il m'a été impossible de répondre aussitôt que mon cœur m'y eut porté. Accoutumé à une vie extrêmement tranquille et sédentaire à Moscou, les premières semaines de mon séjour ici m'enivrent et m'étourdissent. Je me suis beaucoup reproché de n'avoir pas, sur le champ, répondu au moins quelques mots à la seconde; mais, en vérité, cher ami, quelques lignes, écrites à la hâte, ne satisferaient pas mon cœur. Je me promettais un peu de loisir. On m'avait parlé d'un courrier. Sur ces entrefaites est survenue l'opération de ma sœur Elisabeth [1]); j'y allai deux fois par jour et c'est au bout du monde. J'ai été averti du courrier quelques heures avant son départ. Le loisir n'est pas venu, l'occasion a manqué, et me voilà avec les apparences d'un tort, qu'en vérité, je suis bien loin d'avoir. J'avais entendu annoncer

---

[1]) Графиня Елизавета Кириловна Апраксина страдала въ то время глазами.

votre mariage, comme fait, à Moscou; j'ai sur le champ écrit à ma sœur Zagriajsky, pour lui en demander des nouvelles. Comme elle n'en avait aucune, que l'on vous assurait marié à Vienne, et que je vous savais à Paris, j'ai dû conclure, jusqu'au moment de mon arrivée ici, qu'il n'en était rien. Vos lettres ont fixé mes doutes et éveillé les affectueuses sollicitudes de l'intérêt et de l'amitié les plus tendres, dans un événement aussi décisif pour votre repos et votre bonheur. L'âge et l'expérience nous ont appris ce qui couvient au nôtre, et je pouvais présumer d'avance, que vous ne vous détermineriez, qu'après y avoir mûrement réfléchi. Je suis bien enchanté d'apprendre, et d'une manière si positive, que ce, qui pouvait n'être qu'apperçus et données, sont des certitudes. A un certain âge, l'enjeu, qu'on met dans la loterie du bonheur, est si conséquent, que l'on ne peut rien risquer. Je puis donc, mon bien cher et bon ami, me livrer avec sécurité, d'après ce que vous me dites et ce que dit tout le monde, à l'idée de vous voir satisfait et heureux. Personne, vous le savez, n'a acquis plus que moi la douce expérience d'une félicité domestique depuis plus de 15 ans. Elle peut et doit avoir changé de caractère, mais sûrement pas à son détriment. Puisse le ciel, mon cher ami, vous accorder, comme je n'en doute pas, le même bien. C'est le vœu bien ardent et bien sincère du plus tendre de vos amis. Faites que votre compagne m'aime. Dites lui, que, sans la connaître, je l'aime déjà de tout mon cœur. Ne lui dites pas tout le bien, que vous pensez de moi, parce qu'en vérité la prévention vous aveugle; mais dites lui que je suis simple et vrai, que mes expressions rendent faiblement mes sentiments et mes pensées, qu'elles restent souvent en-deça de la vérité et ne vont jamais au-delà.

„Je vous dirai maintenant quelques mots de moi. Je suis ici depuis le nouvel an; j'y suis venu, parce que ma famme ne pouvait pas se résoudre à rentrer dans ma maison de ville, après la perte, qu'elle y avait faite, et, malgré les réparations que j'ai faites à Petrovsky, cela ne peut jamais être qu'une maison d'automne. De plus mes sœurs étaient: l'une aveugle, l'autre impotante. Toutes ces considérations m'ont déterminé, et il en faut d'aussi puissantes, pour me décider à venir, à peu près tous les deux ans, passer quelques mois ici. Si mes sœurs étaient à Moscou, aucun motif ne m'attirerait à Pétersbourg. Ma sœur Zagriajsky a toujours beaucoup de difficulté à marcher. Cependant le médecin espère qu'elle marchera et, peut-être eût-elle marché plus tôt, si elle avait mis plus de persistence dans les remèdes qu'on lui prescrit, tels que des bains, dont elle s'est rebûtée, parce que les effets n'ont pas été aussi prompts, qu'elle l'aurait désiré. C'est au moins ce que dit le médecin et ce que l'on ne peut pas trop lui

dire. Ma sœur Elisabeth, après son opération, nous a donné les plus vives inquiétudes, et il y a eu des moments, où son opérateur a désespéré presque de sa vue. Cependant, depuis quelque temps, cela va de mieux-en-mieux, et la dernière fois qu'on lui à découvert, pour un moment, son oeil, elle a vu. Le docteur est content et répond du succès.

„Notre doyen [1]), depuis que je suis ici, n'a presque pas quitté sa chambre, et le commencement de sa réclusion a été, en effet, nécessité par un refroidissement. Je crois qu'il ne tardera pas de se retirer du service et des affaires et, quant à moi, je conçois bien plus aisément sa sortie, que son entrée. Je l'ai trouvé excéssivement vieilli au premier coup d'oeil, parce qu'il a perdu toutes les dents de la mâchoire supérieure. A présent que je m'y suis habitué, je le trouve à cela près, lui-même.

„Pierre [2]) devient énorme, son ventre est une montagne. Il paraît que sa nouvelle existence à la cour ne l'ennuit pas, mais sûrement cela ne tardera pas d'arriver. Notre don Juan [3]), avec ses deux femmes, est toujours ici. Son procès ne tardera pas, je crois, à se décider. Je suis presque le seul de la famille qu'il voit et, quoi qu'il n'y eût aucun point de contact entre nous, je m'y crois obligé. Si tous les gens bienpensants abandonnaient ceux qui ne le sont pas, à quoi seraient-ils réduits? Je ne vois aucune de ses femmes“ [4]).

Новобрачную стали называть по-русски: свѣтлѣйшею княгинею Константиною Іосифовною, и князь Андрей Кириловичъ зажилъ новою жизнью. Благодаря щедрости Государя, погорѣвшій домъ снова былъ обстроенъ и, вслѣдствіе этого, данный взаймы капиталъ скоро растраченъ. Разумовскіе снова зажили открытымъ домомъ, а лѣто проводили на водахъ, то въ Баденѣ, близъ Вѣны, то въ Эгрѣ и Франценсбаденѣ. Лѣто 1817 г. проведено было въ Эгрѣ, и, какъ видно, князь Разумовскій, всегда бывшій англоманомъ, продолжалъ ежедневно ѣздить верхомъ. Въ Эгрѣ съ нимъ, однако, приключилось несчастіе. „Вы вѣрно знаете“, писалъ къ графу С. Р. Воронцову графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, отъ 30-го августа 1817 года, изъ Эмса, „что князь Андрей Разумовскій сломалъ себѣ ногу въ Эгрѣ, стараясь поймать лошадь, которая свалила его жокея, и тѣмъ доказалъ, что легче быть счастливымъ на конгресѣ, чѣмъ на куцой лошади“ [5]).

Между тѣмъ дѣла князя Андрея Кириловича шли крайне плохо.

---

[1]) Графъ Алексѣй Кириловичъ.

[2]) Графъ Петръ Кириловичъ, только-что пожалованный въ оберъ-камергеры.

[3]) Графъ Григорій Кириловичъ.

[4]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[5]) Архивъ князя Воронцова. VIII. 332.

Ими до 1818 года, какъ видно изъ его бумагъ, занимался старый его сослуживецъ, Эмилій Кудрявскій, но съ этого года составленъ былъ, вѣроятно по желанію сестры княгини Константины Іосифовны, графини Лулу Тюргеймъ, семейный совѣтъ, и управленіе дѣлами приняли на себя графъ фонъ-Пергенъ и нѣкто г. фонъ-Жаель (Jaël). Князь Разумовскій, очень подружившійся въ Вѣнѣ и Парижѣ съ графомъ Каподистріею, велъ съ нимъ дѣятельную переписку, которая, къ сожалѣнію, до насъ не дошла. Но изъ длиннаго дѣла о долгахъ князя Андрея, сохранившагося въ государственномъ архивѣ, видно, что Разумовскій не скрывалъ отъ графа Каподистріи въ какомъ затруднительномъ состояніи онъ находился, и, по совѣту друга, обѣщавшаго поддержать его обращеніе къ государевой милости, рѣшился, еще страдая отъ перелома ноги, написать Императору Александру слѣдующее прошеніе, изъ Франценсбруна, помѣченное 22-мъ февраля 1817 года:

„Sire, votre cœur généreux accueille toujours avec bonté les accents de l'infortune et de la douleur. C'est sous le poids de ces sentiments pénibles, que j'ose m'adresser à V. M. I. Ma situation, devenant de jour en jour plus accablante, ne me présente dans l'avenir d'un âge avancé, que ruine et misère, sans le secours tutélaire de votre magnanimité. Retenu, cependant, par la crainte d'en abuser, j'eusse hésité, peut-être encore longtemps, dans la démarche que j'ose me permettre aujourd'hui, si je n'y avais pas été déterminé par les témoignages de sensibilité et d'intérêt d'un ami, dont l'âme noble, en apprenant toute l'étendue de la position déplorable, où je me trouve, ne se fût chargé d'en mettre le triste tableau sous les yeux de V. M. I. Daignez, Sire, en accorder la permission au comte de Capo d'Istria.“

Въ запискѣ, поданной Императору Александру графомъ Каподистріею, по случаю вышеприведеннаго письма, оказывалось, что у князя Андрея Кириловича было въ то время долга: въ Россіи—казначейству и банку 175 тысячъ дукатовъ, а въ Вѣнѣ—140 тысячъ дукатовъ, а всего 315 тысячъ дукатовъ. Въ той же запискѣ, которую Разумовскій, по старому дипломатическому обычаю, озаглавилъ меморандумомъ, представлены слѣдующіе способы помочь задолжавшему дипломату: 1) или простить его долгъ казначейству въ 150 тысячъ, 2) или пожаловать его снова посломъ въ Вѣну, или же 3) назначить ему ежегодную пенсію, равняющуюся половинѣ жалованія, получаемаго русскимъ посломъ въ Вѣнѣ. На это прошеніе указомъ 31-го января 1819 года, въ которомъ князь Андрей Кириловичъ, ошибкою, наименованъ былъ: дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ „перваго класса“, Императоръ Александръ, въ уваженіе разстроеннаго состоя-

нія хозяйственныхъ дѣлъ князя Разумовскаго, всемилостивѣйше повелѣлъ: 1) обезпечить учиненную ему въ 1815 году ссуду одною Батуринскою волостью, въ которой числилось 4,335 крестьянъ; 2) отсрочить платежъ 450 тысячъ рублей серебромъ еще на пять лѣтъ, по 31-е декабря 1825 года, и, по истеченіи срока, начать уплату по равнымъ частямъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, съ процентами; до того времени, съ 31-го декабря 1820 года, взыскивать одни только проценты съ капитала; 3) изъ числа 3,408 крестьянъ, составляющихъ волость Ропскую, оставить въ залогѣ заемнаго банка 437 душъ на обезпеченіе долга, а на остальныя 2,971 душу выдать изъ заемнаго банка по 200 руб. за душу и, вычтя 113 тысячъ должныя банку, прочія 481 тысячу рублей ассигнаціями обратить въ новую ссуду, на правилахъ восьмилѣтнихъ заёмныхъ банковъ; 4) предоставить самому владѣльцу заложенную Ропскую волость продавать въ частныя руки и, по мѣрѣ продажи, уплачивать банковый долгъ по 200 рублей за душу" [1]). Когда указъ былъ уже подписанъ Императоромъ Александромъ, тогда замѣчена была ошибка въ чинѣ князя Разумовскаго и, на послѣдовавшемъ затѣмъ докладѣ, было о томъ представлено. Государь написалъ на докладѣ: „что подписаннаго имъ уже отмѣнить не можетъ" [2]). Вслѣдствіе этого неожиданнаго пожалованія, князь Андрей Кириловичъ получилъ чинъ, который равнялся званію генералъ-фельдмаршаловъ и государственныхъ канцлеровъ.

Въ 1818 году, скончался любимый братъ князя Разумовскаго, графъ Левъ Кириловичъ, бездѣтнымъ. Имѣя получить послѣ него часть наслѣдства и желая присутствіемъ ускорить отвѣтъ на поданную имъ просьбу о помощи, князь Андрей Кириловичъ рѣшился ѣхать въ Россію съ своею второю женою, чтобы познакомить ее съ ея новымъ отечествомъ и представить ее своимъ близкимъ роднымъ. Оказалось, что часть наслѣдства, на которое разсчитывалъ князь Андрей Кириловичъ, на дѣлѣ оказалась далеко не столь значительною. Графъ Левъ Кириловичъ, умирая, оставилъ главное свое имѣніе, извѣстную Карловку, въ полное владѣніе своей женѣ, графинѣ Марьѣ Григорьевнѣ, рожденной княжнѣ Вяземской [3]). Строгаго права онъ на это не имѣлъ, но, благодаря ссылкамъ на магдебургское право и литовскій статутъ, которые въ то время были еще въ силѣ для Малороссіи, онъ свое послѣднее желаніе облекъ въ возможно законныя формы. Старшій братъ князя Разумовскаго, графъ Алексѣй

---

[1]) Государственный Архивъ. Дѣло о долгахъ князя Разумовскаго.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. III 12—13.

[3]) См. о нихъ во второмъ томѣ.

Кириловичъ, не вполнѣ признавая законность брака своего меньшого брата, началъ противъ графини Маріи Григорьевны процесъ, къ которому подбивалъ только двоихъ своихъ братьевъ, такъ какъ съ третьимъ, графомъ Григоріемъ Кириловичемъ, прервалъ всякія сношенія. Графъ Петръ Кириловичъ не зналъ, на что рѣшиться; онъ нѣсколько боялся своего старшаго брата. Но князь Разумовскій, узнавъ о послѣдней волѣ покойнаго, сейчасъ же отказался отъ своихъ правъ на Карловку и передалъ своей невѣсткѣ записку слѣдующаго содержанія:

„Je déclare, que dans le cas où ma belle sœur perdait son procés et que Karlovka fût adjugé à ma famille, je ne consentirai jamais à entrer en partage de la dite terre, me renfermant immuablement dans mon intention de ne point porter atteinte aux dispositions du défunt en faveur de sa veuve. Il s'en suit que dans la chance la plus défavorable pour ma belle-sœur de l'affaire de Karlovka, celle, où cette terre resterait dans la possession de la famille Rasoumovsky, ce serait elle, et non moi, qui jouirait en toute propriété de la part qui me reviendrait.

„S-t. Pétersbourg, 18 Décembre 1819.“

Это рѣшеніе очень сблизило князя Андрея Кириловича съ графинею Маріею Григорьевною, которая постоянно состояла съ нимъ въ перепискѣ и нѣсколько зимъ провела, ради него, въ Вѣнѣ.

Судебное дѣло сдѣлалось невозможнымъ потому,что какъ графъ Григорій Кириловичъ отказался отъ своихъ правъ на Карловку, такъ и графъ Петръ Кириловичъ окончательно послѣдовалъ примѣру князя Андрея Кириловича. Но на долю ихъ четырёхъ остались, съ одной стороны, Петровское-Разумовское, близъ Москвы, а съ другой—большое имѣніе въ Смоленской губерніи, Можайскаго уѣзда, село Порѣчье съ сосѣдними селами, деревнями и большимъ лѣсомъ; душъ тогда тамъ считалось 3,260. Все это было продано тремя братьями Разумовскими: первое—князю Юрію Владиміровичу Долгорукову, а второе—младшей дочери графа Алексѣя Кириловича, Екатеринѣ Алексѣевнѣ Уваровой, которая имѣніе это подарила мужу своему, Сергѣю Семеновичу Уварову, впослѣдствіи министру народнаго просвѣщенія и графу.

Продажа этихъ имѣній и доставшіяся на долю князя Разумовскаго деньги, вмѣстѣ съ милостивымъ указомъ Императора Александра, на нѣкоторое время облегчили денежное состояніе князя Андрея Кириловича, но не надолго.

Весьма скоро послѣ второго брака князя Разумовскаго начинается послѣдній и крайне горестный періодъ его жизни, продолжавшійся около двадцати лѣтъ. Періодъ этотъ обозначается длиннымъ ря-

домъ просьбъ и моленій, обращенныхъ сперва къ Императору Александру I-му, потомъ къ преемнику его, Императору Николаю Павловичу, а также, какъ мы увидимъ далѣе, и къ Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу. Какъ кажется, въ этихъ постоянныхъ обращеніяхъ къ монаршей милости главною виновницею была захватившая, очень скоро послѣ свадьбы, весь домъ Разумовскихъ въ свои руки графиня Лулу Тюргеймъ. Она уговорила сестру свою выйти за любезнаго, но уже престарѣлаго князя Разумовскаго, потому что въ тѣ времена всѣ русскіе баре считались за границею миліонерами. Къ тому же исторія о быстромъ возвышеніи рода Разумовскихъ и громадномъ ихъ богатствѣ превратилась въ Вѣнѣ въ весьма преувеличенную легенду. Какъ ни богатъ былъ графъ Кирило Григорьевичъ, какъ ни хорошо вёлъ онъ свои дѣла, но у него было шесть сыновей и четыре дочери, изъ которыхъ никто не унаслѣдовалъ его хозяйскихъ достоинствъ. Правда, одинъ изъ сыновей, графъ Иванъ Кириловичъ, умеръ ранѣе отца, но всё же состояніе другихъ сыновей не могло уже равняться съ отцовскимъ. Князь же Андрей Кириловичъ съ юныхъ лѣтъ привыкъ къ роскоши, и вёлъ образъ жизни, который и на умъ не приходилъ отцу. Ещё при жизни графа Кирила Григорьевича, онъ проѣлъ всё материнское наслѣдство, а роскошный, имъ построенный домъ, со всѣми въ немъ заключавшимися богатствами, сильно пошатнулъ и отцовское наслѣдіе. Пожаръ дома былъ какъ бы послѣднимъ ударомъ, нанесённымъ состоянію князя Андрея Кириловича. Это все поняла умная графиня Лулу, и въ 1822 году потребовала, чтобы собранъ былъ семейный совѣтъ и рѣшено было, какъ поправить критическое положеніе семейства Разумовскихъ. На этомъ совѣтѣ оказалось, что жизнь въ Вѣнѣ была долѣе невозможною, и рѣшено было ѣхать въ Италію, гдѣ въ тѣ времена жить было можно весьма дешево. Домъ въ Вѣнѣ былъ закрытъ, огромный штатъ слугъ распущенъ, и Разумовскіе, съ графинею Лулу Тюргеймъ, безъ которой они уже не могли жить, отправились осенью въ Италію, столь любимую княземъ Андреемъ Кириловичемъ и которой онъ не видалъ со временъ своихъ успѣховъ въ Неаполѣ.

Первый шагъ Разумовскихъ былъ удаченъ. Онъ пріѣхалъ въ Верону въ октябрѣ мѣсяцѣ, именно въ то время, когда большинство европейскихъ монарховъ, съ блестящими свитами, и важные уполномоченные тѣхъ, кто отсутствовалъ, явились туда на конгресъ. Въ Веронѣ застали Разумовскіе Императора Александра Павловича съ графомъ Нессельродомъ и блестящею военною свитою, императора Франца съ княземъ Меттернихомъ и Генцомъ, короля Франца-Вильгельма III-го съ княземъ Гарденбергомъ, барономъ Гумбольдтомъ и графомъ Берисдорфомъ, короля сардинскаго Карла-Феликса

и, наконецъ, того, при дворѣ котораго князь Андрей Кириловичъ началъ свое дипломатическое поприще и имѣлъ столько успѣха, короля Обѣихъ Сицилій—Фердинанда I-го. Кромѣ того, князь Разумовскій засталъ тамъ много старыхъ знакомыхъ: герцога Велингтона, превратившагося въ лорда Лондондери, брата Кастельри,—Стюарта, Поццо-ди-Борго, пріѣхавшаго изъ Парижа, графа Ливена изъ Лондона, князя Эстергази, оттуда же, барона Лебцельтерна изъ Петербурга, графа де-ла Феронне, тоже въ своемъ качествѣ французскаго посла при русскомъ дворѣ, герцога Монморанси изъ Парижа, который познакомилъ Разумовскихъ съ знаменитымъ уже тогда Шатобріаномъ, пріѣхавшимъ изъ Лондона, гдѣ онъ былъ тогда посломъ. Александръ Павловичъ очень милостиво принялъ князя Андрея Кириловича и очень любезно обошёлся съ княгинею. Король Фердинандъ очень обрадовался Разумовскому, вспоминалъ съ нимъ добрые дни, проведенные вмѣстѣ въ Казертѣ, очень благодарилъ за присланную ему, болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, русскую псовую охоту съ собаками и егерями и очень звалъ Разумовскихъ въ Неаполь.

Принявъ участіе во всѣхъ празднествахъ, данныхъ въ Веронѣ, Разумовскіе стали собираться далѣе, рѣшившись поселиться на нѣкоторое время въ Неаполѣ, куда ихъ такъ привѣтливо призывалъ король Фердинандъ. Но, передъ отъѣздомъ изъ Вероны, графиня Лулу̂ потребовала настоятельнѣе, чѣмъ когда-нибудь, чтобы князь Андрей Кириловичъ обезпечилъ судьбу своей жены. Она указывала ему на любезность Государя и настаивала, чтобы онъ къ нему обратился съ просьбою. Не даромъ Разумовскій разсказывалъ ей объ особенныхъ правахъ Малороссіи, и что вдовы тамошнихъ помѣщиковъ имѣли право не на седьмую часть наслѣдства мужа, какъ въ остальной Россіи, а на четвертую. Она все это припомнила и заставила зятя продиктовать ей покорную просьбу къ Императору Александру, на что онъ и согласился до отъѣзда своего изъ Вероны. Просьба эта, написанная въ Веронѣ (7-го) 19-го ноября 1822, была вручена Государю черезъ графа Нессельрода. Содержаніе ея было слѣдующее:

„Sire, lorsque le dérangement de ma fortune m'a fait recourir à l'assistance titulaire de V. M. I., elle a daigné permettre que ma dette envers son trésor, hypothéquée sur la totalité de mes bien-fonds, ne fût exigeable qu'après mon décès. Grâce à cet acte de votre magnanimité, Sire, je termine sans inquiétude ma carrière avancée, qui me reste à parcourir dans ce monde; mais, j'en éprouve une bien vive, lorsque ma pensée se porte au-delà de ce terme, et elle en est sans cesse tourmentée, en se fixant sur l'avenir d'une épouse, qui fait mon bonheur. Les embarras qui ont menacé ma fortune et mon existence,

m'ont laissé hors d'état de satisfaire à l'engagement stipulé pour son donaire, qui devait se composer de l'intérêt d'un capital, que j'avais pris l'obligation de déposer en sa faveur. Cette clause, non exécutée et, ne pouvant l'être, aurait été compensé par le droit qu'assurent à une veuve les lois de la Petite Russie sur le quart des propriétés de son mari, si cette portion de mon héritage était dégagée de l'hypothèque générale, dont elle fait partie. La grâce, que j'ose solliciter à V. M. I., serait de déclarer libre d'hypothèque (après ma mort) l'héritage que les lois adjugent à ma veuve et de repartir sa quote-part de ma dette au trésor sur les trois quarts restants.

„Tel est, Sire, le motif qui me fait prendre la liberté à adresser cette supplique à V. M. I. Qu'elle daigne prendre en considération le sentiment qui la dicte, et j'ose croire, qu'en l'appréciant, ma sollicitation ne lui puraîtra pas importune. Dévoué de cœur et d'âme à la personne auguste et au service de V. M. I., souffrez, Sire, que je porte à vos pieds les voeux d'un ancien serviteur pour la prolongation des jours et du règne glorieux d'un souverain, chéri de ses sujets et admiré de l'univers."

Хотя прошеніе было принято, однако потребовались справки, и отвѣтъ былъ отложенъ до возвращенія Императора Александра въ Россію. Въ Веронѣ князь Андрей Кириловичъ въ послѣдній разъ свидѣлся съ Государемъ, и отсюда Разумовскіе направились черезъ Флоренцію и Римъ въ Неаполь, гдѣ и поселились на довольно продолжительное время. Въ Римѣ, гдѣ они оставались довольно долго, они очень сблизились съ графомъ Христофоромъ Андреевичемъ Ливеномъ, русскимъ посломъ въ Лондонѣ, и съ умною его супругою, графинею Даріею Христофоровною, рожденною Бенкендорфъ, воспользовавшимися веронскимъ конгресомъ, на который графъ Ливенъ былъ призванъ, чтобы провести зиму въ Римѣ.

Король Фердинандъ, ласково принявшій Разумовскаго въ Неаполѣ, недолго оплакивалъ свою супругу, королеву Каролину-Марію. Черезъ годъ послѣ ея кончины, онъ вступилъ въ морганатическій бракъ съ вдовствующею княгинею Партина, которую произвелъ въ герцогиню Флоридіа. Въ Неаполѣ княгиня Разумовская имѣла родственниковъ, съ которыми и она, и князь Андрей Кириловичъ очень сблизились. Это былъ адмиралъ Актонъ и супруга его, рожденная графиня д'Альбонъ. Отецъ адмирала, Іосифъ Актонъ, принадлежалъ къ старинной англійской фамиліи. Онъ явился въ Неаполѣ вскорѣ послѣ перевода князя Андрея Кириловича въ Копенгагенъ. Онъ былъ красивъ собою и скоро занялъ при дворѣ то мѣсто, которое, послѣ отъѣзда Разумовскаго, оставалось свободнымъ. Онъ поступилъ на службу короля Фердинанда и, благодаря покровительству королевы Каро-

лины-Маріи, очень скоро произведенъ въ генералъ-лейтенанты, назначенъ губернаторомъ Гаэты и при неаполитанскомъ дворѣ сталъ играть очень важную роль. Подъ конецъ своей карьеры онъ женился на нѣмецкой графинѣ Бергъ-фонъ-Трипсъ изъ Дюссельдорфа, которая была тёткою княгини Константины Разумовской. Разумовскіе такъ сошлись съ Актонами, что взяли къ себѣ на воспитаніе одну изъ ихъ дочерей, Жеоржину.

Во время пребыванія Разумовскихъ въ Неаполѣ, князь получилъ отвѣтъ на прошеніе, поданное имъ Императору Александру въ Веронѣ. Отвѣчалъ ему графъ Нессельродъ. По повелѣнію Государя, онъ объявлялъ ему, что, вслѣдствіе представленія министра финансовъ, Е. И. В. нашёлъ невозможнымъ освободить часть имѣній князя отъ залога, не нанося этимъ значительнаго ущерба государственному казначейству. Такой отвѣтъ, вѣроятно, повергъ въ большое неудовольствіе графиню Лулу Тюргеймъ, но дѣлать было нечего. Графъ Нессельродъ писалъ отъ 22 августа 1823 года. Черезъ четыре мѣсяца послѣ этаго отвѣта, пришло въ Неаполь извѣстіе о томъ, что графъ Петръ Кириловичъ скончался въ Петербургѣ 14 декабря 1823 г. Опять появилась надежда поправить состояніе князя Андрея Кириловича, тѣмъ болѣе, что огромное состояніе умершаго брата теперь приходилось дѣлить только на три части. Но и теперь, какъ видно изъ II-го тома нашей монографіи, не всё изъ наслѣдства Петра Кириловича досталось его законнымъ наслѣдникамъ, т. е. дѣтямъ умершаго въ 1822-мъ году графа Алексѣя, графу Григорію и князю Андрею Кириловичамъ. Свое большое малороссійское имѣніе, Быковскую волость, покойный графъ завѣщалъ племянникамъ своимъ, графу А. П. Апраксину и А. В. Васильчикову, племянницѣ А. П. Васильчиковой, рожденной графинѣ Апраксиной, и внучкѣ княжнѣ С. Н. Вяземской, вышедшей впослѣдствіи за А. В. Кочубея. Тѣмъ не менѣе, наслѣдство графа Петра Кириловича, даже за вычетомъ Быковской волости, было очень значительно. Оно состояло изъ большого саратовскаго имѣнія Архадакъ, изъ значительныхъ маетностей въ Тульской, Московской и Псковской губерніяхъ, изъ Гостилицъ, подъ Петербургомъ, и большомъ, въ самой столицѣ, домѣ. На долю князя Андрея Кириловича досталась весьма почтенная часть. Вслѣдствіе этого наслѣдства, Разумовскіе стали жить болѣе широко, чѣмъ прежде, стали закупать въ Италіи картины, мраморы и бронзы и даже заказали свои бюсты извѣстному въ то время англійскому скульптору Камбелю. Поживъ года два въ Италіи, Разумовскіе переѣхали въ Парижъ, вмѣстѣ съ своимъ пріемышемъ Жеоржиною Актонъ и, разумѣется, графинею Лулу. Здѣсь наняли они большой домъ, омеблировали его, покупали бронзы у Томира, который былъ тогда въ модѣ,

и заказали столовое и чайное серебро, которое до сихъ поръ принадлежитъ наслѣдницѣ княгини Разумовской, графинѣ фонъ-деръ Липпе. Какъ видно, Разумовскіе очень близко сошлись въ Италіи съ Ливенами, о которыхъ мы упомянули выше. Графиня (съ 1826 г. княгиня) Д. Ѳ. славилась и въ Лондонѣ, и во всей Европѣ своимъ умомъ и образованностью. Она вела постоянную переписку съ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, которому передавала всѣ политическія новости сперва изъ Лондона, а потомъ изъ Парижа, куда она переѣхала, послѣ кончины своего мужа. Страдая глазами, она писала на синей бумагѣ, и синимъ ея письмамъ Императоръ Николай часто довѣрялъ болѣе, чѣмъ депешамъ изъ своего парижскаго посольства. Княгиня была извѣстна своею дружбою къ Гизо́, для котораго она вполнѣ замѣнила покойную графиню Генріетту Разумовскую [1]). Гостиная княгини Ливенъ, на углу улицъ Риволи и Сенъ-Флорентена, въ домѣ князя Талейрана, была одною изъ первыхъ въ Парижѣ, но въ неё нелегко было попасть. Какъ видно, князь Андрей Кириловичъ былъ съ нею въ постоянной перепискѣ; къ сожалѣнію, въ архивѣ князя Разумовскаго сохранилось только одно письмо, которое мы помѣщаемъ здѣсь, такъ какъ оно доказываетъ какъ эта умная женщина умѣла цѣнить князя. Она писала въ Парижъ, въ іюнѣ 1825 года, настоятельно приглашая князя къ себѣ въ Лондонъ.

„Je suis restée bien du temps sans vous écrire, mon cher prince J'ai fait un petit garçon depuis. Ma convalescence a été longue. A peine remise, je me disposais à partir pour la Russie et, la veille même de mon départ, mon petit George [2]) tombe dangereusement malade. Je ne l'ai pas quitté d'une minute durant trois semaines. Il est hors de danger maintenant, quoiqu'il ne marche pas encore, et je fais mes paquets. Dans cinq jours je serai en route et dans cinq semaines à Pétersbourg. Je vous supplie de ne pas venir en Angleterre, pendant mon absence, je ne me conselerais jamais de ne vous en avoir pas fait les honneurs. Passez l'hiver à Paris et venez ici au printemps prochain, ou bien, si vous voulez absolument venir cette année en Angleterre, attendez le mois d'octobre; je serai ici à la fin de ce mois; cependant je ne pourrai pas dissiper les brouillards, ni faire que Londres soit gai, lorsqu'il n'y a pas une âme qui y reste. Enfin, arrangez-vous, comme vous voudrez, mais que je sois de la partie. Où êtes-vous, que faites-vous? Vous vous êtes vengé! Vous m'avez laissée dans

---

[1]) См. касательно ея отношеній къ Гизо т. II.

[2]) У княгини Ливенъ было трое синовей: князья Павелъ, Георгій и Александръ Христофоровичи.

un sac, je ne sais pas un mot de vos faits et gestes, et je vous aime beaucoup trop pour me résigner à ce régime. Dites à la princesse et à madame votre sœur [1]) toutes mes plus tendres amitiés, prenez en une quantité pour vous-même et tâchez de m'aimer toujours comme vous faisiez à Rome. Adieu, mon prince [2])."

Не знаемъ, былъ ли князь Андрей Кириловичъ въ Лондонѣ, куда такъ любезно звала его княгиня Ливенъ; но несомнѣнно, что Разумовскіе провели зиму съ 1825-го на 1826-й годъ въ Парижѣ. Здѣсь князь узналъ о кончинѣ Александра Павловича и отсюда же поздравилъ онъ Императора Николая съ восшествіемъ его на престолъ. Въ этомъ первомъ письмѣ, которое до насъ не дошло, князь Андрей Кириловичъ, какъ видно, доносилъ новому своему Государю, что онъ немедля явится въ Петербургъ, чтобы имѣть счастіе его лично поздравить. Мы имѣемъ только второе письмо, собственноручно писанное княземъ, изъ Парижа, отъ 19 марта 1826 года:

„Sire, V. M. I. a daigné accorder un regard de bonté à l'hommage que j'ai pris la liberté de parvenir (sic) à ses pieds au moment, où la volonté Divine plaça dans vos mains, Sire, le sceptre de la Russie et confia les destinées de l'empire à votre caractère magnanime. Contraint d'ajourner, à cause de l'étàt de santé de mon épouse, l'accomplissement d'un devoir profondément senti, celui de porter moi-même l'expression des sentiments d'un vétéran, parmi vos serviteurs, je supplie V. M. de sanctionner ce vœu à l'époque, où je pourrai en entreprendre l'exécution. Un dévouement inaltérable dans la carrière diplomatique, que j'ai eu le bonheur, Sire, de suivre sous les règnes de vos augustes prédécesseurs, mon empressement à vouer le même zèle au service de V. M. I., tel est l'hommage, que je m'estimerai heureux de déposer à vos pieds."

Уже въ 1827 году Разумовскіе вернулись въ Вѣну, и снова начались заботы насчетъ денегъ и судьбы княгини Разумовской, въ случаѣ кончины князя Андрея Кириловича. Ѣхать въ Петербургъ, какъ мечталъ князь Андрей въ Парижѣ, онъ не могъ, потому что у него заболѣли глаза, и доктора, вслѣдствіе этого, требовали совершеннаго покоя. Графиня Тюргеймъ снова стала побуждать князя Разумовскаго обратиться къ его новому Монарху. На это онъ не рѣшился, такъ какъ Императора Николая Павловича онъ зналъ весьма мало. Онъ его видѣлъ и былъ ему представленъ, во время второго похода на Парижъ, въ которомъ Великій Князь принялъ участіе. Князь Андрей Кириловичъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣ-

[1]) Графиня Лулу Тюргеймъ.
[2]) Изъ архива кн. Разумовскаго.

шился обратиться къ Цесаревичу Константину Павловичу, который управлялъ Польшею и жилъ въ Варшавѣ. Кажется, что всѣ прошенія, подъ диктантъ князя, писала графиня Лулу́, по крайней мѣрѣ, всѣ, начиная съ того, которое подано было въ Веронѣ, писаны одною и тою же рукою, кажется женскою, хотя и твердою. Наврядъ ли у князя былъ въ Веронѣ секретарь, а тождество руки явно обличаетъ, что за князя Разумовскаго писала графиня Тюргеймъ, и притомъ съ ошибками, которыхъ князь самъ не дѣлалъ. Письмо къ Великому Князю было писано изъ Вѣны отъ 9-го іюня 1827 г. Вотъ его содержаніе:

„Monseigneur,

„J'étais au moment de me mettre en route et le premier but de mon voyage eût été de porter à vos pieds, monseigneur, l'hommage de mon ancien et respectueux attachement; lors qu'atteint d'une maladie, suite d'une infirmité à la vue, qui m'a confinée durant plus de 6 semaines, et dont je commence à peine à me rétablir, sans éprouver de soulagement aux yeux, a dû me faire renoncer à mon projet. Daignez me permettre, monseigneur, de consigner ici le regret profond que j'en éprouve. J'ose me flatter, que V. A. I. en accueillera l'expression, comme elle aurait accueilli celle des sentiments d'un ancien serviteur, qu'elle a honoré de sa bonté bienveillante. J'ose, monseigneur, porter plus loin l'espoir que m'inspire un souvenir aussi précieux. Après un séjour à Varsovie, je me serais rendu à S.-Pétersbourg. Ce voyage, motivé par l'empressement de rendre hommage à S. M. I., avait un autre but relatif à mes affaires domestiques, qui sont dans une situation, qui, sans le secours tutélaire de l'Empereur, menacerait mes vieux jours d'une ruine irréparable. J'ai eu le bonheur de servir sous trois règnes, de justifier par mon zèle la confiance, dont j'étais honoré, de recueillir des témoignages honorables de leur approbation. Je n'ai pas le même avantage, sous le règne actuel, ni les mêmes titres à la bienveillance de l'Empereur. J'ai pris la liberté, d'adresser une supplique à S. M. I., j'aurais osé solliciter l'appui protecteur de V. A. I. à cette démarche. Elle ne me l'aurait pas refusé. Porteur d'une lettre de sa part, le succès de mes sollicitations n'aurait pas été douteux. Serait-ce trop présumer, monseigneur, de votre ancienne bienveillance, que d'espérer que cette lettre, dont mon malheur a voulu que je ne puisse être porteur, n'en soit pas moins le gage des espérances les plus satisfaisantes? Si V. A. I. daigne m'accorder cette haute faveur, je la supplie de jetter un coup d'oeil sur la note ci-jointe. Elle contient, en résumé, les circonstances de ma détresse et les moyens d'y porter remède, si S. M. daigne consentir à l'acqui-

sition de mes propriétés foncières, m'accordant les faveurs que je sollicite dans un tel arrangement.

„Le cœur magnanime de V. A. I. lui fera apprécier, mieux que je ne saurais l'exprimer, le bonheur que répendrait sur le reste de mes jours un bienfait, que je devrai à sa bienveillante protection. Lorsque ma santé sera entièrement rétablie, je sollicite la permission de porter à vos pieds, monseigneur, l'hommage des sentiments, dont je suis profondément pénétré."

Къ этому письму приложена была слѣдующая записка:

„Durant 50 années, dont l'année actuelle complète la dâte de l'entrée du soussigné dans la carrière diplomatique, éloigné de sa patrie, ne pouvant suffir à sa dépense, moyennant les traitements modiques, alloués à l'époque de son début dans les missions étrangères et celui dont il a à disposer, comme fils de famille; étranger à la gestion de ses terres, lorsqu'au décès de son père, il en devint possesseur, toutes ces causes, et surtout, qu'il lui soit permis de le dire, son zèle à s'acquitter de ses devoirs, à justifier la confiance, dont il était honoré, sans songer à ses propres affaires, toutes ces causes ont amené de loin le dérangement de la fortune du soussigné. Durant le congrès de Vienne, un événement désastreux y mit le comble. La plus belle moitié de son établissement fût détruite par l'incendie. Le dommage en fût évalué beaucoup au dessus de 100,000 ducats. Feu S. M. l'Empereur Alexandre, de glorieuse et impérissable mémoire, daigna lui accorder un emprunt sur son trésor de 150,000 ducats, sans interêt durant 5 ans. A l'expiration de ce terme, le soussigné se trouva hors d'état de faire face au remboursement de ces intérêts, parce que ses revenus n'y pouvaient suffire. Il se rendit en Russie, sollicita d'être dispensé de cette charge, et S. M. daigna y consentir sa vie durant, ainsi que pour le payement du capital, qui resta hypothéqué sur une de ses terres—Batourine. Le revenu lui en avait été par ce moyen conservé. Il restait à cette époque à effectuer un autre engagement. Divers emprunts avaient eu lieu envers la banque. Ils furent consolidés en une seule masse hypothétique sur la seconde de ses terres — Ropsk, mais l'intérêt qu'en résultait se montait au-delà de 50,000 roubles et le terme du capital devant expirer l'année prochaine, tandis que les revenus du soussigné, toujours décroissants dans une proportion allarmante, par suite de négligence dans l'administration, il se trouve menacé de perdre cette terre, faute de pouvoir acquitter l'intérêt de l'emprunt et de l'époque du terme du remboursement du capital. Pour sortir de cette pénible situation, pour prévenir sa ruine entière, il propose à la couronne deux plans. Le 1-er serait de faire l'acquisition de la totalité de son bien-fonds, se montant dans les deux terres à

7,750 paysans, ce qui solderait les deux emprunts au trésor et à la banque et procurerait au soussigné un capital dont le placement le mettrait à même d'assurer le sort de son épouse; mais cette vente avantageuse, sans le moindre doute, à la couronne, ne le serait point pour le soussigné, parce qu'il se trouverait frustré à la fois et du bienfait de n'avoir rien à payer sa vie durante au trésor et du revenu de ses terres, dont il était resté en jouissance, à moins que par une compensation équitable la couronne ne lui assignât le payement annuel proportionné au dit revenu. Le 2-ème plan serait de solder la banque par la vente de la terre de Ropsk à un taux convenable, qui procurerait un surplus à la somme pour laquelle elle est engagée, mais cette vente diminuerait de moitié la possession foncière du soussigné. Pour balancer une circonstance aussi grave, il n'y aurait qu'un moyen—le voici: le revenu principal de l'autre terre, Batourine, a pour base la livraison de draps de soldats au dépot de Kiew. La fabrique a établi à grands frais et, par les améliorations les plus soignées, les moyens de porter cette livraison à une quantité considérable de draps, le mieux confectionné pour le service de l'armée. Cependant elle éprouve, chaque année, l'inconvénient très onéreux, que le depôt n'admet qu'une demande plus ou moins modique, et cette incertitude renverse tous les calculs du soussigné. Il sollicite, en conséquence, qu'il lui soit accordé invariablement la faculté, durant sa vie, de fournir annuellement 60,000 archines de draps de soldat des meilleures qualités et des diverses couleurs, d'après les échantillons admis à l'usage de l'armée. Il fond son espoir d'obtenir cette faveur sur ce que la couronne, en garantissant ainsi la sûreté de la fortune du soussigné, y trouverait, incontestablement, l'avantage d'un objet essentiel pour le service de l'armée.

Prince Rasoumoffsky."

Цесаревичъ, находя, что просьба эта не входили въ число тѣхъ предметовъ, о которыхъ онъ имѣлъ право подавать свое мнѣніе Государю, препроводилъ её къ графу Нессельроду, вмѣстѣ съ присоединенною къ ней запискою, прося его сдѣлать по этому дѣлу всё возможное. Графъ Нессельродъ не отказался отъ этого и, съ свойственнымъ ему благодушіемъ, обратилъ вниманіе Императора Николая Павловича на грустное положеніе князя Андрея Кирилловича, прослужившаго 50 лѣтъ на дипломатическомъ поприщѣ, а также задобрилъ словомъ участія и графа Канкрина, бывшаго въ то время министромъ финансовъ. Вслѣдствіе этого заступничества графа Нессельрода, Высочайшимъ указомъ отъ 2-го сентября 1827 года повелѣно было долгъ князя Разумовскаго банку отсрочить на три года и принимать въ кіевское интендантство, во все продолженіе его

жизни, изъ суконной Батуринской фабрики ежегодную поставку въ казну 30,000 солдатскаго сукна. За это благодѣяніе князь благодарилъ Государя краткимъ письмомъ.

Въ 1828-мъ году заступницею князя Андрея Кириловича явилась сестра его Наталья Кириловна Загряжская, которую и Императоръ Николай Павловичъ, и Императрицы Марія Ѳедоровна и Александра Ѳедоровна удостоивали своего уваженія. Какъ кажется, Наталья Кириловна обратилась сперва къ Императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ и черезъ нее просила Государя помочь ея брату. Кто-то передалъ Натальѣ Кириловнѣ, что это не понравилось Николаю Павловичу, и тогда она рѣшилась прямо къ нему обратиться.

„Les bontés constantes de S. M. l'Impératrice", писала она 19-го апрѣля 1828, „ont encouragé la démarche que j'ai faite auprès de vous, Sire. Si c'est une indiscrétion, vous êtes trop juste pour ne pas me la pardonner, en faveur du motif. Je voulais parler au cœur de mon souverain, je voulais plaider la cause d'un frère et d'un bienfaiteur. A qui pouvais-je transmettre mes sentiments? Je remplissais un devoir sacré, je n'ai pas cru vous déplaire. L'Empereur Alexandre et V. M. avez beaucoup fait pour mon frère; malgré cela, il est tourmenté par une dette d'honneur, qu'il ne peut acquitter sans le secours de V. M. Je l'ai, pour ainsi dire, forcé d'écrire la lettre suivante. Je tremble pour les jours d'un frère chéri. Je tombe à vos pieds, Sire, ne refusez pas mon humble prière."

При этомъ письмѣ приложено было слѣдующее прошеніе князя Андрея Кириловича:

„C'est avec une confiance respectueuse, dans les sentiments magnanimes de V. M. I., que j'obéis à la douleureuse nécessité, où je me vois de faire parvenir à ses pieds l'exposé suivant: Un âge avancé, une santé progressivement précaire, me font envisager, avec un effroi journellement croissant, l'avenir du reste de mes jours et celui, qui au-delà de ce terme est l'objet de mes sollicitudes les plus instantes. 50 ans de ma vie ont été consacrés à une carrière de service, signalée par les témoignages honorifiques de l'approbation de vos augustes prédécesseurs. Aujourdhui, dans la détresse de ma situation, j'ose me fonder sur ces titres honorables pour solliciter de votre bonté, Sire, une pension, qui supplée à la modicité de mes revenus; en outre, poursuivi par mes créanciers à Vienne, je ne puis satisfaire à leurs menaçantes importunités, que par un capital disponible, qui ne pourrait être que le produit de la vente de mes terres, celle de Ropsk; mais comme c'est sur cette terre qu'est hypothéquée ma dette à la banque, j'ose joindre à la sollicitation d'une pension, que V. M. permette, que l'hypothèque sus-dite soit transportée sur la terre de Batourine, dont la

valeur est suffisante pour cet objet. Souffrez, Sire, qu'en invoquant la magnanimité de votre âme, un ancien serviteur, pénétré de dévouement et de reconnaissance, dépose à vos pieds l'espoir d'obtenir, de votre bienfaisance, l'accomplissement de ses vœux pour la tranquillité de ses vieux jours."

Напрасно безпокоилась Наталья Кириловна и думала, что Императоръ Николай Павловичъ недоволенъ былъ тѣмъ, что она обратилась къ его супругѣ. За недѣлю до написанія просительнаго посланія Натальи Кириловны, т. е. 12 апрѣля 1828 года, Государемъ былъ уже подписанъ слѣдующій указъ министру финансовъ:

„Въ уваженіе особенныхъ заслугъ, которыми ознаменована была долговременная и отлично усердная служба д. т. с. (безъ обозначенія I-го класса) князя Разумовскаго, всемилостивѣйше повелѣваю производить ему изъ государственнаго казначейства въ пенсіонъ, по смерть, по 10,000 рублей въ годъ, считая рубль въ 250 цензовъ нидерландскихъ."

„Le bienfait émané de la bonté de V. M.", отвѣчалъ изъ Вѣны, отъ 13 мая, князь Андрей Кириловичъ, „m'a été annoncé. Vous avez daigné, Sire, accueillir les sollicitations, dont j'eusse redouté l'importunité, si des circonstances, aussi pénibles qu'impérieusement pressantes, ne m'eussent contraint d'y recourir. L'oukase de V. M., en date du 12 avril, m'accorde un secours généreux, motivé par les temoignages les plus honorables pour la carrière de service que j'ai eu le bonheur de remplir sous les règnes de vos augustes prédécesseurs. Souffrez, Sire, qu'en portant à vos pieds l'hommage de ma respectueuse reconnaissance, j'y joigne le regret de ne pouvoir signaler ce sentiment, en vouant le reste de mes jours au service de V. M."

Но этою наградою графиня Лулу́ не осталась довольна. Ее особенно озабочивала будущность сестры, которая по прежнему оставалась необезпеченною, такъ какъ дарованный пенсіонъ былъ пожизненный. Ровно черезъ годъ послѣ полученія пенсіи, князь Андрей Кириловичъ, по настоянію своей свояченицы, снова обратился къ Императору Николаю.

„Je supplie V. M.", писалъ онъ рукою графини Лулу́, отъ 27 апрѣля 1829 года, „de permettre que je porte à ses pieds l'hommage réitéré de ma respectueuse et profonde reconnaissance pour la pension, qu'elle a daigné m'accorder, dans la circonstance affligeante du dérangement de fortune, qui m'a fait recourir à votre généreuse bonté. C'est à l'aide de ce bienfait, Sire, que je soutiens l'existence de mes vieux jours, mais sans l'espoir de rétablir mes affaires, avant le terme peu éloigné de ma carrière, et profondément affecté sur le sort d'une veuve sans ressource. J'ose implorer votre magnanimité, Sire, en sollici-

tant qu'après mon décès V. M. daigne faire participer ma femme à la pension que votre générosité m'a assignée.“

Императору Николаю вѣроятно не понравилась подобная настойчивость, и министръ финансовъ, графъ Канкринъ, получилъ высочайшее повелѣніе отвѣтить князю Разумовскому, что Государь Императоръ долгомъ почтетъ призрѣть его супругу въ должное время.

Жизнь бѣднаго старика князя, въ Вѣнѣ, была невполнѣ пріятна. Онъ поддерживалъ, сколько могъ, свое достоинство, но все же подъчасъ бывало очень тяжело. Вѣна была полна его кредиторами, которые весьма часто навѣщали его домъ и толпою, иногда, ожидали его появленія въ передней. Всѣмъ было извѣстно, въ какіе часы князь Андрей Кириловичъ имѣлъ обыкновеніе выѣзжать, и этотъ именно часъ избирали кредиторы для своего появленія въ передней Разумовскаго. Такъ какъ императоръ Францъ приказалъ за нимъ признавать всѣ права и преимущества дѣйствительнаго иноземнаго посла, хотя князь Андрей Кириловичъ уже давно состоялъ въ безсрочномъ отпуску или чѣмъ-то на то похожимъ. Вслѣдствіе этого никто не имѣлъ права ни арестовать его, ни описывать его имущества, ни даже приносить на него жалобы въ судебныя мѣста. Всѣмъ кредиторамъ приходилось обращаться въ министерство иностранныхъ дѣлъ, отъ котораго не получалось никакого отвѣта, такъ какъ переписка о долгахъ князя Разумовскаго составляла уже многіе огромные томы бумагъ и равно надоѣла всѣмъ чиновникамъ какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Петербургѣ. Князь Андрей Кириловичъ до конца жизни сохранилъ свою величавую и гордую осанку, и его все еще называли въ Вѣнѣ „эрцгерцогомъ Андреасъ“. Когда кредиторы, наконецъ, удостоивались видѣть въ передней гордо проходящаго князя и низко ему кланялись, онъ не обращалъ на нихъ даже вниманія, и садился въ экипажъ, какъ будто въ передней никого не было. Въ высшемъ вѣнскомъ обществѣ князя Разумовскаго очень любили и всѣ родственники его первой жены: Туны, Лихновскіе, Кланвиліами и Кламъ-Мартинецы считали его роднымъ дядею. Также умѣло его цѣнить и родство Тюргеймовъ, а безъ графини Лулу́ онъ не могъ бы жить. Изъ всѣхъ русскихъ, съ которыми онъ былъ друженъ, первое мѣсто занималъ, несмотря на разницу лѣтъ, Александръ Ивановичъ Рибопьеръ (впослѣдствіи оберъ-камергеръ и графъ), къ которому онъ пристрастился, когда его, еще въ юныхъ лѣтахъ, прислалъ Павелъ I изгнанникомъ въ Вѣну состоять при посольствѣ. Съ тѣхъ поръ Рибопьеръ, всякій разъ какъ бывалъ за границей, заѣзжалъ повидаться съ любимымъ имъ бывшимъ начальникомъ и вёлъ съ нимъ дѣятельную переписку. Въ описываемое нами время А. И. Рибопьеръ, съ честію защищавшій интересы Россіи въ Константинополѣ, былъ назначенъ

чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Берлинъ. Благодаря близкому родству между царствующими домами, мѣсто это имѣло тогда совершенно особое значеніе; частыя посѣщенія Императрицы и Императора любимаго ими отца и тестя ставили невольно русскаго посланника (пословъ въ то время при прусскомъ дворѣ не допускалось) въ близкія отношенія къ Государю и Государынѣ.

Зная, какъ А. И. Рибопьеръ былъ къ нему привязанъ, князь Андрей Кириловичъ рѣшился обратиться къ его помощи и прислалъ ему въ 1831 году горестное письмо на имя Императора Николая Павловича, умоляя его дозволить Рибопьеру изложить то грустное положеніе, въ которомъ будетъ находиться его жена, въ случаѣ его смерти, и вымаливая въ то же время отсрочить уплату долга на неопредѣленное время. При этомъ онъ доносилъ, что единственная недвижимая его собственность въ Вѣнѣ, домъ, заложенъ и перезаложенъ, такъ что даже, продолжая, послѣ его смерти, получать пенсію, жена его не будетъ въ состояніи выплатить должное вѣнскимъ кредиторамъ. А. И. Рибопьеру удалось выпросить отсрочку уплаты долга казначейству и банку до 1832 года.

Послѣдніе годы своей жизни князь Андрей Кириловичъ совсѣмъ отказался отъ свѣта, изрѣдка посѣщая только самыхъ ему близкихъ людей и принимая только родныхъ и короткихъ знакомыхъ. Онъ дѣлалъ только изъятія въ пользу русскихъ и охотно принималъ, какъ мы увидимъ ниже, даже тѣхъ, кого онъ лично не зналъ, но съ родными которыхъ онъ прежде водилъ знакомство. Въ послѣдніе годы его очень занимало составленіе духовной, въ которой онъ не забылъ никого и которая одна составляетъ огромный фоліантъ, въ государственномъ архивѣ. Его душеприкащикомъ въ Россіи назначался А. И. Рибопьеръ, а въ Австріи—его своякъ графъ Гѣсъ (Goëss) и графъ Пергенъ, а за смертью послѣдняго—братъ княгини Константины, графъ Людовикъ Тюргеймъ; но и онъ умеръ ранѣе князя, и тогда окончательно назначенъ былъ любимый имъ племянникъ первой жены, графъ Кламъ-Мартинецъ. Свидѣтелями были графъ Рудольфъ Хотекъ и графъ Андрей Флоримонъ де Мерси. Всѣ малороссійскія имѣнія, которыя уже не представляли всей стоимости накопившихся съ процентами казённыхъ долговъ, онъ оставлялъ женѣ. За симъ слѣдовали безчисленныя донаціи, между прочимъ, графинѣ Лулу Тюргеймъ, и всѣмъ людямъ, ему служившимъ; назначались капиталы для вѣчной выдачи въ его память бѣднымъ дѣтямъ квартала Ландштрассе и въ имѣніи Тюргеймовъ, Швертбергъ, и пр., и пр. и пр. Кодициламъ и приложеніямъ не было конца. Покамѣстъ составлялось и дополнялось духовное завѣщаніе, по милости Императора Николая

Павловича еще три раза была дарована князю Андрею Кириловичу отсрочка долговыхъ платежей банку.

Въ 1834 году, чувствуя большое ослабленіе силъ, князь Андрей Кириловичъ отправилъ къ Рибопьеру запечатанный пакетъ, который онъ долженъ былъ распечатать только узнавъ о кончинѣ князя. Оказалось, что у Рибопьера былъ уже одинъ подобный пакетъ, который онъ получилъ еще въ 1821 году.

Въ 1835 году скончался императоръ Францъ, и смерть его не могла не произвесть сильнаго впечатлѣнія на престарѣлаго и ослабѣвшаго князя Разумовскаго. Въ сентябрѣ того же года Императоръ Николай Павловичъ съ своею супругою Императрицею Алекандрою Өедоровною прибыли въ Теплицъ для свиданія съ преемникомъ Франца I-го, императоромъ Фердинандомъ. Туда же прибылъ и отецъ Императрицы Александры Өедоровны, прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III. Соединенные тѣсными узами родства и дружбы, русскій Императоръ и тесть его положили доказать Европѣ, какъ они держатся унаслѣдованныхъ ими отъ покойнаго Императора Александра I-го узъ священнаго союза и, съ этой цѣлью, въ знакъ полнаго согласія между Россіею, Пруссіею и Австріею, положили съѣхаться вмѣстѣ съ новымъ австрійскимъ императоромъ Фердинандомъ I, объѣзжавшимъ въ то время свои богемскія владѣнія. Всѣ въ Вѣнѣ были заняты этимъ важнымъ событіемъ, и разумѣется, прежде другихъ узналъ о будущемъ пріѣздѣ Императора Николая князь Андрей Кириловичъ Разумовскій, находившійся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, Дмитріемъ Павловичемъ Татищевымъ, и со всѣмъ посольствомъ. Ослабѣвшія силы князя не дозволяли ему помышлять о путешествіи даже до Праги. Онъ рѣшился, однако, письменно привѣтствовать, на австрійской землѣ, своего Монарха, и снова напомнить ему о грустномъ своемъ положеніи. Онъ написалъ 19 августа 1835 года слѣдующее письмо Николаю Павловичу, которое было передано Государю, въ Тёплицѣ, посломъ Татищевымъ:

„Sire.

C'est sur le terrain, que je suis forcé d'habiter, que sera présentée à V. M. cette supplique, que je prends la liberté de lui adresser. Je la confie à l'obligent intermédiaire de m. l'ambassadeur Tatischeff. J'envie son bonheur et ses facultés, qui le mettent à même de se rendre à vos pieds, Sire. Etre contraint de m'en priver, c'est de toutes les souffrances, qui assiègent mon vieil âge, la plus sensible. Le contenu de cette supplique, ainsi que de toutes celles, dont, précédément, j'ai osé renouveller, à vos pieds, l'opportunité, a pour objet les circonstances profondement affligentes de la pénible situation, où me

place l'alternative de ma ruine, qui suivrait l'exécution des mesures prescrites, en dernier lieu, au sujet du remboursement de ma dette à la banque. Votre clémence, votre bonté, Sire, sont inépuisables, je les invoque dans l'espoir que le court espace, qui me reste à parcourir dans mon existence de ce monde, s'achèvera paisiblement sans altération des moyens, dont votre indulgente bienfaisance m'à permis de jouir jusqu'ici".

Оказалось, что Императоръ Николай совершенно неожиданно посѣтилъ Вѣну, желая видѣть вдовствующую императрицу Шарлотту и самому передать свое сочувствіе четвёртой супругѣ императора Франца, проводившей свой трауръ въ замкѣ Шенбрунѣ, подъ Вѣною. Императоръ пробылъ только одинъ день въ Вѣнѣ и посѣтилъ только императрицу Шарлотту, могилу императора Франца и княгинь Лихтенштейнъ и Меттернихъ. Послѣдней онъ замѣтилъ, между прочимъ, что, проѣзжая по Пратеру, онъ издали видѣлъ домъ князя Разумовскаго [1]). Князь такъ и не видалъ своего Императора, который очень спѣшилъ и который, весьма вѣроятно, старался избѣгнуть усиленныхъ моленій мало ему знакомаго и ослабѣвшаго старика. Однако, вскорѣ послѣ отъѣзда Государя, Вѣну посѣтилъ извѣстный поэтъ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и записалъ въ своей записной книжкѣ: „Былъ у Разумовской и Разумовскаго. Пріятный старикъ. Прекрасный домъ" [2]). Много лѣтъ позднѣе, 18 марта 1860 г., князь Вяземскій снова вспомнилъ про князя Андрея Кириловича и записалъ въ той же книжкѣ: „Въ 1835 г. познакомился я въ Вѣнѣ съ графомъ, тогда княземъ Разумовскимъ. Онъ былъ уже очень старъ, но красивой наружности, и показался мнѣ очень добродушенъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ проѣхать черезъ Прагу, которая очень напомнитъ мнѣ Москву [3])".

Конецъ 1835 года и начало 1836 года были особенно тяжелы для князя Андрея Кириловича. Онъ очень упалъ и духомъ, и силами. Въ августѣ уже всѣ стали ожидать его конца. „Мы съ Климентомъ были у стараго князя Разумовскаго", записываетъ въ своемъ журналѣ подъ 3-мъ августа 1836 г. третья супруга австрійскаго канцлера князя Меттерниха, княгиня Меланія, рожденная графиня Зичи-Феррарисъ, „Онъ насъ просилъ къ нему заѣхать, ибо хотѣлъ послѣдній разъ насъ у себя видѣть. Мы нашли его умирающимъ и съ глубокою грустью сказали другъ другу, что его болѣе не увидимъ [4])".

Семейство Тюргеймовъ принадлежало къ числу самыхъ фанатич-

---

[1]) Mémoires du Prince Metternich. VI. Journal de la P-sse Mélanie. 24.
[2]) Полное Собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. IX, 169.
[3]) Тамъ-же. X, 283.
[4]) Mémoires du Prince de Metternich. VI. Journal de la P-sse Mélanie (1836). 140.

ныхъ поборниковъ латинской вѣры. Особенною ультрамонтанкою была сестра княгини Константины Осиповны, канонисса графиня Лулу Тюргеймъ. Мы уже упоминали о томъ, что графиня Лулу всѣмъ распоряжалась въ домѣ Разумовскихъ и, послѣднее время, особенно, ни на минуту не отходила отъ князя Андрея Кириловича, всѣми силами стараясь совратить его въ латинскую схизму. Долго не удавалось это настойчивой канониссѣ, но съ упадкомъ силъ слабѣли и нравственныя силы князя Разумовскаго, и фанатичной Лулу Тюргеймъ удалось, при самомъ почти концѣ жизни бѣднаго старика, окончательно обратить его къ папизму. Однако, такъ какъ въ то время всѣ боялись Императора Николая, даже въ отдалённой отъ Петербурга Вѣнѣ, то обращеніе князя Разумовскаго въ католичество сохранялось подъ глубочайшею тайною. Между тѣмъ близко наступали послѣднія минуты. Посла Татищева въ то время въ Вѣнѣ не было; онъ уѣзжалъ въ Варшаву, для свиданія съ Императоромъ Николаемъ и графомъ Нессельродомъ. Повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ, временно, первый секретарь посольства, князь А. М. Горчаковъ, будущій государственный канцлеръ, къ которому и обратился, передъ своею смертію, умирающій князь Разумовскій съ просьбою посѣтить его. Князь самъ описываетъ это послѣднее свое свиданіе съ княземъ Андреемъ Кириловичемъ, въ донесеніи къ послу Д. П. Татищеву:

„M. l'ambassadeur", писалъ онъ отъ 12 сентября 1836 г. „M. le prince Rasoumovsky a cessé de vivre hier matin à une heure. Depuis plusieurs jours l'homme physique était déjà éteint, et il n'existait plus que par la force d'une intelligence qui a dominé ses souffrances. L'eau, qui s'était manifestée aux extrémités, s'étant épanchée vers le cœur, amena la dissolution.

„D'après son désir je l'avais vu, la veille de sa mort. Il la pressentait, mais il ne la croyait pas aussi immédiate. Il m'a parlé, en détail et avec une lucidité parfaite d'esprit, de la position désastreuse qu'il léguait à sa veuve, si l'inépuisable générosité de S. M. l'Empereur ne daignait en assurer le sort. La confiance qu'il plaçait dans les éspérances que S. M. I. avait daigné lui faire concevoir, soutenait seule, m'a-t-il dit, son courage, et il allait recueillir le peu de forces, qui lui restaient, pour en déposer encore l'expression au pied du trône de notre auguste Maître. Je le quittai à une heure, à six je trouvai chez moi la minute d'une requête à S. M. I., toute tracée au crayon de sa main. Il expira quelques heures après.

„J'ai l'honneur de transmettre à v. e. ce papier dans l'état où il se trouve. Elle verra, qu'une page est encore écrite d'une main assez ferme, l'autre indéchiffrable. J'ai appris depuis, qu'elle avait été tracée au milieu des plus fortes souffrances. L'intention du prince Rasoumovsky

était de prier v. e. de se charger du soin de présenter cette requête à votre auguste Maître. Il voulait l'accompagner de quelques lignes pour vous, m. l'ambassadeur, la mort l'en a empêché. Je m'acquitte de ce devoir, mais je ne remplirais qu'à moitié, si je n'ajoutais, combien le défunt comptait sur l'appui, que vous lui accordriez, en vous chargeant de placer, sous son vrai jour, la position de la princesse.

„Le grand maréchal de la cour est investi du dépouillement de la succession du défunt en Autriche. M. de Koudriaffsky a été chargé par moi d'apposer le cachet de l'ambassade sur ses papiers et d'assister ensuite à leur triage, pour retirer les documents, qui pourraient avoir trait à la gestion diplomatique du défunt et qui seraient de nature à ne devoir point devenir l'objet d'une curiosité étrangère“ (1).

Въ то же самое время князь Горчаковъ извѣстилъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельрода о кончинѣ князя Разумовскаго слѣдующею депешею отъ $^{11}/_{23}$ сентября 1836 г.

„Je remplis un pénible devoir, en informant v. e. de la mort de m. le prince Rasoumovsky. Il a cessé de vivre aujourd'hui à 1 heure du matin. Depuis quelque temps, ses infirmités croissantes et son grand âge faisaient préssentir le terme de sa vie. Néanmoins ni lui, ni sa famille ne croyaient ce terme aussi proche. Hier encore il m'avait entretenu, avec une lucidité d'esprit parfaite, de sa fin, du sort de sa veuve et de sa confiance dans les paroles tranquillisantes, qu'il, y a trois ans, lui a fait parvenir S. M. l'Empereur. Je le quittai à une heure, à six je reçus la minute de cette lettre qu'il venait de tracer lui-même au crayon. Une page est d'une écriture encore assez ferme, l'autre indéchiffrable. J'ai appris depuis, qu'il l'avait écrite, au milieu de vives souffrances, et qu'il se bornait à répondre aux instances de son valet-de-chambre de confiance, seul présent, et qui l'engageait de remettre ce travail: „non, je dois“. Je transmets ce papier dans l'étât où il se trouve, à m. de Tatischeff à Varsovie, d'après la volonté du défunt, qui avait désiré, que m. l'ambassadeur se chargea du soin de le remettre sous les yeux de l'Empereur.

„M. le prince Rasoumovsky, ayant conservé, d'après l'ordre exprès de l'empereur François, les immunités d'ambassadeur, le dépouillement de sa succession en Autriche, se fera par le grand maréchalât de la cour. Toutefois, comme parmis les papiers, il pourrait se trouver des documents, ayant trait à sa gestion diplomatique, j'ai chargé un des employés de l'ambassade d'y apposer le cachet officiel et d'assister ensuite au triage, pour retirer ceux des papiers, qui ne sauraient devenir l'objet d'une curiosité étrangère.

Je mets ces détails à la disposition de v. e., pour les communiquer aux parents du défunt, qui se tronvent à St.-Pétersbourg. Dans

le même but je joins, ci-près, un billet, que m'a adressé le comte de Clam, qui a assisté à ses derniers moments.“

Графъ Кламъ-Мартинецъ, племянникъ по матери первой жены князя Андрея Кириловича, былъ, какъ мы видѣли выше, въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ княземъ Разумовскимъ; онъ не только считалъ себя близкимъ родственникомъ, но даже, зная полное разстройство его дѣлъ, принялъ на себя обязанности душеприкащика. Какъ скоро онъ узналъ, что князю плохо, графъ Кламъ поспѣшилъ изъ Праги въ Вѣну, чтобы съ нимъ проститься и придти на помощь княгинѣ.

„Je suis arrivé hier soir de Prague“, писалъ онъ къ князю Горчакову сейчасъ же послѣ смерти князя Андрея Кириловича, „et précisément à temps pour être encore témoin des derniers moments de cet excellent Rasoumovsky. Ce bon vieillard a rendu le dernier soupir à une heure; il s'est endormi. La princesse m'a prié de vous en faire part et d'aller vous voir ce matin le plustôt possible pour vous parler d'une affaire, qui lui tient à cœur.“

Навѣстивъ князя Горчакова тѣмъ же утромъ и, вѣроятно, сообщивъ ему, по порученію вдовствующей княгини, что Разумовскій, передъ кончиною, пересталъ быть православнымъ, графъ Кламъ обѣщалъ въ то же время повѣренному въ дѣлахъ немедля сообщить, въ какомъ положеніи находятся дѣла вдовы князя Разумовскаго. На другой же день, послѣ смерти князя, т.-е. 12/24 сентября, графъ Кламъ написалъ князю Горчакову подробное письмо:

„Le testament de mon oncle“, писалъ онъ, „se compose d'une série de pièces, redigées successivement depuis l'année 1822, à mesure, que le dérangement de sa fortune lui fit comprendre la nécessité de faire des changements à ses dispositions primitives. Ce document est l'œuvre de la plus touchante sollicitude pour sa veuve, et du noble désir de voir, après sa mort, tous ses engagements scrupuleusement remplis et tous ses serviteurs dûment recompensés. Mais malheureusement la base de ces dispositions bienveillantes et honorables se trouve tellement en défaut, que la situation de la veuve est une des plus difficiles et des plus pénibles que l'on puisse imaginer. La fortune en Russie est nulle, celle en Autriche imaginaire, ou pour le moins très précaire, quant à la substance, et sujette à une infinité d'embarras et de difficultés quant aux moyens de la réaliser. Vous connaissez la magnifique propriété dont elle se compose et les trésors de mobilier qu'elle renferme. Mais qu'est-ce que c'est que cette propriété à côté des immenses charges dont elle est obérée?“

Графъ Кламъ доказывалъ въ своемъ письмѣ, что княгинѣ Разумовской нечѣмъ будетъ жить, если у нея не будутъ другихъ средствъ

кромѣ того наслѣдства, на которое она разсчитываетъ. Иными словами, что пенсія ей необходима.

Въ виду такого положенія, князь Горчаковъ счёлъ болѣе осторожнымъ не обращать вниманія на переходъ князя Разумовскаго въ католичество и не упоминать о немъ вовсе въ своихъ оффиціальныхъ отношеніяхъ по поводу смерти князя и жалкаго положенія его вдовы. Случайно, на другой день послѣ кончины князя Андрея Кириловича, прибылъ въ Вѣну сынъ его родной племянницы, князь Василій Викторовичъ Кочубей. Узнавъ о смерти дѣда, онъ поспѣшилъ въ его домъ, чтобы поклониться его тѣлу и узнать, когда будутъ панихиды. Но его ввели въ комнату, полную капуциновъ, окружавшихъ тѣло новопреставленнаго князя, и отъ него не могли скрыть, что, передъ смертію, князь Разумовскій перемѣнилъ вѣру. Князь Кочубей былъ въ Вѣнѣ только проѣздомъ. Онъ свёзъ свою больную мать въ Италію и спѣшилъ обратно въ Петербургъ на службу. Извѣстіе о перемѣнѣ вѣры князя его очень огорчило, и, вернувшись въ Петербургъ, онъ не скрылъ этого ни отъ сестры князя, Натали Кириловны Загряжской, воспитавшей его мать и жившей въ ея домѣ, ни отъ другихъ близкихъ родственниковъ своихъ, прямо приписывая это позднее обращеніе интригамъ княгини Константины Осиповны и особенно ея сестры, графини Лулу Тюргеймъ. Такимъ образомъ, дѣло это стало извѣстно всему Петербургу и дошло до Императора Николая Павловича, которому отрицанія отъ православія были, совершенно справедливо, нестерпимы.

Между тѣмъ А. И. Рибопьеръ, узнавъ о кончинѣ князя Андрея Кириловича, поспѣшилъ распечатать оба пакета, врученные ему покойнымъ. Въ первомъ онъ нашелъ прошеніе на имя Императора Александра, въ которомъ объяснялось, что, въ силу малороссійскихъ законовъ и т. д.,—однимъ словомъ, то, что выражено было въ прошеніи, поданномъ, годомъ позднѣе, въ Веронѣ и которое приведено выше. Во второмъ же пакетѣ Рибопьеръ нашелъ слѣдующія, къ нему относившіяся, строки:

„Mon cher Ribeaupierre, puissent ces lignes ne point vous parvenir encore quelque temps, mais pour la tranquillité de mon âme je ne dois pas différer de les tracer comme si elles dussent vous être envoyées sur le champ. Elles se réfèrent à ce que je vous ai écrit au commencement de cette année. C'est mon dernier adieu, ma dernière bénédiction qu'elles vous apporteront. C'est le vœu de l'amitié la plus tendre pour votre bonheur; il accompagnera mon dernier soupir. Mon cher, mon excellent ami, en quittant la vie, je vous lègue, avec la plus entière confiance, le sort, le bienêtre de ce que j'ai de plus cher au monde, de ma bonne Constantine. Vous en accepterez la charge et

l'accomplirez avec ferveur. En douter, ce serait vous offenser, vous méconnaître. J'en emporterai l'entière conviction. Adieu, adieu encore une fois, mon cher, cher ami.

„Rasoumovsky."

При этой запискѣ было подробное прошеніе на имя Императора Николая Павловича, въ которомъ князь Разумовскій умолялъ, чтобы женѣ его оставили его пенсію и дозволили бы пользоваться въ теченіе двухъ лѣтъ доходами съ его имѣній. Рибопьеръ сдѣлалъ все, что̀ могъ; сообщилъ Императору Николаю всѣ бумаги, имъ полученныя, вслѣдствіе чего онѣ сохранились въ архивѣ. Словесно и письменно умолялъ онъ Государя, но могъ только добиться того, что княгинѣ Константинѣ Осиповнѣ назначена была по закону пенсія въ 10,000 руб. ассигнаціями, а въ полученіи, въ продолженіе двухъ лѣтъ, доходовъ было отказано. Всѣ имѣнія поступили въ казну и не могли даже покрыть наросшаго на нихъ долга. А между тѣмъ тѣло совращеннаго въ католичество князя Разумовскаго удостоили мѣстомъ въ фамильной усыпальницѣ Тюргеймовъ, возлѣ Швертберга. О погребеніи князя разосланы были объявленія слѣдующаго содержанія:

„Constantina-Domenica, Fürstinn Rasoumoffsky, geborene Gräfin von Thürheim, Sternkreutz-Ordens-Dame, giebt hiemit geziemende Nachricht von dem für sie höchst betrübenden Todesfalle ihres innigst verehrten und geliebten Gemahls, des durchlauchtig hochgeborenen Herrn Andreas Fürsten Razoumoffsky, Ritter der kaiserl. russischen Orden Grosskreutz des königl. ungarischen S-t Stephans-Ordens, kaiserlich russischen wirklichen geheimen Rathes und Senators etc., etc., etc., welcher am 23 September 1836 um 1 Uhr Morgens im 84-ten Lebensjahre an der Lungenlähmung selig im Herrn entschlafen ist.

„Der entseelte Körper wird am 25. September Abends in der eigenen Wohnung in der Stille eingesegnet, und dann nach Schwertberg in Oberösterreich, zur Beisetzung, in der gräflich Thürheimischen Familiengruft, abgeführt, am 26., 27. und 28. September aber werden von 10 bis 12 Uhr stille Seelenmessen in der Pfarrkirche zu S-t Sebastian und Rochus auf der Landstrasse gelesen werden."

Вскорѣ послѣ похоронъ въ Вѣнѣ узнали, что Императоръ Николай, извѣщенный о томъ, что князь Разумовскій, передъ своею кончиною, совращёнъ былъ въ латинство и похороненъ католическими ксёндзами, значительно сократилъ назначенную имъ первоначально пенсію вдовѣ князя. Графиня Лулу̀ Тюргеймъ явилась тогда къ князю Горчакову и объявила, что сестра ея не принимала никакого участія въ совращеніи князя Разумовскаго, и что она одна въ томъ виновна, а потому просила его, объяснить кому слѣдовало,

въ Петербургѣ, что сестра ея невинно за это страдаетъ. Князь Горчаковъ отказался на-отрѣзъ входить въ это дѣло, сказавъ, что Императоръ Николай никогда не измѣнялъ своихъ рѣшеній. Въ высшемъ вѣнскомъ обществѣ всѣ приняли сторону княгини Разумовской, и на одномъ вечерѣ княгиня Меттернихъ подошла къ князю Горчакову и стала его упрекать въ томъ, что его правительство относительно княгини Разумовской дѣйствуетъ скареднымъ образомъ. „Извините", отвѣтилъ на это князь: „княгиня Разумовская получила пенсію, которой въ Австріи удостоиваются только вдовы государственныхъ канцлеровъ [1])".

Не смотря на то, что дѣла князя Разумовскаго были такъ запутаны, что Батуринъ и Ропскъ, послѣ смерти его, достались казнѣ, и что пенсія, назначенная княгинѣ Константинѣ Іосифовнѣ, была незначительна, однако, какъ видно, она съумѣла устроить свои дѣла и даже сохранить много изъ тѣхъ вещей, которыя украшали домъ князя Андрея Кириловича. Самый домъ, весьма для нея выгодно, она продала князю Лихтенштейну и себѣ построила вблизи отъ Швертберга красивую виллу, которая, вмѣстѣ со всѣмъ ея состояніемъ, перешла къ ея воспитанницѣ Жеоржинѣ Актонъ, которую она выдала замужъ въ 1846 году, т.-е. десять лѣтъ послѣ смерти князя Андрея Кириловича, за графа Куртъ-Рейнике фонъ-деръ-Липпе-Вейсенфельдъ, принадлежащаго къ младшей католической отрасли еще княжествующаго въ наши дни, въ Германіи, мелкаго княжескаго дома фонъ-деръ-Липпе. Для сына графини Липпе княгиня Разумовская учредила даже майоратъ. До 1855 года княгиня Константина Іосифовна проживала въ Вѣнѣ; она поддерживала знакомство съ посѣщавшими столицу Австріи родными своего мужа и была гостепріимна и любима въ высшемъ вѣнскомъ обществѣ. Въ 1855-мъ году она простудила себѣ голову, и у нея сдѣлалось медленное размягченіе мозга, такъ что послѣднія 13 лѣтъ своей жизни она провела въ домѣ доктора психіатра въ Линцѣ, гдѣ и скончалась 7 октября 1867 года, на 82 году жизни. О кончинѣ ея извѣщено было слѣдующимъ объявленіемъ:

„Ludwig Egbert Graf und Herr von Thürheim, Freiherr auf Bibrachzell, Herr von Ober-und Niederreichenbach, Oberst-Erbland-Falkenmeister in Oesterreich ob der Enns, k. k. Kämmerer uud Major in der Armee, Chevalier de Justice des souveränen Johanniter-Ordens, Besitzer des Militär-Verdienstkreutzes, Ritter des königlich schwedischen Schwertordens, Besitzer der Herrschaften Weinberg, Schwertberg, Wartberg, Dornach und Pragstein, giebt im eigenen und im Na-

---

[1]) Разсказано автору самимъ покойнымъ канцлеромъ княземъ А. М. Горчаковымъ.

men seiner Geschwister: Maria Reichsfürstin von Starehmberg, gebornen Gräfin von Thürheim, Sternkreuzordens-und Pallastdame Ihrer Majestät der Kaiserin; dann Joseph Andreas Grafen von Thürheim Freiherr von Bibrachzell, Erbland-Falkenmeister im Lande ob der Enns, k. k. Kämmerer und Rittmeister in der Armee, Ritter des königlich preussischen rothen Adlerordens 3. Klasse, als auch im Namen der hochgeborenen Frau Gräfin Georgine von Lippe-Lippe und Biesterfeld, geborenen von Acton, Nachricht von der höchst betrübenden Hinscheiden ihrer inningstgeliebten Tante, beziehungsweise Adoptivmutter, und durlauchtigsten Frau Constantine Fürstin Rasoumoffsky, geborenen Gräfin von Thürheim, Wittwe Sr. Excellenz des durchlauchtigsten Herrn Fürsten Andreas von Rasoumoffsky, weiland kaiserlich russischen Botschafters, Grosskreutz etc. etc., welche nach Empfang der heiligen Sterbsakramente in ihrem 82 Lebensjahre am 7 Oktober um 1 Uhr Nachmittags in Folge Altersschwäche selig in dem Herrn entschlafen ist. Die irdischen Ueberreste werden am 10. October um halb 8 Uhr früh am Sterbehause erhoben und nach erfolgter Einsegnung in die Familiengruft nach Schwertberg überführt werden. Am 11. October um 10 Uhr werden in der S-t Mathias-Pfarrkirche die feierlichen Seelenmessen und in Schwertberg die Beisetzung und Exequien abgehalten werden.

„Linz. Den 9. October 1867.“

Графъ и графиня фонъ деръ Липпе-Вейсенфельдъ существуютъ понынѣ и жительствуютъ въ Грацѣ; у нихъ есть дочь — графиня Октавія-Лауретта-Каролина-Герминія, родившаяся въ 1851 году, и сынъ—графъ Эбергардъ-Конрадъ-Германъ, родившійся въ 1854 году. Всѣ они помѣщены въ первой половинѣ Готскаго альманаха, какъ меньшіе члены княжествующей фамиліи Липпе. Графъ Куртъ фонъ-деръ-Липпе, которому достался весь архивъ князя Разумовскаго, пожертвовалъ его въ государственный архивъ, за что былъ удостоенъ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ ордена св. Станислава I степени.

Конецъ четвертаго тома.

